А. Т. Кривоносов

Философия языка

Москва – Нью-Йорк

2012

А. Т. Кривоносов

Философия языка

Москва – Нью-Йорк

2012

Книга посвящена философским вопросам языка, а именно обоснованию природы языкового знака и, следовательно, природы языка Не раскрыв сущности языкового знака, невозможо познать также механизм взаимодействия языка с мышлением, сознанием, логикой, языком, речью, текстом, действительностью.

Языковой знак, как здесь доказывается, имеет четырёхуровневую структуру: материя (звуковая, графическая) знака **(1)** отражена в сознании челоевека в виде её абстрактного, идеального образа, логической *фонемы* **(2)**, которая по психической ассоциации условно связана с абстрактным, т.е идеальным образом внешнего предмета как логического *понятия* **(3)** от конкретного материального внешнего предмета **(4)**. Отсутствие хотя бы одного из этих уровней в языковом знаке лишает его знаковой сущности и, следовательно, исчезает язык.

Решая эти вопросы, автор наметил подходы к новому осмыслению сущности языка, понимаемого в традиции как некоей самостоятельной системы знаков, почти независимой от мышления и даже влияющей на него. В книге отражены не только различные точки зрения лингвистов, психологов, логиков, философов по обсуждаемым проблемам, но и намечены те основы, на которых должно строиться истинное теоретическое языкознание. Эта книга – новая оценка пройденного пути в некоторых областях теоретического языкознания, в том числе и попытка сбросить идеологическую шелуху с многих проблем теории языка.

Предлагаемое читателю исследование есть, во-первых, критический научный обзор, сопоставление, полемика, анализ, синтез различных точек зрения по всем обсуждаемым здесь проблемам, во-вторых, низложение теорий языка, не отвечающих сегодняшнему уровню развития теоретического языкознания. Все теоретические вопросы языка автор решает на основе диалектического закона взаимодействия двух фаз в мышлении – чувственного и абстрактного, которое проявляется в языке как взаимодействие двух различных фаз абстрактного мышления – семантической и логической. Данная книга – это не что иное, как попытка решения вопроса о сущности языка. Она, эта сущность, многими лингвистами до сих пор не понята. Автор стремится каждую обсуждаемую в книге проблему поставить на ноги, найти ей место в системе теоретических знаний о языке, что позволяет нам подойти к созданию цельной картины по обсуждаемым вопросам и помогает нам выйти на нужную и неизбежную для всех лингвистическую дорогу – понимания сущности языка.

Книга предназначена для лингвистов, логиков, философов, психологов.

(c) Кривоносов Алексей Тимофеевич, 2012

Моей жене Маине Борисовне Кривоносовой (Троицкой), вдохновителю и незримому соавтору, без чьей помощи эта книга была бы невозможной, а также моему внуку Nickolas Leonard Vaccaro.

Всё, что видим мы, – видимость только одна,
Далеко от поверхности моря до дна.
Полагай несущественным явное в мире,
Ибо тайная сущность вещей не видна.
(Омар Хайям)

Два мира есть у человека:
Один, который нас творил,
Другой, который мы от века
Творим по мере наших сил.
(Н. Заболоцкий)

Бери барабан в руки !
Бей тревогу сильней !
Вот – смысл честной науки!
Вот – смысл философии всей !
(М. Горький)

Сущность языка – в той мере, в какой она вообще может открыться, – „открывается“ не инструментальному, а философскому взгляду.
(Ю. Степанов)

Философия – это наука, показывающая мухе выход из мухоловки.
(Л. Витгенштейн)

Dixi et animam levavi. (*Сказал, и облегчил душу.*)
(Античная мудрость)

Предисловие.

Философское истолкование языка обычно вызывает у лингвистов некоторую настороженность и даже опаску. Поскольку лингвист плохо осведомлён в области философских идей, он склонен думать, что проблемы языка – это только чисто лингвистические проблемы о формах и отношениях в языке и философские проблемы, следовательно, не могут привлечь его внимание. Или, напротив, философа интересуют в языке главным образом такие явления, которые для эмпирического лингвиста не представляют никакого интереса. Нужно ещё добавить к этому – боязнь лингвистов к общим, философским обобщениям и, с другой стороны, нежелание логиков посмотреть, как логические формы мысли лежат в структурах естественого языка, из недр которого генетически вышла формальная логика.

Правда, есть лингвистичесие «философы», которые ищут философию в языке, но не там, где она лежит. В недавно вышедшем сборнике «Философия языка» под ред. Дж. Р. Сёрля (Москва, 2004), помещены статьи, посвящённые этой «философии»: проблемы разграничения «перформативов – констативов» (Дж. Л. Остин), о «намерениях и конвенциях в речевыых актах» (П. Ф. Стросон), «что такое речевой акт» (Дж. Р. Сёрль), «значение говорящего, предложения и слова» (Г. П. Грайс), «теория порождающей грамматики» (Н. Хомский), «теория врождённых идей» (Н. Хомский), «гипотеза врождённости» (Х. Путнам), «эпистемология» (Н. Гудман).

В чём же, по мнению указанных авторов, состоит смысл «философии языка» ? Как авторы сборника, так и его составители воображают, что они занимаются «философией языка». Разве в этих лингвистических фрагментах хотя бы приблизительно раскрыта философская сущность языка ? «Какова цель ... философии ? Показать мухе выход из мухоловки» [Виттгенштейн 2003 : 367]. «Итог философии – обнаружение тех или иных явных несуразиц и тех шишек, которые набивает рассудок, наталкиваясь на границы языка. Именно эти шишки и позволяют нам оценить значимость философских открытий [Там же : 288].

Однако естественные языки – уникальное философское явление, в котором проявляются все стороны диалектики как философской науки. Подлинные философские сокровища, лежащие в тайниках языка, всё ещё остаются скрытыми, о которых мы имеем весьма смутные, разрозненные представления.

* *
*

Огромная масса человеческого опыта, заложенная и зафиксированная в языке, не поддаётся никакому исчислению. Всё, что есть в национальном языке – это результат сотрудничества бесчисленных поколений людей. Система языка отражает результат совокупности зафиксированного опыта всех тех, кто участвовал в его создании. Благодаря труду языкового сообщества в течение тысячелетий, сотрудничества бесчисленного количества людей в общем деле, каждое поколение оставило свой языковой след, сохранило, приумножило, усовершенствовало то, что ему оставили его предки. Каждый народ, чтобы осмыслить и усвоить мир, создавал свой национальный язык в течение своей истории и закладывал в него то, что оказывалось пригодным и необходимым ему для становления и эволюции духовной и материальной культуры в соответствующих исторических, экономических и географических условиях среды. Из духовного наследия прежних поколений дошло до нас, нынешних людей, лишь то, что вылилось в окончательную языковую форму. А эта окончательная

языковая форма, совершенно различная от языка к языку, и родила в незрелых лингвистических умах теории, не раскрывающие сущность языка.

Всякая теория, если она хочет быть теорией, должна знать, что было до неё и какие постулаты послужили её становлению. Лингвиста, так же как и писателя, всегда поражало богатство его родного языка, имеющего в своём арсенале средства для выражения всех задуманных мыслей и идей. Но ещё больше их поражало то, что и другие, чужие языки – а им несть числа, – обладая, по крайней мере некоторые из них, таким же, но совершенно особым, своим собственным богатством, также хорошо служат людям, говорящих на этих языках.

В связи с этим возникает много вопросов. А что значит «хорошо служить людям» – воспринимают ли они через свой язык тот же мир, что и другие люди, говорящие на других языках, или иной мир ? Если тот же мир, то как разрешается противоречие между единством мира для людей всех наций и множеством национальных языков, как люди с разными языками обмениваются мнениями об одном и том же мире ? Как же совместить единство мира и мышления для всех людей Земли, с одной стороны, с существованием множества совершенно разных языков, с другой стороны ? Действительно ли люди, говорящие на разных языках, по-разному воспринимают и отражают мир в своём сознании, как утверждают авторы некоторых теорий ? В череде возможных вопросов, решающих проблему соотношения языка и мира, языка и мышления, одним из первых может быть вопрос: почему всё же существует множество языков, если мир един и физиологический механизм мышления и отражения мира в этом мышлении у всех людей тоже един ? И не менее важно: а где локализован этот «язык», или, например, где находится бесписьменный юкагирский язык, когда все юкагиры спят (число говорящих на этом языке – 250 человек) ?

Если дать языку тривиальное и избитое определение, которому уже тысячи лет – «средство общения», – то здесь неизбежен вопрос: что такое «общение», как оно происходит, какие механизмы в нём задействованы ? Разве «язык» сам по себе есть «средство общения» ? Тогда каков механизм этого общения, кого с кем, на основе чего ? Но ведь в «языке» есть, как считают, слова, а что они делают в «общении» ? Далее: «язык», как обычно считают, – это звуки и какой-то смысл, скрывающийся за словами и предложениями. В чём он держится, этот «смысл» как идеальное ? Как функция живого мозга может «содержаться» в слове, в неживой материи, в звуке, в букве ? Поскольку понятие «язык», хотя он изучается в лингвистике уже более двух тысяч лет, – остаётся предметом загадочным, то мы, обсуждая здесь проблему языка, всё время будем вертеться вокруг понятий «языка», «средства общения», «общения», «понимания», «познания» и со всеми вопросами, с ним связанными.

В книге я затрагиваю некоторые вопросы, никогда не бывавшие в поле зрения лингвиста и не интересовавшие языкознание. Но коль скоро «язык» – это объект с многими связями, науками, значит есть необходимость рассмотреть и это. Отсюда – необычные проблемы, не совсем привычные для лингвиста. Своеобразие этой книги состоит в том, что она построена вокруг существующих в языкознании, психологии, логике, философии проблем, теорий, гипотез, н е п о с р е д с т в е н н о связанных с теорией языка. В этих науках я нахожу то, что подрывает устои многих лингвистичесих гипотез. В книге отражена не только полемика о сущности теории языка, но и намечены те основы, на которых должно строиться истинное теоретическое языкознание. Эта книга – переоценка пройденного пути в некоторых областях теоретического языкознания, попытка сбросить идеологическую шелуху с многих проблем теории языка.

Несмотря на обилие и разнообразие направлений и целеустановок и появление новых течений в языкознании, всё же создаётся убеждение в том, что сам «язык», как

объект нашей науки, п о т е р я л с я в обилии подходов, теорий, методологий, а его и с т и н н а я с у щ н о с т ь в общем и целом ещё не понята и исследуется недостаточно. Общий итог развития сегодняшнего теоретического языкознания – некая сумма в значительной степени разобщённых подходов, методов, теорий. Традиционные проблемы языкознания (проблемы фонемы, слова, словосочетания, предложения, теории знака, структуры языка, взаимоотношения языка и мышления, языка и речи, языка и логики и многие др.) предаются забвению. Старые проблемы языкознания уже недостойны внимания лингвистов. А они, эти «старые» проблемы, принципиально не решены, и к такому утверждению можно прийти только на основе того, что нам до сих пор неизвестна с у щ н о с т ь я з ы к а, или иначе – что понимать под «языком».

Зарождение множества направлений в языкознании, с одной стороны, может быть в какой-то степени оправдано и способствует выявлению таких свойств языка, которые до сих пор были скрыты от не очень пытливого взора сегодняшних языковедов, но, с другой стороны, появление новых направлений в исследованиях языка создали иллюзию, будто сущность языка, его структуры уже познаны и лингвистам ничего не остаётся, как восторженно встретить появление «нового языкознания» и примкнуть к одному из «доминирующих направлений». Однако подавляющее большинство работ по этим вопросам носит обзорный, комментаторский характер, они неконструктивны, оторваны от эмпирического материала, в них отсутствуют сведения о фундаментальных свойствах языка, его единицах, его структуры, логико-грамматической структуры целого текста. И всё это преподносится, как правило, на основе английских терминов, заимствованных из зарубежного инвентаря. Морфологические, синтаксические, семантические, общеязыковедческие исследования в языкознании уступают место терминологически трудно перевариваемым лингвистическим сочинениям. Дар слова, как известно, не часто сочетается с силой мышления.

Вызывает сожаление тот факт, что новые лингвистические направления нигде не удостоились глубокого критического анализа и осмысления. Всё ещё отсутствуют обстоятельные оценки сегодняшнего уровня исследований в языкознании, открытые дискуссии и обсуждения по этим вопросам на страницах лингвистических журналов.

Мы оказались в языкознании м е т о д о л о г и ч е с к и б е з о р у ж н ы м и перед лицом новых течений и теорий, мы, оказывается, очень мало знаем о сущности языка – объекте и предмете нашей науки. И прежде всего о его месте в соотносительном ряду отраслей знания: «действительность – мышление – сознание – язык – логика – речь – текст». Только сопоставление точек зрения, вскрытие сущности различных теорий ведёт к постижению истины. Такой метод просто необходим – доходить до корней любой теории в языкознании, а значит – «спорить». То, что сейчас кажется истиной в последней инстанции в устах «признанных» лингвистов, при ближайшем рассмотрении оказывается ложью, и это происходит почти со всеми теоретическими проблемами языкознания.

Как понимается язык в современном языкознании ? Существуют сотни его определений, теоретических построений, фантазий о нём. Любой прохожий «знает», что такое язык. Если мы им зададим вопрос, а что такое «язык», то получим десятки ответов. Даже лингвисты не всегда видят природы того, что мы называем «языком». Очень важно не переставать задавать вопросы. Любопытство не случайно дано человеку, надо всегда сомневаться в очевидностях.

На современном уровне разработки методологических проблем нашей науки нужны обобщающие работы по языкознанию. Нужны новые методы, дающие новые результаты, а новые результаты порождают новые идеи. Разумеется, вполне возможно изучать и описывать язык сам по себе и для себя (эмпирическое языкознание). Но познать то, что мы называем языком, как уникальную общечеловеческую способность,

вне его связи со всеми смежными науками о мышлении, вне соотнесения механизма деятельности языка с механизмом деятельности мышления – невозможно.

Проблема взаимоотношения языка и мышления была и остаётся камнем преткновения для теоретического языкознания. На сегодняшний день теория языкознания не располагает достаточно убедительными сведениями о механизме связи между языком и мышлением: связь эта «неразрывна» в том смысле, что без мышления нет языка, а без языка нет мышления, или эта связь «разрывна» в том смысле, что или существуют какие-то фрагменты, аспекты мышления, не требующие языковой опоры, или существуют языковые конструкции, не несущие никакой мысли. Если утверждать первое, то мы должны признать, что не существует отдельно мышления и отдельно языка, а существует некий нерасчленённый, сплавленный феномен «язык - мышление», в котором язык равен мышлению, а мышление – языку. Если утверждать второе, то мы должны признать, что некоторые фрагменты мышления осуществляются также вне языковой опоры. И та, и другая точки зрения о взаимоотношении языка и мышления – а такие точки зрения существуют среди философов, психологов, лингвистов – ждут ещё своего изучения.

Познать тайны мозга – далеко не праздное любопытство. Эта проблема имеет огромное теоретическое значение для многих наук, и не в последнюю очередь для языкознания. Мы не располагаем однозначными сведениями о том, что такое язык на фоне мышления и что такое мышление на фоне языка. Лингвист тоже может, как и нейрофизиологи и нейропсихологи, изучать функциональную структуру мозга, но лишь с точки зрения употребления языковых структур. Языковед может ставить перед собой и такую цель: показать, какие структуры естественного языка находят своё отражение в логико-семантической структуре текста, как они привязаны к определённым структурам мыслительных процессов, к определённым формам мысли, а также исследовать взаимодействие между языком, действительностью, мышлением, сознанием, памятью, логикой, речью, текстом, т.е. «ничейную землю» на стыках между выше указанными областями, до сих пор остающуюся terra incognita.

Эта книга посвящена философии языка, подходы к которой частично заложены в работах отдельных лингвистов, психологов, логиков, философов. Действительно, что такое язык ? Но прежде чем ответить на этот вопрос, надо посмотреть, а что уже есть истинного и ложного в понимании языка таким, каким он есть, разумеется, истинного и ложного в понимании автора этой книги. Что такое язык – вечный вопрос, не решённый до сих пор, хотя эта проблема существует уже тысячелетия. Я в этой книге расчистил подходы к его пониманию и готов дать его основные характеристики. Книга посвящена не только критическому анализу и осмыслению давно ставшей традиционной и вечно дискутируемой теории «взаимоотношения языка и мышления», но и всех, связанных с нею, теоретических проблем языкознания.

Но книга не только об этом – внутри самой теории «взаимоотношения языка и мышления» проблему природы языка, без выхода за её пределы, решить невозможно. Книга одновременно посвящена и другому вопросу, подрывающему основы сегодняшней теории «взаимоотношения языка и мышления», – обсуждению сущности двухуровневого процесса мышления, раскрывающейся в языке в форме взаимодействия семантических и логических форм мышления. Страницы книги заполнены множеством научных фактов, приведённых в определённую систему, из различных областей знания – языкознания, логики, психологии, философии. Мне важно в этой книге не только показать ложность некоторых сегодняшних теорий «языка и мышления», но и очистить подходы к истинному пониманию сущности языка, показав, как не надо пони

м а т ь е г о п р и р о д у и, следовательно, его соотношение с указанными выше областями знания.

В книге поставлено много проблем, некоторые из них рассматриваются здесь в разных разделах в силу того, что они касаются разных сторон теории языка. Некоторые проблемы освещены подробно, некоторые вскользь, в том числе из таких наук, по ведомству которых я не числюсь профессионалом. Тем не менее, я касаюсь этих проблем, потому что все они, как ручейки, текут в один океан, называемый «языком». Языкознание считают наукой по преимуществу и даже чисто эмпирической, гуманитарной или исторической. Такая точка зрения в лучшем случае является наивной. « ... Если исследователь добросовестен и пытлив, он вынужден будет задуматься над общими проблемами языкознания. От теории никуда не уйти ни одному учёному» [Филин 1982]. Главное в книге – т е о р е т и к о - ф и л о с о ф с к и е р а з м ы ш л е н и я о том, что языка в принятом, обычном его понимании, не существует, и он должен быть передан в сферу мышления.

Общим местом в традиционном языкознании остаётся тезис о том, что существует «общечеловеческое» мышление, которое реализуется во множестве национальных языков. Однако ещё никто не показал и не доказал, что такое «общечеловеческое» мышление и чем оно отличается от «национального», индивидуального мышления, и в чём сущность этого отличия. Это, кстати, и явилось главной причиной того, что до сих пор лингвисты, психологи, логики, философы не до конца раскрыли тайну, как люди не только с разными языковыми системами, но и говорящие на одном и том же языке, без всяких затруднений понимают друг друга.

Я далёк от мысли, чтобы утверждать, что всё здесь сказанное – верно, целиком соответствует научной действительности. Но в главном я не ошибаюсь – в том, что о мышлении как о нечто аморфном и расплывчатом, всегда описываемом лишь в туманных словах, лишь каким-то краем касающегося якобы независимого от мышления языка, который в то же время считается чем-то самостоятельным и даже влияющем на это мышление, пора забыть. Наш язык, во-первых, это внутримозговые процессы взаимодействия нейронных клеток, во - вторых – это материализованный, внешне выраженный процесс мышления с помощью материальных знаков. Это всегда д в у х у р о в н е в ы й п р о ц е с с м ы ш л е н и я в виде двух его абстрактных форм – семантической и логической. В том, что мы называем языком, отражено свойство как семантического, языкового, знакового, так и логического мышления.

При анализе какой-либо теории я затрагиваю не только вопросы этой теории, но и другие проблемы языка. Это неизбежно. Я не только полемизирую с другими авторами, но и доказываю в необходимых для данного случая местах моё понимание данной проблемы. Я пытаюсь каждой обсуждаемой здесь идее н а й т и м е с т о в с и с т е м е теоретических знаний о сущности языка. Это позволяет создать более или менее цельную картину по обсуждаемому вопросу и помогает в конечном счёте выйти на неизбежную для всех лингвистическую дорогу – понимания п р и р о д ы я з ы к а.

Опираясь на теории различных лингвистов, логиков, психологов, философов я подвожу читателя к главной цели моей книги – к р а с к р ы т и ю с у щ н о с т и я з ы к а. Это неизбежно включает краткое рассмотрение различных современных лингвистических и философских теорий, не вписывающихся органически в теорию взаимодействия действительности, мышления, сознания, логики, языка, речи, текста.

Теоретическим языкознанием наиболее успешно можно заниматься, л и ш ь у с в о и в о с н о в ы логики, психологии, философии, т.е. основы «нелингвистических» наук, но прежде всего и безусловно в области их с в я з е й с естественным языком. Б е з э т о г о н е т т е о р е т и ч е с к о г о языкознания. Нельзя изучать язык как объект языкознания только в самом

себе, не выходя за его границы, которые нам, собственно, ещё неизвестны. Логика, психология, философия, как самостоятельные науки, занимаются своими собственными проблемами. Но когда представители этих наук берутся за обсуждения вопросов языка, они должны быть в определённой степени языковедами. Как верно и обратное: лингвист, изучающий теоретические проблемы языка, а это значит – пытается связать их с указанными науками, также обязан быть в определённой степени профессионалом в новой для него области связи этих наук с естественным языком.

Вся беда сегодняшнего теоретического языкознания в том, что представители всех четырёх смежных наук (языкознания, логики, психологии, философии), в ведении которых объектом изучения служит естественный язык, работают р а з о б щ ё н н о, сами по себе, и каждый из них не знает проблем других и не всегда понимает другого. Без помощи логики, психологии, философии может работать лингвист, занимающийся т о л ь к о чисто структурными, прикладными проблемами языка, вопросами эмпирического языкознания. Но уже выход в семантику (и частично – в синтаксис) требует помощи логиков, психологов, философов.

Данная книга является о б о б щ а ю щ и м к р и т и ч е с к и м исследованием работ по теории языка, опирающимся на достижения различных наук и их лучших представителей. Я здесь сделал попытку поставить и осветить многие теоретические вопросы взаимоотношения языка и мышления, явно видимые всеми, но в основном вопросы, не видимые многими. Этой книгой я хочу внедрить в сознание читателя идею о том, что в новейших теориях языка мы не обнаруживаем истины хотя бы в предпоследней инстанции. Этой книгой я хочу вернуть некоторых заблуждающихся лингвистов под истинный кров научного языкознания, а не упражняться в терминотворчестве, например, в «когнитивистике» и прочей эквилибристике. Браться за столь сложное предприятие, если к этому делу подойти с необходимой долей умственной инициативы, – не непозволительная дерзость, а научная необходимость разобраться в этом вопросе, найти первоосновы теории языка, без овладения которыми лингвисты ещё долго будут бесплодно барахтаться в поисках истины.

Чтобы разобраться в теории языка, надо прежде всего вскрыть его п е р в о о с н о в ы и с в я з и с другими науками и их проблемами. Специфика проблематики теоретического языкознания такова, что она связана с проблемой взаимоотношения языка и мышления, которая, в свою очередь, не изолирована от проблем теории познания, от проблем связи языка и действительности, от проблем взаимоотношения языка и речи, языка и текста, языка и логики, проблемы «муки слова». Следовательно, исследование попарного взаимоотношения каждого из этих понятий друг с другом (действительность, мышление, сознание, логика, язык, речь, текст) так или иначе связано с раскрытием сущности языка. Если это так, то на протяжении всего данного исследования, поскольку я здесь затронул все перечисленные выше понятия и всё, что за ними скрывается, я буду с о о т н о с и т ь указанные понятия друг с другом. Но лишь в той мере, в какой это необходимо, чтобы прояснить исследуемую проблему.

Моя теория языка, представленная в этой книге, – лишь первые намётки, лишь вершина айсберга этой сложнейшей проблемы. Это даже не вершина, а лишь маленькая площадка на этой вершине. Тот, кто хочет разобраться в теории языка, тот не может замыкаться в рамках самой теории, но должен volens nolens выйти за её пределы, а это значит – обратиться к другим наукам. Поэтому предлагаемое исследование – это, во-первых, своего рода критический н а у ч н ы й о б з о р, сопоставление, полемика, анализ различных точек зрения учёных смежных специальностей по всем обсуждаемым здесь проблемам, во-вторых, н и з в е р ж е н и е ложных теорий на основе всех обсуждаемых точек зрения.

1 сентября 2012 года, Нью - Йорк

Глава 1

О природе языкового знака.

§ 1. Четырёхуровневая структура языкового знака.

I. Языковой знак способствовал становлению Человека.

Язык – наивысшая форма способности человека, язык неотделим от сущности самого человека. Люди всегда воспевали могущество слова, языка, будто он создаёт реальность, отражает её, позволяет видеть то, чего нет, восстанавливает то, что исчезло. Нет силы, якобы, более высокой, чем слово, и всё могущество человека проистекает из слова. Благодаря языку возможен индивид, общество. Сознание ребёнка васегда пробуждается с овладения словом. Почему на языке основан человек и весь идеальный, второй мир, в голове человека ? Потому что язык есть наивысшая форма способности человека, неотделимой от сущности самого человека, от его способности к симолизации, т.е. представлять реальную действительность с помощью знаков, уставнавливать отношения между вещами, между людьми. Главное – материя знака ? Нет, главное то, что она символизирует в мозгу человека – понятия, суждения. Но и эти последние не могут существовать ни без внутренней материи, живой материи мозга, ни без внешней мёртвой материи, материи знаков.

Что такое языковой знак и какова его роль в мышлении и познании мира ? «Знак есть непосредственное созерцание, представляющее совершенно другое содержание, чем то, которое оно имеет само по себе» [Гегель, 1956, т. 1 : 256]. Гегель, великий диалектик, отрицает сходство знака и изображаемого им предмета. «Знак отличен от *символа*, последний есть некоторое созерцание, собственная определённость которого по своей сущности и понятию является более или менее тем же самым содержанием, которое оно как символ выражает. Напротив, когда речь идёт о знаке как таковом, то собственное содержание созерцания и то, коего оно является знаком, не имеют между собою ничего общего» [Гегель, т. 3: 265 - 266].

Как пишет Гегель, внутри знака как материи мы не найдём значения, как мы не увидим стоимости в «теле» товара. Не найдём значения и вне знака. Значение – не субстанция, а функция знака, имеет цель нести информацию о другом, отличном от него самого. Знак относит к чему-то другому, отличного от него самого. Предмет (в данном случае звук, буква, слово, – А.К.) в роли знака уничтожает своё «наличное бытие» и «даёт ему в качестве его значения и его души другое содержание» [Гегель, 1956, т. 3 : 266] . Само бытие знака – это «бытие для другого » и, овладевая знаком, мы овладеваем другим предметным содержанием, которое не является, однако, её собственной сущностью и к которому эта вещь относится, как чуждая. Но кроме того, она обладает также своим собственным значением, которое не связано с природой самого предмета, обозначенного этой вещью. Таким образом, обозначение произвольно. Знаком чего должна быть вещь – это в большей или меньшей мере дело соглашения (Convenienz)» [Гегель, 1973 : 40]. «Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с её природой. Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом. Точно так же и в денежных названиях – фунт, талер, франк, дукат и т.д. – изглаживается всякий след отношения стоимости» [Маркс, Энгельс, т. 23 : 110].

Сущность знака хорошо объяснил Поршнев. Между знаком и обозначаемым нет и не может быть никакой иной связи, кроме знаковой, всякая иная связь исключается, и это-то и конституирует знаковую функцию. Иначе между знаками не было бы свободной обмениваемости. Отсутствие всякой мотивированности есть железный признак знаков. Знаковая функция и есть образование связи между двумя материальными явлениями, не имеющими между собой никакой связи. Знаки есть нечто противоположное признакам, симптомам, показателям, естественным сигналам [Поршнев, 1974 : 130 – 131] . Далее Поршнев пишет: человеческие языковые знаки – это антогонисты тем, какие воспринимаются или подаются животными. Из этого вытекают некоторые следствия: 1) Знаки языка взаимозаменяемы, замещают друг друга, подменяют один другого. 2) У животного не может быть двух разных звуков для одного и того же состояния. А знак имеет эквивалент, однозначную замену, нет такого слова, которое нельзя было бы передать другими словами. Только благодаря отсутствию сходства и их причастности к изображаемым предметам они вступают в связи, отношения, операции между собой. Ничего подобного нет в синтаксисе пчёл и дельфинов. [Поршнев, 1974 : 132 – I40]. Знак есть сигнал, но лишь функционирующий в обществе, связанный с системой социально выработанных значений. Поэтому сигнал, например, на уровне коммуникации животных, не может быть отнесён к знаку» [Коршунов, Мантатов 1974 : 45].

Чем отличается «знак» как материя от других материальных вещей ? Он обладает особым свойством своей, приписываемой ему условной «идеальной формы», но хранящейся не в самом знаке, а в мозгу, и эта «идеальная форма» для человека есть универсальное средство аккумуляции всего многообразия содержания мира, духовной культуры, которая в психике человека отчуждена от материальной действительности и как бы представляет для человека вторую реальную действительность.

В знаковой деятельности мы оперируем лишь чувственно воспринимаемыми предметами вместо других. Это есть деятельность, целью которой является овладение другими вещами. Языковые средства служат заместителями объектов. Обозначая предметы с помощью словесных знаков, мы их делаем информативными и превращаем в средства коммуникации. Языковые знаки – фактор идеализации внешнепредметных операций, превращение их из материальных в идеальные действия, позволяющие схватывать объективное содержание, отражать внешний мир и служить средством организации своего и чужого поведения [Коршунов, Мантатов 1974 : 121].

Обозначение предметов с помощью знаков, а отношений предметов – в виде знаковых систем приводит к тому, что внешепредметная деятельность свёртывается, превращается в знаковую. Знак – не просто вещь, а определённое общественное отношение, скрытое под внешней материальной оболочкой. Знак вообще есть общественное отношение, связь людей через посредство знания, которое условно за знаком закрепляется и носителем которого он является. Возникнув в ходе трудовой деятельности как механизм регуляции поведения, знаковые системы с течением времени обособляются от непосредственного трудового процесса, служа в форме теоретической деятельности задачам познания внешнего мира. И только через это осуществляется их связь с общественно-производственной деятельностью. Всё это и заставляет рассматривать функции знаков в качестве относительно самостоятельных.

Как известно, Лапутянские учёные (См. «Путешествия Гулливера») объяснялись между собою с помощью предметов. Вместо слов они вынимали из мешков соответствующие предметы, которыми и демонстрировали свои мысли. Но можно ли вместить в мешок весь окружающий нас материальный мир и все наши нематериальные, абстрактные понятия типа *любить, гордиться* ? Для этого и существуют устные и письменные языковые знаки, наиболее экономное, надёжное,

рациональное средство общения, выработанное человечеством на протяжении тысячелетий. Стихийное изобретение языковых знаков было самым гениальным изобретением человечества. Знаковая природа языка способствовала превращению животного в человека.

Природа языкового знака есть исходный пункт лингвистического объекта вообще, т.е. того, что мы всегда называем «языком». Проблема природы языкового знака перерастает в природу самого объекта лингвистического анализа, основу всего теоретического языкознания. Знак и знаковая природа языка – это та роза в лингвистическом цветнике, на которой больше всего шипов. Выбор знака не основан на разумной норме, языковой знак произволен, немотивирован. Следствия этого определения неисчерпаемы, они подчиняют себе всю лингвистику.

В возникновении и развитии сознания человека знаки сыграли выдающуюся роль очеловечения актов сознания. Когда зачатки осознанного поведения соединились с мыслью при помощи знаков, то это обогатило мысли, его формы, структуру процесса мышления. Знаки позволили обобщать чувственные отображения и строить на их базе отображения логические. Оказывается, если под «язык» подставить «знаки», то знаки влияют на сознание путём обогащения нервно-мозговых связей, но и сознание влияет на знаки через появления новых знаков. Развитие и деятельность сознания – главное условие, вызвавшее перемены в системе знаков (в лексико-семантической системе языка), под влиянием общества. Но все эти обогащения, взаимовлияния в знаковой системе и, следовательно, в системе семантических значений, а значит и в системе логических понятий, происходит только через деятельность сознания. Сознание готовит понятия для их объективации внутри процесса мышления и правила их реализации вовне мозга.

Развитие сознания человека заложено в его физиологическом устройстве, во врождённой, данной от природы способности к овладению языком. Без знаков человек остался бы дикарём. Нельзя без знаков, слов общаться, овладевать сокровищницей человеческих знаний. Только языковой знак, звуковое и графическое его изображение есть главнейший в мире monumentum aere perennius («вечный памятник»), только знак лежит в основе становления человека и прогресса.

Знак – это заместитель. Но сразу же возникает вопрос: благодаря каким свойствам он – заместитель, и как он осуществляет такое замещение ? Всегда возможна двойственная трактовка сути знака. Первая функция – это нечто для себя, вторая – нечто для другого. Любой конкретный предмет функционирует только как предмет, как предмет в себе и для самого себя, языковой же знак функционирует как знак только для другого, благодаря абстрактным моментам, живущим в сознании, и в тесном взаимодействии с предметами, ассоциативно связанными с ними в мозгу. Это различие в знаке есть основное, философское различие между материальным и идеальным, более конкретно – между фонетикой и фонологией, между звуком (буквой) и фонемой (графемой).

Человек отличается от животных тем, что он живёт не инстинктами, а разумом. Но разум скрыт за толщей телесной оболочки. Поэтому человек должен иметь что-то, какое-то интеллектуальное средство. Для познания и общения нужен знак, который был бы одновременно чувственной и рациональной, абстрактной природы. Таким свойством обладает языковой знак, способный что-то означать, сообщать, но только в сознании по ассоциативной связи с реальным внешним предметом, и только потому, что эта ассоциативная связь локализована в мозгу. Знак – это способ теоретического освоения мира. В знаке *дерево* нет указаний на реальный экземпляр класса деревьев, он не связан с конкретным *деревом.* Но этот внешний материальный знак удерживает в мозгу все существенные признаки всех *деревье* мира. Поэтому знак есть представитель, имя,

вобравшее в себя все существенные признаки всех *деревьев*, т.е. он выступает как познавательный представитель единичного предмета *дерево* и как отчуждённая форма всех реальных *деревьев*.

Языковое сознание человека как отражение структуры мира не могло возникнуть без материи знаков. Прежде чем появиться, сознание прошло через психические и логические формы знака, превратившись в фонемы и понятия. Сознание, наука невозможны без понятий, которые приводят мир в определённую систему. Ведь количество предметов и их признаков неисчислимо, и они требуют обобщения под одним знаком нескольких понятий, число которых не может быть замкнутым целым. Сознание человека, наука дробят мир, чтобы снова сложить его в стройную систему понятий.

Знак вещи всегда демонстрирует эту вещь, вырывает её из смутного и непознаваемого потока действительности. Если мы обозначили данную вещь и назвали данную вещь, то уже тем самым мы сделали её предметом нашего ясного и расчленённого сознания, ощущения, мышления. Если предмет не обозначен, он для нас остаётся чем-то туманным, расплывчатым, неясным и даже несуществующим. Знак вещи или предмета взывает к нам о существовании этих вещей и предметов, повелительно требуя их признания. Переход чувственного образа предмета в логическое понятие об этом предмете, как высшей человеческой формы мысли, может совершаться только посредством знака языка, слова. Но сама материя слова, будучи произвольной, не создаёт понятия из чувственного образа. Это – обязанность мышления, работы нейронной системы.

Человек может судить о своих, но главным образом о чужих внутренних процессах не иначе, как только через знак и выносить продукцию этих умственных процессов мозга за его пределы только через знак. Другим способом обнаружить эти процессы невозможно, только так можно объективировать словом внутреннее душевное состояние человека. Через знаки человек объективирует свою мысль и тем самым имеет возможность задерживать свою мысль в мозгу и подвергать её обработке. Знаки – это орудия для совершенствования, оттачивания мысли, ставшие как бы внешним предметом по отношению к мысли. Объективируя мысль в слове, человек как бы смотрит на свою мысль (в тексте) или слушает свою мысль (в устной речи). Это можно сравнить, как пишет Потебня, со следами ног, отпечатанных на песке, их можно наблюдать, видеть, но это не значит, что в них заключена сама нога. В слове не заключена сама мысль, а только её идеальный отпечаток, который находится в сознании по ассоциативной связи с материей знака. Материализация мысли вовне есть также акт самопонимания.

Что является в знаке первичным – его физическая субстанция или его идеальная структура, образ ? Основная сущность материального знака – его материальный характер. А идеальные образы знаков в сознании говорящих являются лишь обычными психическими отражениями материального звучания и произношения, постоянно воспроизводимых. Если бы знак не существовал в материальной субстанции, никакой идеальный образ этого знака был бы невозможен.

Языковой знак – это природная материя, но такая, которая связана не только с чувственным мышлением – ощущением, восприятием, представлением, но, главным образом, с абстрактными формами мышления – с фонемами, морфонемами, понятиями, суждениями, умозаключениями. Знак – это материя, принявшая форму своего идеального образа. Знак – это естественная материя, идеальные следы которой ассоциативно отложились в нейронной системе мозга. Естественно, никакая внешняя материя не может быть втиснута в мозг, материя вводится в мозг только в виде её абстрактного, идеального образа, понятия, которое, однако, не есть принадлежность смого знака, а

собственность мозга. Поэтому всякие рассуждения о том, что язык имеет значения, что язык связан в миром непосредственно и отражает этот мир, что язык выражает мысли – это бабушкины сказки. Происходит лишь перевод материального мира в идеальный, психологический, следовательно, логический мир, в систему логических форм, творимых мышлением. При реальной коммуникации абстракция должна быть овеществлена, символизирована, реализована посредством какого-либо знака.

Язык отличается от других социальных установлений своей знаковой природой, а от других типов социальных знаков – спецификой своей структуры. Знаки языка в качестве материальных заместителей абстракций и эмоций в мозгу – это знаки сложных психофизиологических процессов мозга. Материальная характеристика знака приобретает социальную характеристику. Возникает важнейшая проблема отношения между знаком, т.е. языком и мышлением, как психическими ассоциативными отпечатками материи знаков в сознании, между материей знака и абстракцией, значением, семантикой и, главным образом, – между чувственным и абстрактным мышлением, их взаимопереходом.

II. Модель языкового знака.

Модели присутствуют во всём, везде, всегда. Например, вода является водой, т.е. самой собой, но это значит, что она есть модель или копия той основной модели, которая зафиксирована в химической формуле воды. Всякий знак есть тоже модель определённой предметности. Без обозначения вещи каким-либо знаком мы бы не только не знали о её свойствах, но не знали бы даже о её существовании. Модель сама по себе должна быть совершенно прозрачной. Только при этом условии имеет смысл сопоставлять её со структурой или с поведением объясняемого ею объекта. Вне своей объяснительной функции модель не имеет ценности.

Теоретическое языкознание – уникальная наука, она находится на пересечении путей многих наук, в том числе и биологии. Лингвистическая модель знака и её терминология вошла, например, в биологию в 1943 году благодаря работам физика Э. Шредингера, опубликовавшего книгу «Что такое жизнь с точки зрения физика ?» (Нью-Йорк, 1956). Почему сообщения, спрашивают биологи, записанные в биологических хромосомах, аналогичны сообщениям, записанным языковыми знаками ? Наследственность – это то же знаковое сообщение, но записанное в хромосомах, однако с использованием не идеограмм в виде звуковых и графических слов, а химического алфавита. Биологи считают, что среди всех систем передачи информации только генетический код и языковой код базируются на использовании дискретных элементов, которые сами по себе не имеют смысла, но служат для построения минимальных единиц, имеющих смысл, т.е. сущностей, наделённых собственным смыслом в данном коде.

Физические носители генетической информации в молекулах – хромосомная структура ядер молекул. Хромосомная нить создаётся малым числом исходных элементов путём их повторений и перестановок. Хромосомы содержат в себе в виде естественного шифровального кода весь план будущего развития индивидуума и его функционирования в зрелом состоянии. Полный набор хромосом содержит весь шифр, эта система функционирует по принципу знаков Морзе, достаточная для объяснения безмерного многообразия живого мира. [Жакоб Ф., ВЯ, 1992, № 2].

Эта природа объекта нашла отражение и в других науках. В генетике многообразие признаков живых организмов сводится к наиболее общим. Аналогичная мысль Р. Якобсона: «Можно сказать, что среди всех систем передачи информации только генетический код и языковой код базируются на использовании

дискретных компонентов, которые сами по себе не имеют смысла, но служат для построения минимальных единиц, имеющих смысл, т.е. сущностей, наделённых собственным смыслом в данном коде». [Якобсон 1985 : 393]. Лингвисту в этом надо разобраться и понять – какой в этом языковедческий, философский смысл ? Ведь это тот же принцип знаковой природы языка.

Напомню Соссюровскую теорию языкового знака, которая в основных чертах отразила диалектическую сущность знака. Это облегчит понимание представленной здесь мною теории знака. Соссюровская теория знака до сих пор по-настоящему не понята. Об этом свидетельствует великое многообразие точек зрения в современном языкознании, часто исключающих друг друга. Вот основные положения Ф. де Соссюра:

1) Языковой знак есть двухсторонняя психическая сущность. Язык – это система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа, причём оба эти компоненты в равной мере психичны.

2) Языковой знак связывает не вещь, а понятие и акустический образ. Этот образ – не материальное звучание, вещь чисто физическая, а психический отпечаток звучания, представление, получаемое нами об этом физическом звучании посредством наших органов чувств.

3) Звук, как чувственная природа, превращается в акустический образ, его идеальное представление.

4) Знаки – это материя, но они психичны, потому что сцеплены коллективным сознанием, согласием с предметами через психические ассоциации. Это абстрактные реальности.

5) Словесный образ не совпадает с самим звучанием и он столь же психичен, как и ассоциируемое с ним понятие.

6) Непосредственно наблюдать конкретные сущности или единицы языка невозможно [Соссюр 1977 : 51, 53, 99, 146].

Действительно, язык состоит из звуков, указывающих на разные предметы, которые он обозначает. Что общего между звуками и самими этими вещами ? Звуки речи – акустически - артикуляционное явление. А что акустического в предмете, обозначаемым этими звуками и этой артикуляцией ? В каждой языковой единице (морфеме, слове и т.д.) содержатся эти два, не сводимых один к другому смысловых плана – материальный и идеальный. Без этой двухплановости не существует языка. В знаковой ситуации материя слова не может просто указывать на предмет. В этом случае устраняется идеальное как результат отражательной деятельности мышления. Изымается и человек как субъект познавательной деятельности. Теряется различие между материей знака и объектом познания.

Звуковая материя, взятая вне установленного мыслящим субъектом отношения к другим явлениям, есть лишь природная материя. Звуки животных, природы и звуки человека, не соотнесённые им с какими-либо вещами, – одной природы. Эта звуковая материя существует вне сознания человека. Эта звуковая материя, чтобы стать знаком, языком, предполагает присутствие мыслящего человека, который устанавливает связь между двумя явлениями. Если допустить, что материальный знак отражает мир, то это уже не знак, не посредник между мышлением и миром, а сама материя знака выступает в функции мыслящего мозга. Материя знака есть лишь у с л о в и е осуществления и существования обобщающего образа реального предмета, возникающего в нейронной материи мозга.

Звук в знаке как материя н е с о в п а д а е т с самим знаком, ибо физический звук в устах человека столь же психичен, как и ассоциируемое с ним понятие: материя

слова и его значение (в мозгу) – одинаково психичны (это логические формы: фонемы и понятия). Все языковые знаки, как и любые материальные явления окружающего мира, отражаются в сознании человека в виде их идеальных образов, т.е. в виде мельчайших логичесуких форм – фонем и графем. Реальные предметы, как и языковые знаки, отражаются в сознании тоже в виде идеальных образов, называемых логическими понятиями. Однако те, и другие образы, т.е. и знаковые и предметные идеальные образы (фонемы и понятия) лежат в разных плоскостях, на разных уровнях.

Звук, знак, материя – это область чувственного мышления. А может ли человек непосредственно, своим мозгом, воспринимать материю знака в виде её физического звучания или написания ? Нет, только через абстрактные образы своего чувственного восприятия мира, как мышлением второго уровня или второй фазы человеческого мышления, основанной на первом, материальном уровне. Человек воспринимает материю предмета так же, как и животгное, через своё чувственное мышление. Но мышление животного на этом и останавливается – оно не переходит в идеальную фазу, хотя уже и существует, но лишь в зачаточной форме. Но для животного этот чувственный предмет – не знак. Если человек в материи знака, слова видит знак, значит он «увидел» в нём идеально представленный знак (фонему, графему) и реальный предмет в виде его логического понятия. Следовательно, материя знака должна быть преобразована, подогнана под идеальное, а это значит, что звук, буква должны быть преобразованы в фонемы, графемы, морфонемы, понятия.

Проблема знака сосредоточена в знаковой ситуации вокруг трёх понятий: звук – смысл – предмет, и вокруг их взаимоотношений. Вне материи нет знака, материальность есть обязательное, необходимое свойство знака. Но материя становится знаком, если она идеально представлена в мозгу человека и ассоциативно соотнесена с каким-либо внешним предметом. Тем самым у кусочка материи появляется идеальный образ, «значение», но оно не в материи знака, а в мозгу. Следовательно, при рассмотрении сущности языкового знака нас ждёт взаимоотношение следующих его аспектов: **(1)** физическая субстанция знака; **(2)** психическое представление об этой субстанции (фонемы или графемы) в сознании; **(3)** знаковая, абстрактная функция отражаемых этими знаками реальных предметов в сознании (понятия); **(4)** роль и место самих реальных, познаваемых явлений в знаковой теории языка.

Итак, в мозгу, в абстрактном мышлении человека соединяются две идеальные сущности – от материи знака (фонемы или графемы) **(2)**, и от материи отражаемой вещи, обозначаемой этим знаком (понятие) **(3)** , т.е. в сознании человека, в его абстрактном или логическом мышлении заложены два идеальных, логических образа как идеальные эквиваленты двух материальных вещей (от знака – это фонема, от предмета – это понятие).

Но так как мышление человека функционирует на двух уровнях – чувственном и абстрактном, и так как знаки языка проходят через обе эти фазы мышления, то фактически в мышлении объединены четыре сущности – две материальные и две идеальные, абстрактные, потому что знак и внешний предмет одновременно и материальны, и идеальны. Вот эти четыре уровня: **(1)** звуки, буквы как физическая материя (уровень чувственого мышления); **(2)** идеальное от материи знака (фонемы, графемы); **(3)** идеальный образ от отражаемого реального материального внешнего предмета **(4).** Идеальное от материи знака **(2)** совпадает с идеальным от матрии внешнего предмета **(3)**, например, идеальная форма цепочки фонем *дерево* **(2)** совпадает с понятием предмета *дерево* **(3)**, но только по названию, а не по сущности – слово *дерево* не есть само *дерево*. Связь в мозгу происходит между двумя идеальными образами (от знака и от предмета) на уровне абстрактного, логического мышления как

переход с уровня **(2)** на уровень **(3)**. На уровне же чувственного мышления мы видим, ощущаем, воспринимаем только физическую реальность – звуки и буквы слова **(1)** и реальный внешний предмет **(4)**. В мозгу они соединяются ассоциативной логической связью как переход с уровня фонем **(2)** на уровень понятий **(3)**.

Итак, знак четырёхсторонен, четырёхфункционален, и только в таком виде он есть истинный языковой знак, и только в таком виде он существует в мозгу. Хотя практически это никто не ощущает и ощущать не может: это внутренняя, тайная, стихийная работа нашего сознания. Но по другому эта структура знака и не может существовать. Это можно проверить на самом себе – может ли хоть одно из четырёх звеньев отсутствовать в знаке, когда человек пользуется языком в любой его форме (устной или письменной)?

Но одновременно эти четыре свойства знака можно рассматривать и попарно, но лишь условно, лишь в сравнительном плане. С этой точки зрения знак можно признать и двусторонним, и односторонним. Двухсторонен знак в том смысле, что он одновременно и материальное и идеальное, но материальное в нём находится «на воле», вне мозга человека, а идеальное в нём – только в «тюрьме сознания», как идеальный двойник материи знака. Знак можно признать и дносторонним, но только в том смысле, что и материальное в знаке, и материальное в отображаемом им предмете (*дерево*) обладают в сознании одной и той же природой по их названию – они и д е а л ь н ы. Но у них, однако, разное идеальное: от звука (буквы) – это *фонема* (*графема*), а от предмета – это значение, идеальное, т.е. *понятие*. Это две обычные логические формы, но разных логических уровней. Одно и то же свойство и материи знака, и реального предмета – это их идеальный образ в мозгу, обеспечивающий переход от чувственного мышления к абстрактному, и от абстрактного мышления к чувственному как процесс познания и коммуникации. Идеальные формы материи знака, т.е. слова, предложения – это единицы или формы мышления: фонемы, графемы, морфонемы, понятия, суждения, умозаключения. Если какие-либо акустические звуки или чернильные крючки пожелают быть для человека я з ы к о в ы м и з н а к а м и, то в иной ипостаси, кроме как в идеальной, мыслительной, логической форме в мозгу человека эти звуки и крючки не существуют, оставаясь природной материей.

Человек выполняет программу своих действий с реальными вещами заочно, не совершая никаких непосредственных материальных действий или манипуляций с этими вещами и не производя какие-то изменения в самих вещах, а производит лишь мыслительные операции. Это возможно потому, что идеальные образы реальных предметов объективируются во внешней материальной форме, опредмечиваются в материальных знаках. Специфика знаковой деятельности состоит в том, что мы будто оперируем, как кажется на первый взгляд, лишь чувственно воспринимаемыми предметами (материальными знаками – звуками, буквами в слове *дерево*) вместо других реальных предметов (*деревьев*). На самом же деле мы оперируем и д е а л ь н ы м и образами как тех, так и других в виде их л о г и ч е с к и х форм – первых в виде фонем и графем, вторых – в виде логических понятий. Это тоже предметная деятельность, но деятельность, ориентированная на мысленное овладение другими вещами, имеющая цель оперировать предметами вне самих непосредственно присутствущих, видимых, слышимых, ощущаемых, осязаемых предметов.

Языковые знаки служат заместителями объектов, к которым знаки отсылают. Лишь обозначая предмет с помощью словесных знаков, субъект делает их информативными и превращает в средства мышления, познания, коммуникации. Выполняя указанные функции, языковые знаки и выступают в качестве фактора идеализации внешних предметных операций, превращая их из материальных в

идеальные операции, позволяющие схватывать объективное содержание, отражать внешний мир и служить средством организации своего и чужого мышления и коммуникации.

Обозначение предметов с помощью знаков, а их отношений – в виде грамматических знаковых систем и структур, которые тоже суть логические фонемы и графемы – приводит к тому, что внешняя предметная деятельность свёртывается, превращаясь в знаковую. Знак не просто вещь, а определённое общественное отношение, скрытое под вещной оболочкой. Знак вообще есть общественное отношение, связь людей через посредство знания. Знаки – это не просто вещь, а средство знания, которое за знаком ассоциативно закрепляется в мозгу человека, носителем которого он является. Но знаки обособляются от реального процесса материальной деятельности человека и становятся формой его теоретической деятельности и коммуникации.

Таким образом, к сущностной характеристике знака надо отнести два его величайшие достоинства. Первое из них: ни его материальная субстанция (звуки, буквы), ни сущность обозначаемого ею предмета, представленной в её семантике, т.е. в логическом понятии (*дерево*), не имеют ничего общего с тем предметом, на который они направлены. И то, и другое, т.е. и имя знака, и имя предмета имеют знаковый характер, условны, идеальны, перенесены в мозг и преобразованы в нём из материального мира. Или, как говорил Маркс: «Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней». Второе достоинство знака: он создаёт условия свободного обмена мыслями, которые не связаны органически и необходимо с предметами, на которые материальный знак указывает, будучи представленным в мозгу идеально. Невозможно себе представить речь, в которой каждое слово «тащило» бы за собой, кроме указания на сам предмет, ещё и на все его качества, свойства, функции, которыми обладает данный предмет (а такая «научная» точка зрения существует в марксистском языкознании). И материя знака, и материальный предмет входят в мозг человека и продуцируются в нём на выходе в преобразованном виде, только в идеализированной, логической форме – звуки как фонемы, буквы как графемы, а предметы и вещи – как логические понятия.

В этом вся суть знаковости языка. И материя знака, и материальный предмет представлены прежде на уровне чувственного мышления, физической материей. И только в мозгу они становятся идеальными, представленными как логические формы. Нет никакой разницы между материальной формой знака (звуком, буквой) как его идеальной формой в мозгу (фонемой и графемой) и названием материального предмета как его логической формой (понятием). Это одно и то же, но одно и то же только по их названию, а не по их сущности и отражено в модели знака как **(2) → (3)**. Различие между ними состоит лишь в том, что в первом случае мы имеем дело с мельчайшей логической формой – фонемой или графемой от материи знака (в модели знака это – **2**), в другом случае мы имеем дело с более высокой логической формой – понятием о реальном внешнем предмете (в модели знака это – **3**).

Идеального в материи знака с самого начала нет, это обычная природная материя, которая преобразуется в идеальное только в мозгу человека и остаётся там на всю жизнь. Как только мы, вооружённые этой же знаковой системой, увидели, услышали и поняли, какая идея скрывается за этой материей, мы тотчас же поняли и эту материю как знак, но как знак только для нас, владеющих этой же знаковой системой. Материальное в знаке только кажется материальным этого знака (хотя на самом деле оно и есть материальное, его можно исследовать инструментально, опытным путём, и без физической материи язык невозможен), на самом же деле оно с

самого начала идеальное т о л ь к о для человека, владеющего данным языком. Для человека, не знающего данного языка, любое слово – лишь природная материя, а для з н а ю щ е г о э т о т я з ы к каждое слово соотносит идеальное, логическое понятие, выраженное в этом слове, с определённым внешним предметом, т.е. переходит с абстрактного на уровень чувственного мышления. Все знаки языка отпечатаны в качестве идеального отражения только в языковом сознании человека, знающего этот язык. Языковой знак выполняет знаковую функцию лишь потому, что он выступает в этой роли для с у б ъ е к т а, о б л а д а ю щ е г о м ы ш л е н и е м, и для с у б ъ е к т а, в л а д е ю щ е г о с и с т е м о й д а н н о г о я з ы к а, а вне человека нет знака – это лишь материя. Система идеальных сторон языковых единиц локализована в материи мозга человека, а вне мозга эта система материализуется как система слышимых и видимых знаков и в этой, уже материализованной форме, знаки выступают как идеальное значение, ассоциативно отпечатанное в сознании.

Что общего между знаками (звуками, буквами) *корова* и реальными *коровами* ? И те, и другие материальны, но чтобы те и другие отражались в мозгу, они должны быть преобразованы в их идеальные двойники. В то же время между знаками и внешними предметами существует различие: количество знаков ограничено в каждом языке, тогда как реальных предметов – безграничное множество. Это является следствием того, что языковые знаки условны, произвольны, не мотивированы, и они могут беспрепятственно обозначь любые предметы, синонимично заменяя друг друга. С этим связано также то, что знаки функционируют только в структурных, грамматических связях друг с другом.

Итак, языковой знак – четырёхфункционален. Что это значит ? Когда человек данного языкового коллектива слышит (видит) знакомое ему слово, он слышит (видит) прежде всего физическую материю знака. Почему оно ему знакомо ? Ведь один и тот же звук, одно и то же слово могут быть произнесены говорящим и пишущим на тысячи ладов, в зависимости от обстоятельств, от его интеллекта, ситуации общения и т.д., и тем более – разными людьми. То же самое происходит и с графическими знаками – невозможно встретить несколько одинаковых почерков. Но слушатель (читатель), тем не менее, узнаёт в разных, несколько отличающихся друг от друга звуках, буквах нечто постоянное, знакомое ему. Он узнаёт звуки и буквы не потому, что они в их материальной субстанции находятся у него в голове: реальную материю невозможно вложить в мозг, в том числе и потому, что мозг скрыт в черепной коробке. Звуки и буквы говорящего и пишущего превращаются в мозгу реципиента в их абстрактные двойники, идеальные, логические образы самого низкого уровня – фонемы, графемы, морфонемы, и более высокого уровня – понятия, суждения, умозаключения. Следовательно, природная материя языкового звука и языковой буквы – двухфункциональна: они и материальны, и идеальны. Но только для человека, в мозгу которого эти стороны знака связаны воедино как материальное в одновременно как его идеальное, и в мозгу которого это идеальное несёт какую-то идеальную, логическую информацию, т.е. является абстрактной, логической стороной данного знака, одним из понятий знакомого ему языка.

Чем порождается эта информация и что она обозначает ? Идеальная сторона знака есть одновременно и идеальная сторона реального, материального внешнего предмета. Услышав от говорящего или увидев напечатанное слово *дерево*, идеальное этого знака ассоциативно переносится на идеальное реального предмета, на реальное *дерево*, которое встаёт перед глазами или в его реальном воплощении перед окном, или в виде представления о нём. Идеальное материи знака переносится ассоциативно на идеальное реального материального предмета, т.е. перед нами цепочка мозгового восприятия

реального мира, состоящая из четырёх актов: материя знака **(1)** переносится на её идеальный образ в мозгу → **(2)**, который психически ассоциируется с условным, произвольным идеальным образом или названием внешнего предмета → **(3),** с которым ассоциативно связана материя внешнего предмета, т.е. сам реальный материальный объект → **(4)**. Материальный, звуковой или графический знак ассоциируется с реальным предметом через идеальные образы того и другого. Формально идеальный, логический образ знака *дерево* и реального предмета *дерево* – одно и то же. Но именно этот факт формального совпадения языкового знака, т.е. условного, произвольного имени, и реального предмета требует объяснений. Именно эта проблема до сих пор не понята в теоретическом языкознании.

Мы имеем дело, таким образом, с четырёхуровневой структурой модели языкового знака, состоящей из двух крайних, стоящих в начале и в конце модели, материальных объектов – **(1)** материи знака и **(4)** материи предмета, между которыми располагаются два их идеальных, абстрактных образа: **(2)** идеальный образ знака (фонема, графема) и **(3)** идеальный образ предмета (понятие). Модель знака предстаёт перед нами как четырёхуровневая материально-идеальная сущность. Все четыре уровни или элементы знака теснейшим образом, условно, по договору внутри общества, связаны между собою и предполагают друг друга. Знак – это диалектическое взаимодействие двух реальных, материальных объектов (знака – **1** и предмета – **4**) и двух идеальных, логических образов этих объектов (фонемы – **2** и понятия – **3**). Следовательно, материальное слово *дерево* становится знаком для материального предмета *дерево* лишь тогда, 1) когда оно поступает в мозг в виде абстрактного, психического, т.е. логического образа – фонемы, 2) когда оно обозначает реальный или мнимый предмет в виде его абстрактного, психического, логического образа – понятия. Понимание знака как четырёхфункциональной модели процесса человеческого познания и общения говорящего и слушающего, пишущего и читающего, и есть основной принцип теоретического языкознания и философии языка. Вот так, примерно, можно представить четырёхуровневую модель языкового знака:

Объект чувственного мышления

Материя знака (звука, буквы)	→	Идеальный образ знака (звука, буквы), фонема.	→	Идеальный образ предмета, понятие.	→	Реальный предмет
(1)		**(2)**		**(3)**		**(4)**

Объект абстрактного мышления

Обе идеальные стороны языкового знака, т.е. **(2)** → **(3)** в равной мере психичны. Это члены ассоциативной пары, оба идеальные ингредиенты и знака, и внешнего предмета, но они органически не связаны, они независимы друг от друга, связаны условно, по договору. Но став знаком как свободно объединённые логические элементы, они нерасторжимы для всех говорящих на данном языке, в данную эпоху. Если данное слово называется «языковым знаком», то только потому, что в него ассоциативно включен идеальный образ данного звука или буквы (фонема или графема)

и идеальный образ данного конкретного предмета (понятие). Поэтому термин «языковой знак» в реальности есть не что иное, как нечто целое, так как в него, в его материю ассоциативно, условно включено идеальное от материального знака и идеальное от внешнего материального предмета, но и то идеальное, и другое идеальное живут в мозгу. Связь между двумя идеальными, т.е. между **(2)** и **(3)** в модели знака, установленная по ассоциации одного с другим, незыблема, она установлена общественным договором исторически. Такое понимание языкового знака объемлет в себе всю философию языка.

Итак, между знаком (*дерево*) и реальным предметом (*дерево*) стоят два идеальных понятия: идеальное от материи знака (цепочка фонем, графем *дерево*) и идеальное от реального предмета (понятие *дерево*). В процесс познания и общения с помощью языковых знаков включена, таким образом, цепочка, состоящая из двух реальных, физических, материальных предметов (слово *дерево* и реальное *дерево*) – в модели знака это уровни **(1)** и **(4)** как две крайние, чувственные формы мысли – и из двух идеальных образов (цепочки фонем *дерево* и понятия *дерево*) – в модели знака уровни **(2)** и **(3)** как две условно между собою связанные, промежуточные, абстрактные формы мысли. Четырёхуровневая структура языкового знака должна пониматься так: **(1)** материальные *звуки, буквы* как объект чувственного мышления преобразуются в их идеальный образ в голове слушающего, читающего, т.е. в *фонемы* как объект абстрактного мышления → **(2)** , ассоциативно рождающие идеальный образ реального внешнего предмета, т.е. *понятие* как объект абстрактного мышления → **(3),** которое, как идеальное, переносится на реальный, материальный предмет как объект чувственного мышления, т.е. в виде ощущения, восприятия, представления → **(4)**.

В модели знака все четыре уровни взаимодействуют, и все вместе, и по отдельным парам, как **(1 → 2)** и как **(3 → 4)**. Я эти пары выделяю не случайно, потому что они отражают основной закон диалектики о взаимодействии материального и идеального. Переход **(1→ 2)** означает переход от чувственного мышления к абстрактному, от материального к идеальному, а переход **(3 → 4)** означает обратный переход от абстрактного к чувственному, от идеального к материальному. Например, материя знака (*звук, буква*), если это знак понимаемого мною языка, то он обязательно имеет свой идеальный образ в моём мозгу **(1 → 2)**, т.е. материальное переходит в идеальное (*фонема*). Взаимодействие уровней **(3 → 4)** означает, что идеальный образ реального предмета как абстрактное мышление (*понятие*) переходит в реальное ощущение, восприятие или представление об этом предмете, как уровня чувственного мышления. Взаимодействие уровней **(2 → 3)** означает, что идеальный образ материального знака (*фонема*) условно, по общественному договору становится одновременно идеальным образом (*понятием*) реального предмета. Это значит, что условный знак *дерево* (устный или письменный) есть по названию, только по имени, но не по его сущности то же самое, что и условное идеальное понятие *дерева*, растущего у меня за оном.

Но хочу подчеркнуть один важный момент, который извращён, в основном, в «марксистском языкознании»: хотя условный языковой знак *дерево* **(1)** есть то же, что и название реального предмета *дерево*, однако это последнее, т.е. название предмета *дерево*, есть лишь знак *дерево*, его название, но не само *дерево*, поэтому оно не отражает сущность реального *дерева*, а есть лишь условный указатель на данный предмет – *дерево* **(4)**. Материя языкового знака и материя реального предмета – одно и то же по названию, а не по сущности. Сущность же реального *дерева* изучают естественные науки, но только не языкознание.

Идеальное значение, т.е. понятие находится не внутри материального знака, он лишь указывает своей материей на ассоциативную связь с идеальным образом в мозгу. Для того, чтобы существовало идеальное, понятие, необходима его материальная, знаковая основа, носитель, а также присутствие человека, воспринимающего знак, интерпретатор знака, который интерпретирует эту идеальную ассоциацию со своим собственным пониманием этого значения. Идея, логическое понятие предмета находится в голове человека. Но и понятие материи знака, т.е. идеальный образ знака, фонемы – тоже в мозгу человека. Это одно и то же, но только по названию, а не в действительности. При переходе абстрактного, логического мышления (понятия) в чувственный образ реального предмета, мы видим его или в нашем представлении, или вооочию, выглянув из окна.

Так как языковой знак имеет четыре различных функции: материя знака вне мозга; её идеальный образ в мозгу (фонема); идеальный образ реального предмета в мозгу (понятие); материя внешнего предмета вне мозга **(1 → 2 → 3 → 4)**, то модель языкового знака можно представить как её тетралогическую, четырёхфункциональную сущность. Языковой знак и материален (вне мозга), и идеален (в мозгу). Внешний предмет, от которого ассоциативно, условно образован знак, тоже и материален (вне мозга), и идеален (в мозгу). Логическое понятие, как уровень абстрактного мышления, переходит на уровень чувственного мышления, т.е. к чувственному восприятию этого предмета, или воочию или в виде представления о нём. Обратный процесс: переход от чувственого к абстрактному, логическому образу.

Знак – это комбинация логического образа, т.е. понятия **(3)** от реального предмета **(4)** и акустического логического образа, фонем, графем **(2)** от материи знака **(1)**, и эта связь произвольна. Следовательно, знак произволен в целом, т.е. между звуком и реальным предметом нет никакого подобия. Например, знак *берёза* отражен в мозгу и как цепочка фонем, и как понятие. Звуки лишь условно указывают на понятие *берёза*. Следовательно, и само абстрактное понятие *берёза* от реального предмета *берёза* – условно. Материя слова – это произвольный знак, так как он не связан органически с понятием об этом объекте, которое, в свою очередь, тоже есть условный знак, ибо и оно, это понятие не связано с реальным предметом ничем, кроме условной, немотивированной связи.

Итак, идеальным свойством обладает не только материя языкового знака в виде цепочки фонем, но и сам материальный предмет внешнего мира в виде понятия. То же самое обязательно и в обратном направлении: от идеального в предмете к идеальному в знаке, обозначающему этот предмет. Между языковым знаком и внешним предметом, повторяю, существует четыре функциональных отношения: материя знака **(1)** → переходит в её идеальный образ (фонемы) **(2)**, → они переходят в идеальный образ внешнего предмета (понятие) **(3)**, → которое по ассоциации связано условной связью с материальным объектом **(4)**. Идеальное в знаке (фонемы) и идеальное в предмете (понятие) – одно и то же идеальное. Но в знаке оно отражает условно выбранную материю знака, а в реальном предмете оно отражает условно выбранное имя внешнего предмета, которое есть тот же знак.

Поэтому мы можем здесь раскрыть сущность старой байки «марксистского языкознания», основной марксистский постулат которого гласит, что «язык неразрывно связан с мышлением», «слова отражают то, что они обозначают», «между логическими понятиями с самими материальными объектами существует неразрывная и органическая связь», «название вещи отражает сущность самой вещи». Однако связь эта – не

необходимая, не безусловная, не органическая, а абсолютно произвольная и абсолютно условная и немотивированная.

Продемонстрирую это ещё раз на модели знака. По «краям» модели знака расположены две материи – **(1)** и **(4)**. В одном случае это материя знака, в другом – материя внешнего объекта. Между ними находятся два идеальных образа – **(2)** и **(3)**, символизирующих, как будто, но только как будто, одно и то же (например, *дерево*). Может быть поэтому у знака не четыре функции, а три ? Нет, четыре. Ибо два идеальных образа – **(2)** и **(3)**, расположенных между двумя материальными объектами, кажущихся одним и тем идеальным образом (*дерево*), на самом деле – разные образы. Первое **(2)** – это идеальное от материи букв, звуков, второе **(3)** – это идеальное от того же имени знака, но условно, по договору перенесённое на реальный предмет как его имя. Эти два идеальных образа – н о т о л ь к о п о н а з в а н и ю, а н е п о и х с у щ н о с т и – объединяют воедино материю знака и материю внешнего предмета. Они связаны, как будто, напрямую, непосредственно, без каких-либо посредствующих звеньев, без материи знака и без материи внешнего объекта, эта ошибочная точка зрения была и остаётся реальной для многих лингвистов. Но суть языкового знака состоит в том, что он есть материальный предмет, знак (слово *дерево*) **(1)**, условно указывающий на другой материальный предмет (реальное *дерево*) **(4)** через два их идеальных образа – **(2 → 3)**. Но сам себя этот знак не может связывать с предметом **(1 → .... 4)**, потому что между знаком и предметом стоит человек с его мозгом, с его абстрактным, логическим мышлением, который и устанавливает эту условную связь. Как мы видели, связь между знаком и предметом на самом деле не прямая, не непосредственная, а обусловлена сложными абстрактными, логическими переходами одного к другому, совершаемые сознанием человека. Ср. Ф. Соссюр: «Язык есть по своей природе система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла (т.е. идеального образа предмета, п о н я т и я, – А. К.) и акустического образа (т.е. идеального образа материи знака, ф о н е м ы, – А. К.), причём оба эти компонента знака в равной мере психичны» [Соссюр 197 : 53].

Теперь легко обнаружить, почему все мы так уверенно и совершенно ошибочно объясняем связь между материей знака и реальным предметом как связь непосредственную, прямую, органическую, без всяких промежуточных звеньев. Как совместить, связать физическую субстанцию знака (звук, букву) **(1)** с физической субстанцией реального предмета **(4)** ? Они лишь по названию одинаковы, но совершенно различны по своей физической субстанции и, следовательно, по своей сущности и функции в знаке ? Идеальное в обоих случаях – одно и то же. Но ведь материально, вещественно это разные объекты, с одной стороны, это звуки, буквы *лошадь*, с другой стороны – реальное животное *лошадь*. Этот парадокс поставил миарксистское языкознание в тупик, из которого они так и не вышли, полагая, что слова отражают сущность вещей и язык, следовательно, есть орган мышления и познания.

Если идеальные образы **(2)** и **(3)** знака *лошадь* и предмета *лошадь* совпадают, то должны совпадать и реальные *звуки, буквы* с реальным названием *животного*. Если идеальное в **(2)** и **(3)** совпадает, то это значит, что идеальное от названия, т.е. знака *лошадь* и от названия реальной *лошади* – одно и то же. Да, идеальное и там, и тут – одно и то же, но материальное в них – различно. И совпадают они лишь потому, что и знак, и предмет имеют одно и то же название. Совпадают только потому, что знаки – условны, не отражают сущности реальных предметов, любой предмет может быть обозначен любым условным словом, хотя некоторые лингвисты уверены в том, что язык отражает мир. Ведь в процессе познания и коммуникации устанавливается ассоциативная

связь прежде всего именно между условным знаком и выраженным этим знаком предметом, т.е. между двумя физическими, совершенно разными субстанциями. Это как бы видимая часть айсберга и в силу этого прямая и непосредственная связь между ними, как кажется, не только возможна, но и единственная. Однако существующая между ними связь не прямая, а косвенная, условная, по договору, устанавливаемая в мозгу, путём абстракции, на основе их психической взаимной ассоциации. Это промежуточное, т.е. идеальное, логическое звено между знаком *лошадь* **(2)** и предметом *лошадь* **(3)** мы не видим и не слышим, и о нём даже не подозреваем, но оно есть и оно записано в нейронных клетках. И оно есть главное, на чём держится язык. Ведь в процессе познания и коммуникации устанавливается связь именно между материей условного знака и материей предмета, т.е. чувственными образами выраженного этим знаком предметов. А абстрактное звено в механизме связи двух материй мы только подразумеваем, так же как и, например, траекторию полета снаряда: её не видно, но она есть. Это идеальное промежуточное звено, эта «абстрактная траектория» и есть абстракция от знака *лошадь* **(2)** и реального предмета *лошадь* **(3)**.

Знак тогда знак, когда через него воспринимается и значение отражаемого предмета (абстрактная форма мысли) **(3)**, и сам предмет (чувственная форма мысли) **(4)**. Значение, т.е. идеальная форма мысли и сам предмет как объект чувственного восприятия, отражаются разными уровнями мышления, первое – абстрактным, второе – чувственным. Материя знака есть опора для данного значения. Ассоциация звука и значения настолько тесна и постоянна, что одно из них немедленно вызывает другое: но связь эта тем не менее произвольна в силу того, что языковой знак и реальный предмет – разные материи и у них нет ничего общего, ибо они связаны лишь условной, не необходимой для данного общества связью. Знак и ассоциированный с ним предмет связаны неразрывно в силу общественного договора для данного народа и в данное время.

Я подчёркиваю: знак представлен как материя в виде звуков и букв на бумаге и в звуковых волнах, а его идеальный образ – в мозгу. Реальный внешний предмет тоже имеет две стороны – это сам материальный предмет (*дерево*) как его чувственное восприятие человеком, и идеальный образ этого предмета как абстрактное мышление, в виде его понятия. Но этот идеальный образ предмета (растения *дерево*) является одновременно и знаком, и идеальным прообразом материи знака (слова *дерево*). Следовательно, материальный знак и предмет ассоциативно связаны друг с другом через их идеальные, абстрактные логические понятия, локализованные в мозгу.

Между материей слов **(1)** и идеальной мыслью о ней, выраженной в форме фонем **(2)**, нет ничего общего, точно так же, как и между материей знака **(1)** и его ассоциативным внешним предметом **(4)**. В обоих случаях это разные объекты. Звук сам по себе, как материя знака, неспособен своею материей передавать такую бы то ни было информацию о своей собственной материи. Необходимо посредствующее звено между материей знака и материей внешнего предмета, которое могло бы передавать информацию от одной материи к другой, потому что информация может быть только идеальной, логической, а мёртвая материя мыслить не может. Материалистическая диалектика раскрывает взаимодействие противоположностей, разрешение противоречий между ними через посредствующие звенья **(2 → 3)**. Это ключевой момент в понимании диалектического противоречия. Промежуточные звенья сочетают в себе свойства противоположностей, противоречия между которыми разрешаются только на уровне промежуточных звеньев. Материальное и идеальное образуют тождество именно потому, что между ними

есть связующие звенья. «Опосредование есть само непосредственное единство». [Гегель 1972 : 301].

Принципиальная схема взаимодействия четырёх уровней модели знака в реальной жизни может выглядеть так. Я еду в вагоне поезда, мимо проплывают луга. Я говорю спутнику: *лошадь*. Что происходит у меня в голове ? Я вижу **(4)** *предмет лошадь* (это моё чувственное мышление) и знаю, что этот предмет называется **(3)** логическим понятием *лошадь*, т.е. перевожу чувственную форму мысли в абстрактную. Я нашёл этому животному нужный материальный знак русского языка, прочно усвоенному мною ещё с детсва, как цепочку **(2)** фонем *лошадь*, которая моим мозгом через мои органы речи преобразована в **(1)** звуковой знак *лошадь*. Собеседник, услышав материю знака *лошадь* **(1)**, понял, что это знакомая ему цепочка фонем, фонемный ряд *лошадь* **(2)**, обозначающий знакомый ему предмет, имеющий название или логическое понятие *лошадь* **(3)** и представил её себе в своих воспоминаниях, не видя её, как **(4)** чувственный образ *лошади*, или увидел живую *лошадь*, пасущуюся на лугу **(4)**. Совершающийся в моём мозгу переход от видимого мною предмета в его понятие **(4) → (3)** – это переход чувственной формы мысли в абстрактную, а переход в мозгу моего собеседника от услышаного от меня понятия **(3) → (4)** – это переход абстрактной мысли в чувственную.

Это позволяет нам установить границу между чувственным и абстрактным мышлением чловека. Воспроизведение определёной последовательгости всех четырёх уровней знака в сознании человека позволяет установить две цепочки в последовательности уровней в знаке, которые могут символизировать и чувственное и абстрактное мышление человека: цепочка уровней у говорящего **4 → 3 → 2 → 1** начинается с чувственной формы мысли, а цепочка уровней от слушающего **1 → 2 → 3 → 4** начинается с абстактной формы мысли, т.е. первая цепочка – переход от чувственного мышления к абстрактному, вторая цепочка – переход от абстрактного мышления к чувственному.

Теория четырёхфункциональних языковых знаков оказалась своеобразной теорией, и именно первоосновой теории языка, где всё представлено как бы в чистом, идеализированном виде. Это объекты, которых на самом деле как будто бы и нет, но с их помощью описывается, изучается и на основе их и существует язык, они служат для представления реальных объектов в мозгу. Идеализированные объекты – это выделенные учёными из реальных вещей их закономерности в их чистом виде. Поэтому идеализированные объекты предстают перед нами как своеобразные модели – в данном случае четырёхфункциональная модель языкового знака, – которые отражают реально существующие закономерности и служат нам для познания сущности языка.

Идеальное от реального предмета находится в мозгу, оно произвольно, и в то же время жёстко связано с материей языка, оно не может ни возникнуть, ни существовать без материального знака. Имеет место отношение взаимообусловленности: идеальное в мозгу, рождённое до знака или вместе со знаком, обусловливает рождение языковых звуков вне мозга, а звуки материи обеспечивают вынос идеального за пределы мозга в виде его психических ассоциативных связей с внешними предметами. Для звуковой материи языка необходимы психологические ассоциации, значение, чтобы они вызывали всем известное значение, а оно как идеальное предполагает наличие мыслящего субъекта, который преобразует природную материю звука в абстрактные образы языка. Материя звука как знаковая материя языка существует вне сознания человека, а остаётся в мозгу как ассоциативное значение данного звука. Но значение, понятие, идеальное не может быть отторгнуто от сознания, оно не существует вне субъекта, оно не переходит

в материю знака, а остаётся в мозгу как ассоциативное, понятийное значение данного звука, остаётся навсегда, доколе это позволит долговременная память.

Значение как идеальное находится в сознании субъекта. Если бы не было средств для того, чтобы вывести его наружу, в интерсубъектную область, воплотиться в материи знаков, в природной материи звука или буквы, оно бы не только лишилось возможности развиваться, но и не могло бы возникнуть и существовать. Следовательно, значение не может находиться вне сознания субъекта. На самом деле значения – только в сознании как идеальные образы объектов материальной действительности. Субъект преобразует идею в звук, а звук – в идею. Так совпадают противоположности, образуется их тождество, но только благодаря работе мозга. Мыслящий субъект явился тем «известным условием» (Ленин), при наличии которого явление превращается в свою противоположность – сущность : природная материя становится как бы неприродной, т.е. становится материей языка, а это значит – рождается в мозгу в виде своего идеального отпечатка.

Материальная форма языка изваяна материальной природой, конкретнее – живым мозгом и его органами речи, материя языка является микроскопическим отпечатком материального мира. И в то же время материальное языка невозможно вне идеального, находящегося в мозгу, иначе природная материя не становится языковой материей. Без идеального это уже будет не материальная форма языка, а обычная природная материя – свист ветра, гром молнии, скрип немазаной телеги. Звучащая и написанная речь есть посредствующее звено, через которое языковая материя превращается в мозгу – в идеальное, в значение. Но и значение, идеальное как функция мозга не может существовать вне акустического (графического) образа, именно идеального образа материи знака, которое порождено материей мозга. Акустический (графический) образ знака есть посредник, звено, через которое идеальное в мозгу (значение) связано с языковой материей и ассоциативно как бы «переходит» в знак, но всегда оставаясь только в мозгу. Значение, идеальное в мозгу превращает природную материю в звуковую, буквенную материю языка. Но звуковая, графическая материя языка продолжает существовать объективно (на плёнке и на бумаге), т.е. вне сознания человека. Идеальное существует только в мозгу, оно не переходит в материю языкового знака: звук, буква находятся вне сознания, но их идеальные образы, значения – в мозгу.

Тогда возникает вопрос: как происходит слияние звук (материальное) и значение (идеальное) в единство ? Ведь это подрывает статус их диалектической противоположности как единой сущности. Языковой знак как бы несёт в себе печать идеального, продукции мозга, т.е. звук содержит в себе идеальное как бы в виде «условных следов» его присутствия. Но эти кажущиеся «следы» и их «присутствие» вводят лингвистов в заблуждение: считается, что в самом слове содержится и материальное, и идеальное. Поэтому иллюзорное наличие и идеального и материального в самом знаке вводит лингвистов в заблуждение, оправдывая рассмотрение языка как «средства обмена мыслями».

Если знак – только материя, значит это не более чем природная материя (природа всегда первична !), следовательно, природные объекты являются первичными по отношению к сознанию и в то же время независимы от него. Но язык – не голая звуковая материя. Если звук начинает употребляться для чего-то, он как бы теряет свою природную объективность. Звук соотносится с некоторым явлением, с которым у звука нет причинно-следственной связи. Эта связь устанавливается условно, человеком. Использование звука субъектом превращает звук из чисто природной материи в потребительский знак. Звуку придаётся новое качество – знаковость, сигнальность. Звук становится представителем не-звука и для субъекта превращается в знак. Так звук из

области чистой природы попадает в область интеллекта. Происходит распредмечивание звука и звук или буква поступают в интеллектуальную собственность людей на вечное пользование.

Значение как идеальное немыслимо вне и без своей чувственно выраженной материальной основы. Оно произвольно и в то же время жёстко связано с материей звука, ибо не может ни возникнуть, ни существовать без неё (если не учитывать «авербального мышления»). Следовательно, происхождение и функционирование значения как идеального обусловлено и работой нейронных клеток, и наличием материи звука. Таким образом, существует взаимозависимость идеального и материального: идеальное обусловливает наличие языковых звуков, а звуковая материя обеспечивает ассоциативную связь с идеальным, значением. Идеальное немыслимо не только вне своей материи мозга, но и вне материи языкового знака. Оно не возникает и не существует без звуков (букв), нет иных материальных средств, чтобы «собрать» отдельные мысли в единство, держать их и передавать поколениям. Но происхождение идеального – не в звуках, а в нейронах мозга. Следовательно, существует взаимозависимость идеального и материального только под эгидой и руководством мозга.

В языковом знаке нельзя разъять материальное и идеальное, которые суть и тождество, и различие. Языковой знак – сплошное противоречие: 1) эти два момента – материальное и идеальное – взаимоисключающие, 2) но языковой знак существует благодаря утрате им этих противоположностей как самостоятельных, благодаря их слиянию в тождество. Языковой знак становится как бы и не материальным, и не идеальным объектом. Эти два свойства знака означают постоянный переход одного в другое. Эта противоположность фиксируется лишь в теоретическом анализе, который, чтобы понять их механизм, искусственно расчленяет их. Ассоциативный отпечаток идеального в звуке знака **(2)**, ассоциативный отпечаток идеального в названии реального предмета **(3)** есть те а с с о ц и а т и в н ы е п р о м е ж у т о ч н ы е з в е н ь я между материей знака и материей предмета, через которые о с у щ е с т в л я е т с я а с с о ц и а т и в н а я в з а и м о к о о р д и н а ц и я между двумя физическими субстанциями – языковым знаком и реальным предметом. Ленин подчеркивает слова Гегеля: «Трудное и истинное заключается в том, чтобы показать, что то, что есть иное, есть то же самое, а то, что есть то же самое, есть иное, и именно в одном и том же отношении» [Ленин т. 29 : 85]. Роль языковых знаков заключается не только в том, чтобы служить инструментом рождения мыслей, но и в том, чтобы быть посредником между реальным миром и мышлением, конкретнее – между идеализированными образами искусственной, произвольной материи и идеальными образами реальных предметов внешнего мира.

Материя языковых знаков служит посредником между идеальным знака и идеальным предмета. Мышление, хаотичное по своей природе, нуждается в приручении и упорядочивании. Между материей звука и реальным предметом есть связь, но условная, по договору. Но связь эта внешняя, а внутренняя связь между тем и другим – это связь идеи от звука (фонемы) и идеи от предмета (понятия). Идеальное от звука (фонема) закрепляется этим звуком, а звук ассоциативно указывает на своё идеальное. Идеальное от внешнего предмета (понятие) закрепляется в звуке через его идеальное (фонемы). А идеальное от предмета закрепляется в идеальном от звука и становится самим звуком.

В языковом или знаковом сознании присутствуют все четыре звена или
уровни модели знака. Единство мыслительно-речевой системы проявляется в том, что во всех актах речевой деятельности участвуют все звенья модели знака. Возможность абстрактного мышления обеспечивается материей знаковых, языковых единиц, которая служит посредником между субъектом и объектом. К функциям знаковой системы

относятся, кроме звуковых и зрительных раздражителей также кинетические раздражения, идущие в кору головного мозга от функционирующих органов речи. Круговорот речи находится в мозгу говорящего **А**, у него в языковом сознании живут единицы сознания – фонемы, графемы как обстрактные формы знаков. Они синтезируют в сознании соответствующие акустические и графические образы. Это процесс чисто психический. Далее следует физиологический процесс: мозг передаёт органам речи, руке импульс, соответствующий этим образам. Затем звуковые и визуальные волны распространяются через воздушную, графическую среду от **А** к **Б**. Это процесс чисто физический. Далее информация поступает из мозга **Б** в мозг **А** в обратном порядке.

III. Свойства языкового знака.

1) Сущность знака – замещение другого предмета.

Основная функция знака заключается в том, что он представляет, замещает нечто, находящееся вне этого знака и той знаковой системы, к которой он принадлежит. Возможность обобщённого мышления обеспечивается материей знаков, которая есть посредник между познающим субъектом и познаваемым объектом. Отсюда следует, что процесс мышления носит независимый, самостоятельный характер относительно внешней среды. Функция знака – представлять, замещать другой предмет, он есть знак чего-то. Наряду с материальной действительностью, независимой от человека, существует материальный мир знаков, зависимый от человека, но независимый от того, какой объект называется тем или иным знаком. Но материя всех национальных языковых знаков представлена в головах людей только в идеальной форме этих знаков – в виде фонем (графем), которые условно связаны ассоциативной связью с понятиями о реальных предметах. Эти две абстрактные логические формы (фонемы и понятия) и есть своеобразное отражение, обозначение и представление материальной внешней действительности, находящейся в сознании человека в виде её идеального двойника. Кроме материи мира есть материальные знаки, они тоже материя мира, но преобразованная в мозгу в идеальную действительность как мой второй мир. А материя языковых знаков есть внемозговая одежда этого второго, идеального мира, живущего в сознании человека.

Основная функция знаков – это знаковое отношение к обозначаемым объектам действительности и их роль как инструментов мозга для отражение этих объектов в сознании говорящих. Отражение объектов в сознании есть их семантические или, что то же самое, логические значения. Психические отражения обозначаемых объектов в сознании человека через языковые знаки есть философская основа диалектико-материалистической природы языкового знака. Языковой знак, взятый сам по себе, мёртв, он живёт только в своём употреблении, т.е. во взаимосвязи данного понятия с данным предметом, но к этой взаимосвязи одного с другим должен прикоснуться мозг, вооружённый этой же знаковой системой. Знак сам в себе не несёт признака «знаковости», он должен быть соединён с сознанием, владеющем данной языковой или знаковой системой. «Знак в слове есть необходимая (для быстроты мысли и для расширения сознания) замена соответствующего образа или понятия; он есть представитель того или другого в текущих делах мысли ... » [Потебня 1958 : 18].

Понимание природы знака так, как он представлен мною в данной работе, имеет далеко идущие последствия. То, что считают его идеальной стороной, находится не в материи знака, а в материи мозга, отделено от материи знака, позволяет человеку абстрагироваться от реальных вещей, переводя своё чувственное мышление на более высокий уровень – уровень абстрактного, логического мышления и обратно – в

чувственное мышление. Именно знаковая природа слов, всего языка позволяет человеку оторваться от непосредственного созерцания предметов и манипулировать ими в их отсутствие, идеально, по своему желанию связывая знаки в различные комбинации. Без знаков мы остались бы на уровне животных, отражая мир лишь в нашем чувственном мышлении. Переход же к абстрактному, логическому мышлению возможен лишь на основе существующих немотивированных, произвольных знаков, связанных с вещами и предметами не органически, а условно, произвольно, по договору.

2) Языковые знаки – продукт общественной практики человека.

Знак, как объект восприятия, материален, но он функционирует лишь в результате его абстрактного, идеального осмысления, его интерпретации как языкового знака в сознании человека. Это осмысление достигается в результате общественной практики человека, на основе его общения с другими людьми. Понимание знака определяется включением его в систему знаков, т.е. в результате соединения одного знака как четырёхуровневого структурного элемента с множеством себе подобных четырёхуровневых знаков. Хотя знак – порождение коллектива, однако мыслительная деятельность вполне внутренняя, индивидуальная, субъективная. Но вынесенная в слово мысль становится чем-то внешним, становится объектом, как бы внешним «предметом» для себя самой и посредством слуха или зрения уже как объект возвращается к своему первоначальному источнику. Слово есть отпечаток не самого предмета, а его идеального отражения в сознании.

Реальность знака – в его понимании всеми. Знак без работы сознания людей – простая типографская краска или пустой звук. Но система знаков как язык не имеет отражательной функции. Если знаку приписывать отражательную функцию, то это приводит к смешению языка и мышления под видом установления их единства. Это приводит к подмене гносеологических вопросов лингвистическими или вопросы гносеологии считают лингвистическими. Язык, по выражению Маркса, – «непосредственная действительность мысли», т.е. объективное, материальное явление, «отягощённое» сознанием. Это не означает, как пишут многие лингвисты, что язык и мышление неразрывны, нерасторжимы. Эти слова Марса означают дишь одно: мысль проявляет себя, обнаруживает себя только через воспринимаемый человеком звук и букву. А «неразрывность» языка и мышления тут не при чём, её нет и по определению быть не может, и только потому, что языковой знак – категория условная, немотивированная, а мышление, как идеальный образ материи знака, фонемы **(2)** и как идеальный образ внешнего предмета, понятие **(3)** находятся только в сознании.

Звуки и буквы – представители мысли, идеальным в знаках является лишь идеальный образ материи знака, хранящийся в сознании, материя предметов живёт в мозгу тоже в виде их идеальных отпечатков. В этом отношении слово не отличается от любого другого материального предмета, воспринимаемого органами чувств. Но своеобразие слова, в отличие от внешних предметов, заключается в том, что оно сопровождается пониманием, т.е. установлением связи этого слова с определённым понятием, локализованным в голове человека, условно и навечно связанным с определённым предметом.

3) Различная реализация материи знака унифицируется его идеальной формой.

Каждый знак как физический объект имеет неповторимые индивидуальные звуковые и графические свойства. Но так как среди всех этих свойств есть нечто общее, которое совпадает, во-первых, со свойствами тех же знаков, но в их различном

исполнении, во-вторых, с аналогичными свойствами в других знаках, то неизбежно встаёт вопрос об опознании любого реального, появившегося знака на основе совокупности признаков.

Материальность знака – его обязательное свойство, знаки «сделаны» из звуковой и графической материи и воспринимаются органами слуха и зрения как реальная материя. Но так как эта материя всегда реализуется по-разному, то для того, чтобы безошибочно распознать в разных реализациях знака один и тот же знак, в голове говорящего и слушающего находятся идеальные, обобщённые образы этих материальных знаков, представления о них в виде фонем и графем. Поскольку любой знак языка существует в двух ипостасях: в виде его телесной реализации и в виде абстрактного, идеального эталона тела знака и они взаимно обусловливают друг друга, то это и служит основой распознания одного и того же знака в различных исполнениях. Кроме того, чтобы можно было легко распознать знаки, они снабжены и множеством других признаков: структурой фонем в словах, синтаксическими признаками слов в структуре предложения, своими различительными признаками маркировать конкретные значения, понятия в масштабе морфем, слов, предложений.

Многие экземпляры одного и того же знака, имеющего множество индивидуальных черт, сохраняют в себе некоторый набор неизменных черт, которые и выступают в роли признака и дают основание всякий раз опознавать любой такой же знак как экземпляр одного и того же знака. Сознание хранит в себе абстрактный образ признака любого экземпляра знака как тождественного остальным (фонемы, графемы). Важнейшим фактором для идентификации знака служит также грамматическая структура знака, приписанная ему с момента его появления. Если сознание хранит в себе абстрактные образы, то, следовательно, оно должно иметь и механизмы, способные производить и воспринимать те же самые знаки со своими чертами.

4) Различная протяжённость знака. Текст как расширенный знак.

Материальный языковой знак имеет линейный, дискретный характер. А идеальное значение этого же знака, хранящееся в мозгу, не имеет линейности, оно имеет глобальный характер, оно недискретно, коммулятивно. Идеальное содержание не имеет ни временной, ни пространственной протяжённости. Однако звук, буква, морфема, слово, предложение, сложное предложение, текст – это знаки различных уровней, различной протяжённости и степени сложности, но их идеальные эквиваленты имеют только глобальный характер и не имеют протяжённости, как их материальные двойники. Более сложные знаки состоят из более простых знаков. Все они манифестируют или «имеют» свои идеальные, абстрактные, логические эквиваленты: это фонемы, графемы, морфонемы, понятия, суждения, умозаключения. Под знаком обычно, традиционно понимают слово. Это понимание идёт ещё от Аристотеля и активно было внедрено в формальную логику в Средние века. Это объясняется тем, что после Аристотеля формальная логика никогда серьёзно не занималась установлением регулярных связей между формами языковых знаков и логическими формами мышления, т.е. проблемами взаимодействия языка и мышления. Однако факты показывают, что и остальные структурные элементы языка, кроме слов, тоже знаки, т.е. знаки, стоящие по рангу ниже слова и выше слова [о взаимодействии языка и логики см.: Кривоносов 1993, 1996, 2006].

Почему знаки, по рангу стоящие ниже и выше слова, тоже знаки ? Потому что все они выполняют одну и ту же функцию – выступать в роли ассоциативного, общего, логического понятия или суждения о внешнем объекте: фонема (графема) как самая низкая идеальная, логическая форма мысли служит в функции смыслоразличительного

средства для идентификации более высоких логических единиц – морфонем, понятий, суждений, умозаключений.

Знаки, стоящие ниже уровня слова (их логический эквивалент – фонемы и графемы), в логике никогда не признавались как логические формы, а истинной и единственной логической формой признавалось лишь слово. Но знаковые формы, стоящие выше уровня слов, т.е. суждения, умозаключения, текст, – тоже знаки, но различной сложности и протяжённости, состоящие из менее сложных знаков. Все они обладают знаковым свойством – а) они всегда обозначают нечто иное, чем они сами, б) их идеальные эквиваленты находятся в сознании как ассоциированные отрезки смысла.

Знак (кроме фонемы, графемы), как единица языковой системы, состоит из более мелких и простых знаков, имеет внутри себя подчинённые знаки. Каждый знак можно изменять, составлять его из отдельных частей, и производить внутри него различные структурные операции. Сложный знак обязательно обладает раздельностью, разными частями. Знаки находятся в соответствующих отношениях не только с себе подобными, но и с более высокими по отношению к ним знаками. Знаки низшего уровня образуют сложное содержание знака более высокого уровня, которое выступает уже не только как знаковое отношение к обозначаемому объекту, но и как результат внутриструктурного взаимодействия содержаний знаков низшего уровня.

Язык устроен как иерархическая система знаков разных уровней, причём знаков произвольных, не связанных органически с теми предметами, о которых эти знаки повествуют. Поэтому они свободны в разных комбинированиях на разных уровнях. Вследствие этого естественный язык – самая богатая и самая экономная знаковая система, и при этом он иерархичен, что его и отличает от всех семиотических систем. Знаки не живут вне системы, их порождает система, в которой они живут. У знаков нет собственных, органически с ними связанных значений, поэтому они и свободны для самых различных сочетаний и комбинаций по требованию мозга – это ассоциативные, идеальные образы предметов, признаков, свойств, отношений, которые в совокупности образуют бесчисленное множество суждений и умозаключений, котоые образуют структурно более высокий знак – текст (это может быть любой текст, вплоть до романа). У наименьших знаков – звуков и букв – тоже есть свои идеальные, логические эквиваленты – фонемы и графемы, как низшие структурно-различительные логические формы, как некие общие абстракции, обобщающие однотипные звуки и буквы в разных структурных позициях. Слово *дом* – знак русского языка. Но что означает в этом знаке по отдельности каждая фонема [д], [о], [м] ? Знак *дом* состоит из более мелких знаков, фонем или графем, но каждый из них не связан ассоциативно в сознании ни с каким реальным предметом или событием. Они, тем не менее, знаки русского языка, потому что без их участия и их особого структурного построения мы не получим более крупного знака, состоящего из иерархически связанных подчинённых знаков. Сущность любого знака: произвольность, линейность, независимость от индивидуальной материи, структурность, иерархический характер знаков на разных уровнях.

Фонемы и графемы соответствуют в реальном мире звукам и буквам, являются их абстрактными, логическими формами. Это не самостоятельные абстракции от реальных вещей, имеющих свои значения в виде логических понятий, а лишь абстрактные структурные единицы, обладающие смыслоразличительными и противопоставительными функциями, вносящие смысловое различие в слово, т.е. то, благодаря чему они конституируют знаки более высокого порядка – понятия, суждения, умозаключения. Их роль – строительная, различительная, указательная, но они не просто бессмысленные единицы, потому что ничего реального не отображают, а, напротив, будучи соединёнными вместе в определённую структуру, они конституируют более

крупные знаки, ассоциируются уже с реальными предметами и событиями, создавая в мозгу их идеальные, логические образы.

Знак может быть, с одной стороны, разложением мысли на её составные части, а с другой стороны, – сгущением мысли, так как знак есть не только идеальный образ самого себя, т.е. своей материи – в модели знака уровень **(2)**, – но и образ образа, т.е. идеального образа внешнего объекта – в модели знака уровень **(3)**. В материи знака заложены две идеальные сущности – идеальное от звука, буквы (фонема, графема) и идеальное от внешнего предмета (понятие). Знак делит непрерывное течение восприятий на отдельные отрезки, акты, создавая отдельные объекты мысли (понятия, суждения, умозаключения), но которые узнаются, понимаются только совместно, в предложении, т.е. в логическом суждении.

Языки – это прежде всего материальные языковые системы, но по своей внутренней структуре они нечто совершенно иное, а именно – идеальные структуры фонем, графем, морфонем, иерархические структуры знаков более высокого порядка – понятий, суждений, умозаключений. Вот именно они, эти более высокие знаки, ассоциируясь в мозгу с идеальным отражением реальных материальных предметов и явлений рождают в мозгу идеальные, т.е. логические понятия, суждения, умозаключения.

Все языковые знаки устроены иерархично. Наименьшие знаки – звуки, буквы (их идеальные прототипы или двойники – фонемы и графемы) составляют морфемы (их идеальные прототипы – морфонемы), они, в свою очередь, образуют слова, слова образуют структурные элементы предложений, и так до бесконечности. Текст романа «Война и мир» – тоже знак, он имеет все признаки знаковости: материален, все знаки, составляющие этот роман, условны и немотивированы ничем, в материи текста скрыты все его отдельные идеальные, абстактные, логические формы, за всем текстом скрыто определённое идеальное содержание, находящееся не в тексте, а в мозгу человека. Но идеальное содержание романа содержится не в отдельных знаках, а в тексте всего романа – его идея, глобальное мысленное построение, не выраженное отдельно ни в слове, ни в предложении, а не иначе, как в протяжённой знаковой структуре, состоящей из миллионов более мелких единиц, подчинённых этому большому знаку – роману.

Понятие «знак» для языкознания – инородное тело, оно пришло из области семиотики. Но тем не менее понятие «знак», как в высшей степени обобщающее понятие, необходимо для языкознания как удобный термин, объединяющий в себе множество различного уровня языковых структур – от фонемы до текста. Фонема, графема – мельчайшие и простейшие логические знаки языка, ниже них в языке ничего нет. Они образуют более сложные идеальные знаки – морфонемы как морфемные понятия. Они, в свою очередь, образуют более сложные логические формы – понятия, конституирующие, в свою очередь, ещё более сложные логические формы – суждения, из которых образуются умозаключения. Всё это и ведёт к образованию текста.

Таким образом, язык или то, что мы называем языком, в его материальной и в его идеальной, логической форме предстаёт в нашем мозгу в виде иерархической структуры логических форм – фонем, графем, морфонем, понятий, суждений, умозаключений. Причём чем выше иерархическая структура знака, тем реже он представлен в мозгу в его уже готовой к употреблению форме. Говорящий и пишущий должны ещё найти составляющие этого знака, его структурные единицы, т.е. знаки более мелкого уровня, и из них «делать» знаки боле высокого порядка. В основных европейских языках насчитывается от 20 до 30 фонем и графем, но понятий уже сотни тысяч (см. толковые словари), а суждений столько, сколько до сих пор опубликовано во всей мировой литературе. Это свойство знаков различных уровней связано также со свободой их комбинирования: чем ниже уровень знака, тем более он связан по рукам и

ногам со свободой передвижения внутри более высокой знаковой единицы. Знаки более высокого уровня позволяют говорящему и пишущему выражать их мысли более свободно, произвольно, сообразуясь лишь с уровнем развития собственного мышления.

Понятие «знака», обозначающего все структурные единицы языка (от звука, буквы до текста) и все идеальные, логические формы (от фонемы до умозаключения) помогает понять место каждой из этих языковых и логических форм в системе языка и мышления.

5) Знаковое отношение к объектам, т.е. идеальное в сознании (фонема, графема, понятие) – тоже знак.

Общепризнанно, что связь, соединяющая имя с вещью, – нечто совершенно простое. Однако двойственность знака, если его, по традиции, рассматривать как форму и значение, – только видимая часть айсберга. Оба момента, заключённые в знаке, как я показал выше, психичны, идеальны [**(2) → (3)**] и связываются в нашем мозгу посредством ассоциаций. Языковой знак связывает не имя и вещь [т.е. не **(1) → (4)**], а акустический, идеальный образ знака (фонемы) и идеальный образ предмета (понятия) [т.е. **(2) → (3)**]. Этот образ не есть материальный звук, вещь чисто физическая, а психический отпечаток звука (буквы), фонема и понятие, полученные нами о них посредством наших органов чувств, они – абстрактные образы, т.е. логическая форма в виде фонемы, или просто – логическая фонема. Второй момент ассоциации с вещью, событием – понятие, ещё более абстрактная форма.

Знак есть посредник между внешним материальным объектом и его обозначаемым идеальным образом – значением. Между знаком и обозначаемым объектом нет никакой непосредственной связи, ни материальной, ни прямой, ни какой-либо иной, кроме условной, договорной. Рассуждения о прямой связи знака и объекта – мистика. Обозначать объект – значит просто вызывать в сознании человека его образ. Связь знака и объекта осуществляется только через их абстрактные образы. Их два – образ самой материи, т.е. цепочка фонем **(2)** и образ реального объекта, т.е. понятие **(3)**. Обозначение объекта знаком есть вызывание его абстрактного, логического образа, отражающего этот объект, а объект или его образ служат для вызова знака в памяти. Производитель знака идёт от объективной вещи к её отражению – субъективному образу в сознании (это процесс перехода чувственного мышления в абстрактное), а от него опять к объективному знаку (это процесс перехода абстрактного мышления в чувственное). Воспринимать идёт в обратном направлении – от знака к образу и от него к вещи.

Знак оказывается единством противоположностей – материальных знаков, т.е. в структуре знака уровень **(1)**, и их идеальных образов, т.е. в структуре знака уровень **(2)**. Но единство противоположностей мы наблюдаем и в реальном материальном мире – материальные внешние предметы, т.е. уровень **(4)**, и субъективные образы этих предметов, т.е. в названии внешнего предмета уровнь **(3)**. В структуре языкового знака диалектически противопоставлены друг другу: материя знака **(1)** – логической *фонеме* **(2)**, а внешний предмет **(4)** – его логическому *понятию* **(3)**.

Знак произволен, немотивирован и сам по себе (безразлично, какой выбрать знак для того или иного предмета), и по отношению к внешнему предмету (это может быть любой, первый попавшийся на глаза предмет). Значит, мышление человека есть естественно необходимый процесс, не зависимый от каких бы то ни было предметов и их названий. Но знаки регулируют и упорядочивают наше мышление, ускоряют или замедляют его, и по своему, в каждом языке, согласно его национальной

принадлежности, членят его отрезки, одновременно находящиеся в условной, произвольной, но и в то же время в неразрывной связи с реальными предметами. Об этой условной, но неразрывной связи между знаком и вещью, например, Бенвенист пишет: «Они вместе запечатлены в моём сознании. Связь эта так тесна, что понятие становится душой акустического образа. В сознании нет пустых форм, как нет и не получивших названий понятий» [Бенвенист 1974 : 92].

Процесс отражения мотивирован только мозгом, его мышлением, независимо от знаков, но в то же время человек может мыслить и отражать мир только с помощью знаков. Следовательно, мышление произвольно само по себе (о чём хочу, о том и думаю, как хочу, так и пишу, о чём немало свидетельствует сегодняшнее теоретическое языкознание), но оно втиснуто в рамки своей национальной знаковой системы (ниже это будет показано на примере взаимодействия «семантического и логического» мышления, см. Глава 4, § 5).

«Значение» знака – это ассоциативная психическая связь с предметом и его мысленным отражением в мозгу. Языковые знаки – психические абстракции по своей сути, но они не нереальны. Совокупность ассоциаций, скреплённых согласием коллектива, составляет язык, т.е. это реальности, их местонахождения в мозгу. Психология показала, что центральное физиологическое явление в работе больших полушарий мозга есть то, что мы называем условным рефлексом . Это явление психологи назвали ассоциацией. Всё обучение заключается в образовании временных связей, ассоциаций, а это есть мысль, мышление, знание. Следовательно, основное – это ассоциации. Всё это есть «понимание», всё это есть «мышление», которое насквозь состоит из ассоциаций. Каждая маленькая, первая ассоциация это есть момент рождения мысли. Эти ассоциации растут и увеличиваются. Тогда говорят, что мышление становится глубже, шире и т.д. Таковым является и процесс научной мысли. «Мышление начинается с ассоциаций, с синтеза, затем идёт работа соединения синтеза с анализом» [См. Асратян 1977 : 328 - 329].

Материя становится знаком лишь тогда, когда она приобретает знаковую функцию, т.е. когда звук, буква приводит в ассоциативную связь определённые предметы действительности с их мысленными, общественно осознаваемыми отражениями в сознании людей. Значение знака – это логическое понятие, соотнесённость знака с определёнными классами предметов и с идеальным отражением этих предметов в сознании. Значение знака имеет двоякую ассоциативную соотнесённость – с предметами и с их мысленными, идеальными отражениями в сознании. Сущность именования заключена как раз в этом двойном отношении – к вещи и к понятию о ней.

Положение о знаковом характере языка имеет для языкознания принципиальное теоретическое значение. Единицы языка не могут включать в себя психических отражений действительности в качестве своего внутреннего содержания или в качестве одной из двух своих сторон, а могут только тесно ассоциироваться с ними в сознании говорящих. Следовательно, язык не имеет отражательной функции. Языки не включают непосредственно в свой состав идеальных образов обозначаемых явлений действительности. Поэтому неверны теории «лингвистической относительности», «языковой картины мира», т.е. теории обусловленности мировоззрения народов конкретной структурой их языка. Признание знаковости языка и одновременная попытка включения психических отражений действительности непосредственно в состав знаков под вывеской «значения» смыкается с теорией иероглифов, символов.

Хотя значение – неязыковая категория, не выводимая из знаковой структуры языка, ибо значение – факт сознания, психического, есть общий объект исследования лингвистики, логики, психологии, физиологии, философии, тем не менее невозможно

вывести факты сознания и психики, т.е. вопросы психологии за пределы лингвистики. Это не «очищение» лингвистики от «посторонних» для неё теоретических проблем, а лингвистическое преломление того, как надо понимать взаимоотношения материальных знаков и их идеальных образов в сознании. Природа взаимосвязи материального и идеального может быть определена не в границах материальных языковых знаков, а лишь на основе данных логики, психологии, физиологии, философии. Лингвистический знак – чисто материальное, это даёт основание определять элементы языка в качестве материальных заместителей абстракций и эмоций, этих сложных психофизиологических процессов мозга.

Идеальное, сознание – функция, способность мозга, результат или продукт физиологических процессов мозга. Эта функция объективируется в абстракциях, т.е. в л о г и ч е с к и х ф о р м а х (фонемах, графемах, морфонемах, понятиях, суждениях, умозаключениях), и в ч у в с т в е н н ы х ф о р м а х мысли (звуках, буквах, простых предложениях, сложных предложениях). Но сам внутренний механизм отношений между знаком и значением, заложенным в сознании, остаётся до сих пор открытым. Формирование мышления как человеческого мышления – это формирование фонем, графем, морфонем, понятий, суждений, умозаключений. Это формирование логических форм обусловлено операциями при помощи материальных субстратов, заместителей объектов, в том числе и объектов самого мышления в виде знаков. « ... при действительном обмене абстракция должна быть, в свою очередь, овеществлена, символизирована, реализована посредством какого-либо знака» [Маркс, Энгельс 1935 : 61].

Пластичность психики рождает полисемию – один знак может иметь множество «значений». Это первый уровень языковой структуры, на котором проявляется закон материалистической диалектики: соотношение материального и идеального. Значение, идеальное в мышлении не может появиться вне его носителя (от авербального мышления отвлекаемся, это особый вопрос, подробно см. Глава 3, § 4, VIII), оно ищет опору в материи знака. Но и знак не есть знак, если он не ассоциирован в мозгу с идеальным образом предмета, он не имеет никакой ценности, кроме природной материи. Знак произволен, но как нечто становится знаком, как природная материя переродилась в знаке, **что** его заставило и как он мог преобразиться в мозгу – тайна лингвистики, логики, психологии, психофизиологии. Это происходит на основе двух операций, в рамках диалектического закона, закона противоречий, – отождествление и различение. Причём в отождествлении, в свою очередь, содержится две психических операции – идентификация знака, т.е. тождественность самому себе, и отличие от всех прочих знаков. Все знаки могут быть обнаружены только в системе, вне системы их ассоциативных значений нет. Их идентификация происходит в памяти. В результате этого образуется модель языкового знака: **(1)** материя знака (звук, буква), **(2)** её идеальный образ (фонема), **(3)** идеальный образ внешнего объекта (понятие), **(4)** внешний объект. Память нужна человеку всегда, потому что он всегда нуждается в воспоминании, в процессе которого можно производить различение и отождествление.

Вопрос о четырёхфункциональности знака сложен. Многие, наверное, эту теорию будут отрицать, увидев в этом псевдопроблему, потому что не существует явлений, которые были бы одновременно и материальными и идеальными. Но, с одной стороны, материальное находится вне мозга, а идеальное от материи – в мозгу. С другой стороны, ведь противопоставление материального идеальному является противопоставлением философским, диалектическим, гносеологическим, а не онтологическим. Если не признавать явлений, одной стороной обращённых к материальному, а другой – к идеальному, то необъясним переход от материального к идеальному и от идеального к материальному, который совершается в сознании людей ежесекундно. Именно благодаря

этому происходит «переключение» материального в идеальное, и обратно. Оно совершается в знаке благодаря наличию у знака четырёх его сторон: материального в знаке и его идеального образа в мозгу [уровни **(1)** и **(2)**], а также материального в реальном предмете и его идеального образа в мозгу [уровни **(3)** и **(4)**]. Знак о б я з а н быть материальным, чувственным, иначе невозможен ни процесс мышления, ни процесс коммуникации.

6) Языковой знак удобен для хранения и передачи его поколениям благодаря его идеальному образу, «отпечатанному» в мозгу.

Свойства знака таковы, что они удобны для их хранения и передачи от поколения к поколению. Мы храним в памяти не только сам чувственно осязаемый материальный знак в виде звуков, букв, но и его обобщённый, идеальный образ, форму знания о нём, а также умение и навыки перевести этот идеальный образ знака в соответствующую материальную форму. Язык носят не в кармане или в портфеле, а в голове. Язык как система знаков есть идеальная, а не материальная сущность, хотя и живёт он и видимый в буквах, и слышимый в звуках, как бы в своих материальных носителях, хотя сам язык живёт в сознании. Это можно элементарно доказать тем, что, во-первых, отдельные сегменты речи узнаются собеседником как значимые единицы языка. А это возможно лишь тогда, когда в сознании реципиента имеются эталоны для сравнения, во-вторых, слушатель или читатель запоминает ранее сказанное и написанное не пословно, не слово в слово, а лишь смыл как категорию не языковых знаков, а сознания. Именно поэтому языковой знак является логически единственно возможным, бесценным средством для производства человеческого мышления и удобен для хранения и передачи его поколениям благодаря его идеальному образу, отпечатанному в мозгу.

7) Асимметрия знака между звуком и его ассоциативным значением – следствие произвольности знака.

Асимметрия знаков есть их уникальное свойство. А по другому в языке и быть не может – знак есть условный, немотивированный материальный объект, выбранный человеком или случайно, или в силу каких-то ассоциаций (ср. в марксистском языкознании тезис о «неразрывной связи формы и содержания»). Отсюда «разлаженность» между формой и содержанием, т.е. за одним и тем же знаком может быть условно закреплено несколько ассоциативных образов, а за одним образом – несколько различных материальных знаков. Звучание и значение – не параллельны. Эта асимметрия находит в языке различные наименования (полисемия, синонимия, антонимия, омонимия.

«Значение» знака не является отражением мира в силу своей условности, произвольности. Условная, произвольная и искусственно человеком установленная связь не может рассматриваться как отражение. Значение – а оно находится не в материи знака, а в мозгу – это условная связь знакового комплекса с понятием, установленная человеком. Значение в знаке, т.е. логическая ассоциация в сознании в виде его наименования, имени есть не отражение сущности отражаемого предмета, а психическое, ассоциативное отношение к предмету в виде присвоения ему определённого имени, которое приобретается в обществе с согласия его членов. Значение – это отношение знака и к сознанию, к мышлению и к языковым системам, к любым знакам как результат трансформации абстракций самого мышления. Отсюда – новые абстракции мышления, иные семантические связи уже готовых знаков с новыми значениями. Отсюда и причина изменения значений в собственно лингвистическом плане, синонимия, омонимия, антонимия, полисемия. Поскольку семантика органически входит не в

структуру языка, а в структуру мышления (в виде структуры логических форм), поэтому к семантике приложимы и нелингвистические методы исследования.

Звучание слова само по себе нам ничего не может сказать о характере значения, с которым оно ассоциативно связано (выражает). Ведь связь эта – произвольна. Именно такая произвольность материальной языковой формы и создаёт возможность обобщений и отвлечений. Этого не могло бы быть, если бы действительность сигнализировалась такими сигналами, которые бы давали зеркальное отражение каждого из реальных предметов. Связь формы и значения произвольна, но общественно обусловлена: никто не может менять слова по своему вкусу, пока этот акт не будет принят обществом. Кроме того, каждое новое поколение усваивает язык предшествующего поколения.

8) Знак есть не только средство фиксации мысли, но и средство выражения отношений между знаками: грамматическая система – тоже система знаков.

Знак естественного языка есть не только средство фиксации приобретённых знаний, но и средство выражения грамматических отношений между знаками, эти отношения фиксируются грамматическими средствами, в которых также отражены идеальные, мыслительные процессы, многообразная и противоречивая действительность. Все знаки языка ab ovo, уже от своего рождения снабжены определёнными грамматическими маркерами, благодаря которым знаки и вступают в связь друг с другом, образуя языковую знаковую систему. Грамматика нужна для того, для чего нужны и слова – чтобы включать слова в речь в определённом порядке, последовательности, линейности, в нужных синтаксических структурах и придавать мысли стройную, нужную форму, варьировать структуры. Обозначение предметов материальными знаками – недостаточно, чтобы состоялся познавательный процесс и коммуникация, эти знаки надо привести в систему. Иначе язык превратился бы не в систему знаков, а в нагромождение знаков, как кирпичи на свалке, а не как готовый дом.

Материальный знак есть знак только потому, что он имеет своего интерпретатора. Но знаки не изолированы, они живут в системе себе подобных, в системе, которую создали люди и без них нет ни знаков, ни их системы. Знак – это посредник между человеческим мозгом (живой материей) и внешним миром (неживой материей). Но функционирующая материя мозга – это мышление, сознание, и без него не может появиться материя знака, т.е. материя, созданная человеком и им же превращённая в её идеальный образ – фонему, графему.

Но важно не только материальное тело знака: оно через органы речи и слуха (на уровне чувственного мышления) воспринимается из звуковой и графической среды, преобразуется в его идеальный образ в нейронах и передаётся мозгом обратно за его пределы только в идеализированной форме, которая через органы речи и пальцы руки вновь возвращается в своё исходное состояние – материальные звуки и буквы. Знак своим телом обозначать в мозгу ничего не может (вне мозга это просто материальная мёртвая субстанция и ей нет места в живом мозгу), а может это делать только через идеальный образ своего тела, превращаясь таким образом в наименьшие логические формы мысли – фонемы и графемы. Но и это не всё – идеальное материи знака живёт только в системе (***д****ом, **л****ом, **к****ом, **р****ом, **с****ом, **т****ом*) (здесь выделено идеальное понятие от материи звука, как наинизшая из всех логических форм – фонема, графема). Знака нет, если нет системы, в которой он живёт, и из которой он вышел. Знака нет, если нет человека, его мозга, т.е. мышления, в котором только и только живёт этот знак.

§ 2. Знаковая теория языка в современном языкознании.

1) Языковой знак – двухсторонний: в материи знака отражена сущность внешнего объекта.

Подавляющее большинство лингвистов выдвигает концепцию о двусторонности знака, о единстве звуковой материи и мыслительного содержания. Например, единство «членораздельного звука и сознания» (А. Потебня).

«Самая существенная характеристика языка ... состоит в истинном слиянии его концептуального и фонического аспектов» (С. Карцевский). «Что только ни делалось, чтобы не принимать во внимание значение, избежать его и отделаться от него. Напрасные попытки – они, как голова медузы, всегда в центре языка, околдовывая тех, кто его созерцает» (Э. Бенвенист). «Слово, лишённое значения, не есть слово. Оно есть звук пустой, следовательно, значение есть необходимый, конституирующий признак самого слова (Л. Выготский). Соссюр сравнивает язык с листом бумаги: мысль – это лицевая сторона, а звук – оборотная. Нельзя разрезать лицевую сторону, не разрезав и обратную. Так и в языке – нельзя отделить ни мысль от звука, ни звук от мысли. Это мжно достичь лишь абстракцией, что приведёт либо к чистой психологии, либо к чистой фонологии [Сосюр 1933 : 113]. Однажды Роману Якобсону, делавшему доклад в Институте русского языка, был задан вопрос: «Является ли значение явлением языковым» ? Он ответил афоризмом: «Отрубите курице голову, будет ли она жить» ?

Если знаки понимать как «единство материальных и идеальных сторон», о чём пишут многие, то должна существовать н е р а з р ы в н а я связь между языком и мышлением, о чём тоже пишут лингвисты. В этом случае мы должны были бы допустить, что язык – это мышление, а мышление – это язык, следовательно, и мозг мыслит, и язык мыслит. Эта «неразрывность», действительно, имеет место быть, но она не органическая, а условная, договорная, потому что народ, говорящий на данном языке, решил называть животное с длинной гривой *лошадью*, а не *коровой*. Если же считать, далее, что знак условен по общественному договору, и неразрывен с его идеальной стороной, то и идеальная сторона языкового знака **(2)**, и идеальная сторона реального предмета **(3)** как логические формы отражения, тоже условные, з н а к о в ы е. Наше мышление как знаковое, как функция мозга, преобразует материю знаков **(1)** и материю отражаемых предметов **(4)** в идеальные образы **(2) → (3)**, ибо мозг не может мыслить в единицах внешней физической материи. Наше мышление, благодаря знакам, отрывается от непосредственного созерцания и ощущения реальных предметов. Отсюда – один и тот же материальный предмет в разных языках обозначается разными словами (*лошадь*, Pferd, hors, cheval). Этот предмет отпечатан в нейронах мозга как его идеальный, логический двойник, в виде понятия, один и тот же предмет в разных языках представлен разными знаками, ассоциативно связанными с одним и тем же предметом. Значит, сам предмет и его идеальное понятие в мозгу не связаны необходимой, органической связью. Логическое понятие, отражённое в слове, есть тоже знак, как и звук, буква, слово. Следовательно, весь мыслительный процесс человека носит знаковый характер: под разными понятиями в разных языках п о н и м а е т с я людьми один и тот же реальнвый мир. Только и только поэтому наше мышление – познавательное и коммуникативное. **Дошёл до этого места.**

Если связь между материей и идеей в знаке, как считают многие лингвисты, «неразрывна», то это означало бы, во-первых, будто «идея» то же самое, что «материя знака», а «материя знака» – это та же «идея». А это уже ведёт к представлению о том, будто каждый народ, обладая своим национальным языком, имеет и своё собственное мышление, только своё национальное языковое, знаковое мышление, которое подчинило

себе общечеловеческое логическое мышление и служит якобы орудием отражения и познания. Здесь мы опять вернулись к старой «теории лингвистической относительности» и к её продолжению – новой теории «языковой картины мира». Отсюда некоторые лингвисты ломают голову: если мышление интернационально, логическое, а языки – национальны, представленные множеством различных знаковых систем, то почему люди с разными языками понимают друг друга. ? Если это так, – а это, действительно, так, – то остаётся одно: разгадка этого феномена лежит в природе языкового знака, в его четырёхфункциональной сущности. Между языком, как физической материей знаков и реальными предметами стоит логическое мышление, как идеальное отражение, идеальная переработка материального мира, причём и знаки для предметов и сами предметы взаимодействуют ассоциативно только на логическом, но не языковом, семантическом, знаковом уровне, и эти ассоциации неразрывны, ибо они установлены по договору.

Извечная борьба материализма и идеализма продолжается и в современном теоретическом языкознании. Это борьба мнений о материальности и идеальности знака. Бодуэн пишет, что в языке сочетаются в неразрывной связи два элемента : физический и психологический. [Бодуэн 1956 : 229]. А у Маркса: «На „духе“ с самого начала лежит проклятие – быть „отягощённым“ материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоёв воздуха, звуков – словом, в виде языка» [Маркс, Энгельс т. 3 : 29]. Панфилов усмотрел в этих словах прямое указание на то, что язык и материален, и идеален: «... Не может быть сомнений в том, что классики марксизма - ленинизма рассматривали язык как такое общественное явление, которое наряду с материальной стороной включает в себя идеальную сторону, и в ней результаты познавательной деятельности фиксируются в виде образов (в гносеологическом смысле), имеющих ту же природу, что и содержательная сторона абстрактного, обобщённого мышления». [Панфилов 1983 : 6]. «Слово как единство материальной и идеальной сторон локализовано в мозгу, оно включает в себя ... материальную сторону и идеальную сторону в виде образов». [Панфилов 1977 : 3]. «... Язык наряду с идеальной стороной имеет также материальную сторону» [Панфилов 1982 : 11, 74 - 75]. И в то же время Панфилов, оставаясь в этом вопросе последовательным, полагает, что эта идеальная сторона в знаках не имеет признаков знаковости. «Идеальные стороны языковых единиц имеют существенные черты сходства, подобия с соответствующими объектами, и, следовательно, им не свойственна знаковая ... природа» [Панфилов 1982 : 48, 54, 55, 59].

Таким образом, Панфилов приписывает К. Марксу и Ф. Энгельсу теории: 1) знак двухсторонен, в словах языка содержится и физическая субстанция, и идеальное значение, идеальное в знаке дублируется в мозгу; 2) и в то же время знак односторонен, только материален, так как идеальная сторона знака не имеет знаковой природы; 3) в идеальной стороне знака отражается мир, т.е. значение в языке – то же, что и абстрактное мышление в мозгу (понятие, суждение); 4) так как значения слов в языке равны понятиям, суждениям, то весь язык – то же, что и логические формы мысли. Следовательно, язык, с его материей знаков и идеальными значениями в этих знаках, есть наш мозг, который мыслит; 5) Если идеальное в слове – функция мозга, то возникает вопрос: где же проходит граница между языковым знаком и мышлением ? 6) Так как идеальная сторона знака имеет черты сходства с объектом, т.е. она уже не знак, то двухсторонняя теория знака Панфилова теряет всякий смысл.

Теория Панфилова, как он сам пишет, не противоречит марксистскому тезису о понимании сущности языка и знака. Панфилову можно задать вопрос: почему же тогда знак двухсторонен, для чего же тогда служит мышление, если сами «языковые единицы» своей идеальной, т.е. незнаковой стороной отражают сущность вещей, для чего же тогда

нужны логические категории (понятия, суждения), хранящиеся в сознании, если они вдруг стали достоянием самой материи знаков ? Если значение языковых единиц – то же самое, что и идеальное как продукт мозга, то, следовательно, идеальное отражено в материальном дважды – и в мозгу, и в материи знаков.

И, наконец, Панфилов, запутавшись в своих противоречиях, пишет, что идеальное в слове – это т о ж е з н а к, идеальное тоже имеет знаковую природу: сущность знака состоит в том, что отсутствует не только подобие между материей слова и теми предметами реальной действительности, с которыми они соотносятся, но и между его идеальной стороной и теми предметами реального мира, с которыми она соотносится. [Панфилов 1982 : 47]. Однако отсутствие подобия между материей знака и его значением, материей знака и отражённым предметом, как пишет Панфилов, не только не исключает, но, наоборот, предполагает, что материальные стороны языковых единиц детерминированы, обусловлены объективной действительностью. [Там же: 56]. Именно это свойство делает его знаком. И именно эта знаковая функция материи языковых единиц есть необходимое условие процесса абстракции, обобщённого мышления и познания. [Там же : 49]. С другой же стороны, Панфилов наделяет и материю, и семантику знака свойством «похожести» на то, что они репрезентируют, «подобия» предметам, а это л и ш а е т з н а к а е г о с в о й с т в а – з н а к о в о с т и, превращая его в символ, в иероглиф или даже в реальный материальный предмет.

Выносит ли материя знака идеальное за пределы сознания ? Панфилов пишет: в материи языка происходит вынос идеального за пределы сознания. И в то же время он полагает, что идеального как такового вне мыслящего субъекта, вне сознания не существует и существовать не может. И далее: вне сознания субъекта идеальное всё же существует, но лишь в данной материальной форме. Но и в этой форме идеальное существует лишь как возможность и оно становится действительностью только для мыслящего субъекта. [Панфилов 1982 : 106]. Но Маркс пишет: «Нельзя отделить мышление от материи, которая мыслит» [Маркс, Энгельс, т. 2 : 143].

Между говорящим и слушающим – только материя слов. Несёт ли она материальную информацию ? Панфилов пишет: в языковых единицах противопоставлены идеальное и материальное. Идеальная сторона в них – это физиологические, материальные процессы в головном мозгу, так как они являются результатом отражения материи, находящейся вне субъекта. Отрезок речевой цепи, локализованный между говорящим и слушающим, включает в себя только материальную сторону языковых единиц в виде звуков. Не включая в себя идеальной стороны, этот отрезок, тем не менее, несёт в себе определённую информацию, также материальную по своему характеру. Благодаря этому в мозгу слушающего возникают те же или близкие образы как идеальная сторона языковых единиц. Языковая единица локализуется в мозгу как следы памяти в нейронах, где кодируется идеальная сторона языковой единицы и её материальная сторона (кинестетические раздражения от артикулирующих органов речи), а также слуховой образ звучащего слова [Панфилов, ВЯ, 1975, № 3 : 36 – 37; 1977 : 90 – 91; 1982 : 99].

Значит в знаке уживаются совместно и материальное, и идеальное, и в то же время идеальное, оказывается, локализовано в мозгу, а материальное в знаке несёт материальную информмацию. Нет, звук не несёт материальной информации, потому что «информация» есть продукция только мозга, а не самих звуков, ибо звук, мёртвая материя не мыслит. Информация может быть только идеальной. Звук знака воспринимается на стадии чувственного мышления **(1)** и входит в мозг уже как идеальное (фонема) на логическом, абстрактном уровне мышления **(2)**, и только там эта абстракция знака ассоциативно соединяется с названием (понятием) **(3)** реального

предмета **(4)**. Если бы материя звука несла материальную информацию, хотя это и фантастично, то человек мыслил бы только чувственными образами, не переходя на более высокую фазу мышления – абстрактного, логического. Следовательно, не могли бы состояться ни познавательный, ни коммуникативный процессы.

Идею двусторонности знака доказывает также Серебренников, используя «материалистические методы познания»: «всякий знак может функционировать как знак только в том случае, если он имеет значение. Материальная часть знака без значения это не знак ». « ...Каждый словесный знак должен представлять соединение звуковой материи со значением, так как звуковой комплекс, лишённый значения, не может выступать в роли знака. Значение – необходимый атрибут знака». Знак двухсторонен, и если изъять значение, то это значит «полностью устранить сущность самого знака. Звук, лишённый какого-либо значения, вообще не является знаком». И далее: « ... всякий знак может функционировать как знак только в том случае, если он имеет значение. Материальная часть знака без значения – это не знак» [Серебренников 1983 : 63 – 64, 27]. «Концепция двусторонности знака верно отражает истину, поскольку без значения не может быть знака». «Знак должен быть обязательно соединён со значением. Значение не должно быть отрываемо от тела знака». «Основными признаками языка являются материальность и обязательное наличие значения». [Серебренников 1988 : 133]. Знак есть вместилище, форма значения, смысла, содержания. Значение в знаке – идеальное, а звук – материальное. Общение людей невозможно без знаков. Чтобы мысли одного стали достоянием другого, она должна быть при помощи звуковых знаков облечена в чувственную воспринимаемую форму. Поэтому каждый знак есть соединение звуковой материи со значением, так как звук без значения не может выступать в роли знака. [Там же : 27].

При этом Серебренников ссылается на логика Нарского: «Знак есть органическое единство значения и носителя, т.е. вещественной основы значения. Сам же по себе носитель значения – это что угодно, только не знак; он представляет собой сочетания звуков, чёрточек на бумаге, световых вспышек и т.д. Знак не может существовать без значения; только в значении коренится то, что делает его знаком. Соответственно значение вне знака не может существовать самостоятельно, обращаться в нечто ... Значение не тождественно знаку в целом, поскольку язык есть своего рода «союз» значения и его носителя, некоторого экспонента знака и его значения». [Нарский 1969 : 7 - 8]. Понятие знака без значения сразу же теряет свой смысл: знак без значения не есть знак, это материал знака, основа знака. Материал знака, не обладающий значением, утрачивает всякую знаковую характеристику. Знак есть органическое единство значения и носителя, т.е. вещественной основы значения. [Нарский 1969 : 7, 8].

Если Серебренников полагает, что «знак без значения – не знак», что значение находится в неживой материи, то это значит, что материальный знак отражает действительность. Это не что иное, как приписывание слову способности мыслить и отражать мир. Но знак – не мозг, отражать мир в форме идеальной продукции есть функция только живой материи мозга, но не мёртвой материи знака. Понимание знака как двухсторонней сущности, одна сторона которого – идеальное, есть такое же обыденное, наивное представление о сущности языка, как и представление древних людей о мире, выразившееся в утверждении *Солнце встаёт, садится, заходит, поднимается* Но когда мы поймём, что природная, неживая материя знака (это не материя мозга !) не может иметь значения, что она мертва, то мы поймём нелепость «двухсторонней» сущности знака. И в то же время Серебренников пишет обратное: «наделение знака отражательной функцией представляет чистейший идеализм и искажение действительности». [Серебренников 1983 : 75]. Итак: знаки в своей материи

содержат идеальное, т.е значения или понятия, но они не отражают реальную действительность.

По Колшанскому, «языковой знак двусторонен по своей природе – он материален и идеален; двухсторонен по своей гносеологической основе, ибо одновременно обозначает конкретную и всеобщую сущность предметов и явлений, он двухсторонен и по своей функции – обслуживает индивидуум и коллектив». [Колшанский 1984 : 30]. Единицы языка «должны обладать смысловым признаком, ибо только на этом качестве и может строиться сам обмен мыслями ...». [Там же : 79]. Знак – носитель тех признаков, благодаря которым он является означающим для предметов и явлений, однозначно связан с денотатом. Сущность знака не в его акустической оболочке, а в его логико-гносеологическом содержании. Знак – вторичная сущность, так как он есть способ существования понятийно - идеальных форм мышления. Идеальность мышления в гносеологическом плане есть лишь его вторичность, но не нематериальность и не несуществование. Именно его существование и есть его вербальное существование, и знак поэтому предстаёт как отчуждённая форма для представления тех материальных предметов и явлений, которые вне человека, но «присвоены» его мышлением. [Колшанский 1977].

Знак, по мнению Филина, – это означающее, но в языке есть и означаемое, которое отражает действительность в нашем сознании [Филин 1982 : 24]. Как выясняется, Филин вообще знакам не придаёт особого значения, так как они, якобы, не отражают сущности языка. « ...Сущность языка вовсе не сводится к его знаковой стороне» [Там же : 73]. « ... язык вообще не исчерпывается его знаковой стороной, в нём содержится главное – органическая связь (как, где она и в чём она ? – А.К.) с мышлением [Там же : 11]. Видеть в языке только систему знаков означает сводить мышление к знаковости, условности, утверждать непознаваемость объективной действительности» [Там же : 8].

Мысль о двусторонности знака выразил также Ломтев**,** но в других терминах. Знак есть выражающее; значение есть выражаемое: оно идеально. Между знаком и значением, с одной стороны, и между знаком и объективной действительностью, с другой стороны, существует другое отношение. Это – отношение обозначения для знака и отношение отражения для значения знака. Знак есть обозначающее, объективная действительность – отражаемое. Слово – не знак, а единство знака как выражающего средства, и значения, как выражаемого содержания, которое в то же время является отражением действительности. Слово связано с объективной действительностью: отношением обозначения и отношением отражения. [Ломтев 1960 : 130; 1970 : 265].

Вот как теоретическое языкознание в устах его главных теоретиков вводит читателей в заблуждение: 1) Язык – не система знаков, следовательно, мышление – не знаковое, тогда – какими же языковыми единицами мы мыслим, если не через звуки, буквы, слова, предложения, т.е. языковые знаки ? 2) Вся система языка – не условное образование, а нечто в виде обязательного, неизбежного, органического, материального предмета, некоей аморфной массы, не расчленённой на отдельные единицы. 3) В зависимости от материи каждого конкретного языка люди имеют только национальное мышление и живут в разных мирах. 4) Кто считает язык знаковой системой, а не слепком реального мира, для того мир непознаваем. Ведь мозг продуцирует наши мысли, но без языковых знаков их нельзя вывести за пределы мозга. Мысли остаются невостребованными в самом мозгу и не имеют выхода вовне, потому что для них нет никаких внемозговых материальных знаков. 5) Материя знака не «отражает» действительность, она «отражается» значением знака, которое живёт в материи знака.

Отношение слов и понятий – это отношение материального и идеального. Слово есть материальный представитель понятия и его обозначения. Слово обладает значением,

и только имеющий значение звуковой комплекс может быть назван словом, но значение – не идеальный момент слова, а обозначение связи данного комплекса звуков с тем или иным идеальным содержанием. Слово именует предметы, но оно не есть непосредственная связь с предметами, а связь с обобщённым умственным отражением этих предметов. [Мальцев 1965 : 67, 99].

Знак – это материальный предмет, он не есть знак от природы. Он становится знаком лишь тогда, когда ему придаётся значение. Иметь значение – обязательное свойство знака. Это свойство функциональное, мысленно приписываемое знаку свойство. Само значение в знак не входит, это то, на что указывает знак. [Солнцев 1977 : 26]. Проблема знака есть прежде всего проблема присущего знаку значения. Знак без значения – это обычный материальный предмет, физическое событие, т.е. не знак. Нельзя оперировать знаками, отвлекаясь от их значений, поскольку без значения знак перестаёт быть знаком [Там же : 27]. Знаки, знаковая деятельность непосредственно связаны с категорией значения, с духовной, мыслительной деятельностью людей, т.е. относятся к области явлений, не поддающихся прямому наблюдению. [Там же : 28].

Самая радикальная точка зрения о знаке выражена в сентенции: «В знаке нет ни психологического, ни логического содержания. Значением знака является объект, а не его отражение в общественном сознании. Если считать, что значение знака – не объект, а его отражение, то это отсталая привычка к старым психологическим схемам» [Войшвилло 1969 : 132]. Следовательно, человек устранён, он не существует, существуют лишь материальные знаки и реальные предметы, а не их отражения в сознании человека. Да и сознания уже нет, потому что нет самого человека, с его психологическими и логическими проблемами.

2) Языковой знак – это внешняя форма мысли, превращённая форма идеального.

Особую теорию о сущности языкового знака предложил Комаров [Комаров : 1988].

а) «Значение по своей природе идеально. Будучи таковым, оно не может оторваться от материального субстрата – звука. ... Он становится необходимым условием абстрагирующих процессов человеческого мышления, существования идеального». [Комаров 1988 : 60]. Для общения необходим язык, который был бы одновременно чувственной и рациональной природы. Такими свойствами обладает язык» [Комаров 1788 : 17 - 18]. В воспринимаемом сознании идеальное порождается не в чистом виде, как считает Комаров, оно не освобождается от материи слова. Иначе и быть не может, ведь в принимающем сознании идеальное порождено мозгом, но оно присутствует в материальном звучании, иногда говорят – в превращённой форме. Комаров пишет, что идеальное обнаруживается в идеальном виде своих следов – акустических образов. Материальное может присутствовать в идеальном, лишь превратившись в акустический образ, который есть представитель материального в идеальном, посредник между ними. Акустический образ потому и посредник между ними, что он обладает признаками обеих противоположностей: моментом идеального, поскольку он есть образ, и моментом материального, поскольку он – образ материального звучания. Звуковой образ есть превращённая форма материального – он идеален [Комаров 1988 : 82].

По Комарову, звуковая природная материя становится звуковой материей языка, лишь будучи «одухотворённой» идеальным значением, находящимся в мозгу. Перерождение природного звука в языковую материю обусловлено значением, т.е. понятием. Это перерождение происходит диалектично: значение (понятие) в данном случае и есть то условие, при котором одно явление превращается в другое, т.е. звук в

мысль, а мысль в звук. Природная материя, оставаясь природной, становится неприродной, материей языка.

В связи со своей теорией Комаров считает, что идеальное тождественно материальному, ибо первое порождено вторым. А материальное тождественно идеальному, ибо второе порождено первым. Тождество идеального и материального обнаруживается в языке, где эти противоположности синтезируются в тождество. Язык – это то новое, в котором противоположности образуют его сущность. Каждая из противоположностей – лишь момент языка, результат самораздвоения, оба понятия равноправны, равнозначны [Комаров 1988 : 66]. В материи звука есть форма, которая сближает материю с идеей, одухотворяющую язык. Идеальное также имеет свою основу – материю звука, т.е. содержит в себе черты материального. Акустический образ (фонема, – А. К.) есть то материальное, которое существует в превращённой форме, т.е. в форме идеального и тем самым сочетает в себе свойства обеих противоположностей. Обе противоположности выступают в двойственной ипостати: материальное – как звук (конкретное) и как образ звука (абстрактное), а идеальное – как идеальное в голове субъекта и как идеальное в материи звука в качестве своего следа. Каждая из противоположностей совпадает в самой себе со своей противоположностью [Комаров 1988 : 83].

б) Знак содержит в себе материю и следы идеального, которое находится в мозгу. Знак, по его мнению, – двухсторонен: в нём заключена и материя, и идеальное, но только в виде следов идеального, которое находится в мозгу. В знаке присутствует материя звука и её идеальная форма, как превращённая форма материального. Звук неизменен и постоянен по своей физической природе, человек лишь изменяет субъективно его идеальную форму. Так и вся человеческая деятельность касается лишь изменения материальной формы вещества в её идеальные формы. Только идеальная форма вещества есть порождение человеческого труда, именно в этой форме человек запечатлел своё сознание (машины, техника, здания, Египетские пирамиды и т.д.).

в) Утверждение, что форма материи знака есть внешняя, превращённая форма самой мысли, Комаров обосновывает теорией Ленина: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [Ленин, т. 29 : 194]. «Деятельность человека ... изменяет внешнюю действительность» [Там же : 199]. Но человек творит не материю объективного мира, а лишь форму его предметов, пишет Комаров. И далее Комаров пишет: «Мысль превращается в форму вещества и иначе существовать не может. Форма вещества есть внешняя форма самой мысли. Поэтому тезис: форма языкового звучания есть проявление идеального – не представляется нам столь уж одиозным» [Комаров 1988 : 77 - 78].

Материя предмета, в том числе и знака, есть превращённая форма идеального, мысли. В языковом звучании присутствует материя звука и её идеальная форма, которая есть превращённая форма материального. Материальное в знаке – звук, идеальное в знаке – идеальная форма звука. Формированный сознанием звук есть не только звук, но и мысль как его идеальная форма. При восприятии слушатель распредмечивает форму звучания, преобразуя её в значение, в идею. Форма звука переходит в идею, в мысль. Это и есть объективная диалектика взаимодействия материального и идеального, которые по отношению друг к другу относительны. Сознание, как идеальное, реализует себя как форма материального. «Слово как звучащее исчезает во времени ... Истинной же конкретной отрицательностью речевого знака является интеллигенция (идеальное, – А.К.), ибо посредством её он превращается из чего-то внешнего во что-то внутреннее и сохраняется уже в этой преобразованной форме» [Гегель 1956, т. 3 : 273].

г) Мысль перешла в форму звука. Комаров ставит себе вопрос: каким образом происходит слияние звучания и значения в единство ? Звук тоже имеет форму и скульптором этой формы является сознание, в виде следа, своего отпечатка. Идеальное заключается в своём продукте, сохраняется в нём. Если на духе с самого начала лежит проклятие быть отягощённым её материей, то действительно и обратное – на материи звука лежит проклятие быть отягощённым её духом. Следовательно, звук знака, материя содержит в себе и материю и её форму в виде отпечатка духа, идеальное в материи звука – её членораздельность. Именно такое звучание принадлежит языку. Идеальное перешло в материю. Форма звучания, следовательно, есть превращённая форма идеального. Поэтому диалог в форме звучания есть «обмен мыслями». Мысль отрывается от своей материи, которая мыслит, выходит наружу, встаёт между субъектами. Иначе идеальное не могло бы возникнуть и существовать, мысль вышла наружу. Если бы мысль не выходила наружу, не встала бы между говорящим и слушающим, не было бы коммуникации и не было бы вообще мышления. Идеальное вообще не могло бы возникнуть. «Мы ... говорим об изображениях, начертанных чёрным по белому (книга, журнал, газета), что в них есть глубокая, возвышенная, тривиальная или какая-либо другая мысль. Мысль перешла в форму звуков, а затем в графическую субстанцию» [Комаров 1988 : 73].

д) Идеальное находится и в сознании, и вне сознания. Знак – идеально-материальное изваяние, материальное изваяно идеальным, поэтому оно и находится в материи. Это диалектика взаимодействия материального и идеального. Идеальное одновременно и присутствует в материи знака, и отсутствует, потому что его место только в мозгу. Ни в какой иной материи идеальное существовать не может. «Но диалектика взаимодействия материального и идеального как раз и заключается в том, что идеальное одновременно присутствует и в материальном знаке. Доказательство: идеальное в материи знака содержится в виде его следов, которые и индуцируют, порождают в материи знака идеальное. Если бы этих следов не было, то невозможно было бы понимание слов» [Комаров 1988 : 70]. Но К. Маркс, вопреки Комарову, пишет: «Нельзя отделить мысль от той материи, которая мыслит» [Маркс, Энгельс т. 3 : 168].

Как происходит единство знака и значения, как сливаются материя и идеальное в знаке ? Звук в знаке не природная материя, она «изваяна» идеальным, материя в звуковой форме несёт в себе печать идеального, т.е. звук содержит в себе идеальное в виде следов его присутствия. Поэтому язык и является средством общения, обмена мыслями, потому что идеальное содержится в материальном знаке. [Комаров 1988 : 68]. Значение идеально. Будучи таковым, оно не может оторваться от материального субстрата – звука. Благодаря этому обстоятельству значение есть обязательный компонент языковой единицы. Природный звук становится знаковым звуком лишь в случае его использования мыслящим субъектом в несвойственной ему функции – обозначать находящиеся вне знака явления, т.е. «в случае приобретения звуком значения, отражающего не его собственное абстрактное бытие, а бытие представляемых им явлений. ... Материя звука становится материей языка». ... Значение есть тот трансформатор, который преобразует природную материю в материю языка». [Там же : 58].

е) Мысль получает форму предметности. Идеальное, значение – в мозгу человека. «Если бы не было материальных средств реализовать его вне мозга, между людьми, выйти в интерсубъектную область, то оно не могло бы даже возникнуть. Следовательно, как пишет Комаров, значение, как идеальное, находится в знаке, и в то же время вне знака, в сознании. Мыслящий субъект преобразует идеальное, значение в звук, а звук – в идею. Так совпадают противоположности, так образуется их тождество, субъект есть то

условие, при котором одно явление превращается в свою противоположность: мысль становится звуком, а звук – мыслью» [Комаров 1988 : 69].

Если, как пишет Комаров, мысль превращается во внешнюю форму вещества, в данном случае звука языка, если форма языкового звучания есть проявление идеального, и сама форма языка есть внешняя форма самой мысли, то перед нами те же «теории лингвистической относительности» и «языковой картины мира», с той лишь разницей, что идеальное, по Комарову, не только в материи языка, но оно остаётся и в сознании. В форме языка присутствует превращённая форма идеального. Материальное в знаке – звук, идеальное в знаке – форма звука. Звук – не только звук, но и мысль. Слушатель распредмечивает форму звучания, преобразуя её в значение, мысль. Это и есть объективная диалектика взаимодействия материального и идеального. Материя и значение переходят друг в друга.. Сознание как идеальное реализует себя как форма звука.

Какие выводы следуют из знаковой теории Комарова ? Неверно, что мысль получает форму внемозговой предметности: идеальное, мысль в голове говорящего нашла для себя нужную, но условную, случайную материю знака, а органы речи, под руководством мозга, продуцировали эту материю вовне. Слушающий по психической ассоциации узнал звук и связал с ним значение, оно родилось в голове слушающего по ассоциации. Значения нет между собеседниками, оно в головах того и другого. Между ними – звук, материя как материальный посредник между двумя одними и теми же значенями, но в разных головах.

Но всё дело в том, что идеального между собеседниками нет, поэтому идеальное у говорящего переходит в идеальное у слушающего не непосредственно, а только через то же материальное, которое ассоциативно вызывает в мозгу у слушающего соответствующее идеальное значение. Это не одно и то же, эти идеальные образы у собеседников могут быть разными, у каждого своё понимание мира. Здесь нет никакого взаимоперехода, эти идеальные значения от предметов и идеальные образы от материальных знаков – в разных головах. Здесь ничто не превращается в свою противоположность.

Итак, по Комарову, идеальное выступает в трёх точках: в слове, в мозгу и в речедвижениях как химических и электрических процессах. Приписывать материи слова превращённые формы идеального Комарову якобы «помогает» Маркс своим высказыванием: «Непосредственная действительность мысли есть язык». Но Маркс имеет в виду совсем иное, а именно: о мыслях человека мы узнаём только через материю языка, но это не значит, что материя языка – это и есть мышление, или что в материи содержится отпечаток мысли.

Таким образом, звуковая материя, согласно Комарову, есть мыслящее существо, как и живой человеческий мозг. Здесь идеальное, мысль подменяется материей звука. На самом же деле звук **(1)**, через превратившийся в мозгу в его идеальный образ, фонему **(2)**, вызывает идеальную, психическую ассоциацию, понятие **(3)** о материальном внешнем предмете **(4)**, как мною и показано в «Модели знака» (см. выше). Звук так и остался внешней материей, тем же звуком, а идеальное, якобы «перешедшее в него из мозга», есть на самом деле мысленная, идеальная, психическая ассоциация с внешним предметом, т.е. ассоциация как психическое, идеальное или логическое явление, живущее только в живом мозгу человека, и кроме как в живом мозгу человека никакой идеальной ассоциации в каких-либо иных материальных предметах, в том числе и в звуке, осуществляться не может. Утверждение Комарова о том, что «звук формован идеальным», т.е. приобретает форму идеального, есть не что иное как «узнавание» нашей памятью, нашим мозгом конкретного звука в виде идеальной, логической

фонемы, и структуры фонем в виде логического понятия, ассоциативно соотнесённых с данными материальными звуками. Однако идеальное – не формирует материиу звука.

Комаров ищет спасения своей теории у Маркса: «На духе с самого начала лежит проклятие – быть «отягощённым» материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоёв воздуха, звуков – словом, в виде языка» [Маркс, Энгельс т. 3 : 29]. По Комарову, верно и обратное: «материя» звука отягощается «духом», т.е. идеальным. Поэтому, по Комарову, диалог в форме звучания есть «обмен мыслями». Мысль, якобы, отрывается от своей материи – мозга, которая мыслит, выходит наружу в образе звука, встаёт между субъектами, который совершает «обмен мыслями». Но Маркс имеет в виду совсем другое: «о мыслях человека, о «духе» мы можем узнать только по внешней материи звука», которая в идеальной форме записана в мозгу, но не о том, что идеальное находится в материи звука и «формовано» этим звуком.

По теории Маркса и Ленина, ни в какой иной материи, кроме материи мозга, идеальное присутствовать не может. Но Комаров, ссылаясь на них, пишет, что «согласно диалектике», идеальное одновременно присутствует и в материальном знаке, и в сознании. Следовательно, диалектика доказывает, что любая материя, в том числе и неживая материя, как и мозг человека, может мыслить. Как же примирить «диалектику» Комарова с диалектикой Маркса: «Нельзя отделить мысль от той материи, которая мыслит» ? Материя звуков и букв только для того и служит, чтобы, выполняя функции инструмента мозга, чтобы вынести за пределы мозга, материализовать вовне мозга идеальное, ассоциативно связанное с этой материей знака в мзгу, которое по той же ассоциации узнаётся чужим мозгом. Гегель пишет: «Слова становятся ... наличным бытием, оживлённым мыслью. Это наличное бытие для наших мыслей абсолютно необходимо. О наших мыслях мы знаем только тогда ... , когда мы даём им форму предметности, различенности от нашего внутреннего существа, следовательно, форму внешности – и при том такой внешности, которая в то же время носит на себе печать нашей внутренности. Таким нашим внутренним является единственно только членораздельный звук, слово. Мыслить без слов ... есть поэтому затея неразумная» [Гегель 1956, т. 3 : 273].

Как, оказывается, можно быть легко введённым в заблуждение автоматической, бессознательной «неразрывностью» знака и значения, звука и идеального. Сто раз сказано и это исходит от Гегеля, Маркса, Энгельса и Ленина, что идеальное вне мозга не живёт, свойством идеального неживая материя обладать не может. То, что Комаров считает «мысль перешла в форму звуков», что «звук изваян идеальным», и, следовательно, «идеальное есть следствие материи звука, слова», то это есть не что иное, как субъективное впечатление от постоянного совместного употребления слова и его значения, от того, что звук и смысл скреплены намертво, что одно обязательно тянет за собою другое в силу того договора, который освящён обществом и человек впитал эту связь с молоком матери. На самом же деле происходит лишь ассоциативная, но твёрдо усвоенная связь материи знака и его идеальным отпечатком в сознании.

* *
*

Итак, перед изумлённым взором читателя промелькнул калейдоскоп самых различных точек зрения относительно теории двухсторонности языкового знака. Что же такое двухсторонность знака, и как неживая материя может содержать в себе идеальное, и как это идеалное уживается в неживой материи ? Любая материя, кроме живой материи мозга, не может мыслить и, следовательно, сама по себе иметь значение, вызывать ассоциации, выражать идею, значение, содержание, которое многими авторами

приписывается материальному знаку как его вторая сторона. Если говорят о неразрывности знака и его значения в одном и том же знаке, то она, действительно, существует, но она существует лишь как условная, произвольная, установленная данным обществом связь звука, буквы с понятием, живущим в сознании, а не в самом знаке. Поэтому хотя эта связь и условна, однако она неразрывна, и неразрывна лишь в силу общественного договора, который никто не может нарушить, не рискуя вызвать непонимание. Если мы договоримся, что с завтрашнего дня *корову* будем называть *лошадью*, то мы сделаем новое неразрывное закрепление материи знака вне мозга с её идеей в мозгу. Однако ни реальная *корова*, ни реальная *лошадь* от перемены их произвольных названий не изменятся, ибо эти животные не имеют ничего общего с их материальными языковыми знаками, которые не похожи ни на реальную *корову*, ни на реальную *лошадь*.

Что бы не писалось о языковых знаках в языкознании, авторы, во-первых, исходят из презумпции, что язык есть извесное для всех некоторое данное, которое надо только описать, т.е. лингвисты исходную точку анализа – язык – превратили в её уже заранее решённый вопрос. Они, как правило, не обосновывают, не доказывают свою точку зрения. Соответствующие аргументы отсутствуют, это просто набор отдельных суждений, не всегда вытекающих одно из другого, или взаимно исключаемых. Если считать знак «двухсторонним», то это значит наделить знак свойствами мозга, подменить мозг языком.. Если же считать знак двухсторонним в том смысле, что его вторая сторона – идеальное – находится в мышлении (а это уже ведёт к тому, что мы должны признать знак односторонним !), то эта теория остаётся также необоснованной: может ли одна из сторон какого-либо конкретного предмета находиться, скажем, в доме, а другая – в лесу ?

У многих лингвистов понимание природы знака и языка в целом есть практическое, обиходное понимание. Оно годно лишь для эмпирического языкознания, которому достаточно видеть и слышать слова и исследовать их только такими, какими оно их видит и слышит, не задумываясь об их истинной сущности, об их месте и роли в познании, в отражении мира, в общении с себе подобными, в теории взаимоотношения «действительность – мышление – сознание – логика – язык – речь – текст», где и раскрывается и с т и н н а я с у щ н о с т ь з н а к а и его роль в функционировании языка.

Действительно, вопрос о языковом знаке – главный в теории языка. Может ли значение, т.е. идеальное существовать в какой-либо иной материи (звуках, буквах, светофоре, флажках, мимике, телодвижениях) кроме живой материи мозга ? Если бы знак был двухсторонним, то мышление человека было бы излишним и все мыслительные процессы человека, в том числе и отражение мира, решались бы самим языком.

Если сущность языка якобы «не сводится к его знаковой стороне», не исчерпывается его «знаковостью» и эта теория гиперболизации системы знаков якобы ведёт к «непознаваемости объективной действительности», то зададим автору этой теории Филину вопрос: а что в языке главное, если не его знаки ? Что такое язык вообще ? Может ли мышление и, следовательно, сознание и общение обходиться без знаков, за счёт чего оно выносится вовне мозга и что служит ассоциативным идеальным накопителем человеческих знаний, передаваемых из поколения в поколение ? Филин постоянно пишет о том, что «марксизм - ленинизм – единственно правильный компас», и в то же время отрицает роль знаков – сердцевину того, что у Маркса, Энгельса относится к понятию «языка» (в его теории прибавочной стоимости), но ни один «марксист» этого и не заметил. В знаке заложена вся сущность знакового,

оречевлённого, живущего в нейронных клетках, но ассоциативно вынесенного за пределы мозга мышления, т.е. того мышления, которое в сознании протекает в логических формах мысли, на основе которого люди думают, познают, общаются. Признать главным в языке знак – не значит заниматься формальными, чисто бессодержательными операциями, как это делают многие логики, оторванные от конкретного языка, а, напротив, признать, что мы, если мы правильно поймём суть знака, то мы глубоко проникнем в суть мышления и его связей с материей знаков и реальной действительностью.

Филин обвиняет теорию языковых знаков в том, что «в основе этой теории – сначала мысль, знание, затем условное закрепление за ними произвольно выбранных символов». Но так оно и есть на самом деле ! Знает ли история наук хоть один случай, чтобы люди сперва изобрели слово, ни с чем не связанное, ни с внешним, ни с внутренним миром человека, а потом мучительно бы ломали себе голову над тем, какую бы идею, смысл, значение втиснуть в этот знак ? Психологи показали (Выготский), что мышление и язык, т.е. знаки, независимы одно от другого, прежде рождается мысль, понятие, а затем оно одевается в знаковую форму. По мере автоматического овладения языком эта связь укрепляется до автоматизма, кажется неразрывной, до того неразрывной, что переходит в свою противоположность – мышление становится возможным и без слов языка, нерасторжимая связь между знаками и мышлением разрывается, что и проявляется в феномене «авербального» мышления.

Связь между звучанием и графикой слова с обозначаемым предметом не прямая и непосредственная, звучание и написание связано с отображением предмета в сознании через определённые уровни знака (четыре уровня, см. выше). Поэтому материя слова не есть «чистый природный знак», наподобие свиста ветра, как некое чистое звучание, как нечто только внешнее по отношению к значению, к отражению действительности в мозгу человека, с которым это слово связано условно, а есть её идеальный образ в сознании – фонема. Общепринятое понятие «значение слова» не есть его собственное значение – это идеальное отражение действительности, совершающееся в мозгу. Значение, мысль лишь условно связано со словом, это психическая ассоциативная связь материи знака с её идеальным образом в мозгу. Язык – это смысловая сфера, а материальные знаки в этом языке – лишь внешние материальные символы, рабочие инструменты, и «свою значимость» они получают в мозгу для тех или иных предметов, которые они обозначают по психической ассоциации. Предметы эти, бывшие неизвестными, туманными или вообще не существующими для сознания, только в сознании впервые получают свой чёткий смысл, хотя этот смысл был им дан мозгом условно, собразуясь со свойствами предметов.

Раз есть знак, значит есть и тот предмет, который им обозначен, реальный или вымышленный. Идеальный образ всякого материального знака, отражённый в сознании, предполагает материального носителя, т.е. звуки и буквы а также человеческие материальные органы: мозг, органы артикуляции, руки. Звуки, буквы не исчерпываются их материей, воздушными волнами и чернилами. Взятые сами по себе они представляют только самих себя. Это физика. Кроме физической субстанции вся область обозначения, познания и коммуникации имеет ещё и главную специфику – идеальную сторону, хранящуюся в нейронах мозга. Знак есть носитель смысла, хранящегося в мозгу, а предмет, обозначенный знаком, получает осмысленное содержание.

Лингвистические фантазёры утверждают, что слово (знак) есть материально-идеальное образование, т.е. соединение в материи слова и материального, и идеального, и что вроде бы без значения нет слов. Могут ли существовать какие-либо материально - идеальные образования вообще ? Такие гибриды невозможны. Есть, с одной стороны,

материальные образования, а с другой – идеальные образы и отношения между ними. Идеальное есть отражение в сознании человека материального, существующего вне и независимо от сознания. Принятие тезиса о материально - идеальном характере языка приводит к сфере расширения языка и несвойственных ему функций, функций отражения реального мира. Мышление оказывается в таком случае частью языка и, следовательно гносеология и логика должны стать лингвистическими дисциплинами.

Развитие этого тезиса приводит к тому, что языку приписывают функцию отражения действительности. При этом опираются на марксистскую формулу о «единстве языка и мышления», которую Маркс нигде в таком виде не высказал. Его формула: «На духе с самого начала лежит проклятие быть отягощённым материей языка». Но это не «единство», а условное, произвольное объединение двух разнородных явлений – материального (в слове) и идеального (в сознании). Формы мышления не могут включаться в языковую материю как её составные части. Поэтому следовало бы говорить не о познавательной и коммуникативной функции знаков, а лишь об их «звуковой или графической оболочке», служащей этим целям, не о выражении мысли в языке, а об ассоциативной связи внешней материи с внутримозговым идеальным образом, не об обозначении понятия словом, а об ассоциативной соотнесённости идеального понятия со звуковым комплексом слова. В самом теле знака, в его материале, никакого значения нет, а у идеального значения совершенно иной адрес: в человеческой голове. Экспонентом знака будет только восприятие тела знака, ибо всё происходит через него, находящегося вне человеческой головы, а идеальный образ этого тела живёт в голове.

Многие определяют язык как неразрывное единство материального и идеального. Но как представить себе, чтобы существовал знак, слово как нечто целое, частями которого являются мысль и звук ? Где локализуется такое целое и где локализуются части этого целого ? Если звуки и слова, поступив в мозг, превращаются в идеальное от этих звуков и слов – в фонемы **(2)** и понятия **(3)**, то лингвисты были бы правы, назвав весь знак «психической сущностью». Звук и мысль не могут быть неотделимы друг от друга, это разные уровни – материальное и идеальное. Это разнородные явления, поскольку для их тесного, «неразрывного» существования невозможно представить себе какое-либо конкретное место для их локализации. Нельзя считать материальное и идеальное (значение) неразрывным, потому что это была бы совершенно неопределённая связь двух совершенно разнородных сущностей – материальной субстанции и идеального понятия. Соссюр считал эти две стороны в знаке неразрывными, подобно единству двух страниц листа бумаги. Эта точка зрения ведёт к тому, что мы должны будем принять также тезис: на той и другой стороне листа бумаги оказались разрезанными в одиноковой мере и материя знаков (вне мозга), и идеальное понятие (в мозгу). Эта точка зрения приводит к тому, что материя знака есть носитель, вместилище идеальных содержаний мысли. «Неразрывными» могут быть только идеальное от материи знака (уровень в знаке **2**) и идеальное от реального внешнего предмета в нейронах мозга (уровень в знаке **3**), которые объединяются условно, немотивировано, по общественному договору, значит нерасторжимо, потому что то и другое есть одно и то же лишь по названию, а не по природе, по сущности, и то только потому, что два идеальных образа (фонема и понятие) освящены одним и тем же человеческим органом – нейронными связями мозга.

Это сложный гносеологический вопрос: каким образом идеальное, которое есть функция мозга, может существовать на базе неживой материи звуков, букв ? Но если материя знака имеет значение, то как оно там возникло ? Если значение – в мозгу, то как я узнаю звук, буквы, производимые другими людьми – в мозг входят звуки и буквы

живьём ? Никакой аргументации авторы этой теории не дают. Открытыми остались также вопросы: 1) каким образом значение локализуется в структуре языка, в знаках и 2) как эта семантика реализуется в сознании, отражающем объективную действительность. Изменение значения слова, как некоторым кажется, зависит от структуры предложения, обусловлено якобы поведением слова в данной знаковой системе, но фактичкески изменение значения слова обусловлено изменением структуры мышления, так как по своей структуре знаки рождены сознанием и связаны с сознанием. Структура предложения становится индикатором изменения значения слова только потому, что предложение лишь регистрирует плоды работы мозга. Знаки развиваются не в силу языковой структуры, а в силу закономерностей развития в структуре мышления, которое и руководит языковой структурой. Формы взаимоотношения материи знаков и их ассоциативных значений в мозгу (полисемия, антонимия, омонимия, синонимия) являются результатом логического анализа, т.е. осуществляются не на «внутренней логике» языка (мёртвая языковая знаковая система лигики не имеет), не на основе «семантической системы самого языка», а есть логические операции мышления, опирающиеся на материальные знаки. Разные «значения» одного и того же знака – это приёмы и способы мышления, давно известные из Аристотелевской формальной логики. Разумеется, этих приёмов сейчас значительно больше, чем во времена Аристотеля. Это результат развития семантического и логического уровня сознания, именно сознания, а не языка. Поэтому когда пишут или говорят «История немецкого языка», «История английского языка», то это не история немецких и английских языковых знаков, а история мышлеия людей этих наций, или конкретнее – история их семантического мышления, отражённого в их национальных знаках.

В символической логике и в математике эти операции осуществляются более точно, чем в языкознании, но ни логики, ни математики не выступают с заявлениями, будто логические и математические значения являются внутренним свойством самих математических и логических знаков, будто математические и логические знаки есть «вместилище», «оболочка» математических или логических значений. Человеческое мышление не сделало бы никакого прогресса, если бы люди считали, что знаки языка, химии, физики, логики и др. символы имеют «значение», заключённое в них самих. В суждениях *Солнце вращается вокруг Земли, Солнце всходит и заходит* на уровне науки, а не на житейском уровне, т.е. на уровне логического мышления доказано, что эти знаки имеют прямо противоположное значение. История идеального значения и его формирования лежит за пределами самой знаковой системы**.**

А где же, и на каком этапе работы знака вступает в свои права мышление ?
За высокими марксистскими фразами механизм знака остался не раскрытым. Догмы марксизма повторяются по наследству всеми марксистскими лингвистами. Идеальное «в знаке», которого в нём нет, не тождественно материи знака, потому что и материя знака, и его идеальный образ, как и образ внешнего предмета, произвольны. Идеальное порождено материей мозга, но оно тоже произвольно, независимо от материи знака. Оно зависит лишь от материи мозга, но лишь в том смысле, что оно есть продукт работы мозга. Поэтому язык не есть «то новое», в котором противоположности образуют его сущность, идеальное и материальное в языке не есть «результат саморазвития». Происходит «раздвоение» на материальное и идеальное не в знаке, а в мозгу.

Языковой знак не может быть двухсторонним. Если объявить знак двухсторонней сущностью, то это означало бы, что в знаке содержится одновременно и материальное, и идеальное, т.е. между ними существует какое-то «соотношение». Это, далее, означало бы, что в одном и том же знаке существуют два разных объекта – и

материальное, и идеальное. Если допустить, что знак имеет значение, то остаётся загадкой, как неживая материя может обладать своим собственым идеальным значением. Эта теория основана лишь на «здравом смысле», и не имеет под собой научного основания: в каком смысле понимается эта соотнесённость противоположных сущностей, в чём механизм вхождения значения в материю знака ?

Идея о материально-идеальном свойстве языка запутывает проблему связи языка и мышления, слов и понятий, предложений и суждений. Следуя этому тезису, мы приходим к полному отождествлению языка и мышления. Если слово состоит из двух элементов – материальных звуков и идеального значения в этих звуках, то и язык есть материально-идеальное образование, где идеальный элемент – всё мышление в целом как система движущихся и изменяющихся языковых знаков. Следовательно, мышление – часть языка, т.е. включает в себя язык, а язык включает в себя мышление как свой элемент (свою составную часть). Следовательно, язык – не орудие мысли, средство обмена мыслями и сама мысль. Если язык включает в себя мышление, то может ли он быть средством выражения мысли, т.е. самого себя ? Тогда мы обязаны заменить вопрос о соотношении языка и мышления вопросом о соотношении звукового комплекса с его значением в пределах самого языка, т.е тем самым мы постулируем теорию, будто мышление не может выйти за пределы системы языковых знаков. А так как языковые системы в разных языках разные, то мы обязаны утверждать, что нет общечеловеческого мышления и все народы живут за железным, т.е. языковым занавесом. Поэтому основной наукой о мышлении мы должны считать не теорию познания, философию, логику, психологию, а лингвистику. Если знак двухсторонен – звук и значение, а значение – это отражение реального мира в мозгу, то это ведёт к признанию тезиса о том, что язык, т.е. языковые знаки каждого национального языка есть сознание этого народа, т.е. каждый народ понимает мир как систему их языковых знаков. Это та же теория «лингвистической относительности» Сепира – Уорфа, та же современная теория «языковой картины мира».

Языковой знак не несёт в себе никакого семантического значения, никакой логики. Значение не в знаке, а в мозгу – это отражательная категория, понятие, т.е факт сознания. Значение может находиться только в головах людей, а материальный знак только вне человека. Если признать, что знак включает в себя значение, то это значит, что знак указывает на самого себя или одна часть знака указывает на другую его часть. «Звуки ... вообще чувственная, внешняя периферийная сторона, взятая сама по себе, ничего не значит» (Бодуэн).

Нет того, что мы называем «языком», без материальных знаков, которые и являются языковыми знаками потому, что они построены по четырёхуровневой модели, вобравшей в себя и материальное в знаке (уровень – **1**), и идеальное знака, фонемы (уровень – **2**), и идеальное значение внешнего предмета, понятия (уровень – **3**), и материя внешнего предмета (уровень – **4**). Для языкознания, таким образом, проблема природы знака, соотношения между знаком и значением, перерастает в важнейшую научную проблемы – основу всего языкознания, в проблему самого лингвистического объекта.

Идеальное – это факты сознания, отражения. Всё смысловое, т.е. идеальное, живущее в сознании, реально, и в то же время не есть нечто материальное. Идеальное является отражением материального и существует при условии своей отчуждённости от форм материального. Отражение предмета не есть отсутствие этого отражения. Это специфическое бытие предмета, а вовсе не полное отсутствия этого бытия. Иначе пришлось бы отменить и таблицу умножения, всю математику. Ведь таблица умножения отражает материальное бытие предметов, но не чувственно материальное, а нечто такое,

что лежит в глубине этого материального. Знак – материален, он не может не быть материальным, иначе не было бы ни самого знака (звука, слова), ни реального предмета, которые присутствуют через материю этого знака в сознании человека. Идеальная сторона знака, как **собственность** сознания, есть максимальная обобщённость материи знака, означающая её всеприсутствие. Знак обязательно связан с тем внешним физическим предметом, который этим знаком обозначается как ассоциативный, идеальный образ этого знака (естествено, вместо физических предметов это могут быть и идеальные образования мозга, как предмет познания или коммуникации).

3) Языковой знак – односторонний: материя знака не отражает сущность объекта.

Материя знака не содержит в себе идеального. Признать знак односторонним означает, что его надо понимать как указатель на некоторое мыслительное содержание в мозгу человека. Значение – это факт сознания, значение – это категория неязыковая, но оно ассоциативно живёт в мозгу, выводится за пределы знака. В. Вундт считал природу значения, смысла, содержания языковой категорией, которая, будучи принадлежностью психики, остаётся в рамках последней и не переходит в структуру языка. Гегель исключил сознание (интеллигенцию) из природы языка. Нет смысла искать в каждом звуке присущее ему значение. Эта концепция вхождения значения в знак обязана не научному подходу к языку, а обычному «здравому смыслу», которому простительно забвение того, что представляют собой имена как таковые. Имена людей стали восприниматься как значения, будто бы присущие природе самих имён. А значение – это отношение сознания к знакам языка, значение – это то особенное в общем, представление. Эта теория Гегеля направлена против отождествления языка и мышления в одном объекте, т.е. в знаках языка. Диалектика движения чувственного образа предмета к абстрактной идее предмета требовала необходимости языка, знаков, их соответствующей природы, природы мышления и характера связей между ними. Для Гегеля знак произволен, связь между языком и мышлением, знаком и значением условная.

Общее представление данного чувственного образа в сознании становится чем-то созерцаемым, ощущаемым именно в сознании человека через произвольно выбранный знак. Если сознающее себя сознание обозначило нечто идеальное в себе самом, то оно покончило с материальным созерцанием знака и придало ему чуждое ему самому значение. Значит, и знак, и мышление по своей сути произвольны, следовательно, мышление, идеальное лежит за пределом языкового знака. Языковой знак, как «инородная материя», не имеет с мышлением ничего общего. В знаках и их сочетаниях условно, ассоциативно запечатлена рассудком его собственная продукция – формальная система идеальных знаков – понятия. Только материальные элементы (звуки, буквы) языка выступают в качестве языковых знаков. «На духе с самого начала лежит проклятие – быть «отягощённым» материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоёв воздуха, звуков...». [Маркс, Энгельс т. 3 :29]. «Любая абстракция должна быть овеществлена, символизирована, реализована посредством (какого-либо) знака». [Архив Маркса и Энгельса, т. IV : 61].

Простейшим опытом, подтверждающим односторонность знака, может быть следующее – показать китайцу, не знающего русского языка, слово *корова* и спросить, что это такое. Он не ответит по очевидной причине – он не знает русского языка, т.е. не может соотнести эти буквы (звуки) с идеальным, абстрактным понятием, которое записано в нейронах его мозга. А что такое знать знак ? Это значит знать понятие, хранящееся в мозгу, и его звуковую (графическую) форму, находящуюся вне мозга,

ассоциативно, условно, «по договору» связанную с этим понятием. Знак обозначает понятие и выступает его внемозговым материальным носителем, но он не включает в себя понятие, которое является формой обобщённого отражения объективно существующих вещей и явлений в сознании человека.

То, что делает знак знаком и есть его ассоциативное значение, хранящееся в мозгу. Графическое изображение, звуки сами по себе ещё не есть знаки, они – лишь материал, вещь знаковой формы. Быть знаком – есть не естественное свойство какого-нибудь материального предмета, а его функциональное свойство. Ассоциативная связь идеального образа знака (фонемы) **(2)** и идеального образа предмета (понятия) **(3)**, живущих в сознании, есть функциональное свойство знака, его значение, отделимое от него самого, живущее в сознании. Следовательно, вопрос о том, где пребывает значение (внутри знака или вне его) является излишним. Как пишет К. Маркс, функциональное бытие такого предмета поглощает его материальное существование, функциональное бытие и есть значение знака. Вопрос о значении есть философский вопрос о сущности знака, следовательно, знак и его значение – две самостоятельные сущности.

Одну из оригинальных точек зрения о сущности языкового знака высказал Ибраев, который разбирает поведение знака в глобальном масштабе – в составе предложения и всего языка. Отсюда его теория знака, встроенная в «надзнаковость языка». Знак есть вещь или явление, 1) доступное восприятию, 2) искусственное (произведённое человеком), 3) произвольное (управляемое) и потому 4) намеренное – с целью вызвать 5) в сознании как его производителя, так и воспринимателя образ 6) других, отличных от него вещей и явлений, и 7) вне этой мнемонической и коммуникативной функции незакономерное. Значение знака есть явление сознания т.е. образ: представление или понятие. Но значение – не просто сознание. Значение не заключено внутри знака, а лишь связано с ним, но оно входит в сущность знака. Значение – психический образ, как элемент общественного сознания, связанного со знаком. Значение знаков вовсе не внутри, а в н е знаков – это наши образы объектов. Само обозначение и общение осуществляется посредством знаков, но в н е их – через наше сознание. Связь знаков друг с другом в предложении тоже осуществляется в н е знаков – через наше сознание как связь образов. Таким образом, язык – только п о д с и с т е м а системы, именуемой обществом. А речь, текст сам по себе, без интерпретатора – не сущность и не система, а только физическая структура звуков и крючков, для природы случайная [Ибраев 1981 : 22, 24, 27, 28].

Значение – категория неязыковая и не выводимая непосредственно из знаковой структуры языка, т.е. языковой знак не включает в себя значения, которое является фактом сознания, психического, логического и является общим объектом исследования лингвистики, логики, психологии, физиологии. Природа семантики может быть определена лишь на основе данных логики, психологии, физиологии, служащие инструментом познания как категории мышления. В теории, включающие значение в собственность языка, в которых природа значений определялась лингвистами только как категория языка, требуется пересмотреть все аргументы, ибо было забыто, что всеми языковыми структурами – синтаксическими, морфологическими, словообразовательными руководит мышление, через свои категории – логики и психологии.

Значение – категория неязыковая по своей природе и является одной из специфических функций мышления, материальных процессов мозга. Мышление может быть интерпретировано как функционирование материальных знаков, служащих материальной, знаковой основой коммуникативного и познавательного мышления. Мышление связано со знаковой системой тем, что мышление отражает в знаках два

идеальных образа: от материи знаков (фонемы) **(2)** и от материальных объектов внешнего мира (понятия) **(3)**.

Материя в знаке и идея в сознании автономны, условны, органически не связаны, имеют собственные законы жизни и развития, эта связь в знаке произвольна, условна. Поэтому любое значение может быть выражено любым словом, как и любое слово может иметь любое значение. Новое содержание укладывается часто в старую форму. Отсюда вывод: поскольку две стороны знака независимы, то мышление данного народа может иметь какой угодно язык, и любая знаковая система может одинаково полноценно выражать одно и то же общечеловеческое мышление. Необходимость обоснования природы значения связана с теорией языкового знака, как четырёхуровневой модели, в которой нет места для понимания значения, семантики как ингредиента самой знаковой системы. Семантика – категория не языковая, а категория сознания.

Некоторые из приверженцев двухсторонности знака одновременно поддерживают и противоположную точку зрения. Панфилов считает, что отрезок речевой цепи между говорящим и слушающим включает в себя только материю звуковых волн, т.е. здесь живёт только знаковая сторона языковых единиц. Но, не имея идеальной стороны, этот отрезок несёт в себе определённую информацию, также материальную по своему характеру, благодаря чему в мозгу слушающего возникают те же или близкие образы как идеальная сторона языковых единиц [Панфилов 1982 : 99]. Возникает вопрос: как может материальный знак, не имеющий идеальной стороны в самом себе, нести информацию ? Как может быть информация материальной, а не идеальной ? Информация в с е г д а и д е а л ь н а ! И как может в мозгу человека возникнуть эта «материальная» информация, если мозг мыслит т о л ь к о и д е а л ь н ы м и понятиями, всегда преобразуя в себе самом материальное в идеальное, и как эта идеальная информация, если она уже в мозгу, при выходе из мозга превращается вновь в «материю знаков» ? Информация – это сведения о мире и его процессах, получаемых или выдающих мозгом человека, информация может быть продукцией только идеального свойства. Другое дело, что эта материя знака – но только если эта материя есть в то же время языковой знак, а это значит воспринимаемый мозгом только в идеальной форме – индуцирует в мозгу слушающего определённые участки, что и есть информация. Следовательно, она не может быть материальной.

Панфилов не разделяет мнение многих лингвистов (и, следовательно, своё собственное, проанализированное выше !) о двусторонности языкового знака. Это означало бы, по Панфилову, что билатеральная языковая единица являлась бы знаком в целом, т.е. идеальная сторона рассматривалась бы тоже как знаковая, что, с его точки зрения, неверно. Следовательно, понятия, суждения и вообще мышление было бы, по Панфилову, знаковым по своей природе, т.е. в процессе познания не происходило бы отражения объективной действительности. Панфилов отвергает двухсторонность знака, потому что в таком случае мы отказали бы знаку в свойстве отражать действительность. Но это так и есть, идеального образа мира в самой материи знака нет, ибо этот образ живёт в мозгу лишь как его название и, следовательно, не отражает действительность и не может отражать действительность. Это идеальное – лишь имя, название для него, он тоже знак, следовательно, как и материя знака, немотивировано, произвольно.

Панфилов ошибается в том, будто познание, отражение объективного мира – не имеет знакового характера. Разве идеальное понятие, условно, ассоциативно отражённое в мозгу знаком *корова*, отражает с у щ н о с т ь реальной *коровы*, пасущейся на лугу ? Если мы назовём *корову лошадью*, то сущность животного *корова*, по названию ставшей *лошадью*, не изменится, и *лошадь* будет давать *коровье* молоко. Это значит, что понятие, идеальное, как и материя знака, имеет знаковую, произвольную природу. На

сто ладов всем уже было сказано, и Панфилов сам согласен с тем, что языковой знак, поскольку он имеет только условный, немотивированный, случайный характер, сам по себе не отражает реальную действительность. Она отражается мозгом через ассоциативную связь между знаком и предметом. Следовательно, мышление и его логические формы должны быть знаковыми, и, следовательно, условными, немотивированными, и никакими иными они быть не могут. Если бы условные идеальные образы реальных предметов в виде их имён отражали реальный мир, то люди разных наций имели бы такие типы мышлений, какие им диктуют их языки, то разные народности видели бы один и тот же объективный мир через призму своего родного языка, то этот, один и тот же для всех мир, был бы растащен по национальным квартирам.

Если, по Панфилову, знак односторонен, то знаком делает его материя, а его идеальная сторона – не знак. Если бы она была тоже знаком, и именно условным, немотивированным знаком, то это означало бы, пишет он далее, что в процессе познания не происходит отражения действительности. В философском плане такой подход к сущности языка, его знаков – антисубстанционизм, релятивизм, так как здесь утверждается не только примат отношений над субстанцией, но эта последняя сводится к отношениям [Панфилов 1975 : 27 - 29]. В акте коммуникации, пишет Панфилов, знаковую функцию выполняет только материя языковых единиц, поэтому языковым знаком следует считать не билатеральную единицу в целом, а лишь её материальную сторону. Следовательно, языковой знак – односторонняя сущность [Панфилов 1979 : 14]. Но в то же время Панфилов, считая знак односторонним, продолжает называть слово «билатеральной» языковой единицей, т.е. состоящей из материи и значения, идеи, хотя это значение – только в мозгу. Следовательно, Панфилов сделал пристанищем для идеального две точки локализации – в материи слова и в материи мозга. Отражение объективной действительности, пишет он, осуществляется не знаком в целом, а лишь «материальной стороной» знака, мышление не может быть знаковым, «мышление обеспечивается материей слов».

Все логические понятия, начиная от фонем и кончая умозаключениями, имеют знаковый характер. Простое знаковое наименование вещи ещё не всё мышление, а только его начало, т.е. только именование предметов в национальных материальных знаках, обозначающих лишь названия знаков и внешних, ассоциативно связанных с ними предметов, а научный, логический анализ этих понятий, определение реальной сущности вещенй, выраженных языковыми знаками, должно быть передано в ведение других, естественных наук. Следовательно, информация содержится не в материи знака, и не в идеальном представлении этого знака (в фонеме и понятии), а в материи мозга, в нейронных связях мозга, которые отражают объективную действительность. Но отражает её не только бессловесным, авербальным мышлением, но, главным образом, вербальным мышлеием, где и нужны знаки типа *корова*, *лошадь*, *молекула*, *атом*, *ядро* и т.п.
Спрашивается, правомерно ли считать знак двухсторонним явлением,
совмещающем в самом себе материальное и идеальное ? Правомерно ли считать, что знак односторонен, а идеальный образ отражаемого предмета живёт в сознании, но при этом он, этот образ, отражает сущность обозначаемого им предмета ? Если знак двухсторонний, содержащий в себе материальное и идеальное, то каждый знак должен иметь только своё постоянное значение. Следовательно, значение знака, как и материя знака, не условны, не могут не быть мотивированными, ибо материя и её значение слиты в едином объекте. На самом деле знак произволен в целом, и материальное в знаке, и идеальное в сознании, это последнее и есть категория мышления. Следовательно, если физические звуки или чернильные кляксы – не языковой знак, то он

должен быть только физически односторонним, лишь материальным. Но чтобы материя звука или буквы стала языковым знаком, этот знак обязательно должен быть черырёхуровневым. Жизнь языкового знака протекает в рамках его четырёхуровневой модели: материя знака **(1)** преобразуется в её идеальный образ **(2)**, как и материя внешнего предмета **(4)** преобрапзуется тем же путём в её идеальный образ **(3)**. Оба эти идеальные образы **(2, 3)** находятся в тюрьме сознания, а их материальные субстраты **(1, 4)** живут на воле.

Какова природа языкового значения ? Надо исходить, считает Панфилов, из основного философского вопроса о первичности материального и вторичности идеального. Следовательно, по Панфилову, идеальное в языке вторично – это продукт мозга, материального. Но оно вторично и от реальной действительности, ибо есть результат отражения этой действительности. И в то же время идеальное в слове, если следовать Панфилову, не имеющее знакового характера, подобно этой действительности. Таким образом, если идеальное в слове – не знак и, следовательно, подобно этой действительности, т.е. есть сам мир, то идеальное в слове должно быть подобно и материи слова, и материи мира. Здесь мы пришли к тому, что уже нет и самого языка, а есть только мир вещей и объектов. Если же, вопреки Панфилову, считать идеальное в слове знаковым, произвольным, то оно не может быть подобным действительности, оно есть лишь его название, этикетка, оно независимо от мира, т.е. не является вторичной к миру. Это, как считает Панфилов, идеалистическая позиция решения вопроса о соотношении материального и идеального. Панфилов выступает против теории, согласно которой идеальная сторона знака, как и его материя, тоже имеет знаковую природу [Панфилов 1977 : 45 - 99].

Итак, пишет Панфилов, идеальное в слове – не произвольно, оно подобно действительности, следовательно, не знаковое [Панфилов 1977 : 9 -10]. Если же мышление не произвольно, а подобно действительности, отсюда должен следовать только один вывод: мысль о мире и сам мир – одно и то же. Следовательно, материальное совпадает с идеальным, материя с идеей, т.е. «первичное» и «вторичное» – одно и то же. Марксистская догма о первичности материального и вторичности идеального д а в и т априори на исследование объективной картины языкового знака. Панфилов называет слово билатеральной, т.е. двухсторонней языковой единицей, но знак в ней – только материя. Почему же знак билатеральная единица ? А что же в нём есть тогда вторая сторона, если материя образует только одну сторону знака ? Идеальное в слове, по Панфилову, – продукт мозга, результат отражения действительности, т.е. вторичное по отношению к действительности: но в то же время идеальное «не может не быть подобной этой действительности, не может не быть её образом».

Если бы значение слова, пишет Панфилов, было произвольным, как и его материя, то это означало бы, что значение независимо от этой действительности, следовательно, не является вторичной по отношению к ней. Но в таком случае, продолжает Панфилов, идеальное в слове было бы тоже произвольным, следовательно, знаковым. А это – идеалистическое решение основного философского вопроса о первичности материального и вторичности идеального [Панфилов 1979 : 11; 1977 : 3 - 14]. Но так как язык есть средство осуществления абстрактного мышления, то результаты познания не могут быть иной природы, чем идеальная сторона языковых единиц [Панфилов 1975 : 27 - 29].

Панфилов в материи знаков как очень сложном явлении обнаружил, и совершенно справедливо, пять свойств [Панфилов 1979 : 16]. Удивительное дело, Панфилов правильно назвал эти свойства, и они имеют прямое отношение к сущности теории знака, но которая Панфиловым не понята. Но ещё более удивительно то, что эти свойства сами

по себе не отражают их механизм функционирования, они изолированы от их взаимодействия. А оно – в глубине этих свойств, которые, как видимая часть айсберга, не показывают их глубинную сущность, а лишь указывают на то, что она есть. Но как только Панфилов начинает раскрывать механизм взаимодействия этих свойств, он сразу же уходит в фантазии.

Вот её результаты, сформулированные в виде резюме о его знаковой теории. Знак – это материя знака, поэтому отсутствует подобие между этой материей знака и её идеальной стороной и, следовательно, с теми явлениями, с которыми знак соотносится, это и является необходимым условием абстрактного мышления [Панфилов 1975 : 27]. «Хотя знак не имеет подобия, сходства с языковым значением и тем классом объектов, с которым он соотносится, однако структура языка как система материи знаков *ориентирована* на структуру самой действительности и систему отражающих её языковых значений и, следовательно, ... система идеальных сторон языковых единиц материализуется в языке как система знаков (следовательно, как теперь уже оказывается, идеальное тоже есть знак ! – А. К.) и л и ш ь в этой у ж е м а т е р и а л и з о в а н н о й ф о р м е и д е а л ь н о е в ы с т у п а е т к а к и н т е р с у б ъ е к т н о е я в л е н и е» [Панфилов 1979 : 16] (следовательно, марксист Панфилов вывел идеальное, мысль за пределы мозга, нарушив тем самым заветы Маркса, – А. К.). Но информация в с е г д а и д е а л ь н а ! И как может в мозгу человека возникнуть эта «материальная» информация, если мозг мыслит т о л ь к о и д е а л ь н ы м и понятиями, всегда преобразуя в себе самом материальное в идеальное, и как эта «материальная информация», если она уже в мозгу, при выходе из мозга превращается вновь в «свою материю знаков» ? Это, по Панфилову, «марксистское понимание знака и значения». Получаем следующее: структура языка отражает структуру действительности, так как она ориентирована на действительность. Следовательно, за каждым языком скрывается своя действительность. Материя языка, несущая в себе идеальное значение, выступает в функции орудия познания мира.

Теорию знака, представленую некоторыми лингвистами, да и вообще их «марксистско-ленинскую» философию языка, понимать очень трудно, потому что многие мысли в их работах не доведены до логического конца, перескакивают с одной на другую, одна противоречит другой, подчас нагромождаются фантазии одна на другую. Например, Панфилов пишет, что язык, его структура, его знаки подобны действительности, т.е. возвращает нас к теории «лингвистической относительности» Сепира –Уорфа и к «языковой картине мира», которую он сам же критикует. Слово (знак) в языке то имеет значение, то не имеет его; идеальная сторона знака есть знак и незнак; если язык наделён отражательными функциями, то он превращён в самостоятельный субъект познания и мышления; идеальное перешло из мозга в материю знака.

Нет, никакого единства материального и идеального в знаке не существует. Иначе в этом случае одна сторона принадлежала бы к сфере материального, объективного, а другая – к сфере идеального, субъективного. Тогда это уже не диалектическое, взаимодействующее единство, а связь двух разнородных сущностей – материального и идеального, локализованных в разных точках. Но, как я показал выше, положение о знаковом характере языка имеет для языкознания п р и н ц и п и а л ь н о е т е о р е т и ч е с к о е з н а ч е н и е. Материальные языковые знаки не могут включать в себя психических отражений действительности в качестве одной из двух его сторон, а могут только тесно ассоциироваться с ними в сознании говорящих. Тем самым лишено оснований утверждение об отражательной функции языка. Знак языка не включает в себя идеальный образ обозначаемых явлений, не имеет также значения. Это лишает

почвы не только для теорий «лингвистической относительности» и «языковой картины мира», но и для «марксистской» теории Панфилова.

Прежде всего надо подчеркнуть, что знак – материален и, следовательно, на первый взгляд – односторонен, это лишь физическая субстанция, вещь материальная в виде звуковых волн или чернильных крючков. Знак в этом его качестве мы постоянно видим, слышим и пишем. Материальность знака мы воспринимаем нашим чувственным мышлением через наши зрительные, слуховые, осязательные, тактильные и обонятельные рецепторы. Но человек, если он желает остаться человеком, мыслит не только чувственным, но и абстрактным, логическим мышлением, т.е. преобразует материю знака в её идеальный образ: звук в абстракцию звука (фонему), букву в абстракцию буквы (графему). В таком виде они и оседают в нашем мозгу: ни физический звук, ни чернильные буквы не входят в мозг и не выходят из мозга в их девственном виде, они воспринимаются мозгом только как логические абстракции и вновь воспроизводятся мозгом только как эти же логические абстракции, но уже преобразованные через органы речи и пальцы руки в их исходную субстанцию – звуки и буквы. Следовательно, материя языкового знака наяву, в жизни – осязаема, чувственна, материальна, но она же в мозгу – невидимая, неслышимая, неосязаемая, идеальная, логическая, или, как пишет К. Маркс, «пересаженная в человеческую голову и преобразованная в ней» [Маркс, Энгельс т. 23 : 21].

Таким образом, идеальное локализовано не в самом знаке, не в материи звука и буквы. Как и любая иная материя, материя знака сама из себя идеального не создаёт, сама не мыслит, оно, это идеальное, находится в мозгу как абстракция от внешней материальной субстанции. Но поскольку материя знака (звук, буква), прежде побывав «на воле», превратилась в идеальный образ, идеальную картинку в мозгу, то материальное знака, как первооснова и источник для мысли, стало идеальным, абстракцией только через мозг, благодаря мозгу и только в мозгу. Идеальное знака как его значение, т.е. логическое понятие зафиксировано только в мозгу, и ни в какой материи знаков её нет и быть не может.

Но так как материя знака, ассоциативно символизирующая какой-либо реальный предмет или реальную вещь, у с л о в н а в силу того, что она, эта материя знака, не связана органически и никакими иными нитями с репрезентируемыми предметами и вещами, и в мозгу человека превращается в идеальное, в понятие об этом предмете, то, следовательно, это идеальное, семантическое или логическое понятие, находящееся в живом мозгу, есть тоже понятие у с л о в н о е, как и сама материя знака, и тоже не связана с предметом необходимо, органически.

Если *корову* назвать *лошадью*, то сущность этих животных не изменится, что и отражает условный характер идеального, которое находится не в самом слове, а в мышлении как логическое понятие. Знак *лошадь*, обобщавшее вчера всех лошадей мира, сегодня обобщает всех *коров* мира. И теперь под знаком *лошадь* мы будем понимать то же животное по имени, по его знаку, т.е. лошадь, но с выменем и рогами, а *корову* – с длинной гривой и хвостом.

От переименования *коровы* на *лошадь* и обратно с у щ н о с т ь и п р и р о д а этих животных не изменились, а это, во-первых, значит, что не в материи знаков языка и не в его идеальной абстракции в виде понятия отражается сущность окружающего мира. Во-вторых, это понятие, идеальное тоже имеет знаковый характер и оно совсем не похоже на реалии и не отражает их сущностную природу. Это означает, далее, что, вопреки мнению Панфилова, идеальное «в знаке» имеет знаковый характер ! Материальные предметы, преобразованные в мозгу в их идеальные образы (*корова, лошадь*), получили п р о и з в о л ь н о е, у с л о в н о е и н е м о т и в и р о в а н н о е

обозначение и, следовательно, имеют знаковый, т.е. условный характер. Их идеальные образы, хранятся не в знаке, а в голове. Если бы было иначе, т.е. если бы идеальное, значение, т.е. логическое понятие, доставленное в мозг через материю знака, не было бы знаковым, условным, произвольным, оно бы соответствовало природе самой реальной вещи, как по Панфилову, и отражало бы реальную физиологическую и биологическую сущность данных животных. А что значит – понятие, т.е. идеальное отражает сущность данной *коровы* или данной *лошади* ? Язык превратился бы в зоологию, биологию, химию, физику, т.е. в конкретную науку, во всё, что угодно, о чём повествуется в языковых знаках. Но язык как материальная система знаков, лишь ассоциативно репрезентирующая логическую систему в мозгу, сама по себе никакой отражательной функцией не обладает !

Итак, мы имеем дело, с одной стороны, со знаком как материей звука и буквы (системой звуков и системой букв) и, с другой стороны, с идеальным, значением, ассоциативно, условно приписываемого материальным предметам, но живущим в мозгу в их идеальной форме. Это совершенно противоположные явления, первое – материальный знак **(1)**, вне мозга, в окружающем мире, это реально видимые, слышимые, осязаемые, чувственно воспринимаемые материальные знаки, но представленные в мозгу идеально **(2)**; второе – это материальные предметы **(4)** (*лошадь, корова*), представленные в мозгу тоже идеально **(3)**, как понятия об этих предметах, т.е. идеальное, чувственно не воспринимаемое, абстрактное, логическое понятие, находящееся в мозгу. Но эти абстрактные сущности являются невидимыми и неслышимими явлениями. И материальное название знака, и название материального животного, как воспринимаемые нашими органами чувств, отражаемые чувственными формами мышления, тоже входит в мозг и живёт в сознании и говорящего (пишущего), и слушающего (читающего) только как идеальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в идеальное, логическое понятие и от звука (фонема), и от предмета (понятие). Звуки, буквы и внешние предметы превращаются в мышлении в идеальные отпечатки материи звуков, букв, предметов. Эти идеальные, логические понятия от звуков и объектов как таковые остаются в мозгу на всю жизнь. Следовательно, языковой знак в мозгу идеален дважды – и материя языкового знака превращается в идеальное, фонемы **(2)**, и материальные предметы (*коровы, лошади*) превращаются в идеальное, понятия **(3)**, и эти идеальные образы как отражение реальных знаков и ассоциированных с ними предметов ab ovo (с яйца, с самого начала, – А.К.) находятся в мозгу.

Следовательно, **(1)** и материальный знак (звуки, буквы), произвольный, условный, немотивированный, никакими нитями не связанный с репрезентируемым им предметом или вещью, превратившийся в мозгу в идеальное **(2)**, как и приписываемое реальному предмету идеальное значение, находящееся не в самом знаке и не в самом предмете (в *корове, лошади*), а в мозгу человека как идеальное отражение вещей **(3)**, также условно, немотивировано, и оба – знак и предмет – живут в мышлении как их идеальные образы. И материальное в знаке, и идеальное в знаке, обычно приписываемые самому знаку как его две стороны, образующие, якобы, его единство, имеют, во-первых, знаковую природу, ибо ни то, ни другое не мотивировано необходимой связью. Во-вторых, и материальное внешнего мира (*корова, лошадь*), и его идеальное не связаны необходимой связью ни с реальным предметом, ни с его идеальным образом. В-третьих, и материя знака, и материя отражаемого предмета существуют в мозгу только в идеальной форме.

Если бы идеальное от материи знака (фонемы) и идеальное от реального предмета (понятие) было незнаковым, т.е. не условным, не произвольным, а органически связанным и со знаком, и с предметом и отражало бы его сущность, то это означало бы, во-первых, что сам язык, его условная знаковая система заменила бы логическое мышление человека, была бы сама непосредственно и неразрывно связанной с внешним миром, не нуждаясь в логическом мышлении как посредника между знаками и миром, что и продемонстрировано, например, в теории «лингвистической относительности» и в теории «языковой картины мира». Во-вторых, если бы идеальные образы знаков, их значения, т.е. логические понятия не были бы произвольными, а отражали сущность вещей, признаков, качеств, отношений в мире, то языком стал бы весь мир, а внешний мир правратился бы в язык.

Итак, как материя знака, так и приписываемое ему значение – условны, знаковы, и только потому, что как первое, так и второе не отражают с у щ е с т в а обозначаемого ими предмета. Знаковую природу имеет и форма, и значение слова, или можно сказать, что знак – д в у х с т о р о н е н и обе стороны з н а к о в ы, и обе стороны в мозгу представлены и д е а л ь н о, ибо и та, и другая соединены с предметом отражения у с л о в н о, по договору. Эта двухсторонность знака принципиально отличается от обсуждавшейся выше (см. выше § 2, раздел 1) тоже двухсторонней теории языкового знака, согласно которой в самом знаке соседствуют два суверенныых объекта – материальное и идеальное, они не нуждаются в мозге, в мышлении, они сами из себя образуют единый знак, который сам по себе и есть мышление. Человек с его мышлением этому знаку не нужен, ибо знак мыслит сам.

Незнаковую природу имеет только реальный, физический предмет, материя, материя любого знака, ибо она тоже природная. Но только до тех пор, пока ей не будет придан статус языкового знака и её не коснется человеческий мозг, вооружённый той же знаковой системой: для китайца русское слово *корова* – только физический звук. Но когда он выучит русский язык, т.е. включит этот звук, буквы в языковую структуру своего, теперь уже русского языкового сознания, оно для него становится знаком. В его мозгу это слово – двухсторонний, но уже не материальный, а и д е а л ь н ы й знак, некая логическая форма, а точнее – п о н я т и е о *звуках* (фонемах), п о н я т и е о *буквах* (графемах), идеальное представление предмета отражения (*коровы, лошади*) как словарное п о н я т и е.

Если считать, что знак о д н о с т о р о н е н, то он есть некая физическая данность, материальный предмет (визуальный или акустический сигнал), употребляемый чисто условно вместо другого. Это есть механическая условная связь знака и реального предмета, т.е. одного реального предмета вместо другого реального предмета. Если связь между знаком и предметом мотивированная, т.е. безусловная, то нет движения системы, она не может функционировать, ибо она жёсткая, нелабильная. Но главное – она предполагает лишь два материальных предмета: звук (букву) и реальный предмет, т.е. предполагает лишь часть модели знака – **(1)** уровень и **(4)** уровень в знаке. Здесь нет главного в знаке, того, что его и характеризует как языковой знак – ни абстракции звука (буквы), т.е. фонемы, графемы (уровееь **2**), ни абстракции предмета, т.е. понятия (уровень **3**). Прямая, органическая связь знака и вещи не имеет характера знаковой. Это обычное соотнесение, сравнение, оценка двух материальных, физически различных предметов.

При речевом общении, когда один собеседник говорит (пишет), а другой воспринимает звуки (буквы), происходит порождение материальными знаками их собственных идеальных образов в сознании, их акустических и буквенных образов. Эти акустические и визуальные образы в сознании у говорящего (пишущего) и в сознании

у слушающего (читающего) становятся ф о н е м а м и и г р а ф е м а м и как мельчайшими л о г и ч е с к и м и единицами, как их ассоциативные образы в мозгу обоих собеседников. Звук, буква воздействуют на соответствующие органы чувств, вызывая в нейронных структурах мозга слуховой и зрительный образы.

Каждый материальный знак, естественно, существует во множестве экземпляров как материальные варианты одного и того же знака. Но идеальный образ каждого знака выступает как один и тот же, общий для всех материальных вариантов – это фонемы и графемы. Общее во всех вариантах знака – это один и тот же обобщённый, логический образ, фонемы и графемы, в которых отражены общие для всех вариантов идеальные свойства, в них сняты все индивидуальные различия вариантов. Фонемы и графемы, представленные материальными знаками, есть идеальный «предмет», абстрактная форма данного знака.

Это специфическое отношение материального и идеального: материальное тело знака, как кажется на первый взгляд, выступает как «выражение» идеального. Но, с одной стороны, материя знака сама по себе ни своим материалом, ни своей структурой не отображает содержание мысли, как не воспроизводит она и черты объектов, выраженных мыслью. Но, с другой стороны, если бы знак, язык не имел материальной стороны, то это исключало бы его использование как средства общения. Информативность словесный знак приобретает благодаря исторически сложившейся общественно значимой связи – соотнесённости с мыслями, эмоциями, волеизъявлениями.

Знак представлен уровнями: **(1)** материей (чувственное мышление), **(2)** идеальным прообразом этой материи, т.е. фонемами (абстрактное мышление), **(3)** идеальным прообразом реального предмета, т.е. понятием, значением знака (абстрактное мышление), **(4)** ассоциированным с ним реальным объектом (чувственное мышлеие). Если одного из этих уровней нет, то это уже не знак. Знак становится односторонней сущностью, но он как незнак уже не пригоден в качестве инструмента познания и коммуниекации. Если допустить, что звук и значение органически составляют неразрывное единство, то в этом случае мы должны допустить, что знак не обладает свойством произвольности. В таком случае оказывается, что материальный знак сам указывает не только на свою материальность, но и на своё понятие, значение, идеальное (абстрактная мысль), а также на реальный предмет (чувственная мысль).

Если сказать, что знак – односторонний, тогда он уже не знак, ибо он не связан с мозгом ничем, кроме чувственного (звукового, буквенного) отражения этой материи в мозгу. Односторонних знаков не бывает, это уже не знак, это то же, что и гром, свист, треск, все природные и искусственные звуки как физическая субстанция, внешняя по отношению к человеческому мозгу. А если этот материальный знак психически ассоциирован в мозгу с идеальным отпечатком реального предмета, то эта материя становится языковым знаком. Мёртвая материя не может мыслить и, следовательно, её идеальный образ покоится не в самом мёртвом знаке, а в мозгу как ассоциация данной материи с мыслью, понятием. И только в этом случае материальный знак становится языковым знаком.

Благодаря чему знак вызывает в сознании образ обозначаемого предмета ? Благодаря психической связи между идеальными образами знака и объекта. Это значит, что знак (звук, слово) и внешний объект живут в мозгу в виде их идеальных образов как **(2) → (3)**. Значит соединяются реально не знак и предмет как внешние объекты, а идеальный образ того и другого в мозгу. Вот тут и лежит разрешение проблемы – знак односторонен или двухсторонен ? Можно считать, что знак односторонен – если брать только его материальное звучание и написание и отсутствие его идеального образа в мозгу. Но в этом случае это пустой звук, чернильная клякса, это просто природная

материя, ибо она не вызывает в мозгу никаких ассоциаций, она ни с чем в мозгу не связана. Но сам по себе знак не может быть также двухсторонним, потому что кроме материального в самом знаке должно якобы находиться также и идеальное. Тогда это тоже не знак, ибо мёртвая материя не может мыслить. Как я показал выше, языковой знак может быть только четырёхсторонним.

4) Знак условен, произволен или, напротив, мотивирован ?

Некоторые авторы – против знаковой теории языка, отождествляя её с агностицизмом: «Последовательное развитие материальной теории отражения приводит к необходимости отвергнуть знаковую теорию языка во всех её формах» [Резников 1956 : 26 - 27]. Некоторые философы и лингвисты полагает, что языковой знак мотивирован реальным миром, они отрицают конвенциональный характер знака. Если признать, что знаки образованы на соглашении, то на каком языке говорили эти люди, когда не было ещё языка ? «Это нелепость конвенционализма, высмеянная ещё Руссо». Общественные человеческие знаки – не конвенции, они имеют объективное основание. Но эта объективная связь первоначальных звуков с миром вещей со временем стёрта последующим развитием языков. [Ибраев 1981 : 26]. Ибраев считает, что человеческие знаки – не конвенции, они имеют объективное основание, но уже общественно обоснованное. Не произвольное соглашение, а наибольшая артикуляционная простота превратила звуки *мама* чуть ли не в международное понимание *матери*. Но эта первоначальная связь стёрта последующими развитиями языка [Ибраев 1981 : 27 - 29].

Опровержение произвольности языкового знака опирается на «краеугольное» положение марксистско-ленинской философии о понятии предмета, ибо, в отличие от знака, образ, как такое подобие, должен быть глубоко детерминирован миром вещей. По Бенвенисту, произвольность или непроизвольность знака состоит в том, что это не что иное как старая философская проблема соответствия разума и действительности. Считать это отношение произвольным, значит уйти от решения данного вопроса. Для говорящего язык и реальный мир полностью адекватны, знак целиком покрывает реальность и господствует над нею, более того, – он и *есть* эта реальность. Сфера произвольности выносится за пределы языкового знака. [Бенвенист 1974 : 93].

Вот мнения марксистских лингвистов: знак не условен по отношению к объективной действительности, которая имеет самые разные обозначения в разных языках. Обозначаемое хотя и относительно, но отнюдь не условно, не произвольно. Противоположная точка зрения – агностицизм. [Филин 1982 : 24].

Между материей знака и его значением, пишет Панфилов, существуют корреляции, т.е. определённого типа отношения между значениями знаков находят соответствия в определённого рода отношениях материальных сторон знаков:

1) Степень удалённости через удлинение гласного, удвоения знака;
2) Семантическая близость двух и более знаков ведёт к звуковой близости, т.е. отношения на уровне звуков провоцируют близость и семантическую;
3) Существуют звукоподражательные слова, имитация звуков действительности;
4) Соотношение их фиксирует различное количество предметов (многократность, однократность, интенсивность, близость - удаление за счёт суффиксов, удлинения гласных;
5) В процессе исторического развития языка: развитие грамматических морфем из знаменательных слов;
6) Зависимость любой знаковой системы от соответствующей области действительности. Понятие условности знака – это существование различных языковых систем для одной и той же области мира. Таким образом, материя знаков всего языка детерминирована той картиной мира, с которой она соотносится. [Панфилов 1977 : 9].

Панфилов пишет: « ... материальные стороны единиц всего языка детерминированы той объективной действительностью, с которой они соотносятся как с системой знаков. ...Произвольность материальной стороны каждой языковой единицы не означает, что структура всей совокупности материальных сторон языковых единиц ... языка никак не обусловлена характером той объективной действительности, в отношении которой эта система функционирует» [Панфилов 1982 : 56].

Примеры Панфилова показали, что проблема обусловленности или условности знака подменяется проблемой о способах образования знаков друг через друга или одного знака из другого знака в языковой, знаковой системе. Например, будто структра одного знака обусловливает структуру других знаков. Но теория «обусловленности» знаков не отменяет их произвольность. Какие бы родственные связи между формами знаков не существовали, они в любом случае условны, немотивированы реальной действительностью. Языковой знак объявляется мотивированным на том основании, что некоторые слова по своему происхождению связаны с другими словами (фр. dix + neuf = 19), частично мотивировано, потому что оно вызывает представление о словах, из которых составлено (dix = 10, nef = 9). Но данное слово всё равно произвольно, потому что эта мотивированность не устраняет понятия о его произвольности, так как под произвольностью понимается характер его соотношения с различными предметами мира, в то время как под мотивированностью – характер его соотношения с другими словами. Иногда под мотивированностью понимают тот факт, что связь двух сторон знака не устанавливается заново каждым человеком, а усваивается им от предшествующего поколения и в психике выступает как необходимая связь.

Таким образом, некоторые лингвисты путают принципиальную произвольность знака с теми историческими, психологическими и прочими последующими наслоениями на произвольный знак, которые, тем не менее, не отменяют в новом материальном облике знака его произвольность, немотивированность. Новый знак продолжает быть таким же условным, договорным, не похожим на то, что он изображает.

Иногда языковым знакам приписывают свойства живого существа, т.е. независимость от мышления, как будто знаки живут своей собственной жизнью. Всякий языковой знак есть акт интерпретации как соответствующих моментов мышления, так и соответствующих моментов действительности. [Лосев, СЛЯ, 1976, № 1]. Знак отражает ту или иную систему отношений в обозначаемом им предмете, а пользуется этим отражением свободно, произвольно и уже независимо от объективной действительности, отражённой в нём предметной системы отношений, равно как и от самого мышления, актом которого является знак языка [Там же : 396]. Знак – это акт мысли и акт реальной действительности, но живущий своей собственной жизнью. Но однажды возникнув из отражения действительности и из теоретического мышления, т.е. ставши интерпретацией, языковые знаки начинают жить своей собственной жизнью, создают свои законы, становятся условно свободными, независимыми, условно самостоятельными. Законы функционирования знаков обладают своей собственной природой, т.е. природой не прямого отражения действительности или мышления в ней, но своего собственного понимания и самой действительности и самого мышления о ней [Там же: : 401].

Серебренников, так же, как и Лосев, выдаёт знаки за живое существо. Он полагает, что предложения *Лес спит; Река течёт* отражают ложь в языке, обман. *Спать* может лишь *человек*; *шуметь* может лишь *автомобиль*. Полагает Серебренников. Но можно, вопреки Серебренникову, и так сказать *Лес течёт, Река спит*, если мы с самого начала, с рождения этих предметов припишем им эти свойства, обозначенные этими знаками, и все люди социума будут об этом знать. Но ведь в *Человек спит*,

Автомобиль шумит – тоже немотивированные, условные знаки. Серебренников полагает, что знак в связи с его похожестью, органической связью, тождеством с индивидуальным предметом, должен быть «приписан» только для одного объекта. Если бы это было так, то, во-первых, мы приписали бы знаковой системе функции мышления, наделили бы знак функциями мыслящего, живого субъекта, во вторых, язык состоял бы из десятков миллионов словарных знаков, по количеству сущестсвующих в мире предметов, свойств, качеств. А сколько знаков может вместить человеческая память ? Это означало бы, что язык потерял свой структурный характер, был бы неподвижно связан только с данным предметом и это означало бы, наконец, что язык слился с человеком, поэтому сколько «человеков» на земле – столько и языков.

Однако большинство лингвистов считает языковой знак произвольным, органически никак не связанным с реальными предметами. Знак – свободно выбранный предмет по отношению к другому предмету, но по отношению к коллективу он навязан. У общественной массы мнения не спрашивают. Хотя знак произволен, но он обязателен для всех. Так как знак произволен, то он не знает другого закона, кроме закона традиции, и только поэтому он может быть произвольным, что опирается на традицию. Связь между материей знака и вещью – произвольна, немотивирована. Но для каждого говорящего и пишущего необходимость связи материи знака с его идеальным значением и внешним предметом обязательна, беспрекословна, связь между ними должна быть только данная, обусловленная общественным договором, и никакая иная. Создавая новое слово, мы относим его к словам с определённым семантическим значением, а также со всеми реальными грамматическими качествами данной языковой системы. Новые словообразования обоснованы и мотивированы уже с у щ е с т в у ю щ е й в языке системой (фонем, морфем, грамматических форм). Если бы не было всей этой реальной совокупности элементов, невозможно было бы создавать новые элементы языка.

Всё в языке психологично. Суть языка не связана со звуковым и графическим характером знаков. Материя – необходимая составляющая, но совершенно случайная. Знак – условность и его природа безразлична. Вот рассуждения философа Лосева, противоречащие тому, что он высказал выше по этому вопросу. Всякий знак, всякое обозначение возможны только как область чистого смысла, освобождённой от всякой материи, языковой субстанции. Языковой знак – то же, что и число. Геометрическая точка не имеет ни длины, ни высоты, ни ширины. На то она и точка ! Однако любое материальное тело должно занимать какое-то место в пространстве. Значит то, что мы изображаем чернилами как точка, на самом деле всё, что угодно, только не точка. Это лишь знаки точек, но не сами точки. Но мы в языке, в науке используем это понятие, придуманное людьми, так, как будто они существуют на самом деле. Но это идеализированные объекты. Поэтому надо допустить, что есть фигуры как бы в чистом виде, т.е. в идеализированном виде. [Лосев, СЛЯ, 1976, № 1].

Произвольность знака хорошо отражают названия цветов в радуге или на спектре от призмы. Мы видим постепенный переход цветов от одного к другому, одного в другой. В русском языке этот спектр покрывают 6 основных знаков (красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, синий, фиолетовый). Эти шесть знаков для членения солнечного спектра ассоциируются с шестью цветами. Связь эта сугубо условна, она была установлена ранее, исторически, и стала постоянной и нерасторжимой. Исторически не было никакого логического, объективного, органического выбора для названия этих шести цветов, кроме случайного выбора. В других языках знаковое членение этого спектра будет иным. Люди формировали эти понятия под воздействием исторического общественного развития. Об условности и произвольности знаков естественного языка можно говорить лишь в том смысле, что они сами по себе не

отражают действительность, а служат необходимой основой, средством и инструментом отражения её в форме идеальных образов, находящихся в мозгу. Мышление без материальных знаков невозможно (кроме случаев авербального мышления), но оно не связано с какой-либо одной системой знаков. Так как любому знаку одного языка, или знакам разных языков могут приписать разное значение, поэтому всякое мысленное содержание, т.е. идеальная, логическая сторона знака (понятие), локализованная в нейронах, обладает такой же степенью условности и самостоятельности, как и материя знака, как и материя отражаемых любым мысленным содержанием предметов.

Языковые знаки должны быть и суть немотивированные. Об этом свидетельствуют также «языковые барьеры» (т.е. несовпадение семантического структурирования языков) между нациями. Практика показывает: в местах, посещаемых представителями многих национальностей (отелях, конференциях, конкурсах, симпозиумах), не используют знаковых надписей на каком-либо языке, а делают указатели в виде символов, понятных любому посетителю. Произвольность знака лучше всего нам уясняет, почему языковую систему может создать только социальное явление. Коллектив устанавливает значимости, а не отдельная личность, она бы не смогла создать язык в одиночку. Тогда для кого он был бы нужен ?

4) Идеальное в знаке подобно действительности, не произвольно, следовательно, оно не имеет статуса знака ?

Что лежит в основе теории, согласно которой идеальное, значение в знаке есть результат отражения действительности, что оно подобно действительности и, следовательно, не является знаковым ? Поскольку результаты познания закрепляются в понятиях, то возникает вопрос о природе понятий, являются ли они объективными, или они есть знаки, символы, иероглифы ? Скрыта ли за ними реальность, или это плод фантазии, произвола ?

Некоторые лингвисты пишут: так как идеальное в знаке, его значение есть результат отражения действительности, есть образ внешних предметов, поэтому оно не может не быть подобной этой действительности. Если же, напротив, идеальное в знаке есть тоже знак, как и материальное в нём, то оно не подобно этой действительности, не есть вторичное по отношению к ней и, следовательно, не знак. Это, по мнению Панфилова, есть идеалистическое решение вопроса о соотношения материального и идеального [Панфилов 1977 : 79 - 80].

Итак, по Панфилову, значение слова есть образ внешних предметов, отражение действительности и, следовательно, не есть знак, в отличие от материи слова и, стало быть, не является произвольной, т.е. знаковой по своей природе. Зададимся вопросом, как и чем это значение в слове, т.е. идеальное в знаке отражает действительность ? Никак и ничем. Действительность, условно обозначенная знаком, представлена не в самой материи знаков, а только в мозгу, через мышление. Но ведь знаки (*лошадь, корова*) произвольны по отношению к предметам, выражаемых этими знаками ! Следовательно, значение в знаке, которого там, кстати, нет, тоже имеет знаковый характер, оно тоже знак. Это значит, что 1) отражение мира происходит в мозгу, в мышлении, а не в материи знака, 2) отражение мира в мозгу произвольно, знаковое. Идеальное в знаке, как и его материя, произвольны: *корову* можно было бы назвать *лошадью*, а *лошадь – коровой*. Произвольно меняется только сам знак, т.е его имя, название, но не сущность отражаемого объекта, она является сферой размышления и исследования в различных научных областях, знаки же – лишь инструмент, орудие мышления. В самом семантическом значении или названии (понятии) *коровы* и *лошади* нам не открывается их сущность. Она открывается только биологическим,

физиологическим и иным исследованием, а само название *коровы* и *лошади* лишь бирки, имена, как в зоопарке, указывающие на то, чтобы информировать посетителя: в данной клетке живёт такое-то животное.

Солнцев справедливо пишет: идеальное, чем и является значение, существует в мыслящем мозгу. Это идеальное, относящееся к какому-либо предмету, не существует вне субъекта, есть средство указания на материальный носитель этого идеального и тем самым есть средство его сохранения и передачи Тезис о двусторонности знака и, следовательно, о знаковости слова в целом, а не только его звучания, обосновывается Солнцевым путём признания знакового значения как отношение знака к предмету обозначения. Если знак в целом произволен, то его обе стороны не могут не быть произвольными. Значение знака есть отношение или связь знака и предмета обозначения, а эта связь и является, собственно, произвольной [Солнцев 1970 : 218].

Солнцев утверждает, что значение в знаке – знаковое, условное, произвольное. Правда, он тут же отрицает себя: понятие не есть нечто произвольное, следовательно, слово в целом, включающее в себя понятие – не есть условное, т.е. не знак. Понятие – не условность и не произвольность. Произвольность знака – только произвольность связи знака и значения. Солнцев пишет: слово есть знак, знак есть условность, следовательно, слово есть условность, а важнейшая сторона слова, понятие, не есть условность. Это значит, что слово в целом, как включающее в себя понятие, не есть знак. Понятие – не условность и не произвольность. Понятие лежит между знаком и реальным предметом [Солнцев 1970 : 216].

Отмеченные выше авторы путают «процесс познания» с условным знаковым наименованием предметов. Знаки не похожи на действительность, они лишь отсылают к фактам действительности, преобразованные в сознании в их идеальные ассоциативные двойники, хранящиеся в мозгу. За материей знака любого языка закреплено одно и то же понятие, хотя оно и выражено знаками разных языков. Это значит, что у людей других наций их языковые знаки не представляют другой мир, а лишь членят мир на свои национальные отрезки: не язык, а мозг правит миром. Материя знака имеет знаковый характер, потому что отсутствует подобие между материей языковой единицы и её идеальной стороной и, следовательно, её идеальной стороной, хранящейся в нейронах, и теми явлениями, с которыми она соотносится. Это и является необходимым условием абстракции и образования обобщённого идеального образа. Это и является необходимым условием познания мира и коммуниткации.

Ломтев, обосновывая свою теорию об отражательной способности материи знака (в т.ч. и его идеального образа, т.е фонемы), нашёл поддержку у Ленина («уже каждое слово обобщает»). Он вопрошает : а к чему в слове принадлежит свойство обобщения ? И отвечает: обобщение – форма отражения объективной действительности. Если считать, пишет Ломтев, что знак имеет только указательную функцию и не обладает свойством отражения и считать, что слово обобщает, то тем самым мы признаём, что в слове есть не только знак, его звуковая оболочка, но и значение как факт отражения объективной действительности. Звук в слове знак, потому что он материален. Но если и значение знака считать знаком, то это значит, что значение есть предметная отнесённость знака, а не факт нашего сознания и что это не относится к миру идеального. Таким образом, либо значение знака есть материальное, тогда оно знак, а не отражение объективной действительности. Либо значение знака есть идеальное, тогда оно не знак, а отражение объективной действительности. [Ломтев 1960 : 130].

Во-первых, почему Ломтев решил, что слово, т.е. материя слова имеет свойство обобщения ? Отвечу ему: слово есть только мёртвая материя, а то, «к чему принадлежит

свойство обобщения», есть нейронные клетки мозга, находящиеся вне знака. Знак сам по себе ничего не отражает и не обобщает. В самом слове нет значения «как факта отражения действительности», слово условно, немотивировано, ассоциативно закодировано в сознании. Значение не материя, и оно в материальной знаковой форме в мозгу находиться не может. Если знак, по Ломтеву, имеет свойство обобщения, значит он ассоциативно указывает в сознании на значение, понятие как факт отражения действительности. Ломтев выдвигает альтернативу: если значение знака есть материальное, тогда это знак, а не отражение объективной действительности. А если значение знака есть идеальное, то оно не знак, а отражение объективной действительности. Мы пришли к тому же: языковой знак отражает действительность. Но чем и как в знаке отражается дейсвительность ?

Если значение в слове, как я утверждаю, тоже условно, имеет знаковый характер, т.е. не похоже на реальную действительность, то это значение или понятие и не должно, и не может отражать действительность, т.е. в самом названии *корова* не происходит акта познания. Познания, отражения мира нет ни в самой материи языковых знаков, ни в идеальном названии предмета. Ведь мышление, действительно, возможно лишь тогда, когда обе стороны знака – материальное и идеальное – не похожи на реальный внешний предмет. Значит значение, понятие имеет знаковый характер, а, по мнению Панфилова, «значение совпадает с объектами». Это и есть его аргумент отказать идеальному, значению в его знаковом характере. Идеальная сторона слова якобы не имеет знаковой природы, потому что она не выполняет знаковой функции.

Если же, как пишет Панфилов, идеальную сторону знака считать произвольной, как и сам знак, то она не подобна действительности, независима от неё, т.е. не является вторичной по отношению к предмету внешнего мира. Но ведь знак и является на самом деле произвольным, о чём пишет и сам Панфилов. Но если это так, то значение знака, как идеальное отражение внешнего предмета, не может не быть тоже условным. С другой стороны, он считает, что идеальная сторона знаков есть образ предметов действительности, с которыми она соотносится, следовательно, не является произвольной, в отличие от материи знака, следовательно, – не знак. Поэтому языковым знаком следует считать не языковую единицу в целом, а лишь её материальную сторону, т.е. языковой знак – не двухсторонняя, а односторонняя сущность [Панфилов 1982 : 80, 88]. Так как, по Панфилову, «знак есть образ предметов дейтвиттельности», то позволительно спросить: прочему в конюшнях людей разных наций под именем русской *лошади* стоят разные животные: русс. *лошадь*, англ. *hors*, фр. *chval* ?

Если значение слова считать знаковым, пишет Панфилов, то это релятивистское понимание природы языка, его имманентность, агностицизм. Если считать, что идеальная сторона языковых единиц тоже произвольна, то она, не подобна миру, независима от него, т.е. не является вторичной по отношению к миру. Идеальное в знаке есть образ действительности, но, в отличие от его материи, не является произвольным, следовательно знаковой по своей природе. [Панфилов, ВЯ, 1877, № 2 : 10].

Можно Панфилову поставить такой вопрос: когда мы именуем какой-то предмет, мы это название выбираем условно или сообразно природе и сущности внешнего предмета ? Разве это название отражает природу данного предмета ? Оно только указывает на него условно, и ничего более, в согласии с обществом. Если я обозначу данное животное *коровой*, то разве это обозначение не имеет знаковой функции, ведь я этим самым выразил не сущность данного животного, а лишь дал ей имя, приписал ей условный знак ? Между говорящим и слушающим имеются лишь звуковые волны, т.е. только материя единиц, идеальная сторона в этом отрезке не присутствует, поскольку, как и всякое идеальное, оно не может существовать вне своего субстрата, мозга,

продуктом которого оно является. Слушатель воспринимает лишь физику звуковых волн и чернильных красок и лишь затем ассоциирует с ними те же логические значения, что и говорящий, благодаря чему и совершается процесс мышления, взаимопонимание.

Панфилов пишет: положение о произвольности, т.е. знаковой природе идеальной стороны языковых единиц предполагает, что она, не будучи подобной этой действительности, не являясь её образом, независима от действительности и, следовательно, не является вторичной по отношению к ней. В основе этой теории, по мнению Панфилова, лежит идеалистическое решение основного философского вопроса о соотношении материального и идеального. Следовательно, идеальная сторона слов, как образ предметов действительности, с которыми она соотносится, в отличие от материальной стороны, не является произвольной и, следовательно, знаковой по своей природе. Подведение обеих сторон знака – материального и идеального – под понятие условных, как считает Панфилов, имеет философский (гносеологический) смысл: в этом случае или снимается проблема о том, отражается ли объективная действительность в значениях слов и в конечном счёте и в человеческом мышлении, или делается вывод о знаковом характере человеческого мышления, знания [Панфилов, ВЯ, 1979, № 4 : 11].

Панфилов пишет: «Результаты познания не могут быть иной природы, чем идеальная сторона языковых единиц. Идеальная сторона слова и мышление совпадают». Материя двухсторонних языковых единиц обладает знаковой природой, так как у неё нет сходства, подобия с соотносимыми с ними объектами. Это и есть условие существования знака. А идеальная сторона языковых единиц имеет черты сходства, подобия с соответствующими объектами и, следовательно, им не свойственна знаковая природа. Идеальная сторона знака, т.е. абстракция от предмета, понятие, имеет ту же онтологическую природу, что и содержания абстрактного мышления, она формируется на основе отражения объективной действительности, есть образ этой действительности. Идеальное в знаке подобно предмету внешнего мира». Так как идеальное языковых единиц, значение в словах есть результат отражения действительности, следовательно, «не может не быть подобной этой действительности, не может не быть её образом в гносеологическом смысле». [Панфилов 1982 : 59].

Из положения о знаковом характере идеальной стороны языковых единиц неизбежно следует вывод о знаковом характере человеческого, т.е. абстрактного мышления и познания, т.е. вывод о том, что в процессе познания не происходит отражения объективной действительности [Панфилов 1982 : 58]. Если придавать обеим сторонам знака (материальному и идеальному) знаковую сущность, то это имеет и свой гносеологический, философский смысл: в этом случае снимается сама проблема того, что объективная действительность в языковых значениях и, следовательно, в человеческом мышлении не отражается. Ведь язык есть средство осуществления и существования человеческого мышления [Панфилов 1982 :60].

То, что пишут марксистские лингвисты, не соответствует реальной действительности, но соответствует марксистской идеологии. А реальная, не идеологическая, а научная действительность гласит, что человеческое мышление имеет знаковый характер: ведь познание мира и коммуникация людей в обществе осуществляется через язык, т.е. именно через систему знаков. Но знаки условны, они не подчиняются сущности и природе вещей и явлений. Вступая друг с другом в связи, знаки образуют систему знаков, которая была вызвана функционирующей системой нейронов. Если познание, по Панфилову, осуществляется в условных материальных знаках, имеющих свои собственные идеальные значения (понятия), органически связанные со своими материальными объектами, то почему один и тот же предмет именован в разных языках разными знаками, следовательно, наделён разными

значениями-понятиями, отражающими, следовательно, различную сущность одних и тех же предметов? Это ведёт к тому, что разные народы отражают мир по-разному, значит живут в разных мирах, значит нет единой для всех людей картины мира, нет общечеловеческого логического мышления.

Но так как это не соответствует действительности, то, естественно, абстрактные, идеальные или логические формы мышления, ассоциативно представленные в каждом знаке в фонеме **(2)** или в понятии **(3)**, являются тоже произвольными, как и материя знаков, следовательно, отсутствуют черты сходства, подобия, необходимости с соответствующими внешними объектами. Отражают мир не материя знаков и не идеальное «в знаках», которого в знаках нет, оно в сознании, а мозг человека с помощью этих знаков и их условных имён. Идеальное локализовано в мозгу, и комбинации этих идеальных образов от материи знаков **(2)** и от материи внешних предметов **(3)** образуют наше мышление. Материя же знака и его идеальное, отражённое не в нём, а в мозгу, сами по себе, в отдельности никакой функцией познания не обладают, а лишь маркируют, означивают предметы.

Знаковая теория языка, считают некоторые учёные, – идеалистическая теория. Она антинаучна и реакционна. Так как содержанием слова является понятие, то признание слова в целом знаком предмета приводит логически к тому, что понятие есть не отображение, но лишь знак внешнего предмета. А это уже агностицизм [Резников 1948 : 402]. Панфилов считает, что значение есть отражение или, что то же самое, есть выражение отражения в знаке. Если значение в знаке, по его мнению, есть отношение знака к денотату, то это, по его мнению, идеализм, в этом случае знак, его значение не совпадают с отображённым предметом, отсутствует познавательная, отражательная функция в знаке, т.е. язык не обладает познавательной функцией, мир стал непознаваемым. Те, кто считают, пишет Панфилов далее, что значение знака, как и его материя, имеет тоже знаковую функцию, то это приводит к устранению из языковой сферы идеального как результата отражательной деятельности человеческого мышления, т.е. так как реальными компонентами знаковой ситуации остаются лишь денотат и материя языкового знака. Исключается и человек как субъект познавательной деятельности и, следовательно, теряется различие между знаком и самой действительностью, первичной по отношению к знаку. Если знак есть отношение к денотату, то это ведёт к идеализму [Панфилов 1977 : 59].

Идеальное – не произвольно, оно отражает действительность. Значит, по Панфилову, языковое значение есть образ объектов действительности, т.е. не знаковое по своей природе. Это ведёт к тому, что мы должны признать условные знаки *дом, берёза, вода* полностью соответствующими природе этих вещей, идентичными, органически совпадающими со всеми теми реальными свойствами, которые этими знаками отражаются. Стало быть, условный, произвольный знак лишается своего главного и единственного качества – условности, произвольности, свободы своего употребления как знака любого предмета, события, отношения.

Панфилов заключает: если в знаке всё есть продукт внутрисистемных отношений языковых единиц, то, следовательно, никакие экстралингвистические факторы, т.е. общество, человеческое мышление не оказывают никакого влияния на язык, например, причины изменений в языке. Эта релятивистская концепция природы языка основана на ошибочной трактовке соотношения категорий «вещь, свойство, отношение», где первичное – отношение. [Там же : 82 - 83]. Здесь языку Панфилов приписывает свойство самостоятельного мыслящего субъекта, а «мышление», «общество» – это экстралингвистический фактор, вынесенный за пределы языка. Если философская категория «отношение» – не первично по

отношению к условному знаку, то знак, т.е. слово, теряет всякий смысл, ведь он и изобретён человеком условно, только «относительно» к данному предмету и относительно к другим знакам, мог бы относиться к любому другому предмету, что фактически так и бывает: все знаки, т.е. слова многозначны. И их значения опознаются только через их о т н о ш е н и я к другим словам.

Если в знаке обе стороны идеальны, то обмен информацией, якобы, невозможен, следовательно, уничтожается язык и сам человек. Если знак бестелесен, то как с его помощью общаться ? Чтобы знаки, материя имели хождение, они должны иметь материальный субстрат. У Ф. Соссюра знак – это соединение двух частей в знаке (означающего и означаемого) (в моей модели знака это уровни: **2 – 3**), знак, по мнению некоторых лингвистов, у Соссюра оказывается целиком включённым в область психики, сознания, и тем самым он утрачивает свою материальную природу. Если знак – чисто психическое, то он не может выполнять знаковой функции, так как для говорящего и слушающего в этой функции может быть только чувственно воспринимаемый материальный объект.

Некоторые лингвисты считают, что несостоятельность трактовки языка как чисто психического явления приводит Соссюра к явным противоречиям. Ссылаясь на теорию Соссюра, по которой знак идеален с двух сторон, Э. Бенвенист делает совершенно необоснованный вывод, что язык не может служить орудием общения [Бенвенист 1974 : 292 - 300]. Но Соссюр не исключает материи знака и материи объекта, он просто их не упоминает, для него она само собою разумеюшаяся, что это и породидо множество критических стрел в сторону Соссюра.

Если знак – психическое явление, не включает в себя материальную сторону, значит язык, пишет Панфилов, не может иметь принудительного характера, не может в таком случае выполнять социальные, общественные функции и даже само существование его в качестве общественного явления невозможно. Если бы означающее знака было чисто психическим явлением, оно не могло бы восприниматься на слух, ибо воспринимается только физический звук. [Панфилов 1983 : 14; См. также: Смирницкий 1954 :10].
Действительно, всё это так, без материи знак уничтожается. Но в о - п е р в ы х,
если в знаке обе стороны, идеальное материи и идеальное объекта, т.е. **(2 – 3)** психологически связаны между собой ассоциативной связью, то обмен информацией посредством языка возможен только потому, что в основе этой «психологичности» лежит и материя знака **(1)**, и материя внешнего объекта **(4)**, которые у Соссюра само собою подразумеваются, но вслух он об этом говорит не везде. «Голые» идеальные образы знака и объекта не произносятся и не воспринимаются, они не могут существовать без своего материального субстрата, они, эти идеальные формы, рождённые на фундаменте внешне воспринимаемой материи, не могут быть вынесены за пределы мозга. Это область сознания и эти идеальные объекты, как идеальные сущности, не наблюдаемы. В о - в т о р ы х, если знак только материален, только физическая субстанция, то коммуникация также невозможна, потому что воспринимающее сознание не может его узнать, ибо знак, как внешняя материя, чуждая мозгу, не может войти в мозг и выйти из него. Чтобы их воспринял собеседник, они должны быть «отягощены материей». Это парадокс ?

Неожиданно разгадку этих противоречий находит Васильев, но совсем не там, где она лежит. Основания этих противоречий, по Васильеву, кроются в непоследовательном разграничении языка и речи. По его мнению, понимать надо не язык, а текст, переводимость не языков, а текстов. [Васильев 1989 : 62]. Язык отброшен, на его место встал текст. Надо копать глубже и разобраться в теории отражения и коммуникации и познать истинную сущность модели языкового знака.

Обвинения в адрес Соссюра со стороны некоторых лингвистов в якобы противоречиях, заключающихся в изъятии из языка материальных звуков и тем самым в разрушении языка как общественного средства общения, основаны на недооценке работ Соссюра и явном н е п о н и м а н и и сущности языкового знака. Зададим Панфилову и другим лингвистам вопрос: как бы люди понимали друг друга, общались, если бы в основе материи знаков **(1)** не лежали их идеальные сущности – фонемы **(2)**, ведь живая природная материя – звуки и буквы, не могут «войти» в мозг и «выйти» из него в своём первозданнном виде как природная материя ? Как бы люди общались и понимали друг друга, если бы предмет общения (*корова, лошадь, берёза*) были только материальными вещами **(4)** и не хранились бы в их головах в виде идеальных образов **(3)** этих предметов ? Человеку, владеющему каким-либо языком, никуда не уйти от четырёх уровней в языковом знаке, они всегда и везде преследуют его.

Соссюр совершенно прав в понимании сущности знаков, слов, языка. Акустический, идеальный образ материи знаков (фонемы) **(2)** и идеальный образ внешнего предмета (понятие) **(3)** и есть те два внутренних, посредничающих звена в модели знака (см. выше), являющиеся абстрактным, идеальным обобщением и материи знака **(1)**, и материи внешнего предмета **(4)**. Разграничение материального и идеального – это основной философский вопрос об их взаимодействиях и взаимопереходах.

Как бы люди познавали мир, если бы они оперировали только материальными вещами, а не их мысленными, идеальными отражениями в мозгу ? Весь объективный мир содержится в мозгу человека в виде его идеального, мысленного отображения, в виде субъективного, второго мира. Мозг, его живая материя присвоила себе неживую материю, но не в её натуральном, материальном виде, а в виде её мысленного, абстрактного, идеального отпечатка в мозгу. Диалектика познания и коммуникации предана забвению и именно теми, кто за неё отвечал ранее по своему статусу в марксистском языкознании.

Так как язык, по Соссюру, чисто психическое явление, то он, как справедливо считают некоторые лингвисты, не может выполнять социальную функцию, ибо знак, якобы, не включает в себя материю. Напротив, Соссюр не отбросил материю знаков, она всюду им подразумевается, но не включается непосредственно в язык, хотя и не забывал, что интеллектуальная деятельность опирается на употребление психических образов и от материи языковыых знаков, и от материи внешних предметов. А развитие интеллектуальной деятельности привело к перестройке биологического характера, т.е. эволюции мозга человека. Поэтому материальные знаки – это средство воздействия общества на его членов и средство формирования психики каждого из них, и только благодаря тому, что эти материальные знаки имеют хождение в головах людей только в их идеальной, логической форме. Соссюр не прав лишь в том смысле, что он, говоря о «двух психических компонентах знака», не очень чётко и даже путано сказал, что эти психические образы идут от материи знака **(1)** и от материи внешнего мира **(4)**.

§ 3. Фонема.

1) Фонема – фундамент строения и функционирования языка.

Образование абстрактных понятий невозможно без глубокого философского понимания явлений мира. Чем глубже познаны вещи, явления, процессы, тем понятнее переход от познания менее глубокого к познанию более глубокому, от явления к сущности предмета. На этой основе здесь строится теория знака и, следовательно, его абстрактной, логической формы – фонемы, без которой невозможно решение целого ряда

лингвистических проблем. Через понимание сущности фонемы понятнее становится отношение отдельного и общего, материального и идеального, теории языкового знака, дихотомия язык – речь и другие проблемы.

Чтобы чётче представить себе роль фонемы в организации и функционировании языка, мы должны вернуться к четырёхуровневой модели языкового знака. Исходным пунктом фонемы служит **(1)** материя звука (чувственное мышление), которая воспринимается слухом как звук, служащий в функции мельчайшей логической единицы (абстрактное мышление), как идеальный образ этого звука – фонема **(2)**. Звук **(1)**, преобразованный мышлением в его идеальный образ, в фонему **(2)**, связан со значением, с логическим понятием **(3)** о реальном, внешнем предмете **(4)**, лишь по названию изображаемого, но не отражаемого, этим понятием. Уровнь в знаке **(2)** как идеальная фонемная цепочка замещает идеальный образ **(3)** того предмета **(4)**, который отображён этой цепочкой фонем. Идеальное в материи знака **(2)** есть фонемная цепочка (*д – е – р – е – в – о*), котоорая представляет понятие **(3)** от реального предмета *дерево* **(4)**. Таким образом, на первом уровне восприятия знака **(1)** мы его воспринимаем чувственной формой нашего мышления (слышим звук знака, как материальный физический звук), и одновременно, автоматически, бессознательно переводим его на уровень абстрактного мышления как логическое понятие низшего уровня – в фонему **(2)**.

Фонема – это мельчайшая логическая форма. Отдельная фонема может быть в то же время понятием, т.е. словарным понятием (союзы, предлоги). Но главная функция фонем – построение фонемных цепочек, символизирующих морфонемы, понятия, суждения, умозаключения и другие типы сложных логических построений, которые суть тоже знаки, сложные знаки, сложные иерархические фонемные цепочки, состоящие из более простых знаков. Фонема служит смыслоразличительным средством только потому, что она формирует различные понятия, например, среди согласных звуков ***д****ом*, ***т****ом*, ***с****ом*, ***к****ом*, ***р****ом*, ***л****ом* и гласных звуков *р**о**диться*, *р**я**диться*. Так как фонемы выполняют смыслоразличительные функции, то это значит, что они выполняют и знаковые функции, а это, в свою очередь, означает, что фонемы, как мельчайшие логические единицы, выполняют логические функции р а з л и ч е н и я логических понятий (в составе сложных фонологических цепочек), и логические функции с а м о с т о я т е л ь н ы х понятий (например, некоторые союзы, предлоги, частицы).

Человеческий мозг обладает двумя фундаментальными свойствами: П е р в о е с в о й с т в о м о з г а – способность к абстракциям. Единицы и их соотношения в языке неоднородны и подвижны. Они в состоянии непрерывного изменения и развития, одни и те же единицы языка реализуются у различных людей в неодинаковых произносительных и графических формах. Сколько людей, столько и произносительных или графических образцов, даже у одного и того же человека всё по разному. Но в языке есть и постоянства, устойчивые элементы – фонемы. Иначе не было бы языка, не было бы и человека.

Можно сослаться также на пример из политэкономии. К. Маркс показал, что понятие «стоимость» может быть выделено и понято лишь в результате исследования тех отношений между товарами, в которые они вступают при их взаимном обмене, при приравнивания их друг к другу, несмотря на их качественное различие. Он ставит вопрос: что представляет собой то общее, что позволяет устанавливать отношение равенства между двумя качественно разными товарами. Например, обмениваются: 1 центнер пшеницы на *х* центнеров железа. В двух материально различных вещах существует нечто общее, одна и та же величина. Следовательно, обе эти вещи равны

чему-то третьему, которое само по себе не есть ни первое, ни второе из них. Этим общим оказывается стоимость [Маркс. Капитал, 1955, т.1 : 43].

Так происходит и в языке: одни и те же звуки речи в устах разных говорящих – разный товар. Разные звуки подводятся под одну фонему. Следовательно, фонема – это лингвистическая стоимость, значимость, абстракция. Но эти различные товары-звуки для одного и того же человека имеют общее в виде фонемы как идеальной, логической абстракции материи знаков. Это – та же «стоимость» в области языкознания.

Второе свойство мозга – его способность к комбинациям однородных элементов, она связана с биологическими законами человека. Например, наследственность в биологии – это информация, осуществляемая посредством химического сообщения и его кодов. Это сообщение записано комбинациями всего лишь четырёх химических радикалов (т.е. устойчивая группа атомов в молекуле переходит без изменений из одного химического соединения в другое). «Четыре элемента повторяются на всём протяжении хромосомной нити множество раз; они бесконечно сочетаются и переставляются, так же как буквы алфавита на протяжении всего текста. Фраза – это сегмент текста, а ген – сегмент нити нуклеиновой кислоты. В обоих случаях символы не имеют смысла, смысл сознаётся только комбинацией символов [Жакоб Ф., ВЯ, 1992 : № 2].

Фонемы, по отдельности лишённые самостоятельного смысла, приобретают смысл, сочетаясь в комбинациях определённым образом. Это зависит от строгой линейности сообщения. Ограниченное число знаков, а ещё более ограниченное число фонем дают бесконечные их сочетаемости. Этот закон пронизывает всю живую природу, когда возникает необходимость порождения многообразия структур с использованием ограниченного количества строительных блоков: 1) в атомах, созданных из нескольких элементарных частиц, которые сами возникают в результате группировки ещё более элементарных частиц; 2) в построении бесчисленного числа молекул, построенных из атомов. Этот метод является единственно логически возможным методом создания всего безграничья природы.

Например, в биологии – на всём протяжении хромосомной нити постоянные элементы повторяются бесконечно, точно так же, как буквы алфавита на протяжении всего текста. Ген – сегмент нити нуклеиновой кислоты, так и фонема – сегмент слова, предложения, текста. В обоих случаях отдельные символы не имеют смысла, смысл создаётся только их комбинацией. Благодаря фонемам и графемам, как абстракциям мозга, и их материальным основам (звуки, буквы) происходит накопление, хранение и передача информации.

По мере овладения фонологическим анализом, мы получаем образец анализа вообще, пригодного для решения всех теоретических вопросов языковой сущности знака, слова, предложения. Материальный звук не может сам по себе, без его абстрактного образа в виде фонемы, принадлежать языку. Для языка он нечто вторичное, лишь используемый материал. Например, не металл определяет ценность монеты, а её абстрактная меновая стоимость. Так и фонемы: их ценность состоит в способности формировать логические понятия, в различении смысла единиц языка – от низших (морфем) до высших (предложений). Понятие фонемы, как языковой единицы, по своей сути не есть нечто звучащее (это область познания естественных наук), а, напротив, нечто как бы бестелесное, образуемое не своей субстанцией, а исключительно теми различиями, которые отличают его от других понятий. Звук, произнесённый человеческими органами речи – это только физическое (физиологическое) явление, но как элемент фонологической системы языка, как фонема, он – структурная единица языка, и приобретает новые качества, которые превращают его в лингвистическое явление. Звуки

не имеют самостоятельного существования, они лишь орудие для фонем и, следовательно, для понятий, для мысли. Все фонемы данного языка находятся в строгих системных отношениях друг с другом, они обретают качество структурности, превращающей звуки в звуковые типы, фонемы имеют определённые функции, они различают звуковую оболочку слов, и тем самым различают значения слов как абстрактные логические понятия.

Свой материал фонология черпает из своей основы – звуков. Физиология звуков имеет прямое отношение к фонологии. И все фонемы как объект фонологии **(2)** суть те же звуки фонетики **(1)**, но только получающие другую характеристику – абстрактную, идеальную, смыслоразличительную, логическую. Фонемы – это логические атомы языка. Благодаря им поток звуков превращается в человеческую речь. Если человек различает слова по значению, то он слышит фонемы. Фонему можно услышать, но нельзя произнести отдельно, обособив её от соседних элементов звукового потока. Они не могут быть фиксированы инструментально. Как и почему люди понимают друг друга ? В основе способности людей говорить и понимать лежит система фонем, своя собственная для каждого языка, как система логических единиц различного уровня – от фонемы до умозаключения. Фонема представляет собой одно из удивительных чудес на свете – наше обычное человеческое мышление.

Фонемы – мельчайшие абстрактные логические формы, общие для всех говорящих на данном языке и воспроизводимые при повторении. В каждом языке – строго определённое количество фонем. Из этого ограниченного набора строится вся фонологическая система языка, способная представить бесконечный процесс мышления. Фонемы похожи на химические элементы, из которых состоят все вещества. Так и конечное число фонем участвует в бесконечном построении логических суждений. Каждый язык довольствуется небольшим количеством звуковых типов или фонем, достаточным для различения звуковых оболочек слов. Каждый язык по-своему членит мир звуков на фонемы, каждый язык имеет своё особое «сито», сквозь которое отсеиваются только нужные фонемы – фонемы родного языка.

2) Фонема и мышление.

Панфилов считает, что чем ниже языковой уровень, тем он меньше связан с мышлением. А это, следовательно, значит – фонема не связана с мышлением. Фонема сама по себе, пишет он, не соотносится с какой-либо формой мышления. В силу автономности фонемы «возникает несоответствие между организацией языка и его функциональным назначением». Теория Панфилова есть следствие той логической аксиомы, идущей ещё из средних веков, согласно которой в логике существуют лишь три логичесих формы – понятия, сужденитя и умозаключения. Всё, что ниже того – не связано с мыслью, следовательно, не логические формы.

Другие лингвисты, напротив, полагают, что фонема – абстрактная, идеальная единица, без самостоятельного значения, но служащая для дифференциации единиц, обладающих логическим понятием.

Низшие логические формы, фонемы, обладают лишь смыслоразличительными функциями. Учение о фонеме как смыслоразличительной единицы – «замечательное открытие, которое вошло в железный фонд науки о языке на вечные времена. Суть этого открытия состоит в том, что хотя в потоке речи реализуется бесконечное разнообразие звучаний, говорящими осознаются не все различия между звуками, а лишь те, которые служат для различения значения ... Иначе говоря – ведущим и организующим началом в фонетике, как и вообще в языке, является семантика. В языке нет другой доминанты, кроме значения – вот истинный смысл учения о фонеме» [Абаев, ВЯ, 1965,

№ 3 : 29]. А это значит, что фонемы неразличимы без связи с семантикой, т.е. с мышлением, ибо они сами – смыслоразличительные единицы. Это и есть ответ Панфилову, считающему фонему «бессмысленной» единицей языка. Это подтверждает ту истину, что мышлению нужны все те логичесмкие формы, которые в нём выражены, в том числе и наинизшие – фонемы.

Звуковая цепь сама по себе есть ряд звуков и их сочетаний, где ухо не слышит никаких ясных различий. Но чтобы найти эти делимые отрезки, надо прибегнуть к значениям, увидеть за каждым отрезком – фонемы, понятия, а за всей звуковой цепью – суждения и умозаключения. Последовательность звуков в иностранном языке, которым мы не владеем, мы не различаем, для нас это сплошной шум, звуковая материя, без связи её со значением. Поэтому анализ такой цепи звуков возможен только инструментально, но не человеческим ухом. Но если мы знаем, какой смысл несёт в себе каждая часть звуковой цепи, тогда для нас эти части тут же становятся самостоятельными отрезками, и первоначально бессодержательная цепь звуков распадается на чёткие отрезки. Но в них нет ничего материального, они – абстракции от звуков.

В речи слова следуют в линейной и временной последовательности. Слушатель присовокупляет к услышанному и понятому им новые значимые единицы, накапливается информация, передаваемая партнёру. В речи фонема может редуцироваться, изменяться под влиянием соседней фонемы, или просто выпасть в произношении говорящего. Тем не менее эта фонема будет восстановлена семантически, в значимом слове, а этого требуют следующие за данным словом слова. Фонема, как единица знаковой системы, дифференцируется, различается, распознаётся в результате постоянства свой фонемного структуры. Звуки в составе слова одновременно являются фонемами в составе понятия. Фонема есть самостоятельный, но мельчайший знак, самая низкая логическая форма, обладающая смыслоразличительной функцией. Фонемы – это знаки, так как они выполняют семантические, т.е. логические различительные функции. Слова, как логические понятия, состоят из фонем в виде структурных знаков, хотя обычно считается, что фонемы выполняют только различительную функцию, а не знаковую. Именно в том, что фонемы выполняют различительные функции, они и есть логические, т.е. знаковые единицы. Слова же, образованные фонемами как мельчайшими логическими единицами, сами являются знаками, но более высокого порядка.

Знак обладает признаками: а) обозначает нечто внешнее по отношению к нему; б) наделён общественно значимым смыслоразличительным свойством. Таким образом, фонема, отвечая отмеченным выше условиям, но будучи не материальной, а идеальной, логической единицей, тоже знак. Он участвует в построении морфемы, слова, предложения. Когда фонема входить в сложный знак, то сама по себе есть знак какого-либо смысла, ибо она участвует в его различении и выражении. Здесь она – тоже знак, как и любой другой, и в то же время строительный материал для более сложного знака. Фонемы участвуют в формировании более высоких логических единиц – морфонем, понятий, суждений, умозаключений. Но фонема – не только смыслоразличитель, но и строительный материал для более сложных знаков. Фонема сама по себе, будучи структурным элементом в составе сложных знаков, есть один из представителей абстрактных, логических образов (понятий). Если же фонема живёт в виде однобуквенных, однозвучных союзов и предлогов (*а, в, к, у* и др.), то она самостоятельно выражает логическое понятие, в высшей степени абстрактное, отражающее лишь отношения между другими понятиями, представляющими реальные предметы. Если фонема в сложном знаке обладает смыслоразличительным значением, то

она тоже знак, обладает логическим значением, т.е. служит конституирующим понятием в составе более сложных знаков.

Фонемы не только дифференцируют звуковые оболочки, являясь их различительным признаком, но и сами участвуют в выражении понятий в качестве некоторых самостоятельных частей речи – союзов, предлогов, частиц. Мысли об отношениях (*под, над, в, с , о, к, между, до, после, если ... то, так как* и др..) представляют собой весьма отвлечённые понятия о материальном мире. Сюда же относятся грамматические формы (аффиксы, суффиксы, приставки). Общая функция для всех этих знаковых форм – отражение отношений между понятиями о предметах объективной действительности, отражение их внутренних связей, того общего, что их связывает. Все эти знаковые формы выражают понятия, но более высокого, абстрактного уровня, в сравнении с предметными понятиями.

3) Сущность фонемы – это основной вопрос философии познания: взаимоотношение материального и идеального.

1. Фонема и звук, графема и буква.

Материальные знаки языка не есть сплошная, нерасчленённая масса звуковой субстанции, иначе язык никто бы не понимал, да его и не было бы. Звуковая цепочка как акустическая материя организована по правилам данного языка, руководимых правилами мышления. Ведь в каждом конкретном слове, его звуках, существует возможность их бесконечных реализаций. Человек говорит и понимает, воспринимает эти звуки только в том случае, если они каким-то образом, т.е. по правилам данного языка оформлены в систему, несут в себе следы упорядочивающей системы идеального, логического. Следовательно, чтобы говорить и понимать собеседника, эти звуки должны быть расчленены, сгруппированы, отождествлены в рамках небольшого числа постоянных, идеальных элементов, как отождествлённых материально идентичных звуков в виде обобщённого образа, самых мелких логических форм – фонем.

«Изгнание» материи языка Соссюром проводится по линии дематериализации фонемы как основного явления материальной стороны языка» [Панфилов 1957 :158]. Это пишет «марксистский» лингвист, который, как он всегда утверждал, основывается на марксистской диалектике в понимании взаимоотношения материального и идеального – главного вопроса диалектики. Панфилов рассматривает звук в языке как основную языковаую единицу. Так ли это ? А тогда фонема что ? Это та же теория «дегуманизации» языка, как и у Арутюновой и у Абаева, которая порождает сразу же множество вопросов: что такое язык, как он устроен, какова роль фонемы в языке и в мышлении, как взаимодействуют язык и мышление, язык и сознание, язык и действительность и др. ? Как понимать теорию Маркса и Ленина о том, что весь материальный мир отражён в голове человека как мир идеальный, абстрактно представленный ?

Математика, как самая абстрактная из всех наук, вполне реалистична, она отражает реальные вещи, но она отражает не только поверхностные, но и глубинные структуры действительности. Математические конструкции нужно считать только моделями, только идеальными, логическими первообразами, только принципами действительности, а не самой действительностью. Фонема тоже не есть прямая выраженность вещи, не простое её зеркальное отражение, она как бы загадка или некая тайна, которую ещё надо разгадать. Фонема и графема содержат в себе гораздо больше, чем их прообразы – звук и буква, ибо они, эти последние, таковы, какими мы их слышим или видим нашим чувственным мышлением. А фонемы и графемы вплетены в

ткань сознания как инструменты, формы абстрактной мысли, мы их воспринимаем нашим абстрактным мышленикм. Ведь каждый звук и каждая буква всегда такие, какими мы их слышим или видим в данный момент. А фонема и графема, как их абстрактные формы, содержат в себе все реальные проявления данного звука и данной буквы.

Как пишет Бодуэн, фонема – психическая фонетическая единица, это психический эквивалент звука. Звук – произношение, но оно заканчивается, оставляя в мозгу акустико-фонетический след. Фонема – единое фонетическое представление, психическое слияние впечатлений, полученных от произношения одного и того же звука. [Бодуэн, т. 1, 1963 : 351 - 352]. Понятие фонемы является единицей звуковой стороны языка. Она не имеет однозначной артикуляционной и акустической характеристики, какая подразумевается в звуке. Фонема и начинается с утверждения, что акустические различия не означают различия языкового. Фонема, таким образом, это абстракция от звука. Именно в этом качестве фонема выступает в языке как средство общения. Если бы неизбежное акустическое разнообразие звуков, обусловленное индивидуальными особенностями говорящих, имело бы какое-то языковое значение, общение было бы невозможным, так как каждый говорящий обладает своим собственным набором звуковых единиц. Границы двух видов членения речевого потока на звуки и на фонемы не совпадают.

Жинкин пишет: процесс восприятия звуковой речи – это процесс извлечения информации из звуков речи. Орган слуха воспринимает колебания воздуха, кодирует их нервными импульсами, которые направляются в кору головного мозга. Кодирует их избирательно, т.е. только звуки в определённых параметрах (волны, определённые диапазоны) и не воспринимает волн, выходящих за параметры, требуемые различительной системой данного языка. Слуховой аппарат сформировался в неразрывной связи с произносительным аппаратом, происходит координация органов слуха и работы органов речи. В коре формируется модель звуков из запаса «устойчивой решётки фонем» [Жинкин 1998].

2. Проблнма фонемы, как и проблема знака, это вопрос философии языка.

Фонология с наибольшей очевидностью ставит перед лингвистами вопросы о природе абстрактного и конкретного в языке. Отношение между звуком и фонемой в теоретическом языкознании было во все времена одной из самых актуальных философских проблем языка. Фонема как знак имеет бесконечное число разных произносительных и графических вариантов, и при этом мы его всё же узнаём как одно и то же. При всех своих звуковых и письменных вариациях он остаётся самим собою, иначе мы бы не могли понимать друг друга. Фонема есть нечто единое и неделимое.

Звуковое сходство или несходство не является критерием для идентификации фонемы, и единственно решающим всегда являются критерии лингвистические, они же – логические. Следовательно, это свидетельствует только о подчинённости материального, физического аспекта фонологическому, т.е. логическому аспекту. Но начинается всё с физической материи – с чувственной формы абстрактной мысли, а именно с различия, а не со сходства. Там, где нет физического различия, ни о каком различии фонем не может быть и речи. Но одного физического различия недостаточно для различения фонем, и не оно является решающим. Фонема целиком принадлежит к плану идеального – к абстрактному, логическому мышлению.

В политической экономии существуют два главнейших понятия – товар и стоимость. Цена товара определяется не его материей, качетвом, пользой и др., а тем, сколько труда и какого труда было затрачено на его производство. Это количественное и

качественное отношение затраченного труда в производстве различных товаров и определяет их стоимость. Это некая абстрактная средняя, усреднённая величина, которая уравнивает два различных товара. То же происходит в языке – бесконечный поток отдельных звуков человеческим слухом неразличим. Человеческий мозг изобрёл фонемы, в которые одел все живые звуки данного языка. Значит человек изобрёл «зыковые стоимости» или «языковые значимости», названные фонемами. Без логического понятия фонемы мир не рухнет, но человек вообще бы в нём не появился, человек пребывал бы в своём счастливом состоянии животного. Без знакового, а это значит без логического понятия фонемы нет языка, нет мышления, нет человека. Вот та логическаяя цепь, по которой мы идём, сожалея о «дегуманизации» языка.

При определении понятия фонемы лингвисты сталкиваются с самыми сложными теоретическими вопросами, которые с полным правом можно отнести не только к лингвистическим, но главным образом к философским. Неязыковая природа значения выступает уже на уровне фонем, которые формируются как акустические типы в качестве различителей смыслов, идеальных образов в сознании, а не в самом речевом потоке. Хотя фонема и является единицей звуковой стороны языка, её тождество определяется не артикуляторно - акустически, а логически, т.е. тем, что фонема служит для выражения значимых языковых единиц, знаков – морфем, слов, предложений. Поскольку язык – средство общения, постольку всё в языке, в том числе и в первую очередь его наименьшие единицы, фонемы, должны обладать способностью выполнять эту функцию. Этим и определяется философская сущность фонемы.

Звуковых форм и их конкретных реализаций в языке существует неограниченное количество Но знаки могут быть инструментом мыслительной и коммуникативной функций, если они формированы, приведены в систему по законам данного языка (точнее – по законам мышления) и несут в себе идеализированную форму материальных звуков, становятся их некими идеальными образами. Следовательно, бесконечное число звучаний должно быть сгруппировано в систему с конечным числом элементов, что и ведёт к созданию обобщённого звукового образа фонемы, которая, сама не является звуком, но его идеальным обобщением, и живёт только в системе, и именно в системе данного языка. Фонема есть обобщение реальных звуков. Здесь, как и во всём, господствует диалектика – диалектика взаимоотношения материального и идеального, единичного и общего, явления и сущности. Только этим обеспечивается функция языка, т.е. его материальных знаков для реализации человеком его познавательного и коммуникативного мышления. Абстракция звука – это его идеальный, психический, логический образ, фонема, она есть синтез, обобщение существенных признаков в близких по звучанию звуках, отражение общего в физически разнородных, единичных звучаниях. Общее существует в единичном, но и единичное представлено своими существенными признаками в общем – это и есть диалектика перехода от конкретного к абстрактному, и от абстрактного к конкретному. Это взаимоисключающие и одновременно взаимно обусловливающие и взаимно предполагающие противоположности, которые являются производными от основного диалектического взаимодействия – между материальным и идеальным.

Что выступает связующим звеном между материальным и идеальным в языке ? И есть ли вообще такое звено ? Это кардинальный вопрос в философии языка. Без его решения невозможно понять диалектическую природу языка и механизм его функционирования. Как пишет Гегель, противоречивое не удерживается отдельно от другого, они соприкасаются друг другом через промежуточные шаги. Диалектика опосредствует противоположности, есть их переход друг в друга. Но лишь при наличии посредствующего звена, в роли которого выступает память, главным образом

долговременная память, как хранилище всех наших знаний. Если это взаимоисключающие противоположности, то посредник принципиально необходим.

Звучание звука мгновенно, материя слова исчезла. Но тогда как слушатель понимает слово ? Это не полный разрыв материального и идеального. Воссоединение звука и его идеального образа в мозгу, в сознании осуществляется благодаря памяти. Звучание индуцирует в воспринимающем сознании образ этого звука как его идеальный, абстрактный отпечаток В звуке происходит разрыв материального с идеальным, создаётся такое впечатление, будто идеальное, присутствующее в звучании, вместе со звуком уходит в небытие. Но это не так. Погибая перед поступлением в мозг, материальное переходит в свою противоположность – идеальное, которое реально находилось и находится в мозгу. Материя звукового языкового знака – не просто внешняя природная материя, она ассоциативно связана с сознанием, идеальным, это не просто звук, а звук языковой, формированный идеальным сознанием, оформленный сознанием благодаря человеческой памяти, т.е. способности удерживать в себе образ предмета. Звучание есть то диалектическое противоречивое единство, с двумя взаимно отрицающими свойствами, то звено, в котором связано материальное вне мозга и идеальное в мозгу в их единство, благодаря ассоциативным следам идеального в материальном знаке, хранящихся в памяти.

Звук и его идеальный образ – разные явления, но они сливаются диалектически. А по отдельности они – разные, соединившись, становятся новой сущностью, образуют тождество, через которое происходит обмен мыслями между людьми. Звук и его идеальный образ – разные вещи, они непосредственно не соединимы. Идеальное в мозгу выбрало себе нужный материальный знак (вне мозга). Этот знак вне мозга ассоциативно соединён с идеальным значением. Звук, слышимый собеседником, ассоциируется в его мозгу с идеальным образом в мозгу говорящего. Никакого обмена мыслями нет: между собеседниками – не мысль, в виде формованного материей тождества, а только материя, ассоциативно вызывающая в голове другого ту же мысль, благодаря свойствам долговременной памяти.

Выражение Маркса «На духе с самого начала лежит проклятие – быть «отягощённым» материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоёв воздуха, звуков» надо понимать не в том смысле, в каком этот тезис обычно понимают, будто языковой знак содержит в себе одновременно и материальное, и идеальное, а в том смысле, что без внешнего звучания, без материальных знаков обмен мыслями между людьми невозможен. Звук и идея как тождество двух явлений – звука и идеального – не передаётся собеседнику, не понимается им непосредственно, прямо. Не передаётся как вещь с той лишь разницей, что вещь передаётся из рук в руки. А «обмен» мыслями, общение – это более сложный психо-физиологический процесс, который соответствует структуре знака и его уровням: в сознании говорящего родилась абстрактная идея **(3)** о внешних событиях, фактах, объектах **(4)**. Эта абстрактная идея прежде ассоциируется с его же абстрактной идеей материального знака **(2)**, которая выводится им через речедвигательные органы наружу, где звуковые волны, воспринимаемые слушателем **(1)**, преобразуются им в идеальные образы в своём мозгу, фонемы **(2)**, которые возвращают слушателя к тому же названию, понятию **(3)** о внешнем объекте **(4)**. Звуковые волны лишь ассоциативно возбуждают в долговременной памяти слушателя соответствующие идеальные образы.

В материю звука мысль не включается. Русский слышит в китайском языке, которого он не знает, только материю природных звуков, но фонем не слышит, ибо в них для слушающего нет ничего различительного с точки зрения семантики и логики. Идеальное вне мозга существовать не может, оно живёт в мозгу и опосредовано

материальной системой нейронных связей. Идеальное в сознании, вооружённого памятью, возбуждается материей звука, буквы, т.е. сливается с уже известной для мозга воспринимающего ассоциативной идеальной формой звука. Происходит снятие противоположностей между материальным и идеальным. Идеальный образ знака или фонема, как писал Гегель – это душа, отлетающая в звуке.

Глава 2

О природе языка.

§ 1. Внутренние механизмы языка.

1) Сущность языка определяется природой языкового знака.

Невозможно разграничить природу языкового знака и того, что мы называем языком. Язык – это и есть модель знака с его четырьмя уровнями. Но сам термин «язык» был, есть и всегда будет нужен, и не только потому, что он имеет где-то начало своей истории, а главным образом потому, что в нём конвенционально, условно, но в то же время нерасторжимо спаяны два логических понятия: от природной материи знака, от звуков, букв, (в знаке уровень **1**) живущие в мозгу в виде идеальных логических форм, фонем, графем (в знаке уровень **2**), и в виде сообщаемого содержания, значения, идеального, т.е. понятия или суждения (в знаке уровень **3**) от реальных материальных предметов **(4)**, которые принажлежат внемозговой материи. Если бы эти два идеальные свойства знака, локализованные в мозгу (фонемы и понятия), т.е. **(2)** и **(3)** не были ассоциативно закодированы в сознании в виде идеальных образов от материи знака **(1)** и от материи реального предмета **(4)**, то не существовало бы вообще понятия языка в виде языковых знаков, мы бы не смогли ни общаться, ни понимать то, что мы говорим, пишем, слышим, читаем. Кстати, мы и этого не смогли бы сделать. Ни один из черырёх уровней в структуре знака и, следовательно, в структуре языка не может быть изъят, без того, чтобы не исчез язык. Нет языка без материи языковых знаков **(1)**. Но эта материя живёт в мозгу не в своём

первозданном виде, а только в виде её абстрактного, логического образа, фонем **(2)**. Так как знак создан для того, чтобы сообщать через него о внешних предметах, то они, эти последние, должны быть отражены в мозгу тоже в их идеальной, абстрактной форме в виде понятий **(3)**, которые, в свою очередь, не могут появиться без реальных или мнимых предметов, о которых говорящий желает сообщить **(4)**.

Язык – величайшая сила в человеческом обществе. Язык – это умерщвление чувственного мира в том виде, в каком он нам представлен в глазах, в ушах, в восприятиях, в ощущениях. Всё переходит в мозг, весь мир переходит в мозг, оседая в нём в виде его абстрактного, логического двойника. В этом и состоит «удвоение» мира для человека. В этом как раз и состоит сущноть языка – как инструмента сотворения этого «второго мира». Едва ли удастся кому-либо, не сделавшись философским фантастом, логически доказать реальность «двухсторонности» знака, т.е. то, что неживая материя может мыслить, как и живая – мозг. А ведь ещё Ленин писал, что мысль живёт и умирает только в мозгу. Вне мозга, т.е. в материальных звуках, буквах, предложениях мысль сама по себе существовать не может. Другое дело – надо ещё доказать, к а к материя знака, не похожая на тот предмет, который она манифестирует, и не похожая на те следы, которые от неё остаются в мозгу, переходит (но как переходит ?) в мозг, становится достоянием нервных клеток и живёт там не как материя знака и не как предмет, манифестируемый этим знаком, а как а б с т р а к ц и я, и д е а л ь н о е, как л о г и ч е с к а я ф о р м а мысли – в виде фонемы, графемы, морфонемы, понятия, суждения, умозаключения.

Как традиционно считается, язык – это материальная субстанция в виде системы знаков (устных или письменных) плюс то идеальное, значение, которое скрыто в этой материи. Действительно, как бы мы ни понимали язык, материю знака не обойти, без материального знака в любом виде его субстанции язык не существует: но он и существует постольку, поскольку кроме своего материального субстрата, материальной среды своего обитания – звуков и букв – он имеет ещё и вторую, главнейшую среду обитания – мозг, но уже не в виде живой материи самого мозга, не в виде мёртвой физической материи звуков и букв, и не в виде физической материи реальных предметов (*коров, лошадей*), а в виде идеального, абстрактного образа звуковой и буквенной материи знаков – фонем и графем и их структурных связей в виде понятий, суждений, умозаключений. На этом материальном уровне звуки и буквы так бы и остались как природная материя, если бы они не передавались по рецепторам в мозг. Но в мозг они не могут войти в своём первозданном виде, как звуки и буквы, так же как и выйти оттуда, там для них нет места. Они должны быть преобразованы в их идеальные двойники, логические формы в виде фонем и графем – как низшие логические формы. Только так осуществляется процесс отражения и познания в мышлении – через материальные знаки, но уже в виде их идеальных, логических двойников, в которых предстаёт перед нами весь материальный мир а также внутренний, духовный мир человека.

В своё время была опубликована статья Романа Якобсона «В поисках сущности языка» [Якобсон 1983]. Читатель, прочитав статью, с недоумением обнаружит, что её название не соответствует её содержанию. Даётся обзор от знаковых теорий Морриса и Пирса до Соссюра и его последователей, как будто нам уже априори известна сущность языка в этом историческом знаковом экскурсе раскрывается его сущность. Понятие о «сущности языка» в этой книге осталось в неприкосновенности, хотя существует великое множество нерешённых проблем самого языка и его связей с другими науками, мышлением, логикой, физическим миром. Сущность языка не раскрыта даже в приближённом варианте.

В журнале «Вопросы философии» опубликована статья Звегинцева «О природе языка» [Звегинцев, ВФ, 1979, № 11], в которой пишется обо всём, но не о природе языка. Язык берётся глобально, как нечто, чем владеет человек, роль языка в обществе, связь с мышлением, проблема «грамматики умолчания» и др. т.е. язык рассматривается как нечто, уже само собою разумеющееся, как нечто совершенно самостоятельное, не зависимое от мышления и от мира, язык как один из составляющих «психосферы».

Хотя мы уже очень многое знаем о языке, и тем не менее, что же всё-таки язык? Этот вопрос задавали себе сотни языковедов, психологов, философов, логиков и учёных других специальностей. Интуитивно мы понимаем, что такое язык или то, что мы обычно называем языком, но определить его истинную научную сущность очень трудно. Трудно, разумеется, если исходить лишь из понимания языка изнутри самого языка или того, что мы обычно называем языком, игнорируя всё то, что его окружает. Мы всё время пытаемся определить неизвестное через неизвестное. Но если в центр языка поставить человека, то нам сразу становится ясным направление, по которому надо двигаться. Некоторые подсказки в этом направлении языковеды уже получали неоднократно, например, такие: «Язык – это система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа, причём оба эти элемента знака в равной мере психичны» [Соссюр 1933 : 39]. « ... свойства данной вещи не возникают из её отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении» [Маркс, Энгельс, т. 23 : 67]. В упомянутых выше статьях Якобсона и Звегинцева немало прямых и косвенных указаний на реальную сущность языка, у первого – на истоки природы языка (его знаковость), у второго – на вершинную природу языка (его психичность).

Человек мыслит мозгом, использует для этого мёртвые материальные, природные знаки, звуковые и графические, живущие вне мозга человека. Для того, чтобы выразить задуманную мысль, говорящий находит и использует для неё соответствующие материальные знаки – устные или письменные. Слушающий и читающий слышит эти звуки и видит эти буквы (уровень **(1)**, которые у него в мозгу оседают в сознании как их абстрактные, идеальные, логические образы, называемые мельчайшими логическими формами, фонемами **(2)**. Эти же абстрактные, идеальные образы реальных звуков и букв в то же время ассоциируются с идеальными образами предметов, понятиями **(3)**, абстрагированными от реальных предметов **(4)**. Язык – это и есть четырёхуровневая модель знака, описанная выше (см. Гл. 1, §§ 1, 3), модель знака – это и есть, следовательно, модель языка. Всё, что сказано о знаке и о фонеме, относится и к понятию «язык».

Можно, конечно, языком называть лишь материальные знаки, не проводя далее связующую линию к «мышлению». Но тогда понятие язык теряет всякий смысл – в нём остаются лишь физические звуки и чернильные буквы, не оживлённые мыслью, следовательно, не соотнесённые ни с чем. Это всё равно, что знаком мы будем считать, например, кирпич, камень, окурок, потерянный кошелёк: они человеку ни о чём не говорят, кроме того, что все они – материальны. Значит материальные знаки, не связанные с мышлением, – не язык Ведь язык – не просто физические звуки, как лай собаки или гром молнии, а звуки, несущие какую-то информацию, общую для говорящего и слушающего. Следовательно, если к языку относить только его физическую субстанцию, мы теряем и язык, и мышление. Если же эти звуки и буквы признавать как некие материальные знаки, но несущие для человека какую-то информацию, то эти знаки становятся уже языковыми знаками и мы тут же включаемся в процесс мышления. Что же тогда язык – материальные знаки или

мышление как идеальные образы материального мира, как идеальный процесс в нейронах мозга ? Ни то, ни другое, или, напротив, и то, и другое ? Прежде всего язык – это добровольная, совершенно произвольная связь материальных знаков и сознания. Эта связь работает так, как я её описал в Главе 1, §§ 1, 3, т.е. это продуцирование и восприятие мозгом материальных знаков в виде их идеальных образов. В этом лежит ключ к пониманию сущности языка.

Теория знака и фонемы должны представлять собой вершину теоретической работы языковедов, именно эти низшие языковые формы составляют фундамент понимания сущности языка. Для определения природы языка существуют только четыре пророка: нейрофизиология, психология, философия, логика. Но между этими науками нет непроницаемой границы, все они в значительной степени работают вместе. Это и отражено в структуре модели языкового знака: взаимодействие материи знака **(1)**, идеального образа знака, фонемы, графемы **(2)**, идеального образа внешнего предмета, понятия **(3)** и самого внешнего предмета **(4)**.

При определении сущности языка надо исходить из понятия знака как четырёхфункциональной единицы: материя знака (звуковая и графическая), произвольная, природная, находящаяся вне человека. Через органы чувств (зрение, слух) она поступает в мозг в виде идеального образа этой материи – это фонема и графема как обобщённый образ звуковых волн и чернильных крючков, графического начертания. На этом движение языкового знака не заканчивается: пока мы имеем только звук и его абстрактный образ, которые ни к чему реальному, вещественному не привязаны, ограничены лишь природной, внешней от человека материей и её абстрактным образом, они нам ни о чём не говорят. Это ещё не знак, это лишь пустой звук, колебания воздуха, чернильные пятна, следовательно, это, как и любой другой материальный предмет, который в мозгу может возникнуть как представление о нём, – ещё не знак, следовательно, не язык.

Это и есть ответ тем лингвистам, которые выдвигают теорию однозначности знака, полагая, что язык – это система материальных знаков, и ничего более, и в силу этого, стало быть, знак имеет односторонний характер. Но ведь язык служит для выражения чего-то, какой-то мысли о чём-то ! Знак, если его называть знаком, есть знак для чего-то. Знак, если это языковой знак **(1)**, всегда представлен в сознании как его идеальный, логический образ в виде ф о н е м ы **(2)**. Идеальный образ материального звука, буквы, если он желает быть языковым знаком, должен быть связан с названием, именем предмета, т.е. с идеальным, абстрактным отпечатком, п о н я т и е м **(3)** отражаемого п р е д м е т а **(4)**.

Абстрактный образ звукового или графического знака *берёза,* т.е. фонема **(2)** и абстрактный образ реальной *берёзы,* т.е. понятие **(3)** – один и тот же – *берёза*. Но между ними, между **(2)** и **(3)**, – «дистанция огромного размера». Абстракция **(2)** – это абстракция от материального звукового или графического знака, т.е. это ф о н е м ы как наименьшие логические формы. А абстракция **(3)** – это абстракция от реального предмета, т.е. п о н я т и я **(3)** *берёза.* Условный, произвольный материальный языковой знак *берёза,* преобразованный в мозгу в его идеальный образ (фонемы) **(2)** и реальная, растущая во дворе *берёза,* преобразованная в мозгу в её идеальный образ (понятие) **(3)** – разные объекты, но они соединены друг с другом условной, произвольной, договорной, но неразрывной в данном языковом сообществе связью. Это, действительно, как бы неразрывная связь материального знака *берёза* **(1)** и материального предмета *берёза* **(4)**. Но именно «как бы», и именно это «как бы» в «марксистском» языкознании выдаётся за неразрывную связь языка и действительности, как будто между языком и

мышлением существует непосредственная, неразрывная, органическая связь, и будто сама материя слов отражают сущность предметов. Фактически такая прямая связь между знаком и предметом (т.е между уровнями в знаке **(1)** и **(4)**) не существует, она опосредована д в у м я посредствующими идеальными, логическими образами: и от знака **(2)**, т.е. ф о н е м о й , и от предмета **(3)**, т.е. п о н я т и е м (отсылаю читателя к представленной здесь «модели знака», см. выше, Глава 1, §§ 1, 3).

Интуитивно все мы знаем, что такое язык. Это средсво или инструмент общения между людьми, средство познания окружающего нас мира, средство выражения эмоциональных состояний человека и др. Теперь зададимся вопросом – что же такое язык на самом деле ? Или так: какой уровень движения знака, из четырёх реально существующих **(1 → 2 → 3 → 4)**, мы должны считать языком ? Совершенно ясно, что по отдельности никакой уровень знаковой модели не может быть назван языком, т.е. средством познания и коммуникации. Уровень **(1)**, т.е. физически воспринимаемый звук или буква не может быть языком. Это обычный, посторонний для абстрактного мышления звук, например, свист ветра или лай собаки, чернильные кляксы. Правда, это может быть также материальный звук со значением *дом*, но произнесённый или написанный на китайском языке, не известного русскому.

Абстрактный образ материи знака, например, русского слова *дом* **(2)**, т.е. цепочки фонем, не может быть языком потому, что он лишён своей материальной основы **(1)**, а также реального предмета *дом* **(4)**, ведь беспредметная абстракция сама по себе, не имея в себе самой какого - нибудь материального, предметного основания, существовать не может. Абстрактный образ реального, материального предмета *дом* в виде понятия **(3)** тоже не может быть языком, потому что он, как и **(2)**, есть чистая логическая абстракция, которая также, сама по себе, без материального, без предмета, вещи, признака, отношения не может быть экстраполирована из мозга, потому что его там нет, который мог бы быть представленным в мозгу в чувственной форме мысли.

Взаимодействие между двумя правыми фазами знака, т.е. между абстрактным образом **(3)** реального предмета и самим реальным предметом **(4)** само по себе, без взаимодействия с другими, двумя первыми фазами знака, не может быть названо языком, по той же причине, что и связь между **(1)** и **(2)**, т.е. потому, что абстрактный образ предмета, как и материального знака, возникнуть не может из-за отсутствия самого материального основания, т.е. знака и предмета. Если допустить, что предмет мыслится нами идеально как **(3)**, то мы должны допустить, что у нас в сознании уже есть идеальная система знаков, в которой уровень **(2)** должен ассоциироваться с уровнем **(3)**, а этот последний неизбежно предполагает уровень **(4)**. А так как мы говорим о соотношении лишь двух последних уровней **(3)** и **(4)**, то эти два уровня вне всей знаковой системы невозможны. Потому что, если для данной вещи нет языкового знака, то эта вещь для нас непонятна, это обычная природная вещь, не знакомая нам и не входит в круг нашей знаковой системы.

Правда, такие уровни знаковой ситуации как абстрактные образы, фонемы **(2)** и понятия **(3)** могли бы быть признаны языком – это и есть настоящий язык, но только в сознании человека, как языковое сознание или я з ы к м о з г а ! – но только внутренним, нейронно – мозговым языком, только в том случае, если бы в сознании человека выше упомянутые абстрактные образы (**2** и **3**) реально были образами, т.е. реальными логическими формами от реальных материальных предметов – звуков и предметов (**1** и **4**). Но так как мы сейчас оцениваем только

непосредственную связь уровней **(2)** и **(3)**, то их связь невозможна, связь ничего с ничем, знака с предметом, которых нет, не может генерировать какую бы то ни было сущность. Уровень **(2)** есть всё сокровище языковых знаков в сознании человека, но только в их идеальных образах (фонемах). А уровень **(3)** есть всё сокровище известных человеку вещей, весь известный ему материальный мир и его собственный внутренний мир, но только в их идеальных образах (понятиях) как его второй мир. Отсюда ясно, что не может быть никакой непосредственной связи между уровнями в знаке **(1)** и **(4)**, т.е. между материей знака и реальным внешним объектом, так как между ними нет связующего звена в виде логических форм от материи знака и материи предмета **(2 → 3)**.

Разумеется, у всех говорящих по-русски образ реального *дома* прочно живёт в мозгу. Но в то же время он мёртв, говорящий не может его передать слушающему непосредственно, из головы в голову, минуя физическую субстанцию знака, а слушатель не может воспринять идеальный образ реального предмета *дом*, лишённый материальной основы знака. Абстрактный образ всех реальных предметов, короче – всего материального и своего собственного внутреннего мира, закодирован в идеальных образах в сознании человека, весь мир дублирован в мышлении человека в виде его идеального двойника со всеми его связями и отношениями, познанными каждым данным человеком.

Итак, язык – то же, что и знак. Понятие знак равно понятию язык, т.е. все характеристики знака есть в то же время характеристики языка. Если мы не признаём эту истину, то мы не сможем выйти из порочного круга различных пустопорожних заклинаний и противоречий, которыми переполнено наше теоретическое языкознание. Материальный знак, если это языковой знак – это, во-первых, идеальное отражение материи этого же знака в сознании человека и, во-вторых, это идеальное отражение реального, внешнего предмета в сознании человека. Если бы язык не имел материальной основы, то это исключало бы возможность использования его в качестве средства познания и общения, ввода в мозг и вывода из мозга ассоциативного идеального образа (продукции работающего мозга) через материальное звучание или написание знака. Речь на незнакомом языке воспринимается нами как шум, как поток беспорядочных звуков, лишённых всякого смысла. Однако говорящий на этом языке мало обращает внимания на звуки, они плывут автоматически, бессознательно, его занимает смысл этих звуков. Однако он не понимает психофизиологической природы этого явления. Языковая или знаковая сущность, природа языка существует лишь в силу ассоциации между звуком и значением, между материальным и идеальным, между звуками знаков и фонемами и более высокими логическими единицами – между звуками и понятиями, суждениями, умозаключениями.

Если опустить из четырёх элементов в модели знака звук **(1)**, то сам знак, язык исчезнет, ибо без материальных внемозговых знаков мышления и сознания нет, потому что нет материальной основы для производства абстрактных сущностей, следовательно, для экстраполяции абстрактных сообщений из мозга и передачи этих сообщений другим. Если из модели знака опустить идеальный образ звуков, фонемы **(2)**, то вся система языка предстанет перед нами в виде природного шума или другого языка, которого мы не понимаем, следовательно, это будет уже не язык, но будет лишь чисто чувственное мышление, не имеющее перехода на уровень абстрактного мышления. Если изъять из знака идеальный образ внешнего предмета, понятие, уровень **(3)**, то, во - первых, нам не с чем соотнести абстрактный образ знака, фонемы **(2)**, а это – одна и та же сущность,

но только по названию, и, во - вторых, перед нами или, точнее, у нас в чувственном мышлении нет никакого материального м и р а **(4)**, нам не о чём разговаривать, мы стали живоными.

Звуковой ряд лишь в том случае является языковой величиной, если он является ассоциативным носителем какой - либо идеи. Взятый сам по себе, звук есть лишь материал для физического исследования. Знак – это своего рода химическое соединение типа *вода*, состоящего из кислорода и водорода, а каждый элемент в отдельности не имеет свойств *воды*. Так и язык – это своего рода материально - идеальный симбиоз, состоящий из материи звука **(1)**, идеального образа этого звука (фонемы) **(2)**, идеального образа реального предмета (понятия) **(3)** и реального предмета **(4)**. Только взаимодействие четырёх уровней в уктуре языкового знака даёт право называть этот сплав языком.

Язык есть система, основанная на психическом противопоставлении акустических впечатлений, подобно тому, как художественная картина есть произведение искусства, рассматриваемое как противопоставление красок разных расцветок, т.е. игра этих цветов, а не способа использования кисти. Язык – не просто система, но система иерархическая, и в то же время система линейная. То, что мы именуем языком – сложное явление, сочетание более простых элементов. Уровневая иерархическаяя структура языка образована последовательной интеграцией единиц более низких уровней. Иерархическая и линейная структура языка – важнейшие черты языкового строительства. Именно это служит целям наследственности языка. Это единственная логическая возможность создать тот уникальный инструмент, который мы называем языком.

Для чего человеку нужны знаки ? Для того, чтобы с их помощью мыслить и общаться. А это означает, во-первых, что мы вступаем в область мышления, которое не может быть категорией «экстралингвистической», как об этом иногда пишут некоторые марксистские лингвисчты. Конечно, о сущности языка судят в первую очередь через его звуки и буквы. Но достаточно ли их, чтобы язык был языком, т.е. тем, с помощью чего люди общаются и в знаках которого написаны горы книг ? Это означало бы, что человек лишён абстрактного, логического мышления. Мы тем самым убили человека и оставили его жить на деревьях.

Что значит язык – односторонний объект, т.е. только материя знаков ? В непосредственном восприятии знаки (звуки и буквы) представляются нам такими, какими мы их видим или слышим на уровне нашего чувственного мышления. Язык в этом случае предстаёт перед исследователем лишь своей внешней, звуковой и графической стороной. А язык в таком виде – уже не язык, а природная материя. Видимость, т.е. явление принимается за сущность. Именно так понимается язык в общественном сознании – лишь как материальное явление. Но истинное познание объекта «язык» может быть только диалектическим, т.е. через раскрытие его внутренней противоречивой природы как взаимоотношения материального и идеального. А это основной закон диалектического познания предмета, это основной закон, согласно которому весь окружающий человека мир отражён в его голове как его дубликат, копия, но в идеальной форме, в форме логических понятий. Этот закон интуитивно понимал ещё Ф. Соссюр: «Ведь ясно, что звук, элемент материальный, не может сам по себе принадлежать к языку» [Соссюр 1933 : 117].

Язык – это система материальных знаков, связанная с мышлением по принципу ассоциаций, а четырёхуровневые знаки – это материально - психические, ассоциативные единицы. Язык существует в форме ассоциативных, идеальных

представлений или образов в нейронных клетках мозга в формах фонем, графем, морфонем, понятий. Если одно сознание навязывает другому сознанию свои идеи, и наоборот, второе – первому, то возникает общение. Для этих целей специально вырабатываются единицы сознания, т.е. специальные, знаковые, они же познавательные, они же коммуникативные психические единицы, то мы имеем право говорить о существовании языка, инструмента для познания и общения. Эти психические единицы, т.е. единицы собственно языковые, представляют собой идеальные образы знаков, обеспечивающие возможность ассоциации материи знака с абстрактным образом самого знака и одновременно с абстрактным образом внешнего предмета. Это приводит к установлению связи между двумя материальными объектами – знаком и внешним предметом, находящимися в чувственном сознании собеседников.

Итак, что такое язык ? Если об этом спросить человека с улицы, то каждый найдёт свой ответ. В научной литературе разных отраслей и в художественной литературе мы найдём десятки определений этого явления. Среди лингвистов тоже нет единого мнения, хотя все исследуют один и тот же объект. Теперь мы можем сказать, что такое язык. Точнее – указать на границы от и до. Но мы не знаем, чем могут быть ограничены эти границы в исследованиях разных лингвистов.

Теоретическое языкознание в вопросе о «взаимоотношении языка и мышления» блуждает в потёмках. Ибо до сих пор непонятно – что такое язык ? А его можно понимать по-разному: всё зависит от того, что понимается под языковым знаком. Выше я представил модель знака, как молекулу человеческого мышления. Она состоит из 4-х уровней: **(1)** материальный знак (звук, буква); **(2)** его идеальный, абстрактно-логический образ (фонема, графема), как психический ассоциативный отпечаток в сознании. Эти мельчайшие логические формы (фонемы, графемы), образуя структурные цепочки нескольких фонем (графем), становятся более высокой абстрактной, т.е. логической формой – понятиями **(3)**, которые ассоциативно связаны с реальными предметами, свойствами, отношениями **(4)**.

Так что же такое язык ? Под языком можно понимать одну из четырёх фаз движения знака, например, только первую – звуки, буквы – как физическую субстанцию, но можно понимать и все четыре фазы вместе. Всё зависит от научных вкусов каждого исследователя, но не все эти вкусы отражают истину. Если считать, что язык – это только звуки и буквы, т.е. только их материя, тогда язык не имеет никакого отношения к мышлению – это внемозговой физический объект. Следовательно, звуки, буквы сами по себе не могут быть названы языком, т.е. средством познания и коммуникации, иначе для чего же тогда нужен такой язык, если он не ассоциируется в мозгу с логическими понятиями ? Это тот же гром грозы, шум волн, скрип немазаных колёс. Но и без материи знаков нет языка, иначе как бы мы могли удержать, систематизировать, обобщить, отличить одну от другой наши и чужие мысли, передать их другим, оставить их для потомков ?

Следовательно, звук (буква) остаётся одним из главнейших ингредиентов того, что мы называем языком, если этим именем называть человеческое средство познания мира и общения в обществе. Следующие два уровня в модели языка – это область абстрактной, логической мысли (фонемы, графемы) **(2)** и уровень (понятия) **(3)** – это наше абстрактное, логическое мышление, а **(4)** уровень – реальные внешние объекты, которые воспринимаются нашим чувственным мышлением. Таким образом, говоря о языке, мы говорим одновременнно и о мышлении. А говоря о нашем мышлении, мы одновременно говорим и о языке. Наш язык, если это язык, включающий в себя все четыре знаковые уровни, то он

включает в себя и наш процесс мышление, с о в е р ш а ю щ и й с я в м о з г у. Отсюда следует, что нельзя говорить ни о каком бы то ни было «взаимодействии языка и мышления», ибо это не две самостоятельные сущности, а одна материально-идеальная сфера работы мозга.

Так как теоретически языком можно считать любой из четырёх уровней, или любое их сочетание в модели знака, то можно в языкознании найти множество теорий языка, что мы и обнаруживаем фактически. Отсюда и рождаются самые удивительные, фантастические и уродливые теории языка и его взаимодействия с мышлением. Чтобы быть средством логического познания мира и общения между людьми, нужно иметь только такой инструмент, как материальный четырёхуровневый знак, который был создан человеком и который создал самого человека, и он назвал этот инструмент языком.

Итак, любой языковой знак (поэтому он и называется языковым) о б я з а н содержать в себе четыре уровня: два крайних материальных уровня **(1)**, **(4)** и два средних, идеальных уровня **(2)**, **(3)** связывающих эти две совершенно различные материи. Два средних абстрактных, идеальных уровня есть посредствующее или среднее звено между двумя материальными уровнями – материальным знаком и внешним объектом, которые связаны друг с другом условной, немотивированной связью через два средних идеальных уровня. Изъятие из знака любого из этих шагов или уровней разрушает понятие знака и, соответственно, языка. Следовательно, язык как объект науки языкознания, как орудие познания мира и коммуникации между людьми, есть не что иное, как четырёхуровневая модель знака, т.е. язык есть та же модель знака: в нём представлена вся та же материально-идеальная цепочка, от материального, устного или письменного знака (*берёза, лошадь, стол*) **(1)**, через его идеальный образ в мозгу (фонема) **(2)** и идеальный образ внешнего объекта, тоже представленного в мозгу (понятие) **(3)** до внешнего объекта (*берёза, лошадь, стол*) **(4)**.

Понятие сущности языка как четырёхуровневой материально-идеальной структуры ведёт ко многим выводам, хотя бы к вопросу о социальной сущности языка, что здесь и подтверждено теорией знака. Существование языка возможно только в обществе. «...Существуют не какие-то витающие в воздухе языки, а только люди, одарённые языковым мышлением. ... Язык – это оязыковлённая часть мозга. ... Язык, как в целом, так и в своих частях, имеет только тогда цену, когда служит целям взаимного общения между людьми». [Бодуэн т. 2 : 207, 164, 72, 280].

Рассуждения о сущности знака и, следовательно, о сущности языка, показали, что язык нельзя изучать в самом себе и для себя, иначе мы будем заниматься лишь материей знаков, но уже не языковых знаков, а всего навсего лишь природной материей, а также значениями слов и предложений, которые якобы присущи самому языку. Если, как требуют некоторые лингвисты, изучать язык в самом себе, отгородившись от всего того, с чем он связан, отгородиться от всех прочих смежных наук, то лингвист никогда не познает сущность языка. Ранее публиковалось немало материалов по теме «языкового знака» и было наговорено немало фантазий, но они имели право на жизнь, было такое научное время. Ведь считали же, что *Солнце вертится вокруг Земли*. Но наука показала, что всё как раз наоборот. Так и понятие знака и языка.

2) В природе языка лежит основной закон диалектики – взаимодействие материального и идеального.

«Существование двух взаимопротиворечащих сторон (материального и

идеального, – А.К.), их борьба и слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения» [Маркс, Энгельс т. 4 : 136]. «Так называемая объективная диалектика царит во всей природе, а так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение господствующей во всей природе движения путём противоположностей ...» [Маркс, Энгельс т. 20 : 526]. Центральным вопросом в диалектике языка является вопрос о взаимодействии материального и идеального. От его решения зависит освещение фундаментальных проблем теоретического языкознания.

Язык есть материально-идеальный феномен, его сущность состоит в синтезе противоположностей – материального (материя знака и внешний объект) и идеального (идеальное от материи знака, т.е. фонема и идеальное от материи внешнего предмета, т.е. понятие). Единство этих противоположностей и составляет сущность языка. Противоречие внутри того, что мы называем языком, и есть основное диалектическое противоречие. Эти противоположности исключают друг друга и с железной необходимостью предполагают друг друга, при элиминации одной из них исчезает их единство и, следовательно, сам объект.

Язык есть не только материальность звука, буквы и не только чистая бестелесность, т.е. идеальность мысли, но такая внемозговая материя звука и буквы **(1)**, которая в мозгу превращается в её идеальный образ **(2)**. Язык есть не только идеальнй образ реального материального предмета **(3)**, но и чувственный, материальный прообраз этой идеи в виде реального или мнимого предмета **(4)**. Язык есть материально-идеальный симбиоз. Его сущность заключается в синтезе противоположностей: материального и идеального, т.е. двух материальных объектов в виде условного, произвольного знака, и связанного с ним реального предмета, а также двух идеальных образов этих двух материтальных предметов. Именно это единство составляет сущность языка. Единство этих противоположностей является необходимым и достаточным основанием для того, чтобы язык стал достоянием человека и всего человеческого сообщества. Взаимодействие этих двух противоположностей в одном и том же знаке, т.е. между **(1)** и **(2)**, с одной стороны, и между **(3)** и **(4)**, с другой стороны, полностью подчиняется законам диалектики: противоположности исключают друг друга и с необходимостью предполагают друг друга. При элиминации одной из них это единство, т.е. язык уничтожается. Животные тоже издают звуки, соответствующие сиюминутной ситуации. Но они не переходят в свою противоположность – идеальные образы этих звуков, сами эти звуки остаются для них теми же звуками, воспринимаемые ими на уровне чувственного мышления, рефлекторно, инстинктивно.

Слово воспринимается в его материальной оболочке: сперва через звуковую, графическую материю **(1)**, и затем через её идеальный образ в мозгу **(2)**. В сознании слушающего и звуковая материя **(1)**, и её идеальное представление в мозгу, фонема **(2)** исчезают, превращаясь в идеальный образ, значение, понятие **(3)** внешнего предмета **(4)**. Это прежде всего есть момент перехода материи знака в свою противоположность, в его идеальный образ, фонемный ряд **(1 → 2).** Это также есть момент перехода чувственного материального предмета в его противоположность – к его идеальному, логическому образу **(4 → 3).** Эти два перехода материи (знака и предмета) в их идеальные образы (фонемы и понятия) есть переход чувственного мышления в абстрактное мышление. Переход абстрактного образа знаков, фонем в их материю **(2 → 1)** а также переход абстрактных образов, понятий в реальные предметы **(3 → 4)** есть переход

абстрактного мышления в чувственное. Значение, понятие или идеальный образ, в свою очередь, воплощаясь в звуковую оболочку, материализуется, превращаясь в свою противоположность. Это момент перехода идеального в материальное. Их тождество состоит в том, что они через слияние друг с другом порождают целое – язык.

Каков механизм слияния фонемы **(2)** со значением, с понятием **(3)** ? Звуковая материя языка порождается приказом мозга, сознанием через органы речи. Следовательно, звук рождается в сознании как его идея, как его логический образ, затем он отчуждается от говорящего, приобретая самостоятельное существование в виде звуков или букв. Значения как идеальное порождаются материальными нейронами мозга. Значение рождается в сознании и само по себе оно не отторжимо от сознания. Оно не может самостоятельно перейти в материю звука, освободиться от субъекта и дойти до ушей и, следовательно, до сознания слушающего.

Но в таком случае возникает вопрос: каким путём создаётся единство моментов, разъединённых качественно и локально ? Иначе говоря: как рождается речь в звуковой и письменной форме и почему возможно её понимание ? Ведь ни в звуке, ни в букве, как инородной материи, идеального нет. Мысль как идеальное не переходит ни в звук, ни в графему. И всё же она «передаётся», ибо существует «обмен» мыслями, взаимопонимание. Это объяснимо только тем, что материальное, не заключая в себе ни грана идеального, индуцирует у собеседника мысль такую же, как и у говорящего, или близкую к ней. Но это ещё не объясняет всей тайны передачи мысли. Ибо не раскрывает главного – нейрофизиологического взаимодействия материального и идеального: каким образом материальное звучание вызывает мысль у собеседника и при том аналогичную.

Это можно объяснить также тем, что материя звука существует в языке не как природная материя, а именно в виде языковой, «дематериализованной материи», т.е. в специфически языковом качестве, в форме навязанной, изваянной идеальным, на основе ассоциативной устойчивой связи между звуком и предметом. Эта ассоциативная связь обнаруживается в членораздельности, дифференцированности звуков в их строгой морфологической и синтаксической организованности, в линейности. Качество и форма языкового звучания как бы несут в себе печать идеального, его следы, и не более, потому что идеальное принципиально неотторжимо от живого мозга. Это значит, что материя звуков как бы содержит в себе идеальное не в буквальном смысле, а в виде следов его ассоциативной деятельности. Идеальное существует в звучании своим ассоциативным отпечатком. Ассоциативные, психические следы или отпечатки идеального в звучании знаков есть основной признак их принадлежности к языку. Именно поэтому язык есть заранее общественно обусловленное и, следовательно, обязательное для всех единство идеального «звучания» (фонемы) и идеального «значения» (понятия). Этим идеальным, ассоциативным, следовым отпечатком значение слова нашло способ выйти наружу, в интерсубъектную область, и как бы остановиться здесь и застыть в звуке. Слово своей звуковой формой, неразрывно связанной ассоциативной связью с идеальным образом предмета, понятием, значением, находящимся в мозгу говорящего возбуждает соответствующее понятие в сознании слушающего.

Таким образом, идеальное одновременно как бы отсутствует и присутствует в материи знака. Фактически же этого идеального в материи слов нет, оно в мозгу, но оно «вложено» в материю слов следами идеального, продуцируемого в нейронах мозга. Это и есть способность идеальной формы, как следов этого идеального в

материи знака индуцировать, порождать идеальное в мозгу слушателя. Если бы материя звука не была связана с идеальным по добровольному договору между говорящим и слушающим, было бы невозможно понимать звучание (а также письменные знаки) как единицы языка. Но если бы идеальное целиком и полностью находилось в звуках (буквах) языка, как утверждают некоторые языковые теории, то не существовало бы и проблемы понимания, ибо идеальное было бы адекватно звуку (букве) и полностью представлено в материи знака. Значит, язык был бы незнаковым и в самом себе содержал бы мысль. Возможность непонимания и недопонимания была бы исключена. Но в таком случае была бы исключена и сама возможность существования реального языка, он был бы заменён природными звуками и кляксами, чуждыми мозгу как внемозговые объекты.

Прямое взаимодействие материи знака **(1)** и идеального знака **(2)** как продукта мозга в самом знаке невозможно, потому что они, во-первых, локализованы в разных местах (материя в слове, идеальное в мозгу) и, во-вторых, имеют принципиальное качественное различие. Необходимо среди них опосредование, какое-то посредствующее, промежуточное звено, чтобы их объединить. Противоположности между идеальным образом материального знака **(2)** и идеальным образом внешнего предмета **(3)** превращаются в их тождество. Поэтому на уровне опосредствующих, т.е. идеальных звеньев – **(2)** и **(3)** – противостояние противоположностей исчезает: идеальное знака, т.е. фонемы **(2)** и идеальное предмета, т.е. понятие **(3)**, – одно и то же, но только по названию, например, ряд фонем *дом* и понятие *дом*. В идеальном образе звука (фонемы) есть следы идеального образа предмета (понятия), которые есть одно и то же. Идеальные образы предметов, в свою очередь, обнаруживают тенденцию к сближению с идеальным образом знака. В основе идеального образа звука, фонемы **(2)** лежит материальное **(1),** но не как посторонняя материя, а как языковая материя, нагруженная идеальным **(2)**, локализованным в сознании, т.е. сочетает в себе свойства обеих противоположностей. Идеальное в знаке **(2)** противостоит материальному **(1)** не как некая отстранённая, чистая идеальность **(2)**, а как отягощённая чертами материального **(1)**.

Так материя знака **(1)** и материя реального предмета **(4)** сближаются посредством идеального в знаке **(2)** и идеального в предмете **(3)**, которые суть одно и то же, но не по сущности (знак *дерево*), а только по условному, немотивированному названию (предмет *дерево*). Сущность реального предмета исследует не наука о языковых знаках, а все прочие науки. Идеальное в знаке **(2)** по своей природе есть указание идеального на предмет **(3)** лишь по названию, через образ, понятие этого предмета. Сущность материального знака *лошадь* изучает не лингвистика, не языковой знак самого себя **(1)**, а экспетиментальная фонетика. Сущность же реального предмета *лошадь* **(4)**, изучает тоже не лингвистика, а биология. Это ответ тем марксистским лингвистам, которые приписывают условному материальному знаку органичекую связь с материадльным миром, могущество языка отражать сущность реального мира. Материя звука **(1)** схватывает материю предмета **(4)** через идеальные отпечатки того и другого **(2)** и **(3)**, сближая тем самым знак с предметом.

Итак, мы имеем в едином объекте, называемого языком, две самостоятельные противоположности – материальное и идеальное в знаке **(1 → 2)**, материальное и идеальное в предмете **(4 → 3)**. Как материальное, так и идеальное выступают в двойной ипостаси: материальные знаки как звуки **(1)** и как идеальные образы этих

звуков **(2)**, как реальные внешние материальные предметы **(4)** и как их идеальные двойники, как их логические понятия **(3)**.

Наличие промежуточных звеньев между материей знака и материей предмета как идеальных образов двух материй, т.е. как цепочки фонем **(2)** и понятия **(3)** ведёт к тому, что каждая из противоположностей в лице идеальных образов знака (фонем) и идеальных образов предмета (понятий), совпадает в самой себе: противоположность между знаком и предметом нейтрализуется идеальными, общими для них акустическими образами – в фонемах и в понятиях. Существует языковой знак, слово *дерево*, но существует и предмет *дерево*. Но этот языковой знак живёт в нашей голове как его идеальный образ в виде цепочки фонем *д - е - р - е - в - о* **(2)**, а реальный предмет живёт в нашей голове как его идеальный образ, как понятие *дерево* **(3)**.

Отсюда следует важнейший для теоретического языкознания логический вывод: если материальный знак произволен (а это именно так, иначе не существовало бы членораздельного языка и мы, люди, до сих пор прыгали бы по деревьям), то его идеальный образ, вопреки теории новоявленных «марксистов», тоже не может не быть, должен быть произвольным, следовательно, он не может и не способен отражать сущность реальной действительности. А так как идеальный образ знака, представленный мельчайшими логическими формами – фонемами **(2)**, есть тот же идеальный образ, т.е. лишь название реального предмета **(3)**, следовательно, этот идеальный образ знака (фонемы) не совпадает с предметом и не отражает его в силу своей произвольности. Это и есть удар по марксистским теориям неразрывности знака (языка) и предмета, согласно которым «языковой знак не может не совпадать с действительностью», есть её «непосредственное отражение» (Панфилов, Филин, Будагов, Серебренников, Чемоданов). Это означает следующее: если бы языковой знак был не произвольным, он был бы «неразрывно, диалектически» связан с вещью и отражал бы природу самой вещи.

3) Язык – объект изучения многих наук.

Человеческий язык – первичная, наиболее естественная и общедоступная репрезентация мира в нашем сознании. Естественность языка, дающая о себе знать в его наличии у людей любого общества, обеспечена способностью оргнизма ориентироваться в своей среде. Для его интенции мир изначально значим, отсюда – онтологические корни языка. «На духе лежит проклятие ... быть отягощённым материей. Язык есть ... сознание..». Это значит, что «дух», сознание может быть дан только в знаковом выражении, как его реализация в текстах. Следовательно, какой бы формализации не достиг язык, он не может быть не связан с мыслью. Но существенным недостатком формализованных языков по сравнению с естественным языком является то, что они маловыразительны. Они могут воспроизводить лишь относительно небольшие области действительности.

Язык способствует превращению опыта в систему, в этом его сила. Природный язык – это мимика, жесты и др. Он выражает примитивные психические эмоции, контролируемые сознанием. Над ним надстраивается символический язык, язык интеллекта. Он превращает ограниченный набор психических эмоций в огромное количество тонких эмоций уровня сознания, требующие для своего выражения более тонкие языковые средства, хотя первые – не исчезают.

Концепция многофункциональности языка приводит, якобы, к представлению, что язык – многоликий объект, не обладающий собственной спецификой. Истинным

познанием объекта является якобы только таковое, которое определяет сущность языка средствами самого языка, понятие языка раскрывается через сам язык, язык должен исследоваться как объект через самого себя (Соссюр). Но в языке мы находим взаимодействие естественных, материальных, идеальных, социальных свойств. Язык – естественный объект по онтологической природе своих элементов и их структур, но объект социальный по специфике своей функции. Но возникающее противоречие между естественным и социальным носит лишь условный характер, ибо социальные явления – материалистические, так как выводятся из материальных причин жизни общества. Социальная специфика языка развивается через звуковую и графическую природу материальных элементов.

Учёные всегда пытались объяснить сущность языка, исходя из его собственных свойств. Но сущность языка, т.е. того, чем оперирует наука и общественное сознание, не может быть доказана в нём самом. Проблема «мысль и язык» не может быть познана средствами самой лингвистики. Лингвистика – наука об изучении Языка. Но мы не обладаем априорным знанием того, что есть язык, и поэтому нам не ясен сам предмет лингвистики. Язык видится как система знаков, а лингвистика – как учение о знаковых системах. Но языкознание некоторыми лингвистами рассматривается как обычная семиотика, глобальное учение о знаковых системах, которой, якобы, пронизаны все науки, вплоть до искусства домашнего интерьера.

На самом же деле то, что обычно называют Языком, соткано из разнородных явлений: психическое (идеальное, логическое), физическое (звуки, буквы), физиологическое (артикуляция), социологическое (индивидуальное и социальное). То, что мы называем термином Язык, на самом деле представляет из себя материально-идеальное иерархическое поле с тесно взаимодействующими субполями: действительность – мышление – сознание – память – логика – язык – речь – текст. Основа языка, как пишет Бодуэн, – чисто психологическая, центрально-мозговая, следовательно, языкознание относится к психологическим наукам. Но так как язык может реализоваться только в обществе, и так как психическое развитие человека возможно только в общении с другими людьми, то надо сказать – языкознание есть наука социологически - психологическая. [Бодуэн, 1963, т. 1:217].

Языковые единицы – не концепты, а объективно существующие материальные знаки. Язык включает в себя речевые акты, речевые произведения, тексты, языковую способность, которым присуща та или иная субстанциональная данность. Язык – это многоаспектное образование, воплощающее в себе определённую субстанцию в каждом из указанных аспектов. Когда рассматривают язык как «дом духа», «пространство мысли», то язык понимается как 1) связь с сознанием, с процедурами добывания знаний и операций с ними (мышление, компьютерная информатика, деятельностный подход); 2) как связь языка с глубинным, философским постижением действительности – язык как пространство философствования. [Ю. Степанов 1995 : 35].

§ 2. Как понимается язык в современном теоретическом языкознании ?

1) Материальность языка – его единственное свойство.

Иногда считают, что суть языка очевидна, потому и не требует объяснения. Например, Лосев не определяет понятие «язык», считая его излишним и слишком уж очевидным. Это исходное определение аксиоматики, и не требует

определения [Лосев 1995 : 74]. Все остальные лингвисты нашли у языка определённые свойства. Но они у каждого – свои. Язык – это сугубо материальный феномен, выполняющий функцию внешнего орудия, вспомогательного инструмента мышления. Слова – это «чисто телесный продукт», это условные знаки понятий. Мысль относится к слову, как душа к телу, а слово к мысли, как тело к душе. [В. Г. Белинский]. Современные немецкие философы марксистского направления считают, что слово служит материальной оболочкой мысли. «В отличие от мысли, язык материален» [Р. Клаус]. «Для марксиста язык является ... материальной оболочкой мышления» [В. Шмидт].

Вот мнения советских философов: «Язык – это звуковая материальная оболочка мысли» [Кондаков 1975 : 694]. «Но язык сам по себе столь же мало идеальное, как и нервно-физиологическая структура мозга. Он лишь форма выражения идеального, его вещественно - предметное бытие» [Ильенков 1974 :191]. «Язык есть материальное явление, тогда как мышление – идеальное явление. ... Могут ли существовать материально-идеальные образования ? ...Мы думаем, что такие гибриды невозможны. ... Почему ? Потому что они принципиально невозможны» [Мальцев 1965 : 57].

А что думают по этому вопросу лингвисты? Под языком Панфилов имеет в виду систему односторонних материальных языковых знаков, т.е. видит в языке лишь материальное. Мысль же находится в мышлении. [Панфилов 1977 : 14]. Язык в собственном смысле – это акустико-артикуляционная структура, а мыслительное содержание, семантика не принадлежит языку, это категория нелингвистическая. Язык – всецело материальный феномен, а значение – категория неязыковая по своей природе [Волков 1966 : 17, 61]. Для Бархударова язык – это явление сугубо материальное, как и всякая другая знаковая система. Идеальное, психическое – не язык, а мышление, которое хотя и осуществляется на базе языка, само по себе не является ни языком, ни составной частью языка [Бархударов 1976 : 10].

Головин ставит вопросы: 1) является ли язык феноменом биологическим, психическим, социальным, 2) идеален ли он или материален. «Язык – материальная, практическая сторона сознания, мышления». Он пишет, что идеальным может быть только сознание, мышление. «Мысль не имеет своей материи – массы, веса, протяжённости, вкуса, запаха, плотности и т.п. . Уже это одно обстоятельство – материальность знака и идеальность мысли – не позволяет отождествлять их» [Головин 1977 : 15 – 16].

Теорию языка, построенную исключительно на его материальности, надо отвергнуть, ибо она не предполагает участия мышления в процессе познания и коммуникации. В этой теории не виден механизм взаимоотношения между материальным языка и идеальным в мышлении. Если язык – только материя, то это предполагает любую природную материю, но не находящуюся в мозгу человека в виде её идеального отпечатка, чем и является языковой знак. Язык – это именно языковая материя, идеально представленная в мозгу. Иначе это уже не язык, а голая природная материя, не участвующая в процессе мышления.

2) Язык включает в себя материальную и идеальную стороны.

В языке есть знаковая, т.е. материальная сторона, но в нём есть и другая сторона – идеальная. Если согласиться с Марксом о том, что язык есть практическое, действительное сознание, а это выражает сущность языка как средства общения, то в основу построения теории языка надо положить принцип двухстороннего характера языка, где есть единство материального и идеального

[Ломтев, ВФ, 1970, № 7]. Теперь, вопреки ранее сказанному, Панфилов видит в языке двойственную природу: язык включает в себя как материальную, так и идеальную стороны и, следовательно, разного рода отношения между материальными и идеальными элементами. Язык – не только материальное, но и идеальное явление. [Панфилов 1982 : 74 - 75].

Сущность языка образуется единством материального (звучания) и идеального (значения), следовательно это противоречие между материальным и идеальным в языке – основное противоречие. Но есть и другие противоречия: субъектное – объектное; социальное – индивидуальное; общее – единичное; конкретное – абстрактное; внутреннее – внешнее; конечное – бесконечное; возможное – необходимое; статическое – динамическое и др. [Комаров 1988 : 132].

Если звуковая материя становится материей знака лишь при наличии значения в знаке, а значение обусловлено наличием звуковой материи, то это значит, что «сущность языка состоит в единстве звуковой материи и идеального». Именно это единство порождает новое явление – язык. Звук и идеальное – разные явления, но в своём противопоставлении друг другу они едины, образуя язык. [Там же : 61]. Комаров не приемлет следующие две трактовки языка: 1) Язык есть внешняя, сугубо материальная оболочка мысли, как вспомогательный инструмент мышления, допускающей существование мышления вне языка; 2) Утверждение «Язык есть мысль, а мысль есть язык», т.е. их отождествление недопустимо уже потому, что для выполнения своей основной, коммуникативной функции язык должен обладать, кроме мыслительного содержания, ещё и материальными средствами. Иначе его бытие ни онтологически, ни социально не оправдано [Там же : 146].

Так как знаковый язык – многоэкземплярный объект, а каждый из экземпляров идеален лишь в том смысле, что существует в психике человека, и в то же время он материален в буквальном смысле, ибо воплощён в ассоциации между нейронами как биохимическим и биофизическим материалом, то язык материален и в прямом, наблюдаемом, ощущаемом смысле – в виде звуков и букв [Солнцев 1974].

«Принять структурализм невозможно сторонникам материалистической теории в языкознании. В таком случае пришлось бы отказаться от признания единства мышления и языка, единства формы и содержания в языке. ... Советские языковеды не могут принять методы, враждебные общей марксистско-ленинской теории» [Галкина –Федорук 1957 : 407]. [ ].

Согласно этим теориям язык приравнивается к человеческому мозгу – он, как и мозг, материален, и в то же время идеален, подобно нейронам, продуцирующим мысль. В каком механизме и в каких единицах мысль способна жить в языке ? Свойство быть самостоятельным органом мышления приписывается языку лишь на том основании, что язык как некое звучащее и письменное устройство участвует в процессе мышления. Быть материальным инструментом, физически осязаемым и воспринимаемым, ещё не значит, чтобы быть самим по себе самостоятельным органом мышления.

Язык, как и мозг, обладает функцией мышления. «Если язык и познание взять в их полном объёме, со всеми составляющими их элементами, то они, по существу, тождественны: язык – это реальное познание, а познание в реальности существует как язык» [Копнин 1966 : 121].

Язык – это цельное материально-духовное образование, одновременно двуедино, где материальный и идеальный моменты раздельно немыслимы. Язык не

может рассматриваться как внешняя, отделённая от сознания материя. Одна сторона языка материальная, другой стороной является как раз это сознание. Здесь сознание включается в язык в качестве его компонента и, естественно, в таком случае снимается оппозиция Язык – Сознание и утверждается единство материальной стороны языка (звучания) и его идеальной стороны (мышления, сознания). «Язык демонстрирует нерасторжимое единство мышления и звуковой материи ...». «Язык есть сама мысль в действии» [Колшанский 1975 : 49, 168, 16].

В другой работе Колшанский пишет: язык имеет форму, т.е. как материальную реализацию, так и манифестирующую этой формой мыслительную деятельность (понятия, суждения, умозаключения), что и является содержанием языка. Естественный человеческий язык – это не только языковая форма сама по себе, но и в органическом единстве с нею выраженное содержание, и имеет своё классическое определение как «непосредственная действительность мысли» [Колшанский 1972 : 37]. По Колшанскому, язык объективен и субъективен, он по своему существу является двухсторонней субстанцией, обращённой и к миру, и к человеку (язык – субъект, язык – объект). Язык сам по себе уже выражает человеческий мир как форму отражения объективного мира. В этом и отражается весь субъективный характер языка. Язык надо понимать не как перечень или схему категорий общения. Сфера деятельности человека может быть условно подразделена на сферу деятельности человека с природой и на сферу взаимодействия с человеком. Первая сфера универсальна для каждого социума, а вторая варьируется в зависимости от условий жизни народа, действий человека [Колшанский 1990 : 27]. Если язык – это мышление, а мышление – это язык, следовательно, материальная сторона знаковой системы языка, как и мозг, имеет отражательную способность.

3) Три сферы существования языка: в сознании, в тексте, в словаре и грамматике.

Язык не наблюдаем, он существует как абстрактная система эталонных, идеальных, абстрактных элементов в сознании людей. Это противоречит тому, что в грамматиках и в словарях язык нам дан в чувственно-наглядной форме и доступен непосредственному наблюдению. Здесь есть подмена понятий – смешение двух смыслов употребления терминов «словарь» и «грамматика». 1) В одном случае они относятся к языку и обозначают множество элементов и внутренние закономерности системы. В этом случае словарь и грамматика не наблюдаемы, они в сознании людей. 2) Но словари и грамматики – это также определённые лингвистические тексты, в которых описываются и реконструируются различные стороны языка. В этом случае словарь и грамматика – наблюдаемы. [Васильев 1989 : 70].

Таким образом, язык существует 1) В сознании человека в виде системы абстрактных идеальных знаков, используемой говорящим для оформления смысла коммуникации. А слушающим – для распознавания в этой системе знаков смысла речевого произведения. 2) Во множестве текстов как своё инобытие, как некоторые регулярности, повторяющиеся аспекты текста, которые сами по себе языком ещё не являются, но становятся ими в результате абстрагирующей работы сознания. 3) В лингвистических текстах (словарях, грамматиках) как предмет научной реконструкции и описания. [Там же : 75].

Действительно, язык существует в сознании, в тексте, в словаре и грамматике. Но это не однопорядковое, а различное логическое построение. То, что в тексте, словаре и грамматике – не может не быть одновременно и в сознании. Более того, тексты, словари и грамматики «вышли» из сознания. Язык существует

не в трёх ипостасях, а в четырёх, и они совсем иные и совершенно иного происхождения. Выше (см. Главы 1 и 2) я описал внутренний механизм знака и языка как четырёхуровневый материально-идеальный продукт. Первый из него – материя **(1)** наличествует во всех трёх аспектах существования языка, заявленных Васильевым, – в мозгу как материальные нейронные клетки, в тексте и грамматиках – в письменной материи. Но в сознании язык существует только как ассоциативные идеальные следы и от материи знаков **(2)** и от реальных предметов **(3)**. В тексте, словаре и грамматике язык запечатлён лишь как его видимая и слышимая физическая субстанция от её идеальных ассоциативных образов **(2)** и **(3)**.

Выделяя три способа существования языка, Васильев уравнивает их, будто текст, словарь и грамматика наделены способностью мыслить. Но мысль, а это, как мы видели выше, есть то же, что и язык, живёт только в мозговой материи и если мы признаём за словом какое-то значение, то оно – в сознании, а не в слове, и значение этого слова опознаётся лишь по ассоциативной связи материи слова с внешним предметом, через идеальные образы того и другого.

4) Язык существует в виде «пространства мысли», «дома бытия».

Ю. Степанов пишет, что язык можно представить себе в «образе пространства», это и есть «образ языка», т.е. образ пространства реального, видимого, духовного, ментального. Это одна из характеристик лингвофилософских размышлений над языком в наши дни. [Степанов 1995 : 32]. «Нет ничего более естественного, как представить себе язык в виде пространства или объёма, в котором люди формируют свои идеи. Что это, метафора ? Да, если мы хотим вообразить себе язык. Напротив, достаточно строгое представление, если мы хотим мыслить себе язык в терминах науки о знаковых системах, семиотики» [Степанов, 1985 : 3]. « Но если язык – это «дом духа», то, естественно, что в нём протекает и жизнь «духа». И если не отделять ... мышление и логику от других областей «духа», то надо признать, что язык – это и «дом логики», и «дом знания», и «дом философствования». Язык – это «пространство мысли». [Степанов 1995 : 78].

Нет, это всё-таки метафора, если видеть сущность языка такой, какова она есть, т.е. как она представлена в этой книге. «Образ пространства» ? Может быть, всё напечатанное, все библиотеки мира манифестируют это «пространство». «Дом духа» ? Этим духом является наш мозг, но не язык. Язык не есть «Дом духа», он служит (его материальная сторона) лишь функционированию мышления и выноса его результатов за пределы мозга, в познавательную и коммуникативную среду. Язык вне мозга – это продукция работы мозга в её вербальной форме. «Дом логики» ? Да, если считать, что вся логика как идеальное отражение мира в мозгу в логических формах выведена наружу, через материю знаков, которая ассоциативно привязана к соответствующим логическим категориям. Язык – это «дом знания», накопление которого в сознании человека и его передача из поколения в поколение возможно только через материю знаков. Да, язык – это «дом философствования», подтверждением чему служит эта книга, в которой на суд читателя вынесены некоторые философские размышления, визуально, т.е. материально представленные в знаках одного из многих языков – русского, и идеально представленные в логических формах общечеловеческого мышления.

5) Функции языка манифестируют его сущность.

«Коммуникативное назначение языка есть его первая и единственная функция, преобразующая индивидуальное сознание в общественное» [Колшанский

1984]. Сущность языка, его природа, как и любого другого объекта, проявляется в его функциях, выполняемых им в той среде, в которой он живёт. Функция – это внешнее проявление его свойств внутренних, способ его использования. Следовательно, функция объекта есть лишь способ манифестации его сущности. Однако сущность объекта не может быть исчерпана описанием его функций. Исследование языковых функций – лишь необходимый этап на пути постижения сущности и природы языка. Но функция языка – лишь внешнее проявление его свойств, способ его использования. Функция языка лишь манифестирует его сущность, которая скрыта, заложена в глубине. Исследование функций языка – лишь этап по пути построения его сущности. [Панфилов 1983 : 28].

6) Язык – это универсальный код.

Известно, что язык – универсальное средство общения. Кроме того он – знаковая система, код . Как эти два представления о языке согласуются друг с другом ? Пазухин их синтез видит в их универсальном коде. Но в нём эти две характеристики противоречивы, так как а) универсальный код должен содержать ограниченное число знаков, б) и он же способен порождать неограниченное число высказываний. Следовательно, универсальный код содержит в себе механизм, который способен преобразовывать ограниченный набор знаков в неограниченное число высказываний. [Пазухин, ВЯ, 1969, № 5 : 55].

Действительно, по количественному составу (по объёму памяти человека) языковая знаковая система – конечна. Немотивированные знаки приспособлены для создания бесчисленных ассоциаций, и только потому, что они условны, немотивированы. Механизмом, преобразующим ограниченный набор знаков в неограниченное число высказываний служит долговременная память, т.е. универсальный код языка.

7) Языку придаётся статус самостоятельного социального организма.

Языку придают статус самостоятельного социального организма.

Марксистская школа в языкознании основным признаком языка считает его социальный характер. Все законы в языке, на всех его структурных уровнях объясняются с позиций социальности языка. «Как „устроен“ язык – этот вопрос всегда был и остаётся центральным в языкознании. Возникнув, язык приобретает определённую самостоятельность, свои особые внутренние законы, что и объясняется наличием на земном шаре множества различных языков, средствами которых может передаваться одно и то же содержание. ... В то же время самостоятельность языка не абсолютна, а относительна, поскольку все изменения в нём происходят в процессе общения». [Филин 1982 : 46 - 47].

Так как язык имеет сложную организацию (низшие единицы иерархически образуют более высокие), то, по Панфилову, язык приобретает относительную самостоятельность и независимость от мышления и только в конечном счёте должен отвечать своему функциональному назначению [Панфилов 1982 : 117]. « ...Хотя язык и представляет собой относительно самостоятельное явление, основным фактором, определяющим формирование языковых значений, является отражение объективной действительности в процессе познавательной деятельности человеческого мышления, имеющего логический характер» [Панфилов 1982 : 42].

Так называемые «внутренние закономерности» развития языка – это придание языку статуса самостоятельного организма. Но эти «внутренние закономерности» остаются в конечном счёте достоянием мозга, а в мозгу всё происходит от

общественной природы языка – новые факты жизни, новые теории рождают изменения в знаках, т.е. в мыслях. Человек не может производить нечто несоциализированное, подчиняясь лишь «самостоятельным» законам развития языка. Структура языка сама по себе мертва и недвижима. Её приводит в действие мышление человека, а оно всегда социально. Внутренние законы развития языка – суть законы мышления, и в конечном счёте законы социальные.

Марксистские языковеды всегда определяли сущность языка его социальным характером, называя язык – социальным продуктом. Всему остальному они не придавали первостепенного значения. Вот как эту мысль выразил Чемоданов: Материалистическое понимание языка вытекает из понимания истории. Тайны языка, подобно тайне прибавочной стоимости в политэкономии разгадал Маркс. Тайна языка – это идеальная, значимая сторона слова. [Чемоданов 1983]. Это и естественно – они воспитаны на марксистской философии, истории и политэкономии, однако то, что было верным для этих наук, но будучи пересаженным в теоретическое языкознание, оказалось неполным, поверхностным, не исчерпывающим и, следовательно неверным. Сущность языка лишь как «социального продукта», будучи верной только в социальном, коммуникативном плане, заслонила все остальные проблемы языка как системы материально-идеальных единиц, взаимодействие которых и составило сущность и механизм языка. Нет, сущность языка не «вытекает из его истории». Нет, Маркс, вопреки мнению Чемоданова, не «разгадал тайны языка». «Тайна языка» заложена не в значении слова, а в мозгу.

Конкретный объект нашего изучения есть тот социальный продукт, который отложен в мозгу каждого из нас, т.е. язык. Языковой знак живёт в коллективе в форме совокупности отпечатков, имеющихся в каждом мозгу. Это индивидуальное вместе с тем и общее. Языковые знаки – достояние всего коллектива, главное средство общения, он обслуживает общественные потребности, это продукт и условие социального развития человека. Благодаря самим знакам возможно мышление, познание. Языковые знаки – это компонент духовной культуры, но они в ней занимают особое место. Материальная и духовная культура общества есть продукт деятельности человека. Обе эти составные части культуры опосредованы мышлением, где языковой знак выступает как необходимое, неизбежное средство осуществления этого мышления. А без знаков мышление, цивилизация не могли бы возникнуть.

Действительно, язык – общественное явление. Однако его социальная природа проявляется не в том, что он существует вне индивидов или между индивидами, там его нет, а в том, что он существует в головах всех индивидов, образующих общество. Люди, как носители человеческого мышления и языковых знаков, есть продукт их социальной жизни. Человеческое мышление «существует только как индивидуальное мышление многих миллиардов прошедших и будущих людей» [Маркс, Энгельс, т. 20 : 87]. Теория же интерсубъектности языка предполагает, что язык находится вне мозга человека. Однако «нельзя отделить мышление от материи, которая мыслит» [Там же, т. 2 ; 143].

Язык нельзя сравнить с другими общественными установлениями: законы, обряды, религия и пр. Морские и иные сигналы используют лишь единовременно и на ограниченный срок. Языком же пользуется каждый человек, ежеминутно. Язык – наименьшее поле для инициативы, поэтому в нём невозможна революция. Серебренников понимает язык как «социальный продукт» весьма своеобразно – поставил телегу впереди лошади. «Человеческий организм ... не безразличен к тому,

как устроен языковой механизм. Он старается определённым образом реагировать на все те явления, возникающие в языковом механизме, которые недостаточно соответствуют определённым физиологическим особенностям организма». [Серебренников 1983 : 212].

Поскольку развитие языка как социального механизма происходит стихийно, вне сознания членов общества, то внутренние механизмы этих процессов не осознаются не только основной массой народа, но очень мало изучены и учёными – психологами, логиками, лингвистами, нейрофизиологами. Слуховой (буквенный) образ ассоциируется с понятием. Он и есть социальный элемент коммуникативной деятельности вообще, внешний по отношению к индивиду, который сам по себе не может его создать, изменить, ибо язык, как совершенно произвольная знаковая система, существует только в силу общественного договора.

Итак, что же такое язык как общественное явление, согласно различным теориям, в современном языкознании ?

1) Язык – самостоятельное и независимое от мышления явление

2) Так как язык самостоятелен и имеет свои внутренние законы, это и объясняет наличие на Земле множества разных языков.

3) Язык самостоятелен, и поэтому он влияет на мышление человека.

4) Язык – посредник между миром и мышлением.

5) Язык независим ни от мышления, ни от мира, он – один из составляющих психосферы.

6) Внутренние законы языка – это социальные законы.

7) Язык – это «дом духа», это орган, где протекает «жизнь духа».

Эти теории языка полны противоречий. Как я показал выше, язык – сложный, четырёхуровневый объект, в котором взаимодействуют и неживая, природная материя, находящаяся вне мозга человека в виде звуков и букв **(1)**, её идеальный, абстрактный образ, живущий в мозгу индивида в виде логических фонем **(2)**, идеальный, абстрактный образ внешнего предмета, в виде логического понятия **(3)** и сам внешний, материальный объект, предмет общения **(4)**.

Как же может э т о т язык быть независимым или относительно независимым от мышления ? В нём только звуки (буквы) и реальный предмет, как объект коммуникации, т.е. две крайние фазы в структуре языкового знака – **(1)** и **(4)** – физической природы, всё остальное – продукция ума, абстрактного, логического мышления – идеальный образ или фонема от материи знака **(2)** и идеальный образ или понятие от материи внешнего предмета **(3)**.

Множество разнообразных языков на свете – не потому, что каждый язык имеет свои собственные внутренние законы развития, а потому, что единое общечеловеческое логическое мышление (оно продиктовано законами природы и законами развития обществ, развивавшихся в зависимости от различных общественных и природных условий) одело разные языки в различные материальные (звуковые и буквенные) знаки, почему они и стали разными, одинаково хорошо обслуживая одно и то же общечеловеческое мышление.

В каком смысле язык оказывает влияние на мышление ? Наш язык, как я показал, и есть наше мышление, начиная от звука (буквы), превращающегося в его идеальный, логический образ (фонемы), кончая идеальным представлением, образом реального внешнего предмета (понятия). Но ни о средствах, ни о методе этого «влиянии» языка на мышление, о котором пишут многие лингвисты, ни в одной работе ничего невозможно почерпнуть, общие слова, догадки, но механизм этого влияния неясен. Хотя влияние, действительно, есть, но оно совсем не в том, что

ему приписывают многие лингвичты, а оно заключено во взаимодействии всех четырех уровней в модели знака: **(1) → (2) → (3) → (4)**. Вся разгадка этого «влияния языка на мышлени» заключена во взаимодействии каждого из этих уровней с каждым другим: ни один из уровней знака не может существовать без остальных трёх, если из модели знака изъять хотя бы один из указанных уровней, то знаки рассыпаются, язык умирает.

Совершенно ошибочно утверждение, будто язык есть «посредник между миром и мышлением». Посредником между этими объектами может быть только физическая субстанция – звуки и буквы. А то, что считают языком как «посредником между миром и мышлением», есть только чувственное восприятие мира, его материальных объектов. Перевод этих чувственных форм мысли в их идеальные, логические отпечатки как фонем (звуки) и понятий (внешние объекты) осуществляется только абстрактным мышлением.

Если полагать, что язык – «дом духа», где протекает жизнь «духа», то это верная метафора: язык человека – это абстрактный дух, абстрактное мышление, в отличие от чувственного мышления животного. Но это абстрактное человеческое мышление возможно только с помощью мозга. Знаки языка являются знаками, во-первых, только для человека, во-вторых, только для человека, владеющего данными четырёхуровневыми языковыми знаками, в структуре которых материя знака переводится в абстрактные логические формы. Мы, таким образом, пришли к тому, что метафора «язык – это дом духа» фактически есть тавтология «мышление – это дом мышления».

§ 3. Что в языке первично – субстанция знаков, или их взаимные отношения ?

1) Первичное в языке – отношения между знаками, их структура.

Ленин писал, что предметом познания, а следовательно и предметом науки, являются не только вещи сами по себе, но и отношения вещей. Полемизируя с Бухариным, обыгрывая понятие *стакан*, который может быть охарактеризован с разных сторон, Ленин пишет: «Стакан есть, бесспорно, и стеклянный цилиндр и инструмент для питья. Но стакан имеет ... бесконечное количество и других свойств, качеств, сторон, взаимоотношений и „опосредований“ со всем остальным миром. ... Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредования» [Ленин т. 42 : 289]. Вещи, следовательно, не только воспринимаются наглядно, но отражаются в их связях и отношениях. «Следовательно. мы выходим за пределы непосредственного чувственного опыта и формируем отвлечённые понятия, позволяющие глубже проникать в сущность вещей» [Лурия 1998 : 11].

По Марксу и Энгельсу, сущность предмета не познаётся в его отношении к другим предметам, а лишь проявляется в этом отношении. В марксистском языкознании «предмет» соотнесён с семантикой слова, а «отношения» – с синтаксическими отношениями между словами. Отсюда – полная власть субстанции (семантики) над отношениями (синтаксисом) в статусе языка. Но в марксистской философии не существует отношений вне вещей. Отношения, действительно, имеют статус существования реального, но лишь постольку, поскольку они суть о т н о ш е н и я в е щ е й.

Прежде чем говорить об отношениях вообще, необходимо уяснить, какие отношения существуют вообще и чем отличаются отношения между единицами, с которыми имеет дело язык, его грамматическая и лексическая системы, от всех

других отношений, в которые вступают, с одной стороны, материальные предметы окружающего мира и, с другой стороны, знаки, слова языка. Например, логика и математика характеризуются только системой чистых отношений, качественная характеристика их объектов безразлична. Для математики безразлично, что скрывается за знаками *восемь, сто – сапог, яблок или долларов*. Для формальной логики безразлично, будет ли это суждение *Жучка есть собака* или *Человек есть смертен*. Для неё важно знать, что оба предложения – одно и то же общеутвердительное суждение. В других науках, физике, химии, биологии и др., напротив, исследуются лишь свойства вещей, и лишь затем отношения между единицами анализа.

В современном языкознании о проблеме «субстанция или отношения» поломано немало копий. Например, марксистские языковеды считают главным, ведущим началом в языке «субстанцию», «значение», которое управляет структурой предложения. Причём в пользу этой теории были высказаны самые различные аргументы.

Сегодня в теоретическом языкознании существуют два понимания взаимодействия между «субстанцией» и «отношениями», имеющих принципиальное методологическое, философское значение. 1) Одни лингвисты главным считают отношения между элементами языковой субстанции и даже саму субстанцию считают производной от отношений. 2) Это, по мнению второй точки зрения, идеалистический философский релятивизм и неопозитивизм. Эти «антирелятивисты и неопозитивисты» языковую субстанцию оценивают как первичное, а все отношения между её элементами – как вторичное, производное от нее (это марксистское направление в языкознании).

Ф. Соссюр: в языке нет ничего, кроме тождеств и различий. Это значит: сущность любой языковой единицы создаётся их противопоставлениями. Языковые единицы – чисто относительные, оппозитивные сущности. Гумбольдт пишет: «По разрозненным элементам нельзя узнать того, что есть высшего и тончайшего в языке: это делается понятным или ощутительным только в составе речи. ... Полное значение слово получает только в составе речи» (Гумбольдт). Изучающий иностранный язык путём усвоения словарного состава никогда язык знать не будет. Любой элемент языка может быть понят и в смысловом содержании, и в своей функции только из целостного движения языкового материала. Как часть может быть понята только из целого, место части целого в её роли внутри него.

Для объяснеия того, что происходит в языке, важно знать, как устроен язык и как связаны между собой различные его элементы. Поэтому понятно, что Соссюр и его продолжатели на первое место выдвигали изучение отношений между элементами языка. Набор слов, никак не связанных между собой, никакого смысла не имеют, а в языке всегда передаётся какой-то смысл.

Языковая единица является таковой, только если её можно идентифицировать в составе единицы более высокого уровня. Предложение – это целостное, не сводящееся к сумме его частей. Присущий этому целому смысл распространяется на всю совокупность компонентов.

Язык – это большая структура, включающая в себя меньшие структуры разных уровней. Высказываемое содержание мысли всегда распределено по знакам определённых типов, расположенных в иерархическом порядке. Всё содержание должно пройти через языковые знаки, обретая в них определённые законченные мысли. Иначе мысль расплывается, хаос, неопределённость. Знаковая форма

является не только условием передачи мысли, но главным образом условием её реализации.

Если мы считаем язык системой, то мы должны признать, что ни одно слово (знак) ничего не значит само по себе, все его значения – следсвие зависимости от системы, от целого. Только структура языка передаёт его частям, знакам, смысл, значение. Отсюда золотое правило, закон языка, который так и не понят некоторыми марксистами: ограниченное число знаков даёт безграничные возможности человеку выражать свои мысли, и существование этого закона языка обязано тому, что всё в языке опутано структурой и выход из неё грозит потерей смысла в знаке. Множество разноструктурных, разнознаковых высказываний об одном и том же есть свидетельство верховенства языковой структуры. Уже тот факт, что каждый язык имеет свой буквенный алфавит – свидетельство того, что одним значком можно описывать всё, что угодно, но всё в структуре языка расчленено и значимость каждого зависит от целого. Алфавит говорит о том, что всё разнообразие произносимых звуков и букв сводится к ограниченному числу единиц.

Язык необходимо анализировать в рамках его собственных формальных элементов. Язык образует систему, от основания до вершины, это упорядоченная система частей. Это формальные элементы, объединённые переменными комбинациями в свзи с законами их структуры. Язык – это структура языковой системы. Доказательством главенства отношений является: ограниченное число знаков, вступающих в неограниченные комбинации. При этом язык использует лишь часть от бесконечного числа теоретичкески возможных комбинаций. Различные конфигурации таких структур имеются в разных языках. Каждое слово, знак нельзя расценивать сам по себе, он есть не абсолютная величина, допускающая изолированный анализ. Знаки нужно рассматривать в их взаимоотношениях в пределах их системы. Знаки имеют значения лишь потому, что они являются элементами структуры. Позитивистское рассмотрение языка надо заменить рассмотрением его места в данной языковой структуре.

Язык – исключительно сложная система. Но возникает вопрос: почему ум человека, даже самого тупого, обладает способностью держать в голове систему такой высокой сложности ? А дело в том, что операции со знаками не слишком многочисленны и не столь разнообразны, не обладают излишней сложностью. Потому что базовые операции языка просты, немногочисленны, постоянно повторяемы. Они малочисленны и довольно однообразны, это и объясняет, почему такая сложная система как язык легко держится в мышлении каждого и даётся для постижения даже ребёнку.

Качественная определённость всех единиц языка состоит только из различий. Язык есть и форма **(**в модели знака: **2, 3)**, и субстанция **(**в модели знака: **1, 4)**. Все ошибки теоретического языкознания и неверное понимание сущности языка коренятся в убеждении, что в основе всех лингвистических феноменов (звук, буква, слово, предложение) лежит обязательно материальная субстанция (для языка это – семантическое значение слов, потому что они отражают окружающий мир).

Например, Соссюр разглядел общность между языком и шахматами в их «значимостях». Шахматным фигурам, как и языковым знакам, исторически условно приписываются правила игры, или ценности, значимости. Значимость элементов языка создавалась исторически и тоже как условные значимости. Смысл шахматной игры сводится к ценности или значимости каждой фигуры. Например, пешка ходит

только по вертикали, а бьёт фигуры противника по диагонали; ладья ходит по вертикали и горизонтали; слон ходит только по диагонали; конь ходит только буквой «Г» и т.д. В течение игры создаются трудно уловимые для непосвящённого и постоянно меняющиеся ситуации, которые каждый раз влияют по иному на ценность отдельных фигур, зависят от их конфигурации, от структур их размещения.

Эта аналогия между структурой языка и шахматами отражает основной принцип языка – его структурность, в которой ценность знака определяется его местом в этой структуре. Общее в них то, что и в языке, и в шахматах происходит бесконечная смена знаковых ситуаций, влекущая за собой смену структурной ценности знака, хотя сама материя знаков (слова в языке, фигуры в шахматах) безразлична к этим мысленным операциям, которые имеют неограниченное число различных вариантов. В шахматах возможны любые мысленные построения, фантазии игрока, но строго ограниченные правилами игры. В языке тоже возможны любые фантазии, и тоже ограниченные правилами игры (грамматикой), но лишь в пределах национального языка, и совершенно не ограниченные мысленными построениями (например, сказки).

Возникает вопрос: что важнее, что ведёт за собой что – семантическая субстанция, т.е. семантика слова диктует свои правила структуре языка, или, напротив, структура языка – главное, в зависимости от которой и рождается система отношений между субстанциями, между словами, т.е. от структуры языка (отношений между словами) зависит семантика слов, субстанция. Подобно тому, как шахматная игра сводится к комбинации фигур, причём каждая из них наделена своей ценностью, значимостью, правилами шахматной игры, так и язык является системой, основанной на противопоставлении его единиц. Если изъять одну шахматную фигуру, то это затронет всю внутреннюю грамматику игры. Так и в языке: сочетая слово *коса* с разными структурами предложений, окружениями слов, мы получим в слове *коса* три разных значения (*отмель* на реке, *инструмент* для кошения травы, длинные заплетённые *волосы* на голове женщины).

Знак есть не просто соединение звука с фонемой или понятием. Определить его так, значило бы изолировать его от системы языка, в составе которой он функционирует. Изоляция от системы ведёт к ложной мысли, будто мы во главу угла ставим отдельные знаки, будто надо начинать с отдельных языковых элементов (слов) и из их суммы строить систему языка, тогда как на самом деле мы должны всё делать в обратном порядке. В знаке, состоящем из физической субстанции (звуки, буквы) и её идеального образа в мозгу (фонема, графема), эти части противопоставлены друг другу, как материальное и идеальное. Но главное в самом знаке, внутри знака – не это противопоставление его материи и его идеального образа, т.е. звука и фонемы, а противопоставление только фонемы, а это значит – понятия, выраженных в одном знаке, с аналогичными же абстрактными сторонами другого, главным образом соседнего знака. Но понятие, выраженное в одном знаке, противопоставлено не только соседнему знаку, но и всем прочим знакам языка, в каждом из которых имеются те же две стороны. Без этой соотнесённости знака со всей системой знаков нет и самого знака. Вне системы знаков нет их семантики, их значений (понятий). Семантическое, логическое содержание знака, следовательно, определяется лишь через привлечение структуры языка. Впервые входя в состав словаря со своим значением, слово одновременно и неизбежно наделено ещё и главным – значимостью, определяемой структурой предложения, структурой словосочетания, т.е. знаку сразу приписывают правило:

этот знак, наделённый таким-то значением, родившись, должен употребляться в таких-то и таких-то структурах, и не употребляться в таких-то структурах. « ... Слово помещается в определённый контекст, который, в свою очередь, в конечном счёте и определяет значение этого слова». [Потапова 1992 : 61].

В основе принципа значимости лежит такое свойство знака, как его произвольность, немотивированность, отсутствие органической связи с обозначаемым предметом. Этот принцип заложил в знаке свойство свободы передвижения по структуре предложения и возможность быть наполненным любым значением. Этот принцип послужил также теоретической основой метода дистрибутивного анализа на основе окружения по месту элемента в синтагматическом ряду.

Понятие «значимость», «валентность», т.е. внутренняя наделённость слова всеми присущему ему грамматическими свойствами, свойствами органически входить в связные тексты – центральное понятие в теории знака и сущности языка в целом. Именно в произвольности знака, произвольности его материи, и его идеального, логического значения надо искать понимание лингвистической «значимости» знака. Именно из произвольности знака рождается его значимость в структуре языка. Изобретая знак для уже родившегося понятия, мы сразу же приписываем ему и все его грамматические параметры, без которых он не живёт ни в предложении (эти параметры видны только из данного предложения), ни в словаре (эти параметры вообще не отмечаются, даются лишь трудные, уникальные случаи употребления, иначе словарь превратился бы в Академическую грамматику).

И в грамматике, и в семантике господствует тот же принцип значимости знака: почти любая грамматическая форма данного слова не совпадает с аналогичной грамматической формой в других языках, у них разная значимость. То же самое и в семантическом членении языков: во всех языках участки внешнего мира и внутреннего мира человека членятся на различные семантические отрезки, с этим семантическим членением мы сталкиваемся особенно часто в переводах с языка на язык. Это и есть структура языка, которая диктует свою волю и семантике, и грамматике. Если бы каждое слово служило для выражения заранее данных понятий, и не зависело бы от структуры предложения, в силу того, что язык, его слова выражают реальный мир, то каждое слово в одном языке имело бы точно такое же соответствие во всех других языках. Значимость как понятие более высокого ранга характеризует всю систему данного языка. Значимость и есть система и структура. Любое понятие в языке не абсолютно, а дифференциально, т.е. определено не положительно своим качеством, а отрицательно своим отношением с прочими элементами системы. Они характеризуются тем, что они – не то, что другое.

Содержание всякого понятия раскрывается в системе суждений, понятие всегда функционирует в составе суждения и умозаключения. Именно в суждении и в умозаключении устанавливаются связи и отношения, конституирующие понятие. [Бюлер 1993 : XV]. Языковые знаки, живя только в определённых, для них предназначенных структурах, способны не только различать обозначаемые ими предметы, но и обобщать, не только дифференцировать, но и интегрировать, т.е. служить истинным средством абстрактного мышления.

Смысловая сторона знаков, которая находится в сознании, обусловлена системой нейронных связей. Но вынесена она вовне мозга, в эфир и на бумагу только в материи знаков. И их расшифровка возможна не пофонемно, не пословно, а в более широких синтаксических структурах. Поэтому тезис Соссюра «В языке нет ничего, кроме различий», верен. Это всеобщее свойство языка: только в

противопоставлении друг другу различаются звуки (буквы), их абстрактные образы (фонемы, графемы), и то, что ими обозначается – идеальные образы предметов (понятия).

Если объект исследования есть производное от чего-то, то ясно, что он «может быть производным и от чего-то большего, что богаче, шире, могущественнее от объекта, от чего-то такого, что существует, ибо для того, чтобы произвести объект, надо существовать независимо от объекта. Значит, существует нечто в н е объекта, и при том производящее объект» [Ленин 1982 : 224 - 225]. Таким объектом в языке является слово. Но «могущественнее этого объекта» – предложение, независимое от слова и «производящее» этот объект.

Мышление, управляющее языком как знаковой системой, – динамично. Одно понятие связано в мозгу с другим, а если это так, то и содержание понятия часто изменяется в зависимости от их ансамбля. Вначале появляется замысел, который и управляет построением цепочки знаков. Соответственно, и при приёме информации, содержащейся в отрезке речевой цепи, возникает ожидание появления определённых знаков. Система языка рождается мышлением стихийно. Создаётся впечатление, будто в языке отсутствует рациональная логичность, появляется избыточность, несколько языковых средств могут выполнять одну и ту же функцию, а один языковой элемент выполняет несколько функций. Существует несколько параллельных средств. Система языка определяется самими условиями существования человека.

Знаковая теория языка не может обойтись без понятия структуры, знак не может быть чем-то изолированным и дискретным. Структура, модель есть та необходимая живительная среда, вне которой невозможно конструктивное понимание сущности и роли знака. Если рассматривать знак, слово в самом себе, т.е. как носителя значения, то произвольность знака становится исключённой. Уже здесь заложено опровержение субстанциональной теории знака и языка в целом. Значимость, структура языка есть элемент знака. Это и подтверждается тем фактом, что знак сам по себе произволен. Так как знак не соответствует реальности, с которой знак связан ассоциативно, то значимость надо расценивать только как атрибут формы, а не субстанции. Язык есть система, это значит, что надо говорить о расположении частей в структуре, доминирующей над своими элементами и обусловливающей их. Всё в ней настолько н е о б х о д и м о, что изменения как целого, так и его частей взаимно обусловлены. Если язык – не случайный конгломерат туманных понятий, звуков, букв, то именно потому, что его структуре, как всякой структуре, внутренне присуща необходимость.

Парадокс свободного, немотивированного знака, вытекающий из системности языка – необходимо знать место каждого знака в системе всех знаков: знать, что значат другие знаки, ибо только в сопоставлении с другими знаками выявляется его место в системе всех знаков. Элемент языка, знак существует лишь постольку, поскольку он противопоставлен другим знакам языка. Иначе он существовать не может. Системность – не довесок к свойствам знаков языка, а единственное условие самого существования этих знаков. Содержание языкового знака, его ценность определяется его местом в системе. Обязательным свойством немотивированных языковых знаков является их системность. Они могут служить общению только потому, что люди заранее условливаются о соответствиях знаков и внешних предметов, что в совокупности и составляет знаковую систему: языковой знак всегда входит в систему, число элементов которой не может быть меньше двух. [Пазухин, ВЯ, 1968, № 3 : 59].

Разные звуковые комплексы могут обозначать один и тот же предмет в одном или различных языках, а один и тот же звуковой комплекс может обозначать различные предметы. Это и есть произвольность знака. Если это так, то главное – не субстанция, а отношения. Даже одна и та же субстанция обозначает разные предметы, в зависимости от структуры. Следовательно, главное – отношения, которые продиктованы произвольностью знака. Суть вещи обнаруживается в отношении с другими вещами (Маркс), так и слово – его значение диктуется отношениями с другими словами. Мнение, будто семантика слова сама руководит своей синтаксической структурой, есть лишь статистическая закономерность, что именно в этом значении слова употребляются чаще, чем в других значениях. Само существование сотен языков есть свидетельство главенства структуры языка, условного характера знака.

Принципу первичности взаимоотношения слов не противоречит диалектическая теория отражения, не отменяет его, а напротив, отражение только и возможно при первенствующей роли отношений между знаками. Ибо знаки условны и, органически, намертво с вещью, отражённую в них, не связаны. В языке, как системе отношений знаков для организации мышления, разграничивают понятия, суждения, умозаключения. Но это не значит, что язык сам, как сеть знаковых отношений, определяет процесс мышления. Понятия, суждения – не результат знаковых отношений в системе, а результат мышления, но оно только организовано знаками языка, причём только в системе знаков данного языка, организованного и приведённого в порядок именно этой знаковой системой, через строгий порядок синтаксических и морфологических связей и отношений.

Но только в речи, а это значит – в структуре языка проявляются истинные свойства всех слов языка, только в речи есть живые, действующие грамматические, т.е. морфологические и синтаксические правила связей тех слов, которые содержатся в словаре данного языка. Это ещё раз подтверждает, что ведущим в языке являются отношения, а не субстанции. В этом и заложен структурный механизм языка, регулирующий структуру речи. Иначе было бы необъяснимо, как рождается определённый порядок слов в речи, которая является нечто вторичным по отношнению к мышлению.

«Свойства данной вещи не возникают из её отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении» (К. Маркс). Прав К. Маркс, до «отношения» эти вещи (*чай – железо*; *чай – сукно*) имели те же свойства, были самими собой, но поставив их в «отношения», мы обнаружили их взаимную ценность. Но не так в языке, тут совсем иная картина. Какая ? Свойства реальных вещей *чай, железо, сукно* остаются неизменными в любой ситуации, но обнаруживаются они лишь в их различных взаимоотношениях по их стоимости. Точно так же и материя слов: материя слова *коса* остаётся в любой ситуации неизменной. Но вне структуры предложения знак *коса* не имеет определённого значения, мы не знаем этого до тех пор, пока не поствим его в соответствующую синтаксическую структуру. И только в синтаксической структуре этот знак обретает своё значение (***отмель*** *в реке;* ***волосы*** *на голове;* ***инструмент*** *для кошения травы*). Только после того, как мы поставили этот знак в определённое синтаксическое окружение, он приобрёл своё значение или свою «субстанцию».

Это синтаксис, оказывается, дешифрует разные предметы в знаке *коса*. Эти вещи обозначены в языке общим материальным знаком *коса* и общим для них идеальным образом (фонемой *к-о-с-а*), но до включения их в определённые структуры их субстанция – неопределённая. Этот знак и его фонемная структура

символизируют три разных предмета, в зависимости от тех отношений, в какие условия мы поставили материю *коса* и, следовательно, её идеальный образ, фонемный ряд. Эти разные отношения для одного и того же знака вылились в его разные семантические окружения и, следовательно, в разные семантические «субстанции». Как развести эти разные предметы в сообщении ? Они распознаются как различные логические понятия, только будучи поставленными в разные языковые структуры.

Следовательно, один и тот же языковой знак сам по себе, вне синтаксической структуры предложения, нераспознаваем. Но будучи поставленным в определённую грамматическую структуру, он, например, *коса* становится знаком трёх различных предметов. Это значит, что один и тот же материальный знак, имеющий свою материальную и идеальную структуру ассоциативно соотнесён в сознании с тремя различными идеальными образами трёх материально различных предметов.

Действительно, вопрос этот не праздный: что главное – с у б с т а н ц и я, т.е. отдельные слова в н е их грамматического (морфологического и синтаксического) употребления, или о т н о ш е н и я между этими словами в грамматической конструкции ? Если бы главным была субстанция, то каждое слово, до его употребления в тексте, было бы самодостаточным, самостоятельным, свободным от морфологических и синтаксических маркеров. Нет слов, а следовательно, и понятий грамматически бесформенных. Это значит, далее, что за каждым словом была бы закреплена строго определённая вещь, определённое качество или действие, т.е. все слова были бы строго определёнными «вещами» или «признаками» и не могли бы обозначать собою никаких иных вещей или признаков; не существовало бы ни «избыточности» в языке, ни структуры языка. Вообще человек лишился бы языка как определённой структуры (язык был бы у него бесструктурный, как у животных, у которых каждый сигнал обозначает лишь строго определённое действие или событие, обусловленное только наличной ситуацией), следовательно, лишился бы человеческого мышления и сознания и тем самым исчез бы сам, на его место встала бы материя, может быть даже «сознательная», но не выше уровня животных.

Но поскольку язык – это система у с л о в н ы х (не отражающих свойства каждой вещи) з н а к о в, а если система – значит каждое слово должно иметь с в о ё м е с т о в этой системе, которое и определяет условную, но прочную, связь с соответствующей вещью. Отсюда – главенство отношений, структурных связей между словами, которые и делают каждое слово значимым, т.е. наделённым тем или иным понятием. Вульгарные «марксисты» от языкознания перенесли физические свойства вещей на находящиеся в м о з г у идеальные свойства слов, или иначе: рассматривают язык или как набор лишь материи знаков в живом мозгу человека, или как набор разрозненных слов, живущих вне системы, структуры. Конечно, словам в полной мере свойственны «физические свойства вещей», потому что само слово как звуки и как буквы тоже есть вещи, природная материя. Но, в отличие от материи знаков языка такие реальные материальные вещи как мой письменный стол или растущее перед моим окном дерево, не наделены з н а к о в о й ф у н к ц и е й. Разумеется, если я не принесу моему соседу мой письменный стол как знак какого-то заранее обусловленного нами смысла (в знак благодарости за то, что он не мешает мне ночью спать): в этом случае стол выступает как языковой знак. Таким образом, спор о «первичности субстанции или отношений» в языке есть спор вообще о с у щ н о с т и и п р и р о д е языка.

Сторонники марксистского языкознания неверно трактуют теорию Маркса и Энгельса: речь у Маркса и Энгельса идёт не о «словах языка», идеальных образованиях,

не об условных знаках языка (реальные предметы не условны, а физически реальны и их можно измерить, взвесить, понюхать и попробовать на вкус), не о конвенциональных символах языка, которые никак не отражают сущности предметов и не связаны необходимой связью с миром, а о реальных вещах – материальных образованиях. Почему мы знаем такое качество как *зелёный* ? Потому что есть противоположные *зелёному* другие качества предметов – *красный, чёрный, белый, жёлтый*. Если бы всё на свете было *зелёным*, то исчезло бы и само слово *зелёный*, но физическая субстанция этого цвета осталась бы, будучи природной. Если бы все земные качества сводились только к одному качеству, то названия этих качеств ликвидировали бы самих себя, потому что не именовались бы никаким качеством – осталось бы лишь одно качество, – хотя сами по себе остались бы как реальность. Это и имели в виду Маркс и Энгельс. Так происходит с любым физическим, материальным предметом, качеством, состоянием, процессом, если они выступают в «единичном экземпляре» и не противопоставлены чему-то иному в их ряду.

В словах языка всё обстоит иначе. Слова – это условные знаки. Они сами по себе не обладают указанными качествами, они лишь условные знаки этих качеств, и обозначают только те качества, которые им условно приписаны людьми. А как знаки они не могут жить вне какой-либо структуры: они обладают фонологической и морфологической структурами, а их реальное функционирование возможно лишь в определённой синтаксической среде. Слова языка *дом, бежать, сладкий, в, под, даже* и т.д. – не реальные предметы, а произвольные звуковые или графические знаки, по договору обозначающие некие логические понятия (семантические значения). Объективное качество *сладкое* отличается от *горького, белое* – от *чёрного*, это обнаружит и безъязыкий дикарь, но homo sapiens приклеил к этим объективным качествам некие субъективные знаки, обладающие строгой системой функционирования, чтобы самому различать эти объективные качества «заочно», при их отсутствии в моём непосредственном, чувственном восприятии, и передавать их другим, не пробуя, не нюхая, не видя их. А без условной системы знаков сделать это невозможно.

Если свойства вещи сами по себе а б с о л ю т н ы, и эта их природа проявляется только из сравнения с другими абсолютными свойствами (*белый – чёрный, сладкий – горький*), то заложенные в материи языковых знаков и д е а л ь н ы е п о н я т и я, значения слов не абсолютны, а у с л о в н ы, конвенциональны, закреплены человеком в строгой системе и структуре, в строго определённом сочетании фонем, морфем, словопорядке в предложении. Одно и то же сочетание фонем может обозначать также любые и н ы е п о н я т и я, которые узнаются только в структуре семантических и грамматических значений – в п р е д л о ж е н и и. А это значит, что главное в языке как системе и структуре знаков – о т н о ш е н и я между его единицами. В новейшее время эта теория восходит к структуралистам во главе с Соссюром.

Таким образом, понимание сущности истинного языкознания должна состоять в том, 1) что слова не отражают свойств вещей, что язык – это система условных понятийных, идеальных, логических знаков, понятий; 2) что высказывания Маркса, Гегеля (а вслед за ними и Ленина) о том, что свойства вещей не возникают из их отношений к другим вещам, а лишь обнаруживаются в этих отношениях, н е о т н о с я т с я к я з ы к у и е г о с и с т е м е: материальные вещи (качества, отношения и др.) нечто совсем иное, чем идеальное, понятийное в словах языка. Поэтому искать тождество между реальными материальными в е щ а м и и идеальными п о н я т и я м и об этих вещах – нелепо. Но именно на этой нелепости как раз и базируются все спекуляции марксистских языковедов об отрицании главенства языковой структуры, языка как сети структурных отношений и попытки приписать семантические значения

словам вне и независимо от языковой структуры. Если «марксисты» будут утверждать, что слова *стол* – это предмет, мебель моего кабинета и не о чём здесь больше рассуждать, а *дом* – это тоже предмет, то здание, строение, где я живу, то и звуковые и графические «предметы» *стол*, *дом*, представленнные в языке в виде слов, тоже понятны, по их мнению, уже на уровне словаря, а не на уровне синтаксической структуры предложения, то как быть с этими же словами в предложениях *вегетарианский* ***стол***; *адресный* ***стол***; *расходы на* ***стол***; *Весь мир – это наш* ***дом*** ?

Опустело чисто поле,
Нет уж дней тех светлых боле,
Где под каждым ей листом
Был готов и ***стол*** *и* ***дом***
(И. Крылов. «Стрекоза и муравей»).

Чтобы разобраться в вопросе о соотношении единиц языка и структуры языка («что главное – единицы или их отношения»), т.е. в вопросе о с у щ н о с т и языкового знака и, следовательно, языка, марксистские теоретики языкознания обращаются к Марксу, Энгельсу, Ленину (именно они были превращены в иконы «марксистского языкознания»), но раскрыть сущность системы языковых знаков или хотя бы аккуратно переписать этих авторов, им оказалось не по зубам. Маркс, Энгельс, Ленин пишут по разному, но об одном и том же, – о з н а к о в о м характере языка, состоящего в том, что знаки языка, будучи лишь условными метками, не отражают свойств вещей. Это значит, что знак произволен, конвенционален (Соссюр) и может ассоциативно выражать любой предмет, любое действие, качество, состояние. Это означает, далее, что н и о д н о с л о в о не имеет в своём семантическом содержании абсолютного значения, выражающего только данный предмет и никакой иной. А это означает, далее, что сама з н а к о в о с т ь я з ы к а предполагает первенствующую роль структуры отношений между знаками, т.е. главенствующую роль р е л я ц и о н н ы х о т н о ш е н и й. На этом построена вся теория структурализма, в этом и состоит вся знаковая, н о т о л ь к о з н а к о в а я с у щ н о с т ь я з ы к а (а «марксистское языкознание» ни одного живого места не оставило от «структурализма», хотя считает, что следует заветам Маркса, Энгельса, Ленина). А чтобы понять знаковую сущность языка, надо понять взаимоотношение знака (языка) и мышления, языка и сознания, языка и внешнего мира, языка и логики, языка и речи, т.е. опять же, по Марксу, Энгельсу, Ленину – понять соотношение «языка и мышления», «материи и духа» как главный диалектический вопрос о соотношении «материального и идеального».

Язык – не хаотичный и беспорядочный набор или сумма знаков, они живут только в структуре себе подобных. Посредством хаотичного, беспорядочного набора знаков и значений невозможно ни выражать свои мысли, ни накапливать знания любого рода. Знак выявляет свою значимость в системе знаков. То, чем отличается знак, и есть всё то, что его составляет. Как пишет Колшанский, единицы, входящие в высказывание, есть составляющие его компоненты, они – не единицы, образующие высказывание, а, напротив, единицы полученные в результате разложения самого высказывания. Высказывание не складывается как простая сумма из слов, с их значениями, а, наоборот, слова с их значениями получают своё реальное существование только как часть контекста в рамках высказывания. Лексические значения слов есть продукт аналитической деятельности сознания, т.е. деятельности, вычленяющей из цельной единицы высказывания его части и закрепляющей в словаре относительно изолированные значения. Механизм языкового порождения

нацелен на порождение высказывания, а не на алгоритмы простого сложения слов. Коммуникативная направленность высказывания предопределяет семантическую структуру высказывания, к которой «подгоняются нужные слова» [Колшанский 1979 :52].

Однако возникают вопросы: если цель коммуникации – высказывание, и оно предопределяет семантическую структуру предложения, задавая тем самым разные связи между словами, – то нужны слова, но ведь говорят, что они уже имеют значения «до того». Откуда ? Главное, по Колшанскому, тотальный смысл, а не алгоритм сложения слов. А как может быть выражен «тотальный» смысл, если для него нужны слова именно с соответствующим смыслом ? Не совсем ясно, что появляется первым – смысл или слова к нему ? В мозгу – смысл, но как его выразить, не зная заранее смысл нужных слов ? Откуда эти знания, как примирить целостную структуру высказывания с его отдельными словами ? Разгадка этой дилеммы состоит в том, что все слова с их значениями хранятся в сознании не изолированно от их грамматических и семантических характеристик Слова усваиваются лишь тогда, когда человек знает, что они обозначают и в каких структурах они употребляются. Говорящий, высказывая мысль, знает, о чём он говорит. Слушающий, слыша звуки слов и структуру высказывания, распознаёт мысль говорящего по этой структуре.

Для того, чтобы язык был удобным средством устного и письменного общения, он должен быть организован по определённой, только этому языку присущей структуре. Отдельные слова, без их взаимосвязи употреблять невозможно, ибо мы получим набор отдельных слов, многие из которых многозначны. Сами слова приобретают семантическое значение в структуре предложения. Но эта структура, в свою очередь, формируется из слов, уже наделённых смыслом, каким-то значением. Как разрешается это противречие ? А ларчик просто открывается: действительно, слова ещё до текста наделены своими значениями и мы из них строим предложения. Но, оказывается, слова наделены своими значениями ещё до текста только потому, что их текстовая, структурная природа уже изначально заложена в их значениях, которые спаяны с их структурными характеристиками, усвоенных ещё в детстве, с рожденнем первого слова.

Взаимозависимость элементов языка основана на системе языка, а сама система включается во все элементы языка. Системные отношения составляют единственную основу разграничения самих элементов [Звегинцев 1962]. «В плане чисто лингвистическом значение слова определяется его потенциально возможными сочетаниями с другими словами, которые составляют так называемую лексическую валентность слова. Совокупность таких возможных сочетаний слова ... и обусловливает существование лексического значения ...» [Звегинцев 1957 : 123]. А Виттгенштейн пишет: «Значение слова есть его употребление в языке».

Знаковость – важнейшее свойство языка. Самые важные законы знаков – законы произвольности знаков и их системности. Например, структура идеальных образов или фонем в слове *д-е-р-е-в-о* конституирует понятие *дерево*. Но в этом понятии нет ничего собственного, это понятие не считается первичной единицей, оно состоит из фонем, и не просто из фонем, но из структуры фонем, иерархически организованной, порождённой мышлением, и всякое изменение порядка следования фонем разрушает понятие. Зелёный свет светофора вне сигнальной системы дорожного движения ничего не означает, кроме физического цвета. Но в систем правил дорожного движения зелёный цвет имеет значимость. В

языке всё подчинено отношениям, структуре, начиная от фонемного состава слова до причинно-следственного умозаключения.

Значит, вещь, субстанция, т.е. знак опознаётся уже на уровне фонемной структуры слов. Но фонемной структуры отдельных слов, т.е. морфологических правил недостаточно, чтобы понять значение слова, понятие. Манифестируемое этим словом понятие окончательно опознаётся на более высоком структурном уровне – на уровне фонемной структуры словосочетания или даже на более высоком логическом уровне – в суждении. Следовательно, нет в языке чистой, голой субстанции, т.е. словарного значения в изолированном слове, оно живёт только в морфологической и синтаксической структуре, даже если нам кажется, что данное слово и без контекста, предложения понятно. Но это – «видимость только одна», порождённая статистическими законами частотности употребления данного слова. А в основе этого закона лежит психологический закон закрепления в памяти того, что наиболее частотно и не более.

Можно, конечно, обнаружить и эксплицировать систему классов слов (частей речи) в каком-либо языке, основываясь не на его структуре, а на семантическом значении слов, что и делается повсеместно в грамматиках всех языков. Но в такой системе не может быть ничего специфического для данного языка, кроме параметров самой логической системы, являющейся одной и той же для всех языков. Принципиально иная система, структурно-семантическая, с иным набором классов и иными их характеристиками, обусловленными различиями в морфологической и синтаксической структуре каждого языка, может быть построена для любого языка. Очевидно, при классификации частей речи морфологические, синтаксические, просодические и иные критерии имеют в различных языках различный удельный вес. Стало быть, в различных языках, в силу особенностей их структуры, части речи должны выделяться на различных уровнях языковой структуры. Из этого следует, что а) в различных языках должны существовать различные критерии выделения частей речи, б) различные языки должны обладать различным набором частей речи, в) в различных языках должен существовать различный набор слов внутри одной и той же части речи, или, что то же самое – каждый язык должен иметь свой набор частей речи, зависящий как от внутреннего устройства этого языка, так и от глубины представления его грамматической структуры. Само понятие «одной и той же части речи» в различных языках – нонсенс, не одно и то же. Единственный путь, который ведёт к объективной, исчерпывающей и непротиворечивой классификации частей речи, является путь, постулируемый грамматической структурой соответствующего языка.

Но построение системы классов слов с позиций структурно-синтаксического устройства языка даёт их характеристику также с точки зрения многофункциональности слов, их взаимного пересечения, употребления одних и тех же слов в функциях нескольких частей речи. С этих позиций мною был ранее проведен анализ немецкого языка, который показал истинную роль и значение синтаксической структуры для познания функций слов. [Кривоносов 2001, Главы 3 – 6].

Этот анализ показал, что в каждый класс слов входят лексемы, с одной стороны, выступающие только как слова данного класса (они составляют ядро данного класса, образованное однофункциональными лексемами). Это такие лексемы, которые специализируются на одной функции. Каждый класс слов имеет то большее, то меньшее ядро, в зависимости от класса, т.е. от его структурно-функциональных признаков. С другой стороны, в каждый класс входят лексемы,

выступающие как слова и других классов (они составляют периферию данного класса, образованную многофункциональными лексемами). Чем большему количеству классов слов принадлежит лексема, тем больше у неё структурно-функциональных потенций, тем она менее специализирована, более всеобща. И, наоборот, чем меньшему количеству классов принадлежит лексема, тем меньше у неё структурно-функциональных потенций, тем она более специализирована, менее всеобща.

Таким образом, классы слов, с одной стороны, строго детерминированы, с другой стороны, классы слов – взаимопроницаемы. «Противоречие» между жёсткой классификационной схемой, жёсткими признаками классов слов, жёсткой границей между классами слов и способностью одних и тех же лексем выступать как слова различных классов является лишь кажущимся. Из класса в класс переходит не слово данного класса с уже обусловленным значеним, переходит не часть речи в другую часть речи (в таком случае мы бы, действительно, имели дело с противоречием, так как в этом случае слово каждого класса, обладая набором признаков только данного класса, переходило бы в другой класс с признаками своего класса, что невозможно), а лишь материальная форма данного слова, снабжённая только ей свойственными структурными параметрами.

Поскольку многие лексемы переходят из класса в класс, т.е. являются многофункциональными, значит они имеют широкую сферу употребления, специализируются как многофункциональные лексемы (38 % лексем, привлечённых для анализа – многофункциональны). Бесконечное количество единиц опыта разнесено по конечным знакам языка. В основе этого соотношения единиц опыта и единиц языка лежит конечный характер языка, связанный с ограниченностью человеческой памяти. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Способность языка как набора конечных единиц отражать бесконечный калейдоскоп опыта зиждется на том, что язык представлен в нейронных связях мозга чрезвычайно экономно как сжатая с т р у к т у р а, в которой все элементы, будучи конечными, существуют только как элементы этой структуры. Поэтому одна и та же лексема, обладая набором различных грамматических свойств, производит разный эффект в различных контекстах, выступая, например, то как модальная частица, то как качественное наречие, то как прилагательное и т.д. Можно сказать, что каждый знак, только превратившись в слово какой-либо части речи, представляет собой общий семантический сегмент, некий семантический инвариант значения, перекрещивающийся в различных структурно-функциональных классах слов или частях речи. Почти все классы слов данного языка, обнаруживая общие или перекрещивающиеся сегменты (секторы, поля), втянуты в сложнейшую систему в з а и м о п р о н и ц а е м о с т и классов слов, систему, являющуюся отражением механизма фиксации языка в мозгу и свойств человеческой памяти. [Подробно см. Кривоносов 1971; 1973; 1975; 2001].

Неверно смотреть на язык как на набор звуков, букв, отдельных значений. Реальные языковые значения не находятся внутри слов, они представлены системой отношений между ними. «Эти соотношения и составляют систему языка. Внутренняя система является характерной для данного языка в отличие от других языков, в то время как проявление языка в звуках и письменных знаках остаётся безразличными для самой системы языка и может изменяться без всякого ущерба для системы» [Ельмслев 1950 – 1951 : 57].

Знак неизбежно обязан быть многозначным – иначе наша память не смогла бы вместить безграничное количество знаков для всех отдельных понятий – каждое значение фиксируется грамматической формой, присущей только для этого значения.

Если бы первичным в языке была субстанция, а не отношения, т.е. семантика слов, а не их грамматические свойства, то знаковая система языка (это была бы уже не система, а беспорядочный набор слов), то все слова были бы представлены как наклейки этикеток. Конкретное значение данного слова выявляется только во встрече с другими словами, в грамматической конструкции. Немыслимо наделять слово только одним значением для одного предмета, ибо, во-первых, количество реальных предметов в мире, их качеств, свойств, отношений бесконечно и человеческой памяти не хватило бы для именования всего сущего. Во-вторых, если бы слово имело только одно значение, то при обнаружении новых реальных фактов, свойств, вещей пришлось бы их именовать новым знаком с новым значением. Это разрушило бы язык как знаковую систему мышления, познания и общения ввиду небесконечности нашей памяти.

Надо заметить, что смысл многих языковых знаков понятен уже на уровне словаря, вне их значимости, вне структуры предложения. Но это типичные значения, всеобщие, статистически преобладающие, наиболее часто употребляемые. Но и эти значения вытекают из самой системы. Понятия, значения каждого слова чисто дифференциальны, т.е. определены не положительно своим содержаниям, а отрицательно своими отношениями с другими элементами системы.

Если обывателя спросить, а какая ещё нужна структура для слов *дом, стол*, и так понятно – *жилище, где живём*; *предмет, за которым едим и работаем.* Но это такие субстанции, которые на слуху, с которых начинает учить язык ребёнок, это самые частотные, избитые и самые первичные субстанциональные вещи, которые понятны и без структур, хотя эти структуры их только и делают семантически значимыми, мы к ним привыкли с детства. А остальные многие тысячи слов ? Большинство из них не так легко определить без их синтаксической структуры. Самые «чистые», привычные, не требующие каждый раз своей структурной проверки слова в языке – это знаменательные части речи, особенно существительные и глаголы, обозначающие знакомые всем вещи, предметы, действия, процессы. Но и среди них ни одно слово не может находиться вне морфологической и синтаксической структуры языка.

Слово, как и другие единицы языка, всегда реализуется в ансамбле других. Даже употребляя слова *дом, стол*, и понимая их значение, мы понимаем эти слова не просто как изолированные от их синтаксического окружения слова, но в уме бессознательно, автоматически держим их лексическое окружение и грамматические формы. Стоит эти слова употребить в необычном для них семантическом значении, мы тут же эксплицитно вспомним об их лексическом и грамматическом окружении. Любое слово может быть использовано не по «назначению». Но так захотелось мозгу, и он приписал несвойственное этому слову семантико-грамматическую структуру и, следовательно, наделил его в своих нейронах новым понятием. В этом, кстати, и состоит новизна слов и ценность художественного произведения (вспомним новаторство Маяковского !).

Наиболее общее структурное отношение между знаками – это отношение и м п л и к а ц и и. Если говорящий (пишущий) выбирает один знак, то это ограничивает возможность следующих выборов, часть таких выборов оказывается запрещённой. Это отношение предсказуемости. Выбор одного элемента предсказывает появление данного элемента и непоявление других. Язык – это живой, функционирующий организм, поэтому все его единицы связаны органически и подчинены единой системе данного языка. Однако как бы ни был самостоятельным какой-либо элемент и как бы он ни был изолирован от других элементов языка,

сам по себе он тоже является органическим целым данного целого. Язык всегда динамичен, как продукт процесса мышления. Принцип валентности языкового знака относится к самой специфике языка, понимаемого строго динамически.

Лосев пишет, что валентность – это способность языкового знака получать то или иное значение, функции в связи со своим контекстом. Понятие контекста не исключает понятия валентности, «контекст» и есть сама валентность, как нечто, содержащее в себе зародыш возможных семантических связей. Каждый языковой элемент рассматривается не изолированно, не единично, но как бы в виде заряжённости разными своими возможными связями с другими языковыми элементами, как некого рода заложенность в отдельном языковом элементе всех его возможных связей с другими элементами. [Лосев, СЛЯ, 1981, № 5].

Нам привычна *вода* и её свойства. Но она состоит из своих ингредиентов – *кислород, водород, различные органические элементы, соли* и пр. Каждый из этих элементов не обладает свойством *воды*. Следовательно, связь разнородных элементов даёт качественно новое вещество – *воду*. Аналогичный процесс противоречий заложен в самой природе: молекула отлична от физического тела, которому она принадлежит. Это закон противоречия, качественного взаимоперехода вещей, количество ведёт к качеству. Ср. температуру *воды*: сперва это *жидкость*, но при изменении температуры *вода* переходит в *лёд* и *пар*. В языке тот же переход количества в качество: слово и предложение. Смысл предложения не равен сумме значений слов. Это качественно новое образование, основной закон диалектики в языке: звуки, буквы дают морфемы, морфемы – слова, слова – предложения, предложения – текст. Смысл текста не состоит из значений отдельных предложений. Слово отличается от предложения так же, как предложение от текста. Значимость имеет свою иерархическую структуру: есть слова – понятные уже из словаря, но лишь только потому, что они в мозгу психически отложились как самые частотные слова, хотя, как и все слова, опознаются только в грамматической структуре, которая в словаре не отражена. А, например, неизменяемые, многозначные слова требуют своего опознания в структуре предложения, в узком или в широком контексте, т.е. в о п п о з и ц и и к другим словам. Весь язык пронизан этой структурой, нет изолированных слов вне структуры, и их понятия стоят во взаимосвязи со всеми остальными понятиями.

Среди коммуникативных систем, используемых человеком, естественный язык является той условной системой, в которой структура, контекст выступает в качестве основного и наиболее сильного средства актуализации. Путём почти не ограниченных метафорических сдвигов контекст способен вывести актуальное значение языкового знака далеко за пределы его привычного значения. Предложение *Я страшно устал* равно тому же, что *Я очень устал*. Слово *страшно* приобрело новое значение в релятивистских, синтаксических связях слов. Это возможно потому, что носители языка слову *страшно* придали высокой степени абстракции понятие чего-то отрицательного, нежелательного, оно обладает семантическими признаками степени чего-то *ужасного, неприятного, чуждого* человеку, выведенных, опять же, из иных структур языка. Слово *страшно* существует в мозгу как самое частотное слово со значением *ужасно*. Но мозг ищет для него новую связь, чтобы по-иному показать, в даннном случае, степень *усталости*. Для этого мозг стремится создать многозначность слов, т.е. способность вступать в свободные, самые непредсказуемые синтаксические отношения.

Многозначность – неотъемлемая характеристика языка, как средство восполнения ограниченных возможностей мозга в связи с ограниченностью памяти,

для выражения безграничного мышления, пользуясь лишь ограниченным числом материальных знаков. Но ограниченное количество материальных знаков восполняется неограниченными возможностями мозга сочетать эти знаки во множестве грамматических связей. Язык не смог бы выполнять свою знаковую роль в познании и коммуникации из-за помех в общении, из-за неоднозначности лексических и грамматических форм. Язык «восполняет» этот недостаток на основе контекста, который уравновешивает многозначность и однозначность. Соотношение многозначность - контекст, как пишет Колшанский, это закон комплементарности языка, это одно из существеннейших условий функционирования языка. Изучение контекстов – не изучение чуждой языку системы, а изучение самой системы языка, так как она увязана с функцией любой единицы. [Колшанский 1979 : 61 - 62].

Знак произволен, т.е. выбор материи для той или иной идеи немотивирован. Если бы это было иначе, понятие значимости (ценности) утратило бы свою характеристику, так как мы внесли бы в язык нечто внешнее, не присущее ему изначально. Осмысленность речи достигается тем, что в речи выражаются мысли не только о предметах, явлениях, и их свойствах в отдельности, но и мысли об отношениях, в которые вступают соответствующие предметы, явления и их свойства. Выражающие их знаки вне конструкций семантически трудно распознаваемы или вообще нераспознаваемы (особенно частицы, предлоги, модальные слова, междометия).

При построении речи существует системность, жёсткая структурированность, экономия, повторяемость, ибо часто одна и та же морфема пригодна для десятков различных слов, хотя, в принципе, каждая морфема должна бы быть предназначена строго для определённых слов. Если бы не было системности и повторяемости в интеграции слов, то потребовалось бы огромное число фонемных сочетаний, которое невозможно было бы усвоить памятью. Таким образом, буквенное, морфемное, словарное интегрирование внутри слов и предложений порождает их как семантически, логически значимые единицы. Но изолированные друг от друга слова ничего не значат (если мы их бессознательно не соотносим с определённой грамматичкской структурой), они не создают суждений и их накопление или простое расположение одного после другого не содержит информации, ввиду изолированности, ввиду того, что такие слова не образуют интегрированной системы. Система создаётся лишь за счёт морфологии и синтаксиса, т.е. за счёт способов и законов сочетания слов в предложениях. Таким образом, суждение, обнаруживаемое в речи, проходит несколько фаз его образования: от фонем к морфофонемам, от морфофонем к понятиям, от понятий к суждениям, от суждений к умозаключениям. И далее к другим сложным сочетаниям суждений, вплоть до текста.

Единственный способ объяснить значение слова требует привлечения каких-нибудь других элементов, хотя внешне кажется, что любое слово, чтобы его понимать, самодостаточно. А на самом деле каждое слово тянет за собой шлейф всех своих грамматических параметров, директивно приписанных этому слову со дня его рождения. Это – контекст данного слова. Чем «примитивнее» слово (частицы, союзы, предлоги, наречия), тем более его значение зависит от смыслового, а значит морфологического, синтаксического окружения и, следовательно, такие слова труднее всего распознаются как определённая часть речи. Без познания всеобщего, которое объединяет объект как целое, не может быть науки. Структурно-семантические связи, понятие структуры, понятие значимости – главное в науке о языке.

Почему язык – система ? Так как человеческая память ограничена, чтобы воспринять всё бесчисленное разнообразие мира, нужна система. В противоположность бессистемному, система более экономична, в системе слова запоминаются лучше. Запомнить все речевые акты невозможно, а системный характер слов позволяет закрепить их в памяти лучше. Мир бесконечен, так же как и мир мышления, его отражающий. Но в силу того, что память человека не бесконечна, и ей надо быть вооружённой бесконечным количеством знаков, то мышление, чтобы отразить этот мир, тоже должно быть бесконечным. Но в сознании нет бесконечного количества единиц мышления ввиду ограниченности памяти. Следовательно, для выражения разных мыслей, чувств, настроений, эмоций, переживаний приходится употреблять одни и те же слова, делать их многозначными, пригодными на все случаи бесконечного мышления. Следовательно, мыслей и их единиц больше, чем знаков для их выражения. Мышление вынуждено ограничивать себя относительно небольшим набором языковых единиц для выражения самого себя, т.е. повторять одни и те же знаки, порождая многозначность.

Слов значительно меньше единиц мира и единиц мышления, поэтому они приспосабливаются для употребления множества мыслительных единиц и, следовательно, для создания множества языковых структур. Следовательно, субстанциональная сущность слов, по определению, не лежит в основе создания структур языка, а, напротив, структуры языка создают необходимые субстанциональные языковые единицы – знаки. Значит, основа языка – структура, она управляет субстанцией. Звук, буква как материальный элемент сам по себе для языка нечто вторичное, лишь используемый им материал, хотя без этого материала нет ни языка, ни человека. Все условные значимости, ценности характеризуются свойством не смешиваться со своим субстратом. Так, не металл монеты определяет её ценность, а то, что на ней написано, в зависимости и в связи с другими такими же единицами. Поэтому значение, понятие не есть нечто звучащее, написанное, материальное, а нечто бестелесное, идеальное, образовано не своей материальной субстанцией, а исключительно теми различиями, которые отделяют его акустический, буквенный, зрительный образ от прочих. Фонемы, как и все остальные элементы языка, ценны не сами по себе, а в противопоставлении другим, т.е. в системе, их число и их место в среде прочих фонем строго определено. Каждая фонема характеризуется не свойственным ей положительным качеством, но исключительно тем, что она не смешивается с другими фонемами. Они все взаимно противопоставлены и взаимно отрицательны. Каждый человек по-своему говорит и пишет, поэтому каждая фонема, графема индивидуальна и произвольна в пределах данного языка, её форма, качество существенны лишь в пределах системы, состоящих из таких же элементов. В связи с этим трудно понять тех лингвистов, которые одной рукой пишут, что фонемы, как наименьшие знаки, имеют смыслоразличительные функции, а это значит – употребляются только в структуре себе подобных, а другой рукой пишут, что главное в языке – значение, семантика, а не стртруктура.

Ни одно слово не самодостаточно, его ценность – только в структуре языка, начиная от фонемной структуры. Фонемы в слове *дом* самодостаточны ? Но есть понятие *дом мод*, которое состоит из двух слов с однми и теми же фонемами, но имеющими разный смысл ! Нет, в этой цепочке фонем ничего нельзя переставить, не придав ей другое значение. Очевидно, что каждое слово имеет какое-то основное, центральное значение, статистически наиболее частотное, зависящих от

контекста и структуры предложений. Чем ниже уровень языковой структуры, тем сильнее слово связано «по рукам и ногам» своей синтаксической паутиной. Чем выше уровень языковой структуры, тем больше создаётся иллюзия, будто такое слово самодостаточно. У каждого из слов – своё синтаксическое и семантическое окружение. *Человек идёт*: это *шагает*. *Весна идёт* – здесь уже речь идёт (а *идёт ли речь* ?) о *временном наступлении времени года*. *Жизнь идёт* – это уже, скорее, обычный общественный и физиологический процесс. *Костюм идёт* – нет ничего из выше сказанного, это эстетическая оценка. Эти огромные «якобы несоответствия» определены контекстом, семантической и синтаксической структурой предложения. Слова языка не повенчаны напрочь с данным и только данным значением. Слово, знак со своим идеальным значением проходит бесконечное количество скачков, закономерно между собою связанных, в выборе какого-то подходящего синонима. Это текучие понятия, хотя и имеют общий или близкий семантический стержень: нельзя сказать –*камень идёт* (только в сказке).

Знак условен, не связан органически с предметом, т.е. ни одно слово само по себе не может раскрыть то содержание, которое оно обозначает, оно лишь указывает на предмет, а его идеальный, логический образ рождается в мозгу. И в то же время известно много фактов того, что предложение имеет семантическое значение, не соответствующее значению каждого из его слов (фразеологизмы). Этот парадокс объясняется тем, что одной номинативной функции недостаточно, да она, собственно, и не существует вне структуры предложения. Язык имеет иерархический принцип организации: единицы низшего уровня суть составные части единиц более высокого уровня, который есть не простая механическая сумма единиц низшего уровня, а обладает новым качеством. Это и есть подтверждение тому, что главное – отношения. Как пишет Лосев, знак в силу своей зависимости от мышления и от природы оказывается заряжённым бесконечными семантическими возможностями. Потому что знак есть акт мышления, а мышление бесконечно и ничем не ограничено. А эта подвижность заставляет его рассматривать только в контексте других знаков, но эти языковые контексты также бесконечны, как и породившая их материальная действительность и как осмыслившее её человеческое мышление. [Лосев, СЛЯ, 1977, № 1].

Универсальный код – человеческое мышление – порождает неограниченное число сообщений, имея ограниченный репертуар материальных знаков в языке для того, чтобы отразить бесконечность мира и мыслей о нём. Совмещение этих противоположных качеств в языке достигается благодаря тому, что знаки обладают неограниченной грамматической сочетаемостью друг с другом. Любой знак, материя его, может быть связан с неограниченным числом означаемых предметов. Это и делает язык парадоксальной знаковой системой, которая позволяет потребителям на основе конечного числа знаков создавать бесконечное число высказываний. Язык представляет собой не бесструктурное множество вроде кучи кирпичей, в которой каждый кирпич может занять место другого без изменения качественной сущности кучи, она не меняется при удалении или добавлении пары кирпичей. Язык же обнаруживает свойство своей внутренней целостности и взаимосвязанности его элементов, выступает как единое целое, в котором каждый элемент последовательно связан с каждым другим. В языке ничего нельзя прибавить и убавить, структурно не изменив целого и отдельных частей, т.е. структуры языка.

Итак, высшая единица языковой знаковой системы состоит не из суммы значений единиц низшего яруса, а из их структурных свойств. Каковы причины лежат в основе этого закона ? 1) Языковой знак условен, он не может быть связан

с предметами органической связью и быть похожим на сами предметы и их свойства; 2) Языковой знак не может быть связан только с одним предметом в силу ограниченности человеческой памяти; 3) Языковой знак функционирует не изолированно, а только в структуре себе подобных знаков. Эти качества языкового знака и есть свидетельства того, что первичное, главное в языке не «субстанция», а «отношения». Хотя марксистские языковеды, вооружённые цитатами К. Маркса, доказывают обратное, о чём подробнее – ниже.

Нет знаков с регламентированным вне текста значением. Только в структуре себе подобных, в тексте знак приобретает одно из значений. Смысл слов вне предложений, вне текста не может быть однозначно понятен по самой природе человеческого мышления и языка. Смысл – это то, что отражено в мозгу о реальной или мнимой отражаемой через язык действительности. Нет слов с регламентированным значением. Как только слово введено в текст, оно тут же приобретает значение, часто иное, чем привычное, но по велению мозга. Если бы высшая единица языка состояла из суммы значений её низших единиц, это означало бы, что каждое слово уже само по себе наделено своим собственным значением, вне структуры предложения. Это означало бы, что язык есть не структура взаимосвязей слов, а лишь обычный набор слов. Это была бы уже не структурная связь слов в предложении, а беспорядочная груда наваленных кирпичей.

2) Первичное в языке – субстанция, значение, подчиняющие структуру языка ?

Итак, что первично в языке – «субстанция» или «отношения» ? Что говорит о соотношении «субстанции и отношения» марксистская теория ?
Марксистское языкознание настаивает на том, что в языке первична субстанция (значения слов), вторичны – отношения между ними (грамматические формы). Оно опирается на следующие высказывания Маркса и Энгельса: « ... *способность вещи* есть ... нечто внутренне присущее вещи, хотя это присущее ей свойство может проявляться только ... в её отношении к другим вещам» [Маркс, Энгельс т. 26, ч. 3 : 143]. «Свойства данной вещи не возникают из её отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении ...» [Маркс, Энгельс т. 23 : 67].

«Отношения ... имеют статус реального существования, но лишь постольку, поскольку они есть отношения вещей». [Панфилов 1982 : 73]. Мельничук поддерживает Панфилова, соглашаясь с ним в оценке о несостоятельной попытке структуралистов истолковать структуру языка как сеть чистых отношений [Мельничук 1978 : 135]. Отношения между вещами зависят от их качества. Если считать, что качество вещи создаётся этими отношениями между вещами, то здесь логическое противоречие: как нечто, не обладающее само по себе какими-либо свойствами, может так воздействовать на другое нечто, находящееся с ним в определённых отношениях, что создаёт второе нечто и обратно [Панфилов 1982 73]. «Вообще само положение о том, будто свойства вещей создаются их отношениями, абсолютно неверно» [Серебренников 1983 : 257].

Структурализм чужд марксизму-ленинизму, так как он подчиняет субстанцию отношениям, выдавая первичное за вторичное и абсолютизируя отношения, превращая их в «чистые связи» [Филин 1982 : 14]. Но в следующем высказывании Филин противречит себе. «Как красный сигнал не имеет никакого смысла без сигналов других цветов, так и слово имеет значение только как часть семантического поля, поскольку в изоляции границы его значения не могут быть

определены и вооще не существовали бы» [Филин 1982 : 229]. Ура: «В огороде бузина, а в Киеве дядька» !

Структурализм, по Панфилову, гласит: языковые явления на всех уровнях есть результат отношений, в которых они находятся друг к другу, поэтому качечство этих единиц определяется их отношениями в системе. В реляционной теории языка языковая единица в его обеих сторонах (т.е. материя знака и его значение – А. К.) рассматривается как результат в н у т р и с и с т е м н ы х отношений в языке. Следовательно, языковое значение не есть образ явлений действительности, как пишет Панфилов. Если язык есть продукт внутрисистемных отношений языковых единиц, то, следовательно, никакие экстралингвистические факторы (общество, мышление) не оказывают какого-либо воздействия на язык, следовательно, для всех изменений в языке нельзя привлекать какие-либо эксталингвистические факторы для их объяснения. Это – следствие релятивистского понимания философских категорий «вещь», «отношение», в котором объявляется примат категории «отношение». Но в «марксизме-ленинизме» отношения – это отношения вещей, т.е. субстанций. Поэтому фонема – не пучок различительных признаков. Конкретные материальные звуки и буквы не создаются противопоставлениями, которые существуют в фонологической системе каждого языка. Материя языковой единицы – не форма, а субстанция. Идеальная сторона языковой единицы тоже не форма, а результат отражения явлений действительности [Панфилов 1974 : 17].

Будагов пишет, что значения слов, как и «свойства данной вещи» не возникают из их отношений к другим словам» [Будагов 1981 : 28]. См. также Березин: « ... советские языковеды руководствуются последовательным (обращаю внимание читателя: «руководствуются», т.е. «марксистские лингвисты» уже сами не могут думать, им нужны лингвистические поводыри и инструкции, утверждённые в Политбюро ! – А. К.) диалектико-материалистическим пониманием природы языка и его общественных функций, признанием первичности языковой субстанции и вторичности существующих в языке отношений. Именно такое материалистическое (Sic ! – вот куда может завести вульгарный материализм ! – А.К.) понимание природы языка, сформулированное Марксом, Энгельсом, Лениным, помогает советским лингвистам комплексно подходить к решению глоттогонических проблем языкознания, даёт гарантию успеха в борьбе против попыток использования извращённых представлений о структуре языка и его свойствах, содержащихся в различных идеалистических направлениях современной буржуазной философии и идеологии (структурализм, лингвистическая философия, общая семантика и т.д.)» [Березин 1977 : 17].

Если идти по стопам нынешних «марксистов» в языкознании, то мы должны отвергнуть понимание языка как системы знаков, у с л о в н ы й, к о н в е н ц и о н а л ь н ы й характер знаков, т.е. мы тут же отвергаем Маркса и Энгельса (« Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с её природой») и Ленина (« Название есть отличительный признак, который я делаю представителем предмета»), хотя считаем себя «марксистами» от языкознания. Понятие «вещь» (Маркс и Энгенльс) и «предмет» (Ленин) – это реальные вещи и предметы, но эти же понятия характеризуют и слова (устные и письменные) как м а т е р и ю знаков. Однако материя слов, т.е. материальные слова играют совсем иную роль, чем разбросанные материальные камни на дороге, – слова вплетены в с т р у к т у р у множества слов, в о т н о ш е н и я между ними, а без этой структуры и этих отношений они, действительно, превращаются в «вещи», в «предметы», т.е. в те же камни на дороге.

Например, Панфилов, часто ссылаясь на эти исторические имена, сам того не замечая, отвергает некоторые их положения, полагая, что он занимается «марксистским

языкознанием». Он критикует структуралистскую характеристику языка как сети отношений, от которых зависят свойства языковых единиц всех уровней. Это положение Панфилова противоречит теории Маркса, считавшего язык знаковой системой, имеющей у с л о в н ы й, следовательно, с т р у к т у р н ы й характер и, следовательно, язык как структурное образование действительно порождает системы его единиц всех уровней. Значение каждого слова и, следовательно, его принадлежность к той или иной части речи определяется не его звучанием и написанием, а структурой предложения, т.е. контекстом [на материале немецкого языка этот вопрос подробно освещён в работе: Кривоносов 2001 : 576 - 699].

Лингвисты марксистского направления, основываясь на теории Маркса, отстаивая приоритет субстанции над структурой, критикуя структуралистов за их приверженность к «структуре», «отношениям», не учли того, что Маркс, рассматривая соотношение структуры и субстанции, имел в виду не соотношение я з ы к о в ы х з н а к о в, а отношения реальных м а т е р и а л ь н ы х п р е д м е т о в. Руководствуясь теорией марксизма, например Филин, посчитал, что в языке, как и в материальном мире, материя, субстанция господствует над отношениями. «Понимать под субстанцией только материальную оболочку языка нелепо. На самом деле субстанция – это любая единица языка (слово со всеми его значениями, предложения с их смыслами, т.е. то, в чём находит своё отражение мир, что является первоэлементами, кирпичиками языкового здания, между которыми и благодаря которым существуют отношения, системность). Структурализм как методологическое направление чужд марксизму и насаждение его в советском языкознании неприемлемо. ...Мы не должны забывать о необходимости дальнейшего изучения самой я з ы к о в о й м а т е р и и, отдельных элементов, из которых состоит язык» [Филин 1982 : 85].

Что здесь доказал Филин ? При определении роли субстанции и структуры в языковом механизме во главу угла он ставит слово как нечто целое, скажем, почерпнутое в словаре, с отмеченными в словаре материальной формой и семантическим значением, смыслом. И вот этот смысл и есть, по Филину, то, что является субстанцией, и она служит мерилом для того, чтобы её оформить в соответствующей ей синтаксической конструкции.

Следовательно, мысль – главное в жизни языка, и эта мысль ведёт за собой своего слугу – грамматическую структуру предложения. Это и есть то, что Филин считает главным, ведущим: «субстанция ведёт за собой отношения». Но позволительно спросить: а откуда первоначально появился этот «смысл» ? Да всё из той же структуры, ибо бесструктурных слов не бывает. Значит, мы вывели значение слова из его способности чаще всего употребляться в данной структуре, ибо все слова произвольны, условны, не наделены заранее определённым смыслом, который слово и получает из окружающей семантико-грамматической структуры. Затем мы говорим: вот этот смысл слова, а не структура предложения, и есть главное ! Мы прежде «отношения», выдав их за главное, вложили их в понятия «субстанции», а потом и говорим от имени этой «субстанции»: субстанция ведёт за собой отношения. Такова истинная логика рассуждений о первичности субстанции или отношений, не усвоенная марксистскими лингвистами, а заменена лингвистическим «идеологизмом» о том, что язык (т.е. знаки) отражает действительность в силу их неразрывной связи.

Отношения между материально выраженными элементами языка низводятся до степени «всякого рода значимостей и противопоставлений, потому что, по Ф. Соссюру, в языке нет ничего, кроме различий» [Серебренников 1977 : 38].

Мельничук критикует Соссюра, говорившего, что «в языке нет ничего, кроме различий». В этих словах отдаётся приоритет отношениям перед элементами в структуре языка, к чистым отношениям как единственной основе сущности языка и объявлению соотносящихся элементов – звуков и форм – лишь как результата чистых отношений. Он критикует Л. Ельмслева за то, что последний считает: объект сводится к сети зависимостей, один факт языка существует в силу другого. [Мельничук 1970 : 56].

Семантика слов не может быть лишь продуктом тех отношений, в которых они находятся в языковой системе, так что их качество, семантика не определяется этими отношениями. Иначе мы бы понимали язык как систему знаковых отношений. Это антисубстанционизм или релятивизм. [Панфилов 1977 :60]. Это примат отношений, а не субстанции, но и субстанция сводится к отношениям. Значение понимается как отношение между знаками. Теория языка как сети отношений несовместима с марксистско-ленинской философией, поскольку лингвистика отрывает отношения от материи. Материя исчезла, остались одни отношения. [Панфилов 1982 : 74 - 76].

Например, марксистские лингвисты убеждены, что слова – это те же предметы и вещи о которых говорит Маркс. Действительно, слово – это вещь материальная, как и вся материя, т.е. физические звуки и чернильные крючки. В таком случае оказывается, что сами по себе эти языковые звуки и буквы – то же самое, что и реальные предметы, что и скрип немазаных колёс, что и удары грома, что и китайские иероглифы для русского – это абстракционистские материальные картинки. Однако, в отличие от разбросанных на дороге камней, слово приобретает смысл «слова», т.е. статус языкового знака, если оно не просто предмет, а предмет, указывающий на другой предмет, т.е. материя слова в мозгу индивида превращается в её идеальный образ (фонему), а внешний предмет превращается в его идеальный образ (понятие). Но фонемы и понятие в этом слове мы опознаём не как беспорядочно валяющиеся на земле предметы, а только в определённом структурном оформлении, т.е. в синтаксическом и морфологическом употреблении этого слова. Следовательно, мы должны учитывать тот факт, что языковой знак и внешний предмет – разные вещи, следовательно, взаимоотношение между значениями слов и их грамматическими формами мы не уподобляем взаимоотношению кирпичей на свалке.

Чесноков пишет, что не следует преувеличивать значения релятивной стороны, т.е. отношений между единицами, иначе создаётся впечатление, будто отношения между единицами и обусловливают их внутреннюю природу. В действительности же отношения тождества и различия есть лишь проявление внутренней природы самих единиц. Эти отношения обусловливаются внутренней природой, а не наоборот. [Чесноков 1966 : 202]. Зададим вопрос: что такое «внутренняя природа слова», например, простейшего и самого частотного слова *дом* ? Кажется, ясна эта природа: *Здесь строят новый дом*. А какова внутренняя природа этого же слова в словосочетании: *дом отдыха, дом офицеров, дом культуры, дом архитектора, дом художника, публичный дом, торговый дом, разбудить весь дом, пришли всем домом, космонавты обживают свой дом, Дом Романовых, не все дома ?* Априорно, вне струкруры словосочетания заявленная «внутренняя природа» слова *дом* рассыпалась. Так происходит со всеми словами, особенно с многозначными словами.

На основе синтагматических связей, считают марксистские лингвисты, невозможно определить значение, т.е. язык стал не орудием мышления, а произвол в

отражении мира. Они не поняли взаимоотношения материального и идеального, хотя эта проблема является главным вопросом марксистской философии. Ведь знаковое значение, условно, ассоциативно отражённое в сознании, зависит от системности, структурности знака, от его значимости в системе других знаков. Все знаки, начиная от низших (звук) и кончая высшими (слова, предложения) построены и работают лишь в составе более высоких по сравнению с ними структур. Слово *поставить* (*стул, спектакль, вопрос*) никто и никогда не видит и не слышит сразу с тремя значениями, свойственными этому слову в трёх разных предложениях. Оно в сознании русского человека соотносится с чем-то одним. А это «одно» и находится в соответствующем окружении этого слова, в соответствующей синтаксической структуре. Это и есть значимость данного знака.

Комментируя слова Маркса об отношении свойств реальных предметов и их отношений, Панфилов перенёс их на почву языка, на объекты принципиально иного свойства, нежели реальные предметы. Эти отношения, по Панфилову, если в определении свойств предметов их считать главными, содержат в себе, по его мнению, логическое противоречие: « ... как н е ч т о, само по себе не обладающее какими-либо свойствами, тем или иным качеством, может так воздействовать на другое н е ч т о, находящееся с ним в определённых отношениях, что создаёт качество этого, второго н е ч т о ...» [Панфилов 1982 : 73]. Панфилов так и не понял, что он здесь повторил ту же идею Маркса о «соотношении вещей», а не языковых знаков.

Действительно, разделим недоумение Панфилова, хотя недоумевать здесь не из за чего. Он пишет, во - первых, об обычных материальных вещах, а не о языковых знаках, но переносит свойства вещей на языковые знаки. Во - вторых, он априорно приписывает слову самостоятельное значение вне всякой структуры, заявляя, что если у слова есть значение, то оно его не получит и в структуре. Это означает, что, например, слово *коса*, якобы уже вне текста обладающее значением (это только кажется – «вне текста», а на самом деле любой, знающий этот язык, сразу же вставит слово *коса* в наиболее близкую и понятную ему структуру), не «получит его и в структуре». И вдруг его приобретает – это и *инструмент, и волосы, и отмель*. А слово *соль* ? Это и *соль*, которой *солят суп*; это *соль общества*; *соль анекдота*; *соль вопроса; сыпать соль на рану; водить хлеб – соль с кем-либо*. Вот здесь первое Панфиловское н е ч т о, имеющее якобы независимое от структуры предложения значение (уже первое Панфиловское *нечто* порождено не самим этим *нечто*, не самим собой, а только в структкре других слов), получает своё значение всё-таки в структуре, т.е. в окружении, в ситуации, в грамматике, в коих нет никакого понятия *косы* и *соли*, наделили эти слова, т.е. другие н е ч т о соответствующими идеальными образами – значениями. Свойства каждого слова обнаруживаются не в них самих, а в их отношениях с другими словами.

Все значения слова *коса*, как и все значения слова *соль* в уме всё равно рождаются в типовых для них конструкциях, и мы помним обычно главное из них, типовое, наиболее частотное. А слова с многими семантическими значениями (предлоги, союзы, частицы) требуют явно выраженной ситуации. Следовательно, даже наиболее частотные слова, существительные, не могут быть не привязанными к отношениям с другими словами, т.е. к ситуации, к соответствующей синтаксической конструкции.

Марксистское понимание языкового знака и значения, и языка в целом, пишет Панфилов, противопоставляется их релятивистской трактовке. Но принцип произвольности языкового знака, вопреки мнению Панфилова, как раз и зиждется

на этом «релятивистском» истолковании природы языка. Произвольность, условность, немотивированность есть единственное свойство знака и языка в целом, сделавшего знак знаком, язык языком, а человека человеком. Значение знака, или то, что марксисты называют «субстанцией» языка есть результат т о л ь к о внутрисистемных отношений с другими единицами и язык в целом сводится к реляционному каркасу. Следовательно, языковое значение не есть образ предметов внешнего мира, не отражает их, а есть знаковое по своей природе, есть лишь название предмета, указание на предмет, абстрактный образ которого или его идеальный образ хранится в мозгу.

В марксистской философии рассматривают категорию «отношения» как «отношение материальных вещей, событий, фактов», т.е. отношения, при которых вещь не теряет своих свойств, а лишь выявляется в этих отношениях. Это, действительно, субстанциональный подход. Но это относится только к материальной природе и к языковой системе никакого отношения не имеет. Этот субстанциональный подход и взяли на вооружение марксистские лингвисты, отбросив «отношения», перепутав идеальные сущности, на основе которых и существует язык, с внеязыковой, материальной, вещной действительностью.

Поэтому фонемы для них, образующие понятия, лежащие в основе слов, не результат внутрисистемных фонологических противопоставлений как пучок дифференциальных признаков, а субстанция, живущая вне системных отношений. Но значение знака – не субстанция, а идеальный образ субстанции, так как он есть результат отражения фактов и явлений действительности, который находится в сознании человека не в своей природной материи, а в идеальной, логической форме. Нельзя говорить о субстанциональном характере значения, ибо значение не есть нечто, существующее в материальном знаке и зависимое от него**.**

Большинству лингвистов понятно, что языковой знак – произволен, органически не связан с внешним объектом и не отражает его свойств. Но если знак произволен, его значение не спаяно наглухо с предметом, то и в структуре себе подобных он остаётся произвольным. Но по какому признаку можно определить его ассоциативную связь с внешним предметом ? Только в структуре предложения, в системе языка. Именно в основе «значимости», структуры заложено свойство знака – его произвольность. На основе значимости понятие должно неизбежно рассматриваться только в его отношении к другим компонентам языковой системы. Отсюда следует, что произвольны не только материя знака, но и идеальное значение отражаемого предмета, находящееся в сознании. Эти идеальные образы соответствуют понятиям, следовательно, они так же как и материя знаков, – условные, дифференциальные, т.е. определяются не положительно, согласно своим содержаниям, а отрицательно по отношению к прочим элементам системы. Они характеризуются именно тем, что они – не то, что другие. Если произвольна материя знака, то произвольным должна быть и её связь с ассоциативным понятием внешнего предмета, которое находится в сознании.

3) Знаковая система зависит от действительности, она подобна этой действительности ?

Когда Панфилов пишет, что знаковая система зависит от действительности, то это значит, что знак не условен, не замещает вещи, а подобен им, следовательно, язык не есть структурное образование. Теория субстанциональности языковой структуры, зависимости знаковой системы от предметного мира означает, что эта теория языка противоречит понятию знака. Ведь знак представляет,

замещает нечто, находящееся вне знака и знаковой системы, которой он принадлежит, он не похож на замещаемые предметы, и с ними никакими нитями не связан.

Чесноков пишет, что нет знаковой системы, замкнутой на самой себе. Так как невозможна система отношений без соотносимых объектов и так как неосуществимо познание отношений между вещами без предварительного знания самих вещей, из которых могут быть извлечены отношения, то логические отношения должны опираться на опытные данные. Поэтому несостоятельно стремление некоторых лингвистов представить структурную лингвистику как единственное современное направление в языкознании. Структуралисты неверно понимают «соотношение внутренних и реляционных свойств элементов языка и сводящую сущность языковых единиц к их внешним отношениям» [Чесноков 1970 : 144 - 145]. Ломтев пишет: в значении слов есть свойства, зависящие от системы языка, они определяются отношением между значением слова и действительностью. Система языка имеет важное значение в формировании значения слова. Но она не создаёт, а лишь видоизменяет его, не превращая его из отражения объективной действительности в знак. [Ломтев, ВФ, 1960, № 7 : 133]. «Теория отношений отрывает язык от действительности и заводит языкознание в тупик». «Когда первичным считают отношения, то этот философский структурализм заводит науку в тупик» [Филин 1982 : 27]. «Попытки дематериализовать язык, представленные как общий принцип языкознания, для нас неприемлемы. Релятивизм, как таковой, является одной из разновидностей идеализма» [Там же : 65]. « ... Не отношения порождают субстанцию (из ничего не получится ничего), а бесконечно разнообразная языковая субстанция обусловливает наличие весьма сложной сети связей между её элементами» [Там же : 76]. Связи между общественными функциями языка и языковой системой не являются случайными. Общественные функции языка влияют на его структуру непосредственно или опосредовано [Там же : 127].

Отдельные представители структурализма называли «Капитал» Маркса в качестве одного из первых образцов разработки понятия структуры в социальных науках. Но в языкознании, как пишет Мельничук, проявилась идеалистическая сущность лингвистического структурализма как методологического направления, этим и определено отмежевание марксистского языкознания от структурализма» [Мельничук, СЛЯ, 1983, № 3 : 201]. По Мельничуку, только материалистическое понимание языка может спасти языкознание от идеализма структурализма. Он пишет: «Язык – это знаковая система, все элементы которой существуют прежде всего в силу общественной необходимости и обозначения различных внеязыковых фактов объективной действительности и сознания и только как таковые вступают между собой в различные внутренние отношения, образуя структуру языка» [Мельничук 1970 : 69].

Диалектический принцип всеобщей связи предполагает, что язык, как и все явления, подвержен влиянию, в том числе влиянию нелингвистических факторов, и прежде всего человеческого мышления. Поэтому структурализм, признающий лишь структуру главным, отбрасывает всеобщую связь. Они абсолютизируют роль отношений и тем самым отрицают связи языковых явлений с неязыковыми. [Панфилов, ВЯ, 1975, № 3 : 31]. «Структуралисты рассматривают язык не как орудие абстрактного, обобщённого мышления, и в сознании человека отражается действительность, а как явление, определяющее характер, тип мышления, его логический строй и результаты познания. Это неопозитивизм [Там же : 32]. Далее

Филин: «Для всех этих течений характерна общая черта – возведение языка как системы знаков, в абсолют, своеобразную магию языка» [Филин 1970 : 9].

В языке отношения иные, чем между предметами. Однако надо отметить, что отношения вещей и их субстанция не то, что отношения слов и их субстанция (семантика): это более сложное явление и никто из классиков нам не дал рецепта на этот счёт. Маркс и Энгельс рассматривают отношения материальных вещей, а в языке – не просто материальные вещи, но такие материальные вещи, которые поступают в мозг и выходят из него уже не как материя, а как их идеальные образы. А без идеальных образов нет мышления, нет и человека. Происходит ли нечто подобное с материальными вещами ? Нет. Серебренников верно пишет: «Почти все наши критики структурализма глубоко убеждены, что отношение между вещами это то же, что и отношение между словами» [Серебренников 1983 : 259]. И далее: « ... отношения между словами в языке более абстрактны по сравнению с реальными отношениями, существующими между различными вещами» [там же: 261].

Итак, во-первых, реальные, материальные вещи – это не реальные слова (реальное в них лишь материя звуков, букв, т.е. это и есть материальные вещи), между ними, как говорят в Одессе, «две большие разницы». Вещь – ф и з и ч е с к а я субстанция (*камень, дерево*), слово (*камень, дерево*) тоже ф и з и ч е с к а я субстанция. Но слово – материальный знак чего-то, главное в нём не то, как оно звучит или пишется (любым словом может быть обозначен любой предмет), а то, какова структура фонем этого звучания, чтобы его можно было отличить от других звучаний, т.е. структура а б с т р а к т н ы х единиц, которая оповещает о логическом понятии, локализованном в мозгу. «Название есть отличительный знак, становящийся представителем предмета» [Ленин т. 29 : 74]. Действительно, слово – не предмет, а лишь п р е д с т а в и т е л ь этого предмета, именно и д е а л ь н ы й (но не материальный !) представитель предмета. «Речь, посредством которой должно быть сообщено о том, что есть, не является тем, что есть, – то, что сообщается, это н е с а м ы й п р е д м е т (разр. моя – А.К.), а только речь» [Ленин т. 29 : 246]. Следовательно, если «свойства данной вещи не возникают из её отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении» [Маркс, Энгельс т. 23 : 67], то тем более язык – не набор разрозненных материальных слов, а сложная структура, система взаимодействующих и взаимосвязанных слов: каждое слово имеет своё, строгое место в этой структуре, тем более аналогичное слово во всех остальных языках.

Во-вторых, прислушаемся ещё раз к голосу Маркса, Энгельса, Ленина: а) « ... люди дают названия целым классам этих предметов, которые они уже отличают на опыте от остального внешнего мира» [Маркс, Энгельс т. 19 : 377 - 378]. б) «Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с её природой» [Маркс, Энгельс т. 23 : 110]. в) «Вещь имеет свойство, состоящее в том, чтобы производить в другом то или иное (действие – А.К.) и обнаружить себя своеобразным способом в своём отношении к этому другому» [Ленин т. 29 : 134]. Эти три тезиса Маркса, Энгельса, Ленина (а, б, в), в которых понятия «вещь», «предмет» могли бы быть заменены понятиями «слово», «знак», обозначают главенствующее свойство языка как с т р у к т у р ы или «о т н о ш е н и я» взаимодействующих единиц (слов, знаков), а не их с у б с т а н ц и ю.

4) Идеальная сторона языка не произвольна, она отражает действительность ?

Панфилов считает, что Соссюр сводит идеальную сторону языковых единиц к значимости, что идеальная сторона языковых единиц произвольна, т.е. она не

является результатом отражения действительности, ибо она – продукт системных отношений. [Панфилов, ВЯ, 1975, № 3 : 34]. Если идеальная сторона слова тоже имеет знаковую природу, пишет Панфилов, то это логически вытекает из той концепции сущности языка, согласно которой языковые единицы есть продукт тех отношений, в которых они живут в языковой системе и порождается этими отношениями. Это есть отождествление значения с отношением между знаками. [Панфилов 1982 : 68 - 69]. Панфилов отрицает понятие «значимости» Соссюра, потому что она сходна с дистрибутивным анализом, согласно которому для определения значения слова и других уровней достаточно учесть дистрибуцию этих языковых единиц, т.е. их окружение. По Панфилову, языковое значение невозможно определить на основе синтагматических связей. Следовательно, идеальная сторона языковой единицы не может рассматриваться как продукт её отношения с другими языковыми единицами. Идеальная сторона языковой единицы имеет ту же природу, что и содержание абстрактного, обобщённого мышления, формируется в связи с отражением объективной действительности, есть её образ и не может рассматриваться как знаковая по своей природе. [Панфилов, ВЯ, 1975, № 3 : 35].

По Панфилову, практика лингвистических исследований и опыт машинного перевода показали, что языковое значение невозможно определить не только на основе учёта синтагматических связей, но и всей совокупности системных связей соответствующих языковых единиц, и что, следовательно, идеальная сторона языковых единиц не может рассматриваться только как продукт её отношения с другими языковыми единицами. [Панфилов 1982 : 87]. Язык, по Соссюру, как система значимостей, сводимая к сети отношений, определяет наше мышление, так что все возникающие в мышлении разграничения (понятия, суждения) есть не результат отражения действительности, а результат воздействия на него языка. [Панфилов 1977 : 77].

Будагов считает, что значения слов имеют абсолютные свойства, не зависящие от системы языка. Значение определяется отражением объективной действительности, а система языка лишь оформляет и видоизменяет содержание значения. «Для всякого русского человека прилагательное, например, *красивый* имеет определённое значение не только потому, что оно соотносится с прилагательным *некрасивый* ..., но и «само по себе», как слово русского языка, имеющее определённое значение». [Будагов, ВЯ, 1978, № 4 : 7]. А Серебренникова уже и теория «субстанции» не устраивает, он идёт дальше, и рассматривает значения слов не как отражения реального мира, а «как порождение человеческой фантазии», тем самым неосознанно указал на действительно условный знаковый характер языка, в котором все его единицы познаются только в системе: смерть *пожинает* свои плоды; солнце *скрылось* за горизонтом; река *играет*; *промчались* годы. [Серебренников 1988]. По Абаеву, соотнесённость фактов языка с фактами опыта и объективной действительностью – самый существенный. Язык, его общественная ценность держится не на внутренних корреляциях, а на корреляциях с данными опыта. [Абаев, ВЯ, 1965, № 3 : 29].

Ссылка Панфилова на то, что значение слова есть отражение действительности, и стало быть слово в любом его значении не нуждается в какой-то дополнительной структуре, есть типическое заблуждение некоторых лингвистов, будто знаки *стол, стул* отражают свойства этих предметов. Отброшено основное свойство знака – его условность, немотивированность, отсутствие в знаках свойств отражаемых предметов.

Самым убедительным фактором реальности теории релятивизма, относительности в языковой системе служат классификации слов по частям речи в разных языках. Нет ни одного слова вне этих частеречных систем. Если слово принадлежит к какой-либо части речи, то оно уже a priori наделено какими-то определёнными морфологическими и синтаксическими признаками. Если в языке рождается новое слово, независимо от того, как оно произошло, оно одновременно снабжается также его морфологическими и синтаксическими формами.

5) «Субстанция» и «отношения» – взаимозависимы и взаимообусловлены ?

Правда, представители марксистского языкознания допускают и фактор «системности», «отношений». В формировании идеальной стороны языковых единиц, пишет Панфилов, играет также фактор системности, в связи с чем в ней, наряду со значением, результатом отражения объективной действительности, следует выделять значимость как результат действия фактора системности. [Панфилов. ВЯ, 1975, № 3 : 35 - 36]. На лексическом уровне в конституировании идеальной стороны единиц, т.е. значений, главную роль играет фактор отражения объективной действительности, хотя ей свойственны также реляционные моменты. В отражении действительности, в формировании идеальной стороны языковых единиц известную роль играет фактор системности языковых явлений, поэтому наряду со з н а ч е н и е м , как результатом отражения объективной действительности, Панфилов выделяет и з н а ч и м о с т ь как результат действия фактора системности. [Панфилов 1977 : 81 – 82; 1982 :89].

Марксисткие лингвисты, ссылаясь на классиков марксизма, отвергали «отношения» в структуре языка как идеалистические. Но теперь они, ссылаясь на тех же классиков, определяют «субстанцию» и «отношение» как равноправные составляющие языка.

1) «О телах вне движения, вне всякого отношения к другим телам, ничего нельзя сказать [Маркс, Энгельс, т. 33 : 67];

2) Вещь в себе есть абстракция от всякого определения, отношения к другому, т.е. ничто ... В жизни, в движении всё и вся бывает как «в себе», так и «для других», в отношении к другому, превращаясь из одного состояния в другое» [Ленин т. 29 : 57].

3) «Всякая конкретная вещь, всякое конкретное нечто стоит в различных и часто противоречивых отношениях ко всему остальному, ergo … бывает самим собой и другим» [Там же : 124].

4) «*С о в о к у п н о с т ь всех* сторон явления, действительности и их (взаимного) *о т н о ш е н и я* – вот из чего складывается истина [Там же : 178].

5) «Теоретическое познание должно дать объект в его необходимости, в его всесторонних отношениях, в его противоречивом движении ...» [Там же : 193].

6) «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и опосредования. Мы никогда не достигнем этого, полностью, но требование всесторонности предостерегает нас от ошибок и от омертвения» [Ленин т. 42 : 290].

Эти высказывания классиков марксизма говорят об одном: важны как субстанции, так и их отношения между вещами и предметами, вне зависимости от того, существует ли в мире человек, или не существует. В этом и заключается диалектика движения материи. Всё это, конечно, неоспоримо, если под субстанцией разуметь внешние материальные предметы и их взаимоотношения. Но идеальные

образы знаков находятся не в мёртвой природе, а в живой природе мозга. В данном случае лингвисты говорят об этом же, но не о внешней, природной материи, а о языке, который есть не столько материальное, сколько идеальное, и без реального существования идеальной формы в нейронах мозга нет человека.

Но роль значения (субстанция) и значимости (отношения) в конституировании идеальной стороны языковых единиц, пишет Панфилов, различна на различных языковых уровнях. Часть морфем полностью лишена значения, их идеальная сторона сводится к значимости. В других морфемах фактор отражения играет основную роль (число у существительных, время у глаголов). Но есть морфемы, идеальная сторона которых образована фактором отражения и системностью. На более высоком уровне – лексическом в конституировании идеальной стороны определяющую роль играет фактор отражения действительности, хотя могут быть и реляционные моменты.

Таким образом, пишет Панфилов, методологическая несостоятельность структуралистов состоит в абсолютизации относительной самостоятельности языка в его отношениях к мышлению, в абсолютизации фактора системности языка и реляционных свойств, которые присущи языковым элементам. [Там же : 90 - 91]. «Отношения реально существуют, но лишь постольку, поскольку есть отношения вещей. ... Не существует отношений помимо вещей, но не существует и вещей, их свойств вне их отношений» [Там же : 73]. «С позиций диалектического материализма отношение – это всегда отношение вещей по какому-либо свойству, присущему каждому из них. Не существует отношения вне отношения вещей [Панфилов 1977 : 60 - 62]. Связи не существуют в пустоте, их нельзя отрывать от предметов материального мира, от природы явлений ...» [Филин 1982 : 25].

Всякое отношение существует между чем-то и чем-то. Если нет этого «чем-то и чем-то», то нет и отношения. Во всяком знаке есть то, что не есть отношение, он не сводим к отношениям. Система отношений предполагает члены отношения. Но эта «система отношений» есть отражение того или иного предмета, следовательно, нет никакой системы отношений внутри знака или между знаками. Знак вещи не пустая форма, он наполнен содержанием, которое он позаимствовал от той связи, знаком которой он является. [Лосев 1995 : 66 - 67].

Но значимость Соссюра включает и значения: каждое средство есть именно такое не потому, что оно само по себе такое, а потому, что окружается значениями других слов, отличных от первых. Все объекты познания характеризуются связанностью, взаимообусловленностью, все они структурны по своей природе. [Чесноков 1966 : 109]. Природа единицы состоит в его отношении к какому-либо факту мышления. Но сущность единицы не только в её внутренней природе, но и в системе других явлений этого же порядка. Внутренняя природа других единиц также состоит в их отношении к определённым фактам мышления. Следовательно, сущность языкового факта характеризуется его прямым отношением к соответствующему мыслительному факту, так и к другим фактам мышления через другие факты языка [Там же : 207].

«Признавать имманентные отношения между элементами языковой системы нужно и полезно. ...Всякая действительность (в том числе и язык) целиком сводится к отношениям, так сказать, растворяется в них. На самом деле отношения составляют лишь одну из сторон действительности (включая и язык), и их познание необходимо в той мере, в какой раскрытие одной из сторон предмета способствует познанию предмета в целом» [Ветров 1973 : 13 - 14].

В языковой структуре закономерные отношения между её компонентами устанавливаются на основе реальных качеств этих компонентов. Эти качества есть основа для её дальнейшего развития, которое осуществляется в соответствии с особенностями данной структуры. Между тем и другим устанавливаются отношения взаимозависимости. [Звегинцев 1962 : 74].

Если полагать, что знак не имеет значения вне контекста и получает его только в контексте, то мы допускаем, что значение знака есть его функция и всецело определяется контекстом. Если считать, что языковой знак отражает объективную действительность, то мы признаём, что значение знака обладает собственной природой, а контекст лишь уточняет значение слова, но не определяет его. Таким образом, не контекст определяет значение слова, а, напротив, значение слова определяет контекст. [Ломтев, ВФ, 1960, № 7 : 131].

Каждый компонент системы имеет свои внутренние признаки, независимые от системы, но находясь в системе, отдельный компонент приобретает и реляционные свойства как результат его взаимодействия с другими компонентами. Элементы любой системы настолько определяются системой, настолько они сами определяют её. Каждый элемент в шахматной игре является таковым именно потому, что он отличен от других, но и в силу своих внутренних свойств. Если бы он сам по себе был иным, то и отношение других элементов к нему было бы иным. Ладья – 2-я фигура в игре по боевой силе не только потому, что она по боевой силе вторая фигура в игре, но и в силу своих собственных качеств. Если она станет 1-й фигурой, то это приведёт к изменению реляционных признаков других фигур. «Всякая система, таким образом, есть единство абсолютного и относительного. Точно так же и в языке: каждое слово особо потому, что не есть другое. Язык есть сложная система средств общения и их значений, но именно в силу этого он не может быть чистой формой, голой структурой, а выступает как единство вполне предметных чувственно-материальных фактов и их значений, объединённых закономерными отношениями. [Чесноков 1966 : 111 - 112].

Но марксистские лингвисты оставляют лазейку: какие ещё качества имеет ладья, кроме «боевой силы» ? Никаких, сугубо шахматных свойств и «собственных качеств», кроме деревянного, стеклянного, фарфорового материала, из которого шахматная фигура сделана. А материя шахматной фигуры не имеет никакого значения, ибо не относится к правилам шахматной игры. Вместо «крепостной башенки», как обычно выглядит ладья, можно на её место положить пятак, т.е. придать ему те же структурные свойства, т.е. «боевую силу» ладьи, и этот пятак будет точно так же работать, как настоящая ладья. Мало заметная лазейка сбивает с толку легковерных лингвистов.

Как мы должны фактически понимать взаимоотношение «субстанции» и «отношения» ? Некоторые марксистские лингвисты полагают, что важно и то, и другое, и субстанция и отношения, в которых живёт субстанция, Item per item, т.е. яйцо и курица и первичны, и вторичны одновременно. Это положение, проецируемое на язык, по мнению Будагова, значит: значения отдельных языковых единиц существуют объективно, хотя многообразия их свойств обнаруживаются в с и с т е м е языка. [Будагов, ВЯ, № 4 : 1978]. Этого быть не может, потому что этого никогда не может быть: это означало бы, что знак не условен, а обязателен для данной вещи, есть её необходимая сущность. Это ещё раз подтверждает Соссюровскую формулу знака, что язык есть форма, а не субстанция. Язык – лишь метка для соответствующих категорий мышления, вот оно и решает все проблемы

материи и содержания в знаках, вплоть до того, что изобрело сотни различных по семантико-грамматической структуре языков.

Но теорию Маркса о том, что «свойства данной вещи не возникают из её отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении», невозможно перенести на язык. В языке нет соотношений «двух физических тел» самих по себе, между этитми «телами», т.е. материальным знаком **(1)** и внешним предметом **(4)** стоят два идеальных, логических образа – от знака , его материи, т.е. фонема **(2)**, и от внешнего материального объекта, т.е. понятие **(3)**. Прямое соотношение двух физических тел реально только в природе, в языке же нет прямого соотношения двух физических тел, т.е. между уровнями в знаке **(1)** и **(4)**, между ними лежит посредствующее звено в виде двух идеальных образов – от знака **(1)** и от реальной вещи **(4)**.

Если между двумя физическими телами нет промежуточного звена в виде идеальных образов этих физических тел, то это уже не язык, коммуникация не может осуществиться, ибо никакая внешняя материя в мозгу жить не может, она прежде должна получить статус идеального образа. Реальный язык существует только в виде системы четырёхуровневых материальных знаков – два материальных крайних уровня (чувственное мышление в виде двух чувственных образов – материальный знак и материальный предмет) и два идеальных средних уровня (абстрактное, логическое мышление в виде двух идеальных образов – фонемы и понятия).

Если приложить формулу Маркса к языку («Свойства вещи не возникают из её отношении к другим вещам, а лишь обнаруэиваются в этом отношении»), то в данном случае мы пытаемся построить язык только на уровне чувственного мышления, на непосредственном восприятии двух материальных предметов – материи знака и материи внешнего объекта. Такой язык реально не существует и существовать не может. Реальный человеческий язык существует исключительно в виде двух абстракций – от слова *дерево* (фонемы), и от реального предмета *дерева* (понятие). Звуки и буквы воспринимаются собеседником только в обобщённой, абстрактной форме в виде их идеальных, мысленных образов.

Да, действительно, субстанции и их отношения друг с другом взаимодействуют и в реальном мире, и в языке. Но только с огромной разницей между ними: в реальном мире взаимодействие между двумя материальными объектами на этом и заканчивается. Это ещё не язык, ибо в нзыке два материальных тела взаимодействуют друг с другом не непосредственно, а через промежуточное идеальное звено. Между двумя материальными предметами стоят два их идеальных, абстрактных образа – от звука или буквы и от предмета. В языке чувственная форма мышления переходит в абстрактную или логическую форму, т.е. человек начинает воспринимать мир и завершает это восприятие чувственной формой своего мышления, а между этими двумя противоположными полюсами в мышлении лежит понятийное, абстрактное мышление – от знака (фонемы) и от предмета (понятие), служащие мостиком между знаком и предметом, языком и миром.

Продемонстрирую взаимоотношение «субстанции и отношения» на наглядном примере. Щерба показал «грамматическую структуру», т.е. «отношения» в предложении: *Глокая куздра штеко будланула бокрёнка*. Все члены предложения и части речи здесь видны через грамматическую структуру, но нет ни одного слова с понятным для нас, русских, семантическим значением. Здесь в чистом виде отражены все отношения, но нет «субстанций». Почему ? Потому что знаки,

обрузующие эту конструкцию, не соотнесены ассоциативно в сознании человека с каким-либо объектом, вещью Такое предложение есть воплощение грамматических отношений, не отягощённых никакими семантическими значениями, «субстанциями». Такие предложения не могут быть фактом языка, так как они ничего не выражают, не сообщают. Они находятся вне связи с суждениями, в отрыве от которых не может существовать предложение. С точки зрения своей функциональной значимости они равны нулю. Они не обладают реальными языковыми качествами, они находятся за пределами языка. Это – структура чистых отношений. Поэтому, по мнению Звегинцева, *глокая куздра* остаётся лингвистическим гомункулусом. [Звегинцев 1962]. Почему ? Звегинцев не досказал: потому что в сознании человека нет никакой *куздры, будланути, штеко*, потому что мы не договорились с данным народом, на языке которого написано это Щербовское предложение, к каким предметам, признакам, свойствам предметов отсыылают эти условные знаки. Эти структурные формы надо заполнить мыслями, которые находятся не в самой материи слов, а в сознании человека в виде логических абстракций. А так как они абстрактны, находятся в сознании, то их реализовать вовне мозга можно только в определённых структурах.

Но верно и обратное – если мы под того же Щербовского гомункулуса подведём аналогичную структуру, состоящую лишь из семантических субстанций, то мы получим следующее: *слабо, комната, тусклый, освещать, лампа*. Я пишу «из семантических субстанций», хотя на самом деле уже в отдельных словах, вне их синтаксических функций, присутствует также морфологическая форма: наречие; ж. род, им. падеж; м. род, им. падеж; инфинитив глагола; ж. род, им. падеж; наречие.

Как из первого «грамматического» предложения, так и из второго, «семантического» предложения мы кое-что понимаем, догадываемся. Но это не язык, не средство познания и коммуникации. Теперь объединим оба «гомункулуса», т.е. наполним Щербовские грамматические формы реальным смыслом, который живёт не в словах, а в голове. Мы получим истинное суждение, представленное семантико-грамматической структурой: *Тусклая лампа слабо освещала комнату*. На её фоне мы видим то, что я сказал выше: мы получили не две реально взаимодействующие физические субстанции, что имели в виду марксистские лингвисты, а одно абстрактное логическое суждение, строевыми элементами которого являются отдельные языковые знаки с их внешне выраженными материальными **(1)** и в мозгу закодированными их идеальными образами (фонемами) **(2)**, которые по психической ассоциации вызывают идеальные образы внешних предметов (суждений) **(3)**, которые, в свою очередь, восстанавливают их чувственные образы, переходя на «нижний этаж» мышления – в чувственные образы **(4)**.

Некоторые лингвисты высказали мысль о различной степени семантической зависимости разных типов слов от грамматической структуры языка. Например, в словах, выражающих понятие предметности (автосемантические слова), номинативная функция преобладает, в противоположность синсемантическим словам (предлоги, союзы, частицы). Это лишь кажущееся различие. Мы до того привыкли к предметным словам (*дом, стол, дерево*), что уже не замечаем, что они – те же условные знаки и не выражают свойств ни *домов*, ни *столов*, ни *деревьев*, что они тоже живут в определённых грамматических структурах, хотя по отношению к ним мы выработали автоматизм их бессознательного употребления, не задумываясь, в каких структурах мы должны употреблять эти слова. В родном языке мы

употребляем слова почти автоматически, но только до тех пор, пока не столкнёмся с «муками слова».

6) Итак, «субстанция» или «отношения» ?

Вот два высказывания Маркса: « ... Способность вещи есть нечто внутренне присущее вещи, хотя это внутренне присущее ей свойство может проявляться только ... в её отношении к «другим вещам». [Маркс, Энгельс, т. 26, ч. 3 : 143]. « ... Свойства данной вещи не возникают из её отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении ...» [Маркс, Энгельс, т. 23 : 67]. Эта теория Маркса ввела многих лингвистов в заблуждение. Маркс пишет о взаимоотношении двух материальных тел, каждое из которых ещё до их взаимных отношений и м е е т с о б с т в н н о е к а ч е с т в о , и о н о н е м е н я е т с я , оно лишь п р о я в л е т с я в их взаимноим отношении.

Если эту формулу применить к языку, то это означало бы, что любое слово в языке имеет своё сбственное качество, т.е. з н а ч е н и е и оно не м е н я е т с я при соприкосновении с другими знаками, а лишь в ы я в л я е т с я это их качество, т.е. его значение остаётся неизменным. А это и есть свидетельство того, что заранее приписанное слову з н а ч е н и е всегда должно быть постоянным, независимым от структуры предложения. В таком случае смысл знаков независим от любой другой структуры предложения, он постоянен и, следоательно, уже не условный знак, а значащий символ, самостоятельно отражающий мир. Мой язык есть мой мир.

В языке нет знаков, свободных от структурных отношений с другими знаками. Если мы представим себе роман «Война и мир» в виде свободного набора отдельных слов, каждое из которых имеет своё собственное, постоянное значение, и лишённое грамматических форм (хотя и здесь мы не можем назвать ни одного слова без указания на его принадлежность к какой-либо части речи, т.е. на его морфологические формы – род, число, паде, время в русском языке), то мы не получим романа. К таким словам относятся прежде всего неизменяемые или синсемантические слова. Каждое слово знаменательной (автосемантической) части речи, например, русского языка, уже в своём понятия указывает на свою зависимость от системы, ибо он наделён своими грамматическими (морфологическими, синтагматическими, словообразовательными) формами. Каждое вновь рождающееся слово, как номинативный знак, есть условный, произвольный знак какого-то предмета, действия, качества, признака, и, будучи употреблённым в потоке речи, должен иметь в ней своё твёрдое место по отношению во всем другим знакам. Это и есть строгие грамматические правила, правила взаимоотношений знаков между собою, которые не может обойти ни один знак. Вот какую роль играют языковые знаки, главным свойством которых является их условность, немотивированность, структурность, грамматическая сочетаемость, их способность замещать в сознании реальные вещи через их идеальные образы – фонемы, морфонемы, понятия, суждения, умозаключения. Это и есть следствие того, что знаки произвольны, не мотивированы, не отражают сущности вещей, а являются лишь их внешними этикетками.

Знак условен, органически не связан с предметом, но строго закреплён обществом за определённым предметом и его понятием. Следовательно, чтобы выразить суждение, надо подобрать не просто знаки, но нужные знаки к нужным понятиям, мыслям, суждениям, а эти «нужные знаки», уже априорно наделенные своими грамматическими признаками, поставить в соответствующие

морфологические и синтаксические струкуры. Мысль не выразима без материальных устных или письменных знаков. Чтобы выразить мысль, надо к ней подобрать нужные знаки, что в принципе делается автоматически. Но это не значит, что знаки замещают само мышление, напротив, мышление само выбирает для себя нужные знаки. Уже в словаре каждый материальный знак есть знак, и по его звуковой (буквенной) форме мы определяем понятие. Но так как за одним знаком закреплено множество понятий, то здесь особенно необходим контекст, т.е. структура предложения, семантика составляющих его слов, и даже соседних предложений.

Однозначное слово тоже узнаваемо – по его месту в предложении, его структуре, ударению, связью с другими словами. Структура языка, его компонентов, есть материя, звуковая или буквенная, но за ней стоит идеальное в самом знаке (фонемы), и идеальное в самом материальном внешнем предмете (понятия). Но эти оба идеальные образы находятся в мозгу. Вот эти понятия о предметах структурированы в тексте так, чтобы они были понятны мозгу слушателя и читателя. Если бы знак не замещал вещи, а был бы им подобен, тогда не нужна была бы структура. Но так как знак условен, то для формирования мысли, удержания её и передачи её другому, надо озвучить материальный знак, который, хотя и условен, но строго закреплён за каким-либо понятием.

Итак, что первично в языке – с у б с т а н ц и я, т.е. значения знаков или структурно-грамматические о т н о ш е н и я между ними ?

1) Если мы будем считать главным, формирующим наш язык, з н а ч е н и я знаков, как считают марксистские лингвисты, то это ведёт к отрицанию произвольности, условности языкового знака. Но если это языковой знак, то он не может не быть условным, произвольным, немотивированным.

2) Если мы будем считать главным, формирующим наш язык, з н а ч е н и я, то любой знак обязан быть органически связанным только и только с данным предметом. Каждая вещь, будь она материальная или идеальная, должна иметь отдельный знак. Это бессмысленно, ибо человеческая память ограничена и не может вместить названия всех предметов, связей, отношений, качеств, существующих в мире. Будет разрушена вся сфера языкового сознания человека, ибо его память не безгранична, процессы познания и коммуникации станут невозможными.

3) Если марксистская теория считает главным, формирующим наш язык, з н а ч е н и я и отвергает релятивизм, т.е. структурность языка, значит, язык представляет собой беспорядочное нагромождение слов, наподобие кучи кирпичей.

4) Если мы будем считать главным, что формирует наш язык, з н а ч е н и я, то это означает, что мы наделяем материальные знаки самостоятельной функцией мышления, т.е. значением, которое, однако, локализовано не в самой материи знака, а в сознании человека. Следовательно, мы утверждаем в таком случае, что каждый знак имеет независимое от мозга существование.

5) Если мы будем считать главным, формирующим наш язык, з н а ч е н и я, то в многозначных словах мы не сможем определить, что есть что, какой предмет имеется в виду, например, под знаком *коса* и в тысячах других слов, каждое из которых или многозначно, или может быть употреблено в любой семантической функции.

6) Если мы будем считать главным, формирующим наш язык, з н а ч е н и я, то каждый знак должен быть подобен своей вещи и никакой иной. Это сразу же исключает существование сотен языков на Земле, ибо каждый знак обязан быть или реальным предметом, или его качеством, свойством, которые для всего

человечества – одни и те же. Это означало бы, что человечество имело бы в своих языках столько слов, сколько существует предметов, свойств, качеств, отношений, помноженное на количество языков. Если на «идеалистической, антимарксистской релятивистской» теории стоит произвольный знак (но факт произвольности знака признают и сами марксисты), то, по марксизму, знак в то же время не является произвольным он отражает реальные факты действительности. Тогда позволительно спросить: если знак не произволен, а сросшийся с реалиями действительности и напрямую запечатлевает в себе свойства предметов, то как быть с другими языками, коих немереное число ? Значит у носителей этих языков столько реальных миров, сколько на свете языков ?

7) Если з н а ч е н и е, как считает Панфилов, есть результат отражения действительности и аналогично этой действительности, если каждый знак подобен предмету, то это означает, что значение, понятие находится в материи знака, а не в мозгу человека, хотя мозг произвольно назначил для каждого знака свою, внешне воспринимаемую материю и указал на соотносимый с нею предмет как своего представителя в мышлении, в сознании. Хотя значение знака как его логическое понятие находится в мозгу, однако оно не отражает действительность, а лишь указывает имя соответствующего отрезка этой действительности, чтобы отличать его от других отрезков. А сущность этого отрезка действительности лежит не в самом названии, имени, оно лишь указывает на существование этого понятия и на его место в соответствующем ряду таких же понятий. Сущность вещи познаётся работой мышления, которое, чтобы раскрыть сущность чего-либо, привлекает новые знаки или использует старые, строит из них суждения и умозаключения. Этими вопросами занимаются все прочие науки, кроме языкознания.

8) Если мы будем считать главным, формирующим наш язык, его самостоятельные з н а ч е н и я, независимые от их структурных свойств, то язык был бы уже не язык. Романы, повести, стихи были бы написаны в виде нагромождения отдельных слов, были бы изолированы от общей струкруры, представляли бы собой бессмысленный набор знаков.

9) Если мы будем считать главным, формирующим наш язык, з н а ч е н и я, то язык был бы уже не язык, а реальный мир, язык исчез бы, а вместе с ним и человек. Вот невинные следствия, к счастью только на бумаге, для тех, кто считает субстанцию, т.е. материю знаков и их значения равных самим себе, в самих себе и для себя, вне взаимосвязи друг с другом, считает центром и сущностью языка. Вот такие л о г и ч е с к и е выводы следуют из невинной лингвистической забавы многих лингвистов, рождённой в недрах «марксистской» теории, искажающей сущность языка, вопреки учению своих учителей.

В языке есть и материальное, и идеальное, значения, и они порождены, якобы, не внутрисистемными отношениями, а реальным миром. Тогда спрашивается: в какой форме – материальной или идеальной – находится в мозгу человека материя знаков и внешний предмет ? Только в виде их идеальной абстракции, звуки и буквы в виде фонем и графем, предметы – в виде понятий, суждений, умозаключений. Чтобы удержаться в голове людей, говорящих на сотнях разных языков, эти идеальные образы должны быть строго структурированы, находиться в сложнейших взаимосвязях и взаимоотношениях. Именно поэтому язык, вопреки теории некоторых лингвистов, и есть релятивистский каркас.

Языковое значение, по Панфилову, есть образ действительности, оно не знаковое, не системное, не условное. Если язык – это образ мира, то мир можно познать через устройство языка, следовательно, мы будем иметь столько же миров,

сколько существует языков. Как удержать эту действительность в голове, манипулировать её отдельными частями, передавать её другим и воспринимать её от других ? Великую роль в этом играет языковой знак со всеми его свойствами, главное из которых – его абсолютная условность, произвольность и структурность.

10) Если мы будем считать главным, формирующим наш язык, з н а ч е н и я, то марксистских лингвистов следовало бы назвать научными плагиаторами, ибо за 200 лет до них герой повести Джонатана Свифта «Гулливер», путешествуя по различным странам, обнаружил страну, где люди, не будучи ещё знакомыми с марксистскими теориями, опередили их на 200 лет, потому что для них материя знаков в их языке была единственным, главнейшим признаком их языка – те же реальные предметы, носимые в мешках. Поэтому эти люди не изобрели никаких языковых знаков, а пошли по наилегчайшему пути – использовали для целей коммуникации реальные предметы, носимые их слугами в мешках, демонстрируя их во время «разговоров». Но какой мешок нужен, чтобы вместить весь мир ? Вот в чём сущность языковых знаков а, значит, и всего языка в рассуждениях сторонников с у б с т а н ц и о н и з м а.

11) Если мы будем считать главным, формирующим наш язык, з н а ч е н и я слов, то мы погрязнем во многих противоречиях. Марксистская философия справедливо утверждает субстанциональный подход и считает, что существуют только реальные вещи с их реальными признаками, которые проявляются только в отношениях друг с другом. Вещи первичны к их отношениям, а не отношения первичны к вещам. Однако этот тезис перенесён марксистами в языкознание: семантика рождает грамматические структуры, а не грамматические структуры ведут за собой семантические значения. Но знак, язык в целом, не материальная вещь, он целиком состоит из идеальных сущностей, кроме материи звуков и букв, но и они, будучи необходимыми и неизбежными для жизни языка и человека, живут в сознании лишь в их идеальной форме.

Понятие вещи и её соотношений с другими вещами как нечто материального перенесено в область языка, в область взаимодействия абстрактных сущностей. Действительно, слово – тоже материя и, как вещь, имеет своё значение. Но эта материя – особого рода, она тоже природного свойства, но суть этой материи в том, что она, но уже в идеализированной форме, принадлежит мозгу, сознанию, и без него не было бы ни языка, ни человека, в противоположность реальным вещам и предметам, появившимся до человека и живущему помимо воли человека. Главное в языковой материи состоит в том, что она, будучи материальной, превращается в сознании человека в её двойника, в её идеальный образ. И в то же время этот идеальный образ языкового знака (фонема) становится также и идеальным образом внешнего предмета (понятие) (в модели знака – это уровни **(2)** и **(3)**), т.е. материя языкового знака выступает в сознании человека дважды: и как идеальный образ материи знака (фонема), и как идеальный образ материи внешнего предмета (понятие).

12) Если мы будем считать главным, формирующим наш язык, з н а ч е н и я знаков, то мы должны признать, что фонема – не результат внутрисистемных фонологических противопоставлений, потому что звуки не создаются этими противопоставлениями, а используются лишь для различения звуковых единиц. Но ведь не звуки различают языковые единицы, а их идеальные образы, фонемы, не субстанция, а форма. Налицо – полное отрицание фонемы, фонологии, возврат к дободуэновским временам, к теории «дегуманизации» языка.

13) Если мы будем считать главным, формирующим наш язык, з н а ч е н и я знаков, то мы должны признать, что в материи языкового знака не лежат, кроме его двойного свойства превращаться в сознании и в идеальный образ знака **(2)**, и в идеальный образ вещи **(3)**, ещё два величайших свойства мышления: а) свойство логического обобщения множества однотипных, но индивидуально различных, звуков, букв и б) свойство логического обобщения множества объектов, предметов, понятий под одним материальным знаком, т.е. отрицать многозначность: слово *берёза*, как бы оно не было произнесено или написано, аккумулирует в себе обобщённо идеальные образы всех *берёз* мира, со всеми их индивидуальными отличиями.

Это означаало бы, что в языке имеются три разных материальных знака, например, *коса* (*отмель* на реке, *инструмент* для кошения травы, женские *волосы*). На самом деле это один и тот же знак, обладающий тремя различными логическими понятиями, но распознаваемых в различных лексико-грамматических отношениях, которые и диктуют соответствующие абстрактные образы, т.е. понятия.

Глава 3.

Взаимоотношение языка, мышления, сознания, памяти.

§ 1. Мышление, сознание, память.

Материальной основой процесса мышления служит 1) система материальных нейронных связей в мозгу; 2) физиологические раздражения, идущие в мозг от органов слуха при воздействии на них звучаний речи; 3) физиологические раздражения, идущие в мозг от органов зрения при воздействии на них письменных знаков; 4) кинестетические раздражения, идущие в мозг от органов речи.

М ы ш л е н и е – это материальный процесс функционирования нейронов и преобразование чувственных образов действительности в их идеальные образы на уровне абстрактного мышления. Мышление – это процесс отражения объективной действительности, это сам процесс согласования идеальной модели мира в мозгу с материальным оригиналом, построение его умственной, идеальной, абстрактной картины. Процесс обогащения и перестройки структуры сознания и есть мышление. Процесс мышления как отражение мира не сводится к биохимическим процессам.

С о з н а н и е есть совокупность средств и результатов такого отражения. Мыслительные единицы или логические формы (фонемы, графемы, морфонемы, понятия, суждения, умозаключения) всегда есть единицы сознания, единицы психики, церебральные, мозговые единицы. Сознание – это склад, багаж нервно-мозговых связей, а мышление – выборочное использование деталей этого склада; а

языковой знак – материя, став идеальной, логической формой, обеспечивает мышление про себя и для других, т.е. речь.

Развёртывание речевой цепи – это процесс мышления как развёртывание нашего сознания, позволяющее воспринимать содержание этого сознания и слушателями, и читателями, и самим автором. Языковые знаки – это условное осознание человеком деятельности собственного сознания. Это значит, что мышление – часть сознания, включающего в свой состав помимо идеального процесса мышления, также отображение действительности в иных формах – эмоциональных, эстетических, волевых. Сознание – это орудие мышления, а мышление – это деятельность сознания, его динамика, его функционирование. Можно сказать, как у Гумбольдта, что мышление – это «энергейя», а сознание – это «эргон».

Сознание непрерывно пересматривает свою статическую структуру под воздействием получаемой и осмысливаемой информации. Сознание и мышление противопоставлены как статика и динамика. Мышление – это конкретное функционирование сознания, это динамика переструктурирования сознания по мере познания мира. Разница между сознанием (статикой мышления) и процессом мышления (динамикой мышления) в том, что сознание непрерывно пересматривает свою статическую структуру под воздействием получаемой информации, т.е. результатов функционирования нейронных клеток. Мышление – это конкретное функционирование сознания. Единицы сознания – это структурные образования от низших (фонемы) до высших (умозаключения) логических форм.

Существует мнение, что сознание есть особая идеальная, нематериальная субстанция, принципиально отличная от субстанции материальной, вещной. Однако никакой бестелесной, нематериальной, идеальной субстанции вообще не существует и не может существовать. Её основой является материя. Сознание есть идеальное состояние как продукт деятельности мозга человека, а мышление – это сама деятельность единиц этого сознания. Идеи, мысли суть состояния клеток мозга и комплекса вполне материальных знаков, представленных в мозгу идеально. Сознание является субъективной реальностью, это накопленное отражение бытия, обобщение и личная практика людей в обобщённой, опосредованной форме – в форме понятий. Сознание есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включён и он сам, его действия и состояния, это субъективный продукт, преобразованная форма проявления тех отношений, которые осуществляются деятельностью человека в предметном мире. «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его». [Ленин, т. 29 : 194].

Сознания не существует без языковых знаков, которые, в свою очередь, диалектически предполагают наличие сознания. 1) Сознание как абстракция тесно связано с понятием материального знака, для неё это не просто набор знаков, но система тесно взаимосвязанных со знаками психических процессов, которая не дана человеку как нечто врождённое, а постепенно складывается, развивается, уточняется, обогащается. 2) Формирование сознания – это последовательное развёртывание внешнего мира в мыслительное, идеальное. Ребёнок, научившись говорить, ещё не научился думать отдельно от звучащей речи. Думая, он обязательно разговаривает сам с собой, это процесс превращения внешнего действия во внутреннее можно проследить и при чтении: сначала чтение только вслух (громко, потом шёпотом), потом звуков нет, но есть шевеление губами, а потом и это ребёнку уже не нужно, он читает без внешних проявлений своего чтения. Люди в своей общественной, в речевой деятельности производят и своё сознание.

Прежде всего зададимся вопросом: в чём состоит различие между мышлением и сознанием? В структуре моего сознания заложены мои совокупные знания (со + знание) об окружающем меня мире и обо мне самом, в том числе и знания языка или языков. В материи языка содержится и два абстрактных образа материи знака и материи внешнего объекта (уровни **1**, **4** в модели знака), т.е. два идеальных образа от этих материй (уровни **2**, **3** в модели знака) как отражение этих материй в виде их абстрактных, увловных названий. Это значит, что в сознании нет ничего, кроме самого сознания, имеющего своё «содержание» и свою «форму». От сознания как продукта мышления, его статического состояния, надо отличать само мышление как идеальный процесс отражения мира, процесс, в котором задействованы все элементы сознания и рождаются всё новые и новые факты сознания. Все мои знания о мире и мои отношения к нему хранятся в моём мозгу как моё личное совокупное знание или сознание, которое может быть опознано, осознано, выявлено, систематизировано, «передано» другим людям, эксплицировано только и только в виде звучащего (написанного) языка, или точнее – оречевлённого, вербального мышления. Когда я говорю или пишу, я «выношу» вовне «кусочек» моего сознания. Когда я читаю и слушаю, я воспринимаю «кусочек» сознания других. Поэтому слово, предложение, текст – это всегда внемозговой материальный фрагмент сознания человека.

Как соотносятся мышление как процесс и сознание как статическое состояние памяти? Сознание как продукт есть вторичное по отношению к материальному мозгу, так как всё духовное вторично по отношению к материальному. Мышление есть деятельность, процесс, но сама мысль противопоставлена мышлению как нечто не процессуальное. Мысль «выносится» из головы через языковые знаки, как материальные оболочки идей, понятий. Обычно существует разрыв между пониманием мышления как процесса, деятельности, и пониманием сознания как статического мышления, как продукта мыслительной деятельности, познавательного процесса. Этот разрыв идёт от традиционного разрыва между психологией и логикой. У психологов мышление – это процесс, деятельность, у логиков – понятия как уже готовые мысли, фиксирующие признаки предмета.

Понимание мышления как деятельности, а сознания как продукта этой деятельности, как багажа нервно-мозговых связей, не позволяет их оторвать от мыслящего органа, без которого и независимо от которого мышления и сознания не существует (согласно некоторым теориям мысль отражается в языке), и тем самым позволяет отождествить сознание как с результатами, продуктами деятельности мозга, так и с самой деятельностью мозга, ибо единицы сознания – понятия – сами включаются в процесс мышления.

Что такое память? Это физиологическое и одновременно психологическое закрепление результатов процесса мышления, множественных рядов последовательностей в поступках, индивидуальных актах, состояниях, умственных и физических действиях. Наследственные инстинкты у любого существа можно тоже назвать разновидностью памяти. В своей физиологической основе – это временные нервные связи в коре головного мозга. Этот физиологический и психический процесс служит организации мысли в речевых актах. Память – это функциональный инструмент накопления информации в процессе жизни людей, способность нервных клеток мозга удерживать в сознании идеальные образы реальных предметов, событий, свойств, отношений. Память – это результат накопления, удержания и преломления в мозгу глубинных биологических процессов, связанных

с эмоциональным состоянием индивидов. Память как психическое проявляет себя в процессе запоминания, воспоминания, забывания. Память обслуживает все стороны человеческой жизни, она не материальна, а идеальная продукция живой материи – мозга. Память многослойна, без неё нет движения мысли, творчества. Память имеет объём, глубину и пространственно-временную протяжённость.

Объективно существуют сам человек как реальная действительность, его мышление, сознание, память, логика, язык, речь, текст. Без каждого из этих составляющих компонентов интеллекта человека мозг не работает, следовательно, нет и человека.

§ 2. Структура мышления.

Понятия «язык» и «мышление», в чём никогда не сомневаются люди, настолько спаяны друг с другом, сопутствуют одно другому, настолько неразрывны, что кажется, будто они и родились вместе. Действительно, они неразрывны. Но они «неразрывны» не в духе «марксистско-ленинских лингвистов», а лишь в одном смысле: без языковых знаков познание и общение человека с человеком невозможно, передача идеальных знаний от поколения к поколению, добытых человеческим мозгом и закодированных в материальных знаках невозможно, как и сам человек не состоится. Но язык и мышление «разрывны» не только в том смысле, что они имеют различную онтогенетическую природу, но и в том, что человек может мыслить и без языковых знаков, но только для себя и про себя, и это один из важнейших типов мышления. Поэтому если мы хотим понять язык, мы должны понять мышление, и наоборот. Понятие «мышления» в языкознании, логике, психологии, философии настолько неопределённо и запутано, что под «мышлением» иногда понимают чуть ли не нечто противоположное. И прежде всего потому, что само содержание понятия «мышление» расплывчато и не имеет чётких границ. В понятии «мышление» заложена его сложнейшая сущность, которую мы ещё не понимаем, но его главные свойства, важные для языкознания и которые вряд ли можно оспорить, состоят в следующем.

I. По степени абстракции и обобщения необходимо различать два уровня мышления и, следовательно, два уровня в материальной реализации процесса мышления.

1) Чувственное (непосредственное, наглядное, эмпирическое, техническое) мышление, осуществляющееся на первой ступени абстракции (первая сигнальная система по Павлову) в формах ощущений, восприятий, представлений не требует знаковой опоры. Исходные данные о мире даны человеку в чувственном мышлении. Однако теоретически, научно мир познаётся не чувствами, а мышлением: видят не глаза, а мозг, слышат не уши, а мозг; глаза и уши – лишь посредники (так же, как и материальные языковые знаки) между материальным миром (материальными знаками) и мозгом, который мыслит.

2) Абстрактное (теоретическое) мышление, осуществляющееся на второй ступени абстракции (вторая сигнальная система по Павлову), существует в шести логических формах – в фонемах, графемах, морфонемах, понятиях, суждениях, умозаключениях, которые реализуются в тексте в реальных звуках, буквах, морфемах, словах, простых предложениях, сложных предложениях.

Процесс чувственного мышления протекает только в рамках наличной ситуации, в результате непосредственного воздействия предметов и явлений на органы чувств

человека: я о щ у щ а ю тепло солнечных лучей; я в о с п р и н и м а ю пение птиц; на основе ранее полученных впечатлений от конкретных предметов и явлений я п р е д с т а в л я ю в моём мозгу всё ранее виденное, слышанное или испытанное.

Как только видимое, слышимое, ощущаемое, воспринимаемое нами (в том числе и языковые знаки) мы начинаем анализировать, приводить в систему, оценивать, сопоставлять с нашим прежним опытом (а это значит – с нашим сознанием, с накопленными фактами в нашем сознании, с нашим языковым сознанием), мы тотчас же переходим на более высокий уровень мышления – на уровень абстрактного мышления, который осуществляется или вообще без знаков языка (внеречевое, авербальное мышление), или в логических формах, не всегда явно или сокращённо зафиксированных в естественном языке.

Две ступени познания – чувственное созерцание (мышление), осуществляющееся посредством органов чувств, и абстрактное мышление, обобщающее данные чувственного познания, образуют е д и н ы й п р о ц е с с м ы ш л е н и я, в результате чего происходит постоянное превращение элементов или континуума чувственного мышления в абстрактное мышление, и наоборот – осуществляется переход абстрактного мышления в чувственное. Моё чувственное мышление как отражение чувственного, физического мира в моём мозгу, превращается в моё абстрактное мышление в логических формах понятий и суждений, реализующихся в форме моего словесного обобщения в виде семантического мышления. Будучи переданным собеседнику через мои чувственные, языковые знаки (прослушанными или прочитанными им), моё абстрактное мышление стало его абстрактным мышлением, и тут же превращается в его мозгу через его абстрактное мышление в его чувственную картину, соответствующую или почти соответствующую чувственной картине передающего. Это происходит благодаря общности наших знаковых систем и постоянных, ассоциативно закреплённых за каждым знаком понятий. Существование человеческого мышления в виде двух степеней абстракции – чувственного и абстрактного – ведёт к тому, что реальный мир у человека у д в а и в а е т с я, о чём нам впервые поведали физиолог Павлов, а ещё ранее – философ Маркс, на основе изучения взаимодействия открытых ими первой и второй сигнальных систем (Павлов) и взаимодействия чувственного и абстрактного уровней в процессах мышления (Маркс).

Процесс абстрактного мышления свободен от ограничивающего действия непосредственной, чувственной ситуации и проявляет п о л н у ю с а м о с т о я т е л ь н о с т ь: любой вещи, любому предмету, событию, явлению человек может присвоить в д а н н о м языке л ю б о е имя, назвать любым словом, и тем более в разных языках, и «передавать» собеседнику сообщение, понимаемое им вне какой бы то ни было связи с непосредственно присутствующими предметами. «Чувственное восприятие даёт **предмет**, а разум – **название** для него ...» [Ленин т. 38 : 384 - 385].

Абстрактное мышление, таким образом, – 1) это и д е а л ь н а я функция материального органа – нейронов мозга человека, это идеальное, мыслительное отражение объективного мира в логических формах. 2) Мысль как идеальная функция материи мозга обладает не свойством единичности, как это происходит в чувственном мышлении, а обладает качеством в с е о б щ н о с т и (слово *берёза* обозначает не только понятие данной *берёзы*, которую я вижу, но и всех *берёз* мира). 3) Всякая мысль предполагает н е з а в и с и м у ю от неё реальную или мнимую (фантастическую, вымышленную, ложную) действительность, а также мыслительные процессы собственного мозга.

Итак, понятие «мышления» – не нечто расплывчатое, неопределённое, аморфное, каким его обычно представляют в языкознании, логике, философии, а осуществляется в мозгу человека н е и н а ч е, к а к т о л ь к о в в и д е в з а и м о д е й с т в и я, в

первую очередь, чувственного и абстрактного процессов мышления, постоянно переходящих одно в другое, что и составляет основной закон и назначение человеческого мышления. Абстрактного мышления не существует, если оно тут же не вызывает чувственное, не переходит в чувственное, главным образом – в представления. Но и чувственного мышления, вне связи с абстрактным, не существует (это удел только животных), иначе человек влачил бы своё счастливое существование среди своих младших собратьев. Процесс мышления осуществляется только как взаимодействие этих двух его сторон, постоянно переходящих одна в другую.

II. Под абстрактным мышлением (второй, более высокий уровень мышления) мы должны, далее, различать две неодинаковых, хотя и теснейшим образом связанных одна с другой функций мозга, – «процесс мышления» (динамика мышления), и «сознание» (статика мышления), формой хранения которго служит память.

1) Процесс мышления – это отражательный процесс работы нейронов мозга, динамический процесс идеального отражения нашим мозгом реальной действительности, «думание» о чём-нибудь, рассуждение, аргументация какой-либо мысли, беседа, письмо, чтение, слушание, т.е. всякая интеллектуальная деятельность. Процесс или динамика мышления детерминируется вне его существующей и действующей на мозг материальной природой и общественной деятельностью а также внутренними побуждениями человека, в том числе внутренними процессами самого мозга, т.е. самим процессом мышления.

2) Сознание – это уже не процесс, а статическое состояние системы нейронов, это накопленное знание о мире и о самом себе в мозгу человека в форме логических фонем и понятий, это относительно статическая совокупность знаний (со + знание) об этой действительности и о самом себе. Сознание – это склад, долговременное хранилище, кладовая слов, их морфологических форм и синтаксический способ их взаимной связи в долговременной памяти, которые поступают из кратковременного хранилища.

«Способ, каким существует сознание и каким нечто существует для него, это – знание» [Маркс, Энгельс 1956 : 633]. «Главная проблема заключается в том, чтобы понять сознание как субъективный продукт, как преобразованную форму (разр. моя, – А.К.) проявления тех общественных по своей природе отношений, которые осуществляются деятельностью человека в предметном мире» [А. Н. Леонтьев 1972 : 130].

Все знания человека, накопленные им в течение жизни, благодаря памяти человека хранятся неосознанно в нейродинамических системах его сознания в виде накопленных знаний, навыков и умений. Но главным знанием, складированным в его сознании, является знание родного языка, его словарной и грамматической системы. Это его языковое сознание, которое пронизывает собою все остальные блоки знаний и без которого все остальные знания мертвы. Знание или со - знание становится содержанием и частью нас самих. Не только сознание живёт в нас, но и мы живём в этом сознании, используя его как продолжение наших естественных органов чувств. «Сознание ... с самого начала есть общественный продукт и остаётся им, пока вообще существуют люди» [Маркс, Энгельс т. 3 : 29]. «Сознание ... никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием ... , а бытие людей есть реальный процесс их жизни» [Маркс, Энгельс т. 3 : 25].

3) Память – «запечатление, сохранение в мозгу, узнавание и воспроизведение того, что ранее человек воспринимал, переживал, делал, думал. Благодаря наличию

памяти становится возможным накопление опыта, его сохранение и использование» [БСЭ т. 31 : 628]. «Психическое немыслимо представить себе без процесса запоминания – воспоминания – забывания. Память обслуживает все стороны человеческой жизни. Она – представляет собой продукт материального органа – мозга. По своей структуре память иерархична, многослойна, многоступенчата. Память управляет движением мысли, творчеством, наукой в любом её проявлении. Человеческая память – феномен избирательного запоминания, забывания и воспоминания [Поршнев 1974 : 151].

Идеальное – не особая субстанция и не побочный спутник материальных процессов, протекающих в коре головного мозга, а продукт деятельности мозга, субъективный образ объективного мира, отражение внешнего мира в формах деятельности человека, в логических формах его сознания, т.е. в логических формах фонем, графем, морфонем, понятий, суждений, умозаключений, представленных в формах слов а также в правилах их грамматических связей.

Наше сознание (память), как относительно статическая система знаний, не просто хранится в нашем мозгу, но п о с т о я н н о и притом сознательно в о с п р о и з в о д и т с я в самом процессе мышления, для которого сознание служит как бы постоянным складом семантических и грамматических правил. Это и делает процесс мышления истинным п р о ц е с с о м, в который вовлекаются все наши знания на данный случай (нужные на данный случай участки и блоки сознания). Накопленное в мозгу сознание беспрерывно пополняется всё новыми и новыми знаниями, которые откладываются в сознании в результате не прекращающегося процесса мышления (даже во сне), и вместе со старыми знаниями включаются в процесс мышления, преобразуя и отменяя старые знания, по мере накопления новых.

Сознание как накопленное знание не существует вне процесса мышления, а процесс мышления, в свою очередь, невозможен без уже накопленного сознания, логические строевые элементы которого совершают беспрерывный круговорот в процессе мышления, рождая новые знания. Два факта в голове человека рождают мысль об их связях, десять фактов рождают идею, сто фактов рождают теорию.

Различение «процесса мышления» и «сознания» – совершенно реальное и неизбежное разграничение двух взаимосвязанных и взаимообусловленных фаз или видов абстрактной мыслительной деятельности мозга: одно без другого не существует, одно проникнуто другим, одно питает другое. «Процесс мышления» и «сознание», образующие в совокупности а б с т р а к т н о е человеческое мышление, надо представлять себе как постоянное взаимодействие между ними, в котором они, взаимодействуя одно с другим, беспрерывно п е р е х о д я т д р у г в д р у г а. Абстрактное мышление, таким образом, – сложный д в у х с т о р о н н и й, в з а и м о п р о н и ц а е м ы й и в з а и м о о б у с л о в л е н н ы й способ отражения действительности, причём каждая составная часть абстрактного мышления – процесс мышления и сознание – императивно необходимы: без процесса мышления как динамики мышления нет сознания, оно не будет накоплено и систематизировано, а без сознания как относительно статического состояния накопленных знаний не может быть осуществлён сам процесс мышления.

III. Существуют два уровня м а т е р и а л и з а ц и и процесса абстрактного мышления – п е р в и ч н ы й, в нейронах мозга, в виде внутреннего мышления, внеречевого, часто вообще неосознаваемого человеком процесса, иногда называемого «языком мозга», и в т о р и ч н ы й в виде не только внешне выраженной системы материальных знаков, но и как «невокализованная», «внутренняя речь»,

осуществляющаяся в знаках (даже «молчаливых»), т.е. как языковое (знаковое), речевое, вербальное, оречевлённое мышление.

1) П е р в и ч н ы й уровень мышления или в н е я з ы к о в о е, а в е р б а л ь н о е мышление, «язык мозга» – всем нам знаковый процесс, когда в голове человека, который не произносит ни явно, ни скрыто никаких слов, рождаются мысли, часто неожиданно, неизвестно откуда взявшиеся. Это процесс мышления без слов, хотя неосознаваемые контуры системы языковых знаков могут присутствовать. Это как бы «чистый» мыслительный процесс, когда мысль вспыхивает мгновенно, как озарение, например, в анекдотах в виде улыбки, в сокращённых умозаключениях (энтимемах) в виде общих, первых посылок.

Сюда относится также процесс молчаливого, но в то же время языкового мышления, когда слова лишь проговариваются внутренне, они не вокализованы. Этот процесс часто называют «внутренней речью». Внутренней речи свойственны свёрнутость, предикативность и прочие специфические формы. Хотя здесь используются скрытые слова, не проговариваемые вслух, однако движения органов речи регистрируются экспериментальными приборами в виде механических движений органов речи, соотносимых с соответствующими звуками (словами).

Хотя слов и нет, хотя это мышление внеязыковое, но мозг сам генерирует мысли, не одевая их в знаки (это осознание чего-то, внезапно пришедшая мысль, но и она появляется не на пустом месте: наше сознание уже наполнено знаниями и они сами рождают мысль, минуя внутренне скрытую или внешне выраженную систему знаков). Если я не пользуюсь услугами звучащих или написанных знаков моего языка, а произвожу молчаливые умственные действия о каких-то предметах, событиях, фактах, рассуждая и даже делая выводы из них, то это моё внеязыковое мышление, оно осуществляется лишь на уровне нейронных связей мозга как м а т е р и а д ь н ы й, ф и з и о л о г и ч е с к и й процесс в самом мозгу, рождающий и д е а л ь н о е в виде неосознаваемых или лишь частично осознаваемых связей понятий. Однако «внеязыковое мышление», «языки мозга» и «внутренняя речь» трудно разграничимы, хотя в последней присутствуют рудименты языковых знаков и скрытых артикуляторных движений органов речи.

Поскольку внеязыковое мышление как неслышимый процесс протекания мысли есть результат ф и з и о л о г и ч е с к и х ф у н к ц и й нейронов, вне которых мышления вообще не существует, то процесс внеязыкового мышления представляет собой, естественно, первичный, или исходный уровень материализации мышления.

2) В т о р и ч н ы й уровень мышления или я з ы к о в о е, р е ч е в о е, в е р б а л ь н о е, о р е ч е в л ё н н о е мышление – это звуковой и письменный язык, точнее – материальные условные знаки, устные или письменные.

Послушаем Ленина: «Всякий человек знает – и естествознание исследует – идею, дух, волю, психическое как функцию нормально работающего человеческого мозга; оторвать же эту функцию от определённым образом организованного вещества, превратить эту функцию в универсальную, всеобщую абстракцию, „подставить“ эту абстракцию под физическую природу, – это бредни философского идеализма, это насмешка над естествознанием» [Ленин т. 18 : 241]. Действительно, идеальное не имеет физической природы, хотя и порождено ею, идеальное нельзя выдавать за физическую субстанцию, что и происходит постоянно, когда материю знаков включают в язык, который при этом, как пишут, «выражает значения», т.е. якобы материальное само по себе, вне человеческого мозга, переходит в идеальное. Откуда появилась фонема, графема ? Только через материю звука, буквы, превращённых мозгом в их идеальный образ, как бы фикцию, но существующую реально. В том-то и дело, что не звук, а

фонема живёт в мозгу, как идеальное, самая низкая логическая форма мысли. Отсюда ложные жалобы некоторых лингвистов о «дегуманизации языка».

Но «оторвать эту функцию мозга от определённым образом организованного вещества», в виде закодированной идеальной информации, не только можно, но и необходимо, не невозможно, что и совершается человечеством ежеминутно миллиарды раз, иначе не состоялось бы познание человеком мира, человеческое общение, исчезла бы информационная среда, не существовало бы того, что мы называем «языком» и, следовательно, самого человека.

В том-то и дело, что Ленин чрезмерно прямолинеен и не видит, что в реально звучащей и написанной человеческой речи, т.е. в нашем речевом, «вынесенном» за пределы мозга мышлении (не непосредственно, а косвенно, через ассоциативно связанные с мышлением знаки) закодирован «смысл», «идеальная информация», которая, хотя и зародилась в одном мозгу как идеальное, ассоциативно перешло однако в материю речи, знаки, и воспринимается другим, но таким же мозгом, владеющим тем же кодом расшифровки идеального. Не сама по себе физически звучащая или написанная речь (материальные знаки) есть нечто идеальное, выражает идеальную информацию, а то, что вылущивает из неё аналогичным образом устроенный «слушающий» и «читающий» мозг и владеющий тем же языковым сознанием, тем же языковым кодом. И в этом Ленин прав: не материя звуков и букв выражает идеальное, мысль, а другая материя – мозг, мыслительный процесс которого, зародившись в одной голове, переносится через ту же систему материальных ассоциативных знаков, закодированных тем же кодом, в другую голову.

Если в материальном, знаковом тексте (устном или письменном) не была бы скрыта, закодирована идеальная информация, она не могла бы быть обнаружена другим, но аналогичным языковым сознанием. Следовательно, идеальное может находиться между мозгом говорящего (пишущего) и мозгом слушающего (читающего), именно в материальных знаках того и другого, но не в явном, а в скрытом виде как потенция идеального: её может обнаружить только мозг, вооружённый тем же языковым сознанием, путём сличения структуры материального текста со структурой своего языкового сознания. Человек своим идеальным и через идеальное, локализованное в его языковом сознании, но вынесенное вовне мозга в формах системы знаков, воздействует на психику и сознание другого человека, «передаёт» информацию, включается в функционирование общественной коммуникативной системы.

Если бы идеальное было локализовано только в живом мозгу в виде первичного уровня (т.е. внеязыкового, внезнакового) мышления, только на уровне первичной материализации мышления, в втиде «языка мозга», и не имело бы выхода вовне, то грош была бы ему цена. Идеальное постольку и существует, что оно, как разменная монета, имеет хождение от одного мозга к другому через материально зафиксированные знаки. Идеальное есть во всех материальных знаках языка, если это знаки, – и в отдельных словах, и в морфемах, и в звучащей и написанной речи в виде вторичной материализации языкового сознания, но только и только при соприкосновении звучащей и написанной речи с чужим мозгом, владеющим той же системой кодирования и декодирования идеального.

Человеческий мозг, как теперь проясняется для лингвистов, обладает такой уникальной способностью, что он может позволить абстрактному мышлению, т.е. процессу в самом себе, «оторваться» наружу через материальные языковые знаки, 1) не только от своего мозга, не неся в себе ни частички мозгового субстрата, ни частички структуры мозга и системы взаимодействия нейронов, 2) не только от реального мира, ибо мышление, не неся в себе ни частички вещества материального мира, есть его не

материальное, а его идеальное отражение, 3) но и от своего собственного условно, произвольно придуманного, материального, языкового продукта, от материи языковых знаков, которые непосредственно, органически не связаны ни с мозгом, ни с миром, хотя эту связь, называя её «неразрывной» ошибочно устанавливают постоянно, чему свидетельствует также старая теория «лингвистической относительности» или модная теория «языковой картины мира».

В чувственном мышлении мы обнаруживаем сложное взаимодействие между реальной действительностью и мозгом (между физической природой и её идеальным отражением в мозгу), а в абстрактном мышлении мы обнаруживаем ещё более сложное взаимодействие – также и с языковыми знаками. Чувственное мышление всегда непосредственно связано с вещами реального мира и не отрывается от них, кроме одной формы чувственного мышления – «представления»; мы можем представить себе всё, что мы видели, слышали, чувствовали, оно, благодаря органам чувств человека, благодаря памяти всегда осуществляется при непосредственном контакте с миром через посредство мозга. Абстрактное мышление (если мы не рассказываем о том, что видим здесь и сейчас) всегда отрывается от мира, всегда отрывается от мозга и всегда отрывается от языковых знаков: не сами материальные знаки есть идеальное, идеальное в них – информация, которую они несут для аналогичного мозга, вооружённого той же знаковой системой. Отрыв абстрактного мышления от материи мира, от материи своего субстрата – мозга, от материи знаков обусловливает творческую активность мышления, которое основано на категориальном (логическом) свойстве абстрактного мышления, поскольку все знания человека закрепляются в логических категориях, как абстрактных, логических единицах, и именно в форме фонем, графем, морфонем, понятий, суждений, умозаключений.

IV. Но существует ещё один аспект языкового мышления как мышления второго уровня материализации – его практическая реализация через материальные языковые знаки на двух уровнях как взаимодействие логических форм мышления и семантических форм мышления. Эти две органически неразрывные, взаимопредполагающие и взаимодополняющие формы мышления лежат в основе функционирования знаковой системы как средства познания и коммуникации в человеческом обществе.

В этой книге показано (см. об этом ниже, Глава 4, § 7), что в том объекте, который мы называем «языком», в его структурных знаковых образованиях отражается закон двухуровневого процесса мышления и, следовательно, закон взаимодействия двух форм мышления в любом предложении любого языка – семантическое и логическое мышление. Данный закон – это обобщение механихма функционирования живых предложений в процессе познания мира и в процессе общения между людьми.

Разграничение семантического и логического уровней мышления фактически идёт ещё от Аристотеля (384 – 322 до н.э.), создавшего формальную логику, отделив тем самым логические формы мысли от семантических, т.е. языковых, знаковых. Сопоставление и противопоставление единиц языка (т.е. семантических форм мышления) и логики (т.е. логичесих форм мышления) – звука и фонемы, буквы и графемы, морфемы и морфонемы, слова и понятия, предложения и суждения, сложных предложений и умозаключений – это раздвоение мыслительного содержания предложения на два уровня, являющееся дальнейшим развитием идей Аристотелевской логики, которая, в конечном итоге, принадлежит двум наукам – языкознанию и логике. Содержание предложения вылилось в идею «взаимодействия семантических форм

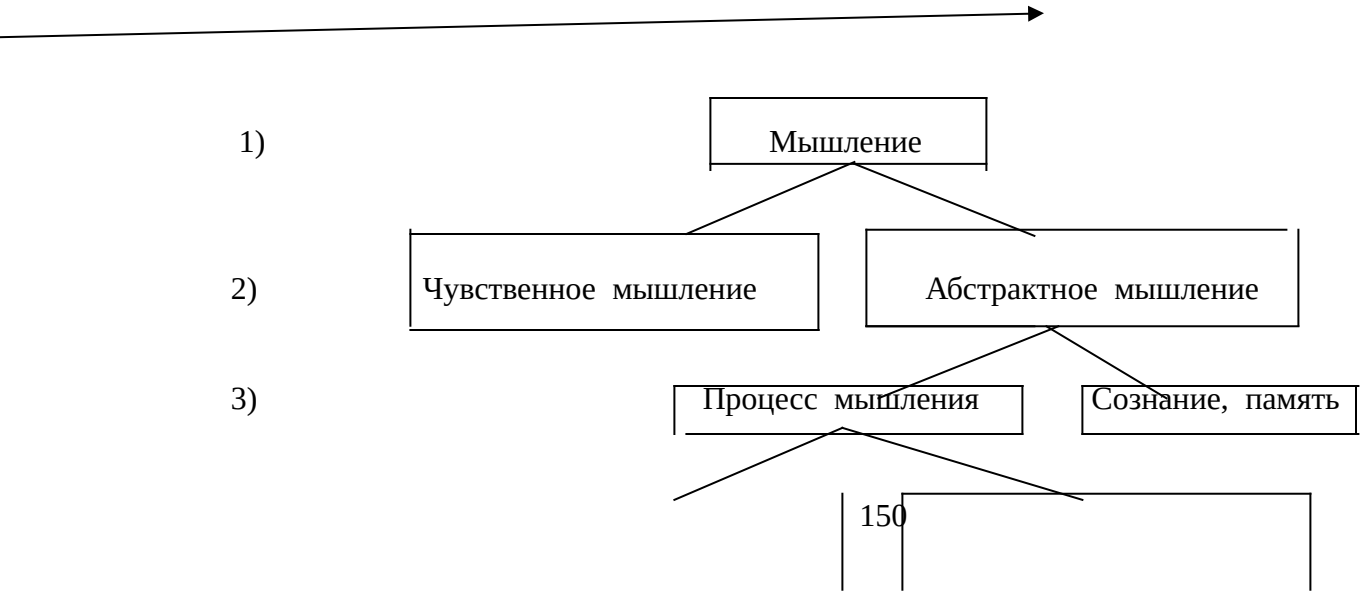
мысли» и «логических форм мысли». Все подходы к этой дихотомической, двухуровневой сущности мышления и его отражения в предложении давно уже проложены, очищены от бурьяна и мусора, укатаны многочисленными последователями Аристотеля, явно даже не подозревавшими об этом, в том числе и лингвистами, самой различной лингвистической ориентации.

После Аристотеля многое уже сделано в этом направлении, осознано, доказано, описано и разрозненно, и по разным поводам, но мы до сих пор не понимаем простой – теперь уже п р о с т о й, потому что сейчас уже понятной – истины: есть два уровня знакового, оречевлённого мышления и, следовательно, два уровня языка (если считать «языком» то, что всегда им считали), неразрывно связанных и взаимодействующих форм мышления, и они пронизывают л ю б о е п р е д л о ж е н и е л ю б о г о я з ы к а.

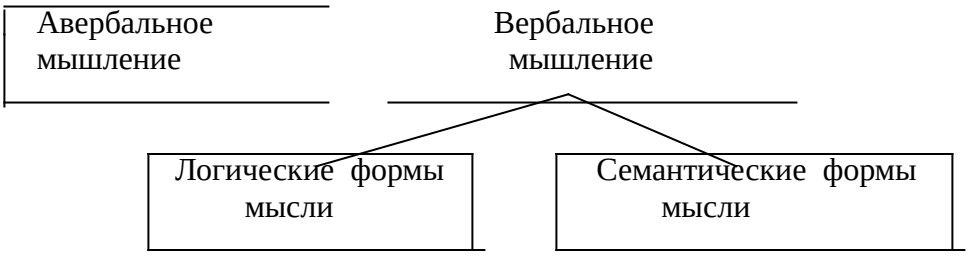
Итак, в тезисной форме здесь представлена схематическая картина «взаимодействия действительности, мышления и языка», не как нечто аморфное и неопределённое, как его понимают чаще всего в различных науках, и прежде всего в «марксистско-ленинском языкознании», а как нечто дифференцированное, неоднородное, объединяющее в себе т р и различных уровня, три различных, но тесно взаимодействующих сущностей: мышление представлено в мозгу 1) в виде двух степеней а б с т р а к ц и и – чувственное и абстрактное мышление; 2) в виде двух уровней с у щ е с т в о в а н и я а б с т р а к т н о г о мышления («процесс мышления» как динамика мышления и «сознание» как статика мышления); 3) в виде двух уровней м а т е р и а л и з а ц и и а б с т р а к т н о г о мышления: первичный – в сознании как «авербальное мышление», и вторичный – в языковых знаках как «вербальное мышление».

В более сжатой и наглядной форме «взаимодействие языка и мышления» можно представить в виде пятиэтажной схемы, которая отражает:

1) Мышление;
2) Два уровня абстракции в мышлении (чувственное и абстрактное);
3) Два уровня существования абстрактного мышления (процесс мышления и сознание, память);
4) Два уровня материализации абстрактного мышления (внеязыковое или авербальное и языковое или вербальное мышление);
5) Два уровня абстракции в структуре мышления (логические формы мысли и семантические формы мысли).



4)



5)

§ 3. Чувственное и абстрактное мышление.

1) Процесс взаимоперехода чувственного и абстрактного мышления.

Как рождается мысль через языковые знаки ? Послушаем филосова Гегеля:

1) Сила нашего воображения воспроизводит наши ощущения, ч у в с т в е н н ы е образы;

2) Эти ч у в с т в е н н ы е образы вступают в отношения с другими образами ощущения, благодаря чему осуществляются ассоциации образов, т.е. преобразование их в общие п р е д с т а в л е н и я;

3) Эти общие п р е д с т а в л е н и я отождествляются с тем, что есть особенного в том или ином образе;

4) Сознание проявляет себя вовне тем, что порождает это чувственное восприятие в самом себе в виде а б с т р а к ц и и при помощи знаков. Абстрактное, мышление через знаки выражает самого себя вовне. [Гегель 1956 : 265 – 268, 271].

А вот что пишет об этом психолог Жинкин: во внутреннем, молчаливом языке отображается соответствующий участок чувственного мира, т.е. человек исходит из чувственного мышления, переводит его во внешнюю речь, которую воспринимает слушатель, и снова переводит её в чувственные формы мысли. Слушатель чувственно видит всю сообщаемую действительность, вещи, качества, отношения, близкие и дальние планы и т.д. Причём вся вещь опознаётся как целое, вне количества его признаков. Восприятие человеком вещи – это не дискретное, а целостное восприятие. Создаётся образ чувственного объекта. Для того, чтобы сенсорика пришла в интеллект, нужен язык. [Жинкин 1982 : 126].

Абстрактное мышление – это способность субъекта создавать мыслительную репрезентацию какого-либо конкретного факта из окружающей действительности на основе имеющейся у человека информации о мире и интегрировать эту репрезентацию в уже имеющуюся у него логическую картину мира. К формам абстрактного (логического) мышления относятся фонемы, морфонемы, понятия, суждения, умозаключения, а к формам чувственного (наглядного) мышления относятся такие чувственные формы как ощущения, восприятия, представления, последняя из которых есть высшая форма чувственного мышления, уже граничащая с абстрактным мышлением.

При произнесении слова всегда возникает перед глазами и в мозгу какой-то чувственный образ, сопровождающий понятие. Понятий, лишённых всего чувственного, в действительности не существует. Даже абстрактные понятия (*усталость, ширина, любовь, ненависть, траектория*) получают в мозгу какое-нибудь реальное, может быть даже фантастическое представление. Слова *ведьма, чёрт, колдун, русалка* имеют чувственный образ, я знаю, как они могут выглядеть, хотя в жизни их нет. На этой основе построены все детские сказки.

Языковые знаки служат мостом от чувственного восприятия к отвлечённой мысли. Это есть восприятие чего-нибудь конкретного и его осознание. Слово,

поскольку оно – достояние коллектива, всегда выражает не единичное, а общее. Две ступени познания – чувственная и логическая – не существуют изолированно друг от друга, они взаимосвязаны, взаимообусловлены. Происходит синтез рассудка и чувственности. Полная истина – не в чувственном созерцании и не в формах рассудка, а в синтезе того и другого. Если бы мы могли отделить понятия от чувственных образов, мы бы получили наглядные, чувственные представления без понятий или понятия без чувственных образов, но это нереально. По отдельности ни то, ни другое не могут быть отнесены к какому-либо предмету. Необходимо понятия сделать чувственными, а чувственные представления сделать понятийными, подвести их под понятия. Одно без другого невозможно.

Понятия возникают на основе чувственных восприятий и представлений. Тесная связь логического мышления с формами живого созерцания возникает всегда, когда мы имеем дело с понятиями. Ядро значения слов, т.е. понятие обрастает всегда связанными с ними чувственными образами. « ... вообще язык выражает в сущности лишь общее; но то, что мыслится, есть особенное, отдельное. Поэтому нельзя выразить в языке то, что мыслится» [Гегель]. С помощью языковых знаков можно выразить в нашей речи очень тонкие смысловые различия. Всякое слово обобщает множество однотипных предметов, свойств, явлений. Будучи употреблёными в связной речи, реализуясь в звуках и буквах, знаки рисуют перед нами воображаемую чувственную картину. Отсюда – сложнейшая задача, стоящая перед писателем, поэтом, учёным, задача обозначения конкретных предметов и их индивидуальностей так, чтобы перед читателем и слушателем вставала реальная чувственная картина. Это и есть процесс перехода абстрактного мышления в чувственное. Чувственное мышление присутствует всегда, конкретно, если можно на него указать. Но если конкретный предмет находится за семи морями, то для этого и служит абстрактное мышление, которое рождает чувственную картину. Причём чем талантливее писатель, тем живее и явственнее предстаёт перед читателем описываемая чувственная картина.

Наши ощущения, а через них и наше сознание есть лишь образ внешнего мира, а не сам мир, но отображаемое существует независимо от изображающего. Мысленные изображения возникают не иначе, как из ощущений. На каждом шагу в процессе ощущения совершается переход энергии внешнего раздражения в факт сознания. Связь между ощущением и сознанием не имеет перегородки. Ощущать, воспринимать, представлять можно только что-то, а мыслить можно только о чём-то. В ощущениях, восприятиях и представлениях я сливаюсь с предметом моего ощущения. В абстрактной мысли я отделяюсь от предмета мысли. Художник тоже мыслит, он теоретизирует, осмысливает свою художественную деятельность и будущее своего труда как некую предстоящую ему действительность.

«Во всякое понятийное обобщение, как правило, включена чувственная генерализация. Чувственные элементы, включённые в отвлечённое мышление, то и дело выступают в виде чувств, схем, интуитивных решений, отвлечённых проблем и т.д.» [Рубинштейн 1959 : 71]. Поскольку объектом ощущения, восприятия, представления является объективная действительность, то ясно, что в самом чувственном объекте заключено и единичное и общее, случайное и необходимое, явление и сущность. Невозможно ни чувственное, ни абстрактное мышление отделить одно от другого. Абстрактное мышление протекает на базе чувственного мышления, познания и является органическим продолжением и развитием чувственного познания. «Изображение движения мыслью всегда есть огрубление,

омертвение – и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и всякого понятия» [Ленин т. 29 : 233].

Природа материальна. Но если бы не было человека, она бы так и осталась только материей. Но появление человека раздвоило эту природу, потому что человек её воспринимает не только своими органами чувств (это делают и животные), но и абстрактным мышлением. Отсюда – два мира у человека. Отсюда двойственная, бинарная природа мышления, двойственная природа языковых знаков, двойственная природа всех материальных объектов. Присутствие человека на Земле делает всё окружающее, объективное, физическое, материальное двойственным – одна природа, материальная, находится вне человека, другая природа, идеальная – внутри человека, представленная идеально в виде отпечатков реальных предметов мира, в виде их абстрактных, логических форм – фонем, графем, морфонем, понятий, суждений, умозаключений. « ... Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлён в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться». [Ю. Степанов 1974 : 15].

Вопрос: почему человек, читая, например, рукописный текст, написанный незнакомым ему почерком, понимает его содержание ? Прежде всего он сталкивается с буквами, которые написаны для него необычно, по-другому, чем те, к которым он привык, но понимает их. Он видит нечто п о х о ж е е , п р и б л и з и т е л ь н о напоминающее те буквы, которые он сам пишет и пишут знакомые ему люди. Это «похожее», «приблизительное» он сразу же ассоциирует с известными ему и идентифицирует их. Этому помогают и соседние буквы в слове, а точнее – система букв, конкретнее – система морфологических и синтаксических форм и структур. Он уже в этой системе з в у к о в и б у к в, знакомую ему с детства, переводя её в мозг как абстрактную, логическую систему ф о н е м и г р а ф е м, обнаруживает заданный смысл.. То же происходит и с устной речью: слушающий узнаёт отдельные звуки и их связь как знакомую систему звуков, которую его мозг автоматически воспринимает как систему ф о н е м, отложившуюся ещё ранее в его мозгу. И в том, и в другом случае читателю и слушателю достаточно минимального намёка, набора букв (звуков), чтобы уже предвидеть заранее, что следует далее и, следовательно, с какими и д е а л ь н ы м и, а б с т р а к т н ы м и единицами, – п о н я т и е м или с у ж д е н и е м эта система букв (звуков) связана. Так совместно «работают» и идеальное от физической природы материи звуков и букв, и идеальное как сам идеальный образ отражаемого природного предмета (*дерева*).

Что же мы наблюдаем в данной ситуации ? Ту же картину, что и в процессе чувственного мышления как более низкого уровня по сравнению с абстрактным, логическим мышлением. Органами чувств мы наблюдаем, слышим, видим, ощущаем нечто, что нас окружает, и тут же, если в этом есть необходимость что-то сообщить, сказать или написать, мы переводим это нечто в абстрактное мышление, которое всё преобразует в идеальные образы – в п о н я т и я и и х с в я з и. Звуки и буквы ничем не отличаются от остальных физических предметов реального мира (*деревьев*), они тоже – природная материя, они также восприняты органами чувств (слухом, зрением), также «вошли» в мозг через свои абстракции, образуя из этих абстракций логические понятия. Без этого постоянного перехода живых звуков и букв, а также живых и мёртвых предметов внешнего мира – в их идеальные, абстрактные, логические формы – процесса мышления не существует, как не существует и языка, или того, что мы называем «языком». Таким образом, в з а и м о д е й с т в и е ч у в с т в е н н о г о и а б с т р а к т н о г о м ы ш л е н и я п р о я в л я е т с я у ж е н а у р о в н е з в у к о в и ф о н е м, б у к в и г р а ф е м, превращающихся в языковые з н а к и, слышимых и видимых слов. А

сочетания слов, т.е. синтаксические структуры чувственно воспринимаемых знаков становятся более высокими абстрактными, идеальными образами – суждениями и умозаключениями. Так происходит восхождение от конкретного к абстрактному.

Познание – это процесс отражения материального мира в сознании человека. Путь к истине сложен. Корни познания уходят в чувственный опыт – ощущения, восприятия, представления. Эти чувственные ощущения возникают в процесе взаимодействия человека с внешним миром, есть элементарные формы познания и дают нам первичную информацию о вещах и процессах вне нас. Но это ещё не наука. Неизбежно встаёт задача формирования целостной картины мира, раскрытия его сущности на основе обобщения опыта. Это вызывает необходимость абстрактного мышления. Это высшая форма познания мира.

Чтобы понимать суть языка, надо видеть материю, знаки и надо знать, что они означают в мозгу. Но это лишь начало. Главное – надо знать механизм связи материи знака и его отражение в мышлении. Мышление продуцирует абстрактные, логические единицы – фонемы, графемы, морфонемы, понятия, суждения, умозаключения, а также чувственные образы в виде представлений. Логическое мышление переходит на уровень чувственного мышления, если перед глазами нет реальных предметов, в формах представлений об этих предметах. Представления – это тот след чувственных ощущений, который сохраняется некоторое время после того, как уже не действует причина. Чувственное и абстрактное мышление взаимодействуют, переходят друг в друга по закону психической ассоциации: это значит, что смежные духовные явления, получаемые в опыте или в непосредственном общении, способны впоследствии воспроизводить одно другое. Если получены два явления, чувственное (реальное *дерево*), (в знаке уровень **(1)**) и абстрактное от него (понятие *дерево*) **(2)**, то впоследствии, если произнести слово **(2)**, то оно вызовет в моём сознании представление о реальном *дереве* **(1)**. И наоборот, реальный предмет **(1)** воспроизводит в моём сознании понятие (**2**): аждый раз, когда у меня перед глазами появится или реальное, или в мозгу лишь представляемое мною какое-либо *дерево*, появляется в сознании и понятие *дерево*.
Чувственное познание даёт нам знание об отдельных предметах, об их внешних свойствах. Но такими знаниями человек ограничиться не может. Он стремится к обобщению чувственных восприятий, к проникновению в сущность вещей, к познанию законов природы и общества. Но это невозможно без абстрактного мышлеия. В отличие от чувственного познания мышление отражает внешний мир в абстракциях. Отвлекаясь от конкретного в вещах и явлениях, от индивидуальных особенностей предметов, абстрактное мышление способно обобщить множество однородных предметов, выделять наиболее важные свойства, раскрывать наиболее сущностные связи. Это высшая форма отражения действительности. Абстрактное мышление 1) отражает действительность в обобщённых, абстрактных образах, 2) это процесс опосредованного отражения действительности, 3) ассоциативно связано с языковыми знаками и осуществляется главным образом в формах языка.

Мышление человека представляет собой опосредованное и обобщённое отражение объективного мира. Через абстрактное мышление человек выходит за пределы чувственного опыта и путём умозаключения узнаёт то, чего он не мог бы ни ощутить, ни даже представить. Абстрактное мышление – это мысленное отвлечение или абстрагирование какой-либо стороны предмета в целом и затем оперирование понятием об этой стороне предмета как чем-то самостоятельным. Но абстракция реализуется с помощью материи языка. Мысль человека не могла бы

быть реализована, если бы не было для неё необходимой внемозговой материальной формы для её выражения. С этой точки зрения языковые знаки и мышление не могут существовать одно без другого.

Категории чувственного и абстрактного, рационального мышления связаны. Посредством чувственной мысли предметы нам даны, а посредством рационального мышления они мыслятся, понимаются как таковые, это два уровня человеческого познания. Раздвоение единого процесса познания на два уровня есть естественное, данное от природы, и каждый из них по раздельности существовать не может. Это единый ствол дерева с двумя корнями.

Такие абстракции как фонемы, графемы, морфонемы, понятия, суждения в языке не присутствуют в виде отдельных, непосредственно наблюдаемых фактов или явлений. Но они, тем не менее, объективно существуют в виде множества конкретных языковых единиц и их упорядочения. Порядок принаждежит здесь объективной действительности. Определяя такие реальные сущности как абстрактные объекты, лингвист отходит от непосредственного наблюдения, но не отходит от реальности. Он, напротив, глубже проникает в неё и абстрактные сущности не являются только порождением ума, умозрительными конструктами. Это две ступени познания и соответствуют семантическому и логическому мышлению, или, поверхностному и глубинному аспектам языка.

Через название (абстракцию) я отчуждаю идеальное от материи предмета. Сознание человека опосредовано любыми знаками, но прежде всего языковыми. Когда я вижу, ощущаю, обоняю, воспринимаю предмет, то это одновременно и характеристика материи объекта и моё переживание. И только тогда, когда я называю мои ощущения словом (*горькое, сладкое, острое, красное* и др.), я совершаю процесс отчуждения качеств предмета от самого предмета в виде названий этих качеств. В этой знаковой форме мои чувствования становятся доступными коммуникации, т.е. они осязаемы и осознаваемы.

2) Для чего нужны языковые знаки (звуки, буквы, морфемы, слова, предложения) ?

Л. Вайсгербер пишет, что в немецком языке есть слово *Unkraut (сорняк)*, которое ничего не отражает в реальности, считая такие слова излишними. В русском тоже они тоже есть: *фрукты, овощи, плоды*. Это то же самое, что и слова *чёрт, ведьма, дракон* и др. в любом языке. Откуда они ? В действительности нет предметов *плод, фрукт, животное как таковое*. Понятия, заложенные в эти слова, отражают лишь обобщённые, существенные черты этих предметов. Реально существуют лишь отдельные *яблоки, груши, огурцы, помидоры*. Такие же обобщённые понятия отражают и абстрактные слова: *тяжесть, скорость, высота, длина, стоимость, пять, шесть.* Нельзя увидеть или взять в руки *стоимость, скорость, траекторию, пять, четыре*. Это абстракции многих частных определений, наименований вещей, свойств, событий, отношений, хотя их нет в действительности. Но они родились не на пустом месте, они рождены самой реальностью, в которой живут люди, они рождены мозгом в виде каких-то представлений, которые, в свою очередь, обобщают уже обобщённое. Общественные условия формируют сознание людей, а вместе с ним и распределение языковых значений и логических обобщений по определённым предметам, вещам, событиям. Но вещи, отражённые в этих понятиях, существуют, эти вещи есть в природе и в обществе, иначе все эти понятия были бы фикциями. Но эти понятия о мыслях и

чувствах человека не являются беспредметными, они тоже отражают реальную действительность, они воспринимаются чувственно.

Какую роль играют языковые знаки в совместном функционировании чувственного и логического компонентов мышления ? Чтобы реальные вещи, события, которые мы видим и ощущаем воочию, проникли в наш интеллект, и тем более, если мы хотим их передать другим, нужны языковые знаки. Для того, чтобы сенсорика (совокупность органов чувств, реагирующих на внешние раздражения) проникла в интеллект, необходимо то, что мы обычно называем языком. Сенсорика – это реально воспринимаемый чувственный континуум вещей. Это реальная предметная действительность, в которой должен ориентироваться человек, чтобы жить. Это его чувственные формы мысли. А языковые знаки необходимы человеку для того, чтобы с помощью своего мозга создавать абстрактные, общие, логические понятия. Это главнейшая философская диалектическая проблема «соотношения мышления и языка». В основе диалектики отдельного и общего лежит диалектика чувственного и рационального (абстрактного, логического). Общее «нельзя чувственно воспринимать» [Аристотель 1952 : 242]. «Чувства показывают реальность, мысль и слово – общее» [Ленин т.29 : 246].

Процесс ощущения, восприятия, представления – есть непосредственная связь предмета и того образа, который он в нас вызывает в момент его воздействия на наши органы чувств. Поэтому ощущения и восприятия не требуют закрепления своей материализации в виде слова: сама непосредственная связь человека и познаваемого предмета достаточна для того, чтобы мы получили какое-то ощущение и восприятие. Знак же нам дан для того и тогда, когда познаваемый предмет не дан нам в чувственном восприятии и когда, одновременно с этим словом, происходит обобщение, подведение множества предметов под общее понятие. Процесс мышления – это способность образовывать понятия, обобщать, а это связано с процессом абстрагирования. Если бы слово не обладало знаковой природой, то тогда мышление не раздваивалось бы на две ступени абстракции – чувственное и абстрактное, оно было бы одним – чувственным, а это означало бы гибель человечества.

Различие между чувственным мышлением и мышлением абстрактным, кроме всего прочего (их много), состоит в том, что чувственное мышление не требует знаков, т.е. посредников между предметом и мышлением, чувственый образ – тут же, в наличии, в сознании. Чувственное отражение сразу же через органы чувств передаёт сигнал в мозг, в котором и рождается образ самого предмета. Но при абстрактом мышлении знаки нужны, ибо без них мы не можем думать о реальных вещах в их непосредственное отсутствие. Если бы не было материи знаков, то не существовало бы и абстрактного мышления.

Гегель пишет: «Язык выражает лишь всеобщее, но то, что думают, есть особенное, отдельное. Поэтому нельзя выразить на языке то, что думают» [Гегель. Лен. Сборник, XII : 223]. У Гегеля «то, что думают» – это конкретные чувственные образы предметов. Их, действительно, в знаковых структурах выразить невозможно, природу нельзя передать такой, какой ты её видишь. Но абстрактное мышление для того и существует, чтобы в совокупности знаков представить читателю (слушателю) живой образ действительности.

«В чём же в таком случае заключается различие между рассудком и чувством или способностью к ощущениям ? Чувственное восприятие даёт предмет, рассудок – название для него. В рассудке нет того, чего бы не было в чувственном восприятии, но то, что в чувственном восприятии находится фактически, то в

рассудке находится лишь **номинально, по названию»** [Фейербах. Ленинский сборник, XII, 1931 : 141].

Понятийные механизмы дают людям возможность выходить за рамки конкретного мыслительного, предметного образа как воспринимаемого, так и вспоминаемого или восстанавливаемого по памяти. К. Маркс пишет: «Название какой-либо **вещи не имеет ничего общего с её природой**. Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом» [Маркс, Энгельс т. 1 : 107 - 108]. Вот это есть блестящий ответ тем «марксистским» лингвистам, которые, на словах следуя марксизму Маркса, на деле проповедуют обратное: по их мнению, идеальная сторона в знаке (её там вообще нет, она в сознании !), якобы не произвольна, не знаковая и, следовательно, отражает сущность предмета. Однако ни одно из слов не может раскрыть то содержание, которое оно обозначает, не может раскрыть сущность предмета, оно только указывает на предмет, но высказывания, составленные из тех же слов, раскрывают содержание даже событий, о которых мы решительно ничего не знали. Для связи слова и предмета одной номинативной, понятийной функции недостаточно. Нужна ещё новая, более высокая чем отдельные понятия функция – **логические суждения, т.е. структурные связи между знаками**, т.е. понятиями, из которых строятся суждения.

Языковые знаки служат средством перехода от чувственного мышления к мышлению абстрактному и обратно. Знаки – это представители соответствующих предметов (свойств, отношений) в мышлении человека, т.е. знаки этих предметов. Именно этими знаковыми формами отражения абстрактное мышление отличается от чувственной ступени познания, а мысли – от таких психических образований, как ощущение, восприятие, представление. Мысль как психическое явление не только связана с понятиями об отражаемых в них предметах и явлениях действительности (в модели знака – уровень **(3)**), но и самим знаковым материалом её служат слуховые или зрительные логические абстракции знаков (фонемы и графемы, в модели знака уровень **(2)**) в устной и письменной речи. Эти мельчайшие логические формы (фонемы и графемы), конечно, отличаются от логических понятий об отражаемых в мысли предметах и их связях.

Языковые знаки как необходимое средство рождения мысли – решающее средство, благодаря ему совершается переход от живого созерцания к мысли. Видя живой предмет, мы получаем сведения о нём в виде живого созерцания, в виде некоторого множества переживаемых нами ощущений и чувственных образов. Но параллельно с этим живым созерцанием совершается процесс вербализации чувственных образов. С помощью слов наименовываются переживаемые нами ощущения, в суждениях регистрируются те отношения, которые возникают в составе чувственных образов. Рождаются два отражения одного и того же предмета, сходных по названию, т.е. уровни модели знака **(2)** и **(3)** – это одни и те же абстрактные фонемы, но различные по материалу (уровень в знаке **(2)** – это звук, превратившийся в мозгу в цепочку фонем *лошадь*, а уровень в знаке **(3)** – это та же цепочка фонем, представлящая понятие о реальной *лошади*). Так происходит перекодирование чувственно-образной информации о предмете (*лошадь*) в знаковую информацию, так совершается скачок от живого созерцания к абстрактному мышлению, и обратно – от абстрактного мышления к живому созеранию, т.е. к понятию.

Итак, язык и мышление, вопреки тому, что о них часто пишут, не могут быть независимыми друг от друга явлениями, как и не могут быть самостоятельными

органами мысли, о чём пишут «марксистские» лингвисты. Язык, как показано в Главе 1 («О природе языкового знака») и в Главе 2 («Язык»), есть не только материя знаков **(1)** и их идеальные образы, т.е. фонемы **(2)**, но и идеальные образы внешних предметов, т.е. понятия **(3)** и сами реальные, чувственные предметы **(4)**. Язык есть некий четырёхуровневый процесс взаимодействия материи знака и внешнего объекта через их абстрактные образы. Необходимыми и внешними для человека материальными объектами являются материя языкового знака **(1)** и реальный внешний объект **(4)**, т.е. материальные вещи, воспринимаемые чувственным мышлением человека. Идеальные образы материи знака, т.е. фонемы **(2)** и внешнего объекта, т.е. понятия **(3)** рождаются в сознании человека, они не являются врождёнными, а воссоздаются в мышлении человека позже, по мере его взросления и приобретения жизненного опыта в обществе. Но умственная деятельность человека невозможна без материи знаков **(1)**, т.е. без самой начальной цепочки четырёхуровневого процесса мышления человека, ибо именно эти знаки дают просторы для совершенствования самой мысли. Но умственная деятельность человека невозможна и без предметов размышлений, т.е. без внешних или внутренних объектов **(4)**, ибо язык для того и существует, чтобы о чём-то рассуждать, что-то познавать, обобщать, общаться. В этом и только в этом заключается так называемое «влияние» языка на мышление, но фактически не языка, а только исходных материальных природных знаков, ставших языковыми знаками. Но и это не «влиянние» языка на мышления, а лишь исходный материальный трамплин, создающий условия познания и коммуникации и являющийся первой ступенью создания знаковой системы и мышления человека.

Процесс мышления не есть раздельное существование какой-либо мысли как чего-то идеального, и какого-то речевого акта как чего-то материального. Материальное – это факт действительности, к которой относится вся физическая материя, в том числе звуки и буквы, а идеальное есть смысловое отражение той же действительности. Всё на свете одновременно и материально, и идеально, в том числе те же звуки и буквы, но идеально только потому, что на свете есть мыслящий человек, и это идеальное находится не в знаке, а в сознании этого человека, где с этим идеальным ассоциируются совершенно определённые материальные звуки и буквы и, следовательно, определённые внешние вещи.

Возникновение мысли невозможно без языка, он есть необходимое условие существования мысли (кроме случаев авербного мышления). Языковые знаки есть решающее средство, благодаря которому осуществляется переход от живого созерцания к мысли. Посредством языковых знаков преодолеваются узкие горизонты живого созерцания и на основе знаков формируется абстрактно-обобщённый способ отражения действительности. «Теоретическое мышление ... является высоким уровнем мышления. ... Но мышление не сводится в целом исключительно к теоретическому мышлению в абстрактных понятиях. ...Мы совершаем мыслительные операции, оставаясь в рамках наглядной ситуации. Существует не только отвлечённое, но и наглядное мышление ..., оперируя в основном наглядными данными». [Рубинштейн 1957 : 362 - 363]. Воспринимая речь, человек представляет и видит обозначаемую действительность, а не строчку слов или последовательность звуков. Его интересуют смысловые связи, а не механизм, на котором они сформированы. Здесь возникает противоречие между чувственным и абстрактным мышлением.

Познавательная деятельность человека есть органическое единство двух противоположных сторон, двух моментов: чувственного (непосредственного, содержательного) и рационального (логического) мышления. Познание идёт от живого созерцания к логическому мышлению, а от него вновь к «живому созерцанию», к

чувственному мышлению. Чувственное и абстрактное мышление взаимно переходят друг в дуга, без этого нет мышления. На этом принципе осуществляется наше понимание прочитанного и услышанного, построено понимание прозы, стихов, бесед и т.д. Мы, восприняв из текста физические звуки и буквы **(1)**, превратив их в их идеальные образы **(2)**, переносим их в мозг (автоматически, так как уже запомнили их по ассоциации (уровень **(3)**) тоже как идеальные образы. Но за этими мозговыми идеальными образами стоят конкретные вещи, предметы, свойства, их связи (уровень **(4)**), т.е. мы переходим от чувственного мышления к абстрактному **(1 → 2)** и от абстрактного мышления на уровень чувственного мышления **(3 → 4)** (напомню читателю, что **(2)** и **(3)** – одно и то же, т.е. языковой знак *лошадь* и живая *лошадь*). На этом принципе построено понимание романов, рассказов, стихов, устного разговора. На абстрактной ступени познания (логическое мышление), человек начинает понимать свою и чужую мысль, т.е. создаётся абстрактный образ, идеальное от объекта. У человека, услышавшего, увидевшего определённое сочетание знакомых слов, тут же всплывает образ действительности, её отражение. Из изолированных слов и форм абстрактный образ создать нельзя. И вот когда через слова в их грамматических формах, т.е. в сознании, в значениях слов возникает идеальный, логический образ, происходит чудо – слова пропадают и вместо них появляется образ действительности, который отображается в логическом содержании этих слов.

Какова роль языковых знаков во взаимодействии чувственных и абстрактных форм познания ? Чувственные образы суть копии действительности. Но они вербализуются в оречевлённых формах мышления, т.е. имеют понятийную форму своего существования лишь в грамматических структурах. «Без речи элементы внечувственного мышления, лишённые образа и формы, не имели бы возможности фиксироваться в сознании; она придаёт им объективность, род реальности (конечно, фиктивной), и составляет поэтому основное условие мышления внечувственными образами» [Сеченов 1947 : 497]. Восхождение от абстрактного к конкретному представляет собой высший этап исследовательской деятельности, которому логически предшествует этап восхождения от непосредственного созерцания конкретной действительности к абстрактному.

Внутреннее родство коммуникативных и познавательных процессов видно на том, как происходит отражение действительности через вербальный текст. Мышление с его двумя принципами – чувственным и абстрактным мышлением – становится тем звеном, через которое осуществляется переход от чувственного отражения мира к его абстрактному образу в мышлении и при помощи которого возможен и обратный переход от абстрактного образа в мозгу к действительности. Пример тому – воспоминание М. Горького о «непостижимом фокусе»:

«Помню, “Простое сердце“ Флобера я читал в троицын день вечером, сидя на крыше сарая, куда залез, чтобы спрятаться от празднично настроенных людей. Я был совершенно изумлён рассказом, точно оглох, ослеп – шумный весенний праздник заслонила передо мною фигура обыкновеннейшей бабы, кухарки, которая не совершала никаких подвигов, никаких преступлений. Трудно было понять, почему простые, знакомые мне слова, уложенные человеком в рассказ о «неинтересной» жизни кухарки, так взволновал меня ? В этом был скрыт непостижимый фокус, и – я не выдумываю – несколько раз, машинально и как дикарь, рассматривал страницы на свет, точно пытаясь найти между строк разгадку фокуса.

... Но вот я читаю “Итальянские хроники“ Стендаля и снова не могу понять – как же это сделано ? Человек описывает жестоких людей, мстительных убийц, а я читаю его рассказы, точно «жития святых», или слышу “Сон богородицы“ ...

... И уже совершенно поражён был я, когда в романе Бальзака “Шагреневая кожа“ прочитал те страницы, где изображён пир у банкира и где одновременно говорят десятка два людей, создавая хаотический шум, многоголосие которого я как будто слышу. Но главное – в том, что я не только слышу, но вижу, кто как говорит, вижу глаза, улыбки, жесты людей, хотя Бальзак не изобразил ни лиц, ни фигур гостей банкира». [М. Горький 1953 : 323 - 324].

Действительно, звуки и буквы могут вызвать такие же сильные и такие же реальные переживания, какие вызывают реальные жизненные ситуации. Чувственно-наглядные образы не связаны непосредственно с языком как средством общения, они не могут быть переданы непосредственно при помощи звуков или букв. Задача писателя: передать описание событий так, чтобы у читателя при чтении возникла та же чувственная картина, яркий чувственный образ, который возникает через усвоение логического содержания. Это достигается только через абстрактное содержание, которое передаётся опосредовано через абстрактное мышление – через логические суждения.

Итак, в процессе взаимоперехода чувственного и абстрактного мышления незаменимую роль играют языковые знаки. Прежде формы чувственного познания: – ощущения, восприятия, представления (здесь проходит водораздел между чувственной и абстрактной фазами мышления). Затем формы абстрактного мышления – фонемы, графемы, морфонемы, понятия, суждения, умозаключения. При образовании п р е д с т а в л е н и я происходит простейшее элементарное абстрагирование от свойств, которые человек ощущал, воспринимал ранее. В результате восприятия чувственный образ предмета сохраняется и начинается, через употребление материального языкового знака, переход к а б с т р а к т н о м у, л о г и ч е с к о м у мышлению. Образ предмета уже воспринимается в его отсутствие. Происходит временной отрыв образа от конкретной ситуации. Образ стал существовать независимо от присутствия или наличия предмета в данный момент.

В представлении человеку мыслится предмет лишь как определённый, конкретный предмет со всеми его свойствами, попавшими в поле его зрения, ощущения, представления. Эти свойства для человека вполне специфические. Но в понятии эти свойства предметов обобщаются, берётся главное из них, по мнению человека, и становится представителем всего понятия. Понятие как абстрактный, логический образ, есть обобщённый образ, следствие того, что человеческая память не в состоянии охватить сразу все свойства предмета, его особенности. Поэтому выхватываются только бросающееся в глаза, хотя и не всегда главные свойства. Поэтому логический образ предмета, понятие о нём – бледный, общий, редуцированный, расплывчатый, он беднее чувственного образа. Но главное достоинство логического понятия по сравнению с чувственными образами состоит в том, что оно живёт в мозгу независимо от того, присутствует ли данный предмет перед глазами, или нет. Понятие «работает» преимущественно в отсутствие реальных предметов.

§ 4. Взаимоотношение языка и мышления.

I. Взаимоотношение языка и мышления – главная проблема о человеке вообще.

1) Мышление – это «туманность».

Откуда появились термины «язык» и «мышление», придумали ли их лингвисты или это плод народного чутья ? В любом народе с незапамятных времён различают эти

два термина и те понятия, которые ими выражены. Раз существуют два отдельных понятия и их термины, значит они спокон веков разорваны и каждое из них понимается как нечто самостоятельное. Мышление – это одно (*Ты плохо мыслишь, думаешь, соображаешь*), а язык – это нечто другое (*На каком языке ты говоришь, какими языками ты владеешь*).

«Взятое само по себе, мышление похоже на туманность, где ничто не разграничено». [Соссюр 1933 : 112]. В психологическом отношении наше мышление представляет собой бесформенную и смутную массу. Без помощи материальных знаков мы не смогли бы внести ясность, чёткость, конкретность в наше мышление, мы бы не смогли различать понятия. Нет никаких различий и разграничений в нашем мышлении до появления материальных знаков. Наше мышление представляет собой аморфную и неясную массу. Без помощи знаков мы были бы неспособны отличать одно понятие от другого. Мышление само по себе некая туманность, где ничто не разграничено обязательным образом. Здесь ничто не оформлено до появления языка. Разум приемлет только такую форму материи, которая служит опорой некоторому понятию.

Мышление хаотично по своему содержанию, по природе, но оно должно уточняться, разлагаясь на отдельные отрезки. Звуки тоже хаотичны и требуют тоже делений. Для этого и служит язык, он вырабатывает, разумеется, с помощью мышления, свои единицы, лежащие между двумя бесформенными массами – мышлением и звуками. В мышлении ничто не разграничено. Этому разграничению и служит система языковых знаков.

2) Проблема «взаимоотношения языка и мышления», ввиду её сложности, вызывает много вопросов.

Мыслим ли мы словами или без слов ? Если мы мыслим словами, то где пребывают эти слова ? Если я думаю словами, то как я обдумываю эти мои слова ? Или может я во время говорения и чтения не думаю ? Если я всё же думаю, то разве только с помощью слов ? Если я думаю с помощью слов, осуществляя моё внутреннее говорение, то должен ли я внутренне слушать самого себя, чтобы контролировать говоримое мною ? Мыслю ли я, когда слушаю собеседника и читаю текст, или за меня мыслит говорящий и пишущий ?

Эта проблема имеет многовековую традицию её изучения, и в языкознании уже отмечены её основные пути.

1) Аристотель, закладывая основы формальной логики, обратился к своему родному языку и, анализируя его, обнаружил десять общих языковых категорий, которые были для него не столько языковыми, сколько логическими категориями. Аристотель сознавал своё исследование лишь как анализ мысли. Это значит, что категории языка – полные аналоги категорий мысли, всемирно-универсальные, равноправные по отношению к мышлению, которое использует язык для своих целей в качестве формы выражения. Аристотель понимал, что взаимоотношения языка и логики, языка и мышления – одна из фундаментальных проблем не только языкознания и логики, но и наук о человеке вообще.

2) Такое понимание взаимоотношения языка и мышления, будто они равны, самостоятельны, и одно покрывает другое, сохранилось на протяжении средневековья и нового времени (грамматика Пор - Рояля) вплоть до середины 19 века, когда утвердилась теория, что категории мысли независимы от языковых и первичны по отношению к ним. Язык для мышления – лишь форма его выражения.

3) Логический подход сменяется психологическим подходом, согласно которому между логикой мышления и формами языка нет непосредственной связи. Эта связь

опосредована психикой и психическим. Поэтому формы мышления должны изучаться как непосредственные корреляты категорий языка.

4) Новый этап в учении о взаимоотношении языка и мышления связан с теорией «лингвистической относительности» Сепира – Уорфа. Формы языка имеют приоритет над формами мышления, т.е. это теория, обратная логическому направлению. Этот приоритет настолько существенный, что само мышление и его результаты на разных языках различны, следовательно, люди с разными языками видят один и тот же мир по-разному.

5) В марксистской лингвистике проблема «взаимоотношения языка и мышления» была в центре внимания и считалась основной теорией с точки зрения марксизма – ленинизма: язык и мышление – неразрывное, органическое единство, причём такое единство, в котором главенствующая роль отводилась языку.

6) В конце концов мы пришли к тому, что некоторые лингвисты отметили: мы не знаем, что представляет из себя язык и каким образом мы общаемся друг с другом. И в то же время полагают, что в науке о языке центральной проблемой является проблема «язык и познание». Язык имеет двойную зависимость: биологическую и социальную. Чтобы познать эту зависимость, нужна теория, требующая «объяснительной силы». Как пишет Колшанский, речемыслительный процесс есть реакция человека, которая опирается на биологическую и нейропсихологическую субстанцию, что обеспечивает переход от материального взаимодействия человека с миром к осознанно-психологическому. [Колшанский, ВЯ, 1983, № 3].

Вопрос о взаимоотношении языка и мышления – самая сложная проблема теоретического языкознания, логики, психологии, философии. На всём протяжении развития этих наук вопрос о взаимоотношении языка и мышления редко ставился, или эти обсуждения вызывали многие споры и дискуссии. Сущность этой проблемы обусловлена сложностью и противоречивостью самих объектов взаимоотношения, ибо оба объекта знания – язык и мышление – сочетают в себе и материальное, и идеальное, и социальное, и индивидуальное, и биологическое. Эти два явления, как порождения человеческого мозга и социальных отношений, в то же время являются социальными, общественными продуктами.

Изучение структуры сознания человека как идеального снимка структуры мира осуществлялось трудом многих поколений учёных. И этим прогрессом мир обязан языку человеческому. Язык, следовательно, как инструмент мысли отдельного человека, есть необходимое условие прогресса всего человечества. «Язык и мышление» – всегда была главной темой теоретического языкознания. Но что такое Язык и что такое Мышление ? Если под языком понимать форму + значение, т.е. материю слова, предложения и его значение, то это тавтология, означающая или соотношение «мышления с мышлением», или соотношение «язык есть мышление», а «мышление есть язык». Чтобы избежать тавтологии, мы должны допустить, что языковой знак – лишь природная материя вроде грома или лая собаки, не имеющая отношения к человеческому языку. Как писал Энгельс, взаимоотношение языка и мышления имеет прямое отношение к тому, что он назвал центральной проблемой, разделяющей философов на материалистов и идеалистов – проблемой взаимоотношения материального и идеального как основного вопроса диалектической философии.

В процессе речевого общения его участники осуществляют переход от нематериальной мысли к материи звука (при говорении), и от материального звука к нематериальной сущности, к пониманию (при слушании). Это бесконечное жизненное явление трудно для научного понимания, поскольку наука не знает фактов прямого взаимодействия материального и психического.

Словосочетание «взаимоотношение языка и мышления» само по себе абсурдно, потому что мы не знаем, что надо понимать под языком, и пытаемся определить непознанное через непознанное. Постижение сущности языка, как он сейчас понимается, на основе «здравого смысла», науку не может удовлетворить. Что такое язык ? Из словосочетания «взаимоотношение языка и мышления» выходит, что язык и мышление некие разные сущности, разные объекты и мы ищем законы их взаимодействия. Если разные, значит под языком мы разумеем лишь внешние к человеку материальные языковые знаки, а под мышлением – работу живых нейронных клеток. Но если звук, буква, слово – это материальный языковой знак, то он уже по определению должен сам обладать свойством выражать мысль о внешем предмете, что нереально. Или знак должен указывать, отсылать к значению, содержащемуся не в нём. А это уже мышление. Следовательно, «взаимоотношение языка и мышления» есть то же, что и «взаимоотношение мышления с мышлением». Иначе знак уже не знак. Значит существует мысль до слова, до знака.

Мысль родившись в мозгу, ищёт себе условный знак, никак не соответствующий данной мысли, потому что мысль, идеальное есть порождение живого мозга, а звук – природная материя, живущая вне мозга человека. Мысль родилась до знака, мы не можем себе представить рождения слова, знака до мысли, из ничего. Всё то, что человек делает, есть преобразование существующего. Точно так же, и создание или рождение данной мысли есть преобразование процесса движения мышления. Говорить – значит, не передавать свою мысль собеседнику, а генерировать, возбуждать её в чужом мозгу, возбуждать свои собственные мысли в чужом мозгу.

Отождествление языка и мышления как равноправных участников связи, тем более, как у Панфилова, как «неразрывной связи», логически приводит к снятию вообще проблемы «их взаимоотношения», к закрытию этой проблемы. Следовательно, термин «взаимоотношение языка и мышления» никакой научной ценности не имеет, и этот термин по справедливости надо читать как «взаимоотношение материальных языковых знаков», с одной стороны, и «процессов мышления в мозгу», с другой стороны, т.е. мы возвращаемся к той же не исчезающей и никогда не могущей исчезнуть главной материалистической, диалектической проблеме «взаимоотношения материального и идеального». А этот последний термин в традиционной теории «взаимоотношения языка и мышления» как раз и не подразумевается.

3) Понять взаимоотношение языка и мышления можно только как модель работы «чёрного ящика» ?

«С помощью языка духовное стремление прокладывает себе путь через уста во внешний мир, и затем результат этого стремления в виде слова через слух возвращается назад. Таким образом, представление объективируется, не отрываясь в то же время от субъекта. И всё это возможно лишь с помощью языка; без описанного процесса объективации и возвращения к субъекту, совершающующегося посредством языка, ...невозможно образование понятий, а тем самым и действительного мышления. ...Язык есть обязательная предпосылка мышления ...». Но язык, пишет далее Гумбольдт, не только обозначает предметы. Это мнение не исчерпывает глубокого содержания языка. Без языка не может быть никакого понятия, для мышления не может быть никакого предмета, если нет языка, так как только посредством понятия в мышлении раскрывается сущность внешних явлений. Слово не есть простой отпечаток предмета, а его образ, создаваемый в мысли. [Гумбольдт 1956 : 80 - 81].

Язык обозначает не сами предметы, а понятия, которые образуются мышлением. Образование понятий – это глубоко внутренний процесс, опережающий чувство

артикуляции. Но любое понятие, чтобы войти в язык, должно принять образную форму, хотя и не всегда. И как раз в соединении понятий, пронизывающих весь язык до основания, и проявляется вся глубина гения языка. [Там же : 85].

В. Гумбольдт, в отличие от современных лингвистов, почти за 200 лет до них, увидел в языке многое из того, что никогда не может быть опровергнуто. Мысль в виде логических понятий прокладывает себе путь в мир только через материю знаков языка. Эти понятия возвращаются в мозг других людей через те же знаки, не отрываясь в то же время от своего субстрата. Только так возможно мышление. Сами материальные знаки, т.е. язык, не мыслят, но они есть обязательная предпосылка и материальный фундамент процесса мышления. Материя знака **(1)** – не образ материи внешнего предмета **(3)**, а есть его собственный идеальный образ создаваемый в мысли, т.е. логические фонемы **(2)**, которыми условно, немотивированно называются реальные предметы **(4)**. В. Гумбольдт справедливо пишет: «В соединении понятий **(3)** с идеальными образами материальных знаков **(2)** и проявляется вся глубина гения языка».

То, что разглядел Гумбольдт во взаимодействии языка и мышления, представлено мною в этой книге как «Модель знака», а современные кибернетики представляют себе эту модель как работу «чёрного ящика» (на самом деле такое навигационное устройство в самолёте имеет оранжевый цвет). По их мнению, исследование сознания, мышления, языка, речи – это изучение внутреннего устройства кибернетического «чёрного ящика», т.е. сложного объекта, внутреннее устройство которого исследуется путём сопоставления поведения этого объекта с характером различных внешних, видимых воздействий, проявлений. Анализируя реальные данные (звуки речи, буквы, понимание, слушание, письмо и т.д.), в которых зафиксированы сведения о воздействии и реакции на них «чёрного ящика», удаётся с определённой долей вероятности установить составные части объекта, их структуру и взаимодействие между этими частями, не заглядывая внутрь «ящика». На основании полученных выводов строится модель внутреннего устройства (мышления, сознания, логики, языка, речи, текста, действительности), скрытого в «чёрном ящике». Поэтому исследование объекта сводится к исследованию свойств «порождающей модели мышления – языка», которая в этой книге мною представлена как «Четырёхуровневая модель знака» (см. выше Главу 1). Эта методика применялась всегда при изучении взаимоотношения языка и мышления, но она никогда не была представлена эксплицитно, применялась эпизодически и непоследовательно, сумбурно, допускала множество противоречий между исследуемыми фактами.

II. Язык и мышление – это самостоятельные, независимые друг от друга объекты ?

1) Язык и мышление имеют разные генетические корни.

Наука всегда стремилась расчленить свой объект изучения на части, чтобы затем познать объект в целом. То, что мы обычно называем «языком», учёные давно расчленили на две части по основному принципу диалектики – на материальное (звуки, буквы) и на идеальное (значение, мысль, смысл), назвав материальное «языком», а идеальное –«мышлением, отражением». Но это расчленение сохранилось до сих пор и наука обычно рассматривает «язык» и «мышление» как разные науки, как два обособленных объекта. Понятие «язык» сохранилось за языкознанием, а «мышление» стало объектом изучения в разных науках – в психологии, логике, физиологии, нейрофизиологии и др. Можно напомнить слова Маркса: «Так же как философы обособили мышление в самостоятельную силу, так должны были они обособить и язык в некое самостоятельное, особое царство» [Маркс, Энгельс т. 3 : 448].

Как показал проведенный в этой книге анализ взаимоотношения языка и мышления, рассматривающихся как два «самостоятельных особых царство», не ведёт к пониманию ни того, ни другого, ни их взаимного отношения. «Что всегда составляет затруднение, так это – мышление, потому что оно связанные в действительности моменты предмета рассматривает в их разделении друг от друга. Только тощая абстракция рассудка может требовать, чтобы различие свойств даже принадлежащих одному и тому же телу, сопровождалось их полнейшей разделённостью и самостоятельностью». [Гегель 1975 : 331].

Интеллектуальное и речевое развитие имеет разные генетические корни, интеллект и речь на разных ступенях их развития достаточно автономны. Сперва эта связь между мыслью и знаком отсутствует, затем скрепляется, доводится до автоматизма и благодаря ему мысль опять отрывается от языка в виде «невербального мышления». [Выготский 1934 : 77]. «На определённой стадии фило- и онтогенеза линии развития мышления и языка сливаются, давая начало собственно человеческой языковой деятельности и речевым формам поведения, в результате чего мышление становится речевым, а речь – интеллектуальной». [Выготский 1982 : 105]. Для Э. Пиаже, так же как и для Выготского, мышление и речь имеют генетически различные корни и до определённого момента развиваются самостоятельно, и с возраста примерно двух лет мышление ребёнка начинает опосредоваться знаками языка.

Совершенствование мысли, пишет Потебня, возможно только посредством её сообщения, слова. Но слово возможно только тогда, когда мысль достигла совершенства уже и без него. Нет языка без понимания, но понимание возможно только посредством слов. Но область языка далеко не совпадает с областью мысли. Психологи считают, что речь возникает у человека в детском возрасте как усвоение слышимого от окружающих. Затем эти формы речи используются ребёнком во внешней речи, т.е. проговариваются. Позднее внешняя речь превращается во внутреннюю, т.е. происходит сближение, «слияние» речи с мыслью.

Ребёнок до известного возраста не говорит, но в некотором смысле думает, воспринимает чувственные образы, и может отчасти их уже обобщать. Но когда человек уже овладевает языком, чувственные образы излишни. Творческая мысль художника, скульптора, музыканта обходится без слов, невыразима словами и совершается без них, хотя до этого мышление было совершенствовано с помощью языка. А в математике учёные, чтобы упростить свою знаковую систму и соблюсти чистоту математического анализа, уже отказываются от языковых знаков, слов и их заменяют математическими знаками. Следовательно, область языка далеко не совпадает с областью мысли. Вначале мысль не связана со словом, она представляет собой некую «туманность», ещё не доросла до слова, но на высокой степени абстракции покидает его, уже как обузу, как оковы, и чтобы облечь свою мысль в слово, надо преодолевать «муки слова».

Люди иногда думают, что слово врожденно человеку (Н. Хомский). Но это не так, потому что необходимое и врождённое в человеке есть только мысль, но не её связь с человеческим членораздельным звуком. Звуки, буквы независимы от мысли, мысль существует до слова. Мысль тоже независима от слова. Слово возможно только тогда, когда мысль достигла совершенства и без него. Нет слов без понимания. Но понимание возможно только посредством слов. Сознательная умственная деятельность невозможна без языковых знаков, потому что она сама образуется при помощи знаков и знаки в этой деятельности играют главнейшую роль по сравнению с другими, неязыковыми факторами.

2) Мышление руководит языковыми знаками.

Главной методологической ошибкой при решении проблемы взаимоотношения языка и мышления является установление изоморфизма между несопоставимыми между собой явлениями – языком и мышлением. Человек не может знать даже пределов возможности употребления языковых знаков – они тем и замечательны, что открывает здесь безграничные возможности для разгула мышления. Сами понятия аномального, правильного или неясного весьма условны. Для любого явно аномального употребления слова всегда можно придумать ситуацию, которая превратит его во вполне нормальное. « ...Мышление не знает границ: ему ничто не запрещено до тех пор, пока оно остаётся чистым мышлением. Но как только физика вместе с родственными ей науками ... пытается придумать картину мира вещей, и естественным образом изложить её (что возможно только посредством языка), она повсюду наталкивается на преграды. Мыслимое и действительное никогда не совпадают». [Макс Борн 1963 : 411].

В этом отношении показательно словотворчество и детей, и взрослых, см., например, стихи В. Маяковского, И. Северянина, В. Хлебникова. Совокупность множества межсловесных связей образуют вербальную сеть – это психофизическое образование, вырабатываемое в детстве и затем стабильно существующее в течение всей жизни. Все известные человеку слова включаются в её структуру. Хорошие писатели и поэты далеко уходят от затёртой языковой сетки, по которой создаются обычные, привычные, затёртые языковые фигуры. Писатель предлагает новую сетку видения мира, наполненную индивидуальными впечатлениями и чувством. Чем больше этих скрытых нововведений в вербальную сеть, чем дальше уходят от деревянного языка, тем талантливее писатель.

3) Язык и мышление – это два самостоятельных органа отражения и познания ?

С одной стороны, «язык» и «мышлние – самостоятельные объекты, что и отмечено двумя самостоятельными понятиями. Получается, что между мышлением и языком, в силу различных исторически закреплённых за ними терминов нет ничего общего. Эта теория перешла в учёный мир и она продолжает существовать на протяжении всей истории языкознания. Но, с другой стороны, между мышлением и языком редко усматривается какая-либо иная связь, кроме неразрывной. Ср. книги «История немецкого языка», «История русского языка», которые, по их заглавиям, не имеют, казалось бы, никакого отношения к мышлению, хотя по сути эти книги должны были бы называться «История немецкого языкового сознания», «История русского языкового сознания». Это есть, в сущности, мышление, отражённое в мозгу носителей немецких и русских материальных знаков, которые мы сегодня называем языком. Письменные и устные знаки – не просто звуки и буквы, а материальные, вынесенные за пределы мозга ассоциативные, договорные изображения форм мышления данного народа. И эти знаки н е о б х о д и м ы, потому что мышление не может быть выражено, эксплицировано, вынесено вовне мозга без знаков, коммуникация без знаков вообще не может состояться. Они необходимы также для внутренней речи, для процесса познания.

Затем эти два термина, отражающие разные понятия («мышление», «язык»), учёные начали соединять вместе, объявляя, что нет мышления без языка, хотя язык продолжал быть самостоятельным феноменом. Следовательно, возникло противоречие: как может быть язык самостоятельным, если нет мышления без языка и, следовательно, языка без мышления ? При этом какова роль языка, и что такое язык – неизвестно.

Панфилов нашёл, что существует, с одной стороны, «неразрывная связь языка и мышления», и при этом «язык» – относительно самостоятельное явление». Следовательно, уже в науке (в марксистском языкознании) поднимается вопрос о сближении языка с мышлением, язык и мышление – это одно и то же, так как они

«неразрывны», следовательно, язык не существует без мышления, но при этом язык может быть «относительно самостоятельным», не связанным с мышлением и не подчиняюшимся мышлению. Это значит, что язык сам мыслит (как в теории Сепира – Уорфа), его мысли относительно самостоятельны и, следовательно, могут не подчиняться мыслям из «кладовой мышления» и даже противоречить им. Логическая цепочка этой теории завела в тупик.

Теперь возникает вопрос: проходит ли какая-либо граница между языком и мышлением, если это одно и то же ? Разумеется, её нет. Тогда зачем нужны эти два термина для обозначения одного и того же явления, ведь на самом деле звуки (буквы) языка переходят в мозг не в их природной материи, а преобразуются мозгом в идеальные, логические формы фонем и графем, т.е. становятся единицами мышления, как и давно знакомые нам логические понятия в виде идеальных абстракций от значений слов ? При отсутствии разницы между языком и мышлением нужно говорить о мышлении, а не о языке, т.е. ставить вопрос: на языке мысли какого народа мы говорим и пишем ?

Лингвисты иногда ставят и обсуждают вопросы: 1) Существует ли полный параллелизм между языком и мышлением ? 2) Возможно ли мышление без языка ? 3) Всё ли в языке связано с мышлением ? Эти вопросы сами по себе ошибочны, ибо они предполагают утверждение, что мышление и язык – самостоятельные сущности и между ними возможны лишь какие-то отношения. Тезис о двух самостоятельных органах отражения (языком и мышлением) доказывается тем, что развитие речи есть «фактор добавочного, дополнительного для мышления» [Нечипоренко 2002 : 46]. Что же тогда «основной фактор для мышления» ? Панфилов видит различия между мышлением и идеальным компонентом языка, т.е. его значением в следующем: 1) Мышление объёмнее языковой семантики. 2) Языковая семантика объёмнее мышления, потому что в формировании языковой семантики участвуют два фактора: а) само отражающее мышление, б) фактор системности. Мышление – это экстралингвистический фактор, благодаря чему стоит вопрос о взаимоотношении языка и мышления. А воздействие действительности на язык – опосредованное, через мышление. Поэтому решение вопроса о взаимодействии экстралингвистических и внутрилингвистических факторов это и есть проблема взаимодействия этих факторов [Панфилов 1964 : 75].

По мнению Потебни, отражательная функция языка – главная. Язык есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать её. [Потебня 1926 : 130]. Эта же идея разделяется Выготским, Кацнельсоном. Также: «Отражающая способность языка – признанный факт» [Гак]. Связь языка и мышления – это не только их сосуществование, но и их взаимопроникновение и отражение, т.е. язык и мышление имеют отражательные функции, в языке это – семантическая сторона языковых единиц. Языковые значения являются понятиями, это отчуждённое мышление. [Кодухов 1967 : 104 - 105].

«Вечным вопросом языкознания является проблема языка и мышления. Советские языковеды, опираясь на марксистско-ленинскую философию, на теорию отражанин Ленина, не отождествляя язык и мышление, утверждают их диалектическую взаимосвязь. Язык, являясь средством выражения мышления, отражающего независимую от нашего сознания объективную действительность, оказывает воздействие на мышление» [Филин 1982 : 48]. Содержанием языка являются вовсе не те идеи и мысли, которые с его помощью получают возможность материализоваться в обмене между людьми, а совокупность заключённых в элементах языка лексических и грамматических значений. Язык – средство выражения мыслей, а не хранилище уже сложившихся мыслей, это инструментальная кладовая, склад готовой продукции. В этом и проявляется

диалектическое единство языка и мышления, не означающее их тождество и не являющееся формой другого. [Аврорин 1964 : 119].

По мнению Лосева, язык – это то же мышление, то же бытие мысли. Словесное бытие есть третий вид бытия, наряду с чисто логическим мышлением, и чисто вещественным, материальным. Слово – не что иное, как некая интерпретация бытия. [Лосев, СЛЯ, 1976 № 5]. Язык и мышление связаны не как форма и содержание, а как самостоятельные феномены, каждый из которых имеет свою специфическую форму и своё специфическое содержание. Такое понимание вытекает из формулы «единства языка и мышления». Это единый процесс, в котором осуществляется познавательная и коммуникативная деятельность человека. [Крушельницкая 1967 : 215]. При всей тесной связи языка и мышления и их взаимодействия, это – два разных по своей сущности феномена, имеющий каждый своё содержание, форму, структуру, элементы и законы их функционирования. [Уфимцева 1970 : 102 - 103].

Подобные утверждения говорят о том, что в языкознании отсутствует истинное понимание природы языка и мышления. И прежде всего о том, что язык и мышление – два самостоятельных мыслящих субъекта. Неверно мнение, будто мышление и его логические формы, т.е. будто идеальные образы звуков (фонемы) и идеальные образы предметов (понятия) находятся в самом языке, будто в языке отражается действительность. Если бы это было так, то это вело бы к тому, что мы имели бы две формы отражения действительности, признавали бы две самостоятельные идеальные, логические картины мира – в мозгу и в материи знаков. Таким образом, постулируется существование трёх миров бытия – мира, мышления, языка. Это приводит нас к двум неразрешимым противоречиям: 1) Между ограниченным словарём, чему препятствует ограниченная память нашего сознания и бесконечность мира, который должен быть отражён в языке, так же как и в мышлении; 2) Между великим множеством различных языков и единым логическим, общечеловеческим мышлением, а это означало бы, что каждая нация живёт в своём особом мире по законам их собственного языка.

Иногда язык считают относительно самостоятельным по отношению к мышлению, и только на том основании, что на язык оказывает влияние не только мышление, но и сама «внутренняя природа» языка. И даже пишут, что «отражающая способность языка» – признанный факт (Гак). Если «внутренняя природа языка» обладает «отражающей способностью», то это есть утверждение об одновременном существовании двух мыслительных центров. Это, далее, значит, что лингвистическая семантика (хотя она – не лингвистическая, не знаковая, а мыслительная и её источник – мозг), имеет отражательную природу, что она совпадает с логическими формами отражения – понятиями.

Панфилов считает, что система языка относительно самостоятельна, т.е. родилась сама собою, без участия мозга и, следовательно, этой системе языка свойственны внутренние законы своей организации и функционирования. Эта «относительная самостоятельность языка» объясняется тем, что язык имеет сложную организацию. Он утверждает, что в связи с относительной или полной самостоятельностью языка по отношению к мышлению, язык оказывает влияние на мышление. Отчасти это верно, и именно в том плане, что языковые знаки обеспечивают саму возможность обобщённого мышления и познания. Но когда пишут о том, что влияние языка на мышление состоит в том, что «язык фиксирует результаты предшествующих этапов познавательной деятельности человека», то заслуга этой «апперцепции» принадлежит не языковым знакам, неживой материи, а мышлению, а языковые знаки – лишь внешние материальные фиксаторы тех ассоциативных мыслительных процессов, которые совершаются в мозгу, но которые отражены на материальной бумаге. Но Панфилов тут же отрицает самого

себя: язык не влияет на мышление по той причине, что критерием истины является практика человека, а не языковые значения. Кроме того, содержание нашего сознания не сводится к набору значений, зафиксированных в языковых единицах, ибо носитель языка может выразить даже то, что не зафиксировано в языковых знаках. Далее: язык не жёстко определяет характер мышления, иначе было бы невозможно объяснить развитие мышления и источник развития самого языка.

Оригинальная точка зрения по обсуждаемому вопросу представлена в работах Комарова. Нельзя разделять, пишет он, мышление и идеальное языка, как две формы отражения действительности. Если признать идеальный компонент языка самостоятельной формой мышления, то это выводит к проблеме: 1) Это взаимоотношение двух форм отражения одной и той же действительности; 2) Это признание двух самостоятельных «картин мира», двух мировоззрений, т.е. постулирование языка как третьего вида бытия (мир, мышление, язык). Признание двух форм отражения действительности ставит под сомнение способность языка отражать действительность, т.е. быть средством познания, ибо невозможно расчленить мышление и идеальное языка.

Если считать язык и мышление двумя формами отражения мира, то это, пишет Комаров, – метафизический отрыв логической схемы языка от его живого, реального содержания, отождествление логической схемы живого языка с логическим строем мышления. Ведь между языками фактически имеются глубокие различия между семантическим аспектом языка и логическим строем мышления. Мышление не может быть универсальным. Игнорируются семантические особенности языков, живая идиоматика, происходит абсолютизация логического строя. [Комаров 1988 : 98]. Комаров утверждает, что мышление есть непосредственно составляющая языка и, следовательно, лингвистическая семантика имеет отражательную природу, здесь лингвистическая семантика совпадает с семантикой отражения. [Там же : 113].

Каково, по Комарову, соотношение идеального, мыслительного содержания в языке и в мышлении ? Исходное здесь – оба феномена, они оба идеальны. Если и то, и другое идеальны, то не свидетельствует ли это, что язык и мышление – совпадают, что это одно и то же, а не два явления ? Т.е. мы приходим здесь к традиционному вопросу о соотношении языка и мышления: считается, что язык и мышление образуют неразрывное единство. Но каково это единство ? 1) Иногда используют термины «языковое мышление», «речевое мышление», «речемыслительная деятельность», но это лишь составные компоненты единства, но не единство в целом. 2) Если это диалектическое единство, т.е. противоречивое единство, то это единство должно состоять из противоположностей. Для Комарова «языковое мышление» – не единство материального и идеального, а соотношение идеальной стороны языка и мышления. Если идеальное в языке совпадает с мышлением, то мышление – составная часть языка, его идеальное. Но тогда взаимоотношение «язык – мышление» формулируется им в совершенно ином ракурсе – как часть и целое, соотношение целого (языка) и части (мышления). Поэтому в гносеологическом плане остаётся лишь проблема бинома – объективная действительность – идеальное языка, т.е. мышление. Однако тут же встаёт вопрос, как соотносятся 1) идеальные компоненты в языке и в мышлении, 2) как соотносится идеальный компонент языка с действительностью ? Комаров вводит противопоставление в виде триады: действительность – мышление – идеальное языка. [Комаров 1988 : 86 - 87].

Поскольку семантика отражения непосредственно включается в состав языка, образуя его идеальное как противоположность материального, то это, по Комарову, значит, что существует непосредственная связь между языком и объективной действительностью. Триада «действительность – мышление – язык» уступает место биному

«действительность – язык». Совпадение лингвистической семантики (идеального) с семантикой отражения (мышления) детерминировано единым отражательным процессом, идеальные результаты которого в материально-звуковой форме выступают в качестве языка. [Комаров 1988 : 151]. Если считать, пишет Комаров, что мир отражается одновременно мышлением и языком (дуализм), то это ведёт 1) к признанию бытия идеального вне языка, 2) к отказу языку в способности полного и адекватного выражения мыслительного содержания, 3) к сомнению в способности языка вообще быть средством общения, познания, хранения информации, 4) к пониманию семантики языка как второй (промежуточной, второй или высшей) формы отражения и третьего вида бытия (действительность – мышление – язык). Традиционная проблема взаимоотношения языка и мышления преобразуется в проблему соотношения материального (звучания) и идеального (значения) компонентов языка. Проблема взаимоотношения языка и мышления остаётся корректной лишь в плане соотношения целого (язык) и его части (мышление) [Там же : 131].

Обычно эта связка, пишет Комаров, понимается как связь или отношение двух объектов, двух материальных структур – языковой системы или структуры знаков, выполняющей функции общения, и мышления как нейродинамической системы, структуры, выполняющей функции управления организмом. Но эта форма понимания связи языка и мышления и сам способ формулировки как их «взаимоотношения» есть глубокое заблуждение. Т.е. это есть понимание указанной связи на основе «здравого смысла». Но «здравый смысл» не является критерием истинности. Все семантические объекты, их истинное существование принимается без доказательства, но их ещё надо доказать в качестве исходных. «В семантике языка нет ничего, что бы отсутствовало в содержании мышления (семантике отражения), но и в мышлении нет ничего, что не принадлежало бы семантике языка. Семантика отражения есть семантика языка, и семантика языка есть семантика отражения. Налицо – одна сущность» [Там же : 130].

Наиболее полно «взаимоотношение языка и мышления» представлено в работах Панфилова. Он пишет, что мышление и идеальное языка – единая форма отражения действительности. Они идентичны в своей сущности – мышление и есть идеальная сторона языковой единицы, это одно и то же явление. Их идентичность обнаруживается в их происхождении: это продукты материального, они оба производны, вторичны, они идентичны и в своём материальном субстрате – продукт человеческого мозга. Они идентичны и по функции – отражение. Оба явления идентичны и в форме идеального: для того и другого это – идеальный образ объективной действительности. Идеальная сторона языковой единицы не произвольна, как и в мышлении, а объективна. У них совпадают и содержания (понятия и суждения – это отражение мира). Итак: в мышлении нет ничего, чего бы не было в идеальном компоненте языка. Они совпадают по сущности, по происхождению, по материальному субстрату, по функции, по характеру и объёму своего содержания, и оба должны к а к б у д т о представлять одно явление. [Панфилов 1957; см. также 1977 : 56, 97, 98, 41, 86, 79].

Но Панфилов не решается это назвать одним и тем же, оговариваясь через «как будто». И язык, и мышление, по его мнению, идеальны, но Панфилов их не идентифицирует. Это две самостоятельные, параллельно сосуществующие формы отражения. В другом месте своего анализа он отвергает такого рода допущение. Это не две параллельные формы мышления, по Панфилову, не два явления, а одно. Но он и тут уходит от их полной идентификации. 1) Потому что мышление является лишь одним из факторов, основным фактором формирования идеального компонента языка. Это процесс познания объективной действительности. 2) Идеальное в языке – это не сам процесс мыслительного отражения действительности: оно формируется «в связи с

отражением объективной действительности, является её образом (в гносеологическом смысле)». 3) Мышление не совпадает с идеальным компонентом языка ещё и потому, что содержание мысли шире чем содержание мысли в языке, ибо не все значения фиксируются языком. Содержание мышления в целом не сводится к сумме значений слов, но только в сочетании и в предложении в целом. Хотя сам же пишет, что мышление в целом исчерпывается содержанием речи. [Панфилов 1977 : 41, 33].

Панфилов считает, что не все элементы предложения выражают мыслительное содержание, оно выражается только в «лексических единицах языка», поскольку они выражают понятия (как будто союзы, предлоги, частицы, модальные слова – не единицы языка и не выражают понятий !). Какое место в мышлении человека занимают эти «неполнозначные» слова ? Грамматические же элементы рассматриваются им как формально-структурные, строевые элементы, не являющиеся понятиями, но лишь выполняющие синтаксические функции связывания слов и предложений. Но где «квартируют» эти грамматические формы ? Тоже в голове, т.е. в мышлении. Это те же понятия, только более высокого уровня, они более абстрактны, чем знаменательные слова.

Итак, Панфилов, как один из ведущих «марксистских» глашатаев теоретического языкознания, не мог выпутаться из противоречивого капкана, который сам же и поставил:

1) Языковой знак он рассматривает то как одностороннюю, то как двухстороннюю сущность, приписывая семантические, идеальные значения то самому знаку, то мышлению.

2) Он вводит понятие «логико-грамматического уровня» предложения как особый уровень, наряду с синтаксическим и логическим. Но фактически под ним он имеет в виду тот же логический уровень, а это значит, что он постулирует два логических уровня, разделяемых им по признаку лексического наполнения предложения: «логико-грамматический уровень» имеет, якобы, свои особые, специальные лексические средства.

3) Согласно его теории, язык влияет на мышление, но как ? Путём передачи мысли, информации от поколения к поколению. Языковые знаки, таким образом, наделены функцией мышления, это сознание человека.

4) Язык и мышление – нечто единое, самодостаточное. Мышление и есть язык. И в то же время, по его мнению, существует мышление, тоже как нечто самостоятельное, причём язык в нём есть тоже нечто относительно самостоятельное, но при этом оно влияет на мышление.

4) Язык, как относительно самостоятельное явление, влияет на мышление ?

Панфилов без аргументированных обоснований пишет: «Язык и мышление образуют такое диалектически противоречивое единство, в котором язык, при определяющей роли мышления, представляет собой относительно самостоятельное явление, в свою очередь оказывающее определённое обратное воздействие на мышление» [Панфилов 1971 : 3]. Это, по мнению Панфилова, происходит так: 1) Язык обеспечивает саму возможность специфически человеческого, т.е. абстрактного, обобщающего мышления и познания; 2) В языке в той или иной мере фиксируются результаты предшествующих этапов познания действительности (в значениях слов, в его грамматических категориях); 3) Предшествующий уровень познания действительности, зафиксированный в языке, оказывает влияние на последующие этапы познавательной деятельности человека, на сам подход познающего к объектам действительности. Это своего рода языковая «апперцепция», проявляющаяся в активной роли языка [Панфилов

1982 : 31]. А далее совсем нечто противоположное: познаёт мышление, «а язык – лишь орудие, которое используется в процессе осуществления познавательной деятельности, средство существования абстрактного мышления» [Панфилов 1982 : 114].

Эти положения, которые защищает Панфилов как «марксистско-ленинские» аксиомы, не аксиомы. Мышление может быть и невербальным, не связанным с материальными знаками, не существует также «неразрывной связи языка и мышления», потому что того, что мы обычно называем «языком», не существует, и ещё никому неясно, как такой «язык» взаимодействует с «мышлением». Результаты человеческого познания фиксируются не в языке (не в знаках языка), а в мозгу, в мышлении, а язык – система ассоциативных условных знаков, отсылающих в то место мозга, где фиксируется это познание. Если считать язык «относительно самостоятельным» по отношению к мышлению и даже оказывающим на него «некое обратное воздействие», и в то же время считать, что язык связан с мышлением «неразрывной связью», то мы попали в заколдованный круг непреодолимых противоречий, будто человеческое познание фиксируется в звуках и буквах языка, а не в мышлении, вследствие чего языку приписывается роль познающего субъекта; будто язык одновременно «неразрывен» и «разрывен» с мышлением, а это значит, будто мы мыслим и познаём мир только языком, как это было провозглашено и в теории «лингвистической относительности».

Язык, по Панфилому, оказывает влияние на мышление, познание, культуру. Но это не «влияние» языка на мышление, а само мышление, в котором языковые знаки выполняют структурную роль и, следовательно, он не может «влиять» сам на себя. Ведь в знаках и, следовательно, в языке взаимодействуют четыре структурных уровня – внешняя материя знака **(1)**, её идеальный образ в мозгу **(2)**, идеальный образ **(3)** реального внешнего предмета **(4)**. Языковые знаки здесь, по теории Панфилова, наделены функцией мозга, хотя знаки, как я показал во многих разделах, – лишь материальные метки, служащие опорой, инструментом мышления. Знаки лишь связаны с мыслью, но только ассоциативно и условно. Хотя именно через материальные знаки мы передаём наши знания от поколения к поколению, тем не менее эти знания – не в передаваемых чернильных знаках, а в сознании людей разных поколений.

Мельничук считает, что мышление – не единственный фактор формирования и изменения структуры языка. Это также внутренняя природа языка «как относительно самостоятельного по отношению к мышлению явления, обладающего определёнными физико-физиологическими свойствами и определённой структурой». [Мельничук 1967 : 86]. Системе языка свойственны некоторые внутренние законы своей организации и функционирования. [Панфилов 1977 : 104].

Диалектическое противоречие между языком и мышлением проявляется в несоответствии между ними, именно в отставании языка от мышления, познавательным ходом и возможностями его выражения. Эта относительная самостоятельность языка возникает потому, что язык имеет сложную организацию. О системе языка можно говорить в том случае, если он есть относительно самостоятельное явление. Язык построен по 1) иерархическому принципу его организации, 2) в языке играют роль факторы внутрисистемного характера, не подчиняющиеся мышлению, реальной действительности, обществу. Противоречия между системой языка и мышлением – это основной фактор развития языка. Панфилов, таким образом, считает, что язык влияет на мышление, при определяющей роли мышления, где язык есть относительно самостоятельное явление, обладающее некоторыми внутренними законами своей организации и развития. [Панфилов 1977 : 106; 1982 :33].

Панфилов обосновывает свою точку зрения о «влиянии языка на мышление» следующим образом.

1) Язык обеспечивает сама возможность абстрактного, обобщённого мышления и познания. В нём фиксируются результаты предшествующих этапов познания действительности, и этот прошлый опыт оказывает влияние на последующие этапы познавательной деятельности человека. Это – апперцепция как активная роль языка в познании. Вне опоры на прошлый опыт восприятие чего бы то ни было невозможно.

2) В языке фиксируются моменты субъективности человеческого познания. Это связано с тем, что язык представляет собой относительно самостоятельное явление, обладающее некоторыми внутренними законами своей организации и развития. По этой причине язык не может не влиять обратно на мышление.

3) Но так как практика есть критерий истинности человеческого познания, то язык, сфера языковых значений, хотя и относительно независима от мышления, не может не оказывать решающего влияния на характер человеческого мышления.

Понимание языка как относительно самостоятельного феномена по отношению к мышлению есть следствие того, что язык образует систему и структуру, развивающихся по своим собственным законам. Значит для познания процесса мышления, пишет Филин, надо знать устройство языка и его историю. Вся история языкознания – это описание структуры и истории развития этой мыслительной структуры. [Филин 1982 : 27 - 28].

Исследователи игнорируют то, что язык – не только материальные знаки, но и их идальные образы, хранящиеся в мозгу. Язык для них – это только материя звуков и букв. Язык для них, с другой стороны, – или самостоятельный орган мышления, или относительно самостояятельный. Однако язык есть, прежде всего, система идеальных образов материальных знаков, находящихся в сознании. Но так как знаки – это материальное вне мозга, и их идеальное (фонемы) – в мозгу, внешние материальные предметы – вне мозга человека, а их идеальные образы (понятия) – в мозгу, то язык, в его любом понимании, не может быть ни относительно самостоятельным, ни полностью самостоятельным, ибо языковые знаки – интеллектуальная собственность мозга. А сам язык, как он в этой книге понимается, – как система четырёхуровневых знаков, – есть само мышление, за исключением материи знаков и материи реальных предметов (уровни **1** и **4**), но и без них язык как средство познания и коммуникации не существует. Языковая материя для мышления – лишь случайные, условные знаки, избранные мозгом для нужд выражения соответствующих мыслей вовне мозга. В этом смысле можно сказать, что мышление влияет на язык, 1) потому что без мышления нет языка, и материальные знаки, как холопы, ждут от мышления приказа, чтобы исполнить желания мозга, и указать ассоциативно на тот предмет, который нужен мозгу, 2) потому что без языковых знаков мышление – слепое и глухое я не сможет свою мысль ни сформулировать, ни «передать» её другому мозгу, 3) влияние языковых материальных знаков проявляется также в том, что не будь знаков, не было бы и человека с его мышлением.

Языковые знаки и мышление – это связь двух, казалось бы, непересекающихся сфер человеческой психики: нематериальной, т.е. духовной, идеальной мысли человека и физического явления, области чувственного мышления, – звучащей или записанной речи. Материальное, т.е. речь может быть измерена физическими приборами, записана, воспроизведена. А психические феномены (мысль, эмоции, впечатления) относятся к другой категории явлений, не обладающих протяжённостью и иными физическими признаками, не поддающимися измерению физическими способами. Вот это идеальное, т.е. мысль, считают многие лингвисты, якобы закрепляется в материи речи.

Это взаимоотношение иногда называют «знаковой ситуацией». Слюсарева пишет: знаковая ситуация – это особое преобразование отражения процесса общения в сознании людей. В процессе общения знаковая ситуация преобразовывается в мыслительную

деятельность. Язык есть инструмент процесса общения и в силу этого компоненты языка материальны. А знаковая ситуация является идеальным, т.е. находится в сознании людей, членов общения. В знаковой ситуации идеальное – это знак и смысл. [Слюсарева 1967 : 280]. Однако «знаковая ситуация» не раскрывает, даже приблизительно, сущность языка и мышление и их взаимодействие между членами «знаковой ситуации». Вообще теория о языке как «форме материального закрепления идеального» представлена в языкознании в самой различной формулировке и с самыми разными акцентами.

Э. Бенвенист пишет, что язык и мышление взаимно связаны и взаимообусловлены. А как они связаны и почему мы должны считать, что одно из этих понятий с необходимостью предполагает другое ? Надо выяснить специфическую связь между мыслью, которая может материализоваться только в языке, и языком, у него нет иной функции, как означать. Это не содержащее и содержимое. Мысль не является материалом, которому язык придаёт форму, так как это «содержание» нельзя вообразить, лишённым своего «содержимого» или «содержимое» – независимо от своего «содержащего». [Бенвенист 1974 : 105].

Итак, некоторые языковеды считают, что взаимодействие языка и мышления – это взаимодействие материи знака и идеального в знаке. Существует мнение, что слово не только материально, но и идеально, т.е. само обладает способностью к абстракции, познанию, обобщению. Другие лингвисты полагают, что идеальная сторона языковой единицы, хотя и содержится в самом слове, но есть продукт мозга, т.е. его физиологических, материальных процессов. Связь материального и идеального в слове осуществляется на уровне материальных по своей природе явлений. Слово локализуется в мозгу как следы в памяти человека в нейронных связях головного мозга человека, где кодируется идеальная сторона слова, образ, и его материальная сторона (кинестетические раздражения от артикулирующих органов речи), а также слуховой образ звучащего слова. [Панфилов 1977 : 91].

4) Язык – это и есть наше мышление ?

Чтобы верно понять сущность языка, считают некоторые лингвисты, надо понимать его не как средство выражать уже готовую мысль, а как средство создавать её, выстраивать последовательные ряды её движения. Язык есть не отражение уже сложившегося в человеке понимания мира, а именно средство формирования и формулирования туманной мысли, средство постижения мира, чтобы придать ей внутри самой себя чёткие очертания и тем самым стать внешне выраженным, осязаемым и воспринимаемым и другими людьми.

Так как язык и мышление есть единство биологического и социального, то оба эти феномены образуют две стороны своего функционирования – в виде материального знака и его идеального образа. В этих динамических объектах (биологическом и социальном), реализованы, закреплены результаты общественного познания и отложились в системе языка в виде значений, понятий, как наиболее общие значения о мире. В совокупности языковых текстов в знаковой форме зарегистрированы знания из различных областей, результаты мышления многих поколений. Это и есть форма бытия мышления и сознания как мыслительно-речевая деятельность.

« ... Язык представляет собой ... специфическое явление, поскольку наряду с материальной стороной он включает в себя идеальную сторону, в которой ... зафиксированы результаты познавательной деятельности ... человеческого мышления ...» [Панфилов, ВЯ, 1979, № 4 : 4]. И далее: «Результаты этой познавательной деятельности, зафиксированные в языке, предстают перед исследователем-лингвистом как реальные и независимые от него явления, о которых он ... создаёт понятия, составляющие уже

содержание лингвистики как науки» [Там же]. Познавательная функция языка (кроме того, что он средство обобщённого мышления, средство формирования и выражения мысли) состоит в том, пишет Пнфилов, что в идеальной стороне языковых единиц фиксируются результаты познавательной деятельности человека, т.е. это аккумулятивная функция языка. [Панфилов 1977 :102]. Панфилов, как и некоторые другие лингвисты, глубоко ошибаются: язык не есть средство фиксации результатов познавательной деятельности, эта функция – область мышления, а язык лишь орудие, используемое в процессе мышления, орудие внемозговой фиксации этой познавательной деятельности.

У Колшанского есть много определений языка, но все они в конечном счёте сводятся к следующему: мышление оказывается включённым в язык. Он и есть само мышление в чувственно-осязаемой форме. Но, с другой стороны, мышление оказывается идеальной стороной языка. Язык обладает своим содержанием, своей идеальной стороной, они изоморфны, но это не одно и то же. Мышление первично по отношению к языку, так как он воспроизводит в специфической форме познавательную деятельность человека. [Колшанский 1975 : 18, 67]

Изоморфизм обеих структур диктуется их общим гносеологическим отношением к миру. Обе структуры адекватно воспроизводят структуру действительности. Таким образом, уже три структуры оказываются связанными отношениями изоморфизма: структура мышления и структура идеальной стороны языка воспроизводят структуру отражательной деятельности. Следовательно, мы находим два типа отражения, два типа картины мира: мыслительной и языковой, лингвистической. Таким образом, Колшанский то вводит мышление в состав языка, считая мышление конституирующим фактором для языка, то разрывает их на два самостоятельных явления, так как каждое из них обладает собственной структурой, хотя они близки, но их всё же две. Таким образом альтернатива: 1) мысль и идеальное в языке – одно и то же явление, одна и та же форма отражения мира; 2) мысль и идеальное в языке – это разные явления, две самостоятельные формы отражения мира.

У Панфилова логика рассуждения противоположна: сперва он утверждает, что мышление присутствует в языке, а потом делает вывод: тот, кто говорит обратное, т.е. что текст не включает смысла, тот считает, что язык не является необходимым средством осуществления человеческого мышления. Следовательно: 1) Материальная сторона знаковых единиц якобы не является обязательной для мышления; 2) Мышление может осуществляться в чисто понятийной форме без использования идеальной стороны языковых единиц, значений слов; 3) Связь языковых единиц с соответствующими единицами мышления имеет чисто внешний, ассоциативный характер; 4) Следовательно, язык не оказывает какого-либо обратного влияния на мышление, т.е. лишь мышление воздействует на язык, обратного нет; 5) С этих позиций нельзя объяснить, почему при общности человеческого мышления их языки отличаются друг от друга по своей семантике, по характеру зафиксированного в ней членения действительности; 6) Если считать, что понятийное мышление возможно вне актов коммуникации, то этот тезис не имеет надёжных экспериментов. [Панфилов, ВЯ, 1977, № 2 : 5].

Итак, материальные знаки сами по себе не могут мыслить. Но это не значит, что они не являются «обязательными» для осуществления мышления. Совсем наоборот, без них нет общения, идеальные единицы мышления (фонемы, графемы, морфонемы, понятия) нельзя вывести из мозга и «передать» их слушателю и читателю. Действительно, текст не включает в себя мысли, но из этого нельзя делать вывод, что язык не является необходимым средством осуществления мышления. Смысл текста мы воспринимаем не непосредственно «из текста», из его типографских красок, а «через текст», устный и письменный, и восстанавливаем смысл этого текста с логическими

формами мышления в своём собственном мышлении через ассоциативные, психические связи между образами материальных знаков и образами реальных предметов.

Напрасно Панфилов отвергает «ассоциативные связи» между материей знаков и мышлением. Но другого пути мыслить нет, невозможно поместить материальные знаки, как и все вещи в мозг, они туда входят лишь в их идеальной форме, в виде ассоциативной психической связи с внешними предметами. А для этого нужны условные материальные, устные и письменные, знаки, воспринимаемые органами чувств. По Панфилову, язык, материальный текст оказывает влияние на мышление. Но как, ведь в сам текст не включены мысли, пишет он ? Однако Панфилов не раскрывает эту тайну: как мыслящий текст, имеющий в себе самом своё, языковое мышление, оказывает влияние на мозг, имеющий тоже своё мышление ? Тот исторический факт, что существует лишь одно, общечеловеческое мышление при наличии сотен и сотен других языков, Панфилов так и не объяснил, он не видит источник этого несоответствия: он объясним не тем, включён ли смысл в саму материю знаков, или нет, а следующими двумя важнейшими факторами: общечеловеческое мышление – это следствие единого для всех людей физиолого-психологического устройства, а реальное существование множества языков есть следствие условной, немотивированной природы языковых знаков, которые были рождены людьми в различной социальной среде – экономической, географической, политической, бытовой, т.е. различными для разных народов факторами. Взаимодействие между общечеловеческим мышлением и национальным мышлением, как будет показано ниже, осуществляется на уровне абстрактного мышления через соотношение друг с другом двух форм абстрактного мышления – семантической и логической (см. об этом ниже Глава 4).

Чтобы понять, кто творец мысли – язык или мышление, – надо понять всю мыслительно-речевую деятельность человека. Должна быть прежде вещь, а потом уже её название. Но если слово о вещи однажды образовалось, то оно уже живёт «собственной жизнью» мозга, а не языка, и никогда не отражает сущности того, для чего оно возникло, отрывается от вещи или теряет связь с нею. Потому что мозг счёл нужным использовать это слово для именования другой вещи. Потому что память мозга ограничена и он использует уже знакомые слова для наименования новых вещей, событий, качеств, свойств. Специфика языка, вопреки мнению некоторых лингвистов, не в этом, что якобы сам язык мыслит, язык не мыслит, а в том, что человек мыслит лишь через языковые знаки, сделанными из наиболее подходящей для мышления физической субстанциии.

Язык – необходимая материальная опора мышления. Сущность языка – служить средством внемозговой материализации сознания. Материальные знаки языка свободны от «духовности», они служат чувственным инструментом мышления. Это его материальные языковые орудия, внемозговая материальная оболочка мышления, форма манифестации нейрофизиологических процессов мозга и средство выноса их результатов вовне мозга во внемозговой знаковой форме. Язык, по своей природе предназначен служить средством, инструментом познания и коммуникации. Язык – лишь материальное средство воплощения и выведения плодов работы мозга за его пределы в виде звучащей и написанной речи.

III. Языковые знаки подчиняются мышлению, и в то же время организуют его.

1) Мышление управляет языковыми знаками.

Главное в человеке – его мышление, языковые знаки – приобретение мозга.

Они закреплены за реальными или мнимыми предметами (в мышлении они выражаются через понятия). Языковые знаки, т.е. язык не может быть ни самостоятельным, ни относительно самостоятельным, им руководит мышление. В языке ничто не делается и не происходит без ведома мышления. Но как упорядочить «туманную» мысль и придать ей чёткую форму ? Для этого нужны языковые знаки. Однако материальной опорой мышления служат не только материальные знаки в виде звуков и букв, но и физиологические раздражения, которые идут в мозг от органов слуха и зрения при воздействии на них реального звучания или написания речи. Эти факторы и есть материальная опора для процесса мышления. Их наличие – это непременное условие процесса мышления во всех случаях – говорения, обдумывания, чтения, писания, слушания. «Понятно, что об отвлечённых предметах мысли мы не можем думать иначе, как при посредстве тех или других знаков, вследствие невозможности иметь непосредственные представления таких предметов. Но если мы остановимся и на таких словах, которые обозначают ощущения и их предметы, то увидим, что и эти слова обозначают или то, что при этом не представляется непосредственно в нашем мышлении, или то, что не может быть представлено в мышлении таким, каким обозначается в слове» [Фортунатов 1956, т. 1 : 113].

Фортунатов очень чётко определяет знаковую сущность нашего мышления, что позволяет нам не блуждать в потёмках знаковости языка и мышления и квалифицированно решать очень сложные вопросы в языкознании. «... Чтобы вполне сознать это, надо понять, что з в у к р е ч и в словах является для нашего мышления з н а к а м и того, что непосредственно вовсе не может быть представлено в мышлении. П р е д м е т ы мысли, обозначаемые с л о в а м и, частью даются в наших ощущениях, частью образуются в мысли путём отвлечения и комбинирования между собою принадлежностей, данных в уже известных нам предметах мысли и т.д.». [Там же : 113].

Знаки, с одной стороны, замедляют течение нашей мысли, и в то же время организуют её. Мысль, простая или сложная, рождается в мгновение и есть нечто туманное, нерасчленённое и целостное. А знаки должны расчленить эту мысль, должны быть подобраны соответствующие знаки для данной мысли, а она рождается «в муках слова». Сама мысль нуждается в непосредственной помощи языка, ибо она, как молния, может сверкнуть и исчезнуть, оставив свои следы в запасниках памяти. Чтобы это не случилось, для этого есть знаки, слова, которые помогают мозгу, мышлению удержать эту мысль, и расчленяют её на соответствующие отрезки в виде материальных знаков, т.е. частей речи и членов предложения (в семантических формах мысли) и одновременно в виде абстракций от этих знаков, в виде фонем, графем, морфонем, понятий, суждений (в логических формах мысли). За пределы мозга мысль сама по себе, как чистая мысль, не может быть эксплицирована. В мозгу человеку доступна бессловесная быстрота мысли, а во внешней её реализации мысль течёт намного медленнее, ибо её надо ещё расчленить, упорядочить и удерживать определённое время. Знаки, раздробляя акты мышления на последовательные ряды более мелких актов, служат в то же время опорой для удержания этих актов мышления и выведения их наружу, вовне мозга. Поэтому знаки помогают нашему творчеству, удерживая и расчленяя мысль, и в то же время замедляя её течение. Неясная, неопределённая, туманная мысль, будучи ассоциативно воплощённой вовне в материальных звуковых и графических знаках, начинает сверкать новыми гранями. Система знаков, т.е. язык, раскрывает нашу мысль, организует её в структуру предложений в виде его первого уровня – на уровне семантической структуры мысли, которая интуитивно, бессознательно, автоматически, или путём логического анализа образует стройную логическую систему – на уровне логической структуры мысли.

Каждая логическая единица мышления (фонема, графема, морфонема, понятие, суждение, умозаключение) находит соответствие в определённых единицах языка (звук, буква, морфема, слово, предложение, сложное предложение). Сложной системе единиц мышления должна соответствовать не менее сложная система формальных единиц языка. Но эта прямолинейность часто нарушается. Нет абсолютного соответствия между ними. Языковая конструкция есть языковая единица, предназначением которой является выражение целостной, но расчленённой мысли с помощью сочетания слов. Все единицы языка, формы представляют собой особые факты языка только потому, что они находятся в определённом отношении к соответствующим фактам мышления. Даже отдельные фонемы выступают как отдельные логические единицы только потому, что прямо или косвенно (фонемы) соотносятся с мыслями или отдельными сторонами в их содержании (морфемы).

Необходимое условие мышления – упорядоченное хранение информации в нервной системе, что позволяет находить нужные коды и оперировать ими. Эта упорядоченность достигается благодаря тому, что в конструкции мозга заложены две основные формы организации языковых знаков – словарь и грамматика. У знаков языка – два свойства: 1) сам факт знаков, как правило, остаётся неосознаваемым (кроме случаев «муки слова»), 2) мыслительные операции всегда получают выражение в языковых знаках (кроме «авербального мышления»).

Язык не обладает познавательной способностью: история человека – это не история его языка, а история его мышления. Конспектируя «Науку логики» Гегеля, Ленин, сомневаясь, ставит два вопроса после следующего гегелевского высказывания: «История мысли = истории языка» ?? [Ленин т. 29 : 81]. Да, Гегель не прав, в этом суждении надо поменять местами субъект и предикат: «История языка – это история мысли», ибо причина, исходное здесь – мысль, следствие – язык. Частное суждение – язык, а общее суждение – мысль. История слов не есть зеркало истории человечества в прямом смысле. Напротив, история человечества – это история человеческого сознания, мышления, но которую мы познаём лишь через языковые знаки. Следовательно, «история немецкого, русского, французского, английского и др. языков» есть история не языка, а история русского, немецкого и др. языкового сознания», но вне мозга материализованного в языковых знаках. Ошибка языковедов состоит в том, что, по их мнению, становление сознания якобы определяется языковыми знаками, однако сознание не поддаётся экспериментальному исследованию, таковыми остаются только языковые знаки, репрезентирующие это сознание. Ведь сознание, мысль иначе невыразима и не передаваема, кроме как в языковых знаках. Нужен язык, знаки, осязаемые, видимые и слышимые.

Язык не обладает познавательной способностью, он есть лишь средство «получения и передачи» информации. Изучить иностранный язык – не значит наклеить новые ярлыки на знакомые предметы. Овладеть чужим языком – это научиться по иному, в иной языковой форме выражать те же мысли, уже ставшие привычными ранее, это понимание и выражение тех же, уже знакомых мыслей, с помощью иной языковой системы. Земская пишет в своих воспоминаниях, что её отец, тоже лингвист, сказал ей: «То, что ты увидишь в русском языке, в других языках ты не увидишь» [Земская, ВЯ, 2008, № 1].

Мышление не входит в язык в качестве одной из его сторон. «Даже основной элемент мышления, в котором выражается жизнь мысли, – *язык* – чувственной природы». [Маркс, Архив, т. VI : 257 - 258]. Если бы язык отражал действительность, невозможно было бы ограничиться указанием только на чувственную, материальную природу языка. Нужно было бы говорить и о его рациональной, идеальной природе. Фактически же

рациональной природой характеризуется лишь мышление, как активная переработка информации, получаемой от внешнего мира. Языковые знаки не заключают в себе никакой информации, но являются важнейшим средством её получения, передачи и хранения. Следовательно, в языковых знаках нет всего того, что есть в мышлении, хотя всё, что есть в мышлении, членится, удерживается и существует вне мозга с помощью языковых знаков. Структурой языка руководит мозг. Языковые знаки лишь инструмент мышления.

Знаки – это внешняя материальная оболочка по отношению к идеальным формам мысли, внемозговое средство, орудие выражения мыслей. Это следует из четырёхуровневой структуры знака: материя знака **(1)**, её идеальный образ или фонема **(2)**, идеальный образ отражаемого предмета или понятие **(3)**, сам отражаемый предмет **(4)**. Уровни фонем и понятий и есть наше логическое мышление, устанавливающее условную связь с двумя внешними материальными объектами – материей знака и объектом. Мышление создаёт для себя нечто при посредстве языка, поэтому язык – не постороннее для самой мысли, явления языка сами принадлежат к явлениям мысли. Язык существует потому, что он существует в нашем мышлении. Я не могу иметь непосредственное, вне связи с каким-либо знаком, логическое понятие о *берёзе* вообще. Но материальный, чувственный знак *берёза* в виде предствления о ней является в моём мышлении представителем понятия, общего для всех индивидуальных *берёз*». В языке, если под ним понимать систему материальных знаков, нет ничего внутреннего, лишь лингвистического, собственного, что относилось бы к языку и только к языку как знаковой системе. Языковые знаки – это инструмент мышления, оно выбирает нужные для себя формы, созданные им же самим, в полном согласии с устройством языка, которое «устроено» тем же мышлением.

Почему в русском языке имеются такие грамматические категории как род, число, падеж, совершенный и несовершенный вид ? Они родились только в данной языковой системе и только для данных языковых знаков. Они появились и изменяются по воле мышления. В языке, т.е. в знаковой ситстеме, нет собственных внутренних законов своего развития и функционирования. Этими законами движет живая материя мозга. Мышление как реальный процесс познания обнаруживается в звуковой или письменной речи, как системе фонологических, грамматических, семантических правил, т.е., как кажется на первый взгляд, на основе языковых правил, но на самом деле на основе правил языкового сознания. Общественное или общечеловеческое сознание обретает свою форму внемозгового существования в конкретных национальных языках, постоянно подстраивая их грамматические и семантические структуры под требования мышления. Язык оказался принципиально менее регулярной структурой, чем это представлялось ранее. В этом вина не самой знаковой системы, а мозга, развития мышления. Все пути ведут к языку от мозга.

Мысль руководит структурой языка и выбирает себе нужные знаки для построения речи. На каждом шаге развёртывания речи человеку нужны не любые, а определённые знаки, их связи, их формы и категории, определённые модели и типы предложений. Выбор нужного знака в определённой степени уже предопределён теми знаками, которые включены в речевую цепь. Однако эта предопределённость не жёсткая, а вероятностная. Она оставляет возможность выбора из нескольких продолжений, и этот выбор делает автор речи, подчиняясь предписанию своей мысли.

Некоторые лингвисты, например, Панфилов, пишут, что мышление обслуживается лишь такими языковыми единицами, которые связаны с познанием, т.е. в мозгу есть знаки, которые не связаны с познанием, мышлением. Для чего же они нужны ? Например, частицы, предлоги, союзы, модальные слова не связаны с познанием (sic !),

откуда же они свалились – с луны ? Но ведь структура предложения, в котором употребляются и указанные неполнозначные слова, зависит, в частности, от его логической структуры. Это мышление и эта логическая структура предложения живут и функционируют при помощи языков различной типологии, отличающихся друг от друга. Тезис о зависимости языка от мышления предполагает прямолинейную и однозначную зависимости от мышления всех языковых явлений всех уровней, ибо все уровни языка непосредственно участвуют в выполнении языком его коммуникативных и познавательных функций. Если, например, Панфилов утверждает, будто слова некоторых разрядов, частей речи не связаны с мыслью, не выражают понятий и суждений вместе с другими словами, то это не языковые знаки, а пустышки. Неживые материальные языковые знаки рождают самих себя ? Если часть языковых знаков не нужны мышлению, тогда для чего нужны языку эти бессмысленные звуки и кляксы ?

2) Мысль приобретает чёткость только через языковые знаки.

Большинство языковых знаков (звуки, морфемы, слова) является семантически нечётким, имеющем более или менее очерченный центр и размытую периферию. Происхождение нечёткости надо искать не в социальных свойствах языка, а в особенностях процесса мышления, переработки и хранения информации в мозгу человека, в приёмах вербализации этой информации. Большинство знаков обязаны быть семантически нечёткими ввиду того, что 1) знаки условны, немотивированы и не отражают реальную сущность предметов, а лишь отсылают к ним, 2) реальных предметов больше, чем языковых знаков для их выражения ввиду того, что память человека не способна быть безграничным вместилищем знаков.

Совершенствование мысли возможно только через знаки, слова. Слово есть не только внешняя оболочка к уже готовой мысли, но это также и средство создавать, удерживать, конструировать и передавать мысль. Как в слове человек сознаёт свою мысль, так же он видит в нём опору для мысли. Мысль, рождённая в нейронах, но вскормленная словом, становится чётким, осязаемым понятием и суждением, как для самого говорящего, так и для слушающего (читающего). Материя слова становится как бы посторонней, излишней, но только благодаря ей становится возможной коммуникация и вырастают целые науки – языкознание и логика. Совершенствование мысли возможно только посредством слова. Но слово возможно только тогда, когда мысль достигла совершенства уже и без слова. Язык есть не только средство понимать других, но и средство понимать самого себя.

Языковые знаки способствуют развитию мышления. Человек говорит только в обществе себе подобных, но говорит прежде всего для себя, потому что это есть одна из фаз своего собственного развития, развития собственной мысли, совершенствование своего мышления. Языковые знаки обеспечивают саму возможность человеческих психических ассоциаций, т.е. абстрактных обобщений мышления и познания через эти психические ассоциации. В материи самих знаков не фиксируются результаты предшествующих этапов познания действительности человеком, но эта материя создаёт людям данной национальности базу для ассоциативного соотнесения этих знаков с соотносимыми предметами, с их мысленными отражениями в мозгу.

3) Взаимоотношение «познавательного» и «коммуникативного» мышления.

Существуют, как считают многие лингвисты, две функции языка: коммуникативная и познавательная или когнитивная. Некоторые лингвисты вполне серьёзно пишут: « ...теперь не вызывает сомнения, что язык и мышление имеют много общих функций. Но их основные назначения различны. Главная функция мышления – отражение

действительности, тогда как главной функцией языка всё же остаётся коммуникация». Автор этой теории договорился до того, что признал существование у него в голове двух мыслящих субъектов, один из которых (мышление) смотрит на мир и думает о нём, отражая его, а другой субъект (язык) живёт среди людей и рассказывает им анекдоты.

Какова главная роль языковых знаков ? Участие в глобально-эволюционном процессе развития самой жизни человека, в возникновении и развитии мышления и зависящей от него системы естественных языковых знаков как некоторого единого процесса эволюции и становления всё более сложных структур. Роль знаков в этом глобальном эволюционном процессе, наравне с мышлением – главнейшая, так как знаки стабилизируют и обобщают эти новые формы эволюции и создают условия для их устойчивого развития и взаимодействия друг с другом.

Исходя из этого, можем сказать: коммуникативная функция человеческого языка такая же существенная, как и роль языка в процессе познания, в становлении мышления, в закреплении результатов мыслительной деятельности. Все его процессы происходят в мозгу, и с помощью изобретённых им искусственных знаков, и без оных (в авербальном мышлении). Но внешне выраженный процесс мышления, т.е. коммуникация без языковых знаков почти невозможны. Мышление многослойно, многофункционально. Это и даёт повод лингвистам для того, чтобы различать два вида мышления: познавательное, т.е. отражение, осознание вещей и явлений, и коммуникативное как переработка уже познанного, известного для себя в информацию для других, как коммуникативное преобразование определённых знаний. В обоих видах мышления язык участвует несколько различным способом и разными своими сторонами. Познавательное мышление – это базис, орудие, это оформление мысли в слове. В коммуникативном мышлении используются несколько иные средства – средства упорядочивания и организации суждений. Это переход от знания для себя к оформлению его в качестве знания для других. Здесь уже есть выбор вариантов, особенность функционального стиля (устного и письменного).

Если мышление условно разделить на две сферы его деятельности – познавательное и коммуникативное, то и языковые знаки тоже имеют познавательные и коммуникативные функциональные оттенки, например, в частотности употребления специальной терминологии. Но оба типа процессов мышления, если их вообще можно назвать различными, тесно переплетаются в единой картине функционирования языковых знаков и мышления. В этом проявляется единство биологического и социального компонентов материальных знаков и мышления. Но в познавательном и коммуникативном мышлении (что в значительной степени одно и то же), и в познавательных и коммуникативных функциях языковых знаков (что одно и то же) нет жёсткой границы и можно говорить лишь о тенденциях преимущественного использования или одних, или других элементов знаково-мыслительного процесса. Это не два типа мысли, а разные наборы знаков и разные их функции для выражения соответствующих мыслей: познавательное мышление с основном протекает в тиши черепной коробки, а коммуникативное мышление – живёт только на воле.

Говорить для других – это одновременно мыслить. В сущности нет познавательного и коммуникативного мышления – это один и тот же процесс мышления. Но разница между ними лишь в том, для какой цели они используются нашим мышлением: обдумывание научной проблемы, или обычное бытовое общение. Разница между этими двумя типами или свойствами мышления – коммуникация осуществляется по определённым правилам (устным и письменным), а познавательное мышление не

требует такой строгости, оно происходит в «тиши мозга», допускающей сокращения, повтор, невербальные формы мысли, знаковые нарушения всех правил коммуникации.

Познавательное мышление осуществляется на базе системы языковых знаков через идеализированные модели знаков, в которых ассоциативно зафиксированы обобщённые результаты познавательной деятельности мозга. Но участие знаков здесь не всегда обязательно. Мысль, возникшая как акт познания, может остаться в невыраженной непосредственно в звуковой или графической форме. Для коммуникативного мышления обязательно необходима звуковая или графическая материализация мысли. Однако при общении в уже известной для слушателя и читателя ситуации необязательно эксплицитное выражение всех компонентов содержания высказывания, если предполагается нечто известным слушателю или читателю. Отсюда – односоставные, номинативные, бессубъектные предложения, эллипсы и др. Они тоже суть логические суждения, как и двухсоставные субъектно-предикатные предложения. Такое понимание коммуникативного мышления снимает вопрос о возможности или невозможности употребления редуцированных, односоставных предложений. Односоставные предложения существует только в системе других предложений или ситуаций и распознаются в речи при определённых условиях общения.

Познавательные и коммуникативные функции языка не являются самостоятельными одна по отношению к другой, не осуществляются изолированно друг от друга. Познавательная функция может осуществляться отдельно от коммуникативной функции, но коммуникативная функция языка осуществляется только вместе с познавательными функциями. Разница между ними – лишь во внешнем оформлении. В познавательном мышлении используется внутренняя речь с использованием лишь фрагментов слов или грамматически завершённых конструкций. В познавательном мышлении я могу разговаривать сам с собой, дабы лучше понять свою собственную мысль. Я могу исследовать некую проблему, мысля и проговаривая в то же время все слова. В познавательном мышлении я могу с моим собеседником обсуждать научные проблемы, используя полные синтаксические конструкции языка или их односоставные варианты. В форме коммуникативного мышления я читаю научную лекцию, например, о гнездовании и миграции чёрных журавлей, меня слушает аудитория, т.е. я вслух, в общении решаю научные проблемы. Таким образом, везде и всюду присутствует моё мышление, работа моих нейронных клеток, нельзя общаться, не мысля, нельзя общаться, не строя суждений и умозаключений по правилам логики. Если принять ту версию, что между познавательным и коммуникативным мышлением существует чёткая грань, то надо допустить, что есть язык сказок, язык анекдотов, язык загадок, язык астрономов, физиков. Везде присутствует процесс мышления. В музыкальном произведении – то же самое: мелодия, ритм, темп – это внешняя форма выражения музыкального мышления, а внутреннее содержание этой музыки – идея абстрактная, то, ради чего композитор написал эту музыку. Речь может идти только о выборе языковых средств, типов языковых знаков и правил их связи в цельные произведения, в тексты. Отражение человеком окружающего мира лежит в основе всякой коммуникации, и всякого познания.

IV. Как реально «взаимодействуют» язык и мышление ?

1) Как мысль связана с миром и языковыми знаками .

Мышление человека соотносится с физическим миром двумя способами: 1) Оно ориентировано на внешний мир, как противостоящий субъекту, независимый от него. Вектор взаимодействия направлен от мозга к внешнему миру; 2) Мышление связано с мозгом человека как физиологическим образованием. Здесь вектор взаимодействия иной,

от мозга к мысли. Но каким образом мозг, будучи физической структурой, оказался необходимой основой рождения мысли ? При изучении мозга как материального тела учёные не обнаружили в нём сознание или мысль. Получается, что мысль рождается из того, что не содердит её в каком бы то ни было виде. Мы не знаем рубежа перехода: физическое → духовное. Мысль людей нам доступна только в некоторой материальной упаковке (звуки в словах, буквы, графики, таблицы; мысль, воплощённая в технических конструкциях, живописи, музыке, скульптуре). Вся окружающая нас неприродная действительность (творения человеческих рук и ума) содержит мысль человека, создавших её. Но в самих этих рукотворных объектах мы не можем увидеть мысль, которая их создала, точно так же, как и в самом мозге. Ни в этих предметах, ни в буквах (звуках) мы не обнаружим мыслей, порождённых буквами и предметами. Речь может идти только о соотношении материального и идеального, духовного: или о мысли и её материальным оформлением, или о мысли и её материальной структуой мозга. И там, и тут путь одинаково труден. Вечный вопрос: как происходит рождение мышления из того, что мышлением не является ?

Символическое преобразование элементов действительности или опыта в понятия – это процесс, через который осуществляется логицирующая способность разума. Мысль не просто отражает мир, она категоризует действительность, и в этой организующей функции она столь тесно соединяется с языком, что кажется будто язык и мышление – одно и то же. А что это почти одно и то же, доказывается мною в этой книге.

Язык – это форма отлива любой мысли. То, что мы хотим сказать, что у нас на уме, наше намерение – это есть содержание нашей мысли. Её трудно определить как самостоятельную сущность, кроме как намерением, психической структурой. Это содержание приобретает форму, когда оно высказывается. Язык – это форма отлива любой мысли. Язык придаёт форму содержанию мысли, но язык – это большая структура, состоящая из меньших структур и эти структуры так эластичны, что с их помощью мы можем выразить любую мысль, любую форму содержания мысли.

Языковая форма является условием передачи мысли, условием её реализации. Мы постигаем мысль уже оформленную языковыми знаками. Отсюда, например, Бенвенист делает ложный вывод: мышление не может протекать без языка, т.е. в данном случае он имееет в виду толко процесс «передачи» мысли. А различные формы мышления, которые элиминируются во многих типах предложений, он игнорировал.

Благодаря знакам мысль может познать самую себя. Язык даёт нам понимание механизмов, благодаря которым мысль может познать самоё себя, причём язык является их единственным выражением и единственным хранителем. Способность мыслить, понимать самого себя , понимать свои собственные мысли – единственным средством для этого является язык. Другого средства нет, да и не может быть. Это и определяет место языкознания в иерахии всех наук. Это наука, интересующаяся совершенно особым объектом, не имеющем аналогов в мире.

Язык есть часть мышления, а именно идеальные логические формы от материального языкового знака, т.е. фонемы **(2)** и от внешнего материального предмета, т.е. понятия **(3)**. Но в общем и целом язык есть то же мышление, даже если он связан с внемозговой материей, потому что без материи знаков и без материального внешнего мира мышление исчезает, следовательно, исчезает и язык. Язык есть то же самое, что и четырёхсторонний знак. Это значит, что язык, как ассоциативная внемозговая часть мышления, не может заменить мозговое мышление как средство познания мира. Язык – это наше лишь знаковое, языковое сознание, состоящее из четырёх уровней: **(1)** звук, **(2)** фонема, **(3)** понятие, **(4)** предмет (это четыре уровня знака). Таким образом, если мы приписываем языку функцию мышления, то это

значит, что языковое мышление отражает мир ассоциативно, через внемозговые знаки, а объект этой ассоциации находится в теле мозга, в нейронах, а не в теле материального знака. Язык одновременно есть и инструмент для познающего мышления.

Язык – источник развития мышления, оно ассоциативно закодировано в структурах языка. Правдивым источником истории развития мышления являются структуры языка. Оно закодировано, зашифровано в этих структурах, через которые можно расшифровать движение человеческой мысли.

2) Форма знака сливается со значением, и мы её уже не воспринимаем.

Мышление само по себе есть туманность, не имеющая чётких границ. Чтобы понять, что происходит в мозгу, человек должен обратиться за помощью к знакам. В знаке человек объективирует свою мысль, своё внутреннее состояние, и благодаря этому он может её задерживать перед собой и подвергать её обработке. Человек смотрит на свою мысль как бы со стороны, ставшую внешним предметом. Потебня сравнивает такое состояние со следами ног на снегу: за ними можно следить, но это не значит, что в этих следах заключена сама нога. В знаке не заключена сама мысль, это лишь ассоциативный адрес мысли. Язык как система материальных знаков является только импульсом, возбуждающим у говорящего и слушающего сходную мысль, значение. Освящённая обществом, связь знака и значения постоянная, взаимообусловленная, и по одному из этих факторов сразу же узнаётся другая сторона знака, точнее, вызывается соответствующий знак по значению, а значение – по знаку. Воспринимая языковые знаки, мы как бы не воспринимаем их материальной формы, как чего-то автономного, а как раз наоборот – форма эта сливается со значением так, что мы не обращаем внимания на его материальную сторону. Но как только мы сталкиваемся с трудностью выбора знака, возникает ситуация, называемая «муками слова» (см. об этом ниже раздел VII).

3) Ограниченное количество языковых знаков обеспечивает бесконечный процесс мышления.

1. Многозначность знаков снимается в речи. Противоречие между множеством способов выразить одну и ту же мысль и способностью понимания.

Знак многозначен, одна знаковая форма вмещает в себя целый ряд ассоциативных значений. Но в синтагматическом ряду многозначность снимается. Это свойство слова некоторые лингвисты считают одним из основных противоречий в языке. В мышлении идёт непрерывное накопление нового, а в языке нет соответствующих средств для его выражения. Но язык рано или поздно вырабатывает новые слова, которые уже использовались ранее, для именования других предметов. Благодаря этому человек способен построить бесчисленное множество оригинальных предложений и точно так же понять любое правильно построенное предложение. Почему неограниченное число речевых произведений, совершенно различных по их лексической наполняемости и грамматическим структрам для одной и той же мысли не ведёт к взаимному непониманию между людьми ? Ведь каждая фраза – новая и, выражая новые смыслы, она требует и новых сочетаний знаков ?

Ответ на эот вопрос мы находим в том, что наша мысль бесконечно шире, глубже, богаче, чем ограниченный багаж слов, которым располагает данный язык. Объём логических содержаний по сравнению с семантическими единицами языка более широк. Многие понятия не представлены отдельными словами, поэтому они передаются словосочетаниями, предложениями. Сложная грамматическая система языка не только

связывает слова в синтаксических конструкциях, но как раз и предназначена для того, чтобы выражать содержания даже тех знаков, котороые наиболее редко ассоциативно представлены в сознании. Иначе не было бы необходимости в грамматике, язык был бы подобен набору этикеток, не нужны были бы морфология, синтаксис. Язык был бы равен словарю. С этой точки зрения всякую многозначность текста некоторые логики и кибернетики рассматривают как «нарушение ясности речи», как недостаток в языковом оформлении содержания текста. Это связано с их поисками «идеального» языка, который позволил бы фиксировать и передавать содержание однозначно. Поэтому естественный язык, по сравнению с номенклатурой математики, логики считается якобы «неуклюжим», «неправильным», «нелогичным». Но только благодаря такому языку, его произвольной знаковой системе мы можем поместить в нашем сознании бесконечное богатство и материального, и нашего внутреннего мира, представленных в мозгу в идеальной, внечувственной форме.

2. Неограниченные возможности языковых знаков порождены их условной, немотивированной природой.

На вопрос, как совместить общечеловеческий характер мышления с национальным характером языков, Панфилов не знает ответа, но продолжает в своём фантастическом стиле эту проблему подгонять под легенды «марксистско-ленинского учения». В одной из своих работ Панфилов спрашивает, почему мышление, носящее общечеловеческий характер, осуществляется при помощи языков различной типологии. «Иначе эта проблема формулируется следующим образом: как совместить с положением о единстве языка и мышления то обстоятельство, что мышление людей носит общечеловеческий характер, а языки представляют собой национальное явление» ? Действительно, при «единстве языка и мышления» эта проблема не решаема, и только потому, что Панфилов заранее решил, согласно учениям марксизма, что язык и мышленпе – самостоятельные сущности и они неразрывны. Потому что отброшена теория знака, как условного, немотивированного никакими ограничениями, кроме жёсткой договорённости с обществом.

Функция языковых знаков – передача неограниченного числа сообщений разнообразнейшего содержания, которое невозможно предугадать. Этой функцией универсального средства общения и орудия мысли обладают системы языковых знаков. Языковые знаки различных уровней дают бесконечное число комбинаций, способных обеспечить все нужды коммуникации. И только в силу того, что знаки не привязаны лишь к данному и никакому иному предмету.

Языковые системы разных народов не совпадают, каждая имеет свою семантическую организацию, различное семантическое членение одного и того же отрезка мира. Так как обе стороны знака (материальное в знаке и идеальное в мозге) – условны, то это создаёт неограниченные возможности для их взаимного варьирования. Автономия двух сторон знака – условной внешней материи и её ассоциативных логических понятий, хранящехся в сознании – позволяет знаку обладать и множеством иных значений, а идеальному в знаке – и иными материальными формами.

Но из этого аксиоматического правила некоторые лингвисты делают ложный вывод: эта особенность двухстороннего знака якобы порождает «парадоксальные» несоответствия между языком и мышлением. Например, Серебренников пишет: «В действительности каждый предмет может быть только самим собой. То же самое и в человеческом мышлении. Однако в языке несколько предметов могут иметь одно и то же наименование, а одинаковые предметы иметь разные наименования (*ключ = родник*; *путь = дорога*)». [Серебренников 1983 : 249]. Если Панфилов удивляется тому, что

невозможно совместить положение о единстве языка и мышления с вопросом о множестве национальных языков и единым для всех общечеловеческим мышлением, то это означает, что в языке – сплошные несоответсвия и несуразности. Для указанных лингвистов знак – мотивирован, органически связан с предметом и есть его сущность. Языковой знак – то же, что и реальный природный предмет. В головах этих исследователей не русский язык, а свой собственный материальный внешний мир, у англичанина, немца, француза свои собственные миры ! Но где их взять, столько миров ? Эти вопросы, поднятые Серебренниковым и Панфиловым, ведущими марксистскими лингвистическими философами, рождёны непониманием сути знаковости языка, непониманием основного философского вопроса о взаимоотношении материального и идеального.

Содержание сознания человека не сводится к набору значений, зафиксированных в словах и грамматических категориях. Посредством ограниченного набора слов человек выражает и такие мысли, которые не закреплены в отдельных словах. Благодаря условным и произвольным качествам знака и благодаря грамматической системе языка, тоже условной и произвольной, человек способен выйти за пределы содержаний любых языковых единиц и выражать безграничный поток мыслей. Семантические и грамматические категории языка взаимодействуют с логическими, без которых, как ведущих, не может строиться речь человека. Грамматические и семантические отношения устанавливаются нормами сознания, но передаются грамматическими приёмами, выработанными каждым отдельным языком для своих нужд.

Мышление бесконечно, потому что бесконечна та действительность, отражением которой оно является. Следовательно, и все моменты этого мыслительного процесса, т.е. ассоциативные знаковые процессы этого мыслительного процесса, несут в себе заряженность этим бесконечным движением. Следовательно, языковой знак как акт мышления тоже заряжён способностью к бесконечному развитию, не стоит на месте, всегда кипит этими бесконечными семантическими возможностями, которые заранее оговорены и закреплены в общественном сознании. Языковой знак может обладать разнообразными ассоциативными значениями. Эта бесконечность знака базируется на его условности, немотивированности, поэтому он и служит инструментом мышления, а мышление – это отражение действительности, которая тоже бесконечна.

3. Опыт человека предусматривает все будущие высказывания (апперцепция).

Исследователи часто не объясняют особенности языка как универсального, семантического кода. Исследуют лишь частные, внешние появления неограниченной выразительности языка. При этом остаётся незамеченным вопрос о гносеологическом содержания проблемы языкового универсализма. Для решения этого вопроса, например, Пазухин вводит понятия экстралингвистического (внеязыкового) опыта, т.е. апперцепции и языкового опыта. Ведь в языковом опыте предусмотрены все будущие высказывания, а внеязыковой выступает лишь как внешний повод, стимул, вызывающий к жизни соответствующий данному случаю элемент языкового опыта, т.е. язык «знает» об окружающем мире больше, чем об этом известно каждому носителю языка. В языковом опыте заложены лишь некоторые данные о структуре возможных высказываний, и общие принципы, позволяющие привлекать неограниченный лингвистический опыт для расширения языкового опыта [Пазухин, ВЯ, 1969, № 5 : 66 - 67].

4) Процесс работы языковых знаков в ЭВМ

Н. Винер («Творец и робот») писал: человеком управляет разум, а автоматом – программа. Главное преимущество мозга перед машиной – способность оперировать с нечётко очерченными понятиями. Наш мозг свободно воспринимает стихи, романы, картины, содержание которых любая ЭВМ должна была бы отобразить как нечто аморфное. ЭВМ оперирует лишь материальными знаками, вводимыми в неё человеком. В машине не происходит мыслительных, идеальных процессов. На выходе человек получает лишь определённым образом организованные материальные знаки, введённые человеком. На выходе человек приписывает им то или иное значение, содержание, которое он запрограммировал в специальных знаках и ввёл их в ЭВМ, которая, естественно, не мыслит, ибо мысль, идеальное – продукт лишь организованной живой материи мозга. Но ЭВМ имеет принципиально иную форму организации материи, и поэтому машинные, электронные «мыслительные» операции имеют принципиально иную природу, чем человеческая мысль как продукт живого мозга.

Человек приписал ЭВМ машинные знаки, соответствующие человеческим логическим значениям, но сами эти значения в машину не вошли, это удел живого мозга. Машинные операции ЭВМ – это работа с символами, задаются правила их связей заранее, ЭВМ не выдаёт идеального на выходе, а выдаёт лишь условные знаки, их систему и человек ищет их смысл точно так же, как в любом тексте, написанном человеческим языком. Следовательно, в ассоциативном языковом знаке, произведёного машиной, нет идеального, как и в любом естественном тексте, оно – в мозгу, в нейронных связях человеческого мозга. ЭВМ – лишь бесчувственный механический преобразователь, транслятор информации, которую должен расшифровать человек, как это он делает с языковыми знаками

5) Различия между «языками» животных и языком человека.

Мышление человека создаёт язык (знаки). Поэтому мыслить, не имея знаков, невозможно. В этом случае можно мыслить только на базе непосредственного опыта, что и происходит в животном мире. Если видимое и слышимое у человека связывается с представлениями, понятиями, а не только с его собственным опытом, то это и есть язык человека.

Термин «язык животных» – обычный с точки зрения семиотики, но неправильный с точки зрения исходных философских позиций человеческого языка, с точки зрения диалектического соотношения материального и идеального. Все признаваемые сегодняшней наукой формы языковой коммуникации и их средства научного исследования, совершенно одинаковы и у человека, и у высших животных. Только по степени развитости и по функциональному назначению они различны. Диалектическое мышление возможно только в человеческом обществе, но отнюдь не в стаде животных. Человек произошёл от приматов, но у приматов в средствах общения нет никакой структуры. Отсюда вопрос: «Какие изменения должны были произойти, чтобы человеческий мозг стал таким, каков он есть, т.е. чтобы стало возможным существование языковых систем ? Отсюда следует другой вопрос: почему владение языком представляет собой такое мощное орудие адаптации человека и прогресса человечества» ? [Прибрам 1975 : 396].

Общественно-трудовая деятельность, абстрактное мышление и язык – это диалектическое единство, в котором м ышление играет определяющую роль, но по времени эти три фактора не предшествуют друг другу. В той причинно-следственной цепи, которую образует общественно-трудовая деятельность, в соотношении между абстрактным мышлением и языком, определяющим звеном в этой цепи является первое, и это первое звено, в свою очередь, испытывает воздействие второго и третьего звена.

С появлением человеческого общества возникает новая, высшая форма движения материи – социальная. Мышление человека и язык как средство его осуществления и средство общения людей есть своего рода проявления высшей формы движения материи. Решающую роль в переходе от биологической формы движения материи к социальной форме сыграла общественно-трудовая деятельность. Происходит социализация чисто биологических свойств животных предков человека. Переход от биологической формы движения материи к социальной в процессе общественной деятельности совершился благодаря мышлению и языковым знакам, как его средства осуществления и существования.

V. «Разрывны» или «неразрывны» язык и мышление ?

1) Марксистская теория «неразрывности» языка и мышления.

Марксистские лингвисты постоянно пишут о «неразрывной связи» языка и мышления. Однако, вопреки их мнению, она, эта «неразрывная» связь, лежит совсм в другой плоскости. Неразрывная связь языка и мышления заключается только в том, что язык – это физическая материя звука (буквы), а мышление – это её идеальные понятия в мозгу, по договору закреплённые за данными звуками. Эта связь, действительно, «неразрывна», ибо она, во-первых, неразрывна физиологически, диалектически как соотношение материального (материя знака) и идеального (фонема звуке, понятие в слове). Эта связь, во-вторых, закреплена конвенциально, условно, но навсегда, и люди по своей прихоти не могут её нарушить. Если они её изменяют, то только тогда, когда эти изменения становятся достоянием общества. Тезис о «неразрывности языка и мышления» давно стал аксиомой марксистского языкознания, потому что в основу этого учения был заложен один из главных его постулатов: о единстве материального и идеального, формы и содержания, теории и практики, бытия и сознания, количества и качества.

«Язык есть непосредственная действительность мысли. Даже основной элемент мышления, элемент, в котором выражается жизнь мысли, язык – чувственной природы» [Маркс, Энгельс т. 3 : 448]. Марксистские философы, ухватившись за эту цитату, пишут, что язык как «непосредственная действительность мысли» означает только одно: язык и мышление неразрывны. А как понимают язык и его соотношение с мышлением некоторые марксистские лингвисты ? Мнгие лингвисты утверждают, что «мышление неразрывно связано с языком». Но как, каков механизм связи, что есть мышление и что есть язык в этой связке ? Так как история языка является одним из важнейших источников, из которых складывается марксистская теория познания и диалектика, то это должно, якобы, свидетельствовать о «неразрывной связи» языка и мышления. Ввиду того, что язык и мышление неразрывны, мы имеем возможность, исследуя языки, стоящие на различных ступенях общественного развития народов, судить об абстрактной силе их мышления, об уровне достигнутых ими знаний. [Горский 1957 : 105].

Тот факт, что у разных народов – разный уровень развития мышления, не доказывает того, что язык и мышление неразрывны. То, что считают «неразрывностью» языка и мышления, есть развитие мышления, мысль ищёт для себя соответствующие знаки, чтобы выразить себя вовне. Но мысль для этих целей может использовать и иные, уже готовые для других целей знаки, или заимствовать их из других языков. Тезис Ленина «история мысли есть история языка» свидетельствует не о том, что они «неразрывны», а лишь о том, что мышление, желающее быть выведенным из мозга наружу, не может обойтись без материальных знаков, любых языков. Основой этой «неразрывности» служит сам знак, его условная, произвольная природа. Он не связан ни

зеркально, ни как-то иначе с отражаемым предметом. Язык и мышление не спаяны друг с другом органически.

Проанализировав множество высказываний из работ классиков марксизма, касающихся вопросов соотношения языка и мышления, я пришёл к выводу, что их суждения о языке не являются лингвистическими аксиомами только потому, что понимаемые ими свойства языка не характеризуют его сущности. Маркс, Энгельс, Ленин в своих работах нигде не пишут специально о языке, его сущности, его природе. Но языковедческие проблемы всё же присутствуют в их теоретических рассуждениях и служат для них лишь неким фоном, частностями для решения глобальных теоретических проблем – о сущности диалектики, о принципах взаимоотношения материального и идеального.

Хотя Маркс, Энгельс, Ленин не раскрыли сущности языка, это и не входило в их задачи по их статусу, но они указали на диалектические основы этого феномена. «Марксизм» охватил не все теоретические вопросы языкознания, а указал лишь на некоторые существеннейшие признаки языка. Поэтому возникает вопрос: имеет ли созданная ими философия языка «непреходящее значение» для языкознания, как утверждают марксистские лингвисты.

Так как в теоретическом языкознании сущность языка, с моей точки зрения, как последовательная, непротиворечивая теория не понята, то отсюда – «разброд и шатание» по разным теоретическим закоулкам. Теоретическое языкознание в значительной степени погрязло в непрофессионализме. Главные методы сегодняшних теоретиков «марксизма - ленинизма» в языкознании – комментарии классиков, подгонка языкового материала под их высказывания, скольжение по верхам, отсутствие глубины. Оно пронизано тотальной идеологией и догмами. Вот как просто решается проблема взаимоотношения языка и мышления: язык и мышление спаяны неразрывно, это двухсторонняя сущность. Материальной оболочкой, в форме которой существует мышление, является язык, сознание существует в форме языка [Колшанский 1965]. Мышление, пишут многие лингвисты, не может протекать вне языковых форм, вне языковой знаковой системы и в своём возникновении, и в своём существовании. Это выдаётся ими за основные, принципиальные исходные моменты при разрешении вопроса о взаимоотношения языка и мышления с позиций «диалектического материализма».

Что здесь истина ? В каком смысле знак и мышление – одно и то же, неразрывны ? Прежде всего надо отметить, что язык, если под ним понимать только систему материальных знаков (устных или письменных), лишь часть мышления. Это не «непосредственная действительность мысли», жизнь мысли не выражается в материи знаков, даже если эта материя – «движущиеся слои воздуха» (Маркс). Мысль не может существовать в материальной оболочке слова, она не может «передаваться» и восприниматься через эту материальную оболочку. Материя знака должна прежде превратиться в её идеальные образы. Материю слов мы, конечно, понимаем, но только нашим мозгом, а не зрением и слухом, этими нашими рецепторами чувственного, но не абстрактного, логического мышления. Материальных звуков и букв в мозгу нет, они там откладываются лишь путём психических ассоциаций как идеальные следы словесной материи.

Как в словах закрепляются и передаются из поколения в поколение результаты познания мира ? Только через материю слов, но *не в самой материи*, живущей вне мозга человека, а через *идеальные образы* этой материи, живущие в сознании. И *не передаются*, а *по психической ассоциации* вызывают те же, или приблизительно те же идеальные образы в сознании слушателя и читателя. Наш язык, если иметь в виду только его материю, «движущиеся слои воздуха», – не

есть наше сознание, до тех пор, пока эти «слои воздуха» не вызовут в мозгу соответствующие идеальные ассоциации. Человеческий язык – вторичное по отношению к сознанию явление. Материальный человеческий язык только тогда становится языком человеческого мозга, когда он входит в мозг в виде идеальных образов (фонем, понятий, суждений).

Действительно, процесс мышления невозможен через сугубо материальные языковые формы. Прежде всего потому, что сама эта материя «не поместится» в мозгу, и не может «выдаваться», как со склада, собеседнику, читателю. Процесс мышления невозможен также в том случае, если бы мы пытались «передать» наши мысли собеседнику и воспринимать их от него н е п о с р е д с т в е н н о, без их внешней материальной оболочки, без слов, которые ассоциативно связаны с той мыслью, которую мне хочет передать собеседник. Идеальное нечем «передать», кроме как через внемозговую материю языковых знаков. Но сама материя знаков **(1)** – это внемозговой элемент, и чтобы материя знаков могла участвовать в процессе познания и коммуникации, она должна ассоциативно превратиться в идеальные образы этих знаков, фонемы **(2)**, которые одновеменно становятся условными, немотивированными идеальными образами или понятиями **(3)** о внешних предметах **(4)**. Следовательно, «обмен мыслями и передача» их другим поколениям опирается одновременно и на материю слов, и на их идеальные образы, их логические формы (фонемы, графемы, морфонемы, понятия, суждения), находящиеся в сознании.

Но это не значит, что мышление, как утверждают многие лингвисты, невозможно вне языковых форм. Возможно, и даже необходимо, и является, пожалуй, даже главным видом нашего процесса мышления, и в данном случае нам не требуется «озвучивать» наши мысли. Но это, во-первых, не только та наша «внутренняя речь», когда мы бессознательно и беззвучно приводим в движение нашу речедвигательную систему (и даже в этом случае сами звуки произносятся только в уме), а тот наш процесс мышления, когда в нашей голове неожиданно рождаются различные догадки, предположения, решения, выводы и пр., что, в основном, и происходит в сокращённых умозаключениях, энтимемах, вне всякой связи с материей знаков.

Мысль о том, что язык и мышление спаяны неразрывно, что язык – это двухсторонняя сущность, сквозит в работах многих лингвистов, она стала своего рода избитой фразой общего языкознания, но эта научная идея у всех выражалась по-разному: отличались лишь степень и формы этой спаянности. «Существует органическая связь языка с мышлением» [Филин 1982 : 95]. Язык и мышление, по Колшанскому, неразрывны, это органическая двусторонность, эту «неразрывность» он видит в сравнении с листом бумаги – его нельзя разрезать, не нарушив единства: мысль – лицевая сторона листа, а звуки – обратная. Нельзя разрезать одну, не разрезав одновременно и другую. Так и в языке – нельзя отделить ни мысль от звука, ни звук от мысли. «Неразрывность существования языка и мышления предполагает их органическую двусторонность. Лишь научная абстракция может направлять свой интерес преимущественно на ту или иную сторону, не нарушая их реального, исконного единства». Идеальный характер мышления по отношению к материальному миру лишь вторичное образование. Но идеальность мышления не снимает его материального механизма, основанного 1) на нейрофизиологических операциях, 2) на материализации в виде звуковых сигналов. Язык, следовательно, материально-идеальное образование [Колшанский 1965].

Однако никакой «неразрывности» языка и мышления не существует, ибо, во-первых, сами процессы мышления неоднородны. Есть мышление в чувственно-наглядных образах, как результат непосредственного воздействия объектов

действительности на органы чувств, и оно не нуждается в языковых знаках. С другой стороны, есть обобщённое, абстрактное мышление, осуществляющееся в логических формах. Здесь ассоциации между объектами и знаками, т.е. фонемами и понятиями обязательны.

В отрезке речевой цепи между говорящим и слушающим идеальное не присутствует, оно лишь в сознании каждого из них, и только в силу того, что всякое идеальное не может существовать вне мозга говорящего и слушающего. Но так как у говорящего и слушающего с определёнными материальными знаками ассоциативно связано определённое значение, находящееся в их головах, то слушатель, воспринимая эти звуки, ассоциирует с ними то же значение, благодаря чему достигается взаимопонимание. Следовательно, нет неразрывной связи языковых знаков и мышления: материя знаков – вне мозга, идеальное от них и от реального предмета – в мозгу.

Для Панфилова главное – «неразрывное единство языка и мышления», а всё остальное будем подгонять под эту идеологему. Поэтому он так и пишет: «Это проблема, имеющая кардинальное значение не только для общего языкознания, но и для теории познания ... , может быть решена только при дифференцированном подходе к различным языковым уровням в плане их соотношения с мышлением». Следовательно, нет прямолинейной и однозначной зависимости языковых явлений всех уровней от мышления (разр. моя, – А.К.). Структура мысли обусловливает структуру языка только того уровня, который непосредственно участвует в выполнении языком его коммуникативных и познавательных функций [Панфилов 1963 : 10 -11].

Таким образом, «неразрывность языка и мышления» ликвидирована самим же автором за счёт разделения слов на два лагеря: на связанных с мышлением и не связанных с мышлением. А между тем, ещё ранее до него, раздельность происхождения и существования языка и мышления была убедительно доказана Выготским, утверждавшим, что то и другое имеют различный онтологический источник своего бытия. Уорф тоже пишет: « ... язык, несмотря на его огромную роль, напоминает в некотором смысле внешнее украшение более глубоких процессов нашего сознания, которые уже наличествуют, прежде чем возникнет любое общение, происходящее при помощи символов или сигналов ...» [Уорф 1960 : 190 - 191].

Эту «разрывность» языка и мышления хорошо продемонстрировал другой психолог – Рубинштейн. Он пишет: каким образом возможно в рассуждении, исходя из конечного числа посылок, приходить к бесконечному числу всё новых заключений ? Потому что непрерывно вводятся всё новые и новые посылки, не данные в исходных условиях [Рубинштейн 1958 : 128]. Процесс мышления и его результаты взаимосвязаны. Результаты мыслительной деятельности – понятия, знания – сами включаются в процесс мышления, обогащают его и сами обусловливают его дальнейший ход. Возникая в процессе мышления, понятия сами включаются в этот процесс. Процесс мышления есть одновременно и движение знания в нём [Рубинштейн 1958 : 27]. Мышление – это не функционирование готовых знаний, это продуктивный процесс, способный приводить к новым знаниям [Там же : 55, 136].

Марксистская теория о неразрывности языка и мышления привела теоретическое языкознание в тупик. Уже простейшие аргументы разбивают эту теорию, которая не представляет никакой научной ценности, но выпестованной идеологией во всех гуманитарных науках: почему существует общечеловеческое мышление, одно и то же для людей всех наций, и в то же время множество реальных языковых систем ? Если язык «неразрывен» с мыслью, то почему я не понимаю китайского, татарского, японского, английского, немецкого, французского и всех прочих языков. Наверное,

потому что все люди этих наций мыслят разными «мышлениями» и видят множество миров по количеству языков на Земле. Но тогда как и почему люди одной и той же нации понимают друг друга ? Если они мыслят на одном и том же языке и понимают друг друга, то для чего тогда существуют тысячи переводчиков, если люди одной нации не хотят быть отрезанными от науки и культуры других наций, говорящих на ином языке ? Если бы язык и мышление были «неразрывны», то, поскольку существует единое общечеловеческое, логическое мышление у людей всего мира, то было бы достаточно написать роман «Война и мир» на русском языке, и весь мир обязан был бы его понимать в русском оригинале, без переводчиков.

Если под «неразрывностью» языка и мысли лингвисты и философы понимают неспособность людей общаться без языка, накапливать и передавать будущим поколениям знания, то здесь, как и при непосредственном общении, нужен посредник между разными языками – общечеловеческое мышление. Оказалось, что хотя языки-то разные, но мышление у людей всех наций – одно и то же. Но как происходит взаимообщение людей, наделённых множеством различных языков, с единым для всех типом мышления – и чувственным, и логическим ?

Некоторые философы также убеждены в «неразрывности языка и мышления» (Войшвилло, Горский, Щедровицкий). Мысль как «внутреннее содержание» знаковой формы нельзя признать чисто идеальной. Она и есть некоторая знаковая форма, отражающая и воспроизводящая некоторую связь вещей в силу того, что отдельные её составляющие соотнесены как знаки с определёнными объектами. Когда говорят о мысли (понятие, суждение), то это не голая мысль, а также знаковая форма её представления. Мысль – это не психическое образование, не то, что имеется в голове человека, а некоторые знаковые формы в языке. Мысль – это языково-знаковая форма отображения действительности. [Войшвилло 1969 : 133 - 134].

«Диалектический материализм учит, что язык непосредственно и неразрывно связан с мышлением. Этой неразрывной связью языка и мышления определяется и роль языка в познании. Мысль формируется, существует и передаётся одним человеком другому в форме материальной оболочки, т.е. в форме слов и сочетаний. ... Органическая связь языка и мышления определяет и огромную роль языка в познании. Язык – не только условие формирования мысли, но и закрепляет успехи познавательной деятельности, закрепляет опыт, накапливаемый людьми из поколения в поколение. [Горский 1957 : 74 - 76].

Мышление не есть нечто непосредственно воспринимаемое, оно дано нам в языке, точнее – нам дан язык, в котором осуществляется мышление. Но и язык существует в неразрывной связи с мышлением. Нельзя исследовать отдельно язык и мышление, а брать объект в единстве как ещё нерасчленённое целое, где язык и мышление – это его стороны, т.е. это «языковое мышление». [Щедровицкий, ВЯ, 1957, № 7 : 56].

Обычно люди не воспринимают язык и мышление раздельно, для них это – единый организм. Взаимоотношение языкового знака и психического образа обозначаемого предмета с точки зрения практического, т.е. психологического восприятия в речи говорящие и слушающие как их раздельность не воспринимают, им кажется, что язык и мышление слиты неразрывно воедино. Для носителей языка между мышлением и знаками нет дистантного характера связи. Это, действительно, так, и только потому, что эта связь в сознании говорящих превращается в теснейшую ассоциативную связь между знаком и обозначаемым этим знаком предметом, логическим понятием об этом предмете. Эти психические отражения в сознании, т.е. ассоциативные связи и принимают обычно за «неразрывную связь» языка и мышления. Но эта «неразрывная»

связь не существует. И только в силу условности и немотивированности языкового знака. Если эту связь называть неразрывной, то только потому, что она, будучи условной и немотивированной, усвоена ребёнком вместе с молоком матери. Поэтому считается, что слова имеют значения, а на самом деле этим «значением» обладают не слова сами по себе, т.е. сама материя знака, а это значение локализовано в мозгу, именно как ассоциативная, психическая связь мысли с внешним предметом.

О взаимоотношении языка и мышления оригинальную точку зрения высказал отечественный философ Ильенков, считающий, что ни языка, ни мышления как нечто отдельного не существует, что, в принципе, верно. Но эта половинчатость того и другого, по мнению Ильенкова, даёт в сумме именно то, что и есть истинный объект познания – «речевое или языковое мышлеие» (т.е. семантическое мышление).

Послушаем Ильенкова: мышление и язык (речь) – это две одинаково односторонние абстракции, и выражаемая в них «конкретность» есть нечто третье, само по себе ни мышлением, ни языком не являющееся. В этом случае логика (наука о формах мышления), как и лингвистика (наука о формах языка) – лишь два абстрактных аспекта этого третьего, реального, конкретного предмета (процесса), не получающего своего конкретного, истинного изображения ни в той, ни в другой науке [Ильенков 1977 : 92]. Поэтому всю предшествующую историю и логики, и лингвистики надо объявить предисторией новой науки, в рамках которой должны найти своё переосмысление все специальные абстракции (и все понятия и термины) как логики, так и лингвистики. В лоне этой новой науки вопрос об отношении между мышлением и языком (речью) был бы снят с самого начала по той причине, что он там даже не мог бы встать. В ней с самого начала ни мышление не рассматривалось бы само по себе, т.е. в отвлечении от языковой формы его выражения, ни язык не рассматривался бы иначе, как естественная, необходимая и, следовательно, единственная форма, без которой мышление вообще не может осуществляться, представляться и мыслиться [Там же : 92]. Такой ход мысли не выдуман автором, можно сослаться на сотни работ, где говорится о «речевом мышлении», «словесном мышлении» и понятие чистого мышления без языка считается предрассудком старой логики. По мнению авторов таких работ, нет проблемы суждения, отличной от проблемы высказывания, она сливается в одну проблему, как и проблема понятия слилась с понятием слова [Там же : 92].

Утверждения Ильенкова частично прокладывают путь к пониманию сущности так называемого «взаимоотношения языка и мышления» и в то же время порождают много вопросов. Так как «чистое» мышление отброшено и оно, якобы, всегда выступает в союзе с языком, то это означает, во-первых, что реальность внеязыкового мышления игнорируется, во-вторых, отрицается взаимодействие двух ступеней абстракции в мышлении – логического и семантического.

2) Почему язык, если он неразрывно связан с мышлением, долговечнее мышления, поскольку в языке продолжает жить то, чего уже нет в мышлении ?

В языке может существовать то, чего в мышлении уже нет, утратило логическую мотивированность. Но, например, Серебренников не может дать объяснения этому факту, он удивляется тому, что вещи уже нет, а слово осталось, ведь они неразрывны ! Но ведь слово, по его мнению, тоже должно исчезнуть ! Такое мнение есть проявление следствия – видеть в языке и мышлении неразрывное единство. Он утверждает, что знак подобен вещи, мотивирован свойством вещи, т.е. каждая вещь имеет своё собственное имя и этими именами исчисляется количество вещей и предметов в мире. И в то же время, противореча себе, он считает, что слов в языке больше, чем реальных

предметов в мире. Забыты философские законы взаимоотношения материального и идеального в языке, законы знака, теории отражения.

А ларчик здесь открывается просто: движение истории народа, общественного развития, развитие и совершенствование техники и науки и другие факторы заставляют человека приспосабливать свой язык к новым реалиям жизни. Тем самым утрачивают хозяйственное или научное значение некоторые слова и термины и их место занимают слова, отражающие современные достижения в научной и культурной жизни общества. Язык подвижен, эластичен и этому он обязан немотивированным, условным знакам, способных сочетаться один с другим самым причудливым образом.

3) Как совместить «неразрывное единство» языка и мышления с истиной, что мышление – общечеловеческое, а языки – национальны ?

Панфилов ставит вопрос и не находит на него ответа: почему мышление носит общечеловеческий характер, но осуществляется при помощи языков различной типологии? Как совместить здесь единство языка и мышления, если мышление – общечеловеческое, а языки национальны ? На этот вопрос невозможно ответить, если быть зашоренным априорной «марксистской» теорией неразрывности языка и мышления, которая родилась из простейшего, обыденного, обывательского убеждения в истинности «здравого смысла». Действительно, мы не можем ни слушать, ни писать, ни читать, ни понимать, ни думать вне и помимо материальных языковых знаков, будто они прочно приклеены к соответствующим реальным предметам, действиям, событиям, качествам, отношениям. А так как языков много, и разных, а предметы для всех людей – одни и те же, то мы в замешательстве и ставим себе подобные вопросы. Необходимо, чтобы лингвисты вспомнили о том, что языковые знаки произвольны, ничем не мотивированы – а большинство лингвистов справедливо придерживаются именно такого взгляда.

Языковой знак – не природный звук, а сделан человеком и представляет собой определённую структуру. Знак построен по определённой модели, в которой его материя образует уровень **(1)**, который в мышлении представлен идеальным двойником в виде фонемного уровня **(2)**, именно он, этот идеальный, абстрактный, логический образ знака, т.е. фонема, прочно, но в то же время условно, немотивировано связан в мозгу ассоциативной связью с идеальным образом реальной вещи, логическим понятием, т.е. с уровнем **(3)**, которое указывает нам на реальноый предмет, это уровень **(4)**. Именно в модели знака находится разгадка: почему ограниченное количество знаков в языке открывает неограниченные горизонты для мышления. В этом идеальном, логическом, промежуточном звене **(2) → (3)** между материей знака и материей внешнего предмета и заложен весь фокус: любой внешний материальный предмет (*берёза*) **(4)** для людей всех наций – один и тот же. Это чувственное мышление, общее для всех людей. Но этот предмет означен в разных языках различными материальными знаками **(1)**. Но так как, во-первых, материальные языковые знаки **(1)** и реальные материальные предметы **(4)** не могут назходиться в мозгу в их материалоьной форме, то они, эти две материи представлены в мозгу их идеальными образами – знака как фонема **(2)**, а внешнего предмета – как понятие **(3)**. Поскольку внешние объекты для всех людей – одни и те же, поэтому и сами эти предметы и их знаки имеют идеальное или логическое представление в мозгу всех людей как одно и то же **(2** и **3)**. А так как языковые знаки условны, и любым знаком можно обозначить любой предмет, то создаёётся свобода выбора знака для любой вещи. Идеальное знака **(2)** и идеальное материального предмета **(3)** в мышлении всех людей одно и то же (например, *берёза*), но за ним скрываются совершенно различные по их названию материальные объекты (берёза, Birke, bouleau, birch) – в одном случае знаки, в другом случе – предметы.

Реальный предмет для всех людей – один и тот же, но его идеальный образ в виде цепочки фонем – совершенно различен от языка к языку, потому что языковой знак произволен, немотивирован. Этот предмет, весь этот мир и есть тот объект, который отражается в мозгу одним и тем же общечеловеческим мышлением, но через разные идеальные образы национальных материальных языковых знаков.

Например, теории «лингвистической относительности» и «языковой картины мира», решая эту же проблему, и ставя её в такой же плоскости, как это делает, например, Панфилов, действительно, доказала, но обратное тому, что показывает нам реальность, т.е. что есть одно, единое, общечеловеческое, логическое мышление, но не существует столько же национальных логических мышлений, сколько существует языков. Теория «неразрывности» языка и мышления, как и теория «лингвистической относительности» шла по ошибочному пути, выбросив в модели знака промежуточные уровни **(2 → 3)** между материей знаков и самими реальнми предметами.

4) Действительно ли язык имеет свои внутренние законы развития и функционирования ?

Эта точка зрения отражёна в работах многих лингвистов, она происходит от неверного понимания взаимоотношения языка и мышления. «Какой лингвист, если он действительно стоит на материалистической точке зрения, не может не признавать наличие в языке внутренних законов. Многие процессы и явления в языке – результаты действия различных внутренних законов». [Серебренников 1983 : 209]. «Формы выражения в языке относительно независимы. Не все изменения в языке могут быть рассматриваемы как прямое отражение изменений в мышлении». [Серебренников 1970 : 84].

Но тогда позволительно спросить, а кто или что побуждает язык к этим изменениям ? Что в нём есть такого, что заставляет язык, т.е. материальные знаки стать самим субъектом действия ? Иногда к этим движущим силам языка относят так называемые «экстралингвистические факторы» в виде общества, мышления, а «интралингвистическими факторами» в языке остаётся всё остальное – лишь материя знаков. [Панфилов 1983 : 16]. Лосев выводит языки и за пределы мышления, и за пределы действительности. «Языковой знак занимает среднее положение между субъективным мышлением и объективной действительностью и зависит от того и другого и без них не существует. Знак – это своеобразное бытие, не сводимое ни на чистую мысль, ни на слепую, никак не осмысленную текучую действительность. Язык и его знаки образуются стихийно и имеют свои собственные законы развития, не зависящие ни от чистой мысли, ни от законов движущейся действительности. Сводить законы развития знаков на законы чистой мысли было бы удушающим идеализмом». [Лосев, СЛЯ, 1977, № 1].

Если считать языковые знаки материальными и только материальными, то это означало бы отрыв знаков от мышления, но знаки, изолированные от мысли перестают быть знаками. Материя знаков – необходимое средство существования и формирования мышления. Языковые знаки есть материальная форма, внешняя, условная, произвольная, есть как бы внемозговая «оболочка» мысли, ассоциативно связывающая знак с мышлением. А вне условной связи знака с мышлением знаки были бы набором бессмысленных звуков. Следовательно, нет не только мышления без знаков, но и знак не существует вне связи с мышлением. Но единство знаков и мышления следует понимать не в том, что мышление есть составная часть знаков, а материя знаков – составная часть мышления, а в том, что знаки языка это стихийно, условно,

немотивировано и в то же время прочно ассоциативно связаны между собой в единый процесс отражения действительности на его рациональной, логической ступени.

Язык – «непосредственная действительность мысли» ? И да, и нет. Да, в том смысле, что только через знаки мы опознаём мысли говорящего и пишущего, только благодаря знакам мы познаём мир и общаемся с себе подобными. Нет, в том смысле, что самой мысли нет в знаке, так же как и самого знака нет в мысли. Следовательно, мысль, судя по структуре языкового знака, лишь ассоциативно связана с определённым знаком, как бы вынесена из мозга в знак, но хранящаяся в сознании. Мысль в голове человека невидима, неосязаема. Чтобы её увидеть или услышать, она должна «перейти» в звуки или буквы языка как их ассоциативные идеальные отпечатки, находящиеся в мозгу. Язык как бы становится той же мыслью, но вне мозга, копирует мысль, которая находится в мозгу, ибо больше ей негде быть.

Здесь возможны многие вопросы о соотношении внешнего звука (материи) и внутримозговой идеи (идеальное, образ). На самом деле звуки родились от мысли в голове говорящего, для каждой мысли в мозгу имеется свой идеальный образ, идея материального знака. Образ этого материального знака транслируется в органы речи (пальцы руки). Материальный знак индуцирует связанный с ним образ в чужом мозгу. Следовательно, между двумя мозгами как бы стоят одни и те же идеальные образы, идеи, понятия одних и тех же материальных явлений, вызываемых одними и теми же материальными знаками. Точно так же происходит и познание, и коммуникация, и тут, и там – одно и то же мышление человека.

Но, например, Комаров считает, что мысль «не чисто идеальна», что она сама есть знаковая форма, отражающая вещи. Это заблуждение, во - первых, противоречащее марксизму, на позиции которого стоит Комаров: мысль не может быть оторвана от мыслящего мозга. Во - вторых, если знаковая форма органически входит в саму мысль, делая её не чисто идеальной, то это есть отрицание сущности условного, немотивированного языкового знака и психофизиологических законов познания реальной действительности. Знак связан с мыслью не только свой материальной стороной, которая как была мёртвой материей, так ею и остаётся (это материя вне мозга), но и своей идеальной стороной (но идеальный образ знака – в мозгу). И это главное – материя знака **(1)** живёт в сознании в её идеальной форме в виде фонемы **(2)**, и именно эту идеальную форму знака в мозгу и принимают за весь материальный знак, считая вследствие этого, что язык и мышление «неразрывны», и называют мысль «языково-знаковой формой».

Диалектический материализм, как пишут ошибающиеся философы, учит, что роль языка в познании определяется тем, что он «неразрывно» связан с мышлением, что мысль передаётся другим людям в форме материальной оболочки, что язык поэтому есть носитель наших знаний, закрепляет человеческий опыт и передаёт его из поколения в поколение. На первый взгляд, действительно, кажется, что язык «неразрывен» с мыслью, что без языка нет познания, что язык «накапливает и передаёт» наши знания. Но это рассуждения лишь с позиций «здравого смысла» – мы всё это так видим и это совершается ежесекундно на наших глазах, это поверхностный взгляд, взгляд с позиций «явления» (т.е. предмет является перед нашими глазами), а не с позиций внутренней «сущности» предмета: «всё, что видим мы – видимость только одна, далеко от поверхности моря до дна». Отождествление языка и мышления, вместо того, чтобы раскрыть специфику каждого из них в их специфическом, диалектическом единстве, – вот что мешает многим лингвистам и философам установить место истинного соотношения языка и мышления.

VI. Процесс понимания .

1) Как происходит понимание ?

Являющийся одним из центральных проблем науки о языке, процесс понимания формулируется в современной лингвистике как проблема, далеко выходящая за рамки одной только лингвистики. Понимание – психический процесс, в котором язык выступает как одна из сторон единого целого. Разграничивать мышление, речь, память, внимание, восприятие, понимание, эмоции и другие психические процессы можно только в целях научного исследования – в реальных жизненных процессах они функционируют в едином ансамбле.

При восприятии речи различные сигналы (звуки, слоги, слова) поступают к человеку последовательно, друг за другом, параллельно с линейным и временным развёртыванием текста. Поскольку сама по себе мысль нематериальна, не дана органам чувств, поэтому её нельзя ни увидеть, ни услышать, ни осязать, ни попробовать на вкус. Следовательно, ходячее выражение «обмен мыслями» абсурдно. «Обмен мыслями» – сложный процесс, это материальное воздействие звуками (буквами), структурированными в фонемы (графемы), на мозг воспринимающего через рецепторы, с помощью которых мы «не передаём», а вызываем аналогичные идеальные образы, мысли в его голове. Понимание в процессе общения возникает потому, что слушатель воспринимает не мысль как таковую, а лишь материальную, знаковую форму языковых единиц, которая вызывает у него мысль, приближающуюся по своему содержанию к мысли говорящего. Мысли закрепляются не в языке как знаковой системе, а в мозгу поколений людей, там же хранится всё человеческое познание как источник существования самого человека. А с помощью системы знаков, в которых закодировано оречевлённое, вынесенное за пределы мозга мышление, слушающий (ситающий), вооружённый той же знаковой системой, переводит эти знаки в свои мысли. И так – из поколения в поколение людей. Общение и взаимное воздействие индивидов основано на том, что говорящие вызывают у слушающих – посредством ощущений от физических стимулов – некоторые языковые представления и их ассоциации. Понимание аналогично переводу: « ... Перевод с одного языка на другой есть не передача той же мысли, а возбуждение другой, отличной ... » [Потебня 1993 : 168].

Процесс понимания – сложнейший процесс работы мозга. Пронаблюдаем удивительно простую картину – человек читает, пишет, говорит, слушает. Ничего особенного, обычное явление, и нечему тут удивляться. Но удивляться надо, да ещё как ! Происходит сложнейший, внутренний процесс в мозгу ! Это самое загадочное и таинственное в работе мозга и вообще в жизни человека ! Ничто, с чем сталкивается человек, не таит в себе столько тайн, как процесс понимания (чтения, слушания, писания, говорения). Причём всё происходит тихо (кроме говорения), бесследно, незаметно, и как будто вообще ничего не происходит. Но в этом процессе приведены в действие в с е м е х а н и з м ы человеческой психики и все механизмы взаимодействия языка – мышления – материального мира и духовного мира человека.

Удивительно метко этот психологический процесс схватил писатель: « ... Сейчас он войдёт, между нами произойдёт самая обыкновенная и самая непонятная вещь в мире: мы начнём разговаривать. Гость, издавая звуки разной высоты и силы, будет выражать свои мысли, а я буду слушать эти звуковые колебания воздуха и разгадывать, что они значат ... и его мысли станут моими мыслями ... О, как таинственны, как странны, как непонятны для нас самые простые жизненные явления !» (А. Куприн. Вечерний гость).

Понимание – целенаправленный познавательный процесс, связанный как с уже усвоенными готовыми знаниями, так и с выявлением новых, доселе неизвестных свойств

и отношений вещей. В процессе понимания происходит соотнесение вновь воспринятых впечатлений с уже имеющимися знаниями, включение воспринимаемого, осознаваемого объекта в существующие в голове связи элементов опыта.

2) В знаке нет значения : значения – это обобщённые идеальные мозговые ассоциации с предметами, находящимися вне мозга.

«Все вещи суть умозаключения, нечто всеобщее, связанное через особенность с единичностью» [Гегель 1972, т. 3 : 211]. Слово (буква) не несёт в самом себе своё значение, понятие. Понятия или значения не могут быть переданы путём предъявления объекта, они не находятся ни в нём, ни за ним, они не представлены воочию этим объектом. Между логическим понятием предмета **(3)** и самим предметом **(4)** встаёт материальный знак **(1)**, преобразованный мозгом в его идеальный, логический образ **(2)**. Языковая форма может выполнять лишь функцию материального закрепления идеальной, логической формы в сознании, но при этом должна быть организована по законам данного языка. Формы и законы как чувственного, так и абстрактного отражения порождаются не языковыми знаками, а мышлением. Языковые знаки не являются ни знанием, ни даже формой существования знания, так как они содержат в себе не логические формы мысли (и тем самым не суждения, т.е. знания и заблуждения), а только материал для производства предложений (суждений) в речевой деятельности, следовательно, лишь средства для формирования мысли. Знание не существует и не развивается как языковые знаки, т.е. в виде материи языковых знаков.

3) «Передаётся» не мысль, а звук, буква, ассоциативно возбуждающие мысль в сознании.

Понимание в процессе речи возникает потому, что слушающему передаётся не мысль, как нечто идеальное, а только звуковая, физическая сторона языковых знаков, которая вызывает или возбуждает в сознании слушающего ту же или близкую мысль (в зависимости от познаний и жизненного опыта слушающего). Но этот процесс общения и понимания не есть простое соотношение «знак – предмет», т.е. **(1) → (4)**, а предполагает четырёхуровневый процесс движения мысли: от материи знака **(1)**, через его идеальный, логический образ звука – фонему **(2)**, через идеальный, логический образ конкретного предмета – понятие **(3)**, к реальному внешнему предмету **(4)** (см. выше: Глава 1, «Модель знака»). Языковой знак имеет сложную структуру и она никогда не осознаётся в процессе речи и слушания, хотя на самом деле система языковых знаков и её связей с мозгом – сложнейшая механика. «Процесс речи нельзя сравнивать с простой передачей материала. Слушающий, так же, как и говорящий, должен его воссоздать своею внутренней силой». [Гумбольдт 1956 : 80].

Произвольность языкового знака доказывается также тем, что одна и та же мыслью одном и том же языке может быть выражена в разных знаковых формах.

Речь должна быть не только воспринята, но и понята. Новое предложение со своей лексико-синтаксической структурой, воспринимаемое человеком, стирает в оперативной памяти следы от предыдущего предложения и обработанный смысл поступает в долговременную память, если, конечно, поступает, это зависит от воли слушателя. Но из неё нельзя дословно воспроизвести часть предшествующих предложений. Их удаётся восстановить только по смыслу. В этом и состоит сущность коммуникации через речь, через текст. Смыслом будет то, что содержательно тождественно в разных знаковых оформлениях в одном и том же или в разных языках.

4) Понимание – это повторение процесса творчества в обратном порядке.

Слушающий автоматически переводит услышаное (прочитанное) предложение в соответствующую мысль. Оно проходит путь по модели структуры знака от уровня **(1)** до уровня **(4): (1 → 2 → 3 → 4)**. Слушающий воспринимает материю звука (буквы) **(1)** *дерево*, т.е. цепочку фонем, которая ещё ранее была отпечатана в его мозгу в виде её идеального образа **(2)**. Эта фонема или цепочка фонем, как абстрактная, логическая форма , ассоциативно соотносится в сознании слушающего с идеальным образом или логическим понятием *дерево* **(3),** отражающее физический предмет *дерево* **(4)**. Это и есть схематически представленный процесс понимания слова, предложения, текста. Говорящий ищет в своём сознании идеальные, логические формы передачи задуманной мысли, связи идеальных форм знака и предмета (*дерево*), т.е. через фонемы и понятия **(2)** и **(3)**, но от фонем и понятий как форм абстрактнго мышления не могут быть оторваны их чувственные физические эквиваленты – **(1)** и **(4)**. Если эта форма найдена, хотя ещё и туманная, говорящий формирует её в грамматически правильные цепочки предложений идеальных, абстрактных знаков «языка мозга». Здесь же уже присутствуют (они уже пришли одновременно с идеальными формами фонем и понятий) их физические эквиваленты **(1)** и **(4)**. Слушающий воспринимает только физические звуки (буквы) **(1)**, которые в его сознании ассоциативно тянут за собой чувственные представления о рельных предметах **(4)**.

Звуковые и графические комплексы у говорящего и у слушающего одинаково ассоциированы с предметами материального мира и абстрактными понятиями. Слушающий, ставший говорящим, проходит весь процесс коммуникации в обратном порядке: он ассоциирует звуки (буквы), слова, предложения с теми же мысленными образами и в мышлении рождается та же мысль. Его ответ говорящему состоит из тех же уровней построения своего высказывания (в модели знака уровни от **1** до **4**), что и у собеседника. Услышанное мною слово и его понимание – это процесс, обратный процессу его создания, есть акт творчества, создания текста и акт его познания, понимания.

Философия языка, объясняя связь между сознанием, языком и объективной действительностью, является неизбежно философией логического познания и экспликации его механизмов. В сознании говорящего, пишущего рождаются понятия, ассоциирующиеся с идеальными формами знаков, с их акустическими и буквенными образами. Родившееся в голове понятие – психическое, логическое явление, эти психические импульсы как физиологическое явление, передаются органам речи (пальцам руки). В основе этих психических процессов лежат звуковые или зрительные волны. Отправная точка круговорота речи находится в мозгу **А**, где единицы сознания (понятия) ассоциируются с идеальными образами языковых знаков (фонемами). Этот процесс – чисто психический, за которым следует процесс физиологический: мозг передаёт органам речи импульсы, соответствующие образу языкового знака. Звуковые волны поступают от речевых органов **А** к слуховым и зрительным органам **Б**. Это процесс чисто физический. Далее от **Б** к **А** все процессы совершаются в обратном порядке: от уха к мозгу (физиология), в мозгу совершается психическая ассоциация с соответствующим понятием.

5) Можно ли отграничить деятельность мозга от его продукта – знаков ?

В процессе отражения мира лежит противоречие между сущностью и явлением, сам объект есть противоречие, мир не может быть скопирован в процессе познания ни в чувственном, ни в абстрактном мышлении по отдельности. Противоречие состоит в том, что мы «отрываем» мысль от материального, мыслящего органа, мозга, «выносим» её за пределы мозга и связываем её с миром действительности (природной или

искусственной в виде материи языка). Это противоречие и составляет проблему отражения, т.е. вопрос о том, как материальное «пересаживается» в человеческую голову и преобразуется в ней, превращаясь в идеальное, в мысль. Мышление и мысль рождаются в мозгу через материальный продукт, мозг и, следовательно, являются вторичными как по отношению к миру в целом, так и по отношению к мозгу. Это противоречие приобретает вид треугольника, все три стороны которого противоречат друг другу: мысль есть одновременно и идеальная функция материального органа (мозга), и материальная деятельность мозга, и идеальнй продукт материального мира в логических формах.

Бесконечное разнообразие окружающих нас вещей, событий, действий, качеств и отношений между ними требует их называния. Знакомо всякому: «нет слов, чтобы выразить». Человек думает о большем, чем он может сказать. Выражает ли речь уже сформировавшуюся мысль, или мысль формируется до речи и вне речи ? Речевой акт есть процесс мышления. Мозг постоянно ищет нужные единицы в резервах своей памяти, где по закону ассоциации разложены языковые знаки и грамматические парадигмы.

6) Всякое понимание основано на знаниях (психические апперцепции), оно происходит от понимания самого себя.

Психическая апперцепция – свойство мышления, когда данное восприятие, понимание слов, фраз объясняется, подготавливается наличием других, даже незначительных знаний в сознании. Она есть участница определённых знаний в работе сознания, в образовании новых мыслей. Чем более я подготовлен к пониманию данной теории, тем больше у меня апперцепционная масса, тем легче происходит понимание.

Членораздельный звук (уровень **1**), воспринимаемый слушателем, пробуждает в нём воспоминания о его собственных, таких же звуках в виде их идеальных образов, фонем (уровееь **2**), и это воспоминание вызывает в сознании мысль, понятие **(3)** о самом предмете **(4)**. Если бы языковой звук (буква) говорящего не воспроизводил в мозгу слушающего воспоминания, то понимание не могло бы состояться. Но для такого понимания нужно даже не полное, а частичное понимание произнесённого. Знак есть средство не только понимать другого, но и понимать самого себя. Мышление возможно и без слов. Это акт индивидуальный и не всегда связанный с процессом речи. Но в процессе речи без слов не обойтись. Услышанное слово сразу же вызывает понимание, потому что у слушающего уже закрепилось сказанное слово и выраженное им понятие. Следовательно, понимание слова (устного или письменного) происходит от понимания слов в самом себе. Сказанное и услышанное прочно связано по ассоциации с логическими понятиями, общими для говорящего и слушающего. Наша собственная мысль, туманная и расплывчатая, мгновенно освещается, когда мы сообщаем её другому, или напишем. Таким образом, слово, языковой знак есть не только средство понимать другого, но и есть средство понимать самого себя. Кроме знаковых знаний, понимание опирается и на другие виды хранимой информации, понимание не сводится только в словарю и к грамматическим конструкциям. Понимание связано с наукой о знаниях, для неё это означает, что естественный язык обладает абсолютным приоритетом как средство «фиксации и передачи» знаний. Она не может развиваться, минуя проблему понимания как проблему взаимодействия семантического и логического мышления.

7) Всякое понимание есть непонимание.

Человек создал себе орудие понимания, членораздельные звуки и буквы, непостижимо простые по сравнению с важностью того, что посредством их достигается.

Но, воспринимая слово, слушатель думает не совсем то, что замыслил говорящий. Если бы было полное совпадение того и другого, то слушающий перестал бы быть самим собой, т.е. воспринимал бы от говорящего свою собственную мысль, передаваемую как бы заново. Поэтому понимание идентичное, один к одному с говорящим есть иллюзия, будто мы видим или слышим, т.е. осязаем нашим чувственным мышлением те же предметы, свойства, что и говорящий. Но мы воспринимаем только свои впечатления от звуков и то, что за ними скрывается. А эти впечатления у всех разные. Это происходит потому, что абстрактные формы мысли неизбежно переходят в чувственное созерцание, а оно у разных людей разное. Если я читаю описание природы или событий в каком-нибудь романе, рассказе, я вижу всё это по-своему, ибо у меня иной опыт жизни, чем у автора, и я видел эти предметы или события по иному. «Всякое понимание есть непонимание» (В. Гумбольдт).

Я слышу от говорящего слово *стол*. В слове *стол* есть совокупность многих признаков, которые состоят из совокупности впечатлений моего зрения и осязания, а также из воспоминаний о них. То, что имел в виду говорящий, пишущий (т.е. *стол*), слушающий понимает, но у него набор признаков иной (в зависимости от его жизненного опыта). Если В. Гумбольдт пишет, что «всякое понимание есть непонимание», т.е. понять другого якобы невозможно, то это его афоризм. На самом деле: то, что мы называем пониманием, есть акт говорения и слушания особого рода, возникновение мысли в нас самих по поводу мыслей, высказанных другим человеком.

Слово, воспринимаемое слушающим, пробуждает в нём воспоминание таких же собственных звуков, и это воспоминание вызывает в его сознании мысль о самом предмете. Если бы слушатель не воспринял звук другого как принадлежащий ему самому, слушателю, то понимание было бы невозможным. Но для такого понимания нужно не полное звучание (или частично иное написание), а только частное совпадение нового восприятия с прежним. Люди «передают» друг другу не предметы (звук слов, буквы), а затрагивают друг в друге то же звено цепи чувственных представлений своего духовного инструмента.

Это есть воспроизведение в сознании предмета, события, теории, т.е. того, что сейчас ещё не существует, в ощущениях не дано, но что может существовать в неких идеальных ситуациях. А воспроизвести в сознании предмет, событие, ситуацию, значит понять их, как они есть. Т.е. абстрактное, логическое мышление определяется через мышление-понимание, а оно отличается от ощущений, восприятий, представлений как чувственных форм отражения. А понимать вещи и явления можно только в логических формах (в понятии, суждении, умозаключении), т.е. мы понимаем идеализированный предмет.

Таким образом, предмет, событие, факт мы понимаем в двух мыслительных формах – в форме конкретного, наглядного, видимого, ощущаемого предмета для идеализации, т.е. в форме чувственного мышления, и в форме идеализированного предмета, в форме абстрактного, логического мышления. Это и есть исходное начало, ступень определения понятия мышления. Предмет и мысль о нём не совпадают, это материя и сознание, материальное и идеальное, звуки слов соотнесены с мыслями о них. Идеальное в них – образы этих звуков, живущие в голове человека. В этом отношении слово не отличается от других материальных объектов. Но имеется отличие: восприятие слова сопровождается его пониманием, т.е. установлением связи этого слова с определённым понятием, которое уже есть в опыте человека. Материальные знаки выступают как выражение идеального. Соотношение идеального образа и материи знака символизирует, представляет содержание мысли, которая находится в сознании. Нет речи без её понимания, так же как нет и понимания без речи, без знаков, «внешней

материи» мысли. Говорящий знает, что слово принадлежит ему, и в то же время он знает, что это же слово не принадлежит ему на правах частной собственности. Ибо это слово так же понятно и слушающему, следовательно, принадлежит и ему.

Когда я говорю, а меня понимают, то я не «перекладываю» целиком мысли из моей головы в другую. «...При понимании мысль говорящего не передаётся, но слушающий, понимая, создаёт свою мысль. Думать при произнесении известного слова то же самое, что думает другой, значило бы перестать быть самим собою; поэтому понимание в смысле тождества мысли говорящего и слушающего есть иллюзия, в которой действительным оказывается только некоторое сходство, аналогичность между ними, объясняемое сходством других сторон человеческой природы» [Потебня 1910, т. 2, ч. 2 : 126 - 127].

8) В процессе понимания каждый творит своё понимание.

Мысль, переданная словом, имеет в слушателе не тот вид, что в говорящем. Отсюда – частое непонимание. В речи одно и то же слово для слушающего и говорящего часто разные слова, с разными значениями. Устойчивость значения в слове имеет определённые пределы. Никто, произнеся слово, не думает так же, как другой. Между тем пределы непонимания не так уж широки и неопределённы. Нельзя утверждать, что слова у разных людей имеют разное значение, но нельзя и утверждать, что нет общего в слове для разных людей: есть основное значение, оттенки уходят. Каждый принимает речь в своих собственных словах. Личный опыт каждого отличен от опыта других.

Таким образом, понимание не сводится к п а с с и в н о м у отражению свойств вещи: в интерпретацию мы вкладываем и часть своего внутреннего мира, это «процесс построения своей мысли», это постепенное «достраивание», восполнение недостающих деталей, мыслей, суждений, умозаключений своими собственными.

Что именно даёт слову силу производить понимание и почему слово в этом отношении незаменимо никаким другим средством ? Понимание другого происходит от понимания самого себя. Наша собственная тёмная мысль мгновенно освещается, когда мы сообщим её другому или напишем, и не только другому, но и самому себе. Слово есть настолько средство понимать другого, насколько оно средство понимания самого себя. Сила человеческой мысли не только в том, что слово вызывает в сознании прежние восприятия, но и в том, как именно оно заставляет человека пользоваться сокровищами своего прошедшего. Понимание тогда возможно, когда у партнёров общения будет что-то общее. А этим общим является действительность. Получаемый после чтения текста семантический продукт есть уже вторичный смысл, вторичная, логическая интерпретация, которая читающим «подгоняется» под его логическую систему мышления, а точнее говоря – становится основой иной, новой системой мышления. А она, эта логическая система, автоматически вызывает в своём же мозгу чувственные образы конкретных предметов, подразумевавшимися говорящим (пишущим) и воспринимаемых слушающим (читающим) тоже как реальные предметы и события (подробнее о взаимопереходе абстрактного и чувственного мышления см. в книге [Кривоносов 2001 : 144 - 148]).

9) Понимание – это переход от семантических форм мысли к логическим формам.

Понимание – это восстановление тех же логических связей, что и в голове говорящего (пишущего). Процесс понимания возможен только при общности семантических, смысловых, логических связей в сознании коммуникантов. Понимание

возможно постольку, поскольку в мозгу адресата уже имеются, или впервые устанавливаются те же связи знака с его обозначаемым. Понимание текста возможно потому, что слушатель или читатель владеет теми же механизмами смыслового синтеза, которые использует автор при реализации своего замысла в тексте. Это значит, что читатель должен владеть не только естественным языком, но также механизмами синтеза смысла из отдельных высказываний и механизмами смысла целого произведения. Понимание выходит далеко за пределы лингвистики. В лингвистический аспект входит только процедурная сторона понимания, конкретное же наполнение в виде теории объективного мира, т.е. познание – это традиционно философская проблема, имеющая выход в языкознание.

Отрезок речевой цепи между говорящим и слушающим (письменным текстом и читателем) включает в себя только материальную сторону языковых единиц в виде определённым образом организованных звуковых (зрительных) волн, организованных в определённую систему фонем (графем). Звуковой (буквенный) поток должен быть организован так, чтобы он в соответствии с тем языком, которым владеют оба собеседника (писатель и читатель) мог вызвать соответствующий образ. Материальные звуки (буквы) находятся, разумеется, вне сознания, они принадлежат внешней среде, но в мышлении они превращаются в абстрактные сущности и будучи логическими обобщёниями, превращаются в фонемы (графемы), становятся достоянием сознания. Не включая в себя идеальной стороны, этот звуковой (графический) поток текста, вместе с тем, но только при встрече с мозгом, заряжённым тем же языковым кодом, той же языковой системой, обнаруживает в себе определённую информацию или значение, идеальный образ, идеальную по своему характеру информацию благодаря тому, что в мозгу слушающего (читающего) возбуждаются определённые, соответствующие данной знаковой цепочке, участки нейронов и возникают те же или близкие психические образы как идеальная сторона соответствующих языковых построений в виде логических понятий.

В качестве объекта восприятия в тексте служит его материальная форма в виде последовательности символов, служащих непосредственными раздражителями, действующими на органы чувств. Но конечная цель – не восприятие звуков или букв, а того, что за ними стоит – предмета описания, но он не дан непосредственно, поэтому он не может воздействовать на сенсорный аппарат. Он должен возникнуть в сознании сквозь воспринимаемые символы как идеальный образ. Следовательно, текст воспринимается в двух этапах:

а) Непосредственное восприятие материальных знаков, это сложный процесс преобразования энергии воздействия внешних сигналов в нервные импульсы и этих импульсов в образ воспринимаемого символа, осознание его как знака, сл**о**ва, как значимой единицы языка (т.е. осознание слова как логической структуры связи фонем);

б) Переход от образа языка как материального объекта к образу его содержания, осмысление, понимание воспринимаемого материала, т.е. понимание воспринимаемого как логического понятия или суждения.

Эти два этапа различны: на первом – распознавание, узнавание знаков, на втором – понимание, распознавание информации, закодированной комбинацией этих знаков. Но они слиты во времени, образуют единый процесс. Проблема понимания – это второй этап восприятия текста.

Понимание – это переход кода языка к внутреннему коду интеллекта, где в качестве единиц содержания выступают не слова как единицы семантической структуры предложения, а понятия. Процесс понимания – это переход с материи языка на идеальный язык мозга. Понимание – это перевод с материального языка на

внутримозговой, субъективный, это переход к смыслу. Понимание есть не что иное, как осмысленное восприятие языковых форм, несущих в себе осмысленную информацию. «Понимаие есть упрощение мысли, переложение её, если можно так выразиться, на другой язык» [Потебня 1976 : 79].

Отсюда ясно, что логическая форма мышления – главная, с неё начинается и ею завершается процесс коммуникации. Процесс понимания, обозначенный выше как пункт (б), делится на языковой уровень понимания (семантическая форма мышления) и надъязыковой уровень понимания (логическая форма мышления), поверхностный и глубинный. Психологический анализ показывает, что понимание не идёт сначала на семантическом уровне, а потом на логическом. Осмысление первых же знаковых выражений сразу требует обращения к сфере реальных знаний, к логическому уровню. Поэтому семантические формы мысли и логические формы мысли постоянно взаимодействуют. Следовательно, чисто семантического уровня понимания нет, поскольку логические формы мысли подключаются в самом начале процесса понимания.

В центре внимания языковедов обычно лежит знаковая, семантическая единица как изолированный элемент языковой системы, а процесс перехода от знака к его содержанию не всегда учитываются. Необходимо не только знание семантической формы мысли, не способное само по себе привести к пониманию языковых выражений. Поэтому в лингвистических моделях явно или неявно предполагается существование логической формы мысли. Одна и та же мысль, выраженная в одном и том же языке разными способами, и её понимание возможны только на логической основе, которая в данном случае оказывается единой не только для различных семантических форм мышления в одном и том же языке, но и в разных языках.

Понимание смысла высказывания есть проникновение в суть его логической структуры, а это значит – выход за пределы видимой и слышимой семантико-грамматической структуры предложения. Чтобы понять предложение, т.е. семантическую форму мысли, надо прежде узнать знаки и их взаимные связи, выражающие эту форму мысли, а чтобы понять логическую форму мысли, надо понять семантическую форму мысли. Понимание же логической формы мысли означает её перевод с семантической формы, т.е. переход с внешнего кода на глубинный, т.е. логический код. Таким образом, происходит постоянный взаимопереход, т.е. в з а и м о п е р е в о д семантической формы мысли (предложения) в логическую форму мысли (суждение). Этот взаимопереход совершается в мозгу автоматически и неосознанно, но только до тех пор, пока говорящий (пишущий) не сталкивается с «муками слова».

Уровень понимания – это уровень перевода с одного языка на другой. В общении натуральный язык проявляется как двухзвенный механизм. Гипотезу двухзвенности языка подтверждают не только эксперименты, но и тривиальные факты наблюдения над формами общения людей, которые показывают, что понимание, т.е. приём сообщений, следует понимать как перевод с одного языка на другой. При этом один из этих языков есть язык семантической формы мышления, а другой язык есть язык логической формы мышления.

Итак, слушающий или читающий, воспринимая семантико-грамматическую форму предложения как «кусочек» языкового или оречевлённого мышления говорящего, «упакованной» в соответствующую семантическую и грамматическую форму языка, воспринимая эту мысль как нечто целостное, о д н о в р е м е н н о, чаще всего автоматически и бессознательно, если этому не препятствуют «муки слова», п е р е в о д и т её в форму мысли более высокого уровня – в логическую форму. Он сличает её с логическими формами своего «логического языка» (с сознанием) и понимает её о д н о в р е м е н н о и как семантико-грамматическую или семантическую форму мысли, т.е. как

содержание предложения (так, как он её видит или слышит в реальном предложении), и как логическую форму мысли. Вернее, слушающий (читающий) не переводит её в логическую форму, она сама по себе, а в т о м а т и ч е с к и, б е с с о з н а т е л ь н о откладывается у него в мозгу через звучащее (написанное) предложение как соответствующая логическая форма.

Подтверждением этому может служить пересказ текста: мы это делаем, в основном, не в словах оригинала, они уже забыты, а в своих собственных словах, не нарушая исходного смысла оригинала. Мы передаём смысл оригинала своими словами только потому, что запомнили не слова и грамматические формы оригинала, а его с м ы с л, и только потому, что запомнили этот смысл в его соответствующих логических формах. Воспринятое содержание текста запоминается слушающим (читающим) именно как последовательность логических форм мысли, а не как последовательность семантико-грамматических форм мысли, которые всегда более подробны и пространны, чем содержащиеся внутри них абстрактные логические формы. Отсюда естественно заключить – и это соответствует теории информации, – что в процессе передачи информации её исходное количество теряется и никогда не увеличивается на выходе. Овладение л о г и ч е с к и м с м ы с л о м текстов (письменных и устных) является самым верным и надёжным каналом для проникновения в чужую индивидуальность, в культуру других народов, в дух минувших эпох.

10) Процесс понимания завершается построением умозаключений и теорий.

Цель понимания чего-либо может быть разной, например, понимание собеседника. Более высокий уровень понимания есть понимание внутренних взаимосвязей и причинно-следственных отношений между двумя и более фактами и событиями. Наивысшей формой понимания можно считать создание теории объекта со всеми его внутренними отношениями, которые можно выразить в системе умозаключений. Эту мысль хорошо выразил Г. Гийом, который данному вопросу посвятил немало вдохновенных страниц. «Опыт, представляющий собой наблюдение, ценен только тогда, когда он ведёт к новому, не достигнутому до этого времени пониманию. Научная деятельность – это in extenso (дословно, – А.К.) колебание от наблюдения к пониманию, превосходящему наблюдение, и от этого понимания к наблюдению на своём уровне» [Гийом 1992 : 45]. Ср.: «От живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к практике* – таков диалектический путь познания *истины*, познания объективной реальности» [Ленин т. 29 : 152 - 153]. Ср. также: «Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т.д. *без конца*» [Ленин : т. 29 : 227]

Теория чего-либо есть высшая степень понимания. Построить теорию – это значит понять нечто в самом высоком смысле. Отсюда – необходимость завершить понимание вещей построением т е о р и и. Видение высшего уровня приходит часто в виде озарения, неожиданно, из глубокого понимания. «Для меня привлекательность теории заключается в том, что вместо видения фактов она даёт их понимание, ведущему к высшему видению, которое находится на содержательном уровне. На мой взгляд, понять – это дойти в теоретизировании до *предела*, как бы мало ни удалось понять. Максимум понимания – это и есть хорошая теория» [Гийом 1992 : 25].

В основе процесса понимания лежит формальная логика, т.е. логические формы мысли, а они выражены конкретными семантико-грамматическими формами языка. Но человек понимает себя, других и весь мир не этими конкретными языковыми формами, а л о г и ч е с к и м и ф о р м а м и м ы с л и, ассоциативно манифестируемыми этими

конкретными языковыми формами. Авторы теорий «лингвистической относительности» и «языковой картины мира» остановились на полпути, полагая, что конкретные языковые формы – первая и последняя инстанция среди средств мозга, через которые они, как им кажется, познают мир и которые служат средством коммуникации и понимания друг друга в этом процессе. Однако не язык есть мой мир, а моё мышление, которое познаёт мир в своих логических формах, есть мой «второй» мир, представленный в мозгу идеально, но не материально ни в виде материи слов, ни в виде материального мира.

В основе процесса понимания лежит формальная логика, т.е. абстрактные, логические формы мысли (понятия, суждения, умозаключения), выраженные в конкретных материальных формах языка, которые однако не находятся и не могут находиться в мозгу в силу чужеродной для мозга материи. Человек понимает себя, других и весь мир не материей языка, а ищет и находит (одновременно и молниеносно, автоматически и преимущественно бессознательно) в языковых формах то, ради чего они существуют – логические формы мысли. Если идти на поводу у теорий «лингвистической относительности», «языковой картины мира» и теории «дегуманизации языка», для которых язык в его семантических и грамматических формах и звуки языка, образовавшиеся исторически, на основе общественного договора, самодостаточны, чтобы понимать и отражать мир, то мы неизбежно придём к выводу, будто мой язык – это мой мир, будто возможно «Язык о языке» (название сборника под ред. Арутюновой), будто у каждой нации свой мир, зеркально отражённый в лексико-семантической структуре языка.

Процесс понимания связан, естественно, с процессом перевода с одного языка на другой: без понимания того, что переводишь, нет перевода, иначе в лучшем случае мы делаем лишь подстрочный, а не художественный перевод. Естественно, понимание процесса «понимания» открывает завесу и над сложнейшей проблемой: как люди познают мир и самих себя.

VII. «Муки слова»

Породив языковые знаки, мышление само попадает в плен коммуникативной деятельности, осуществляющейся с помощью тех же знаков. Новая информация в речевой форме увеличивает скорость развития самого сознания и приёмов его функционирования, т.е. к совершенствованию механизма мышления. Только в этом случае надо считать, что сознание формируется и совершенствуется с помощью знаков, есть продукт речевой деятельности. Даже когда сознание достигло своего высшего развития, оно ограничено своей черепной коробкой и у него нет иного средства спасения, кроме языковых знаков. Их надо найти и согласовать с заданной мыслью. Речь протекает автоматически, почти бессознательно, без спотыкания о языковые материальные знаки (ср. «слова – паразиты»: *э, э, а, а*, перед каждым словом), но лишь в речи на известные темы. Ведь для каждой мысли не может соответствовать только данная, готовая для неё языковая форма, её ещё надо найти и сформулировать.

Как писал В. Гумбольдт, всякое понимание есть непонимание. Это действительно и для самого говорящего или пишущего, ведь сама речь есть стремление выразить свои мысли так, как они задуманы в тиши нейронных клеток, ещё не будучи выведенными за их пределы. Но говорящий не может выразить эти мысли слушающему непосредственно, прямо из мозга, приходится обращаться к знакам, материальным проводникам нашей мысли. И говорящий неизбежно наталкивается на препятствия, на материю знаков. Однако говорящий и пишущий часто остаются неудовлетворёнными

своими высказанными мыслями, пока не найдено именно то, что они хотели выразить. Отсюда – афоризмы: «Мысль изречённая есть ложь» (Ф. А. Тютчев), «Мысли умирают в ту минуту, когда они воплощаются в слова» (А. Шопенгауер). В поэзии мы иногда слышим жалобы поэтов на невыразимость мысли, на трудности, которые их подстерегают при попытке выразить нужную мысль. Это «беспокойство мысли», не нашедшей своего истинного воплощения. Вот, к примеру, эти жалобы:

Как бедна у мира слова мастерская !
Подходящее откуда взять ?
(В. Маяковский)

Не верь, не верь себе, мечтатель молодой,
Как язвы бойся вдохновенья ...
Случится ли тебе в заветный чудный миг
Открыть в душе давно безмолвной
Ещё неведомый и девственный родник,
Простых и сладких звуков полный, –
Не вслушивайся в них, не предавайся им,
Набрось на них покров забвенья:
Стихом размеренным и словом ледяным
Не передашь ты их значенья.
(М. Ю. Лермонтов. «Не верь себе»)

Всё лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь;
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела
Не много пользы вам узнать;
А можно ль душу рассказать ?
(М. Ю. Лермонтов. «Мцыри»)

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои –
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звёзды в ночи –
Любуйся ими и молчи.
Как сердцу высказать себя ?
Другому как понять тебя ?
Поймёт ли он, чем ты живёшь ?
Мысль изречённая есть ложь;
Взрывая, возмутишь ключи, –
Питайся ими и молчи,
Лишь жить в самом себе умей !
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонит лучи, –
Внимай их пенью – и молчи ! ...

(Ф. А. Тютчев. „Silentium“)

Иногда «Муки слова» интерпретируют так, что в языке якобы отсутствуют соответствующие слова для возникающих в сознании говорящего понятий и чувств. Но почувствовать и понять свои чувства – это не тождественные акты. Пока человек не понял своего чувства, т.е. пока это чувство не отразилось в его сознании в виде абстрактной мысли об этом чувстве, он не в состоянии что-либо высказать об этом чувстве. Дело не в «невыразимости» понятий, а в отсутствии этих понятий, их названий, т.е. их материальные знаки, являющиеся условными, не идут рука об руку с наглухо прикреплёнными к ним понятиями. Как только эти понятия воплотились в слово, значит они возникли. «Муки слова» – это усилия понять, познать некие явления и образовать о них верные понятия. Эти усилия есть процесс мышления, проходящий обязательно в словах.

«Муки слова», «муки творчества» заключаются в отыскании в огромной понятийной сокровищнице тех слов и выражений, которые воплощают не только определённые понятия, но и средства эмоционального, художественного изображения действительности. Система языковых знаков определённого коллектива людей есть не уникальный, а массовый объект, как объект, существующий только в совокупности своих индивидуальных представителей. Каждый индивидуальный экземпляр высказывания формируется и функционирует в мозгу конкретного человека. Не существует общих для всех людей одних и тех же словосочетаний для выражения только данной мысли. Эти словосочетания, слова для той или иной идеи каждый человек ищет самостоятельно, и выражает их по-своему.

Итак, существует общечеловеческое мышление. Существует общая для всех людей данной науки, данной области знания знаковая система. Но существует лишь индивидуальный набор нужных знаков для нужных идей, иногда при их выборе часто сопряжённый с «муками слова». С одной стороны, это плохо, что отсутствуют одни и те же штампы для выражения данной мысли, это освободило бы человека от мучительных поисков нужных знаков для нужных мыслей. Но тогда все люди данной нации общались бы одними и теми же штампами, и отсутствовал бы всякий индивидуальный выбор слов, следовательно, отсутствовало бы всякое художественное творчество. С другой стороны, это хорошо, хотя и «трудно мыслить», потому что условная, немотивированная знаковая система даёт безграничный простор для индивидуального творчества.

Мышление обладает совершено иной ёмкостью, чем объём самой знаковой системы для этого мышления, которая по определению не является бесконечной в связи с ограниченностью человеческой памяти. Мышление же бесконечно, кроме того оно не всегда сигнализирует о себе через языковые знаки. Во-первых, существует чувственное мышление как его первая, чувственная, наглядная ступень, которая не требует никаких языковых знаков – мы видим, слышим, воспринимаем, ощущаем всё, что вокруг нас, нашими органами чувств, не нуждаясь в словах. Во-вторых, существует абстрактное, идеальное, логическое мышление как вторая, более высокая ступень отражения мира, но и это мышление может обходится без знаков, реализуясь как авербальное мышление. Происходит отрыв идеального, абстрактного, психического от материи знаков, такое мышление совершается спонтанно, неосознанно для человека, имея своей материальной основой лишь химическое и электрическое взаимодействие нейронных клеток (сравни: восприятие сокращённых логических умозаключений или энтимем, анекдотов, т.н. озарений и пр.). Мысль часто бессознательна, нам её трудно понять и осознать и тем более изложить в форме устной или письменной речи. Слова приходят на помощь

мышлению лишь в последнюю очередь, но главным образом тогда, когда нам нужно их озвучить или записать.

VIII. Авербальное мышление.

1) Что такое авербальное мышление ?

Многие лингвисты считают, что авербального мышления не существует. Вне знаков есть лишь неясные побуждения, волевые импульсы, выливающиеся в жесты и мимику. «Таким образом, стоит лишь без предвзятости проанализировать существующие факты, и вопрос о том, может ли мышление протекать без языка или обойти его, словно какую-то помеху, оказывается лишённым смысла» [Бенвенист 1974 : 105]. Другие лингвисты считают, что в авербальном мышлении нет бессознательных физиологических процессов. На бессознательном уровне человек осуществляет множество разнообразных видов мыслительной деятельности: рождение гипотез, рассуждения, интерпретации. Но речь в этом случае идёт не о бессознательных физиологичесих процессах, происходящих в нейронах, а именно о мылительных процессах, таких же, как сознательно осуществляемые акты мышления, с той лишь разницей, что эти процессы не воказизуются. Следовательно, осознанной может быть только часть мышления.

Но мысль способна двигаться вне знаков. Это первичная, наиболее естественная и общедоступная репрезентация мира. Зависимость мысли от языка (теории «лингвистической относительности», «языковой картины мира») – недоразумение и опровергается повседневным опытом. Мысль находит себя вне словесного знака в музыке, житвописи, поступке, архитектуре. Язык является первым явлением мысли, поэтому нам о ней известно, лишь поскольку ей дано слово. Мысль выступает более простым образованием, чем язык, и способна двигаться вне и поверх знаков. Приоритет языкового знака поэтому относителен и с ним существуют потенциально готовые занять его место визуально-графические, мимические и смешанные формы, а также разнообразные фигуры умолчания. Заложенное в языке знание размыто, стёрто и наслоено актуальной языковой функцией.

Панфилов ссылается на отсутствие экспериментальных данных, которые бы доказали реальность понятийного мышления вне актов коммуникации. Но прямые эксперименты через живой мозг может быть никогда и не появятся, однако косвенным образом художественные, публицистические устные и письменные тексты, разговорная речь это уже давно доказали, но эти факты не все лингвисты видят.

Языковые знаки, находящиеся вне мозга человека, как внемозговые материальные носители, не могут существовать без «своего ассоциативного значения», локализованного в мозгу. Этот неразрывный союз возможен только потому, что передать и воспринять можно только нечто материальное (звуки, буквы). Но вне коммуникации, т.е. в познавательном мышлении рождение понятий возможно и без внешне представленной материи, чистыми идеальными понятиями. Это и есть авербальное мышление («языки мозга»).

Принцип экономии физиологических затрат есть проявление защитных функций организма. Способность человека к абстрагированию, к экономии функциональных усилий возникла задолго до появления речи. Поэтому, естественно, такая способность есть и у современного человека – он может мыслить и без словесных знаков. «Языковая жизнь является непрерывной органической работой, а в работе организма можно заметить стремление к экономии и к нерастрачиванию усилий без нужды, стремление к целесообразности усилий и движений, стремление к пользе и к выгоде». [Бодуэн 1963 : 26]. « ...Первопричиной языковых изменений будет состоять из одного, но вполне

неожиданного для нас на первый взгляд слова: „лень“ ». [Поливанов 1968 : 81]. «Языковое поведение регулируется, таким образом, так называемым «принципом наименьшего усилия», мы предпочитаем, однако, заменить это выражение ...простым словом “экономия“ ». [Мартине 1960 : 126].

Экономия материи в языке проявляется как тенденция человеческой психики к экономии физиологических затрат. Это свойство памяти выявляется, например, в односоставных предложениях, эллипсах и др., в обобщении однотипных предметов в форме логических понятий, когда берётся одно из его качеств и распространяется на все аналогичные предметы. Экономия языковой материи происходит везде: в фонетических изменениях, в дифтонгах, окончаниях слов, устранениях долгих гласных, изменениях конца слов, выравнивании форм по аналогии, сокращениях, усечениях, экономии языкового материала для выражения суждений, сокращённых умозаключений (энтимем), в стремлении к постижению смысловой чёткости. Каждое слово получает новое значение только потому, что оно имело и имеет прежнее. В самой сущности языковых знаков априори заложен «закон экономии знаковой материи», и только потому, что знак произволен, условен, органически никакими узами не связан с предметом, его наименование продиктовано случайными обстоятельствами, не связанными с сущностью именуемых предметов.

Сумма, синтез значений языковых знаков не даёт в итоге смысл предложений, который не сводится к сумме этих значений. Почему ? В этом и состоит сущность языка – дать свободу мысли, несмотря на ограниченный словарный запас. Вырванное из контекста слово, слово в словаре утрачивает верхние пласты семантического смысла, сохраняя только своё наиболее употребительное, частотное ядро, статистически наиболее устойчивое лексическое значение, которое и фиксируется в словарях. Почему ? Мысль шире значений слов, мышление человека не ограничено никакими рамками, но количество языковыых знаков для реализации разнообразия мыслей ограничено количеством языковых знаков. В силу этого рождается многозначность, мышление ищет для себя новые средства выражения. Один и тот же материальный знак, будучи многозначным, служит для выражения разных смыслов, которые регулируются не изолированным от всякой структуры знаком, а только в синтаксической структуре себе подобных.

Нужно отметить, что только часть мыслительных процессов связана с функционированием знаков (говорение, слушание, чтение), но они могут протекать и вне языковых знаков. В процессе речи иногда опускаются блоки значений, смысла, которые понятны слушателю и без них. Иногда такие блоки называют «мыслительными скважинами». Особенно часты подобные скважины в разговорной речи и в сокращённых умозаключениях (энтимемах).

2) Мышление шире знаковой системы, отсюда – неизбежность авербального мышления.

Вербальное мышление реализуется на основе материальных языковых знаков и материальных физиологических процессов в головном мозгу. А невербальное мышление – только на основе материальных физиологических мозговых процессов. В мышлении людей каждой нации есть какие-то целостные, определённые, осознанные человеком мысли о событиях, фактах пройденной жизни, знаниях и пр., но не для всех из них существуют наготове языковые знаки, и они не всегда могут быть выражены знакомыми знаками, т.е. мышление шире, чем оно представлено в формах языка. Например, в некоторых языках нет глагольного вида, некоторых временных форм, такого богатства префиксов и суффиксов, как, например, в русском языке. Однако мышление людей,

вооружённых любым языком, всегда найдёт средства для выражения адекватных значений.

«Знака равенства между формами мышления и формами выражения мышления в языке ставить нельзя, если конечно, не стоять обеими ногами на почве того старинного философского предрассудка, согласно которому язык вообще ... есть та единственная «внешняя форма» ... мышления. В таком случае – да, формы и нормы языка есть единственные доступные наблюдению и изучению формы «мышления», его логические нормы» [Ильенков 1979 : 122].

3) В каких познавательных и коммуникативных процессах возможно авербальное мышление ?

1. Авербальное мышление свойственно преимущественно познавательному процессу мышления.

Проблема авербального мышления не нашла в языкознании почти никакого теоретического решения. Но проблема эта вызывает много вопросов, например, таких: 1) Где источник добавочного, незнакового смысла, не заложенного в текст его автором ? 2) Каковы лингвистические, психологические и логические механизмы порождения незнакового смысла ? 3) Является ли это проявлением субъективизма, или это закономерное и неизбежное явление ?

Смысл рождается вместе с выражающем его знаком, но чаще всего, пожалуй, до слова и вне слова, слово только обозначает течение и развитие мысли в самом мозгу. Но тут опять вопросы: выражает ли слово уже готовую мысль в сознании самого говорящего или она появляется лишь по ходу движения знаков, и как «передаётся» она другому? Человеческая личность есть нечто замкнутое, недоступное для другого. Каким же образом то, что происходит в «чёрном ящике» одной личности может быть «передано» другой личности ?

Нельзя высказать смысл, если его раньше не подразумевать. Но и не всё подразумеваемое вводится в текст, в предложение. Это только эксплицитный смысл, имплицитный смысл остаётся часто за словами. Главное в предложении состоит в том, чтобы доставить в интеллект слушающего (читающего) знаковый материал для условий, на которых базируются смысловые связи слов, способствующие ассотиативно вызвать те же смысловые связи между знаками, в услышанном и прочитанном. Предложения возникают на основе задуманного текста, а сам текст рождается в результате его развёртывания в предложениях. Предложением управляет текст. Человек не говорит отдельно придуманными предложениями, а одним задуманным текстом. Это предъявляет требования к отбору словаря и грамматических средств. Но одни и те же слова и одни и те же грамматические правила не могут применяться постоянно в каждом соседнем предложении.

Мышление не всегда нуждается в своём полном развёртывании – это и есть источник невербального мышления. «Мы мыслим свёрнутыми образами, когда мысль для нас привычна. ...В обыденном мышлении мы не нуждаемся в развёрнутом образе, так как и свёрнутые образы или сгустки оказываются достаточными для мышления, или неточного, привычного различения одной вещи от другой. ...Развёрнутый образ выступает у нас, когда мы нуждаемся в каком-либо доказательстве или объяснении». [Сотникян 1968 : 87]. Использование чувственного материала как элемента мысли объясняется тем, что говорящему не всегда нужны логические формы мысли с вербализованными субъектом и предикатом, что ситуация дополняет мыслительный процесс и процесс общения наглядными признаками, предметами, явлениями.

Мышление только на уровне мозговых механизмов, т.е. авербальное мышление, есть истинное мышление: основная сфера мыслительных процессов лежит за пределами языковых знаков. Есть два вида мышления: 1) Мышление осознаваемое, контролируемое сознанием. Оно осуществляется в формах понятий, суждений, умозаключений. 2) Мышление не осознаваемое субъектом, не контролируемое сознанием. Конечно, оно осуществляется на нейрофизиологическим уровне, но какими-то иными церебральными механизмами. Это мышление не может обходить логическое мышление и обязано пользоваться его логическими формами, иначе мышление не состоится. Именно мышление только на уровне нейронных механизмов, без языковых знаков, есть собственно наше повседневное мышление. Может быть, это частично совпадает с тем, что обычно называют «внутренней речью», в которой присутствуют неясные и расплывчатые образы языковых знаков.

Основная сфера мысленных процессов человека лежит за предела языковых знаков в виде невербального мышления. Словесное мышление – только один из типов мышления. Невербальное мышление не требует развёрнутого линейного построения предложения с субъектно-предикатной структурой. Мысль предшествует речи в тот момент, когда мы собираемся что-то сказать. Фрагментарность и свёрнутость внутренней речи объясняется преобладанием в данный момент в мышлении человека незнаковых его форм.

Если бы мы ограничивались лишь знаковым мышлением – а это невозможно ни при каких условиях, – человек как биологический вид не существовал бы: в этом случае человек обязан был бы говорить, не закрывая рта, весь день. Бодуэн пишет, что бессловесное мышление – не только недостаток слова, его недоразвитость, но, напротив, являет собой момент преодоления слова, восхождения на высшую ступень мысли. Мы не упраздняем слово, а поднимаемся над ним и оно продолжает играть в мышлении свою великую роль, хотя уже в невидимой форме. Это не упразднение слова, а утверждение на нём и надстройка над ним ещё более высоких ступеней мысли. [Бодуэн, т. 1 : 28].

Понятие в мозгу фиксируется звуковым, буквенным комплексом, но только тогда, когда понятие уже готово, до звукового комплекса. Или вместе со звуковым комплексом. Но сам звуковой или буквенный ряд до понятия невозможны, если игнорировать футуристов, кубистов, авангардистов в поэзии (Хлебников, Северянин, Надсон, Маяковский и др.), которые изобретали искусственные понятия. Понятие может быть и не закреплено в звуках, но оно всегда закреплено в нейронных структурах мозга. Разумеется, чем проще и понятнее связь между логическим понятием в мозгу и материей знаков, тем прочнее оно задерживается в памяти, иначе оно может рассыпаться как карточный домик. Понятие в мозгу и связанные с ним знаки не исчезают даже тогда, когда исчезла сама вещь.

Некоторые лингвисты-фантасты «на полном серьёзе» так характеризуют невербальное мышление, путая его со сновидениями: «Глубоко и нестандартно размышляющий по поводу чего-либо индивид в состоянии углубиться в поток своего сознания, может уйти на некоторый период времени от словесных знаков-символов и перейти на совершено иной, загадочный в некотором роде, уровень мышления. В этот момент, в этот миг человеческая личность как бы растворяется в потоке неземного бытия, подсознательно проникает в иные миры. В иные измерения и буквально узревает что-то таинственное, загадочное, неземное, глубоко космическое. Бывают даже ощущения путешествий на другие планеты». [Нечипоренко 2002 : 57].

Мыслительные образы – научные, бытийные, художественные и др. – вступают в ассоциации между собой в связи с потребностями решения разнообразных целевых задач индивида. Причём, независимо от того, ассоциированы ли они с абстрактными образами материальных знаков, или нет. Знаки нужны лишь в трудных случаях (нахождение научной истины, создания художественного образа и др.). Языковые знаки необходимы в обязательном случае лишь в процессе коммуникации, а в процессе чисто мыслительной, познавательной деятельности – лишь эпизодически, поэтому мыслительные процессы протекают в черепной коробке преимущественно в виде авербального мышления.

Итак, авербальное мышление у человека – это основной, главный принцип его мыслительной, познавательной деятельности. Что касается коммуникативной деятельности, то языковые знаки здесь неизбежны. Ничего нельзя сообщить собеседнику (ни устно, ни письменно), так же как и «воспринять» от него его мысль. Поэтому можно сказать, что сущность и назначение языковых знаков, как внемозговых инструментов человеческого мозга, заключается и в познавательной, и в коммуникативной работе нейронных механизмов, оба базируются на системе языковых материальных знаков, хотя познавательное мышление возможно и без привлечения языковых знаков.

2. Авербальным мышлением управляют «языки мозга».

Мышление – это взаимодействие нейронных связей в мозгу, это беззвучная или внутренняя речь. Процесс актуализации языковых знаков проходит через внутреннюю речь, она предшествует речевым актам. Внутренняя речь есть средство опосредствования мышления в речевом акте, это первая ступень процесса реализации языковых знаков в устной или письменной речи. Внутреннюю речь по степени её абстрактности надо отнести к «языку мозга», это тот же внутренний язык. Это язык, управляющий, регулирующий замыслы в познавательном и коммуникативном мышлении. Он сильно сжат, подвижен и употребляемые в нём знаки ничем не нормированы. Это язык перевода. Он переводит замысел внутренней речи, продиктованный мышлением, на развёрнутую речь звучащего (написанного) языка. Всякий язык переводим на другой язык, и механизмом этого перевода являются «языки мозга» или внутренняя речь.

Внутренняя речь – не звучащее высказывание, а только его регулятор, следовательно, она должна быть схематичной и не требует заранее выбранных знаков. Однако по своему внутреннему, семантическому и логическому содержанию внутренняя речь богаче и полнее чем внешняя, в ней может содержаться то, что отсутствует во внешней речи. Внутренняя речь – это сжатый отрезок текста реального, высказанного. Это сжатие внутренней речи делает её субъективной и в то же время экономной во времени, но более полной по содержанию, она экономит не содержание, а только материю. Таким образом, говорящий совершает двойную работу: внутренняя речь передаётся в текст и производит его смысловое сжатие. А слушающий производит всё в обратном порядке: он слышит текст и развёртывает задуманный и сжатый в нём замысел, т.е. диалог человека реализуется в двух разных языках: у них тождественный смысл, но знаковое наполнение различно. Внешний, звучащий язык служит партнёрам для восприятия ассоциативных идеальных содержаний, логических форм в виде фонем и понятий, а «язык мозга» – для поиска и обработки информации, т.е. для формирования таких логических форм мысли, как суждения и умозаключения. Оба языка, и «язык мозга», и физически звучащий, и написанный язык – авербальный и вербальный – всегда неразрывно, автоматически, бессознательно взаимодействуют, образуя единый человеческий язык.

3. Метафоризация оберегает знаковую систему от её непомерного разрастания.

«Стихи пишутся затем, чтобы сказать больше, чем можно в прозе» (В. Брюсов). В этой сжатой формуле Брюсова скрыто очень глубокое содержание – понимание стиха как особого, сравнительно с прозой, типа речи. Человек вынужден разносить бесконечное множество мыслей, значений слов по тем или другим рубрикам логических понятий. Метафоризация тоже есть средство экономии материальных знаков, оберегает знаковую систему от её непомерного разрастания, внося свой вклад в экономию использования языковых знаков.

4. Авербальное мышление проявляется в молчании.

Но существует и иное незнаковое мышление, которое всё же сигнализирует о соответствующей мысли, будучи не высказанной вообще, ни с какими знаками в данной знаковой цепочке не связанной, которой нет. Она умалчивается. Вспомним знаменитую финальную фразу *Народ безмолвствует* Пушкина, давно ставшую метафорой, многократно воспроизведённой писателями. О чём думал народ молча ? Каждый о своём. Вот как воспринял эту Пушкинскую фразу поэт Марк Максимов:

Когда безмолвствует народ –
тиран в стране.
Когда притих весенний сад –
летит пыльца,
Когда влюблённые молчат –
гудят сердца.
Когда немой молчит –
слышна его мольба.
Когда труба молчит –
она ещё труба ...
И лишь когда молчит поэт –
поэта нет.

Молчание, умалчивание нечто большее, чем коммуникативное пространство, вместилище потенциальной информации. Элиминация языковой материи в молчании – мысль, живущая лишь в нейронах и не нашедшая выхода за пределы мозга. Коммуникативная ценность незнакового мышления огромна. Это не отсутствие сообщения, а, напротив, его уплотнение, сжатие, доведённое до предела редуцирование знаковых сигналов при сгущении мысли. Неязыковое мышление – это не потенциальный, а реальный носитель информации. В чём значение незнакового мышления, информационного молчания ? В том, что оно противостоит засорению каналов коммуникации, порою достигающих чудовищных размеров. Лучше ничего не сказать, чем сказать ничего – вот во что может вылиться знаковое мышление.

Как живётся вам там, болтуны,
Чай, опять кулуарный авралец ?
Горлопаны, не наорались ?
Тишины ... (А. Вознесенский).

5. Авербальное мышление как следствие иерархического принципа

организации знаковой системы.

Авербальное мышление – это следствие принципа иерархической организации сущности языка: значение единиц его высшего яруса не есть простая сумма её составных частей. Значение слова не есть сумма значений морфем, а предложение – не сумма значений его слов. Содержание нашего сознания не сводится к набору значений, зафиксированных в языковых единицах и грамматических категориях, наше языковое сознание – строго организованная система знаков. Посредством ограниченного набора языковых знаков разных уровней носитель языка выражает даже то, что не закреплено в языке в виде знака, выходит за рамки языкового знака. Сознание не сводится к сумме значений слов.

Языковые знаки не жёстко определяют характер мышления. Если бы было так, то невозможно было бы развитие мышления, познания, невозможно было бы также объяснить источник, причины развития самой языковой системы. Иначе мышление было бы неспособно выйти за пределы самой содержательной стороны языковых знаков. «Образование языка есть синтетический процесс в самом точном значении этого слова, когда синтез создаёт нечто такое, чего не было ни в одной из соединившихся частей» [Гумбольдт 1956 : 86].

6. Авербальное мышление проявляется после прочтения художественных и иных произведений.

Художественная литература не обладает своим специфическим языком, надстраивающимся над словесными знаками. Это тот же естественный язык данного народа. Но после прочтения романа, повести, стиха, поэмы создаётся некий образ идеи, заложенной автором, но явно не выраженной в романе, этот образ живёт в голове, в мыслях, без языковых знаков, которые конкретно отражали бы эти идеи. Если я хочу передать смысл романа, я обязательно обращаюсь за помощью к словам. Но в сознании эта идея живёт и без них. Точно такие же мыслительные «чувствования» мы ощущаем после прослушивании музыкальных произведений, после просмотра живописных полотен, после встречи с природой.

7. Авербальное мышление проявляется в сокращённых логических силлогизмах – энтимемах.

Типичные формы авербального мышления – односоставные предложения. Но существуют в языке и двусоставные безглагольные предложения как особый тип глагольных предложений: *Следующая остановка – побережье Флориды; Оба убиты; Их дело не рассуждать; В доме тишина; Никакого уважения к старшим* и др. Это особый тип предложений, они « ... ещё раз подтверждают избыточность фетишизации личной формы глагола». Вместе с глагольными предложениями они образуют «единую систему двусоставных предложений, объединённых структурным сходством». «Распад БП и ГП на реплики диалога свидетельствует о единстве сигнтаксических моделей языка» [Вейхман, ВЯ, 1967, № 3 : 109].

Чувственное мышление осуществляется без языковых знаков, но абстрактные формы мышления нуждаются в опоре на них. В сокращённых логических умозаключениях или энтимемах большая посылка часто не только не воплощена в словах, но и не проговаривается про себя, как во внутренней речи. В односоставных предложениях, бессубъектных предложениях, так же, как и в полных, подлежащно-сказуемных предложениях, также выражается логическое суждение. Такие предложения связаны или непосредственно с чувственным осязанием предметов, или с контекстом и ситуацией речи. Опущенные синтаксические члены предложения, подлежащее или

сказуемое, представляющие в логическом суждении субъект и предикат, есть представление в сознании слушателя или читателя о том реальном предмете или действии, которые для них являются предметом восприятия. Насильственная вербализация субъекта или предиката в логическом суждении изменяет не структуру мысли, а характер мысли, лишает её живой связи с чувственным восприятием действительности. Сокращённое логическое суждение (энтимема, эпихейрема) – особая форма мысли, создающаяся сочетанием наглядно чувственных образов и обобщённых логических форм – понятий.

Некоторые психологи считают необходимым выделять особую разновидность мысли, обусловленную взаимодействием чувственной и логической ступенями познания действительности. Пример: *Прекрасно* ! (закат солнца на Чёрном море). Предмет суждения (субъект) отражён в сознании в виде восприятий (*море*, *закат*, *вода*); а вербализованный предмет *Прекрасно* ! является неопределённым, неясным, но тем не менее предмет суждения собеседникам ясен: он подсказывается ситуацией. Определённое состояние природы представлено в сознании в виде чувственных образов. Это и есть, по мнению некоторых психлологов, переход абстрактного мышления в чувственное, и наоборот – чувственного в абстрактное.

Информативные потенции неязыковое мышление достигает своей высшей точки в некоторых формах логических умозаключений – в сокращённых логических силлогизмах или энтимемах. Такой литературный жанр, как анекдоты, построены исключительно на сокращённых силлогизмах. В этих текстах невербальное мышление обретает истинную жизненную ценность, расцвеченность мысли, оголённую от языковых знаков до предела, именно в таком виде, как она родилась в нейронных клетках мозга, не будучи «отягощённой» никакой звуковой или графической материей. Художник не преподносит читателям или зрителям готовое логическое обобщение в виде умозаключения, а только будит их мысль и даёт ей направление. Он предъявляет свою мысль не в готовом виде, а побуждает читателя и зрителя извлекать её самому из чувственных образов. Поскольку образы конкретны, они отражают самые различные стороны действительности, и идеи автора можно извлекать из них по-разному. Реципиент творчески выводит идею из предъявленного ему произведения, из его образов на основании своего интеллекта, вкуса, жизненного опыта (подробно об авербальном мышлении и его формах см. ниже, Гл. 4, § 4).

8. Авербальное мышление представлено паралингвистическими средствами.

Авербальное мышление проявляется также в графике, мимике, формах умолчания. Не только языковые знаки выполняют роль первичной репрезентации мира, но и естественным языком становится вся знаковая система, берущая на себя эту роль. Поэтому главенство звукового языка относительно, его место занимают также визуально-графические, мимические, смешанные формы, разнообразные фигуры умолчания.

Далеко не всё существующее в человеке богатство чувств, мыслей он способен выразить в речи. Многое он выражает всем своим существом, телодвижениями, мимикой, интонационными оттенками, взглядом, кивком головы, взмахом руки, многозначительным молчанием. Язык тела может сказать куда больше, чем могут выразить слова. Понимать язык жеста, интонации то же самое, что читать книгу в оригинале, не полагаясь на перевод. Психологи давно установили, что «зык тела» выражает то, что мы не хотим или не можем сказать. Он гораздо более правдив, чем все те слова, которые мы говорим друг другу.

Врачи-психологи изучали этот феномен и пришли к ряду интересных выводов. Оказывается, что человек подсознательно доверяет больше не словам, а тому, как они были сказаны. Было установлено, что степень доверия человека словам составляет всего лишь 20 %, тогда как степень доверия к авербальному общению – 30 %. Но больше всего, как ни странно, мы доверяем интонациям собеседника и другим паралингвистическим компонентам общения (темп речи, паузы, смешки и др.).

9. Авербальное мышление – это инструмент сгущения смысла.

Смысл целого высказывания всегда больше суммы значений образующих его слов. Это не сложение смыслов, а порождение нечто нового. Использование языковых знаков в живой речи на разных уровнях понимания различно. При общем схватывании смысла их роль минимальна, главное здесь – в запоминании. При необходимости внутренней переработки роль языковых знаков максимальна. Сокращение знакового материала приводит к всё большему сгущению смысла, превращаясь в язык логических комплексов, в самые различные логические формы.

10. Уровень развития авербального мышления определяется уровнем развития вербального мышления.

Языковой знак нужен человеку, чтобы 1) самому себе уяснить свою мысль, 2) удержать её в голове, 3) через материю знака возбудить ту же мысль в голове слушателя (читателя), 4) через материю знаков передавать грядущим поколениям накопленные человечеством знания. Взаимоотношение вербального и авербального мышления можно сравнить с игрой шахматиста без шахматной доски, вслепую, и с шахматной доской. Сравнение языка с шахматами в указанном отношении приводит к постановке вопроса – нужны ли языковые знаки для мышления ? Играть в шахматы без доски можно, но это даётся немногим. Ибо для этого нужно удерживать в голове расположение всех фигур на доске. Это связано с большим напряжением ума. Но и шахматисту, способному играть вслепую, не глядя на доску, прежде надо было хорошо, на уровне гроссмейстера, выучиться играть в шахматы, глядя на доску, видя реальные фигуры, клетки, т.е. материальные знаки. Точно так же можно думать музыкальными звуками, издавая их, но для этого надо было ранее делать значительные практические музыкальные упражнения.

Точно так же обстоит дело и в языке. В повседневной жизни мы пользуемся преимущественно авербальным мышлением, не прибегаем к знакам, опускаем многие слова и предложения, как бы ускоряем процесс мышления, освобождаясь от само собою разумеющихся слов и выражений. Но для этого существует главное условие – надо хорошо овладеть вербальным, звуковым или письменным языком.

11. Авербальное мышление основано на психологической апперцепции, подтексте, пресуппозиции, контексте.

Запас знаний – это богатство нашего сознания, весь наш запас сведений о предмете, мире. Это психологическая и лингвистическая апперцепция. Значение знака не передаётся из одной головы в другую, не возбуждает в чужой голове идентичных идеальных образов, если эти образы в голове слушающего или читающего до этого ещё не существовали. Это и есть апперцепция, как зависимость восприятия новых предметов и явлений от предшествующего опыта, как внутреннее знание и понимание чего-то.

Функция контекста состоит в том, что он позволяет уточнить смысл высказывания, восстановить пропущенные части, и тем самым быть понятным для читателя. Невербальные средства в вербальном тексте для выражения мысли привычны

для нашего сознания. Такие смысловые «блоки» выработаны человеческой деятельностью и закреплены в сознании общества, а в предложении – за соседними, непрямыми материальными носителями, тоже имеющими знаковую природу. Сейчас уже невозможно отстаивать марксистскую теорию «неразрывности языка и мышления», будто процесс мышления осуществляется только в формах языка. Куда девать тогда, в частности, апперцепцию, если этот багаж знаний не востребован в познании и коммуникации ? Это означало бы, что накопленный обществом багаж знаний нужно выбросить на свалку.

Авербальное мышление иногда называют «подтекстом» или «пресуппозицией». Подтекст – это невыраженное словами подспудное значение каких-либо событий, отрезка текста, возникающих или предвосхищеных в каком-то другом месте, главным образом в предшествующем отрезке текста. Подтекст – это рассредоточенный, дистанционный повтор, не высказанный в словах, не всегда опирающийся на буквальное цитирование, хотя в этом цитировании лежит уже однажды встречавшееся и в той или иной форме воспроизведённое заново. Дистантное расположение ситуации является необходимым условием создания подтекста. [Сильман, ФН, 1969, № 1].

Необозримую область материально невыраженного содержания образуют так называемые психологические «пресуппозиции», как совокупность знаний о мире, составляющая основу, без которой вообще невозможно общение при помощи языка. Говорящий опускает многое при построении своего предложения как явное «архитектурное излишество», но оно, тем не менее, всегда присутствует, в уме. « Точность и лёгкость понимания растут по мере уменьшения словесного состава фразы и увеличения ей бессловесной подпочвы. «Чем меньше слов, тем меньше недоразумений» (А. М. Пешковский).

12. Авербальное мышление возможно и в других материальных знаках, кроме языковых.

Язык или языковые знаки – не единственная форма внешнего проявления, реализации мышления. Поэтому недостаточно исследовать мышление, осуществляющееся только в вербальной форме. Логическое мышление проявляется во всём, главным образом в языковых знаках. Но мысль не обязательно связана со словом: вне слова и до слова существует мысль, она независима ни от какого языка, и по отношению к нему, к своему холопу, мышление есть повелитель. У мышления, внешне выраженного в знаках, знаки работают на побегушках и лишь обозначают течение и развитие мысли, служат средством собирания, дифференциации и формирования мысли, что само по себе уже означает – без своих подданных, знаков, нет и не может быть мышления. На вопрос: выражает ли слово готовую мысль, или совершается лишь в слове, ответ может быть только одним – мысль родилась до слова или вместе со словом. Но она рядится в слова молниеносно, ввиду того, что это чаще всего известная для говорящего и пишущего мысль, уже давно выработалась автоматическая связь между мыслью и словом. Но нередко мысль находит выходы вовне также через «муки слова», или мысль вообще обходится без слов – в невербальном мышлении.

Математики, логики, химики и др. мыслят не вербально, если под вербальными средствами мышления понимать лишь языковые знаки. Мышление материализуется во внешней речи, но не всегда. Основное время работы человеческого мышления протекает в тиши мозга, не выходя наружу в каких-либо материальных знаках. Если речь, как последовательное звуковое или графическое течение материальных знаков, и мышление, как работу нейронной системы мозга, изобразить схематично двумя пересекающимися окружностями, то пересекающиеся секторы – это речевое, знаковое мышление. Непересекающиеся секторы – невербальное мышление. Область математики, отчасти

химии и логики – это тоже знаковое мышление, но не в языковых, а в профессиональных знаках этих наук. В этих науках вместо языковых знаков используются иные материальные знаки, которые, кстати, могут быть переведены на языковые знаки, но от этого мы получим бессмысленное, не поддающееся пониманию нагромождение слов. Это может служить лишним доказательством того, что для мышления безразлично, в форме каких знаков оно реализуется, оно изобрело для себя различные системы знаков и каждая из них хороша для определённых целей. Мышление безгранично и свободно по сравнению с меряными мёртвыми языковыми знаками, и мышлению безразлично, какими знаками оно пользуется. Более того, мышление выходит за пределы своих знаков. Дитя до определённого возраста не говорит, но в некотором смысле думает. Любые профессиональные знаки – это те же знаки языка, ускоряющие и облегчающие процесс мышления в терминах этих наук.

Необходимо особо отметить, что математические, химические, логические и др. знаки – не суррогат естественного языка и не являются его переводами, а самостоятельные знаковые системы, так же как и знаки дорожного движения. Но и те и другие теснейшим образом связаны с языковыми знаками, ибо они взаимно переводимы, т.е. связаны только на уровне мышления, а не знаков.

Творческая мысль художника, скульптора, музыканта и др. рождается и реализуется вне языковых знаков. В самой мысли есть многое, не требующее языковых знаков. Творческая мысль художника, ваятеля, музыканта невыразима словом и совершается без него. Область языковых знаков далеко не совпадает с областью мысли. Слово нужно для преобразования низших форм логической мысли (ощущений, восприятий, представлений) в высшие формы логической мысли – в понятия, суждения, умозаключения. Сам факт существования искусства, форма которого не может быть перекодирована в вербальную форму (нельзя пересказать картину, балет так, чтобы воспроизвести их в оригинале), свидетельствует об ограниченности знаковых возможностей национального языка, да и сам мозг не может «родить» читателю, слушателю, зрителю оригинальную, первозданную чувственную картину.

13. Вербалисты, отрицая реальность авербального мышления, основывают свои доводы на высказываниях классиков марксизма.

Ф. Энгельс цитирует слова Дюринга: «Кто способен мыслить только при помощи слов, тот ещё не испытал, что значит отвлечённое и подлинное мышление». Ф. Энгельс иронизирует по поводу этих слов Дюринга: «Если так, то животные оказываются подлинными мыслителями, так как их мышление никогда не затемняется назойливым вмешательством языка». [Маркс, Энгельс т. 20: 85].

Надо отметить, что ирония в адрес Дюринга несправедлива. Энгельс имел в виду только знаковое, оречевлённое мышление, ибо только такой тип иышления доступен слушателю и читателю, и даже в некоторой степени для самого себя. Мыслить только при помощи слов и отвергать все прочие способы протекания мысли – бессмыслица, утопия. Наше мышление никогда, особенно повседневное, обиходное мышление не может быть замкнуто только рамками языковых знаков. Допустить существование только речевого мышления, вынесенного за пределы мозга через знаки, – значит допустить, что человек кругосуточно, или даже в течение всего дня только и делает, что говорит, не умолкая. С другой стороны, Энгельс прав: если Дюринг «испытал подлинное мышление», то он не учёл всё остальное человечество – оно тоже может мыслить за пределами языковых знаков. Ирония Энгельса уместна, так как Дюринг полагал, что незнаковое мышление доступно

лишь избранным, и прежде всего ему, хотя невербальное мышление доступно также безграмотным людям. Энгельс прав и с другой стороны: если бы человек испытывал только «подлиннное мышление», игнорировал бы реальность знакового мышления, то человек уподобился бы животному. По мнению некоторых марксистских лингвистов, для Энгельса ясно, что сществуют два языка – знаковый и внезнаковый. Например, Серебренников пишет: «Возможность мышления без слов признавал Ф. Энгельс». [Серебренников, СЛЯ, 1977, № 1 : 10].

Например, по мнению Марра, «язык существует постольку, поскольку он выявляется в звуках, хотя действие мышления происходит и без выявления ... Будущий язык – мышление, растущее в свободной от материи технике. Перед ним не устоять никакому языку, даже звуковому, всё-таки связанному с нормами природы» [Марр 1933 : 554]. Нет людей, мыслящих только при помощи слов. Но нет и людей, способных общаться друг с другом непосредственно, через черепную коробку, только мыслительными флюидами, без помощи материальных знаков. Но высказывание Ф. Энгельса стало Ариадниной нитью в марксистском теоретическом языкознании, достигнув своего завершения в формуле о «единстве и неразрывности языка и мышления». Если считать, что есть мышление без языка, то это «грубый отрыв сознания, мышления от языка, всегда имеющее конкретные формы своего существования. Без языка не бывает сознания, мышления и наоборот, что очевидно». [Филин 1982 : 69].

По Панфилову, язык и мышление развиваются в неразрывной связи и образуют органическое единство. Но он, используя неубедительные аргументы, пытается доказать, что нет и быть не может авербального мышления:

1) Потому что язык есть необходимое средство осуществления процессов человеческого мышления, есть обязательный, органический компонент человеческого мышления; (Я: «Необходимое» ещё не значит, что нет других средств, кроме языковых знаков, для организации мышления: например, знаки в химии, физике, математике, логике, чертежи, схемы, модели, музыкальные ноты, живопись, скульптура).

2) Потому что мышление не может осуществляться в чисто понятийной форме без использования материальной стороны языковых единиц; (Я: «В чисто понятийной форме» мышление реализуется так же часто, как и в материальных знаках, но эта идеальная форма мысли не может передаваться другими, восприниматься от других. Это чисто внутреннее, мозговое мышление, язык мозга.)

3) Потому что связь слов с соответствующими единицами мышления, понятиями носит чисто ассоциативный характер. Но именно «ассоциативный характер» связи материи знаков и мысли есть с у щ н о с т ь и знаков, и языка, и мышления. Если это так, то эта связь языка и мышления, обычно реализуемая в виде «звучащей» мысли, при авербальном мышлении не выносится наружу, остаётся в мозгу как авербальное мышление, как «языки мозга».

4) Потому что язык обеспечивает не только информацию между людьми, но и играет большую роль в возникновении и развитии человеческого мышления. Однако понятия «обеспечивать информацию» и «играть роль в становлении мышления» есть не что иное, как оречевлённое, знаковое, коммуникативное мышление. Но кроме него существует и процесс познавательного мышления, которое проходит в тиши мозга, на уровне «языка мозга». Поэтому вербальное мышление никах не отрицают реальность существования авербального мышления.

5) Потому что язык оказывает обратное воздействие на мышление и

поэтому взаимодействие межу языком и мышлением – не однонаправленное, а двунаправленное, т.е. от мышления к языку, и от языка к мышлению. Но язык не может оказывать воздействия на мышление в силу того, что язык базируется на материи знаков, которая освоена абстрактным мышлением в виде её идеальных образов, фонем (см. Гл. 1 «Модель знака»). Следовательно, материальное и идеальное диалектически взаимодействуют между собою, образуя истинный языковой знак, и ничто здесь не влияет ни на что.

6) Потому что с этих позиций нельзя объяснить, почему мышление – общечеловеческое, а языки у всех разные. Объясняю – одно и то же мышление свойственно всему человечеству, это логичское мышление. Но оно реализуется только в формах национального языкового мышления, т.е. в формах каждого конкретного языка, в семантических и грамматических формах родного языка. Именно в этих, последних, формах при соответствующих условиях (односоставные прдложения, сокращённые силлогизмы и др.) происходит экономия языковой материи, порождающая авербальное мышление.

7) Потому что утверждается, будто понятийное мышление возможно вне актов коммуникации, т.е. что в познавательном мышлении слова якобы не выступают как органические компоненты мышления. Вот именно так – и формы понятийного, и формы коммуникативного мышления часто выступают в виде форм авербального мышления, их языковые формы часто бывают сокращёнными. Между познавательным и коммуникативным мышлением нет различий: они заключаются лишь в выборе знаковых средств, связанных с психологическими условиями коммуникции и познания.

8) Потому что теории, противоположные теориям Панфилова, по его мнению, не подтверждаются фактами языка. Увы, как раз реальность авербального мышления не только подтверждается фактами языка, но эти факты выглядывают из всех щелей. К сожалению, Панфилов их просто не видит, потому что он, частично, или выработал теорию языка ещё до его исследования, или его собственная теория подогнана под «марксистские» лозунги, неправильно им понятые.

9) Потому что допускается существование «непонятийного мышления», т.е. будто мысль может существовать вне языковых знаков. Нет, не «допускается», а это реальный факт естественного языка, существование «непонятийного мышления» – это реальность. Абстрактное, логическое мышление принципиально не может быть изъято, ибо это означало бы нереальность идеального, как второй стороны материального. Панфилов считает, что если в предложении нет субъекта, но есть только предикат суждения, если для него нет специального языкового знака, то это не суждение. Он против того, что понятийного мышления вне языковой формы нет и быть не может. Бенвенист вторит ему: « ... стоит лишь без предвзятости проанализировать существующие факты, и вопрос о том, может ли мышление протекать без языка или обойти его, словно какую-то помеху, оказывается лишённым смысла». [Бенвенист 1974 : 105].

Интересная судьба сложилась у самого знаменитого высказывания К. Маркса о соотношении языка и мышления, изложенного Марксом в оригинале на немецком языке, и в том же его высказывании, переведённым на русский язык в его полном собрании сочинений. Маркс пишет: „Die unmittelbare Wirklichkeit des Gedankens ist die Sprache“. [K. Marx, Fr. Engels. – Die deutsche Ideologie. – Werke, Bd. 3, Berlin, 1988 : 432]. В русских переводах эта фраза дана в двух выриантах (даю с моим обозначением субъекта и предиката, – А.К.).

1) В первом переводе: «Непосредственная действительность мысли **(S)**

есть язык **(P)** ».

2) Во втором переводе: «Язык **(S)** есть непосредственная действительность мысли **(P)** ».

В переводе (1) логическое соотношение субъекта и предиката такое: наше мышление (единичное) – есть язык (всеобщее) – Язык трактуется как н е е д и н с т в е н н а я (не всеобщая) форма реализации человеческого мышления, т.е. мышление может проявляться и в каких-то иных формах, а язык, т.е. его внешне выраженные материальные знаки сигнализируют лишь о реальности той или иной мысли, находящейся в мозгу.

В переводе (2) допускается трактовка соотношения субъекта и предиката только так: язык (единичное) – есть единичная форма выражения нашего мышления (всеобщее), язык трактуется как е д и н с т в е н н а я форма выражения человеческого мышления, т.е. мышление не может проявляться ни в каких иных формах, кроме как в языке. Ухватившись за второй, по сути неверный перевод слов классика, вербалисты считают, что мышление вне языковых форм существовать не может: «Язык есть непосредственная (т.е. единственная) действительность мысли». [Маркс, Энгельс т. 3 : 448 - 449].

Сами Маркс и Энгельс не подтверждают идею, что единственным средством выражения мысли является язык. Напротив, мышление возможно и вне слов: «Даже о с н о в н о й (разр. моя, – А.К.) элемент мышления, элемент, в котором выражается жизнь мысли – язык – чувственной природы». [Маркс, Энгельс, 1929, т. 3 : 630]. Считая язык «основным элементом мышления», Маркс и Энгельс д о п у с к а ю т существование и других элементов. Диалектический материализм, таким образом, утверждает, что мышление вне языка возможно, а с другой стороны, что мышление распознаётся вне мозга лишь через материальные знаки – язык.

Языковые знаки не существовали бы, если бы не существовало мышление. Но обратное неверно, мысль не всегда предполагает знак. Могут быть значения, но может не быть выражающих их знаков. Структура мышления человека такова: есть семантические формы мысли и есть логические формы мысли, причём первые невозможны без вторых, ибо нет для неё логической основы, с помощью которой мы обязаны одевать семантические, знаковые значения, их грамматические формы. Есть логические формы мысли, но они тоже невозможны без семантических форм мысли, без семантико-грамматической структуры языка. Логические формы мысли живут в сознании, но они не всегда требуют знаковой опоры, они вне коммуникации протекают в тиши мозга, или реализуется в действиях человека. Если появилась мысль, то это не значит, что автоматически для неё сразу же появилось, слово, предложение. Ошибочно считать, что мышление всегда предполагает знак, его выражающий, что всякая ситуация должны быть оформлена в знаках. Само знание – явление духовного плана.

Зачем нужны языковые знаки ? Они необходимы принципиально. Языковые знаки – это орудие, инструмент, метка, ассоциативно связанные с мыслями, живущих в мозгу, но знаки – не внешняя материальная оболочка и одежда самой мысли. Сами языковые знаки не есть действительное, практическое сознание, они могут быть непосредственной действительностью мысли только как инструмент, отмычки к соответствующим мыслям, живущим в нашем сознании. Если иногда считают, что сознательного, понятийного, практического поведения и разумной творческой деятельности не может быть вне языка, то это означает лишь то, что мысль не может быть выведена из головы иначе, как только в материи знаков. Орудия труда, техника – это овеществлённая, материализованная сила знаний, которые, как и

логические понятия, существуют в виде материальных знаков, своеобразного языка вещей. Маркс и Энгельс пишут, что «самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем построить ячейку из воска, он уже построил её в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т.е. идеально». [Маркс, Энгельс, т. 23 : 189]. Плод работы архитектора есть продукт его невербального мышления.

Содержание мышления может и не быть выраженным в словах. Надо признать существование мышления независимо от знака, признать существование духа в материи мозга, но не в материи знаков. Если, как считают марксистские лингвисты и философы, в мысли всё должно быть одето в слова, то это значит, что мыслить – это постоянно говорить, вслух или про себя. Но в мысли может возникнуть не только то, для чего уже существует языковой знак, но и то, для чего ещё нет знака. Считается, что если нет знака, то не может быть и мысли. Напротив, была бы мысль, а знак для неё родится обязательно, что мы и наблюдаем в истории развития языкового мышления. С одной стороны, язык ограничивает мышление своими рамками, поэтому он становится оковами для мышления, ибо язык не безграничен, а мышление безгранично. Отсюда возникают вопросы: как появляются новые слова, новые грамматические формы, как может развиваться язык и пр. Фактически же мышление идёт впереди развития языка, опережает язык, иначе мы не могли бы понять прогресс человечества.

Итак, существует ли незнаковое мышление ? Азнаковое мышление никогда не изучалось, ибо проще изучать реально видимые и слышимые знаки. Многие считают, что в дихотомии «мысль – слово» реально только слово, так как оно видимо и слышимо. Поэтому ясно, что главным было исследование вербальных и любых материальных коррелятов мыслительных процессов. Невербальное мышление не изучалось ещё и потому, что идеальное, не воплощённое в материальной оболочке знака, не считалось объектом с особым модусом реального существования. Однако между вербальными и невербальными формами мышления есть принципиальные различия. На самом деле наше мышление – преимущественно именно невербальное. Трудности решения математических задач у детей – они не умеют переводить текст задачи в модус невербального. Цифра для ребёнка, в отличие от слова, не имеет никакого означающего, для него цифры – не знак, а крючочки, хотя за цифрой стоит определённая, и при том наивысшая абстракция.

Глава 4.

Взаимоотношение языка и логики.

§ 1. Все аспекты и уровни языка пронизаны логическими формами.

1) Как зародилась наука «логика» ?

Языкознание как наука зародилось в недрах древнегреческой философии. Отсюда и лингвистические термины, заимствованные там же, через латинский язык, в латинском переводе. Но интерес к языку был исключительно философским. Обнаруженные в древнегреческом языке категории покоились на логической и философской основе. Намного позже обнаружили среди множества языков общие элементы, началось сравнение языков, поисков общего во всех языках, их структурных особенностей и различий. Увидели, что язык образует систему и структуру этих систем.

Ранее греческий и латинский языки наделяли особым статусом. В средние века уже думали о языке как об орудии отражения реальности и рассматривали язык как средство познания действительности. Схоласты (средние века) полагали, что язык отражатся универсальным образом в человеческом сознании и, с другой стороны, унивеерсальным же образом соотносится с обозначаемой вещью. Слово обозначает природу обозначаемой им вещи не непосредственно, но как

существующую особым образом, в определённом модусе. Одни объекты существуют как субстанции, другие – как действия, третьи – как качества и т.д. Способ существования вещи определялся принадлежностью слова к той или иной части речи. Слово обозначало вещь не непосредственно, а через свои модусы (т.е. части речи) и их свойства, с которыми оно соотнесено посредством частей речи.

2) Внешний мир и язык – фундамент формальной логики.

Аристотель, исходя из реалий действительности, но основываясь на фактах родного языка, выделил 10 предикатов природы в своём родном языке. Но, базируясь при этом на фактах языка, он назвал их логическми предикатами. Таким образом, Аристотель увидел в природе предметов то, что уже было названо языковыми формами. Аристотель выделяет совокупность 10-ти предикатов, но это прежде всего языковые категории. Это основные и исходные категории языка, на которых человек мыслит. Эти предикаты соответствуют вовсе не свойствам вещей, а классификации, заложенной в самом языке. Основа выделения этих предикатов заложена уже в системе языковых форм. Основанием для объединения некоторых предикатов под одним предикатом послужили особенности греческой морфологии. Аристотель учитывал все возможные в предложении предикаты. «Таким образом, сам того не желая, он неизбежно должен быть возвратиться к тем различиям, которые сам язык выявляет между основными классами форм, потому что эти классы и формы как раз и имеют языковое значение ... Он полагал, что определяет свойства объектов, а установил лишь сущности языка: ведь именно язык благодаря своим собственным категориям позволяет распознать и определить эти свойства». «... В той степени, в какой категории, выделенные Аристотелем, можно признать действительными для мышления, они оказываются транспозицией категорий языка. То, что можно сказать, ограничивает и организует то, что можно мыслить. Язык придаёт основную форму тем свойствам, которые разум признаёт за вещами. Таким образом, классификация этих предикатов показывает нам прежде всего структуру классов форм одного конкретного языка» [Бенвенист 1974 : 111].

Логические формы постулированы языком. Модель понятий формальной логики заложена в самом языке. Это подтверждено категориями Аристотеля: его логическими категориями оказывается то, и только то, что уже категоризовано самим греческим языком.

Если проанализировать мыслительные и языковые категории и их связи, то мы увидим, что они имеют закономерности в своих связях. Что и доказал впервые Аристотель на материале греческого языка, открыв категории логики. Они отражают функции предикатов любого объекта, т.е. суть некоторые априорные понятия, организующие опыт. У Аристотеля 10 категорий: сущность, количество, качество, отношение, место, время, состояние, обладание, действие, страдание.

Но эти предикаты, по мнению Э. Бенвениста, являются прежде всего языковыми категориями. Выделяя их как универсальные, Аристотель на самом деле получает основные и исходные категории языка, на котором он мыслит. Эти предикаты соответствуют не свойствам вещей, а классификации, заложенной в самом языке. Основа выделения этих предикатов заложена уже в системе языковых форм. Основания для объединения некоторых категорий лежит в греческой морфологии, в единстве глагольных категорий.

Таким образом, в категориях Аристотеля имеются различия, которые сам язык выявляет между классами форм, они разные, потому что у них разные формы. Аристотенль полагал, что определяет свойства объектов, а установил лишь

сущности языка: именно язык благодаря своим собственным категориям позволяет распознать эти свойства. Категории, выделенные Аристотелем как действительные для мышления, оказываются транспозицией категорий языка. «Язык придаёт основную форму тем свойствам, которые разум признаёт за вещами. Таким образом, классификация предикатов в одном языке есть структура классов форм одного конкретного языка. И тут же Бенвенист приводит сравнение значения одного слова в одном языке с тем же словом и его значением в другом языке, т.е. он указыывает тем самым на то, что членение мира языком различно в разных языках. Это доказывает, что категории Аристотеля – языковые формы. Форма мысли придаётся ей структурой языка, грамматикой.

Процесс познания объективного мира с самого начала необходимо включает в себя процесс р а с с у ж д е н и я, облекающегося в форму речи. Принудительная сила речей, в которое облекается рассуждение, заключается именно в необходимости соглашаться с чем-либо, т.е. признавать что-либо истинным. Поэтому неудивительно, что логика обязана своим происхождению естественному, в данном случае древнегреческому языку Аристотеля. Но каким свойством должна обладать речь, чтобы убеждать людей, заставлять их с чем-либо соглашаться ? Такая постановка вопроса вызвала к жизни, прежде всего, риторику – науку об искусстве убеждать людей, которую, в связи с этим, признавали царицей наук. Однако сразу же стало очевидным, что принудительная сила речей (нашего мышления), их убедительность зависят не от звуковой, материальной стороны речи, и не от их свойств действовать на чувства людей, а прежде всего от с м ы с л о в о й стороны речи, от того, какие мысли выражены и как они связаны друг с другом. Тем самым встал вопрос о другой науке или другом искусстве – об искусстве связывать выраженные в речи мысли друг с другом, т.е. о л о г и к е.

Поэтому появление науки логики начинается с выявления логических связей, логических правил, описывающих, как мы оперируем конкретными по содержанию мыслями. Интерес к ораторскому искусству стал толчком для развития логики. Но постепенно функции логики расширяются. Она не только обслуживает ораторское искусство, но и выступает в самостоятельной роли: как совокупность логических форм и законов непротиворечивого мышления. Хотя логические формы являются отражением определённых связей действительности, тем не менее они обнаруживаются как с м ы с л о в а я с т о р о н а семантико-грамматических форм: определения логических связей были даны путём раскрытия с м ы с л а семантико-грамматических связей в предложении.

Логические связи обнаруживаются в обычной речи. Выделяя их посредством абстракции, мы их обобщаем, идеализируем, уточняем. В таком виде они и включаются в содержание логических рассуждений. Если логический аппарат обнаруживается в обычной речи, то это означает, что законы логики не являются продуктом свободного творчества субъекта, а имеют объективный характер. Логические связи, отражающие связи действительности, фиксируются в обычной речи. В речи человека мы сплошь и рядом находим формы мысли, изучаемые логикой. Человек мыслит согласно законам логики, не подозревая даже о её существовании, потому что он с детства впитывает свой р о д н о й я з ы к, а вместе с ним и л о г и к у, заложенную в формах родного языка. При этом и то, и другое контролируется в н е ш н и м м и р о м, сличается с внешним миром. Таким образом, у человека имеется два пути для интуитивного овладения и владения логикой : 1) усвоение м а т е р и а л ь н о г о м и р а, законы которого в той или иной степени адекватности отражаются в сознании человека и которые в любое время могут быть выражены в формах естественного языка; 2) в с а м о м я з ы к е есть формы, в которых с н е о б х о д и м о с т ь ю скрыты логические

формы (фигуры, модусы, силлогизмы): человек, тысячи раз услышав эти формы (*так как, потому что, итак, следовательно, вследствие этого, поэтому, оттого, из-за* и др.), знает, что за ними скрывается умозаключение, хотя и не может знать, какой формы, какого модуса, какой фигуры, и даже не знает того, что он имеет дело с умозаключением. Для этого и существует наука – формальная логика, которая может все эти формы мысли «разложить по полочкам».

Подтверждением того, что логика стоит на двух китах – реальной действительности и языке – служит стихийное владение логикой любым человеком. В этом случае люди обходятся «естественной» или «стихийной» логикой, которой они пользуются бессознательно. «Подобно тому, как человек учится говорить *в контактах с другими людьми*, он учится и мыслить. Этот процесс протекает особенно интенсивно в детском возрасте, но ... он не прекращается в течение всей жизни человека. Люди воспитываются в определённой политической, нравственной, эстетической и т.д. атмосфере, формирующей соответствующие их взгляды и убеждения. Но точно так же они воспитываются и в *логосфере*, под влиянием которой в первую очередь и складываются навыки логического мышления, формируется логическая культура человека» [Свинцов 1987 : 23].

Процесс формирования логической культуры под влиянием логосферы носит стихийный характер, не осознаётся человеком: совершая разного рода логические операции, мы не анализируем их внешнего механизма, не задумываемся над тем, соответствуют ли они каким-либо законам. Анализ может осуществляться на разных уровнях истинности, и прежде всего на уровне «здравого смысла», который обладает существенным недостатком, ибо каждый может предложить свой эталон «здравого смысла». Поэтому минимум логических знаний делает анализ ситуации более объективным и более экономным: логика видит в мышлении воплощение какой-то о б щ е й м ы с л и, соответствие или несоответствие законам природы.

Люди, пытаясь установить собственные формы мысли, приходят к тем же категориям языка. Так как язык имеет какую-то структуру, систему, упорядоченность, то в формальной системе языка надо искаьть слепок с какой-то логики, внутренне присущей мышлению, следовательно, внутренней и первичной по отношению к языку.

3) Что ищет логика в языкознании ?

Логиика – это философская наука о формах, в которых протекает человеческое мышление, о законах, которым оно подчиняется, и о приёмах мыслительной, познавательной деятельности. Логика изучает мышление как средство познания, в отличие от психологии, изучающей высшую нервную деятельность. Предмет логики: формы, законы, приёмы, принципы мышления, с помощью которых человек познаёт окружающий мир.

Особое положение, которое знанимает логика по отношению ко всем другим наукам, объясняется своеобразием предмета её исследования. Учёному из любой области приходится заниматься мышлением, правилами формальной логики, без этого невозможно никакое теоретическое познание. «Естествоиспытатели без мышления не могут двинуться ни на шаг» [Маркс, Энгельс, т. 20 : 524]. Однако каждая наука изучает мышление со своей стороны, с точки зрения своих интересов.

Основная цель логики: выяснение условий истинности процесса познания, выработка эффективных логических аппаратов и правильного метода познания, закономерности рассуждения и доказательства. Всякий процесс мышления представляет собой оперирование сложившимися понятиями и суждениями.

Словокупность этих форм и операций составляет формально-логический аппарат познания. Подобные формы и операции и лежащие в их основе специфические формальные законы связи между понятиями и суждениями составляют предмет формальной логики.

Так как работа интеллекта всегда осуществляется в языковой форме, то исследования в области логики напрямую связаны с исследованием различного рода языковых конструккций с точки зрения выполнения ими тех или иных познавательных функций. Это, кстати, является и основной задачей языковедов, занимающихся проблемами взаимоотношения языка и логики – установить диалектику взаимодействия логических и языковых форм. Язык в этом случае рассматривается как орудие познания, т.е. как средство, с помощью которого фиксируется информация о мире, осуществляется преобразование этой информации и изучается окружающий нас мир.

Предмет формальной логики – это соблюдение законов правильного, но не истинного мышления, изучением законов истинного бытия занимаются естественные науки. Правильным мышлением считается только мышление, движущееся по законам или по правилам логики. Но попытка объяснить, как именно логика изучает мышление, кончается тем, что в качестве правил «мышления» приводятся операции с объектами языка – со словами и предложениями. Философская концепция, будто правила логики отражают некие общие законы бытия, – это предрассудки. Законы бытия изучают все остальные науки, а формальная логика строит лишь законы правильного, но не истинного мышления. [Зиновьев, ВФ, 2007, № 4].

Сущность логики и логических категорий заключается в том, что она изучает идеальные формы мышления как инструмент отражения фундаментальных законов объективного мира. Логика – наука предписывающая, в ней отражаются лишь понятия: истина и ложь. В логике степень обобщения столь велика, что связь с объективным миром обнаруживается постольку, поскольку логика опирается на языковой материал.

Логические формы – это формы, в рамках которых совершается человеческая деятельность вообще, на какой бы предмет она не была направлена, будь то слова, вещи или события. Логические категории не имеют национальных различий, т.е. они являются общими для всех людей, говорящих на разных языках. Мысль не изоморфна языковым структурам их выражения. Языковые знаки, с помощью которых передаётся информация, не всегда соответствуют той информации, которую передают люди, и которая находится у них в мозгу, потому что знаки произвольны и в каждом языке членят по-своему материальный и духовный мир. Языковые знаки различны в разных языках, но строй логической мысли в сознании людей разных наций остаётся одним и тем же. Индивидуальная структура различных языков не влияет на структуру общечеловеческой мысли, она не соответствует логическим структурам, потому что логические структуры, навязываемые языковыми знаками, национальных различий не имеют. Формальная логика – не теория познания, а лишь орудие или инструмент познания. Логика формальная не совпадает с диалектической теорией познания. Она не изучает мышления в целом, а только охватывает некоторые его стороны, в частности – следит за правильным, непротиворечивым ходом мысли. Она служит орудием контроля за точным, непротиворечивым и однозначным оперированием понятиями внутри теоретической системы.

Логическая и грамматическая правильность совершенно различны. Это положение особенно важно для языкознания, изучающего живую речь. Там, где речь

– там логика. Но это не значит, что речь всегда должна быть логически истинной. Важно, чтобы эта мысль была построена правильно логически, по законам формальной логики. В этом читатель легко убедится при дальнейшем чтении этой книги (см. ниже § 4).

Логический анализ показал, что грамматически неправильное высказывание, насколько оно понятно, может быть правильно или неправильно в логическом отношении. В этом заключены две существенные черты логики. Она есть наука гипотетическая. Она говорит: если дана мысль, то отношения между её элементами должны быть такие-то, а в противном случае мысль нелогична. Но логика не говорит, каким путём дошли мы до данной мысли, т.е. если мы знаем, что сегодня четверг, то значит завтра будет пятница.

Человек мыслит по законам формальной логики. Но формальная логика, это учение о правильном, но не истинном мышлении, это лишь процедура обращения с суждениями, которые могут быть ложными, а не истинными, хотя и правильно построенными по законам формальной логики. Человек и его мышление не устроены наподобие компьютера. Формальная логика имеет прескриптивный, а не дескриптивный характер. Логика спрашивает не о том, верна ли данная мысль, выраженная в языке, в действительности, а о том, правильно и непротиворечиво ли она построена. Если бы было так, т.е. если бы логика занималась содержанием мысли, то логика превратилась бы в ботанику, физику, психологию и т.д., тогда как основное назначение формальной логики – формальные законы правильного мышления, а не истинного по содержанию того, о чём говорят или пишут. Законы логики не всегда совпадают с законами «здравого смысла».

Логическое следование какого-либо суждения из других суждений ещё не решает вопрос об объективной истине, оно обеспечивает только логическую правильность. Если же мы выводим наши суждения из суждений, истинность которых уже доказана, то выводное суждение, если оно построено логически правильно, автоматически становится логически истинным.

4) Для чего нам нужно знать механизм взаимодействия языка и логики ?

Этот вопрос всегда был непростым для языковедов, для логиков же он вообще не существовал. Вот что о логике писали некоторые лингвисты ранее: «Языковые и логические категории являются несовместимыми понятиями; они соотносятся друг с другом так же, как понятия круга и красного» [Steinthal 1855 : 221 – 222]. «Языкознание, в частности грамматика, ничуть не ближе к логике, чем какая-либо из прочих наук» [Потебня 1958 : 70]. В этих высказываниях лингвистов отражена концепция логиков, оторвавших логику от языка и превративших её в чисто математическую теорию исчислений, особый раздел математики со своей символикой. Это и послужило основой размежевания двух различных наук об одном и том же объекте – языке, вплоть до их противопоставления.

Лингвисты, как правило, редко уделяют внимание на серьёзное познание смежной с языкознанием науки – логики. Лингвисты привыкли видеть в языке, в основном, одни только формы, конструкции, и обычно описывают интуитивно воспринимаемый ими семантический смысл конструкций. Но никогда не доходят до серьёзного изучения ф о р м ы этого смысла и ф о р м связей этих смыслов. А это и есть всё то, что можно обозначить взаимодействием языковых и логических форм. Лингвист увидит, что текст, изучаемый в лингвистике, содержит не отдельные хаотичные смыслы, а опрелелёные логические структуры, соотнесённые в какими-то конкретными языковыми структурами.

Логики же, напротив, все силы бросили на выявление чистых, формально-логических, непротиворечивых структур и их связей. Они не замечают, что эти структуры и их связи основаны на языковой базе, на определённых семантических и грамматических структурах языка. Они увидят не голые логические абстракции, а живые силлогизмы, их модусы и фигуры, они увидят реальное функционирование логических форм на материале своего первоисточника, естественного языка, из которого вышла сама логика (подробно об этом см. ниже § 4).

«Логика» и «язык» – что между ними общего и различного ? Язык, понимаемый традиционно как симбиоз материальной формы и идеального содержания, или, язык, понимаемый как предложенная здесь четырёхуровневая система, в которой тесно взаимодлействуют все уровни, и изъятие хотя бы одного их них ведёт к развалу понятия языка (см. выше Глава 2, § 1), тесно взаимодействует с логикой. Представленная в этой книге логика – та же традиционная формальная, Аристотелевская логика, но только с той разницей, что логические формы анализируются в этой книге не строго формально, как в науке логики, без обращения к формам естественного языка, превращёной логиками в самые обыкновенные математические исчисления, а в тесной связи с языковыми формами. Все логические формы мысли поставлены в соответствие с их языковыми структурами, причём в каждом языке по-своему, по нормам данного языка с его бесконечными семантико – синтаксическими структурными вариантами. Логика – это тот же естественный язык, только строго формальный, символический, непротиворечивый, лишённый многозначности и синонимичности. В другой знаковой системе, кроме как в специально для неё созданной международной символике, логику как формальную науку представить невозможно, ибо это не живой, естественный язык, каким пользуются миллионы и миллионы людей, а это язык для специальных целей. Естественный язык, напротив, свободен, не ограничен строгими логическими рамками, противоречив, обладает множеством синонимов, омонимов, нечёткими, расплывчатыми семантическими значениями, обладает множеством самых различных семантико-грамматических конструкций для выражения одной и той же логической формы.

Многие логики, работающие в математической логике, в которой языковые формы уже забыты, не видят в живом языке, из которого вышла логика, никаких логических форм, потому что в языке они выражены совсем иначе, чем в науке логики, и выражены естественным образом, так, как человек пишет, мыслит и владеет своим языком. Логиков не устраивает и не интересует специфика языка, ведь он не построен по жёстким правилам математической логики. Языковая система есть не логико-математическая структура, со своими логическими законами, наподобие счётно-решающего устройства, а языковая, знаковая структура, функционирующая на основе своих собственных языковых законов. Логики давно отошли от естественого языка, из которого вышла логика, и превратили её в раздел математики, занимающегося логическими исчислениями. Для логики совершеннно безразлично, какова связь языковых форм и логических форм, какими языковыми формами мыслит человек.

Истинная же задача теоретического языкознания – понять суть механизма мышления человека, отражённого в языковых знаках, и связать формы языка с формами мышления. В языке – а это значит в семантических, т.е. национальных формах мышления – отражены человеческие мысли и их логические формы, хотя и не так строго, как в логике, а расплывчато, многословно, не очень чётко, что и создаёт почву для недопониманий. Но в реальном языке эти логические формы, преобразованные живым языком, представлены не так, как они представлены в логике в виде строгих формул и процедур, а в формах живого разговорного или письменного языка. Одна и та же форма (суждение, умозаключение) можеть быть выражена десятками и

сотнями языковых вариантов. В языке не доказывается, является ли данная мысль истинной или ложной, как в логике, а лишь выражается в той или иной языковой форме, будь она мыслью истинной или ложной. В любой мысли, представленной в любой из многочисленных языковых форм, в любом языке всегда заложена какая-нибудь логическая форма. Язык – это чисто знаковая, языковая форма рассуждений, доказательств, утверждений, опровержений, вопросов, побуждений, т.е. такая языковая форма, которая, как правило, нестрого совпадает с логической формой, но всегда может быть преобразована в строгую логическую форму..

Любое предложение естественного языка, или иначе – языковая, семантическая форма мысли, представленная данным предложением, содержит в себе в скрытой форме логическую форму мысли – наподобие подводной части айсберга, – которую всегда можно формализовать на основе понимания семантической формы мысли, т.е. на основе семантико-грамматической структуры предложения. Логические формы мысли строго формализованы и не подлежат никаким изменениям, в языке же они свободны, выражены десятками различных вариантов и тысячами вариантов в различных языках
. Цель изучения связей языка и логики состоит не в том, чтобы вскрыть – содержит ли данное предложение истину или ложь как главную цель исследования в логике, а показать, как человек на своём родном языке мыслит логическими категориями, как они выражены, какими реальными логическими формами он пользуется в своей повседневной и научной деятельности, как они связываются одна с другой и какие языковые формы используются для тех или иных логических форм. Цель логического анализа языка состоит в том, чтобы увидеть, как человек практически мыслит, какими формами языка и логики, как эти две разные формы – логические и семантические – взаимодействуют и каковы закономерности этого взаимодействия (ниже будут кратко показано взаимодействие языковых и логических форм умозаключений в их различных фигурах и модусах, см. § 4).

От понимания соотношения языка и мышления зависит понимание сущности языка вообще и предложения в частности. Вне взаимосвязи ни формы языка, ни формы мышления не существуют, следовательно, по отдельности их природа не может быть понята. Весь спор в языкознании о соотношении языка и мышления, предложения и суждения, о сущности актуального членения, и в частности в синтаксисе – о сущности предложения, о его семантической структуре – есть результат нерешённости вопроса: как соотносятся язык и логика? Нет предложения как объекта синтаксиса, лишённого семантического значения, т.е. семантической формы мысли, значит нет предложения, которое бы не служило объектом изучения другой науки – логики, представленной в предложении в виде логической формы мысли. Значит, наличие «логического» в предложении – неотъемлемая часть предложения, состоящая из двух уровней – семантико-синтаксического, т.е. семантической формы мысли и логического как логической формы мысли. Так как одни и те же явления языка входят в ведение нескольких смежных наук, например, языкознания и логики, а логика в науке о языке обычно игнорируется, то в языкознании эти явления приобретают одностороннее, но чаще всего извращённое освещение.

Каждая из соотносимых наук – языкознание и логика – имеет свой собственный объект исследования. Однако возможно и их объединение как смежных наук при чётком разграничении целей, задач и возможностей каждой из них. Если такой комплексный анализ будет осуществлён, то можно говорить об интеграции языкознания и логики. Некоторые лингвисты даже считают, что связь языка и логики – основное направление в лингвистике. У. Вайнрайх пишет: « ... исследование логических аспектов

языка – это отнюдь не модное увлечение; по-видимому именно оно ... будет составлять одно из важнейших направлений в лингвистике» [Вайнрайх 1970 : 170].

При исследовании логических форм в формах естественного языка необходимо установить законы их кооперации и взаимодействия, при этом надо иметь в виду, что язык не растворяется в мышлении, языкознание не растворяется в логике. Строгое разграничение цедей и задач обеих наук при исследовании одного и того же объекта – языка – есть гарантия более глубокого, интегрированного изучения тех явлений, которые входят в ведение обеих наук.

5) В чём проявляется конкретное взаимодействие языка и логики ?

Формальная логика – это наука о законах, формах и приёмах познания мира на ступени абстрактного мышления, но не наука, открывающая истины в природе и в мышлении человека. Этим последним занимаются естественные и прочие науки. Цель формальной логики – выяснение условий для истинности познания, выработка эффективных логических аппаратов и правильного метода познания. Формальная логика имеет отношение к процедуре получения вывода, заключения, но она не имеет отношения к истине, так как она исследует лишь форму, но не содержание, форму процесса перехода от одного утверждения к другому. Истина к этому не имеет никакого отношения. Для формальной логики форма и содержание – раздельны и отделены друг от друга.

Логическая форма – это та сторона рассуждения (доказательства, вывода, аргументации), которая не зависит от содержания данного рассуждения. Логическая форма фиксируется в языке в виде схем рассуждения, логических констант и их сочетаний, в которых может воплощаться разное содержание. К логическим формам относятся устанавливаемые в формальной логике законы и правила логического вывода, следования. Логические правила рассуждения не зависят от того, истинны или ложны посылки, утверждения. Отсюда и название – формальная логика. Основные логические формы, изучаемые в логике – фонемы, графемы, морфонемы, понятия, суждения, умозаключения (первые три логические формы логикам неизвестны, и они ими не интересуются, потому что их цель – не изучение связей логикических форм и языковых форм, а построение чистых логических исчислений).

Окружающий нас мир отражается в головах людей в виде различных форм мыслей (понятия, суждения, умозаключения), которые ассоциативно закрепляются в знаках языка, т.е. сам процесс отражения мира осуществляется в мышлении посредством материальных знаков языка. Языковые знаки, ассоциативно, закрепляя наши мысли, становятся как бы материальными «носителями» наших знаний об окружающем мире и о нас самих, но наши знания остаются в мозгу и не переходят в языковые знаки. Так как любая мысль по своему содержанию и по своей форме есть не что иное, как отражение внешнего мира и внутреннего мира человека, то логика, изучающая формы мыслей, отражающих эти два мира, не может обойтись без материальных знаков. Значит языковые знаки, с одной стороны, есть внемозговая материальная форма как инструмент отражения мира и закрепления его результавтов в мозгу человека, но только в виде идеальных форм этих знаков, в виде фонем, графем, морфонем, понятий, суждений, умозаключений, с другой стороны, есть внемозговая материальная форма, через которую плоды отражения мира в мозгу человека материализуются вне мозга и закрепляются в виде устной речи и текстов. Язык обеспечил внутреннему движению мысли ту внемозговую знаковую форму бытия, которая дала ему возможность стать общим достоянием людей.

Так как формы мысли – это типы связей мыслей друг с другом, то эти мысли должны быть выражены теми языковыми средствами, которые имеют функции выражать логические связи, т.е. поскольку в языке фиксируется вся совокупность знаний об окружающем мире, то в нём фиксируются и логические связи, представляющие опосредованное отражение этих связей. Формальный аппарат логики всегда обнаруживается в естественном языке. Это значит, что законы логики – не продукт свободного творчества, они имеют объективный характер и отражают связи действительности; законы логики, с другой стороны, фиксируются в обычном, естественном языке [Горский 1962 : 80 - 89].

Язык, таким образом, выражает не только конкретное содержание мысли (семантический уровень мышления), но и закрепляет логику мышления (логический уровень мышления). О той или иной логической форме мысли мы узнаём по языковой форме, по лексико-грамматическим значениям слов и их синтаксическим связям. «Благодаря языку человек может знать, что думает другой, о чём он думает, как относится к тому, о чём думает. ... Очевидно, путём восприятия речи человек может знать также, какую форму имеют сообщаемые в речи мысли. Следовательно, должны существовать языковые средства логических форм мыслей» [Ахманов 1957 : 181]. Это значит, что формы мысли заложены в самом языке, грамматические формы уже содержат в себе логические формы, а логические формы не могут быть в явной форме выражены иначе, как в языковых знаках. Сам язык, представляющий собой определённые операции с языковыми объектами, возможен лишь постольку, поскольку в нём выражена мысль, а мысль не может не иметь определённой логической формы. Нельзя познать законы языка, структуру языка, связи предложений без логики.

Связь логики и языка неизбежна. Язык как выражение содержания и логического строя мышления необходимо вовлекается в круг исследования языкознания и логики. Логика должна входить в сферу языка, она целиком вплетена в естественный язык, логико-грамматическое изучение естественного языка стало потребностью науки, логико-грамматический анализ образует первый и необходимый уровень как для логики, так и для языкознания.

Человеческая практика нашла отражение в предметной деятельности людей, материальной культуре, одновременно закрепившись в человеческом сознании в виде логических форм мысли, а они не могут быть реально, осязаемо выражены иначе, кроме как в материальных формах языка. Только звучащий (написанный) естественный язык позволяет человеку «оторваться» от реальной действительности, от «живого созерцания», от непосредственных взаимодействий с материальными объектами и перейти на уровень оперирования духовными единицами – формами мысли, т.е. формами логики, представленными в формах языка.

Окружающая нас материальная действительность, служащая первоосновой всех наших мыслей и чувств, отражается в виде идеального в мозгу человека как процесс мышления и как накопленное знание (со + знание) об этой действительности в определённых логических формах. Мышление – это процесс отражения действительности, в результате которого в голове человека отражаются объективные связи предметов и явлений объективного мира в виде определённой структуры сознания, и, следовательно, формируются объективные законы в определённых логических формах – в формах понятий, суждений, умозаключений. Природа мысли такова, что она, с одной стороны, предполагает независимую от неё материальную действительность, которую она верно или искажённо отражает, а с другой стороны, она предполагает языковые средства её выражения, в которых запечатлено как содержан

и е м ы ш л е н и я (семантические формы мысли), так и л о г и ч е с к и е ф о р м ы этого содержания (логические формы мысли).

Такими категориями, формами языка являются звуки, буквы, морфемы, слова, словосочетания, простые предложения, сложные предложения, связи самостоятельных предложений, сверхфразовые единства, через которые мысль становится действительностью. Но эти формы языка – не просто языковые конструкции, несущие определённое мыслительное, семантическое содержание, но это семантическое содержание о б я з а т е л ь н о представлено в соответствующей л о г и ч е с к о й ф о р м е. Мысль, таким образом, имеющая особые л о г и ч е с к и е ф о р м ы и в силу этого служащая предметом логики, занимающейся формами мыслей и правилами их сочетаний, есть, с одной стороны, отражение действительности, а, с другой стороны, смысл, с е м а н т и ч е с к о е с о д е р ж а н и е (значение, семантика) языкового выражения. Логические формы как категории мышления суть «ступени выделения, то есть познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать её и овладевать ею» [Ленин т. 29 : 85].

Наиболее чётко вопрос о соотношении языка и логики поставлен Ахмановым. «Можно сказать, что языковед и логик свои разные предметы исследования находят в одном и том же объективном факте, а именно: в человеческой речи. Только один из них – лингвист – ищет и исследует формы, законы средств выражения всего того, что способна сообщить речь, т.е. формы и законы того или иного языка, а другой – логик – то, что сообщается посредством языка, но притом далеко не всё то, что сообщается, а лишь мысли и притом не в их содержании, а в их форме, в их структуре» [Ахманов 1957 : 166 - 167]. Для языковеда все единицы языка выделяются из подобного множества тем, что в структуру языковых единиц входит «значение», способность сообщать. Для логики изучаемые ею мысли также даны не иначе, как только в виде языковых выражений, в виде речи .

Связь языка и мышления означает, что, с одной стороны, нет речи, которая не была бы выражением мысли. С другой стороны, нет мысли вне её словесного выражения, в речи, нет мышления без языка (кроме случаев невербального мышления). Эта непосредственная связь речи и мысли предопределяет пути и средства как лингвистических, так и логических исследований.

Логическое мышление осуществляется и хранится в сознании в формах логических категорий – в формах звуковых понятий (фонем), графических понятий (графем), морфемных понятий (морфонем), словарных понятий (понятий), суждений, умозаключений. Всё, о чём человек рассуждает, думает, мыслит, – всё это «пропускается» у него через мозг и хранится в мозгу только в форме этих ф о р м м ы с л и, организованных иерархически (фонемы и графемы образуют морфонемы; морфонемы образуют понятия или уже сами являются таковыми; понятия образуют суждения; суждения входят в состав умозаключений; из умозаключений строятся доказательства; доказательства лежат в основе теорий; теории образуют мировоззрения и т.д.). Этими формами мысли занимается или должна заниматься л о г и к а как наука о формах мысли и законах правильного мышления. Мышление как процесс идеального отражения мира и сознание как идеальное накопленное знание о внешнем мире и о внутреннем мире человека (со - знание), осуществляется (мышление) и живёт (сознание) только в логических формах мысли и на основе законов их связей и взаимодействий.

Иногда вместо разграничения семантического и логического уровней в предложении вводится также понятие логико-грамматического уровня (Панфилов). Вводится, таким образом, три уровня предложения – логический, логико-грамматический и синтаксический. Нет и не может быть трёх уровней в реальном предложении,

человеческая мысль движется только в двух фазах мышлеия – в логических формах мысли и в семантических формах мысли. Это и есть наше абстрактное мышление, состоящее из более низкого (семантического) и более высокого (логического) уровней. И только будучи вместе взятыми, эти уровни, образуя один абстрактный уровень, противопоставлены чувственному уроню мышления. Это и есть то, что в материалистической диалектике называется основным вопросом философии – взаимодействием материального и идеального.

Но так как наше мышление и сознание не могут существовать иначе, как только в логических формах, а логические формы мысли не могут быть эксплицированы иначе, как только в формах языковых знаков, то мы имеем дело с соотношением трёх аспектов в характеристике сущности взаимоотношения мышления и языка: 1) «две формы движения мышления» – процесс мышления (динамика мышления) и сознание (статика мышления), 2) «шесть логических форм» (фонемы, графемы, морфонемы, понятия, суждения, умозаключения), 3) «бесконечность семантических форм естественного языка, как вовне мозга материализованное знаковое мышление». Эти три аспекта во взаимодействии мышления и языка, будучи неразрывными, сложным образом взаимодействуют друг с другом иерархически, причём второй уровень (логические формы) помещён между первым и третьим: «мышление, сознание» ←→ «логические формы» ←→ «семантические формы». Тем самым указывается место логики и языка в соотносительном трёхзвенном ряду, причём логика как наука о формах мысли выступает посредствующим звеном между «мышлением – сознанием» (они и существуют только в логических формах) и «языковыми формами» (они и существуют только как семантические формы языка, в основе которых лежат логические формы мысли). Это значит, что мир отражается не материальными языковыми знаками (как в теории «лингвистической относительности» Сепира- Уорфа и в современной теории «языковой картины мира»), а процессом мышления в его логических формах.

Реальная действительность – это первооснова всех наших ощущений, восприятий, представлений, а также наш внутренний мир мыслей, чувств, которые являются источником отражения в нашем мозгу. Мышление – Сознание – Логика – Язык – есть производное, идеальное от материального мира, это процесс отражения материального мира и самих себя, накопленное знание о мире и о самом себе (Мышление – Сознание) в нейронных связях человеческого мозга в виде определённых логических форм (Логика), которые вне мозга не могут быть представлены иначе, как только в материальных формах звучащей или написанной речи (Язык). Все четыре взаимосвязанные аспекты мышления (Мышление – Сознание – Логика – Язык), будучи вместе взятыми, есть посредствующее звено в цепи отношений между материальным миром и мозгом человека. Именно мозг человека является владельцем этих четырёх аспектов мышления, которые и делают человека человеком.

Как надо понимать взаимоотношение языка и логики ? Взаимоотношение языка и мышления нельзя решить методами языкознания, так как это означало бы раскрыть на основе языковых знаков механизм того, как работает система нейронов в мозгу человека во взаимодействии с внешними внемозговыми материальными знаками, в чём и упражняется, кстати, так зазываемая «когнитивная лингвистика». Это означало бы перейти на научную точку зрения других наук, наук о мозге и его функционировании, Но лингвисту под силу найти лишь взаимоотношения и взаимосоответствия структур языка с формами мышления. А так как мышление само по себе, вне логических форм, не существует, то языковые формы необходимо сопоставить со структурами логики, с логической структурой мысли. То есть надо установить взаимоотношение тех правил, которым должны следовать грамматически «правильные» предложения, с теми

правилами, которым должны подчиняться логически «правильные суждения и умозаключения». Это и есть изучение взаимодействия структур двух метаязыков, которыми являются семантико-грамматические и логические правила, правила построения форм мыслей в знаковых формах языка.

Язык состоит из совокупности предложений, построенных по правилам некоторого языка и образующих его базис. Предметом логики является лишь то, что охватывается терминами субъект – предикат, понятие, суждение, умозаключение, логический знак, операторы: *и, или, не, если – то, поэтому, потому, так как* и др., жёстко связанные с определёнными логическими формами. Предметом логики как особой науки является человеческий язык, языковые материальные знаки. Язык не вообще во всех проявлениях своих признаков и функций в человеческой жизни, а лишь в одном его качестве, составляющим его социальную сущность, а именно – как вещный, материальный способ существования человеческого сознания, искусственно изобретённый людьми и не наследуемый биологически. То есть формальная логика изучает язык как инструмент познания людьми окружающего мира, как знаковое средство фиксирования приобретённых знаний, их хранения и передачи из поколения в поколение. При этом логика имеет свой специфический, только ей присущий подход к языковым явлениям – логические правила связей суждений друг с другом.

Знаки логики и знаки языка – не одно и то же. Система языковых знаков не есть чистая логика. Она есть практическая реализация мышления, извлекающая из объективной действительности те моменты, которые необходимы для общения людей, и те моменты из чистой логики, которые могут стать орудием разумного общения. Мысль человека не может формироваться и существовать без языковых знаков. Без них невозможно образование понятий, суждений, умозаключений. Эти логические формы способны закрепляться только в языковых знаках.

Поскольку любые взаимоотношения внутри того объекта, который мы называем языком, основываются на понятии материального знака, следовательно, на его структуре, то наша попытка объяснить взаимоотношение языка и логики сразу же наталкиваются на непреодолимые противоречия. Именно непреодолимые, потому что по определению в самом языке, или в том, что мы назвали языком, уже содержится логика. Как показано выше (см. Гл. 1. § 1), языковой знак имеет четырёхуровневую структуру: материя знака **(1)**, идеальный, логический образ от этой материи или *фонема* **(2)**, идеальный, логический образ от отражаемого внешнего предмета или *понятие* **(3)**, сам реальный внешний предмет **(4)**. Между двумя внешними материальными предметами, именем знака и именем внешнего предмета, что одно и тоже (**1** и **4**), стоят два идеальных, логических образа, две логические формы мысли (**2** и **3**), связывающие по ассоциации два материальных объекта в единое явление (фонема и понятие). Эти противоречия разрешить под силу только языкзнанию, логике и философии .

Логика, как и математика, в высшей степени абстрактная наука, имеющая своим объектом взаимоотношения логических форм мысли. Возникает вопрос: в чём же здесь заключается взаимоотношение языка и логики, если все объекты, входящие в сферу изучения логики, уже содержатся в самом языке ? И тем не менее, взаимоотношение это существует в форме перекрещивания языка и логики, в форме накладывания одного объекта на другой. Здесь стоят главные вопросы, такие как: 1) соотношение логичких форм (понятий, суждений, умозаключений) с их знаковыми формами; 2) соотношение семантических, т.е. лексико-грамматических форм мысли с логическими формами мысли; 3) вопросы лингвистических универсалий; 4) соотношение вербальных и авербальных форм мысли; 4) проблемы перевода.

Между мыслью и структурой знаков отсутствует единство. Мысль и знаки взаимно связаны, но как они связаны, через какие формы или этапы ? Одно предполагает другое. В чём их специфическая связь ? Их отношения не симметричны. Так как мысль воспринимается, только будучи оформленной и актуализированной в знаках, возникает ворпрос: имеются ли в мысли какие-либо свойства, присущие только ему, и которые никак не зависят от их языкового выражения ? Если бы мы перечислили свойства мысли и присущие ей признаки, мы бы увидели, что она по определённым правилам соединяется со знаками, со структурой знаков.

1) Первое, что бросается в глаза, это отсутствие взаимосогласованности, т.е. одни и те же категории мышления выражаются в разных языковых связях, а одни и те же знаковые связи выражают разные мысли. Катеогории мысли остаются неизменными, а категории языка постоянно меняются.

2) Мышление имеет в своей основе категории универсальные, это понятия, суждения, умозаключения, а языковые категории являются а) категориями отдельного языка, б) и в то же время эти категории общечеловеческие.

6) Математики, физики отвергают естественный язык, так как он не удовлетворяет целям строгого мышления.

Логики исследуют условия истинности, которым должны удовлетворять высказывания, составляющие основу науки. Они отвергают обычный язык, как двусмысленный, неточный, неустойчивый и стремятся создать полностью символический язык. Но предмет изучения лингвистов – как раз этот обычный, неустойчивый язык, лингвисты рассматривают его как данный во всей его полноте.

Логика обедняет реальное содержание языка в том смысле, что речь выступает как конкретное, значит, более многообразное, более содержательное по отношению к логике. Формальная логика превратилась в науку о логических исчислениях, и не занимается конкретными языками. Логика занимается поиском логической правильности, но этим качествам язык не соответствует, это не входит в его задачу. Поэтому широкие области разных языков для логиков остались непознанными, хотя здесь лежит непочатый край взаимодействий различных логических форм с различными языковыми структурами в одном языке, не говоря уже о великом множестве других языков. Короче говоря, остаётся непознанной целая область взаимоотношений между языковыми знаками, мышленем, сознанием.

§ 2. Логические формы.

Лингвисты, как известно, редко занимались изучением проблем взаимодействия языковых и логических форм, которые относятся к одному и тому же объекту – мышлению. В связи с этим считаю небесполезым раскрыть в этой книге элементарные сведения о логических формах, чтобы лингвисту была понятнее практическая часть анализа взаимоотношений языка и логики, что и предпринято ниже.

1) Что такое логическая форма ?

Взаимодействие мезду языковыми знаками и логикой означает соотношение между структурными единицами языка (звук, буква, морфема, слово, простое предложение, сложное предложение) и структурными единицами логики (фонема, графема, морфонема, понятие, суждение, умозаключение). Структурные единицы языка – это материальные, чувственные единицы, а структурные единицы логики – это их идеальные или абстрактные, логические понятия, образованные от этих же материальных

единиц языка. В процессе коммуникации, как и в процессе познания, указаные единицы языка и логики постоянно взаимодействуют, они взаимно переходят друг в друга. Это неизбежный и вечный процесс в механизме комммуникации и познания, так устроен человек: в его мозгу нет никаких материальных языковых знаков, звуков, букв, все они представлены в мозгу в их идеальной, абстрактной, логической форме.

Форма мышления или логическая форма – это сложившаяся в процессе многовековой практики структура отображения в человеческом мышлении наиболее общих, чаще всего встречающихся отношений вещей объективного мира и их свойств. Логические формы и законы не пустая оболочка, а *отражение* объективного мира. « ... Практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения» [Ленин, 29 : 198].

Форма мысли – это нечто общее, нечто обобщающее для множества мыслей, различных по их предметным содержаниям. Грамматика оперирует м а т е р и а л ь н ы м и единицами языка и их семантическими значениями (звуки, буквы, морфемы, слова, предложения простые, предложения сложные), т.е. оперирует формальной стороной единичных слов и сочетаний слов. А логика оперирует и д е а л ь н ы м и образами тех же языковых единиц, отвлекаясь от конкретных значений единиц языка, выраженных в речи, при неограниченном разнообразии их содержаний.

Одна и та же структура мысли может быть выражена разными по содержанию предложениям. Или иначе: предложение с одним и тем же содержанием может выраажено разными логическими формами. Но при этом логический строй мысли не выбирается по произволу для того или иного содержания, а объективно определяется содержанием мысли по законам логики. Логическая форма – это сложившаяся в процессе многовековой практики структура отражения внешнего мира и внутреннего мира человека в его мышлении.

Логическая форма – не составная часть содержания предложения, а лишь с п о с о б с в я з и составных частей этого содержания, способ, посредством которого составные части содержания связываются между собою. Кроме установившихся в традиционной логике трёх форм мысли (понятие, суждение, умозаключение) диалектика познания и коммуникации требует по необходимости, в полной связи с реальным взаимодействием мышления и языка, дополнительно три новые логические формы мысли (все они отмечены в модели языкового знака как его структурные единицы **(2)** и **(3):** а) фонемы (звуковые понятия) **(2)**, б) графемы (буквенные понятия) **(2)**, в) морфонемы (морфемные понятия, которые приравниаются к словарным понятиям) **(3)**. Логика, таким образом, вместо трёх традиционных форм (понятия, суждения, умозаключения) должна оперировать шестью логическими формами мысли: фонемами, графемами, морфонемами, понятиями, суждениями, умозаключениями. Эти шесть логических форм и составляют формальный логический аппарат мышления человека во всех случаях его жизни. Для этих шести логических форм мысли неизбежно существуют также шесть их материальных эквивалентов, без которых их логические формы, их идеаьные образы, не существуют: звуки, буквы, морфемы, слова, предложения, сложные предложения или их эквиваленты – связь нескольких простых предложений.

Без первых трёх логических форм (фонем, графем, морфонем), как наинизших в иерархии всех логических форм, не может существовать ни одна высшая логическая форма – понятие, суждение, умозакючение. Эти три низшие логические формы – равноправные члены в логических рассуждениях, как и известные нам из традиции «старые» логические формы (понятия, суждеия, умозакючения).

Как могло случиться, что формальная логика, живущая уже 2300 лет со времён Аристотеля, игнорировала нижние, структурообразующие логические формы, без которых нет и высших логических форм ? Несмотря на то, что в основе логики и лингвистики лежит общий объект исследования – язык, логика, тем не менее, обособившись в самостоятельную науку, превратилась в чисто математическую науку со своими логическими законами и символами, и свелась всецело к науке об исчислениях. А для них эти три низшие формы мысли не нужны, исчисления начинаются с отдельных понятий. Но для теории языка первые три формы неизбежны.

В формальной логике известны только три логические формы мысли: понятия, суждения и умозаключения, которые в естесвенном языке представлены, соответственно, словами, предложениями и сложными предложениями. Это тройственное деление логических форм имеет своё основание – логики отошли от языковых проблем в своей науке и забыли, что сама логика родилась в недрах естественного языка. Формальная логика превратилась в своего рода математику, в логические исчисления, она занимается только логическими знаками (в математике – цифры), не связывая их со структурами естественного языка. А между тем, язык – более сложный организм, чем о нём думали древние греки, которые изобрели логику. Язык имеет чрезвычайно ухищрённую структуру, и не ограничивается лишь тремя известными логическими формами: уже низшая логическая форма, понятие, выражено сложной знаковой формой языка, оно состоит из более мелких единиц – морфем, а они, в свою очередь, из фонем. Отсюда неизбежно встал вопрос о реальном существовании новых логических форм – фонеме, графеме, морфонеме, представленных в языке соответственно, звуком, буквой, морфемой. Эти три низших логических формы и являются строительными элементами логических понятий.

2) Фонемы, графемы, морфонемы.

Эти три формы мысли, никогда не считавшиеся логическими, имеют тот же характер отношения с мышлением, что и традиционные формы мысли (понятия, суждения, умозаключения): вновь введённые формы логики, как и традиционные, непосредственно соотносятся с какой-либо формой мышления, участвуют в построеии всех без исключения логических форм. Некоторые лингвисты неверно полагают, что чем ниже уровень языка, тем более отдалённой является связь соответствующих языковых явлений с мышлением и тем большей будет степень самостоятельности соответствующих подсистем языка. Но как могут какие-то единицы языка «не соотноситься с формой мышления» и в то же время «иметь значение» ? Разве значение не имеет формы, а форма – своего значения ? Разве понятие «значение» не то же самое, что и понятие «мышление», которое не может существовать вне формы, а значит – логической формы ?

Однако не слово и его логический коррелят понятие является наинизшей единицей языковой и логической систем. Таковыми являются звук (буква) и морфема как часть слова (корень, аффикс) как единицы языка, стоящие ниже слова, коррелятами которых на логическом уровне являются фонема, графема и морфонема как более низкие логические формы по отношению к понятию. Эти логические формы в логике ни ранее, ни теперь не рассматривались как формы мысли, хотя таковыми являются: и фонемы, и графемы, и морфонемы не могут быть «бессмысленными» и не нести никакой информации: именно их присутствие или отсутствие меняет семантику слов (понятий). Они не могут находится вне мозга и, следовательно, должны представлять собою наименьшие, но в высшей степени обобщённые логические формы. Их можно назвать звуковым, графическим понятием и морфемным понятием. В интеллектуальных процессах фонема и графема представляют собой такую же

элементарную структурную единицу, как, скажем, клетка в системе организма (подробнее о фонеме см. выше, Глава 1, § 3).

3) Понятия.

Кроме своего семантического содержания, имеющего национальный характер, слово любой части речи в любом языке обладает также логической формой этого содержания, которое в логике называется «понятием», имеющем всеобщий, общечеловеческий, логический характер. Понятие – это форма мышления, в которой отражаются существенные, общие признаки отдельного предмета или класса однородных предметов. Образование понятий обозначает проникновение в сущность вещей и явлений, более глубокое обобщение и проникновение в законы материального мира и мышления.

Понятие есть основа интеллектуальной деятельности, та универсальная единица, без которой мышление как таковое невозможно. Понятие отличается высокой степенью абстрактности, оно способно отражать глубинные, сущностные стороны познаваемых предметов, явлений, качеств, отношений. Характерная черта понятия – с его помощью различные предметы, свойства, отношения отражаются в человеческом сознании через их существенные признаки. Понятия являются главным материалом для построения суждений, которые, в свою очередь, лежат в основе любого сообщения. Поэтому понятие можно рассматривать не только как познавательную единицу, но и как фундамент интеллектуально-речевой коммуникации в обществе.

4) Суждения.

Предложение не может быть не связанным с суждением: предложение постоянно в ы р а с т а е т из структуры суждения, является материальным внемозговым двойником логического суждения, находящегося в мозгу человека. Если бы предложение не было связано с суждением, оно не могло бы выполнять своего назначения – формировать, выражать и сообщать слушателю и читателю мысли авторов.

В каждом предложении есть группа слов, выражающая предмет нашей мысли **(S)**, и группа слов, выражающая свойства предметов нашей мысли **(P)**, т.е. то, что приписывается предмету нашей мысли как некоторое её свойство. Таким образом, в каждой простой мысли имеется два основных элемента: отображение предмета (реального или мнимого) **(S)** и отображение того или иного свойства этого предмета (реального или мнимого) **(P)**. Выявляя логическую форму мысли и отвлекаясь для этого от всякой конкретности в содержании мысли, мы не отвлекаемся от всякого содержания в о о б щ е. Содержание всегда имеет семантическую и логическую форму. Значит, сама форма мысли содержательна. Она представляет собой о б щ и й с м ы с л некоторого множества мыслей, различающихся по своему конкретному содержанию. В суждениях – это утверждение или отрицание существования определённого логического отношения. Чтобы выявить логическую форму мысли, надо отвлечься от всякой конкретности её содержания а также от грамматической формы. В результате такой операции мы получаем общие схемы: «Все S есть P», или «Все S не есть P», или «Некоторые S есть P », или «Некоторые S не есть P», которые и представляют логическую форму этих суждений.

Простое предложение выражает суждение **S – P**, это и есть его логическое содержание. Однако между структурой суждения **S – P** и грамматической структурой предложения нет параллелизма, предложение не повторяет структуру мысли **S – P**. Движение мысли не совпадает прямо и непосредственно с развёртыванием речи. Единицы мысли и единицы речи не совпадают. Один и другой процессы обнаруживают единство, но не тождество. Двучленное деление суждений на субъект, о котором идёт

речь, **(S)** и предикат, раскрывающий свойства и признаки субъекта, **(P)** – единый логический закон для всех языков. Структура субъектно-предикатного суждения **S – P** всегда двучленна. Всякая мысль стремится соединить что-то с чем-то, имеет движение, развёртывание, устанавливает отношение между чем-то и чем-то, выполняет какую-то функцию, работу, решает какую-то задачу. Подлежащее и сказуемое предложения не всегда совпадают с субъектом и предикатом суждения, потому что подлежащее и сказуемое формируются структурой языка, синтаксической и морфологической структурой предложения, а структура суждения формируется структурой мысли, субъектом и предикатом в суждении служит данное и новое, известное и то, что предицируется.

Логическое суждение может быть выражено также односоставным (одночленным, безличным, бесподлежащным, номинативным, эллиптическим) предложением (*Пожар !; Светает.; Вечер.; Тишина*.). Например, в предложении «*Пожар !* » нет подлежащего, значит – нет субъекта суждения. Однако в мыслях, в мозгу он притсутствует, иначе предложение не было бы понятным (он выделен жирным курсивом): «***То, что я сейчас вижу,*** это – пожар». Однако он представлен не в языке, а в нашем непосредственном, чувственном мышлении как непосредственное отражение мозгом реальной действительности. Но если в чувственном мышлении, – значит и в абстрактном, логическом мышлении, потому что наше чувственное восприятие сразу же становится фактом нашего сознания. Логика должна подвести «одночлен» под двухстороннюю схему, дополнить субъект «из обстановки», превратив его в понятие, способное выполнять роль субъекта в логическом суждении. Субъект может быть понят из ситуации, а это означает, что в мысли он обязательно есть (иначе не может состояться суждение). Во всех одночленных предложениях присутствуют только предикаты, как цель сообщения, а субъекты выводится из ситуации.

Логическая наука давно разработала теорию судений, их виды, типы, фигуры, модусы, модели а также правила упоребления суждений в умозаключениях. Так как я здесь покажу взаимодействие языковых и логических форм, то для читателя было бы небесполезно увидеть, как его родной или иной язык использует свои ресурсы для выражения разных форм мысли. Начну с демонстрации основных типов таких логических суждений, знакомство с которыми даст читателю ключ к пониманию функционирования умозаключений.

Существуют следующие типы суждений: 1) общие (*все* S есть P; *все* S не есть P), 2) частные (*некоторые* S есть P; *некоторые* S не есть P); 3) единичные (*это* S есть P; *это* S не есть P). Но по правилам логики все единичные суждения в логических рассуждениях относятся к общим суждениям и не выделяются в отдельную группу.

Формы выражения общих, частных и единичных суждений в естественном языке могут быть самыми различными.

Для выражения общих суждений употребляются а) именные квантификаторы*: все, все без исключения, каждый, всякий, любой, сумма всех, все вместе, все друг с другом, каждый, каждый отдельный;* б) наречные квантификаторы: *всего, вместе;* в) глагольные квантификаторы: *для всех ... верно, для всех ... действительно.*

Для выражения частных суждений употребляются а) именные квантификаторы: *большинство, меньшинство, немало, не все, многие, почти все, почти никто, почти большинство, почти меньшинство, немногие, весьма немногие, кое-кто, несколько, некоторые, часть из;* б) наречные квантификаторы: *частично*; в) глагольные квантификаторы: *имеются, не имеются, есть, не есть*.

Субъектно-предикатные суждения всегда характеризуются двумя признаками: по количеству (общие – *все*, частные – *некоторые*, единичные – *этот, Иван*) и по качеству (утвердительные и отрицательные). Так как каждое суждение по объединённой характеристике суждений одновременно характеризуется двумя свойствами (количеством и качеством), то в логике все суждения принято классифицировать с учётом обеих этих характеристик, т.е. учитывать одновременно связь количества и качества. Всего, таким образом, различают четыре типа суждений, обозначаемых символами **A, E, I, O**, представляющих собою одну из гласных латинского алфавита.

1) Общеутвердительное (**A**) – по первой гласной букве латинского слова **a**ffirmo («Я утверждаю»). Это суждение – общее по количеству («*все* S») и утвердительное по качеству («*суть, есть, являются*»). Формула: «Все S суть P». Более сокращённо эта формула имеет вариант, принятый в логике: « S **a** P», т.е. это субъект и предикат в общеутвердительном суждении (**A**): «*Все* люди смертны».

2) Общеотрицательное (**E**) – по первой гласной букве латинского слова n **e**go («Я отрицаю»). Это суждение – общее по количеству («*все* S») и отрицательное по качеству (*«не есть, не являются, не суть»*). Формула: «Ни одно S не есть P» (сокращённо: S **e** P): «*Ни один* человек *не* живёт вечно».

3) Частноутвердительное (**I**) – по второй гласной букве латинского слова aff**i**rmo («Я утверждаю»). Это суждение – частное по количеству («*некоторые* S, *некоторые из* S») и утвердительное по качеству («*суть, есть, являются*»). Формула: «Некоторые S суть P» (сокращённо: S **i** P): «*Некоторые* женщины *являются* блондинками».

4) Частноотрицательное (**O**) – по второй гласной букве латинского слова neg**o** («Я отрицаю»). Это суждение – частное по количеству («*некоторые* S, *некоторые из* S») и отрицательное по качеству («*не есть, не суть, не являются*»). Формула: «Некоторые S не есть P» (сокращённо: S **o** P): «*Некоторые* женщины *не являются* блондинками».

В умозаключениях используются лишь два варианта количественной характеристики посылок и, следовательно, входящих в посылки терминов (два квантора): либо *все*, либо *некоторые* объекты какого-то класса (все единичные суждения по правилам логики относятся к общим; это я особенно подчёркиваю, так как практический анализ естественных языков – см. ниже – в основной степени основан именно на этом правиле).

§ 3. Теория умозаключения.

1) Что такое умозаключение (силлогизм) ?

Работа головного мозга человека непостижима современной наукой. До сих пор мы не можем проследить, что происходит в головном мозге человека, когда он думает. Теория умозаключений является одним из логических, языковых способов проследить эту работу. Умозаключение – один из способов увидеть работу головного мозга. Средствами современной формальной логики можно исследовать и описать работу нейронных сетей. В дедуктивном умозаключении между посылками и заключением имеет место отношение логического следования, т.е. сама логическая форма этих умозаключений обеспечивает сохранение истинности при выведении заключения из посылок.

Чтобы правильно делать умозаключения, нужно знать законы и правила, по которым они выводятся, чем и занимается формальная логика. Она изучает мышление с точки зрения того, каким условиям оно должно удовлетворять, чтобы обеспечить

открытие истины. В мышлении логика изучает структуры, формы мысли, т.е. такие связи между мыслями, которые не зависят от их конкретного содержания. Предмет логики отличается от предмета всех прочих наук (физики, химии, биологии, истории) тем, что логика исследует не закономерности объективного мира (природы и общества), а законы и формы мышления – высшего продукта особым образом организованной материи – мозга. Соблюдение законов логики есть необходимое условие познания действительности. Логика не занимается тем, истинны или ложны посылки в умозаключении. Она лишь утверждает, что в случае истинности посылок будет истинным и заключение, и наоборот, в случае ложности посылок ложным будет и заключение. Предметом науки логики являются законы процесса выведения одних знаний из других, как истинных, так и ложных. И в этом её огромное значение для других наук. Как пишет Г.Клаус, проверка истинности суждения «*Сегодня четверг*» не есть задача логики. Но если окажется, что сегодня действительно *четверг*, то отсюда логически вытекает, что завтра будет *пятница* [Клаус 1960 : 38, 316].

В умозаключении «Все люди смертны. Сократ – человек. Сократ смертен»» заключён в скрытой форме реальный процесс мышления как познания. Это дедуктивное доказательство есть обобщение, так как оно распространяет положение, действительное для многих объектов, на другие, аналогичные, являющиеся частным случаем общего, без всякой проверки, автоматически. На самом же деле это возможно только благодаря мышлению человека, который может выйти за пределы непосредственного впечатления, проникнуть вглубь вещей, вскрыть сложные связи и отношения, недоступные непосредственному наблюдению. Но логические формы мышления, вооружённого языковыми знаками, ассоциативно связанными с мыслями, позволяют делать выводы на основе логических рассуждений, не обращаясь к своему собственному чувственному опыту. Мозг через свои знаки осуществляет операции вывода, не опираясь на непосредственные впечатления. Языковые знаки создают возможность образования сложнейших форм мышления – силлогизмов, полисиллогизмов, энтимем, эпихейрем.

Силлогизм – это форма дедуктивного умозаключения, в которой из двух высказываний (посылок) следует новое высказывание (заключение). Умозаключение – логическая форма получения выводного знания, состоящая в переходе от известных исходных данных к новому знанию, вытекающего из этих данных. Структуру умозаключения составляют суждения, называемые посылками или основаниями. Умозаключение – это форма мышления, когда из одного или нескольких суждений получают новое суждение, с необходимостью следующее из них. В основе любого умозаключения всегда лежат причинно-следственные связи. Поэтому для правильного определения умозаключения или точнее – для каждого конкретного случая выражения логического умозаключения в естественном языке мы должны видеть в основе этого умозаключения причину. «Причина» и «следствие» – философские категории, отражающие одну из форм всеобщей связи и взаимодействия явлений. Под причиной (causa) понимается явление, действие которого вызывает, определяет, производит или влечёт за собой другое явление, называемое следствием. Перенесённые на почву формальной логики, эти понятия получили наименование «посылки» и «заключения».

Дедуктивное умозаключение – это процесс выведения мысли, в результате которого с необходимостью выводится заключение от знания большей степени общности к знаниям меньшей степени общности, от общих положений к частным случаям.

Представленная в структуре умозаключения линейная последовательность суждений с логической точки зрения несущественна, т.е. расположение причинных суждений (посылок) и следственных суждений (заключений) одно по отношению к другому с точки зрения логики совершенно безразлично (как и в математике: от перестановки слагаемых сумма не меняется), оно имеет в естественном языке лишь стилистическое значение.

2) Правильные и истинные умозаключения с точки зрения формальной логики.

Наиболее сложным вопросом в соотношении форм естественного языка и форм логики является вопрос о том, как правильно восстановить энтимемы, в которых опущена большая посылка (иногда это – меньшая посылка или заключение), в полные силлогизмы, не нарушив правил логической процедуры. Этот вопрос сводится в конечном счёте к вопросу: чем занимается формальная логика – правильными (т.е. правильно построенными по формально-логической процедуре) или истинными (т.е. соответствующими действительности, доказанными, априорными) умозаключениями. Логика, в отличие от психологии, исследует не самый процесс индивидуального мышления, как он проходит в индивидуальном мозгу, а лишь те общие законы, которым подчиняется правильное мышление, лежащее в конечном счёте в основе всех наших сегодняшних знаний о мире и о человеческом мозге.

Далеко не все лингвисты и логики одинаково понимают, что такое «умозаключение в естественном языке». Я подчёркиваю – именно в естественном языке. Логика как наука всегда была вотчиной логиков и философов. Логики всегда обходили язык стороной, считали его ненужным для логического анализа, потому что в языке «творится беззаконие», там нет строгих, однозначных форм, кругом гуляет многозначность, а она противоречит точности и однозначности логических формулировок. Для лингвистов же вход в логику был закрыт, вернее – они сами туда не хотели входить, потому что считали логику наукой инородной для языкознания, а некоторые лингвисты и сейчас ещё боятся как чёрт ладана хоть как-то внести элементы логики в языкознание.

Из-за боязни внести в логику ущербные, с их точки зрения, свойства есетсвенного языка, логики пользовались лишь выверенными и общепринятыми фразами марксистского жаргона. Поэтому в самой логике, изобилующей неестественными, «деревянными» примерами, далёкими от реальной языковой практики, никогда не исследовались, или хотя бы приводились в качестве примеров предложения естественного языка. Вследствие этого формы языка не у всех лингвистов ассоциируются с определёнными логическими формами. Это связано, во-вторых, с тем, что в естественном языке умозаключения не лежат на поверхности. Главное место среди всех элиминированных в тексте мыслей в виде форм невербального мышления занимают умозаключения, всегда представленные в сокращённой форме – в виде энтимем, которые можно восстановить, лишь хорошо разобравшись в формальной логике, в её формах и категориях.

Для формальной логики единственно необходимо – правильное формальное построение логической процедуры получения выводного знания, и получения правильного вывода, без обращения к содержанию суждений. Область формальной логитки – построение правильного, но не истинного умозаключения: правильное умозаключение – его соответствие законам формальной логики, истинное умозаключение – его соответствие законам объективной действительности, но этим последним вопросом занимается не формальная логика, а другие науки. В естественном же языке неистинные

или ложные умозаключения представлены сплошь и рядом. Это объясняется тем, что человек в своей повседневной интеллектуально-речевой практике решает не научные проблемы, а устанавливает причинно-следственные связи между вещами и событиями, руководствуясь или сугубо личными взглядами на вещи и события, или использует непроверенные и недоказанные факты, или опирается только на свой «здравый смысл», который для научных целей не годится. Но для языковой системы это безразлично, она в этом случае служит человеку не для познания законов мира, а в основном для общения с себе подобными.

Формальную логику не интересует, является ли умозаключение истинным или ложным, для неё неважно, является ли снег «белым» или «чёрным». Установить эти истины – дело других наук а также практики. Для формальной логики важно, чтобы умозаключение было построено формально правильно, по законам формальной логики.

Большие посылки, восстановленные здесь мною по жёстким правилам формальной логики, некоторым читателям покажутся как противоречащие «здравому смыслу», «анекдотическими». Но так, действительно, говорят и пишут люди. Формальная логика – это не семантико-грамматические формы нашего повседневного практического языка, а это формальная процедура построения непротиворечивого исходным посылкам (а не действительности !) вывода.

3) В чём трудность обнаружения и исследования сокращённых силлогизмов (энтимем) в естественном языке ?

Полных умозаключений в естественном языке почти нет, все они представлены энтимемами. В этом и состоит трудная задача исследователя – найти умозаключения в структурах языка и построить из них умозаключения по правилам формальной логики. Но как это сделать ? Прежде всего надо обнаружить все причинно-следственные семантические связи в тексте. Вот только некоторые трудные примеры таких поисков.

В семантическом значении предложений *Яков Лукич, одетый в старую куртку, стоял молча; Мальчик побежал, подпрыгивая* мы при всём нашем желании не сможем обнаружить причины, по которой *Яков Лукич стоял молча* или по которой *мальчик побежал.* Однако в тех же синтаксических построениях, но с частично изменённым лексическим наполнением, мы тотчас обнаруживаем причину «молчания» *Якова Лукича* и «бега» *мальчика*: *Яков Лукич, **взволнованный известием**, стоял молча; Мальчик, **испугавшись**, побежал.* Семантическое значение выделенных слов указывает на причину действия, а семантическое значение всех остальных слов – на следствие этой причины. Аналогичная ситуация возможна также в простых предложениях с предложно-субстантивными конструкциями: ***Из-за угла** показался человек* (нет указания на причину); « *...плакала она **из-за зависти»*** (А.Чехов) (есть указание на причину).

Предельным сокращением умозаключения может быть энтимема, состоящая лишь из заключения. В этом плане интересно замечание логика: «Видя ***чисто небо*** (чувственная форма мысли), мы заключаем: ***Погода** будет **хорошей*** (абстрактная форма мысли) Это дедуктивное объяснение, но до предела сжатое. Опущено общее утверждение или первая посылка: *Всегда, когда небо чистое, стоит хорошая погода.* Опущена посылка *Небо чистое.* Оба эти утверждения очевидны, их незачем произносить вслух» [Ивин 1988 : 39].

Но умозаключение может быть выражено и чисто лексическими средствами. Ни одно из двух предложений *Стояла сильная жара. В лесу было прохладно* не выступает по отношению друг к другу ни как причина, ни как следствие. Но если второе

предложение (*В лесу было прохладно*) заменить на предложение *Ребята пошли на реку купаться*, то мы сразу же восстанавливаем между этими двумя предложениями причинно-следственное отношение: *Стояла сильная жара* (причина). *Ребята пошли на реку купаться* (следствие). Эти два семантически взаимосвязанные предложения могли бы иметь самую различную языковую форму: ***Так как (поскольку, вследствие того что)*** *стояла сильная жара,* ***то*** *ребята пошли на реку купаться; Стояла сильная жара,* ***поэтому (потому, вследствие этого, из-за этого следовательно)*** *ребята пошли на реку купаться;* ***Из-за*** *сильной жары ребята пошли на реку купаться.* Естественный язык являет нам удивительное многообразие форм, в которых мы тут же обнаруживаем такие семантические «блоки», «куски», «отрезки», даже иногда независимо от синтаксических построений, в которых мы тут же узнаём взаимодействие причины и следствия. Это ещё раз подтверждает высказанную выше мысль: насколько лингвисты и логики суживают возможности языка как внешнего материального средства выражения умозаключений, как лингвисты и логики не видят реальных богатейших возможностей для исследования взаимоотношений языка и мышления.

А. Арно и К. Лансло в «Грамматике Пор – Рояль» разбирают предложение Dieu invisible a créé le monde visible и пишут: «В моём сознании проходят три суждения, заключённые в этом предложении. Ибо я утверждаю: 1) что Бог невидим; 2) что он создал мир; 3) что мир видим. ... Итак, подобные придаточные предложения часто присутствуют л и ш ь в н а ш е м с о з н а н и и (разр. моя, – А.К.), но не выражены словами, как в предложенном примере» [Арно, Лансло 1990 : 130].

4) Формальные языковые маркеры силлогизмов.

Некоторые лингвисты признают возможной для умозаключения только одну форму – цепь законченных предложений-суждений, объединённых с м ы с л о в о й, но не формальной причинно-следственной связью: *Все металлы плавки. Медь – металл. Следовательно, медь правка*. Считается, что каузальные отношения не имеют грамматического выражения, будто для выражения умозаключения нет в языке определённой логической формы. Некоторые лингвисты и логики, напротив, считают, что в языке имеются средства для строго определённых форм мышления: « ... чтобы описать выражение логических форм суждения, понятия и умозаключения, необходимо найти соответствие между названными логическими формами и грамматическими формами. Так обычно и понимают задачу, сопоставляя суждение с предложением, понятие со словом, умозаключение со сложным предложением или со связью предложений» [Ахманов 1957 : 185 - 186]. Логические формы мысли заложены в самой семантико-грамматической структуре языка. Прежде чем быть выделенными и названными, формы мысли должны быть уже выражены в речи средствами языка.

Формальные средства естественного языка для выражения понятий, суждений и умозаключений чрезвычайно разнообразны. Они образуют определённую иерархическую систему, причём каждое языковое средство как бы с п е ц и а л и з и р у е т с я для выражения определённых логических форм. Есть немало также средств, служащих о д н о з н а ч н ы м показателем логического содержания и формы мысли. Если бы было иначе, то как бы люди понимали друг друга, иначе ведь нет другого способа мыслить самому и передавать мысль другому человеку, кроме как ч е р е з ф о р м ы я з ы к а? Давно известна а к с и о м а, что более или менее определённые формы языка коррелируют, а следовательно, и служат средством выражения более или менее определённых форм мысли: слово – это логическое понятие, предложение – это логическое суждение, причинно-следственное сложное предложения – это умозаключение. Без логического мышления, т.е. его логических форм нет человека. Логических форм

нет без языковых форм. Следовательно, отрицать наличие в языке вообще отсутствие строго определённых языковых форм для выражения строго определённых логических форм равносильно отрицанию существования человека вообще.

5) Структура энтимем в естественном языке и их формализация.

В основе использования энтимем в тексте лежат языковые и психологические причины. Полные умозаключения содержат в большинстве случаев общеизвестное, что для читателя и слушателя скучно. Энтимемы же заставляют читателя и слушателя самостоятельно думать и повышают его интерес к сказанному. Автор, который приводит только две и тем более только одну посылку для своего умозаключения, должен прежде всего сам знать, понимать, или держать в голове остальные посылки. Он должен быть убеждён, что и читатели знают эти пропущенные посылки и могут без труда их восстановить.

Связь языка и логики нагляднее всего показать на примере силлогизма, и посмотреть, как умозаключение построено в языке, и как оно же выглядит в логике. Так как это энтимема (а их большинство), то большая посылка (чаще всего) элиминирована. Это значит: а) одно суждение всегда выпадает, б) но оно всегда подразумевается, т.е. это факт авербального мышления, в) это значит, что безъязыковое мышление – важнейший закон функционирования языка, знаков, г) следовательно, существует экономия языковых знаков, материи языка.

Энтимемой в формальной логике называют сокращённый силлогизм, в котором опущено одно из суждений – большая посылка, меньшая посылка или заключение. Чаще всего бывает опущенной большая посылка (см. ниже, опущенные суждения стоят в квадратных скобках, **S** – субъект, **P** – предикат, **M** – средний термин). Примеры энтимем с опущенными суждениями, которые выступают в разных логических функциях:

1. Сегодня сильный мороз, поэтому надо одеваться тепло (опущена б о л ь ш а я п о с ы л к а):
(1) [*В сильный* ***мороз*** (M) – *все люди одеваются тепло* (P)].
(2) *Сегодня* (S) – *сильный* ***мороз*** (M).
---
(3) *Поэтому сегодня* (S) – *надо одеваться тепло* (P).

2. Занятие спортом укрепляет здоровье, поэтому плавание укрепляет здоровье (несколько реже опускается м е н ь ш а я п о с ы л к а):
(1) *Занятие* ***спортом*** (M) – *укрепляет здоровье* (P).
(2) [*Плавание* (S) – *это вид* ***спорта*** (M)].
---
(3) *Поэтому плавание* (S) – *укрепляет здоровье* (P).

3. Занятие спортом укрепляет здоровье, а мы все занимаемся спортом (ещё реже опускается з а к л ю ч е н и е):
(1) *Занятие* ***спортом*** (M) – *укрепляет здоровье* (P).
(2) *Мы* (S) – *занимаемся* ***спортом*** (M).
---
(3) [*Следовательно, мы* (S) – *укрепляем наше здоровье* (P)].

Так как в реальной практике в речи чаще всего встречаются энтимемы, то это обстоятельство затрудняет уже первую процедуру – стандартизованную запись силлогизмов, что влияет на выбор общего направления анализа. Превращение энтимем в силлогизмы – сложная процедура, так как разные люди обладают неодинаковыми знаниями и навыками мышления. Вследствие этого иногда трудно ответить на вопрос, присутствует ли необходимая непосредственная зависимость между посылками, т.е. мыслями или эта зависимость скрыта неочевидными пропусками каких-то элементов мысли. Некоторые авторы сравнивают восстановление энтимем в полные силлогизмы с «доказательством теоремы» [Свинцов 1987 : 195]. Другие авторы образно пишут: «Попытку восстановить опущенные в тексте логические связи можно сравнить с работой детектива, который имеет дело с набором разрозненных фактов и должен найти способ объединить их с помощью причинных связей в единую правдоподобную версию» [Дорофеев, Мартемьянов 1969 : 37]. «Пропущенные и позабытые посылки и промежуточные шаги бывают столь многочисленны, что лишь вышколенный ум в состоянии придти таким путём к правдоподобным заключениям. Способность интуиции должна быть хорошо развита, и только чрезвычайно логический интеллект способен достичь этого» [Бунге 1967 : 117]. Так как энтимемы выражаются в самых различных языковых формах, часто совершенно неожиданных, то, чтобы уметь правильно выделить логическую форму умозаключения, необходим самый тщательный анализ имплицитного смысла, который легко ускользает от взгляда исследователя.

Чтобы показать читателю реальные, практические пути взаимодействия языковыых структур с логическими формами мысли, моя задача состояла в конкретной разработке чёткой процедуры а) распознавания умозаключений в тексте художественного произведения, б) установления особенностей лингвистической характеристики умозаключения, в) определения типа умозаключения, г) определения формы умозаключения (модус, фигура). Однако ни в языкознании, ни в логике аналогичные процедуры логического анализа умозаключений в естественном языке ещё никем не осуществлёны и в ближайшие годы этого ждать не приходится (эти вопросы подробно исследованы на материале русского и немецкого языков в работах: Кривоносов, 1991, 1996, 2006).

Практически человек мыслит почти исключительно энтимемами. Если бы он мыслил полными, трёхчленными силлогизмами, избегал бы энтимем и держал бы в голове в полной готовности все три посылки, то его речь была бы смешна, абсурдна, с множеством излишних и ненужных слов, известных как само собою разумеющиеся аксиомы.

6) Фигуры и модусы силлогизма.

Простой категорический силлогизм состоит из трёх суждений (большей посылки, меньшей посылки и заключения) и из трёх терминов (понятий), – двух крайних (S, P) и одного среднего (M), который всегда стоит между двумя крайними терминами, устанавливая между ними связь, являясь «мостом» между ними. А так как сами эти крайние термины (S, P) могут занимать по отношению друг к другу различные позиции, то средний термин (M), занимая место между ними, сам будет стоять в разных отношениях к крайним терминам. Поэтому в зависимости от положения среднего термина (M) по отношению к крайним терминам (S, P), которые всегда переходят в заключение, различают фигуры силлогизма.

В зависимости от местоположения среднего термина (M) по отношению к крайним терминам (S, P) различают четыре фигуры простого категорического силлогизма. Но здесь будут рассмотрены только первые две из четырёх фигур, которые

в обследованном мною корпусе русского и немецкого языкового материала нашли наибольшую практическую реализацию.

		I фигура	II фигура
(1)	большая посылка:	**M** -------- P	P -------- **M**
(2)	меньшая посылка:	S -------- **M**	S -------- **M**
		---	---
(3)	заключение:	S -------- P	S -------- P

В умозаключениях I фигуры средний термин (M) выступает в функции субъекта (S) большей посылки и предиката (P) меньшей посылки. В умозаключениях II фигуры средний термин (M) – предикат обеих посылок.

Каждая фигура силлогизма, в свою очередь, образована несколькими модусами (лат. слово modus – «способ»), различающихся по типу входящих в силлогизм суждений. Так как в силлогизм входят три суждения (две посылки и заключение), то каждый модус обозначается тремя гласными латинскими буквами, каждая из которых обозначает одновременно количество и качество данного суждения и каждая из которых соответствует одному из суждений силлогизма (см. выше типы суждений и их обозначения гласными буквами A, E, I, O). Модусы – это разновидность фигур логического силлогизма, отличающиеся друг от друга одновременно качественной и количественной характеристикой входящих в них посылок и заключения. В каждом силлогизме содержатся три суждения и каждое из них может быть одним из четырёх типов суждений: A, E, I, O.

В современной формальной логике в четырёх фигурах было доказано 19 правильных простых категорических силлогизмов. Чтобы запомнить все 19 модусов, в средние века логики присвоили им мнемонические названия, в которых все гласные буквы отражают тип суждения одновременно по качеству и количеству (см. выше „типы сужений“). На материале естественных языков (русский и немецкий) было обнаружено лишь три модуса: два – I фигуры и один – II фигуры, которые обозначаются следующими сочетаниями суждений (и присвоенных им буквенных обозначений).

I фигура: 1 модус: **A, A, A** (модус B**a**rb**a**r**a**);
2 модус: **E, A, E** (модус C**e**l**a**r**e**nt);
II фигура: 2 модус: **A, E, E** (модус C**a**m**e**str**e**s).

Каждая фигура силлогизма согласно своей логической структуре, т.е. по наличию тех или иных буквенных символов и по их взаимному расположению имеет определённый смысл в процессе нашего мышления и, следовательно, свои особые правила. Умозаключения I фигуры рассматриваются в логике как образующие основу всей силлогистики. Они образуют аксиому силлогизма: то, что утверждается (отрицается) относительно всех объектов некоторого множества, должно утверждаться (отрицаться) и относительно каждого объекта данного множества.

§ 4. Логические умозаключения в формах естественного языка.

Умозаключение в формах естественного языка – один из способов увидеть работу головного мозга. Теперь, рассмотрев природу логических форм, процедуру реального

анализа взаимодействия языка и логики, структуру умозаключений и правил их построения, мы переходим к практическому логическому анализу предложений живого языка, а не придуманных логиками искусственных предложений, подобных этому: «Социализм победит во всём мире, и капитализм пректатит своё уществование». Эта коньюнкция истинна, так как оба высказывания истинны» [Зегет, 1985 :51].

1) Простое категорическое умозаключение (силлогизм).

1. Признаки простого категорического силлогизма.

В лингвистических и логических исследованиях отсутствуют примеры анализа того, как функционируют логические умозаключения в естественном языке. В современной формальной логике различают три вида дедуктивных логических умозаключений : 1) простой категорический силлогизм, 2) условно-категорическое умозаключение, 3) разделительно-категорическое умозаключение. Первый из них, который может быть исследован только субъектно-предикатной Аристотелевской логикой, занимает ведущее положение как по его сложности и многообразию видов и типов, так и по частотности фактического функционирования в естественном языке. Условно-категорическое и разделительно-категорическое умозаключения исследуются только средствами логики высказываний, так как в умозаключениях данного типа устанавливаются соотношения только между суждениями, но не понятиями, как в субъектно-предикатной логике (подробно об обязательных признаках умозаключений см. в книге: [Кривоносов 2001 : 43 - 51]).

2. Простое категорическое умозаключение в формах русского языка.

Модус Barbara

Формула модуса B**a**rb**a**r**a:** все суждения **–** общеутвердительные **(a)**.
Большая посылка: (1) **Человек** (M) – смертен (P) **(a)**
Меньшая посылка: (2) Сократ (S) – **человек** (M) **(a)**

Заключение: (3) Сократ (S) – смертен (P) **(a)**

Модель (2) – (3)

Здесь и далее цифровые обозначения в скобках: (1) большая, первая посылка, (2) – меньшая, вторая посылка, (3) – заключение. В квадратных скобках [ ] помещается опущенное в энтимеме суждение. Выделяются жирным шрифтом все формальные языковые средства логических силлогизмов.

1. Энтимема выражена д в у м я самостоятельными предложениями: (2) *Становилось темно*. (3) *Далёкие предметы постепенно растворялись во мгле* (И.Тургенев) → (1) [В темноте предметы растворяются]. (2) Становилось темно. (3) Предметы растворялись.

2. Энтимема выражена с л о ж н о п о д ч и н ё н н ы м предложением (союзы *так как, поскольку, потому что, ибо, оттого что, судя по тому что, тем более что, тем паче что, под видом того что, под предлогом того что, до того ... что,* и др.): (2) ***Так как*** *в комнате было совсем темно*, (3) *положила руки ему на плечи* (А.Толстой) → (1) [Чтобы не упасть в тёмной комнате, опираются на плечи других]. (2) В комнате было темно. (3) Она положила ему руки на плечи.

3. Энтимема выражена с л о ж н о с о ч и н ё н н ы м предложением: (2) *Была среда, день постный*, (3) ***и поэтому*** *бабушке подали постный борщ и леща с кашей* (А.Чехов). → (1) [В постный день подают постные блюда]. (2) День был постный. (3) Подали постное блюдо.

4. Энтимема выражена п р о с т ы м предложением.

а) Простые предложения, состоящие из предикативного ядра и обособленных оборотов. аа) Обособленный причастный оборот: (2) ***Ошеломлённый буйным натиском***, (3) *Фома растерялся* (М.Горький). → (1) [Все ошеломлённые натиском, теряются]. (2) Он ошеломлён натиском. (3) Он растерялся. бб) Обособленный деепричастный оборот совершенного и несовершенного вида: (2) ***Стесняясь своей лжи,*** (3) *он ёрзал в седле* (А.Фадеев). → (1) [Кто стыдится лжи, тот ёрзает в седле]. (2) Он стыдился своей лжи. (3) Он ёрзал в седле. вв) Обособленное приложение: (2) ***Человек партии***, (3) *я признаю только суд моей партии* (М.Горький). → (1) [Партийный человек признаёт только суд своей партии]. (2) Он человек партии. (3) Он признаёт только суд своей партии. гг) Адъективные обороты: (2) ***Довольный произведенным впечатлением***, *(3) Жиров пустился в подробности* (А.Толстой). → (1) [Кто доволен произведенным впечатлением, тот пускается в подробности.]. (2) Он доволен произведенным впечатлением. (3) Он пустился в подробности.

б) Простое предложение с предложно-субстантивным сочетанием (предлоги: *от, из-за, судя по, ввиду, вследствие, благодаря, в силу, в связи, в результате, по причине, от причины, по случаю, по поводу, после, при, ради* и др). (2) ***От боли*** *и напряжения (3) через несколько шагов начинало кружить голову* (Б. Полевой). → (1) [От боли кружит голову]. (2) Он испытывал боль. (3) У него кружилась голова. Ср. также предложные сочетания: ***от*** *мысли,* ***от*** *радостных слов,* ***от*** *жары,* ***от*** *жажды,* ***от*** *ветра,* ***от*** *пыли.*

в) Простые предложения с опорным словом, выступающим в функции логического основания: в функции таких опорных слов выступают существительные, прилагательные, местоименные наречия *сгоряча, сдуру, сглупа, спьяна, сослепа, спроста, спросонья* и др. (2) *Этот Иванов своею* ***разговорчивостью*** (3) *спасал всех* ... (В. Вересаев). Ср. также: (2) ... ***Упругая*** *сталь* (3) *неизменно выпрямлялась ... и вырывалась из его пальцев* (А. Толстой); (2) ***Холодный*** *снег* (3) *жёг её пальцы* (М.Горький).

Модель (3) – (2)

1. Энтимема выражена д в у м я самостоятельными предложениями: (3) *Писатель пробормотал что-то неясное*. (2) *Он был застигнут врасплох* (К. Паустовский). → (1) [Все люди, застигнутые врасплох, теряются]. (2) Писатель был застигнут врасплох. (3) Он растерялся.

2. Энтимема выражена с л о ж н о п о д ч и н ё н н ы м предложением: (3) *Он говорил зычно*, (2) ***так как*** *был туговат на ухо* (М. Шолохов). → (1) [Все туговатые на ухо говорят зычно]. (2) Он был туговат на ухо. (3) Он говорил зычно.

3. Энтимема выражена с л о ж н о с о ч и н ё н н ы м предложением: (3) *Очевидно, он пришёл теперь прямо с завода:* (2) *лицо у него было смуглое от копоти* (А.Чехов). → (1) [По копоти на лице можно узнать, что человек пришёл с завода]. (2) Лицо у него было в копоти. (3) Он пришёл с завода.

4. Энтимема выражена простым предложением.

а) Простое предложение состоит из предикативного ядра и обособленных оборотов. аа) Обособленный причастный оборот: (3) *Сильно бились сердца их*, (2) ***стеснённые предчувствием*** (М. Лермонтов). → (1) [У всех, у кого какое-то

предчувствие, сильно бьются сердца]. (2) Их сердца стеснены предчувствием. (3) Их сердца сильно бились. бб) Обособленный деепричастный оборот совершенного и несовершенного вида: (3) *Василиса Егоровна оставила меня в покое*, (2) ***видя моё упрямство*** (А. Пушкин). → (1) [Упрямого человека оставляют в покое]. (2) Он упрям. (3) Его оставили в покое. вв) Обособленное приложение: (3) *Николая*, (2) ***как больного***, (3) *положили на печь со стариком* (А. Чехов). → (1) [Всех больных кладут на печь]. (2) Он болен. (3) Его положили на печь.

б) Простое предложение с предложно-субстантивными сочетаниями: (3) *Она внушала чувство ... уважения ...* (2) ***в силу*** *особенных неясных ожиданий* (И. Тургенев). → (1) [Кто возбуждает какие-то ожидания, к тому питают уважение]. (2) Она возбуждала какие-то ожидания. (3) Она внушала чувство уважения.

Модус Celarent

В умозаключениях модуса C**el**a**re**nt большая посылка и заключение – общеотрицательные суждения **(e)**, а меньшая посылка – общеутвердительное суждение **(a)**.

Большая посылка: (1) **Ни** одна **планета** (M) – **не** есть звезда (P) **(e)**
Меньшая посылка: (2) Юпитер (S) – **планета** (M) **(a)**

Заключение: (3) Юпитер (S) – **не** есть звезда (P) **(e)**

Модель (2) – (3)

1. Д в а самостоятельные предложения: (2) «*Только ты можешь довести меня до бешенства*, (3) *я* ***не*** *отвечаю за себя* !» (Л. Толстой). → (1) [Все, кто взбешён, **не** отвечают за себя]. (2) Он взбешён. (3) Он **не** отвечает за себя.

2. С л о ж н о п о д ч и н ё н н о е предложение: (2) «***Так как*** *вы на все предметы смотрите с их смешной стороны, (3)* ***то*** *и положиться на вас* ***нельзя***» (И. Тургенев). → (1) [На всех, кто смотрит на предметы с их смешной стороны, на того **нельзя** положиться]. (2) Он смотрит на вещи с их смешной стороны. (3) На него **нельзя** положиться.

3. С л о ж н о с о ч и н ё н н о е предложение: (2) *«Лечение до сих пор было правильное*, (3) *и я* ***не*** *вижу необходимости менять врача»* (3) (А.Чехов). → (1) [При правильном лечении врача **не** меняют]. (2) Лечение было правильным. (3) Врача **не** надо менять.

4. П р о с т ы е предложения.

а) Простые предложения состоят из предикативного ядра и инфинитивной группы: (2) «*Но мы слишком дорого заплатили за вторую мировую войну*, (3) ***чтобы*** *позволить безнаказанно развязать третью»* (Н. Грибачёв). → (1) [Кто дорого заплатил за войну, тот **не** позволит развязать новую]. (2) Мы дорого заплатили за войну. (3) Мы **не** позволим развязать новую.

б) Простое предложение с обособленным деепричастным оборотом совершенного и несовершенного вида: (2) ***Стыдясь своей лжи***, (3) *он ёрзал в седле* (А. Фадеев). → (1) [Кто стыдится своей лжи, тот **не** смотрит в глаза]. (2) Он стыдился своей лжи. (3) Он **не** смотрел в глаза.

в) Простое предложение с обособленным определением, выраженным существительным и прилагательным: (2) *Как человек* ***осторожный***, (3) *Иван Федорович* ***не*** *считал возможным довериться ни одной из явок* (А. Фадеев). → (1) [Осторожный человек **не** доверяет явкам]. (2) Он человек осторожный. (3) Он **не** доверяет явкам.

г) Простое предложение с предложно-субстантивным сочетанием: (2) ***Вследствие*** *сего* (3) *смотрители со мною* ***не*** *церемонились* ... (А. Пушкин).→ (1) [Кто из простых людей – с теми **не** церемонятся]. (2) Он из простых людей. (3) С ним **не** церемонились.

Модель (3) – (2)

1. Д в а самостоятельных предложения: (3) «*Я бы дал, – сказал Иван Матвеевич, – сейчас отдал бы, да Машка* ***не*** *даёт*. (2) *Они, эти бабы, очень уж прижимистые, чёрт их знает*» (Л. Толстой). → (1) [Жадные бабы денег в долг **не** дают]. (2) Его жена жадная. (3) Она **не** даёт деньги в долг.

2. С л о ж н о п о д ч и н ё н н о е предложение: (3) *Глаз его* ***не*** *было видно,* (2) ***потому что*** *он их всё время держал опущенными* (А. Куприн). → (1) [Глаз, которые опущены, **не** видно]. (2) Его глаза были опущены. (3) Его глаз **не** видно.

3. С л о ж н о с о ч и н ё н н о е предложение: (3) «*Сядьте там,* ***не*** *подходите ко мне*, (2) ***ведь*** *моя болезнь заразительная*» (И. Тургенев). → (1) [Кто может заразить, к тому **нельзя** подходить]. (2) Он заразен. (3) К нему **нельзя** подходить.

4. П р о с т ы е передложения.

а) Простое предложение с обособленным деепричастным оборотом: (3) *К сену конь так и* ***не*** *притронулся*, (2) ***чуя покойника*** ... (М. Шолохов). → (1) [Конь, чувствующий покойника, **не** ест]. (2) Конь чувствовал покойника. (3) Конь **не** ел.

б) Простое предложение с обособленным приложением, выраженным существительными и прилагательными: (3) *Громов, (2) страстный любитель музыки, (3)* ***не*** *пропускал ни одного концерта* (А. Чехов). → (1) [Любители музыки **не** пропускают концертов]. (2) Он любитель музыки. (3) Он **не** пропускал концерты.

в) Простое предложение с предложно-субстантивным сочетанием: (3) *Доктор всю ночь не мог заснуть* (2) ***от стыда и досады*** *на себя* (А.Чехов). → (1) [Кому стыдно, тому **не** спится]. (2) Ему стыдно. (3) Ему **не** спится.

Модус Camestres

В умозаключениях этого модуса: большая посылка – общеутвердительная **(a)**, а меньшая посылка и заключение – общеотрицательные **(e)**.

Большая посылка:

(1) Все звёзды (P) – **светят собственным светом** (M). **(a)**

Меньшая посылка:

(2) Юпитер (S) – **не светит собственным светом** (M). **(e)**

Заключение:

(3) Юпитер (S) – **не** звезда (P). **(e)**

Модель (2) – (3)

1. С л о ж н о п о д ч и н ё н н о е предложение: (2) ***Так как*** *работы во флигеле* ***не*** *хватало и на одного,* (3) ***то*** *Чепраков ничего* ***не*** *делал* (А. Чехов). → (1) [Работает тот, у кого есть работа]. (2) У него **нет** работы. (3) Он ничего **не** делал.

2. С л о ж н о с о ч и н ё н н о е предложение: (2) *Но нянечка* ***не*** *бежит и* ***не*** *плачет,* (3) *значит* ***не*** *опасно* (А. Чехов). → (1) [Кому грозит опасность, тот убегает]. (2) Она **не** убегает. (3) Ей **не** грозит опасность.

3. П р о с т о е предложение.

а) Простое предложение состоит из предикативного ядра и инфинитивной конструкции: (2) *Мы **не** столь богаты,* (3) ***чтобы пить** дурное вино* (А. Герцен). → (1) [Дурное вино пьют только богатые]. (2) Мы **не** богаты. (3) Мы **не** пьём дурное вино.

б) Простое предложение с предложно-субстантивным сочетанием: (2) «***Без** пищи* (3) *люди **не** могут существовать*» (А. Чехов). → (1) [Существуют только те люди, у кого есть пища]. (2) У человека **нет** пищи, (3) Он **не** может существовать.

Модель (3) – (2)

1. С л о ж н о с о ч и н ё н н ы е предложения: (3) *Уж верно головы мне **не** отрубят:* (2) *ведь я **не** государственный преступник* (А. Пушкин). → (1) [Голову отрубают только преступникам]. (2) Я **не** преступник. (3) Мне голову **не** отрубят.

2. П р о с т о е предложение с предложно-субстантивным сочетанием: (3) *Жизнь на земле **немыслима*** (2) ***без** деревьев* (А. Чехов). → (1) [Жизнь мыслима, когда растут на земле деревья]. (2) На земле **нет** деревьев. (3) Жизнь на земле **немыслима**.

В результате множества выборок, рассеянных по разным художественным произведениям, было обнаружено 1062 синтаксических конструкций русского языка самых различных лексико-грамматических структур, выражающих логические умозаключения по правилам трёх модусов и их сочетаний: модус Barbara – 742 (70 %) ; модус Celarent – 158 (16 %) ; модус Camestres – 92 (9 %); смешанные модусы: Barbara – Celarent (12 (0.2 %); Barbara – Camestres – 6 (0.2 %); Celarent – Camestres – 4 (0.1 %); антилогизмы – 48 (4.5 %) [умозаключения в формах немецкого языка я здесь не анализирую, по этой проблеме отправляю читателя к моей книге: Кривоносов 1966; более подробный анализ умозаключений на материале русского языка также см. в моей книге: Кривоносов 1993].

3. Эпихейрема как сложная энтимема в естественном языке.

Часто в энтимемах элиминируются промежуточные мысли (хотя уже сама по себе энтимема – это сокращённое умозаключение), что создаёт большие трудности для правильного понимания таких умозаключений. Чтобы их понять, необходим последовательный анализ всех шагов умозаключения. Вот типичная энтимема, но более сложная, она становится эпихейремой:

«*В данной местности увеличилось количество диких кошек, **следовательно**, можно ожидать повышения урожая клевера* [Свинцов 1987 : 195].

На первый взгляд кажется что между первым и вторым предложением нет никакой логичской связи, значит это не умозаключение. Действительно, какая может быть причинно-следственная связь между «дикими кошками и клевером» ? Но так как между первым предложением и вторым предложением стоит слово *следовательно*, значит эти два предложения образуют некоторое умозаключение. Но эта связь между ними не непосредственная, а опосредована другими, промежуточными энтимемами:

1. ***Чем** больше диких кошек, **тем** меньше полевых мышей;*
2. ***Чем** меньше полевых мышей, **тем** меньше разоряются осиные гнёзда;*
3. ***Чем** меньше разоряют осиных гнёзд, **тем** больше ос;*
4. ***Чем** больше ос, **тем** интенсивнее переносится пыльца с цветка на цветок;*
5. ***Чем** интенсивнее опыление цветков клевера, **тем** больший урожай клевера;*
6. *Следовательно, **чем** больше диких кошек, **тем** выше урожай клевера* (см. исходную энтимему).

«Эпихейрема – вид сложносокращённого силлогизма, в котором обе посылки являются энтимемами». В семантическом построении, репрезентирующем сложную энтимему – эпихейрему, наличествует одновременно несколько энтимем. Эти энтимемы п е р е к р е щ и в а ю т с я, накладываются одна на другую о б щ и м для них суждением, но выступающего в разных логических функциях: меньшая посылка первой энтимемы (причина, основание) становится заключением (выводом) второй энтимемы. Например:

(3) *А сейчас торопилась,* (2) ***так как опаздывала.*** → (1) [Кто опаздывает, тот торопится]. (2) Она опаздывала. (3) Поэтому она торопилась (модус Barbara).

(3) ***Она опаздывала***, (2) *потому что долго ловила машину*. → (1) [Кто долго ловит машину, тот опаздывает]. (2) Она долго ловила машину. (3) Поэтому она опаздывала (модус Barbara).

В этой эпихейреме мы имеем дело с логической и н т е р ф е р е н ц и е й, т.е. частичным наложением двух сокращённых силлогизмов (энтимем) друг на друга. Существуют также более сложные эпихейремы, которые могут строиться по правилам различных модусов (в наших примерах каждая из эпихейрем построена по одному и тому же модусу).

На примере эпихейрем мы видим, каким образом совершается взаимопересечение и взаимопроникновение нескольких умозаключений внутри одной и той же синтаксической конструкции. Естественный язык столь совершенен, что позволяет говорящему (пишущему) для выражения нескольких сложных законченных мыслей в форме умозаключений использовать лишь м и н и м у м своих форм. Если быть более точным, то надо сказать так: логическое мышление человека столь совершенно, что могут о п у с к а т ь с я п р о м е ж у т о ч н ы е с у ж д е н и я (в таком случае мы имеем дело с натуральным н е в е р б а л ь н ы м мышлением), что и ведёт к э к о н о м и и языковой, т.е. знаковой материи. А это позволяет говорящему (пишущему) использовать лишь м и н и м у м знаковых форм.

4. Полисиллогизмы (логические цепи) в формах языка.

Если умозаключение состоит из нескольких посылок, его можно разложить на несколько силлогизмов. В этом случае заключение первого силлогизма используется как посылка во втором и т.д. По мере развития форм мышления человек пришёл к разветвлённой системе силлогизмов. Это связано с процессом обобщения нескольких посылок в одной общей посылке, которая может выступать одновременно в разных логических функциях. Тем самым процесс умозаключения освобождается от необходимости доказательства исходного положения и направлен только на выведение из него новых знаний. Поэтому трёхчленное умозаключение (большая посылка, меньшая посылка, заключение) способно к дальнейшему обобщению за счёт аксиоматизации большей посылки, которая благодаря практике познания становится самоочевидной и, следовательно, необязательной внутри силлогизма.

Таким образом, развитие практики познания превращает аксиоматический характер большей посылки или «вечные истины» в различные виды самоочевидных положений, что ведёт в появлению сокращённых силлогизмов (энтимем), которые уже способны объединяться в п о л и с и л л о г и з м ы. Появилась сложная, разветвлённая система логических форм умозаключений, а иногда и просто длинная цепочка последовательных выводов, которая регулируется лишь практическими потребностями вывода, что и будет показано ниже на некоторых примерах.

Исследование умозаключений в формах естественного языка показало, что часто силлогизмы (в данном случае энтимемы) различных модусов в самых различных языковых построениях, в п л е т е н ы один в другой, с ц е п л е н ы одни с другим таким образом, что одно из суждений предшествующей энтимемы п е р е х о д и т в одно из суждений последующей энтимемы. Такие сложные силлогизмы в логике называются п о л и с и л л о г и з м а м и (логическими цепями), которые могут иметь самые различные модели.

Полисиллогизм – это соединение нескольких силлогизмов таким образом, что заключение одного силлогизма становится посылкой для другого силлогизма. Тот силлогизм, который предшествует в полисиллогизме, называется п р о с и л л о г и з м о м, а тот, который следует после, называется э п и с и л л о г и з м о м».

Вопреки чрезвычайно упрощённым представлениям логиков, никогда не исследовавших естественные языки с этих позиций, согласно которым заключение просиллогизма может переходить только в посылки эписиллогизма, естественный язык даёт нам блестящие примеры противоположного рода: заключение просиллогизма может переходить не только в посылку эписиллогизма, но и в его заключение, которое является одним и тем же заключением одновременно двух силлогизмов; меньшая посылка просиллогизма может переходить как в заключение, так и в меньшую посылку эписиллогизма. Более того, в естественном языке обнаружены и более сложные по своей структуре полисиллогизмы: они могут состоять не из двух силлогизмов, а из гораздо большего числа (как показал мой анализ немецкого языка), вплоть до шести силлогизмов.

Чтобы более наглядно представить читателю сущность полисиллогизма, я рассмотрю здесь лишь п р о с т е й ш и е случаи их функционирования в русском языке (затем несколько примеров – на немецком языке). С этой целью я проанализирую несколько полисиллогизмов, заимствованных из «Крейцеровой сонаты» Л. Толстого.

1) (3) З а к л ю ч е н и е просиллогизма переходит в (2) м е н ь ш у ю п о с ы л к у эписиллогизма (в одинарных скобках обозначены просиллогизмы, в двойных – эписиллогизмы; общее для двух умозаключений суждение выделено жирным шрифтом):
(2) *Я вернулся в восторге домой и решил, что она верх нравственного совершенства*, (3) ((2)) ***и что потому-то она достойна быть моей женой***, ((3)) *и на следующий день сделал предложение* (Л. Толстой). Это сложносочинённое предложение в функции полисиллогизма выражает две энтимемы.

Просиллогизм:
(2) *Я решил ... , что она верх нравственного совершенства* (3) ***и что потому-то она достойна быть моей женой*** *...* → (1) [Все женщины, являющиеся верхом нравственного совершенства, выбираются в жены]. (2) Она была верхом нравственного совершенства. (3) ***И ... потому-то она достойна быть моей женой.***

Эписиллогизм:
((2)) ***... и что потому-то она достойна быть моей женой***, ((3)) *и на другой день сделал предложение.* → (1) [Всем женщинам, которые достойны быть женой, делают предложение]. (2) Она достойна быть моей женой. (3) Я сделал ей предложение.

Таким образом, перед нами – двухъярусный или двухуровневый полисиллогизм, состоящий из одного просиллогизма и одного эписиллогизма: связующим звеном между ними является (3) заключение просиллогизма, которое превращается в (2) меньшую посылку эписиллогизма (оно выделено жирным шрифтом). Одно и то же суждение, будучи о б щ и м для двух силлогизмов, выполняет о д н о в р е м е н н о р а з

л и ч н ы е логические функции в двух сложных, взаимодействующих силлогизмах, образующих полисиллогизм, построенный по двухъярусной модели:

(2) → (3)

‖

((2)) → ((3)),

где стрелка вправо указывает на п р о г р е с с и в н о е доказательство, при котором мысль движется от основания к следствию (это модель в ы в е д е н и я). Просиллогизм (первый ярус) представлен энтимемой модели (2) – (3), а эписиллогизм (второй ярус) – также энтимемой модели ((2)) – ((3)), но где в ((2)) меньшую посылку перешло (3) заключение просиллогизма. Между ними стоит перевёрнутый знак равенства, который обозначает, что (3) заключение просиллогизма п е р е ш л о в ((2)) меньшую посылку эписиллогизма.

2) (2) М е н ь ш а я п о с ы л к а просиллогизма становится (3) з а к л ю ч е н и е м эписиллогизма:

(3) *Поймать же меня легко было*, (2) ((3)) ***потому что я воспитан был в тех условиях, при которых ... выгоняются влюбляющиеся молодые люди.*** **(**((2)) *Ведь наша возбуждающая излишняя пища при совершенной физической праздности есть не что иное, как систематическое разжигание похоти* (Л. Толстой).

Просиллогизм:

(3) *Поймать же меня легко было*, (2) ***потому что я воспитан был в тех условиях, при которых ... выгоняются влюбляющиеся молодые люди.*** → (1) [Всех молодых людей, воспитывающихся в совершенной физической праздности, легко было поймать]. (2) Он воспитан в совершенной физической праздности. (3) Его легко было поймать.

Эписиллогизм:

((3)) ... ***Потому что я воспитан был в тех условиях, при которых ... выгоняются влюбляющиеся молодые люди*****.** ((2)) *Ведь наша возбуждающая ... пища ... есть не что иное, как ... разжигание похоти.* → (1) [Возбуждающая, разжигающая похоть пища способствует выгону влюбляющихся молодых людей]. (2) Он питался возбуждающей похоть пищей. (3) Это способствовало разжиганию его похоти.

Выделенное жирным шрифтом суждение выступает в просиллогизме в функции (2) меньшей посылки, а в эписиллогизме – в функции ((3)) заключения. Этот полисиллогизм построен по двухъярусной модели:

(3) ← (2)

‖

((3)) ← ((2)),

где стрелки влево указывают на р е г р е с с и в н о е доказательство, при котором мысль движется от следствия к основанию (это модель д о к а з а т е л с т в а). Просиллогизм (первый ярус) представлен энтимемой модели (3) – (2), а эписиллогизм (второй ярус) обозначает также модель ((3) – ((2)), но где ((3)) заключение, логически преобразованное из ((2)) меньшей посылки просиллогизма. Между ними стоит перевёрнутый знак равенства, обозначающий, что (2) меньшая посылка просиллогизма переходит в ((3)) заключение эписиллогизма.

3) (3) З а к л ю ч е н и е просиллогизма выступает в функции (3) з а к л ю ч е н и я эписиллогизма, являясь одним и тем же выводом из разных суждений

(2) *Я видел, что он никак не ожидал встретить в моей жене, в московской даме, такую привлекательную женщину*, (3) ((3)) ***и был очень рад этому.*** ((2)) *Потому что сомнений в том, что она согласна, у него не было никакого* (Л.Толстой).

Просиллогизм:

(2) *Я видел, что он никак не ожидал встретить в моей жене, в московской даме, такую привлекательную женщину*, (3) ***и был очень рад этому.*** → (1) [Все мужчины, встречающие привлекательных женщин, согласных на всё, очень рады этому]. (2) Он встретил привлекательную женщину, согласную на всё. (3) ***Он был очень рад этому***.

Эписиллогизм:

((3)) ... ***и был очень рад этому***. ((2)) *Потому что сомнения в том, что она согласна, у него не было никакого*. → (1) [Все мужчины, с которыми женщины на всё согласны, рады этому]. (2) Она была на всё согласна. (3) ***Он был очень рад этому***.

Выделенное жирным шрифтом суждение и в просиллогизме и в эписиллогизме выступает в функции (3) заключения. Этот полисиллогизм построен по модели в ы в е д е н и я (в просиллогизме) и модели о б о с н о в а н и я (в эписиллогизме):

(2) → (3)
‖
((3)) ← ((2)).

В этом полисиллогизме следствие («Он был очень рад этому») – оно обозначено как (3) и ((3)) – находится между двумя меньшими посылками, между двумя различными причинами – между (2) и ((2)): с одной стороны, (2) «Он встретил привлекательную женщину», с другой стороны, ((2)) «Она была согласна на всё».

4) (2) Меньшая посылка может быть одной и той же (2) и ((2)) меньшей посылкой и в просиллогизме, и в эписиллогизме, т.е. причиной двух различных следствий (3) и ((3)):

(4) *Целый день этот я не говорил с ней, не мог*. (2) ((2)) ***Близость её вызывала во мне такую ненависть к ней,*** ((3)) *что я боялся за себя* (Л.Толстой).

Просиллогизм:

(3) *Целый день этот я не говорил с ней, не мог*. (2) ***Близость её вызывала во мне ... такую ненависть к ней ...*** → (1) [Со всеми, кого ненавидят, не разговаривают]. (2) ***Она вызывала в нём ненависть к ней,*** (3) Он с нею не разговаривал.

Эписиллогизм:

((2)) ***Близость её вызывала во мне такую ненависть к ней***, ((3)) *что я боялся за себя*. → (1) [Все мужчины, чьи жёны вызывают их ненависть, боятся за свои поступки.]. (2) Она вызывала в нём ненависть к ней. (3) Он боялся за свои поступки.

Этот полисиллогизм построен по модели о б о с н о в а н и я (в просиллогизме) и по модели в ы в е д е н и я (в эписиллогизме):

(3) ← (2)
‖
((2)) → ((3)).

В этом полисиллогизме (2) меньшая посылка («***Близость её вызывала в нём ненависть***») является одновременно причиной двух (3) следствий: «***Поэтому*** *он целый день не разговаривал с ней»* и «***Поэтому*** *он боялся за свои поступки*».

Подобным образом могут сочетаться одна с другой несколько энтимем, образуя сложные полисиллогизмы – не только двухъярусные, но и многоярусные, вплоть до шести ярусов, т.е. такие полисиллогизмы, в которых каждое из предшествующих суждений в функции (2) меньшей посылки или (3) заключения переходит в (2) меньшую посылку или (3) заключение последующей энтимемы, образуя л о г и ч е с к и е ц е п и. Продемонстрирую здесь лишь один пример шутливого пятиярусного полисиллогизма в формах немецкого языка, почерпнутого из работы [Völzig 1979 : 35 - 36].

1. „**Weil** sie die ganzen Au - Wälder abgehackt haben ist der Grundwasserspiegel gesunken,
2. und **darum** gibt es keine Frösche mehr.
3. Und **weil** es keine Frösche mehr gibt, gibt es keinen Klapperstorch mehr.
4. Und **darum** müssen wir Deutschen nun aussterben.
5. **Weil** die Störche die Kinder bringen.“

Этот полисиллогизм состоит из пяти составляющих его энтимем (даю только их перевод, группируя их по логическим связям, без раскрытия логического механизма взаимодействия всех энтимем, между которыми, как увидит сам читатель, существует причинно-следственная связь) (меньшая посылка обозначена как (2), а заключение – как (3)).

1. (2) **Так как** все пойменные леса были вырублены, (3) **то** уровень грунтовых вод снизился.
2. (2) А так как уровень грунтовых вод снизился, (3) **поэтому** исчезли все лягушки.
3. (2) А **так как** исчезли все лягушки, (3) **то** нет больше и белых аистов.
4. (2) А **так как** нет больше белых аистов, (3) **поэтому** некому приносить детей.
5. (2) **Поскольку** нет больше детей, (3) **следовательно**, мы, немцы, должны вымереть.

Внутри этого пятиярусного полисиллогизма все пять энтимем построены по модели (2) – (3): каждое (3) заключение просиллогизма переходит в (2) меньшую посылку эписиллогизма:

(2) → (3)
||
((2)) → ((3))
||
(((2))) → (((3)))
||
((((2)))) → ((((3))))
||
(((((2))))) → (((((3)))))

1) Среди всех сокращённых силлогизмов (энтимем) и полных силлогизмов, в результате сплошного анализа было обнаружено в немецком тексте [см. Heinrich Mann. Im Schlaraffenland. Berlin, Aufbau-Verlag, 1951, 400 S.] 1943 силлогизма. Среди них 458 (24 %) силлогизмов объединены в полисиллогизмы, состоящие из различного количества энтимем (от 2-х до 6-ти), образовав 195 полисиллогизмов: 2-х ярусных = 150, 3-х ярусных = 30, 4-х ярусных = 9, 5-ти ярусных = 4, 6-ти ярусных = 2. В зависимости от сочетаний различных модусов в каждом полисиллогизме все эти 195 полисиллогизмов сведены к 44-м моделям. Текст, таким образом, содержит в себе устойчивые, повторяющиеся модели причинно-следственных предложений (на уровне семантических форм мышления), выступающих как взаимосвязанные силлогизмы, группирующиеся в более высокие логические единицы – полисиллогизмы (на уровне логических форм мышления).

2) Силлогизмы, энтимемы, эпихейремы, полисиллогизмы, антилогизмы как сложные многоярусные структуры взаимосвязанных умозаключений, выступают в естественном языке в виде нестрогих логических доказательств (естественный язык – не логические, математические исчисления), которые имеют сложную структуру и состоят из различных типов умозаключений, из их различных модусов и из их различных моделей, т.е. различных расположений посылок и заключений относительно друг друга. В этих полисиллогистических доказательствах посылки и заключения сочетаются самым причудливым образом, вплоть до 6-ти этажных построений. Реактивный характер связей в устной речи (а диалоги и монологи в художественном произведении – это отражение устной речи) как бы обнажает работу мысли: высказывание рождается как непосредственная реакция на предшествующую порцию информации. При этом разные смысловые отношения не успевают оформиться в стереотипные жёсткие конструкции логических умозаключений: к ним тут же добавляются новые. Логические построения не получают окончательной завершённости, а демонстрируются в процессе их создания.

2) Условно-категорическое умозаключение в формах языка.

Условно-категорическое умозаключение имеет два модуса – а) утверждающий модус (modus ponens) и б) отрицающий модус (modus tollens). Условно-категорические умозаключения отличаются от простых категорических умозаключений тем, что в качестве элементарной структурной единицы в них выступает не понятие, как в простом категорическом силлогизме, а суждение. Анализ этих умозаключений проводится на уровне связей между суждениями, внутренняя структура которых не принимается во внимание.

а) Modus ponens – умозаключение от утверждения истинности основания к утверждению истинности следствия: «Если А, то В; А; следовательно, В», где А – основание (антицедент), В – следствие (консеквент): (1) ***Если*** *идёт дождь,* ***то*** *крыши домов становятся мокрыми.* (2) *Идёт дождь.* (3) ***Следовательно****, крыши домов мокрые.* Modus ponens всегда выражен сложноподчинённым предложением с придаточным условным (*если ... то*) и его вариатами. В естественном языке присутствует обычно только первая посылка с *если*, вторая и третья – отсутствуют (они стоят здесь в квадратных скобках): „***Wenn*** *er etwas schreiben würde,* ***dann*** *würde es ein Drama werden*“ (H. Mann). → (1) ***Если*** *он будет что-либо писать,* ***то (тогда)*** *это будет драма.* (2) [*Он будет что-то писать*]. (3) [*Это будет драма*].

б) Modus tollens – умозаключение от отрицания истинности следствия к отрицанию истинности основания: «Если А, то В; не В; следовательно, не А», где А – основание, В – следствие: (1) ***Если*** *идёт дождь,* ***то*** *крыши домов становятся мокрыми.* (2) *Крыши*

домов ***не*** *мокрые*. (3) ***Следовательно****, дождя* ***не*** *было*. ***Wenn*** *er wieder kommt, hat sie schon nichts zu verlieren* (H. Mann). → (1) ***Если*** *он снова придёт,* ***то*** *она за это поплатится*. (2) [*Она* ***ни*** *за что* ***не*** *поплатилась*]. (3) [***Следовательно****, он* ***не*** *приходил*].

3) Разделительно-категорическое умозаключение в формах языка.

Это умозаключение представлено двумя модусами: а) модус утверждающе-отрицающий (modus ponendo tollens) и б) модус отрицающе-утверждающий (modus tollendo ponens). Модус утверждающе–отрицающий (modus ponendo tollens): « S есть или A, или B; S есть A; следовательно, S не есть B». В обследованном тексте немецкого языка обнаружен лишь modus ponendo tollens. Этот модус может быть выражен или двумя самостоятельными предложениями или сложноподчинённым предложением (и в том и в другом элиминировано заключение).

Два самостоятельных предложения: (1) "*Was ziehst du vor … Ein paar tausend Mark Schulden zu machen,* ***oder*** *die Frau … den … Beleidigungen auszusetzen* ?" (2) "*Wie kannst du so fragen* ?" (H. Mann). → (1) *Он должен* ***или*** *влезть в долги,* ***или*** *подвергнуть женщину оскорблениям.* (2) *Он предпочёл влезть в долги* («*Как ты можешь об этом спрашивать* ?»). (3) [*Он* ***не*** *подвергает женщину оскорблениям*].

Сложноподчинённое предложение: (1) *Wenn, wie der Lateiner empfahl, über Tote nur Gutes gesprochen werden sollte,* (2) ***so*** *schwieg man am besten über ... Schmeerbauch* (H. Mann). → (1) *О мёртвых* ***или*** *говорят хорошо,* ***или*** *молчат. (2) О нём молчали.* (3) [*О нём* ***ничего*** *хорошего сказать* ***нельзя***].

4) Антилогизмы как особый тип умозаключений в формах языка.

Исследование семантических значений в сложных синтаксических построениях в различных языках выявило такие, кажущиеся различными, семантические значения, которые однако тесно связаны друг с другом, сопровождают одно другое, являются необходимым дополнением друг друга. К таким значениям относятся уступительные, противительные, причинные, следственные значения, имеющие свои собственные языковые маркеры: «***Хотя*** *час был поздний,* ***однако*** *никто не спал*» (А. Чехов). В основе этих предложений лежит такая логическая форма умозаключения как «антилогизм».

Что такое антилогизм ?

Понятие «антилогизма» – совершенно неразгаданное, хотя и давно известное в логике явление, а в языкознании известное не как логическое явление, а лишь как сложноподчинённое предложение с указанными выше четырьмя семантическими значениями. Это явление часто в языкознании фигурирует под терминами «пресуппозиция», «презумпция», как семантическое значение «обманутого ожидания», «недоумение», «как это ни странно», «само собою разумеющееся», «нереализованная причинная связь», «отвергнутое основание» «столкновение двух истин» и др. Методы «синтаксической семантики», арсеналом которой служат выше названные значения, не вскрывают сущности данного семантического явления – это область логического мышления, в частности силлогистики. Не зная теории умозаключения и теории авербального мышления, лингвисты, далёкие от проблем логического анализа форм естественного языка, лишь изобретают новые семантические термины.

Энтимему (2) *Хотя час был поздний,* (3) *однако никто не спал* прежде

восстанавливаем в полный силлогизм: (1) [*В поздний час все спят*]. (2) *Час был поздний*. (3) ***Все спали***. Однако в тексте А. Чехова предикат заключения является контрадикторным (противоречащим) предикату большей посылки ***никто не спал***.
Например, Санников пишет: « ... в конструкциях с союзом *но* следует видеть не неожиданность, малую вероятность или необычность, а несоответствие норме, нарушение нормального хода событий» [Санников 1989 : 153; 1986 : 436].

Поскольку противительный компонент является необходимым элементом уступительного значения, то уступительные союзы (*хотя, хоть, пусть, несмотря на то что, не взирая на это, даром что* и др.) сопровождаются противительными союзами (*а, но, да, однако, зато, всё же, всё-таки, тем не менее* и др.). Следовательно, противительные союзы являются потенциальными носителями уступительного значения, т.е. во многих случаях, при поддержке контекста передают информацию *хотя, несмотря на то что, тем не менее*, а уступительное семантическое значение несёт в себе обязательное противительное значение. А так как уступительно-противительные значения существуют не сами по себе, а накладываются на причинно-следственные отношения, то в естественном языке существуют такие значения, которые тесно связаны друг с другом, сопровождают одно другое, являются необходимым дополнением друг друга: это причинные, следственные, уступительные и противительные значения.

В уступительных и противительных связях утверждается несовместимость двух логических суждений, образующих единое умозаключение, между которыми устанавливается отношение взаимоисключения. При этом слушающим (читающим) немедленно устанавливается нелогичность действия, выраженного в семантике главного предложения (заключения). Такое умозаключение, такой силлогизм называется в логике «антилогизмом».

«Антилогизм – понятие логики, характеризующее несовместимость посылок категорического силлогизма с отрицанием его заключения, вывода. В основе антилогизма лежат законы логического следования, согласно которым следствие не может быть ложным (разр. моя,– А.К.), если истинны посылки» [Кондаков 1975 : 43; см. также: Бирюков 1960 : 72]. Наиболее подробно антилогизм исследован в логике грузинским логиком [Бакрадзе 1951 : 284]. Но первооткрывателем антилогизмов в формах немецкого языка был крупный немецкий логик Е. Шрёдер, разработавший систему антилогизмов 100 лет тому назад [E. Schröder 1905 : 217 – 255].
Ниже будут подвергнуты анализу три предложения русского языка, построенные по правилам антилогизмов трёх модусов – Barbara, Celarent, Camestres (о значениях гласных букв в этих моделях см. выше: § 3, п. 6).

1) „***Несмотря на*** *слабость свою, он* ***даже не*** *ощущал в себе усталости*“
(Ф. Достоевский).

а) **Силлогизм** модуса B**a**rb**a**r**a** (A, A, **A**,):
(1) [*Все слабые люди при ходьбе быстро устают*]. (A)
(2) *Он был слаб*. (A)
---
(3) *Он быстро устал*. **(A)**

б) **Антилогизм** модуса B**a**rb**a**r**a** (A, A, **E**):
(1) [*Все люди при ходьбе быстро устают*]. (A)
(2) „***Несмотря на*** *слабость свою,* (A)
---
(3) *он* ***даже не*** *ощущал в себе усталости.*“ **(E)**

Общеутвердительное суждение в функции заключения в силлогизме превращается в общеотрицательное суждение в антилогизме: **(A) → (E).**

2) *„**Несмотря на** то, что чуть не падал, **всё-таки** сделал крюку и пришёл домой с другой совсем стороны“* (Ф.Достоевский).

а) **Силлогизм** модуса Celarent (E, A, **E**) :
(1) [*Уставший человек **не** выбирает себе дальний путь*]. (E)
(2) *Он устал.* (A)
---
(3) *Он **не** выбрал себе дальний путь*. **(E)**

б) **Антилогизм** модуса Celarent (E, A, **A**):
(1) [*Уставший человек **не** выбирает себе дальний путь*]. (E)
(2) *„**Несмотря на** то, что чуть не падал* (= *устал*), (A)
---
(3) ***всё-таки** сделал крюку и пришёл домой с другой совсем стороны.*“ **(A)**

Общеотрицательное суждение в функции заключения в силлогизме превращается в общеутвердительное суждение в антилогизме: **(E) → (A).**

3) *„ ... публика, **хотя** и **не** поняла ничего, но ...* аплодировала“ (А. Куприн).

а) **Силлогизм** модуса Camestres (A, E, **E**):
(1) [*Аплодирует только та публика, которая понимает, чему она аплодирует*]. (A)
(2) *Публика **не** понимает, чему она должна аплодировать*.(E)
---
(3) *Публика **не** аплодирует*. **(E)**

б) **Антилогизм** модуса Camestres (A, E, **A**):
(1) [*Аплодирует только та публика, которая понимает, чему она аплодирует*]. (A)
(2) *„ ... публика, **хотя** и **не** поняла ничего,* (E)
---
(3) ***но** ... аплодировала*.“ **(A)**

Общеотрицательное суждение в функции заключения в силлогизме превращается в общеутвердительное суждениев в антилогизме: **(E) → (A)**

Семантический анализ уступительности методами «синтаксической семантики», а не формальной логики, в частности умозаключений, проведенный Крейдлиным и Падучевой, показал, что в семантическом значении уступительности мы имеем дело с д в у м я семантическими пресуппозициями, представленными в виде следующих, выведенных ими двух формул:

1) ***Хотя ..., и потому, вообще говоря, ... должен***;
2) ... ***между тем*** ... [Крейдлин, Падучева 1974 : 31 - 37],

Эти две пресуппозиции – не семантические пресуппозиции, потому что не являются отмычкой к понимантию логического взаимодействия между этими двумя суждениями. Это логические суждения, реализующиеся на уровне умозаключения всегда как с и л л о г и з м (первая формула) и а н т и л о г и з м (вторая формула) одного и того же модуса. Но так как один и тот же модус реализуется в естественном языке и в виде силлогизма, и в виде антилогизма, то «формула семантической презумпции» указанных авторов, в зависимости от того, с к а к и м модусом мы имеем дело, будет или в первой своей части (***Хотя ..., и потому, вообще говоря, ... должен***), или во второй своей части (... ***между тем*** ...) заполняться отрицательными формантами или, напротив, отрицания изымаются. Таким образом то, что на уровне семантической формы мышления считают «семантической пресуппозицией», есть на самом деле, в глубине «логическая форма мышления», а именно л о г и ч е с к и й с и л л о г и з м с обратным знаком, т.е. а н т и л о г и з м. Пример Ф. Достоевского в терминах «семантической презумпции» Крейдлина и Падучевой звучал бы так:

1) «***Хотя*** *все слабые люди при ходьбе быстро устают****, и потому, вообще говоря,*** *каждый слабый человек* ***должен*** *устать* (это область с и л л о г и з м а),
2) ***между тем*** *он даже не ощущал в себе усталости»* (это область а н т и л о г и з м а).

Мы видим, что методом «синтаксической семантики» проблему уступительности в языке решить до конца невозможно, семы «семантических презумпций» (они выделены жирным шрифтом) – это несколько расширенное семантическое толкование анализируемого предложения, его «синтактико-семантическая» интерпретация: но здесь не вскрыт л о г и ч е с к и й механизм мышления человека и л о г и ч е с к о е взаимодействие двух суждений, выступающих в форме главного и придаточного предложений с соответствующими логическими маркерами. А н т и л о г и з м есть более г л у б о к о е проникновение в этот механизм, в с у щ н о с т ь уступительного семантического значения, так как он, во-первых, обязательно в о с с т а н а в л и в а е т в уме опущенную в языке, но каким-то образом соприсутствующую в нейронах мозга, б о л ь ш у ю посылку силлогизма, являющуюся связующим мыслительным звеном между силлогизмом и антилогизмом, между причинным и уступительным значением, что упускается при чисто «синтаксически-семантическом» анализе уступительного значения в терминах «семантической презумпции». Во-вторых, антилогизм учитывает наличие (отсутствие) отрицаний как в придаточном предложении (меньшей посылке силлогизма), так и в главном предложении (заключении силлогизма), которые определяют к а ч е с т в о суждения и, следовательно, образуемый ими логический м о д у с.

Анализ уступительных значений методами «синтаксической семантики» в терминах «пресуппозиций», хотя и более глубоко раскрывает сущность исследуемого явления по сравнению со старыми, с чисто описательными семантическими методами (см. работы: Ляпон, Теремовой, Санникова), что и было продемонстрировано в работе Крейдлина и Падучевой, однако сам по себе и этот метод не является завершающим этапом исследования семантики уступительности. Он требует формализации на более абстрактном и более глубинном – силлогистическом – уровне, ибо сам язык для того и служит, чтобы выражать не только семантическое содержание мысли, наше повседневное мышление, но и – главным образом – логические формы мысли, которые вплетены в семантическую ткань языка и в формах силлогизмов, и в формах антилогизмов одновременно.

Для чего нужны антилогизмы в естественном языке ? Логика как наука о формах мысли и законах правильного мышления выработала для себя совершенно определённые

языковые построения, в том числе и множество формальных языковых средств, являющихся в то же время логическими маркерами силлогизмов и антилогизмов различных модусов. Формальная логика – наука точная, объективная и в то же время она стоит как бы по другую сторону человека с его субъективным, противоречивым мышлением. Человек не запрограммирован в своей деятельности и в своём мышлении как логический автомат и он поминутно сталкивается с такими жизненными ситуациями, которые не укладываются в Прокрустово ложе логических исчислений. В этом мы уже убедились на примерах русского и немецкого языков при исследовании силлогизмов и антилогизмов – естественный язык гораздо более гибок, чем формальная логика, он выражает одну и ту же логическую форму бесчисленным множеством языковых форм, переставляя местами причину и следствие, одно выдавая за другое, сокращая материальную форму выражения логических форм до минимума, но тем не менее позволяя говорящему логически правильно выразить мысль.

Однако мы столкнулись, хотя и с хорошо известными в языкознании явлениями, называемыми причинным, следственным, уступительным и противительным семантическими значениями, но не понятыми лингвистами до конца и совершенно не разработанными в логике – с регулярным нарушением правильно построенных силлогизмов, но нарушенных по строгим правилам той же логики, т.е. с противоположным (контрарным или контрадикторным) по качеству суждением в функции логического вывода, в котором всё поставлено с ног на голову. Само мышление человека выработало систему языковых средств и вложило их в уста говорящего (пишущего) специально для того, чтобы «нарушать» свои же собственные законы логики. И это не случайно, ибо жизненные условия, в которых живёт человек повседневно, таковы, что он вынужден реагировать, констатировать, замечать, сообщать о фактах, противоречащих друг другу. Способность естественного языка выражать внутренне противоречивые умозаключения самыми разнообразными способами, но по правилам той же логики, есть свидетельство гибкости мышления, выраженного в формах языка, намного превосходящего в выборе средств жёсткие правила формальной логики. Даже в самых незыблемых основах логики – железных правилах построения силлогизмов – естественный язык может, по тем же железным правилам логики, нарушать их, заменяя жёсткие логические правила вывода на качественно противоположные. Но формальная логика и здесь стоит на страже: умозаключение должно быть прежде построено говорящим (пишущим) как истинное (сознательно или бессознательно) в форме силлогизма, а затем говорящий (пишущий) строит своё умозаключение как антилогизм, исходя из логических норм нарушения силлогизмов.

5) Анекдоты как эмоциональная форма выражения логических умозаключений в языке.

Все проанализированные мною анекдоты, почерпнутые из газет «Новое русское слово» и «Русский базар» (Нью-Йорк), построены как энтимемы (за исключением одного полного силлогизма) с самыми различными вариантами опущенных суждений в этих энтимемах: изъята или большая посылка, или заключение, или то и другое одновременно и оставлена лишь меньшая посылка. Реже всего элиминируется меньшая посылка, служащая центром, основой смыслового содержания анекдота. Юмор анекдота держится именно на ней (опущенные суждения стоят в квадратных скобках).

Модус Barbara

Полный силлогизм модели (1) – (2) – (3).

1. – Дедушка, а правда, что на зло нужно отвечать добром ?

– Да, внучек, правда.

– Тогда дай мне денег на мороженое, я разбил твои очки. → (1) Всякий человек, кому причинили зло, отвечает добром. (2) Внук деду причинил зло. (3) За это дед дал ему денег на мороженое.

Энтимема модели (1) – (2) – [3]

1. При Сталине колхозники облагались натуральными налогами. В один провинциальный музей заходит иностранец и видит в углу скелет человека.

– А это кто ? – спрашивает он.

– Колхозник. – отвечает экскурсовод.

– Почему колхозник ?

– Шкуру сдал, мясо сдал, шерсть сдал, яйца сдал, – отвечает экскурсовод. → (1) Непосильные натуральные налоги ведут к гибели колхозников. (2) Налоги колхозников были непосильными. (3) [От колхозников оставался один скелет].

2. – Я тебя пригласила, чтобы ты выпил сто граммов за моё здоровье, а ты хлещешь уже пятый стакан !

– Извини, но ты сегодня так плохо выглядишь ... → (1) Чтобы у человека было хорошее здоровье, за это нужно выпить. (2) Он хлещет уже пятый стакан за её здоровье. (3) [Чем хуже выглядит человек, тем больше вина пьют за его здоровье].

3. Мужик спрашивает продавца в книжном магазине:

– Скажите, у вас есть книга «Как быстро разбогатеть» ?

– Да, есть, но она продаётся только в комплекте с «Уголовным кодексом». → (1) Все, кто хотет быстро разбогатеть, (2) неизбежно нарушают «Уголовный кодекс». (3) [Кто хочет быстро разбогатеть, тот должен купить «Уголовный кодекс»].

4. Мужик приходит в магазин и говорит продавцу:

– Красивые открытки ! Что на них написано ?

– «Моей единственной.»

– Дайте десятка два. → (1) Только красивыми открытками поздравляют «единственных» женщин. (2) Он купил два десятка красивых открыток. (3) [У него одновременно два десятка «единственных» женщин].

5. Если бы не было импортных товаров, многие женщины не знали бы географии. → (1) Все импортные товары маркированы этикетками страны-изготовителя. (2) Многие женщины любят импортные товары. (3) [Многие женщины теперь хорошо знают географию].

Энтимема модели [1] – (2) – [3]

1. – Иногда, – говорит миссис Смит новой служанке, – вам придётся помогать мне подняться по лестнице.

– Понимаю, мэм, – я тоже люблю выпить. → (1) [Всем трудно подниматься по лестнице после выпитого вина]. (2) Хозяйка, поднимаясь по лестнице, нуждается в помощи. (3) [Хозяйка любит выпить].

–

Модус Celarent

Энтимема модели (1)– (2) – [3].

1. – Доктор, у меня после свадьбы проблемы со зрением !

– В чём это выражается ?

– Я денег не вижу ! → (1) Кто не видит денег, тот женат на женщине, транжирящей их. (2) Он не видит денег. (3) [Его жена транжирит деньги].

Модус Camestres

Э н т и м е м а м о д е л и [1] – (2) – (3).

1. – Встречаются два практикующих врача. Один из них имеет крайне расстроенный вид.

– Что случилось ? – спрашивает его коллега.

– Представляешь, вчера первый раз в моей жизни я допустил врачебную ошибку.

– То есть ? – не понял приятель.

– Я вылечил человека за два визита, а оказалось, что он миллионер ! → (1) [Все врачи, пытаясь нажиться на больных, берут с богатых высокие гонорары]. (2) Ему не удалось получить высокие гонорары.. (3) Он не смог нажиться на богатом больном.

2. Молодой человек заходит в цветочный магазин и видит на стене большой плакат: «Скажи ей это цветами».

– Как, всего одну ?

– Да, я не болтлив. → (1) [Множеством роз, символизирующих слова, выражают свои чувства болтливые люди]. (2) Он не болтлив. (3) Он купил лишь одну розу.

3. Если женщину не тронули ваши слова – не тронут и ваши руки. → [Всех женщин, которых трогают слова мужчины, трогают и руки]. (2) Его руки её не тронули. (3) Значит её не тронули и его слова.

4. Однажды я зашёл в казино в Монте-Карло. Рядом со мной сел играть какой-то субъект, и ему страшно не везло. Когда денег у него совсем уже не стало, он сделал последнюю ставку ... на жену. И опять ему не повезло ... он выиграл. → (1) [Везёт тому, у кого есть шансы избавиться от жены, проиграв её в казино]. (2) Он не проиграл жену. (3) Ему не повезло.

Э н т и м е м а м о д е л и (1) – (2) – [3].

1. В детстве мама часто говорила мне: «Кушай, сынок ! А то в солдаты не возьмут» ... Зачем же я ел ?! → (1) В армию берут только тех, кто много ел в детстве. (2) Он не должен был много есть в детстве. (3) [Он не желает служить в армии].

Э н т и м е м а м о д е л и [1] – (2) – [3]

1. – Ты меня любишь ? – ласкаясь, спрашивает она.

– Конечно, – отвечает он.

– А ты на мне женишься ?

– Что у тебя за привычка всегда менять тему разговора ?!

→ (1) [Женится лишь тот, кто прямо отвечает женщине на поставленный ею вопрос]. (2) Он не ответил ей прямо на поставленный ею вопрос. [Он не женится на ней].

2. У фонтана на скамеечке одна пенсионерка делится со второй:

– Знаешь, я, наверное, всё-таки гипнотизёрша ! Я вчера в очередной раз в этом убедилась ! Стоит мне зайти в трамвай или в троллейбус и посмотреть на сидящего юношу, как он тут же засыпает ! → [Все воспитанные юноши уступают место пожилым женщинам]. (2) Юноша не уступил место пожилой женщине. (3) [Этот юноша невоспитан].

3. – Как вы сегодня замечательно выглядите !

– Вы всем красивым девушкам такое говорите ? – произнесла она.

– Нет, красивым я другое говорю. → (1) [Всем красивым женщинам он делает особые комплименты]. (2) Он не сделал ей особых комплиментов. (3) [Она – не красивая].

6) Логический анализ сложных форм естественного языка доказал реальность существования авербального мышления.

На примере энтимем, представленных самыми различными языковыми

построениями, наиболее чётко выявляется различие между семантическими и логическими формами мышления. Семантическая форма причинно-следственной мысли обычно представлена двумя связанными предложениями. Языковая форма в них компрессирована, сжата, хотя мыслей содержится больше, чем выражаемых ими слов: мысленное содержание выходит за пределы материи знаков. Где эти мысли находятся и как они хранятся ? Разумеется, в голове, но они каким-то образом представлены и в формах языка. На примерах энтимем, выраженных в формах русского и немецкого языков, я показал отличие семантических форм мысли от логических форм мысли. Это не только проблема соотношения языка и мышления, точнее – материальных знаков и мышления, которое я называю семантическим мышлением, но это одновременно и вопрос о внеязыковом (авербальном) мышлении, о мышлении, свободном от языковой материи.

Как этот реальный, экспериментально обоснованный вопрос решается в языкознании» ? По мнению Панфилова, «мышление человека способно выйти за пределы содержательной стороны языковых единиц», т.е. быть невербальным. [Панфилов 1982 : 41]. И в то же время Панфилов, опровергая себя, считает, что если бы мышление могло осуществляться вне языковых форм, то это означало бы, 1) что материя или знаковая сторона языковых единиц не является обязательным, органическим моментом мышления, 2) что мышление может осуществляться в чисто понятийной форме. «Поэтому не может быть и речи о том, что язык оказыает обратное влияние на мышление [Панфилов 1982 : 50]. Те, кто полагает, что мышление может осуществляться и без языка (Б. де Куртенэ, Мельников), для них «язык не является необходимым средством осуществления процессов человеческого мышления» [Панфилов 1977 : 5].

Но допустить возможность невербального мышления – не значит отвергать то, что язык есть «необходимое средство мышлениява», а говорит лишь о том, что наряду с языковым мышлением есть мысль и без языка, при этом ничего не говорится о степени важности того и другого. С другой стороны, если язык есть необходимое средство осуществления процессов мышления, то это ещё не значит, что кроме знаков языка нет ничего, что могло бы служить средством общения. Панфилов отрицает ассоциативный характер связи языковых единиц с соответствующими единицами мышления, т.е., по его мнению, связь знака с мыслью – органическая. А так как связь языка и мысли имеет ассоциативный, условный характер, то это, по Панфилову, значит, что «язык не оказывает обратного влияния на мышление». Познавательное мышление осуществляется чаще именно без языка, в то вренмя как коммуникативное мышления без языка невозможно.

Панфилов отвергает реальное существование внеязыкового мышления приводит доказательства психологов, физиологов (И.М.Сеченов, А.Р.Лурия, П.Милнер и др.), приводит пример «Маугли» как случай, когда дети не могут развиваться вне языка. Он делает три вывода из своего положения, будто нет мысли без языка: 1) существуют определённые биологические предпосылки функционирования языка, 2) биологическая основа языковой способности развивается лишь в обществе людей, 3) язык и мышление развиваются неразрывно как органическое единство [Панфилов 1977 : 7].

В поддержку моей точки зрения об отсутствии жёсткой, неразрывной связи языка и мышления я тоже обращусь за помощью к некоторым авторитетам, главный из которых – сам лингвистический материал и его логический анализ. Как пишет Ибраев, связь предшествующей мысли с последующей возможна благодаря не просто звучанию предшествующей речи или даже её «компрессии» – ведь оно уже не существует, – а благодаря сохранению в сознании в качестве предпосылки новой речи смыслового образа отзвучавшей речи [Ибраев 1981 : 32]. „ ... Man kann die Sprache nur verstehen,

wenn man mehr als Sprache versteht“ (« ...Язык можно понять лишь тогда, когда понимаешь больше, чем язык» [Hörmann 1978 : 210].

« ... Общность знаний коммуникантов принято именовать в лингвистике пресуппозицией». Пресуппозиция – это «невербальный компонент коммуникации, как сумма условий, предпосылаемых собственно речевому высказыванию ...» [Халеева 1989 : 203]. Пресуппозиция, Voraussetzung означает «лежать в основе», «принимать за истину», «допускать», «условие истинности высказывания», «невербальный компонент коммуникации», «сумма условий для речевого высказываания». Это и есть невербальное мышление, в какие бы одежды его не рядили. Когда лингвисты говорят, как пишет Караулов, что «значение фразы больше суммы смыслов составляющих её слов» и ищут источник «приращения» смысла только в синтаксисе, то они совершенно упускают знания о мире ...» [Караулов 1987 : 170]. Нечипоренко не без основания утверждает, что речь сигнализирует как осознаваемые человеком мыслительные операции, так и отчасти отголоски скрытых, почти неосознаваемых операций мышления. В знаках проявляется своеобразная бинарность: явное, ясно высказываемое в речи, содержание понятийного плана и одновременно наличие скрытого, неясно выраженного содержания [Нечипоренко 1998 :151].

Мысль может быть независимой от речи, а сам процес мышления может быть и несловесным. Это значит: содержание будущего высазывания создаётся до форм его выражения в речи и что единицы мысли и единицы речи не совпадают. Это положение важно для культуры общения, так как ориентирует на глубинное понимание, т.е. на понимание на уровне смыслов, а не их внешних выражений. Выготский доказал, что в деятельности общения первичной и исходной является мысль. Она идёт всегда впереди языка, т.е. содержание будущего высазывания конституируется раньше формы его выражения в речи, мысль оповещает о себе до того, как наступает её словесное оформление. Вербальные компоненты языка – лишь вершина айсберга. « ... Единицы мысли и речи не совпадают» [Выготский 1996].

« ... Мышление преступно отождествлять и даже связывать с вербальной речью» [Михайлов 2005 : 42]. Далее Михайлов пишет: «Говоря о немоте, о паузе, я имел в виду, что эти слова имеют не один смысл, а, как минимум, два. “Первый ...“. Но как только я сказал „первый“, то вдруг подумал, что не знаю, какой „второй“. ... Но пережив мгновенный конфуз, ... я тут же потерял и „первый“. Бессмысленно „задумался“. Вот она пауза, вот она – немота мысли ! ... При ... простой попытке повторения уже сказаного, сказанное ранее *целиком* преобразилось, и даже для меня самого стало иным, открывая какие-то новые горизонты мысли. И тут же выскочили, откуда ни возьмись, и совсем новое „первое“ и новое, явно следующее из него, ...даже для меня самого ... неожиданное „второе“. ... А главное – до этого я *понятия не имел* о том, что открылось для меня как новое понимание предмета обсуждения ... В итоге – катарсис !» (духовная разрядка, – А.К.).

Каждый из нас испытывает это состояние немыслия при обыденном разговоре и при вполне рутинном создании устной и письменой речи своей. И состояние это даже психологически странное: ступор (оцепенение, заторможенность, – А.К.), отключение, похожее на забывание. На забывание того, что было сказано, написано, ... ведущее за собой незнание того, что должно последовать за уже сделанным осуществлённой мыслью. Однако следует заметить, что состояние небытия мысли – это нечто принципиально отличное от симптомов склероза и амнезии» [Михайлов 2005 : 47].

В сознании каждого человека имеется некоторая сумма накопленных знаний о связях между предметами, явлениями, которые, будучи закреплёнными человеческой практикой, приобрели устойчивый характер. Эти устойчивые связи и позволяют нам

открыто их не высказывать, но подразумевать, «держать в уме» (отсюда и термин «энтимема» – «то, что держится в уме»). Благодаря языковым формам, служащим для построения скрытых, свёрнутых суждений и логических энтимем, мы получаем возможность придать нашим рассуждениям чрезвычайно разнообразную, гибкую и изящную словесную форму. В живом языке, как и в формальной логике, мы наблюдаем регулярное выпадение строго определённых звеньев речевой цепи, что свидетельствует о движении мышления также вне эксплицитно выраженных языковых форм [подробнее см.: Кривоносов 1993; 1996].

Почему Панфилов, наиболее последовательный представитель «марксистско-ленинского языкознания», опровергает самого себя ? Потому что, вопреки фактам (он пишет, что «мышление может выходить за пределы содержательной стороны языковых единиц») у него наготове неопровержимые, раз и навсегда данные «марксистско-ленинские» рецепты: 1) существует «неразрывная связь» языка и мышления, 2) существует «обратное влияние языка на мышление». При этом Панфилов не замечает, что пункт первый противоречит пункту второму. Если эти «марксистско-ленинские» догмы нарушены, то необходимо отвергать и реальные языковые и психологические факты. «Марксистско-ленинские» установки превыше любой научной истины !

Анализ сложных языковых форм логическими методами 1) начисто опровергает теорию «неразрывности языка и мышления», представленой в «марксистско-ленинском» языкознании, 2) показывает, что реальное существование семантичесих и логических форм мысли – реальный факт и он доказан экспериментально. 3) Экспериментально также разрушены теории «лингвистической относительности» и «языковой картины мира». Теперь уже решён вопрос о реальном существовании внеязыковых (невербальных) форм мысли, он доказан экспериментально на материале логических умозаключений, в том числе и энтимем, т.е. форм мысли (это в основном общие логические суждения), отражённых не в материальных формах языка (однако эти мысли выражаются косвенно, непрямо, иногда еле заметными намёками), а реально существующих лишь в нейронных клетках мозга.

6) Частотность употребления логических силлогизмов и полисиллогизмов в естественном языке.

1) Среди всех сокращённых силлогизмов (энтимем) и полных силлогизмов, в результате сплошного анализа было обнаружено, например, в немецком тексте [см. Heinrich Mann. Im Schlaraffenland. Berlin, Aufbau-Verlag, 1951, 400 S.] 1943 силлогизма. Среди них 458 (24 %) силлогизмов объединены в полисиллогизмы, состоящие из различного количества энтимем (от 2-х до 6-ти), образовав 195 полисиллогизмов: 2-х ярусных = 150, 3-х ярусных = 30, 4-х ярусных = 9, 5-ти ярусных = 4, 6-ти ярусных = 2. В зависимости от сочетаний различных модусов в каждом полисиллогизме все эти 195 полисиллогизмов сведены к 44-м моделям. Текст, таким образом, содержит в себе устойчивые, повторяющиеся модели причинно-следственных предложений (на уровне семантических форм мышления), выступающих как взаимосвязанные силлогизмы, группирующиеся в более высокие логические единицы – полисиллогизмы (на уровне логических форм мышления).

2) Силлогизмы, энтимемы, эпихейремы, полисиллогизмы, антилогизмы как сложные многоярусные структуры взаимосвязанных умозаключений, выступают в естественном языке в виде нестрогих логических доказательств (естественный язык – не логические, математические исчисления), которые имеют сложную структуру и состоят из различных типов умозаключений, из их различных модусов и из их различных моделей, т.е. различных расположений посылок и заключений относительно

друг друга. В этих полисиллогистических доказательствах посылки и заключения сочетаются самым причудливым образом, вплоть до 6-ти этажных построений. Реактивный характер связей в устной речи (а диалоги и монологи в художественном произведении – это отражение устной речи) как бы о б н а ж а е т работу мысли: высказывание рождается как непосредственная реакция на предшествующую порцию информации. При этом разные смысловые отношения не успевают оформиться в стереотипные жёсткие конструкции логических умозаключений: к ним тут же добавляются новые. Логические построения не получают окончательной завершённости, а демонстрируются в процессе их создания.

§ 5. Взаимодействие семантических и логических форм мысли.

I. Неизбежность двухуровневой формы выражения мысли в предложении – семантической и логической.

1) Подступы к пониманию двойственной сущности языка.

В учении «Пор - Рояля» доказано существование двух языков. «Человеческий язык состоит из двух слоёв: один – точный, ясный, упорядоченный, закономерный, логический, общий для всех людей. Другой или другие, ибо их много – своеобразный у каждого народа, изменчивый, полный причудливых правил». Грамматика «Пор – Рояля» считает, что ближе всех к логическому языку – латинский, философ Спиноза таковым считал древнееврейский.

«В языке таким чудесным образом сочетается индивидуальное со всеобщим, что одинаково правильно сказать, что весь род человеческий говорит на одном языке и что каждый человек обладает своим языком». [Гумбольдт 1956 : 75 - 76]. « ...мы движемся навстречу новому взлёту сравнительного языковедения – некоей фазе универсального сравнения человеческих языков, на которой должен быть на более высоком уровне реализован тот замысел, который маячил уже перед В. Гумбольдтом и его современниками. Первое положение об универсализме – существенное структурное сходство всех известных человеческих языков». [К. Бюлер 1993].

Языковое или семантическое мышление не есть чистая логика. От логического мышления семантическое мышление отличается тем, что оно не является чистым мышлением, а той или иной его конкретизацией. Уже Аристотель увидел в языковых символах сопряжение двух идей – семантической и логической, на основе чего и родилась его формальная логика.

Семантические формы языка в разных языках меняются, но за ними стоит единое, реальное, понятийное или логическое мышление. Различия форм языкового выражения не обусловливают разную познавательную деятельность сознания. В разных языковых формах человек может думать об одном и том же, мыслить одно и то же, но это уже будет одно и тоже логическое суждение, общее для людей всех наций. Общим знаменателем для всех языков является реальный мир и сам человек. А производным от этого мира является логическое мышление. Национальные языки есть производное от этого логического мышления, одного и того же для всех людей Земли. Но все эти земные языки будут разными, в зависимости от их структурно-семантического устройства, обусловленного образом жизни этих людей. Но так как логическое мышление – общечеловеческое, единое для всех людей, следовательно, описываемая разными языками действительность

будет одним и тем же миром. Лишь каждое описание одного и того же мира будет иметь разную семантико-грамматическую окраску. Это будет не «переход из одного круга языка в круг другого языка», как писал Гумбольдт, что вело бы к взаимонепониманию, а переход внутри одного и того же логического суждения к двум их различным семантико-грамматическим формам манифестации, т.е. переход из одного национального языка, представленного одной семантической формой мысли, в общечеловеческий логический язык, но представленный уже другой семантической формой мысли. Следовательно, язык не имеет никаких свойств, преобразующих мир и мышление человека.

Слово, предложение служат основой для процесса обобщения. Но сам этот процесс обобщения протекает не в тех знаковых формах, в каких мы их слышим и читаем, а как логические суждения. Прямого уподобления между значением предложения и суждением нет. Входя в структуру языка, суждение обретает новые, знаковые качества, которые передаёт ему эта семантическая структура. Суждение получает «качество структурности» именно того языка, в котором оно выражено, которое проводит разграничение между ним как логической категорией и как компонентом языка. Происходит то же самое, что и со звуком, который превращается в элемент языка – в фонему. Логическое суждение, войдя составным элементом в структуру языка, перестаёт быть чисто логической категорией, суждением, и превращается в лингвистическую категорию, в структурно-семантическую форму предложения, т.е. в семантическую форму мысли.

Цементирующей основой языкового или семантического мышления, средством осуществления которого является естественный язык, служат логические формы мысли. Лишь путём абстрагирования от грамматических средств выражения логическая структура мысли выделяется как предмет исследования логики. Языковая знаковая система не есть преобразующая сила и не заменяет мышление. Разные языки не представляют разные «картины мира»: объективная картина мира запечатлена в языках неодинаковым образом, а по мерке каждого отдельного языка. Факт различия языков не значит, что разные языки образуют разные «картины мира». Неодинаковое семантическое членение обусловлено человеческим сознанием, выросшем в различных жизненных условиях. Будучи посредником между сознанием и миром, не указывает мышлению определённые пути его развития. Языковые знаки есть посредник лишь в том смысле, что без их участия невозможна вообще познавательная деятельность. Языковые знаки – орудие, инструмент процесса мышления, но это не значит быть его руководителем, демиургом. Языковая знаковая система – производное от мышления и действительности.

Грамматика – это наиболее элементарная часть логики. Это начало анализа процесса мышления. Принципы и правила грамматики – это средства, с помощью которых знаковые формы «приспосабливаются» к универсальным формам мышления. Структура всякого предложения есть урок логики. Грамматические значения тоже зависят от логических категорий. В грамматических значениях сосредотачиваются собственно логические элементы, на основании которых только и возможно соотносить грамматическое предложение с категориями внешнего мира. Соотносить язык с действительностью возможно только потому, что в предложении содержится логика, но только в конкретном предложении в его семантико-грамматических формах. « ... при переводе логическая структура суждения сохраняется ...неизменной, в то время как семантическая структура предложения подвергается обычно многочисленным и разнообразным изменениям и переводческим трансформациям». [Бархударов, ВЯ, 1973, № 3].

2) Логический анализ сложных форм естественного языка доказал реальность взаимодействия семантических и логических форм мышления.

Наряду с грамматическими категориями а также кроме них, или за этими категориями, обусловленными структурой каждого языка, имеются ещё и внеязыковые категории, не зависящие от структуры какого бы то ни было языка. Это внеязыковые, незнаковые или экстралингвистические категории, но такие, что без них нет и языка. Эти категории универсальны, они применимы ко всем языкам, хотя они и представлены в каждом языке только согласно их структурам. Эти категории Есперсен и Мещанинов называли «понятийными категориями».

Многие лингвисты считают, что в языке семантика не совпадает с семантикой в логике – понятиями, суждениями. Доказывают относительную автономию лингвистической семантики и тем самым пытаются отстоять суверенитет лингвистической науки. Вот как это доказывается. Хомскианство, Пишет Филин, – одна из разновидностей современного идеализма. Идея «поверхностных» и «глубинных» структур языка нам представляется бесперспективной, не открывающей ничего нового. [Филин 1982 : 69].

Известно, что в высшем аристократическом свете в 19 веке лица привилегированных сословий, мысля по-французски, сохраняли русскую речь. Здесь несомненный парадокс и вместе с тем коренится глубокая языковая проблема. Логика одна ! Языки разные ! Переводы разноязычных текстов, как национальных семантико-грамматических или просто семантических текстов, основаны именно на этом принципе, переводы возможны лишь благодаря единому для всех людей мышлению. Теория перевода основана на этом принципе: есть два языка – семантический и логический.

3) В чём различие между семантическими и логическими формами мышления ?

Логика – наука о формах мысли и правилах их связи. Но мысли выражаются средствами языковых знаков, поскольку 1) непосредственной, явной действительностью мысли являются знаки, 2) мысль не может быть выведена из головы непосредственно, в виде каких-то идеальных потоков мысли, без чувственно воспринимаемых знаков. В этом и только в этом смысле языковые знаки и логика неразрывны. Для логики важны общие закономерности мышления, выражаемые в языковых конструкциях, а лингвистика изучает частные семантико-грамматические языковые законы, которые формируют высказывания и обеспечивают их связность.

Логика в некотором смысле игнорирует семантическое мышление, вылущивает из него рациональное зерно – понятия, суждения, умозаключения. Семантическое мышление может быть истинным и ложным, противоречивым, субъективным. Логика же схематизирует мышление, обобщает его, абсорбирует из предложения реальное содержание, одевая его семантику в прямолинейные, непротиворечивые и свободные от субъективных оценок логические формы. Но естественное, практическое, т.е. семантическое мышление в известной мере свободно от диктатуры формально-логических схем. Оно отражает гибкость, подвижность, противоречивость природы – её диалектику, со всевозможными зигзагами, отступлениями, заблуждениями, противоречиями. Именно потому семантическое мышление не всегда и с трудом поддаётся формально-логической интерпретации.

К общечеловеческому характеру мышления принадлежит только логическое, но не семантическое мышление, которое представлено всегда конкретными системами языковых знаков, т.е. языками. Но логический строй не исчерпывает мышления в целом, поэтому нет полного соответствия между единицами логической и семантической формы мысли. Например, формальная логика традиционно оперирует единицами, мельчайшими из которых для неё являются понятия, суждения, умозаключения. Но для неё не существует фонем, графем, морфонем, т.е. нет логических коррелятов для звуков, букв, морфем, хотя они тоже участвуют в построении более крупных логических форм. Даже односоставные предложения не всегда считают формой выражения логического суждения. Когда Маркс пишет, что язык есть «непосредственная действительность мысли», то таковой является лишь реальное, звучащее, написанное, т.е. семантическое предложение, из которого автоматически, бессознательно абсорбируется его логическая схема – суждение.

Хотя семантическое мышление, осуществляющееся в знаковых формах языка, шире, богаче, содержательнее форм логики, однако логические формы мысли главные, ведущие и без них не может быть сформировано ни одно предложение. «Язык есть не чистая логика. Он есть практическое мышление, извлекающее из объективной действительности те моменты, которые необходимы для общения людей, и те моменты из чистой логики, которые в результате сложнейшей модификации могут стать орудием разумного мышления. [Лосев, ВЯ, 1965, № 5 : 29].

Форма предложения обнаруживает себя не как чисто семантическая и не как чисто логическая, а как логико-семантическая форма. Форма предложения является объектом семантики и грамматики, так как она получает характеристику через описание состава языковых средств, выражающих структурную законченность мысли. Она является и объектом логики, поскольку характеризуется через описание элементов строения мысли, выраженных средствами языка. «Если бы знание не было языком, им нельзя было бы оперировать в обществе. ...Знания приобретают предметный характер, становясь языком». [Копнин 1968 : 25]. «Наши собственные мысли, не будучи оформлены в словах, непостижимы для нас» [Копнин 1973 : 191].

Взаимоотношение между логической и семантической формой мышления в одном и том же предложении, или просто – между логикой и языком, можно сравнить с процессом построения дома или с уже готовым домом: металлический каркас дома, на котором должен держаться весь дом с его кирпичами, досками, стёклами, водопроводом, оборудованием, – это логическая форма мысли, логика; как выглядит уже готовый дом и радует глаз прохожих – это семантическая форма мысли, т.е. язык.

Сфера гносеологии совпадает со сферой логических форм, выраженных в формах языка, т.е. с логической формой мысли, заложенной в семантической структуре предложения. Предмет логики – законы и формы правильного, непротиворечивого мышления, они недоступны непосредственному наблюдению, и выхватываются из структуры предложения, из его семантического значения. Связь языкового содержания с содержанием познания является настолько тесной, что совпадают соответствующие сферы языкознания с гносеологией. «Наше знание так тесно связано со словами, что без слов о нём мало чего можно сказать». [Локк 1960 : 481].

Формы семантического и логического мышления чаще всего не совпадают. Почему ?

1) Мышление отражает мир таким, каков он есть. А семантические значения языка – не всегда, и даже искажают его. Это значит, что семантические компоненты языка, если мы их не переводим в логические понятия, не обладают отражательной функцией и, следовательно, не полностью и не всегда совпадают с логическим мышлением.

2) Мышление отражает мир объективно, таким, каков он есть, а в семантических компонентах языка отражается не только мыслительное содержание, но и субъективные представления, эмоции, ощущения, оценки и пр. Поэтому семантические значения в языке по объёму шире логического содержания. Несовпадение форм мышления и семантического значения в языке вызваны тем, что формы логического мышления оставляют в семантике языка лишь намёки на логические формы, индуцируют нейродинамический процесс, приводящий к возбуждению и формированию логической мысли. Если бы семаника каждого слова была бы однозначной, а в звуковой или графической фразе была заключена сама логическая мысль, то её разночтение было бы исключено. Если бы во фразе не было ассоциативных следов идеального, логического, то утратили бы всякий смысл её воспроизведение и восприятие. Фраза оказалась бы пустым набором звуков, природной материей. Но во фразе никогда не может быть заключена мысль, языковые знаки – не мозг, только в нём живут логические мысли. И живут они не в материи знаков, а в функционирующей материи мозга, в работе нейронных связей, но таким образом, что и эта материя знака как её идеальный образ (уровень **2** в знаке), и сама мысль (уровень **3** в знаке) срослись в единую логическую форму, потому что они – одного свойства, т.е. идеальное. Поэтому, естественно, во фразе нет никаких следов идеального, оно, как нечто, сросшееся в единую логическую форму, находится в мозгу и может по команде того же мозга выйти наружу только в форме материи знака – как звуки или буквы.

Поскольку между системой логических понятий и значениями слов, т.е. между мыслительным и языковым содержанием нет изоморфизма, то это дало повод некоторым лингвистам утверждать, что существуют две системы мышления. Это приводит их к выводу об относительной самостоятельности идеального, семантического компонента языка, т.е. особого, языкового вида отражения наряду с мышлением.

Нельзя отождествлять мышление в целом с логикой, потому что мышление – это прежде всего слышимая и видимая семантико - грамматическая структура, т.е. естественный язык, система языковых материальных знаков, без которых нет мышления, это то же, что и семантические формы мышления. А логические формы мысли или просто логика – это логически формализованный аппарат мышления, т.е. логическая форма той же системы языковых знаков. Семанические и логические формы мыли – не антиподы, это одно и то же как содержание (семантика языка) и её логическая форма (логика). Логические формы мысли есть «очищенные» от языковых знаков формы мышления, а семантические формы мысли – разнообразно расцвеченные мысли, чувства, эмоции, ощущения, законы функционирования мышления с формально-логическими схемами логики. Действительное, практическое мышление не сводимо к чисто логическим операциям потому, что оно всегда предметно, содержательно, а логика абстрагируется от этого момента. Подлинное мышление многогранно, живо, подвижно, это свобода ассоциативных связей и образов, оно метафорично насквозь (*дождь идёт, тяжёлый вопрос*).

Язык не есть чистая логика, он есть практическое мышление, извлекающее из объективной действительности те моменты, которые необходимы для общения людей, и те моменты из чистой логики, которые в результате сложнейшей модификации могут стать орудием разумного общения. [Лосев, ВЯ, 1965, № 5 : 29]. Языковые контексты всегда ложатся на формальные модели логики, лингвисты здесь – своего рода «потребители», которые должны осознавать, что в языке для лингвистов – не конечный продукт исследования, а язык есть лишь «полуфабрикат», который ещё нужно приложить к структурам логики.

Суждение отличается от предложения. В семантической форме мысли всё индивидуально, на то она и семантика. В логическом суждении всё всеобще, т.е. это есть деление на единичное и всеобщее, явление и сущность, т.е. это и есть материалистическая диалектика, основной вопрос диалектической философии – о соотношении материального и идеального. Например, Гегель не считает единичные, т.е. семантические формы мысли логическими суждениями. Он разделяет суждения как познавательный акт, а в семантической форме мысли усматривает только формирование мысли. Отсюда их корреляция: если это суждение, то оно должно быть предложением. Если это предложение, то оно должно быть суждением.

Низшая форма мысли – семантическая, это простое знаковое построение согласно правилам данного национального языка. Высшая форма мысли – логическая, общечеловеческая. Каждая семантическая форма мысли переходит в логическую путём диалектического скачка, путём автоматического, бессознательного перехода на более высокую ступень мышления, хотя содержит в себе как подчинённый момент семантическую форму мысли, но не сводится к ней, ибо их столько, сколько языков. Семантическая форма мысли, превращаясь в логическую форму, сама по себе не исчезает бесследно, она остаётся той же семантической формой мысли, мы воочию видим и слышим ушами её материальные знаки, но в ней в то же время, как бы в глубине, заложена железная основа, каркас более высокой абстракции от семантики предложения. Точно так же, как внутренний металлический каркас дома, не видимый снаружи, держит на себе весь дом и всё, что в нём есть, так и логическая форма семантического, знакового значения предложения держит на себе весь смысл предложения, хотя и то, и другое, т.е. и семантика и логика неразрывны и идут нога в ногу.

4) Природа семантических и логических форм мысли.

Закономерности объективного мира находят своё отражение в законах логики, которые являются для всех людей едиными законами связей мыслей в рассуждениях. Благодаря этому логический строй мыслей у людей всех наций один и тот же. Но одну и ту же мысль носители различных языков, в полном соответствии с семантико-грамматическими различиями в разных языковых системах, выражают различным образом. Отсюда – своеобразие способов выражения одного и того же, например, суждения в каждом национальном языке. Более того, одна и та же мысль даже в одном и том же языке может быть выражена десятками вариантов.

Хотя у всех народов единое логическое мышление, однако словарные и синтаксические структуры их языков совершенно разные. На первый взгляд это кажется парадоксальным, поскольку коммуникация строится на базе отражения человеком законов одного и того же мира, т.е. на базе логического мышления, и в то же время это общее для всех логическое мышление как бы игнорируется, оно безразлично к тому, как и чем оно выражается. Причина всему этому – одно и то

же логическое основание для разных языковых систем, которое нивелирует различные структуры разных языков, в каждом из которых отражаются разные семантические членения отрезков мира.

Надо ещё учесть то, что связь языковых знаков означает связь понятий, а она порождает дополнительный смысл знакового сочетания в целом. Словосочетания порождают новый смысл, и тем самым преодолевают ограниченность значений отдельных слов, поэтому логическое мышления снимает различие семантических структур языков. Отсюда следует, что содержание сознания шире всех знаковых значений.

5) Механизм взаимодействия семантических и логических форм мысли.

Надо различать «речевое, оречевлённое мышление», т.е. «звучащую», «написанную» форму мысли в материальных знаках, вынесенную за пределы мозга. Это реально звучащая или написанная речь, текст, вынесенные за пределы мозга. Только звучащая или зафиксированная в тексте грамматическая и семантическая система оречевлённого мышления и связанное с нею уникальное, неповторимое семантическое представление реального мира сегментирует, членит – но не «отражает» – мир в направлении, диктуемым каждым конкретным языком. Но лишь «членит», «сегментирует» и не более, и своей семантико-грамматической формой извещает слушающего (читающего), и именно в силу специфики каждого конкретного языка, о заложенной в её глубине логической форме мысли. Это значит, что с реальным миром соотносятся не только грамматические формы языка и выраженная ими семантическая информация как семантическая форма мышления, но и логические формы мышления, служащие её фундаментом.

Семантическая форма мышления в звучащих и написанных словах семантически отражает окружающий мир, но передаёт лишь то семантическое значение мысли, которое рука об руку шагает вместе с материальной формой языка, т.е. мир выражается в национальном языке как национальная форма мысли. Однако мир воссоздаётся логическим мышлением в форме логических понятий, суждений, умозаключений, которые лежат в основе семантической и грамматической структуры языка, потому что эти логические формы едины для людей всех наций, хотя и выражены различными языками.

Логические формы мысли как предмет изучения логики, будучи идеальными объектами, приобретают материальную форму в языке и могут быть выявлены лишь путём специального анализа языковых контекстов.

Логическая структура предложения опознаётся из содержания, а оно – из синтаксической структуры. Чтобы определить логичекую структуру сложных предложений, надо исходить из его содержания. До тех пор, пока не определена логическая структура выказывания, его записать в символической форме суждения невозможно. В этом состоит одна из сложнейших проблем машинного перевода. Машины не могут перевести смысл текста, они воспринимают исключителльно вид и последовательность знаков, с помощью которых записан текст, т.е. «видят» только синтаксис.

Разделение семантического (языкового) и логического мышления фактически идёт ещё от Аристотеля, создавшего формальную логику, отделив тем самым логические формы мысли от семантических форм мысли (для него они просто – язык, в данном случае – греческий). Противопоставляемые единицы языка, т.е. семантические единицы (звук, буква, морфема, слово, предложение, сложное предложение), и логики, т.е.

логические формы (фонема, графема, морфонема, понятие, суждение, умозаключение) есть р а з д в о е н и е мыслительного содержания, развитие идей Аристотелевской логики, которая в конечном итоге, принадлежа двум наукам – языкознанию и логике – вылилась в дихотомию
«семантических форм мысли и логических форм мысли». Все подходы к этой д в у х у р в н е в о й сущности мышления давно уже проложены, очищены от бурьяна и мусора, укатаны многочисленными последователями Аристотеля, в том числе и лингвистами, даже не подозревающими о своей принадлежности к его учению. Эта идея давно уже носилась в воздухе. Многое уже сделано, осознано, доказано и разрозненно, и по разным поводам, описано, но мы до сих пор не понимаем простой – теперь уже п р о с т о й, потому что она стала понятной, – истины: есть два типа, два уровня или два процесса мышления, две формы мышления, и они, «пересаженные» в ассоциативные материальные знаки, п р о н и з ы в а ю т л ю б о е п р е д л о ж е н и е л ю б о г о я з ы к а. При этом логическая форма мысли – главная. Именно с неё начинается продуцирование предложения и именно ею кончается понимание предложения.

Сам процесс мышления о д н о в р е м е н н о состоит из двухуровневого процесса мышления, структурными единицами которого являются логические формы и семантические формы (семанико-грамматическая структура предложения), как материальные знаки, которые, оставаясь лишь материей на уровне семантического мышления, сами становятся идеальными единицами – логическими понятиями. Мышление осуществляется с помощью указанных логических форм как форм первого уровня мышления, и с помощью языковых знаков как форм второго уровня мышления. Поэтому в процессе мышления два слоя - л о г и ч е с к и й и с е м а н т и ч е с к и й (я з ы к о в о й) спаяны в едином мыслительном процессе, причём первый уровень мышления (логический) ведёт за собой языковой (семантический) уровень: когда мы говорим и пишем, мы обязательно исходим из логического строя мысли, опираемся на логику, исходим из логических суждений. Когда мы слушаем (читаем), мы слышим семантический уровень предложения и через него приходим к логическим суждениям, заложенных говорящим в его языке.

Некоторые люди каждой нации тешат себя иллюзиями, будто их язык – лучший из всех, самый богатый и точнее остальных отражает окружающий мир. В этом смысле такие люди воображают, будто их язык и есть их мышление, что их язык и есть их мир, не задумываясь о том, что их язык, напротив, и с к а ж а е т этот мир. А искажает потому, что мир един, а разноструктурных языков много, следовательно, если каждый из них создаёт свой мир, то единство мира исчезает. Но он, тем не менее, остаётся единым для всех, подтверждая своим существованием реальность единого для всего человечества логического мышления, отражающего этот единый для всех мир. Люди думают, что они имеют свой собственный мир, но только до тех пор, пока люди, например, данной, конкретной нации, не стукнутся лбом о какие-либо «несоразмерности», «нелогичности» или «несуразности» других языков, которые также хорошо служат инструментом общечеловеческого логического мышления для отражения единого для всех мира, который они создали, якобы, своим собственным языком. Набитые шишки заставляют их понять, что мир-то, оказывается, построен не по законам их языка, и не по законам какого-либо иного языка, но п о с в о и м с о б с т в е н ы м з а к о н а м, не зависящих ни от какого языка. И отражается этот единый для всего человечества мир мозгом, мышлением, и только в логических формах, единых для всего человечества, хотя это единое для всех общечеловеческое, логическое мышление представлено в разных языках по-разному, в зависимости от их структурно-

семантического устройства, которое было продиктовано жизненными, экономическими, историческими, географическими условиями развития данной нации.

Оказывается, между миром и языком человека лежит его мышление, имеющее свои собственные формы – логические формы, которые и берут на себя функции общения между людьми. Причём роль языковых знаков в этом познании – инструмент, отмычка (ср. лопата, топор, грабли и пр.), вооружающая мозг, т.е. мышление, чтобы с его помощью не только легче было, во-первых, осознать, понять, обобщить действительность (познающее мышление) и, во-вторых, описать, рассказать, сообщить о свойствах внешнего и внутреннего мира (коммуникативное мышление), но главным образом, всё-таки, – мыслить, думать. А это сделать без материальных знаков невозможно (кроме, разумеется условий, когда человек пользуется авербальным мышлением, постоянным спутником человека в повседневной жизни). Различие между логическим уровнем мышления (логикой) и семантическим уровнем мышления (языком) состоит в том, что второе есть не что иное, как наше «вынесенное» за пределы мозга языковое или оречевлённое ассоциированное с нейронами мышление, как семантическое содержание нашего мышления, как «непосредственная действительность мысли» (хотя мы должны понимать, что сама мысль вне мозга не существует).

То, что я называю семантическим мышлением, есть реальный язык, а логическое мышление – это обычные логические формы, изучаемые наукой логикой. Задача науки, прежде всего языкознания – выявить эти «чистые», «всеобщие», «абстрактные» логические формы как всеобщие схемы для всех языков, но по-разному реализованные в различных языках в соответствии с их структурой.

Многие лингвисты так и не поняли двухуровневого характера процесса мышления и, следовательно, сущности языка, в основе которой лежит не «неразрывная» связь языка и мышления, а именно их «разрывность», нетождественность, двойственность как соотношение явления и сущности. Я бы посоветовал лингвистам, логикам, психологам, философам – не писать больше о теории «лингвистической относительности» и о теории «языковой картины мира», не ломать понапрасну копья ! Нет нужды изучать системы наименований цвета в разных языках с целью выяснения вопроса о том, как язык «влияет» на восприятие цвета. Материя языковых знаков ни на что не влияет, всему голова – наше мышление, живущее в черепной коробке, и следы нашего внешне выраженного мышления в языковых знаках, отправляющие слушателя и читателя к соответствующим понятиям в моём и в чужом сознании. Нет нужды сравнивать «языковые картины мира» киргизского и испанского языков. Изучение этого вопроса полезно только с точки зрения сопоставительного анализа структуры разных языков в конкретных аспектах. Нет необходимости заниматься способами выражения солнечного спектра в разных языках, кроме структурно-семантических сравнений этих участков словаря в разных языках. Нет такой теории, повествующей о том, будто язык управляет нашим восприятием мира. Не надо проводить эксперименты, ставить опыты на студентах и школьниках разных национальностей, чтобы убедиться, разное ли у них мышление в зависимости от их языка. Есть лишь различия в структуре национальных языков, родившиеся в соответствующих экономических, географических и иных условиях зарождения и развития каждой нации, и эти различия изучаются в сравнительно-историческом и сопоставительном языкознании.

Но общим для всех, одними и теми же для всех будут лишь формы мышления людей разных национальностей. Как бы различно и в каком бы количестве не был представлен солнечный спектр, названия разных цветовых гамм, названий оленей, коров, льда, снега, рыбы в каждом национальном языке, их семантическая сегментация зависит не от самого языка, а от мышления человека, отражающего

жизненный опыт людей данной нации, живущей в соответствуюших экономических и природных условиях. Лингвисты и в какой-то степени логики, психологи, философы должны понять, что, например, теорий «лингвистической относительности» и «языковой картины мира» нет, эти понятия мертвы. Чтобы их оживить, надо немногое – напомнить о том, что «лингвистическая относительность» и «языковая картина мира» и есть то, что всегда называлось семантико – грамматической структурой данного языка, т.е. семантической формой мышления. А эта последняя не существует иначе, как только в логической форме мысли – в фонеме, графеме, морфонеме, понятии, суждении, умозаключении.

Два человека, в одинаковой степени владеющие одним и тем же языком, по-разному опишут увиденное, в том числе, например, и увиденное в микроскоп. Гистолог или химик в химическом препарате увидят и, следовательно, расскажут больше, чем лингвист. Писатель перескажет увиденное совсем иначе, чем неписатель. Но это связано не со степенью владения ими их общим родным языком (от этого я отвлекаюсь), а с тем, что первые владеют несравненно большим запасом логических понятий и суждений из данной области (соответственно и слов), чем вторые, т.е. понятий, выраженных тем же языком. Теории «лингвистической относительности» и «языковой картины мира» разрушаются наукой, но эти теории разрушается и на повседневном уровне, в механизме естественного языка каждого говорящего и каждого слушающего. Мы бы не смогли ни говорить, ни понимать других, если бы не были вооружены мышлением, от природы, ab ovo, наделённым двумя уровнями – семантичесим и логическим, в основе разделения которых лежит только и только знаковая природа языка и мышлеия. Эмпирические факты гласят: «Мир вокруг нас – един; разные языки сегментируют в себе этот мир по-разному». Чтобы понять природу этого противоречия, надо понять природу языкового знака и как следствие этого – природу взаимоотношения двух уровней человеческого мышления – семартического и логического.

Являюсь ли я в этом вопросе первооткрывателем? Ни в коем случае. Я здесь принципиально ничего нового не «изобрёл», а систематизировал лишь то, что было написано до меня в этой области в языкознании, логике, психологии, философии, нейропсихологии. Оказывается, многие критические точки о теории двухуровневого процесса мышления уже поставлены, разрозненно, в разных науках, в разных работах, у разных авторов, по-разному, по крохам. Моё дело – собрать эти наметившиеся точки зрения, точки роста воедино, придать им стройную систему и найти её истинное место в системе наук о языке.

Многие авторы в своих работах неоднократно высказывают мысль, что мышление человека имеет национальные черты. Так ли это? И да, и нет. Если под мышлением понимать процесс познания мира, процесс логического отражения мира в логических формах мышления, то ясно, что этот процесс логического отражения мира не окрашен национальными красками данного языка. Это именно тот процесс мышления, который имеет логические свойства, и он представлен логическими формами мысли. Если под мышлением понимать процесс коммуникации, мышление как употребление форм языка, в виде слышимого и видимого речевого или оречевлённого семантического мышления, т.е. то, что мы непосредственно слышим, читаем, говорим, то ясно, что этот процесс мышления, кроме общенациональных логических форм, имеет чисто национальную окраску, национален. Но в то же время любой национальный язык, если бы он не базировался на логической основе, был бы лишён познавательной силы – не через него познаётся мир и происходит знаковая коммуникация. Минуя промежуточное звено между материальным миром и материальными знаками, и в то же время главное звено – логическое мышление,

национальная знаковая система (национальный язык) не отражает и не может отражать мир, ибо язык как знаковая система не связан с миром непосредственно, минуя логическое мышление. Ясно, что этот процесс «говоримого» или «написанного» мышления как семантического мышления только в виде форм соответствующего национального языка, окрашен национальными красками данного народа. Именно этот процесс мышления в формах языка К. Маркс назвал «непосредственной действительностью мысли».

То, что авторы теории «лингвистической относительности», начиная от В. Гумбольдта, считали национальным духом, национальным своеобразием мышления, и есть не что иное, как семантические формы мышления, т.е. та же грамматическая и семантическая структура языка, которые служат лишь знаковым структурным инструментом, ассоциативно связывающим языковые знаки с формами мысли, знаковым инструментом для перевода семантических форм мысли в логические.

Одного семантического уровня мышления, т.е. конкретного предложения конкретного языка без одновременного существования его антипода и фундамента – логических форм мышления – не существует и существовать не может. Ведь любое осмысленное предложение имеет какое-то значение, несёт в себе какой-то определённый смысл. А смысл – это идеальный продукт мозга, категория мышления, смысл не заложен в самом предложении, предложение – лишь чернильные пятна, физические звуки, и они останутся таковыми, если этого предложения не коснётся человеческий мозг, вооружённый той же языковой системой. Смысл не может витать в некоей туманной дали, он строго локализован и пребывает в нейронных связях мозга, и только в высших, обобщённых, т.е. логических формах.

За непосредственно видимыми и слышимыми языковыми, знаковыми, семантическими формами мышления многие учёные не увидели более важных, основополагающих во всякой коммуникации и в познавательном процессе, логических форм мышления, обязательно сопровождающих каждое предложение как языковую (речевую) форму мышления. В теоретическом языкознании создалась ситуация – путаница в понимании идей и методов теоретического языкознания, сопровождаемая полной неразберихой в терминологии. А главнейшей причиной сложившейся ситуации в теоретическом языкознании является непонимание современным языкознанием механизма взаимодействия действительности, мышления, сознания, логики, языка, речи, текста, и, следовательно, сущности языка.

Сложно ли или, напротив, совсем просто разграничить эти разные формы мысли – семантическую форму мышления отграничить от логической, и наоборот ? Может ли человек с улицы, наивный говорящий или слушающий практически разграничить эти формы ? Практически это разграничение делают все люди, не замечая своего стихийного эксперимента. Если бы этот стихийный эксперимент не был бы реальным фактом, то коммуникация – говорение, слушание, чтение, понимание были бы полностью исключены. Говорящему (пишущему), чтобы высказать предложение, надо прежде родить в мозгу его логическую форму в виде субъектно-предикатного суждения **S – P**. И лишь затем, хотя это происходит одновременно, молниеносно и неосознанно (осознанно тогда, когда возникают трудности с поиском нужных слов, когда говорящий испытывает «муки слова»), он находит для этой логической формы, т.е. для субъектно-предикатного суждения соответствующую языковую форму, состоящую из многих строительных элементов и их форм (отдельных слов, их морфологических и синтаксических форм, интонации, порядка слов и др.). Слушающий (читающий), чтобы понять предложение, должен проделать обратную операцию: воспринимая семантико-грамматическую

структуру предложения, он прежде всего должен уяснить себе его логическую структуру, найти в нём такие члены, которые сигнализировали бы однозначно о скрытом в этом предложении, латентном субъектно-предикатном суждении **S – P**, его субъект и предикат, которые не всегда на виду, и не всегда совпадают с синтаксическими подлежащим и сказуемым. Это стихийный, неосознаваемый, автоматический, молниеносный, хотя и благоприобретённый в речевой практике процесс, как и сам процесс мышления.

Только путём экспериментального анализа языка и психологических тестов можно установить, разграничить два разных процесса мышления или две разные формы мысли – логическую и семантическую. Но, повторяю, в процессе говорения и слушания эти формы неразложимы, они постоянно сопровождают одна другую как у говорящего, так и у слушающего, но лишь с одной большой разницей: говорящий (пишущий) начинает с логической формы и автоматически переводит её в семантическую форму, на язык знаков; слушающий (читающий), напротив, прежде воспринимает семантическую форму мысли (знаковый продукт) и переводит его автоматически в логическую форму мысли. Это не два мыслительных процесса отражения мира, а единый процесс отражения мира в форме оречевлённого мышления, в основе которого лежат логические формы мысли, и только через них человек познаёт мир и общается с себе подобными. Мысль формируется по интернациональным законам формальной логики, а оформляется средствами каждого национального языка так, как устроен каждый язык.

Для чего нужен язык ? Он разрезает мир на куски и, как будто, подчиняет его себе. Но разрезание мира с помощью языка – ложная приманка. Реальность не становится вследствие этого процесса более понятной. Напротив, она загромождается, разбивается на множество мельчайших единиц, являющихся теми самыми смыслами, против которых борется логика. Но это не значит, что против них, т.е. семантических форм мысли, надо бороться. Они живут в мышлении человека с момента его рождения, и сидят там прочно, неосознанно, являются благоприобретёнными. Но внутри них, незримо и неосязаемо, скрыты логические формы мысли, которые всеми людьми данной нации понимаются одинаково, автоматически и бессознательно, и могут быть обнаружены также специалистами, экспериментально.

Для человека, владеющего только одним языком, ни «лингвистической относительности», ни «языковой картины мира» не существует. Человек, воспитанный в сфере только одного языка, – лингвоцентричен. Он считает, что все языки похожи на его родной. Он не подозревает, что окружающий мир может быть описан иначе, чем это делает его родной язык. Но сравнительное описание норм двух языков вскрывает существующие в каждом языке словарные проблемы, „белые пятна на семантической карте языка“, незаметные изнутри, например, для человека, владеющего только одним языком». В данном случае человек из одноязычного общества может совершенно справедливо утверждать, что только его язык есть единственная и уникальная сегментация структуры мира. Однако и человек одноязычного общества отражает мир не языком, его языком, а мышлением, выраженным в формах его языка. Не его язык связан с миром, а его мышление – через его язык. А это означает, что взаимопонимание в одноязычном обществе происходит точно так же, лишь на базе смыслов, представленных логическими формами, выраженными теми языковыми формами, которыми вооружены люди этого общества. В таком одноязычном мире, как и в многоязычном мире, логическое мышление людей одинаково, хотя их семантическое мышление, т.е. их язык остаётся сугубо национальным. Взаимодействие мышления и языка в одноязычном мире то же, что и в многоязычном мире. Существуют тысячи языков, а это значит – тысячи различных семантических

типов мышления, не совпадающих от языка к языку, но выражающих одно и то же логическое мышление.

Звегинцев давно обнаружил, что содержательная сторона языка имеет какой-то внутренний слой, без которого не мог бы существовать язык. «Лингвисты, пожалуй, даже несколько неожиданно для себя обнаружили, что они фактически ещё не сделали нужных выводов из того обстоятельства, что человек работает, действует, думает, творит, живёт, будучи погружен в содержательный (или значимый) мир языка, что язык в указанном его аспекте, по сути говоря, представляет собой питательную среду самого существования человека ...» (разр. моя, – А.К.) [Звегинцев 1968 : 19].

Двухуровневый процесс мышления неизбежен. Это подтверждает также великий философ Г. В. Гегель, его теорию обобщает Ленин: « ... практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения» [Ленин т. 29 : 198]. «Гегель действительно *доказал*, что логические формы и законы не пустая оболочка, а *отражение* объективного мира. Вернее, не доказал, а *гениально угадал*» [Ленин т. 29 : 162].

За разными языками, т.е. за разными семантическими формами мышления, использующими разные языки, стоит одно и то же общечеловеческое логическое мышление, для которого совершенно безразлично, материальными знаками каких языков оно пользуется. Это одно и то же логическое мышление людей разных наций нивелирует все языковые различия, оставляя их каждой нации лишь как национальное знаковое украшение, лишь в качестве своего собственного оречевлённого, семантического мышления, в основе которого лежат логические формы мысли.

Действительно, коммуникация между людьми, говорящими на разных языках, вполне возможна, что реально и происходит, ведь на них как раз и говорят люди разных наций. Эти люди понимают людей своей нации и других наций и общаются с ними не только через свой родной язык, но и не через перевод с другого языка на родной язык, а это происходит через общие для всего человечества логические формы мысли.

Для выражения одного и того же содержания, т.е. того же логического суждения, в различных языках привлекаются другие средства. Значит теория о «неразрывности» языка и мышления означает, что в ней опущено самое главное – а именно то, что мы должны признать необходимым и неизбежным существование логических форм мысли, как посредствующего звена между всеми известными нам знаковыми языками, т.е. должны признать «разрывность» языка и мышления, которое не имеет и не может иметь других форм существования, кроме как логических, отличных от семантических. А это значит признать реально не только существование мышления, но мышления двухуровневого.

Тот факт, что мир един для всех, что все языки имеют соответствующий арсенал средств, и все системы во всех языках сбалансированы, что «лингвистическая относительность» устраняется наукой, комбинированием элементов речи под руководством логического мышления, – эти тесно взаимодействующие факторы превращаются в конечном счёте в один аргумент – в основе всего лежат логические формы мышления, «работающие» одинаково в разных языках – это фонемы, графемы, морфонемы, понятия, суждения, умозаключения. В основе функционирования мышления лежит фундаментальный закон – существуют одни и те же общечеловеческие логические формы мышления, но передаваемые или

реализующиеся в формах р а з л и ч н ы х н а ц и о н а л ь н ы х я з ы к о в как формах семантического (оречевлённого) мышления.

6) Философское обоснование реальности семантических и логических форм мысли.

Теория – это не простая констатация опытных данных, а синтез, в котором главную роль играет теоретическое мышление, выступающее мощным фактором выдвижения фундаментальных идей, дающих начало новым теориям. В любой новой теории, открытии, во всяком подходе мы видим своеобразное обобщение уже достигнутого научного знания и переход его на новую, более высокую ступень. Это – непреложный закон развития любой науки. Многое из того в науке, что мы усвоили как полученное другими и усвоенное нами знание, но не обязательно истинное, и есть та сторона науки о языке, которую можно назвать «эмпирическим языкознанием», в котором понятие «языка» со всеми его традиционными характеристиками никогда не подвергалось сомнениям. Многое из того, что я называю эмпирическим языкознанием, есть свод прописных истин, в которых никто не сомневается, потому что оно освящено временем и традицией. Но за этой стороной языкознания стоит его вторая, главная сторона – «теоретическое языкознание».

В теоретическом языкознании сейчас происходит частичная ломка старых представлений, отвергаются некоторые необоснованные теории, часто высосанные из пальца (разумеется, указывающего правильное направление – в «марксистско-ленинское языкознание»). «Самое опасное – это тот случай, когда традиционно сложившаяся интерпретация бессознательно действует так, что человек проходит мимо фактов и даже не хочет обращать на них внимание» [Жинкин 1998 : 80].

Здесь мы подошли к той черте, за которой понятия семантической и логической форм мысли как отдельное и общее, явление и сущность, образуют такое взаимодействующее единство, в результате функционирования которого возникает соответствующая теория их взаимодействия. «Истинная теория возникает не путём сложения двух противоположных, неполных теорий, односторонне отражающих природу, но путём отрицания обеих этих теорий при удержании всего ценного, что в них содержалось, и создания принципиально новой, синтетической теории, которая совершенно заново, критически пересматривает весь накопленный ранее материал под углом зрения новой концепции развития, берущей обе противоположности в их подлинном внутреннем единстве и их взаимообусловленности» [Кедров 1969 : 33].

Теория – это форма достоверного научного знания о некоторой совокупности объектов, представляющая собой систему взаимосвязанных утверждений и доказательств. Теоретическое языкознание противопоставляется эмпирическому языкознанию и отличается от последнего 1) достоверностью содержащегося в ней научного знания, 2) даёт обобщённое описание исследуемых в ней явлений, формулирование её в рамках общих законов, 3) выделением в составе теории множества исходных утверждений и множества утверждений, получаемых из исходных путём вывода, доказательства.

В гносеологическом отношении теория – это форма объективной истины. А все остальные формы мышления (понятия, суждения, умозаключения) суть элементы в её построении и развитии. Теория – это всегда не что иное, как знание отношения подчинения, существующего между большим количеством конкретных фактов – в данном случае реальных предложений с их семантической формой мышления – и малым числом (малочисленность может быть сведена к единице) господствующих общих фактов – логических форм мысли в виде суждений. Эту мысль так выразил Г.Гийом: «Но язык именно таков: все частные, единичные, неожиданные факты, порождённые случаем,

которому они, вероятно, обязаны своим существованием (т.е. семантические формы мысли, – А.К.), остаются зависимыми (хотя это и не заметно на первый взгляд) от небольшого числа общих фактов высшего уровня (т.е. логических форм мысли, – А.К.), которые, хотя и менее заметные, чем частные, всё же остаются основными структурными факторами и, следовательно, теми, которые интереснее всего было бы узнать в первую очередь; однако именно они-то и остаются дольше всего неизвестными, поскольку они малозаметны a priori» [Гийом 1992 : 46].

Теории не остаются неизменными, так как открытие зависимости частного (семантических форм мысли) от общего (логических форм мысли) никогда не заканчивается. Общее явление, которое казалось определяющим и подчиняющим себе множество явлений, может само оказаться частным по отношению к более общему явлению, доныне неизвестному. Появляется новая теория, более высокого и более абстрактного уровня. Неустойчивость теорий не есть их недостаток, это показатель их способности развиваться, вовлекать всё новые данные. Творить науку – значит проникать вглубь проблемы, отыскивать в ней все связи и отношения, рассуждать, но рассуждать не бесплодно, а с учётом всех научных обстоятельств.

Вопрос об истине в языкознании – главная проблема этой науки, как и вообще любой науки. Истина – это «адекватное отражение объективной реальности познающим субъектом, воспроизводящее познаваемый предмет так, как он существует вне и независимо от сознания; это объективное содержание человеческих ощущений, представлений, понятий, суждений, умозаключений, теорий, проверенных общественной практикой.

Истина относительна, она всегда приблизительна, неполна, так как на каждом этапе изучения сущности языка она отражает этот объект лишь в известных пределах. По мере проникновения в сущность языка относительность истины преодолевается за счёт продвижения к её вершине, хотя и не в состоянии устранить её относительность в целом. В каждой относительной истине содержится частично истина абсолютная. Абсолютная истина в изучении сущности языка – это такого рода знание, которое тождественно своему объекту и поэтому не может быть опровергнуто при дальнейшем развитии познания. Такой абсолютной истиной в языкознании является **теория двухуровневого процесса мышления**, отражённого в **двухуровневой природе языка**. Эта абсолютная истина изобретена не мною, а множеством иных авторов и прежде всего открыта Аристотелем в логике, и открыта Бодуэном де Куртенэ в языкознании, положившим начало теории фонемы. Как известно из диалектики, абсолютных истин не бывает. Но эта истина остаётся в языке абсолютной лишь в общем плане, только с точки зрения лингвиста, она будет постоянно усовершенствоваться и уточняться, вплоть до её конкретной реализации в каждом языке, в зависимости от его семантико-грамматической структуры.

История языкознания – это развитие теорий по пути их движения от относительной к абсолютной истине, которая, опять же, по мере развития языкознания, становится истиной относительной, ждущей своего часа для восхождения к истине абсолютной. Наука начинается с открытия новых фактов. Когда же они включаются в соответствующую теорию, то эта «сумма фактов» фактически «снимается», элиминируется, ибо эти факты приобретают форму логической системы и становятся исходным пунктом теории. Например, теории «лингвистической относительности» и «языковой картины мира» представлялись истиной не только их авторам, но и их многочисленным последователям. Но столкновение языка с логикой знаменовало собой рождение новой истины – разбиения семантической структуры предложения на два уровня, – как с е м а н т и ч е с к а я ф о р м а м ы с л и и как л о г и ч е с к а я ф о р м а

м ы с л и, исторически представленных ранее в различной терминологии. Дальнейшие исследования привели к новой истине – эти два уровня структуры предложения оказались двумя взаимосвязанными и, следовательно, взаимопредполагаемыми и неизбежными двумя сторонами процесса мышления как свойства человеческого мозга – одна из них – чисто семантическое значение любого предложения как я в л е н и е («поверхностная структура»), вторая – это чисто логическое представление семантико-грамматической структуры любого предложения в логических формах как с у щ н о с т ь данного явления («глубинная структура»).

Это и есть новый взгляд на старые проблемы, это и есть диалектическое развитие через целый ряд относительных истин к истине абсолютной, которая, в свою очередь, в длинном ряду истин, пока её место не займёт новая абсолютная истина, становится лишь относительной. Структура каждой науки – это структура логики. Всякая наука – это прикладная логика, так как наука имеет те же правила движения мысли, что и логика. Наука – это логически организованная система теорий. Науку как организованную систему теорий может породить только мышление, подчиняющееся законам формальной логики. «Даже формальная логика представляет собой прежде всего метод для отыскания новых результатов, для переходов от известного к неизвестному; и то же самое, только в более высоком смысле, представляет собой диалектика, которая к тому же, прорывая узкий горизонт формальной логики, содержит в себе зародыш более высокого мировоззрения» [Маркс, Энгельс т. 20 : 21].

I. Взаимодействие между семантическими и логическими формами мышления.

1) Общение между людьми основано на взаимодействии семантических и логических форм мышления.

Два языка – семантический и логический – это канал внутренней связи между людьми. Обязательное наличие этих двух языков необходимо для того, чтобы появился общий для говорящего и слушающего смысл предложения, т.е. коммуникация. Взаимодействие этих двух языков неизбежно, оно регулируется логическим мышлением о реальной или мыслимой действительности и обнаруживается только в процессе понимания. Между разными языками есть связующее, опосредствующее звено – логическое мышление. Но в разговоре каждый собеседник иногда понимает слово по-своему, однако в каждом слове есть то, что свойственно всем людям. Только это даёт слову возможность быть понятым всеми и передаваться из рода в род. Концепция о двух полях К. Бюлера (указательное и символическое поле) согласуется с одним философским утверждением Канта, согласно которому понятия без наглядных представлений пусты, а представления без понятий – слепы. Речевое мышление мобилизует одновременно два фактора, два поля – указательное и символическое, т.е. в терминах диалектической философии – чувственная и абстрактная формы мышления. Кассирер тоже доказывает существование двух фаз развития человеческого языка – это двойственность, неизбежно присущая любому языковому явлению, а также характеризующая язык в целом. Это то же самое, что и делит мышление на две фазы – чувственную и абстрактную.

Действительность для всех людей едина. А языковых знаковых систем на свете много. Но перед всеми нациями стоит одна и та же задача – однозначно понимать и отображать действительность. Это невозможно сделать путём разных систем знаков, а ведь любая система знаков и служит для того, чтобы отображать

мир и делиться своими мыслями с другими людьми. Но это возможно лишь в том случае, если все языки взаимно переводимы. Для этого существует, кроме национального языка, также общенациональный способ мышления. Нужен какой-то общий язык для всех наций, т.е. помимо грамматических и семантических правил данного языка, должны быть правила, применимые ко всем языкам мира. Таковыми правилами являются логические правила, логическое мышление, единое для людей всех наций. На этой логической основе происходит взаимопонимание партнёров, и только потому, что национальный язык, имеющий свою национальную знаковую систему и структуру, переводится на одну и ту же общечеловеческую логику, в каждом национальном языке реализующаяся по-своему.

Возможность взаимопонимания между людьми разных наций, взаимопереводимость обусловлены наличием общих для людей всех наций логических форм, выраженных через специфическую для каждого народа национальную знаковую систему. Общность идеальных, логических форм для людей всех наций обусловлена материальным единством мира, психофизиологическим устройством человека, а специфическое в национальных знаковых системах обусловлено географической средой обитания, бытовыми, хозяйственными условиями.

Общение человека с человеком основано на базе двух языков одновременно – на языке для себя, и на языке, общем и для собеседника. «Язык для себя» и «Язык общий» содержатся в мозгу говорящего и слушающего в виде системы логических понятий и в виде национальной знаковой системы. Поэтому человеческий язык универсален. Это значит, что в процессе коммуникации можно перестраивать мнения слушающего о действительности и о нём самом, а также о самом говорящем, ибо говоря, он более чётко понимает и собственные мысли. Мы понимаем себя, других людей, действительность через призму логики, обладающую одним и тем же универсальным свойством для всех. Этому способствовали и способствуют знания о мире, его законах, отражённых в мышлении человека, в котором не могут совершаться процессы иначе, как только в логических формах мысли. Без свойств интеллекта никакую реальную действительность понять невозможно.

Существование логических форм мыслей в сознании человека есть накопленный капитал знаний о мире. Но это есть лишь невербальное мышление, существующее в одной голове. Чтобы стать достоянием других, эта мысль должна быть «вынесена» вовне мозга через национальную знаковую систему, через национальные семантические формы. Но логические формы абстрагированы от звуковых и письменных знаков через семантические формы мысли. Логические формы – не более, чем сокращения чувственно воспринимаемых образов по следующим ступеням: материя знаков – семантическая форма мысли – логическая форма мысли. Логические формы можно познать только путём изучения семантических форм мысли и их знаковых форм. И наоборот, через логические формы мы изучаем их семантическую первооснову в её знаковом воплощении. [Ср. Ф. Энгельс 1982 : 203].

Хотя логические формы мышления часто совпадают с семантическими формами как один к одному, однако их нельзя отождествлять. Единство семантических и логических форм мышления не означает их тождества. Их единство в том, что они в равной мере, но только на разных уровнях, ассоциативно связаны с миром: языковые знаки, т.е. семантические формы мысли – через логические формы мышления, а логические формы мышления выходят в реальный

мир через семантические формы мысли и через чувственные образы. Но между ними есть и огромная разница: множество самых различных семантических форм мысли может быть подведено под одну и ту же логическую форму мысли. Законы мышления и логические формы – одни и те же у всех народов. А системы языковых знаков несут на себе печать истории народа, которому принадлежит язык. Это и является основанием для понимания взаимодействия между частными семантическими формами мысли и логическими формами мысли как общечеловеческим мышлением, как одной и той же способностью человека отражать одинаково один и тот же мир, несмотря на тысячи различных языковых систем.

Если бы разные народы различались не только употребляемыми в языке словами, но и понятиями, то общение и перевод с языка на язык были бы невозможны. Не благодаря речи, как считают многие лингвисты, уравниваются познавательные возможности людей, несмотря на разные у них языки. Не речь снимает все ограничения в выражении мыслей. Причина взаимопонимания между людьми, несмотря на различие их языков, осуществляется потому, что слушающий воспринимает логические формы слов – понятия и суждпния, но воспринимает их через национальные формы слышимого или читаемого языка. Система каждого языка имеет самобытный характер. Но так как познание бесконечно, есть лишь приближение к реальным фактам действительности, то различия в «речевом мышлении» разных людей несущественны, так как, во-первых, люди мыслят, общаются, творят и созидают благодаря логическому языку, а семантический язык остаётся как сематическая основа логичских форм мысли. Во-вторых, практика нивелирует эти различные национальные типы «речевых мышлений» и приводит к осознанию того, что господствует всё же межнациональное, общечеловеческое, логическое мышление.

Но как это происходит – а это происходит в черепной коробке за семью печатями, – это пока для науки остаётся тайной. Возникает вопрос: почему, благодаря чему различные семантические членения языков несущественны по отношению к тем результатам, которые достигаются именно благодаря этим знаковым системам, т.е. через национальные языки. ? Некоторые учёные считают, что все национальные языки имеют одно и то же инвариантное содержание. Но это неверно, ибо непонятно: а в чём, в каких формах и где квартирует это «инвариантное содержание» ? Это «инвариантное содержание» – оно и есть логическое, общечеловечское мышление. Тем самым разные «речевые мышления» нивелируются, благодаря общечеловеческому, единому для всех типу мышления.

2) Как взаимодействуют семантические и логические формы мысли ?

1) Можно ли семантические и логические формы рассматривать раздельно ?

Разумеется, можно. Семантическими формами мышления занимается эмпирическое языкознание. Логическими формами мышления занимается логика. Но в таком случае мы разделили единый объект на две области знания, каждой из которых занимается своя наука: семантическими формами мысли – эмпирическое языкознание, логическими формами мысли – логика. Но их объект един – язык как инструмент познания и коммуникации. Производство осмысленного предложения есть перевод с логической формы мысли на её семантическую форму. А понимание предложения, как обратный процесс, есть перевод с семантической формы

мышления на формы логической мысли. Источник слов у человека говорящего – это умственные, логические образы, пробуждающие соответствующие слова, по законам психических ассоциаций. В процессе восприятия речи у человека сразу же возникают значения тех слов, которые он слышит или видит.

Постоянное взаимодействие семантических и логических форм мысли исключает их понимание как первичное или как вторичное одно по отношению к другому, каждое из них абсолютно первичное и каждое из них абсолютно вторичное. Это такой двухсторонний процесс, который по своей природе не может рассматриваться как с двух абсолютных точек зрения. Чтобы его понять как целое, его надо прежде исследовать по отдельности сперва с одной (как семантическое мышление, т.е. это область эмпирического языкознания), затем с другой точки зрения (как область формальной логики). Если же мы придерживаемся одной точки зрения (семантической или логической) как абсолютной в противоположность другой, то мы остаёмся в плену одностороннего метафизического мышления. Так разъединены две науки – языкознание и логика, и вполне законно, они изучают в языке и логике каждый свою область. Но язык, его действие как инструмент познания и коммуникации, в виде его живой сферы (речь) или застывшей сферы (текст) надо изучать в комплексе. Они различны лишь как науки, каждый со своим объектом, но они неразрывны в своём функционировании, взаимодействии и в своих взаимопереходах.

Понятие как логическая форма есть общее и для логики, и для языкознания, но оно становится индивидуальным в речи. Но общее и индивидуальное не исключают друг друга: общее присутствует лишь в отдельном, в голове отдельного человека, всякое отдельное есть общее, всякое общее есть сущность отдельного. Общее лишь приблизительно охватывает отдельные предметы, а отдельные предметы неполно входят в общее. [Ленин т. 29 : 246, 249, 368].

2. Логика ведёт за собой грамматику и семантику.

а) Логические формы мысли – главные, ведущие.

Логика выделяет (абстрагирует) в языковых явлениях определённые структурные компоненты, а именно такие, которые образуют структуру знаний – понятия, суждения, умозаключения и другие производные от них формы и обслуживающие их знаки. Но логика, выделяя их, ограничивается этим. Это только начало и предпосылка для её предварительной работы. Далее идёт обработка текстов с позиций взаимодействия знаковых и логических категорий. Последняя заключена в особой обработке текстов, в усовершенствовании логико-грамматических связей а также в установлении точных алгоритмических правил их связей – правил и законов логики. Вопрос о понимании текстов является ключевым и для понимания логики вообще, человеческого сознания и средств познания, языковой практики. [Зиновьев, ВФ, 2007, № 4].

Грамматические категории, представленные в предложении, сочетаются в речи человека с логическими, без которых не может строиться речь человека, и которые поэтому в ней получают ведущее значение. Выражение отношений между членами предложений устанавливается нормами сознания, но передаются грамматическими приёмами, выработанными каждым языком отдельно по закреплённым за ними системами синтаксический построений. Логические категории связываются с грамматическими, но не отождествляются с ними. Логические категории управляют синтаксическими построениями, выступая в регулярных связях с грамматическими.

Каждое грамматическое предложение имеет свой смысл. Но это вовсе не та сфера смысла, которой оперирует чисто формальная логика. Это своя собственная и своя особенная, а именно языковая логика: семантический смысл и семантическая форма мысли. Семантическое мышление отличается от логического мышления тем или иным пониманием этого мыслительного процесса, тем или иным его преломлением и конкретизацией, той или иной интерпретацией.

Существует парадокс: хотя логические формы мысли – главные по отношению к семантическим формам, однако суждение традиционной логики есть не что иное, как предложение естественного языка, в котором языковые знаки переименованы в логические знаки. Логическое суждение имеет свои собственные знаковые формы **(S – P)**, независимые от знаков естетвенного языка, в котором они выражены, точно так же, как и в математике, где приняты только свои собственные математические знаки. Традиционные формы суждения – универсальны для всех людей, но они оказались лишь синтаксическими структурами высказываний, сформулированных средствами одного из естественных языков. В другой знаковой системе (в языке) те же логические суждения имеют иную форму, иную структуру, которая определяется правилами построения высказываний соответствующего языка. Так как человек мыслит при помощи своей родной знаковой системы, то и логическое суждение, понимаемое как смысл повествовательного предложения, приобретает структуру, определяемую грамматикой данного языка. Поэтому легко обнаружить универсальные формы суждения, общие для всех людей этой нации. Хотя национальные языки различаются, однако это не мешает им выражать тончайшие оттенки смысла. Нет абсолютной грани между формами языков и содержанием мысли. Универсальна не знаковая форма выражения семантического значения предложеия, а его логичесая форма.

Наличие множества семантических форм мысли не исчерпывает существа главной формы – логической, она в абстрактной форме даёт оголённый скелет мысли, выраженной в семантике предложения. Даже если мы экспериментальным путём сведём мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу, как пишет Ф. Энгельс, то разве этим исчерпывается сущность мышления ?

Семантические формы, т.е. языковые знаки – поставщик средств для логического понимания речи, текста. В этих знаках, семантических формах уже содержатся ассоциативные сигналы, достаточные для извлечения необходимого смысла. На этом строится весь процесс понимания текстов. Тот факт, что языковая знаковая система есть упорядоченное единство, что она имеет внутреннюю структуру, побуждает нас искать в формальной системе текста слепок с «логики», внутренне присущей мышлению и, следовательно, первичной по отношению к тексту.

б) Предложение – это неравзрывное единство семантических и логических форм мысли, образующих единый процесс отражения мира и общения.

«Форма предложения имеет смешанную природу: логическую и грамматическую. Тем самым она требует двух родов анализа: логического и грамматического. Смешанная природа формы предложения делает её объектом различных наук: грамматического и логического. Форма предложения – это объект грамматики и логики». [Ахманов 1957 : 200 : 204]. Семантические формы мысли, т.е. структура предложения – это область языкознания, логические формы мысли – область логики. Это две стороны одного и того же объекта: лингвистический

анализ предложения – это прежде всего анализ субъектно-предикатной структуры суждения.

Поэтому предложение можно рассматривать одновременно как индивидуальное (семантика, грамматика) и как общественное мышление (логика). Но это разграничение – значения и понятия – нельзя рассматривать как два категориальных мира (ссемантический мир и логический мир). Нет двух миров – логического и языкового, семантического. Это есть единый знаковый семантико-логический процесс отражения объективного мира. Любая знаковая языковая система соотносится с одним и тем же объективным миром, и служит таким же равноправным инструментом его отражения и коммуникации, а расхождения в семантических системах разных языков проистекают из различных экономических, географических, бытовых условий и опыта людей по освоению одного и того же мира.

Многие лингвисты и философы, справедливо признавая, что в языке и в мышлении заложен единый процес познания и коммуникации, в то же время ошибочно считают, что сама по себе идеальная сторона языка, совпадающая с мышлением, с отражением, обладает отражательной функцией, как и мышление. Иначе, как пишет Комаров, была бы необъяснимой роль языка в общественной коммуникации, его функций в мышлении. Их природа тождественна, их сущность – это отражение действительности. [Комаров 1988 : 114]. Это заблуждение основано на той теории соотношения языка и мышления, согласно которой язык, как и мышление, – самостоятельные объекты, что и происходит фактически в эмпирическом языкознании, для которого якобы все формы языка, от морфемы до сложного предложения, имеют собственное значение. Но не морфемы, слова и предложения имеют собственное значение, они лишь ассоциативно соотносятся с абстрактными понятиями и суждениями, находящимися в сознании. В языке человека только звуки (буквы), а вне человека только внешние предметы, и те и другие – материальны, но они представлены в мозгу как идеальные образы от этих двух материальных предметов (фонемы и понятия), т.е. становятся собственностью мозга. Фонемы и понятия как идеальные образы (уровни в знаке **2** и **3**) на фазе чувственого мышления соотносятся со звуками и внешними предметами (уровни в знаке **1** и **4**).

Языковые знаки для того мозгом и созданы, чтобы условно, ассоциативно указывать на соответствующий внешний предмет. Поэтому «идеальная сторона языка» – это нонсенс, это наше мышление и оно не может находиться в мёртвой материи знака, которая лишь отсылает человека к соответствующему участку сознания. «Идеальная сторона языка» и сознание – это не два типа мышления, а одно мышление. Идеальные образы знаков и предметов находятся в мозгу, но не в материи языковых знаков, а материя знаков и внешних предметов остаются необходимым и неизбежным условным сигналом для ассоциативного указания на их соствтсвующие идеалные образы в мозгу. Это не два типа мышления и не два типа отражения. Естественный язык выступает всего лишь как один из возможных посредников мысли. Сама же мысль, свободная, независимая и индивидуальная, использует его в качестве своего орудия. Так называемая «идеальная сторона языка», которой на самом деле нет, – это тот же процесс мышления, совершающийся в мозгу, а материальная сторона языка осстаётся сама собой как условный, немотивированный указатель на его тот или иной идеальный образ в сознании.

Язык как система условных материальных знаков, находясь в очень тесных взаимоотношениях с Мышлением – Сознанием – Логикой, служит лишь материальной

формой, материальным инструментом мышления для внешнего представления действительности, которая вне мозга в знаках языка отражается не непосредственно, а только через логику, причём Мышление – Сознание выступает по отношению к материальной действительности как его идеальное отражение в мозгу человека, а по отношению к Языку – как его содержательная, семантическая сторона, существующая не иначе, как только в логических формах. Отсюда следует, что в языке нет ничего, что не выражало бы какого-либо значения, смысла, т.е. не несло бы какой-либо информации, которая воспринимается слушающим и читающим в последней инстанции не в виде семантического содержания или значения предложения, а только в логических формах суждений. Следовательно, в языке в его конкретных формах на основе конвенционального договора зафиксировано и семантическое содержание и логические формы этого семантического содержания.

Таким образом, языковые или знаковые формы ab ovo ассоциативно манифестируют в себе, с одной стороны, семантические содержания, а с другой стороны – логические формы (фонемы, графемы, морфемы, понятия, суждения, умозаключения). Можно эту мысль обобщить так: языковые формы, т.е. их семантические и грамматические значения – это семантические формы мысли, которые одновременно реализуются не только в семантических знаковых формах, но и в логических формах мышления – в формах фонем, графем, морфонем, понятий, суждений, умозаключений. Поэтому нельзя употреблять языковые формы, не рассуждая или не думая одновременно, т.е. не осуществляя семантического процесса мышления, являющегося национальным, не оперируя в то же время логическими формами мышления, являющимися интернациональными.

Существует ли два вида отражения – понятия и значения ? Не предполагает ли существование этих двух явлений как двух параллельных видов отражения ? Нет двух видов деятельности – мыслительной и речевой (языковой), но есть один вид деятельности. Семантические и логические формы мысли – единое мышление. «Мыслительная» деятельность означает то же, что и «речевая» деятельность. Одна без другой немыслимы.

Мышление – это понятийное человеческое отражение действительности. Но мышление не может идентифицироваться только с логикой, так как реальное мышление, всегда выражаемое в семантико-грамматической структуре предложения, шире, богаче, содержательнее своего логического строя. Если считать, что лишь семантика языка и составляет мыслительное содержание предложения, значит допустить, что семантика языка и есть наше мышление. Следовательно, семантические и логические формы мысли – одно и то же, между ними нет различий ни в их природе, ни в их функции, ни в объёме, будто они в одинаковой степени отражают мир. Если считать, что отдельно друг от друга существуют семантическая и логическая формы мысли, то это ведёт к патологическому раздвоению сознания, к дуализму отражения, к признанию реальности двух картин мира – логической и лингвистической и в конце к признанию трёх видов бытия: мира, мышления и языка. Обособление «царства» языка от «царства» мысли противоречит диалектико-материалистической теории познания.

Но гносеологическая сущность взаимоотношения «мышление – язык» остаётся единой – идеальная форма познавательной системы человека, реализуемой в языковых знаках. Признавать их разными сущностями – значит признавать два способа отражения мира и две формы существования сознания человека. В плане познавательном образ предмета един и он обозначается как понятие (в логике) и

как значение (в языке). Понятие является объектом логики. Но так как понятие доступно только в языковом облачении, в словесной плоти, то, естественно, все речевые операции со словом принадлежат как бы собственно языковой системе. В гносеологическом плане понятие – категория не языка, а логики, а значение – категория не логики, а языка. Но и понятие, и значение есть категоии познания, только «жизнь понятия» протекает в языке и здесь оно определяется как «значение». «Следовательно, понятие и значение не есть разные сущности, а, скорее всего, объекты разных наук, особенности которых не дают права расчленять онтологию предмета, как, скажем, физика и химия не имеют права утверждать наличие «двух вод» на основании исследования физических и химических свойств воды. Понятие и значение – некоторая семантическая избыточность (понятие, семантика, значение, смысл, концепт, схема и др.). [Колшанский 1990 : 45 - 48].

Предмет формальной логики – это соблюдение законов правильного мышления. Но что такое мышление ? Деятельность мозга. Но логика появилась давно, а деятельность мозга стала предметом научного исследования совсем недавно. Далее, что такое правильное мышление ? Правильным мышлением считается мышление по законам или по правилам логики. Но попытка объяснить, как именно логика изучает мышление, кончается тем, что в качестве правил «мышления» приводятся операции с объектами языка – со словами и предложениями. Философская концепция, будто правила логики отражают некие общие законы бытия, – это предрассудки. Законы бытия изучают все остальные науки, а формальная логика строит лишь законы правильного мышления. [Зиновьев, ВФ, 2007, № 4].

в) Нет двух картин мира – семантической и логической.

Нет двух картин мира: логической и лингвистической, т.е. семантической. Методологическая ущербность данной теории состоит в утверждении двух форм сознания и противоречит материалисическому взгляду на мир. Значения слов, как считают некоторые лингвисты, – не результат точного научного отражения и познания мира, а отражения и познания приблизительного, «бытового», достаточного для того, чтобы правильно ориентироваться в реальном мире. Логическая семантика и языковая семантика – разные объекты. Мышление и семантический компонент языка не совпадают потому, что мышление непосредственно отражает действительность, следовательно, оно адекватно миру по содержанию. А семантика языка неадекватно отражает действительность и даже извращает её. [Комаров 1988 : 99]. Х. Штейнталь пишет, что «самая чудовищная бессмыслица может быть выражена в любом языке правильно и даже изящным способом . Фраза *Эта круглая доска четырёхугольна* с точки зрения языка безупречна. [H. Steinthal 1855 : 216]. К. Фосслер об одном предложении Гёте из «Фауста»: Grau ist alle Theorie, doch grün des Lebens goldener Baum («Все теории – серые, а золотое дерево жизни всегда зелено») пишет: «С точки зрения чисто грамматической это предложение безупречно. Что же касается его буквального или эмпирического смысла, то необходимо признать его ложью, ибо, во-первых, теория не обладает цветом, а во-вторых, жизнь не есть дерево. Сверх того, это предложение грешит и против формальной логики. Оно содержит в себе противоречие, поскольку дерево может быть либо зелёным, либо золотым, а не зелёным и золотым одновременно. Философская ложь, эмпирическая бессмыслица и даже логическая неправильность могут быть выявлены формально с точки зрения языка вполне корректной. В царстве лжи и заблуждений нет ничего такого, что не

могло бы быть выражено в стилистически безупречной словесной оболочке» [Фосслер 1910 : 157].

г) Формы языка богаче форм логики.

Отсутствие строгой логической процедуры в языке – не недостаток языка, а его преимущество, придающее языку живость, гибкость и маневренность. В процессе мышления люди не придерживаются строгим логическим правилам, строгой доказательности и логичности в своих высказываниях, часто руководствуясь эмоциональным восприятием мира. Их высказывания не подчинены аксиоматической точности и системности, ведь язык есть «практическое действительное мышление» и поэтому он регулируется не только правилами логики, но и практически-жизненными потребностями, которые нельзя всегда подводить под строгие правила логического умозаключения, иначе это было бы искажением языковой действительности. Нельзя подводить практически-жизненную и коммуникативную сущность языка под простые и ясные логически обработанные умозаключения. [Лосев 1970 : 186].

Известно, что каждое предложение, как семантическую форму мысли, можно прочесть по-разному, хотя логически в нём уже точно даны субъект и предикат. «Я вас люблю» – одно суждение, но имеет множество семантических форм прочтения. Все эти типы воплощения возможны только потому, что в каждой фразе одни считали субъектом и предикатом одно, а другие – совсем другое. В предложении можно найти по крайней мере две разные фразы, а с точи зрения чистой логики – здесь одно и единственное суждение. Грамматическое предложение есть интерпретация логического суждения, т.е. в предложении любой член может быть субъектом и предикатом. Следовательно, выбор логических субъекта и предиката, – значит бесконечно разнообразно варьировать одно и то же логическое суждение. [Лосев, СЛЯ, 1976, № 5 : 406 - 407].

3. Взаимопереход семантических и логических форм мышления.

Языковой знак (слово), вытекающий из глубины мысли, есть средство деменстрировать эту мысль. Посредством знаков происходит и разложение мысли на её составные части, и составление мысли в единое целое. Без знаков мысль рассыпается, и без знаков её не соберёшь в логическое единство – в суждение. Это проявляется также в соответствующей структуре предложения, состоящей из частей речи, выступающих в синтаксической функции членов предложения.

Мысль прежде зарождается в сознании говорящего (пишущего) в виде ёё логической формы, требующей своего воплощения в виде конкретной, слышимой или видимой семантической формы предложения. Семантическое предложение, т.е. материально осязаемое предложение реципиет переводит в логическую форму, что и есть понимание сказанного или написанного слушателем или читателем. Слушатель, превратившись в говорящего, идёт обратным путём, т.е. повторяет путь первого говорящего. Происходит круговорот высказываний из уст в уста. Такова, примерно, модель языковой коммуникации. Семантическая и логическая формы мысли чередуются друг за другом, переходят друг в друга.

4. Знаки бесконечно варьируются, как и молекулы в живой материи.

Комбинация единиц не ограничивается комбинациями только языковых знаков, но аналогичные комбинации осуществляются, например, в живой материи (белковых молекул в биологической наследственности). Этот же принцип

господствует в природе всякий раз, когда необходимо порождение многообразий структур с использованием ограниченного количества «строительных блоков», создаваемых сочетанием нескольких элементарных частиц. Он также используется при возникновении почти неограниченного числа молекул, построенных из атомов, или же в создании белковых структур всего лишь из двух десятков аминокислот. Этот метод кажется единственно возможным с логической точки зрения. Можно достичь простыми средствами такого многообразия структур. Это в равной мере существенно и для языка, и для генетических кодов. Без комбинации конечного числа элементов невозможно было бы создать практически бесконечное многообразие семантических структур. Однако функционирование такой системы предполагает, что элементарные единицы, такие как фонемы или химические радикалы, сами по себе бессмысленны.

Семантическая форма мысли, или предложение, – это частная логическая форма суждения, частный случай употребления логической формы, т.е. одна и другая взаимно переходят друг в друга, ни одна не существует без другой. Хотя речь идёт об одной и той же единице – о предложении, но так сложилось в науке, что семантическая форма мысли стала областью языкознания, а логическая форма мысли – областью логики. Аналогия: механическое движение превращается в качественно различные формы движения – в теплоту и в электричество. А это уже формы молекулярного движения, т.е. в первом случае – область механики, во втором – область физики. Но между ними, как и в языкознании и логике, первое превращается во второе, а второе – в первое.

5. Для семантической формы мысли нет понятия «истина» и «ложь».

Определяющий момент для логического суждения – истинность или ложность мысли, заложенной в нём. Для семантической же формы мысли, т.е. для предложения это не имеет никакого значения. Конкретное значение предложения не может быть предметом логического рассмотрения, для него главное – правильное семантическое построение смысла предожения. Конкретным значением и грамматической структурой предложения занимается грамматика. Истинность логической мысли определяется не грамматическим строем, а согласием заключённого в предложении содержания с действительностью, а структура предложения, семантика слов не отражает истинную структуру и связи мира.

6. Конечность знаковой системы и бесконечность мышления.

Общее в различных языках идёт от универсальной природы логического суждения, которое одинаковым образом выражает как одно и то же суждение в разных языках. Язык не есть отражение действительности, но то или иное её ассоциативное мыслительное понимание. Сочетаемость знаков основана на его ассоциативной смысловой заряженности. Бесконечная ассоциативно - смысловая заряженность каждого языкового знака является подлинной спецификой знаковой системы. Мышление есть отражение действительности, а действительность и, следовательно, мышление бесконечны. Поэтому вариативность мысли, будучи функцией действительности, всегда бесконечна и это легко заметить при наблюдении всех тех оттенков, которые приобретает данный языковой знак в связной речи.

Всё, что есть в мысли, есть и в знаках в виде их ассоциативных логических образов, отпечатков. Поэтому все сложные и бесчисленные оттенки логической

мысли отпечатаны в языковых знаках. Но это не значит, что языковые знаки и мышление есть одно и то же. Если «язык есть непосредственная действительность мысли», то это ещё не значит, что знаки есть сама мысль, это значит лишь, что мысль одного человека может быть представлена другому только через внешне выраженные знаки языка – звуки и буквы, находящиеся вне мозга. Как бы мысль и знак не различались между собой, они только разные стороны одной и той же действительности, одного и того же логического мышления. Хотя системы этих знаков различаются от языка к языку, но логическое мышление остаётся для всех одним и тем же.

7. Как совместить множество разноструктурных языков с единым общечеловеческим мышлением ?

Предложение естественного языка, как семантическая форма мысли, есть в то же время и логическая форма мысли или логическое суждение. Для чего нужна эта двойственность, и так ли это на самом деле ? Знаковая система в каждом языке – своя. В процессе мышления человек ищет необходимые знаки из сокровищницы своего языкового сознания и употребляет их в соответствии с правилами связи, с грамматикой данного языка. Эти грамматические правила сочетания слов в каждом языке – свои. Вот тут и возникает вопрос: а как же понять мысль, выраженную в знаках данного языка, человеку, пользующемуся другой знаковой системой ?

Оказывается, семантическая форма мысли хаотична, «не причёсана», именно в том смысле, что она выражена в знаках данного языка, отличного от всех других. Следовательно, структуру предложения, в котором ассоциативно заложена данная логическая мысль, надо отразить в другой знаковой структуре, сохранив исходную мысль. Для этого требуется нечто среднее между двумя знаковыми системами – одна и та же логическая форма мысли, которую адекватно можно выразить в знаках любого языка.

В этом и лежит разгадка: как совместить множество языков с единством общечеловеческого мышления ? Каждый народ мыслит в своей системе знаков, в формах своего семантического мышления. Её более обобщённая форма – логическая форма мысли – есть то среднее звено, которое примиряет эти две семантические крайности, они понимают друг друга через посредника, через логическую форму мысли.

Взаимодействие между семантической и логической формами мысли возможны только потому, что знаковые системы условны, немотивированы, причём в каждом языке они условны и немотивированны по-своему, т.е. по-своему членят реальный мир на произвольные отрезки. Чтобы понять мысль одного человека, построенную на произвольных знаках, не совпадающих по своим ассоциативным связям со знаками других языков, также произвольных, и так же членящих мир на иные отрезки, нужно общечеловеческое, т.е. логическое мышление, примиряющее множество разноязычных знаковых систем и сводящее их в одну – логическую систему мышления.

8. Соотношение семантических и логических форм мысли по глубине представления мира.

Логическое суждение имеет лишь два члена – субъект (S) и предикат (P), независимо от того, какова синтаксическая структура данного предложения. Оно может иметь несколько придаточных предложений, и все они сами по себе, если из

преобразовать в самостоятельные предложеия, выражают логические суждения. Но будучи стянутыми в одно сложное предложение, это последнее и выступет как самостоятельное субъектно - предикатное суждение. Значит одно предложение может состоять из множества логических суждений. Сложное предложение – это несколько свёрнутых суждений.

Вследствие того, что сложные предложения состоят из нескольких отдельных членов или даже предложеий, они несут несравненно больше информации. Это значит, что семантическое значение конкретного предложения богаче, чем его логическое суждение. Мыслительная деятельность, отражённая в живом предложении, выходит за строгие рамки типичного логического суждения, так как она богаче, разнообразнее, полнее отражает сложное многообразие действительного мира. При сопоставлении предложения и суждения выясняется следующее:

1) Содержание суждения постоянное, неизменное **(S – P)**, а предложение в речи, в зависимости от его объёма, каждый раз изменяется и лексически, и грамматически, поэтому главные члены предложения – субъект и предикат каждый раз меняются.

2) Суждение **(S – P)** соотносится одинаково с любым явлением действительности, выраженым на любом языке, а реальное, живое предложение может иметь любое конкретное значение, следовательно, оно богаче, чем суждение.

3) Логическая структура суждения **(S – P)** есть результат сгущённого, сконцентрированного отражения мышлением семантического содержания предложения, при помощи его же семантических и грамматических средств (которые в логических исследованиях заменяются своими собственными, логическими знаками).

Некоторые философы считают, что мышления не существует, потому что его никто ещё не наблюдал в личном опыте. Человек наблюдает в опыте лишь поступки людей, их деяния, продукцию, факты. Язык, по их мнению, должен быть так устроен, чтобы он давал возможность сразу проникать в логику того, о чём человек рассуждает. Всякая научная теория должна быть устроена как совершенный язык, раскрывающий уже своими собственными формами логические связи между отдельными частями мира и его теории. Увы, этого достичь невозможно, так как эти «совершенные» языки конструируются нами из произвольных, не похожих на реальные предметы знаков, то, естественно, логические связи между предметами мира оказываются конструкциями ума.

Понятие «глубинной структуры», впервые обозначенное Хомским, – это область синтаксической семантики. Но эти глубинные синтаксические отношения не являются абстрактно-логическими категориями, находящимися в сфере «чистого мышления» – как и все логические категории, они формально выражены, но не непосредственно, а косвенными образом, через поверхностную структуру предложения. Неправильно считать, что строй языка в целом сложнее строя мышления. Обосновывают это тем, что в языках больше типов строевых единиц, чем в мышлении. Если это несовпадение обусловливают исторически, то это неверно, ибо мозг и его процессы мышления никогда не отдавал свои бразды правления языковым знакам. То, что одна нерасчленённая мысль может выражаться целым сочетанием элементарных языковых единиц, не доказывает того, что язык богаче мышления, это как раз и свидетельство того, что само мышление рождает для себя все нужные для данного случая знаки, из ничего, сами по себе знаки появиться не могут.

Это расхождение между языком и мышлением в богатстве располагаемых ими средств имеет очень важное теоретическое значение, так как это указывает 1) На неограниченное генерирующее богатство мышления и её полное отсутствие в знаковой системе; 2) На неограниченные способности общечеловеческого, логического мышления создавать безмерное множество человечесвих языков, в то время как ни одна знаковая система языка не может породить ни одного другого языка, даже самую себя; 3) На богатство ресурсов, мобильность, гибкость и экономность мысли, выявляющихся в том, что мозг может обходиться сравнительно небольшим количеством единиц языка для выражения безграничного множества мыслей за счёт различных комбинаций этих языковых единиц. 4) На способность мысли затаиться в черепной коробке и никак не проявлять себя во внешне выраженных материальных знаках, порождая бесчисленное множество всякого рода эллипсов, умолчаний, сокращений, проявлений «невербального мышления».

9. Выводы о семантических и логических формах мысли.

Итак, в обществе существуют два языка: один – повседневный, особый у каждого народа, этнический, национальный, подчиняющийся «обычаю», своеобразный и непоследовательный. Другой – логический, строгий, один и тот же для всех народов, всеобщий или универсальный, не выражающийся непосредственно, но присутствующий лишь как скрытый слой внутри первого языка и выявляемый в искусственных интернациональных формах логического описания. Национальные, речевые или семантические формы мышления, нивелируются общечеловеческим логическим мышлением.

Для познания важны только логические формы, но не языковые, хотя без них нет мысли. Но они лишь формальные условные языковые знаки для внешней реализации смысла. Логическая мысль может быть представлена неодинаковым грамматическим строем в предложениях разных языков. Но это не обусловлено потребностями процесса познания и не влияет на познавательные возможности человека. Они не представляют интереса для логики и гносеологии. Семантические формы и грамматические формы составляют специфические черты конкретных языков. Целый набор таких семантических черт выступает как их типологические характеристики.

Логическое мышление не может существовать без семантических знаковых форм. Но семантическая форма не определяет познавательные возможности, хотя без неё нет логической формы. Любая из семантических форм не есть необходимая для формирования мысли, любую из них можно заменить другой, они факультативны для мыслительной деятельности. Но в любом случае логическая мысль должна быть облечена в какую-нибудь семантическую форму. А логическая форма необходима сама по себе и не может быть произвольно заменена другой. Замена одной логической формы другой меняет ход процесса мышления.

Семантическую форму мышления как семантическое значение языковой формы и логическую форму мысли необходимо рассматривать как одну сферу языкового мышления, в которой диалектически взаимодействуют отдельное (семантическая форма мысли) и общее (логическая форма мысли). «... Признание как общечеловеческих логических форм, так и семантических форм мышления при игнорировании диалектики общего и отдельного (разр. моя, – А.К.) может привести к нарушению единства человеческого мышления – метафизическому разделению и противопоставлению в нём двух сфер, двух типов мыслительной

деятельности – языкового и надъязыкового (логического) мышления ... » [Чесноков 1984 : 4].

§ 6. Как понимается взаимоотношение значения и понятия в современном языкознании ?

1) Понятие и значение – одно и то же явление.

Соотношение слова и понятия является одним из самых спорных вопросов языкознания, логики, философии. 1) Одни считают: значение слова есть понятие, а понятие – это значение слова. 2) Другие учёные значение слова рассматривают как языковую категорию, основанием которой является понятие. Действительно, сливается ли понятие со значением ? Да, сливается. Истина состоит в следующем: существует семантическая форма мысли, т.е. значение; и существует логическая форма мысли, т.е. понятие, суждение, умозаключение. Однако оба термина именуют одно и то же, но с той лишь разницей, что значение – это единица языка, т.е. единица семантической формы мысли, а понятие – единица логики, т.е. единица логической формы мысли. Слово есть одновременно и понятие (логическая категория), и значение (языковая, семантическая категория). Ещё более сложной и запутанной проблемой является соотношение предложения и суждения, соотношение логических субъекта и предиката и грамматических подлежащего и сказуемого.

Слово – это языковой знак или символ для целого ряда вещей, качеств, признаков, действий, отношений. Общее в значении слова возникает не иначе, как из сложения многих частных значений и добавления нечто общего для их всех. Причём это происходит с усилиями, которые бывают настолько велики, что это общее доходило до человечества в течение веков.

Обычно «значение» и «понятие» представлены в науке как два разных термина, первый из которых принадлежит языку, языкознанию, второй – логике, гносеологии. Вот мнение философа: «Признание значения слов лингвистической категорией является обычным. Но если под значением понимать понятие, то мы сталкиваемся с серьёзной трудностью, так как понятия, как гносеологические и логические категории, включаются в арсенал лингвистических категорий». [Мальцев, ВФ, 1965, № 11 : 62].

Если бы значения не были в то же время понятиями, то значения потеряли бы всякий понятийный смысл, т.е. перестали бы быть в то же время значениями и общение было бы невозможным. Можно говорить только о полном тождестве между значением, выраженным словом, и понятием, выраженным тем же словом. Бессловесных, т.е. без звуков и букв существующих понятий не бывает, такие понятия локализованы только в мозгу как «языки мозга», и их невозможно озвучить без знаковой упаковки.

Но кроме понятийной тождественности мысли слову можно добавить в мысль и многое другое. Эмоция, экспрессия, чувства, воля – это тоже область мышления и его логики: Нет и не может быть искания истины без эмоций. В значении слова как обобщающего, стержневого, ассоциативно отражены также эмоции и чувства, в значении отражены чувственные восприятия, это всё – тоже область понятийного мышления, в котором выражены эмоции и чувства как логические понятия. Различия между понятием и значением нет, иначе значение слова оказалось бы совсем оторванным от всякого понятия, понятийного познания и общения, т.е. оказалось бы бессмысленным. А понятие было бы оторвано от своих чувственных выразительных функций. Значение слова – область семантической

формы мысли, понятие слова – область логической формы мысли. Но так как эти две формы мышления не живут по отдельностии , а составляяют единую мысль, то и значение и понятие – также неразрывны.

Понятие – логическая категория, а лексическое значение есть лингвистическое воплощение этого понятия. Понятие получает в языке качество « знаковой структурности» и из логической категории превращается в лингвистическую. Значение – это термин семантической структуры мысли, как более низкой по сравнению с логической формой мысли, а понятие – термин более абстрактной, логической формы мысли.

Иногда считают, что в языке понятие переработано в лингвистическое явление, т.е. в семантическое значение таким же образом, как речевой звук перерабатывается в фонему. Но это неверно, потому что это разные уровни «переработки». В высшую, л о г и ч е с к у ю форму, т.е. в фонему перерабатывается звуковая, т.е. ч у в с т в е н н а я субстанция, иначе говоря – это переход чувственной формы мышления в абстрактную форму. А семантическое значение и логическое понятие – это единицы одного и того же уровня – а б с т р а к т н о г о. Этот идеальный образ предмета, т.е. значение уже сам по себе, априорно и есть понятие, но в знаковой системе это понятие преобразовано в лингвистическое, семантическое значение. Просто логическое понятие получает своё структурное место в языке, став семантической формой мысли, где ему и положено быть по его статусу. Ведь сами понятия не витают в воздухе, изолированно одно от другого, их место в сознании, но если они хотят превратиться в «лингвистические значения», они обязаны быть вынесенными из мозга и формализованы во внешне выраженные языковые знаки.

Неверно также полагать, будто в формировании логического мышления, т.е. понятия принимают участие две силы – предмет и мышление, а в формировании семантического мышления, т.е. значения три силы – предмет, мышление и структура языка. Ни одно логическое понятие, создаваемое «предметом» и «мышлением», уже априори не живёт вне своего конкретно-знакового оформления, каждое конкретное понятие обязательно имеет своё место и в суждении, и в умозаключении, оформленных данной знаковой системой, так как мышление всегда протекает в формах какого-либо языка.

Но возникает вопрос: можно ли исключить знаково-языковой фактор при образовании понятий, или – не остаются ли следы конкретного языка в понятиях ? Если существуют структурные своеобразия каждого языка, и значение слова в каждом из них равно понятию, то это не означает, что надо признать наличие национальных своеобразий в понятиях, суждениях, т.е. в логических формах мысли, т.е. влияние структуры языка на мышление данного народа, на процесс познания мира. В этом случае мы должны были бы стать на точку зрения «теории лингвистической относительности» Сепира – Уорфа, согласно которой наш язык есть наше логическое мышление. Однако национальных своеобразий в логических, т.е. общечеловеческих формах не существует. Потому что языковой знак сам по себе не есть непосредственный участник этого мыслительного процесса, а только обслуживающий персонал, инструмент выноса мышления за пределы черепной коробки, а что там творится внутри – это не его дело, он только условный, случайный, немотивированный материальный знак. Знак только обеспечивает этот процесс мозга, есть орудие мысли, но не её содержание. Структуры языков (а их сотни) в данном случае не окрашивают понятия в свои национальные цвета.

На вопрос, почему для одного и того же явления употребляют два различных термина – понятие и значение, следует ответить: «Здесь одно о то же рассматривается ... в разных отношениях – с одной стороны к языковому знаку, с другой стороны, в отношении к объекту отображения» [Клаус 1965 : 19]. Логическая форма семантики слова – понятие, – живущее не только в индивидуальном мозгу, будучи преобразованной в семантическую, языковую, звучащую форму мысли, становится в то же время принадлежностью не только данного субъекта, но, переходя к другим, оно становится общим достоянием всего человеческого рода – понятием. Таким образом, значение и понятие – одно и то же явление, но значение как структурная единица принадлежит семантической форме мысли, а поняятие, тоже как структурная единица, – логической форме мысли.

2) Понятие и значение – разные явления.

В языке отсутствует логичность, это его свойство заложено в стихийной природе языка, их знаков, изобретавшихся всем народом из поколения в поколение. Пример тому – разные языки, наличие синонимов, омонимов, многозначности, избыточности. Всё это и делает язык незаменимым средством общения и познания. Но это же создаёт логикам непреодолимые трудности в понимании истинных связей мышления и языковых знаков. Логики видят в языке – лишь неупорядоченную совокупность слов. Под логической формой нельзя понимать само знаковое выражение мысли. Логические формы мысли не тождественны грамматическим, логика не сливается с грамматикой.

Панфилов пишет, что теоретически вполне допустимо положение о наличии нескольких уровней организации абстрактного мышления и познания. Наряду с системой семантических значений, фиксируемых лексикой языка, существует система понятий. [Панфилов 1977 : 86]. По мнению Чеснокова, понятие и слово – единицы не соотносительные, они принадлежат к формальным планам мышления и к формальным планам языка, взаимно не покрывающих друг друга. Понятие и слово, суждение и предложение являются не соотносительными категориями, поэтому снимаются сами проблемы понятия и слова, суждения и предложения. Так как форма логического вывода выражается в основном с помощью не формальных, а субстанциональных (лексических) средств языка, то не существует проблемы формальных языковых построений, соответствующих умозаключению вообще, а также его формальным разновидностям». [Чесноков 1967 : 92, 101]. «... Грамматика по предмету, изучаемому в ней, не может находиться ни в какой зависимости от логики, так как различие между правильным и неправильным мышлением не входит в область исследования грамматики». [Фортунатов 1957 : 449].

Выслушаем мнение Нечипоренко, лингвиста-фантаста: « ... я утверждаю, что понятия формальной логики человеческому мышлению несвойственны. Термины предикатной логики: понятия, суждения, умозаключения, из-за их заманчивого содержания, сдерживают философов-логиков на пути продвижения к истинному человеческому мышлению, к овладению космическим знанием. Перед людьми, в особенности перед учёными, встаёт необходимость выйти за рамки формально - структурированной логики. Вышеуказанные термины некритически заимствованы у Аристотеля. ...Аристотель создал формальную науку – логику задолго до христианской эры, строго следовать которой в самом конце XX века нет необходимости. Пользуясь логическими построениями, сторонники формальной логики стремятся всё канонизировать, всё разложить по полочкам, всё подогнать под схему. Однако ни мышление, ни язык, ни тем более речь никогда нельзя будет

формализовать таким образом, как будто это результаты действия механизмов». [Нечипоренко 2002 : 54].

Иногда значение и понятие считают разными явлениями на том основании, что значение выражает также чувства, эмоции. Если это так, то оказывается, что мы имеем два типа мышления, одно – логическое, другое – лингвистическое, причём логика выражает логическое мышление, а язык – эмоциональное, чувственное мышление. Язык превращается в конкретное мышление эмоциями, т.е. лишь в чувственное мышление. Как же тогда люди могут общаться в среде конкретных предметов, не представленных в мозгу в виде их абстрактных, логических образов ?

Под лексическим значением Филин понимает предметное (в широком смысле) содержание слова, соотнесённость слова к объективно существующему миру вещей, процессов, явлений. В основе лексического значения лежит понятие, но оно, однако, не тождественно значению. [Филин 1982 :230]. Каждый народ имеет в своём мышлении все нужные ему понятия, хотя некоторых из них нет у других народов: *душечка, сутки, лапти, самовар*. Как только появляется какое-либо понятие, оно тут же обретает свою языковую оболочку. Путём описания может быть создано любое понятие, такие понятия образуются словосочетаниями или описательно.

Чем же объяснить, что у людей, находящихся на одинаковом общественном уровне развития, отсутствуют многие слова, которые есть в других языках, а количество понятий одинаково ? Тем, что люди думают не языковыми знаками, а логикой, логическими формами, но не семантическими формами. Отсутствие знака в языке для какого-либо понятия не означает какой-то пустоты в сознании. В сознании человека есть только понятийные категории, которыми человек думает и общается, а знаковая форма служит для идентификации, хранения, расчленения этих понятий, как инструмент для познания и общения. Понятия и значения, будучи одной и той же сущностью отличаются друг от друга по их роли в процессах мышления. Значения не являются структурными компонентами логических форм мышления. Суждение как относительно законченный акт мысли включает в свою структуру не значения слов, а понятия, а слово в суждении обладает лишь способностью выражать понятия как структурный элемент суждения.

Мысль может восприниматься только будучи оформленной и актуализированной в языковых знаках. Но надо спросить: есть ли у нас основания признать за мышлением какие-либо особые свойства, которые были бы присущи только ему и которые ничем не были бы обязаны языковому выражению ? Этот вопрос Бенвенист решает с опорой на Аристотеля, но решает неверно: эти категории предстают не в одном и том же виде, а в зависимости от того, выступают ли они как категории мышления или как категории языка. Вот эти различия: 1) Мышление может уточнять свои категории, тогда как категории языка, будучи принадлежностью системы, которую получает готовой каждый носитель языка, не могут быть свободно заменены по произволу говорящего. 2) Мышление стремится устанавливать категории универсальные, языковые же категории всегда являются категориями отдельного языка. 3) Всё это как будто подтверждает положение о примате мышления над языком и о его независимости от языка. [Бенвенист 1974 : 106]. Это общеизвестная точка зрения, будто язык и мышление – самостоятельные и взаимонезависимые сущности.

Значение слова есть итог и результат абсторактного, логического познания мира и в то же время есть семантическая единица языка. Языковое значение, став логическим понятием, обрело способность обобщения, о чём свидетельствует

использование слова для множества реальных предметов, т.е. имеет понятийную природу. Эту функцию значение может реализовать только как понятие в силу своего отражательного характера.

Итак, теория о том, что «не существует двух форм отражения действительности», и теория о том, что «существуют две формы отражения действительности – семантическая и логическая» – это следствие одной и той же теории: существует нечто, что называется языком, и существует нечто, что называется мышлением. Все существующие в теоретическом языкознании варианты теории «взаимоотношения языка и мышления», «слова и понятия» базируются на априорном допущении существования двух самостоятельных сущностей или областей – языка и мышления.

Семантическая форма мысли и логическая форма мысли – не одно то же. Первая форма – это внешняя фиксация нашей мысли в виде языковых знаков, «непосредственная действительность мысли». Вторая форма – это форма для логических, познавательных изысканий, есть высшая форма отражения или познания действительности. Такое мышление создаёт идеальный образ отражаемого, это теоретическое овладение предметом. Инструментом этого познания служат логические формы мысли (понятия, суждения). Но если бы это наше знание было только идеальным, то им нельзя было бы пользоваться, передавать его. Это знание реально присутствует в чувственно воспринимаемой форме – в языковых знаках, в семантическом мышлении. Следовательно, среда гносеологии не совпадает со сферой семантики языка. Законы логики, законы и формы правильного мышления недоступны непосредственному наблюдению, «выхватываются» из семантики языка и отражают связи и отношения предметов реального мира.

3) Различают знаменательные слова (понятия) и незнаменательные слова (не-понятия): союзы, предлоги, частицы.

Панфилов утверждает, и совершенно ошибочно, что не все типы слов (например, частицы, предлоги, союзы, модальные слова и др.) выражают логические понятия. По его мнению, логицисты пытались свести все грамматические явления к логическим, они не учитывали относительной самостоятельности языка, которая проявляется в том, что чем ниже уровень языка, тем более отдалённой и непосредственной оказывается связь соответствующих языковых явлений с мышлением и тем большей будет степень самостоятельности соответствующей подсистемы языка. Это фонемы, морфемы, предлоги, союзы, часитцы, они не обладают номинативной функцией, не выражают понятий, не соотносятся с какой-либо формой мышления, хотя и имеют значение. Если бы это было так, то мы должны согласиться, что морфологически членимое слово выражает сразу несколько понятий. [Панфилов 1964 : 78].

Эта ошибочная точка зрения Панфилова основана на схоластической, средневековой логике, дошедшей до наших дней, заранее определившей стабильные логические формы, на взаимодействии которых построена вся наука логика, забывая, что логические формы произошли от языковых форм. В современной формальной логике известны лишь три логические формы – понятия (знаменательные слова), суждения (предложения), и умозаключения (сложные предложения). Но так как некоторые классы слов игнорировались, то их по традиции оставили вне интересов логики и, следовательно, вне сферы человеческого мышления. Но эти «синсемантические», «опустошённые», «незнаменательные» слова, как показали лингвистические исследования, играют в процессе мышления и

коммуникации ещё большую роль, чем знаменательные слова. [см. Кривоносов, ВЯ, 1984, № 3 : 30 – 44; ВЯ, 1979 , № 6; ВЯ, 1990, № 2; его же монографии: 1993; 1996; 2001; 2006; Ю. Степанов, ВЯ, 1973, № 4].

В языке нет значений без понятий. Если есть значение, например, в союзах, предлогах, частицах и др., выражающегося в виде функции отношения между словами (т.е. понятиями), то и данная морфема, союз, предлог, частица имеет значение и, следовательно, есть понятие. Морфемы и слова связаны с разными типами понятий. Тот или иной звуковой комплекс становится знаком понятия в любом случае, если он соотнесён с какой-либо единицей мышления, т.е. с содержанием. «Мы не должны считать, например, что существительное более значимо, чем предлог, или это слово более значимо, чем словообразовательный аффикс». [Ельмслев 1960 : 264].

Семантика грамматических форм, организующих слова и предложения, детерминирована отражательной природой мышления. Лексические значения более ясные и чёткие, чем грамматические значения, но и эти последние имеют отражательные функции. Они – факты сознания, но неявно предметно ориентированы, у тех и других общее отражательное происхождение. Отношения в предложении приобретают главное значение, только синтаксическая связь делает из разрозненных слов предложение и, следательно, суждение: *мать, дочь, любить*. Эти три слова – не суждение, но они становятся суждением лишь при наличии грамматической связи между ними. Процесс мышления протекает не в виде сплошного нерасчленённого потока мыслей (чтобы выйти наружу, этот поток должен быть расчленён на словарные единицы с их грамматическими связями), а в виде единства синтетических и аналитических актов соединения и разъединения мыслительного целого на кванты мысли. Точка зрения, будто аффиксы, предлоги, союзы, частицы, модальные слова не имеют логического свойства, несостоятельны.

Многие лингвисты различают знаменательные слова (понятия) и незнаменательные слова, релятивные единицы (союзы, предлоги, частицы), не относящиеся, якобы, к разряду понятий. Служебные слова отражают только объективно существующие связи материальной действительности. К понятиям относятся только номинативные слова. Морфемы не соответствуют каким-либо единицам мышления вообще, они сами по себе никакому смысловому содержанию не соответствуют, не имеют значения и не выражают понятия. Морфемы выполняют лишь подсобную грамматическую, организующую функцию. Они не имеют соответствующих логических коррелятов, и осуществляют лишь внешнюю организацию языка, т.е. значение морфем – формальное. Морфемы принадлежат к внешней организации языка.

Изложенное мнение о логической сущности служебных слов принципиально неверно. И знаменательные, и незнаменательные слова – знаки, и те, и другие условны, немотивированы и созданы ддя одной цели – в роли материальных внемозговых сущностей ассоциативно соотносить их, как материю, с определёнными логическими формами, т.е фонемами, графемами, морфонемами, понятиями, находящимися в сознании. Союзы, предлоги, частицы для сознания значат многое, ещё больше чем знаменательные слова – они соотнесены с более сложными мыслительными категориями, чем просто с понятиями.

4) Структурное отличие предложения от суждения.

Принципиальные отличия семантических форм мысли от логических форм мысли, полагают некоторые, состоит в следующем: 1) Семантическая форма мысли

полна противоречий, в реальном предложении можно высказать всё, что угодно, вплоть до абсурда, чего лишена логическая форма мысли. 2) Семантическая форма мысли имеет сложный, смешанный характер – в реальное предложение могут входить не только подлежащее и сказуемое (в логике это **S – P**), но и другие члены предложения, вводные слова, сокращения и др. Предложение *Однажды в студёную зимнюю пору я из лесу вышел* состоит из подлежащего, сказуемого, обстоятельства времени, обстоятельства места, определения, однородных членов. Но логическая форма мысли – суждение допускает лишь два члена: субъект **(S)** (*Однажды в студёную зимнюю пору*) и предикат **(P)** (*Я из лесу вышел*). А всё это логическое суждение **(S – P)** состоит из множества подчинённых, более мелких суждений, по количеству членов предложения, стянутых в одно сложное предложение: *Это случилось* **(S)** – *однажды* **(P)**; *Я* **(S)** – *из лесу вышел* **(P)**; *Однажды* **(S)** – *я из лесу вышел* **(P)**; *Пора* **(S)** – *была студёная* **(P)**; *Пора* **(S)** – *была зимняя* **(P)**.

§ 7. Как взаимоотношение семантических и логических форм мышления представлено в других теориях ?

Основной работой, представленной в теоретическом языкознании по проблеме взаимодействия «семантических и логических» форм мысли, являются работы Н. Хомского, в которых эта проблема представлена в терминах «поверхностной и глубиной» структур. Порождающая грамматика Хомского – это процессы и переходы между глубинными и поверхностными структурами (семантическими и логическим формами). Он видел в глубинных структурах логическую мысль, «данную уму» через семантико-грамматическую организацию предложения. Глубинная структура у Хомского – удачное название, так как речь идёт не о чувственно осязаемой структуре предложения, а о выраженных в нём семантических отношениях, а по сути логических отношениях. Глубинная структура предложений всех языков идентична. Теоретическое кредо Хомского сводится к следующему:

Все человеческие языки имеют универсальные свойства, как самые существенные свойства для всех языков. Отличия языка от языка носят поверхностный характер, а не «глубинный». Если эмпирическая лингвистика изучает Языки, то рационалистическая лингвистика занимается Языком.

Изучение универсалий есть изучение природы человеческих мыслительных способностей. В универсальной грамматике Хомского язык встречается с мыслью. Поэтому изучение лингвистических универсалий плодотворно как для лингвистических структур, так и для мыслительных структур. Это отразилось в глубинных и поверхностных структурах языка и их отношениях.

Если в круг исследования лингвиста, как считает Хомский, включается описание поверхностной и глубинной структур языка, то это не расширение понятия «язык», а расширение понятия «лингвистическая теория» – она стала пониматься как исследование взаимодействия мышления человека с его языком. Но представления о языке не изменились – он по-прежнему есть инструмент мышления и познания.

Хомский считает необходимым изучать язык и мышление как две взаимозависимые и взаимно определяющие структуры, имеющие общий, единый механизм. Этой теории подчинено и его положение о необходимости выделения в предложении двух структур – глубинной и поверхностной. Эти структуры предложения воплощают в себе мыслительную и лингвистическую структуры.

Поверхностная структура предложения – это организация категорий и словесных групп, непосредственно ассоциируемых с физическим сигналом, и в её основе лежит глубинная структура, те же категории групп слов, но более абстрактного характера.

Вот главные положения концепции Хомского: врождённость языковой способности, знаний, предрасположений, т.е. универсальная грамматика с небольшим числом исходных принципов и параметров. Без универсальных грамматик язык вообще не может существовать, это те врождённые данные, которые ребёнок постигает не в результате приобщения к языку взрослых, а просто «созревая» как биологическое существо, но под влиянием некоторых пусковых механизмов в виде социологизации ребёнка и его приобщения к предметному миру. Знание языка в голове ребёнка не столько усваивается, выучивается, сколько «вызревает», «вырастает» в мозгу ребёнка, подобно тому, как у него вырастают руки, ноги, тело. Социологизация ребёнка и его приобщение к предметному миру – это есть пусковые механизмы. Модель языка у Хомского помещена как лингвистическая теория в контекст усвоения языка, обе связаны одна с другой.

Каков же механизм взаимодействия поверхностных и глубинных структур, по Хомскому ? Глубинная структура есть некоторое мыслительное образование, которое связано трансформационными переходами с поверхностной структурой – некоторым звуковым образованием. Глубинная структура, по Хомскому, ведает формированием смысла предложения, а поверхностная – звуковым воплощением этого смысла., т.е. глубинная структура есть некоторое дозвуковое, и стало быть дословесное образование, хотя, иллюстрируя глубинную структуру, Хомский представляет её как отношение реальных слов. Система правил языка, с помощью которых смысловые образования вступают в связь со звуковыми образованиями, и составляют, по Хомскому, грамматику

Хомский вплотную подошёл к решению проблемы взаимоотношения языка и мышления, причём не спекулятивным путём, основанным на утопической «марксистской» теории о неразрывной связи языка и мышления, а лингвистическими средствами. Он исходит из предпосылки, что за семантическим многообразием человеческих языков стоит универсальная структура человеческого языка, т.е. логические формы мысли, которые надо соотносить со структурными параметрами и характеристиками реальных человеческих языков. Любая критика Хомского не перечеркнёт его прозорливости, т.е. теорию истинной картины функционирования языка, о чём языкознание бьётся веками. « ...Понятия поверхностной и глубиной структуры предложения находятся друг с другом в отношении, которое марксистская философия устанавливает для категорий явления и сущности». [Бархударов, ВЯ, 1973, № 3].

По мнению Солнцева, если предложение имеет поверхностную и глубинную структуру одновременно, то это логически предполагает раздвоения процесса речевого образования на два процесса, которые разворачиваются одновременно или почти одновременно. Но раздвоенность речи на два параллельных процесса не самоочевидна» [Солнцев, ВЯ, 1976, № 5]. «Грамматическая система языка не может быть построена, если её компоненты принадлежат разным временным пластам» [Адмони, ВЯ, 1971, № 5].

Звегинцев отмечает, что значение предложения формируется в сознании, а предложение расширяется в виде физического сигнала. Поверхностная структура, непосредственно связана с физическим сигналом, отличается от лежащей в её основе глубинной структуры, но более абстрактного характера. Глубинная структура

фактически состоит из двух предложений, взаимодействующих друг с другом. [Звегинцев, ВФ, 1972, № 1].

К чему сходится критика в адрес Хомского ? Солнцев считает, что специфика грамматического строя каждого языка заключена не в его «глубинных», а в так называемых «поверхностных» структурах. Это верное утверждение Солнцева ведёт его к неверному выводу, будто глубинные структуры не возникают и не могут возникнуть до сформирования поверхностных синтаксических структур. Рождение смысла, по его мнению, идёт «сверху», а не «снизу», т.е. в поверхностных, а не в глубинных структурах. Всё богатство и вся специфика грамматического строя каждого языка заключена в его непосредственно данных нашему восприятию так называемых поверхностных структурах. Поэтому для более адекватного и глубокого познания строя языка надо не столько проникать в его «глубинные структуры» (она мало отличается от языка к языку), сколько нужно углубляться в многообразие типов и видов предложений, именуемых поверхностными структурами. [Солнцев, ВЯ, 1976, № 5].

Солнцев, как и многие другие лингвисты, не понял теории поверхностных и глубинных структур, т.е. взаимодействия семантических и логических форм мысли. И не без основания: у самого Хомского эта теория не доведена до логического конца и затуманена пока недоказуемой «транформационной» грамматикой. Эта теория подтвердила общечеловеческий характер мышления, которое не отличается от народа к народу. Солнцев свёл всё к «поверхностному» синтаксису. Это значит, что язык сам себе хозяин, сам творит свою структуру, есть демиург мышления, управляет нашим мышлением, т.е. языковые материальные условные знаки, отличающиеся от языка к языку, управляют мышлением данного народа, которое вдруг стало национальным, и потеряло свой общечеловеческий характер. Это опять же возвращает нас вспять к давно отжившим теориям «лингвистической относительности» и «языковой картины мира».

§ 8. Взаимодействие семантических и логических форм мышления с позиций диалектической философии.

1) Откуда появились семантические и логические формы мышления ?

Как было показано выше, различная структура в разных языках, или иначе – различная сегментация элементов мира в структурах разных языков есть следствие экономических, географических и иных условий жизни нации, которые повлияли на структуру мышления людей каждой нации, а оно, в свою очередь, – на структуру его языка. Если это так, – а это, действительно, так, и другого мнения здесь быть не может, – то мы, оставаясь последовательными, должны сказать, что каждый народ, в силу специфики его языка, диктуемым мышлением этого народа, обладает своим собственым мышлением, но мышлением только семантическим, языковым, отличным от семантического мышления других народов, говорящих на других языках. Это происходит не потому, что орган мысли – мозг у людей каждой нации различен, и не потому, что язык каждой нации, будучи отличным от других, влияет на структуру мышления и на структуру мира, подчиняя их себе, а в силу того, напротив, что этот мозг, будучи помещённым (вместе с человеком) в соответствующую социальную среду, по-своему отражает эти социально-экономические условия, и в соответствии с ними создаёт себе свой знаковый, семантический язык. Мы видим, таким образом, что языковые знаки только членят, сегментируют мир, а логич

е с к о е м ы ш л е н и е о т р а ж а е т м и р, по образу и подобию самого этого объективно существующего мира, одного и того же для всех наций, а также по с в о е м у с о б с т в е н н о м у образу и подобию, тоже одного и того же для всех наций, отражающего этот мир, т.е. по структуре самого мышления, но поставленного для каждого народа, т.е. для каждого национального мозга в о с о б ы е н а ц и о н а л ь н ы е у с л о в и я. Следствием этого и явилось то, что одно и то же логическое мышление создало себе в каждой нации свой особый знаковый язык или своё особое с е м а н т и ч е с к о е мышление. Существует цепочка зависимых сущностей: существует один и тот же для всех людей **внешний мир**, влияющий на → идентичный для всех людей, но поставленный в различные жизненные условия каждой нации **человеческий мозг**, который, обладая логическим мышлением, создаёт себе особыую → **языковую знаковую структуру**, которая для каждой нации хотя и рождена одним и тем же логическим мышлением, но рождена в различных условиях жизни этих людей, именно как знаковая, языковая, семантическая форма мышления. Следовательно, в зависимости от материальных, и других условий жизни людей, каждый народ имеет с в о ё с о б с т в е н н о е (но только языковое, семантическое !) м ы ш л е н и е, с о в п а д а ю щ е е с с е м а н т и к о – г р а м м а т и ч е с к о й с т р у к т у р о й е г о я з ы к а.

Таким образом, семантическое мышление людей, говорящих на данном языке, – а оно отличается от семантического мышления людей, говорящих на других языках, – обладая способностью символизировать мир, выражает его п о – с в о е м у, лишь на уровне с о д е р ж а н и я мысли, т.е. на уровне с е м а н т и ч е с к о г о м ы ш л е н и я. Семантическое мышление (т.е. мышление на данном языке) людей одной нации отличается от семантического мышления другой нации в той степени, в какой язык одной нации отличается от языка другой нации. Когда говорят и пишут о «языковой картине мира», то это – и с к а ж е н и е реального соотношения языка и мира, потому что внешний мир отражается не семантитческим, а логическим мышлением: речь идёт лишь о «языковом ч л е н е н и и , с е г м е н т а ц и и мира», о членении мира с о д е р ж а н и е м нашего мышления, с е м а н т и ч е с к и м и ф о р м а м и мышления или, что то же самое – в формах языка.

Можно сказать: «языковое членение или сегментирование мира» – то же самое, что и «семантическая форма мышления». Звучащий (написанный) язык – это содержание нашего мышления, наша семантическая форма мысли, вынесенная за пределы мозга. Это понятие, представленное четырьмя синонимами (семантическое, языковое, знаковое, оречевлёное мышление), всегда равно значению, содержанию конкретного предложения конкретного языка. И словарь, и грамматика каждого языка, будучи различными в разных языках, р е а л и з о в а н н ы е в звучащей (написанной) речи, образуют совместно содержание мышления или его семантическую форму. Такой тип мышления, отличающийся от языка к языку, свойственен каждой нации.

Исходя из выше изложенных логических рассуждений, становится ясным, что языковое мышление у каждого народа – с в о ё. Однако приведённые выше доказательства о реальнности национального, семантического мышления не о т р и ц а ю т единство общечеловеческого мышления, его всеобщность. Но единство и всеобщность человеческого мышления начинается не на уровне его конкретного содержания, не на уровне семантических форм мысли, семантических значений, выраженных семантико-грамматическими формами конкретного языка, а на уровне его л о г и ч е с к и х ф о р м, в данном случае – лишь на уровне субъектно-предикатного (или атрибутивного) с у ж д е н и я (S – P). Общими во всех языках и, следовательно, в мышлении людей разных наций являются л о г и ч е с к и е ф о р м ы (фонемы, графемы, морфонемы, понятия, суждения, умозаключения). И это главное, что не было усвоено ранее в теориях

«лингвистической относительности» и «языковой картины мира». Познание мира в формах естественного языка возможно только в том случае, если мышление человека способно выйти за пределы семантической, содержательной стороны языковых единиц. «Речевое мышление», как пишет Тарасов, побуждает к движению от «речевой фиксации мыслительных процессов через логические формы мысли к реальным действиям человека и к вещам» [Тарасов 1986 : 103]. Для каждого языка индивидуальное, специфическое «членение мира» не создаёт особого «видения мира», так как «к логическому строю относятся не все формы мыслительной деятельности, а только те, которые вытекают из особенностей процесса познания и являются необходимыми для него. Формальные видоизменения, происходящие в мыслительной сфере под влиянием специфических структурных свойств конкретных языков, носят национальный характер и не являются необходимыми для познавательной деятельности людей». ... «Логический строй мысли один для всех людей, ибо он вытекает из природы человеческого познания, обусловлен потребностями познавательной деятельности человека и в конечном счёте потребностями практики. Поэтому никакие особенности строя языков не могут изменить его» [Чесноков 1977 : 37, 56].

2) Логики мечтают свести язык к точности математики.

Лейбниц, по словам К. Фишера, пишет о взаимодействии языка и логики: «... Математика уже обладает такой письменностью, ... непосредственно выражающей мысли. Почему бы не попытаться всей науке достигнуть такой же независимости от различных народов, как математика ? Задача всемирной письменности будет решена, если все науки возьмут пример с математики и будут найдены характеристики для точного обозначения понятий подобно тому, как алгебраическими и математическими знаками обозначают величины и их отношения. Тогда можно будет так же понятно выражать все научные истины, так же строго охранять их и проверять, как и математические. Нужно найти простейшие, элементарные понятия, как бы алфавит мысли, и установить для этого алфавита годные для всеобщего употребления значки; тогда, комбинируя их, можно будет выражать состояние понятия, суждения, заключения и таким образом обозначать ход научного исследования» [К. Фишер 1905, С. – П., т. III].

В этом васказывании великого математика поражаешься наивности людей, даже крупных учёных, осмеливающихся говорить от имени тех наук, о сущности которых у них лишь в высшей степени поверхностные представления. Уже первая фраза говорит о многом. Разве знаки математики, цифры выражают мысли, и даже непосредственно ? Что такое 7, 13 и пр. ? Всё, что угодно. Это «что угодно» живёт в мозгу. Но как из мозга извлечь всё остальное, кроме «количества», знаки-то ведь привязаны лишь к количественной характеристике вещей ?

Великий математик глубоко заблуждался: он исходит из того, что каждый естественный язык народа, а это значит – языковая знаковая система каждого народа напрямую связана с мыслью, без всякого связующего звена в виде логических форм мышления (фонем, графем, понятий, суждений, умозаключений), которыми, кстати, являются и все математические, химические, логические условные знаки. Все они однозначны, как однозначны и все логические понятия, выражаемые условными языковыми знаками. Никакие знаки, ни математические, ни языковые, никакие иные не несут в себе самих никаких мыслей, они лишь условные ассоциативные значки для конкретных отрезков мысли, которые генерируются не материей этих значков, а нейронными клетками мозга. Мир мысли так же необъятен, как и сам материальный мир.

Реализация утопических планов Лейбница, если бы она была осуществима, привела бы к самоубийству человечества. Язык не поддаётся сознательному регулированию и логическому упорядочиванию. Формировать естественный язык в логистический язык, каким его желали бы видеть учёные точных наук, невозможно по следующим причинам:

1) Среда применения языков точных наук ограничена, это язык «формул», они применимы только к определённым, ограниченным областям знания, тогда как тематика мыслей человека безгранична – о чём хочу, о том и пою.

2) «Языки формул» выражают лишь объективные связи в мире вещей, а с помощью естественных языков мы выражаем, кроме того, также эмоции, экспрессии, волевые значения и др.

3) Естественный язык – это исторически, стихийно, бессознательно сложившийся инструмент и не зависит от воли ни общества, ни индивида. Законы каждого языка и его развитие имеют исторический характер, и никто, в том числе и Лейбниц, не в состоянии его изменить.

4) В естественном языке чётко проявляется функция обозначения предметов и функция выражения мыслей об этих предметах, мы знаем, о чём думает человек и как думает человек. «Язык формул» лишь обозначает объекты и их связи, а что думает математик о вещах, зафиксированных в цифрах, мы не знаем, да и сам математик не знает, о каких объектах он думает, ибо под *семёркой*, *тройкой* можно думать всё, что угодно.

5) Многозначность в языке не мешает ни процессу познания, ни процессу общения и взаимопонимания. Многозначность языку дана от природы, это диалектическая неизбежность в силу условности языкового знака. Мир бесконечен, а связи межу его объектами ещё более бесконечны. Но Бог дал память челоаеку с ограниченными ресурсами. Как же выразить весь мир только в 30 – 40 языковых знаках, насчитываемых в каждом языке (а в математике их всего – десять) ? Это можно сделать только потому, что знаки – условны и не привязаны органически ни к одному природному объекту, бесконечные сочетаемостные возможности знаков и позволяют выразить весь мир. Слова даны в структурно связном тексте, где ни один знак не обладает самостоятельностью, в связном тексте, который позволяет найти точный смысл любого слова и разводит это слово по соответствующим рубрикам семантических значений и, следовательно, понятий.

6) Главный аргумент невозможности искусственно создать язык в виде математических или логических исчислений заложен в том, что язык, как и математика, имеет дело в логическими формами – понятиями, суждениями, у мозаключениями. Только в математике они выражены через числа, а в языке – через звуки и буквы. Язык, как и математика, оперирует мыслительными категориями, так как он и есть само мышление, т.е. через материю знака к материи реального предмета, как переход от чувственной формы мысли к абстрактной, а от неё снова – к чувственной форме мысли.

3) Взаимоотношение семантических и логических форм мышления есть взаимоотношение философских категорий «явления» и «сущности».

В основе размежевания семантических и логических форм мысли лежат законы общечеловеческого мышления, процессы которого осуществляются только в логических формах – в фонемах и графемах, как самых низких формах мысли, а также в более высоких логических формах мысли – в понятиях, суждениях,

умозаключениях. Но эти формы мысли, живущие в мозгу, и будучи ассоциативно вынесенными вовне через звучащую или написанную речь, не могут не иметь для себя материальной опоры в виде материальных знаков. А они могут быть только искусственными, произвольными, внемозговыми, звучащими или графическими, производимыми человеком. Но условия жизни этих человеческих сообществ зависят от среды их обитания – от природных, экономических, социальных условий, которые и приводят к порождению различных систем материальных знаков, как раз и служащих средством или инструментом вынесения этих абстрактных логических форм за пределы мозга, как их ассоциативные отпечатки в сознании человека. Без материальных знаков, условно, ассоциативно воплощающих логические формы мысли, мышления нет, как и нет самого человека.

Отсюда становится ясным, что логические формы мышления, единые для всего человеческого рода, не могут быть уложены в единую для всех людей материальную внешнюю форму, она ведь у разных человеческих сообществ различна, продиктованная различными условиями их жизни. Следовательно, общая для всех логическая мысль разнесена по различным семантико-грамматическим структурам разных языков, каждый язык выбирает себе особые знаковые формы для выражения общих для всех людей логических форм. Так исторически, в силу законов материального бытия человека, образовались две абстракные формы выражения одного и того же общечеловеческого мышления – логические и семантические, которые взаимодействуют и одно не живёт без другой.

Семантика предложения – это то, что мы читаем и слышим как первый, наиболее поверхностный уровень нашей мысли. Но если мы попытаемся пересказать прочитанное или услышанное, мы никогда или почти никогда не повторим услышанное и прочитанное слово в слово, а передадим лишь смысл, содержание, которое обязательно имеет свою логическую форму. Это и есть то, что лежит в глубине предложения – логическая форма мысли. Она – не произвольная фикция ума, а «оторванное», «абсорбированное» от общего смысла его логическая форма, которая в переложении этой мысли на живые знаки опять обрела семантическое содержание, смысл. Семантические и логические формы мысли составляют единство человеческого мышления, это диалектика отдельного и общего, явления и сущности в одном объекте.

Логические структуры выводятся исследователем на основе определённой научной теории из поверхностных структур путём их сопоставления, сравнения, установления в них общих признаков, «семантических инвариантов синтаксиса», которые суть не домыслы самих исследователей, а отображения реальных отношений, которые объективно существуют в самом языке, хотя и не даны нам в непосредственном наблюдении. В этом случае логическая структура предложения также является ф о р м а л ь н о в ы р а ж е н н о й, хотя и не прямо, не непосредственно в данном предложении, но косвенно, через сопоставления слов в предложении, через сопоставление данного предложения с другими, с которыми это предложение находится в системных структурно-семантических отношениях, объективно существующих в самой языковой действительности.

Подобно тому, как возникновение в лингвистике теории фонем и графем дало возможность свести всё бесконечное многообразие реально произносимых звуков и реально написанных букв к строго ограниченному инвентарю функционально значимых звуковых и графических типов, различение семантических и логических форм мышления дало возможность за бесконечным разнообразием реально употребляемых в речи предложений увидеть строго ограниченное

количество логических форм для выражения бесконечности внешнего и внутреннего мира человека.

Разграничение семантических и логических форм мышления представляет собой один из существеннейших моментов в понимании сущности взаимоотношения языковых знаков и мышления, момента, ведущему к редуцированию всех возможных мыслей человека, т.е. ведущему к сведению всего многообразия реально функционирующих в речи предложений и их семантических значений к ограниченному инвентарю непосредственно не наблюдаемых, но главнейших – логических форм мысли.

Разграничение семантических и логических форм мысли, т.е. отдельного и общего, явления и сущности необходимо рассматривать как неизбежное свойство любой подлинно научной теории. Например, научная х и м и я немыслима без редуцирования всего бесконечного многообразия встречающихся во Вселенной веществ к ограниченному инвентарю первичных элементов, в результате комбинации которых образуются все вещества. Научная ф и з и к а немыслима без приведения бесконечного множества реально существующих объектов к ограниченному набору исходных элементарных частиц, которые в своих комбинациях образуют все реально существующие вещества. Научная г е н е т и к а немыслима без того, чтобы свести всё множество реально существующих индивидуальных признаков живых организмов к строго ограниченному набору элементарных носителей наследственности – генов, молекул ДНК, различные комбинации которых порождают бесконечное многообразие индивидуальных свойств живых организмов.

Следовательно, теоретическое языкознание обязано представить всё многообразие звуковых, графических, морфологических, синтаксических, семантических форм к строго ограниченному набору элементарных абстрактных, логических образов от указанных единиц, т.е. в виде логических отношений между единицами своего уровня – в виде фонем в звуковой сфере, графем в буквенной сфере, понятий в словарной сфере, суждений и умозаключений в синтаксической сфере. Сущность абстрагирования и распознавание в отдельных единицах присутствия общих законов функционирования этих единиц и сведение их к некоей сущности есть основной закон движения природы и, следовательно, человеческого мышления.

Взаимодействие семантических и логических форм мысли есть то, что Гегель называет «философским превращением противоположностей друг в друга». «Противоречие есть критерий истины. Отсутствие противоречия – критерий заблуждения». [Гегель. Работы разных лет. М., 1970, т. 1 : 265]. Но это противоречие как логические противоположности (в данном случае между семантической и логической формами мышления) следует понимать вместе с его разрешением: будучи совместно спаянными, они и образуют то, что мы называем человеческим мышлением. Противоположности фиксируются не просто как таковые, сами по себе, вне связи друг с другом, а постигаются в их единстве, доходящем до тождества. Причём эти противоположности выступают как взаимно предполагающие моменты перехода одного в другое. Этот переход одного в другое, т.е. процесс превращения противоположностей друг в друга необходимо заключается в каждом из них. Любой объект заключает в себе своё собственное отрицание.

Семантическое и логическое мышление или семантические и логические формы мысли – это две противоречащие друг другу абстрактные категории, причём семантические формы мысли – это абстракция первого уровня, а логические формы мысли – это абстракции второго, более высокого уровня. Как стало возможным, что

обе эти категории мышления, скажем – звук и фонема, буква и графема, значение и понятие, предложение и суждение стали тождественными, что случайное превратилось в необходимое, а необходимое точно так же превратилось в случайное ?

Обычный человеческий рассудок или «здравый смысл» рассматривает необходимость и случайность как определения, раз и навсегда исключающие друг друга. Необходимое обычно считают единственно достойным научного интереса, а случайное – безразличным для науки. Это значит: необходимое – это то, что знают, что можно подвести под законы, а чего нельзя подвести под законы, – случайное, ими можно пренебречь. Следовательно, достойно науки то, что можно объяснить, и считают случайным то, чего не могут объяснить. Это есть свидетельство непонимания учёного, который считает, что подобные вещи, якобы, не относятся к ведению науки. Но здесь прекращается всякая наука, ибо она должна исследовать именно то, чего мы не знаем. Наука прекращается там, где теряет силу необходимая связь. Случайность имеет некоторые основания, ибо она случайна, но точно так же и не имеет основания, ибо она случайна. Случайным и необходимым п о о т д е л ь н о с т и ничто не может быть, они одновременно и то, и другое.

Принцип семантических и логических форм мышления используется, как я показал выше, во многих науках. Но первооткрывателем этой теории был Аристотель, создавший формальную логику как науку о законах правильного мышления. Нет наук, стерильно чистых, без всяких примесей других наук. «Как лучше извлечь золото логики из руды языка ? Ведь добытое золото часто оказывается недостаточно чистым и блестящим». [Г. Шухардт 1956 : 288].

К. Маркс это доказал на примере политэкономии. Натуральные вещи холст и сюртук не имеют ничего общего друг с другом, но в представлении торговца они уподобляются друг другу в своей «идеальной форме», потому что воплощают одну и ту же стоимость, т.е. одну и ту же меру общественного труда. Так и структурно-семантические предложений, семантические и логические формы формы мыслей, выраженных в них, – это разные формы одной и той же материи. И так же они, как холст и сюртук, уподобляются друг другу в их идеальной форме – в логических формах мышления. Даже в одном и том же языке – материально разные фразы, имеющие одно и то же семантическое значение, понимаются разными людьми одинаково, через их одну и ту же идеальную, т.е. логическую форму.

Знаки развиваются под руководством мышления, сознания, образуют особую, повседневную форму мышления – семантическую, т.е особую семантико-грамматическую структуру предложения. Но в основе таких предложений всегда лежат абстрактные логические формы мысли. Но без чувственой формы познания нет и абстрактной, логической формы. Понимание и отражение мира и самих себя возможно только через соотношение чувственного и абстрактного, отдельного и общего, явления и сущности. Обычно мышление людей не идёт дальше внешних, поверхностных связей о предметах («ползучий эмпиризм»). Суть этой более низкой ступени мышления в том, что оно не проникает в сущность предметов. На основании исследования явлений некоторые исследователи пытаются теоретизировать. Такие «теоретики» лишь собирают факты, хотя и они уже требуют выхода за пределы явлений, в теоретические осмысления.

§ 9. Роль языка в процессах познания

1) Что такое познание ?

Отражение – это сходство, адекватность, воспроизведение черт оригинала, о браз отражаемого предмета. Распространённое понимание отражения как повторение, воспроизведение оригинала приводит к пониманию мышления как копирующего устройства в мозгу по типу «что в жизни, то и в мысли». Такое понимание взаимодействия мышления и действительности, как их единства, не выходит за рамки представления об изоморфизме фактов языка, мышления и действительности, хотя речь должна идти о взаимных переходах, взаимопревращениях этих факторов. В этом контексте встаёт проблема противоречия, с одной стороны, между материальным, единичным, объективным, конкретным и, с другой стороны, абстрактным, логическим при переходе от действительности к мышлению и от мышления к действительности.

Уже первые философы древности поняли, что основой познания, мысли являются ощущения, порождаемые воздействиями внешнего мира. Но камнем преткновения для теории познания явилась загадка перехода от объективных внешних факторов к субъективному их восприятию, к ощущениям. Познание – это взаимодействие человека с внешним миром, а также с объективированной в слове системой знания, складывающейся в процессе индивидуального развития человека. Процесс мышления – это анализирование и синтезирование того, что выделяется анализом. Затем – абстракции и обобщения как производные от них. Мысль приходит к тем более высоким обобщениям, чем более глубокие связи она раскрывает. Абстракция – это специфическая форма анализа, характеризующаяся тем, что анализ при переходе к абстрактному мышлению переходит в понятия. Характер абстракции состоит в том, что она выделяет существенное, отвлечение её от несущественного: она анализирует и членит то диффузное, ещё не проанализированное целое, в котором существеннное и несущественное ещё не расчленены.

Начальная ступень познания проходит через непосредственные ощущения, восприятия, представления (чувственная ступень познания). Однако «чистого» чувственного познавательного мышления не бывает (это удел только животных), оно непременно переходит в мыление абстрактное, потому что человек тут же всё чувственное пропускает через свой мозг, соотнося и анализируя все свои чувственные впечатления со своим опытом, а это значит – с накопленными абстрактными знаниями (со + знанием).

Формы и законы мышления по отношение к данным органов чувств – это аппарат, помогающий творчески переработать их и тем самым вскрыть связи и закономерности в процессах внешнего мира. Мышление не зеркально отражает мир, оно духовно воспроизводит предметы мира, закономерности, не доступные для органов чувств.

Почему люди не всегда и не сразу понимают движения мысли от конкретного к абстрактному, от явления к сущности ? Видимое движение Солнца по небосводу было положено в основу геоцентрической системы мира Птоломея, согласно которой считали, что *Солнце всходит; Солнце заходит; Солнце садится*. Но в средние века появилась гелиоцентричская теория Коперника, которая опровергла эту теорию и обяснила, почему возникает несоотвтетсвие между непосредственными, чувственными восприятиями самого предмета и его истинной сущностью. Так появилась проблема явления и сущности. Было замечено, что в любой вещи существуют две стороны: 1) явление, внешность предмета, 2) сущность, внутренняя основа предмета. Поскольку явление не совпадает с сущностью, а непосредственные восприятия отражают лишь явления, отсюда – несоответствие предмету восприятия. Так как в непосредственном восприятии отражаются лишь явления, поэтому появляются неправильные представления, порождаемые самой действительностью. Таким образом, проблема сущности и явления

возникает в связи с трудностями познания. Поэтому неверные представления о предмете – не плод фантазии, не имеющей под собой реальной основы, а их рождение связано с односторонним отражением реального мира.

2) С чего начинаются первые шаги в познании.

Процесс познания – не просто осведомление о предмете. Познание не состоит в обычном осведомлении о том, как обстоят дела в объективной реальности. Посредством этого осведомления предмет познания становится только известным. Но известное, как говорит Гегель, ещё не есть познанное. Познание есть процесс духовного о в л а д е н и я предметом, оно осуществляется посредством выражения одного через другое, через о т н о ш е н и е. Мышление как познание, раскрытие и построение связей и отношение между предметами, составляющими проблемную ситуацию, или иначе, как моделирование окружающего мира, проявляется в самых различных уровнях человеческой жизни. Своей вершины и полного развития процесс познания, этот результат работы мозга достигается в теоретическом научном мышлении, где происходит познание связей и отношений между предметами.

Отражение действительности начинается с расчленения объекта на какие-то отдельные составные части на уровне чувственного познания, и не только у людей, но и у животных. Та или иная совокупность ощущений объединяется в одном образе восприятия как результат воздействия различных свойств какого-либо отдельного предмета. Сперва видится предмет, затем ищется его свойство, приписывается ему определённое качество. Познание есть своего рода процесс изучения предмета со всеми его свойствами и процесс выделения при этом главных из них, которые затем, уже на уровне абстрактного, логического мышления получают определённое наименование, причём в разных языках по различным признакам, в зависимости от самых разных обстоятельств жизнедеятельности людей данной нации.

Всякое познание начинается с в о с п р и я т и я. А восприятие как одна из чувственных форм отражения действительности – это непосредственное воздействие объектов на органы чувств. Оно существует в виде образа отражённого объекта, но не ограничивается этим. Это не только чувственный образ, но и о с о з н а н и е объекта, а осознание требует участия в этом процессе прошлого опыта, а также осмысления, понимания. Таким образом, восприятие протекает не только на сенсорном уровне, но и на уровне л о г и ч е с к о г о мышления.

Сущность познания состоит именно в том, что мысль схватывает диалектику единичного, переводя его во всеобщее, присущее каждому реальному объекту, и закрепляет его в словесном выражении через н а и м е н о в а н и е предмета как представителя определённого класса. Вещь должна быть понята как элемент, как единичное выражение всеобщей субстанции. В этом задача познания.

Любое научное исследование выводит исследователя за пределы единичного, за пределы самой вещи и приводит его к познанию сущности этой вещи – к п о н я т и ю о ней. Знание действительности начинается с единичного и без него оно невозможно, но оно не может осуществляться и без общего. Более того, оно состоит именно в знании общего как того, что определяет действительность. Общее существует в единичном и познаваемо не помимо единичного, а через единичное. Восприятие единичного есть исходный пункт постижения общего, предмет мышления есть общее.

3) Как происходит процесс познания.

Процесс познания, отражения действительности, как отмечено выше, начинается с расчленения её на какие-то отдельные, составные части на уровне чувственного

мышления, а обобщение этого процесса продолжается на уровне абстрактного, логического мышления в формах суждений и движимо во всех языках одним и тем же логическим процессом, хотя и выраженным в самых различных грамматических и семантических формах, в зависимости от структуры конкретных языков. «Всякая мысль – пишет Выготский – стремится соединить что-то с чем-то, установить отношение между чем-то и чем-то. Всякая мысль имеет движение, течение, развёртывание, т.е. мысль выполняет какую-то функцию, решает какую-то задачу. Это течение мысли совершается как внутреннее движение через целый ряд планов, как переход мысли в слово и слова в мысль» [Выготский 1934 : 269].

Познание мира осуществляется, во-первых, только через двухстороннее или двухуровневое мышление в его семантических и логических формах. Во-вторых, процесс познания и коммуникации невозможен без материи языка как инструмента логического мышления, т.е. без языкового, семантического мышления. В-третьих, истинное познание мира и коммуникация осуществляются только в логических (но не в языковых, семантических !) формах – в форме субъектно-предикатного суждения **(S есть P)**, **(S не есть P)**. Эта логическая формула и есть закон отражения мира и коммуникации. Любое предложение, в том числе односоставное, бессубъектное, бессказуемостное, назывное и т.д. на уровне логического мышления, т.е. на уровне суждения также имеет форму **(S есть P)**. Логические формы едины во всех языках в силу свойств общечеловеческого характера мышления: предложения любого языка имеют обязательную логическую субъектно-предикатную структуру **(S – P)**, которая в каждом языке имеет свою языковую, формально-синтаксическую особенность. Если считать, что в некоторых языках якобы отсутствует логический субъект S и логический предикат P, то такое заключение есть результат отождествления логических форм мышления (логического строя мысли) и семантико-грамматических их форм языка (семантической формы мышления) в смысловом содержании предложения.

Переход от содержательной стороны мышления (от семантической формы мышления) к логической форме мышления в виде суждения есть процесс фиксации «голых» логических связей, огрубление и упрощение семантического значения предложения. Отражённый в человеческом мозгу материальный мир, его связи и отношения отстоялись в мышлении в виде структур, связей, форм, фигур мышления – в виде логических форм. Весь материальный мир как бы присваивается мышлением в виде его идеального отражения, в идеальных формах и фигурах. Вследствие этого для человека существуют как бы два мира – материальный и идеальный. Логическое обобщение языковых фактов является необходимым условием лингвистических исследований, ибо только через естественный язык очень сложным образом запечатлена познавательная деятельность человека и законы природы.

Таким образом, материалистическая теория познания, хотя она и осуществляется не иначе, как только при помощи национального языка, каждый из которых обладает своей специфической семантико-грамматической структурой, не фетишизирует языковые знаки как орган познания и не превращает их в познающего субъекта. Познавательная способность человека заложена не в языковых знаках, а в его мозгу, в его познающем механизме, который, будучи совершенно самоостоятельным и ни от кого и не от чего не зависящим, кроме законов материального мира и самого мозга, функционирует так же – или можно даже сказать – в основном (потому что существует и авербальное мышление) благодаря знакам как конвенциональной, условной материальной системе.

Материалистическая теория познания доказала, что функционирование национального языка есть функционирование национального мышления, различающегося

от нации к нации (это семантическая форма мышления). Но сам процесс познания осуществляется на более высокой стадии мышления: только в формах логического мышления – в формах фонем, графем, морфонем, понятий, суждений, умозаключений.

Итак, процесс познания нерасторжимо связан с процессом мышления, познание – это и есть мышление. Но что познаётся нашим мышлением ? Окружающий нас мир а также внутренний мир человека, который членится, сегментируется, дробится в мышлении на отдельные логические понятия и их связи. Но одни и те же понятия, т.е. понятия об одних и тех же вещах, явлениях, процессах в каждом языке выражаются по-разному, в зависимости от самых разных условий жизни нации. Отсюда – разные языки и, следовательно, разные семантические формы мышления, при одном и том же материальном мире и как следствие этого – при одном и том же общечеловеческом логическом мышлении. Различная языковая сегментация или разное структурирование этого мира не препятствует взаимопониманию людей с разными языками, ибо мы мыслим не языковыми знаками, а логическими формами мысли.

4) Процесс перехода чувсвенных образов в абстракции.

Без чувственного познания нет и абстрактного познания. Самая большая загадка мира – человеческий мозг, творящий абстракции, превращающий материальное в окружающем мире в идеальное в мозгу, созидая для себя «второй мир». Существуют, таким образом, две ипостаси разума – в виде явления и в виде сущности. Математика и философия, в отличие от эмпирических наук, не исследуют специфические формы материи. Хотя они обращаются к различным областям реальной действительности, но их главная цель при этом – абстрактное, теоретическое познание этой реальности.

Абстрактного, полностью независимого от опыта, познания не существует. Но и без языковых знаков познания тоже не существует – всё познание протекает в формах языка и вместе с языком (в том числе и во внутренней речи), который всегда и всюду сопровождает процесс познания мира, и они же, языковые знаки являются основным средством ассоциативного выноса результатов нашего познания за пределы мозга. Сами знаки без помощи мозга уже не знаки, а природная материя, без мозга они мертвы.

В процессе познания действительности главным участником является мозг, наше понятийное, абстрактное, логическое мышление, которое, по мере необходимости (существует также авербальное мышление), привлекает для своего функционирования язык (естественный язык и язык символов химии, физики, математики, логики), который делает наше мышление конкретным, определённым, чётким, однозначным, материально воспринимаемым, в результате чего расплывчатое облако мыслительного процесса рассеивается, обнажая свои чёткие очертания и определённость. Мы мыслим понятийными категориями, идеальными абстракциями, а не самим языком, т.е. языковыми знаками, как принято считать не только в кругу обывателей, но и в кругу некоторых лингвистов, психологов, философов.

Мышление возможно и без языка, более того, мы мыслим по преимуществу вне форм языка и язык привлекается лишь по мере необходимости, главным образом для процесса общения, чтения и для письменного фиксирования результатов мышления. Но язык, точнее – система материальных знаков лишь овнешняет, опредмечивает наше мышление, материализует его вовне, выносит его за пределы мозга в форме ассоциативных материальных знаков. Но мышление как таковое живёт и здравствует только и только как мышление двухслойное, глубинный слой которого – логическое

мышление, являющееся общим для всех людей, общечеловеческой формой познания и общения служат только л о г и ч е с к и е формы мышления. Языковые знаки сами по себе не являются средством отражения мира, они лишь ф и к с и р у ю т мыслительные, понятийные, логические категории в своих формах (фонологических, морфологических, синтаксических, просодических), через которые мы и воспринимаем отражённый в сознании мир.

«Человек в его познавательной деятельности оказался бы в полной власти языка, его норм и структурных особенностей, если бы эта деятельность оставалась на уровне значений ... в пределах языка. ... Но познавательная деятельность человека в действительности «работает» на уровне смысла. Смысл оставляет язык на его месте, но он вырывает человеческую мысль из плена лингвистических значений ..., делая возможным создание систем знаний поверх языковых барьеров при всём том, что эти знания получают в обязательном порядке объективирующее их языковое выражение» [Звегинцев 1973 : 178 - 185].

Познание невозможно без постоянного взаимоперехода чувственного и абстрактного мышления. Языковые знаки являются орудием реализации мысли. Без них последовательная смена чувственных и абстрактных образов оставалась бы неуправляемой, невозможной. Смена чувственных представлений определялась бы только изменением наглядных ситуаций, т.е. чувственная картинка оставалась бы той же чувственной картинкой, они бы лишь менялись одна на другую. Процесс мышления был бы ограничен только конкретной ситуацией, как и в мышлении животных, и никакое абстрактное, логическое размышление было бы невозможным.

Как абстакции переходят в логические формы ? Абстракция, отправляясь от чувственного, выходит за пределы чувственного вообще. Постороннее, привходящее маскирует существенное в явлении. Абстракция выявляет явление в чистом, в идеализированом виде. Всякая научная абстракция – это отвлечение с у щ е с т в е н ы х свойств от н е с у щ е с т в е н ы х. При предельной абстракции от особенностей содержания предметов эти операции выступают в их л о г и ч е с к о й структуре [Рубинштейн 1958 : 49].

Вот что пишет Гегель об этом процессе. «*Представляя*, мы имеем вещь перед собой также и по её несущественному внешнему существованию. *Мысля* же, мы отделяем от вещи всё несущественное, чисто внешнее и сосредотачиваем внимание только на её существенных чертах. Мышление через внешнее явление добирается до внутренней природы вещи и делает её своим предметом. Всё случайное она опускает. Оно берёт вещь не такой, какова она как непосредственное явление, а отдаляет несущественное от существенного и, следовательно, абстрагируется от несущественного. ... Мыслить – значит, собственно говоря, постигать и выражать *многообразие в единстве*» [Гегель 1973 : 92].

Наиболее общие, наиболее абстрактные результаты, добытые в исследовании – это л о г и ч е с к и е п о н я т и я. Как они возникают, об этом очень наглядно поведал К. Маркс. «Надо ли удивляться тому, что в последней степени абстракции ... всякая вещь представляется в виде л о г и ч н с к о й к а т е г о р и и ? Надо ли удивляться тому, что, устраняя мало по малу всё, составляющее индивидуальную особенность дома, отвлекаясь от материалов, из которых он построен, от формы, которая составляет его отличительную черту, мы получаем, в конце концов, лишь тело вообще; что, отвлекаясь от границ этого тела, мы имеем в результате лишь пространство; что, отвлекаясь от измерений этого пространства, мы приходим, наконец, к тому, что имеем дело лишь с количеством в чистом виде, с логической категорией количества ? Абстрагируя таким образом от всякого предмета все его так называемые акциденции, одушевлённые или

неодушевлённые, человеческие или вещественные, мы имеем основание сказать, что в последней степени абстракции у нас получаются в качестве субстанции л о г и ч е с к и е к а т е г о р и и ... Удивительно ли после этого, что всё существующее, всё живущее на земле и под водой может быть сведено с помощью абстракции к л о г и ч е с к о й к а т е г о р и и, что весь реальный мир может, таким образом, потонуть в мире абстракций, в мире л о г и ч е с к и х к а т е г о р и й ?

... Как посредством абстракции мы превращаем всякую вещь в л о г и ч е с к у ю к а т е г о р и ю, точно так же стоит нам только отвлечься от всяких отличительных признаков различных родов движения, чтобы прийти к движению в абстрактном виде, к чисто формальному движению, к чистой логической форме движения» (везде разр. моя, – А. К.) [Маркс, Энгельс т. 4 : 130 - 131]. «Всякое действительное, исчерпывающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях поднимаем единичное из единичного в особенность, а из этой последней во всеобщность ... » [Маркс, Энгельс т. 20 : 548].

Сущность истинного, диалектико-материалистического познания заключается в обнаружении в материальном и духовном мире связей и отношений между объектами и явлениями, которые скрыты от непосредственного наблюдения. Задача познания – путём научного анализа вскрыть диалектику развития предмета, перехода от ступени к ступени, вскрыть внутренние связи и опосредования, обнаружить и зафиксировать в виде научных, л о г и ч е с к и х понятий законы их бытия и развития, объяснить всё то, что мы видим н а п о в е р х н о с т и вещей.

Совершенное знание предмета достигается через движение от явления к сущности и от сущности к явлению (переход чувственного созерцания в абстрактное мышление и обратно). На основе двух этапов движения познания – от явлений к сущности и от сущности к явлениям – возникает конкретное знание о предмете, которое есть совершенное знание. Познание сущности предмета ведёт к научному объяснению явления. Процесс познания – это деятельность абстрактного (логического) мышления, направленная на построение в сознании человека модели мира, данной нам в опыте. Мышление объективирует, материализует эту модель в форме языковых знаков (звуков и букв, слов), делая её основой и познания, и общения.

5) Мир отражается не языковыми знаками, а логическими суждениями.

Некоторые учёные, видя в языке непосредственное отражение мира, идеологию и философию данного народа, не задумывались над вопросом: почему для всех людей, обладающих одной и той же физиологической и психологической организацией организма, один и тот же материальный мир являет себя каждому народу, как ему казалось, по-разному, только через призму родного языка ? Мы находим здесь лишь один ответ – неправильное понимание взаимоотношения действительности, мышления, логики, языка, непонимание истинного механизма отражения мира человеческим мозгом.

Мир отражается не языковыми знаками – они не обладают отражательной способностью, – а мышлением. Но каким мышлением ? Мир отражается не просто мышлением, т.е. не содержанием мышления, не семантическими формами мысли, а логической формой этого содержания мышления. А как ведёт себя семантическое мышление по отношению к знакам? Это и есть реальное, звуковое и письменное, т.е. семантическое мышление. Логическое мышление есть абстрактный, идеальный процесс отражения материального мира, следовательно, в т о р и ч н о по отношению к нему. Мир един для всех людей, населяющих Землю, и человеческое мышление понимает эту аксиому. Потому что, кроме единого для всех мира, все люди физиологически и психологически устроены одинаково. Следовательно, и п р о ц е с с л о г и ч е с к о г о м

ы ш л е н и я у всех людей – единый ! Это мышление, таким образом, подчинено единому для всех людей материальному миру и единым физиологическим и психологическим законам людей. Но и у логического мышления есть свои подчинённые – семантическое мышление, т.е. естественный язык человека, каков бы этот язык ни был. Языковые знаки, следовательно, – в т о р и ч н о е образование по отношению к логическому мышлению, п р о и з в о д н о е от него и т р е т и ч н о е, производное образование по отношению к внешнему миру – ч е р е з это же логическое мышление.

6) Сущность познания – в раскрытии свойств предметов и установление их связей.

Сущность познания заключается в раскрытии различных свойств изучаемого предмета или явления и установление его связей с другими предметами и явлениями. Органом познания этого мира является человеческий мозг, обладающий единым для всех свойством – логическим, общечеловеческим мышлением. Логический строй мысли у всех народов мира един, хотя кажется, что люди каждой нации мыслят по-своему, национально, посколку каждый народ имеет свой национальный язык, отличный от всех других. Но через свой национальный или с е м а н т и ч е с к и й язык люди разных наций приходят к единому – л о г и ч е с к о м у языку.

Единичные материальные предметы существуют независимо от человека и до человека, а абстрактные образы от реальных предметов, т.е. логические понятия существуют только потому, что существует человек и его мышление. Мышление осуществляется только посредством оперирования понятиями. Человеческое познание есть обобщение и одновременно идеализация. Общее может быть представлено не иначе, как в идеальной форме, в виде понятий, отложившихся в сознании. Идеальное отчуждает от предмета общее и представляет его абстрактно, в форме понятия о нём. Познание истины о предметах возможно только через отделение реальных свойств вещей от их идеальных, обобщенных, абстрактных свойств, выраженных в логических понятиях – в их названиях. Ленин, ссылаясь на Гегеля, пишет: «Название есть нечто всеобщее, принадлежит мышлению, делает многообразное простым» [Ленин т. 29 : 264].

Без знака нет мышления, нет языка. Знак, будучи доступнее абстрактного значения, служит средством, чтобы «приблизить» нас к этому значению. Значение есть всегда нечто скрытое, трудно познаваемое сравнительно с материей знака. В знаке звуки (буквы) органически необходимы, звуки и буквы и есть знаки. Но они указывают на значение не сами по себе, а потому что они психически, ассоциативно указывают на объект через мышление, т.е. через абстрактное, понятие или значение. Языковые знаки есть система и единое целое. Она организуется как упорядоченный набор различных знаков, которые обладают свойством различаться на единицы более низкого порядка и соединяться в единицы более сложные. Эта большая структура, включающая в себя меньшие структуры, имеет несколько уровней, она придаёт содержанию мысли логическую форму, которая распределена между знаками определённых типов (фонемами, морфонемами, понятиями, суждениями), иерархически взаимодействующих. Семантическое и логическое содержание должно пройти через языковые знаки, обретая в них определённые структурно-семантические формы, в том числе и логические. Иначе мысль растеряна, она уже не мысль, её нечем выволочь из мозга, а инструмент у нас только один – материальные знаки, внешняя природная материя. Без языковой материи никакую мысль мы не можем воспринять как её содержание, эта мысль рождается в мозгу, а формируется через внешние материальные знаки. Знаковая форма, следовательно, не только условие «передачи» мысли, но и условие её реализации. Мы постигаем мысль уже оформленной знаковыми рамками. Вне знаков есть только

туманные мысли, неясные побуждения, волевые импульсы, оформляющиеся в жесты и мимику.

Языковые знаки символизируют в нашем сознании логические понятия – как идеальный образ объективной действительности, его отражение в мозгу человека. Создать его – значит отразить действительность в таком образе, который включает в себя лишь некоторые черты предмета и не отражает других его сторон. Этот образ объединяет в себе множество предметов, во многом отличных друг от друга. Для этого образа нужна материальная основа, т.е. звучание, написание, с которыми связываются в сознании выделенные в предметах определённые свойства.

Познание мира мышлением состоит в воспроизведении его связей и отношений в форме комбинаций знаков того или иного языка. Всякая мысль – это определённая знаковая форма, воспроизводящая определённые связи вещей.

Различение природы знакового материала несущественно, если нас интересуют сами способы отражений связей и отношений действительности на ступени абстрактного мышления. Своеобразие языковых знаков состоит в том, что они – не только средство передачи и хранения ассоциативно закодированной информации, но и средство организации мысли, её экспликации, ассоциативного хранения любой информации, любого содержания, как понятийного, так и эмоционального, волевого характера.

Языковой знак начинается там, где через связи и ассоциации между знаком (звуком, буквой) и движением речевых органов и пальцев рук создаются идеальные образы (рождающиеся и живущие в мозгу) от реальных предметов (существующих вне мозга). Звуки (буквы) в определённой ситуации, воздействуя на кору мозга, вызывают образование временной связи между данными звуками (буквами) и предметами. Рождается осознанное отношение слова к обозначаемому предмету. Это и составляет сущность человеческой речи.

Познавательная функция знаков состоит в том, что они обеспечивают абстрактное, обобщённое мышление, выступают как средство формирования и выражения определённых мыслей. Поскольку через материю знаков, через их абстрактные образы в мозгу (уровень **2** в модели знака) фиксируются результаты познавательной деятельности обладателей этих языковых знаков в их идеальной форме в виде понятий (уровень **3** в знаке), то можно сказать, что эти знаки обладают как бы аккумулятивной, синтезирующей способностью, но только в том смысле, что эта способность принадлежит не самой материи знаков, а их идеальным образам в сознании человека. Не в языковых знаках, не в его лексических и грамматических формах, а в нейронных клетках фиксируются результаты человеческого познания.

7) Понимание и познание мира свойственны только человеку.

Итак, что происходит у нас в мозгу, когда мы слушаем, читаем, понимаем ? В материи мозга, в нейронных связях ничего не прибавляется и не убавляется, происходит лишь определёное переструктурирование этих связей, появляется лишь новое знание, идеальное з н а н и е, отложившееся в мозгу на основе п о н и м а н и я. А знания и понимания – категории нематериальные, идеальные. Значит, воспринимая материальные звуки и буквы, точнее – о д н и и т е ж е з в у к и и о д н и и т е ж е б у к в ы, но исполненные разными людьми и, следовательно, исполненные по-разному, мы их н и в е л и р у е м, приводим к усреднённому уровню, к общему знаменателю, о б о б щ а е м на абстрактном уровне мышления, преобразуем их в и д е а л ь н ы е формы – фонемы. А это значит, что одни и те же звуки и буквы, имеющие у разных людей разные звучания и написания, мы обобщаем на уровне нашего абстрактного мышления и превращаем их б е с с о з н а т е л ь н о в единые л о г и ч е с к и е формы – фонемы и графемы. Мы

понимаем говоримое через ф о н е м ы, точнее – через их системы, мы понимаем читаемое через г р а ф е м ы, точнее – через их системы. Каждая фонема и каждая графема есть идеальное обобщение бесконечного числа однотипных звуков и букв, точно так же, как п о н я т и е *берёза* есть идеальное обобщение всех *берёз* на Земле.

Другого пути не дано. Мозг работает только с идеальными объектами, потому что его функциональное назначение – д у м а т ь, воспринимать материальную продукцию, преобразовывать её в идеалные образы и понятия, т.е. производить и генерировать в себе идеальную мысль и транспортировать её из мозга за его пределы – в воздушную среду или на бумагу, – но уже не в идеальных образах и понятиях (их невозможно передать другому вне какой-либо материальной субстанции !), а в тех же материальных знаках – устных и письменных. Для этого служат особые, специальные инструменты мозга – органы речи и пальцы рук. Мозг командует органами речи и пальцами рук и заставляет их производить нужные звуки и буквы, но которые и слушающим (читающим), и самим производителем воспринимаются в идеальных формах. Материальное, поступая в мозг, преобразуется в нём в идеальное, которое, покидая мозг, вновь «на воле» преобразуется в материаольное. Происходит нечто подобное и в реальной действительности, только в формах чистой материи: «круговорот воды в природе».

§ 10. Предикативность.

Общение между людьми происходит с помощью слов и предложений. Но предложение – не просто хаотичный набор слов, в основе их связей лежат логические законы. В предложении это – «предикация», превращающая предложение в логическое суждение. В основе логического суждения **(S – P)** и, следовательно, предложения, как знаковой формы логического суждения, лежит предикативность. Предикация существует не только в логическом суждении, как в более высокой, т.е. как более абстрактной, логической форме мысли, но и в предложении как в более низкой форме абстракции, т.е. в семантической форме мысли. Без предикации в языке вообще ничего не происходит, так как синтаксические связи языковых знаков есть акт человеческого мышления. А они не могут соединяться без процессов предикации. Приписывать чему-нибудь какое-либо значение есть акт предицирования. Предикация лежит в основе любого предложения, которое есть развёрнутая знаковая, т.е. семантическая форма логической формы мысли, как важнейшего факта человеческого сознания. Через понятие предикации характеризуются все единицы языка, весь язык вообще.

Суждение, выражаемое некоторым предложением, понимается как то общее, что есть во всех возможных правильных его переводах. 1) Суждение есть познавательный акт, в котором предмету **(S)** приписывается какой-либо признак **(P)**. Языкового, знакового выражения предикация не имеет, цементирующей основой предложения служат два главных члена – грамматические подлежащее и сказуемое. 2) Суждение – это высказывание чего-то о чём-то, поэтому **S** и **P** подвижные категории, т.е. **S** и **P** могут выражаться любыми членами предложения. Субъектно-предикатная структура суждения, как структура предикативная, является главным стержнем для понимания предложения и выражаемой в нём формы мысли. Да и сами понятия логического субъекта **(S)** и логического предиката **(P)** возникли на базе анализа естественного языка.

Предложение – не структурная единица какого-то более высокого уровня языка. Например, морфемы, слова могут быть пересчитаны. Их число конечно. Число предложений бесконечно. Морфемы и слова имеют на более высоком уровне (соответственно в словах и предложениях) дистрибуцию на своём уровне. Для предложений не существует законов дистрибуции на более высоком уровне – в тексте. Предложение – образование неопределённое на текстовом уровне, неограниченно варьирующее, это жизнь языка в действии. Но на логическом уровне оно всегда есть логическое суждение. Это и дало повод заподозрить в предложении отсутствие каких бы то ни было чисто структурных связей с себе подобными, с такими же предложениями. «С предложением мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другой мир, в мир языка как средства общения, выражением которого является речь. На самом деле это два разных мира (морфемы, слова и предложения), хотя они охватывают одну и ту же реальность. Им соответствуют две разных лингвистики, пути которых, однако, всё время перекрещиваются. С одной стороны существует язык как совокупность формальных знаков, выделяемых посредством точных процедур, комбинирующихся в системы и структуры. С другой – проявление языка в живом общении. Предложение принадлежит речи, это единица речи» [Бенвенист, 1974 : 139 – 140]. Предложение не образует какого-либо формального класса противопоставленных единиц, которые были бы потенциальными членами более высокого уровня (как это свойственно фонемам, мрфемам), оно принципиально отлично от других языковых единиц. Сущность этого различия заключается в том, что предложение содержит знаки, но само не является знаком. [Бенвенист, 1974 :139].

Сегментировать предложение, разлагать его на более мелкие, составляющие его единицы, мы можем, но мы не можем его сделать членом какой-либо другой сттруктурной единицы более высокого уровня. Структурной единицы более высокого уровня, чем предложение, не существует. Это объясняется той особенностью, которая присуща только предложению – предикативностью. Все другие свойства предложения являются вторичными по отношению к предикативности. Число знаков в предложении не играет никакой роли, достаточно одного знака, чтобы выразить предикативность. Не обязательно и наличие субъекта. Предикативный член предложения достаточен сам по себе. Следовательно, единственным признаком предложения является его предикативность. Следовательно, текст не есть структурная единица языка. Языкового уровня выше предложения не существует.

Предикативность – это мыслительный процесс, минимальный акт законченной мысли, идеально отражающий реальные вещи и их свойства, он всегда имеет двухчленную структуру, реализующуюся в логических суждениях **(S – P)**. В мысли всегда наличествует компонент, выделяющий предмет мысли, и компонент, отражающий свойство предмета. Именно в силу особенностей мышления, а не под влиянием строя того или иного языка, и возникает процесс предикации или предикативное отношение. Логика отражает не формы языка, а формы мышления, навязанные законами внешнего мира, а мышление отражает мир и законы его познания. А познание осуществляется только одним путём: предмет → его свойства, т.е. в формах суждений **(S – P)**.

Что такое предикация с логической точки зрения ? Предикативные отношения – основной тип смысловой связи, это межпонятийная связь, отражающая предметные отношения объективной действительности. Предикативное отношение состоит в приписывании субъекту какого-либо признака. Логическому субъекту **(S)** приписывается его логический предикат **(P)**. Логическая интерпретация предложения как субъектно-предикатная структура **S – P** есть отражение единичного и общего, конкретного и

абстрактного. Предикативность – свойство не предложения, а суждения: первая часть – не подлежащее, а логический субъект **(S)**, вторая часть не сказуемое, а логический предикат **(P)**. Логическая форма предикативности отражает процесс познания, в котором отражается связь между логическим субъектом и логическим предикатом **(S – P)**. Это значит, что в суждении мы имеем дело не со структурой предложения, а со структурой мысли, хотя они часто совпадают.

Процесс предикации, т.е. соотнесение мысли с действительностью, порождается не особенностями строя предложения языка, а диалектикой процесса познания, отражения объективной действительности в мыслительной сфере. Вторичность мышления по отношению к бытию, опосредствованный характер отношения мышления к бытию определяет двучленность мысли, заключённой в суждении. Эта мысль образует наименьший мыслительный акт, наименьший самостоятельный отрезок мыслительного процесса. В суждении, а конкретно – в предложении, как семантической основе суждения, выделяется часть, выступающая в качестве «представителя» предмета мысли, его идеальный «двойник» – субъект **(S)**. Этой части противопоставляется вторая часть – предикат **(P)**. Функция суждения состоит в том, чтобы отражать объективный мир: как отдельные элементы суждения, так и суждение в целом соотнесены с действительностью, истинной или мнимой.

Это означает, что познание мира всегда осуществляется как субъектно-предикатная структура мысли, поэтому структура мысли **S – P** универсальна. Это значит также, что предикативность, как свойство субъектно-предикатной мысли, тоже универсальна. Без наличия предикативного отношения ни одна мысль, а следовательно, ни одно суждение, в том числе и однословное, не может быть выражено.

Таким образом, мы можем сделать очень важный вывод: предикативное отношение как процесс познания не зависит от структуры того или иного языка, оно зависит только от свойств нашего мозга – видеть, ощущать предмет, оценивать его, приписывать ему какое-то свойство, качество. Познание как процесс предикации (приписывание предмету его свойств) порождается не особенностями строя предложения того или иного языка, а диалектикой процесса познания, отражения материального мира в мышлении человека.

Однако выделенные в процессе познания предмет и его признаки ещё не дают полного представления о сущности предикативности: реальный предмет и его признак преобразуются в мышлении в их идеальные образы, двойники. Но реальное предложение преобразуется в мозгу в суждение. Поэтому материальные понятия «предмета» и его «признаков» как их идеальное отражение в реальном процессе мышления всегда идёт одновременно и неразрывно по двум направлениям – а) как логическое субъектно-предикатное суждение **(S – P)** и б) как подлежащно-сказуемостная синтаксическая структура предложения **(П – С)**, каждая из которых всегда предполагает другую и их раздельное существование невозможно. Т.е. невозможно себе представить, чтобы предложение никогда не выражало логичесого суждения, а логическое суждение существовало бы без своей матеральной основы. Это всё равно, что увидеть, например, *конкретное дерево*, но его абстрактного образа у меня в сознании нет. Или, напротив, логичесий образ реального *дерева* в моём сознании есть, но я его никогда не видел как чувственное отражение в органах чувств. Пример К. Маркса (см. выше) о переходе конкретного *дома* в его математическую абстракцию показывает то же самое: невозможно представить себе, как эти два *дерева* (понятие *дерева* и реальное *дерево*) в реальности могут существовать отдельно, независимо один от другого. Первая структура – это логическая форма мышления, вторая структура – это языковое, оречевлённое мышление или семантическая форма мысли. Только первая структура, т.е.

логическая форма мышления в виде суждения **(S – P)** образует предикативность как понятие л о г и ч е с к о е, а не языковое, семантико-грамматическое.

Предикативный процесс – процесс логического соотнесения субъекта и предиката в процессе познания и в процессе коммуникации, т.е. это логическая форма мысли в виде акта выражения суждения и одновременно соотнесения этого суждения с действительностью. Расчленённость семантического значения предложения на две части – на подлежащее и сказуемое, как семантическая форма мысли, – есть не предикативное отношение, а синтаксическая связь между подлежащим и сказуемым как главными членами предложения.

Предикативность в суждении не отражает каких-либо свойств объективной реальности, она является порождением самого процесса отражения мира в мышлении, выступая как его н е о т ъ е м л е м ы й субъективный признак. Без предикативности нет познания. Но поскольку познание всегда осуществляется в формах языка, без которого никакое познание невозможно (если игнорировать авербальное мышление), то предикативное отношение, как логическая форма мысли, всегда н а с л а и в а е т с я в предложении на какое-либо синтаксическое отношение, отражающее синтаксические связи слов в предложении, т.е. на семантическую форму мысли. Поскольку предикативность – понятие логическое, как связь субъекта и предиката в суждении, а суждение не может быть выражено иначе, как только в реальном предложении, то всегда существует соблазн признать предикативность только и только свойством предложения, т.е. признать реально звучащее и написанное предложение логической формой мышления.

Чем же тогда различаются суждение и предложение ? Не предложения, а логическое мышление, существующее только через свои логические формы, отражает окружающий мир, а в качестве основной формы этого отраждения служит логическое субъектно-предикатное суждение, принявшее языковую, т.е. знаковую форму, а не подлежащно-сказумостное предложение. Силой познания обладают лишь суждения как логические формы мысли, а предложения, как семантические формы мысли, не обладают познавательной способностью, но формируют эти суждения.

Передавать предикативность в область синтаксиса неверно, потому что синтаксис есть учение о синтаксических связях членов предложений, о структуре предложения, о способах, видах, типах, законах связи слов в предложении. Если переводить предикативность в ранг синтаксической категории, то тем самым мы постулируем существование двух параллельных типов суждений: логического суждения **(S – P)** и языкового суждения – подлежащее и сказуемое **(П – С)**. В таком случае предикативность передана синтаксической структуре предложения и понимается под нею «соотнесённость» содержания предложения с действительностью. Но не существует никаких формальных средств выражения «предложенческой предикативности» на уровне синтаксиса, если под таковой не считать логической связи субъекта и предиката, лежащей в глубине синтаксической структуры. Но здесь мы уже покидаем область грамматики и вторгаемся в область логики.

То, что предикация является сущностной характеристикой логического суждения, а не предложения, свидетельствует тот факт, что при любом сокращении предложения (при беглой речи, при афазии, во внутренней речи, в односоставных, назывных, именных, бессказуемных предложениях) непременно остаётся в каждом предложении как суждении его предикативный костяк, а всё остальное может сокращаться. Если нарушается сам процесс предикации, то суждение и, следовательно, предложение, как его семантический носитель, построить невозможно. Если в суждении, выраженным предложением *На куст боярышника опустилась стая чижей* изъять его предикативное

ядро *Стая опустилась* **(S – P)**, то оставшееся словосочетание *На куст боярышника чижей* не является предложением, если его не принимать за часть реплики из разговорной речи.

В устной речи тенденция к редуцированию членов предикативности (т.е. к сокращению подлежащего) возникает иногда, а в письменной речи – никогда, но во внутренней речи она возникает всегда. Предикативность – основная и единственная форма внутренней речи, которая вся состоит с психологической точки зрения из одних логических предикатов.

Тот факт, что предикация в виде суждения **(S – P)** неизбежно реализуется в синтаксической структуре, то больше, то меньше визуально соответствующей логическому суждению, но тем не менее и суждение (логическая форма мысли), и предложение (семантическая форма мысли) – это разные структуры, не только обслуживающие разные науки, но и целевая установка их различна, хотя по логической форме суждения часто можно предсказать синтаксическую форму предложения, как и по синтаксической форме предложения всегда можно определить форму, фигуру, модус суждения.

Предикативность, как показали логики и психологи – понятие и принадлежность логического субъектно-предикатного суждения **(S – P)** и как таковое оно не может быть одновременно синтаксическим понятием, но если и может (что и происходит часто при совпадении логической и грамматической структур), то в этом случае мы уже переходим из логики в область языкознания. Предикативность – это конституирующая связь логических субъекта и предиката. Логическое суждение и семантическая форма мысли – разные уровни одной и той же языковой структуры. Если эти два различных уровня одного и того же языкового построения не различать, то в этом случае было бы отменено различие между двумя реально существующими формами мышления – семантической и логической формами одного и того же процесса мышления. А это означало бы отменить существование двух различных, хотя и тесно связанных наук – языкознания и логики, имеющих свои собственные аспекты исследования одного и того же объекта – семантико-грамматическую структуру п р е д л о ж е н и я (языкознание) и логическую структуру с у ж д е н и я (логика).

Подтверждением того, что суждение как л о г и ч е с к а я форма мысли и предложение как с е м а н т и ч е с к а я форма мысли не совпадают, служит тот факт, что логическая предикация может быть представлена в языке самым причудливым образом. «Мышление действительно состоит из того, что мы что-нибудь предицируем с чем-нибудь. ... Когда мы переходим к языку, этот принцип предицирования приобретает совершенно неузнаваемые формы, а иной раз даже и совсем отсутствуют, по крайней мере видимым образом. Это значит, что чисто логическая предикация неузнаваемым образом интерпретируется в языке. Безличные предложения вроде: *Светает*, *Вечереет*, *Холодает* ... не имеют выраженного предмета для предицирования, а лишь выражают само предицирование» [Лосев 1971 : 402].

Между подлежащим и сказуемым (как между главными членами предложения) не может быть никакой предикативности хотя бы потому, что подлежащее и сказуемое н е в с е г д а с о в п а д а ю т с субъектом **(S)** и предикатом **(P)** суждения. Но тогда, когда подлежащее и сказуемое накладываются на субъект **(S)** и предикат **(P)** суждения, т.е. семантическая форма мысли совпадает с логической формой мысли, тогда можно говорить, что синтаксическая структура связи подлежащего и сказуемого с о в п а д а ю т с логическим суждением по его структуре. «Совпадают», но и в этом случае только одна из них – логическое субъектно-предикатное суждение – обладает свойством предикативности, а другая – синтаксическая структура предложения – обладает лишь

свойством синтаксической завершённости, и не более. Как только этой синтаксической структуре мы придадим свойство предикативности, мы тотчас же переходим на уровень логики и покидаем синтаксис.

Итак, предикативность – это особое свойство логического субъектно-предикатного суждения **(S – P)**, сущность которого состоит в том, что оно, как логическая форма отражения объективного мира, всегда д в у х ч л е н н о: объекты мира, отражённые в логическом субъекте **(S)**, всегда имеют те или иные свойства, выраженные в форме логического предиката **(P)**. Эти два центра суждения представлены в сознании человека как субъект и его признак. Любой язык есть вынесенное за пределы мозга в материальных знаках отражение семантической формы мысли, в основе которой в с е г д а, н е и з б е ж н о л е ж и т л о г и ч е с к а я ф о р м а м ы с л и.

Если бы было иначе, и американские племена индейцев интуитивно не владели бы логическим мышлением, то они бы не выжили как племена – жизнь требует действий и поступков сообразно законам природы, а это значит – л о г и ч е с к и м законам. Поэтому, какой бы экзотической структурой не обладал каждый язык, говорящие на нём люди мыслят л о г и ч е с к и м и к а т е г о р и я м и (понятиями, суждениями, умозаключениями), одна из которых на уровне суждения в обязательном порядке имеет п р е д и к а т и в н у ю субъектно-предикатную форму, одетую в своеобразную семантико-грамматическую форму своего языка. Процесс предикации как логический процесс сопровождает человека на каждом шагу. Он не может произнести ни одного предложения, не осуществляя одновременно процесса предикации, хотя и не подозревает об этом, т.е. процесса приписывания предмету его качества или, точнее, процесса приписывания субъекту **(S)** его предиката **(P)**. Предикация – это чисто мыслительная, логическая операция, управляемая работой мозга.

§ 11. Языковые универсалии.

1) Универсалии в языке – это не что иное, как логические категории.

Универсалии – это не категории языков, а принципы их научного определения. Поскольку универсалии – абстрактный, мыслительный, всеобщий признак, то они должны быть не очень информативными. Но признание всеобщности и отсутствие информативности универсалий подобна всеобщим законам развития человечества, всеобщим характерам физических законов, законов природы. В языке это – структуры предложения, т.е. логическая предикативность предложения. Всеобщность универсалий вскрывает сущность этого явления. Постулируя принципы теории языка, мы постулируем лингвистические универсалии, из чего следует, что теория языка должна заниматься изучением лингвистических универсалий, как взаимодействия языковых знаков с формами мысли. Общая теория лингвистики должна быть по существу теорией универсалий, так как она ищет существенное в языке.

В самых различных языках мира существуют некие общие структурно-семантические типы, ведомые нашим общечеловеческим, единым для всех мышлением. Вот вокруг этих общих логических форм мышления и группируются определённые языковые типы, которые для всех языков являются общими, например, части речи, слова, предложения. Это общее, универсальное в языках базируется на общности одного и того же мира для всех народов и на общности физиологического устройства всех людей (физиологических органов, устройства мозга), Физиологическая общность устройства мозга и речеобразовательных органов

являются условием одинакового отражения окружающего мира и, следовательно, общности человеческого мышления. Оно, это мышление, и раньше трактовалось как общечеловеческая универсалия под термином «понятийная категория» у Есперсена и Мещанинова.

Универсалии в языке – это материальное, знаковое отражение универсального, логического мышления всего человечества. Но хотя общечеловеческое мышление универсально, тем не менее у каждого народа свой язык и его структурно-семантическое устройство разное. Однако одни и те же логические формы мышления часто находят одинаковое или близкое лексико-грамматическое устройство в разных языках. Именно это чаще всего и выдаётся за универсалии.

Например, Мещанинов за такие универсалии принимает субъект и предикат, атрибут, прямой и косвенный объект, предметность, атрибутивность. [Мещанинов 1945 : 196]. Бондарко универсалиями считает: глагольные категории длительности, процессуальности, повторяемости, неповторяемости, способ действия, результативность, начинательность, ограничение длительности. [Бондарко 1971 : 7 - 8]. К конкретным универсалиям языковых знаковых систем Панфилов относит следующее: 1) слова и предложения; 2) выражение в составе предложений субъектно-предикатных отношений, т.е. логических субъекта **(S)** и предиката **(P)**; 3) такие глубинные свойства языков, которые обусловлены общей всем языкам функцией. [Панфилов 1977 : 126 - 129].

2) Универсалии свойственны человеческому мышлению, а не создаются самими лингвистами (это онтология, а не гносеология).

Считают, что к языковым универсалиям относятся явления, свойственные самим языковым системам. Однако универсалии обусловлены общностью человеческого мышления и, следовательно, познавательных и коммуникативных функций. Сами универсалии относятся к онтологии объекта, а не к гносеологии. Универсалия должна характеризовать язык в его всеобщности, обозначать признак, присущий языку вообще и каждому языку в отдельности. Языковые универсалии – не просто абстрактные порождения лингвистов, не чистый конструкт, а есть категория, присущая самому мышлению. Если бы не было этих общих, универсальных признаков, на основе которых строятся здания всех языков, то семья человеческих языков распалась бы. Поэтому универсальные свойства мышления лежат в основе основной характеристики всех типов языковых структур, отражающие природу языковых знаков.

В каждом языке, как считают лингвисты, есть нечто универсальное. Часто под этими универсалиями понимают общность каких-то структурно-грамматических элементов. Но в чём их общность в различных языках, если каждый язык имеет свои грамматические, словообразовательные, семантические особенности, т.е. способы семантической сегментации одних и тех же участков внешнего мира в различных словах ? Допускают, что есть общность в разных языках: в предложениях всех языков есть структурное ядро предложения – подлежащее и сказуемое, есть определения, дополнения. Кроме самих слов, в которых отражены различные участки материального мира, есть синтаксические и морфологические формы, служащие для цементирования предложения, объединяя все слова предложения в замкнутую структуру. Полагают, что только в этом и лежит их «универсальность», которая в сущности не является ею. Универсалия в любом языке – это логическая структура предложений, логические суждения. А главные члены предложения – подлежащее и сказуемое – причисляемые к универсалиям всех

языков, есть лишь знаковая, языковая семантико-грамматическая форма их выражения. Это семантические и грамматические формы, т.е. знаковые формы выражения мысли, без взаимодействия которых невозможно построить ни одного предложения. Логическая форма суждения – одна и та же для всех людей, т.е. языков мира, разнесённая во множестве семантико-грамматических формах выражения в разных языках.

Логическая структура предложения любого языка совпадает с общей для всех языков логической структурой. Каждая семантическая микросистема в языке опирается на глобальные логические связи глобального характера, т.е. на связи, которые присущи человеческому мышлению, – единому для всех по своей логической сущности. Эти признаки объяснимы биологическим характером речевого механизма, единой биологической характеристикой человека и главным образом – мозга. Это и есть физиологическая предпосылка для единой организации человеческого мышления. Язык человека, его мозг, в конечном итоге опираются на единство материи.

Существуют тесные связи между логикой и грамматикой, и природу предложения как языковой единицы невозможно понять без учёта природы суждения как формы мышления. Формы мысли проявляются в грамматических отношениях слов. Грамматика во многих случаях находится во внутренней связи с логикой, во многом тождественная с логикой. Сравни Гегель: «Грамматика – это начала логики». Грамматические формы уже указывают на формы, рассматриваемые логикой.

Большинство учёных связывают универсалии со структурами языков и их взаимодействием с мышлением. Универсалии являются такими глубинными свойствами языков, которые обусловлены общностью таких функций языка, как мыслительная и коммуникативная. Ю. Степанов пишет: «Человеческий ум в любой науке стремится установить общие черты и закономерности изучаемого. Без установления повторяемости, а следовательно, общности изучаемых явлений вообще нет науки. Надо проникнуться идеей о том, что все языки имеют в своей основе общее устройство и их различия должны рассматриваться только как та или иная ступень развёртывания заложенного в них единого механизма, единой структуры ...» [Ю. Степанов 1966 : 133 – 134].

Что же конкретно языкознание считает универсалиями в естественном языке ? Этот вопрос по-разному оценивается лингвистами.

Во-первых, одна из точек зрения утверждает, что универсалия – это передача звуковых сигналов как наиболее надёжно функционирующей субстанции. Если функция языка – быть посредником между сознаниями собеседников и отражать в речевых посылках изменения в структуре передающей системы (сознание говорящего) для приведение в аналогичное состояние принимающую систему (сознание слушающего), то важнейшее требование к языковой субстанции – это способность надёжно отражать различие и изменение в передающей системе. Отсюда – универсальные свойства языков, т.е. использование наиболее надёжно функционирующей субстанции. Причиной универсального свойства языков служит то, что все они основаны на передаче звуковых сигналов и, следовательно, на использовании артикуляторно-акустических способов кодирования и декодирования. Такова важнейшая субстантная универсалия человеческих языков. Из этой сути субстанции (звуковой и графической) логически следует линейный характер языка, последовательный способ кодирования [Мельников 1969 : 39 - 40].

Во-вторых, это свойство или универсальное отношение между неуниверсальными свойствами языков. Отсутствие данного свойства хотя бы в одном языке достаточно,

чтобы не считать его универсалией. Например, во всех языках наличие слогов со структурой СГ. Это абсолютная универсалия [Вардуль 1969 : 21]. Как пишет Х. Гиппер, в практике даны не универсалии, а частности каждого языка, общее можно лишь постулировать. Все естественные языки – это звуковые языки, это открытые системы знаков, социально и географически обусловленные. Эти знаковые системы построены по единому принципу. Все языки привязаны к одному и тому же речевому аппарату, органам речи, к одним и тем же точкам мозга. У всех языков сходные фонологические системы, и принципы оппозиций у всех языков те же: СГ. Все эти общности лежат в сфере высших абстракций и полезны теоретически. Но главное: какие грамматические категории неизбежны в языке, а какие факультативны. Должны ли быть везде N и V, S и P ? И вот только здесь появляется теория универсалий [Gipper 1972 : 146].

В-третьих, и это естественно, настоящая универсалия – мыслительные категории. Но мыслительные категории «мыслятся» всеми лингвистами по-разному. Универсалии грамматики – это мыслительные категории. Для Н. Хомского – это изучение универсальной грамматики, что и является изучением природы человеческих мыслительных способностей [Хомский 1972 : 24]. Этим идеальным объектом Гухман считает Панфиловское «актуальное или логико-грамматическое членение предложения», свойственное всем языкам [Гухман 1973 : 8]. Для Жинкина – это «универсальный предметный код» (УПК). Нет такого языка, который в чём-то не походил бы на другой язык. [Жинкин ВЯ, 1984, № 6].

Однако к главнейшим, общим, универсальным свойствам всех языков (а мы уже знаем из Главы 2, что языковой знак имеет четыре уровня, два из которых – логические, т.е. фонемы и понятия) относятся мыслительные категории, логические формы мысли. О каких бы универсальных категориях мы ни говорили – все они сводятся к общему для всех языков знаменателю – логическому уровню мышления, логическим формам мысли. Все люди, независимо от их национальности и языка, культуры и т.д. имеют одну и ту же, общую для всех систему значений, систему понятий. Символическая система понятий у всех наций универсальна. [Hörmann 1967 : 348]. Звегинцев справедливо пишет, что «в немалой степени старая концепция языка обусловливалась тем обстоятельством, что лингвистика была наукой о **языках** – множестве конкретных языков со своими структурными особенностями и своеобразием, на описание которых и было направлено основное внимание исследователя. Ныне лингвистика более интересуется **языком** – всечеловеческой способностью осуществлять деятельность общения на основе абстрактных правил специфического порядка. Поиски универсальных средств человеческого языка ... являются ныне одной из самых главных задач науки о языке. Представление естественного языка в виде высокоабстрактного устройства, которое состоит из системы универсальных правил («универсальной грамматики»), порождающих предложения языка, как нельзя лучше согласуется с универсальной природой мысли, почему и возникает искушение отождествлять формальные лингвитические универсалии с мыслительнными универсалиями (везде разр. моя, – А.К) [Звегинцев 1986 : 30].

Филин пишет, что теория «понятийных категорий» во многом предвосхитила исследования универсальных категорий, которые широко ведутся в наше время в советском и зарубежном языкознании [Филин 1977 : 7]. Универсальным для предложений во всех языках является выражение субъектно-предикатных отношений, т.е. отношения логического субъекта и предиката, выделяемых в традиционной логике [Панфилов 1974 : 8 - 9]. Общечеловеческий характер логических форм мышления обусловливает универсальный характер тех форм языка, в которых воплощаются логические формы и, следовательно, общие структурные черты всех языков мира [Чесноков 1992 : 12].

Об однотипности мышления всех людей, которое невозможно без однотипности логического строя, сохраняющегося у людей всех наций, несмотря на существенные различия в грамматическом строе конкретных языков, писали К. Маркс и Ф. Энгельс. «Так как процесс мышления сам вырастает из известных условий, сам является естественным процессом, то действительно постигающее мышление м о ж е т б ы т ь л и ш ь о д н и м и т е м ж е (разр. моя, – А.К.), отличаясь только по степени, в зависимости от зрелости развития, следовательно, также и от развития органов мышления» [Маркс, Энгельс т. 32 : 461].

Кратко рассмотренные здесь проблемы универсалий дают основание утверждать, что под языковыми универсалиями многие исследователи понимают преимущественно не сам язык, его грамматические формы, не знаки языка, а м ы с л и, выраженные этими знаками: формы языка подменяются мышлением человека. Наличие универсалий связано с тем, что фонемы, графемы, морфонемы, понятия, суждения, умозаключения относятся к универсальным логическим формам мышления, свойственным всему человечеству. Каждый язык не может быть не похож чем-то на другой язык, языки не могут быть совершенно чуждыми друг другу, через материальные знаки всех языков в сознании людей ассоциативно запечатлены у н и в е р с а л ь н ы е для каждого языка некоторые семантические и грамматические формы: и всё это является с л е д с т в и е м единого механизма, единой структуры, зазываемой логическими формами, с л е д с т в и е м о б щ н о с т и м ы с л и т е л ь н ы х ф о р м человека, о б щ н о с т и арсенала его л о г и ч е с к и х ф о р м – фонем, графем, морфонем, понятий, суждений, умозаключений, без которых не может обойтись ни один народ, на каком бы языке он ни говорил.

По мнению некоторых лингвистов, эта теория должна быть общетеоретической и должна быть поставлена в теории языка как основная. Универсалии – это бесконечность порождения семантических значений. Универсальную возможность языка как средства выражения бесконечности мира объясняют тем, что морфемы, слова, комбинируясь, порождают бесконечное число высказываний. Аксиомы в теоретическом языкознании – это и есть языковые универсалии.

§ 12. Процесс перевода.

Перевод – это межъязыковая коммуникация, переходящая знаковые границы и вступающая в сферу мысли. Эти многочисленные языковые трансформации и преобразования происходят под контролем мыслительных актов и в процесс общения, и в процессе перевода. Переводятся не слова, не предложения, а текст, переводятся мысли о действительности, отражённых в текстах. Трудности перевода возникают в масштабе отдельного предложения, но в тексте, в связанных предложениях эта трудность исчезает или сводится на нет. Для правильного перевода текста с языка на язык необходимо беспереводное понимание обоих текстов.

Например, французы, получив в машинном переводе Пушкинское «Я помню чудное мгновенье», ужаснулись: оно стало банальным стихотворением. Перевод – это перевод не только смысла, понятий, суждений, но и чувств автора текста, его эмоции, настроения. Смысл научной речи, обычной речи, машинного языка не зависит от того, в какой конкретной языковой системе он выражен, каким кодом записан. В произведениях искусства всё – наоборот, там не менее важна и форма оригинала и перевода. «Форма и содержание», «код и сообщение» связаны воедино

и их нельзя разорвать, нельзя перекодировать в другой код, не исказив сообщения. Перевод – это перевод смысла, поэтому здесь искажения невозможны. Возможна лишь творческая транспозиция, вариации на тему – и только. Опера «Евгений Онегин» Чайковского – это не перевод Пушкинского «Онегина», а создано самостоятельное музыкальное произведение. Рисунки Кукрыниксов к рассказам Чехова – не переложение произведения на язык графики, а их творческое преломление.

Если следовать теории, будто каждый язык содержит в себе свою собственную картину мира, детерминирующую восприятие внеязыковой действительности его носителями, то непереводимость приобретает статус общеязыковедческой аксиомы. Возникает неразрешимое противоречие, обусловленное тем, что перевод означает транспонирование языкового содержание одного языка в языковое содержание другого языка, что является бессмыслицей, потому что, согласно теории «языковой картине мира» каждый из языков содержит в себе свой собственный языковой мир. Следовательно, языковое содержание одного языка не может быть передано как его содержание в переводящем языке.

При каких условиях может быть осуществлён перевод с одного языка на другой ? Перевод предполагает знание того, какие мысли, а следовательно, в каких логических формах выражаются эти мысли в семантических и грамматических формах переводимого языка. Перевод – это межъязыковая коммуникация, переходящая языковые границы и вступающая в сферу мысли. Переводческие трансформации – это не только те многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования, осуществляющиеся для достижения переводческой эквивалентности (адекватности перевода) вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков, но и включение общечеловеческих мыслительных актов в коммуникативный процесс.

Перевод – сложнейший вид речевой коммуникации, это многомерный и многоаспектный процесс, обусловленный множеством языковых и внеязыковых факторов. В их число входят система и норма двух языков, две культуры, две коммуникативные ситуации – первичная и вторичная и др. Перевод – это взаимодействие двух культур, при котором ситуация порождения исходного текста переносится на вторичную ситуацию в другой язык и в другую культуру. Эти две культуры не могут взаимодействовать без того среднего, универсального звена между ними, которое называется общечеловеческим логическим мышлением, единым для всех людей.

Переводные тексты нельзя называть «вторичными» текстами, потому что они лишены, якобы, творческого начала. Их противопоставляют «первичным» текстам, в которых есть *нечто*, чего лишены вторичные тексты. Так их называют те лингвисты, которые процессу перевода придают статус технического приёма, а не напряжения ума. Перевод – это процесс умственной переработки иноязычной информации, процесс сохранения исходного смыслового и эмоционального содержания в иной системе языковых знаков. В этом и состоит величайшая трудность адекватного перевода, и может быть более сложная, чем создание оригинального текста. Поэтому, естественно, переводной текст – не «вторичный продукт».

Некоторые лингвисты считают, что процесс перевода состоит лишь в соотнесённости языка с действительностью. Только тождественная предметная соотнесённость делает возможным перевод. Но в чём содержится, где она обитает эта «предметная соотнесённость» ? Если процесс перевода – лишь соотнесение языка с действительностью, то куда исчезли логические формы мышления, стоящие между материей языка и действительностью ? Кроме того, наряду с общей соотнесённостью

языка и действительности, у каждого языка есть ещё и дополнительные признаки, как бы конкретизирующие подобную соотнесённость. Этим, в частности, и определяется адекватность переводов с одного языка на другой.

Сравнения языков и перевод с одного языка на другой допустимы лишь при условии, чтобы была «соблюдена дистанция» к своему и чужому языку и сверх того наблюдатель должен «указать масштаб сравнения (Vergleichmaßstab), tertium comparationis, которым можно измерить каким-либо образом различия между языками» [Gipper 1972 : 80]. Это не что иное, как завуалированная идея не о «языковых», семантических, а о логических формах мышления. Общим масштабом сравнения между языками могут служить только л о г и ч е с к и е формы мысли. С целью сохранения идентичного логического смысла при переводе с языка на язык могут привлекаться «иные словосочетания», «описательные формы», «перефразирования». Это делается только для того, чтобы найти в своём языке соответствующие, далеко не аналогичные языковые формы, не совпадающие с формами оригинала, но служащие для полного и точного выражения соответствующей м ы с л и оригинала, т.е. одного и того же л о г и ч е с к о г о с у ж д е н и я. В данном случае преследуется цель сохранить одно и то же мыслительное, а значит – логическое и эмоциональное содержание исходного языка в иной системе знаков.

Если полагать, что всякий человеческий язык переводим, и что переводимость языков в другие знаковые системы – это свойство человеческого мозга, и что механизмом переводимости служит нейронная система, то эту мысль надо понимать только в том смысле, что нейронная система есть в то же время логическое мышление, что одно и то же. В этом проявляется «двухзвенность превода». Одна и та же м ы с л ь, одни и те же л о г и ч е с к и е ф о р м ы стоят между д в у м я р а з л и ч н ы м и с и с т е м а м и я з ы к о в ы х з н а к о в, которые в разных языках по-разному избираются для выражения одной и той же формы мысли. «Понимание» есть понимание общечеловеческих форм мысли, отражённых в воспринимаемом тексте (устном и письменом), которые переданы формами одного языка и ждущие своего закрепления в формах другого языка.

Только через идентичное логическое суждение можно понять и перевести иноязычное предложение – другого не дано. Эту мысль высказывают многие лингвисты, психологи, логики, философы. Проблема перевода – это не что иное как проблема взаимоотношения я з ы к а и м ы ш л е н и я: перевод возможен только на основе общности логического мышления, в частности на основе общечеловеческой формы суждения. Но у всех языков мира имеется также целый ряд общих структурных черт, это прежде всего их основные грамматические функции, осуществляющие непосредственную связь н а ц и о н а л ь н о г о языка с и н т е р н а ц и о н а л ь н ы м логическим мышлением, способность быть инструментом для выражения мысли.

Вопрос перевода является в своей основе вопросом философским, методологическим, производным от трактовки проблемы соотношения языка и мышления. Именно эта общность логического строя мысли, общечеловеческий характер логических форм составляют ту основу, на которой возникает принципиальная возможность переводимости. В процессе перевода семантические формы мысли фигурируют как переменные величины. Инвариантным остаётся формируемый знаковым контекстом и ситуацией общения с м ы с л. Именно общечеловеческий логический строй мысли дают возможность нейтрализовать различия между нетождественными значениями, или использовать разные значения для передачи одного и того смысла. «Если в каждом языке всё то, что п о д р а з у м е в а е т с я (разр. моя; это и есть всё то, что называется логическими формами мышления, – А.К.), может быть выражено, то в принципе, по-

видимому, всё то, что выражено на одном языке, можно перевести на другой» [Koller 1983 : 152].

Суждение – это то общее, что есть во всех переводах данного предложения. А что есть это общее ? Это наличие утверждения или отрицания существования в действительности определённых связей вещей. Этот факт всегда находит выражение в определённой языковой форме, а наличие такой формы является также обязательным общим моментом во всех переводах того или иного предложения. Переводимость с языка на язык, т.е. совместимость и взаимопереводимость языков основаны на «единой логической базе». Логико-тематическая структура текстов оригинала и перевода всегда совпадают уже по определению, поскольку такое подобие входит в понятие коммуникативной равноценности. Сохранение общей логической схемы построения текста необходимо, и без неё нет перевода.

Люди обычно запоминают и вспоминают из информации не словесные выражения, а содержание мыслей. Человек выражает усвоенную им мысль в новой словесной оболочке (упаковке). Это значит: в процессе понимания внешней речи человек переводит высказывания на некоторый логический код, в логическую форму мысли, следовательно, мысль не только запоминается, но и формируется в логической оболочке этого семантического значения. Копнин пишет, что через уяснение структуры иностранного предложения мы уясняем его смысл, определяем его субъект и предикат. Только уяснив с у ж д е н и е в иностранном предложении, мы выражаем его на нашем родном языке. По грамматическим категориям можно уяснить смысл суждения, потому что грамматические категории формировались для выражения наших мыслей, т.е. в зависимости от логических категорий, в зависимости от структуры суждения. Значит, существуют в каждом языке специфические связи между формой предложения и формой суждения [Копнин 1973 : 242)].

Согласно одному из наиболее распространённых определений суждение, выражаемое некоторым предложением, есть то общее, что есть во всех возможных правильных его переводах. Вот как эту же мысль выразил профессиональный переводчик, живущий в Нью-Йорке: «Перевод тогда только хорош, когда он не заметен, когда не видно, что это перевод. Буквальный перевод, приверженцами которого являются многие слависты, может сгубить книгу. Переводить надо не слова, а ф р а з ы, может быть даже а б з а ц ы, потому что законы английского языка и американской культуры совсем иные, чем русские» (разр. моя, – А.К.) [*Владимир Соловьёв.* Газета «Русский базар», 20 - 26 марта 2003, Нью-Йорк]. Психолог эту идею о логическом суждении как главном звене при переводе выразил так: « ... построение речи в том или другом из этих языков (англ. и русс. – А.К.) требует не перевода слов одного языка на слова другого, а перехода с точки зрения одного из них на точку зрения другого» [П.Я.Гальперин 1977 : 97 - 98]. Правильнее сказать: не усвоение «точек зрения» разных языков, а усвоение одного и того же логического суждения, которое было бы одним и тем же в обоих языках.

Разумеется, в любом развитом языке найдутся средства для адекватного перевода любого явления другого языка. Привлекая другие ресурсы другого языка, мы привлекаем адекватные, но выраженные иными языковыми формами, те же логические понятия, суждения или умозаключения, что и в исходном языке. Следовательно, не «речевое использование языка», не «динамика языка», не «сумма единиц» переводящего языка, как считают многие лингвисты, лежат в основе взаимопонимания, а это значит, что в основе перевода лежит о б щ а я для переводимого и переводящего предложений, о д н а и т а ж е л о г и ч е с к а я ф о р м а м ы с л и в виде суждения или умозаключения.

Простейшим доказательством существования семантической (языковой) и логической форм мышления является возможность перевода с одного языка на другой: но переводятся с одного языка на другой не семантические, а логические формы мысли (форма языка при этом тоже учитывается). Если несмотря на существование различий в грамматической и семантической структуре соответствующих единиц различных языков они могут быть переданы адекватно средствами другого языка, то это свидетельствует только о том, что переводится с одного языка на другой не форма языка, а форма мысли, а язык для переводчика служит лишь одной цели – найти наилучшую форму для адекватного выражения чужой мысли. Это означает, что язык и мир связаны не непосредственно, а через мышление, через понятия, суждения, умозаключения, которые стоят между материальными знаками языка и миром.

Языковые преграды никогда не были помехой общения народов. Все языки переводимы, и нет ничего такого в одном языке, что не могло бы быть переведено на другой язык. На любом языке может быть выражено абсолютно всё, в том числе и путём описательных форм.

Индивидуальный опыт человека наслаивается на тот, который даёт человеку язык, и осмысливается он в терминах того языка, через который человек приобщается к общечеловеческому опыту. Для человека, следовательно, делается привычной определённая лингвистическая мерка, которой он меряет свой внутренний и внешний мир. Отсюда трудность усвоения другого языка и преодоления родного языка. Такая определённая лингвистическая настроенность не замыкает вовсе человека раз и навсегда в непереступаемый волшебный круг и не преграждает ему пути к познанию «вненациональных» категорий. Переход с одной языковой системы на другую «картину мира» аналогичен переходу с одной системы мер на другую. Семантико-грамматические формы языка при этом меняются, но за ними стоит единое для всех, реальное л о г и ч е с к о е мышление.

Однако помимо двух обычно принятых для всякой коммуникации двухфазного процесса, отмеченного в языкознании (порождение исходного содержания партнёром А и восприятие текста партнёром Б), перевод с языка на язык, как и процесс понимания – явление более ложное, и фактически осуществляется по более сложной модели:

1) Говорящий (пишущий) выражает устно (письменно) языковую, семантическую форму мысли в структурах своего языка. Но она е щ ё д о э т о г о с у щ е с т в о в а л а в е г о м ы ш л е н и и к а к л о г и ч е с к а я ф о р м а м ы с л и в виде некоей интенции, ибо говорящий не может говорить о чём-то, не связанным с мыслью, рождённой ещё до речевого воплощения или вместе с нею. Но это не просто мысль, но мысль, обязательно живущая в какой-то логической форме – в форме понятия, суждения или умозаключения.

2) Слушатель (читатель) воспринимает семантическую форму мысли говорящего (пишущего) в структурах языка этого последнего, которая тут же преобразуется в голове слушающего (читающего) в логическую форму мысли, которая ещё ранее, у говорящего, была заложена до её оформления в семантические формы его языка. И только после этого слушатель (читатель) преобразует эту логическую форму мысли говорящего (пишущего) в свою родную языковую форму (семантическую форму мысли), если есть необходимость перевести иноязычную мысль. Таким образом, происходит п я т и у р о в н е в ы й или п я т и с т у п е н ч а т ы й процесс перевода чужого языка на родной язык, а не двухступенчатый процесс, как это принято считать в традиции.

Вот этот процесс: **1)** Замысел или логическая форма мышления – суждение говорящего **А** преобразуется им же в → **2)** семантическую форму мысли того же говорящего **А** в структурах языка **А**, → **3)** которая воспринимается слушающим **Б** как

семантическая форма мысли говорящего **А** в семантико-грамматических формах его языка, которая преобразуется → **4)** в мышлении слушающего **Б** в логическую форму мысли – в суждение говорящего **А**, → **5)** и только затем логическое суждение **Б**, воспринятое им через четыре ступени от говорящего **А**, преобразуется в языковую, семантическую форму мысли родного языка слушающего (читающего) **Б**.

Таким образом, говорящий (пишущий) в коммуникации на одном и том же языке проходит две ступени – от логической формы мысли к семантической форме мысли (к грамматической структуре формулируемого им предложения).

Слушающий (читающий) проходит те же две ступени, но в обратном порядке – от семантической формы мысли (от грамматической структуры предложения) говорящего к исходной логической форме мысли, родившейся в голове того же говорящего, которая понимается слушающим бесперевод но. Для переводчика нужна пятая ступень процесса коммуникации. Последний, пятый этап реален, лишь если переводчик (читатель) сам для себя или для других решил озвучить (записать) это логичское суждение в формах своего родного языка. Если нет, то ему достаточно понимать текст бесперевод но.

Таким образом, «обычный», как все считают – «двухсторонний», «двухуровневый», «двухступенчатый», процесс перевода на самом деле более сложен, он проходит через пять ступеней деятельности мозга : **А (1 → 2) → Б (3 → 4) → Б (5)**, где шаги **1** и **4** – это логическое суждение говорящего **А**, понятое слушающим как то же логическое суждение **Б**, которое затем на фазе 5 переводится слушающим в формы языка слушающего **Б**.

Процесс понимания чужого (как и своего родного) языка заканчивается фазой **4**, а процесс перевода чужого языка на родной язык завершается фазой **5**. Однако эта модель перевода с иностранного языка на родной (как и в модели понимания родного языка), т.е. **(1 → 2) → (3 → 4) → (5)** ни у одного специалиста по переводу не отмечена: их забота – трудности перевода, ошибки в переводах, «ложные друзья переводчика» и т.д. Точно такой же пятифазовый процесс происходит и при понимании текста, сказанного (написанного) на родном языке, но этот процесс завершается фазой 4, потому что слушающему (читающему) нет необходимости переводить логическое содержание чужого текста, если он его понимает бесперевод но. Нет никакой принципиальной разницы между «пониманием» и «переводом» на другой язык, кроме существования последней фазы **(5)**, т.е. перевода логического суждения чужого языка в формы родного языка, что, кстати, вместе с фазой **(2)**, т.е поиском говорящим (пишущим) языковой формы выражения своей, рождённой в его голове логической мысли, является самым трудным этапом в этом пятиступенчатом процессе коммуникации и который может быть назван «муками слова». Эта фаза, этот процесс перевода своей мысли, своего суждения в формы своего языка найдёт более подробное объяснение в другом месте этой работы.

Из сказанного можно сделать только один вывод – не существует «непереводимости», которую неосознанно постулируют теории «лингвистической относительности» и «языковой картины мира». Между исходным и переводящим текстом стоит мышление, а не форма языка, но одна и та же мысль находит свою реализацию в различных языковых системах, как в чужих, так и в родном языке. Реальное существование логических форм мысли делает возможным и понимание текста и его перевод на другой язык. Тот факт, что коммуникация успешно осуществляется между носителями различных языков, говорит о том, что нет препятствий в процессе обмена информацией.

Перевод, как и понимание, не может совершаться в обход логического мышления, в противном случае это означало бы, что и в исходном языке **А**, и в переводящем языке **Б** существовали бы слова, не выражающие логических понятий. А такого не бывает: говорящий и пишущий изобретают прежде понятия, а потом находят в своём языке соответствующие им знаки. Следовательно, взаимопонимание людей, владеющих множеством языков, возможно не на формах языка, разных в разных языках, а лишь через семантико-грамматические формы этих языков на некоторой общей основе – на основе логических форм мысли.

Итак, перевод с одного языка на другой, как одно из интеллектуальных деяний человека, связан прежде всего с «процессом понимания» и невозможна без него: в противном случае мы получим не более, чем подстрочный перевод. Только через логическое субъектно–предикатное суждение (S – P) можно понять и перевести на другой язык предложение иностранного языка – другого пути не дано. Именно эта общность логического строя мысли (но не количество слов в предложении) составляет основу взаимопонимания людей, говорящих на одном и том же языке, а также взаимопонимание людей разных наций и, следовательно, переводимости одного языка на другой. Всё, что мыслится в формах одного языка, может мыслиться и в формах любого другого языка, столь же развитого. При переводе фраз с одного языка на другой полностью меняется семантико-грамматическая структура переводящего языка, т. е. его семантическая форма мысли, но логическая структура мысли не меняется, не происходит замены одной логической формы на другую. Без участия логических форм мысли перевод текста, как и понимание собеседника, невозможны.

Это и есть истинная теория перевода предложений с одного языка на другой. Это и есть теория понимания людьми друг друга, говорящих на одном и том же языке, или на разных языках, которыми владеют оба собеседника. Между языковыми, т.е. материальными знаками и материальным внешним миром стоит идеальное мышление человека, которое в сознании реализуется в соответствующих логических формах мысли, а передаётся за пределы мозга в семантических формах мысли в материи материальных знаков (звуковых и графических).

Глава 5.

Взаимоотношение языка, речи, текста.

§ 1. Что такое язык, речь, текст ?

1) Что такое язык ?

Где и в каких формах существует язык ? Язык, как я показал выше (см. Главы 1, 2), есть система материальных четырёхуровневых знаков, каждый уровень из которых представляет собой тесное взаимодействие двух материальных объектов – материи знака **(1)** и материи внешнего предмета **(4)**, и двух их идеальных, психических ассоциативных образов от них – логических образов материи знаков,

или фонем **(2)** и логических образов внешних реальных предметов, или понятий **(3)**. Неразрывное заимодействие этих четырёх уровней в знаках, т.е. в языке основано на двух внешних материальных объектах и на двух их внутренних, идеальных или логических образах, формах, причём ни один из этих уровней языка изъять невозможно без того, чтобы не разрушить единство языкового знака и, следовательно, самой природы языка.

Среди явлений окружающего мира, включённого в нас самих в виде их идеальных представлений в сознании, язык занимает совершено особое положение как уникальное явление. Он и на бумаге, и в звуковых волнах, и в сознании, и в речи, и в тексте. Таким многосторонним свойством не обладает, пожалуй, никакое другое общественное явление. Язык существует в сознании всех членов коллектива в виде абстрактной системы материальных знаков. Он существует во множестве речевых текстов как своё инобытие, как обычно вариант существует во множестве своих вариантов. Однако всегда всё то, что входит в систему языка человека, не повторяется как та же система и в речи, и в тексте. Язык в сознании всегда богаче, чем его реализованный продукт в речи или в тексте. Язык народа един и почти не зависит от конкретного человека. Однако некоторые учёные считают, что язык – фикция, потому что он не наблюдаем.

Как только языковые знаки начинают функционировать во внешне выраженной или во внутренней речи и ими пользуется человек, элементы языка начинают превращаться в элементы речи и текста, в факты речевой мыслительной деятельности. Язык – это готовая форма для отливки любой мысли. Язык, как мы видели выше при рассмотрении функций знаков, трудно определить как самостоятельную сущность, она проявляется не только в виде своих четырёх взаимосвязанных уровней (см. Гл. 1, 2), но и в виде намерения, психической структуры. Но это намерение приобретает знаковую форму, лишь когда оно высказывается. Языковые знаки служат формой для отливки любого возможного суждения, которое не может отделиться от материи знаков, кроме как в форме идеальных образов в сознании. Язык – это объект и в то же время, реализованный в речи, в тексте, становится инструментом анализа самого себя. Только через устные и письменные тексты, как «непосредственную действительность мысли», нам становятся известны категории абстрактного мышления.

2) Что такое речь ?

1) Язык – это речь, каждый раз нами материализуемого вовне мозга через материальные (устные и письменные) знаки. Следовательно, язык – не сумма произведений от этой речи, а речь – не сумма всего того логического багажа, который содержится в сознании, а лишь только то, что говорят и пишут люди: это, по Марксу, «**непосредственная действительность мысли**», это материальная, внешне реализованная система языковых знаков, но индивидуально комбинированных, ассоциативно аккумулирующих в себе их же идеальные образы, но хранящиеся в мозгу. Однако эти комбинирования подчиняются коллективному договору. В некотором случае верно утверждать, что «здесь нет ничего, кроме суммы частных случаев» (Соссюр). Что касается её реализации вовне, то она проявляется индивидуально и мгновенно, и быстро затухает в её звуковом варианте, но сохраняется на вечные времена в её графической форме.

2) Самым характерным свойством речи, как считают некоторые лингвисты, является **свобода комбинирований знаков**, поэтому устойчивые фразы, обороты и др. якобы не относятся к речи, так как они не комбинируются, а употребляются

готовыми. Если это так, то и слова как готовые системы фонем и графем, ассоциативно прочно закреплённые в сознании, мы должны были бы исключить из речи как «готовые элементы». Знаковая система построена в виде нескольких уровней или эшелонов, где единицы низших уровней составляют единицы более высоких уровней и т.д. Причём чем ниже ранг единицы, тем больше она фразеологизирована и предсказуема; чем её ранг выше, тем она более индивидуальна.

3) Некоторые лингвисты рассматривают речь не только как реализацию языковой системы, но и как нечто, **выходящее и за пределы языка** своими индивидуальными особенностями и различными новообразованиями. Если это так, то это означало бы, во-первых, что язык и речь – разные или почти разные объекты; во-вторых, что язык и речь имеют разные механизмы их функционирования; в-третьих, что язык и речь локализованы в разных точках, язык – в мозгу, а речь – в речевых органах; в-червёртых, что и язык, и речь – самостоятельные субъекты, творящие свои собственные законы, один – для языка, другой – для речи. Напротив, в этом свойстве речи, что она «выходит за рамки языка», как раз и заложен принцип, закон развития языка по законам мышления, как бесконечность мыслительной деятельности человека в условиях конечности употребляемой им знаковой системы. Действительно, речь отличается своими новообразованиями, но все они лежат только и только в границах данной знаковой системы языка, иначе было бы непонятным – откуда берутся эти новообразования, и только в социальных границах языка данной нации.

4) Считают, что **речь имеет бинарное свойство, это звук плюс содержание, смысл.**. Однако этим свойством не обладает ни языковой знак, ни язык в целом, ни сознание (в нём хранится только идеальное от материи знаков) и, следовательно, не может обладать и речь. Звук, буква – это внешняя физическая материя, которая не может мыслить, а смысл – это функция мозга, идеальная собственность сознания. Следовательно, материальное и идеальное не могут быть одно в другом.

5) Звегинцев считает самой существенной чертой языка **его двойственность в виде языка и речи.** Это верно, но только отчасти. Потому что язык и речь представляют собой лишь одну из четырёх сторон модели знака, а именно – язык понимается Звегинцевым только как идеальная, логическая форма знака, фонема (уровень **2**) и идеальная, логическая сторона предмета, понятие (уровень **3**), а речь понимается лишь как материальная сторона знака (уровень **1**). Но так как язык и речь друг без друга не существуют, нет речи без языка и нет языка без речи, то нельзя делить лингвистику на две автономные науки – на лингвистику языка, которая бы занималась лишь идеальной стороной мышления, не имея под собой материальной основы, и на лингвистику речи, которая бы изучала только звуки речи, что превратило бы фонологию в фонетику. Познавательная функция мышления реализуется преимущественно в «языке в мозгу», во внутренней речи, а коммуникативная функция – в «языке в речи», как системе стабильных элементов, в которых закреплено некоторое познавательное содержание. Речь есть внемозговой материальный инструмент для практического использования этих логических форм сознания в мыслительном и в коммуникативном процессе. Познавательная функция языка в речи – это речевой, звучащий, внешне выраженный фон познания. Язык мозга – это систематизация фактов лингвистического опыта, на основе чего создаётся теория. Язык в речи – реализация этих фактов в сообщениях.

6) **Речь – это внешне выраженная мыслительная деятельность**

человека (у Маркса **– «непосредственная действительность мысли»**). Речь направлена на достижение какой-либо цели, речь целенаправленна. При восприятии речи в сознании воспринимаемого рождается аналогичная или близкая к ней мысль, а не передаётся ему в готовом виде то, что называют содержанием текста. При этом содержание текста – не только результат, но и сама мыслительная деятельность.

7) **Речь – это конкретное содержание предложения,** но оно находится не в самой речи, а в сознании говорящего, и оно не сводится к значениям составляющих его слов.

8) **Речь порождается мышлением через систему условных материальных знаков языка.** Но одними языковыми знаками, как единицами языка, нельзя породить речь, всё новое, что рождается в речи – это продукт мышления. Само мышление творит речь, т.е. материализует себя вовне в материальных носителях, через воздушную среду и на бумаге. А так как все в обществе должны понимать друг друга, то это общее, зафиксированное на материальных носителях, откладывается в мозгу как язык. Это организованный и структурированный склад готовых четырёхуровневых знаков, которые вновь и вновь генерируют речь через мышление, которое может порождать новые, но в основном те же знаки, хотя и с иными понятиями.

9) Иногда пишут, что **речь – коррелят мышления, а язык –строительный материал.** Когда Маркс пишет о языке как о «непосредственной действительности мысли», то он имеет в виду, конечно, звучащий язык, т.е. речь. Звегинцев тоже полагает, что именно «речь есть место встречи языка с мыслью». Некоторые лингвисты ошибочно считают, что опыт человека соотносится именно с речью, а не с языком – языковой системой, она является лишь строительным материалом для производства речи. [Мыркин, ВЯ, 1986, № 3 : 57]. Здесь всё поставлено с ног на голову. Непонятно, каким образом речь, как материальное явление, непосредственно «соотносится» с опытом, минуя идеальную знаковую систему, хранящуюся в мозгу, минуя мышление, которое как полновластный хозяин создаёт себе в мозгу языковую систему, через которую, в виде речи или текста, оно материализует себя вне мозга ?

Речь есть материальная внемозговая манифестация мысли, мысль становится чувственно воспринимаемой, приобретает вещную форму, но только в виде идеальных «вещей», которые находятся не в самой речи, а в сознании. «Действительностью сознания» становится не язык, как система идеальных знаков, хранящаяся в мозгу, а речь, но только как актуальная часть языкового сознания. Именно через речь ассоциативно фиксируется содержание сознания на данный случай, которое не сводится к сумме языковых единиц, используемых для его выражения. Буквальное понимание высказываний Маркса: « ... язык есть практическое ... действительное сознание ...» и «язык есть непосредственная действительность мысли» [Маркс, т. 3 : 329; 448], – не есть его ошибка, а следствие нерасчленённого, глобального понимания языка, как всего говоримого и написанного, восходящее к тем временам, когда ещё не было осознана реальность дихотомии язык и речь.

Сознание – условие и причина развёртывания речи, т.е. речевого функционирования знаков. Механизм знаков сам по себе не имеет инерции речевого движения. Знаковый механизм пробуждается к речевому функционированию в речи только благодаря деятельности сознания. Линейно развёртывающаяся речь – это своеобразная модель мышления, единицы которого были предоставлены сознанием из своего арсенала.

10. **Речь возникла задолго до мышления.** «В своём труде “Биолингвистика и её становление“ я утверждал, что биолингвистика в основу своей фундаментальной теории кладёт идею о структурно-системной независимости речи от мышления» (Sic !) [Нечипоренко. Философия речи. М., 2002 : 20]. « Не будь у человека памяти, не было бы у него ни души, ни духа, ни благородных помыслов, ни душевно-духовных устремлений. Только наличие перечисленных условий, вне всякого сомнения, способствовало формированию человеческой речи задолго до зарождения мышления...» [Нечипоренко. Сб. «Человек в зеркале языка. Вопросы теории и практики» М., 2002 : 404]. Этот автор пишет о «структурно-системной независимости речи от мышления», «речь и мысль – процессы разного онтологического порядка». [Там же : 407]. Под «речью» автор понимает «интонационно-звуковой охват предметной деятельности в качестве её отражения и одновременно выражения». « ...Вокруг человека всегда что-либо шумит, стучит, шуршит, плещется, позвякивает, переливается, волнуется от ветра, при помощи всевозможных волновых движений». «Именно такого рода движения по всей земно - водной и воздушно - волновой поверхности Земли будут находить различие в строе человеческой речи».

Весьма любопытная и оригинальная «теория», ещё не открытая ни в одном направлении теоретического языкознания. Если в основе происхождения человеческой речи лежат продукты материальной природы, т.е. продукты шума, стуков, шуршания, звона, в том числе, наверное, и грома, и молнии, и пения птиц, и рёва животных и др., то кто мы – люди Земли ? Как и с помощью чего мы мыслим, общаемся ? Если речь возникла ещё до появления человеческого мышления и языка, то – откуда, из чего ? «Высосана из пальца» ? Выходит, различные шумы формируют разный строй речи у разных народов, речь формируется не мозгом, в обход мышления, а природной стихией. Если речь произошла задолго до мышления, то почему обезьяны, которые мыслят,
до сих пор не говорят ?

11. **Язык, речь и мышление – неразрывное единство.** «Язык есть орган, образующий мысль. Умственная деятельность – совершено духовная, глубоко внутренняя и проходящая бесследно – посредством звука материализуется и становится доступной для чувственного восприятия. Деятельность мышления и язык представляют поэтому неразрывное единство. В силу необходимости мышление всегда связано со звуком языка, иначе оно не достигает ясности и представление не может превратиться в понятие. Неразрывная связь мышления, органов речи и слуха с языком обусловливается первичным и необъяснимым по своей сущности устройством человеческой природы». [Гумбольдт 1956 : 78]. Увы, язык, т.е. языковые знаки не могут быть «неразрывными» с мышлением, и именно в силу того и прежде всего потому, что знаки – условны, немотивированы и никакой органической связью с мышлением не спаяны. «Неразрывность» знака и мысли – лишь видимость только одна, эта связь освящена внешними, а не внутренними, органическими факторами, т.е. обществом и традицией.

12. **Наши знания о мире кодируются и в языке, и в речи.** В знаках языка, в предложениях как единицах речи (звуковых, графических) мир не отражается. Он отражается в сознании, а сознание закрепляет, фиксирует, кодирует это отражение в своей системе нейронов, дублированных в конвенциональных знаках в речи, в тексте. В самих знаках нет смысла, они лишь средства ассоциативного закрепления и пробуждения соответствующего смысла в сознании людей. Но некоторые лингвисты задаются вопросом: где правильнее и точнее

кодируется наше знание о мире – в языковой системе или в речи ? [Мыркин, ВЯ, 1986, № 3 : 55]. Этот вопрос звучит точно так же, как и вопрос: еда, которую мы едим, вкуснее в правой или в левой руке ?

3) Что такое текст ?

Текст – это моделированная, обработанная речь. Он обособлен как документ и приобретает свои особые черты. Текст фиксирует устную речь, но эта фиксация накладывает на текст свои требования, свойственные данной природе текста. Это стилистическая обработка устной речи, устранение всех помех в приёме информации.

«Язык мозга», как и любую абстракцию, воспринимать органами чувств нельзя, он присутствует в тексте не как материальный предмет или вещь, а как материальные языковые знаки, превращённые в сознании в их идеальные формы, в виде их внутренней упорядоченности и закономерности, обнаруживаемых только деятельностью сознания. Регулярность в тексте ещё не язык мозга, а только его прообраз, нуждающийся в его интеллектуальной обработке и одновременно он уже не язык как система знаков, а нечто большее, так как он объективирован в материальной субстанции, которая в сознании ассоциативно соотнесена с реальным миром.

Текст характеризуется двумя главными чертами: 1) комбинацией элементарных частиц его – фонем (графем), которые, будучи лишены самостоятельного значения, приобретают его, лишь сочетаясь определённым образом с другими фонемами (графемами); 2) строгой линейностью сообщения, обусловленной временными параметрами. Таким образом, используется ограниченное количество строительных кирпичиков для передачи глобальных смыслов, причём все эти кирпичики складываются в строго определённой последовательности, в особых структурах.

Деятельность или функционирование того, что мы называем языком, слагается из четырёх анализаторов: речедвигательного, письменного, слухового, зрительного. Они и лежат в основе построения текста. Текст – это звено, где происходит встреча языковых знаков с мыслью, взаимодействие знаков и сознания. Устный знак не живёт во времени, и каждый раз он создаётся заново. А письменные знаки – вечны, они образуют склад вещей, идеально напоминающих о минувших событиях, воссоздающих минувшее. Через письменные тексты мы способны передавать речевые сообщения, преодолевая самую сложную природу – природу времени.

Звуки – находятся вне сознания, во внешней среде (уровень в зяаке **1**), а отрезок мысли о звуках **(2)** и о внешних вещах **(3)** находится в мозгу, в сознании, как психические процессы. Мысль никогда не находится где-то «вне сознания», «между собеседниками», «в звуковых колебаниях или типографской краске». Выведенная за пределы человеческого сознания, мысль объективирована в материи знаков и обнаруживает себя как смысл текста. Следовательно, в тексте есть смысл, но только в данной знаковой системе, и только в знаках языка данного народа, и только в сознании. Этот смысл содержится не в самих знаках, а в ассоциированных с ними соответствующих участках мозга. Без смысла нет текста, в его устной или письменной форме, иначе текст – чернильные пятна или пустые колебания воздуха.

Благодаря тексту сознание каждого члена общества обогащается как опытом современников, так и опытом предшествующих поколений людей. Таким образом,

человек оказывается снабжённым наиболее полной моделью реального мира, и его прогнозирование становится чрезвычайно точным и глубоким. Текст есть свидетель всего длительного пути накопления знаний, текст – как бы знаковая книга, в которой закреплены все пути логического освоения мира человеком на протяжении его истории. Тексты являются свидетелями человеческой борьбы, страданий в поисках истины вплоть до концепций строения вселенной.

В тексте встречаются друг с другом языковые знаки и ассоциированная с ними мысль. У нас нет возможности изучить, схватить мысль непосредственно в идеальных, не отягощённых материей языковых знаках, а тем более передать её другим. Схватить мысль можно только частично, на основе того же текста, но только «между строк», в виде «невербального мышления», когда мысль не выражена непосредственно в знаковых формах. Правда, соседние формы, и даже весьма удалённые от данной мысли, ориентируют слушающего или читающего о присутствии этой мысли. Языковая форма выражения оголённой мысли может быть самой различной, не говоря уже о разных языках, но для понимания текста необходим минимум языковых форм, остальные, недостающие мысли слушатель понимает сам в форме авербального мышления.

Пока мысль пребывает в латентной спячке и только в форме субъективного состояния сознания индивида, она не является общезначимым социальным фактором. Мысль другого человека мы можем понять лишь тогда, когда она выражается в актах коммуникации, в разнообразных текстах, в живой речи. В этом случае она приобретает статус смысла в виде инобытия мысли, как бы вынесенной за пределы индивидуального сознания, т.е. фактором социальной жизни. Поэтому в основе исследования человеческого мышления лежит исследование той системы языковых знаков, в которых мысль объективируется и представлена в виде смысла. Текст есть то звено, где происходит встреча материи языковых знаков с мыслью.

Посредством множества текстов осмысливается и понимается сам реальный мир, превращаясь из «мира в себе» в «мир для остальных людей». Знание как социальный продукт существует только в виде текстов, становится через тексты общезначимым. Невозможно заглянуть в человеческое сознание и показать, как там взаимодействуют язык и мышление. Для этого и существуют письменные и устные тексты. Система языковых знаков создана для охраны текста от его разрушения совокупностью исторических процессов. К мышлению, к генетическому коду мозга нет прямого доступа. Структура текста и есть та охранная зона против разрушения выведенной вовне структуры нейронных связей мозга, в которых записан язык, его система знаков. Роль текстов – накопление, сохранение и передача информации.

«В сокровищницу родного языка – пишет Ушинский – складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования, воззрения, следы прожитого горя и прожитой радости – словом, весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове. Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое». [Ушинский 1945 : 206].

§ 2. Основания разграничения языка и речи.

1) Язык и речь – это два разных вида деятельности языкового сознания.

Э. Бенвенист пишет о двух особенностях языка: 1) Сам факт применения языка остаётся неосознанным, лишь в лингвистичеких исследованиях мы всё осознаём; 2) Мыслительные операции всегда получают выражение в языке. Отсюда убеждение: будто процесс мышления и речь – это два различных в самой основе рода деятельности, которые соединяются лишь в процессе коммуникации. 3) Для того, чтобы речь обеспечила коммуникацию, она должна получить полномочия на выполнение этой функции у языка, т.к. речь есть не что иное, как актуализация языка. (Бенвенист : 293).

У Соссюра язык и речь различаются так: 1) Речи свойственна эволюция, а источником развития языка является речь. Язык – только продукт развития речи, т.е. язык – продукт развития, речь – источник развития. 2) В речи – свобода комбинаций, т.е. в речи только свободные сочетания слов, а в языке – только готовые речения, в которых обычай запрещает что-либо изменять. 3) Системность языка, в речи нет системности. Это значит, что язык – либо не система, либо система языка установлена неправильно. Если язык – система, то она должна быть распространена и на речь. 4) Язык и речь – это разные объекты разных наук. Следовательно, у речи – свои особые внутренние законы развития.

Отдельными лингвистами язык и речь различаются на основе «категории сущности» и её проявления. Нет ничего в языке, чего бы не было в речи, и наоборот.

1) Язык и речь имеют социальную природу. В общении социальная природа языка принимает форму индивидуальной речи. Поэтому одни и те же единицы есть единицы и языка, и речи.

2) Язык и речь – это общее и единичное, постоянное и переменное. Язык есть речь, взятая со стороны общего и постоянного. Речь стала языком, взятого со стороны единичного и переменного. Всякая лингвитическая единица обращена одной стороной к языку, другой – к речи

3) Язык и речь рзличаются по основанию некоего «установления и процесса». Есть язык как средство общения, и есть речь как процесс общения с помощью языка. Речь есть громкая, тихая, быстрая, медленная, длинная, краткая. К языку эти характеристики не относятся. В речи есть повторения одних и тех же слов, в языке – нет. [Ломтев 1976 : 58 – 60].

2) Язык постоянен, всегда, норма, а речь - это время от времени, момент, отклонение от нормы.

1) Язык всегда присутствует в нас в состоянии возможности. Речь присутствует в нас время от времени в состоянии действительности. «Высказывания на языке (устном и письменном) существуют во времени, но сама мысль существует вне времени. Мысль включена в поцесс мышления и есть результат того процесса. Но сама она процессом не является [Новая философская энциклопедия, 2010 : 628 – 629].

2) Язык существует в нас постоянно до любого факта выражения. Я говорю с помощью языка, моя речь имеет временную природу, а язык существует во мне постоянно. Всё, что происходит в речи, определяется проблемами, поставленными языком.

3) Факт речи – это то, что мы совершаем в определённый момент по необходимости и по своей воле. Факт языка – это другое дело, в силу его иного положения в сознании. Он представляет собой психичесий процесс, который произошёл в нас в неопределённом прошлом, и мы этот процесс уже не помним.

4) Язык существует в нас даже тогда, когда мы не говорим. Это наследство, полученное от предков. Речь делается в нужный момент с помощью средств, поставляемых нам языком. А речевая деятельность находится между ними. Язык покоится в нас на глубинном уровне мышления, на уровне потенции. А речь находится не в глубине нашего мышления, это строительство, к которому мы приступаем при необходимости. Речь – это уровень реализации.

5) Основания выделения языка и речи: наличие в языке нормы делает возможным определить различие между языком и речью как различием между нормой и отклонением от нормы. В норме находится всё правильное, а всё, что выходит за пределы нормы – является неправильным, представляет собой мнение общества о допустимом и недопустимом. Этический принцип позволяет определить то, что одобряется и охраняется обществом, от того, что осуждает общество. Различие между языком и речью есть различие между общепринятым и случайным, нераспространённым. [Ломтев, 1976 : 54].

3) Речь – это практическая внемозговая реализация идеального, хранящегося в мозгу.

Единство языка и мышления реализуется в речи. В процессе мышления мы оперируем мысленным содержанипм, не совпадающим непосредственно с той действительностью, от которой оно абстрагировано. Это содержание есть нечто идеальное и оно не могло бы существовать без воплощения его в иматериальную форму знаков. Но как мысль это содержание может существовать в форме внезнакового, авербального мышления. Значение языка прежде всего в том, что он даёт нам средства для реализации мысли, обмена мыслями, коммуникации между людьми.

4) Разграничение «язык – речь» не лежит в центре всех проблем теоретического языкознания.

Колшанский, например, не различает понятий «языка» и «речи», отвергает «расчленение языка на две относительные субстанции: язык и речь» [Колшанский 1984 : 171]. Не беря во внимание работы Соссюра и давно уже принятую точку зрения о реальности существования этих двух аспектов, невооружённым глазом можно видеть, что речь (то же самое – текст) не записана в мозгу готовыми фразами и текстами. Следовательно, в голове существуют психический и лингвистический механизм порождения текстов. Если Серебренников, различая язык и речь, считает, что все происходящие в языке процессы «можно объяснить только особенностями человеческой речи» [Серебренников 1988 : 131], но не языка, и тем более не мозга, то возникает вопрос: а из чего рождаются эти «особенности», да и вообще – из чего рождается «речь» ? Если соотношение языка и речи рассматривать как соотношение более абстрактного и более конкретного [Правдин 1991 : 8], то этим ничего не сказано, потому что категории «абстрактного» и «конкретного» присущи и «языку», и «речи», как их обычно понимают, и поэтому не дают ответа на вопрос – а существует ли вообще дихотомия «язык – речь» и существует ли она в понимании марксистских лингвистов.

Это разграничение имеет принципиальное значение в науке о языке, каким бы различным образом оно не определялось. Язык как система знаков построен по модели знака с его четырьмя функциональными уровнями (см. выше Гл. 1): **(1)** звук, буква; **(2)** их идеальные образы – фонема, графема; **(3)** понятие как абстрактная форма мысли; **(4)** реальный предмет как чувственная форма мысли.

Язык – это все четыре знаковые уровни. Речь – это те же четыре знаковые уровни. Различие между языком и речью состоит только в том, что в языке нет материи знака **(1)**, она в нём присутствует виртуально, представлена как идеальный образ материи в виде фонем **(2)**. Поэтому взаимодействие между языком и речью состоит лишь в наличии в речи реальной материи знака **(1)**, и в её отсутствии в языке.

В этом случае проблема взаимоперехода между языком и речью сводится к постановке вопроса: на каком основании в лингвистике разграничивают язык и речь ? Язык – это склад психических, ассоциативных материальных знаков и их внешних объектов, откладываемый практикой речи в сознании людей. Речь – это реализация этого склада в общении. Отсюда возникает вопрос: как появилась речь, когда ещё не было этого склада ? Этот вопрос я отсылаю антропологам. Язык и речь – это разные формы существования одного и того же объекта.

5) Язык и речь не являются двумя системами со своими подсистемами.

Несмотря на то, что язык и речь – одно и то же, но лишь с существенной разницей, состоящей в том, что речь внешне манифестирована материей знаков, тогда как в языке эта же ситстема представлена идеально. И язык, и речь – иерархические знаковые познавательно-коммуникативные системы, но каждое из них имеет свою систему и подсистемы. Если язык – внутримозговая идеальная конечная система, состоящая из нескольких десятков фонем (графем) с их упорядоченными совместными связями, то речь – бесконечная познавательно-коммуникативная реализация этой абстрактной языковой системы, которая при своей реализации становится непрерывной системой. В этой двухуровневой системе, образованной языком и речью, эти два уровня взаимодействуют диалектическим образом, и оба и дискретны, и непрерывны. Диалектический закон, согласно которому единицы языка переходят в единицы речи а единицы речи переходят в единицы языка, т.е. совершается мыслительно-знаковый процесс, Жинкин назвал «универсальным предметным кодом» (УПК). Он универсален, потому что он свойственен всему человечеству, это является свойством человеческого мозга, общим для всех человеческих языков. Этот код управляет речью говорящего (пишущего). «Предметный код» – это взаимодействие языка и речи, интеллекта и материальных знаков, здесь совершается перевод мысли в речь человека. Это, далее, значит, что люди, имея общие законы мышления и механизмы его перевода в речь, обладают лишь разными языковыми системами, разными правилами перевода мысли в речь.

6) Язык и речь не могут рассматриваться как модель и оригинал.

Некоторые лингвисты рассматривают язык и речь как модель и оригинал. Если главным (речь), считать оригинал, что всегда истинно, то модель (язык), естественно, нечто подчинённое, бледное, наглядное. Следовательно, речь порождает язык, но не наоборот. Тогда – откуда берутся средства речи, чтобы порождать язык ? Но не «средства речи» порождают язык, эти функции выполняет наше мышление. Без него ни в языке, ни в речи ничего не происходит. Действительно, в речи куётся язык, но это только кажется, на самом же деле все инновации изобретаются мышлением, а в речи они лишь материализуются в материальных внемозговых заках и проходят испытания временем. То, что не выдерживает этого испытания, умирает в колыбели. Всякие инновации сперва проходят горнило речи, а затем, став

общим, социальным фактором языка, становятся фактом модели. Но без самой «модели», т.е. без участия языковой системы в мозгу никакая речь не появится.

Э. Бенвенист ссылается на латинскую сентенцию: „Nihil est in lingua quod non prius fuerit in oratione“ (Ничего нет в языке, чего бы не было прежде в речи). Напротив, нет ничего в речи, чего бы не было прежде в языке. Все новообразования, морфологические и синтаксические формы и т.д. сразу же встраиваются в строгую систему. Всякое нововведение всегда сталкивается со старым, ибо оно построено на старом. Ничего принципиально нового в новообразованиях нет, если не считать заимствований из чужих языков, где, кстати, все их новообразования тоже построены на старом или на заимствованном откуда-либо багаже. Никто не может изобрести новое слово, которых бы не было в любой другой знаковой системе. Но неологизмы родились не в речи. Они подчинены строгим законам языка, а он мышлению, т.е. язык, как мы установили выше (см. Гл. 1 «Теория знака»), и есть само мышление. Разве в ниже перечисленных словах нет заимствованных эмбрионов из старой кладовой того же языка: *нахватанность, отдарочек, горлодрателu, свистопад, вузник, зряплата* ?

7) Язык предоставляет речи свободу, но только в социальных границах.

Языковые знаки предоставляют говорящему (пишущему) свободу творчества, они позволяют отклоняться от языковых норм и законов, но только в определённых социальных границах – не должно быть нарушено взаимопонимание. Речь как функционирование языковых знаков отличается от самого хранилища этих знаков в сознании тем, что в речи выявляется творчество людей, осуществляется творческий процесс. Процесс речи, как индивидуальное творчество, основан на общественной системе знаков, поэтому творчество речи ограничено, она не может выходить за пределы понимания информации. Языковые знаки социальны, это и ограничивает взаимопонимание людей. Определение речи как явления лишь индивидуального лишено внутренней логики, лишено смысла, она социальна, точно так же, как и язык, иначе взаимопонимание не может состояться. Индивидуальное в речи – лишь способ или манера выбора и сочетания знаков говорящим или пишущим.

Языковая система – это совокупность психических ассоциаций, навыков общения у всех членов коллектива, но есть и индивидуальные отличия каждого члена коллектива, совокупность индивидуальных черт. Но так как без социальной основы общение невозможно, то все индивидуальные характеристики речи встраиваются в социальные рамки – суть тоже социальные, т.е. языковые категории. В языке нет различий социального (языкового) и индивидуального (речевого), ибо проблема «взаимоотношения языка и речи» подменялась бы проблемой «социальное и индивидуальное в языке».

А как быть с соотношением языка и речи у живущих бесписьменных или давно умерших народов ? У бесписьменных народов виртуальный язык заложен только в мозгу. У живущих ныне бесписьменных народов средства общения существуют только в устной форме речи. У них есть лишь материальная звуковая речь как реализация внутримозговой языковой знаковой системы. Язык у них существует в виде виртуальной знаковой системы и он может быть абсорбирован из зафиксированных на плёнке и на бумаге записей лингвистов. Такой внутримозговой язык локализован в мозгу всех бесписьменных народов.

8) Каково взаимоотношение «внутренней речи» и «внешней речи» ?

Во внутренней речи человек слышит себя, он может слушать своё молчание. Но это молчание только внешнее, оно не даёт о себе знать в звуках, но оно проявляется на письме. Мысль – это речь, обращённая к себе. Той реальной материей, в которой можно уловить все особенности внутренней речи, является внешний текст. Внутренняя речь, как своеобразная внутренняя, эгоцентрическая коммуникация, может быть дана и открытым текстом: разговаривающий с собой индивид ощущает ослабленную, скрытую артикуляцию речевых органов, которую он сам же производит. Внутренняя речь наблюдается чаще всего в случаях, когда нам приходится решать какую-либо сложную задачу: это беззвучное рассуждение помогает нам отчётливее представить себе ход решения задачи. Внутренняя речь представляет собой мыслительную операцию, которую можно считать интерпретацией одного из типов мышления.

Внутренняя речь, как молчаливое, в глубинах сознания отражение своего внутреннего состояния, социальных связей и отношений в обществе, есть в логическом плане процесс превращения образов мира, их моделей в формы логического мышления, в логические мысли, как зародыш новой, ещё нерасчленённой, внешне выраженной логической мысли. Образы внутренней речи преобразуются вовне в новый логический смысл. В реальной действительности мышление человека представляет совокупность различных типов мышления, постоянно сменяющих друг друга и взаимно переплетающихся. Мышление без слов также возможно, как и на базе слов. Невербальное мышление – это только один из типов мышления (подробнее см. выше, Гл. 3).

Каков механизм формирования «внешней речи» через «внутреннюю речь» ? В процессе мышления идеальные образы слов используются во внутренней речи. Но и здесь материальный элемент присутствует в виде редуцированных движений органов речи. Завершение и окончательное оформление мысль приобретает лишь при её сообщении (устно или письменно).

Внешняя речь первоначально формируется во внутренней речи и находит своё окончательное оформление во внешней речи. Это вытекает из того, что в процессе обучения ассоциативные языковые знаки приобретают определённые значения, и по этим значениям происходит внутримозговой отбор соответствующих знаков, они должны соответствовать заранее выбранному замыслу и значениям выбранных слов. Но не обязательно, чтобы построенное суждение отвечало логической истине, главное – понимать смысл, который может содержать в себе и истину, и ложь.

Механизм внутреннего проговаривания, тихого, бессловесного, т.е. наша внутренняя речь протекают независимо от коммуникативных процессов и составляют собственно мыслительную деятельность индивида. Это не язык, и не речь, это голая мысль, незнаковое мышление. Мыслительные процессы не нуждаются в коммуникации, но эта последняя невозможна без первых. Но так как в коммуникации употребляются нестандартные, ситуационно неповторимые языковые знаки и их синтаксические связи, которые не находятся в числе заранее заготовленных знаков, то эти нестандартные языковые операции можно было бы назвать «внутренней речью». Но сам термин «внутренняя речь» внутренне не противоречив, в нём не лежат противоречащие друг другу мыслительное и коммуникативное, ведь речь как коммуникация, не может лежать вне сферы познавательного процесса. Внешне не выраженные материальные, знаковые процессы некоторые лингвисты справедливо называют «языковым мышлением», т.е. это то, что в этой книге называется «семантическим мышлением».

9) К чему относится текст – к языку или к речи ?

Иногда задаются вопросом: к чему относится текст – к языку или к речи ? Что конкретно относится к языку, а что – к речи ? Эти вопросы справедливы, потому что теоретическое языкознание нам до сих пор не дало ответа – что же есть Язык, и что есть Речь. С точки зрения развиваемой здесь теории язык – это некая идеальная система материальных языковых знаков и ассоциированные с ними идеальные образы реальных предметов, находящихся в мозгу, т.е. это то же, что и четырёхфазовая или четырёхуровневая модель языкового знака (См. выше Глава 1). В этой идеальной знаковой системе, локализованной в сознании, и содержится исходная, нулевая линия отсчёта для формирования динамики речи, как устной (речь), так и письменной (текст). Именно эта исходная идеальная знаковая система в мозгу индивида и определяет её универсальность и в качестве инструмента мышления (познания), и в качестве инструмента коммуникации. Таким образом, условно можно сказать, что явление, называемое нами языком, локализовано в трёх точках: как язык в мозгу или язык мозга, как язык в речи или речь, и как язык в тексте или текст. Два последних места локализации языка – в речи и в тексте – тот же язык в мозгу, но материализованный вовне мозга.

§ 3. Взаимоотношение языка и речи.

1) В речи нет ничего, чего бы не было в языке.

Ф. Соссюр резко разграничивал язык и речь. Он писал, что речевая деятельность распадается на две части: основная часть имеет своим предметом язык, т.е. нечто социальное и не зависящее от индивида. Это наука чисто психическая. Другая, второстепенная, имеет своим предметом индивидуальную сторону речевой деятельности, т.е. речь, говорение – она психофизична. Конкретное говорение индивидов и есть речь. Разделяя язык и речь, мы отделяем социальное от индивидуального, существенное от побочного и более или менее случайного. [Соссюр 1933 : 77 - 104].

Напротив, язык и речь – одна и та же сущность, которая может быть разграничена лишь по месту своей локализации. Язык и речь – явления материальные, психологические, логические, социальные и индивидуальные, в языке и речи господствует только мышление в двух его фазах или ступенях – как чувственное и как абстрактное. Речь есть реализация языка в процессе общения, это поток звуков, продукт деятельности органов речи. Речь, как и язык – система, иначе она не могда бы служить средством общения. Она не есть сверхязыковой остаток речевой деятельности. Неверно считать язык формой, в противоположность речи, которая считается субстанцией.

Некоторые лингвисты полагают, что речь обеспечивает язык своими ресурсами, что речь командует языком, при этом ссылаются на то, что в речи рождаются формы и единицы, которых ещё нет в языке, что речь есть источник всего субъективного, что проникает в объективную систему языка. Всё творчество идёт через речь. Речь – это канал, по которому человеческая практика входит в язык. Считается, что язык развивается и обогащается под влиянием речи. Многие инновации появляются первоначально в речи отдельных говорящих, и эти новые образования затем могут быть приняты или отвергнуты языком, если они не соответствуют потребностям коллектива. Если в речи нет ничего коллективного, как

считает Соссюр, то каким образом может стать социальным язык, и как люди понимают друг друга ?

Язык вплетён в речь, присутствует в каждом речевом акте. Если язык – система, то не может быть несистемной и речь, иначе люди не могли бы общаться. Речь невозможно было бы понять, если бы она была чуждой языковой системе, если бы в речи не было ничего такого, чего бы не было прежде в языке. В речи язык материализуется, там содержится смысл и референция. Но для того, чтобы речь могла осуществлять коммуникацию, эти полномочия она должна получить у языка, так как речь – не что иное, как актуализация языка. Основания этого свойства – в языке.

Когда считают, что речь первична по отношению к языку, то представители этой точки зрения ссылаются на опыт ребёнка, который, якобы, прежде научается речи и приходит к языку. Однако ребёнок не «научается», а подражает взрослым и постепенно сам усваивает ассоциативную связь слышимого звука с видимой им вещью. Если это и есть «научается», то лишь на начальном этапе, далее ребёнок собственными усилиями реконструирует язык, который лежит в основе услышанной речи. Соссюр пишет, что исторический факт речи всегда предшествует языку, потому что 1) ассоциация понятия со словесным образом рождается в речи. 2) Только слушая других, мы научаемся языку, который из речи откладывается в мозгу. 3) Явления речи обусловливают эволюцию языка. [Соссюр 1933 : 42]. Как пишет Э. Бенвенист, ссылаясь на латинскую сентенцию: « Nihil est in lingua quod non prius fuerit in oratione » (*Нет ничего в языке, чего не было бы прежде в речи*).

В этой теории всё поставлено с ног на голову. Зададим вопрос: разве сами звуки и буквы, т.е. звучащая или письменная речь, текст могут мыслить, чтобы самим решать, что вводить в речь нового, а что отбросить ? Речь – это вовне сознания реализованнное абстрактное, т.е. логическое мышление человека, которое распоряжается своими материальными знаками, по своему усмотрению, хочу сказать так, а хочу – вот так. Речь – это реализованный участок языкового сознания как статического мышления, которое изобретает нужные для своей потребности знаки, живущие вечно, но умирающие не в мозгу, а только в речи. Они просто не употребляются за ненадобностью, если уже исчезли реальные предметы, которые обозначались этими знаками. Моя речь есть вынесенный за пределы моего сознания, вооружённого системой идеальных знаков, идеальный кусочек ассоциированного участка сознания, отражающий реальную действительность, часть из которой и была в данный момент выведена вовне мозга. Человек, свободно владеющий языком, обязательно делает разного рода как бы «отступления от норм языка», от принятых стандартов. А на самом деле этот человек творчески применяет мощь своего мышления, может быть, фантазирует, ищет новые ассоциации, думает нестандартно – и всё это он одевает в звучащие или письменные языковые знаки в виде речи или текста. Некоторые из этих отступлений делаются элементами языковой системы, если они переходят в разряд социально значимых.

Язык и речь не переходят друг в друга, язык и речь не тождественны: в языке нет материи звуков и букв, а речь, напротив, только этим и характеризуется, но то идеальное, что остаётся в речи от языка, есть идеальный продукт того же мозга. Идеальная форма мысли у них – одна и та же, т.е. идеальное от знака и идеальное от реальной вещи, хотя то, и другое находится только в сознании, а не в звучащей и написанной речи. И в то же время нечто, а именно идеальное, по закону диалектики, присутствует и в том, и в другом. Каждый член этой

оппозиции, даря себя другому, растворяется в нём и утрачивает признаки своего специфического бытия, оставаясь «другим самого себя».

2) Взаимодействие языка и речи – двухстороннее, взаимозависимое.

Управление речью, т.е. переход языка в речь опирается на бинарное устройство диалогической системы. Это значит, что то, что отождествляется и дифференцируется говорящим, то для слушающего происходит в обратном порядке: прежде дифференцируется, затем отождествляется. Разумеется, всё происходит автоматически и почти бессознательно. Язык и речь комплементарны, т.е. речи нет без языка, как и языка нет без речи. Но в язык можно проникнуть только через речь. Язык выявляется лишь через речь, он поставляет речи лексический материал, грамматические формы, синтаксические конструкции, точнее – это всё делает мышление через свои идеальные формы мысли, и воплощает их в звучащие знаки, речь. В речи нет ничего, чего бы не было одновременно в системе идеальных, логических форм мысли, которыми руководит нейронная система мозга. Язык вне речи не существует (кроме авербального мышления), их взаимосвязь настолько неизбежна, что одно обязательно предполагает другое. В этой взаимозависимости языка и речи заключается самое главное отличие естественного языка и от «языка» животных, и от других общественных установлений.

Язык и речь – взаимозависимы, дополнительны друг к другу, это значит, что речь не может существовать без языка. Но и язык можно постичь только через речь. Понятия языка и речи не являются взаимоисключающими, это лишь разные терминологические определения двух разных сфер состояния одной и той же знаковой системы. Язык – это как бы общий способ существования мысли, хранящейся в мозгу, его внешне не выраженная материальная знаковая база, а речь – частное проявление той же знаковой системы, одна из многих форм реализации языковой системы, т.е. общего логического багажа языкового сознания. Любой отрывок речи индивида есть реализация его логического мышления, оно не есть нечто самостоятельное, существующее независимо от общей языковой системы.

Переход языка и речи друг в друга некоторыми лингвистами отрицается на том основании, что это – единый, неделимый объект, что этот переход считается разрывом одного объекта на две части, ведь знак и значение не могут переходить друг в друга. В философском смысле, по мнению этих лингвистов, это махистская концепция познания, а в языковом – разделение одного объекта на разные вещи – язык и речь. Язык – это система нематериальных знаков, психическое явление, оно помещается в сферу сознания и отождествляется с ним. Следовательно, оба феномена – язык и значение – психической природы, а речь – материальна. Таким образом, языкознание, в котором нашли два даздельных феномена, – язык и речь, а не один – язык, лишается своего материального объекта. Но в науке должен иметься свой объект исследования, если его нет, то нет и науки. [Волков 1966].

Так как язык, как система материальных речевых знаков, т.е. существующих, якобы, только в речи, отражён также в сознании и хранится там только в виде идеальных, логических образов этой материальной системы, то не может быть никакого языка без внешних, наружных материальных знаков. Они в мозгу не материальны, чуждой материи нет в мозгу, там они представлены в идеальных образах, а во внешнем мире они материальны. Если язык – это только идеальное, т.е. логическое значение, языковое сознание, то в идеальном сознании нет того, что могло бы быть внутри самого сознания материальной основой. А она есть, и это –

материя нейронных клеток внутри мозга, и материя знаков, звучащая и написанная речь вне мозга.

Иногда языковеды представляют ещё одну формулу определения сущности и языка, и речи. Язык и речь соотносятся между собой так, как если бы мы вливали в один и тот же стакан из двух разных сосудов воду, подкрашенную, скажем, в синий и красный цвета: мы бы видели, как смешиваются здесь язык и речь. Мы получили бы воду и не синюю, и не красную, а нечто среднее. Так и язык, смешиваясь, переходит в речь, образуя нечто среднее между формами языка и формами речи. Так и речь, смешиваясь с языком, переходит в язык, образуя нечто среднее между речью и языком . Эта фантазия, конечно, интересна, но она в корне противоречит истинной природе и языка, и речи. Язык – это система внемозговых матеальнных знаков, которая заложена с сознании в виде идеальной системы этих материальных знаков.

3) И язык, и речь – это одни и те же языковые знаки для познавательной и коммуникативной функций. Они одновременно и социальны, и индивидуальны.

Язык – это та совокупность слов и грамматических средств, которые суть общие для всего коллектива и используются как инструмент осуществления абстрактной мысли в познании и в общении. Все языковые средства хранятся в сфере бессознательного в виде сложнейшего психического образования. Все психические процессы протекают не вполне осознанно и всё, побывавшее в сознании, остаётся как потенция в сфере бессознательного. Язык, до его реализации в речевых актах существует в памяти латентно, как потенция.

Речь обычно связывают только с коммуникацией. Если мыслительные операции направлены на познание объекта, то речевые операции направлены на формирование и передачу мысли. Речь – это индивидуальный акт общения. Но общение не может быть отгорожено от познания, ибо само познание может протекать также в форме общения, которе само становится фактом познаия. Да и сами эти понятия – познание и коммуникация – условны и не обладают статусом научного термина. Это лишь способ использования языковой знаковой системы, который характеризут лишь преобладание того или иного способа в данный момент.

Но в то же время между познанием и коммуникацией, как различными способами использования языковой знаковой системы, существует некоторое различие, диктуемое условиями среды для индивида, живущего в обществе. Поэтому языковые знаки для него и социальны, и индивидуальны. Так как коммуникация между людьми осуществляется во взаимном, попарном перекрестном общении каждого с каждым, то тем самым снимается противоречие между индивидуальностью каждого высказанного экземпляра отрезка языка и его социальностью, т.е. общностью, единством для всех носителей данного языка. Это значит, что нельзя проникнуть в сущность языка, если рассматривать его в отрыве от людей как психических и одновременно общественных индивидуумов. Это значит, что каждому экземпляру знакового отрезка как психическому объекту присущи индивидуальные характеристики. Но в процессе функционирования, несмотря на уникальность каждого данного отрезка, он социологизируется, т.е. унифицируется таким образом, чтобы степень подобия всех экземпляров языка была максимальной, а индивидуальные различия между ними не превышали бы уровня, который бы затруднял взаимное общение между собеседниками.

4) Язык и речь – не объекты разных наук, имеющит свои структурные единицы: знаки языка и знаки речи.

Литература по вопросу о резком размежевании между языком и речью многочисленна. Ниже обсуждаются лишь наиболее типичные.

а) Нелепо объединять под одним названием язык и речь, пишет Звегинцев. Совокупность речевой деятельности непознаваема, так как она неоднородна. Это разные науки, идти одной дорогой языку и речи невозможно. Далее Звегинцев пишет: « ... Правильнее говорить о языке и речи как двух явлениях, а не двух аспектах или двух сторонах единого явления. ...Язык и речь обладают прямо противоположными, резко контрастными характеристиками, на основе которых строится своеобразное антагонистическое их равновесие, одинаковое для этих общих явлений». [Звегинцев 1968 : 102 - 103].

б) По мнению Соссюра, язык – не материальное явление, оба компонента языка (смысл и звук) психичны. Это, считает, Васильев, – идеализм. [Васильев 1988 : 22]. Если язык, утверждает он далее, есть система нематериальных знаков (оба компонента психичны), связанных ассоциативной связью, то коммуникация, обмен информацией невозможны, так как знаки не могут быть восприняты другими людьми. Если же язык материален, т.е. знаки языка – физические сущности, то коммуникация опять-таки невозможна, потому что сознание их не может узнать, отождествить с теми знаками, которые уже встречались ранее. Материя знаков (звуки, чернильные пятна) не может быть введена и выведена из сознания.

Таким образом, коммуникация невозможна при любом статусе языка. В этом суть парадокса. Это следствие недостаточно последовательного размежевания языка и речи: Васильев признаёт знаки языка и знаки речи как различные знаки. В речи знаки материальны и имеют смысл, эти знаки никогда не бывают тождественными между собой. Тождественными или различными они становятся благодаря знакам языка, эталонам речи. Без знаков языка невозможны знаки речи, и наоборот. Знак языка – эталон, а те же знаки в речи – его реализации. Следовательно, язык и его знаки существуют в двух ипостасях: в виде абстрактно-идеального эталона, локализованного в сознании субъекта, и в виде телесной реализации этого эталона, который служит посредником между адресантом и адресатом. В тексте объективируется не только мысль, но и язык. [Там же : 27 – 28, 22].

в) Каждая из наук имеет свои основные единицы: в мышлении – мысль, в логике – суждение, в языке – слово, в речи – предложение, которые ни в коем случае нельзя относить к единицам языка. Предложение как факт речи произвольно, но оно отражает языковые и логические категории, и через них оформляет единицы мышления. [Хабургаев 1967 : 296 - 298].

г) Психологи тоже различают две принципиально различные области: творчество в речи и творчество в языке. Речевое творчество приводит к созданию нового речевого продукта, т.е. нового текста, устного или письменного, любого объёма, в любой его форме (проза, поэзия, монологи, диалоги и т.п.). В отличие от речевого, с языковым творчеством связаны процессы, которые ведут к преобразованию в самой языковой системе. Различение языка и речи существенно потому, что названные виды речи различны по своему характеру, и по соотношению с разными отделами речевого и языкового механизма. [Ушакова 2007 : 90].

д) Речь – это психология речи. « ...Психологический аспект имеется только в устной речи. Психологический подход к языку, как таковому, неприменим: это ...

психологизм, т.е. неправомерная психологизация языковедческих явлений» [Рубинштейн 1958 : 165].

е) С предложением мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другой мир, в речь. Язык и речь – это два различных мира, хотя они охватывают одну реальность, им соответствуют две разных лингвистики, хотя их пути пересекаются. С одной стороны – язык как иерархические классы единиц, комбинирующихся в структуры и системы. С другой стороны – проявления языка в живом общении. «Предложение принадлежит речи, ...есть единица речи». [Бенвенист 1974 : 139 - 140].

ж) Установление идентификации фонем в слове не нуждается в специальной аппаратуре для определения фонемного состава того или иного слова и языка в целом. Это фундаментальное требование исходит из того, что распознавание фонем – это операция семантическая. А современная техника, какова бы она ни была, не может обнаружить то или иное значение, или семантические преобразования. А материальной основой фонемы является речевой звук. В речи – только звуки, а не фонемы, в языке – только фонемы, а не звуки. Если человек различает звуки и, следовательно, значение слова, то он слышит фонемы. Они исследуются не инструментально, а лишь по значению слов, по их семантике, а звуки исследуются инструментально. В этом кардинальное различие языка от речи. [Жинкин 1982 :45].

з) Структура взаимодействий и взаимосвязей между органами артикуляции, изменяясь во времени, есть закодированный текст, который является речью. Схема, структура взаимосвязей между органами артикуляции и элементами структуры определённого участка мозга есть код. Этот код между сознанием и органами артикуляции, задающие конкретный вариант соответствий структуры сознания структуре речи, является языком. Существует иерархическая взаимосвязь и взаимозависимость мышления, сознания, языка, речи, различающихся лишь по своим функциям и они воплощены в структурах разных материальных носителей. Речь – закодированный текст, отражающий структуру выбираемого участка сознания и, следовательно, речь – это последовательность знаков между говорящим и слушающим. Язык – кодирующая и декодирующая структура между артикуляционно-слуховыми органами и сознанием. [Мельников 1967 : 234 - 235].

и) Существуя друг через друга, язык и речь обладают известной самостоятельностью, относительной автономностью. Язык проявляется на двух уровнях: 1) в виде стабильной системы знаков, идеально – в голове (это язык) и материально – в речи (это речь), 2) в речи, в коммуникации, в форме практического говорения. Их различия: у них известная самостоятельность, автономность, заключающаяся в их системном построении, различная функция, различная связь с общественной средой. Внутри речи есть предложения, высказывания, текст. Предложение характеризуется предикативностью, актуализированностью, включением предложения в определённый контекст. Речь противопоставлена языку как системе знаков. Речь не является простой манифестацией языка, но она имеет собственную структуру и функциональную специфику. [Мыркин, ФН, 1971, № 4 : 54].

к) Некоторые лингвисты полагают, что язык – это абстрактное, а речь – конкретное. Но это не значит, что язык – это мысленное построение. Язык – это реальный абстрактный объект. Его реальность – в речи, а в мозгу – абстракция от него. Слову соответствует класс предметов, а также каждый отдельный предмет из этого класса. Это понятие. В речи слово соотносится с предметом более точно, определённо, нежели в механизме языка. В речи реализуется одна из

возможностей, неопределённость снимается, потому что речь выражает индивидуальную работу сознания.

5) Язык, речь, речевая деятельность – разные понятия.

Андреев и Зиндер пишут, что устная речь выступает в форме акустических колебаний, имеющих кратковременное существование. Есть речевые акты и созданные в этом процессе тексты или речь, только они и даны непосредственному нашему наблюдению. Но ни речевые акты, ни тексты не тождественны языку. Например, можно составить перечень слов, содержащихся в словаре Пушкина. Разложив каждую встречающуюся словоформу на морфемы, мы составим перечень морфем. Выделив все грамматические морфемы, мы составим перечень, инвентарь грамматических форм, морфем. Далее получим грамматические категории, парадигмы словоизменения, перечень частей речи, набор синтаксических конструкций, перечень фонем и т.д. Ясно, что эта совокупность перечисленных единиц не есть сама речь. Но это ещё и не язык, язык не просто сумма перечней языковых единиц. 1) Ибо в каждом из этих перечней существуют связи между их элементами, определяющими их внутреннюю организацию, систему. 2) Самый состав элементов определяется в языке не только их свойствами, но и отношениями между ними.

Но вся эта система конституирующих элементов, необходимая для функционирования языка, для порождения текста недостаточна. Одной этой системой речь не порождается. Должен существовать 1) алгоритм синтеза текста, 2) и алгоритм анализа текста, т.е. раскрытия его структуры. Оба эти алгоритма вместе с перечисленной совокупностью всех единиц, систем единиц, данных в их противопоставлениях и их связях и образуют то, что следует называть языком.

Таким образом, язык есть абстракция, которая в отличие от речевого акта и речи не дана нам в непосредственном наблюдении. [Андреев, Зиндер, ВЯ, 1963, № 3].

6) Язык и речь не только не отражают мир по-разному, они вообще ничего не отражают.

Некоторые лингвисты пишут, что язык и речь отражают мир, но по-разному. Язык отражает мир неточно, контурно, приблизительно, вне взаимосвязей, со многими лакунами, порой даже искажённо. Критерий полноты отражения – это возможность реконструкции отражаемого объекта по данным отражающего объекта: а) на основе языка в лучшем случае можно восстановить лишь приблизительные, размытые контуры элементов мира, вне деталей и связей; б) а на основе речи мы реконструируем действительность достаточно полно, точно, взаимосвязано. Речь, напротив, обладает высокой разрешающей способностью, отражает мир полно, адекватно, детально, во взаимосвязях, это объект, отражающий мир. [Мыркин, ВЯ, 1986, № 3 : 60, 57] .

Увы, ни язык, ни речь не отражают мир, их функция – служить материальными знаками, ассоциативно указывающими на объекты мира, отражающиеся в мозгу через идеальные образы этих объектов. Поэтому не может стоять вопрос о «полноте или неполноте», о «точности или неточности» отражения мира в языке и в речи. Если бы речь обладала такой же «разрешающей способностью», как наш мозг, то отпала ба и нужда в мозге за его ненадобностью.

7) «Язык-память» – это язык в мозгу, «язык- функция» – это речь.

Чем отличается язык от речи ? Считают, что язык – молчаливое существо, а речь, текст имеют формы написанные или произнесённые. Информация, передаваемая устной речью и письменным текстом, одна и та же, но их материальные носители различны. Отсюда – некоторые различия между речью и текстом вызваны этими разными материальными носителями. Язык – это «язык-память», «язык-склад», а речь (текст) – «язык-функция», «язык-сообщение». Язык в мозгу – хранитель информации, он стабилен, вследствие этого он оторван от реальности. Язык-функция, т.е. речь, текст более активен, он сам навязывается слушателю (читателю) в процессе речи, более динамичен. Речь, текст, произнесённые и прочитанные, быстро затухают в памяти реципиента.

Так как язык – инструмент отражения мира, то, несмотря на условность знака, связь его с миром должны быть как-то сохранена. Для этого служат два уровня языка – язык-память (язык в мозгу) и язык-функция, речь, текст как материальный носитель единиц языка-памяти. Речь берёт на себя функцию активного воздействия на мир, в смысле материальной передачи информации об этом мире, перенося всё это в память, в «язык в мозгу», который принимает на себя функции хранителя информации. [Огрызько, ВЯ, 1992, № 2 : 141].

Увы, эта теория основана на понимании языка и речи как двух самостоятельных живых существ, которые добровольно делят между собою их функции. Что значит «язык оторван от реальности» ? Он никогда и не был привязан к реальности, он свободен, доброволен, условен, немотивирован. Как может речь «воздействовать» на мир, если она мертва, не имеет своего мозга, не мыслит ? Языком и речью управляет мышление, оно и решает, в зависимости от его зрелости, с помощью своих материальных знаков, «оторвалось» ли оно от реальности и как оно должно «воздействовать» на эту реальность.

6) Три закона взаимодействия мысли – языка – речи – памяти.

Оригинальные мысли мы находим в работах Нечипоренко:

1) Мышление – язык – речь – память взаимодействуют между собою как по вертикали, так и по горизонтали, т.е. как в словесно-понятийном объёме, так и в знаково-смысловой последовательности в процессе высказывания мысли. Мысль, язык и речь насыщены памятью.

2) Глубины памяти у человека весьма относительны. Тем не менее они, в чисто психическом плане, в основном построены бессознательно и взаимодействуют, совершенно незаметно для людей (в смысле наполнения образами, переживаниями и др.).

3) Мы в состоянии различать два лингвистических подхода (как бы две лингвистики) во взаимодействии мышления – языка – речи – памяти: «лингвистика мысли и языка» радикально отличается от «лингвистики мысли и речи». Обе лингвистики в некоей мере сопряжены, т.е. оказывают внутреннее воздействие одна на другую. Надо выявлять конкретные характеристики той и другой лингвистики и не сваливать их в кучу. [Нечипоренко 2001 : 17].

В этом тезисе могут разобраться только инопланетяне, продвинувшиеся дальше землян, за исключением автора тезисов. Трудно представить себе, как язык и речь могут взаимодействовать по вертикали и по горизонтали, ведь то и другое – материальные инструменты мозга, но представленные в мышлении идеально (язык), а вне мозга – материально (речь) и идеально в виде ассоциативной указки на соответствующие значения в мозгу, где они и пребывают. Но и языка, как идеального, нет без материи знака и материи внешнего предмета (уровни **1** и **4** в

знаке), и речи, как материального, нет без её идеальных образов в мозгу (уровни **2** и **3** в знаке). Сказанное затрудняет понимание дальнейшего: чем отличается «лингвистика языка» от «лингвистики речи», если у каждой из них есть свои «конкетные характеристики» ?

9) Взаимодействие языка и речи осуществляется через предикативность.

Так как предложение обладает предикативностью, пишет Бенвенист, и оно не входит в более высокую структуру как его строительный элемент, то оно – высшая языковая структура. Предложение отличается от его членов, которые суть знаки, но само предложение не является знаком. Члены предложения, фонемы, морфемы, слова могут быть пересчитаны, а предложений – бесконечное число. Предложение – образование неопределённое, неограниченно варьирующее. Это сама жизнь в действии. С предложением мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другой мир, в мир языка как средства общения, выражением которого является речь. Слова и предложения – это две разные лингвистики, пути которых всё время пересекаются. С одной стороны, существует язык как совокупность формальных знаков, распределённых по иерархическим классам, комбинирующихся в структуры и системы. С другой – проявления языка в живом общении. Предложение принадлежит речи, это единица речи. Предложение – единица сегмента речи, а не потому, что оно противопоставляется другим единицам того же уровня. [Бенвенист 1974 : 140

10) Язык как орудие мозга для порождения речи и как продукт этой речи.

Многие лингвисты считают, что язык – исходная, нулевая точка в коммуникации. Для того, чтобы язык «работал», необходимо, чтобы возникла речь как проводник информации. Язык не является конечным автоматом, так как он принимает и выдаёт бесконечное число различной сложности единиц. До перехода языка в речь ещё не определён материальный носитель исходного языка (русский, немецкий, английский или другие знаки). Если этот материальный носитель найден, то мозг человека одевает в эту материю соответствующие мысли и выдаёт их в виде речевых произведений. Однако эти теории не ведут к пониманию языка и речи как единого материально-идеального организма.

Язык есть сложившийся материально-идеальный продукт деятельности сознания. Следствием этого является речевой поток в устной деятельности и текст в графической форме. Но речевая деятельность как продукт языка не проходит бесследно и для самого языка как орудия. Одни факты, отражённые мышлением и закреплённые в речи, закрепляются в языковом сознании и ведут к его перестройке. Не только языковое сознание служит орудием порождения речи, но и само оказывается зависимым от речи.

Становление языка и речи и их взаимодействие шло по такому пути: мышление вырабатывает свои единицы, абстрактные формы, т.е. фонемы (графемы), морфонемы, понятия, суждения, умозаключения, на основе соотносительных с ними материальных знаков, которые живут вовне мозга в виде речевых актов. Множества материальных знаков откладываются в мозгу в виде устойчивых структур, что и представляет собой язык. Одновременно язык, функционируя в речи в виде структур различных единиц, закрепляется в речи, формируя речевые акты из общего склада, т.е. из своего языкового сознания. За всем этим стоит языковое

сознание как статическое мышление, которое в виде взаимодействия нейронов, выносит логические единицы в речевые акты как динамический процесс мышления.

Язык и речь есть на самом деле единый организм, а общепринятого названия нет. Язык и речь всегда назывались вместе и по отдельности языком. Язык есть некая статическая, постоянная, устойчивая система в виде психофизиологической системы в мозгу человека, которая есть продукт и одновременно предпосылка, основа существования социальных речевых контактов и которая есть кодирующее устройство. Иногда пишут, что «язык вообще есть только тогда, когда он употребляется». Но это лишь часть правды – язык не только в речи, но и существует в голове в виде статической идеальной системы. Условием существования языка есть его функционирование в качестве материальных средств построения речи. Условием существования речи является существование языкового сознания как психофизиологической системы в мозгу.

Поскольку акт речи есть индивидуальный акт, то по отношению к языковой системе речь есть процесс присвоения индивидуальных языковых средств и форм, но, разумеется, общих и для других людей. Речь есть приведение языка в действие посредством индивидуального акта его использования. Речь – дело говорящего, который использует знаки языка по своему усмотрению. Использование единиц языка говорящим определяет языковые черты высказывания.

11) Взаимоотношение «язык – речь» есть диалектическое единство противоположностей : единичного и общего, явления и сущности.

Марксисчтские лингвисты опираются на высказывние Ленина: «Отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведёт к общему. Общее существует лишь в отдельном. Всякое отдельное есть ... общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т.д., и т.д.». «В языке есть только общее» [Ленин т. 29 : 318, 249].

В соотношении языка и речи, например, Чесноков, нашёл диалектическое противоречие. Противоречия в языке, связанные с антиномией «язык – речь», есть якобы отражение объективных противоречий между двумя сторонами любого реального языка. Язык вообще есть единство противоположностей, представленное дихотомией язык – речь. Общее и индивидуальное представляют две сферы языковой деятельности. Поэтому ни собственно язык, ни речь нельзя связывать только с одной из этих сторон. В языке две различные стороны – язык и речь – в научных целях могут рассматриваться раздельно, однако эти разные стороны существуют только в неразрывной связи. Сущность речи – в функционировании средств языка, в реализации их отношений к фактам мышления, в вызывании с их помощью соответствующих фактов мысли, отграничения их от других и соединения их с другими фактами мышления. [Чесноков 1966 : 105 – 106, 208].

Слюсарева пишет, что язык, по Марксу, – это «движущиеся слои воздуха», т.е. звуки. Именно они являются тем звеном, которое служит своеобразным «переключателем» материального в идеальное. Язык существует в речи и познаётся через речь в бесчисленных актах речи, так и в силу абстрагирования от этих актов, т.е. именно в силу соотношения общего и отдельного. Язык существует в речи как общее существует в отдельном. Языковой знак употребляется в единичном акте речи, но он входит и в общее – в систему языка. Язык материален в речи и идеален в сознании говорящего. Язык нельзя отнести либо к категории идеальных, либо материальных явлений. [Слюсарева 1967 : 277].

Филин пишет, что язык всегда проявляется в речевой деятельности индивидуумов. Концепция Соссюра «язык – речь», с противопоставлением обоих членов, как отрешённых друг от друга противоположностей, – это порочный круг. На самом деле эти противоположности составляют диалектическое единство. [Филин 1982 : 124].

Звегинцев так характеризует язык и речь. Язык и речь – это один из видов диалектического единства противоположностей, т.е. однородности и неоднородности, изменчивости и неизменчивости, подвижности и неподвижности: язык – это общее, абстрактное, сущность, форма, психическое, потенция, конструкт и т.д.; речь – это частное, конкретное явление, субстанция, физическое, явление, наблюдаемость. [Звегинцев 1976 : 10].

В философском плане высказывание – полагают некоторые лингвисты и философы, – это явление по отношению к стоящей за ним и проявляющейся в нём сущности, т.е. в высказывании проявляется закон диалектики. Нам уже известно, что язык есть не что иное, как система материальных знаков. Но поскольку высказывание или речевое произведение – одно и то же, и если высказывание, как и речь, состоит из языковых знаков, каждый из которых имеет четырёхуровневую структуру, то ясно, что и высказывание, и речевое произведение обладают той же природой, что и язык. Но язык есть диалектическое взаимодействие противоположностей, которое выражается в природе знака, – материтального и идеального, между идеальным в мозгу и материальным в речи, в тексте, вне мозга. В этом и проявляется диалектическое взаимодействие между материальным и идеальным внутри языка, следовательно, и внутри речи, т.е. язык и речь сами по себе двухсторонни, а не односторонни, и это проявляется в резком разграничении языка и речи как идеального (первое) и как материального (второе).

Язык нельзя объективно наблюдать, а речевой аспект языка реален, материален, наблюдаемый. Их различие обнаруживается на диалектико-материалистическом уровне как двухстороннее нечто в н у т р и этих единиц как абстрактное и конкретное, общее и отдельное, сущность и явление. «Абсолютное и относительное не так чрезмерно разграничены, оба они связаны между собою так, что неограниченное состоит из бесконечных ограниченных и каждое ограниченное заключает в себе природу бесконечного». [Ленин т. 29 : 428].

Именно в таком неисчерпаемом богатстве семантических и грамматических признаков системы языка как языкового сознания содержится движущая сила, позволяющая построить из малого количества единиц бесконечное число речевых актов. Именно в этом и состоит принцип взаимодействия языка и речи, их условного, мысленного соотношения, в сущностной глубине которого лежат действительные факты – логические единицы языкового сознания. Язык и речь выступают по отношению друг к другу одновременно и как сущность, и как явление. Семантическая и логическая структура языка, как система идеальных образований мозга, есть всеобщий закон внутренней организации и функционирования этого идеального «языка мозга», т.е. того, что мы называем языком. Семантическую и логическую структуру языка надо рассматривать в виде некоторого первичного начала, подчиняющего себе конкретные проявления языка в форме речевых актов.

Процесс мышление основан на взаимодействии конкретного и абстрактного, материального и идеального, т.е. и язык в мозгу, и речь вне мозга имеют двойной модус своего существования: общее – это язык мозга как система идеальных знаков и моделей их сочетаемости, отдельное в нём – его внемозговые материальные знаки.

Отдельное в речи – материальные знаки, локализованные вне мозга, общее в ней – её идеальные образы, локазлизованные в сознании и понятные всем членам данной нации. Речь есть материальная (слышимая и видимая) форма манифестации языка мозга.

Взаимоотношение языка и речи – одно из основных диалектических противоречий в языке. Это и взаимно предполагающие, и взаимно отрицающие объекты. Существующий в виде бесконечных речевых актов язык содержит в себе всё бесконечное количество лексических, семантических, грамматических правил и единиц, т.е. различные типы конкретных речевых актов заданы языком и ничем иным. Следовательно, и язык, и речь нужны друг другу, чтобы могло осуществиться рождение главнейшего инструмента, позволюющего человекву и познавать мир и общаться с себе подобными. Поэтому этот инструмент, язык представляет собой неисчерпаемую для познания всёохватывающую систему и структуру, бесконечно более богатую, чем любая другая коммуникативная система.

Многие лингвисты считают, что язык всеобщ, а речь индивидуальна, это продукт индивида, она конкретна, уникальна по форме и по содержанию. В речи, якобы, выражается особенность, единичность мысли. Это утверждение в корне неверно. Если речь индивидуальна, особенна, неповторима, то как её понимают другие ? В речи уникальна только мысль в виде особых, неповторимых сочетаний понятий, суждений или умозаключений, т.е. какая-то точка зрения, всё остальное – фонемы, графемы, морфонемы, понятия, т.е. структурный логический остов языка является общезначимым, общ для всех, кто владеет данным языком. Материальные единицы речи «растворяются» в идеальных единицах языка, так как именно идеальное, общее, сущность, логическое является способом существования материальных единиц языка, т.е. материя языка существует лишь постольку, поскольку она языковая и ассоциативно связана с логичесими понятиями в сознании человека.

Внешняя речь есть язык, но язык ещё не есть речь как материально-идеальная знаковая система, материализованная вне мозга, в материальных знаках языка. Речь одного понятна другому только потому, что одни и те же языковые материальные знаки одинаковым образом ассоциативно отпечатаны в сознании всех людей данной нации. Язык в его идеальной форме в сознании, как языковое сознание, переходит в речь, которая остаётся той же частью языкового сознания, но материализованную вне мозга, т.е. в речи, в тексте. Эту материализованную в материи знаков часть языкового сознания все люди данной нации понимают одинаково, в силу общности идеальных образов от материи этих знаков, отпечатанных в мозгу каждого.

Колшанский пишет, что неправомерное расщепление коммуникации на язык и речь создало иллюзию существования двух объектов языкознания – особо языка и особо речи. На самом же деле различение языка и речи есть элементарная проблема диалектики – взаимодействия единичного и общего. Именно единство воплощения конкретных и абстрактных черт в высказывании не даёт оснований разрывать язык на две коммуникативные сферы – язык и речь. Надо освободиться от иллюзии двухобъектности языковой онтологии. Коммуникативная лингвистика нуждается в монизме анализа языка, что особенно важно для решения таких фундаментальных проблем как язык и мышление, теория текста и др. [Колшанский, ВЯ, 979, № 6 : 57 - 58].

Каждая из двух оппозиций языкового сознания – язык и речь – диалектически пронизывает свой противочлен, антипод, в этом и есть суть онтологии: мышление

обладает материальными знаками в их идеализированной форме, люди, владеющие этими знаками в мозгу, т.е. обладая тем же мышлением, способны выносить этот кусочек языкового сознания из мозга во внешнюю среду, в речь, идеальные образы единиц которой остаются в мозгу. Отсюда возникает двойной путь реализации своего языкового сознания, как использовать своё мышление: в уме, про себя, во внутренней речи (идеальная языковая система) или в говорении, общении, в звучащей речи (идеальная и материальная языковая система). Но эта материальная знаковая система должна быть известна всем. А как она может быть известной всем ? Через идеальные образы этих же материальных знаков, которые находятся не в материальной речи, а в мозгу. Стало быть, мы здесь имеем дело с диалектическим раздвоением одного и того же инструмента, т.е. языкового сознания, на две части – язык и речь, каждый из которых и материален, и идеален.

Единичный предмет, уникальный, чувственный момент отражения обобщению и идеализации не поддаётся. Он не входит в сферу понятийного мышления, т.е. в логические формы мысли. В логической структуре языка представлено лишь общее. Гегель пишет: «Когда мы схватываем чувственное многообразие, мы ещё не мыслим; только связывание его есть мышление». [Гегель 1927 : 96]. «Язык выражает, в сущности, лишь всеобщее (Гегель под языком понимает логические мысли, а не материю знаков – А.К.); но то, что думают (для Гегеля это конкретный чувственный предмет – А.К.), есть особенное, отдельное. Поэтому нельзя выразить на языке то, что думают». Ленин так парировал тезис Гегеля: «Почему нельзя назвать отдельного ? Один из предметов данного рода (столов) именно отличается от всех остальных тем-то». [Ленин т. 29 : 249]. Но Ленин не довёл свою мысль до конца: «один из предметов данного рода», отличающийся от остальных, можно выразить т о л ь к о через речь, имеющую в мозгу идеальный отпечаток той звуковой или графической материи, из которой сделана речь. Это и есть диалектика проявления общего в единичных фактах.

Взаимодействия диалектических категорий общего и отдельного осуществляются во взаимоотношении «языка и речи»: язык существует в мозгу как идеальные отпечатки материи знаков, но он существует через речь, подобно тому, как «общее существует лишь в отдельном и через отдельное» А речь существует в языке, поскольку она продуцируется языком, т.е. языковым сознанием и закодирована в нём в виде идеальных образов. Язык, закодированный в мозгу человека и, следовательно, в этой форме пребывает вне речи, вне речевых произведений. Но язык как средство коммуникации может существовать только в речи. Язык существует и в мозгу, вне речи, и в речи, и тем не менее, сущность языка не имеет особого от явления бытия: единый язык, или единое языковое сознание, имеет две точки локализации – в материи мозга и в материи знаков, но та, и другая представлены в сознании в идеальных формах.

То, что я называю «языковым сознанием», есть расчленение одного и того же объекта, который состоит и двух указанных частей – языка и речи. То, что я называю «языковым сознанием», есть расчленение данного языкового знака на четыре уровня – два из них материальны, и относятся к чувственной форме мысли (это уровни **1** и **4**) и два из них идеальны и относятся к абстрактной или логической форме мысли (это уровни **2** и **3**).

«Язык» – это системный склад языковых знаков в мозгу в их идеальной форме, т.е. склад связей их идеальных образов а также всех грамматических образов связей этих знаков в более высокие знаки. Речь выступает как материальная (звуковая, графическая) форма внемозговых языковых знаков вместе с

их идеальными образами, находящимися в мышлении. Мышление отбирает нужные идеальные знаки из своего собственного склада, руководит построением связей речевых произведений по тем семантическим и грамматическим правилам языка, которые оно приписало языку, и строит более крупные речевые произведения.

«Речь» – это н е т о л ь к о чувственная материя знаков в виде звуковой и графической материи **(1)**, но одновременно также и идеальные, логические знаки, т.е несут в себе ассоциативные идеальные отпечатки этих же знаков в сознании речепроизводителя. Но «язык в мозгу» отличается от «языка в речи» тем, что в первом нет материального, чувственного, оно остаётся в речи, а есть только идеальное, логическое от них, а во втором, напротив, есть только реальное, звучащее и написанное материальное, а идеальное от них находится не в них самих, а в мозгу.

Речь, текст как внешне выраженная физическая материя – это не шум ветра и не удары грома, не чернильные крючки, ибо только речевые, они же одновременно и языковые материальные знаки **(1)**, экстраполируют идеальные единицы «языка мозга», т.е. фонемы вовне мозга **(2)**, ассоциативно связанные в мозгу с идеальными образами реальных предметов **(3)**, образованные от материи предметов реального мира **(4)**. То, что называют «языком» и «речью», есть одно и то же, но с той принципиальной разницей, что «язык» локализован в материи нейронов внутри черепной коробки, причём только в абстрактной, и д е а л ь н о й форме от фонем и графем **(2)**, там нет ни звучащей, ни буквенной материи **(1)**. А «речь» локализована вне мозга, и притом только в м а т е р и а л ь н о й форме **(1)**. В ней нет абстрактных фонем **(2).** Реальные внешние предметы (языковые знаки и внешние объекты) находятся не в мозгу, они существует во внешнем мире до, вне и помимо человека.

Итак, природа «взаимоотношения языка и речи» есть то же самое, что и природа «взаимоотношения идеального и материального в знаке», но с той лишь разницей, что в языке все его четыре уровня идеальны **(1 –> 2 –> 3 –> 4)**, тогда как в речи знаки материальны **(1),** а в мозгу – идеальны **(2)**. Чтобы понять механизм «взаимоотношения языка и речи», надо познать «природу языкового знака» (см. выше в Главе 1). Эти две проблемы – природа знака и природа языка, – на первый взгляд кажущиеся различными, суть одна и та же проблема, и именно главнейшая проблема материалистической философии, диалектики, это основной вопрос философии взаимоотношения материального и идеального в языке, вопрос, который не позволяет ни лингвистам, ни философам дремать, начиная с Античной философии.

§ 4. Взаимоотношение языка и текста.

1) Первоначального плана построения предложения нет, есть только замысел.

Когда человек начинает говорить, в его голове часто нет тщательно выработанного плана предложения, хотя есть предполагаемый замысел высказывания. План уточняется в ходе говорения. При письме формулировки высказываемого более продуманы и больше соответствуют замыслу.

Любой текст – это совокупность знаков, любых, устных и письменных, языковых и математических, знаков химии и логики. Языковые знаки суть прежде всего физические объекты. Сперва мы принимаем текст на уровне чувственного

восприятия. Но этот чувственный образ не есть прямая копия действительности. Знаки, будучи явлениями материального мира, психологически вызывают эффект отражения мира, создавая иллюзию восприятия реальной действительности. А когда человек говорит и читает, он уже не видит и не слышит знаков, они растворились в их идеальных образах, он понимает и гененрирует только смысл.

Произношению фразы обычно предшествует намерение выразить мысль в неопределённых формах знаков, т.е. рождается некая «голая», незнаковая, или совместно со знаками мысль. В мозгу происходит перекодирование этой мысли в слова и формы их связей. Импульсы, возникающие в мозгу, передаются зрительному или речедвигательному аппарату, исполнителям воли мозга, в результате чего произносится (отражается на письме) высказывание, образованное по определённым семантическим и грамматическим правилам. Всё это обычно совершается автоматически в результате многолетней практики владения данным языком. Это результат многократного опыта и укоренившейся привычки. Перевод мысли в знак и мыслей во взаимосвязанные знаки совершается в процессе усвоения языка. Это происходит во внутренней речи, без которой внешний процесс речи не всегда может состояться.

В чём состоит процесс развёртывания знаков в текст ? Высказывание предполагает превращение индивидуальной системы знаков данного языка в сообщеие – устное или письменное. Главная трудность здесь – понять, как смысл облекается в слова: можно ли разграничить «смысл» и «слова», как передаются значения (понятия, суждения, умозаключения), содержащиеся в сознании как продукт работы мозга ? Какие существуют формальные особенности реализации высказывания ? До акта высказывания язык есть лишь потенциальная возможность использования знаков языка, которая реализуется в тексте. Говорящий присваивает себе формальный аппарат языка и выражает свою мысль, но этот формальный аппарат, т.е. знаковая система, у него уже в голове, как и в головах всех других членов сообщества, правда, в другой степени полноты. В этом акте одновременно привлекаются многие стороны связей знаков и мысли: личная мысль и языковые способы её оформления, степень участия логики, степень соотнесённости с действительностью, т.е. референция становится неотъемлемой частью высказывания.

Текст – это материализованное выражение духовной культуры, средство познания исторической и социальной реальности. Текст и его понимание неотделимы друг от друга. Понимание выступает в виде акта перевода линейной последовательности знаков текста в представление их смысла, а текст как реализация смысла. Система правил, регулирующая этот процессс, – это язык. За каждым текстом стоит общая система языка, и в то же время каждый текст – нечто индивидуальное, единственное, неповторимое. Всё повторимое и воспроизводимое в тексте от языка есть материал, средства. Замысел текста, целостный смысл реализуется во вторичной структуре, т.е. в языке (это, по Марксу, «вторая природа»).

Предложение – не структурная единица более высокой структуры. Оно есть единица языка в силу того, что оно есть сегмент речи, а не в силу того, что оно противопоставляется другим единицам того же уровня. Отличие предложения от других структурных единиц (морфем, слов) состоит в том, что предложение одновременно служит средством, формой выражения абстрактного и чувтвенного мышления. А морфемы, слова этой функцией не обладают. Именно эти две формы мысли необходимы в коммуникации и они безусловно сочетаются в тексте, без них

нет общения: если даже смысл понятен (абстрактная мысль), но не изветна референция, т.е. соотнесённость с чувственным предметом, то коммуникации нет.

2) Природа человека наложила ограничения на структуру языка.

Устная речь, как реализация нейронной знаковой системы, возникла на том эволюционном пути, который опирался на уже сложившийся голосовой и слуховой аппарат человека. В этом отношении человек ещё ничем не отличается от животного. Гортань и ухо млекопитающих, как свидетельствует биология, в процессе человеческой эволюции мало изменились. Изменился лишь мозг, коренным образом. Акустические сигналы трансформировались в чрезвычайно сложную систему фонологических знаков, при использовании практически одного и того же, мало изменившегося за тысячелетия, голосового и слухового аппарата. Устная речь могла появиться значительно позже, только потому, что имевшийся у млекопитающих указанный аппарат был пригоден для этого. Но природа этого слухового и голосового аппарата человека наложила ограничения на саму структуру языка, и два главных ограничения в этом – строго иерархическая и структурная организация языковой системы и её временная линейность оказались единственно логически необходимой возможностью для отправления и получения сообщения.

Временная последовательность есть логически единственная возможность «вынести» из мозга наружу некую мысль, которая почти всегда бывает нерасчленённой на её составные части. Для этого природа придумала, конечно, в силу физиологической необходимости, три ограничения и вместе с тем три великих способа передачи информации: а) путём расчленения этого глобального мыслительного содержания на отдельные части в виде их строгой структурной упорядоченности, через иерархию этих единиц – на первом, низшем уровне – фонем, их связей в виде морфем, их связей в виде слов, их связей в виде предложений, их связей в виде текста; б) путём линейной организации этих единиц, появляющихся во временной последовательности; в) путём дискретных, прерывных знаков, что создаёт возможность их комбинаций и создаёт огромное потенциальное пространство для развития и появления новых знаков.

Эти свойства знаковой системы (а, б, в) представляют собой единственный способ бесконечно сочетать фонемы, короткие физические звуки в виде их идеальных образов, живущих только в сознании и только в системе фонем. Тем самым физические сигналы, звуки и чернила, превращаются в то, что мы именуем «языком».

3) Текст имеет другие законы построения, по сравнению с предложением.

Существует две знаковые системы – одна конечная (предложения, потому что они не бесконечны, а регулируются памятью человека), другая бесконечная (текст), они образуют общую структуру. Но в тексте может содержаться и ещё нечто, чего нет в предложении. Это нечто продиктовано тем, что в тексте появляются новые законы – связей отдельных предложений в текст. Значит, появляются и новые знаковые, языковые формы, выступающие как связки между отдельными предложениями и сцепление их в одном тексте. Длина предложений, их лексическая и грамматическая структуры различны, имеется множество вариантов, всё внимание лингвистов брошено на исследование отдельных предложений, а не на их связи. В языкознании за грамматикой языка не замечали грамматики текста. Грамматика кончалась на предложении. В результате этого оставались необъяснёнными многие

существенные стороны динамики текста, его структурные особенности, и структуры предложений, входящих в целый текст.

Например, в правилах языка отмечены места ударений в словах, но места логических ударений в предложениях не отмечались. Но всё это зависит только от логики, и интонация, которая появляется только в тексте, часто берёт верх над структурой предложения. Интонация возникает в самом процессе коммуникации, т.е. в тексте, а не в предложении. Нельзя заранее предрешить, какая будет интонация в данном предложении, особенно в сложных конструкциях. Поэтому многие акустические записи изолированных предложений не всегда достоверны. Текст формируется не только словами, грамматикой, но и интонацией. Даже бессловесная интонация содержит смысл (ср. также музыкальные произведения).

В языковом сознании прежде рождается намерение, затем всё, что говорит индивид, воспроизводит в языке, это всё уже было закреплённое до него в общественном опыте. Говорящему принадлежит в данном случае только его намерение что-то сказать. Но речь не произвольна, она подчинена определённой системе правил, не зависящих от воли говорящего.

4) Различие между устным текстом и письменным текстом.

В письменной речи, по сравнению с устной, всё совершается по-другому, здесь на помощь приходят формально-логические построения. В письменной речи всё осознанно: её содержание, построение, авторский стиль, целенаправленность. Построение устного или письменного текста предполагает наличие определённого запаса информации у обоих партнёров. Это как бы исходная точка для взаимопонимания. Но устный и письменный тексты различны во многих отношениях. В устном общении можно широко применять эллипсы, опускать отдельные слова, обоюдно известные ситуации. Можно исправлять текст по мере его произношения. Но иногда устная речь требует дополнительной обработки (в докладе, лекции) в виде письменного текста. Это нужно для того, чтобы сформулировать структуру текста.

В каждом случае говорения создаётся типическая модель говорения, своя микросистема, которая становится штампом. Но каждый такой штамп должен содержать элементы более широкой языковой системности, и в то же время чем-либо отличаться от прочего. Но они не имеют какого-то разрушительного значения, так как слушающий (читающий) понимает их на основе более широкой, устоявшейся языковой системы.

5) Текст и логика.

Сущность предложения во всех языках мира заключается в развёртывании признаков предмета сообщения, представленного в сознании в идеальной, логической форме. Некоторые лингвисты полагают, что мы можем сегментировать предложение, но мы не можем его сделать структурным элементом какой-либо другой единицы более высокого уровня, чем само предложение (ср. теорию Бенвениста: Языкового уровня, расположенного выше предложения, не существует. [Бенвенист 1974 : 138 - 139]). Действительно, более высокого уровня, чем предложение, в языке не существует. Это объясняется той особенностью, какая присуща только предложению и отличает его от всех других единиц, т.е. предикативностью. Достаточно одного знака, чтобы выразить предикативность, поэтому не всегда обязательно наличие субъекта при предикате. Предикативный член достаточен сам по себе. «Синтаксис» предложения является для предложения

только грамматическим кодом, который обеспечивает правильное размещение его членов.

А как быть с текстом, ведь он тоже состоит из отдельных единиц, предложений, так же, как слово состоит из фонем, поэтому кажется, что предложение тоже должно быть структурной единицей текста. Но этого не происходит. Вся разгадка состоит в том, что текст не обладает свойством предикативности, в тексте не существует двух рядом положенных или дистанционно расположенных предложений, чтобы всегда одно из них было субъектом, а другое – его предикатом. Текст подчиняет себе предложение только семантически, логически, но не структурно.

В тексте отражены логика, мышление, сознание его создателя. Логику можно разглядеть в любом тексте и записать её без особых усилий. И только в таком плане речь, текст могут быть поняты как логические формы мысли, а не только как чисто языковая, т.е. семантическая форма мысли. Формой движения творческой мысли является логическое понятие, выход за пределы которого завершается суждением и умозаключением.

Сначала текст предстаёт как система предложений, представляющих соответствующие суждения, как последовательное движение мысли. В основе его понимания лежит субъектно-предикатная структура предложения. Мы сразу обнаруживаем субъект как исходную точку высказывания и сразу же находим то, что сказывается о субъекте, его определение, развёртывание. В процессе чтения текста часто субъект остаётся неизменным, движется только его определение, предикат. Весь текст выступает как развитие определений, сцеплением сотен и тысяч атрибутов, логических предикатов. Интуитивно, бессознательно в уме и в глубине высказываний предикат всё время перемещается и движется, и движется по тексту один и тот же субъект. В глубине логических суждений раскрывается бесконечная цепочка предикатов. Так происходит при первом восприятии текста. Мы его поняли, поняли смысл, о чём идёт речь. Но при втором чтении или при раздумывании над этим текстом он переосмысливается как одно понятие, исчезает его субъектно-предикатная структура. Это и есть логический закон перехода суждений в понятия.

Вне текста (устного и письменного) фиксированной логики рассуждения нет, внутренний творческий процесс, деятельность автора текста логически неуловима, она остаётся «чёрным ящиком», предметом догадок, спекуляций, фантазии. Логика вне текста не может быть предметом логического исследования, и даже вообще не может быть предметом, если не считать самого мозга и его процесса невербального мышления. Однако это, наверное, научная цель следующих столетий. Но роль текста могут выполнять сделанные человеком вещи (артефакты). Можно искать реальную логику в творческой жизни непосредственно в деле, минуя языковые знаки, – в машинах, статуях, зданиях, полотнах художников, музыке, материальной культуре. Надо только расшифровать эту культуру как деяние, процесс реализации мысли. Но тут надо знать не только об итоге, но и о замысле (в тексте тоже надо знать замысел), т.е. об идеальном предмете, который как цель определяет характер и направление деятельности [Маркс, Энгельс т. 23 : 189].

В понимании текста заложены два фокуса – как предмет реальный, и как предмет идеализированный. Это двойная деятельность, одновременное взаимное изменение реального и идеального предмета, переход чувственого в его абстрактный, идеальный, логический образ (фонема и понятие), и переход идеалной формы в её чувственное восприятие (языковой знак и реальный предметь). В тексте

воспроизводится эта двойственная природа материи, текст сам замыкает на себе процесс мышления как особую форму идеальной деятельности.

Логика обнаруживается именно в теоретическом, т.е. в логическом мышлении, направленном на познание вещей. А мышление эстетическое направлено на создание художественных произведений, на художественное отражение мира, которое почему-то не считается логическим, и даже – не мышлением. Однако хотя эксплицитное освоение мира и является тоже мышлением, однако его логическая суть выявляется в высшей форме мышления – в логических формах. Художественные произведения считаются обычно сложной смесью логического и нелогического, разумного и эмоционального. Поэтому надо разобраться, где проходит эта грань, а для этого надо обратиться к наиболее чистой форме мысли – к логической, очищенной от эмоциональных наслоений. Оказалось, то за любой эмоциональной формой выражения скрыта логическая форма, её только надо найти.

Понимать содержимое текста – значит понимать ум творца, теоретика. Но и теоретик творит текст не только логикой, логическими формами, но и поэтически, художественно. Семантические формы мысли, эмоциональные формы мысли – все они ведут к логике.

В тексте всегда есть два типа абстрактного мышления: 1) Надо видеть в тексте, с одной стороны, только содержание, с е м а н т и ч е с к и е формы мысли, знаковое мышление, которое для одной и той же мысли может быть выражено совершенно разными знаковыми структурами. 2) Другое мышление – л о г и ч е с к о е, рассудочное, обоснованное логически законами построения суждений и умозаключений. Или как пишет Гегель: « ... свободное от содержания и высокомерное по отношению к нему» [Гегель, т. IV, 1956 : 31 - 32]. Читатель текста должен увидеть форму содержания, т.е. содержание как форму семантического мышления, т.е. форму, представленную теми или иными знаковыми структурами. С другой стороны, читатель текста должен увидеть логическую форму этого содержания как более глубокую, основную, как глубинное содержание этой семантической формы мысли. Читатель должен понимать, что текст содержит два текста – отдельное, действительное (то, что слышит и видит) и всеобщее (то логическое, что скрыто за знаковой стороной). Для того, чтобы понять текст, прежде надо понять его внешнюю структуру и затем или одновременно с внешней структурой понять его философский, т.е. логический смысл.

Логические и семантические мысли растворились в тексте, мы видим лишь материю языковых знаков, т.е. семантические формы мышления. Вот это как раз то, что только и увидели в тексте, например, представители «лингвистики текста» и «языковой картины мира». Текст имеет внешнюю форму – семантическую. Но он имеет и внутреннюю форму – логическую. Но понять её можно лишь одним путём – через семантическую форму мысли, отражённую в структуре знаков, и через логические формы мысли, отражённые в нейронах мозга. Как пишет Гегель, творец воплотился в тексте и перестал быть творцом. Надо уметь читать (слушать) теоретические логические структуры в их реальном воплощении, в языковых знаках, в дискурсивно последовательной цепочке суждений и умозаключений. В тексте надо увидеть второй текст – текст понимания. Надо также уметь разглядеть в тексте его создателя, внутреннее движение мысли, или, как говорил Гегель, «взять на себя напряжение понятия» [Гегель, т. IV, год ?? : 31].

6) Грамматические формы, как и слова, также содержат в себе логические формы.

Наличие одних только слов в языке никогда не смогло бы обеспечить никакого общения, набор слов – это явная бессмыслица. В языковом сознании должны быть также средства, обеспечивающие связь этих слов. Но раз это тоже средства языкового сознания, следовательно, они тоже суть логические элементы, которые всегда представлены фонемами, графемами, морфонемами, суффиксами, префиксами, понятиями. Чтобы состоялась коммуникация, необходимо иметь в языковом сознании модели естественных, чувственных ситуаций, в которых объективируются отдельные свойства предметов и их отношения в логичесчких формах. В нашем сознании они, эти свойства, отделяются от их естественных носителей, от морфологических и синтаксических форм.

7) На чём основан механизм понимания текста ?

1. Пониманием текста управляет логическое мышление.

В тексте всегда взаимодействуют абстрактные и чувственные формы мышления. Текст – это материализованное выражение духовной культуры, средство познания исторической и социальной реальности. Текст и его понимание неотделимы друг от друга. Понимание выступает в виде акта перевода линейной последовательности знаков текста в представление их смысла, а текст как реализация смысла. Система правил, регулирующая этот процессс, – это язык. За каждым текстом стоит общая система языка, и в то же время каждый текст – нечто индивидуальное, единственное, неповторимое. Всё повторимое и воспроизводимое в тексте от языка есть материал, средства. Замысел текста, целостный смысл реализуется во вторичной структуре, т.е. в языке (это, по Марксу, «вторая природа»).

Семантическое значение в языке имеет свою общественно-практическую сущность. Но оно порождается не знаковой системой языка, речью или текстом, а сознанием. Само значение знаков вовсе не внутри знаков: это наши логические образы объектов. Само обозначение и общение осуществляется посредством материи знаков, но не через саму материю, она лишь строительный материал, а через её абстрактный образ, находящийся вне материи знаков – через посредство нашего сознания. Аналогично этому связь знаков друг с другом осуществляется тоже не непосредственно через материю знаков, а через идеальные образы этих знаков, наделённых грамматическими формами, превращающимися в логические формы, которыми регулируются связи и отношения этих абстрактных образов по законам данного языка. Всё это осуществляется через наше сознание как связь абстрактных, логических образов обозначаемых объектов. Речь и текст сами по себе, без интерпретатора – не система, а только физическая структура звуков и чернильных крючков. Языковое сознание – главное, но и оно только подсистема системы, именуемой человеческим обществом.

Но порядок тех же знаков в речи предопределён грамматическими правилами языка, которые есть не что иное как правила мышления, т.е. правила семантического мышления, в основе которого лежат логические формы мысли. Мозг, мышление управляет языковыми знаками, правилами их связей и правилами их выноса за пределы мозга, через речевые механизмы, в результате чего образуется речь, текст. Кроме вызывания известных обоим собеседникам логических понятий в мозгу, знаки позволяют передать также связь чувственных образов, а новая связь образов и есть новый образ, новая мысль, сообщение, независимое от ситуации. Связь знаков есть переход на следующую, более высокую ступень

развития знаков – знаков языкового сознания и их материального, вынесенного за пределы мозга жизнь – речь, текст. Связь знаков позволяет обозначать то, для чего нет знаков – суждений, умозаключений и более высоких форм мысли.

Некоторые лингвисты пишут: «Материальной базой языка как системы является коммуникативный процесс, он первичен по отношению к языку. Потребность в коммуникации рождает средства коммуникации, закрепляет и изменяет, и совершенствует их» [Якушин 1983 : 39]. Увы, материальной базой языкового сознания является не сама коммуникаци, а нейронные клетки и продукт их взаимодействия, а коммуникативный процесс – внемозговое материальное следствие их взаимодействия, в результате чего эти клетки рождают необходимые материальные знаки, по ассоциации связанные с формами мысли – понятиями.

Текст формируется по формальным семантическим и грамматическим моделям языка через логическое мышление. Текст как продукт языкового сознания, как система семантических и логических единиц, представляет собой результат длительного накопления и совершенствования лексических и грамматических единиц, необходимых для обозначения различных явлений действительности. Этот процесс усовершенствования форм мышления сопровождался, с одной стороны, стремлением говорящих к чёткому различению звуков, а с другой стороны, к наибольшему упрощению языковых форм, путём сведения их к немногим формальным моделям, облегчающих процесс речевого общения.

1. Слова, хранящиеся в долговременной памяти, узнаются мгновенно (за исключением ситуации «муки слова»).

Восприятие речи человеком – сложный процесс. Лёгкость, с которой человек узнаёт слова и понимает сказанное – лишь верхняя часть айсберга, последняя фаза сложного информационного процесса обработки знаковой системы. Опознание компонентов знаковой системы невозможно непосредственно, минуя работу долговременной памяти, в которой заложен опыт опознания и автоматизм подачи воспринимаемого материала. Чтобы выделить новое в информации, т.е. понять речь, надо иметь память на старое, на фоне узнавания которого понимается и новое.

Слова в речи, тексте являются слушателю, читателю как ранее встречавшиеся слова, поэтому они мгновенно узнаются, как и все материальные вещи, люди, животные, природа. Но, чтобы узнать слово, необходимо: 1) структурно организованная цепочка фонем, 2) ударение, 3) ассоциативное сигнальное значение слова, отпечатанное в сознании, т.е. такой признак, который сигнализирует другой признак. Нужно различать два вида сигнальных значений – грамматический и семантический (лексический), в глубине которых неизбежно лежит логическое понятие. В грамматическом значении главное – отношения знаков, в семантике – предметное, вещественное отношение. Последней ступенью создания текста являются «муки слова». Автор текста ищет подходящее слово для нужной мысли, понятия, суждения. Текст (даже если он состоит из одного слова), однажды созданный, из памяти, из индивидуального мозга, снова входит в круговорот индивидуальных языковых кодов. В результате этого высказывания одного человека становятся достоянием других людей, и служат им для формирования новых сознаний.

3. В тексте существует принцип экономии, системности, повторяемости. Каждое слово должно быть тождественно самому себе.

Связь слов в предложении – сложная, но она всё же прозрачная, повторяющаяся для разных типов слов. Здесь существует принцип экономии материи знаков. Это обеспечивает лёгкость узнавания слов в тексте. Если бы не было в компонентах слов и предложений системности и, следовательно, повторяемости, то для связей слов в речи потребовалось бы такое число фонемных сочетаний, которое не могло быть усвоено памятью. Система повторяющихся морфем облегчает узнавание слов в речи.

Знак должен сохранять своё тождество всякий раз, когда он употребляется, в любом контексте, и этот знак должен отчётливо отличаться от любого другого, которому он противопоставляется. Идентификация знака в речи обеспечивается сохранением его в памяти и узнаванием при воспроизведении по обратной связи.

4. Текст как двухуровневая система – семантическая и грамматическая

На уровне языка в мозгу все его единицы, слова, морфемы находятся на нулевом уровне их форм, они чаще всего, в зависимости от типа языка, ещё не обеспечены грамматическими показателями. Это неизменяемые формы, которые так и остаются неизменяемыми в тексте, но тем не менее регулируемые синтакчичесчкой структурой (аналитические языки). Другие неизменяемые слова – их большинство, – как только они входят в обращение и получают своё место в речевой цепи, они, кроме синтаксических параметров, обязаны иметь и морфологические формы (синтетические языки). Чтобы привести их в действие, эти нулевые, аморфные единицы снабжаются грамматическими приметами. Слова языка переходят в речь, в текст, приобретая при этом грамматические и семантические значения, но такие, какие им приписаны изначально, при их рождении, или вновь обретённые в связи с равитием багажа сознания. Так как грамматическое значение, как и семантическое значение, образуется при помощи знаков, оно формально. Слова сами по себе не несут информации, их произвольное расположение в строчку не содержит информации, потому что они не образуют завершённой системы. Такой системой являются семантические и грамматические правила соединения слов, т.е. после первой фазы семантической интеграции – создание словоформ, вторая фаза – это сочетание слов. Но на первой фазе – в сочетании фонем внутри понятия, понятий внутри суждения уже появляется значение, расплывчатое, диффузное, но всё-таки содержание, какая-то информация о действительности. И только на уровне текста распознаётся семантика слов.

Механизм языка устроен так, что человек всегда будет понимать речь по мере следования слов, но только тогда, когда он уже автоматически владеет грамматическими правилами, содержащимися в данных словах и в данном предложении. Время процесса понимания речи может быть уменьшено, человек может даже предварять будущее слово. При этом слушающий не делает никакого анализа, он давно уже был сделан, ещё с детства все слова с их грамматическими правилами у него запечатлён в мозгу. Грамматика – это трамплин, от которого человек отталкивается, чтобы понять текст.

В первой фазе, семантической, собираются слова и морфемы из фонем. Этот анализ, хотя и не осознаваемый, необходим, чтобы иметь арсенал готовых слов и их словоформ, которые затем образуют предложение, в котором все слова уже соединены грамматическими правилами. Здесь рождаются «семантические формы мысли». Во второй фазе рождается смыл высказывания, здесь развёртываются «логические формы мысли». Надо знать, когда выбирать односоставные, простые,

сложные предложения, какая форма лучше подходит для соответствующей мысли. Это проблемы текста, в этом отношении ещё совершенно не разработанные. Текста не построить без грамматической типизации, стереотипности и конкретной лексики. Вопрос в том, как закодировать замысел средствами языка, это нередко сопряжено с «мукамии слова».

Языковое сознание как система знаков – гибкая, мобильная система, продукт мозга. Эта система двухуровневая – грамматическая и лексическая. Лексика языка – это знаки логических понятий о предметах, их свойствах, качествах, отношениях. Лексика, репрезентирующая понятия, обретает свою логическую форму только на уровне конкретного предложени, в речи. В грамматическом уровне держится вся семантическая система языка, которая находится в языковом сознании в свёрнутом виде, как набор языковых единиц, не связанных друг с другом. Но эта свёрнутая система языкового сознания развёртывается линейно в речи по определённым грамматическим правилам: грамматическая связь осуществляется в виде управления, согласования, примыкания слов друг к другу. Грамматическая система формальна, лексическая система – содержательна. И та, и другая системы созданы по прихоти мозга как его знаковые материальные единицы (слова в лексике, грамматические морфемы в грамматике), без которых человеческий мозг не может существовать, они необходимы для функционирования мышления, нейронных процессов в мозгу. Грамматических форм меньше, чем лексических, поэтому грамматические формы пригодны для самых различных слов. Эта двухуровневая система языкового сознания реализуется в речи. Язык статичен, а речь, текст динамичны, но командует этой динамикой мозг, его языковое сознание через созданую им знаковую систему, и тем самым создавая в речевом произведении некий смысл как интеграл значений – лексических и грамматических.

Переход от языка в мозгу к языку в речи, тексте – это творческий процесс. Уже построение морфем из фонем не совсем автоматический. Необходимо выбрать для нужных слов правильные морфемы. В слове тем более содержится творческое начало. Так как фонемы и морфемы вступают в знаковые отношения, то они уже приобретают семантическое значение, отражают предметные отношения. Окончательная семантика для данного случая содержится в слове только тогда, когда эти слова развёртываются в речи на уровне синтаксических отношений. Само построение суждения заключается в смысловой связи отдельных утверждений, вопросов, побуждений. Это и есть текст. Вот поэтому, чтобы понять текст, надо исходить из его единиц – предложений. Услышав, прочитав какое-то бессмысленное предложение, слушающий сам будет интуитивно включать его в воображаемый текст. Но уже на уровне предложения можно понять, имеет ли предложение смысл или бессмыслицу.

Главную роль при этом играет грамматика, чтобы связать слова в предложение, а предложения – в текст. Но на уровне текста и сами предложения приобретают вид не как отдельное суждения, а в связи с другими. Например, чем кончается предложение, влияет на то, чем должно начаться следующее за ним предложение. В языке содержатся правила управления, согласования, примыкания, которые препятствуют тому, чтобы слова не рассыпались в произвольном порядке. Смысл проявляется во время коммуникации. Без осмысленности предложений не может появится осмысленный текст. Вне текста смысл предложения не всегда может быть понятен.

Итак, «... непосредственного пути, непосредственного моста от источника языковых представлений одного индивидуума к источнику представлений другого

нет и быть не может. Существует только косвенный путь, путь звуковых сигналов и вообще чувственных, психических связей – так называемой ассоциации, или соединения представлений». [Бодуэн, т. I : 208].

5. Каким образом в тексте появляется смысл, если знаки произвольны ?

Послушаем некоторых лингвистов, которые пишут, что текст не просто связан с мыслью, но «в буквальном смысле содержит её в себе». Прослушав текст, мы получаем информацию даже о предметах, которых мы не видели и о них ничего не знали, в том числе сведения о человеке, которого зовут Яковом. «Язык способен не только обозначать, но и изображать предметы, описывать их ... Это и есть мысль». [Наседкин 1967 : 70].

Это типичное заблуждение лингвистов, не желающих понимать, что всему голова – наше сознание, мышление, наш мозг. Он создаёт себе язык, он создаёт его свойства, он опирается на него как на материальный фундамент в его функционированиии, без него текст был бы ничто, его вообще бы не было, он генерирует в предложениях, в словах, в материальных знаках определённые смыслы, сам оставаясь как бы в тени за словами, предложениями, текстом, создавая иллюзию, что именно они – слова, предложения, текст – пуп земли. То, о чём пишет Наседкин, есть не характристика языка, в характеристика мышления – абстрактного и чувственного. То, что «язык обозначает», есть наше абстрактное мышление, а то что «язык изображает предметы», есть наше чувственное мышление.

Чтобы разобраться во взаимоотношении языка и текста, надо вернуться к зыковому знаку, состоящему из четырех уровней – двух крайних, материальных **(1, 4)** и двух средних, идеальных **(2, 3)**, связующих эти две разные материи. Непосредственной областью мышления являются два средних уровня знака, это идеальное образование мозга от соответствующей материи – и знака, и предмета. Каждая, даже мельчайшая мысль имеет свой и только свой знак. Поэтому по психической ассоциации упоминание знака вызывает закреплённую за ним мысль, а упоминание каждой мысли влечёт за собой её собственный знак. Но так как знак произволен, им может быть всё, что угодно, то создаётся бескрайнее поле для языкотворчества: именно благодаря произвольности знаков – а количество их в каждом языке строго ограничено – человек может мыслить на бесконечные темы.

Это и есть ответ на вопрос, как мышление реализуется в словах, в речи, в тексте, в звучащих или написанных знаках, хотя они и произвольны. Но к первому произвольному знаку прибавляется следующий, в такой же степени произвольный знак, чтобы получилась система, несущая осмысленную информацию. Но существуют определённые критерии, по которым за каждым данным знаком должен следовать именно этот, конкретный знак. Но если появилась система в речи, значит должны существовать и законы, позволяющие осмысленно ставить один знак после другого. Это логика, понятия, суждения, умозаключения, а они требуют именно те знаки, которые необходимы осмысленному мышлению. Поэтому если после данных знаков следуют именно данные знаки, то это диктуется работой мозга, его логическим мышлением, истинным или ложным, а не самими правилами языка, не самим текстом.

Ответы на эти вопросы содержатся именно в произвольности языкового знака. За каждым из них, по произволу, без всякой мотивации, ассоциативно закреплено какое-либо значение, содержащееся в мозговых клетках. Ясно, что автор текста подбирает знаки не произвольно, а ориентируется на свою мысль, понятия,

которые он хочет выразить. Следовательно, если какое-либо значение в знаке закреплено по произволу, но прочно и навсегда, то в субъективном выборе знаков произвола нет, их выбор управляется мозгом, у которого априори есть нужные знаки для выражения нужных ему абстрактных, логических понятий.

6. Понимание текста – это опосредованное восприятие материи знаков и фрагментов мира через восприятие их идеальных образов.

Значение как идеальное образование хранится только в сознании общающихся людей и оказывается соединённым с материей знака только в процессах производства и восприятия знака, т.е. в речи. Идеальный образ знака вместе с идеальным образом внешнего предмета хранятся в мозгу. Причём материя знака живёт в мозгу в виде своего идеального образа, т.е. в виде фонем, а идеальный образ внешнего предмета тоже в виде абстрактного образа – в виде понятия. Отсутствие речи, т.е. отсутствие общающихся означает лишь отсутствие звучащей речи (письменных знаков) но не отсутствие, а присутствие тех же знаков в сознании в их идеальной форме – в виде фонем и понятий. Реальное звучание и написание знаков автоматически возбуждает в сознании связанные с этими знаками их идеальные формы – фонемы и понятия. Идеальные образы знаков постоянно живут в мозгу и охраняются долговременной памятью.

Фиксация результатов мыслительных процессов в звуковой речи или в письменном тексте непрямо отображает процесс мышления, который осуществляется при помощи языковых знаков. Знаки, но только в их идеальной форме, в форме идеальных образов звуков, букв, т.е. в виде фонем и графем, есть заместители реальных объектов в виде их названий – в виде понятий. Смысловое восприятие текста в процессе общения – это непрямое, опосредованное восприятие фрагмента реальной действительности, которое происходит через прямое восприятие его материальной формы.

Лингвист, анализирующий чужой текст как объект научного познания, исследует не текст, а процесс собственного восприятия этого текста, полагая, что его личное восприятие текста служит моделью генерации данного текста его создателем. У читателя, читающего художественный текст, та же позиция – он и субъект восприятия материи этого текста, и субъект идеального, логического понимания этого процесса. Человек понимает сообщаемое ему в силу развития его собственной способности самому создавать сообщения на том же уровне сказанного и написанного, услышанного и прочитанного. Он должен одновременно уметь и декодировать, и кодировать. Слушатель или читатель, чтобы понять текст, должен уметь его сделать, но для того, чтобы сделать, он должен понять, как сделать: код понимания и код создания – один и тот же. Этой двойной работой занимается логическое сознание и долговременная память.

7. На чём основана бесконечность текста при конечности яковых знаков ?

Как взаимодействуют две разнокачественные системы – конечная система условных, произвольных, материальных знаков и бесконечная система мышления, ассоциативно выраженного в текстах, обладающих смыслом ? Грамматика языка не даёт указаний на этот счёт. Правда, в отдельном предложении может быть косвенное указание на предикат – через словопорядок в предложении. В изолированном предложении чётко выявляется предмет, если это предложение –

единица устной речи. Всей этой операцией развёртывания конечных знаков в бесконечный текст руководит логическое мышление, которое имеет в своём распоряжении множество знаков разных уровней.

Живой язык представляет собой сложную систему. Хотя количество элементов языка ограничено, однако с их помощью создаются бесконечные речевые построения, отражающие бесконечность мышления. Это достигается благодаря структурному устройству языка, многозначности знаков, их условному, немотивированному характеру. Эти лексические и грамматические элементы и способы их функционирования в речевых актах, будучи распределёнными по различным классам, образуя структуру этих элементов, способствуют образованию бесконечного числа речевых произведений. Но эта структура языка не поддаётся непосредственному наблюдению, потому что 1) в каждом речевой акте используется лишь небольшая часть языковых знаков, 2) речевые акты построены из элементов и единиц не парадигматической системы языка, а синтагматической системы языка. Объективно функционирующая структура языкового сознания в мозгу человека обнаруживается лишь в бесконечном повторении этих языковых элементов мозга каждый раз, в других конкретных речевых конструкциях. Отсюда – уже не может возникнуть древний вопрос: что первично, а что вторично – язык или речь ? Первично – безграничность материальныж предметов, качеств, отношений, признаков мира. Вторично – языковое сознание со сложной системой идеальных образов от материальных предметов и ассоциативно закреплённых за ними знаков и грамматических элементов (система ф о н е м в любом языке конечна), а также идеальных образов от реальных предметов (коим, как и их п о н я т и я м, несть числа). Элементы языка в известном смысле образуют мёртвую массу, но в ней содержится живой зародыш нескончаемых преобразований и трансформаций. Поэтому язык в каждый данный момент представляется человеку в виде неисчерпаемой сокровищницы, в которой он вновь и вновь открывает неизведанные ценности, которые он использует в своей речи. Это качество языка проявляется в каждом речевой акте, во всё новом и новом виде.

Усложняющаяся потребность познания мира и общения людей служит причиной более глубокого познания мира и как следствие – развития системы языковых знаков и, следовательно, противоречие между ограниченностью языковых ресурсов и бесконечностью мысли ни в малейшей степени не разрешается. Эти ограниченные ресурсы языковых знаков, на основе сущности языка, на основе теории взаимоотношения языка и мышления, на основе диалектического закона мзаимодействия материального и идеального никогда не могут сравниться с богатством человеческой мысли. Понятие потребности является основным источником развития языка и устранения противоречий, разумеется, под руководством мышления. В тексте разворачивается движение мысли и она ищёт для своего воплощения старые знаки, или ищёт новые, а также использует те же знаки с переносным, уже новым значением. В тексте существует свобода комбинирования, но свобода, ограниченная рамками понимания моего текста другими. Если речь понята, значит слово с его новым значением становится достоянием языка, т.е. общества. Так называемое «противоречие» между бедностью системы языковых знаков и богатством человеческих мыслей – противоречие мнимое, это не логическое противоречие, а диалектический, философский закон противоположностей, философский вопрос взаимоотношения материального и идеального. Не будь одного из указанных понятий, т.е. логических фонем и логических понятий – исчез бы и указанный закон, не родилось бы и человечество.

Глава 6

Взаимоотношение языка и действительности.

§ 1. Языковые знаки не отражают действительность.

1) Языковые знаки не выполняют функции мышления.

Знаки языка хотя и связаны с реальностью, но они сами по себе лишены предметного смысла. У них нет непосредственной, ни органической, ни семантической, ни логической связи с реальностью. Всё это продиктовано только одним – условным, немотивированным характером материи знака по отношеию к действительности. Если бы эта связь была реальностью, т.е. сущность знака и сущность отражаемого им предмета была бы одной и той же сущностью, то никакая коммуникация не могла бы состояться. В таком случае мы бы в каждом знаке видели что-то конкретное, реальное, похожее на *корову* или *лошадь*, а в каждой *корове* и *лошади* мы бы видели, что это и есть наш язык, знаки нашего языка, и язык превратился бы в абсолютный дубликат реального мира. Такой язык мог бы утопить человека в глубине своих бесконечных знаков, и был бы необъятным, как и сам мир. Невозможно было бы развитие наук, потому что весь мир был бы уже разнесён по словам, аналогичным отрезкам этого мира, и

изучение мира превратилось бы в изучение свойств самих знаков, невозможно было бы развитие и самого языка.

Не действительность является содержанием лингвистических элементов, а наша существующая в нашем сознании логическая схема отражения этой действительности. Если язык – первичное по отношению к действительности, если язык органически связан с миром, то это значит, что языковые знаки, как и *коровы* с *лошадьми*, пасутся на лугу, существует объективно, помимо нашего сознания. Это, далее, значит, что логика оказывается вторичной и по отношению к языку, и по отношению к действительности, или иначе: языковые знаки породили наше мышление, сознание, логику и создали мир, в том числе и человека, по своему образу и подобию. « ...Нельзя согласиться с теми, которые ради мнимого материализма утверждают, что язык есть отражение действительности» [Лосев, СЛЯ, 1976, № 5 : 397].

Языковые знаки – это инвентарь лингвистических элементов, правила их использования, их система, это материя звучащая, текст написанный как типографская краска. Если мышление вторично по отношению к действительности, что справедливо провозглашает материализм, а языковые знаки – вторичное по отношению к мышлению, то языковые знаки – третичное по отношению к действительности. Между миром и языковым знаком лежит не менее удивительный, чем сам мир, мир сознания. Структура языковых знаков не дублирует ни структуру мышления и сознания, ни структуру материального мира. Напротив, структура мышления и сознания моделируют структуру языковых знаков как материального инструмента мышления и сознания. Внешний мир моделирует наше мышление-сознание, которое через свой инструмент, структуру языковых знаков, идеально, ассоциативно выносит материальную структуру мира за пределы мозга. Реальный и фантастический мир управляет языком через мышление, язык же, как вынесенная за пределы мозга идеальные ассотиативные образы мира, даёт нам только описание мира, не творя и не изменяя его.

Мышление человека отражает действительность через логические формы мысли, которые лежат в основе семантической и грамматической системы языка. Мышление, как общечеловеческая функция мозга, участвует в создании различных систем языка. Материя языкового знака не есть средство отражения предмета, она лишь ассоциативно связана в сознании с логическим понятием, представлением о внешнем предмете. Кто думает обратное, тот мёртвой материи знака приписывает обобщающую силу, тогда как это – функция живого человеческого мозга. Словесный знак появляется тогда, когда уже в мозгу совершилось обобщение каких-либо вещей, признаков, свойств, отношений в их идеальных, абстрактных образах. Об этом знали ещё древние Римляне: „Voces significant res mediantibus conceptibus“ (Слова обозначают вещи посредством представлений).

Таким образом, связь между материей знака и реальной вещью – в модели знака это связь между уровнями **(1 – 4)**, (см. выше Глава 1) – носит не непосредственный характер, а опосредованный – через фазы **(2 – 3)**, т.е. через логические формы – фонемы и понятия. Между **(1)** и **(4)**, т.е. между материей слова и предметом нет никакой органической связи, эта связь условная, договорная, устанавливается людьми бессознательно или сознательно. Связь эта опосредована обобщающей деятельностью мышления. Именуя звуками, буквами какой-либо предмет, человек руководствуется уже выделенным в мозгу значением, понятием. В то же время под одно и то же понятие подпадают все однородные предметы.

Причём чем обобщённее само логическое понятие, тем больший класс реальных предметов оно охватывает.

Может возникнуть вопрос: почему язык на самом деле не может отражать действительность ? Если он, как видно из модели знака, имеет в себе идеальную сторону в виде фонемы и понятия **(2 – 3)**, то знак и, следовательно, язык должен отражать действительность. Но всё дело в том, что, во – первых, идеальное находится не в материи знака, а в мозгу, во - вторых, идеальное в мозгу, понятие, есть лишь «отражение вещи по её названию», а не по её сущности. Иначе можно было бы допустить, что и формальная логика, как наука о формах и только о формах мысли (понятия, суждениия), тоже должна была бы отражать мир, в обход познавательного мышления.

2) Языковые знаки есть форма бытия материальной действительности в сознании – через логическое мышление.

Сознание – это присвоенный и накопленный субъектом объём предметного мира в его идеальной форме, в форме его логического отражения. В сознании человека мир отражается идеально, и это происходит посредством функционирования знаков языка как материального средства ассоциативной психической связи знака и внешнего предмета, т.е. как средства познания и общения. Логические понятия являются важнейшими образующими человеческого сознания. Они преломляют мир в сознании человека. В них представлена преобразованная и свёрнутая через материю языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений.

Согласно Аристотелю, «математические понятия и принципы заведомо являются абстракциями, корни которых уходят в реальный мир». Математика, как и физика представляют собой фрагмент теоретической конструкции одного и того же реального мира. «Я убеждён, что посредством чисто математических конструкций мы можем найти те понятия и закономерные связи между ними, которые дают нам ключ к пониманию явлений природы» (А. Эйнштейн).

Взаимоотношение математических понятий и объективного мира аналогично взаимоотношению языка и мира. И там, и там, между миром и математическими знаками, и между миром и языковыми знаками, звуками, словами лежит абстрактное мышление в логических формах. Связь между знаком и предметом устанавливается условно в социальной практике. Это отношение опосредовано обобщающей деятельностью мышления: именование основано на рождении логического понятия об этом предмете, при этом именуется не отдельный предмет, а класс предметов, аналогичные признаки которых условно закреплены в понятии. Абстрактная мысль есть результат отражения действительности, а связь этой мысли с действительностью опосредована материальными языковыми знаками и их формами.

Человеческое сознание поражает людей своей загадочностью. Предметы внешнего мира обладают различными телесными свойствами, и в сознании человека рождаются образы этих предметов. Отражаясь в сознании, предмет как бы отделяется от самого себя и начинает существовать вне своих конкретных чувственных форм: образ предмета невесом, невещественен, *огонь* не жжёт, *вода* не мокрая, её нельзя испить. Идеальные образы внешних материальных объектов преодолевают материю своих объектов, выходят за их пределы и оседают в голове человека в виде второго, но уже идеального мира. Все реальные предметы разрушаются и прекращают своё существование, но их идеальные образы

продолжают жить бесконечно, до тех пор, пока живёт сознание, потому что они отражены в сознании через материю языковых знаков, и вызываются в сознании по нашему произволу.

В материи знака, через её идеальную форму, пситхически закрепляются и реализуются результаты мыслительной, познавательной деятельности человека – это способ и форма отражения мира, т.е. образование второго, идеального мира в сознании, который повторяется, вторично существует в формах мышления и сознания, присущих человеческому мозгу. Отражается мир мозгом, а не языком, не его материальными знаками, и в то же время они выступают, в свою очередь, как бы вторичной, чувственной формой существования мира, которая идеально закреплена в мозгу. Если субстанцией мышления является мозг, то субстанцией внешней фиксации абстрактных логических форм являются звуковые и письменные знаки. Знание картины мира – это атрибут мыслительной деятельности, а форма существования этой объективной картины мира в сознании человека есть абстракция в виде логических понятий и их отношений. Язык, т.е. его материальная знаковая система не имеет никакого непосредственного отношения к объективному миру и, следовательно, язык не может сопоставляться с миром в такой же плоскости, в какой сопоставляется мышление и мир, поэтому бессмысленно говорить о прямом, непосредственом соотношении «язык – мир».

Между материей знака и реальной вещью нет логически необходимой связи. Эта связь устанавливается людьми произвольно в их социальной практике. Но как ? Установление такого отношения опосредовано обобщающей деятельностью мышления: именование предмета словом основывается на выборе материального (звукового, письменного) знака (в модели знака – уровень **1**), представленного в сознании в абстрактной, идеальной форме, в формах фонем (уровень **2**) и в форме идеального, логического понятия (уровень **3**) о внешнем предмете (уровень **4**), причём именуется не отдельный предмет, а класс или множество аналогичных ему предметов, существенные признаки которых условно закреплены в их понятиях. Словесный знак соотносится непосредственно с понятием, а отношение его к реальному предмету опосредовано этим понятием, и через понятие вновь выходит на уровень чувственного мышления. Соотношение знака с предметом в процессе именования устанавливается не непосредственно, а с помощью отражения этого предмета в сознании человека в форме идеального образа, значения. Слово становится знаком лишь тогда, когда возникает связь между идеальным образом его звучания или написания и идеальным образом, т.е. значением обозначаемого предмета. Идеальный образ внешнего предмета становится значением потому, что а) этот образ не существует без своего внешнего носителя, знака, б) само соотнесение знака с предметом, его обозначение, наименование возможно лишь посредством идеального образа.

Логические законы есть законы операций с мыслями, а мысль есть отражение внешнего мира, а не сам этот мир, она есть копия, а не оригинал, и уже потому она неизбежно должна иметь не только общность с оригиналом, но и отличаться от него. Главное отличие мышления от внешнего мира: всё логическое содержание нашего знания о внешнем мире имеется во внешнем мире, логических же форм во внешнем мире нет, они существуют только в человеческом мышлении и, следовательно, логические формы есть то, что отличает мысль о внешнем мире от самого этого внешнего мира, а не только имеет нечто общее с ним. Как пишет Ленин, « ...нет тождества мышления и бытия, утверждать обратное – это идеализм, сплошной вздор». [Ленин т. 14 : 309 - 310].

3) Мысль есть абстрактная копия, а не оригинал. Весь мир в сознании покоится в логических формах как наш второй мир.

Логические формы мышления выведены из мозга наружу в виде материи знаков как ассоциированных с сознанием логических понятий. Вербальный текст воспринимается на уровне понятий. Но эффект подобия текста, материи его знаков (уровень – **1**) и отражаемой ими действительности (уровнь – **4**), т.е. эффект понимания мира непосредственно через материю знаков, через звуки и буквы, возникает потому, что знаковые образы (фонемы, уровень – **2**) и предметные образы (понятия, уровень – **3**) оказываются одинаковыми, т.е. связываются друг с другом как определения одной и той же абстрактной, логической формы, но только на уровне **(2)** с фонемами, а на уровне **(3)** с понятиями, т.е. языковой знак *дерево* и реальное *дерево* в их идеальной форме как фонемный ряд и как понятие – одно и тоже. Но эффект **подобия** текста и действительности оказывается возможным вследствие **отсутствия жёсткой, мотивированной связи** между знаком и понятием, т.е. понятие данного внешнего предмета, его название определяется двумя материальными источниками – знаками (*дерево*) и действительностью (*дерево*, растущее во дворе). Именно в силу их условной связи. По своему происхождению, две физические материи – это совершенно разные субстанции (материя знака *дерево*) и реальные живые и неживые организмы (*дерево*), но на абстрактном уровне эти разные вещи эквивалентны по своей логической функции, но не по сущности. Таким образом, соединяющим звеном между знаком и предметом является логическая форма мысли: в одном случае это абстракция звука и буквы (фонемы, графемы), в другом случае – это абстракция от реальных предметов и существ (понятия).

Объекты сознания нельзя подменять объектами их символизации. Человек, отражая мир, не знает, что он его отражает через формы логики, он думает, что он этот мир отражает напрямую в материи знаков или, в лучшем случае, в диффузном мышлении как некоей туманности. Человек, размышляя об объектах внешнего и внутреннего мира, думает, видит в уме сами эти объекты мира, но не формы своего мышления. Формы мысли он не осознаёт, он пользуется ими стихийно, как чем-то привычным, само собою разумеющимся, будто эти мысли даны ему от рождения. Однако он не унаследовал их вместе с рождением, а они вырабатываются обществом и им самим в процессе жизни. Человеческое мышление не существует вне форм логического мышления, иначе оно невозможно, так же как и человек не может жить без воздуха. Но логические формы мысли сами становятся предметом размышления лишь на высоком уровне развития человеческого сознания.

4) Языковые знаки – это ключ, открывающий мир человеческому мозгу.

К. Бюлер пишет, что язык есть специально сконструированный посредник [Бюлер 1993 : 2]. Это верно, но я хочу уточнить: посредник между мозгом и миром. Но это ещё не всё. В чём заключается этот посредник ? Например, я хочу наловить рыбы. Так захотелось моему мышлению (ему это подсказал мой желудок). Но одной мыслью рыбы не наловишь, для этого нужна материальная удочка. Так и языковые знаки служат материальным посредником между мозгом и действительностью, между мышлением и реальными материальными объектами. Но и это ещё не всё. Если материальной удочкой я могу наловить материальной рыбы,

благодаря их непосредственному и прямому контакту друг с другом, то между языковыми знаками и материальным миром такого прямого контакта нет – знаки условны, немотивированы. Но так как мы всё-же понимаем мир и друг друга через эти знаки, то, следовательно, в них что-то должно быть, что этому способствует. Это их, и знака, и внешнего предмета, идеальные ассоциативные образы, отпечатанные в сознании, под названием фонем, графем **(2)** и понятий **(3)**.

Значит материальные предметы (удочки и звуки или буквы), т.е. (**1 – 4)**, есть материальные знаки, служащие внемозговыми идеальными образами от этих предметов **(2 – 3).** Но между материей звуков (букв) и предметами внешнего мира нет подобия, значит звуки и буквы, во-первых, носят условный, знаковый характер и, во-вторых, не сами эти звуки и буквы ассоциируются с внешними предметами, а их ассоциированные, абстрактные, логические формы..

Правомерно говорить о тройственном соотношении «мир – язык – сознание», в котором язык принадлежит миру и через материю знаков **(1)**, и через материю внешних предметов **(4)**. Но язык принадлежит и сознанию, так как языковые знаки – инструмент сознания и через их идеальные образы, фонемы **(2)** сознание абстрактно познаёт мир в форме логических поняятий **(3)**. Из этого следует, что этот «тройственный союз» фактически состоит из двух «двойственных союзов»: « знаки и мир как материальные образования и оба принадлежат объективному миру **(1 – 4)** – противопоставлены сознанию» как идеальному образованию от знаков и от внешних прндметов **(2 – 3)**. Знаки не выступают отдельной сущностью и не стоят между мышлением и миром в роли независимого эксперта, потому что они сами и есть инструмент мышления, а их идеальные образы – само мышление. Средством познания служит мышление, языковые знаки выступают как внемозговой инструмент закрепления всей познающей деятельности человека.

Известная теория «языковой картины мира» имела бы позитивный смысл только в том случае, если бы языковая знаковая система человека действительно отражала истинное бытие объективного мира. Но в формировании истинной, логической картины мира языковые знаки выступают не доминантой этой картины мира, а лишь внешней, материальной формой выражения понятийного содержания, добытого мозгом человека в процессе мышления. Как способ выражения мышления и познания знаки выступают в качестве средства, замещающего в мышлении человека предметы, связи, отношения мира, они являются искусственно создаваемым объектом. Формирование языковой знаковой системы есть результат взаимодействия мира и человека, а его логическое, познавательное мышление есть результат освоения человеком окружающего мира. Знаки есть лишь инструмент, внешняя форма овладения миром через мышление.

5) Предметов, свойств, качеств, отношений в мире больше, чем самих слов.

Некоторые лингвисты считают, что в языке количество слов больше, чем самостоятельно существующих предметов, явлений, свойств. Например, таких предметов как *теплота, твёрдость, справедливость, высота, близость, даль* и др. в природе нет [Серебренников 1970 : 58]. Для чего же тогда существует мозг, мышление, инструментом которого служать произвольные знаки, слова ? Это наивные размышления первокурсника лингвистического университета, ещё не знакомого с основами теоретического языкознания. Напротив, предметов, фактов, свойств, отношений в мире в миллионы раз больше, чем понятий о них, ибо каждое понятие, во - первых, а их бесчисленное множество, спобобно одеваться во

множество языковыых знаков, которых значительно меньше понятий, во - вторых, ибо каждое понятие обобщает бесконечное множество однотипных фактов, признаков, вещей и их связей. Самих материальных знаков в языке значительно меньше, чем понятий, потому что память не беспредельна и не может охватить все понятия, ввиду чего многие из них представлены одним и тем же знаком.

Если для каждого отдельного понятия создать свой особый знак, то это означало бы, что для каждого нового предмета, свойства, факта и их новых восприятий создавался бы особый, отдельный словарный знак. А такого множества слов не смогла бы вместить никакая память и само взаимопонимание было бы невозможным. Весь фокус о соотношении ограниченного репертуара знаков и бесконечность мира, как и мышления, состоит в том, что знаки произвольны !

§ 2. Языковые знаки отражают действительность ?

1) Слова отражают сущность реальных предметов ?

Что значит «язык нечто отражает» ? Какова его связь с реальностью ? Обычно подразумевают некоторого референта во внешнем мире, описание которого, как считают, и является основной функцией языка. Человеческий язык, якобы, описывает внешний мир, хотя эту роль выполняет мышление, а не язык, язык – лишь материальные знаки для внемозговой манифестации замысла мышления.

Первоначально язык играл не описательную, коммуникативную роль, а инструктивно-оперативную роль, связанную с ритуально-магической стороной человеческой жизни. Описательность, мышление, коммуникация пришли вместе с десемантизацией знаков. Эту истину многие лингвисты не признают и продолжают считать язык, как систему знаков, органом мышления и отражения мира. Вот какую идею, полную противоречий, выдвинул марксистский философ: «Так как язык есть инструмент отражения мира, то связь этого инструмента должна быть как-то сохранена. Часто одним словом обозначаются разные предметы, а один и тот же предмет – разными словами. Это создаёт иллюзию самостоятельности языка, его независимости от действительности. Семантический идеализм отрывает язык от мышления, а мышление от действительности. Они считают, что слова устанавливаются человеком произвольно и не обозначают ничего реального. На самом деле слова не устанавливаются произвольно, а закрепляются за определёнными предметами в ходе познания » [Афанасьев 1975 : 57].

По мнению Панфилова, слова обладают отражательной способностью. «Если значение слова есть отношение к денотату, то тем самым мы устраняем из языковой формы идеальное как результат отражательной деятельности мышления, так как реальными компонентами знаковой ситуации остаются лишь материя слова и денотат». [Панфилов 1977 : 59].

2) Структура языка воспроизводит структуру окружающего мира ?

«Создание языка как средства общения всегда связано с ... необходимостью препарирования окружающей действительности. Это не значит, что наше мышление, сознание перестаёт быть результатом отражения окружающего мира. Самое замечательное здесь то, что свойство отражения действительности и в то же время препарирование действительности ... постоянно осуществляется языком». [Сб. «Языковая номинация. Общие вопросы, М. 1977 : 310 - 311].

Нет трёх видов бытия: материально-вещественного, мыслительно-логического и словесно-языкового. Есть лишь два вида бытия: материально-вещественное и словесно-языковое. Следовательно, есть только отношения: объективная действительность – язык. [Комаров 1988 : 131].

«Границы моего языка определяются границами моего мира» (Виттгенштейн). Непонимание сущности того, что мы называем языком, продемонстрировано и нейропсихологом К. Прибрамом, который к четвёртой части своей книги заимствовал эпиграф у Виттгенштейна [Прибрам 1975]. „Nomina si nescis, perit et cognitio rerum“ (Если не знаешь названий, познание вещей невозможно).

«Язык воспроизводит действительность. Это следует понимать вполне буквально: действительность производится заново при посредничестве языка. Тот, кто говорит, своей речью воскрешает события и свой связанный с ними опыт. Тот, кто слушает, воспринимает сначала речь, а через неё и воспроизводимое событие. Таким образом, ... для говорящего акт речи заново представляет действительность, а для слушающего он эту действительность воссоздаёт». [Бнвенист 1984 : 70].

«Правомерно сделать гносеологический вывод: обратная экстраполяция структуры языка, в частности предложения, на мир, космос, может помочь понять его строение, синтаксис. Иначе говоря, взгляд на язык есть «взгляд на мир». В своих рассуждениях я иду именно этим путём. Все умозаключения о Боге и о Космосе я делаю методом экстраполяции языка (предложения, слова) на структуру мироздания. Как писал ещё Г. Лейбнитц, никто не должен бояться, что наблюдение над знаками уведёт нас от вещей: напротив, оно приводит нас к сущности вещей». [Лосев 1990 : 217].

В другом месте Лосев пишет, что язык и языковые категории не являются прямым отражением действительности. Они – только косвенные отражения действительности, только известным её пониманием, интерпретацией, и даже её искажением. Язык – явление сознания, следовательно уходит своими корнями в стихию действительности и в конечном счёте является её отражением. Но это отражение косвенное. В качестве такового это отражение косвенное, оно является той действительностью. Как орудие общения разных сознаний язык есть прямое отражение действительности и уже сам по себе есть та действительность. [Лосев, ВЯ, 1965, № 5].

Из положения Маркса о том, что «язык есть непосредственная действительность мысли», по Колшанскому, «неотвратимо следует, что структура языка должна быть соотнесена со структурой закономерностей существования материального мира. Истинное познание возможно лишь при условии, что язык в своей структуре точно передаёт эту истину, но не искажает её». [Колшанский, ВЯ, 1979 № 6 : 51]. Хотя языковой знак не имеет сходства с объектом, отражаемым им, и их значениями, но структура языка как система материальных знаков «ориентирована на структуру самой действительности и систему отражённых ею значений». Общественные функции языка не являются лишь чем-то внешним относительно его структуры, системных связей, закономерностей его развития. [Филин 1982 : 119]. «Категории языка соотносительны с категориями мышления и неразрывны с действительностью». [Галкина-Федорук 1957 : 352].

Некоторые лингвисты полагают, что в языке имеются семантические связи с внешним миром, но это не значит, что существует отношение «один к одному» между знаками и миром, его элементами. Если бы это имело место, то оно лишило бы язык эвристической ценности, так как язык был бы полностью предсказуем знанием ситуации. Но это и не значит, что нет никакой видимой связи

между ситуациями и высказываниями. Если бы её не было, мы бы никогда не познали язык вообще. Он был бы совершенно самостоятельной системой, в которую мы бы не нашли никакого входа.

В. Гак пишет, что соотношение языка и действительности можно изучать, минуя мышление. Он сожалеет, ч то в наших курсах по общему языкознанию нет параграфов, касающихся отношения языка и действительности. Гак зря ищёт прямые связи между языком и действительностью ! Так как один и тот же элемент действительности может получить несколько наименований в одном и том же языке, и сотни и сотни наименований в разных языках, поэтому отношения языка и действительности есть проблема выбора наименования и выявление закономерностей в построении языкового знака. Гак нашёл закономерности между структурой высказывания и структурой обозначаемого отрезка действительности: структура ситуации влияет на структуру высказывания. Формальным средством организации высказывания Гак придаёт статус отображения внеязыковой ситуации. [Гак, ВЯ, 1972, № 5].

Реальная действительность в языке не только отражается, но и искажается: *лес шумит*, *река течёт*. Логически и фактически это неправильно. *Лес* – неодушевлённый предмет и сам он никаких действие производить не может. В языке осуществилась не соответствующая действительности персонификация. Предметы одушевлённые приравнены к неодушевлённым. [Серебренников 1983 : 247].

3) Материя знаков ориентирована на структуру действительности ?

« Структура языка как система знаков, т.е. как система материальных сторон языковых единиц, ориентирована на структуру самой действительности и систему отражающих её значений ...». [Панфилов, ВЯ, 1979, № 4 : 16]. Хотя каждый языковой знак в отдельности не имеет подобия, сходства с языковым значением и теми объектами, с которыми он соотносится, однако структура языка как система знаков, т.е. как система материальных сторон слов, ориентирована на структуру самой действительности и систему отражающих её языковых значений и, следовательно, в известной степени система идеальных сторон языковых единиц материализуется в языке как система знаков и лишь в этой уже материальной форме идеальное выступает как интерсубъектное явление. [Там же : 16].

4) Расхождение языков и слов в разных языках вызвано разными признаками самих предметов ?

Несовпадение языков и слов в разных языках вызвано семантическим расхождением слов, но это несовпадение порождено не субъективным расхождением языков, не внутренней творческой силой языков, а реальным многообразием признаков в самих предметах. Поэтому многообразие признаков в самих предметах есть причина различных классификаций слов, грамматических явлений, когда одно и то же слово может входить в разные классы.

5) Языкознание – это наука о вселенной ?

По мнению Юрченко, « ... Языкознанию в системе наук принадлежит особое место. Это не только наука о Языке, но и наука о Вселенной. Формируясь на линейной оси реального времени, язык становится зеркалом сущности бытия. А поскольку это так, то правомерно сделать гносеологический вывод: обратная экстраполяция структуры языка, в частности предложения, на Мир, Космос может

помочь понять его строение, синтаксис: взгляд на язык есть взгляд на мир. Более того, представляется, что в этом мире у человека нет другого инструмента, кроме языка, для проникновения в Божественное начало и для познания общей схемы Космоса, Вселенной» [Юрченко 1992 : 97; 1991 : 20].

Язык уподоблён мозгу человека: язык отражает действительность и, следовательно, в своём собственном строении неизбежно воспроизводит строение Вселенной. Язык прошёл «все ступени космического числа». «Он тоже, с одной стороны, знает своё сингулярное свёрнутое состояние, а с другой стороны, – его синхронное и диахроническое становление сопровождается расширением и усложнением, так что можно говорить, что человек живёт не только в расширяющейся Вселенной, но и в расширяющемся языке. [Юрченко 1992 : 102].

6) Законы языка не противоречат законам объективного мира ?

«... Ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства ... они – только проявления действительной жизни». [Маркс, Энгельс т. 3 : 449]. «Должно быть чрезвычайно удивительным то обстоятельство, что сознание и природа, мышление и бытие, законы мышления и законы природы до такой степени согласуются между собой. Но если, далее, поставить вопрос, что же такое мышление и сознание, откуда они берутся, то мы увидим, что они – продукты человеческого мозга и что сам человек – продукт природы ... Само собою разумеется, в силу этого, что продукты человеческого мозга (т.е. язык, знаки, – А.К.), являющиеся в конечном счёте тоже продуктами природы, не противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей». [Маркс, Энгельс т. 20 : 34 - 35].

«Над всем нашим теоретическим мышлением господствует с абсолютной силой факт, что наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому они не могут противоречить друг другу в своих результатах, а должны согласовываться между собой». [Маркс, Энгельс т. 20 : 581]. Ссылаясь на эти высказывания Энгельса, Правдин пишет: «... что законы языка, так же, как и законы мышления, не могут противоречить законам объективного мира, поскольку «ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства. ...Они – только проявления действительной жизни». [Правдин 1991 : 227].

Этот тезис Энгельса надо понимать только так, пишет Правдин: «что в языке, то и в мысли, и в жизни» или «что в жизни, то и в мысли, и в языке». [Правдин 1991 : 225]. Но здесь не вся правда. Здесь игнорируется различие мыслительного (между фонемой, понятием) и физического планов (между звуком, буквой, реальным предметом), т.е. игнорируется тот факт, что связь мыслительного, логического, с одной стороны, и физического, с другой стороны, в знаках свободна, условна, ничем органически необходимым не обусловлена.

Если «язык есть проявление действительной жизни», как пишет Маркс, то это верно: «проявление жизни» в языке состоит только в том, что условия человеческой жизни заставила человека изобрести язык таким, каким ему позволиза природа человека, и та окружающая его историческая, экономическая, географическая среда, в которой он живёт Другого языка, кроме как человеческого, у него не могло и не может быть. Человеческий прогресс достиг своей вершины только благодаря тому, что у человека не «собачий», не «пчелиный», не «дельфиний» и никакой иной язык, кроме как «человеческий», т.е. з н а к о в ы й, а они свободны, не привязаны намертво к предметам мира, условны, не мотивированы, что и позволяет создавать бесконечные возможности для мозга

выражать бесконечный мир. Несмотря на то, что челочечекий язык реализован в сотнях различных семанттических и грамматических языковых системах, он, тем не менее, един, и именно в том, что механизм функционирования всех языков и механизм познания и коммуникации для всех языков – один и тот же, обусловлен человеческой природой. Логическому, т.е. тому же общечеловечекому мышлению нужен именно такой язык, какой он есть, ибо он продиктован природой человека, а человек – природой внешнего мира.

Здесь надо спросить: если язык – продукт человеческого мозга, а мозг – продукт природы и не противоречит ей, то язык, как продукт мозга, есть в то же время также продукт природы и обязан отражать природу, согласовываться с ней ? В чём конкретно ? Ведь на свете 3500 языков, разных, не похожих один на другой. Естественно, язык – продукт мозга, мозг – продукт природы, как и сам человек. Отсюда, по правилам логического умозаключения модуса Barbara должно было бы следовать, что язык, как продукт природы, отражает природу, мир. Но это не так, потому что первая и вторая посылки силлогизма с собой логически не связаны по причине: первую посылку «язык есть продукт мозга» надо понимать только так, что язык – неизбежный продукт мозга, но не органический, ненеразрывный, условный, немотивированный. Но вторую посылку этого умозаключения нужно понимать дослдовно: «мозг есть органический, неизбежный продукт природы».

Не язык, а мышление человека отражает мир, и только в том смысле, что у человека нет иного способа жить и общаться, как изобрести свой, человеческий инструмент, знаковую систему, произвольную, органически не связанную ни с миром, ни с мышлением. С миром и с мышлением язык связан условно только через а б с т р а к ц и и от материи знака, ф о н е м ы (в модели знака уровень – **2**) и а б с т р а к ц и и от внешнего предмета, п о н я т и я (уровень – **3**), причём только условно, ассоциативно, произвольно связанных друг с другом. В этом и состоит сущность согласованности языка с миром.

Синкретизм первобытного мышления проявляется на логическом уровне, где ещё не различаются знак и вещь, слово и предмет и их абстрактное значение. Этот тип мышления свойственен сейчас детскому мышлению. Увы, некоторые лингвисты от этого ушли недалеко. Языковые знаки, в силу различий языков, их структур, семантических членений, не содержат в себе структуры мира, она может быть отражена только в идеальных, логических формах, хранящихся в мозгу, но не находящихся в самих знаковых структурах, а лишь ассоциативно связанных со знаковыми структурами. Мышление и язык лежат на разных уровнях – мышление отражает мир, а язык служит мышлению в должности верноподданного слуги как инструмент для логического познания мира (уровни в модели знака **(2 – 3)**).

7) Язык – средство аккумуляции духовного мира как надстройки над материальным миром ?

Язык отличается от других «вещей» материального мира тем, что он обладает особым свойством «идеальной формы» – быть для человека универсальным средством аккумуляции всего многообразия содержания духовного мира, созданного человеком в виде надстройки над материальной основой и «отчуждения» в психике индивида всей сверх природной действительности. [Чемоданов, ФН, 1983, № 3].

8) Язык влияет на действительность, мышление, культуру, общественные процессы, нашу психику и поведение ?

Язык есть условие возникновения и существования человеческой цивилизации. Он есть необходимое средство и условие становления, развития и функционирования других компонентов культуры, как необходимое средство её сохранения и передачи от поколения к поколению. [Панфилов 1982 : 46]. Поскольку язык и культура, как и мышление, – явления социальные по своей природе, между ними существуют связи. «Но при этом язык оказывает известное обратное влияние на мышление и на культуру. ... «Слово обладает способностью в определённой степени влиять на нашу психику и поведение». [Юдакин 1988 : 45, 104].

Язык оказывает влияние на общественные процессы. В соотношении внешних и внутренних факторов развития и функционирования языка происходит взаимодействие, взаимный переход: не только общество и мышление оказывают воздействие на становление и функционирование языка, но есть и обратные процессы – язык, в свою очередь, выступает как активный фактор в отношении общественных процессов и мышления и познания. Но определяющая роль в этом принадлежит мышлению, обществу.

При чтении «Науки логики» Гегеля Ленин сделал такую запись: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его». [Ленин т. 29 : 194]. Будагов пишет: «Mutatis mutandis («с соответствующими изменениями») это же можно сказать и о языке. Наш язык связан с нашей действительностью в широком смысле и вместе с тем оказывает на неё известное воздействие: возникающие в языке новые слова, новые значения старых слов, новые словосочетания, новые синтаксические конструкции ... и т.д. помогают людям лучше, полнее, адекватнее осмыслить окружающий мир, точнее передать друг другу свои мысли и чувства». [Будагов, ВЯ, 1975, № 3 : 26].

9) Социальная природа языка определяет его сущность ?

Ещё со времён эпохи Возрождения считалось, что язык – это фундамент общества. Социологический аспект языка всегда был главным. Но прямые связи языка с миром в целом пока не дали результатов. Признание языка явлением социальным есть лишь предпосылка, но не развёрнутая аргументация его социальной природы. Марровское и послемарровское учение о языке определялось главной научной теорией: « Всё в языке определяется внешними причинами », т.е. социальная сущность языка ставилась превыше всего и было забыто остальное, а по сути дела – самое главное: мышление, языковые знаки, их взаимоотношения.

«Существование ... языка возможно только в обществе». «Существуют не какие-то витающие в воздухе языки, а только люди, одарённые мышлением». «Язык как в целом, так и в своих частях, имеет только тогда цену, когда служит целям взаимного общения между людьми». [Бодуэн т. II : 207, 164, 72, 280]. Следовательно, служа посредником между сознаниями общающихся, язык функционирует и развивается как одна из главнейших функций коммуникации в обществе людей, т.е. таких функций, как значимость объекта в структуре его связей с другими объектами, т.е. в связывании двух вместилищ человеческого опыта.

Не существенно, на каком конкретном языке фиксируется отражение действительности. Высказывания об одном и том же факте, сделанные на разных языках, практически тождественны по содержанию. Так что же является свидетелем истории – языковые знаки или мышление ? Историю народа нельзя реконструировать по знаковой системе, хотя языковые знаки – результат многовековой истории. Но реконструируется история народа не черерез материю знаков, а через те ассоциативно связанные с реальным миром ассоциативные образы мира, логические

понятия, отражающие жизнь общества. Язык никогда не может не включаться в список источников по истории страны, этому служат также летописи, государственные акты, частные письма, дневники, художественная и иная литература. Народ рождает слова, ассоциативно, через логические понятия отражающие его национальную историю.

Некоторые исследователи рассматривают мир как совокупность атомарных фактов и их связей и отношений. Это якобы и отражается в языке: язык также раздроблен на звуки, слова, предложения, соответствующие атомарным фактам мира. Но какой-нибудь концептуальной системой ни язык, ни его словарь не обладают, так как языковая система не моделирует систему внешнего мира, потому что, во-первых, между словами не существует предикативных отношений, во-вторых, потому что предикативные отношения рождаются логическим мышлением. *Солнце, земля, вращать, вокруг* – это понятия о мире, но в каком отношении они находятся друг к другу ? Следовательно, язык лишён отражательного свойства. Характер связей между социумом и языком исключает возможность найти зеркальное отражение структуры языка в социальной дифференциации общества.

Глава 7

Философские вопросы языка.

§ 1. Роль философии в познании сущности языка.

1) Что такое философия языка и для чего она нужна ?

Что в языкознании понимают под философией языка ? Всё что угодно, только не философию. Например, в разделе «Философия языка» Э. Бенвенист ссылается на работу Дж. Остина о перформативности на полном серьёзе, как и сам Остин, считает, что «перформативное высказывание» есть философия языка, потому что оно «само по себе есть действие», т.е. «высказывание есть действие: «Объявляю заседание закрытым». Но это значит, что и все остальные высказывания есть действие. [Бенвенист : 309]. Что же здесь «философского», т.е. методологически обобщающего сущность данного явления ?

Вот последняя фраза из раздела «Вместо заключения» из книги, посвящённой философии языка: «Настоящая работа и была организована с одной главной целью – полагать стихию языка первичной в отношении антропной формы бытия, а “языковые игры “ – в полном и самом точном значении притяжательности – как динамику, игру самого языка» [Дюков, 2005 : 221]. Из текста книги философа видно, что он с теорией языка знаком по наслышке. Нагромождения столь невразумительных суждений длятся без остановки почти на целые страницы, которые вряд ли понимает сам автор и тем более едва ли доступны языковеду. Это не филлософия языка, с моей точки зрения, а отстранённые рассуждения философа о своих собственных проблемах, не проникшего в понимание сущности языка.

Философия – древнегреческое слово: «любовь к мудрости» (филео = люблю; софия = мудрость). Философия – это наука о всеобщих законах развития природы, общества и мышления. Философия – это наука, представляющая собой стройную систему взглядов на окружающий человека мир и его сущность, на законы его развития, и указывает пути его познания. Эта наука даёт нам связное представление о том, что такое мир, как он развивается, каково место человека и его языка в этом мире и пути его познания. Философия воспитывает в нас широкий взгляд на наше мышление, наш язык, делает наше мышление более гибким, проницательным, враждебным застою и рутине. Она прививает человеку драгоценное чувство нового, но «нового не в терминотворчестве» в отрыве от истинной теории языка, чем сплошь и рядом грешит современное языкознание, а в сущности познаваемого объекта. Философия даёт нам творческий ориентир в нашей работе, помогает глубже и вернее понять сущность языка. Философия как наука нужна нам, лингвистам, как воздух и вода, если мы хотим проникнуть в теоретические тайны механизма нашего языка, его связей с мышлением, сознанием, памятью, речью, текстом, действительностью.

Предметом философии языка являются наиболее общие законы функционирования языка человеческого общества, мышления и познания. В круг философских проблем языкознания входят исследования проявлений такого рода законов языка как выявление его сущности, роли и теории языковых знаков, природа соотношения языка с мышлением и сознанием, логикой, речью, текстом, действительностью. Все эти проблемы можно отнести к онтологии языка, т.е. к принципам его бытия, и к гносеологии, т.е. к принципам его исследования.

«Естествоиспытатели воображают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят её. Но так как они без мышления не могут двинуться ни на шаг, для мышления же нужны логические категории, ...то в итоге они всё-таки оказываются в подчинении у философии, но, к сожалению, по большей части самой скверной, и те, кто больше всех бранят философию, являются рабами как раз наихудших вульгаризированных остатков наихудших философских учений. Кукую бы позу ни принимали естествоиспытатели, над ними властвует философия». [Энгельс 1982 : 179]. [ ].

Психология, лингвистика, логика, семантика, физиология, философия и др. моделируют один и тот же объект – речевую деятельность, каждая для своих целей, выделяя в нём свои наиболее существенные, с их точки зрения, характеристики. И любая из указанных дисциплин при решении своих собственных проблем исходит из тех или других предположений и допущений для построения некоторой общей теории речевого процесса, но в специальных науках имеющих своё преломление. Система категорий, описывающих речевую деятельность, должна быть приемлема для любой из наук, занимающихся её исследованием, а не конкурировать в рамках одной науки – философии.

Одной из центральных проблем теоретического языкознания является проблема речевой коммуникации. Правильное понимание этой проблемы ведёт не только к правильному пониманию многих лингвистических проблем теоретического характера, к роли логики, психологии в языке. Но главнейшей в этой проблеме является её философский аспект. « ... кто берётся за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя натыкаться на эти общие вопросы». [Ленин т. 15 : 368].

Для более полного овладения внешним миром человеку всегда недоставало полных знаний о самом себе. Уровень познания мира зависит от уровня познания

человеком самого себя, и прежде всего зависит от овладения им своим собственным мозгом как органом управления и познания. Отсюда – возрастание роли во всём комплексе наук тех дисциплин, которые имеют объектом своего исследования головной мозг, его способность быть средством общения, отражать мир и управлять им.

Философия ничем не отличается от всех прочих наук, кроме одного, – каждая конкретная наука ищет в своём объекте нечто общее в ограниченном круге своих предметов и явлений, а философия вскрывает законы, обнаруживающие общие черты во всех науках и проникает в сущность всего мира в целом, открывает всеобщие законы природы, общества, мышления, языка, т.е. обнаруживает, например, в теоретическом языкознании такие закономерности, которые никогда не сможет вскрыть никакая частная наука, т.е. эмпирическое языкознание. Разумеется, то, что было хорошо для эмпирического языкознания и без чего она прекрасно обходилась, без этого уже не может жить теоретическое языкознание – без философии.

Психологическая, логическая и философская проблематики – это уже не пограничные для предмета теоретической лингвистики области, а как имеющие прямое отношение к лингвистическим задачам. Сами проблемы для лингвистики должны стать другими, а не примитивно понимаемыми, вроде вопроса о том, «что первично – материя или дух » ?

2) Решение теоретических вопросов языкознания под силу лишь философии.

Решение теоретических вопросов языкознания под силу лишь философии. В истории развития языкознания мы обнаруживаем, что лингвисты на протяжении многих столетий, из эпохи в эпоху, бьются над решением одних и тех же проблем. Иногда исследователям кажется, что они уже на пороге их разрешений, вот - вот раскроют их тайны, но истинного решения так и не находят. Например, учение о «частях речи» до нас дошло ещё в античной упаковке. Понятие взаимоотношения материи слова и его значения, идущее ещё из диалогов Платона, не назрешено до сих пор.

Когда речь заходит об общей концепции языкознания, вступает в силу его зависимость от философии. Ни одна конкретная научная дисциплина не свободна от философских основ. А философия – это общее мировоззрение, понимание всей совокупности законов функционирования языка во всех его аспектах. Когда специальные теории сводятся воедино (это предмет и цель теоретического языкознания), тогда происходит их непосредственное соприкосновение с философией, уйти и изолироваться от которой никому не дано.

3) Сам язык – и есть философия, ибо за пределами его эмпирии сразу же возникает масса вопросов.

Философские принципы языка проявляются в определениях языка как предмета языкознания, в решении таких проблем, как взаимоотношение языка и мышления, знаковой природы языка, материального и идеального и многих других проблем. Теория языка занимается познанием природы языка. Но именно эта природа языка может сказать многое относительно философских проблем языка, ибо теория языка непосредственно имеет дело с философскими проблемами. Мы занимаемся тем же, чем занимаются и в других областях философии, но только на материале естественного языка.

Можно ли обойтись в теоретическом языкознании без философии ? В эмпирическом языкознании – да. Но как только мы выходим за ворота эмпирии, мы сразу же натыкаемся на массу препятствий и вопросов, неразрешимых без их философского осмысления. Язык, как и объекты многих других наук, обнаруживает теснейшую связь с философией. Более того. Он сам есть философия, рождённая на почве естественного языка. Такая неразрывная связь с философией обусловлена самой природой того, что мы называем «языком». Интеграция современных научных знаний сейчас наиболее тесно связана с всё более усложняющейся взаимосвязью философии с конкретными науками. Философия развивается как органическая часть целостной системы знаний о мире.

Язык или языковая знаковая система является необходимым условием и инструментом специфически человеческого, абстрактного, обобщённого по своей природе, мышления и познания. Роль языка в познании нельзя переоценить. Поскольку человек есть социальное существо, то язык есть одно из важнейших проявлений социальной сущности языка. В этой связи особую важность приобретает философская разработка таких проблем, как взаимоотношение языка с мышлением, сознанием, логикой, речью, текстом, действительностью. А решение всех этих взаимоотношений открывает путь к познанию механизма взаимодействия языковой знаковой системы с мозгом.

4) В чём проявляется диалектика в языке ?

1. Наш мир и наше мышление подчинены одним и тем же диалектическим законам.

« ... диалектика есть изучение противоположности вещи в себе (an sich) ... Тут тоже мы видим переход, перелив одного в другое: Сущность является, Явление существенно. Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т.д. *без конца*. В собственном смысле диалектика есть противоречие *в самой сущности предметов*: не только явления преходящи, подвижны, текучи, отделены лишь условными гранями, но и сущности вещей также» [Ленин т. 29 : 227].

Диалектика – это экстракт из развития природы, человеческого общества и мышления. У наших теоретиков языкознания сами законы теоретического языкознания выводятся не из фактов языка, а навязываются ему как некие абстрактные законы мышления, приписываемые языкознанию непререкаемыми догмами, называемых якобы «марксизмом». Получается, что факты языка должны сообразовываться с априорной логической системой, которая навязывается языку.

« ...в любом предложении можно (и должно), как в «ячейке» («клеточке»), вскрыть зачатки всех элементов диалектики, показав, таким образом, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика». [Там же : 318]. «Быть диалектиком значит видеть всю полноту жизни как нечто целое. Быть диалектиком значит уметь вывести из этого целого каждый отдельный едва заметный его момент и уметь вывести его к этому целому» [Лосев, СЛЯ, 1976, № 5].

«Диалектика – это наука о наиболее общих законах *всякого* движения. Это значит, что её законы должны иметь силу как для движения в природе и человеческой истории, так и для движения мышления». [Энгельс 1982 : 232]. «Над всем нашим теоретическим мы*шлением господствует с абсолютной силой тот факт, что наше субъективное мышление* и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому они не могут противоречить друг другу в своих

результатах, а должны согласовываться между собой. Факт этот является бессознательной и безусловной предпосылкой нашего теоретического мышления». [Там же : 131]. Так называемые «неподвижные» противоположности подвижны и переходят друг в друга: причина и следствие, тождество и различие, явление и сущность. Анализ языка обнаруживает один полюс как наличествующий в другом, в определённой точке один полюс превращается в другой и вся логика языка развёртывается только в этих движущихся вперёд противоположностях. Диалектика языка – только отражение форм движения реального мира и нашего мышления.

2. Диалектика не видит абсолютных границ между явлениями.

Всякое научное познание приблизительно, относительно. В природе отсутствуют абсолютные границы между вещами и явлениями, материя превращается из одного состояния в другое. Кто против этих абсолютных законов природы, тот игнорирует диалектику. Нет никакой «абсолютной» субстанции. Есть относительная и абсолютные истины. Нет абсолютно жёстких разграничительных линий во всём, они несовместимы с теорией развития и системой функционирования объектов, нет «или – или», а фактически есть «как то, так и другое», т.е. противоположности. В сущности всё относительно: положительное и отрицательное, которые имеют смысл только в своём взаимоотношении, а не каждое само по себе. Отрицание жизни, по существу, содержится в самой жизни: жить – значит умереть. Не напрасно ещё древние учёные обратили внимание на эту диалектику: „Memento mori“ („Помни о смерти„).

Тождество и различие не являются непримиримыми противоречиями, это односторонние полюса, взятые по отдельности, но нечто истинное заложено только в своём взаимодействии, во включении их различия в их тождество. Тождество и различие, необходимость и случайность, причина и следствие – вот главные противоположности, которые превращаются друг в друга. Объективная диалектика царит во всей природе, а субъективная диалектика – это диалектическое мышление, отражение господствующего во всей природе движения путём п р о т и в о п о л о ж н о с т е й, которые и обусловливают жизнь природы. Ср. в языке: звук – фонема, буква – графема, слово – понятие, предложение – суждение, сложное предложение – умозаключение.

«Тот факт, что тождество содержит в себе различие, выражен *в каждом предложении*, где сказуемое по необходимости отлично от подлежащего. *Лилия* есть *растение, роза красна*: здесь либо в подлежащем, либо в сказуемом имеется нечто такое, что не покрывается сказуемым или подлежащим». [Гегель т. VI : 231]. «Само собой разумеется, что *тождество с собой* уже с самого начала имеет своим необходимым дополнением *отличие от всего другого*». [Энгельс 1982 : 183].

1. Без диалектики нельзя связать двух языковых фактов.
Диалектика – высшая инстанция теоретического языкознания.

Путь диалектики – от понимания отдельного к пониманию целого, всеобщей связи фактов языка. Здесь уже нельзя ограничиваться лишь непосредственным созерцанием. Игнорирование диалектики познания – это обмеление собранных в одном котле эмпирических фактов языка. Теорию надо извлекать из фактов, но видеть в них не разобщённые связи, а диалектические связи. Общая концепция данной книги, которую читатель держит в руках, – метод материалистической диалектики. Этому методу, как главенствующему теоретическому методу, отведена главная роль в познании сущности языка. Презрение к диалектике, как пишет Ф.

Энгельс, не остаётся безнаказанным, ибо без диалектического мышления невозможно связать хотя бы два факта в теории языка и уразуметь существующую между ними связь. А диалектика как раз и является высшей инстанцией теоретического языкознания. Из диалектического метода лингвисты могли бы извлечь такие теории, которые избавили бы их от блуждания по окольным путям и сберегли бы колоссальное количество потраченного времени в ложном направлении. В диалектическом методе заложена отправная точка теоретического языкознания для всего дальнейшего движения вперёд .

4. В чём конкретно проявляется диалектика в языке ?

Для теоретического языкознания главным методом в исследовании языка является диалектика мышления, помогающая раскрыть глубинные законы жизни языка, связей всех его составных частей, взаимосвязей с мышлением, миром, логикой, речью, текстом. Диалектика даёт масштаб для оценки выдвигаемых лингвистами теорий. Языкознание, благодаря выявлению существующих в самой природе языка связей между различными областями исследования (грамматические, семантические, фонологические и др.), превратилось постепенно из науки чисто эмпирической в науку теоретическую, переросла при обобщении полученных результатов в систему диалектико-материалистического понимания сущности языка.

Сама языковая система, её функционирование, механизмы понимания и познания с помощью языка и многие другие проблемы лингвистики пронизаны «философией», без увязки с которой ни одну проблему теоретического языкознания решить невозможно. Среди многих проблем в ведение философии языка входят, например, и такие проблемы, понимание которых поможет раскрыть природу языка:

1) Что в языке первично – субстанция или отношения;

2) Степень самостоятельности языка;

3) Проблема знаковости языковых единиц;

4) Есть ли язык объективное явление и каковы формы его существования;

5) Есть ли язык необходимое средство существования и осуществление обобщённого мышления и логической, рациональной степени человеческого познания;

6) Являются ли языковые значения отражением нашего познания.

7) Едино ли мышление человека в своих закономерностях. Верно ли утверждение, что в каждом языке отражаются свои закономерности мира и, следовательно, сколько языков – столько и миров : «Так как процесс мышления сам вырастает из известных условий, сам является естественным процессом, то действительно постигающее мышление может быть лишь одним и тем же ...». [Маркс].

8) Как взаимодействуют между собою язык и мышление, и есть ли вообще такое взаимодействие ;

9) Почему каждый национальный язык имеет своё особое семантическое членение мира, отличное от всех других языков;

10) Как осуществляется переход от материи к сознанию, и обратно;

11) Как осуществляется переход от ощущения к мысли, и обратно ;

12) Как осуществляется переход от мысли к языку, и обратно ;

13) Как включается внешний материальный мир в сознание человека.

5. Не «вносить» диалектику в природу языка, а «отыскать» её там:

в эмпирических фактах надо найти общую теорию.

Дело не в том, чтобы внести диалектические законы в природу языка извне, а в том, чтобы отыскать их в нём и вывести их из него. Вскрыть объективную диалектику во взаимоотношениях «язык – речь», «звук – фонема», «материальное в знаке – идеальное в знаке» и др., и таким образом обосновать необходимость диалектики в языкознании и изгнать из неё вульгарный материализм, выдаваемый за «марксизм». Для теории языка имеет значение – какой ум приступает к изучению языковой действительности. Проницательный ум делает великие наблюдения и усматривает в пёстрой игре множественных эмпирических фактов то, что имеет значение для общей теории.

Термин «диалектика» в языкознании измусолен вдоль и поперёк, поэтому ему нет больше доверия в кругах теоретиков языка. И всё потому, что он остался лишь броским лозунгом, увещевающий читателя, что он имеет дело с серьёзным чтивом. На самом же деле здесь часто налицо презрение к диалектике, вследствие чего теоретическое языкознание не остаётся безнаказанным. А пренебрежение к теории ведёт к неправильным выводам в обсуждаемой области языкознания.

6. Язык соткан из противоположностей как отражения сущности диалектики.

Марксизм трактует внутреннее противоречие не как взаимоисключение двух разных событий, вещей, а как противоположности внутри данного явления, вытекающие из внутренней структуры явления. Противоположности должны составлять единое целое, одну сущность, это противоречие внутри одной сущности, диалектическое противоречие есть результат расщепления единого целого. Это есть «раздвоение единого и познание противоположных частей его». [Ленин т. 29 : 316]. Но эти противоположности не должны принадлежать разным объектам, но и принадлежность к одному и тому же объекту ещё не есть диалектическое противоречие. Кроме взаимоисключающих свойств в предмете должны присутствовать и взаимопереход, и тождество. Это и есть взаимодействие различия и тождества и превращение их в единство. «Условие познания всех процессов мира в их «самодвижении», в их спонтанном развитии, в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей». [Там же : 317]. «Вкратце диалектику можно определить как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики». [Там же : 203].

Ленин пишет: «Начать с самого простого, обычного, массовидного, с предложения, с *предложения* **любого**: ...Иван есть человек; Жучка есть собака и т.п. Уже здесь, как гениально заметил Гегель, есть *диалектика*: *отдельное* ***есть*** *о б щ е е.* ...Значит, противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны: отдельное не существует иначе, как в той связи, которая ведёт к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона, или сущность) отдельного... Всякое отдельное не полно входит в общее и т.д. и т.д. Случайное и необходимое, явление и сущность, имеются уже здесь, ибо, говоря, Иван есть человек, Жучка есть собака, Это есть лист дерева и т.д. мы *отбрасываем* ряд признаков как *случайные*, мы отделяем существенное от являющегося и противополагаем одно другому. Таким образом, в *любом* предложении можно (и должно), как в «ячейке», («клеточке»), вскрыть зачатки всех элементов диалектики, показав таким образом, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика». [Там же : 318]. Гегель писал, что в ткань обычных

предложений потенциально включены все философские категории. [Гегель, М., 1937 т. 5 : 7].

Указывая на «Капитал» Маркса как на образец применения диалектики в конкретной области, Ленин отмечает, что Маркс начал с самого простого, обычного, массовидного, миллионы раз встречающегося – обмена товаров. В этой клеточке общества Маркс видел зародыши всех противоречий, диалектику всего общества. Ленин отмечает: таков должен быть метод исследования вообще любого объекта. Опираясь на мысли Маркса и Гегеля, Ленин даёт драгоценные для лингвиста рассуждения о диалектике предложения.

Ленин придаёт важное значение изучению языка диалектическим методом. Он делает вывод о том, что через раскрытие диалектики познания вообще познаётся мир. Эти его высказывания говорят о том, что язык противоречив во всех отношениях: в его единицах, элементах, аспектах, уровнях, функции, развитии. Язык существует, функционирует и развивается благодаря этой своей тотальной противоречивости. Весь язык есть живое противоречие. Познание сущности языка, всех его аспектов должно быть диалектическим, признающим наличие взаимоисключающих моментов во всех процессах и явлениях природы мышления и языка.

Законы не принадлежат к сфере опыта, они не создаются мышлением как средство организации опыта, законы – не абстракции познания, а законы отражения объекта. Если сегодня четверг, то завтра – пятница. За осенью следует зима, за зимой – весна. Это не законы ума, а законы природы, созданные не мышлением, а природой. Сознание систематизирует опыт, делает его понятным., ищет и находит причины и следствия, заменяя первичный хаос упорядоченным отношением между единицами. Мир есть закономерное движение материи, а наше сознание т о л ь к о отражает эту закономерность.

Противоположность или диалектическое протитворечие в единицах языка (фонемы, морфемы, слова, предложения) состоит в том, что каждое из них есть единое целое, и в то же время сложное структурное образование. Единый элемент предстаёт как сложная единица, как цельно-раздельный элемент языка. «Противоположный» не означает «исключающий друг друга», «непоследовательный», т.е. каждая из противоречащих сторон будто бы не дополняет одна другую, а, напротив, они враждебны друг другу, несовместимы в одной и той же единице. Поэтому диалектические противоречия – это ничто иное, как диалектические противоположности. Две стороны одного и того же объекта противоречат друг другу не потому, что они взаимоисключаемы, а лишь в том смысле, что они лишь противоположны в одном и том же объекте, и с необходимостью дополняют друг друга. Объединение двух разных, противоречивых явлений – это и есть закон познания объективного мира.

§ 2. Что такое материальное и идеальное, конкретное и абстрактное, явление и сущность в языке ?

1) Основной вопрос философии языка – взаимоотношение материального и идеального в языке.

Взаимоотношение материального и идеального в языке – это тот же основной вопрос философии о противопоставлении материализма и идеализма. Как же материальное и идеальное связаны в языке, что из них первичное, а что – вторичное, что чем порождается ? Вопрос о характере этой связи, об отношении

мышления к языковым знакам, духовного к материальному и составляет основной вопрос о природе языка. Поскольку, кроме материального (это весь мир и сам человек с его мозгом и языковыми материальными знаками) и идеального (идеальной продукции работы нейронных клеткок человеческого мозга), в подлунном мире ничего больше нет, а то, что мы всегда называли и называем языком, содержит в себе и материальное, и идеальное, то необходимо ответить на вопрос – как взаимодействует язык с мозгом. Не решив этот основной вопрос философии, мы не сможем понять природу «языка», т.е. систему материальных языковых знаков и механизма их функционирования.

При изучении мира мы не можем не заметить, что всё, что окружает человека, либо материально (вне человека и в самом человеке), либо идеально, духовно (мышление и сознание человека). Материя существует объективно, вне сознания человека и независимо от него. То же, что существует в сознании человека, составляет область психической деятельности, которая лежит в основе функционирования языка.

2) Реальность идеального. Идеальное живёт только в мозгу человека.

Мысль нельзя зарегистрировать, но она реальна так же, как и реален сам мозг. Идеальное неотделимо от материального. Но если утверждать, что идеальное существует объективно, то это равнозначно утверждению, что идеальное есть материальное. «Что мысль и материя «действительны», т.е. существуют, это верно. Но назвать мысль материальной – значит сделать ошибочный шаг к смешению материализма с идеализмом». [Ленин т. 18 : 257].

Идеальное существует реально в виде продукта деятельости мозга. Идеальное – синоним духовный, нейронный, психический, церебральный. Ильенков пишет, что идеальность – это своеобразная печать, наложенная на вещество природы обществом, человеческой жизнедеятельностью. Это форма функционирования физической вещи в процессе общественной человеческой жизни. Поэтому все вещи, вовлечённые в социальный процесс, обретают новую, в физической природе их никак не заключённую и совершенно отличную от последней форму существования, идеальную форму. [Ильенков, ВФ, 1979, № 6 : 148]. Записанная на бумаге фраза может расцениваться как продукт психической деятельности, однако этот продукт не содержит в себе идеального. Идеальное было в голове пишущего, теперь оно через знаки, путём сложного психического процесса, появилось в голове читающего.

«Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней». [Маркс, Энгельс т. 23 : 21]. Но это преобразование – не только индивидуальный акт психики, не только личностный нейродинамический процесс, но и принадлежит обществу, потому что сознание есть общественный продукт. Идеальное, ассоциативно связанное с материей звука и буквы, существует только в индивидуальной психике, но оно возникло независимо от индивида, не по его воле, а в результата осознания людьми своей общественной практики, в виде логического понятия или значения слова.

Нельзя признавать наличие только одного уровня реальности. Идеальное тоже реально, не только материя реальна. Мышление не менее реально, чем пищеварение, но различие между ними – реальность разного уровня. Мысль нельзя зарегистрировать, это реальность иного уровня. Язык, мышление, сознание, память – это реальность особого уровня.

Мыслит индивид, вплетённый в сеть общественных отношений. Мозг – материальный анатомо-физиологический орган работы мышления, т.е. духовного

труда. Продуктом этой работы оказывается «идеальное», а вовсе не материальные изменения внутри самого мозга. Идеальное – это как бы отпечаток, схема реальной предметной деятельности человека. Это только схема, но не сама деятельность. Это схема деятельности человека с вещами, это независимый от устройства мозга объект, направленный на изменение образа вещи, а не самой вещи, в этом образе предметно представленной. Это и отличает идеальную деятельность от материальной. Форма стоимости у Маркса идеальна потому, что она отлична от осязаемо-телесной формы того товара, в котором она представлена. Одно дело иметь 100 талеров в кармане, и совсем другое – иметь их лишь в сознании, в воображении, в мечтах, т.е. лишь идеальные талеры. Так и бог: в голове, в мечтах, в сознании бог есть, а реально его нет. Ведь мало чего в сознании есть ! От наличия образа в сознании нет его прообраза вне сознания. [Ильенков, ВФ, 1979, № 6 : 135 - 137].

Идеальное существует только в психике в форме индивидуального, субъективного состояния. В единстве разнотипных психических явлений идеальное выступает в качестве наиболее трудно уловимой для научного понимания стороны психики.

Философское понятие «материя» как таковая не существует, это чистое создание мысли, абстракция. Здесь мы отвлекаемся от качественных различий всех окружающих нас вещей и объединяем их, как телесно существующие, под понятием «материи». Она не является чем-то чувственно воспринимаемым. Психическое – это функция мозга, а идеальное – когда акцентируется его отношение к внешней действительности, как её образ, т.е. как логическая форма мысли (фонема, понятие, суждение). В понятиях *общее, абстрактное, сущность* и в понятиях *отдельное, конкретное, явление* отражается один и тот же факт действительности.

Логические противоречия в теории языка – это неизбежное следствие пренебрежения диалектикой изучаемого объекта, диалектикой общего и отдельного, абстрактного и конкретного, идеального и материального. Категории абстрактного и конкретного выступают в качестве двух сторон противоречивого диалектического единства в мышлении. В этом и состоит трудность их познания. На общее и абстрактное нельзя указать пальцем. Проблема взаимоотношения конкретного и абстрактного, материального и идеального – это проблема определения сущности языковых материальных знаков и их взаимоотношения с мышлением.

Например, математика имеет дело не с реальными объектами, а лишь с их абстрактными, идеальными отражениями в сознании человека. Математических категорий в природе не существует. Математик, как и лингвист, на мир набрасывают идеальную сетку – числовую или звуковую и буквенную, т.е. знаковую. Все определения реальных объектов совершаются сознанием, но их качества и определения свойственны не самим объектам, а знаковым системам (цифровым и буквенным или звуковым), ассоциативно в сознании, внешними этим объектам, произвольно связанных с реальными объектами, произвольно вносятся сознанием. Человеческое мышление совершается между двумя полюсами основных гносеологических категорий – общего и отдельного, абстрактного и конкретного, явления и сущности. Эти антонимы в языке своеобразно преломляются, они лежат в основе наиболее
фундаментальных принципов языковой организации, составляя её сущность.

3) Взаимоотношение материального и идеального,

конкретного и абстрактного, явления и сущности.

1. Взаимоотношение материального и идеального, конкретного и абстрактного, явления и сущности в языке.

Понятие сущности равно понятию содержания, но не тождественно ему. Содержание – это совокупность всех свойств данного процесса, а сущность – это главная, внутренняя, относительно устойчивая сторона предмета. Сущность определяет природу предмета, из неё вытекают все его остальные стороны и признаки. Явление – это внешнее, непосредственное выражение сущности, форма её проявления. Сущность и явление взаимосвязаны, неразрывны: сущность является, явление существенно. Явление – это та же сущность, но взятая со стороны проявления её непосредственной действительности. Явление – внешняя, поверхностная сторона действительности, отдельные свойства, моменты, стороны вещей. Сущность – это те же явления, те же многообразные моменты, стороны, но взятые в наиболее устойчивом, глубоком, общем смысле или виде.

Главная цель анализа языка и построения его теории – не изучение его эмпирических фактов, хотя без этого обойтись невозможно, а построение теории языка на их основе, выявление сущности языка. Но глубокий анализ предполагает и построение моделей. Теория надстраивается над фактами. Ленин пишет, что мышление, восходя от конкретного в абстрактному, не отходит от истины, а подходит к ней. Все научные абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее. Путь исследования – от живого созерцания к абстрактному мышлению. Таков диалектический путь познания истины. [Ленин т. 29 : 152 - 153]. «Объект и идея – не две разные вещи, они принадлежат к одному и тому же миру. Нельзя разрывать идею и действительность, сознание и природу». [Ленин 1982 : 229].

«Всякое действительное, исчерпывающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях поднимаем единичное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность; заключается в том, что мы находим и констатируем бесконечное в конечном, вечное – в преходящем. Но форма всеобщности есть форма внутренней завершённости и тем самым бесконечности; она есть соединение многих конечных вещей в бесконечное». И далее: «Форма всеобщности в природе это закон ... Всякое истинное познание природы есть познание вечного, бесконечного, и поэтому оно по существу абсолютно». [Энгельс 1982 : 201 - 202].

Идеальное – это мир представлений, а не действительный, материальный мир. Идеальное выражается не только в языке, в его словарном составе, в его грамматических схемах, но и во всех других формах выражения общественно значимых представлений, в том числе, например, в балете, обходящегося без словесного текста.

Но так как идеальное как идея, как логическая абстракция вне материальных форм языка не распознаваема, вне физической субстанции не передаваема, то его материальным субстратом служат только материальные знаковые формы, которые в обобщённой, логической форме представлены в логических фонемах, графемах, понятиях, суждениях, умозаключениях.

Человеческое мышление, обладающее свойством абстрагирования, в процессе познания способно рассматривать вещи, свойства, события, действия, состояния как самостоятельно существующие предметы, как будто это, действительно, материальные вещи и их можно потрогать руками. Абстрагирующее свойство мышления в полном объёме невозможно нигде и никак обнаружить, кроме как в языке: 1) Это прежде всего и главное – четырёхуровневая п р и р о д а я з ы к о в о г

о з н а к а, из которых два (**1** и **4**) представлены материей (знак и внешний предмет) и два (**2** и **3**) представлены идеальными, логическими формами (фонемы и понятия). Не может быть никакого языка как средства познания и средства общения без взаимодействия двух его сторон – материальной **(1 – 2)** и идеальной **(2 – 3)**, что и отражено в модели знака. 2) Абстрагирующее свойство мышления проявляется также в с у б с т а н т и в а ц и и в языке всех процессов, качеств, свойств элементов действительности, которые сами по себе не являются реальными, материальными предметами. Для этой цели в языках выработались способы субстантивации идеальных понятий.

Именно в связи с этим существуют в языкознании такие «обще-грамматические», «обще-категориальные», «обобщённо-семантические» понятия как «предметность», «процессуальность», «признаковость», под которые подводятся реально существующие действия (*бег*), качества (*краснота*), состояния (*болезнь*). Это языковое явление есть не что иное, как следствие работы человеческого мозга, процесса мышления как идеального отражения мира: происходит процесс абстрагирования от конкретных действий, качеств, состояний к всё более высокому их идеальному, абстрактному, логическому обобщению, и этот процесс не имеет пределов.

Мысль, идеальное, психическое, будучи высшей функцией мозга, не может существовать вне мозга, в отрыве от мозга, независимо от мозга. Вторичность идеального состоит не только в том, что оно есть функция материи мозга, но и в том, что оно невозможно вне мозга, быть самостоятельным и независимым от него. Дух не существует независимо от тела.

Понятие идеального наряду с понятием вторичности – это две стороны одной проблемы. Маркс пишет: « ...идеальное есть материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней ...». Именно эта сторона отражения, познания лингвистами недооценивается при обсуждении сущности познания с точки зрения диалектики, подчёркивается лишь вторичность, производность сознания от материи, от бытия.

Идеальное – это качество, присущее работе мышления, а мышление – это свойство высокоорганизованной материи, т.е. функция мозга. Из этого следует, что вопрос об отношении идеального с материальными мозговым процессам невозможно игнорировать. Некоторые лингвисты считают, что идеальное может быть вынесено за пределы человеческой головы. Но идеальное нельзя обособить от деятельности мозга. «Всякий человек знает – и естествознание исследует – идею, дух, волю, психическое, как функцию нормально работающего человеческого мозга; оторвать же эту функцию от определённым образом организованного вещества, превратить эту функцию в универсальную, всеобщую абстракцию, «подставить» эту абстракцию под физическую природу – это бредни философского идеализма, это насмешка над естествознанием». [Ленин т. 18 : 21].

Идеальное не существует само по себе, оно необходимо связано с материальными мозговыми процессами, является субъективным проявлением мозговых нейродинамических процессов. В этом смысле идеальное объективировано, ибо иначе оно не существует. Информация, зафиксированная в памяти общества (в книгах, произведениях искусства, машинах, материальных ценностях), не есть идеальное, если она не актуализирована в сознании личностей. Идеальное не содержит в себе ни грана вещества отражаемого объекта, оно является непротяжённым свойством, которое нельзя измерить, взвесить, воспринять, однако его можно обнаружить только по внешнему проявлению в деятельности субъекта, в

речи, в тексте. Идеальное, живущее в одном мозгу, но ассоциативно вынесенное вовне мозга языковыми знаками, «извлекается» из этих знаков другим мозгом по ассоциативной связи между материей знака и её лоогичесим образом в мозгу. Но сам процесс извлечения информации скрыт от личности.

2. Идеальное проявляется только через материальные знаки языка.

Идеальное осуществляется и воспринимается через символы и знаки языка, т.е. через внешнее, чувственно воспринимаемое, видимое или слышимое тело слова. Но данное тело, оставаясь сами собой, в то же время оказывается бытием другого тела и в качестве такового его «идеальным бытием», его значением, которое совершенно отлично от его непосредственно воспринимаемой ушами или глазами телесной формы. Когда мы говорим об идеальном в указанном нами смысле, то надо иметь в виду, что идеальное, информация не витает в безвоздушном пространстве, она имеет своего носителя, происходит раздвоение, выделение, вычленение информации из своего сигнала, совершающееся в субъективной форме, в мозгу.

Все психические явления есть не что иное, как идеальное, информация, данная личности в непосредственном, «чистом» виде. Идеальное инвариантно по отношению к различным формам знаков. Это фундаментальное положение теории идеального (и информации) имеет первостепенное значение для понимания природы идеального, а значит – и языка.

§ 3. Механизм познания реальной действительности.

1) Познание закрепляется в логических формах понятий, суждений умозаключений.

Человек – биологическое существо, в ходе эволюции развития получившее свои свойства и способности, в том числе и способность к познанию. Эта эволюция человека есть одновременно эволюция процесса познания, так как приспособление к условиям внешнего мира означает, что организм получает некоторое количество информации об этих условиях.

Опыт человека способствует уровню развития познания через врождённые структуры познания, которые приобретаются генетически. Процесс познания – не просто фиксирование связей, отношений, явлений, процессов и закономерностей окружающего мира, но и своеобразная реконструкция их на основе мышления, т.е. создание определённой логической картины, образа мира. Материя и познание, материальное и идеальное, это две стороны одного и того же мира, между которыми существует взаимодействие. В познании мира и мышления надо рассуждать диалектически, т.е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а изучать, каким образом из незнания получается наше знание, неполное, неточное знание становится более полным и более точным.

Одно дело, как человек воспринимает мир, и как из материального мира путём долгих размышлений развиваются абстрактные понятия, например, пространства, времени и др., в языке – знака, фонемы, понятия, суждения и др. Другое дело – соответствует ли этим восприятиям и этим понятиям объективная реальность, независимая от человека. Наш опыт и наше познание всё более приспосабливается к объективным законам мира, мышления, всё правильнее и глубже их отражая. Результаты познания закрепляются в философии, в логике, в

теоретическом языкознании в виде фонем, графем, понятий, суждений, умозаключений. Говорить и писать только о том, что видишь, – это не познание. Каждое явление, каждая вещь имеют свою внутреннюю природу, которая не дана в прямом созерцании. Абстрактное мышление рождает логические формы, понятия, суждения, которые уже сами участвуют в познании.

Знание – это результат познания. Как только в процессе познания возникают знания, они вербализуются и автоматически переходят в какую-либо конкретную научную или практическую область в виде понятий, терминов идей самого различного плана. В науке самым трудным является как раз то, что интуитивно понятно и ни для кого не представляет, на первый взгляд, никаких затруднений.

2) Познать природу языка можно лишь через взаимодействие действительности, логического мышления и материальных знаков.

При исследовании сущности языка мы неизбежно входим в проблему взаимоотношения языковых знаков, мышления и действительности, а это, в свою очередь, ведёт нас к проблеме взаимоотношения конкретного и абстрактного. В эмпирическом языкознании язык, мышление, действительность рассматриваются как объекты рядом положенные, параллельные и связанные лишь отношением изоморфизма, т.е. отношениями одинаковости, подобия, сходства, подлежащего исследованию один после другого, один независимо от другого. Классическим примером такого рассмотрения языка является известное определение языка у Соссюра: «единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя». [Соссюр 1977 : 269]. Фактически же действительность, мышление и языковые знаки должны рассматриваться как единое звено неразрывной причинно-следственной связи, которая по природе своей вовсе не предполагает отношений одинаковости или сходства между ними.

Чтобы человек мыслил, отражал предметы, их свойства, их связи, необходимо, чтобы у него выработалась способность абстрагироваться от конкретных связей предметов и их свойств. Формирование законов мышления у него происходит благодаря его способности отвлекаться от наличных связей и удерживать в сознании свойства предметов и их отношений в виде абстрактных единиц мышления – понятий и суждений. Поставить языковой знак – звук, букву, морфему, слово, предложение, сложное предложение на философскую основу – значит понять их сущность.

§ 4. Философское обоснование взаимодействия материального и идеального в языке– звука и фонемы, буквы и графемы – как взаимоотношение отдельного и общего, явления и сущности.

1) «Дегуманизация» языка в связи с открытием фонемы ?

В языкознании много слов сказано о фонеме, добрых и не очень, но в основном одобряющих её рождение. Абаев справедливо считает, что в результате ложного и гипертрофированного развития фонология стала перерождаться в схоластическую доктрину, которую пытались затем перенести на другие стороны языка и сделать универсальной лингвистической теорией. Звуки речи (фонемы) сами по себе не соотносимы с данными опыта и их система определяется внутренними корреляциями. Вот почему структура чистых отношений, на которых строится фонология, неприменима ни к морфологии, ни к синтаксису, ни к лексике. [Абаев 1965 : 29].

Теория фонемы зациклилась на одном, хотя и чрезвычайно важном, но не самом главном – на её смыслоразличительном свойстве, но не раскрыта глубинная, логическая природа фонемы и её роль в понимании сущности языка. Были открыты лишь фонологические системы в каждом языке на основе внутренних корреляций, а также родилось у некоторых лингвистов неуёмное желание подогнать все остальные частные системы языка под фонологическую систему. Но позабыто, или пропущено мимо ушей то, о чём писал ещё в конце 19 века Бодуэн де Куртенэ, – что такое фонема и какова её роль в понимании сущности языка.

Такое отношение к фонеме дало повод, но совершенно на пустом месте, отвергнуть вообще понятие фонемы и науку фонологию. «Дегуманизация языка привела в конечном счёте к дегуманизации лингвистики. Фонетика переросла в фонологию, сосредоточенную на фонологических единицах и их дифференциальных признаках в отвлечении от многих фонетических особенностей речи» [Арутюнова 2000 :10].

Признавать, что фонема реально не существует и что введение её в языкознание есть дегуманизация языка, – это чудовищно с научной точки зрения. Можно подумать, что в мозгу человека отпечатана не данная фонема или графема как абстрактная, идеальная, логическая форма звука и буквы, в заложен в мозгу их материальный субстрат, сам физический звук или сама буква, чернильные крючки.

Недооценили величайшее открытие Бодуэна де Курненэ, значение и роль фонемы в понимании с у щ н о с т и языка, ошибочно полагая, что природа языка заключена лишь в материи знаков и в системе фонологических противопоставлений.

К. Маркс пишет, что «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [Маркс, Энгельс т. 23 : 21]. Следовательно, в мозгу человека находятся не материальные звуки природы, не сами материальные членораздельные звуки, изобретённые человеком, а их идеальные отражения. Следовательно, весь язык в виде материи звуков и букв, находится в сознании человека как их идеальные отражения, двойники, т.е. и язык, и внешний мир представлены в человеческой голове как их и д е а л ь н ы е о б р а з ы (в знаках это уровень **2**). Это и есть основная и главная а к с и о м а я з ы к а, в этом и состоит его истинная природа. Отсюда – реальность и неизбежность ф о н е м ы как абстракции от «звука» и г р а фе м ы как абстракции от «буквы». Если бы наши лингвисты не просто перелистывали Маркса, Энгельса, Ленина, а изучили их и сделали их идеи своими, то они бы поняли что фонема – это основной кирпичик языка и не надо было бы создавать различные фонологические школы (Московская, Ленинградская, Пражская), дискутировавшие на уровне средневековых схоластов не о самых существенных свойствах фонемы. Вот как Гегель понимал фонему: «Форма звука – это душа, отлетающая в звуке» [Гегель 1975 : 215]. Сепир такого мнения: «Эти физические свойства, разумеется, необходимы, чтобы передать нам реальный сигнал для идентификации данной единицы как некоторой функциональной значимой точки. В физическом мире наивный говорящий и слушающий производят и ощущают звуки, но не единицы, которые они внутренне оценивают как произносимые и слышимые, то есть „фонемы“». Это Э. Сепиром сказано в разделе: «Психологическая реальность фонем» [Сепир 1993 : 298 - 299].

Брдуэн де Куртенэ (п. 9) пишет, что «Понятие „звуковых законов“ должно быть окончательно отброшено языкознанием и заменено его психологическим эквивалентом». Бодуэн де Куртенэ дал нам всем понять: психологическая сторона в слове, знаке, – не частная собственность языка, а собственность мышления, которое живёт в нейронах мозга и цель языкознания – разгадать механизм взаимодействия материального и идеального в языке, а по старому – механизм «взаимодействия языка и мышления». Язык

– не аналог человека, вопреки мнению Арутюновой, и он не соединяет в себе ни материю, ни дух, их соединяет в себе мозг человека, и материя для него, т.е. звуки и буквы, ч т о б ы с т а т ь я з ы к о м, превратились в систему ф о н е м и г р а ф е м как систему логических абстракций. «Дух» живёт в человеке в логических формах фонем, графем, морфонем, понятий, суждений, умозаключений. Что же осталось от языка ? Остались материальные «рожки да ножки», физические звуки или чернильные пятна – но это уже природная материя, а не язык. Чтобы стать языком, материальные знаки должны быть помещены в мозг в их идеальной, а не материальной форме. В язык, и следовательно, в систему знаков природная материя превращается благодаря тому, что эта природа стала для человека ассоциативными знаками определённых идеальных понятий, хранящихся в мозгу, а не в чернильных крючках, не в типографской краске. Если благодаря введению понятия фонемы язык «дематериализуется» (Филин), или «дегуманизируется» (Абаев, Арутюнова), то это значит, что указанные авторы под языком понимают лишь физические звуки, а не то, что за ними скрывается – система абстрактных, обобщённых логических единиц – фонем, находящихся в мозгу, а не на бумаге и не в звуках. Человеческий мозг воспринимает живые звуки и буквы на чувственной ступени абстракции как физическую субстанцию, «преобразует» их, как пишет Маркс, в идеальное. Ни звуки, ни буквы не могут «войти» в мозг как таковые, как физическая материя: мозг в состоянии воспринять их т о л ь к о в обобщённой, абстрактной форме, идеально, только в виде фонем, организованных в некоторую систему.

Указанные выше авторы увидели вред, нанесённый языкознанию тем, что языкознание вместо чисто «гуманитарной» науки стало «негуманитарной» наукой – а это значит вместо чистой беллетристики – становится наукой точной, поддающейся машинному, математическому, логическому моделированию, благодаря чему языкознание встало в один ряд с точными науками, чем оно и должно быть по своей сущности, но ещё не стало ею. Обосновывать процесс «дегуманизации» языка тем, что звуки заменили фонемами, т.е. увидели сущность человеческого языка только в материальных звуках, – это всё равно, что заявить: *вода* характеризуется свойством *воды*, потому что она материальна и потому что мы практически пьём материальную воду, а не её химическую формулу, а *воздух* характнризуется тем, что мы практически дышим материальным *воздухом*, а не какими-то там его химическими формулами, его химическим составом, как будто в самих названиях материальных субстанций *вода*, *воздух* и заключена их сущность.

В таком случае мы оставили человека наедине с физической материей, т.е. н е ч л е н о р а з д е л ь н ы м и звуками и буквами и не увидели в них, кроме физической материи, ничего абстрактного, а это значит – более глобального, психологического, мыслительного, логического. Мы оставляем человека на стадии животных, у которых звук п р я м о и н е п о с р е д с т в е н н о как нечленораздельная реакция на ситуацию обозначает конкретное событие, т.е. именно то, что он обозначает, именно то, что животное видит и ощущает. По Арутюновой, перевести серию разрозненных нечленораздельных звуков в систему фонем как абстрактных, идеальных единиц, т.е. звуковых и графических понятий – значит совершить над человеком негуманный акт, а это значит – превратить его, обратно, в стадное животное и лишить его свойства б ы т ь ч е л о в е к о м. Такое представление о месте и роли понятия фонемы, перевернувшего всё языкознание 20 века, можно приписать только теоретическим дилетантам.

Звуки, буквы, материя – это область чувственного мышления. Но человек обладает не только чувственным, но и абстрактным мышлением, которое, собственно, и сделало его человеком. Воспринимая чувственный образ, человек тут же в своём мозгу

превращает его в некую абстракцию: цепочка материальных звуков и букв *берёза* **(1)** не переходит в их первозданном виде в его, человека, мозг, в нём рождается абстрактный, логический образ этого звукосочетания в виде цепочки фонем и графем **(2)**, а семантическое значение реального дерева *берёза* **(4)** – превращается в логическое понятие **(3)** о бесконечном количестве самых различных материтальных *берёз* **(4)**.

Что такое нечленораздельные звуки ? Это, прежде всего, физическая, природная материя, такая же, как и мой *стол*, соседний *дом*, *дерево* во дворе, бегущая по улице *собака*. Моё чувственное мышление воспринимает эти материальные объекты точно такими же, какие они есть на самом деле. Но моё абстрактное мышление преобразует эти чувственные объекты в их идеальные образы: из области чувственного созерцания они переходят в моё абстрактное мышление, в мозг в виде их идеальных отражений, образов. Разумеется, не как материальные предметы – в мозгу им нет места и их невозможно туда запихнуть, а как абстракции от них, как нечто идеальное, т.е. в виде логических понятий, мельчайшими из которых являются фонемы и графемы. Это как раз то, о чём пишет Маркс: «Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней».

Мы говорим и пишем не звуками и буквами, хотя воспринимаем и продуцируем их только как физическую субстанцию, а фонемами и графемами, мы понимаем не звуки и буквы, а фонемы и графемы, хотя это понимание является нам через их материальные субстраты – звуки и буквы. Своим чувственным мышлением человек воспринимает материю звука и буквы в их физических параметрах, но в своём абстрактном мышлении преобразует их в абстрактные сущности, в логические формы – фонемы и графемы. Это значит, что звук (буква) должен быть преобразован, уподоблен идеальному, а это значит – преобразован в некую мельчайшую идеальную, логическую форму – фонему, графему.

И всё это подчинено более общему закону – закону обобщения и, следовательно, закону познания и закону коммуникации, которые осуществляются только и только в форме высших абстракций – как логические формы мышления, к низшей из которых, наравне с другими формами (морфемами, понятиями, суждениями, умозаключениями), принадлежат фонемы и графемы. А как избавиться от неё, от фонемы, как этого захотела Арутюнова, чтобы не допустить дегуманизации языка ? Только превратившись снова в стадное животное, лишившись человеческого, в высшей степени развитого абстрактного, т.е. логического мышления.

Отрицать реальность фонемы, и на этом основании говорить о «дегуманизации языка», – значит отрицать диалектику, теорию познания, вообще «человеческую» сущность человека. Мышление, язык, в том числе и сам процесс познания имеют двойственную природу: познавательное движение от материального к идеальному, от частного к общему, от конкретного к абстрактному, от явления к сущности, от содержания мышления (семантические формы мышления) к формам мышления (логические формы мышления), от членораздельного звука к фонеме, от буквы к графеме, от слова к понятию, от предложения к суждению, от сложного предложения (связи простых предложений) к умозаключению (силлогизму), от умозаключений к теориям, от теорий к системе взглядов, воззрений. Какие из названных категорий познания и диалектики присущи тому, что лежит в основе феномена, называемого «языком» ? Все ! Именно этого не поняли авторы теорий «лингвистической относительности», «языковой картины мира», «дегуманизации языка» и их последователи: они видят сущность языка только в физических звуках, которые, как они полагают, отражают мир непосредственно, минуя абстракции в виде логических форм мышления: фонем, графем, морфем, понятий, суждений,

умозаключений (первые три логические формы – фонемы, графемы, морфонемы – до сих пор не были обнаружены профессиональными логиками среди логических форм мышления !).

Аристотель был выдающимся античным философом языка, логоса, открывшим двойственную природу языка, обнаружив в грамматических и семантических значениях языка его более глубокий, логический уровень, доказавший реальность взаимодействия логических и языковых форм. Прошло уже 140 лет с тех пор, как лингвистический мир был оповещён о мировом открытии в языкознании, сделанным Бодуэном де Куртенэ в 1870 году, открытии, которого до сих пор не заметили некоторые лингвистические ретрограды. Бодуэн де Куртенэ был выдающимся философом языка, увидев в физических членораздельных звуках человека нечто обобщённое, абстрактное, некие мельчайшие психические – а это значит, – логические формы – фонемы, увидев в них сущность членораздельной речи и, следовательно, сущность языка.

«В Германии только начинают нащупывать ту почву, которая давно вспахана плугом Бодуэна» [Поливанов 1968 : 55]. «Фонология стала своеобразным демиургом, создав лингвистику XX века [Журавлёв 1990 : 101]. По мнению Журавлёва, фонология – наука фундаментальная, так же как математика, физика, химия. Её фундаментальность «следует видеть в том, что именно здесь оформилось представление о системном устройстве реальной действительности. «Фонология стала центром функционально-системного подхода ко всем явлениям языка, т.е. сфера её применения – вся лингвистика в целом» [там же : 171]. По свидетельству Журавлёва, «Леви - Строс, познакомившись с принципами фонологии, категорически заявил: “Фонология займёт в науках гуманитарного цикла такое же место, как ядерная физика в науках естественных“ » [Журавлёв 1990 : 150].

Отрицание фонемы и гиперболизация звука как основной единицы языка не случайно, это чисто эмпирическое языкознание, продолжение теории языка как собрания разрозненных фактов, сегментация или расчленение языка на какие-то дробные и совершенно случайные части, не определяющие сущности языка. То же самое можно сказать и о семантике. «Область значения предложения», а таковых значений даже в одном языке – миллионы и миллионы, средствами языкознания не решить, если эти значения изучать в каждом конкретном предложении, да ещё и расплывчатыми семантическими методами, методами синтаксической семантики. Цель каждой науки – выявление нечто общего, определённых закономерностей и законов в исследуемой области – в противном случае мы имеем дело не с наукой, а с набором фактов. Любая наука требует обобщений, сведения частного к общему, явления к сущности, отдельных фактов к закону их функционирования. Но что, если исходить из этих требований науки, может сделать лингвистика своими описательными методами в области бесконечного множества отдельных «содержаний предложений» ? По отношению к семантическим методам более обобщающим методом мог бы стать логический анализ как более высокая ступень анализа.

Потебня пишет, что языкознание рассматривает значение слова только до известного предела. «Так как говорится о всевозможных вещах, то без упомянутого ограничения языкознание заключало бы в себе ... содержание всех прочих наук. Например, говоря о значении слова «дерево», мы должны были бы перейти в область ботаники ... » [Потебня 1958 : 19].

«Духа» у языка нет, ибо это мышление человека, владеющего данной знаковой, т.е. именно языковой системой. Именно человек в своём мышлении «соединяет материю и дух», материю, которая императивно необходима, он превращает в абстракцию, в «дух» как нечто идеальное, находящееся в мозгу в виде логических

фонем, понятий, суждений. Ни звук, ни буква не могут войти в мозг человека в их природном, девственном виде, мозг воспринимает их лишь в преобразованном, абстрактном виде как фонему (графему) в виде логических абстракций. Так называемый «дуализм языка» (материя и дух), о чём пишут некоторые лингвисты, есть функция мышления, свойство законов познания.

Это именно то, что Ленин пишет об агностиках. Ленин, опираясь на достижения естествознания того времени, сформулировал идею об отражении как о всеобщем свойстве всей материи. В психике – это отражательная функция мозга [Ленин т. 18 : 91]. Эту же линию Ленин проводит и в другой работе: «В чём же *суть* его (агностика, – А.К.) линии ? В том, что он не идёт *дальше* ощущений, в том, что *он останавливается по сю сторону явлений*, отказываясь видеть что бы то ни было „достоверное“ за пределами ощущений. О *самих этих вещах* ... мы достоверного знать не можем, – таково совершенно определённое заявление агностика. ... Но ведь это чистое ребячество, что номенклатура может заменить философскую линию ...» [Ленин 1979 : 104].

2) Фонема и графема как психическая реальность

В языкознании нет, пожалуй, более важной и в то же время более запутанной и спорной проблемы, чем проблема фонемы, по-разному понимаемой и трактуемой многими лингвистами. Фонема рассматривалась и как психологическое явление в виде воображаемого звука, противопоставляя её действительному звуку; и как единица кода, а звуки – сообщение; и как класс звуков, объединённый неким фонологическим сходством; и как фикция, конструкт, фиктивная единица языка; и как алгебраический знак, который, по Ельмслеву, должен стать «алгеброй языка, оперирующей произвольными единицами без естественных обозначаемых». [Ельмслев 1960; см. также: Якобсн, Халле 1962 : 238 - 244]. Существовали даже отдельные направления или школы в теории фонемы (Московская, Ленинградская, Пражская), дотошно, и надо сказать, схоластически изучавшие противопоставления и оппозиции фонем, но так и не раскрывшие её истинную сущность.

Кому мы обязаны появлением понятия фонемы ? Впервые мысль о противопоставлении материального и идеального в звуке высказал Аристотель: «Элемент – невидимый звук, но не всякий, а таковой, из которого может возникнуть разумное слово. Ведь и у животных есть неделимые звуки, но ни одного из них я не называю элементом. [Аристотель 1936 : 62].

Носители языка не замечают всего многообразия звучаний одного и того же звука или написания одной и той же буквы, представляя себе разные звучания как один и тот же звук, а разные написания одной и той же буквы как одну и ту же букву. Впервые в Новом времени, в истории языкознания в 1870 году идею о психической реальности высказал профессор Казанского, а затем Петербургского университетов Бодуэн де Куртенэ, по-видимому ещё не придавая особого значения этому величайшему открытию, которое впоследствии перевернёт всё языкознание, правда, ещё и сегодня мы сталкиваемся с лингвистическими динозаврами, которые называют фонемы «дегуманизацией языка».

Вся творческая деятельность Бодуэна де Курьенэ была направлена на глубокое осмысление всех главных теоретических проблем науки о языке, а общее языкознание он считал истинным, собственным языкознанием. Бодуэн де Куртенэ даёт весьма образное определение понятию фонемы. Звуки животных – пишет он – обладают общей им всем чертой: они самой природой животного предназначены для того, чтобы выражать именно то, что они, в действительности, выражают. А слова отличаются способностью принимать всё новые значения. Характер необходимости им совершенно

чужд, им не соответствует во внешнем мире ничего непосредственно чувственного. [Бодуэн 1963 : 261 - 262]. Он поведал лингвистическому миру о несовпадении «физической природы звуков с их значением в чутье народа» [Бодуэн 1963, т. 2 : 46]. Это «психический вариант звуков языка» [Там же : 271, 351], как «представление языковой единицы», которое «существует и беспрерывно продолжается в индивидуальной психике». [Там же : 249]. «Пока мы имеем дело с говорением и слушанием, нам достаточно термина «звук», обозначающую простейшую фонационную, произносительную единицу, вызывающую единое акустико-фонетическое впечатление; но если мы встанем на почву действительного языка, существующего в своей непрерывности только п с и х и ч е с к и, будем искать другого термина, могущего обозначать п с и х и ч е с к и й эквивалент звука. Именно таким термином и является термин ф о н е м а». [Бодуэн 1963, т. 2 : 351].

С п с и х о л о г и ч е с к о й точки зрения, е д и н с т в е н н о п р а в и л ь н ы м и в я з ы к о з н а н и и фонетическими единицами являются отдельные фонетические п р е д с т а в л е н и я. Это простейшие п с и х о ф о н е т и ч е с к и е элементы. В отличие от звуков, независимых от языкового мышления, эти живые элементы языка со стороны произношения есть ф о н е м ы, следовательно, однородное неделимое в языковом отношении антропофоническое представление, возникшее в душе путём психического слияния впечатлений, полученных от произношения одного и того же звука. [Бодуэн, т. 1 : 355].

Итак, в слове имеются две стороны – звуковая форма и функция, которые не существуют отдельно. «В этом взгляде на природу языка очевидно недостаёт чего-то, связывающего звучание и значение, и именно недостаёт представления созвучия как внутреннего отражения внешней стороны слова. Этот недостаток есть следствие рассмотрения языка в отвлечении от человеческого организма. ... Эти процессы (в мышлении, – А.К.) совершаются посредством соединения представления предмета (значения) с представлением созвучия (при написании ещё с представлением видимых начертаний, сопровождаемых соответствующими движениями руки), но без слышимого созвучия ...». [Бодуэн 1963 : 374]. Поэтому основа языка – ц е н т р а л ь н о – м о з г о в а я: звуки, чувственная сторона, внешняя, периферийная сторона, взятая сама по себе, ничего не значат. Например, чужой язык мы не понимаем, хотя различаем его звуки, которые не существуют для нас как язык. Основа языка – чисто психическая, следовательно, языкознание относится к психологическим наукам. А так как психическое развитие возможно только в обществе, социальной среде, то языкознание – наука психологично-социологическая. [Там же : 384].

Фонема – это психический эквивалент звука, это единый, неделимый антропофонический образ, возникший из целого ряда одинаковых и единых впечатлений, это единое фонетическое представление, возникшее путём психического слияния впечатлений, полученных от произношения одного и того же звука. Язык как физическое явление вообще не существует. [Бодуэн 1973 : 389 - 390].

3) Фонема и графема как логическая реальность.

Вот что пишет, например, антрополог Поршнев: к знакам относятся интонация, мимика, телесные движения (пантомимы, жестикуляция). О них говорят лишь как о средстве выражения эмоций, но никогда – как о знаках. То же надо сказать и о фонеме – это знак, идеальная сторона которого живёт в мозгу как логическая форма. [Поршнев 1974 : 140].

Внутри физической реальности звучащих и написанных слов, совершенно разной у разных говорящих и пишущих носителей одного и того же языка, заложена некая

всеобщая, абстрактная произносительная или графическая единица, – фонема, графема, которые есть не что иное, как звуковое или графическое понятие. Так же, как данное конкретное слово выражает значение отдельного предмета, это же слово одновременно выражает и обобщённое логическое понятие о множестве аналогичных предметов. Следовательно, всеобщее в материальных звуках и буквах, как низших логических формах – в фонемах и графемах, образованное совокупностью психических процессов в мозгу, самим мозгом рассматривается через психическое как обобщающую, логическую закономерность, присущую множеству различительных признаков. Фонемы, графемы, понятия объединяют множество звуковых или графических признаков, но в мозгу живут не эти физические признаки, а их логические эквиваленты.

Не физические звуки и буквы, не нечто материальное воспринимает и продуцирует мой мозг, а нечто идеальное, логическое, но именно через эту материю звуков и букв. Из области чувственного созерцания (звуков и букв) в мозг переходят только их абстракции как звуковые и графические понятия. Это обусловлено высшим законом – законом познания мира человеческим мозгом. Звуковые и графические единицы как физическая субстанция не могут «войти» в мозг непосредственное как таковые, как физическая материя, они должны быть переработаны или, как пишет Маркс, «преобразованы» в ней. А это значит – преобразованными в логические формы, т.е. в логические понятия – фонемы или графемы. Звуковые и графические понятия (но не сама материя звуков и букв !) находятся на полках сознания, но не навалом, не в хаотическом состоянии, как на плодоовощных базах, а в фонологической системе.

Фонемы, рождающиеся в результате обобщения материальных оболочек слов, служат различительным признаком для выражения значений. Тем самым фонемы становятся фактором сознания, а оно существует не иначе, как только в определённых логических формах, в наименьших логических формах – фонем и графем, служащих строительными элементами, кирпичиками понятий, которые, в свою очередь, в процессе мышления складываются в более высокие логические формы – суждения и умозаключения. Как слова, так и предложения состоят из сплошного потока или системы фонем и графем как материальной основы звуковых и графических понятий, которые лежат в основе всех структурных единиц языка. Фонемы и графемы – самый низкий уровень мыслительной организации предложения, они образуют его смысл, кодируют информацию.

Если слова, как пишет Панфилов, «локализуются в мозгу как следы в нейронных связях», то фонемы и морфемы якобы «не имеют прямых соответствий» в тех же нейронных связях, тогда возникает вопрос: где они обитают, если не в нейронных связях, ведь слова состоят только из фонем и графем ? Следовательно, фонемы и графемы, как конституирующие элементы слова, тоже живут в мозгу.

Действительно, является ли фонема и графема самой низкой единицей в логической иерархии «фонема (графема) – морфема – понятие – суждение – умозаключение» ? Звегинцев, как и Панфилов, не считают её логической единицей, потому что она замкнута только системой своего языка. Выражение этой замкнутости состоит в том, что ни одна фонема не может быть соотнесена с аналогичными фонемами другого языка. [Звегинцев 1957 : 97].

Но ведь все языки тоже замкнуты своими системами и, следовательно, любая логическая форма, выраженная в материи данного языка, замкнута только своей языковой системой. Но сущность логической системы, т.е. системы логических форм для каждого языка – всеобща и не признаёт материальных знаковых границ. Фонемы в разных языках разные, они не соотносятся с аналогичной системой фонем в любом другом языке. Но они – фонемы данного языка, ибо только они смыслоразличительные

знаки данного языка, следовательно, с них, с этих мельчайших логических форм начинается мышление человека. Сущность фонемы та же, что и сущность других логических форм – и те, и другие суть логические абстракции от множества аналогичных материальных объектов, фонемы – от звуков, графемы – от букв, понятия – от предметов.

В этом нет ничего удивительного, любой звук, любое слово данного языка не соответствует тем же звукам и словам других языков. Но общая значимость и функциональная идентичность фонем во всех языках состоит не в том, что во всех языках они имеют разные системы (семантические и грамматические структуры всех языков тоже разные !), а в том, что их функциональная, а это значит, что их л о г и ч е с к а я предназначенность – о д н а и т а ж е: р а з л и ч а т ь звуковые, морфемные и словарные логические понятия. А что такое слова, словарные знаки ? Это система фонем или графем (абстрактных, логических звуков или букв), служащих для различения словарных понятий. Акустически и графически в речи существуют лишь представители фонем и графем как а б с т р а к ц и и от реальных звуков и букв. Фонема и графема реально существуют во множестве реальных экземпляров звуков и букв в виде их а б с т р а к ц и й, а не чувственно воспринимаемых объектов.

Так как звуковой состав речевого потока молниеносно меняется, то это изменение заметить невозможно, если нет чего-то такого, что «остаётся постоянным». В этом и состоит знаковая сущность фонем и графем, которая регламентирует знаковый состав слов, являющийся постоянным. Знаковая функция фонемы и графемы заложена в материи языка, в звуках, буквах, но знаковые отношения вскрываются в функционировании только данной системы языка.

Фонема занимает в языке особое место и отличается от всех остальных элементов языковой системы. Фонема – это дифференциальный знак в чистом виде, знак пустой, лишённый какого бы то ни было значения. Содержание фонемы – различие между этой фонемой и остальными фонемами данной системы. Если человек различает слова по значению, то он слышит фонемы. Фонема – это класс физически сходных и функционально тождественных звуков, это конструкт, абстрактная единица. Звуки объединяются в фонемы не по акустической или артикуляционной близости, а по функциональной общности.

Абаев справедливо пишет, что учение о фонеме как о смыслоразличительной единице вошло в железный фонд науки о языке на вечные времена. Говорящие осознают не все различия между звуками, а лишь те, которые служат для различения значений. Поэтому ведущим и организующим началом в языке является семантика. В языке нет другой доминанты, кроме значения (которое не живёт вне логических форм, – А.К.) – вот истинный смысл учения о фонеме. [Абаев 1965 : 29].

Лосев задаёт вопрос: можно ли относить фонологию к языкознанию и считать её частью этой науки ? Если считать, что фонология занимается звуками как таковыми, отвлекаясь от всякой их семантики, то такая фонология не имеет никакого отношения ни к языку, ни к языкознанию. Ведь язык – не только звучание, как гром или свист ветра. Если фонология хочет обойтись без физической, физиологической, психологической и социально-исторической основы, то это лишь фонетика. Фонология, исключающая всякую семантику, должна строиться вне всякого языкознания. Фонема определяется при помощи свойственного ей смысла или значения, без чего не может возникнуть и сам термин «фонема». Фонема как звуковое понятие всегда обращено к интеллекту, к логическим формам.

Фонемы каждого языка образуют слова, без фонем нет слов. А так как слова записаны в сознании в их идеальной форме в виде понятий, то строительные элементы

этих понятий – фонемы и графемы – тоже участвуют в конструировании этих понятий, но только в функции более мелких логических форм – фонем и графем, как строительные элементы, кирпичики понятий, отличая своим присутствием одни понятия от других.

Жинкин задаёт вопрос: откуда же берётся в тексте смысл, которого нет в отдельной фонеме ? И отвечает: иерархическая структура языка-речи есть механизм осмысления бессмысленного. Действительно, соответствие (условное, немотитвированное) между системой фонем и тем, что есть в сознании говорящего, существует, иначе мы бы не понимали своего собственного языка. Фонология не нуждается в специальной акустической аппаратуре для определения фонемного состава слова, языка. Это фундаментальное требование исходит из того, что бинарное противопоставление фонем является семантической (точнее сказать – логической, – А.К.) операцией, а акустическая аппаратура не может обнаружить семантических преобразований. ... Фонема – не знак, а значение, которое константно. Для построения механизма языка фонемы необходимы как значимые средства, формирующие мост между интеллектом субъекта и мыслями, одинаковыми у всех. [Жинкин 1982 : 27, 65].

Почему логики оперируют только тремя логическими формами – понятиями, суждениями, умозаключениями, открытыми ещё Аристотелем два с половиной тысячелетия тому назад ? Потому что, по их мнению, ниже понятия, отражающего все объекты внешнего и внутреннего мира, в логике ничего не может быть. Мышление, якобы, не фиксирует структурные элементы ниже понятия, не замечая, что слова, живущие в мозгу в виде понятий, в свою очередь, состоят из более мелких единиц (как суждения из понятий) – фонем и графем но они, якобы, ни в каких логических исчислениях участия не принимают, и только потому, что служат лишь строительными элементами понятий, ниже которых уже по определению никаких иных логических форм быть не может. Однако фонемы, графемы, морфонемы – тоже область мышления, и именно самые низкие логические формы как абстракции от звуков и букв. Действительно, фонемы как звуковые понятия соотносятся с более крупными единицами мышления – морфемными понятиями (морфонемами), словарными понятиями, а через них – с логическими суждениями и умозаключениями.

Логики, начиная с Аристотеля, признают лишь три логические формы: понятия, суждения, умозаключения, и ими оперируют в своих логических исчислениях, полагая, что ниже и выше этих трёх форм мысли никаких иных форм в мышлении не существует. Правда, они пишут о рассуждениях, доказательствах, теориях, как наиболее высоких логических категориях, но всё, что ниже словарного понятия – з в у к о в ы е и г р а ф и ч е с к и е п о н я т и я, т.е. фонемы, графемы, морфонемы – не замечают, хотя это те же элементы форм мышления, т.е. логические формы, только более низкого уровня – самого низкого уровня в иерархии логических форм, как изначальные кирпичики логических понятий и, следовательно, всего человеческого мышления. Без фонем, без графем (их материальная субстанция – звуки и буквы), без морфем не существует общей системы языка, а без общей системы языка не существует вербального мышления. Так что фонемы, графемы, морфонемы – низшие логические формы, без которых никакого мышления быть не может

Панфилов не отрицает существование фонем, графем, морфонем в языке, но не считает, что они тоже связаны с мышлением, с логическими формами, как и слова, и только потому, что наука логика не приготовила для них логического термина, вследствие чего это не та логическая форма, которую можно поставить в один ряд с понятиями, считающимися всеми лингвистами и логиками как низшая логическая форма мысли. Логика в этом смысле не сделала ни шагу вперёд – а ведь она диктует правила игры теоретическому языкознанию.

Панфилов пишет: «В языке выделяются такие уровни, как фонологический и морфологический, единицы которых, т.е. фонема и морфема, не имеют прямых соответствий в мышлении ... [Панфилов 1963 : 76; 1971 : 230; 1982 : 99 - 100]. « ...чем ниже уровень языка в иерархическом ряду его уровней, тем более отдалённой и опосредованной оказывается связь соответствующих языковых явлений с мышлением и тем большей будет степень самостоятельности соответствующих подсистем языка». «Морфема, не обладая номинативной функцией (*пере – правил - а* ? Разве нет у этих морфем значения ?), не способна выразить понятие, т.е. не соотносится с какой-либо формой мышления, хотя и имеет значение». (а значение – разве не понятие, не логическая форма ?). [Панфилов 1971 : 6]. Но так как звучащее и написанное слово не может быть закодировано в мозгу в его материальной форме, а лишь как её идеальное отражение, то идеальное от звука (фонема) и от буквы (графема), как стоительных элементов слова, становятся неизбежно логическими формами мысли.

Например, Чесноков, с одной стороны, считает, что фонемы не соотносятся непосредственно с единицами мышления. И в то же время он пишет, что фонемы участвуют непосредственно в процессе познания и коммуникации, так как они позволяют обходиться ограниченным количеством элементарных словарных единиц языка для выражения бесконечного количества единиц мышления, благодаря различным комбинациям: комбинации фонем порождают морфемы, комбинации морфем порождают слова. Вот пример Чеснокова, которым он хочет доказать, что фонемы и морфемы не образуют особого сегмента мысли в слове, следовательно, они – не логическе формы. В слове *пере – воз – чик – и*, по его мнению, это единая, не расчленяемая на более мелкие отрезки единица мышления, «в которой сплавлены идеи *возить + перемещать с места на место + лицо, производящее действие + множественность*». [Чесноков 1992 : 46, 47]. А между тем это логическое понятие состоит из морфем (они выделены самим Чесноковым), т.е. из более мелких, чем само это понятие, логически более обобщённых, именно м о р ф е м н ы х л о г и ч е с к и х п о н я т и й. Указанные морфемы имеют свои в высшей степени абстрактные, т.е. логические значения: это и есть логические понятия, образующие новое слово как более высокое словарное понятие по сравнению с каждым из отдельных морфемных понятий. Действительно, если отбросить окончание [*и*], то вместо п о н я т и я множественности появится п о н я т и е единичности. Если отбросить морфемное понятие [*чик*], указанное слово превращается в новое существительное, т.е. в новое предметное п о н я т и е или в основу глагольного п о н я т и я (*воз*). Присоединив к указанной морфеме префикс [*пере*], получаем новое логическое п о н я т и е «места переправы на реке» [*пере + воз*]. Если последнюю пару морфем разделить, то мы получим в [*пере*] в высшей степени абстрактное морфемное п о н я т и е, обозначающее направленность движения, действия через какое-либо пространство или предмет и др. (см. словари: этих логических определений может быть бесконечно много). Наконец, морфема [*воз*] обозначает п о н я т и е повозки с кладью. Словарное п о н я т и е *перевозчики* соткано из множества морфемных п о н я т и й с их собственными значениями. А каждая морфема состоит из множества фонем или графем, обладающих своими смыслоразличительными логическими п о н я т и я м и, дифференцирующих различные словарные п о н я т и я. Если же мы включим слово *перевозчики* в широкий контекст, то обнаружим, что перед нами выстраивается иерархическая структура л о г и ч е с к и х п о н я т и й, начиная от фонем (графем) и кончая текстом. Это и есть иерархическая структура текста, в котором нет ни одного звука, ни одной буквы, которые не были бы в то же время логическими фонемой и графемой.

Если фонологический и морфологический уровни, фонемы и морфемы, как утверждают некоторые, «не имеют прямых соответствий в мышлении», то чем они порождены ? Слова как понятия локализуются в мозгу как «идеальные следы в нейронных связях», а фонемы, как строительный материал слов, будучи единицами языка, выпали из мышления? Следовательно, по Панфилову, фонемы и морфемы как самостоятельные единицы языка, его строительный материал, независимы от мышления. Фонемы и морфемы к области мышления не относятся, и только потому, что они в традиционной логике даже не упоминаются как логические формы. Тогда вопрос: где же они локализованы и чем порождены ?

Никто из лингвистов и логиков не считает фонемы и графемы абстрактными звуковыми и графическими логическими понятиями, которые порождают слова и предложения. Они убеждены, что «фонема не соотносится непосредственно ни с каким фактом мышления», очевидно, понимая под этими «фактами» лишь более высокие логические формы – понятия о реальных предметах. Но если они пишут, что фонемы непосредственно участвуют в процессе познания и коммуникации, значит они не могут каким-то образом не соотноситься с единицами мышления. Комбинации фонем и графем только потому и порождают морфемы и слова, т.е. морфемные и словарные понятия, что фонемы и графемы суть единицы того же логического ряда, что и словарные понятия. Значит, фонемы и графемы суть не что иное, как звуковые и графические понятия, образующие более высокие логические структуры – понятия, так же, как и понятия образуют более высокие логические формы – суждения.

Некоторым лингвистам, логикам, психологам, философам небесполезно было бы понять ту непреложную истину, что в языке, во всей его произносительно-артикуляторной и, следовательно, во всей его фонологической и графической системе, даже доведённой до автоматизма и действующей бессознательно, ничего не совершается б е з у ч а с т и я и п о д к о м а н д о в а н и е м м ы ш л е н и я, которого, если это не чувственное мышление, вне логических форм не существует.

Так что же, имеют или не имеют фонемы, графемы, морфонемы свои собственные ассоциативные семантические значения, очень абстрактные структурно обусловленные логические понятия, ещё более абстрактные, чем словарные значения, оставаясь на уровне логического мышления мельчайшими логическими понятиями ? Так соотносится или не соотносится фонема «непосредственно с единицами мышления» ? А разве старая теория «дифференциальных признаков фонем», хотя она и не увидела в них логического **начала**, не свидетельствует о том же ? Фонемы и графемы есть звуковые и письменные абстрактные, обобщённые, логические фонемные и графемные понятия, выполняющие функцию различения смыслов, т.е. являются, как и слова, условными знаками мыслительных единиц, только более низкого формального уровня, но более абстрактные по их логическому значению. Следовательно, вопреки установившейся традиции, «сплавившиеся» в одном слове фонемы и морфемы, «подключая к слову некоторую добавочную идею» в слове своим с высшей степени абстрактным логическим значением, или «семантически отличая одно слово от другого», фактически делают н о в о е слово, которое всегда называлось логическим понятием.

Вопрос о дифференциальных значениях логической фонемы (графемы как звукового логического понятия) является основным для понимания механизма языка – речи – текста. Смысл рождается в связях, противопоставлениях, в иерархической структуре: фонема (графема) – понятие – суждение – умозаключение. Иначе и быть не может: словарные понятия ассоциативно запечатлены в нейронных связях мозга вместе и их составными, структурными единицами – фонемными и графемными понятиями. Все они спаяны воедино как словарное логическое понятие, и изъятие или добавление

одного из них видоизменяет всё понятие, превращая его в иную логическую целостность.

Итак, в основе каждой фонемы, графемы, понятия лежит сложный комплекс материальных звуков или букв, который может быть исследован инструментально. Это физическая реальность, но она разная у разных людей, говорящих на одном и том же языке, потому что нет одинаковых людей с одними и теми же знаниями, умениями, навыками, опытом и т.д. В основе этих материальных звуков и букв обнаруживаются смыслоразличительные логические признаки, которые в составе слов становятся звуковыми (фонемы) или буквенными (графемы) понятиями. Эти понятия в виде смыслоразличительных признаков выступают как мельчайшие логические формы (фонемы и графемы), различаемые мозгом. Эти звуковые и буквенные понятия объединяются в более крупные понятия – морфологические понятия, словарные понятия, суждения, умозаключения, рассуждения, доказательства, теории. Выстраивается целая иерархическая цепочка логических единиц. Фонемы и графемы, таким образом, через последовательную цепочку иерархически сцепленных понятий, участвуют в построении логических суждений и далее, более высоких логических единиц, выступая по отношению к последним как мельчайшие, ядерные логические кванты.

В речевом потоке, в тексте предложения следуют одно за другим последовательно, меняется их содержание. Этот калейдоскоп постоянно меняющихся смыслов человеческий мозг не мог бы воспринять, если бы в этом потоке не было п о с т о я н н ы х э л е м е н т о в в виде мельчайших логических форм (фонем, графем). При быстрой смене предложений слушатель может и не уловить смысл некоторых из них, хотя хорошо слышит (видит на бумаге) их грамматическую структуру. Это значит, что он «не уловил» не смысл как таковой, который не может не иметь какой-либо логической формы, облечённой в материю слов, а «не уловил» логическую структуру этого смысла, которая для каждого предложения идентична, константна, варьирующаяся лишь в семантическом значении. Если в качестве постоянной единицы в звуке (в букве) выступает фонема (графема), как обобщённый логический элемент звука (буквы), то постоянным в тексте является л о г и ч е с к о е п о н я т и е, какой бы звуковой или графической протяжённостью оно не обладало.

4) Философское обоснование взаимодействия звука и фонемы, буквы и графемы как взаимодействие отдельного и общего, явления и сущности.

В сборнике «Философия языка» (под ред. Сёрля, М., 2004) помещены статьи, посвящённые этой «философии»: проблемы разграничения «перформативов – констативов» (Остин), о «намерениях и конвенциях в речевых актах» (Стросон), «что такое речевой акт» (Сёрль), «значение говорящего, предложения и слова» (Грайс), «теории порождающей грамматики» (Хомский), «теория врождённых идей» (Хомский), «гипотеза врождённости» (Путнам), «эпистемологии» (Гудман).

В чём же состоит смысл этой «философии языка» ? Как авторы сборника, так и его составители воображают, что они занимаются философией языка. Разве в этих лингвистических фрагментах хотя бы приблизительно раскрыта философская сущность языка ? «Естествоиспытатели воображают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят её. Но так как они без мышления не могут двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические категории, ... то в итоге они всё-таки оказываются в подчинении у философии, но, к сожалению, по большей части самой скверной, и те, кто больше всех ругает философию, являются рабами как раз наихудших вульгаризированных остатков наихудших философских учений» [Маркс, Энгельс т. 20 :

524 - 525]. Необходимо на место указанных К. Марксом и Ф. Энгельсом «естествоиспытателей» поставить указанных мною выше авторов.

«Какова цель ... философии ? Показать мухе выход из мухоловки» [Виттгенштейн 2003 : 367]. «Проблемы решаются не через приобретение нового опыта, а путём упорядочения уже давно известного. Философия есть борьба против очаровывания нашего интеллекта средствами нашего языка» [Виттгенштейн 2003 : 287 - 288]. «Итог философии – обнаружение тех или иных явных несуразиц и тех шишек, которые набивает рассудок, наталкиваясь на границы языка. Именно эти шишки и позволяют нам оценить значимость философских открытий» [Виттгенштей 2003 : 288]. «Наиболее важные для нас аспекты скрыты из-за своей простоты и повседневности. Их не замечают, потому что они всегда перед глазами. Подлинные основания исследования их совсем не привлекают внимание человека. До тех пор, пока это не бросится ему в глаза. Иначе говоря: то, чего мы до поры не замечаем, будучи увидено однажды, оказывается самым захватывающим и сильным» [Виттгенштейн 2003 : 292].

А что значит показать истинные пути познания объекта, в данном случае взаимоотношение семантических и логических форм мышления, в частности взаимоотношения звука и фонемы ? Фонема (звуковое понятие) и графема (графическое понятие) играют среди физических, членораздельных звуков ту же роль, что и понятие для множества однотипных предметов, обозначаемых этим понятием, что и логические формы мышления (суждения) среди множества семантических форм мышления (предложений). Разница лишь в у р о в н е манифестации языковой структуры: фонема (графема) является низшей логической формой мысли по отношению к понятию и тем более по отношению к логической форме суждения, являющейся высшей логической формой отдельной законченной мысли (не считая умозаключений как связей мыслей). Между ними – морфонема или морфемное понятие и словарное понятие или просто «понятие». На уровне структурных е д и н и ц я з ы к а (т.е. на уровне семантических форм мышления) взаимоотношение между ними следующее: без звуков (букв) нет морфем, без морфем нет слов, без слов нет предложений, без предложений нет языка. На уровне структурных е д и н и ц м ы ш л е н и я (т.е. логических форм мышления) взаимоотношение между ними следующее: без фонем и графем, без морфонем нет понятий, без понятий нет суждений, без суждений нет умозаключений, без умозаключений нет мышления. Следовательно, без фонем и графем как звуковых и буквенных понятий нет мысли, нет логического мышления. Человек исчез.

Таким образом, существуют д в а п а р а л л е л ь н ы х, в з а и м о с о о т н о с и т е л ь н ы х уровня структурных единиц. Н и з ш и й у р о в е н ь, представленный с е м а н т и ч е с к и м и формами мысли: 1) звук (буква); 2) семантическое значение морфемы; 3) семантическое значение слова; 4) семантическое значение предложения, т.е. семантическая форма мысли; 5) причинно-следственное, противительное, уступительное, сочинительное или иное другое сложное семантическое значение, как связь двух семантических форм мысли. В ы с ш и й у р о в е н ь, представленный л о г и ч е с к и м и формами мысли: 1) фонема и графема; 2) морфонема; 3) понятие; 4) суждение; 5) умозаключение (силлогизм).

Некоторые учёные пишут, что фонема до сих пор представляет собой загадку для науки. Например, считают, и не без оснований, что фонема – удивительный феномен: она предстаёт перед нами и как лингвистический феномен, и как мистическая тайна, двуликий Янус науки [Елистратов 2000 : 30]. Фонема – это парадокс языковой субстанции. Она как языковая реальность, как представление о «звуке речи» и существует, но не имеет ... фонетической реальности: ни артикуляторно, ни акустически речь не членится на сегменты, соответствующие фонемам. «Фонема, выходит, вроде бы и есть, и её нет,

она – звук, а звука-то и нет» [Журавлёв 1991 :141]. У фонемы нет ни значения, ни формы. Фонема соотносится с определённой семантикой не сама по себе, а только в сочетании с другими такими же единицами. Это значит, что на уровне фонем план содержания отсутствует, а следовательно, нет оснований говорить и о плане выражения [Чесноков 1992 : 6].

Действительно, фонема – уникальная единица языка. А впрочем, уникальна ли только она ? Всё в языке уникально. Ведь и звуковая материя, какой бы язык ни взять, ч у ж д а мысли, с л у ч а й н а по отношению к мысли, но лишь в одном отношении она не только не случайна, но и н е о б х о д и м а – как система условных понятий по общественному договору общества. Ведь под рукой у человека ничего подходящего не нашлось, чтобы одеть свои мысли, которые появились ещё до материальных знаков, во внешние формы знаковой, материальной манифестации, и чтобы с помощью этой знаковой системы мыслить (одного невербального мышления недостаточно, иначе человек так и не появился ба на свет), – а это значит мыслить одними и теми же, общими для всех людей, логическими категориями, общаться с себе подобными, и в конечном счёте выжить как человеческий род. Хотя физические звуки ничего общего не имеют с мыслью, сугубо духовным, идеальным образованием, и не могут войти в мозг и выйти из него именно как некие материальные вещи, предметы, тем не менее встреча физической материи (звуков, букв) с мыслью сама по себе только кажется совершенно с л у ч а й н о й, если не учитывать того, что не она, физическая материя, звуки заказывают музыку, а, напротив, идеальное, мозг находит себе удобную знаковую систему для самовыражения (ни одна из возможных материальных систем – мимика, жесты, флажки, светофор, костёр и пр. для этих целей не подходит).

В основе материи звуков з а л о ж е н ы фонемы как нечто идеальное – з в у к о в ы е п о н я т и я, которые не существуют помимо материи звуков, так же как и последние бессмысленны без фонем, без идеального – и звуки, и идеальное (фонемы) в з а и м о н е о б х о д и м ы. Так что фонемы, как звуковые понятия, как идеальные формы мысли, живущие только в мозгу, вынужденно должны воплощаться в чуждом им природном материале – в физических звуках. Вот как раз из диалектической необходимости встречи разнородных и случайных по отношению друг к другу стихий и рождается то, что мы по давней традиции называем «языком». Традиционно понимаемый «язык» есть звуковая и графическая природная материя, растворившаяся в идеальной, абстрактной, логической мысли. Поэтому на самом деле «язык» состоит из сплава материального и идеального, сплавленного звуками или буквами и мышлением. То, что мы называем «языком», есть общественный конвенциональный договор между людьми о том, под каким звуком (буквой) мы будем понимать то или иное логическое понятие. Это не более как произвольный договор между людьми, которые даже не догадываются о том, что их «язык» есть на самом деле их семантическое, языковое, знаковое мышление как абстракция первого этажа, облечённое в физическую материю знаков, в основу которых органически, необходимо заложены логические формы мысли как более высокие абстракции второго этажа.

Так как для процесса мышления и процесса коммуникации важна не сама природная материя (хотя без неё нет ни мыслей, ни общения, ни человека !), а то, что лежит а её основе – фонемы и графемы, т.е. категории мышления, то, следовательно, язык, внешне воспринимаемый как система материальных знаков, на самом деле есть система идеальных, логических форм – фонем и графем как низших логических форм. С этой точки зрения язык, оказывается, есть мышление. Но так как, далее, язык есть средство выражения мысли в словах и в связях слов, а они выражают логические

понятия и их связи, т.е. логическое мышление, то и с этой точки зрения язык есть тоже мышление.

Фонема есть непосредственное отражение в лингвистике основного вопроса философии – о диалектическом противоречии между материальным и идеальным. Фонология – это философия фонетики. В языке как системе материальных знаков заложено противоречивое единство материального и идеального, все без исключения языковые единицы (звук, буква, морфема, слово, предложение, текст) имеют двойственную природу. Язык – это не просто структура, система, он есть условное материальное, звуковое, графическое инобытие структуры мысли, подобно тому как система стоимостных отношений есть инобытие вещественных общественных отношений.

Аналогичную мысль высказал немецкий лингвист В. Нойманн. При любом употреблении языковых знаков (устно или письменно) отчётливо видно противоречие, оно является постоянно действующим, неизбежным для функционирования языка. Суть его в следующем. Физический феномен – это «носитель» мыслительного содержания, люди производят колебания воздуха или изменяют условия отражения света на бумаге. Это и есть последовательность фонем или графем, а носитель языка их понимает спонтанно. Эти акустические и оптические раздражения кажутся именно материальными, физическими, с помощью которых происходит «передача мыслительных содержаний от человека к человеку». Это и есть нейрофизиологический субстрат этих раздражений, которые не сводятся к материи, не есть физические феномены. Это психическое явление, представления образов предметов, свойств, отношений действительности (т.е. логические звуковые понятия, – А.К.). [Нойманн 1979 : 81]. «Психологизм» Бодуэна хорошо вписывается в рамки диалектико-материалистической теории. Если бы он назвал свою фонему не психологической, а логической единицей, он бы не ошибся: от этого ничего бы в сущности фонемы не изменилось: и в том, и в другом случае он создал бы совершенно диалектическую теорию фонемы. На деле он её так и понимал – как единицу мышления, следовательно, как мельчайшую логическую форму мысли.

Послушаем теперь Маркса. Так как язык – явление социальное, то Маркс указывает на ту близость, которая обнаруживается между таким сугубо общественным явлением, как стоимостью и языком. В мозгу индивидуальных производителей товаров отражается двойственный характер общественного труда, создающего потребительские стоимости, а тем самым и стоимости. Маркс пишет: « .. люди сопоставляют продукты своего труда не потому, что эти вещи являются для них лишь вещными оболочками однородного человеческого труда. Наоборот, приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому как стоимости, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому как человеческий труд. Они не сознают этого, но они это делают. Таким образом, в стоимости не написано на лбу, что это такое. Более того, стоимость превращает каждый продукт труда в общественный иероглиф. Впоследствии люди стараются разгадать смысл этого иероглифа, проникнуть в тайну своего собственного общественного продукта, потому что определение продуктов как стоимостей есть общественный продукт людей не в меньшей степени, чем, например, язык» [Маркс, Энгельс т. 23 : 84]. « Поэтому общее, являясь, с одной стороны, всего лишь мыслимой differentia specifica, вместе с тем представляет собой некоторую особенную реальную форму наряду с формой особенного и единичного» [Маркс, Энгельс т. 46, Часть 1 : 437].

Маркс пишет о капитале, который имеет *всеобщую форму* и *элементарную форму*. Соотносящиеся на рынке товары, имеющие одинаковую стоимость, заключают в себе два полюса. Один из них выражает свою стоимость в другом благодаря их всео

б щ е й стоимости. Маркс это сравнивает с монархией: его величество принимает телесный вид короля, хотя он является королём только потому, что все прочие относятся к нему как подданные. Форма стоимости исторически и логически переходит в форму в с е о б щ у ю, денежную, в которой товары по своей стоимости приравниваются к одному особенному товару, который в своей телесности, в форме благородного металла становится зеркалом, т.е. эквивалентом заключённого в нём общественного отношения – равенства различных видов человеческого труда.

В религии Маркс увидел то же, что и в товарном производстве. «Здесь п р о д у к т ы ч е л о в е ч е с к о г о м о з г а представляются с а м о с т о я т е л ь н ы м и с у щ н о с т я м и (разр. моя, – А.К.), одарёнными собственной жизнью, стоящих в определённых отношениях с людьми и друг с другом. То же самое происходит в мире товаров, с продуктами человеческих рук» [Маркс, Энгельс т. 23 : 82].

Послушаем теперь Ленина: «Раздвоение единого и познание противоположных частей ... есть с у т ь ... диалектики. ... Раздвоение есть «борьба» противоположностей, ... единство противоположностей (разделение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношения между ними)» [Ленин т. 29 : 316 - 317].

Л. Витгенштей пишет, что сущность не «нечто явленное открыто и делающееся *обозримым* при упорядочивании. Напротив, подразумевается, что сущность – нечто *скрытое*, не лежащее на поверхности, нечто заложенное *внутри*, видимое нами лишь тогда, когда мы проникаем вглубь вещи, нечто такое, до чего должен докопаться наш анализ, *сущность скрыта от нас*» [Витгенштейн 2003 : 282]. В схоластике (в средневековой религиозной философии) существовал принцип: «Singularia nominantur, sed universalia significantur“ («Единичное именуется, а общее означается»). Это внешне сопоставленные противоположные стороны действительности: явление – внешняя, непосредственно обнаруживаемая сторона; сущность – скрытая от непосредственного взора наблюдателя сторона. «Действительность предстаёт перед нами в виде как бы бесконечного ряда сущностей, ведущих ... в глубь материи и представляющих собой последовательные переходы от менее глубокой ко всё более глубокой сущности ...» [Кедров 1969 : 18].

Это внешне сопоставленные противоположные стороны действительности: явление – внешняя, непосредственно обнаруживаемая сторона; сущность – скрытая от непосредственного взора наблюдателя сторона.

Журавлёв пишет, что инструментальная фонетика разрушила наивное представление о том, что каждый звук в его физической реальности и есть языковая единица. На акустико-моторном, физическом уровне «членораздельности» нет ! Так появился парадокс элементарных единиц языка. Бодуэн де Куртенэ в 1870 году, как пишет Журавлёв, «доказал принципиальное несовпадение физической природы звуков с их значением (т.е. с звуковыми понятиями,– А.К.) в механизме языка» [Журавлёв 1991: 97].

Только потому, что человеческие материальные звуки скрывают в себе незримо и никак не ощутимо звуковые понятия или фонемы, и только потому, что звуки и фонемы друг другу противопоставлены как я в л е н и я и с у щ н о с т и, что одно отрицает другое, и что эти две противоположные единицы находятся в то же время в н е р а з р ы в н о м е д и н с т в е, т о л ь к о п о э т о м у человеческий звук и его фонема (звуковое понятие) служат материальной, вынесенной вовне мозга оречевлённой формой мышления и в процессе познания, и в процессе коммуникации. Совокупность п с и х и ч е с к и х, т.е. и н д и в и д у а л ь н ы х мыслительных процессов, происходящих в мозгу во время мышления и оперирования знаками, перерастает во в с е о б щ и е внутренние закономерности процесса мышления, т.е. в л о г и ч е с к и е ф о р м ы м ы ш л е н и я.

Так, на основе знаковой системы языка частное и индивидуальное, психологическое перерастает во всеобщее в психике, а психология перерастает в логику. И вообще многое в мире (в мышлении, в экономике, в биологии и др.) имеет д в о й с т в е н н у ю природу как с п о с о б с у щ е с т в о в а н и я всего сущего.

Реальный мир покоится в нашем сознании в виде его идеального отражения, в виде его идеального дубликата, в виде второго мира, и это сразу же ведёт к проблем: а как живут звуки и буквы в мозгу ? Реальные звуки и буквы живут вне человека, т.е. вне его мозга лишь как физические объекты, как звуковые волны или чернильные крючки; им нет места в мозгу, они там представлены только и д е а л ь н о – в виде психических образов, обобщённых звуковых и графических образов этих звуковых волн и этих чернильных крючков – фонемы и графемы. Но это происходит только и только благодаря логическому мышлению, общего и единого для людей всех наций, говорящих на разных языках. Абстрактная идея сама по себе не может выйти из мозга и перекочевать в мозг другого человека, ей нужна материальная линия связи в виде звуков и букв, которые входят в мозг и выходят из него в виде фонем и графем. Это и есть главнейшее условие существования человека, а не животного.

Глава 8.

Отжившие парадигмы теоретического языкознания. (Через какие этапы прошло развитие философии языка).

§ 1. Марксистское языкознание.

I. Марксистское языкознание не раскрыло сущности языка.

1) Всеми лучшими достижениями в языкознании мы обязаны марксизму-ленининзму ?

Марксистское языкознание противопоставило себя мировому языкознанию. Многие лингвисты были спутаны по рукам и ногам марксистскими лингвистическими догмами и старались не замечать факты реального языка, а подгоняли свой исследовательский материал под устойчивые догмы и высказывания классиков. Это и загубило марксистское теоретическое языкознание в России. Встречаясь с достоверными фактами, объективный естествоиспытатель отбрасывает закон, противоречащий этому факту. А марксистский лингвист, встречаясь с достоверным фактом, противоречащим марксистской теории, отбрасывает этот факт.

Марксистское языкознание выступало всегда с определёнными лозунгами, оно должно иметь некоторые, характерные для него признаки, которые отличались бы от мирового, немарксистского языкознания. Основная марксистская научная база для языкознания: повсюду противопоставлять себя немарксистским теориям и бороться с ними. «Главной особенностью советского языкознания ... являются поиски построения марксистско-ленинского учения о языке, и в этом отношении у нас имеется немало достижений. Именно в этом заключается специфика советского языкознания, в этом его важнейшие заслуги перед мировой наукой о языке». [Филин 1982 : 41]. «Марксизм-ленинизм – единственно правильный компас для любого учёного, в том числе и для языковедов. Освобождая науку от идеалистических фикций, мы тем самым создаём условия для подлинного её расцвета и ставим преграду для её использования против прогресса». [Филин 1982 : 5, 19]. «Марксистско-ленинская философия даёт единственно правильное всеобъемлющее понимание мира, в том числе языка». [Филин, ВЯ, 1978, № 2 : 23].

По мнению Панфилова, «утверждения некоторых лингвистов о единстве всей современной лингвистики, не только лишено каких-либо оснований, но и мешает его дальнейшему прогрессу ...». [Панфилов 1982 : 15]. «Для советской науки о языке всегда было характерно осмысление языка прежде всего как „практического действительного сознания“. ... Вот это марксистское истолкование природы языка позволяет нашей теории занимать свою, прогрессивную позицию в современной лингвистике» [Будагов 1981 : 24]. «Всем лучшим, всеми прогрессивными своими достижениями наука о языке в нашей стране обязана марксизму-ленинизму». [Чемоданов, ФН, 1983, № 3 : 4].

«Материалистическое мировоззрение означает просто понимание природы такой, какова она есть, без всяких посторонних прибавлений». [Маркс, Энгельс т. 14 : 651]. Этот марксистский тезис оставляет лазейку, и ею постоянно пользуется лингвисты, при этом каждый из них понимает язык по-своему. Понимать язык таким, «каков он есть» ? А как узнать, что он есть именно таков, каким я его вижу, т.е. «без всяких посторонних прибавлений» ?

Марксизм вооружил языкознание диалектическим методом, который остался непонятым. Представления К. Маркса о языке в сегодняшнем его понимании весьма примитивны. Он, не будучи лингвистом, и не должен был претендовать на это звание, он не обязан был приготовить нам рецепты теоретического языкознания. Но он заложил диалектические основы для научных поисков, которые не были поняты нашими лингвистическими идеологами. Поэтому в статьях и книгах подобного «марксистского» рода мало науки и много цитат из классиков, часто не привязанных к языковым фактам. Но переписывание идей Маркса, которые часто были или не поняты, или истолкованы по-своему, или не замечены нашими лингвистами, тормозило развитие науки о языке, чему бы воспротивился сам Маркс, будь он жив. Это было бы именно отречение от диалектического понимания языка, чему учил сам Маркс.

Апологеты марксистско-ленинского языкознания направили свои усилия не только, а может быть не столько на исследование фактов языка, сколько на то, чтобы спасать идеологическое «марксистское» языкознание от натиска истинно-научного мышления. Фактически же марксистско-ленинская теория оперирует традиционными представлениями, но большей частью устаревшей продукцией мышления своих предшественников. Тем самым в теоретическое языкознание вносится фальсификация. Факты же языка и вытекающие из них теоретические выводы безжалостно бьют по самой марксистской теории языка.

Марксистское языкознание представляет собой пока не столько непосредственный результат систематического углублённого исследования всех сторон языка, сколько аксиоматически понимаемые концепции, выработанные в смежных науках.

2) Напрасная попытка оградить лингвистику от проникновения в неё других наук.

Теоретическое языкознание как было, как есть и как останется единой наукой. Нет ни «марксистско-ленинского», ни «буржуазного» языкознания, а есть истинное научное языкознание, которое ещё надо создавать и создавать. Развал экономической, политической и социальной системы СССР одновременно показал нам, лингвистам, что и теоретическое языкознание стояло на глиняных ногах, и от него мало осталось позитивной теории. Теория «марксизма-ленинизма» в языкознании – это удар по истинной теории языка, который был растянут на десятилетия. Вся интеллектуальная

жизнь в стране была взята под контроль и подчинена идеологической доктрине «марксизма-ленинизма».

Откуда же появилось «марксистско-ленинское языкознание» как особое учение о языке, полностью якобы отличное от мирового языкознания и противопоставленное ему, и могло ли оно быть научным в полном значении этого слова ? Оно родилось из идеологии коммунизма, из социально-экономических теорий и законов, во многом отличных от законов языка. Затем это «марксистско-ленинское языкознание» переросло в доктрину, в «марксистско-ленинскую» библию, которой должны следовать все языковеды. Вот основные тезисы этой «библии»: «Марксизм-ленинизм – единственно правильный компас для любого учёного, в том числе и для языковедов» [Филин 1982 : 5]. «Критерием тут является отношение к единственно верной основе познания мира – марксизму-ленинизму, незыблемость основ которого подтверждена всем ходом истории современного общества» [Филин 1977 : 4]. Филин пишет: «Основные кадры языковедов до сих пор крайне слабо большевизированы» [Филин 2001 : 116]. «Творческое применение марксизма-ленинизма является непременным условием успешного решения коренных проблем современного теоретического языкознания ...» [Панфилов 1983 :3]. «Советская наука о языке ... стремится занять своё место, свою идейную позицию в острых методологических спорах нашего века. Эта позиция определялась и определяется марксистским осмыслением природы языка и его важнейших функций ...» [Будагов 1981 : 25]. « ...Основную задачу советское языкознание видит в том, чтобы всюду противостоять немарксистским теориям в языкознании и бороться с ними. ....Материалистический подход к явлениям языка предполагает изучение языка таким, каков он есть, без всяких идеалистических добавлений, искажающих его сущность» [Серебренников 1983 : 5, 35].

Как бы ни старались некоторые лингвисты оградить лингвистику от проникновения в неё других наук, как бы они ни возводили язык в ранг самостоятельного органа мышления, приписывая языку самостоятельные мыслительные, познавательные функции, однако они всё время открывают языку двери для проникновения в него феномена мышления. До сих пор теоретическому языкознанию неясно – что же такое язык ? Отсюда – блуждания в бесчисленных закоулках, нагромождение фантазий и лингвистических сказок Вот только некоторые из них (читатель найдёт их выше, разбросанных по отдельным главам, посвящённых в каждой своим темам).

3) Главные свойства языка – его социальная сущность и неразрывная связь с мышлением.

Два главных научных принципа теоретического языкознания: принцип социальной сущности языка, и принцип неразрывной связи языка и мышления. Эти же принципы лежат и в основе самой сущности человека как совокупности всех его общественных отношений. Однако эти два постулата, будучи верными во внешнем проявлении языка, и слишком общими, безграничными, так и остались на бумаге, не получив развёрнутых обоснований истинных законов функционирования языковой знаковой системы. С одной стороны, в языке увидели неразрывную спаянность с мышлением а, с другой стороны, язык рассматривается как самостоятельный организм, влияющий на мышление.

Панфилов пишет, что « внутренние законы языка следует рассматривать как один из видов социальных законов. [Панфилов 1983 : 12 - 13]. Лингвисты, давая определения языку, говорят, что «язык – это средство общения», т.е. без общества языка нет. Это

верно, но это не всё, и не главное, если исходить из определения, а как, где и в чём живёт язык, и вообще, существует ли реально то, что мы называем «языком», а если и существует, то как, в какой форме и где его пристанище. Хотя жизнь языка без общества невозможна, но язык имеет и много других характеристик, в том числе и служить средством отражения мира и коммуникации, орудием мышления. Как язык живёт в мозгу, что в нём происходит при чтении, слушании, говорении, писании, как происходит процесс отражения внешнего и внутреннего мира человека, и какова в этом процессе роль языка в социальной коммуникации.

По «марксизму-ленинизму» человек – это общественное животное. На основе каких свойств стал он таковым? На основе свойств человеческого мозга к обобщению всего окружающего, на основе его способности логически мыслить. Так что же главное в человеке – то, что человек живёт в обществе, или то, что он обладает совсем иным мозгом и его иным функциональным устройством, хотя без общества ни то, ни другое у человека не возникло бы, да и сам человек не знал бы, что он – человек? И мышление человека, и общественный характер его мышления – это свойства одного и того же рода, одно не существует без другого. Но только с одной большой разницей: «общественное» свойство языка не даёт ключа к познанию его природы, кроме того, что оно «общественное». Только «мыслительное», «идеальное» свойство человеческого мозга и его языковых знаков ведут к познанию природы языка. Условия существования, среда обитания языка не могут полностью заменить понимание его истинной сущности.

Эта, верная сама по себе идея отбросила все остальные, г л а в н ы е свойства языка, заслонила собою понимание истинной сущности языка и механизм его функционирования. Если следовать некоторым авторам, то оказывается, что языкознание – это беллетристика по истории общества, культуры, хотя и важная, но в общем и целом нечто вроде «говорильни» по поводу таких сторон языка, которые вовсе не определяют окончательно его сущности. «Природа языкового знака», который и появился на свет благодаря обществу, есть главнейшая задача теоретического языкознания, так как она (мы все этого недооцениваем!) т я н е т за собой все основные вопросы теории языка – в том числе «язык и общество», «язык и мышление», «язык и сознание», «язык и действительность», «язык и логика», «язык и речь», «язык и текст».

4) Для вывода мысли вовне нужен канал связи – материальные знаки.

«На духе с самого начала лежит проклятие – быть отягощённым материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоёв воздуха – словом, в виде языка», это свидетельствует о совершенно ином, чем «разделение на материальный и духовный труд»: идея сама по себе не может выйти из мозга и перекочевать в мозг другого человека, ей нужна линия связи в виде материи звуков (позже также в виде материи слов). Это – главнейшее условие существования человека, именно человека, а не животного. Этот вопрос может быть решён только на основе раскрытия сущности языкового знака, однако эта проблема была в марксистском языкознании заболтана и запутана различными вариантами и нюансами.

5) Язык и мышление – это одно и то же явление.

Точку зрения Маркса и Энгельса о том, что «язык есть непосредственная действительность мысли», воспринята марксистскими лингвистами так, будто язык и мышление – одно и то же явление. «Если значение, мыслительное содержание языка является идеальным, то не свидетельствует ли это о его с о в п а д е н и и (разр. моя, – А.К.) с мышлением, также идеальным; не образуют ли они одно, единое явление, а не два» [Комаров 1988 : 86]. Колшанский пишет, что мышление, содержание мышления и

идеальный компонент языка – одно явление, одна и та же форма отражения действительности». [Колшанский 1975 : 40, 48, 168, 186]. Следовательно, у Колшанского материя звука и буквы вместе и их идеальным компонентом – «форма отражения действительности». Но как «идеальное мышления» стало «идеальным компонентом» звуковых волн и чернильных пятен ?

Во многих работах отмечают «неразрывное единство» языка и мышления, однако не показывют, в чём же их неразрывность, и есть ли она вообще ? «Неразрывное единство языка и мышления» равно «неразрывному единству» зверя и среды его обитания, или, как пишет Потебня – «единству птицы и дупла, в котором она живёт». Однако каждая составляющая из этих указанных «неразрывных единств» существует сама по себе как часть природы, не идентична другой части и может быть изучена как самостоятельная единица. Спрашивается: а что в одной части «неразрывного единства», т.е. в языке общего со второй частью этого единства – мышлением, и что их различает ? В противном случае, если мы не найдём между ними ничего различного, мы обязаны говорить об о д н о м и т о м ж е п р е д м е т е, только одни называют его «языком», а другие – «мышлением».

Заслуга Маркса в том – пишет Чемоданов, – что открыв единство языка и мышления, он показал материалистический подход к их связи: индивид, став человеком, в процессе чувственного восприятия материи, т.е. «в виде движущихся слоёв воздуха, звуков», примыслил к ней некий сверхчувственный, идеальный элемент. Без материалистического понимания языка многие его тайны, которые разгадал Маркс, остались бы для науки без объяснений. Одной из таких тайн является идеальная, т.е. значимая сторона языка [Чемоданов 1983 : 5]. Однако ни Маркс, ни Ленин не доказывали и не доказали на деле единство, тождественность языка и мышления. Их идеи свелись лишь к тому, что для материализации мысли вовне мозга необходимма линия связи – материя языка.

6) Язык и мышление – это разные явления.

Серебренников рассматривает язык как отдельный феномен, имеющий свои специфические особенности [Серебренников 1988 : 13]. «Самое парадоксальное, – что в языке может существовать то, что в мышлении фактически уже исчезло» [Серебренников 1983 : 249]. «Можно даже предположить, ... что практика человека способна создавать в его мышлении какие-то особые мыслительные ситуации, которые сосуществуют с категориями, выраженными в языке. Это категории опыта», связанные с понятийными категориями [Серебренников 1983 : 250]. Возникает вопрос: как же слово живёт в мозгу человека, не выражая никакой мысли ? Если оно для данного человека ничего не значит, то это просто природный звук и чернильная метка. Если некое слово (давно всеми забытое) всё же существует в языке, то это слово никуда из мозга людей бывших и многих настоящих не делось, оно исчезло из мозга только у некоторых, но они найдут его в словаре.

Колшанский также разрывает язык и мышление на самостоятельные явления (ранее он писал, что язык и мышление – одно и то же !). « ...Если субстанцией мышления является мозг, то субстанцией абстрактных мыслительных форм являются, в частности, звуковой язык» [Колшанскитй 1990 : 23]. По Панфилову, мышление и идеальный компонент языка – различные явления. То и другое – идеальное, но в каждом из них есть специфические черты, не позволяющие их идентифицировать. Это как бы две самостоятельно существующие формы отражения. И в то же время мышление есть один из факторов формирования идеального компонента языка, так как идеальная

сторона языковых единиц формируется в с в я з и с отражением объективной действительности, т.е. в связи с мышлением [Панфилов 1977 : 86–89, 79, 41].

Язык и мышление – два самостоятельных объекта ? «Одной из основных задач языкознания (в том числе и советского) является выработка такой концепции о языке, которая, учитывая относительную самостоятельность языка, вместе с тем показала бы и то решающее воздействие функциональной стороны языка ... на мышление». [Панфилов 1982 : 8].

7) Взаимоотношение языка и мышления – это соотношение целого и части.

Комаров считает, что соотношение языка и мышления – это соотношение целого (язык) и его части (мышление), т.е. это соотношение материального (звучание) и социального (значения) [Комаров 1988 : 131]. Язык – это единство материального и идеального, поэтому это «снимает проблему взаимоотношения языка и мышления как диалектически противоречивого единства и заостряет её в аспекте соотношения идеальной стороны языка и мышления. Если идеальное языка совпадает с мышлением, то последнее, оказывается составной частью языка – его идеальным. В таком случае проблема соотношения языка и мышления формируется в совершенно ином ракурсе – как соотношение целого и части [Комаров 1988 : 87].

Значит, язык, по Комарову, мыслит. Язык, это целое, а мышление – его часть. Но в то же время оказывается, что целое – это звучание, материя (язык), а его часть – это идеальное содержание знака (мышление). И в то же время язык есть единство материального и идеального, так как идеальное в языке есть мышление. Материальным в языке могут быть только знаки, а идеальное в языке – область мышления. Следовательно, то, что мыслит – это сами материальные знаки. Поэтому нет проблемы соотношения языка и мышления, оно заменено соотношением целого и части – и мышление материально и идеально, и язык материален и идеален, только язык шире мышления, мышление – лишь его часть.

8) Сущность языка – в единстве материального и идеального как диалектическом законе тождества противоположностей .

Комментируя высказывание Маркса о том, что идеальное есть материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней, Чемоданов пишет: этот нейродинамический процесс «совершается не в мозгу, а при помощи мозга» [Там же : 6]. Значит, по Чемоданову, в голове человека есть мозг, который мыслит понятиями, идеальными категориями, но вне головы или в голове, но рядом с мозгом, есть и ещё что-то, где «живёт» идеальное (оно ведь не в мозгу !), но это идеальное там, в этом «что-то», существует не само по себе, а только «при помощи мозга». Значит, нечто материальное вне мозга (не сам мозг, который мыслит) может мыслить и выдавать идеальную продукцию.

Панфилов объявляет знак двухсторонним, состоящим из материального и идеального одновременно, поскольку в языке закрепляются результаты познания. Этой идее Панфилов нашёл поддержку у Ленина, который пишет, что «Всякое слово (речь) уже *обобщает*», что «чувства показывают реальность, мысль и слово – общее» [Ленин т. 29 : 246].

По мнению Комарова, сущность языка – в единстве материального и идеального. «Именно это единство порождает новое, качественно специфическое явление – язык». «Единство материального и идеального есть необходимое и достаточное основание для языка» [Комаров 1988 : 61]. «Целое – это язык, для его единства и целостности в

одинаковой степени необходимы материальное и идеальное. Они равноправны для его сущности» [Там же : 65]. «Значение (идеальное) делает материю языка звуковой материей языка. Без значения звук остаётся природной материей, веществом, “чистой объективностью“. Звук без значения не имеет отношения к языку. Чтобы стать языковым, звук должен быть связан со значением. Материя звука становится звуковой материей языка, лишь будучи “одухотворённой“ значением. Перерождение природного звука в звуковую материю языка обусловлено значением» [Там же : 67]. «Следовательно, значение, как идеальное, находится в сознании субъекта и в то же время вне сознания. ... Звук становится мыслью, а мысль – звуком» [Там же : 69]. «Формованный сознанием, звук есть не только звук, но и мысль. В акте восприятия слушающий распредмечивает форму звучания, преобразуя её в значение. Форма звуковой материи переходит в идею» [Там же : 74]. «Идеальное присутствует в звучании своим отпечатком. Наличие следов идеального есть основной признак принадлежности звучания к языку. В присутствии идеального и заключается сила слова» [Там же : 147]. «Если бы в материи звука не было идеального в виде следов, то было бы невозможно понимание звучащих единиц языка» [Там же : 148]. «Мысль превращается в форму вещества и иначе существовать не может. Форма вещества есть форма самой мысли» [Там же : 77]. «Представление языка только как материального, или только как идеального одинаково метафизичны» [Там же : 83]. Комаров пишет: «Идеальное проявляется в форме материального». Человек изменяет форму природного вещества, запечатлевая в нём свою мысль. Ссылка на Энгельса: «идеальность является ... в форме субстанции» [Маркс, Энгельс 1956 : 132].

Взаимопереход идеального в материальное – пишет Комаров – это закон диалектического взаимодействия, «предполагающий переход противоположностей друг в друга, так как идеальное непосредственно существовать не может. Оно существует лишь через материальное, т.е. опосредовано мыслительным. ... Идеальное закрепляется в материальном в виде формы», образуя «тождество противоположностей» [Там же : 80]. А далее Комаров пишет нечто противоположное, отвергая всё доселе им самим же утверждаемое: «Значение как идеальное не может быть отторгнуто от сознания, и потому не существует вне субъекта, оно не переходит в материю звука, сохраняя тем самым также относительную самостоятельность. Следовательно, звук находится вне сознания, значение – в сознании» [Там же : 68].

9) Все ошибки в марксистском языкознании обусловлены одним – давлением идеологии.

Что помешало марксистскому языкознанию разобраться в теории языка ? Помешал не недостаток фактического материала, а предвзятая ложная теория, задавившая все попытки вникнуть в сущность предмета. Хотя логика и особенно психология, в том числе и теория афазии, доставили много фактического материала, уже заранее опровергающие некоторые марксистские теории, однако языкознание прошло мимо них. Теория диалектического материализма, будучи верной в своих диалектических основах, в общем и целом вылилась в марксистском языкознании в псевдонауку, заглушающую грохотом своего высокопарного пустозвонства живую мысль творчества.

Марксистская идеология воспитала в лингвистах-теоретиках боязнь выйти за пределы её ортодоксальных лозунгов. В лингвистике, так же как и в идеологии, никогда не допускалось, чтобы кто-то что-то от чего-то «отрывал»: ни форму от содержания, ни содержание от формы, ни язык от мышления, ни мышление от языка, ни язык от действительности, ни партию от народа, ни народ от партии. Марксистско-ленинская

идеология выставляет на всеобщее посмешище даже крупных лингвистов, вынужденных обслуживать эту идеологию на лингвистическом фронте. Мы даже не подозреваем, что К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин не оставили нам рецептов о с у щ н о с т и языка, отчасти, может быть, и потому, что это – не их область интересов и, следовательно, специально языкознанием они никогда не занимались, хотя их лингвистические апологеты приписали им божественное видение всех теоретических проблем языка и целых 75 лет потчевали языковедов и философов на Российской почве лингвистической и философской жвачкой под соусом «марксистско-ленинского языкознания». Мы даже не подозреваем, что Бодуэн де Куртенэ в конце 19 века продолжил дело Аристотеля, который первым увидел двухслойную, двухуровневую сущность мышления, отражённого как в языковых, так и в л о г и ч е с к и х формах. Бодуэн де Куртенэ доказал открытием фонемы и науки фонологии ту же двухслойность, двухуровневость мышления на лингвистическом, языковом, по его терминологии – психологическом уровне, который в то же время есть уровень л о г и ч е с к и й.

В условиях тоталитарного режима всё было подчинено идеологии. Истинное знание, если оно и было, было под запретом цензуры. Творческая природа учёного была не в счёт. Мыслящие умы должны были преодолевать бесконечные препоны на своём тернистом пути. «Марксистско-ленинское языкознание» воспитало поколения лингвистов, многие из которых были контужены режимом. А некоторые из лингвистов оказались банкротами, так как расплатились за уступки и лесть в адрес официоза, разменяв таланты на льготы и академические чины. Это было в значительной степени добровольное ослепление и добровольное научное рабство. Необходимо покончить с идеализированным представлением о советской, да и вообще в значительной степени о мировой т е о р е т и ч е с к о й л и н г в и с т и к е – она построена на зыбучем песке, да её фактически ещё и нет.

Всякий, кто не понаслышке знает сегодняшнее марксистско-ленинское теоретическое языкознание и его лозунги, тот видит, что оно принудительно навязывает теориям языка свои рецепты, которые они, якобы, вычитали в сочинениях Маркса, Энгельса, Ленина. Но не поняли их, оставаясь марксистскими полузнайками в теоретическом языкознании, в философии языка. Многие из подобных работ находятся не выше уровня вульгарно-материалистических популяризаторов, «материализм» которых должен возместить недостаток научности. Они комментируют, в основном цитаты. Наши марксистские языковеды не всегда могут объяснить и привести между собой в связь новейшие факты языка, а они подтверждают диалектику и в языкознании. В языкознании тоже необходимо мыслить и, выходя из круга эмпирических фактов, дать им научное, т.е. диалектическое обоснование, ибо не все факты видимы, они видны лишь посредством мышления. Общие фразы некоторых лингвистов должны в конце концов прикрыть беспомощность миысли их авторов. Философия мстит задним числом языкознанию за то, что оно покинуло диалектическую философию. О философии надо судить не по вывескам, которые они сами на себя навешивают, а по тому, как они на деле решают основные теоретические вопросы. Читать – читали, переписывать – переписывали, а что к чему, не все поняли.

Вот как, например, марксисты объясняют механизм лингвистического явлеия, называемого «муки слова» (см. об этом выше, Гл. 3): «Муки творчества, слова нельзя объяснять недостатками языка. Это значит, становиться на позиции идеалистов, возлагающих на язык ответственность за все противоречия буржуазного общественного строя, за все муки, на которые капитализм обрекает трудящихся». ... «Повинен тот общественный строй, при котором государство служит орудием в

руках капиталистов в их борьбе с пролетариатом». [Богуславский 1957 : 25]. Вот это и есть уровень «марксистской» науки, которая подменена идеологией.

В рецензии на «Лингвистический энциклопедический словарь» (Москва, 1990) Макаев, один из выдающихся отечественных лингвистов, следующим образом характеризует статьи сторонников марксистско-ленинского языкознания: «В статье «Глоссематика» (А. С. Мельничук) обращает на себя внимание автора статьи то, что в основе теории глоссематики лежат философские субъективно-идеалистические концепции. Это даёт автору основание характеризовать глоссематическую теорию как «методологически порочную». Мне представляется, что глоссематическая теория является одним из вершинных достижений теоретического языкознания XX века. Ельмслев предпринял попытку дать фронтальное описание языка от единиц низшего уровня – так называемых кенем – до единиц высшего метасемантического уровня ... на основе единого, последовательно проведённого дедуктивного принципа». [Макаев, ВЯ, 1992, № 2 : 146].

А далее Макаев пишет о следующих марксистских языковедах: «Необходимо со всей определённостью заявить, что из отечественного языкознания должен вообще исчезнуть термин «порочный» как элемент анахронизма. ... И уж совершенным анахронизмом, никак не соответствующим современному лингвистическому мышлению, являются такие статьи, как «Ленин о языке», «Маркс и Энгельс о языке» (В. И. Кодухов) или «Философские проблемы языкознания» (П. В. Чесноков) и проч., пытающиеся интерпретировать все предыдущие лингвистические школы и направления, как отечественные, так и зарубежные, с точки зрения только одной, далеко не безупречной философской концепции. Представляется, что в переизданном варианте ЛЭС эти статьи должны быть кардинальным образом переработаны, выглядеть гораздо скромнее по размерам, если редакционная коллегия не сочтёт возможным исключить их из словаря вообще». [Там же : 147].

Например, Серебренников удовлетворён уровнем развития советского материалистичского языкознания. « ... В целом оно развивается по правильному пути» [Серебреников 1983 : 318]. Серебренников пишет: «Общеизвестно, что язык самым тесным образом связан с мышлением. ... Однако язык имеет свои специфические особенности. Эти особенности можно объяснить только особенностями человеческой речи» [Серебренников 1988 : 131]. Спекуляция на понятиях «общеизвестно», «как известно», хотя никому это ещё не известно, и в первую очередь самому Серебренникову, что и подверждает его книга 1983 года а также книга «Роль человеческого фактора в язые. Язык и мышление» (М., 1988), в которой автор проявил себя не как лингвист-теоретик, а лишь как регистратор лингвистичесих фактов, хотя очень важных и богатых, но чисто эмпирических фактов.

10) Состоялось ли «творческое» развитие «марксистского языкознания» ?

Филин считает, что в теории языка не должно быть плюразизма, истина должна быть одна. Но этой истиной он считает «марксистско-ленинское языкознание», которое построено на трёх марксистских постулатах. 1) Язык существует реально, это то, чем пользуются все люди; 2) Язык материален, и поэтому к нему должен быть материалистический подход; 3) Язык имеет общественный характер. Но оказалось, что все три постулата не отражают сущности языка.

Самым сильным фактором, который может дать объективную оценку современному теоретическому языкознанию, является л о г и к а р а с с у ж д е н и й и д

о к а з а т е л ь с т в, логически последовательный анализ языковых фактов и правильно построенный процесс логического доказательства этих фактов. Там, где не соблюдаются эти условия, сразу же видно, что «король-то голый» !

«Единственным методом подлинного объяснения системы (языка, – А.К.) является метод исторический, основывающийся на марксистско-ленинском понимании истории» [Филин 1982 : 13]. Марксистско-ленинское языкознание отвергает возможность познания сущности языка через его внутреннее устройство и связь этого «устройства» с мышлением и внешним миром, отвергая всё, что сюда относится, например, важность системы, структуры, а также знак, структурализм, хомскианство, возможность и неизбежность авербального мышления. «Лингвистический структурализм ... в философском смысле представляет собой одну из разновидностей идеализма, поэтому в методологическом отношении он для нас неприемлем» [Там же : 49]. «Совершенно очевидно, что хомскианство – одна из разновидностей современного идеализма в языкознании» [Там же : 69]. «Идея о “глубинных и поверхностных“ структурах языка, вошедшая в моду среди части лингвистов, нам представляется также бесперспективной, не открывающей ничего нового» [Там же : 69].

Позиция марксистских лингвистов только декларировалдась марксистской, а на самом деле она мало связанная с марксизмом. Вот три кита, на которых покоилось марксистское языкознание: 1) Понимание языкознания как чисто исторической науки, в духе обычной позиции в языкознании в XIX веке [см. Филин: ВЯ 1977 № 5; 1978 № 2; 1981 № 1]. 2) Чистый эмпиризм, игнорирование и недооценка теоретического языкознания, тоже восходящая к XIX веку. 3) Эта черта идёт от, хотя и сглаженного, без четырёх элементов и прочей фантастики: теории прямолинейной связи между развитием общества и развитием языка, идущая от марризма.

Итак, структура языка, являющаяся его главным признаком, под лозунгом неугодного «структурализма» и «хомскианства» ставится под запрет, но зато единственным методом подлинного объяснения сущности языка называют ... его «историю» и «монистический» подход к языку, как будто «историзм» и «монизм» – тот ключик, который открывает все тайны языка (Филин, Будагов). Между тем, «глубинные и поверхностные структуры» – это не мода и не блажь Н. Хомского, а попытка приоткрыть завесу над таинством языка, за пределы которого «марксистским лингвистам» не вредно было бы заглянуть. О «фундаментальных проблемах языка в марксистском языкознании» только декларируется, но ничего для этого, кроме лозунгов, не делается. Поэтому эти проблемы остаются в девственном, первозданном состоянии, хотя «марксистские лингвисты» называют такое состояние своей науки «особым направлением» в мировом языкознании и, естественно, единственно верным (Филин, Березин). Полностью игнорируются реальные факты существования авербального мышления, как будто в с я мыслительная деятельность человека осуществляется только под диктатом материи языковых знаков и человек никогда, даже если он что-либо обдумывает для себя, не расстаётся с материальными знаками.

11) Главные методы теоретиков «марксизма-ленинизма» в языкознании – комментарии «классиков» и подгонка языкового материала под их цитаты .

Мельничук пишет: « ... как гениальный философ и социолог Маркс исключительно глубоко понимал общую сущность языка, его специфику, его значение для человеческого общества» [Мельничук 1983 : 3]. Однако в исследованиях сущности языка в «марксистско-ленинском языкознании» больше идеологической пропаганды, чем науки. Была создана монолитная партийно-государственная идеология,

поставившая под неусыпный контроль все формы культуры, которая «растаптывала» все живые научные ростки на корню, если они и появлялись. Самодостаточное ядро такой идеологии составляли «диамат» и «истмат» в кратком изложении товарища Сталина, и задача языковедов и философов заключалась в конкретизации его непререкаемых догм применительно к лингвистике.

«В советские времена не было и не могло быть философов. Были только пропагандисты философии марксизма, при этом, начиная с 1938 года, её изучение превратилось в пропаганду философского параграфа «Краткого курса истории ВКП(б)», написанного Сталиным. Если бы появились настоящие философы, то есть люди, которые излагают свои оригинальные воззрения, свои собственные взгляды, то они, вероятно, моментально исчезли бы с общественной арены» [Ойзерман 2004 : 62].

«Марксистско-ленинское языкознание» создать невозможно, даже если бы мы этого пожелали и у нас хватило ума, потому что такого языкознания вообще нет и быть не может, если не иметь в виду некоторые общеенаучные положения, идущие ещё от Античности и неоднократно повторенные Марксом, Энгельсом, Лениным в различной интерпретации, и если не иметь в виду также диалектику Гегеля, который для «марксистов-ленинцев» всегда был «идеалистом». «Основоположники» заблуждались относительно сути языка, верно ухватив, вернее – повторив известные ещё из Античности, лишь его видимые и, следовательно, банальные стороны. И всё потому, что классики марксизма рассматривали язык как побочный, попутный объект исследования, их целью оставалась лишь экономика, идеология, философия.

Однако постоянное навязывание одних и тех же идеологизмов расхолаживало лингвистов, освобождало их от умственной работы. «Самое же опасное – это тот случай, когда традиционно сложившаяся интерпретация бессознательно действует так, что человек проходит мимо фактов и даже не хочт обращать на них внимание» [Жинкин 1998 : 80]. «Мысли господствуюбщего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представлет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же аремя и его господствущая духовная сила» [Маркс, Энгельс т. 3 : 45]. «Что касается советской науки о языке, то ... она с самого начала основывалась на идеологической метафоре, при которой идеологические аргументы превалируют над научными доказательствами» [Звегинцев 2001 : 506].

«Философия спрашивает: что есть истина ? – а не что считается истиной ? Её интересует то, что является истиной для всех, а не то, что является истиной только для некоторых; её ... истины не знают границ политической географии ...» [Маркс, Энгельс, т. 1 : 101]. Все «марксистские» лингвисты, бившие себя в грудь, что они «истинные марксисты», но, предав Маркса и Энгельса, работали с вопросом: «Что надо считать истиной», а не с вопросом «Что есть истина».

Советское языкознание возникло и формировалось как одна из форм партийно-государственной идеологии. Теоретическое языкознание в Советском Союзе перестало быть наукой и стало идеологией. Запутанность и бесплодие теоретического «марксистско-ленинского языкознания» невозможно объяснить тем, что это «молодая наука». Причина его падения – в догматизме и идеологическом прессе. Проблема теории языка и метод её постижения, как оказалось, лежит в разных плоскостях – отсюда учёное пустословие, фразёрство. Теоретическое языкознание было окружено плотным кольцом вольных или невольных телохранителей лжи, идеологических опричников. И никого не осенило заглянуть за пределы дозволенного. Идеологическая канонизация каждой запятой у «классиков марксизма-ленинизма» привела к тому, что «марксистские

лингвисты» безнадёжно запутались в своих собственных исторически «выверенных» противоречиях.

«Я должен предупредить, что я не марксист. Я марксистом никогда не был. ... Я марксизм вообще никогда не воспринимал как науку. Он для меня всегда был и остаётся идеологией. Идеологией великой, самой грандиозной в истории человечества» [Зиновьев 2003, ВФ, 2004, № 2 : 75].

В языкознании (да и не только в нём) десятилетиями разрушался индивидуальный механизм мышления, механизм дискуссий и обсуждений, механизм выработки индивидуального лингвистического мнения, механизм подключения каждого к конкуренции идей. Научное мышление требует определённой социальной среды, предусматривающей столкновение идей, их распространение, обоснование и опровержение. А разрушить такой механизм – значит разрушить научное мышление, что и произошло в Российском языкознании.

II. Марксистское языкознание не решило проблему взаимоотношения языка и мышления.

1) Как в «марксистском языкознании» решается проблема «взаимоотношения языка и мышления» ?

Как и почему возможно мышление ? Почему и как мысль связана с отражаемым предметом ? Как посредством мысли мы ловим реальность ? Как марксистские лингвисты решают проблему взаимоотношения языка и мышления ? «Вечным вопросом языкознания является проблема языка и мышления. Советские языковеды ... не отождествляют язык и мышление, утверждают их диалектическую взамосвязь. Язык ... оказывает воздействие на мышление» [Филин 1982 : 48]. Панфилов подчёркивает «основные прнципиальные моменты, которые являются исходными при решении проблемы о характере взаимоотношения языка и мышления ... с позиций диалектического материализма»: 1) Мышление протекает на основе материальных физиологических процессов; 2) Осуществляется только при посредстве естественного языка и других знаковых систем; 3) Не может протекать вне и независимо от естественного языка; 4) В языке, в его лексических и грамматических значениях, в той или иной степени фиксируются результаты человеческого познания; 5) «Для материалиста-лингвиста и материалиста-философа является бесспорным положение о неразрывной связи языка и мышления». Деятельность языка и мышления представляет неразрывное единство. 6) Язык « ... представлет собой необходимое средство осуществления и существования абстрактного, обобщённого мышления и рациональной ступени человеческого познания ...» [Панфилов 1971 : 16 –17; 1977 : 12; 1982 : 14, 19].

2) Терминологическая философская игра в иссследовании языка и мышления

Философские термины «философский позитивизм», «экзистенциализм», «агностицизм», «лингвистический агностицизм», «лингвистический идеализм», «неопозитивизм», «субъективно-идеалистический позитивизм», «метафизическая философия позитивизма», «лингвистический солипсизм» – сами по себе звучат философски красиво, и, казалось бы, подрезают под корень философские основы всех теорий, враждебных марксизму. Однако они означают лишь беспомощность марксистских лингвистов и философов в раскрытии и с т и н н о й с у щ н о с т и взаимоотношения «действительность – мышление – сознание – логика – язык – речь – текст».

Наши философы и лингвисты скрываются за частоколом обвинительных философских терминов, которые сами по себе, без глубокого анализа сущности языка ничего не значат, лишь пустой «философский звон», хотя и правильно указывают на философскую несостоятельность некоторых сегодняшних лингвистических теорий.

Думается, что включение идей «марксизма-ленинизма» в методологическую основу исследования теории языка так, как они в ней фактически представлены, – это дань нашему безоблачному научно-лингвистическому прозябанию, когда нам не нужно было напрягать наши мозги, когда мы не могли шагу шагнуть, чтобы, например, исследуя модальные частицы в эскимосском языке или миграционные пути чёрного журавля, не предварить эти наши исследования опорой на основополагающие цитаты. А если мы их не находили, то ссылались на директивные постановления, где всё было аккуратно разложено по полочкам, утверждено выше и нам ничего не оставалось, кроме как проглотить эти готовые «научные» рецепты.

Дело не в том, что мы в наших диссертациях и монографиях сплошь и рядом повторяем избитые догмы «диалектического материализма» о первичности материального и вторичности идеального, а в том, что мы не отдаём себе отчёта о некоторых перлах доморощенного «диалектического материализма», о том, как мы сами мыслим, не складируем ли мы горы противоречий в наших рассуждениях и не рождаем ли мы новые издания критикуемых нами теорий, например, «лингвистической относительности» и «языковой картины мира» в виде «лингвистической дополнительности», доказываем «неразрывное единство» языка и мышления, которого нет, доказываем «относительную самостоятельность языка» по отношению к мышлению, которая не существует, доказываем теорию «влияния языка на мышление», которого нет, и др. теории, хотя устами психологов и физиологов давно было доказано отсутствие органической, неразрывной связи между мышлением и языком, доказано существование единого общечеловеческого мышления до языка, коим на Земле несть числа, что мышление и язык лишь как бы «сливаются» воедино только на определённой стадии развития ребёнка, но никогда не превращаются в единый сплав, прекрасным подтверждением чему служит наше повседневное авербальное мышление и у говорящих и пишущих, подтверждением чего являются «муки слова». Да и потом, в течение всей человеческой жизни, мышление не теряет своей полной самостоятельности, своей авербальной сущности, «сливаясь» с языковыми знаками в некое относительное, условное единство лишь в звучащей (написанной) человеческой речи.

3) Марксисткое языкознание не решило проблемы «лингвистической относительности» и «языковой картины мира».

Теории «лингвистической относительности» и «языковой картины митра» не настолько наивны, чтобы их можно было отбросить с ходу, как это обычно делается в «марксистско-ленинском языкознании» – всё, что не подходит под его догмы, отвергается. Оно, борющееся за чистоту «марксизма-ленинизма» в лингвистике, больше всего затупило копий и наломало дров именно на критике этих теорий, так и не разгадав их. Эти копья, как и надо было ожидать, оказались не смертельными, само «марксистско-ленинское языкознание» в значительной степени оказалось в плену этой теории, не найдя из неё правильного выхода, не найдя аргументов, чтобы показать, как же действительно соотносятся между собою «язык и мышление», «язык и действительность», ибо только на основе правильного решения этих проблем теория «лингвистической относительности» могла бы давно рассыпаться как карточный домик. Эта теория была и ранее подорвана многими другими теоретическими аспектами языка,

в частности теориями «актуального членения предложения», «процесса понимания», «процесса познания», «языковых универсалий», «предикативности», «глубинных и поверхностных структур», «мук слова». И действительно, гипотеза «лингвистической относительности» Сепира – Уорфа, как и теория «языковой картины мира» заранее были обречены, потому что некоторые теории языка, их подрывающие, появились задолго до них (например, рождение логики Аристотеля, понятие фонемы Б. де Куртенэ и перечисленные выше теории).

В марксистком языкознании существует немало аргументов, доказывающих, по мнению их авторов, что они проникли в понимание сущности языка. Но эти рекламируемые теории не раскрывают механизма взаимопонимания, потому что сам механизм связи языка и мышления, языка и мира, языка и вещи остался за семью печатями.

Все выдвинутые марксистами теории, «ниспровергающие» гипотезу «лингвистической относительности», не ниспровергают эту теорию, а лишь указывают на конкретные условия, в которых живёт человек, при которых могло бы быть исключено существование «лингвистической относительности», т.е. разное понимание мира людьми разных национальностей. Все перечисленные аргументы не устраняют эту теорию, и всё потому, что не раскрывают её фактической сущности, не был найден общий знаменатель для всех языков мира в виде логических форм мысли, нивелирующих все семантические и грамматические различия в разных языках.

Критика теории «лингвистической относительности» у всех авторов идёт по линии поисков сопутствующих факторов, которые бы опровергли эту теорию, однако никто серьёзно не вник в один и тот же для всех людей механизм отражения реальной действительности в нашем сознании, механизм общения и понимания, представленный в разных языковых системах. Это позволило бы понять и показать сущность теории взаимодействия языка и мышления и сказать, имеет ли теория «лингвистической относительности» законное право на существование.

Для уяснения сущности теории взаимоотношения языка и мышления необходимо было бы разобраться в механизме соотношения действительности, мышления, сознания, логики, языка, речи, текста. А так как эта проблема осталась не затронутой, следовательно, непонятой, то вся критика различных «идеалистических» гипотез бьёт мимо цели, не затрагивает их истинную сущность. Многие авторы не обратили внимание на главное – настоятельную необходимость показать сущность языка и всё связанное с ним. Тогда бы они увидели, что сам «язык» в его традиционном понимании (как материальная форма и её семантическое содержание) исчезает.

§ 2. Семиотика.

1) В каких областях знания существуют знаковые системы ?

Вот что пишут семиотики - фантасты: найти законы языка, с помощью которых рождается текст, – такова задача семиотики. Роль методов семиотики для наук гуманитарных сравнивается с ролью математических методов для естественных наук. Теория знаков позволяет вносить в описательные науки строгие формулировки и точные термины. С помощью семиотики человек осознаёт самого себя, своё место в окружающем мире. [Кондратов 1966]. В языкознании семиотика проявляется в трёх разделах: в семантике как науке об отношениях знаков к объектам, в синтактике как науке о межзнаковых отношениях, в прагматике как науке об отношениях говорящих к знакам.

Логика семиотики такова, что, поскольку любая наука использует знаки, постольку изучение любого объекта требует обращения к его знаковой системе. Семиотика находит свои объекты в языке, математике, художественной литературе, в отдельном произведении литературы, в архитектуре, планировке квартиры, в организации семьи, в процессах подсознательного, в общении животных, в жизни растений. Везде её непосредственным предметом является знаковая система. Но в то же время Степанов считает, что семиотика не является теорией языка. [Степанов 1983]. Но если это так, то для чего вводить в языкознание такой раздел, как «семиотика языка» ?

Вот пример того, как Степанов увидел знаковую систему в живописи. Мы находимся в Третьяковской галерее и рассматриваем, например, картины Айвазовского. Подойдя вплотную, мы видим краски разных цветов, следы мазков, шероховатости, но не видим картины. Отойдя подальше, мы уже не видим мазков, а видим бушующее море, волны, готовые выплеснуться через раму. Материальную форму картины мы уже не видим, материальный знак того, что она обозначает, мы уже не видим. «Материальная плоскость картины, пропустив наш взгляд через себя, стала как бы прозрачной. Степанов назвал это понятие «прозрачностью знака». Перестав сосредоточивать наше внимание на материале, мы увидим пейзаж, море. Мы воспринимаем содержание картины – и смысл знака, – только не переставая воспринимать саму материю картины, сам знак. Так и языковой знак, мы его узнаём по его индивидуальной форме материи и за нею – главное, – то, что он обозначает.

2) Отличие языковых знаков от семиотических знаков других систем.

Понятие «Семиотики» восходит к учениям Морриса и Пирса. «Именно к семиотике должны обращаться науки за понятиями и общими принципами, существенными для решения их собственных проблем знакового анализа, потому что семиотика – это не просто наука среди других наук, а органон, или инструмент всех наук». [Моррис. Сб. Семиотика, М. 1983, под ред. Степанова :86]. Семиотика – это «учение о сущности и основных видах образования знаков». Пирс писал, что «если бы учение о знаках не было предано забвению, и если бы оно было продолжено со всей силой ума и страсти, то к началу двадцатого столетия ... языкознание уже находилось бы в более развитом состоянии, чем то, которого оно обещает достигнуть в самом лучшем случае к концу 1950 – го года». [Пирс, там же : 103].

Что общего между семиотикой как наукой о знаках и языкознанием как наукой о знаках ? Между ними – «дистанция огромного размера». Прежде всего различие между ними состоит в том, что семиотика не имеет своего объекта изучения, она просматривается во всех науках, но не делает эти последние науками семиотическими. Каждая из наук имеет свой объект изучения и свои методы познания. В языке знак имеет принципиальное значение, в отличие от семиотического знака он составляет сущность языка, о чём свидетельствует представленная здесь четырёхуровневая модель знака. Некоторые лингвисты считают, что между языковыми и неязыковыми знаковыми системами нет существенных семиотических различий. То есть, все существующие структурные модели языка подобны простейшим кодам и отличаются от последних лишь в количественном отношении (т.е. числом знаков, знаковых уровней и др.). Это примитивные представления о структуре языка. [Пазухин, ВЯ, 1968, № 3 : 57].

Языковые знаки основаны на психофизиологической системе человека, в виде своеобразных детекторов, без которых знаки не могут быть обнаружены. В системе, например, химических элементов нет знакового фактора, он излишний, а в языкознании невозможно обойтись без него и без связанной с ним абстрактной сущностью знака. Доказательства тоже разные: в лингвистике **д***ом*, **т***ом*, **р***ом*, **с***ом*, **к***ом*.. В химии путём опыта устанавливают в материале наличие *золота, серебра, меди, цинка* и др., химик опирается на атомные структуры материи, а лингвист – на различительные признаки фонем, причём эти различительные признаки диктуются сознанием, мыслью человека, а не природной материей, как это происходит в других науках.

Звуки, издаваемые животными, обладают одной общей чертой: они самой природой животного предназначены для того, чтобы выражать именно то, что они в действительности и выражают. Они вызывают то чувство, которое вызвано непосредственным чувственным впечатлением. Этим их роль и ограничивается. А слова, как знаки, принадлежащие человеческому языку, могут и должны принимать всё новые значения, хотя их источник, материя безразличны. Сами по себе они не говорят ни о чувстве, ни о воображении. Но они что-то обозначают лишь потому, что они ассоциированы с рядом значений, хранящихся в сознании. Характер необходимости им совершенно чужд, они обязаны своим происхождением и употреблением стечению случайностей. И вот именно эта случайность и есть характерная черта языка. Конечно, это не простая случайность, а необходимость, обусловленная лишь данным случаем. Знаки языка – не просто знаки конкретных вещей и проявлений, а представляют собой абстракции, которым прямо не соответствует в мире ничего чувственного. Поэтому это и удобно в мышлении, независимому от чувственности. [Бодуэн, т. I : 262].

Когда знак есть языковой знак ? Семиотичский знак не обязательно должен указывать на нечто другое. Ключ указывает, что к нему есть замок (и наоборот). Дверь – что есть вход и выход. Печная труба на крыше – что в доме есть печь. Эти семиотические знаки стабильные, неподвижные, мёртвые. Языковой же знак: 1) обобщение огромного множества предметов и явлений; 2) это образец, модель, закон для множества фактов; 3) обобщает, хотя он и выражен в неподвижном чувственном предмете (звук, буква, слово). Язык, имея знаковую функцию, не сводится к системе знаков. Сама система знаков в своём происхождении и развитии создавалась в обществе, мыслящими и для мыслящих людей, функционирует в обществе и зависит от него.

Знаки языка принципиально отличны от всех остальных знаков. Какова должна быть физическая природа знака ? Какова связь между этой физической природой и социальной сущностью знака, фонемы ? Природа языкового знака безразлична только с семиотической точки зрения, но языкознание – не общая семиотика и для него важнее не то, что сходно в языке с другими знаковыми системами, а то, что отличает его от последних, что специфично и обязательно для него как средства общения и процесса мышления. Специфика языка: он является звуковым и это свойство навязано ему природой. Ибо только акустический сигнал свободен от недостатков всех возможных способов коммуникации.

«Верно, что в языке имеется знаковая сторона, но ею сущность языка не исчерпывается, поскольку язык органически связан с мышлением ... Видеть в языке только систему знаков означает сводить мышление к знаковости, условности, утверждать непознаваемость объективной действительности». [Филин 1982 : 8]. И далее: создав знаковые системы, человек получил возможность посредством их

осуществлять понятийное мышление. Языкознание – не общая семиотика, как пишет Филин, надо прежде всего знак в языке не объединять со знаком в общей семиотике, а видеть специфику языкового знака. Язык – не только система знаков, в нём содержится нечто большее. Семиотика – не наука, у неё нет своего предмета исследования и изучения. [Там же : 11, 24].

«Природа языка сложнее и многоаспектнее природы любой знаковой системы, даже самой сложной.» [Будагов 1978 : 61]. Язык допускает возможным машинный перевод письменных текстов с языка на язык в той мере, в какой он обладает знаковыми качествами, и противостоит при машинном переводе в той мере, в какой он является незнаковой структурой (физическое, психическое, социальное и др.), т.е. это те существенные качества языка, которые не перекрываются знаковыми характеристиками и с чисто логической точки зрения являются избыточными. Наряду с другими аспектами (физическим, психическим социальным и др.) язык обладает также и семиотическим (знаковым) аспектом. Но наличие этого аспекта не превращает язык в собственно знаковую систему и определять его только как знаковую систему. Поэтому язык нельзя рассматривать лишь как семиотическое (знаковое) явление. Язык многообразен и многоаспектен. [Звегинцев 1962].

Знак, язык – это не только материя, он не отделён от логики, психологии и других наук. Либо лингвистика должна ограничиться изучением звуковой и графической материей языка (тогда это уже не язык, а семиотика), либо вынуждена заняться вопросом, каким образом материя языка замещает абстракции и эмоции в мозгу, благодаря чему возможны и познанеие, и общение людей. Надо считать языковым знаком материю плюс абстрактный, идеальный, логический образ в мозгу, но не в знаке. А как их соотнести – вот это и есть задача языкознания. Знак должен обладать материальной стороной, которая обеспечивает реализацию и восприятие передаваемого сообщения при помощи звуков и букв, речедвигательных органов и органов чувств. Язык, понимаемый как структура материальных знаков, упакованный чистыми языковыми структурами – это важно. Но язык, понимаемый только так, не есть только структура. Чтобы появиться на свет и существовать в виде тысяч различных языковых структур, знак должен быть необходимо связан с мышлением, которое de facto есть принципиально отличное от того, что называют языком только как системой материальных знаков, и тем более семиотических знаков.

Некоторые лингвисты считают, что мышление не отражается, не передаётся непосредственно в формулах, математических знаках, чертежах, рисунках и др. Эти символы, по их мнению, имеют вторичное происхождение, через естественный язык, существуют на базе естественного языка и содержат «значения», расшифровываемые обычным языком. Математик не может оперировать числами и формулами без родного языка, мыслительные операции осуществляются на базе языка и получают свою вторичную форму в виде различных символов. Связь математических символов с естественным языком есть связь второго порядка, не затрагивающая проблему единства языка и мышления. Сюда же относятся жесты. Мышление выражается в языке прямо, без всяких соединительных звеньев. [Колшанский 1965 : 20 - 21].

Это ошибочная точка зрения. Символы математики, химии, логики и др. – те же знаки, но не буквенные, а в других символах и чертежах. Звуки и буквы языка и математические (химические, логические и др.) знаки могут быть взаимно трансформированы. Но преимущество указанных знаков по сравнению с языковыми

состоит в том, что они сокращают процесс «одевания» мысли в материю знаков и тем самым ускоряют и облегчают процесс мышления.

3) Семиотика – не философия языка.

«Семиотика, безосновательно претендующая на роль общенаучной терминологии, паразитирует на неосознаваемой и отрицаемой семиотиками диалектике реального человеческого мышления и языка, т.е. является тем «пустоцветом», который живёт на живом дереве живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного человеческого познания». [Правдин 1991 : 223].

Семиотика не является предметом языкознания. Семиотика – наука о знаках вообще, о знаковых системах в природе и в обществе. Семиотика относится к лингвистике в той же степени, как, рапример, к биологии, математике, искусствоведению, литературе, химии, к дорожным знакам и др. Каждая область знания имеет свои семиотические проблемы в виде каких-то структурных единиц, составлющих объект каждой науки. Ни один предмет любой науки не есть нечто цельное, неделимое, но состоит из своих ингредиентов. Следовательно, семиотика ко всем наукам имеет такое же отношение, как и к лингвистике. Семиотика вообще не вытесняет собственный объкт изучения в науках. Например, биосемиотика не есть объект изучения биологии, семиотика в языкознании – не есть объект языкознания.

Семиотика со своим аппаратом не может предложить ничего, кроме семиотического маскарада – насильственного и неоправданного навязывания своей терминологии. Правдин справедливо пишет: «Вместо того, чтобы рассматривать человека как подлинного творца и носителя языка, его роль низводят до роли некоторого «фактора», наряду с другими «факторами», «свойствами языка». [Правдин 1991 : 202]. Семиотика, как её сейчас понимают, это нечто вроде теорий «что в жизни – то и в языке», «что в языке – то и в жизни». Эта наука исключила из своей теории главное – человека реального, который мыслит, говорит. Слово кажется прямым заместителем предмета, а предмет – заместитель самого слова. Поэтому речь, состоящая из слов, кажется сросшейся с вещами, что мы эту речь не замечаем, не можем её оторвать, отвлечь от вещей. Толкование значения сводится к толкованию самого предмета. Смешиваются аспекты языкового, мыслительного, предметного. Это приводит к теории о зависимости реального мира от заданной системы мышления и языка, смешение языкового, мыслительного, предметного.

Семиотика, разумеется, ничего не скажет нового о возникновении, природе, содержании, восприятии, понимании, структуре и систематизации значений, так как она имеет дело с частными науками. В языке же мы вступаем в безбрежный мир знаний в его связях, зависимостях, обусловленностях, где есть дело до множества самых различных специалистов, а в конечном счёте для всех людей, разбирающихся в своих областях знания. В этом безбрежном мире характер связей между вещами и событиями в каждой области науки описывается не в терминах и понятиях семиотики, а с позиций общей теории познания, значений, теорий в разных предметных областях, средствами и методами гносеологии, логики, нейрофизиологии, психологии, физики и других наук.

В семиотике речь идёт о «присоединении» человека или «человеческого фактора» к языку, т.е. что к чему относится: относим ли мы язык к человеку или человека к языку, есть ли язык один из факторов человеческого существования, или

человек есть фактор уже существующего языка, т.е. язык порождён человеком, или человек порождён языком.

Если же язык не есть проявление действительной жизни человека, а замкнутая, автономная система знаков, то это значит, что всю проблему соотношения языка и человека мы пытаемся втиснуть в прокрустово ложе семиотики, с позиций которой язык, мышление, мир предметов суть замкнутые в самих себе автономные знаковые системы. Иначе: знаки есть знаковые заместители вещей. Человек выводится за пределы языка и превращается для него в некий «фактор», «свойство» языковой системы. Как пишет Правдин, древние семиотические представления о мире, языке, человеке мы находим в современной семиотике. Мы обнаруживаем те же синкретические, нерасчленённые навыки мышления, что и в современной семиотике как «обыденное» мышление современного человека. Представители семиотики сегодня относятся к проблеме взаимоотношения языка, мышления, мира так же, как к ним относился древний человек. [Правдин 1991 : 198, 206].

В настоящее время « ... важнейшие аспекты современного человековедения оказываются в методологическом, философском плане в целом на таком уровне, который можно назвать доисторическим. ... Этот уровень кажется сопоставимым с докоперниковским уровнем представлений об устройстве мироздания и с алхимическим уровнем представлений о свойствах веществ. Мы имеем в виду семиотические представления, семиотические способы рассмотрения человека и его языка не только в лингвистике, но и в других, главным образом смежных с нею науках». Сравнивая «предысторию семиотики» и семиотику 20 века как «новой складывающейся науки», Правдина « ...поражает, как учёные XX века (лингвисты, психологи, философы и др.) в своих научных изысканиях как бы прямо копируют семиотические представления об отношениях языка, мышления и действительности, характерные для самых древних человеческих обществ и для «обыденного» сознания современного человека, которые в этом плане нередко мало чем отличаются от сознания древнего человека». [Там же : 203].

Такой подход возможен только в том случае, если универсальным, фундаментальным отношением между «элементами» мира, как материальными, так и идеальными, признаётся отношение знакового замещения. [Там же : 206]. Но для интерпретации знаков нужен интерпретатор, а в организме человека, в жизни растений и т.д. нет постороннего наблюдателя, кроме человека. Но он наблюдает не знаки в растениях и животных, а свои собственные знаки, потому что он даёт названия, приписывает знаки всему тому, что он обнаруживает. Тогда эти знаки в растениях, животном мире приобретают свойства знаков в мышлении человека, в человеческом обществе. Семиотика пытается изобразить себя как универсальная наука о всём живом и неживом, а не изучает специфику каждого явления, ибо это удел конкретной науки. Семиотика претендует на роль гносеологической науки, философии. Тем самым семиотика имеет возможность, возвысившись над всеми прочими знаками, творить семиотические мифы в различных областях наук на основе идеи замещения, знаковой репрезентации. Это освобождает учёных от поисков объективной истины и сущности в каждой области знания. А так как все науки всё же развиваются вне семиотики, то семиотика есть «бесплатное приложение» к этим наукам.

Семиотику справедливо отвергает как один из вариантов метафизического, схоластического взгляда на мир (на язык, мышление, действительность) и истолковывается как неизбежное следствие обыденного, наивно - реалистического

отношения к миру. Современная теоретическая семиотика в ряде аспектов оказывается доведённой до абсурда. Семиотика не перечёркивается, как в своё время генетика и кибернетика за их «буржуазное происхождение», а осмысливается им с точки зрения её ограниченных возможностей в плане объективного познания языка, мышления и действительности. [Там же : 6].

Сугубо критическое отношение к семиотике было высказано и другими лингвистами. «Семиотика должна умерить свои аппетиты и отказаться от набегов на неподвластные ей территории. Эти вторжения не идут ни на пользу территориям, ни ей самой. Экспансионизм только дискредитирует семиотику как науку. Ей следует сосредоточится на собственном предмете». [Никитин, ВЯ, 1977, № 1 : 3]. Если он у неё есть, разумеется.

Для определения языка существенно помимо всего прочего, что он интернационален и у него есть отправитель. Нет коммуникативной интенции – нет и знака, нет отправителя – нет и знака. Однако одного получателя, т.е. учёного из разных областей, недостаточно. Результатом этого стало необоснованным расширение понятия знака, куда попали псевдознаки без отправителя. Семиотика оставляет странное впечатление. Это направление – без предмета, наука, живущая «с чужих капиталов». Эта наука необязательная и избыточная, без неё можно обойтись, так как она заимствует свой предмет из чужих наук и ничего своего не добавляет, и без необходимости навязывает свою терминологию.

Как пишет Никитин, семиотике следует вернуться к своим основаниям – общей теории знака, но не языкового знака, ибо это область человеческого мышления. Она должна вернуться к тем представлениям о своём предмете, которые были заложены Моррисом, Пирсом, Соссюром. Семиотике следует отказаться от заманчивой, но непродуктивной, широкой, универсальной концепции знака. Поддавшись соблазну универсализма, семиотика вышла за пределы своего предмета и утратила (если она вообще его имела по отношению к языку) законы объективного доказательства. Культивируя в себе порок спекулятивности, она естественно переместилась в те области знания, где это легче сделать – в литературоведении и в истории искусства. [Там же].

Никакой семиотики не существует как всеобъемлющего учения о знаковых системах во всех науках. Есть науки и у каждой свои знаковые системы, номенклатуры. И эти системы знаков связаны с тем объектом, который они обслуживают. Есть всеобъемлющая теория мира, мышления, человека – диалектический материализм. А в семиотике главное – семантика, синтактика, прагматика как языковые знаковые системы с точки зрения эмпирики.

1) Семантика – не отношение знака к миру, знак ни к чему с а м не относится, мозг избирает свои знаки для соответствующих предметов.

2) Синтактика – не есть отношение знаков друг к другу – это мышление человека, которое строит логические суждения, для которых нужны соответствующие грамматические знаки. Главное в знаке и для знака – его ассоциативная идеальная или логическая связь в сознании с определённым понятием. Мышление человека изобрело свои условные знаки, для того, чтобы через них указывать на соответствующие предметы и понятия о них. Знаки сочетаются друг с другом в суждениях не по своей собственной воле (материя мертва !), как им захотелось, а по прихоти норм и правил логического суждения, а оно и ищёт для себя соответствующую, но опять же условно поименованную, знаковую цепочку, а она, в свою очередь, управляется мышлением и его обиталище – мозг.

3) Нет никакой прагматики как особой науки или научного раздела, этот термин заменяет термины «выгода, рациональность, практицизм, утилитарный интерес». Прагматика – не отношение знаков к человеку, мёртвая материя ни к чему не относится, это потребность мозга выражать то или иное понятие, волю, эмоции, экспрессии и для этого человеку нужны знаки.

Какие выводы можно сделать о сущности сегодняшней семиотики ? Семиотическая интерпретация вещей и событий как знаков, как что-то означающих, бессодержательна и избыточна, потому что приравнивает язык к миру, знание языка к знанию мира. Тогда окажется, что языков столько, сколько разных случаев употребления знака. Знак не может радикально менять своё содержание сообразно обстоятельствам своего употребления. Нельзя зависимости и связи в мире объявлять знаками, а весь мир – текстом., т.е. язык не оставил бы места ля мира. Понятие знака теряет всякий смысл, если в нём не остаётся ничего специфически знакового, языкового, а это значит – материально-идеального.

Возвращаясь теперь назад, к истокам семиотики, надо их создателей разочаровать. Семиотика не стала инструментом всех наук, своего рода органоном. Никаких общих принципов, к которым должно было бы обращаться, например, языкознание, она не создала. Очень хорошо, что семиотика была предана забвению, о чём сожалеет Пирс, однако это спасло языкознание от излишних затрат сил и мозговой энергии. А результат был бы такой, каким мы видим его сейчас.

§ 3. Структурализм.

Вот что пишет Абаев в дискусссионной статье: «Сущность структурализма – не в системном рассмотрении языка, а в дегуманизации языкознания путём его предельной формализации» [Абаев, ВЯ, 1965, № 3].

1) Обвинения Абаева в адрес структурализма: структурализм исходит из примата формы над содержанием и игнорирует тот факт, что центральным в языке является содержание, значение. Абаев обвинил структурное языкознание в модернизме, антигуманизме, формализме, антиисторизме, математизме, абстракционизме.

2) «Известно, что сила марксистской методологии особенно ярко и неотразимо раскрывается в общественных науках. Стало быть, чем настойчивее мы будем разрабыатывать языкознание как общественную науку, тем теснее мы будем смыкать его с другими гуманитарными науками, тем очевиднее будет наше преимущество, тем больше мы добьёмся успехов и побед».

3) «Модернизм антиисторичен. Историзм должен пронизывать сверху донизу советское языкознание».

4) «Модернизм ... исходит из примата формы над содержанием. Для нас центральным является содержание, значение. Всё то в языке, что не соотнесено с понятием значения, не имеет познавательной ценности...»

Первый вывод, который напрашивается после прочтения этих утверждений, следующий: спорить можно только с доказательствами, а не просто с голыми, необоснованными утверждениями. Вопрки мнению Абаева, структурализм как одно из лингвистических направлений – не временное явление, он постоянен, ибо постоянно существует такое явление в языке, как струкрура. А если так, то должны быть и строгие структурные методы исследования языка.

Структурная лингвистика сложилась в начале 20 века как особое направление, отличное от господствовавшей в те времена младограмматической школы, с её исключительным вниманиеми к истории языковых элементов, с её нестрогим понятийным аппаратом и субъективизмом в оценке семантических значений. Структурная лингвистика рождалась из поисков более последовательной системы понятий языкознания и из стремления разработать более строгие методы лингвистического анализа. Структурализм – это научное направление в гуманитарных науках, получившее впоследствии различные философские и идеологические интерпретации. Возникновение структурализма, как конкретного научного направления, связано с переходом ряда гуманитарных наук от преимущественно эмпирического, описательного к теоретическому, абстрактному уровню исследования. В основе этой научной доктрины лежит использование структурных методов, моделирования, элементов формализации и математизации.

Основу структурного метода образует выявление структуры как совокупности отношений между элементами. В такой трактовке понятие структуры характеризует совокупность правил, по которым из одного объекта можно получить новые. При таком подходе центр тяжести падает на операции преобразования, главное – перенесение внимания с элементов и из изолированных значений на отношения между ними, на их реляционные, системообразующие свойства.

Структурная лингвисика – это совокупность воззрений на язык и методов его исследования, в основе которых лежит понимание языка как знаковой системы. Главное внимание структурализма обращено к строгому формальному описанию языка, к структре языка как сети отношений между элементами языковой системы, ради чего были разработаны точные исследовательские процедуры (дистрибутивный анализ, компонентный анализ, анализ по рнепосредственно - составляющим, трансформационный анализ).

Метод структурной лингвистики – совокупность воззрения на язык и методы его исследования. В основе этого направления языкознания лежит понимание языка как знаковой системы с чётко выделяемыми структрными элементами. Изучаются взаимные связи единиц в системе текста и использование методов исследования, сходных с методами математических наук.

Разумеется, появление этой оригинальной теории, очень близко стоящей к реальной природе языка, не могло не вызвать критики со всех сторон, ибо это направление подрывало основы не только младограмматической школы, но и близких к ней направлений, также стоящих на платформе субъективного, внесистемного, атомарного толкования языковых единиц.

Например, марксистские лингвисты видят погрешности структурализма в том, что он 1) принципиально отрывает язык от внеязыковой действительности, 2) игнорирует проблему соотношения знаков с обозначаемыми внеязыковыми фактами, т.е. отрицают объективную обусловленность языка внешним миром, 3) игнорирует семантический аспект в языке, 4) Философские основы структурализма сводятся исключительно к неопозитивизму, т.е. промежуточному положению между идеализмом и позитивизмом, но ближе к идеализму. [Мельничук 1970 : 58 - 59].

Отвечу критикам по их же пунктам.

1) Оторвать язык, т.е. материальный знак как его четырёхуровневую структуру [см. выше Гл. 1; вот его уровни: материя знака **(1)**, её идеальный образ **(2)**, идеальный образ внешнего предмета **(3)**, реальный внешний предмет **(4)**] от внеязыковой действительности невозможно. Ведь люди сами придумали, придумали условно, немотивированно свои материальные знаки для обозначения ими внешних

предметов, поэтому знаки оторвать от этих предметов невозможно, они социально значимы. Если бы мы, действительно, «оторвали» языыковой знак от мира, то мир остался бы жив, а знак непременно исчез, ибо без обозначаемой им вещи он не нужен был бы никому, как удар грома или порыв ветра. Более того, совершилось бы изъятие и самого знака и ассоциативно с ним связанным внешним предметом, а вместе с ним и человека.

2) Структурализм не игнорирует соотношение знаков с реальным миром, но, действительно отрицает обусловленность языка внешним миром. Язык, т.е. знаковая система не может быть обусловлена внеязыковыми фактами, потому что знаки произвольны, немотивированы, органически с вещами и предметами внешнего мира не связаны. Именно условность и произвольность знака и составляет сущность того, что мы зазываем языком.. Непосвящённом человеку, в данном случае лингвисту кажется, что сколько в мире вещей и предметов – столько и слов для них.

3) Игнорировать семантический аспект в языке невозможно, ибо знак, если он не связан ассоциативной, идеальной, логической соотнесённостью с внешним предметом, представленном в сознании в идеальной форме в виде поняий – не знак, а лишь природная материя (гудок паровоза, удар грома, чернильные крючки). Этот упрёк структуразму порождён тем, что языкознание в лице младограмматиков, и оставшихся после них различных отростках того же атомарного метода занималось только отдельными единицами, вне всякой связи с системой языка.

4) «Философских основ» у структурализма, действительно, нет, как их нет и в марксистском языкознании, если не принимать за «философские основы марксистского языкознания» высокопарные догмы, никак, нигде не аргументированные языковыми фактами.

Структуралисты, действительно, «оторвали язык от семантического аспекта» и живут по лозунгу Соссюра: «Единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя». [Соссюр 1933 : 207]. Но Соссюр – ещё не весь структурализм. Это не значит, что структуралисты отбросили семантику, она у них просто не получила статуса самостоятельного аспекта языка, а всегда включается в те структурные процедуры в любом изобретённом ими структурном медоде. Напротив, для семантического анализа различных типов слов и предлжений была разработана семантическая процедура в виде самых различных методов: дистрибуттивный анализ, трансформационный анализ, компонентный анализ, анализ по непосредственно-составляющим (НС). Мною были роазработаны и практически реализованы в анализе классов слов немецкого языка методами «непосредственных синтаксических связей» (НСС), «структурно-функциональных моделей» (СФМ). [См. Кривоносов 2001, Гл. 3, «Процелура построения систнемы классов слов» : 300 – 415].

Структуралист не может провести ни одного структурного эксперимента, не оглядываясь на семантику: так говорят или так не говорят ? Семантика присутствует у них всегда, непосредственно, постоянно, в каждом структурном методе исследования структуры предложения. Чтобы понять систему и структуру какого-либо языка, необходимо исследовать все иерархические этажи этой структуры и прежде всего предложения, как материальные носители логического суждения. Структура – это основа основ в природе языка. Структуралисты это понимали, но считали необязательным устанавливать структурные связи и отношения между определёнными типами структур и определёнными типами семантических значений, логических форм. Они не считали это своей задачей, поэтому структурализму не свойственен «неопозитивизм», «позитивизм», «идеализм» и пр. измы.

Проблема структурализма – это проблема также о том, что в языке первично – «субстанция или отношения», или иначе – семантика или грамматика, что чем командует. Это также проблема природы языкового знака – знак не может быть изолирован от всех остальных знаков, это не только ассоциативная связь с внешним предметом, но одновременно и грамматическая, т.е. структурная связь с себе подобными в системе всех знаков. Потому что знак наделён не только ассоциативным идеальным образом внешнего предмета, но наделён и идеальными образами грамматических связей между самими знаками. Язык – не алфавитный набор знаков, а структура этих знаков.

Существующий в языкознании «марксизм» идёт по следам не диалектической науки, а по рукам и ногам он связан путами своей идеологии – он видит везде лингвистических врагов и награждает инакомыслящих лингвистов, в том числе и здравомыслящих, эпитетами, почерпнутыми из уголовного кодекса. Галкина – Федорук, к примеру, один из апологетов этой школы, пишет: «Сторонники материалистической теории языка не могут принять структурализм. В таком случае пришлось бы отказаться от признания единства мышления и языка, единства формы и содержания в языке. Советские языковеды не могут принять методы, враждебные общей марксистско-ленинской теории». [Галкина – Федорук 1957 : 407].

Такие утверждения свидетельствуют только об одном – о полном непонимании сущности языковых знаков и их взаимодействия с мышлением.

Мы видели выше, что ни о каком единстве между мышлением и языком быть не может и не должно быть, и прежде всего потому, что система материальных знаков – условна и не мотивирована ничем, кроме случайностей (в широком смысле). А наше мышление не привязано намертво к материи знаков. Пример тому – тысячи разных языков при одном и том же общечеловеческом мышлении. Далее, нет никакого единства между формой и содержанием в языке, и по той же причине – условный, немотивированный характер языковых знаков.

§ 4. Теория «лингвистической относительности».

1) Как люди понимают друг друга ?

«Вопрос, п о ч е м у люди понимают друг друга, вероятно,
долго ещё останется без ответа; но на вопрос, к а к они понимают друг друга, т.е. на вопрос о том, какова логика этого понимания – его основные нормы и закономерности, – можно получить ответ. Это осуществляется благодаря г р а м м а т и ч е с к о й с т р у к т у р е нашего р о д н о г о я з ы к а, которая включает в себя не только способы построения предложений, но и систему анализа окружающего мира, разделяющую поток ощущений на ряд предметов и сущностей, о которых мы составляем предложения» [Уорф 1960 : 190]. Напрасно Б. Уорф относит себя к оптимистам, полагая, что для него вопрос о механизме – «как мы понимаем друг друга» – является решённым. Чтобы ответить на этот вопрос, надо изучить взаимодействие всех объектов в цепочке «действительность – мышление – сознание – логика – язык – речь – текст », без которого невозможно понять не только то, «как люди понимают друг друга», но и то, почему человечество вообще до сих пор живо. Как утверждается в теории «лингвистической относительности», человек мыслит языком (а не мышлением), что мир отражается в языке (а не в мышлении), что, следовательно, люди каждой нации видят и понимают мир так, как он отражён в их языке, а не в их сознании.

Язык служит своему хозяину – мышлению – в качестве материализованного орудия, конвенциональных знаков для мышления, которое (но не язык !) напрямую связано с действительностью и которое отражает и внешний, и внутренний мир человека. В то же время язык, но совершенно различным образом, есть производное и от мышления, и от действительности: мышление отражает мир в своих идеальных образах и логических формах. А язык ничего не отражает, он лишь связан непосредственно с внешней действительностью только тем, что он сам есть кусочек этой материальной действительности – это его физические звуки и буквы, которые условно, конвенционально по ассоциации связаны с мышлением, отражающим этот мир. Получается, что языка как такового, т.е. того, что считают языком, нет: есть лишь физика, материальные звуки, исследуемые физическими приборами, что и составляет физическую субстанцию, т.е. ту же материю природы, которая без мышления мертва.

Звуки и буквы и, следовательно, слова и целые предложения, чтобы стать «языком» в том значении, как его всегда понимают, должны о с е с т ь в мышлении, пониматься и репродуцироваться мышлением и «передаваться» другому мышлению не в их исходной физической субстанции, а в идеализированном виде, в виде абстракций, в виде логических форм – фонем, графем, морфонем, понятий, суждений, умозаключений. Таким образом, звуки и буквы входят в мозг, мышление и выходят из него – только как идеальные образования мозга – в формах мысли, в формах логики, но передаются вовне через речевые органы и движения руки в тех же материальных знаках (звуках и буквах). Следовательно, такого «языка», который мы считаем «языком» с детства, увы, не существует. Это – то же мышление, в уст ной форме временно, а в графической форме на все времена «вынесенное» вовне мозга в формах условных материальных знаков – звуках и буквах, продолжая жить только в мозгу в самых низких логических формах – фонемах, графемах.

Посредническая роль языка как языковых знаков между мышлением и действительностью состоит только в его материальной знаковости, в том, что язык фиксирует в своей знаковой структуре не особую «языковую картину мира» (это означало бы, что язык обладает отражательной способностью и подменяет мышление), а особую «языковую, т.е. знаковую членимость, сегментацию этого мира» и, находясь между мышлением и действительностью, не подчиняет себе ни мышление, ни действительность. Фактически, вопреки Уорфу, всё строится в обратном порядке: хотя «структура мира» и з а п е ч а т л е н а в языке, но она не отражается в нём, а лишь членится, причём в разных языках по-разному, запечатлена чисто механически, технически через договорные, материальные условные знаки, напоминающие орудия труда (лопаты, грабли, топоры и т.д.) с помощью которых осуществляется процесс мышления. Не язык, а мышление в своих логических формах отражает структуру мира. Точно так же, как топор и лопата сами не могут рубить дрова и рыть канавы, точно так же материальные знаки языка сами по себе не мыслят и не отражают мир, это делает мышление с их помощью и через них.

Неодинаковое фиксирование в разных языках одних и тех же участков мира обусловлено м ы ш л е н и е м человека в его познавательной деятельности. Язык, его материальные знаки – посредник, инструмент, он служит лишь материальной, вынесенной за пределы мозга звуковой и графической формой фиксации мышления, формой «оречевлённого мышления». То, что мы должны понимать под языком, есть система условных, конвенциональных, материальных знаков и в силу этого свойства в каждом языке она своя: этнические сообщества заранее договорились внутри каждого общества о том, как называть в том или ином языке, например, то, что в русском языке означает *ветер, молния, пламя, волна* и т.д. Одно и то же явление мира может быть в любом

языке представлено и как глагол, и как существительное, и как наречие, и даже несколькими частями речи одновременно. В одном языке этим выше указанным словам придали форму морфологически изменяемых существительных, в другом – глаголов, в третьем – наречий и т.д. Каждый язык построен по своей мерке и этот покрой никакого отношения к миру вещей не имеет. Если языки хопи, нутка, шауни, навахо, апачи в своих словах выражают некое «движение», «мир в движении», то это личное дело этих народов, они изобрели язык для себя и именно такой, какой изобрели, а логическое мышление у них всё равно остаётся «европейским», общечеловеческим и никогда они, люди, от этого не избавятся, пока они люди.

Таким образом, люди понимают друг друга не потому, что в языке заложена «система анализа окружающего мира», а потому, что языком как материальным инструментом в виде звуков и букв управляет мозг человека, мышление, которое вооружено одними и теми же, общими для всего человечества, логическими формами. Язык, т.е. конвенциональные знаки ничего сами не анализируют, их лишь используют в качестве п о с р е д с т в у ю щ е г о инструмента, орудия в процессе мышления, которое без этих инструментов – мертво.

2) Язык – не повелитель мышления и сознания, материальные знаки не диктуют свою волю законам познания.

Если человек в познании мира не может выйти за рамки своего языка, как гласит теория «лингвистической относительности», то это значит, что происходит подмена мышления языком, а это далее значит: под языком понимается именно рассматриваемая мною здесь вторая – с е м а н т и ч е с к а я, я з ы к о в а я форма мышления, т.е. с о д е р ж а н и е мышления, как его поверхностный слой, который для авторов этой теории и есть в последней инстанции средство отражения мира и коммуникации, не обнаружив в н у т р и семантической формы мысли (семантического содержания конкретных предложений) её более глубокий слой или уровень – л о г и ч е с к у ю форму мысли. Они ограничивают человеческое познание только рамками языка, как будто язык обладает отражательной способностью, не видя и не понимая, как и многие марксистские языковеды, г л у б и н н о г о, л о г и ч е с к о г о уровня семантического значения предложения. Если считать, что различие в языках обозначает различие в мышлении (но это означает только то, что каждый язык членит внешний мир своими собственными, национальными знаками), то это означало бы, что мой язык определяет характер моего мышления, его логический строй. Тем самым отрицается общечеловеческий, общий для всех людей логический строй мышления.

Представители теории «лингвистической относительности» так и поступают: они ставят в зависимость от структурных особенностей языков не только содержание мышления, но и логический строй мысли, полагая, что с разными типами языков связаны и разные типы логик [Holz 1953 : 59 - 62]. Язык для авторов теории «лингвистической относительности» – это повелитель сознания: формы мышления растворяются в формах языка. Такое понимание взаимоотношения языка и мышления ведёт к подмене мышления языком, к растворению форм мысли в формах языка, к диктату форм языка формам мысли. Теория «лингвистической относительности», если бы она реально существовала, лишила бы человека, говорящего на данном языке, его познавательных возможностей, потому что мышление в данном случае не выходило бы за пределы содержательных единиц данного, конкретного языка. Язык, по этой теории, налагал бы ограничения на мышление в силу различия структур в разных языках, специфики их грамматических категорий и лексических значений. Характер познания по

этой теории зависит от того, на каких языках мыслят познающие субъекты, язык обусловливает познавательные возможности человека.

Объективный мир у представителей теории «лингвистической относительности» остаётся своего рода «вещью в себе», так как человек может ориентироваться только на мир, данный ему в его собственном языке. Структура предложения родного языка для них – это форма организации объективного мира. В каждом языке содержится национальный взгляд на мир и различий между «языковыми картинами мира» тем больше, чем больше различаются между собою языки. Человеческое познание, таким образом, не имеет объективного, общезначимого характера. Представителям этой теории свойственно преувеличение роли языка в образовании мыслительных отражений действительности (логических абстракций), в результате абсолютизации роли языка в процессе познания мира язык превращается в единственно данную человеку реальность.

Язык мог бы воссоздать «картину мира» и иметь влияние на поведение людей, если бы названия предметов, их лингвистические обозначения были бы непосредственным отражением самой п р и р о д ы этих предметов (эта концепция возникла в Древней Греции ещё задолго до появления теории Сепира – Уорфа, и называлась она «слова и вещи»), если бы грамматические конструкции и модели были к о п и я м и реальных связей и отношений действительности. Если считать, что слова обладают свойствами предметов, то мы не можем не вспомнить психологию познания языка и, следовательно, мира ребёнком. Когда дети раннего возраста приписывают словам свойства предметов, то это – детский уровень мышления, познания. Если провести аналогию дальше и поверить гипотезе Сепира – Уорфа, согласно которой свойства предметов и слов – одно и то же, то мы уподобляемся тем фантастам, которые должны допустить существование реального мира, заполненного только детьми.

Ребёнок мыслит только формами чувственного мышления, доверяет только своим глазам и ушам, сигналы которых ещё не доходят до долговременного хранилища логических понятий, где чувственные образы превращаются в логические понятия, потому что этого хранилища ещё нет, опуская «промежуточное звено» между вещью и словом – логическое мышление в формах понятий, суждений, умозаключений. Не так ли происходит и с гипотезой «лингвистической относительности» ?

3) Существует единый общечеловеческий логический строй мышления при множестве различных языков.

Действительно ли логический строй мышления определяется тем или иным языком, который используется в процессе мышления ? Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. В противном случае понадобилось бы ещё что-то третье, третья логика между двумя языками, которая бы сделала возможным сопоставление логического строя речи на разных языках. Но логика речи на любом языке одинакова и покоится на общих закономерностях, которые присущи всякому языку. [Попов 1967 : 165].

Достаточно ли велика общая часть сознания у людей, чтобы преодолеть различия их языков ? Такой вопрос согласно развиваемой здесь концепции, не уместен, потому что сознание у людей всех наций работает одинаково. Сознание не сводится к сумме значений языковых единиц, оно гораздо богаче набора этих единиц, за счёт жизненного опыта, знаний, практики человека. Мышление, по определению, гораздо шире любой знаковой системы: любая мысль всегда найдёт себе достаточно средств в любой знаковой системе за счёт повторения одних и тех же материальных знаков, вступивших в ассоциативные связи с другими понятиями, за счёт богатейшего выбора грамматических средств.

Эти положения о диалектическом понимании взаимоотношения языка и мышления имеют ключевое значение для правильного уразумения проблемы «лингвистической относительности». Но тем не менее, могут возникнуть и вопросы такого рода – если сознание всех людей едино, то не означает ли это, что фактически должен был бы существовать лишь один язык, а не множество языков, как сейчас ? Можно ли при единстве общечеловеческого сознания у разноязычных людей говорить об их языках как о разновидностях одного и того же человеческого языка ?

4) Сущность теории лингвистической относительности.

Много лет бьются лингвисты над разгадкой теории «лингвистической относительности» Сепира – Уорфа. Одни ею восторгаются, другие считают её вообще неразрешимой, третьи категорически её отвергают, не предложив своего решения, четвёртые отвергают её, заменяя её несостоятельной теорией «лингвистической дополнительности», позаимствовав этот термин из работ физика Н. Бора, пятые – не видят в ней никакого греха, так как она не мешает и не помогает заниматься конкретными проблемами структурно-семантического исследования конкретного языка. Многие же лингвисты, отвергая теорию «лингвистической относительности», сами перешли н е о с о з н а н н о на её платформу, не разобравшись до конца не столько в её сущности, сколько в с у щ н о с т и я з ы к а, или, точнее – не имея своей твёрдой научной точки зрения ни на тот, ни на другой счёт.

Учёные думали, что разгадку теории «лингвистической относительности» можно решить путём изучения и сопоставления грамматических структур, лексики, семантики разных языков и на этой основе прийти к её разгадке. Однако все искали её не там, где она лежит: надо было искать потерянный ночью кошелёк не под фонарным столбом, где светло, а там, где темно. Надо было копать глубже – искать её, если она есть, в способе передачи информации, в механизме понимания, механизме познания, в «муках слова». И когда мы решим эти проблемы (коммуникации, понимания, отражения, познания, предикативности, «муки слова» и др.), то мы автоматически разгадаем сущность «языка» а вместе с тем решим и проблемы теорий «лингвистической относительности». И не просто покажем свойства и особенности этой теории, а докажем главное, – что её нет и никогда не было.

Исторически это было неизбежно, потому что все мы, лингвисты, лингвистически односторонни, начинаем наши исследования с конкретного, с эмпирического, не видя вначале всеобщих связей нашего предмета исследования с другими проблемами и тем более с другими науками. Это неизбежный первоначальный путь любого лингвиста. Кроме того, этому недопониманию предмета нашего исследования способствуют объективные причины: лингвистика есть э м п и р и ч е с к а я и лингвистика есть т е о р е т и ч е с к а я, хотя они и тесно взаимодействуют. Первоначально став на путь эмпирического исследования, мы не замечаем, что за нею стоит глубинная теория о сущности языка. Но, будучи умудрёнными научным опытом и пониманием диалектических связей того и другого, эмпирии и теории, а также связей языкознания с другими науками и их проблемами, мы прозреваем и уже видим не «гениальность» отдельных лингвистических умов, не неприкосновенных «священных коров» от лингвистики с академическими званниями, к сонму которых в российском языкознании причислили многих, а банальные лингвистические заблуждения, беспросветные противоречия и просто малограмотность и недообразованность в лингвистических теоретических вопросах. Заблуждаются все, потому что нелегко о д н о м у уму охватить и правильно понять всеобщие связи и зависимости между смежными науками. А

проблемы «языка» именно таковы. Но тем не менее « ... в науке нет широкой столбовой дороги. И только тот ... достигает её сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по её каменистым тропам» (К. Маркс).

Тот факт, что каждый язык имеет свой «покрой», свою «модель», по-своему членит и структурирует мир, было известно задолго до появления теории «лингвистической относительности», ещё с античных времён, хотя эти идеи и не были сформулированы так остро и категорично. Можно сравнить грамматики различных языков друг с другом, а также словарный состав одного языка с другим, принципы и системы номинаций в разных языках, и мы обнаружим тысячи и тысячи несовпадений как в структурах предложений, так и особенно в лексических системах. Теория «лингвистической относительности» опирается лишь на отдельные грамматические и семантические формы отдельных языков, каждый из которых, действительно, на реальный мир набрасывает свою грамматическую и семантическую «сетку», членит мир в направлении, подсказанным структурой данного языка.

Именно членит мир – и не более. С самого зарождения языкознания как науки лингвисты знали, что языки, их грамматический строй и особенно их словарный и звуковой состав не совпадают. Когда говорят о том, что каждый язык навязывает человеку свой собственный способ мышления и познания мира в связи с особым «покроем» каждого языка, то эта теория в корне противоречит действительности.

В сжатой форме сущность «теории лингвистической относительности», изложенную в работах её основоположников, можно представить так.

1) Так как ко всякому объективному восприятию примешивается субъективное, поэтому у каждого человека своё мировоззрение, которое образуется посредством языка, ибо каждый понимает слова по-своему. Отсюда, каждый язык навязывает человеку своё своеобразие – в каждом языке заложено своё мировоззрение. Человек окружает себя миром звуков, чтобы через них воспринять мир предметов, а это отношение к предметам обусловлено его языком. Человек отдаёт себя во власть языка, и чтобы понять мир, надо войти в круг другого языка. [В. Гумбольдт].

2) Люди живут не только в мире вещей, но и в своём конкретном языке, мы не можем полностью познать действительность, не прибегая к помощи языка. Реальный мир бессознательно строится на основе языковых норм. Мы видим, слышим и воспринимаем мир благодаря тому, что языковые нормы заставляют нас именно так воспринимать мир. [Э. Сепир].

3) Мы расчленяем природу в направлении, подсказанным нам родным языком. Мы выделяем в мире явления не потому, что они самоочевидны, а потому, что организованы нашим сознанием и, следовательно, нашим языком. Мы организуем мир так или иначе потому, что так велит наш язык. [Л. Уорф].

4) Язык – это промежуточный мир (Zwischenwelt) между человеком и предметами. Язык сам создаёт окружающий мир, язык – это мировоззрение (Weltbild) народа. Различие языков есть свой особый взгляд на мир, следовательно, у людей разных наций мир выглядит различно. Язык – это процесс вербализации всего мира, он упорядочивает и классифицирует внешний мир, представляя его своей системой. [Л. Вайсгербер].

5) «Взгляд на язык есть взгляд на мир. Опыт языка есть взгляд на мир. Поскольку человек имеет мир в своём сознании, постольку его опыт откладывается только в его языке. Поэтому мир нельзя воспринимать непосредственно (помимо языка). Только взгляд на язык есть взгляд на мир» [Liebrucks 1965 : 366 - 367].

Согласно этим теориям их авторы считают, что язык связан непосредственно с миром вещей, в обход логического мышления. А это значит, что человек мыслит лишь материальными знаками, семантико - грамматическими формами т.е. только формами семантического мышления, в обход логического мышления. Но так как каждый язык обладает своими собственными семантико-грамматическими формами, а языки – разные, то мы приходим к парадоксальному выводу: 1) «передавать» друг другу свои мысли посредством родных языковых знаков мы можем только людям, владеющим тем же языком; 2) мы не должны понимать друг друга, так как мы выражаем наши мысли не логическими формами, общими для всех людей, а обыденными национальными разговорными грамматическими формами, так как наши мысли упакованы в национальный язык, а не в язык логики; 3) люди каждой национальности видят мир и всё их окружающее только через свои национальные знаки. Чтобы не существовало противоречия между говорящим и слушающим, пишущим и читающим, чтобы они понимали друг друга, необходимо среднее звено между произношением одного и его понимания другим, между текстом одного и пониманием его другим. В качестве такового вступают в силу логические формы мысли, единые для людей всех наций.

5) Мир отражается не языком, а мышлением в его логических формах.

Уорф считает, что «логика языка» у языков хопи, нутка, шауни, навахо, апачи – иная. Если Уорф попытается переводить предложения языка нутка на английский язык без деления предложения на субъект и предикат, присутствие которых в языке нутка Уорф отрицает, т.е. переводить предложения нутка на английский язык так, чтобы сохранить структуру языка нутка в английском переводе, то в таком переводе мы не обнаружим мысли, смысла, а причина этому – нарушение структуры английского языка. Это будет обыкновенный бессмысленный подстрочный перевод. Чтобы этот перевод сделать осмысленным для носителя английского языка, то в таком переводе а в т о м а т и ч е с к и появится деление предложения на субъект и предикат. Значит, в особой структуре языка нутка, хопи, шауни, навахо, апачи у ж е з а ф и к с и р о в а н о д и н и т о т ж е ч е л о в е ч е с к и й, т.е. л о г и ч е с к и й строй мысли с наличием субъекта и предиката, от которых никуда не скроешься, но выраженных по языковой форме и н а ч е, чем, скажем, в английском или древнегреческом языках. Формальная, аристотелевская логика у всего человечества – одна, какими бы языками она не выражалась. И языки шауни, нутка, хопи, навохо, апачи ничем не отличаются по своей логической структуре от тысячей других языков, изобретённых о д н и м и т е м ж е общечеловеческим логическим мышлением, но в совершенно различных знаковых формах: это лишь их национальная, своеобразная языковая, знаковая структура, как и структура любого другого языка, хорошо замеченных, но неправильно истолкованных Уорфом. Предложения всех индейских языков Америки, обладатели которых, как и все остальные национальности, владеющие тем же логическим мышлением, отражают те же аристотелевские понятия, суждения и умозаключения, ибо другого пути фиксации результатов человеческого познания мира у людей нет: люди прежде видят предмет, отражаемый в их мышлении в виде понятия субъекта (S), затем приписывают ему определённые свойства, признаки, качества, отражаемые в мышлении в виде предиката (P).

Если признать, что в индейских языках нет суждений типа индоевропейских с субъектом (S) и предикатом (P), то естественно допустить, что в этих языках нет и частей речи. Язык нутка: tl’ imshya’ isita’ itlma = “He, or somebody, goes for (invites) eaters of cooked food” («Он или кто-то идёт, чтобы (пригласить) едоков к

приготовленной пище»). Английский язык: “He invites people to a feast” («Он приглашает людей на пир») [Уорф 1960 (б) : 195 - 196]. Если бы в языке нутка не было частей речи, а, следовательно, и структура его языка не была бы построена по модели S – P , то Уорфу не удалось бы перевести выше указанное предложение на английский язык: ни один язык не может существовать без частей речи и как следствие – без модели предложения S – P, ибо такова природа языка, вернее – мышления, состоящая в том, чтобы отражать мир. Если в языке есть части речи, значит есть и предложения, чтобы соединять эти слова вместе и выражать не мысль об отдельных предметах, а об их связях и взаимоотношениях, т.е. так, как они живут в природе. Если есть предложения, значит они всегда делятся на субъект (S) и предикат (P). А это, далее, означает, что существует одна и та же общечеловеческая логика, независимо от различий в структурах языков, которые служат лишь техническим средством (инструментом) мозга для отражения одной и той же объективной действительности. Если бы Уорф анализировал язык нутка по частям речи, он бы нашёл все свойственные языку нутка а также всем остальным языкам мира некоторые части речи, которые в разных языках совершенно по-разному н а к л а д ы в а ю т с я на одну и ту же реальную действительность. Поэтому это были бы уже иные части речи, чем те, которые нам известны из английского языка, может быть нам совершенно неизвестные, но они были бы по-другому, нежели в английском языке, систематизированы, соотнесены в общей системе друг с другом по сравнению с английским языком и всеми остальными языками [см., например, систему классов слов («частей речи») в немецком языке: Кривоносов 2001]. Структура мысли зависит не от законов грамматики, законов языка, а от законов мышления, единых для всех обитателей нашей планеты. Формальная логика утверждает, что различные языки – это параллельные или инвариантные способы выражения о д н о г о и т о г о ж е понятийного содержания.

Почему мы должны удивляться тому, что язык навахо отражает мир в движении, что язык нутка заставляет говорящего мыслить и такие свойства, которые не влияют на логическую информацию ? И почему совершенно не удивляемся тому, что, например, русский и немецкий языки, в отличие от английского, всегда указывают в существительных род (как будто для говорящего важно знать, что *стол* – это мужчина, а *земля* – это женщина !) и падеж, а глагол в русском языке – совершенный и несовершенный вид, которые также не оказывают никакого влияния на передаваемую в языке логическую информацию ? В теории «лингвистической относительности» так много значения придаётся особенностям туземных языков, будто мы начисто забыли о целой эпохе сравнительно-исторического языкознания, в котором досконально изучены все расхождения между самыми разными языками, будто мы в особенностях туземных языков «открыли Америку». Ни в прямом, ни в переносном смысле мы не открыли Америку, мы просто увидели непрофессиональным глазом новые языки, ранее не изучавшиеся в школе, но отличающиеся от индоевропейских языков так же, в такой же степени, в какой степени отличается, например, английский язык, на котором говорил и писал Уорф, от русского, на котором он не писал и не говорил. Если бы он его знал, он бы страшно удивился, как он удивился формам индейских языков, почему в самих формах русского языка априори запрограммированы мужчины, женщины и некие бесполые, среднего рода существа, сама форма слов выражает совершенный или несовершенный виды действия, существуют шесть непонятных падежей, рождающих массу окончаний в словах, обозначающих живые и неживые предметы, имеется масса префиксов, т.е. логических носителей, в корне меняющих смысл слов (***е****хать,* ***по****ехать,* ***въ****ехать,* ***вы****ехать,* ***отъ****ехать,* ***при****ехать,* ***за****ехать,* ***на****ехать,* ***пере****ехать,* ***подъ****ехать,* ***съ****ехать,* ***разъ****ехаться*). Уорф, обнаружив, что язык навахо весь мир представляет «в

движении», наверняка не обнаружил, чтобы сам мир от структуры такого языка хоть сколько-нибудь изменился, стал «двигаться» быстрее. Мир, независимо от языка навахо, продолжает двигаться с той же скоростью и по той же орбите. Если бы все племена навахо, не дай Бог, в одночасье умерли, то мир от этого не стал бы двигаться ни быстрее, ни медленнее.

Уорф видит своими глазами мир как абсолютно субъективный и начинает его делить на отрезки и факты, которые, с его точки зрения, искажённо отражены, например, в индоевропейских языках. Уорф считает, что в жизни вообще нет такого действия или состояния, которое можно было бы назвать глаголом *случаться*, он придуман людьми, ибо кто видел такое действие в реальной жизни ? Или, есть ли в реальной жизни *ведьмы, черти, русалки, лешие, драконы* ? Это значит, по Уорфу, что язык, в котором есть глагол *случаться*, не отражает жизнь. Но он и не должен её отражать ! Язык никак не связан с миром, это лишь материальные условные знаки, как материален и сам мир, а то значение, которое в них, как считают, скрыто, есть на самом деле наше мышление. Это функция мозга, его процессов мышления ! В этом проявляется наивное мышление авторов теории «лингвистической относительности», которые забывают, что слова – это не вещи, они к вещам «приклеены» условно, по договору, что у человека есть мозг, его мышление, которое придумывает и выдумывает все нужные ему слова, в которых отражены не только видимые, осязаемые вещи, но и невидимые явления и свойства предметов, а также его фантазии и эмоции. Язык не связан с миром напрямую, минуя мышление. Идея Уорфа, если её логику проследить до конца, фактически приводит к двум выводам: 1) Так как язык связан с миром непосредственно, без промежуточного, т.е. главного звена в виде мышления, а языков существует великое множество, то мы неизбежно должны утверждать, что сущестует столько же реальных миров, сколько существует реальных языков. 2) Если материальный мир един для всех, в этом убедился и сам Уорф, а язык связан с миром непосредственно, без промежуточного, т.е. главного звена в виде мышления, то это значит, что язык должен быть единым для всех людей Земли, тогда как фактически их более трёх тысяч.

Если, по мнению Уорфа, языки хопи, нутка, навахо, шауни, апачи ближе к реальности и вернее отражают мир, чем европейские языки, то этот субъективизм Уорфа можно объяснить только одним: непониманием механизма взаимоотношения между мышлением и действительностью, языком и мышлением, языком и действительностью. Уорф утверждает, что язык и действительность связаны непосредственно, без «промежуточного» звена – мышления. Поэтому, естественно, Уорф обвиняет китайских и турецких учёных, языки которых, так же как и туземные языки Северной Америки, очень сильно отличаются от индоевропейских языков, в том, что китайцы и турки, искусственно заимствовав индоевропейские системы языков, переняли также логическую систему Аристотеля, и тем самым «переняли целиком всю западную систему мышления, а не потому, что их языки выработали эту систему самостоятельно ...» [Уорф 1960 (а) : 176]. Здесь Уорф выразил своё антинаучное кредо: будто язык народа «вырабатывает» систему мышления этого народа, а не наоборот. Напротив, мышление каждого народа, родившееся в соответствующих природных и социально-экономических условиях, вырабатывает свою систему языковых знаков. Первична – природа и экономический уклад народа, зависимое от них – мышление, а зависимый от него и творимый им –язык.

Действительно ли люди, говорящие на разных языках,
отражают реальный мир по-разному ? Если люди разных национальностей, в силу специфики их языков, членят мир по-разному, а думают логически совершенно

одинаково, одними и теми же логическими категориями, то этот парадокс требует какого-то более убедительного разъяснения. Учёные же «клюнули на наживку» этих теорий и были вытащены на берег не золотые рыбки истины, а сплошные противоречия и недоразумения, и лингвисты стали метаться в поисках ответа на вопрос: где же они находятся, в чём суть этой теории, не увидев самоочевидного факта: в снятии слепка с мира при его познании а также в общении с себе подобными нами руководит не язык, а мышление, которое подчиняет и присваивает себе всё остальное, в том числе и материальный мир в виде его идеального отражения, **создавая** себе второй мир, копию материального. Язык в этом процессе познания и коммуникации есть нечто вторичное по отношению и к мышлению, и третичное по отношению к миру, хотя материальная сторона языковых знаков есть в то же время и частичка этого материального мира.

Языковы знаки не отражают мир. «Путь, объясняющий картину объективного мира свойствами материальных языковых знаков, заводит в тупик и неприемлем» [Coseriu 1982 : 280]. Тот, кто произносит слово о чём-нибудь, тот имеет в этот момент в голове отражение этого предмета, говорящий связывает с названием этого предмета определённое значение, понятие. У слушающего это слово вызывает в сознании то же явление, тот же образ предмета. Благодаря этому достигается взаимопонимание. Слова не могут отражать непосредственно вещи, минуя их отражение в голове. Так как слово имеет значение в сознании говорящего и слушающего, то отождествление значения слова с предметом равносильно признанию того, что этот предмет находится в сознании беседующих.

6) Причины живучести теории лингвистической относительности.

В критических замечаниях в адрес теории «лингвистической относительности» нет определённой, единой системы взглядов, которая позволила бы разглядеть её истинную сущность. А противоречия здесь таковы, которые в языкознании не преодолены.

1) Человеческое мышление осуществляется только на базе его логических форм, а языков, на которых говорят и думают люди, – великое множенство. Почему же люди понимают друг друга ?

1) Окружающий мир во всех языках членится по-разному. Почему ?

2) Носители разных языков думают по-разному, в соответствии с нормами их языков. И в то же время все люди Земли думают одинаково, все они обладают одним и тем же общечеловеческим мышлением. Это значит, что логическое мышление должно быть как-то отделено от языкового, семантического, чисто знакового мышления. И в то же время обе формы мысли должны быть в каждом мозгу объединены в некое диалектическое единство. Но если языковое , т.е. семантическое мышление и мышление логическое объединить, то что это за общечеловеческое мышление ?

«Тому, кто, не взирая на все трудности, захотел бы исследовать семантику разговорного языка точными методами, нужно прежде всего предпринять неблагодарный труд по изменению этого языка. Ему необходимо определить структуру языка, разрешить неоднозначность слов ... и, наконец, преобразовать этот язык в серию более широких языков, каждый из которых соотносится со следующим как формальный язык и его метаязык. Однако ... наш обычный язык после подобной «рационализации» не сохранит свою естественность, а приобретёт характерные черты формальных языков. ... Естественный язык слишком запутан и аморфен для непосредственного применения формальных методов»- [Alfred Tarski 1956 : 267]. «В естественных языках, в отличие от формальных языков, до сих пор

неизвестна какая-либо система правил (алгоритмов), с помощью которых из символов языка можно было бы, не опираясь на смысл, строить только лишь те последовательности символов, которые являются словами и предложениями языка. Трудность разделения синтаксиса и семантики естественного языка создаёт большие препятствия выявлению структуры этого языка» [Петров 1967 : 259].

Напротив, считают некоторые лингвисты, естественный язык удовлетворяет требованиям логики, в языке можно выразить все логические формы. Языки точны там, где нужна эта точность, и неопределённы там, где нет в ней необходимости.

Главная причина непонимания теории «лингвистической относительности» – изоляция языкознания от прочих наук. Главной причиной, почему во многих проблемах языкознания царит полная неразбериха, нет прочных, обоснованных и непротиворечивых теорий, служит изгнание из языкознания логического анализа языка, отлучение языкознания от логики, разъединение лингвистики и логики, хотя, как это известно ещё со времён «Грамматики Пор-Рояля», без вмешательства логики ни одну теоретическую проблему языкознания решить невозможно. Такое нигилистическое отношение к логике в языкознании, полное игнорирование, её ближайшей союзницы, удобрило почву для появления некоторых несосоятельных теорий, вроде «лингвистической относительности», живучесть которой бесподобна и никто ещё по настоящему не проверил её глубинную сущность.

Причина живучести этой теории – в непонимании механизма взаимодействия языка и мышления. Живучесть этой теории обычно объясняют рядом причин, которые на самом деле не объясняют её живучесть. Например, считают, что нет ещё достаточно разработанной теории, которая бы с привлечением широкого круга самых различных языков показала, в какой мере «язык оказывает обратное воздействие на мышление». Но в этом нет необходимости, потому что именно это обстоятельство – глубокая изученность основных европейских языков – стало причиной появления теории «лингвистической относительности»: лингвисты увидели огромное разнообразие в семантических и грамматических структурах языков мира. А этнограф и инженер Уорф обнаружил вдруг, что экзотические языки американских индейцев совершенно не похожи на языки «среднеевропейского стандарта» (Standard Average European – SAE). Эта теория зиждется лишь на экзотических примерах из разных языков американских индейцев: на самом же деле все языки мира, в том числе и языки „SAE“, кроме многих более или менее общих черт, непосредственно связанных с логическими формами мыслей, по своей языковой форме поразительно не похожи друг на друга. Нет необходимости привлекать «широкий круг самых различных языков», все эти различия давно известны, нужно только правильно их объяснить.

Надо было сделать главное: раскрыть механизм соотношения «мир – мышление – сознание – логика – язык – речь – текст». Раскрыть же это соотношение – значит раскрыть в первую очередь сущность взаимоотношения языка и мышления, которое, несмотря на обилие работ, посвящённых этой проблеме, нам до сих пор неизвестно не только в частностях, но и в главном. Теория «лингвистической относительности» не привела ни к каким глубоким выводам ни в теории познания, ни в теоретической лингвистике. Она не ведёт и не может привести к истинной теории языка, если не считать её в высшей степени положительную роль в том, что она всколыхнула лингвистический и философский мир, который в одночасье «ослеп» и забыл, что все языки – совершенно разные, о чём им было известно уже в течение столетий, и заставила вновь посмотреть на эту проблему более пристальным взглядом.

Гипотеза Сепира – Уорфа живёт так долго потому, что сами лингвисты понимают язык неверно: как будто язык – это нечто самодовлеющее, самостоятельное,

самодостаточное и даже «относительно независимое от мышления», «оказывающее на него своё влияние». Между тем «язык» в теоретическом плане – это лишь осязаемая система материальных знаков, материальная форма внешней фиксации мысли. Мысли могут существовать также отдельно от языка (внеязыковое мышление), они не детерминированы языком, их происхождение разное, мышление ведёт за собой язык, а не наоборот, наделяя каждый язык своей уникальной знаковой системой, оставаясь в то же время единым по логической форме для людей всех национальностей. Фактически гипотеза «лингвистической относительности» считает, что грамматика и словарь каждого языка – живой организм наподобие мозга, нечто самостоятельно мыслящее, самодовлеющее и самодостаточное, что они живут на бумаге сами по себе, будучи изолированными от человека, «потребителя» языка, а не служат в качестве подсобного инструмента для формулирования и выражения мысли в живом общении. Поэтому глубинная сущность гипотезы «лингвистической относительности» может быть подтверждена или опровергнута только на основе изучения взаимодействия языка и мышления.

7) Процессы познания и коммуникацмии осуществляяются только логическими формами мысли.

Как осуществляется взаимодействие языка и мышления ? Реальный мир покоится в нашем сознании в виде его идеального отражения, в виде его идеального дубликата, в виде второго мира, и это сразу же ведёт к проблеме: а как живут звуки и буквы в мозгу ? Реальные звуки и буквы живут вне человека и вне его мозга лишь как физические объекты, как звуковые волны или чернильные пятна; им нет места в голове, в мозгу, где они представлены только идеально – в виде психических образов или обобщённых звуковых и графических образов этих звуковых волн и чернильных пятен как низшие логические формы – фонемы и графемы, только и только благодаря логическому мышлению, единого для всех наций, говорящих на разных языках (в формах фонем, графем, морфонем, понятий, суждений, умозаключений, а не в виде звуков, букв, морфем, слов, предложений и их связей). Логическое мышление не заковано в «кандалы» грамматических и семантических форм каждого конкретного языка, оно значительно шире семантического объёма языковых знаков, выходит за их пределы, мышление облекает в языковые формы лишь часть самого себя, потому что знаковый язык – конечен в своих ресурсах, далёк от совершенства (хотя это самое гениальное изобретение человечества !) и он не в состоянии охватить бесконечность мышления, которое отражает бесконечность мира, ибо за рамками языковой формы всегда остаётся невостребованный смысл, не нашедший прямого выражения в формах языка.

Когда я говорю или пишу – я мыслю, это и есть моё оречевлённое мышление, вынесенное за пределы моего мозга, моего сознания. Моё оречевлённое мышление совершается в рамках моей знаковой системы в виде единого процесса «мышления - говорения», «мышления - слушания», «мышления - писания», «мышления - чтения». Одна сторона этого процесса – чисто знаковая, т.е. моя оречевлённая форма мышления, наполненная семантическим значением слов или предложений, называемая здесь семантической формой мышления, или семантическим мышлением, имеющем конкретную грамматическую форму и конкретное лексическое наполнение. А вторая сторона моего оречевлённого мышления – логическое мышление, представленное в логических формах фонем, графем, морфонем, понятий, суждений, умозаключений. Логическая форма мышления ассоциативно вынесена за пределы мозга в виде звуков и букв. Она может быть представлена в материальных формах любого языка, интуити

в н о осознаваемая всеми слушающими, говорящими, читающими, пишущими, но с о з н а т е л ь н о осознаваемая лишь специалистами. Логическая форма мышления, отражённая в речевом мышлении, едина для всех наций, говорящих на разных языках, она интернациональна. А знаковая, речевая (звуковая, графическая) форма оречевлённого мышления, вынесенного вовне мозга, – это наше семантическое мышление, оно национально, различно в разных языках в силу специфики каждого национального языка.

Именно эти языковые или с е м а н т и ч е с к и е формы мысли, национальные по своему характеру, сегментируют и членят мир по своему образу и подобию, т.е. членят мир в направлении, заданным грамматическими и семантическими формами каждого конкретного языка. Кроме того, семантические формы мысли есть наше живое, конкретное мышление, которым мы пользуется ежесекундно. Но в основе нашего семантического мышления лежат логические формы мысли, через которые осуществляется коммуникация и процесс познания: наше повседневное мышление двухслойно, без этих двух его форм мышления не существует. Именно через эти л о г и ч е с к и е формы человек воспринимает и отражает мир, обменивается мыслями с себе подобными, и поскольку они едины для всех наций, они отражают в сознании людей разных наций один и тот же мир. Язык сам по себе как «сплав» грамматических и семантических значений, называемый мною языковым или семантическим мышлением, не обладает отражательной способностью, этим свойством обладает только мозг, мышление и именно в формах логических категорий (фонем, графем, морфонем, понятий, суждений, умозаключений), и именно потому, что человеческое мышление категориально. Можно, следовательно, говорить о мышлении, реализуемом в языковых знаковых формах, как о семантическом мышлении или о с е м а н т и ч е с к о м с о д е р ж а н и и мышления, и о мышлении, реализуемом в логике, – как о л о г и ч е с к и х ф о р м а х мышления.

Мы можем, таким образом, заключить, что разный «покрой» различных языков, вопреки теорий « лингвистической относительности» и «языковой каритины мира», не оказывает никакого влияния на логический строй мышления данного народа и, следовательно, на восприятие мира. Разноструктурные предложения разных языков, описывающие одни и те же фрагменты мира, имеют одну и ту же логическую форму – или форму субъектно-предикатного (атрибутивного) суждения (S есть / не есть P), или форму простого категорического умозаключения (M есть P, S есть M, следовательно, S есть P), или форму условно-категорического умозаключения (Если A, то B. A. Следовательно B; Если A, то B, не A. Следовательно, не B).

Таким образом, различия в языковой структуре, даже если они очень существенны, как, например, различия между языками североамериканских индейцев и европейскими языками, нивелируются тем, что человек мыслит не содержаниями предложений, т.е. не знаковыми формами языка (грамматическими и семантическими), а л о г и ч е с к и м и ф о р м а м и м ы с л и, каждая из которых имеет тенденцию быть выраженной множеством синтаксических построений в одном языке, и тем более в великом множестве различных языков. Взаимопонимание между нациями и перевод с одного языка на другой возможны только потому, что человеческое мышление – сознание – логика универсальны, что и служит о с н о в а н и е м для познания мира, коммуникации, перевода, в то время как конкретные национальные языки в их грамматических и семантических формах – национальны. В этом случае сама проблема «относительности» снимается, потому что логическое мышления а б с о л ю т н о.

Процессы познания и коммуникации осуществляются только логическими формами мысли. Заблуждения сторонников гипотезы «лингвистической относительности»

состоят в том, что, по их мнению, взаимоотношение между языком и реальным миром осуществляется «напрямую», непосредственно, без объединяющего их звена в виде логических форм мысли, просто как соотношение «семантические формы мысли», семантическое содержание предложений → «мир», как будто семантическое содержание лишено логической формы, в которой отражается мир. Инструментом познания мира служат логические формы мышления, следовательно, в полном согласии с теорией отражения, это соотношение должно иметь структуру: «семантическая форма мысли» → «логическая форма мысли» → «мир». Для каждого отдельного языка не существует специфического, национального видения мира, ибо основным фактором, определяющим формирование языковых значений, является отражение объективной действительности в процессе познавательной деятельности человеческого мышления, имеющего логический характер. Отсюда мы можем заключить, что не существует никакой теории «лингвистической относительности», а существует лишь теория абстрактной, мыслительной, «логической абсолютности», смысл которой состоит в том, что логическое мышление – интернационально и, следовательно, абсолютно. Различное «видение мира» через призму каждого национального языка, если бы оно существовало, предполагает одно из двух: или отсутствие единого общечеловеческого логического мышления, что ведёт к ликвидации человеческого рода, или существование различных формальных логик по количеству естественных языков, что ведёт к полной изоляции национальных государств. Как то, так и другое есть absurdum in adjekto.

Теория «лингвистической относительности» была основана на поверхностном наблюдении соотношения языка и действительности, языка и мышления, и рассматривалась, говоря философским языком, не как некая сущность, а как некое явление, добытое лишь на поверхности наблюдаемых фактов. Эта теория, постулирующая непосредственную и безусловную связь языка, мышления и действительности, элиминирует процесс логического мышления человека и свидетельствует фактически о том, что действительность, мышление и язык совпадают, что и находит отражение в сегодняшнем термине «языковая картина мира». Логическое мышление как процесс отражения мира изгнано из человеческой головы, оно заменено в мозгу лишь национальными семантическими значениями языковых знаковых форм, не обладающих строгими логическими формами мысли. А так как на Земле существует множество языков, то это значит, что единый материальный мир заменён множеством национальных миров, отражённых в каждом национальном языке по-своему.

Такое понимание взаимоотношения действительности, мышления и языка приводит к массе противоречий. Уже один тот факт, что языковая знаковая система конечна в своих ресурсах, никак не вяжется с бесконечностью мира – как же конечную знаковую систему соотнести с бесконечностью мира ? Если люди каждой нации живут в своём национальном мире, в обход логичского мышления, значит знаковая система такого языка не условна, а безусловна и люди не смогли бы строить свои предложения, не смогли бы общаться, жили бы только на уровне чувственного, конкретного мышления.

Эта теория может быть опровергнута только на базе правильного понимания процесса отражения действительности, взаимодействия языка и мышления, точнее – взаимодействия материальных знаков, служащих инструментом (но не органом) процессов мышления и материализации этих процессов вовне мозга. Эта теория связана непосредственно с вопросом – как соотносятся друг с другом материальные знаки и мышление. В данном исследовании я категорически отвергаю как теорию «лингвистической относительности»», так и теорию «языковой картины мира», потому что принятие той и другой, что в сущности – одно и то же, означало бы принятие того

ошибочного тезиса, будто язык и действительность связаны друг с другом непосредственно, в обход общечеловеческого логического мышления.

Вместо теории «лингвистической относительности» я выдвигаю теорию «л о г и ч е с к о й а б с о л ю т н о с т и» как теорию взаимодействия между семантическими формами мышления, представленными в системе национальных знаков языка, и логическими формами мышления, представленными в формальной логике Аристотеля. Теории «лингвистической относительности» нет и быть не может, т.е. теории о т н о с и т е л ь н о г о участия каждого национального языка в процессе отражения мира, который, следовательно, может быть понят лишь их суммой, совокупностью всех существующих языков. Иначе это противоречило бы диалектической теории познания, согласно которой мир познаётся не языком через его синтаксические, морфологические и семантические формы, а мышлением и именно в логических формах фонем, графем, морфем, понятий, суждений, умозаключений.

Почему теория «лингвистической относительности» стала притчей во языцех ? Потому, что она, будучи совершенно необычной, сногсшибательной и совершенно неожиданной для лингвистов, как будто её автор свалился с неба, но увиденная непрофессиональным лингвистом и не понимаемая им (а профессиональные лингвисты этих фактов просто не замечают, потому что они у них под ногами), заинтересовала специалистов многих наук. Однако всё, что в ней есть – давно пройденный этап в языкознании: ещё с античных времён известно, что все языки разные, и что человек отражает мир не языковыми знаками, а логическим мышлением (логика Аристотеля), лишь зафиксированных в материальных знаках. Но вот, явился в языкознание новый лингвист, не посвящённый во многие его проблемы, почерпнул некоторые сведения из работ своего учителя и увидел язык новыми глазами. Хотя его теория не отражает сущность языка, но, с другой стороны, её ценность огромна: она напомнила лингвистам, что имеется иное видение языка и иная связь языка с мышлением, и что надо проверить и перепроверить эту теорию. Влияние теории «лингвистичской относительности» на сегоднящнее языкознание проявляется и в её дубликате – «языковой картине мира». Создаётся такое впечатление, будто до этих двух новых теорий, проповедующих одну и ту же линию «лингвистической относительности», не было науки логики, теории предикативности, данного – нового, темы - ремы, теории перевода, теории понимания, теории отражения, теории «поверхностных и глубинных структур» и др.

§ 5. Теория «языковой картины мира».

1) Что понимается под «языковой картиной мира» ?

Теорию «лингвистической относительности» переименовали в «языковую картину мира», увидев, что лингвистичесая относительность уже устарела и надо что-то новое, перелицевав лишь счтарое название, но оставив за ней прежнюю теоретическую сущность: язык отражает мир, сколько языков, столько и миров. Хотя все видели, переводимость с языа на язык – реальность, но не хотели даже вникнуть: а на какой основе происходит этот перевод, почему люди с разными языками отлично понимают друг друга ?

В чём суть теории «языковой картины мира»

Язык есть орудия упорядочения окружающей действительности и общества, он накладывается на мир, рассматриваемый как «реальный» и, следовательно, отражает «реальный» мир. Но каждый язык это делает по-своему, членит

реальность на свой особый лад. Различные членения и сегментации одного и того же мира в разных языках приняли за отдельную «логику» каждого языка, т.е. в семантико-грамматичекой струтуре каждого отдельного языка увидели его национальную логику, что не могло не привести к следующенму выводу: люди каждой нации видят и отражают внешний мир по-своему, по структуре своего языка. Но «национальная» логика каждого народа не может оцениваться с точки зрения общечеловеческой логики. Семантико-грамматическая структура отдельного, национального языка вытеснила и заменила общечеловеческую логику.

Предстаители этой теории наделяют язык функцией мышления и вследствие этого сам язык, оказывается формирует наше мышление. «Язык есть орган, образующий мысль». Цель языка – вынести идеи за пределы мозга. Между нами и миром стоит не язык, а мышление. Язык не навязывает нам способ мышления. Суть теории «языковой картины мира» представлена в статьях на эту тему размытой, неопределённой. Язык – это «не мир в зеркале языка», это не мировидение. Сам этот термин неопределён и полон произвольного толкования. Правильно пишет об этом лингвистическом направлении, например, Васильева: 1) «языковая картина мира» – это система логических понятий, знаний о мире, это материализованная мысль об объективном мире, оформленная в соответствии с национальными законами языка. «Языковая картина мира» – это устройство языка, а не мира. 2) Язык объективирует логические понятия, он сегментирует действительность. Эти сегменты оформляются на морфологическом, синтаксическом и других уровнях. 3) «Языковая картина мира» - не картина мира, а материализация мысли. [Васильева, 2009 :22 – 31].

Если бы каждый язык, поскольку только с его помощью можно отразить мир, заключал в себе свою особую картину реального мира, то невозможно было бы говорить ни на языке, ни о языке. И тем не менее все языки различаются своими грамматическими и семантическими системами. Но чем детерминировано различие между языками, между их различной грамматикой и семантикой ? Почему объективная картина мира должна быть запечатлена в каждом языке различным образом, в то время как мышление и сознание всех людей одинаково и носят общечеловеческий характер ? Это что – особенность каждого народа или это лишь специфика языка, если это последнее, то чем она вызвана при одном и том же общечеловеческом мышлении и единым для всех реальным миром ?

Сторонники теории «языковой картины мира» опирается лишь на специфику языкового кодирования мыслей, опираясь при этом исключительно на сравнениях отдельных слов и выражений в различных языках. И не учитывают целостный, всеобщий результат восприятия мыслей в этом речевом контексте. Мышление как процесс отражения выброшено, сознание как склад идеальных образов реалий мира игнорируется. То общее, что есть во всех языках, не может быть исследовано без общих закономерностей познания, мыслительной деятельности человека.

Некоторые лингвисты допускают существование языковой картины мира в виде глубинного слоя общей картины мира у человека. Язык, пронизывая все акты человеческой деятельности, глубочайшим образом связан с её базисным регулятором – картиной мира, т.е. с глобальным образом мира, возникающем у человека в ходе всей его духовной деятельности. Язык не представляет собой прямого отражения мира. В нем всегда осуществляется двойная интерпретация мира: мышление отражает мир, а язык конкретизирует мышление, «овнешняет» его, приспосабливает полученные мышлением знания о мире к конкретным коммуникативным условиям. В этом смысле язык есть скорее не особое мировидение, а «мыслевидение». [

Идея о наличии особой картины мира до сих пор не получила достаточного подтверждения и относится к числу лингвистических гипотез, попытка обоснования которых наталкивается на серьёзные трудности теоретического характера. Обоснование данной гипотезы невозможно без осмысления всех аргументов, подвергающих сомнению её правомерность. Вопрос о том, существует ли у человека особая картина мира, наряду с концептуальной картиной мира, является предметом широкой дискуссии в философии и лингвистике.

Понятие «картина мира» синонимично содержанию выражения «совокупность знаний о мире», обобщённым представлением здесь является философское понимание этого мира. Но язык не познаёт мир, следовательно, и не создаёт никакой картины мира. В языке находит своё отражение многообразие творческой познавательной деятельности человека, результаты которой закрепляются в языковых знаках. Познавательное творчество человека состоит в том, что в зависимости от условий жизни он выбирает и закрепляет одно из бесчисленных свойств предметов и их связей. Именно этот принцип заключён во всех языковых образованиях. Но этот фактор языковой знаковой системы не превращается в силу, управляющую миром с его законами, создавая «языковую картину мира».

Суть термина «языковая картина мира», как его понимают некоторые лингвисты, заключается в следующем: язык является действенной, определяющей силой сознательного охвата действительности, объективного мира. Будто каждый национальный язык определяет, формирует, упорядочивает наше видение мира и, следовательно, становится между человеком и миром, своеобразным фильтром восприятия. Как будто мы живём только в языковом мире и наше восприятие его происходит только через зеркало языка.

2) Экспериментальные исследования не подтвердили и не могли подтвердить существование различных «языковых картин мира».

Русские люди спокон веков говорят *Солнце всходит, заходит, садится, встаёт, скрылось за горизонтом* и др. И говорят неспроста: они видели, что Солнце, действительно, садится, потому что воочию видели его закат, видели, что оно само заходит за линию горизонта, который вечно остаётся недвижим. Видя этот процесс ежедневно, люди назвали его как *садится, встаёт, заходит* и т.д., т.е. само активно действует. Язык, таким образом, встал на место мышления, стал отражать материальный процесс движения мира. Но Н. Коперник (1473 – 1543) нанёс смертельный удар по теории движения планет К. Птоломея (90 – 160 н.э.). Хотя теория Н. Коперника была подтверждена практикой, но люди до сих пор продолжают утверждать, что «солнце само всходит и заходит». Так и понятие «язык» для многих лингвистов продолжает оставаться живым существом, которое не только отражает мир, но и строит мир. Отсюда – «языковая картина мира». Но подтверждают ли факты языка существование «языковой картины мира» ?

Свои общетеоретические и философские выводы учёные делают на основе реальных языковых фактов – случаев семантического расхождения между языками: лексическим единицам и грамматическим формам одних языков соответствуют иные слова и грамматические формы в других языках. Некоторые учёные бьются над вопросом о том, сколько различных цветовых оттенков различает человек в зависимости от того, каким языком он владеет. В ряде скотоводческих племён, отсутствуют отдельные слова для обозначения некоторых основных цветов, но зато у них есть тридцать два слова для обозначения цвета рогатого скота. Некоторые исследователи пишут, что

фиксирование различий между цветами определяется наличием названий к ним. В этом, якобы, состоит влияние языковых структур на восприятие мира.

Никто не знает названий всех цветов, но все их различают, хотя и не всегда одинаково устанавливают их границы. Эти цветовые материальные воздействия на чувственный уровень мышления и есть основа различения цветов в мозгу, а не язык сам по себе различает эти цветовые впечатления. Их фиксирует не язык, а чувственное восприятие, чувственный уровень мышления, а абстрактное мышление устанавливает границы между цветовыми гаммами и даёт им названия. Человеческий организм может различать тысячи цветовых впечатлений. В английском языке имеется почти 4000 названий цветов, но только 8 часто употребительны, т.е. для кодирования 7.5 млн. материальных, цветовых впечатлений в распоряжении человека имеется 4000 слов, и только 8 он употребляет. В якутском языке есть лишь одно слово для обозначения синего и зелёного цвета. Не существует физических оснований для маркирования в языке тех или других цветов: существующие сотни цветов говорят лишь о том, что они существуют реально и английскому языку нет до этого никакого дела. Ему достаточно оперировать лишь восемью цветами [Hörmann 1967 : 342-343].

Несмотря на принципиально одинаковое человеческое восприятие цветов, эти цвета говорящими на разных языках представлены по-разному. Имеются, таким образом, внеязыковые возможности сравнения, которые доступны всем говорящим на разных языках. О сравнении чисто языковом нельзя говорить, это бесполезно. Такие эксперименты ни о чём не говорят. Не язык, а законы нервной системы служат средством различения границ цветов, средством классификации различных видов действий. Знание языка не даёт преимущества в различении цветов, действий, физических звуков: их различает мышление человека, а не языковые знаки.

Сколько бы экспериментов о восприятии цвета, снега, льда, оленей, коров, рыбы и т.д. лингвисты и психологи не проводили, они ничего не выяснят, кроме того, что все языки – по-разному структурированы (это было известно уже за 2500 лет до нас). И узреть особый вид мышления и восприятия через призму своего языка у разных наций не удастся, это Сизифов труд: в любом развитом языке всегда найдётся логическое понятие, которое будет соответствовать любому членению солнечного спектра, любому типу снега и любому цвету коров. Следовательно, здесь кончается действие языковых знаков и вступает в силу мышление, и никакие эксперименты здесь не помогут.

Об этом говорит также структура семантических значений слов. Существуют огромные расхождения в объёме передаваемых значений слов в разных языках. Например, в русском языке *дерево* – растение и материал (сделано из *дерева*, мебель красного *дерева*); фр. arbre, нем. Baum и англ. tree употребляются только в значении «растение». Для понятия «материала» существуют, соответственно, во фр. bois, в нем. Holz, в англ. wood. Однако фр. bois означает также «лес» (как совокупность деревьев) с параллельным синонимом forét. Если bois во фр. может быть употреблено в значении «строительный лес», иногда с уточнением bois de construction, bois de charpente, то в англ. эта сфера значений распределена между двумя лексемами: wood «лес» (как совокупность деревьев) синонимичное англ. forest и англ. timber как «строительный лес». Нем. Wald как «совокупность деревьев» не имеет значения материала, которое передаётся по-немецки словом Bauholz («строительный лес»).

Это, так сказать, лишь видимая часть айсберга, единичные примеры из десятков тысяч и тысяч несоответствий между всеми языками мира, их различными частями речи. В этом нет никакого спора. Но этот вопрос в языкознании решается не прямо, с опорой на реальные факты, а путём различных ухищрений и терминологических вывертов вроде «языковой картины мира», придуманной за границей и перекочевавшей в

Россию. Но эти языковые факты слишком очевидны, чтобы придумывать для них новые термины вроде «третьего, языкового знания», как это делают некоторые лингвисты, передав языку функции мышления.

О чём свидетельствуют все эти эксперименты ? Они не доказали ведущую и тем более единственную роль языка в познании и отражении действительности, а лишь констатировали тесную связь мышления и языка как некоего сплава, а авторы этих экспериментов не увидели, что ведущим в этом «сплаве» является мышление, которое выбирает себе нужную языковую форму и ровно столько форм, сколько нужно для мышления. А оно, в свою очередь, руководствуется целесообразной деятельностью людей, владеющих этим мышлением.

3) Различная сегментация мира в структурах разных языков есть следствие условий жизни нации.

Какие же это условия, породившие различное структурирование мира в разных языках, почему языки разные, что толкает каждый язык на различные способы репрезентации мира ? Только и только мышление, высший повелитель данного языка, т.е. то мышление, вне которого не существуют эти различия между языками в сегментации мира, не может существовать ни одна из выше указанных особенностей языков. Их причины – не внутриязыковые процессы, а следствия м ы ш л е н и я человека, которое находит отражение в соответствующих структурах языка.

Это различие в членении действительности складывалось в языке исторически и обусловлено не только самой действительностью и направленной на её осмысление деятельностью мышления, но и закономерностью развития языка. Не одинаковы физические и общественные условия познавательной деятельности, сознания, результаты которой фиксируются в языке. Существует зависимость образования разных лексических систем и их структурного членения от того, какие явления находятся в центре внимания общественной жизни народа. Национальное своеобразие лексических значений слова складывается исторически, в результате особых в каждом случае отношений системы языка к предметам и явлениям действительности, которые составляют содержание осуществляющихся в языковых формах процессов мышления. Языковая картина мира не есть собственно языковая, она есть выражение познавательной деятельности людей, обусловлена историческими, географическими, культурными и другими факторами в пределах единого объективного материального мира.

Грамматические категории оказываются, в конечном счёте, тоже продуктом жизни людей, их трудовой деятельности. Они – слепок целесообразной познавательной деятельности и представления мира. Прогресс знания приходит к осознанию того, что они – лишь внешняя языковая оболочка, неадекватная не только миру, но даже нашему субъективному представлению о мире. Ахманова пишет: « ... словарь языка должен соответствовать тому, что есть в жизни данного человеческого коллектива». Если народ живёт рыбной ловлей, то и словарный состав их языка должен обладать этой спецификой и т.д.» [Ахманова 1957 : 41]. Первые языковые наименования, наречения и обобщения были вызваны о б щ е с т в е н н о й необходимостью и п р о и з в о д с т в е н н о й деятельностью людей. В этих условиях н а з в а н и е предметов ... родовыми наименованиями было как бы частью борьбы за эти предметы, оно само становилось той ... деятельностью, с помощью которой человек «осваивал эти предметы» [Абаев 1970 : 251 - 252].

Например, различение синего и голубого цвета в о с п р и н и м а е т с я всеми людьми одинаково в силу единства органов чувств и мышления, но не для всех это различие одинаково актуально и потому не у всех оно поднимается от ступени

чувственного восприятия до ступени абстрактного осознания-наречения. Синий и голубой цвета у некоторых народов не различаются потому, что это различение в данных условиях хозяйства не является, как пишет Абаев, «о б щ е с т в е н н о й н е о б х о д и м о с т ь ю. Наоборот, хозяйственно важные оттенки ... получают точную и дифференцированную терминологию». Эти различия являются не выражением мистического духа народа, «народного духа», а результатом своеобразия исторической жизни народа. «Невозможно найти два народа, которые формировались и развивались бы в совершено идентичных условиях природы, хозяйства, быта, культуры, общественных и этнических отношений. Откуда же взяться тождеству лексико-семантических систем ? Такое тождество было бы чудом, а чудес не бывает». «Так общественные условия формируют сознание людей, а вместе с ним и распределение языковых значений и языковых обобщений» [Абаев 1970 : 348, 253, 256]. Различное «членение мира» в разных языках – не есть выражение национального духа, якобы присущего каждому народу. «В этих явлениях нет никакой национальной идеологии. “Национальный дух“ здесь просто порождение национализма или результат недоразумения. « ... Различие состоит лишь в технике номинации. Техника номинации не даёт возможности судить о степени развитости мышления того или иного народа» [Серебренников 1983 : 140].

Наличие в разных языках р а з н ы х т и п о в с о о т н о ш е н и й с объективной действительностью – факт абсолютно бесспорный и не требующий никаких доказательств. Национальную специфику следует искать не в «языковой картине мира», а в особенностях познавательной деятельности человека, связанной с различными географическими, историческими, производственными и другими факторами. Можно условно указать на четыре причины различной сегментации одних и тех же отрезков мира в естественных языках:

а) Социальные условия развития каждого народа, говорящего на данном языке – географические, культурные, исторические, экономические. Своеобразие каждого языка состоит в том, что некоторые сферы реальной действительности более точно и детально вербализованы в одном языке и менее детально – в другом языке, что некоторые мысли и идеи находят сравнительно лучшее языковое выражение в данном языке и менее привлекательны эстетически, менее лаконичны и точны – в другом языке. Сегментация, квантификация, толкование, членение объективной действительности происходит в каждом языке по-своему. Если бы этот процесс происходил одинаково во всех языках, то это означало бы, что условия существования всех языков и, следовательно, народов одинаковы, а это, в первую очередь, вело бы к тому, что в таком случае возможен был бы только один язык – единый для всего человечества.

б) Особенности функционирования человеческого мышления, сознания, специфика которых состоит в том, что познание приводит к истине через извилистый путь, с ошибками, заблуждениями, что и фиксируется в языке. Сознание не есть безошибочно действующий механизм, путь познания действительности извилист, тернист, связан с заблуждениями и всё это фиксирует язык. Ленин пишет: «Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (= понятия) с неё н е е с т ь простой, непосредственный, зеркальный акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, включающий в себя возможность отлёта фантазии от жизни. ... Ибо и в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее («стол» вообще) е с т ь известный кусочек фантазии» [Ленин 1947 : 308].

в) Большую роль при образовании новых слов играют психологические факторы, в частности ассоциации. Разнообразие звуковых оболочек слов в значительной степени зависит от особенностей ассоциаций. Ассоциации в некотором отношении случайны и произвольны. Мы не можем заранее сказать определённо, какую ассоциацию использует

человек при создании слова. Ассоциации требуют известной инициативы и имеют определённую направленность. У разных людей, тем более в разных точках земного шара, не может быть одинаковых ассоциаций. Этим и объясняется неодинаковое членение в разных языках континуума окружающего нас мира [Серебренников 1983 : 141].

г) Многообразие признаков в самих предметах мира, событиях, явлениях, которые могут входить одновременно в множество классификационных классов. Семантическое и количественное расхождение слов в разных языках порождено не субъективным «произволом» языков, не какой-то мистической «внутренней творческой силой» языков, а реальным многообразием признаков в самих предметах, явлениях, событиях, благодаря чему одни и те же предметы одновременно входят в большое количество различных классов.

Некоторые лингвисты указывают ещё на одну причину существования различных «языковых картин мира» – конструктивные особенности самого языка, элементы которого связаны закономерными внутренними отношениями, т.е. язык развивается по своим собственным законам. Нет у языка, и не может быть, своих собственных законов, есть только законы мышления, и история развития языка есть история развития языкового семантического мышления, языкового сознания. Язык развивается не по «своим собственным законам», а по законам «своего собственного мышления», т.е. коллективного мышления народа, носителя данного языка, говорящего на данном языке. А само мышление зависит от быта народа, его географического положения, экономического и семейного уклада и многих других факторов, обусловливающих мышление человека, его черты характера, привязанности и наклонности и т.д. Когда говорят, что язык, якобы, развивается «по своим собственным» или даже «внутренним» законам, то это должно фактически означать: язык – живой организм, действующий субъект, природное явление, независимая от мышления и даже самого человека сущность, непосредственно связанная с реальной действительностью в обход мышления и вообще в обход человека (сравни сб. «Язык о языке», М. 2000, под. ред. Арутюновой). Но язык – принадлежность человека и человек сам, через свой мозг и его функцию – мышление правит законами развития языка, а не язык сам по себе, самостоятельно, без вмешательства мышления вершит проблемы своего собственного, т.е. внутреннего развития. Многие выверты и заблуждения современного языкознания и философии берут своё начало в том единственном источнике, в сути которого языкознание и философия не поняли истинного соотношения и взаимодействия мира – мышления – сознания – логики – языка – речи – текста.

4) Теория «языковой картины мира» – это постулирование непосредственной связи между языковыми знаками и действительностью.

«Языковая картина мира – это особое образование, постоянно участвующее в познании мира и задающее образцы интерпретации воспринимаемого. Это своеобразная сетка, накидываемая на наше восприятие ... через призму языка ...». Но тут же она, вопреки сказанному выше, допускает и участие «нашего знания»: «В то же время языковая картина мира – это проекция концептуальной системы нашего знания ...» (разр. моя, - А.К.) [Кубрякова 1997 : 47]. В соответствии с этим Кубрякова находит два совершенно разных термина для обозначения одного и того же явления – «язык членит действительность» и «языковая картина мира» [Кубрякова 1977 : 14, 22]. Если «язык членит», то это верно, каждый язык набрасывает на мир свою структурно-семантическую сетку, т.е. членит мир сообразно своей структуре или иначе: мир находит

своё членение в каждом языке сообразно его структуре. Каждый язык лишь по-разному «структурирует» одни и те же отрезки мира, т.е. в семантическом значении одних и тех же слов зафиксированы разные отрезки материального мира. Именно это и есть семантико–грамматическая структура данного языка! Если считать верным утверждение «языковая картина мира», то мы придаём языку статус субъекта, мыслящего мозга, который «логически» познаёт мир и как результат этого познания соответствующим образом членит мир.

Иногда у лингвистов происходит подмена терминов. «Но оказывается, что разные языки тоже могут различаться точно так же, как разные люди. В каждом языке отражено своё представление о мире – и о том, что такое «вода», и о том, что такое «быстро», и о том, что такое, например, «понимать»... Язык как бы отражает общие представления всех говорящих на нём людей – представления о том, как устроен мир. А эти представления ... будут лишь одной из возможных «картин мира», и будут в разных языках различаться...» [Плунгян 1996 : 226 – 227]. «Так что язык – это своего рода зеркало, которое стоит между нами и миром; оно отражает не все свойства мира, а только те, которые нашим далёким предкам почему-то казались особенно важными. Конечно, зеркало это, так сказать, прозрачное. Зеркало – не каменная стена. Мы можем выучить другой язык и посмотреть на мир глазами другого народа» [Плунгян 1996 : 227]. Это напоминает «языковой круг» каждой нации у В. Гумбольдта, выйти из которого можно, «только вступив в другой языковой круг».

«Каждый народ видит инвариант бытия в своей особой, неповторимой проекции. Специфика этой проекции заключается в языке, образуя языковую картину мира национального языка, и передаётся вместе с ней от поколения к поколению. В процессе этой передачи « ...человеку в языковой форме вводится программа, определяющая бессознательное моделирование им окружающего мира» [Иванов 1962 : 18].

Борщев пишет, что «язык, отражая устройство мира (разр. моя, – А.К.), выступает ... в роли наивной «математики» [Борщев 1996 : 217]. «Каждый народ видит инвариант бытия в своей особой, неповторимой проекции. Специфика этой проекции запечатлевается в языке, образуя языковую картину мира национального языка, и передаётся вместе с ней от поколения к поколению. ... Национальный язык – это как раз то «стекло», через которое этнос видит единый инвариант бытия и которое определяет конкретные черты национально-специфической проекции этого инварианта бытия. ... Любой образ мира – это всего лишь одна из возможных точек зрения на мир ... Что касается стремления «докопаться до образа истинной реальности», то пусть этим занимаются учёные-естествоиспытатели, постоянно уточняя, достраивая и перестраивая **научную** картину мира. Истинная реальность – поле приложения именно их усилий. Те же, кто связал свои интересы с языком, должны «смириться» с субъективностью любой из языковых реальностей, с тем, что ... всё зависит от граней стекла, через которое смотрят» [Корнилов 1999 : 315 – 316].

Королёв пишет о языковой картине мира как «образе мира, исторически сложившегося у конкретного языкового коллектива, свои представления о мире, зафиксированные языком. ... Выражаемые в языке значения складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную философию. ... Носители разных языков воспринимают мир по-своему ...». Королёв, правда, пишет, что язык не формирует *физическую реальность*, он только проецирует эту реальность в социум, *инсталлируя образ мироздания*. Королёв поддерживает идеи Э. Сепира о том, что «было бы ошибкой полагать, что мы можем полностью познать действительность, не прибегая к помощи языка». В выражении Л. Витгенштейна «Границы моего языка определяют границы

моего мира» Королёв находит философский смысл: «реальность посредствуется языком, который пересоздаёт её внутри себя и тем самым творит образ мира, уникальный для конкретного языка ... Иными словами, язык *конструирует* реальность» [Королёв 2003 : 5 - 6].

Иногда противопоставляют две реально существующие картины мира: «языковую картину мира» и «научную картину мира». Урысон пишет: «Известно, что каждый естественный язык по-своему членит мир, т.е. имеет свой специфический способ его концептуализации. Иными словами, в основе каждого конкретного языка лежит особая модель или картина мира, и говорящий обязан организовать содержание высказывания в соответствии с этой моделью... Языковую картину мира принято противопоставлять научной [Урысон 1998 : 3]. Апресян пишет об «идее наивной модели мира»: «В каждом естественном языке отражается определённый способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка. В способе мыслить мир воплощается цельная коллективная философия, своя для каждого языка» [Апресян 1986 : 5].

Поскольку существует «языковая картина мира», отражающая картину или устройство мира, а на Земле существует 3500 языков, следовательно, существует столько же национальных «языковых картин мира», т.е. существует русская, немецкая и т.д. языковые картины мира. Об этом так и пишут: – «балканская языковая картина мира», «русская языковая картина мира».

Что значит «посмотреть на мир глазами другого народа» ? Это значит п о д ч и н и т ь структуры мира и его законы структурам соответствующих языков. Но никакого «нового, национального мира» в каждом языке мы не обнаружим: мы на мир «смотрим» мозгом, а не языком, и мозг распоряжается тем, какую н а ц и о н а л ь н у ю форму языкового, знакового, т.е. с е м а н т и ч е с к о г о мышления он выберет для одного и того же отрезка действительности, в зависимости от того, какой знаковой системой вооружён этот мозг.

Каждое предложение одето в строго определённые н а ц и о н а л ь н ы е формы, значит существует русская, немецкая, французская, татарская и т.д. с е м а н т и ч е с к и е формы или национальные языковые способы выражения л о г и ч е с к о г о мышления, но не русская, немецкая и т.д. «языковые картины мира». Один и тот же материальный мир отражён в л о г и ч е с к о й к а р т и н е м и р а, о д н о й и т о й ж е, е д и н о й для всех людей. «Феномен языковой картины мира» вовсе не открыт В. Гумбольдтом, потому что её вообще не существует, а существует единый материальный мир для людей всех наций, одинаково понимаемый и интерпретируемый мышлением человека. Существует лишь различное языковое членение, сегментирование, квантование мира, т.е. существуют тысячи разноструктурных языков, нигде, никак, ни в чём не отражающих «картину мира», потому что не язык, а мозг обладает отражательной способностью. Существует та известная ещё с античных времён а к с и о м а, что каждый язык скроен по своей собственной грамматической и семантической мерке, которая накладывается на единый для всех людей реальный мир и, следовательно, фиксирует в себе одни и те же участки по-разному, различающиеся от языка к языку.

В термине «языковая картина мира» речь фактически идёт не об устройстве мира, не о картине мира, потому что отражательной способностью обладает только мозг, мышление, а об устройстве языка, его структуре, свойственной только данному языку, лишь членящего или сегментирующего мир по своему образу и подобию. Авторы, обнаружившие различные «языковые картины мира», думали удивить лингвистический мир научной сенсацией, а изобрели абракадабру, которая перевернула всю теорию познания, поставив её с ног на голову, заменила мышление человека его языком, т.е. материальной знаковой системой (звуками и буквами), приписав ей чудодейственную

силу отражения мира. Если называть обычное языковое сегментирование мира, устройство языка, т.е. то, что с покон веков называлось семантико-грамматической структурой языка, а сейчас – «языковой картиной мира», то мы извращаем понятие «картины мира», потому что есть только одна «картина мира» – «реальная, физическая, и её абстрактная, вторая, находящаяся в сознании «логическая картина мира», познаваемая не языком, а мышлением, в распоряжении которого находится данная система конвенциональных знаков, подчиняющаяся своему хозяину – мышлению.

5) Теория «языковой картины мира» – это передача языковым знакам функций мышления.

Под стать понятию «языковой картины мира» выходит масса лингвистической макулатуры типа «Образ человека в современной немецкой языковой картине мира» (Генералова), «Психолингвистический подход к пониманию образа мира носителей русского языка» (Малюченко), [обе статьи в сборнике о «языковой картине мира»: Язык и мышление: психолингвистические и лингвистические аспекты. Москва – Пенза, 2004; Ср. также название сборника «Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи». Под ред. Кубряковой, М., 1991]. Эти названия говорят о том, что главное – «язык», а «человек» – его подчинённый, вся его сущность зависит от структуры языка, на котором он говорит, язык управляет человеком. Но самым удивительным является то, что некоторые авторы [Серебренников. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М., 1988], не только в названии книги подчинили человека языку, т.е. «материализм» поставили с ног на голову, но и первую главу книги так и озаглавили: «Роль грамматического строя в отображении языковой картины мира», ликвидировав живую мыслящую материю мозга человека и напрямую связав материю знаков и их грамматических форм с другой материей – материей мира. При этом надо отметить, что тем же автором в 1983 году опубликована книга [Серебренников. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983], которая своей философско-материалистической направленностью уже по названию должна была бы отрицать всё то, что написано тем же автором в 1988 году.

В одной из книг, в названии которой вся теория материализма поставлена с ног на голову [Языки как образ мира. М.– Спб., 2003], в аннотации, комментирующей высказывание Л. Виттгенштейна «Границы моего языка определяют границы моего мира» составитель сборника Королёв соглашается с Виттгенштейном и добавляет: «нельзя говорить о том, что язык формирует *физическую реальность*, он только проецирует эту реальность в социум, *инсталлируя образ мироздания* [Языки как образ мира 2003 : 3]. И тут же приводит слова Э. Сепира: «было бы ошибкой полагать, что мы можем полностью осознать действительность, не прибегая к помощи языка».

Все эти сочинения есть продолжение попытки подчинить человека, его мышление языку, заставить нас всех поверить, что мы думаем и отражаем мир только языковыми знаками. В этой теории всё перевёрнуто и поставлено вверх ногами. Например, Никитина [Никитина. Образ homo sapiens в русской языковой картине мира. Омск, 2003; см. также: «Язык. Человек. Картина мира». Часть 1, Омск, 2000; «Человек. Культура. Слово». Омск, 1994, Вып. 2], ссылаясь в своей книге на, как она выражается, «первооткрывателей языковой картины мира» Серебренникова, Апресяна, Арутюнову, Колшанского, Караулова, пишет не о сущности языка, а о социальной сущности человека как о множестве лиц, властелине мира, творце и преобразователе мира, судье и пророке, как о человеке, тождественного миру, воплощению и средоточию противоположностей, добра и зла. Со ссылкой на Одинцову [Одинцова. Язык. Человек. Картина мира, Часть 1, Омск, 2000] она пишет: «Образ человека в «языковой картине

мира» – это концентрированное воплощение сути тех представлений человека о человеке, которые объективированы всей системой семантических единиц, структур и правил того или иного языка» [Никитина 2003 : 15]. И вербальная память и всякая иная связаны с речью, это плод той речевой среды, которая детерминирует все психические функции мозга. Все высшие функции, в том числе «мышление, являются производными от речевых функций. Не речь – орудие мышления ... , но мышление – плод речи. Все высшие психические функции человека ... – ветви и плоды одного дерева, ствол и корень которого – речь» [Поршнев 1974 : 151].

Тому, кто полагает, что естественный язык, его структуры и формы, надо называть не «языком», «структурой языка», а «языковой картиной мира», надо напомнить: язык всегда был, есть и будет характеризоваться тем же свойством, что и до нашей эры, – каждый язык имеет свою, независимую от мира, грамматическую и семантическую структуру. Некоторые лингвисты выбросили мышление, связующее звено между миром и знаковой системой, называемой языком, приписав этой системе знаков божественную силу отражения мира под соусом «языковой картины мира».

Как доказали психологи, мышление и языковые знаки изначально имеют разные источники происхождения, они в з а и м о н е з а в и с и м ы. Но по мере становления отдельного человека мышление и язык всё больше и больше сливаются и превращаются в очень тесно, до неразрывности связанное одно с другим единство. Однако чем совершеннее становится владение языком, тем свободнее становится связь между мышлением и языковыми знаками, вплоть до способности мозга мыслить без них (внеязыковое, невербальное мышление). Слова, язык дают нашим мыслям и чувствам опору, чтобы их обозначить и однозначно выразить, структурировать их и привести в логическую систему. В этом случае мы не только выражаем, но и лучше владеем своими собственными мыслями. В этом и состоит активная роль языка, но не более – язык не подменяет собою ни мышление, ни мир.

Итак, не существует прямой связи «язык – действительность» и, следовательно, «языковой картины мира». Язык не обладает отражательной способностью. Следовательно, не существует никакой теории «языковой картины мира», её постулирование означало бы лишь одно – мышление исчезло. Когда пишут о том, что каждый человек имеет две «картины мира» – языковую и мыслительную, понятийную, концептуальную (Колшанский), то и в этом случае роль мышления принижается, а языку приписывается сверхъестественная сила, заключающаяся в том, что язык, в обход мышления, может отражать мир н а п р я м у ю. На самом же деле в мозгу человека есть только одна «картина мира» – его с о з н а н и е («со + знание» как накопленное знание о мире и о самом себе), существующее в логических формах как идеальная, «понятийная или логическая картина мира», а инструментом этого сознания служат языковые материальные знаки, которые можно назвать «языковым сознанием» как записанной в этом сознании семантико-грамматической структуры языка. Существует лишь материальный мир и наше сознание как мыслительное, идеальное отражение этого мира. Роль языка как инструмента мышления – вторичная материализация мышления и вынос его за пределы мозга (первичная материализация мышления – это материальные, физиологические процессы в самом мозгу).

Слово служит мостиком между чувственным и абстрактным мышлением, от чувственного восприятия к абстрактной мысли. Осознание какого-либо понятия и его наименования, наречения в данном языке – это д е я т е л ь н о с т ь абстрактного мышления, а не чувственное созерцание, и тем более не деятельность языка как системы условных знаков, превратившихся в одночасье в демиурга в виде «языковой картины мира». Никакой «языковой картины мира», якобы дополняющей нашу

«логическую картину мира», в мозгу человека не возникает и возникнуть не может. Человек видит мир не через призму языка, не через его структуры, а через мышление, через логические формы мысли. Если представить себе, что существует некая «языковая картина мира», то это означало бы, что мир воспринимается т о л ь к о языком в обход мышления, что существует прямая связь «язык – действительность» и мышление, следовательно, исчезло. Это всё равно, что русскому, не знакомому с китайским языком, дали бы книгу на китайском языке о строении и функционировании реального мира, и сказали: вот это и есть твоя «языковая картина мира». Но это было бы «понимание» мира с выключенным сознанием, без мышления, это была бы «безмозглая картина мира», в создании которой мозг никакого участия не принимает.

В отрезке речевой цепи между говорящим и слушающим содержится только материя языковых знаков в виде звуковых волн. Не включая в себя идеальной стороны, речь несёт ассоциативную информацию, в результате чего в мозгу слушающего (читающего) возникают те же, что и у говорящего (пишущего) образы как идеальная сторона соответствующих языковых единиц. Сама по себе мысль нематериальна, она не дана органам чувств: её нельзя ни увидеть ни услышать, ни осязать, ни попробовать на вкус. Никакого «обмена» мыслями не происходит. Процесс коммуникации осуществляется в форме взаимного материального воздействия словами, которые ассоциативно, психически возбуждают, вызывают в мозгу собеседника соответствующие мысли. Слушающий воспринимает материальный облик слов и их связь, а сознаёт то, что ими выражается. «Художник произносимыми или начертаемыми словами как бы играет на клавиатуре мозга своего читателя или слушателя» [А.Толстой 1943 : 353].

Вопрос о «языковой картине мира», есть основной вопрос философии – о соотношении материального и идеального, вопрос о первичности или вторичности сознания и мышления по отношению к реальной действительности и в то же время вопрос о первичности или вторичности языка, т.е. условных материальных знаков, по отношению и к действительности, и к мышлению**.**

6) «Картину мира» творит мышление, языковые знаки – лишь строительный материал для него.

Ни о какой «языковой картине мира» не может идти речь, если языковые знаки не отражают мир, этой функцией ведает мозг. Только наивные люди могут вообразить себе, что существует некая «языковая картина мира», если не понимать под этим некую метафору. Изобретатели этого «языкового мира», заменившего мир реальный, не поняли сущности языка, да его и нельзя понять в самом себе, не выходя за пределы языковых знаков. Эти «первооткрыватели» бросили клич, который эхом отозвался во всём мире, подобно теории «лингвистической относительности», а их апологеты, не разобравшись в сущности взаимоотношения языка и мышления, подхватили этот термин как знамя новейшего научного открытия и начали размахивать им на всех лингвистических, психологических и философских перекрёстках, обнаружив вдруг немецкую, русскую, китайскую, славянскую и прочие «языковые картины мира», увидев в них некую надъязыковую сущность, отражающую мир, которую будто бы не разглядели все жившие до них лингвисты, психологи, философы.

Как бы реально выглядел мир, если бы он был «языковой картиной» ? Точно так же, как и в теории «лингвистической относительности»: сколько языков – столько и миров. Посредством словесных знаков сооружена языковая модель действительности, варьирующая от языка к языку. Понятие «языковая картина мира» надо понимать как совершенно неудачную метафору, претендующую на какой-то «новый» подход к языку, но вводящую читателя в заблуждение. Это не познанная мышлением физическая картина

мира, а семантико-грамматические структуры соответствующего языка. Язык, в обход мышления, не создаёт свой мир.

Понятие «языковая картина мира» абсурдно, так как, во-первых, сами по себе материаальные языковые знаки не могут творить мир, они безмозглы, во-вторых, языком обладает не сам материальный мир, а мозг человека. Поскольку язык – это знаковая система, следовательно, знаковой системой, якобы, должен обладать сам мир. Мы имеем дело, таким образом, с «знаковыми системами 3500 различных миров». Некоторые марксистские лингвисты, так и новая поросль отечественных лингвистов, клюнувшая на заграничную приманку о мнимой реальности «языковой картины мира», в конечном счёте пришли к одному и тому же – к элиминации мышления в соотношении «мир – мышление – язык», полагая, что язык и есть «физическая картина мира», что мир о т р а ж ё н в языковой структуре. Они проигнорировали тот факт, что язык не может функционировать без участия мышления, мысли, что не существует языков, отражающих мир непосредственно своей структурой, в обход мышления.

Объективная картина мира сегментирована в разных языках в различных семантико-грамматических структурах, которые отражают не структуру мира, а лишь его членение на соответствующие формальные, немотивированные отрезки. Не языки сами по себе образуют разные «картины мира», а разное отражение в языках картин объективного мира обусловлено человеческим сознанием и объективной действительностью. Будучи посредником, языковые знаки не управляют развитием человеческого сознания, не указывает мышлению определённый путь развития. Но язык – знаковый посредник в том смысле, что без его участия невозможна познавательная деятельность, нет процесса мышления. При чтении текста логическое содержание возникает как результат мыслительного акта, посредством которого человек ставит усвоенное содержание, т.е. семантическую форму мысли предложения, в связь со своей внутренней логической моделью, со своим сознанием, а через посредство языка – с моделями сознания других людей. Так возникает единая логическая модель мира, которая только по ассоциации с логическими формами может быть обнаружена в структуре любого языка.

Язык не имеет непосредственной, органической связи с объективным миом и, следовательно, не может сопоставляться с миром в той же плоскости, в какой стоит мышление и мир. Язык – средство, замещающее в сознании человека предметы, связи и отношения мира, он – созданный мышлением инструмент с целью постижения мира. Нельзя говорить о «языковой картине мира», заменившей понятие «логической картины мира». Внутри себя, в своём интеллекте человек строит знаковую систему с целью адекватного отражения мира, ориентации в окружающей среде и регуляции своего поведения. Но это отражение действительности субъективно в каждом национальном языке, но в общем и целом объективно, так как детерминировано одним и тем же общечеловеческим мышлеием, отражающем одну и ту же предметную действительность.

Понятие «совокупность знаний о мире», «логическая картина мира», «материалистическое понимание мира» как философское понимание мира подменяется «языковой картиной мира», а это значит – семантико-грамматической с т р у к т у р о й, реально существующей в каждом из великого множества самых разных языков и якобы и д е н т и ч н о й миру ! В каком языке ? Конечно, в том, на котором говорят авторы теории «языковой картины мир». Но это не «языковая картина мира», а «языковая картина мозга» или структура моего языкового сознания.

Но откуда появились слова *чёрт, ведьма, дьявол, русалка, леший, рай, ад, ангел* и др., ведь предметов, отражённых в указанных понятиях, в мире не существует ? Как же вписываются эти слова (а это ведь слова языка, который якобы отражает мир, это ведь

«языковая картина мира» !) в «языковую картину мира» ? А очень просто, т.е. н и к а к, их тоже изобрело мышление и придало им соответствующую языковую форму. Никакого искажения мира здесь не происходит: мышление как абстрактная форма отражения мира в логических формах, изучая законы движения мира и общества, изобрело, из своих собственных законов познания, эти фантастические логические понятия, отсутствующие в реальности, и придало им форму понятий, облачённых в языковые знаки со всеми им свойственными грамматическими структурами. Значит, такие слова – не изобретение языка, они отражают не «языковую картину мира», а «логическую картину мира», в том числе и фантазии, они – плод мышления, а не материального мира. Связь между словом, названием предмета и его природой не может выступать как непосредственная, она опосредована категориями м ы ш л е н и я, логическими конструкциями, которые выступают как абстрактные аналоги действительности.

Логика и н д и ф ф е р е н т н а к языковым способам членения этого мира. Различие в языковой форме выражения любой мысли также никакой познавательной роли не играет. Мы членим мир п о - р а з н о м у в разной структуре каждого языка, но при этом м ы с л и м, понимаем мир о д и н а к о в о (перед нами одни и те же предметы, и мы вооружены одними и теми же психофизиологическими механизмами). Следовательно, существуй «языковая картина мира», мы бы «понимали» мир без участия нашего мышления, что является абсурдом. Существует лишь «мыслительная», «логическая» картина мира, содержащаяся в нашем мозгу в виде нашего сознания как накопленного знания о мире и о нас самих (со + знание), а не фантастическая «языковая картина мира» как система условных материальных знаков.

Язык не отражает мир и, следовательно, не служит зеркалом, отражающем этот мир, не служит «языковой картиной мира», язык – лишь строительный материал для картины мира, но иной картины – мыслительной, логической, т.е. картины нашего сознания. Человек мыслит формами логики, но он не мыслит так, как ему предписывает структура его родного языка, это его семантическая, языковая форма мышления, аналогичная семантико-грамматической структуре его языка, которая не служит средством отражения мира. Человек мыслит и, следовательно, познаёт мир так, как ему велят логические формы и их связи, заложенные в семантических формах мысли, опосредованных семантико-грамматической структурой его языка. Простейшим аргументом, опровергающим «познавательный» характер того или иного языка, т.е. реальность «языковой картины мира», служит, во-первых, объём словарного фонда в каждом языке: в языке с малым запасом слов мир представлен половинчатым, но таков якобы и есть мир для людей данной нации. Во – вторых, круг логических понятий гораздо шире, но ещё больше реальных предметов, чем слов для их выражения. Как же могут быть отражены предметы и их понятия, если они не имеют материального языкового знака ?

С одной стороны, мышление человека не ограничено никакими жёсткими рамками и формами языка, оно свободно и независимо от него, о чём свидетельствует наличие множества национальных языков, реальность невербального мышления, а также возможность выразить смысл одного и того же содержания самым различным образом в одном и том же языке. Это п е р в и ч н ы й уровень материализации мышления, он полностью находится во власти нейронных клеток. Но, с другой стороны, хотя мышление и свободно, независимо от языка, но его независимость относительна, ограничена: она ограничена законом «муки слова», т.е. удержанием в оперативной памяти лишь ограниченного количества слов, она ограничена тем, что невозможно бесконечно хранить в мышлении накопившиеся мысли в виде невербального мышления, т.е. они требуют своей реализации в знаковом, семантическом мышлении, вынесенном за

пределы мозга. Это и служит основой для передачи интеллектуальных знаний от поколения к поколению в формах условных материальных языковых знаков. Мысли должны найти выход вовне, в какой-либо материальной форме (звуковой или графической), в какой-либо системе произвольных знаков. Для этого и существуют материальные знаки, через которые мышление материализуется вторично, вовне мозга. Эти знаки выступают своего рода «передатчиком» из мозга во внешнюю среду семантических форм мысли, в которых ассоциативно закодированы их логические формы. Материальная знаковая система во внешней среде воспринимается, фиксируется, дешифруется в систему фонем (графем) как самыми низкими формами логики и в этой форме передаётся из поколения в поколение.

Таким образом, можно сказать, что без физически воспринимаемых знаков языка познание и коммуникация невозможны, хотя без материи знаков в сознании человека постоянно формируются обобщённые, логические отражения действительности, т.е. мысли. Но сами по себе они не могут быть переданы за пределы мозга без посредничества материальных знаков ни собеседнику, ни поколениям людей. Мышление, с одной стороны, есть, таким образом, тихий, неслышимый, невидимый нейродинамический процесс формирования мыслительных, понятийных абстракций (первичный уровень материализации мышления) и, с другой стороны, оперирование материально оформленными конвенциональными знаками, ассоциативно символизирующими эти мыслительные абстракции (вторичный уровень материализации мышления). Хотя Маркс и Энгельс пишут, что «Идеи не существуют изолированно от языка» [Маркс, Энгельс. «Архив Маркса и Энгельса», т. 4, 1935 : 99], однако это надо понимать лишь в том смысле, что генератором мыслей служит мозг, а материальной формой их экспликации служат знаки. Когда Маркс и Энгельс пишут, что «Язык есть непосредственная действительность мысли» [т. 3 : 448], то это надо понимать в буквальном смысле: мысли нельзя видеть, слышать, осязать, читать через черепную коробку, их можно извлечь только с помощью языковых знаков, которые, будучи вынесенными вовне как вторичный уровень его материализации, воспринимаются чужим мозгом.

Поэтому неудивительно, что языкознание обнаруживает теснейшую связь с мышлением, сознанием, памятью, логикой, психологией, философией, нейрофизиологией, и это объясняется самой природой предмета лингвистики. Язык – обязательное в указанном выше смысле условие осуществления абстрактного, обобщённого мышления и логической ступени человеческого познания. И в то же время язык нельзя абсолютизировать и превозносить его как единственную реальность, что и отражено в так называемой «языковой картине мира». Это означает, что для некоторых отражение мира сводится к его зеркальному, чисто языковому отображению, так как познание мира якобы заложено в языке. Однако язык участвует в отображении мира лишь в качестве внемозгового переносчика или, точнее, индикатора ассоциативных связей с понятиями, хранящимися в сознании, но результаты отображения мира не входят в язык. Язык – лишь инструмент мозга, мышления, с помощью которого формируется и оформляется мысль, но сам язык как знаковая система, не есть источник мысли, знания. Язык – это внешний, материально представленный инструмент, с помощью которого формируются рождённые в мозгу мысли, знания. Язык лишь участвует в отражении мира в качестве инструмента познания и его фиксации вовне и закрепляет вовне в своих знаках, которые расшифровываются аналогичным мозгом собеседника (читателя) как семантические значения, как семантическое мышление, в основе которого лежит мышление, осуществляющееся в логических формах. Не в языке, а в мышлении фиксируются и процесс, и результаты отражения мира. Сам язык

лишь устами (пером) человека о з в у ч и в а е т (запечатлевает графически) уже готовые знания о мире, полученные мышлением.

Действительно, результаты мышления, чтобы стать общественным, в том числе и своим собственным, личным достоянием, должны объективироваться в знаках, в формах языка и не более того. Можно сказать, что язык – это структурное семантико-грамматическое зеркало, в котором отражаются правила функционирования языковых знаковых структур, это структурный портрет языка, а не закодированное в этом языке мышление. В любом национальном языке также нет и живого человека, и его мышления – они только в сознании, структура которого передаётся материей знаков. Отображённые в этом зеркале языковые знаки должны быть ещё расшифрованы мозгом. Познание мира мышлением состоит в дешифровке связей и отношений в форме комбинации знаков языка. Всякая мысль, «вынесенная» в звучащей материи за пределы мозга, представлена в сложной знаковой форме, воспроизводящая определённую связь в их абстрактной, понятийной форме. Сам же знаковый материал не имеет значения

Язык не отражает картину и сущность природы, на это может претендовать только мышление. Если бы это мог делать язык, то отпала бы надобность в самом мышлении. О неадекватности структуры языка и структуры мира свидетельствует также критика естественного языка со стороны логиков, которые говорят о необходимости создания единого языка науки, который совпадал бы с миром, т.е. совпадал бы с л о г и к о й м и р а. Эта критика – недоверие не к информации, получаемой через формы естественного языка, потому что любая информация носит логический характер, а недоверие к формам языка, в которых представлено л и ш ь национальное, семантическое мышление, – ведь каждый язык имеет свои особые, уникальные формы, которым приписывают способность самостоятельно, без вмешательства мышления, «отражать» и, следовательно, искажать законы мира.

Введение понятия «языковой картины мира», – лишь переименование давно известного и вдоль и поперёк изученного другого понятия – семантико-грамматической структуры каждого национального языка, которая в них не совпадает и членит зафиксированные в них элементы мира на свой вкус и лад. То, что было известно давно под термином «структура национального языка», вдруг некоторым, далёким от теоретических проблем языка, лингвистам и философам захотелось ввести понятие, извращающее сущность взаимоотношения действительности, мышления и языка. Конечно, новый заграничный термин тут же был подхвачен Российским языкознанием, которое, долгие годы, вскармливаемое идеологическими штампами, выпорхнуло на волю и заменило марксистские догмы на побрякушку иностранного производства.

Хотя в жизни людей известна исключительная роль языков и специфика каждого из них, однако это не означает, что язык создаёт «языковую картину мира». У него совсем другая функция, состоящая именно в том, чтобы в т о р и ч н о материализовать наше мышление, вынести его за пределы мозга для слушателя (читателя) и для самого себя. Существует лишь независимый от человека реальный мир и наше сознание как идеальный образ отражённого мира. Это и есть «логическая картина мира», наше сознание (со + знание) как накопленные в нашем мозгу знания о мире и о самих себе.

«Картина мира» живёт в голове не в виде форм языка, а в виде форм логики, которые воплощаются в формах национального языка. Если бы языковые формы определяли наше воззрение на мир, то человечество оказалось бы, в лучшем случае, в тупике. Язык не познаёт мир и, следовательно, не создаёт никакой картины мира, он лишь ассоциативно закрепляет выработанные мышлением знаки за одним из свойств предметов. Язык – не «языковые очки», сквозь которые воспринимается окружающий мир. Отражательной способностью обладает только мозг, но не язык, поэтому о

перичной отражательной картине мира можно говорить только, имея в виду мышление. Языковые знаки – вторичная, внемозговая, внешнематериальная форма существования мышления в виде ассоциативной связи между материей знаков и логичесими формами мысли. Если субстанцией мышления является мозг, то субстанцией языка, как системой знаков, служат тот же могз и внемозговые материальные знаки, звуки и буквы. Язык ассоциативно фиксирует в материальных знаках формы мышления, а мышление отражает действительность. Поэтому картина мира, т.е. знание о мире – это атрибут мыслительной деятельности, она создаётся сознанием, а не языком, а формой существования этой картины мира в сознании человека являются абстракции в виде понятий и их отношений. Вследствие этого языковая система не может трактоваться как «языковая картина мира».

7) Теория «языковой картины мира» – это возврат к теории «лингвистической относительности».

В рамках самых разных семантических теорий обсуждалась одна общая тема, которую можно обозначить вопросом : «Что язык знает о мире» ? или «Какие представления о мире лежат в нашем языковом сознании» ? Некоторые лингвисты считают, что идея «наивной картины мира», формирующей наше языковое сознание, является фундаментальной. Некоторые авторы считают язык особым знаком, т.е. допускают третье знание, з н а н и е я з ы к о в о е рядом с двумя другими – со знанием интуитивным, созерцательным, непосредственным (т.е. чувственным), и знанием научным, теоретическим (т.е. логическим).

Сейчас, пишут некоторые лингвисты, это одно из доминирующих направлений. «Реконструкция цельной картины мира («образа мира по данным языка») становится сверхзадачей теоретической семантики и лексикографии» [Апресян 1999 : 52]. « ... Открытие *феномена картины мира* в различном его терминологическом оформлении стало основным теоретическим д о с т и ж е н и е м В. Гумбольдта, позволяющим отнести его к о т ц а м современной философии языка» [Радченко 2001 : 97].

Некоторые лингвисты и философы сожалеют, что вопрос о «языковой картине мира» так долго не был в поле их зрения. Надо было бы давно вспомнить о Гумбольдте. Лингвистика де слишком долго занималась своими внутренними проблемами и забыла о её связи с мышлением, как будто уже одно упоминание об этой связи окончательно решает вопрос о «языковой картине мира».

§ 6. «Лингвистика текста».

1) Как понимается «текст» в «лингвистике текста» ?

Стремительное развитие языкознания вовлекло лингвистов в бум нового направления – утвердилась концепция «лингвистики текста», наступил очередной этап лингвистических заблуждений. В «тексте» сконцентрированы все проблемы теоретического языкознания, но некоторые лингвисты пишут о «тексте» так, как будто до сих пор не существовало науки о языке со всеми её атрибутами, не было грамматики, семантики, логики, психологии, материалистической диалектики. И вот пришли новые лингвисты и всё начали с белого листа. Благо бы доказывать что-то новое, ан нет – устоявшиеся понятия с их устоявшейся терминологией начали называть по заграничному и наклеили на них новые терминологические этикетки. В высоких научных журналах они о тексте рассуждают так же, как они читают лекции своим студентам первого курса по программе вуза. Но существует, кроме

вузовской программы и эмпирического языкознания, ещё и теоретическое языкознание. Однако находятся и такие защитники теории «лингвистики текста», которые с порога отвергают любую критику в её адрес.

Прежде всего надо разобраться, как в этом лингвистическом направлении понимается «текст». Большинство концепций «лингвистики текста» формулируются таким образом, будто в истории языкознания они не имеют предшественников и призваны заполнить «пустоту». «Лингвистика текста» возложила на себя обязанности изучать традиционные проблемы стилистики и поэтики – иногда весь грамматический анализ текста сводится к чисто стилистическому описанию.

Текст, по мнению Колшанского, «функционирует в обществе в качестве основной языковой единицы» [Колшанский 1984 : 35]. Текст «заслуживает ... изучения как полноценной единицы языка [Там же : 46]. « ... текст является единицей коммуникации, в то время как предложение является единицей языка» [Там же: 94]. «Текст есть макроединица языка» [Там же: 115]. «Творческое развитие» марксизма вылилось у Колшанского во введении в языкознание новой структурной единицы (кроме фонемы, морфемы, слова, предложения) – «текста». Если согласиться с тем, что текст есть высшая структурная единица языка, то мы должны допустить, что текст должен каким-то образом сочетаться, взаимодействовать со всеми остальными текстами, образуя структуру о д н о з н а ч н ы х единиц, т.е. таких «текстов» как «Евгений Онегин», «Война и мир», «Тихий дон», всех газетных текстов, которые должны соотноситься друг с другом, образуя с т р у к т у р у «текстов», выбросив из которой хотя бы одну структурную единицу (например, «Тихий дон»), мы разрушим всю структуру тексстов. А между тем «текст», эта «новая» структурная единица языка, не в пример настоящим, более низким структурным единицам (фонема, морфема, слово, предложение), сама по себе содержит не только смысл, но и законченную научную теорию, художественное прозаическое или поэтическое произведение. Более того, каждая из структурных единиц (предложение) этой «большой» структурной единицы, «текста», сама выражает логическое суждение как законченную мысль, сама состоит из слов, морфем, фонем. Как справедливо пишет Э. Бенвенист, выше предложения в языке нет никаких, более высоких структурных единиц.

Что же такое «текст» ? «Если вы не знаете ассирийского языка, то ассирийские письмена покажутся вам совсем не письменами, а р и с у н к а м и, а глиняная пластинка с такими письменами – кирпичом. Содержание текста есть явление п с и х о л о г и ч е с к о е, а не физическое» [Рубакин 2000 : 10].

Как известно, текст содержит в себе какой-то смысл, который не может быть не выраженным в каких-то единицах, т.е. в логических формах мысли. Но эти формы становятся понятными читателю (слушателю) через соответствующие единицы грамматики. Что же это за языковая структурная единица – «текст», если он есть психологическая, логическая, грамматическая, эстетическая, коммуникативная единица, служащая источником возбуждения в нашем сознании многочисленных ассоциативных, мыслительных структур, законченная в самой себе некоторая идея, вынесенная в материальной, знаковой форме за пределы человеческого мозга ? Только непониманием сущности языка можно объяснить причисление «текста» к высшей единице языка, как его «макроединицы» (кроме фонем, морфем, слов, предложений) (Колшанский).

2) Структура текста регулируется смысловыми связями между предложениями.

1) Если некоторые лингвисты объявляют текст «первичным способом существования языка», то это означает, что текст не состоит из каких-либо более мелких структурных единиц, которые были бы уровнем ниже текста. А это

означало бы, что текст локализован в мозгу человека как цельная единица, а весь язык, следовательно, записан в нейронных связях человеческого мозга в виде набора готовых текстов как ингредиентов языка, нечленимых далее на более мелкие единицы. Как такой язык может порождать новые, совершенно незнакомые тексты ?

Если есть «первичный» способ существования языка, значит, должен быть и «вторичный» способ существования языка. В каком виде, где и в чём он состоит ? Можно предположить, что этот «вторичный способ существования языка» есть нечто, находящееся или в словарях, или в учебниках по грамматике естественного языка, или в мозгу человека в виде той же системы словарных и грамматических правил. Тогда окажется, что «текстами», как исходными структурными единицами языка, неделимыми далее на более мелкие структурные единицы, как «первичным» способом существования языка, создаются и регулируются, как это ни странно, грамматические правила, зафиксированные и в учебниках по грамматике естественного зыка, и в мозгу человека. А не наоборот, не грамматические и семантические правила создают текст.

2) Текст, как считают некоторые лингвисты, – это упорядоченная последовательность морфем, состоящая, как минимум, из двух морфем, максимальный же её состав не ограничен, конечная единица – сам текст. Это означяает, что текст приравнивается к речевому отрезку любой протяжённости – от мормемы до романа. В потоке речи исчезли границы между составляющими текст единицами, объём текста как объекта исследования в «лингвистике текста» становится расплывчатым и неопределённым.

3) Текст считается «единицей языковой системы знаков», «единицей языка», «коммуникативной единицей», «высшей и независимой единицей языка», первичным языковым знаком, состоящим из упорядоченного множества частичных знаков и в иерархическом ряду стоит после предложения. Если же текст считать структурной единицей языка, то он должен был бы регулярно воспроизводиться и должен быть постоянным, устойчивым элементом языка, которые не создаются в речи, а лишь целиком воспроизводятся в ней как готовые элементы. С этих позиций текст – не структурная единица языка, и вообще не единица. Если бы он был «единицей» языковой системы, он был бы «кирпичиком» для посроения чего-то большего, чем яввляется сам и, следовательно, образовывал бы сверхтекст, текст второго порядка, чего нет в языковой действительности.

4) Некоторые лингвисты считают, что текст может быть «моделирован» и в связи с этим является единицей языка. Моделирование – это метод познания объекта, обладающего системой и структурой элементов одного или разных уровней. В этом смысле, разумеется, тексты можно моделировать, но моделировать не как множества отдельных, самостоятельных текстов (можно ли смоделировать всю русскую классическую литературу как множество текстов ?), а как некий единый текст, состоящий из разных уровней, моделировать его внутреннее устройство. Именно потому, что объект поддаётся моделированию, он не может быть постоянным, устойчиаым, повторяющимся, воспроизводимым, т.е. «единицей» языка.

5) Иногда, чтобы оправдать вновь введённые термины «лингвистика текста», «грамматика текста» и показать, что лингвист имеет дело с реальными, не знакомыми языкознанию ранее единицами, на давно известные грамматические явления наклеивают новые терминологические этикетки: термин «побудительное предложение» показался недостаточно научным и его заменяют термином «текст-приказание». По аналогии вводят также «текст - инструкция», «текст - просьба» и др.

6) «Лингвистика текста» – это специальная дисциплина, цель которой – описание «сущности и организации предпосылок и условий человеческой коммуникации». Тем самым «лингвистика текста» тесно смыкается с современной «синтаксической семантикой», между которыми трудно провести демаркационную линию. Коммуникация – это обмен мыслями посредством знаков. Если «лингвистика текста» занимается проблемой «обмена мыслями», то она вторгается в область философии, логики, психологии, физиологии. В этом случае сторонники «лингвистики текста» не могут давать научных рекомендаций, не став, соответственно, философами, логиками, психологами, физиологами. Если «лингвистика текста» занимается теорией знаков, то она дублирует кибернетику, семиотику. В этом случае специалисты по «лингвистике текста» должны стать или профессиональными кибернетиками и семиотиками, или должны вернуться к своим прямым обязанностям и спуститься на грешную землю реального языкознания, т.е. продолжать исследоввать язык, но теперь уже на более высоком уровне – «зык в действии», «язык в тексте».

7) В компетенцию «лингвистики текста» входит изучение композиции текста, видов речи, актуализаторов текста, которые фактически принадлежат исключительно литературоведению. В «лингвистике текста» изучают «грамматику рассказа», в основе которой лежит представление о единстве речевой деятельности (langage) и литературного повествования (récit), а также интеграцию, сцепление, ретроспекцию, проспекцию, партитурность, континуум. В «лингвистике текста» вполне нормальным стал считаться даже такой приём анализа, как постановка беллетристических вопросов к тексту, не имеющих никакого отношения к языкознанию: «каково ваше общее впечатление от романа, какой персонаж вызывает эмоциональную реакцию, что вы запомнили о лошадях, о хозяевах, ферме, окружающей природе» ? Под влиянием теоретических положений «лингвистики текста» в вузовских курсах зародилась её прикладная реализация в виде такой «языковедческой» дисциплины, как «текстика», которая занимается следующими проблемами: о чём и как пишут тексты и как их надо толковать и приходят к выводу, что в основе текста лежат «текстемы», выделяемые на основе графического оформления. В этом и состоит «корректное членение текста», в результате которого предлагается выработать практические рекомендации «правил делимитации» текстов для авторов и редакторов.

Однако в «лингвистике текста» всё же чаще представлена точка зрения, согласно которой структура текста регулируется смысловыми связями между предложениями. Самыми фундаментальными свойствами текста считаются его «связность» и «целостность». Эти свойства текста легли в основу поиска всех остальных признаков текста. Однако в «связности» и «целостности» текста «повинны» не столько лингвистика, сколько логика, философия, теория коммуникации, информатика, литературоведение. Только в том случае, если бы «лингвистика текста» практически показала систему организации языковых средств в «связном», «целостном» тексте, вывела бы законы функционирования в нём различных лексико-синтаксических форм и поставила бы их в непременную связь с семантическими значениями последних, только тогда это лингвистическое направление пошло бы далее традиционного языкознания и вполне оправдывало бы своё название. Но этого не случилось.

Во многих работах по «лингвистике текста» уже осознана природа текста как цепочки предложений любой протяжённости, соотнесённых друг с другом семантическими связями. Однако сущность этих семантичских связей не раскрыта.

Для одних лингвистов это тематический признак: тема абзаца, летний день, осенний день, «смена темы» как решающий сигнал границы текста. Другие исследователи под семантикой как организующем начале текста понимают «грамматическую правильность» текста, логику изложения, смысл текста, логические связи, импликации, пресуппозиции. Для третьих лингвистов текст – это система смысловых отношений, определённо организованная по цели и по смыслу совокупность фраз, наличие логико-синтаксических связей между самостоятельными предложениями.

Однако «лингвистика текста» не предприняла никаких шагов для изучения логико-грамматической структуры текста на материале конкретного языка, хотя вплотную подошла к этой проблеме: одно из основных свойств текста проявляется в «редуцированности речи», «компрессии речи», в уплотнении вербального состава текста, что можно отнести к одной из сущностных характеристик текста. Весьма важно для общей теории текста и второе его свойство, глобальное свойство языка, непосредственно связанное с первым – пишущий и читающий (говорящий и слушающий) должны обладать общим фондом знаний: взаимопонимание, даже в письменной форме, не может превысить определённую степень эксплицитности. Но «лингвистика текста» в этом вопросе не является первооткрывателем: это давно известно и в общем языкознании в виде «языковой экономии», и в психологии в виде общей «апперцепции» говорящего и слушающего (общего фонда знания говорящего и слушающего), и в логике, в частности в учении о логических энтимемах как умозаключениях, в которых из трёх обязательных логических суждений опущено одно или два суждения.

Поэтому наличие в тексте «общего фонда знания» есть такое свойство текста, которое является производным от мышления, сознания, т.е. фактов, находящихся в мозгу челвека. Однако авторы работ по «лингвисике текста», даже там, где они имеют дело с логическими формами мыслительного содержания, с логическими умозаключениями, не доходят до логического анализа текста, останавливаясь на полпути, «застряв» в субъективных прагматических комментариях. Последовательность предложений, как форма выражения логических умозаключений, есть высшая структурная единица тектста, но она, как ошибочно считают представители «лингвистики текста», регулируется «прагматикой». Следовательно, тот, кто ставит перед собой цель изучить структуру текста, должен опуститься до уровня прагматического описания каждого отдельного предложения, должен заниматься лишь каталогизированием «прагматических интенций» без всякой попытки обобщить и свести их к каким-либо закономеростям, которые можно установить только в тесной связи с грамматическими формами и семмантическим значением предложений.

Насколько может быть спекулятивным изучение структуры текста с позиций «прагматики», показывают следующие примеры:

а) *Джон болен. Сегодня вечером он не придёт;*

б) ***Поскольку*** *Джон болен, сегодня вечером он не придёт;*

в) Сегодня вечером Джон не придёт, ***потому что*** *он болен;*

г) Джон болен, ***поэтому*** *он сегодня не придёт.*

Автор этих примеров пишет, что одним из главных факторов, определяющих структуру последовательности предложений (т.е. структуру текста), является структура передаваемой с её помощью последовательности речевых актов. С одной стороны, структура последовательности предложений в тексте определяется последовательностью речевых актов (нечто первичное – речевые акты). С другой

стороны, о последовательности речевых актов мы можем судить лишь на основе последовательности предложений в реальном тексте, «передающих» эти речевые акты и совпадающих с ними (нечто первичное – последовательность предложений). На самом же деле эти тексты должны быть исследованы только на основе связи языкознания (формы языка) и логики (формы мысли). Так как во всех четырёх текстах выражена причинно-следственная связь двух суждений, одно из которых служит следствием другой, то мы имеем дело с логическими умозаключениями. Все четыре умозаключения выражены в форме энтимем – сокращённых умозаключений с отсутствующей большей посылкой. На этом общность указанных четырёх текстов кончается. Начинаются различия в языковой форме их репрезентации и в логической структуре самих умозаключений.

Вопрос о том, когда для выражения некоторой причинно-следственной информации используется сложносочинённое или сложноподчинённое предложение, а когда несколько самостоятельных предложений, систематически ещё не изучался. Это проблема не «прагматики», не «перформации», как полагают некоторые лингвисты, а вопрос живой связи языкознания и логики как различных наук, имеющих один и тот же объект исследования – естественный язык. Здесь нужна массовая обработка эмпирического материала, анализ которого с позиций языкознания позволит выявить лингвистические законы преимущественного употребления указанных синтаксических конструкций. Тем не менее представители «лингвистики текста» конкретно увидели, что в основе свёрнутых языковых выражений, компрессии языковой формы лежат логические категории, в которых отражаются наши знания о мире, реобходимые для интерпретации связных текстов, что в основе смыслового развития текста лежит механизм вывода, что в тексте существуют такие связи, за которыми скрываются общие структурные механизмы – «следствия», «выводы», т.е. категории логики.

3) Место «лингвистики текста» в теоретическом языкознании

1) Большинство работ по «лингвистике текста» носит обзорный, комментаторский характер, неконструктивны, оторваны от эмпирического материала, в них отсутствуют сведения о фактических языковых свойствах тнекста, его единицах, структуре. В «лингвистике текста» преподносятся как научное откровение некоторые давно известные истины («связность» и «целостность» текста; наличие в текстах «смысла», своего собственного «стиля»). У своего объекта – текста «лингвистика текста» не нашла никаких строго выверенных, последовательно обоснованных, объектитвно существующих структурно-семантических признаков.

2) Произошёл разрыв между пониманием текста, его структуры, его единиц с программными установками «лингвистики текста». Этот разрыв не случаен, ибо он обусловлен двумя обстоятельствами: с одной стороны, свойства текста лишь декларируются априорно, без массовой обработки эмпирического материала, без фактического грамматического анализа текста, а, с другой стороны, программные установки выдвигаются умозрительно, без опоры на уже провозглашённые свойства струкиуры текста и его единиц. Ясно, что «лингвистика текста» – это течение, не связанное непосредственно с изучением языковедческих проблем языка, следовательно, оно не может претендоваать на научность.

3) В науку, называющей себя «лингвистикой текста» хлынуло множество идей из разных областей смежных наук, поэтому она стала превращаться в науку аморфную, неопределённую, расплывчатую. Поскольку языкознание связано с многими науками – точными, естественными, гуманитарными, – то «лингвистика

текста» берёт на себя смелость подвести отдельные разделы из этих наук под одну – «лингвистику текста». Фактически «лингвистика текста», претендуя на то, чтобы быть наукой универсальной, предстаёт не как наука о структуре текстов с точки зрения естественного языка, а как некий конгломерат наук, решающий несвойственные истинному языкознанию проблемы. Поэтому при анализе конкретных текстов «лингвистика текста» вынуждена вопросы этих наук решать на дилетантском уровне, растворяя их в лингвистических проблемах. Превращать «лингвистику текста» в своего рода «философию текста» – значит уподобляться средневековой философии, когда все естественные и гуманитарные науки развивались в «утробе» единой, нерасчленённой науки – философии.

4) В орбиту «лингвистики текста», объявленной «общей теорией языка», включают штудии всех свойств, которыми обладает реальный художественный текст, кроме главного – выявления системы логико-грамматических связей в тексте. В основе объединения двух предложений, находящихся в причинно-следственных и иных отношениях, лежат не прагматические фигуры, а логические формы мысли. Такие прагматические фигуры как «последовательность речвых актов», «спецификация» и «диагностическая интерпретация», «сцепление», «ретроспекция», «проспекция», «партитурность», «континуум», «смена темы», «единство темы», «косвенные речевые акты», претенциозно объявляемые «общей теорией языка», фактически ни в малейшей степени не отражают лингвистическую сущность текста, в частности и потому, что не содержат в себе теоретического, объяснительного начала. Перед нами практическая реализация постулатов теории «речевых актов», постулатов «лингвистической философии», язык для которых – «средство конструирования, а не отображения мира».

5) Прагматические комментарии текстов, как целевая установка «лингвистики текста», – нечто расплывчатое, неопределённое, допускающее полный произвол. Стала выходить масса «лингвистических» работ, главная цель которых – не изучение языковых фактов в тексте, а субъективные прагматические комментарии текстов. Их авторы, оставаясь на уровне поверхностного наблюдения объекта, без всякого выхода за пределы опыта, исследуют текст по принципу «что вижу, о том и пишу», хотя, как известно, истинная наука не лежит на поверхности. Представители «лингвистики текста» отошли от языка в его реальном функционировании, остановились на уровне «прагматического» наблюдателя, не поднявшись до логического обобщения эмпирического материала. Но эмпирия необъятна, она безгранична в связи с бесконечностью текстов. Если это так, то «лингвистика текста» – не наука, ибо наука ищет в своём объекте нечто постоянное, типичное, повторяющееся, закономерное, устойчивое.

6) «Лингвистика текста» выросла не из эмпирического материала, её становление началось не снизу, не методом индукции, а сверху, методом дедукции, в результате создавшегося вакуума и теоретического переосмысления некоторых положений структурной и генеративной лингвистики. «Лингвитика текста» – это бегство от эмпирического материала, языка в его живом функционировании, т.е. «языка в тексте» как истинного объекта языкознания.

4) Какими вопросами должна заниматься истинная «лингвистика текста» ?

Какова семантическая и логическая структура художественного текста ? Обнаруженные в тексте различные типы умозаключений (См. выше Гл. 4, § 4) вносят в понятие семантической структуры текста новые нюансы:

семантическая структура текста оказалась более сложной, чем её себе представляют некоторые лингвисты, беллетристически скользящие по верхам текстового анализа. Например, «лингвистика текста» Гальперина, объявленная им «общей теорией языка», ничего общего не имеет не только с «общей теорией языка», но и вообще с любой частной теорией языка. Вся «общая теория языка» свелась в этом сочинении к «сцеплению», «ретроспекции», «проспекции», «партитурности», «континууму» [Гальперин 1977], у Москальской к «смене темы», «единству темы», «косвенным речевым актам» [Москальская 1981]. Колшанский определяет семантические связи в тексте по тематическому признаку: «темы абзацев», например, «летний день», «осенний день» [Колшанский 1976 : 17]. У Селивёрстовой семантический причинно-следственный анализ текста сводится к семе «вхождение данных лиц и предметов в описываемую сложившуюся ситуацию» [Селивёрстова 1983 : 142 – 150]. Семантический анализ причинно-следственных конструкций в тексте свёлся у Черняховской к пересказу смысла этого текста [Черняховская 1983 : 117 – 126]. Семантический анализ причинных значений в русском языке ограничился у Теремовой обычной лингвистической беллетристикой [Теремова 1985]. Причинно-следственные и уступительные семантические отношения рассматриваются у Ляпон как «столкновение двух истин, построенных на парадоксе», как обогащение за счёт семы «незнание», «недоумение», «как это ни странно» [Ляпон 1988 : 111 – 112].

Цель работ по «лингвистике текста» свелась к тому, что изучаются семантические структуры текста не в их тесном взаимодействии с логическими формами мысли, а даются поверхностные, субъективные, беллетристические комментарии «по поводу». Когда узбек, в полосатом ватном халате, в сильную жару, едет на своём ишаке дальней дорогой, и чтобы коротать время, он поёт только о том, ч т о в и д и т – об отдельных путниках, о деревьях, цветах, птичках, облаках. Так и в «лингвистике текста»: некоторые её основатели и вдохновители, «коротая время», скользят по верхам и пишут только о том, ч т о в и д я т, глубокомысленно рассуждают о видимых ими я в л е н и я х, не проникая в их с у щ н о с т ь [см. мою критику в адрес спекуляций по поводу «лингвистики текста»: Кривоносов, ВЯ 1986 № 6].

Где она сейчас, эта «лингвистика текста» как «общая теория языка» ? Приказала долго жить. Путь исследования текста – только в и н т е г р а ц и и языкознания и логики, в комплексном исследовании семантико-грамматических и логических форм мышления.

Какова же фактическая семантическая структура текста ? В тексте нет ничего, кроме слов (понятий) и предложений (суждений), они покрывают 100 % любого текста. Но все эти слова и предложения стоят не изолировано, они вступают друг с другом в различные семантические, в том числе и в причинно-следственные семантические связи на уровне языка, т.е. на уровне семантических форм мышления, а также на уровне логических форм мышления, образуя умозаключения, главным образом сокращённые умозаключения – энтимемы. Часто эти умозаключения образуют сложные логические цепи – полисиллогизмы. Если суждения, т.е. отдельные предложения, покрывают весь текст без остатка (400 страниц немецкого текста), то силлогизмы, состоящие из этих же суждений, в тексте избирательны и составляют лишь 38 % текста (остальные 62 % текста образованы из суждений, не участвующих в причинно-следственных связях). Ещё более избирательны в тексте полисиллогизмы (в них входят 458 энтимем, что составляет лишь 24 % всех энтимем из 1943, т.е. всего 9 % текста объёмом 400 страниц). Можно говорить, таким образом, о ч е т ы р ё х у р о в н е в о й л о г и к о-с е м а н т и ч е с к о й иерархической организации текста: понятия, суждения, умозаключения, полисиллогизмы.

Исследовав уровень умозаключений различных типов, видов, фигур, модусов, мы, таким образом, вышли на более высокий уровень структуры текста, чем простые предложения-суждения и обнаружили, что 38 % текста – логические энтимемы, выраженные как в русском, так и в немецком языках самыми различными языковыми конструкциями, представленными семантическими формами мысли. Дальнейшее исследование силлогизмов вывело нас на ещё более высокий уровень текста – на уровень полисиллогизмов, состоящих из цепочек энтимем разной протяжённости. Это открыло нам структуру текста на более высоком логическом уровне. Таким образом, логический анализ текста позволил увидеть наглядно взаимодействие семантических и логических форм мышления, всю логико-семантическую структуру текста значительно глубже, чем это делается сейчас на беллетристическом уровне.

В чём должен искать лингвист смысл истинного лингвистического анализа текста ? Языкознание неизбежно всегда была наукой «текстовой», наукой о языке в его функционировании. Но наука не стоит на месте, теперь языкознание должно ставить перед собой цель – изучать связи предложений, многие из которых уже были изучены ранее, заниматься языковыми построениями выше уровня предложения. Изучать текст («язык в тексте») с позиций языкознания – значит изучать прежде всего две относящиеся к области языкознания сферы – грамматическую форму и семантическое значение предложений, составляющих текст, во взаимодействии друг с другом и с другими элементами разных уровней языка, участвующих в выражении смысла высказывания.

Если это верно, то мы должны придти к выводу, что текст в плане целей и задач языкознания есть объект не «лингвистики текста», ориентированной на его субъективное прагматическое исследование, а объект функциональной грамматики, которая должна разрабатывать грамматические единицы, участвующие в выражении смысла высказывания.

Естественно встаёт вопрос: предложения каких лексико-грамматических типов связываются друг с другом в тексте ? В этом случае мы, действительно, выявим типы лексико-грамматических форм и законы связей отдельных предложений в более крупные по сравнению с предложением единицы – связный текст, цементирующей основой которого служат категории мышления. Только этим путём мы можем выявить «грамматику текста», но это уже будет не «лингвистика текста» в виде таких её умозрительных и бесформенных фигут, как «последовательность речевых актов» (Т. Ван Дейк), «спецификация» и «диагностическая интерпретация» (Х. Изенберг), «сцепление», «ретроспекция», «проспекция», «партитурность», «континуум» (И. Гальперин), «смена темы», «единство темы», «косвенные речвые акты» (О. Москальская»), «текстемы», «темы абзаца» (Г. Колшанский), а «грамматика текста» с истинными грамматическими единицами, привязанными к определённым семантическим категориям.

Таким образом, тот, кто хочет исследовать текст, должен установить семантико-грамматическую структуру текста, т.е. выявить, какие грамматические формы служат для выражения тех или иных семантических категорий или, наоборот, какие семантические категории выражаются теми или иными грамматическими формами языка. Это новое будет состоять в открытии новых законов взаиимодействия определённых лексико-семантических структур друг с другом, а эти взаимоотношения будут зависеть уже не от синтаксической структуры сочетающихся на уровне текста предложений, а от семантики этих педложений, т.е. от мыслительных категорий. Грамматическая организация текста должна подчиняться

законам его мыслительной организации. Значит, «последовательность речевых актов», «сцепление», «проспекция», «ретроспекция», «смена темы», «текстемы» создаются говорящим (пишущим) на основе семантических, а значит – логических критериев.

Но надо знать, что лежит в основе этих семантических (логических) критериев, объединяющих два предложения. Они на уровне логики выступают как два суждения, находящиеся или в каких-то временных, противопоставительных, уступительных, или в каких-то причинно-следственных отношениях, образуя умозаключения. 1) *Стало жарко, и я поспешил домой* (М. Лермонтов), 2) *Я отдёрнул руку: из самой середины цветка с яростным жужжанием вылетела пчела* (Л. Толстой), 3) *Писатель пробормотал что-то невнятное. Он был застигнут врасплох* (К. Паустовский), 4) *Сосна, как дерево смолистое, с трудом поддаётся гниению* (К. Аксаков), 5) *Пантелей Прокофьевич ушёл, почувствовав себя лишним* (М. Шолохов). Под семантическим значениенм этих предложенй надо иметь в виду не конкретное, вещественное значение каждого из них, а то общее, что лежит в основе семантических значений – логическую форму мысли. В каждой части причинно- следствннных отношений этих сложных семантических построений содержится или причина, или следствие. Если идти дальше, то мы обнаружим, что причинно-следственными и другими логическими связями занимается другая наука – логика.

Мы вступаем здесь в область, которая является новой для языкознания. Следовательно, на уровне связного текста мы имеем объект исследования, который входит также в компетенцию, отличной от языкознания науки, – формальной логики. Лингвистика должна учитывает её результаты, ибо формальная логика в конечном счёте тоже занимается языком, т.е. человеческим мышлением, выраженным в формах естественного языка. Изучать связный текест – значит изучать логико-грамматические отношения. Мы неизбежно будем иметь дело с последовательностью суждений, не включённых, или включённых в причинно-следственные связи, т.е. с логическими умозаключениями. Это означает связь в одном и том же объекте, в тексте двух разных наук, каждая из которых имеет свои цели и задачи. Это будут уже не умозрительные прагматические импровизации на тему «лингвистика текста», а нечто естественное и само собою разумеющееся: что от грамматики входит в текст; что от семантики входит в текст; что от логики входит в текст; каково взаимодействие между тремя этими сферами ?

Путь исследования текста – только в интеграции языкознания и логики, это центральное направление в изучении структуры текста. Если мы поймём, что цель языкознания в исследовании текста состоит не в субъективных прагматических комментариях этих текстов, а в установлении связей между грамматическими формами и логическим содержанием, т.е. в сочетании грамматики и логики, то мы увидим, что вся проблема истинной «лингвистики текста» должна состоять в изучении соотношения «языковых форм» и «логичекских форм мысли». Из этого следует, что «лингвистика текста», не поднявшись выше субъективных комментариев, с самого начала обрекла себя на неудачу.

Предложение, как известно из синтаксиса, може быть представлено огромным многообразием различных структурно-грамматических типов. Но так как многие из этих типов предложений находят фактическую реализацию лишь в строго определённом лексическом воплощении, то станет понятным, что современный язык располагает огромным богатством различных лексико-грамматических типов предложений, формирующих текст. Естественно задать вопрос: предложения каких

лексико-грамматических типов связываются друг с другом в связном тексте и какова последовательность этих типов предложений по отношению друг к другу и по отношению ко всему тексту ? В этом случае мы, действительно, выявим классы лексико-грамматических форм и законы их связи в более крупные единицы – связный текст, цементирующей основой которого служат категории мышлеия – логические формы мысли.

Исчерпывающее изучение текстов с указанных позиций позволило бы вскрыть, во-первых, закономерности следования предложений одних структурных типов за предложениями других структурных типов, закономерности их взаиморасположений, во-вторых, вскрыть те связи и опосредования, благодаря которым единицы более низкого уровня (предложения) объединяются в предложения более высокого уровня (связи предложений, сверхфазовые единства), а эти последние – в целый текст. Но главная цель должна состоять, разумеется, в том, чтобы вскрыть все формально-смысловые связи в тексте: какие формы мысли и какие формы языка взаимодействуют, создавая «ткань» текста. Анализ текстов с логико-языковых позиций привёл бы к познанию их логической структуры и способов их языковой репрезентации, что имело бы огромную научную ценность.

§ 7. Когнитивная лингвистика.

1) «Когнитивная лингвистика» – это повторение пройденного.

1. Истоки когнитивной науки.

Толчком в когнитивистике стала психология. Выяснили, что бихевиоризм в психологии себя исчерпал и он стал нежизнеспособен. Изучать психику человека через его поведение нереально. Это всё равно, что определять физику как науку о показаниях приборов. Стали говорить о теории познания, т.е. в экспериментальную психологию вернули сознание человека, а не его внешнее проявление. Стали рассматривать мозг и психику как единое целое.

Когнитивизм родился в 1950 году в Гарвардском университете как всеобъемлющая наука о всех областях человеческого знания. Но основоположниками этой науки ещё 2300 лет назад были Аристотель, Платон и другие древнегреческие философы. Если вернуться к их учениям, то они, оказывается, занимались «когнитивными науками». После Аристотеля, создавшего логику как учение о взаимодействии форм мысли и форм языка, начал перестраивать лингвистику Н. Хомский, став первым представителем когнитивной лингвистики, как синонима «теории познания». «Синтаксические структуры», «Глубинные и поверхностные структуры» Хомского стали первым опытом в зарубежной лингвистике о взаимоотношении форм мысли и структур языковых знаков. Целью когнитивной лингвистики было – наведение мостов через пропасть между сознанием и науками, его изучающими. Следовательно, должны существовать когнитивная психология, логика, лингвистика, философия, нейронная наука, антропология. И каждая из них имела свой объект изучения. Следовательно, язык тоже должен быть связан с каждой из этих наук и прежде всего с мышлением. Это и выдают теперь за «новое в языкознании», хотя эта проблема была центральной в марксистском языкознании, круг проблем давно уже был обозначен, осталось только их обрабатывать.

Всеобъемлющая проблематика когнитивизма видна на примере первой научной Российской конфереенции. В 2006 году в Сан – Петербурге была созвана II Международная конференция по когнитивной науке, куда входили темы исследований: познание, мышление, биология, социология, антропология, проблемы интеллекта, нейрофизиологии, нейроинформатики, философия, искусственный интеллект, восприятия и представления, сознание, приобретение знаний, специфика языка как средства познания, коммуникация, мозговые механизмы познания, компьютерная наука, сложные формы поведения, усвоение языка – родного и иностранного, билингвизм, восприятие и порождение текста. Конференция отражала современное стремление к интеграции дисциплин, ранее разделённых по разным отраслям знаний. Эта конференция была названа как «когнитивный поворот», «когнитивная революция», «объединение знаний о человеке», «антропоцентрический фактор».

В психологических, психофизиологических работах а также а работах по икусственнномку интеллекту, машинному переводу все эти науки имеют дело с когницией, т.е. с условиями и способами работы мозга и обработки информации. Но так как понять работу мозга и механизм его функционирования, как мыслящего органа, можно лишь в двух случаях: на основе практических результатов работы мозга и на основе функционирования материальных знаков, определённые конструкции которых связаны с определёнными готовыми продуктами мозга, то и породили такое ответвление в сообществе психофизиологических наук как «когнитивную лингвистику». Т.е. язык занял важное место в системе когнитивных наук. А так как язык, как материально ощутимый и поддающийся инструментальному анализу объект, был одним из главных инструментов раскрытия результатов работы «чёрного ящика», то языку придали статус мыслеорганизующего субъекта. Дальше – больше, ему придали статус главенствующего средства познания деятельности мозга. Всё это, вместе взятое, и придало языкознанию важный статус «когнитивной лингвистики». На неё и возложили всю ответстьвенность за успехи в познании работы мозга в науках, связанных с творчеством мозга. Но при этом не учли одно важнейшее обстоятельство: забыли, что существует языкознание с тысячелетним стажем и в нём, худо или бедно, были выработаны некоторые постоянные закономерности взаимоотношения языка и мышления. Но «когнитивная лингвистика» начала с чисого листа, чем себя и погубила.

2. Не существует изоморфизма между когнитивными и языковыми структурами.

Озадачивает мнение когнитивистов, когда они тесно связывают «представление знаний в голове человека» с языковыми структурами. Это означало бы изоморфизм между языковыми и когнитивными структурами. Надо прежде установить, что такое «когнитивные структуры» – это мозг как орган, нейронная система, мышление, чувственное или абстрактное мышление, если абстрактное, то какое – семантические или логические формы мысли, вербальное или невербальное мышлеие ? Поэтому о центральной роли лингвистики в когнитологии не может быть и речи. Это искусственное связывание лингвистики с когнитологией, свои теоретические построения лингвистика связывает с «замысловатыми когнитивными моделями»». Кроме того, язык – лишь часть, и не главная, общей системы деятельности человека. Это «шаг назад, прежде всего по отношению к формальной логике, а также по отношению к психолингвистике, и даже к обыденному сознанию». [Сонин 2005 : 26 - 27].

Более конкретно, исчерпывающе «когнитивные корреляции» между языком и мышлением, в частности на базе логических умозаключений различных фигур, модусов, энтимем, силлогизмов и полисиллогизмов были мною подробнейшим образом описаны в двух монографиях на материале русского (1993) и на материале немецкого языков (1996), и в них нет ни слова об этих «перспективных корреляциях», но есть много слов о законах взаимодействия между формами мысли, т.е. логическими формами и языковыми, т.е. знаковыми формами, между конкретными языковыми структурами как средством выражения логических силлогизмов и их конкретными фигурами и модусами. Я и не знал, что я, оказывается, «всю жизнь говорю прозой» !

Для языкознания, коль скоро не выяснено взаимоотношение языковых знаков и форм мысли, «когнитивная лингвистика как общая говорильня» не имеет никакого научного значения. А всё остальное, кроме связи материальных знаков и их идеальных образов как и идеальных образов реальных предметов, относящихся к области теоретического языкознания и формальной логики, относится к области психологии и нейрофизиологии. Сама Кубрякова сознаётся, что «когнитивная лингвистика» не относится к области языкознания. Язык, пишет она, только одна из когнитивных способностей человека. Когнитивная лингвистика – это общий когнитивный, т.е. познавательный механизм. Главное в когнитивной лингвистике – системное описание и объяснение механизмов человеческого усвоения языка и принципы структурирования этих механизмов, каково их внутреннее устройство. Это – теоретическое языкознание ?

3. Когнитивная лингвистика находится в поисках «междисциплинарных комбинаций».

Языковая деятельность, как пишет Кубрякова, – это один из модусов когниции, составляющий вершину айсберга, в основании которого лежат когнитивные способности, не являющиеся чисто лингвистическими, но являющиеся предпосылкой для последних, т.е. построение образов, логических выводов на их основе, получение новых данных из уже имеющихся сведений. Стартуя с лингвистической площадки, мы заходим на территории смежных дисциплин. Когнитивная лингвистика – наука междисциплинарная, это предопределено самой сущностью языка как биологического и социального объекта. Психология, лингвистика, логика, философия могут совместно ответить на вопрос о природе разума и языка.

Так как сейчас повальное увлечение когнитивной лингвистикой, то истинное языкознание забыто, все бросились славословить обо всём, с чем связан язык, занялись переписыванием зарубежного «когнитивизма» и прикладывать его к российскому «языкознанию». «Работы в области когнитологии ... почти полностью заполнили лингвистическое пространство, хотя базовые лингвистические проблемы не получили окончательного решения». [Болотов, ВЯ, 2008, № 2]. Действительно, существуют всеобщие связи языка с многими науками. Но это не значит, что всех их нужно сваливать в одну кучу и исследовать нерасчленённо.

2) Какими методами исследования пользуется «когнитивная лингвистика» ?

1. Когнитивная лингвистика – аморфное направление в языкознании.

Прежде всего надо отметить то лингвистическое терминологическое

новаторство, которым славится «лингвистика текста». Вот лишь некоторые из них: гештальты, фреймы, кластерный набор, гештальтные свойства, холицестические свойства, топик, коммент, партиципант, модульный, реификация, бенефициант, малефициант, ингерентные концепты, прототипические предметы, ноэтическое пространство, эксперинциальные факторы, хронотропная характеристика, наличие события в дискурсе, неаддетивные свойства, кластерные признаки, эмерджженская грамматика, дескрипция предметов, референциальная величина и др.

Ленин, критикуя объективный идеализм Авенариуса, пишет: «Такой же тарабарщиной ... является особая терминология Авенариуса, создавшего бесконечное обилие разных «ноталов», «секуралов», «фиденциалов» и пр. и пр. ... Сказать ли: «нотал» (notus = известный) или сказать, что мне что-то известно, совершенно всё равно. ... И действительно, это чистейшая и беспросветная схоластика ...». [Ленин 1982 : 90]. Находятся люди, которые принимают этот квазиучёный вздор за истинное глубокомыслие ! Когнитивной терминологией, вытесневшей современное теоретическое языкознание, удобнее всего избежать того, чтобы говорить о вещах, о которых мы очень мало знаем. Чем прозрачнее язык, не захламлённый ненужной терминологической абракадаброй, тем чётче мы понимаем то, о чём пишем сами. Именно когнитивная лингвистика дальше всех других лингвистических течений ушла в оскудении мысли, познающей сущность языка.

Переименование теретического языкознания в «когнитивную лингвисттику» «... придаёт лингвистике респектабельность современной научной дисциплины. Но это не придаёт новый импульс исследованию реального языка». «Кубрякова и её школа занимаются «когнитивной риторикой». [Сонин 2005 : 29, 38]. «Когнитивная лингвистика превратилась в дальнюю родственницу когнитивных наук, а в лучшем случае в их однофамилицу, хотя похоже, всё-таки в расчётливую самозванку». [Там же : 24].

В языкознании некоторые учёные рабски плетутся за иностранной модой, не имея своей материалистической, диалектической точки зрения, чтобы оценить место разных теорий в языкознании. Факты сильнее всех подражательных попыток. «И именно поэтому я полагаю, что право научных открытий и обобщений не взято в аренду западноевропейскими учёными, что и в головах русского или польского происхождения могут возникать самостоятельные мысли и что нет ни малейшей надобности быть покорным рабом так называемой «европейской науки» и повторять бессмысленно и без всякой критики заимствованные из неё положения».
[Бодуэн, там же : 363].

«Когнитивная лингвистика» предлагает нам нечто аморфное, у её авторов отсутствует чёткое понимание сущности знака и, следовательно, взаимоотношения языка, мышления, сознания, логики, речи, текста, действительности. Понятие «когнитивная лингвистик» никого ни к чему не обязывает, ибо всё, что относится к когниции, познанию, всегда было предметом исследования в языкознании, с той лишь разницей, что одним и тем же фактам языка сегодня присваиваются новые имена, полагая, что в них заложена их сущность. До тех пор, пока у авторов когнитивной лингвистики будет царить неясность в понимании самого предмета исследования, они вынуждены будут угощать читателей теоретического языкознания пустыми фразами, окрошкой из кусочков лингвистических, логических, психологических, когнитивных т.е. познавательных ингредиентов. Они выдвигают свои теории, выдавая их за истинную сущность языка, как будто лингвистический мир ждал их, чтобы узнать, каким он должен быть, но каким он фактически не является. Кто разыскивает слово не для того, чтобы возможно точнее выразить

свою мысль, а для того, чтобы сказать повычурнее, по-иностранному, тот не придаёт серьёзного значения своей мысли. Гёте: „Wenn einem einst ist was zu sagen, ist `s nötig Worten nachzujagen“ (Кто хочет высказать здравую мысль в звуках, тот должен родить её в словесных муках).

Сползание теоретического языкознания со столбовой дороги исследования сущности языка – а это значит исследования его взаимодействия с мышлением, сознанием, логикой, речью, текстом, действительностью – в болото терминологического творчества пронизано пренебрежением методологической базой исследования, т.е. материалистической диалектикой. Часто с верой в языкознании обращаются как с истинным знанием. В когнитивной лингвистике нет ничего принципиально нового. Главное в ней: всё та же проблема «взаимоотношения языка и мышления» и всё, что с нею связано, а именно в з а и м о д е й с т в и е меёду ними. А это ничего другого не означает, кроме как познания взаимодействия языка, мышления, сознания, логики, речи, текста, действительности. Исследование этого комплекса вопросов и есть то, что теперь начали называть «когнитивной лингвистикой», превратившейся в общее словословие на эту тему с терминологическими ухищрениями. Как ни странно, но темы «взаимоотношение языка и мышления», «когнитивная лингвистика» – одно и то же, это главные языковедческие проблемы о человеке, и именно эти проблемы представлены в «когнитивной лингвистике» аморфно, стихийно, без какого бы то ни было обоснования внутренней структуры взаимодействия между языковыми знаками, мышлением, сознанием, логикой, речью, текстом, действительностью, без чёткого разграничения в каждом из взаимодействующих частей их функций.

2. Когнитивная лингвистика как «познавательная лингвистика» подменила диалектическую теорию познания.

В поисках новизны теоретическое языкознание переименовали в «когнитивную лингвистику». Когнитивная лингвистика – это «познавательная лингвистика», т.е. теория познания языка, которую считают «когнитивной революцией» в теории познания языка, пытаясь превратить её в некую философию языка, которая должна подменить давно известную во всех науках «материалистическую диалектику», как будто до появления когнитивной лингвистики люди ни о каком «познании» и не помышляли и не имели о нём никакого представления.

Если «когнитивная лингвистика» есть наука о когнитивных, т.е. познавательных, ментальных, интеллектуальных процессах, а языковые знаки оформляют эту деятельность как внешне выраженную речевую деятельность, то когнитивная лингвистика невозможна без анализа порождения и восприятия речи, а это значит – без анализа сущности взаимоотношения материального и идеального, т.е. мы пришли к материалистической диалектике, к её главной философской проблеме о соотношении материального и идеального.

Великие диалектики древности, а также нового времени, такие как Кант, Гегель, Маркс, Энгельс, Ленин, ещё до «когнитивистов» показали сущность «когнитивизма», не употребляя вообще этого вводящего в заблуждение термина. Эту проблему они рассматривали как философскую проблему соотношения первичности материи и вторичности сознания, материального и идеального как высшей формы биологического движения. А сегодняшние «когнитивные лингвисты» не заметили, что и в отечественном языкознании, в его марксистском направлении главной темой исследования языка были всё те же когнитивные составляющие – взаимоотношение

языка и мышления. Правда, марксистские лингвисты неверно поняли это взаимоотношение. «Отгораживание от традиционного языкознания и такое пренебрежительное к нему отношение ведёт к неимоверному хаосу языковых наблюдений, в которых весьма трудно разобраться языковедам, да едва ли и стоит разбираться». [Лосев, ВЯ, 1965, № 5 : 30].

Родитель «когнитивной лингвистики» на Российской почве Кубрякова считает, что старая парадигма языкознания уже заменена новой. Как будто языкознание, т.е. наука о языковых знаках, как и любая из прочих наук, это уже износившиеся перчатки и их можно выбросить и заменить новыми. Хотя бы вспомнили о диалектике, как методе познания всего сущего: от простого к сложному, от конкретного к абстрактному, от него – к ещё более абстрактному, и так без конца и любая поставленная точка в научном познании – это его относительная ступень, и это движение бесконечно. «Старую парадигму» выбросить нельзя, ибо она в той или иной степени присутствует в новой и движет её развитие. Поэтому суть новой парадигмы, которую нам обещают, состоит на самом деле только в наклеивании новых этикеток на старые теории, а именно:

1) Был провозглашён приоритет дедуктивного подхода, взамен эмпирического метода., т.е. надо отменить эмпирическое языкознание как науку о сложных связях сложных единиц, поддающихся только экспериментальному исследованию, и ввести дедуктивные математические и логические методы анализа материала, не имея самого материала.

2) В центре грамматики стоит уже не фонология и морфология, а синтаксис и синтаксические отношения. Но роль этих разделов языкознания, отражающие соответствующие реальные единицы языка, по своему произволу нельзя ни принижать, ни возвеличивать, без единиц каждого из этих разделов нет языка: структуры фонем образуют морфемы, структуры морфем рождают слова, синтаксические связи слов затем в словосочетаниях образуют высшие грамматические формы – предложения. Вне структуры языка, т.е. вне структуры более высокого порядка, в предложении изолированные слова не употребляются, их жизнь протекает только в живой речи, в тексте.

3) Языку придали творческий характер в связи с тем, что это деятельность человека. Представители когнитивной лингвистики даже не догадывается, что её прародители в тысячном колене тоже творчески пользовались их языком, т.е. в соответствии с ситуацией и качеством ума. Иначе они бы не выжили. У языка, впрочем, нет никакого творческого начала – это удел мозга, мышления, а оно и есть деятельность, но не языка, а мышления, вынесенного за пределы мозга при помощи знаков языка.

4) Семантика признана в роли неотъемлемого компонента грамматики и грамматического описания языка. Нет у грамматики своей собственной семантики, как и вообще у языка, т.е. у языковых знаков, тем более неотъемлемого компонента. Семантика – она же есть мысль, значение, идеальное, фонема, графема, понятие, суждение, умозаключение. Семантика есть принадлежность мозга, это абстрактные логичесмкие образы отражённых предметов, событий, свойств, качеств. Если считать, что семантика изначально есть неотъемлемый компонент грамматики, то оказывается, что сама грамматика есть неотъемлемый компонент мышления, орудие мысли, т.е. технический инструмент, объединяющий нужные для мышления слова с целью получения законченного смысла, начиная от отдельных слов, до бесконечности – текста романа «Война и мир».

5) Оценка и рассмотрение языка как мыслительного, психологического феномена. Это уже ближе к истине. Оказывается, что «когнитивная лингвистика» – это не сплошное нагромождение всяких наталов, потенциалов, дифференциалов, инференций, референций, нативизмов, скриптов, фреймов и пр. Язык уже связывают с мышлением, однако не так, как фактически они связаны между собою. Язык, т.е. языковые материальные знаки – не «мыслительный феномен», а инструмент формулирования, удержания в сознании мыслей и их вынос вовне мозга в виде живой речи и печатного текста. Вот и надо было бы когнитивной лингвистике заняться вопросом: в чём состоит механизм «выноса» слова из мозга и приёма его от говорящих (пишущих) обратно в мозг ?

Один из признаков расшатывания устоявшейся парадигмы – это выход науки за пределы уже «освоенных» территорий, хотя они, как показала данная книга, освоены ещё не до конца. Мы до сих пор не знаем главного – что такое язык, вернее – что считать языком, хотя каждый пешеход скажет нам, что такое язык. Появилась, как бы, новая реальность в виде «когнитивной лингвистики», но она оказалась пустоцветом. В данной области нужны знания, но не новая терминология, не новый метаязык, всё заимствуется из старого, но теоретически ещё не до конца освоенного багажа. «Когнитивная лингвистика» фактически занималась переименованием старого и не может претендовать на полное новаторство в языкознании.

3) «Когнитивная лингвистика» – в тупике.

1. Какие задачи выполняет когнитивная лингвистика ?

Кубрякова пишет, что « ... когнитивная наука занимается информацией о мире в самых различных ракурсах и отношениях, изучая такие сложнейшие феномены человеческого бытия, как восприятие мира и отражение воспринятого в голове человека, как языки мозга, как память и организация когнитивных способностей человека» [Кубрякова 1997 : 18]. Перед когнитивной наукой стоят задачи, чтобы « ... понять, каким образом человек с его ограниченными возможностями оказывается способным перерабатывать, трансформировать и преобразовывать огромные пласты знаний в крайне ограниченные промежутки времени» [Петров 1987 : 10]. Перед когнитивной лингвистикой стоят задачи «организации самой памяти как одну из основных для формирования новой модели естественного языка [Кубрякова 1992 : 10-11]. «Неформально говоря, когнитивная теория – та, которая стремится учесть степень близости конкретного исследуемого феномена к сознанию [Демьянков 1992 : 39]. «Когнитивная наука – это скорее наука об общих принципах, управляющих ментальными процессами в человеческом мозгу ...» [Кубрякова 1994 : 34].

Что отсюда следует ?

Во – первых, когнитивная лингвистика – это то же самое, чем занималось «марксистское языкознание» – проблемой «взаимоотношения языка и мышления». Весь «когнитивный механизм» укладывается полностью в рамки этого отечественного направления в языкознании. Из истории отечественной науки известно немало случаев, когда российские научные идеи заимствуются на Западе, затем вновь возвращаются в Россию, но уже под другим, обязательно под «научным» соусом. То же самое произошло и с «когнитивной лингвистикой»: мы вдруг увидели «новизну» в том, что успели забыть.

Во – вторых, все науки суть науки когнитивные, так как все они не только «учитывают степень своей близости к сознанию», но и имеют непосредственное

отношение к сознанию, и сами эти науки являются нашим сознанием. И более того, весь багаж человеческих знаний есть само сознание, разных объёмов у разных людей, какими бы науками и прочими делами они ни занимались.

В – т р е т ь и х, какое отношение к этим проблемам «когнитивной лингвичстики» имеет язык ? Прямое. Но только в том случае, если мы будем располагать лингвистическими методами п р я м о г о н а б л ю д е н и я механизма функционирования языка в мозгу. Можно и даже нужно согласиться с тем, что понять «процессы возникновения нашего сознания», «содержание и природу нашего знания», «организацию нашей памяти» – значит понять, как функционирует язык мозга и, следовательно, на этой основе сформулировать «новую модель языка». Однако эта задача непосильна лингвистам. Поскольку прямой доступ к мозгу лингвистам закрыт, перечисленными проблемами когнитивной науки должны заниматься люди других профессий: нейрофизиологи, нейропсихологи, психологи. Но и сами нейрофизиологи и нейропсихологи, имеющие свои к о с в е н н ы е (в некоторых случаях также прямые) методы изучения проблем мышления, безуспешно бьются над этой проблемой. Для языкознания же, не имеющего своих прямых методов изучения структуры и функций мозга, кроме вынесенной за пределы мозга материи языковых знаков, нет иных способов проникноверия в законы «когнитивной лингвистики». Всё остальное – гадание на кофейной гуще. Кубрякова, пожелав увидеть в мозгу «новую модель языка», слишком оптимистично связывает свои надежды с языковыми структурами в мозгу, коих ещё никто не видел.

«Когнитивный» (познавательнгый ?) подход к изучению языка означает только одно: изучение нашего мозга, функционирование идеального содержания отражённого в нём мира. Однако идеальное, т.е. «когнитивное» содержание сознания, не имеющего прямого доступа для исследователя, невозможно исследовать п р я м о й а т а к о й в о б х о д ф о р м я з ы к а, т.е. когнитивное содержание сознания может быть добыто только на вторичном, внемозговом уровне его материализации в формах языковых материальных знаков. Наше сознание должно исследоваться косвенно, через знаки, через язык, через в т о р и ч н ы е, материально осязаемые структуры нашего сознания – в виде живой речи (устной и письменной). Эта проблема, как показали психологические исследования, усложняется ещё тем обстоятельством, что язык в мозгу не записан так, как он записан в грамматиках и словарях: в мозгу все формы (морфологические, синтаксические) частей речи могут лежать в одном «отсеке», а сама семантика частей речи, их «когнитивное» значение может находиться совсем в другом «отсеке».

Решение выдвинутых «когнитивистами» проблем требует самых серьёзных экспериментальных исследований, владения соответствующей аппаратурой и нейрофизиологическими (нейропсихологическими) методами исследования в указанных областях. Как минимум надо было бы объяснить и обосновать все термины и процессы, связанные с мозгом, его функционированием, механизмом овладения языком, механизмом и способами записи структур языка в нейронных структурах мозга. А сделать это – значит создать з а к о н ч е н н у ю т е о р и ю п о з н а н и я человеческим мозгом объективного мира и р о л ь я з ы к а в этом познании., что по силам разве что всему мировому сообществу учёных как задача XXI века.

2. Отражена ли в словах «природа вещей, качеств, отношений» ?

Кубрякова пишет, что в частях речи отражается «п р и р о д а в е щ е й». Мир воспринимается как заполненный объектами и причисление объектов к тем или иным классам зависит от связываемых с ними признаков [Кубрякова 1997 : 268]. Следовательно, это расчленение мира, о с м ы с л е н н о е и о с о з н а н н о е человеком

как расчленение на различные части речи, произошло с о о б р а з н о п р и р о д е в е щ е й [Кубрякова 1978 : 25]. Это значит, далее, что мозг, отражая окружающую действительность, выбирает и создаёт названия для отдельных фрагментов действительности таким образом, чтобы названия вещей были п о х о ж и н а в е щ и о т р а ж а л и б ы и х п р и р о д у. Кубрякова допускает мысль, будто слово, т.е. название вещи и сама вещь слиты воедино н е р а з р ы в н о й связью и заменить название данного предмета другим словом невозможно, ибо название уже само по себе п р и н а д л е ж и т только данному предмету и никакому другому. Все слова, разнесённые по определённым, стабильным, a priori известным частям речи – нечто незыблемое и стабильное. Следовательно, и в более широком плане – в языке вообще нашло отражение расчленение мира «сообразно природе вещей» [Кубрякова 1997 : 251]. Система частей речи – это отражение системы мира в языке, это проекция реального мира в мир языка [Кубрякова 1997 : 4], в котором в виде частей речи весь мир разнесён по клеточкам, в зависимости от самих предметов, их свойств, действий, состояний и отношений между ними, т.е. любое слово любой части речи – это как бы слепок какого-то фрагмента реальной действительности, а система частей речи – это система самого мира. Поэтому « ... классификации в языке хранят в себе черты **естественных** (выделено Кубряковой, - А.К.) классификаций ...» [Кубрякова 1997 : 87].

Понимать мысленное, идеальное отражение предметов в человеческом мозгу подобным образом, будто понятия о предметах формируются «сообразно природе вещей», будто понятия о вещах связаны с ними «необходимой связью», возвращает современную науку о языке к античной философии о неразрывной связи «слов и вещей». Кубрякова смешивает «в е щ ь» как нечто материальное и «м ы с л ь» об этой вещи как её идеальный образ, которые н и ч е г о о б щ е г о не имеют и иметь не могут. Хотя название, т.е. когнитивное, ономасиологическое значение части речи п е р в о н а ч а л ь н о могло быть мотивировано вещью в связи с особенностью жизнедеятельности людей, говорящих на данном языке, однако в любом случае оно не отражает с у щ н о с т и вещи, а есть лишь у с л о в н о е, к о н в е н ц и о н а л ь н о е логическое понятие об этой вещи. Теория Кубряковой, разделяемая также некоторыми другими лингвистами а также философами, напоминает известную притчу: астроном рассказывает о свойствах луны, её орбите, скорости движения, массе, весе. Один слушатель задаёт вопрос: «Оказывается, о Луне известно теперь всё. Однако мне непонятно, откуда астрономы узнали, что Луна называется „Луной“ » ?

Ещё в дошкольном возрасте ребёнок объясняет название предметов их свойствами. Например, назвать корову чернилами, а чернила – коровой нельзя, потому что чернилами пишут, а корова даёт молоко. Перенос имени есть одновременно и перенос свойств с одного предмета на другой, так тесно связаны вещи и их названия [Выготский 1996 : 312]. Это свойство непоследовательного ума – неспособность осмыслить язык как явление о с о б о г о р о д а, отличного от неязыковых явлений, неспособность отличить языковое от неязыкового. Некоторые полагают, что слова – это придатки к вещам, являются их собственными частями. Эта черта первобытной интуитивной философии языка есть гипостазирование связи «слово – вещь».

Если бы связь между словом и предметом была н е п о с р е д с т в е н н о й, то это означало бы, что человек лишён абстрактного, логического мышления и Кубрякова, не видя «стол» в моём рабочем кабинете непосредственно, своими собственными глазами, не могла бы отразить э т о т предмет в своём языке и понять моё предложение «Я купил себе новый стол», потому что, как она пишет, «номинативная функция языковой единицы, лишённой о б о б щ ё н н о г о понятия, заключается в п р я м о м у к а з а н и и на предмет», а предмета то перед глазами Кубряковой нет ! А как

быть со словами *купил, себе, новый*, ведь они, по Кубряковой, тоже непосредственно, без вмешательства мышления связаны с какими-то действиями, предметами, качествами ? Кубряковой пришлось бы вести собеседника в мебельный магазин (а что значит *мебельный*, как указать пальцем на понятие *мебельный*, как соотнести это слово без вмешательства мышления с *качеством* этого магазина ?) и показать (как ? чем ?) на процесс «купли-продажи» столов. Достаточно ли будет у Кубряковой мимических жестов, чтобы отразить все предметы, действия, качества, количества, свойства, процессы и поймет ли Кукбрякову её слепой собеседник ? Разумеется, Кубрякова поймёт каждое слово в моём предложении *Я купил себе новый стол*, но поймёт не в силу их «прямого указания на предмет», а в силу неизбежного и неотвратимого «вмешательства» её логического мышления в этот процесс отражения мира. Если я вижу *стол*, то это моё чувственное мышление, если я хочу о нём что-то сообщить, то это уже моё логическое мышление. А как быть, если предметы, о которых хочется сообщить, находятся за океаном, и мы не можем непосредственно указать на них пальцем ? Да и сам «показ пальцем» уже есть отрицание «прямого указания на предмет» и привлечение фактора мышления, потому что за этим «показом пальцем» как материальной, жестовой, а в конечном счёте авербальной формой выражения мысли скрыто логическое понятие и даже логическое суждение «Я тебе показываю вот это». Если в функцию слова входит «прямое указание», то это «указание пальцем» лишает само слово функции слова. Это значит, что мы остались на уровне чувственного мышления (мы лишь видим предмет «стол») и не поднялись до уровня абстрактного мышления.

От вещного мира в языковых знаках ассоциативно запечатлены и семантика, и гамматика слова, находящиеся в сознании как отражательный поток нашего сознания, в структурных единицах которого (в конвенциональных семантических значениях, т.е. в логических понятиях в соответствующих грамматических формах) отражён мир, и эти структурыные единицы языкового сознания имеют совершенно условный и непостоянный характер, так как расчленённость мира на его отдельные составляющие не имеет чётких границ. Всё в мире текуче, зыбко, неопределённо, и лишь мозг средствами языка (структукрами языкового сознания) наводит порядок в этом мире хаоса и приводит его в систему, но не в систему мира (это делают естественные науки), а в систему языка. Следовательно, и семантика, и грамматика, не отражающие структуру мира, запечатлены в словах лишь «по договору», конвенционально, и никакой «природы вещей» в когнитивном значении слов мы не обнаружим. В знаках языка мир нашёл своё отражение, но не «сообразно природе вещей», а совершенно свободным, неосознанным, стихийным и в общем и целом случайным образом (об этом лучше скажут представители этимологии слов), и ни одно слово ни одного языка не служит зеркалом мира. Вещный мир «перешёл» в семантику слов не по «природе вещей», а конвенционально, по договору, он отражён в семантике частей речи в языковом сознании совершенно особым образом для каждого языка. Семантика отражается в словах не самим вещным миром, а коллективным сознанием народа в зависимости от условий его жизни, поскольку человек не может не отразить эти вещи в своём сознании, не обозначив их соответствующими условными, идеальными, логическими единицами – понятиями как простейшими формами мысли.

Значение слова как логическое понятие существует только потому, что слово «одето» в соответствующую грамматическую (морфологическую и синтаксическую) форму, ибо нет слов, не несущих в себе определённого понятия, и не существует логических понятий, не «одетых» в грамматическую форму слов. Но и сами грамматические формы есть категории нашего сознания, выражающие те же логические

понятия («логические граммемы»), но ещё более высокой степени абстракции, нежели логические понятия, представленные в семантике слов. Все слова с их грамматическими формами лишены чести быть непосредственно связанными с миром вещей и отражать «природу вещей»: всё освящено работой мозга (процессом мышления) и продукцией мозга (сознанием), а сами части речи – их семантика и форма – есть само сознание, хранящееся в мозгу как продукт его работы, отшлифованное мозгом в процессе мышления. Не физический мир диктует свои условия словам, а сам мозг распоряжается, какую языковую форму придать своим собственным идеальным процессам, понятийным категориям сознания – всё зависит от инвентаря языка, а точнее – от того же сознания.

Итак, когнитивные языковые структуры – или то же самое, что и «логические понятия» – находятся у нас в мозгу как некие смутные, туманные, неузнаваемые и неосознаваемые точки (это первый уровень материализации языка в виде физиологических мозговых процессов) и мы не можем дать им классификаций до тех пор, пока не вынесем языковые знаки за пределы мозга (это второй уровень материализации языка) в виде звучащей, физически воспринимаемой материи, не превратим эти идеальные точки в материально написанные слова на материальной бумаге. Не вынося слова за пределы мозга, т.е. в эфир, на бумагу, мы никогда так и не познаем их природы.

3. Когнитивная лингвистика – это игра в термины.

Работы этого направления читать нелегко, они перегружены иностранными терминами, за которыми трудно разглядеть какую-либо реальность. Весьма нарочитая терминологическая всеядность, весьма изысканный аппарат новейших лингвистических терминов застилает содержание излагаемого текста. Известные положения нередко камуфлируются новой терминологией и изощрённой иностранной терминологической аргументацией.

Кубрякова пишет: «Когнитивный взгляд на природу естественного языка заставляет признать не только сам факт ментальной репрезентации мира в сознании человека (какое великое открытие: до появления «когнитивного взгляда» мы и не подозревали, что человек мыслит мозгом и мозгом же отражает мир ! – А.К.), но и факт упорядоченности этой репрезентации, наличия в ней организующих принципов в представлении знаний и их существования в форме концептов, содержательных единиц сознания» (как будто нам до сих пор было неизвестно, что язык в сознании «упорядочен» – А. К.) [Кубрякова 1997 : 165]. Этот высокопарный пассаж, порождённый «когнитивным взглядом на природу естественного языка», если его перевести на русский язык, ничего иного не означает, кроме следующей банальной истины: «Мир отражён в сознании человека как упорядоченные единицы этого сознания». Научным знанием имеет право называться не то, что может быть высказано, а то, что может быть высказано ясно (Л. Виттгенштейн). «Верно определяйте слова, и вы освободите мир от половины недоразумений» (Р. Декарт).

Анализ «когнитивной лингвистики» показывает, что развитие современной лингвистики идёт не вглубь, а вширь: исследуется не языковой материал, выводы из которого могли бы послужить весомым вкладом в развитие теории языка, а совершается некий терминологический ритуал вокруг теоретических проблем, не подкреплённых эмпирией. Решение таких сложнейших вопросов теории языка как сущность частей речи, исследование которых связано с глобальными проблемами соотношения действительности – мышления – языка невозможно методом беллетристики. Термин «когнитивный» нужен лингвистам для того, чтобы растворить науку о языке в пене надуманных проблем, которые фактически остаются в языкознании теми же, что и

сотни лет тому назад. То, что есть в проблемах, обсуждаемых в «когнитивной лингвистике», укладывается в рамки давно известных русских терминов и не выходит за их пределы. Для английского слова cognition есть прекрасные русские эквиваленты: познание, познавательный, мыслительный, понятийный, семантический, значение, содержание, смысл и др., которые более понятно и чётко дифференцируют то, что именуется туманным, расплывчатым и неопределённым словом «когнитивный». Новые термины из «когнитивной лингвисттики» не всегда понятны не в силу их внутренней семантической формы, а в силу того, что большинство из этих терминов подменяют такие понятия, которые сами требуют или пояснения, или не соответствуют тому, что они призваны обозначать, или подменяют, и очень неудачно, давно известные русские термины. Новая, очень туманная и неопределённая терминология заслонила суть научного поиска, подталкивает учёных, особенно молодых, к тому, чтобы уйти от старых, но ещё далеко не изученных проблем, за новым терминологическим течением не проглядывается никакой новой теории. Лингвистика сегодня пытается развивать некоторые тупиковые направления, забавляясь терминологической игрой, увлекаясь «новыми» идеями, которые совсем не «новы», а во многом известны из прежней лингвистики, лишь представленные в иноязычной терминологической упаковке. Совершенно необязательно заменять давно устоявшиеся термины наукообразной иностранной шелухой, ничего не говорящей научному обывателю. А профессионал поймёт и русскую терминологию.

Необходимо отметить одну особенность теоретического языкознания наших дней: терминологические ухищрения, отражающие или то, что уже давно известно под другими, давно привычными терминами, или совершенно неопределённые и туманные понятия. Читая некоторые современные сочинения по языкознанию, нельзя не заметить, что мы сами, незаметно для нас самих, превращаемся внутри своей страны в иностранцев. «... Некоторых толкает на этот путь желание чем-нибудь отличиться, заменяя убожество мысли и отсутствие настоящего творческого таланта лёгким и ничего не значащим сочинительством новых слов» [Бодуэн 1963 т. II : 241]. «Многим людям легче и важнее делать вид, что они образованны. Считается, что чем больше иностранных или просто редких слов в речи, тем эрудированнее говорящий: конечно, далеко не везде, не во всякой среде так считается, но в среде недообразованных людей престиж таких слов велик» [Горелов, Енгалычев 1991 : 53].

Е.С.Кубрякова пишет: «Преимущества когнитивной лингвистики и когнитивного подхода к языку мы видим ... в том, что они открывают широкие перспективы виденья языка во всех его разнообразных и многочисленных связях с человеком, с его интеллектом и разумом, со всеми мыслительными и познавательными процессами, и, наконец, с теми механизмами и структурами, что лежат в их основе» [Кубрякова 1999 : 3]. Оказывается, преимущества когнитивной лингвистики состоят в том, что теперь мы знаем, с чем связан язык: с человеком и его разумом, с познанием мира, со структурами его мышления. А до «когнитивной лингвистики» никто об этом даже не догадывался ! Вот как, оказывается, можно беззастенчиво напускать «научный» туман, наводить тень на плетен и выдавать старые как мир истины за новейшее научное направление в языкознании, именуемое «когнитивной лингвистикой».

Если «когнитивную лингвистику» терминологически упростить и вместо неопределённых и расплывчатых американизмов употребить соответствующие русские термины, отражающие более чётко и дифференцировано то, что скрывается за ними, то «когнитивная лингвистика» окажется совершенно традиционной. «Когнитивная лингвистика» представляет собой не описание реальных фактов

языка, исследуется не эмпирический материал, а система терминологических понятий: описываются некоторые абстрактные п о н я т и я как собственный о б ъ е к т исследования лингвистики. Например, части речи есть нечто априорное, следующее за заранее выдвинутой теорией, зависящее от теории, есть её продукт, её порождение, от неё самой не отличающееся, есть она сама. Изучаются, например, не реальные части речи, их системы, связи и отношения, а авторские собственные теории, свои собственные «примысливания» к исследуемому объекту некоей «когнитивной», т.е. «познавательной» субстанции (ни части речи, ни язык в целом не обладают никакой «познавательной» способностью, это прерогатива мозга). «Когнитивная лингвистика» оказалась лингвистическим пустоцветом, подтвердившим ещё раз старую истину о невозможности решить глобальные теоретические проблемы языкознания на основе одних лишь «когнитивных» заклинаний, т.е. одних лишь семантических рассуждений, облечённых в форму «когнитивной теории».

«Когнитивная лингвистика» представляет собой лишь одно из о ч е р е д н ы х заблуждений сегодняшнего языкознания, к которому может привести только абстрактное теоретизирование, не основанное на конкретном анализе эмпирического материала. Как это ни странно, но люди нередко оказываются во власти того, что фактически не существует: некоторые «новые» идеи имеют значение лишь постольку, поскольку их жаждут и, следовательно, изобретают. Стоит отказаться от них и выясняется, что «король-то голый». Если лингвист занимается исключительно теоретизированием и терминотворчеством, без оглядки на эмпирический материал, он неизбежно запутывается в противоречиях, ибо трудно выдержать единство и последовательность собственных убеждений на протяжении всей теории «когнитивистики», не будучи поддержанным в своей убеждённости реальными фактами языка. Жадно поглощая чужое, человек попадает под власть готовых рассуждений и затрудняет себе поиск новых, непроторенных путей. Для свершения великого нужна независимость от установившихся традиций. Принцип каждого научного исследования, по К. Марксу: «универсальная независимость мысли, которая относится ко всякой вещи так, как того требует сущность самой вещи» [Маркс, Энгельс соч. Т. 1 : 7].

4. Открывает ли «когнитивная лингвистика» новые горизонты в исследовании языка ?

«Когнитивная лингвистика» – совсем не новое направление в языкознании и знаменует собой возврат к давно известной проблеме, именовавшейся ранее «язык и мышление», когда-то считавшейся главнейшей проблемой «марксистского языкознания», канувшего в небытие. Однако принципиальное отличие в исследовании проблем взаимоотношения языка и мышления прежде и теперь (я имею в виду работы по «когнитивной лингвистике») состоит в следующем: в «марксистском языкознании» все вопросы, относящиеся к проблемам м ы ш л е н и я, рассматривались на базе естественного я з ы к а и исследовались в связи с фактами языка, т.е. исследователи имели на руках достоверный лингвистический материал, на который можно было опираться. Именно языковая база открывает огромные перспективы для лингвистов, занимающихся этими проблемами, этот путь и есть единственный путь лингвистического исследования взаимоотношения языка и мышления. Другой вопрос, правда, состоит в том, как решалась эта проблема: на основе научного подхода или схоластически, догматически. В «марксистском языкознании», исследовавшем вопросы взаимоотношения между языком и мышлением, были определённые достижения, оставившие заметный след в языкознании, хотя в общем и целом эта теория была схоластической в связи с ортодоксальными «марксистско-ленинскими» догмами.

В «когнитивной» теории частей речи рассмотрение процесса взаимодействия мышления и языка – обратный: не структура мышления базируется на основе изучения фактов языка, а, напротив, части речи, т.е. структура языка выводится непосредственно из фактов мышления, конкретнее – из мистических «структур памяти», «структур сознания», находящихся за семью замками. Части речи исследуются на основе такой материи, которая недоступна прямому наблюдению и входит в ведение экспериментальных исследований нейрофизиологии и нейропсихологии. Зачем же лингвисту, изучающему части речи, а по сути дела – структуру своего языка, становиться совершенно на бесперспективный путь, хотя для него существует единственный и самый надёжный в области лингвистики путь исследования мышления – текст ? Избранное лингвистами направление поиска сущности языка в туманнных и совершенно неопределённых «структурах сознания», в «структурах памяти», почти не разгаданных даже самими нейрофизиологами и нейропсихологами, вообще не имеет никаких перспектив для языкознания по вполне понятным причинам.

5. «Когнитивная лингвистика» – это не теоретическое языкознание.

Удручающее в «когнитивной лингвистике» то, что, говоря словами Демьянкова, «приняв термин „когниция“ в качестве ключевого, направление это обрекло себя на обвинение в перепевах в новых терминах того, что давно известно», что «когниция, познание, разум, intelligentia были предметом рассуждений с незапамятных времён» [Демьянков 1994 : 17]. По мнению Кубряковой, в термине «когнитивная лингвистика» есть «известная неопределённость в понимании того, ... какой глубиной должны обладать указанные знания», а это «ведёт и к некоторой неясности и расплывчатости самого термина „когнитивный“ или даже понятия когнитивной лингвистики. Не секрет, что использование этих терминов в целом ряде работ и выступлений кажется исключительно данью моде и потому, вероятно, ничего кроме раздражения не вызывает» [Кубрякова 1999 : 4]. Сегодняшний спор вокруг «когнитивной лингвистики» напоминает средневековый спор философов-схоластов на тему: «Сколько верблюдов можно продеть сквозь игольное ушко» ? Или: «Сколько чертей поместится на острие иглы» ?

Нельзя не заключить, что «когнитивное» направление в лингвистике не может претендовать на то, чтобы считаться научным направлением в языкознании: от «когнитивного» направления осталась лишь декларация, не обоснованная никакими эмпирическими фактами. Новый термин ничего не добавляет к тому, что уже давно известно, а именно: весь словарный состав языка, все его части речи, грамматические категории – это ассоциативные, вынесенные за пределы мозга мыслительные, семантические, значимые, понятийные, логические категории, ибо все находятся не где-нибудь, а только в мозгу, в мыслях как идеальные отпечатки материальных предметов и их свойств, это ячейки, кирпичики нашего языкового сознания. Но сказав, что язык не находится нигде, кроме как в нашем сознании (можно сказать, что весь язык – «когнитивный» !), мы ещё ничего не сказали о сущности языка, кроме того, что придумали для него новый термин иностранной марки – «когнитивный».

Точка зрения, основанная на «когнитивном» понимании сущности, например, частей речи завела когнитивистов в тупик: части речи не совпадают во всех языках (совпадают фактически не части речи, а одни и те же фрагменты мира, отражённые в одних и тех же логических понятиях, представленных в разных языках разными частями речи), и это несовпадение постулировано только несовпадением грамматических структур разных языков и, следовательно, грамматических характеристик частей речи в разных

языках. «Когнитивная» теория языка – есть искусственное построение, ничего общего не имеющее с тем объектом, который описывается. В основу этой теории положена нереальная концепция, не возводит этажи научного здания, а рисует воздушные замки, даже не заложив прежде фундамента этого здания. «Опора на конкретный языковой материал должна быть обязательной предпосылкой всяких теоретических построений. Приходится это подчёркивать, потому что некоторые лингвисты за рубежом, а часто и у нас, наловчились строить теории языка дедуктивно, без всякого материала. Читать произведения таких теоретиков – дело неблагодарное. Когда продерёшься сквозь джунгли надуманных абстракций и терминологических манипуляций, приходишь к какой-нибудь банальнейшей истине ... » [Абаев 1986 : 39]. Именно к такой истине как раз и приводит нас теория «когнитивной лингвистики».

На всех лингвистических «перекрёстках» только и разговору, что о «когнитивной лингвистике», хотя никто толком и не знает – что это такое ? Cogito, ergo sum– «Я мыслю, следовательно, существую» (Декарт). «Когнитивный» – знание, познание, познаваемый, соответствующий познанию, т.е. это то, что находится в мозгу, в сознании. О какой «лингвистике в мозгу» может идти речь и как её оттуда извлечь ? Только через чувственное воспринимаемые языковые знаки. Действительно, Кубрякова тоже об этом пишет, но в реальном анализе языка это желание забыто. По мнению Кубряковой, когнитивная наука – это междисциплинарная наука, которая интегрирует данные довольно большого количества разных наук для уяснения определённых аспектов человеческого знания, прежде всего тех, которые связаны с оперативным мышлением и процессами познания мира [Кубрякова 1992 : 4-38]. Когнитивная наука объединяет в едином узле все проблемы, связанные с формированием и функционированием структур сознания, используя лингвистику как науку, позволяющую более простой и естественный по сравнению с другими науками доступ к этим структурам – через язык [Кубрякова 1992 : 5].

Действительно, если мы хотим изучить структуру сознания, то это можно сделать только через язык, следовательно, незачем пытаться проникнуть в сознание напрямую: например, части речи изучаются через «структуры сознания», через «структуры памяти», в то время как, напротив, «структуры сознания», «структуры памяти» надо исследовать через я з ы к и через него подойти к структуре сознания, памяти, мышления. Только правильное понимание сущности взаимоотношения действительности, мышления и сознания ведёт к правильному пониманию сущности языка. Идя этим путём, мы не открываем Америку, мы просто делаем то, чем занималась лингвистика в течение веков – исследованием языка в его взаимодействии с мышлением и объективным миром. А представители «когнитивной лингвистики» исследуют эту проблему с ложных позиций, поставив телегу впереди лошади. Вся суть «когнитивной лингвистики» состоит в том, что её авторы пытаются лишь т е р м и н о л о г и ч е с к и п е р е и м е н о в а т ь старую как мир проблему на «новый», «более научный и более современный лад», и в этом отечественным лингвистам «помогают» зарубежные языковеды, которые, обнаружив, что язык, оказывается, связан с мышлением и сознанием, изобрели для этого направления совершенно недифференцированный, неопределённый и просто не отвечающий сущности взаимоотношения языка и мышления термин «когнитивная лингвистика». Некоторые российские лингвисты быстро сделали рекламу этому направлению в России, уже позабыв о том, что у них дома это направление разрабатывалось десятки лет и именно под названием «взаимоотношение языка и мышления», которому наш объект – язык, если его исследовать диалектически, соответствует de facto.

Итак, когнитология – комплексная дисциплина о мыслительной деятельности человека, включающая в себя массу смежных и очень далёких от языкознания наук. Это

междисциплинарная наука, изучающая все мозговые функции человека. А это значит, что когниция есть свойство, структуры, функции мозга, где воедино сплетены все проблемы сознания человека. Если вдуматься в сущность «когнитивной лингвистики», то мы не можем освободиться от ощущения, что мы имеем дело с неким неуловимым монстром, живущем в мозгу, неким туманным облаком, блуждающим огоньком, непонятно какими конкретными нитями связанным с языком. Сочетание «когнитивная лингвистика» остаётся лишь пустым звуком, не соотнесённым ни с какой языковой реальностью, напоминающим нам давно прошедшие времена блаженной памяти «марксистского языкознания», в котором на все лады перепевали проблему «взаимоотношения языка и мышления», которая так и осталась марксисткой утопией, хотя и более осязаемой и не лишённой здравого смысла, чем сегодняшняя «когнитивная лингвистика». Раньше хоть реальный, звучащий и написанный язык служил эмпирической базой изучения соотношения языка и мышления, без чего, кстати, эта проблема вообще н е р е ш а е м а, а сейчас творцы «когнитивной лингвистики» возомнили, что с помощью волшебного ключика «когниция», «когнитивизм» им легко удастся «вскрыть» черепную коробку человека и увидеть в живом мозгу, как функционирует «когнитивная лингвистика». Увы, это произойдёт ещё не очень скоро, и вряд ли произойдёт вообще.

«Когнитивная лингвистика» не может существовать сама по себе, без опоры на внешние материальные знаки, по двум причинам: 1) Без реальных материальных, т.е. языковых форм, вынесенных за пределы мозга, в оречевлённом мышлении, на втором уровне материализации мышления «когнициям» не в чём держаться, они остаются в глубинах мозга вещью в себе, говорящим никак не осознаваемые, а слушателю вообще не передаваемые. 2) У нас нет ни способов, ни методов, и вряд ли они когда-нибудь появятся, чтобы р а з г л я д е т ь «языковые механизмы мозга», «структуры представления знания языка в мозгу», т.е. структуры реального, живого, естественного языка в мозгу, чем и пытается заниматься «когнитивная лингвистика».

Авторы «лингвиститки текста» н е п о н я л и с у щ н о с т и я з ы к а, полагая, будто изучать «формальные маркеры», без которых языков н е б ы в а е т, значит топтаться на месте (Леонтьев), а перенесение центра тяжести с изучения внешних проявлений языка на мифические «языковые механизмы мозга» означает «приметы научной революции» (Кубрякова), т.е. такой «научной революции», в которой исчез сам предмет науки – ф о р м ы я з ы к а. А ведь язык как инструмент передачи мыслительных категорий, категорий сознания, не может существовать в н е «ф о р м а л ь н ы х м а р к е р о в», которые не только отличают эксплицированный язык от языка мозга, куда доступа нет, и в котором язык записан совершенно иначе, чем в тексте, но и от всех остальных языков мира.

Итак, по Леонтьеву и Кубряковой, лингвисты осознали свои ошибки в том, что занимались м а л о з н а ч а щ и м и проблемами, лишь «формальными маркерами», теперь надо перейти к более достойным их внимания проблемам – к значениям, т.е. к «когнитивной лингвистике». А это уже не что иное как призыв выплеснуть вместе с водой и ребёнка. Если лингвисты, действительно, «осознали», что формы языка суть лишь «формальные маркеры» и, стало быть, нечто второстепенное по сравнению с с о д е р ж а н и е м, которое фактические есть н е я з ы к о в а я категория, а категория нашего с о з н а н и я, представленного в материальных формах звучащей (написанной) речи, которую в союзе с содержанием и называют языком, то уже не приходится удивляться тому, что в «когнитивной лингвистике» п о т е р я н сам язык как объект исследования.

В самом деле, в языке нет ничего, кроме его форм, его «формальных маркеров», а то, что мы называем значением, семантикой (а теперь и «когницией») – это чистейшей воды наше мышление, точнее – наше сознание. Но и сами материальные формы языка живут там же, они тоже освящены мышлением и превращены в их идеальные образы: нет и не может быть ни одной формы (фонетической, морфологической, синтаксической, словообразовательной, стилистической) в любом языке, которая не была бы порождением человеческого мозга, не была бы им выдумана по произволу, однако по его разумному произволу, диктуемому какой-то целесообразностью, которая, в свою очередь, навязана многими факторами жизнедеятельности людей данной нации. Но эта форма и есть форма, потому что она материально оформляет и выносит вовне продукт нашего мышления, т.е. мыслительное (семантическое, «когнитивное») содержание, влитое в эти формы, и без них оно, это содержание и не опознаваемо самим субъектом, и не передаваемо другим людям в процессе коммуникации. Было бы иначе, т.е. не было бы форм, – не было бы и того, что мы привыкли считать языком и, следовательно, не было бы человека и мы, люди, не смогли бы лишний раз убедиться в том, что без «формальных маркеров» ни человек, ни его язык не существуют.

Таким образом, что до семантики, которую теперь величают «когницией», то это всего-навсего ... наше мышление, наше языковое сознание, которое во все века, то в большей, то в меньшей степени, было предметом исследования в языкознании. Но как к нему подступиться, если оно находится в «чёрном ящике» ? А очень просто: заменить специалистов в этой области – нейрофизиологов и нейропсихологов – и рассуждать чисто беллетристически, не имея никаких реальных, эмпирических фактов под рукой и поиграть при этом соответствующими (а в России, конечно, иностранными) терминами, чтобы читатель подумал, что он имеет дело с наукой.

В «когнитивной лингвистике» наметился почти полный откат от традиционных и, следовательно, самых капитальных, основополагающих проблем языкознания. Из математической логики, философии, психологии, психофизиологии, компьютерной технологии в лингвистику хлынул бурный поток новых терминологических понятий, засоривших лингвистику, потому что под заимствованиями из других наук понимается в лингвистике не всегда то же самое, что и в донорских науках, и не всегда одно и то же различными лингвистами. Из-за нежелания или неумения постичь сущность языка, полагая, что и так уже всё ясно, вводят массу новых терминов, заменив давно устоявшиеся в языкознании понятия философским новоязом, ничего не говорящим научному лингвистическому мышлению.

Сейчас у теоретического языкознания путается под ногами шумная и навязчивая реклама «когнитивной лингвистики», раздуваемая продолжателями Западной лингвистической моды. В рамках обсуждаемого здесь пространства теоретических основ языка обнаруживается масса случайных, пустых, бессодержательных «теорий» и «теореек», сотканных из противоречивых утверждений, влияющих на процесс производства знания о теории языка, поскольку эти «теории» лингвисты читают, а многие даже верят в них.

В 2007 году в Кракове прошла X юбилейная Международная конференция по вопросам когнитивной лингвистики. Первое заседание было в 1977 году, когда образовалось это общество. Философ когнитивной лингвистики Д. Герартс сделал доклад: «30 лет спустя». Как пишет рецензент этой конференции, автор этого доклада «определил роль когнитивного подхода как реконтекстуализацию лингвистического описания, т.е. возвращение к эмпирическому материалу как базе грамматического исследования». « ...Вновь обратились к описанию языковой

единицы, к тексту и контексту как собственно лингвистическому...». «Термин к о г н и т и в н ы й постепенно сближается с термином с е м а н т и ч е с к и й, понимаемом в несколько более широком смысле. На этой конференции не оказалось ... особенных открытий». [Рахилина, ВЯ, 2008, № 2 : 154 - 157].

Для чего же нужно было 30 лет «городить огород», чтобы самими же разрушить этот когнитивный частокол и с небес спуститься на землю, в лоно существующего столетиями языкознания, сегодня требующего капитального ремонта, но уже совсем с другой стороны, и главной целью которого всегда было познание взаимоотношения языка и мышления ? Это основной философский вопрос – взаимоотношение материального и идеального.

Не слыхав слов «когнитивная лингвистика», я практически проделал то же, что сейчас называют «когнитивной лингвистикой, но только с опорой на эмпирический материал из русского и немецккого языков [См. Кривоносов: монографии 1993, 1996, 2001, 2006, 2008 гг.]. Мои книги последних лет, посвящённые взаимоотношению языка, мышления, сознания, логики, т.е. не так называющей себя «когнитивной лингвистике», как малопродуктивному направлению в языкознании, а взаимодействию конкретных языковых форм с позиций их истинной природы – в тесной связи с логическими формами мышления, упредили это направление.

§ 8. Биологическая лингвистика.

Недавно родились ещё две отрасли современного теоретического языкознания, весьма своеобразные, неожиданные по постановке лингвистических проблем, с весьма расплывчатыми очертаниями своего собственного объекта исследования и не имеющих пока также собственных методов исследования и, я в этом убеждён, никогда не появятся. Проблемы эти – глобального, вселенского масштаба. Ввиду величия и грандиозности поставленных проблем я не мог их в этой моей работе обозреть подробно, и поэтому оставляю их без развёрнутых комментариев, полагая, что читатель поймёт лучше меня – что к чему, чего здесь больше: «маниловщины» или «сказке про теоретическое языкознание».

«Биологическая лингвистика возникла и возникает по сей день, и как бы исподволь, исходя из основного постулата: «язык – речь – память – мышление – сознание» представляют собой естественные потребности человека с тех пор, как появились люди на планете Земля. Эти потребности в такой же степени необходимы людям, как потребности дышать, есть, пить, отправлять физиологические нужды». [Нечипоренко 1999 : 3].

Предметом биологической лингвистики является способность ума, памяти, сознаваемого / неосознаваемого, т.е. той части человеческой психики, которая называется Brain – Mind. «Биолингвистика – это наука, которая исследует и разрабатывает свои проблемы на стыке формального языкознания, психологии речи и языка, физиологии нервных путей, клеточных систем, а также вопросы общей семантики как направления, в котором переплетаются явления и элементы языка, мышления, памяти и речи. Данная отрасль человеческого познания (cognition) вызвана к жизни в современную электронно-кибернетическую эпоху, когда данные одной науки могут привести к радикальным выводам в теории лишь при условии учёта и использования современных достижений во многих смежных областях знаний» [Там же : 28].

«Воистину, бессмертные мысли требуют беспрестанного воспроизведения и запоминания ! Вольно или невольно, А. А. Потебня во многих отношениях содействует нам в создании биологической лингвистики. Сам человеческий язык как отражение и выражения его же мышления, попросту говоря, *биологичен*, т.е. целиком и полностью присущ природе людей, и возник он (т.е. язык) в том виде, каким его желала видеть та же природа. ... А поэтому и вся лингвистическая наука как отрасль человековедения представляет собой одновременно и биологию человека, и его психологию, и его физиологию и многое-многое другое. Искусственное подразделение различных способностей, умений и знаний как в самом человеке так и вне его полностью свидетельствуют о необходимости объединить всё это под целостным, научно обоснованным, природосообразным ракурсом (или перспективой) биологической лингвистики». [Там же : 49].

Лингвистика и биолингвистика должны показать и обоснованно доказать философии и логике, что без изучения биологических процессов и перспектив протекания мышления трудно судить о языке и речи, не говоря уже о памяти, о воле и о других эмоциональных состояниях и проявлениях человека. [Нечипоренко 1998 : 78].

В современном биолингвистическом направлении общего (индоевропейского) языкознания реально возникла необходимость осуществить поворот в теории языка, речи, мышления и памяти в сторону человека как многоликой, сложной физиологической системы систем. Следует наконец-то объединить разрозненные знания в единую, глубоко продуманную систему, которая постепенно, шаг за шагом приведёт языкознание в лоно естественных наук, соединит на практике и теоретически многочисленные ветви человековедения. [Нечипоренко 1999 : 76].

«Биологическая лингвистика ... вполне определённо утверждает, что память, мышление, язык и речь являются генетическими функциями целостного человеческого организма. ... Дитя рождается на свет с заложенными в нём способностями мыслить, говорить, общаться посредством языка и речи с другими особями, понимать их и запоминать всё происходящее вокруг с помощью особого рода кодовой системы символов ...». [Там же : 78].

В принципе здесь всё верно: язык и его наука – языкознаие – принадлежат человеку, биологическому существу. Но это такое широкое понятие, что под него подводится весь живой мир. Если же не выходить за рамки человека, то и здесь понятие языка мы должны ограничить только рамками его мозга, объектом изучения многих наук. Вот здесь и надо искать конкретный объект «биолингвистики»: а это значит – изучать взаимодействия между языком и мышлением, сознанием, логикой, речью, текстом, действительностью. Этому и посвящена данная книга, но не в виде общих бесплодных рассуждений на данную тему, а с подробным анализом всех этих соотносимых друг с другом объектов.

В принципе можно говорить о такой лингвистической теории, как биолингвистика. Но это слишком общее представление об этом направлении, ибо под биологию подводится не только людской, но и весь животный мир. Биологией как комплексной наукой о живой природе и закономерностях органической жизни занимаются многи науки. А если рассматривать более конкретно вопрос о том, что биологического в языке, то мы найдём, что это мозг, т.е. объект, которым занимаются многие биологические науки. Языкознанию в этом многообразии наук и решаемых ими проблем уготовано весьма скромное место: в какой материи записаны языковые знаки в нейронах мозга, как это материальное мозга превращается в идеальную продукцию мозга., и каков процесс экстраполяции этого

идеального в мозгу во внешне воспринимаемую человеком материальную знаковую системиу. Эти три проблемы, до сих пор не решённые и не видно для этого ближайших перспектив, входят, кроме причих наук, также в языкознание. Но языкознанию, исследовательским материалом для которого служат только материальные языковые знаки, с его ограниченными методами, эти биологические проблемы решить невозможно, их могут решить только чисто биологические науки. Поэтому назвать языкознание биолингвистикой – очередная лингвистическая блажь.

§ 9. Экологическая лингвистика.

«В современных условиях возникает необходимость активно привлекать на борьбу с надвигающимися экологическими кризисами различные ветви человековедения, в частности лингвистику как науку о человеческих явлениях и сущностях памяти, мышления, языка и речи в условиях диалектического единства биологического и социального». [Нечипоренко 1998 : 5].

«Считаю возможным определить экологическую лингвистику как интегративную (цельную) область знания, включающую методологический подход (адекватно сущности человека), направленный на познание и исследование ноосферы и космогенеза (понятий о космических процессах образования), а также рационального становления и управления соответствующими процессами в окружающем материальном мире и обществе». [Нечипоренко 1998 : 9].

«Экологическая лингвистика, на мой взгляд, подчиняет себе биологическую лингвистику и рассматривает последнюю как один из её внутренних взаимоувязанных компонентов. Экологическая лингвистика – это наука о роли и смысле информационной активности людей в условиях неуклонного становления ноосферы (сферы разума) и постепенного уяснения человеком его человеческой сущности как на Земле, так и во Вселенной». [Там же : 11].

« ... эколингвистика крайне нужна людям. Она призвана защищать их от различных форм современного мракобесия, в какие бы одежды оно ни рядилось. Я очень надеюсь на то, что её методы и способы научных поисков будут содействовать формированию миролюбивых устремлений среди многоязычных человеческих сообществ, которые представляют собой единство во многообразии, единую земную цивилизацию». [Там же : 16].

Здесь многое граничит с неуёмной фантазией и благими пожеланиями. Как, например, автор теории «эколингвистики», лингвист, будет «активно привлекать» лингвистику на борьбу с «экологическими кризисами», например, к ликвидации землетрясений, ураганов, цунами, таяния ледников, коих на Земном шаре великое множество ? Как «эколингвистика» может «исследовать и познавать» космические процессы, например, предсказать затмение Солнца, и как она может «управлять космическими процессами» ? Как «эколингвистика» может «управять человеком и его человечской сущностью как на Земле, так и во Вселенной» ? Как «эколингвистика» может защищать людей от «различных форм совеременного мракобесия», и «содействовать формированию миролюбивых устремлений» ?

Глава 9.

Как понимается язык в теоретическом языкознании ?

§ 1. Понятие знака и языка в теоретическом языкознании.

1) Языковой знак не условен, потому что он отражает сущность вещи.

Некоторые лингвисты считают, слово не имеет конвенционального свойства, а отражает с у щ н о с т ь вещи. Это значит, далее, что язык не обладает свойством знаковости, не есть система знаков, а есть прямой слепок самой мтериальной действительнсти и отражает её свойства. Вот это и означает «материалистическую», «марксистско-ленинскую» сущность языка. [Панфилов 1982 : 10].

Лингвисты рассматривают язык так же, как и «человек с улицы»: это то, что мы говорим, пишем, читаем, слышим. Эмпирическая лингвистика исходит только из этой точки зрения и никакого ущерба от этого не ощущает. Но ведь и теоретическая лингвистика в любой её философской упаковке на этом строит все свои теории. Но не поняв природы языка, невозможно сделать из неё философские выводы.

Но самое одиозное представление о языке – это мнение, будто «язык – ключ к пониманию мира», и он призван подменить все существующие науки. «Понять функции и принцип устройства языка как естественного объекта – значит понять человека и, соответственно, мир, частью которого является человек» [Кравченко 2001 : 240]. «Язык обладает удивительной способностью ... оказывать влияние на совершенствование самого общественного устройства» [Г. Степанов 1984 : 11].

2) Мышление и, следовательно, язык не существуют вне двух уровней абстракции – семантического и логического.

Мышление неоднородно, оно имеет двухступенчатую, двухуровневую природу.

Первый уровень – л о г и ч е с к о е м ы ш л е н и е, представленное в общечеловеческих логических формах мысли; второй уровень – с е м а н т и ч е с к о е м ы ш л е н и е в виде бесконечно разнообразных национальных семантико-грамматических форм предложений. Ни та, ни другая формы мышления не живут раздельно, они образуют нерасторжимый сплав, потому что, во-первых, мысли родиться негде, кроме как в процессе работы нейронных клеток – в мышлениии. Во-вторых, мысли требуют своей реализации вовне мозга, иначе они нераспознаваемы не только слушающим и читающим, но и самим говорящим или пишущим. В-третьих, говорить, слушать, читать и писать – а это значит логически мыслить – нечем, если для этого нет чувственно воспринимаемых знаков. Именно системы этих знаков, используемых в речевой деятельности, и есть второй, более приземлённый, понятный всем семантический уровень мышления. Единое, общечеловеческое, логическое мышление без материальных знаков, без семантичекого уровня мышления, мертво.

Вот как хитро природа распорядилась, наделив мозг, живой орган этой же природы, правом мыслить, понимать, отражать самого себя в своих материальных процессах. Но, с другой стороны, она, природа, наделила свой мозг способностью выходить со своими идеальными мыслями за пределы самого мозга и сказала: чтобы ты, мозг, действительно, мыслил и отражал меня идеально, т.е. читал, писал, слушал, понимал, рассказывал обо мне, то я дарую тебе, мозгу, также материальную знаковую систему, частичку меня самой, и даю тебе право произвольно приклеивать к каждому предмету и явлению мира некий материальный знак, но только такой, какой ты сам выберешь, сам придумаешь, в полном согласии с материально-географическими условиями твоей жизни.

3) Преувеличение роли материи в языке, хотя главное в нём – абстрактные формы мышления человека.

Как устроен язык – этот вопрос всегда был и остаётся центральным в языкознании. Основная сущность языка по нынешним представлениям состот в том, что его считают «самостоятельным организмом». На этой базе построено всё эмпирическое языкознание – и это вполне оправдано, так как сегодняшнее понимание сущности языка в общем и целом удовлентворяет требованиям эмпирического языкознания, если оно, разумеется, не стремится создать свою общую теорию языка. Но, к сожалению, на этой базе построенно почти всё теоретическое языкознание.

К наследию теоретического языкознания следует отнести прочную традицию рассматривать язык как автономную, самостоятельную систему, устройство и функционирование которой можно понять, не выходя за пределы слов. Отсюда – введённые понятия л и н г в и с т и ч е с к и е и э к с т р а л и н г в и с т и ч е с к и е факторы. Язык берётся не как действительное средство общения и познания, а как самодостаточная, замкнутая в себе самой система, обладающая свойством мышления.

Язык объявляется самостоятельным, живым существом, способным самостоятельно отражать и познавать мир и хранить в себе результаты этого познания. Язык вместе с материальной стороной, якобы, включает в себя и идеальную сторону, в которой зафиксированы результаты познавательной деятельности человеческого мышления. Язык имеет объективный характер, потому что он материален [Панфилов 1979 : 4], и ссылается при этом на Маркса и Энгельса: « Даже элемент самого мышления, элемент, в котором выражается жизнь мысли, – *язык* – имеет чувственную природу» [Маркс, Энгельс т. 42 : 125]. «На „духе“ с самого начала лежит проклятие, быть отягощённым материей, которая выступает ... в виде движущихся слоёв воздуха, звуков – словом, в виде языка. ...Язык *есть* практическое, ... действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возник лишь из потребности, из ... необходимости общения с другими людьми» [Маркс, Энгельс т. 3 : 28 - 29]. По мнению Мельничука, положение Маркса и Энгельса о материальной природе языка составляет основу марксистской разработки проблем 1) «специфики языка как материального явления ...», 2) «соотношения ... материальной природы и идеальной функции языка», 3) « ... роли элементов языковой структуры и отношений между элементами» [Мельничук 1983 : 198].

Язык представляет собой совсем не то, что мы о нём обычно думаем. Сами материальные знаки и чернильные крючки для языка важны и неизбежны как ассоциативные носители абстрактных сущностей, вынесенных за пределы мозга, без которых ни мышление, ни сам человек невозможны. Но тем не менее, абстрактная сущность материальных знаков – ещё более важный ингредиент языка. Без идеальных образов звуков (букв), т.е. фонем и графем, и идеальных образов внешних объектов, вещей, предметов, т.е. понятий нет языка как средства познания и общения. Преувеличение материального в языке, значимости материи в языке привело к тому, что языку приписали свойство отражать мир непосредственно, в материальных знаках, что введение понятия «фонемы» посчитали «дегуманизацией языка», что язык влияет на мышление, что язык – относительно самостоятельное явление и пр. На самом же деле всё то, что мы считаем языком, и всё, что с ним связано, есть ч и с т е й ш а я а б с т р а к ц и я. А это значит, что есть только идеальные мысли человека, обитающие в мозгу, и их материальная основа, живущая как в мозгу (нейронные системы), так и вне мозга в виде материальных языковых знаков. Материальное и идеальное в языке – равноправные составные части некоего единства, называемого языком. Материальное в языке в одном случае выступает как внутренняя природа мозга в виде нейронных связей мозга, а в другом случае – как внешняя природа, как конвенциональные материальные знаки языка (звуки, буквы). Та и другая материальные сферы языка преобразуются этими нейронами в идеальные формы: одна из них, главная, реально локализована в нейронах в виде логического мышления, вторая – ассоциативно отражена в материи языковых знаков, вынесенной за пределы мозга, но их идеальные образы локализованы и закодированы в том же сознании.

Самый сложный вопрос теории языка – материальная сторона знака и его сущность. Как знак связан с мозгом, с мышлением ? Напрямую, без «посредника» – невозможно. Материи знака нет места в мозгу, там лишь нейронные клетки, они не могут допустить инородную материю. Там нет ни физических звуковых волн, ни

чернильных пятен. Всё это представлено в мозгу в идеальной форме этой материи как её следы, как её идеальные образы. Значит одна сторона знака, его материя, живёт в мозгу в идеальной, логической форме (в виде фонем и графем), другая сторона знаков, т.е. значение, смысл живёт тоже в мозгу как идеальное, логическое отражение вещей и предметов мира (в виде понятий).

Следовательно, язык, как его понимают некоторые, как самостоятельный объект и даже субъект, исчез, обе его стороны – материальное и идеальное – принадлежат мышлению. И материальная сторона слов, представленная в мозгу в идеальной форме, и их идеальные значения материальных внешних объектов, представленные в мозгу в идеальной форме, – принадлежность мышления. Языку не с кем и не с чем «связываться неразрывной связью»: то, что считают лингвисты и все остальные люди языком – исчез, это и есть само мышление человека в форме абстрагированных от материальных знаков логических форм (фонем и графем) и таких же идеальных логических форм (понятий, суждений, умозаключений), абстрагированных от объектов материального внешнего мира. Язык и есть, таким образом, не что иное, как оречевлённое, вынесенное за пределы мозга семантическое мышление, в основе которого неизбежно лежат логические формы мысли.

Уорф полагал, что человек думает языком, а не мышлением, которые для него – одно и то же (это то, что в данной книге представлено как вторая сторона мышления – как оречевлённое, семантическое мышление). Поэтому, по Уорфу, люди разных наций видят мир по-разному: их к этому вынуждает их язык. Поэтому формальная логика для него, поскольку она вобрала в себя логическую структуру мышления человека из Европы, отражает лишь европейский тип мышления и не имеет власти над другими типами мышления (в племенах хопи, нутка, шауни, навахо и др.). А так как у этих племён – иной язык, то у них и иной тип мышления, отличный от европейского. Но язык, т.е. языковые знаки (любого языка) ничего не отражают, это лишь материальная форма, инструмент, грабли, молоток, для исполнения функций мышления, это инструмент, служащий для оформления, удержания и передачи мысли.

Хотя формальная логика Аристотеля родилась в недрах языка (древнегреческого), однако она родилась не от материи знаков, а от смысла, содержания, семантики языка (от содержаний, ассоциативно приписанных знакам), т.е вышла из недр семантического, языкового мышления, а язык – лишь материя знаков, лишь инструмент для мышления и не более. Само же мышление независимо от языка, от его знаков. Но оно без знаков, равно как и вне мозга, не живёт, вовне мозга ему не в чём держаться, кроме как в условно придуманной материи знаков. Но эти знаки через свою материю (звуки, буквы) входят в мозг и выходят из него уже не в своём первообразном виде, не как та же материя, а как идеальные фомы мысли от этой материи. И только через эти материальные знаки, и только через их идеальные образы, зафиксированные на бумаге (в буквах) и на плёнке (в звуках), они могут, образно выражаясь, «передаваться» через века от поколения к поколению людей, но только через их мозг, вооружённый той же знаковой системой.

Отсюда следует, что мышление существует само по себе, и толко в мозгу, но в то же время и ему не жить в мозгу в идеальной форме без внешних материальных знаков, представленных звуками или буквами. Язык или материальные знаки как частички природной материи тоже живут не сами по себе, лишь в виде внешней физической субстанции, а только потому, что за ними условно, ассоциативно закреплено или в них скрыто идеальное, мыслительное, вынесенное за пределы мозга. Язык как материя знаков есть лишь инструмент для общечеловеческого мышления – а оно протекает только в формах логического мышления (в формах фонем, графем,

понятий, суждений, умозаключений), причём для каждого национального языка изобретены свои материальные знаки.

Таким образом, о языке, сущность которого, как нам всегда кажется, мы знаем ещё с пелёнок, ничего нельзя сказать, кроме того, что это материальные знаки, выражающие какие-то значения, и не более. Если мы о нём хотим сказать нечто более значительное и более полное, мы обязательно прирежем к нему кусок мышления, а за языком в таком случае оставим только условные материальные знаки, и не более того. Разумеется, можно ему примыслить всё, что угодно, что и делается в течение веков (способность самостоятельно отражать мир, влиять на мышление, на общество и др.), но от этого его и с т и н н а я с у щ н о с т ь не изменится. Всё остальное, кроме материи звуков и чернильных букв, – область мышления. Но и сами звуки и буквы квартируют в мозгу не в материальной форме звуков и букв, а преобразуются в идеальные логические формы – фонемы и графемы. Иначе, как только в идеализированой, абстрактной форме, мозг их воспринять не может: в мозгу нет места для инородной материи. Нейронные клетки так перерабатывают всю внешнюю материю, в том числе и знаковую материю, что в них, этих клетках, ничего не остаётся, кроме идеализированных в о с п о м и н а н и й об этой материи в виде нематериализованных, идеальных логичесих форм, но логических воспоминаний, закреплённых в мозгу навечно.

4) Теоретическое языкознание не нашло правильного решения вопроса о сущности языка.

В том, как и с каких позиций рассматриывается сегодня язык в различных направлениях языкознания, заложена возможность разного решения одного и того же вопроса, в одинаковой степени претендующей на истину. Это происходит потому, что объект языка сложен, в нём берут за главное лишь какую-либо его одну сторону, хотя она и противоречит всем остальным. Целостная же научная картина языка может быть только одна.

Современая лингвистика, к сожалению, привыкла жить без собственной истории. Это ведёт к суживанию горизонта тематики, создаёт риск к постоянному изобретению колеса. Результат: многие важные вопросы, затронутые античным миром и более поздними временами, выпали из поля зрения современной лингвистики, отчего она многое потеряла. Мы до сих пор не располагаем научной теорией, служащей основой о б ъ я с н е н и я действия механизмов языка. Как пишет Звегинцев, « ... создалось парадоксальное положение, при котором после тысячелетнего изучения языка теперь многое приходится начинать заново»
[Звегинцев 1996 : 191].

Когда-то существовала геоцентрическая теория вращения небесных тел Птоломея (Птолемея), согласно которой Солнце вращается вокруг Земли, что мы практически и наблюдаем ежедневно: *Солнце всходит, заходит, поднимается, опускается, встаёт, садится.* Но в 1543 году Коперник доказал и обосновал гелиоцентрическую теорию вращения небесных тел, согласно которой теперешнее выражение *Солнце садится, встаёт, заходит, всходит* есть обыкновенный нонсенс, миллионы раз опровергнутый наукой и практикой. Так и понятие «язык», или то, что все – и обыватели, и лингвисты, и психологи, и логики, и философы – называют «языком», есть переименованное понятие «мышление», «мысль». Причём переименовали дважды: и не только семантику, но и звуки, буквы. Они – тоже область мышления, потому что они преобразуются мышлением в идеальные формы мысли – фонемы и графемы, которые «несут» в себе смысл, идеальное. И только потому, что это не природные бессмысленные для

человеческого мозга звуки, а именно членораздельные звуки, в абстракциях от которых упакован смысл. Мы видели выше, каким многообразием точек зрения, теорий и теориек обладает языкознание. Как в этом лабиринте не заблудиться и найти из него правильный выход ? Частичный ответ на поставленный вопрос читатель найдёт в этой книге.

5) Что в «языке» осталось от «языка» ?

Как видел читатель, «языка» в том понимании, к которому мы все привыкли, на самом деле нет: это материя, физика звуков и букв, представленная в мозгу в идеализированной форме, это также идеальное выражение предметов материального мира. На самом деле наш язык – это наше оречевлённое, психически, ассоциативно вынесенное за пределы мозга мышление, функции мозга, отражение мира и нас самих в нейронных связях мозга, но с помощью и через посредство материи знаков, которые входят в мозг и выходят из него в идеализированной форме – в виде фонем и графем. Содержание этой книги недвусмысленно показывает, что необходимо отвергнуть традиционную идею языка как нечто самостоятельного, самодостаточного, самовоспроизводящего демиурга мышления. Язык в некотором смысле напоминает человека, состоящего из скелета и плоти. Скелетом в языке служат материальные звуки и буквы, а его плотью, которое держится на звуках и буквах, являются их идеальные образы в виде фонем и графем, т.е. мышление. Материя звуков и букв, в противоположность скелету, в мозгу представлена не материально, а идеально, в виде указанных абстрактных логических форм.

Что же в языке осталось «языкового» ? Чтобы понять сущность языка, надо выйти за его пределы, а не отгораживаться железным занавесом от смежных наук. В обход человека, хозяина и творца языка, язык изучить невозможно, язык надо изучать в контексте со всеми другими видами деятельности человека – во взаимодействии с мышлением, сознанием, памятью, логикой, речью, текстом, действительностью. Сделав этот шаг, мы поймём, что нет того, что мы всегда называли «языком». Как показано в этой книге, истинная сущность языка лежит совсем в другой плоскости. В языкознании глубоко укоренилось ошибочное мнение, будто язык – самостоятельная субстанция. В результате такого понимания языка возникла ошибочная идея о том, что языкознание не имеет выхода в философию и теория языка будто бы ограничивается лишь теорией исследуемого участка эмпирического материала, т.е. именно того, что всегда считали истинным языком. Лингвисты должны проникнуться убеждением в том, что нет того, что обычно называют языком, а есть лишь материя знаков и их идеальные образы в мышлении. Но и материя знаков служит лишь фундаментом для её превращения в идеальное в мозгу. Сама материя знака не есть мышление, ибо в мозг, как я уже отметил, входит не звук и буква, а их преобразованные, идеализированные формы – фонемы как идеальные обобщеия смыслоразличительных звуков, и графемы как идеальные обобщения смыслоразличительных букв.

Чтобы сказать, **что** есть язык, надо иметь представление о том, **что** есть мышление как свойство живого организма и чем оно отличается от мышления животных. А само мышление можно понять – но только с лингвистической точки зрения – лишь как взаимодействие мышления и материальных знаков. Следовательно, мы неизбежно вошли в проблему знака, его структуры, сущности, функций. А это неизбежно тянет за собой целый шлейф сложнейших вопросов взаимодействия между знаком, мышлением, сознанием, материальным миром. Поэтому если мы хотим познать язык, мы должны идти по пути изучения структуры знака, его уровней и их взаимодействия. Этот путь представлен в данной работе как последовательное движение

взаимозависимых уровней знака: материальная субстанция знака **(1)**, переходящая в её идеальный образ в мозгу в виде фонемы или графемы → **(2)**, ассоциативно соотносящиеся в мозгу с идеальным образом или понятием → **(3)**, о реальном внешнем предмете → **(4)**.

§ 2. Куда идёт языкознание сегодня ?

В настоящее время некоторые лингвисты озабочены тем, что кончается 20 век, а всё ещё не создана «новая» парадигма языка. Отмечается, что в настоящее время языкознание подошло к такому этапу своего развития, когда оно испытывает потребность в создании ц е л о с т н о й интегральной концепции естественного языка, что языкознание стоит на распутьи, и это находит своё отражение в возросшей потребности и значимости методологических и фундаментальных изысканий. При этом важна, как считают некоторые, не модернизация прежних исследовательских парадигм, а иной способ мышления, иное видение мира. Говорят даже о новом или ином характере познания, который вёл бы к изменениям в принципах отбора и интерпретации имеющейся информации. Пишут даже о том, что наука о языке в конце 20-го века нуждается не в «подновлении» парадигмы, а в её замене новой системой ценностей и целей, что дальнейшее шлифование метода классических дефиниций – дело бесперспективное. Поэтому нужна принципиально иная «дефинитология», чем та, которая досталась нам от старой лингвистики, нужна принципиально иная парадигма языкознания, нежели та, которой мы располагаем сегодня.

Вот как эту идею выразила, например, Постовалова: « ... лингвистика стоит перед необходимостью осмысления своих предпосылок и перспектив. Идеал цельного знания ... позволяет поднять на новых основаниях в широкой философской, культурологической, науковедческой, методологической перспективе проблему единства знания в лингвистике и подчеркнуть особый статус лингвистического знания в системе знаний и шире – во всеобщем культурно-историческом процессе» [Постовалова 1995 : 413 - 414]. Эту словесную фантастику иначе, как лингвистической маниловщиной назвать нельзя – можно ли построить это грандиозное здание на сыпучем песке, именуемом, например, «языковой картиной мира», « лингвистикой текста», «когнитивной лингвистикой», «биолингвистикой», «эколингвистикой» ? Решена ли в современном языкознании проблема сущности языка ? Анализ обсуждаемой здесь «когнитивной лингвитстики» показал, что лучше было бы заниматься не поисками мифических «парадигм языка», не поиском «единства знаний в лингвистике в системе знаний всего мира», а глубоким анализом конкретных я з ы к о в ы х ф а к т о в с п о з и ц и й с м е ж н ы х н а у к – психологии, нейропсихологии, нейрофизиологии, логики, философии и др. Результаты таких глубоких и многочисленных анализов языка сами по себе и создадут объективный взгляд на сущность языка. Это и будет «новой парадигмой языка».

Из истории языкознания известны парадигмы (метафоры), каждая из которых считала себя ключом к пониманию п р и р о д ы языка и его единиц. Биологическая концепция языка делала естественным его уподобление живому и развивающемуся организму, который рождается и умирает. Компаративисты предложили парадигму языковых семей и языкового родства. Для структурального языкознания ключевой стала парадигма уровневой структуры языка и структурно-системной организации его единиц. Для генеративистов главной парадигмой было понимание языка как порождающего устройства. Для «марксистско-ленинского языкознания» главной парадигмой служила «неразрывная связь языка и мышления». Где же нынче эти и другие парадигмы ? Они

уже стали историей (кроме, пожалуй, структурализма), а с у щ н о с т ь языка как была непонятой, так и осталась непонятой. Как бы одна парадигма или метафора не сменяла предшествующую, кичась своей новизной или новым подходом к тем же единицам языка, сколько бы их в истории языкознания не проследовало перед изумлёнными взорами многих поколений лингвистов, однако сущность языка до сих пор остаётся тайной за семью печатями. Об этом красноречиво свидетельствуют также обсуждаемые здесь лингвистические направления, в которых сущность языка не раскрыта

По моему глубочайшему убеждению, нужна не искусственная погоня за очередной «парадигмой» или «метафорой», которая якобы родится из обсуждаемых в этой книге «лингвистик», из разысканий в области «речевых актов», «теории дискурса», а необходимо скрупулёзное исследование с т р у к т у р ы и с е м а н т и к и языка и его функций, и самое главное – исследование в з а и м о о т н о ш е н и я языковых знаков с теми областями знания, которые их «окружают», с которыми он неразрывно связан, и которые делают их именно тем, чем они являются – языком, т.е. исследование взаимодействия языка с действительностью, с мышлением, с сознанием, с речью, с текстом, с логикой. В современной науке о языке должно пробить себе дорогу понимание той единственной истины, что естественный язык н е и м е е т с а м о с т о я т е л ь н о г о, н е з а в с и м о г о от действительности, от мышления, от сознания, от логики существования. Только в этом ряду парных взаимоотношений со смежными областями знания – только не в виде общей беллетристической говорильни, а конкретным показом пальцем: что с чем связано и что от чего зависит – мы сможем обнаружить с у щ н о с т ь языка, из которой самым е с т е с т в е н н ы м о б р а з о м в ы р а с т е т и сама парадигма языкознания.

Некоторые лингвисты бросились переписывать и комментировать лингвистические труды из Америки, ставшей к середине прошлого столетия лингвистической Меккой: бесплодному уму всегда свойственно подражать, не создавая ничего своего. Многие лингвисты обнаружили своё непонимание законов познания, имеющего бесконечный характер. Но зато в «новейших» лингвистических теориях можно было описывать всё, что ты видишь на поверхности, т.е. одни лишь я в л е н и я, не докапываясь до их с у щ н о с т и.

Лингвистика вступила в период з а с т о я, отката от традиционных понятий лингвистики, небрежения к тем проблемам, которые никогда не могут потерять своей значимости. Например, Р. де Богранд приходит к пессимистическим выводам относительно современного состояния языкознания: по его мнению, лингвистика вступила в период стагнации, отказа от традиционных понятий лингвистики (слово, части речи), пренебрежения к тем проблемам, которые не могут потерять своей значимости [Beaugrande 1991: 2, 345].

Например, Паршин на свой вопрос «Находится ли в настоящее время наука о языке сравнимой по глубине и сфере действия с той, которую ей довелось пережить на предыдущем «переломе веков», и отвечает: на этот вопрос надо ответить н е г а т и в н о в краткосрочной и среднесрочной (20 – 30 лет) перспективе. На исходе XX века мы видим череду теоретических «модельных» переворотов, осуществляемых с необыкновенной лёгкостью. Будущее сулит революции и перевороты, «фактически уничтожающие свой объект». «Методологические революции в XX веке в общем-то захлебнулись». [Паршин, ВЯ, 1996, № 2]. Некоторые лингвисты полагают, что новый этап в развитии лингвистической теории уже начал своё движение от когнитивизма в каком-то ином направлении, которое пока трудно определить. [Баринов, Добровольский, СЛЯ, 1997,

№ 1 : 11]. «Куда ж нам плыть ?» – справедливо спрашивают некоторые лингвисты. [Фрумкина 1996].

Наша речь, писал Л. Щерба, сама по себе кажется нам настолько естественным явлением, настолько она срослась с вещами, к которым относится, что мы её просто не замечаем, что мы не можем её оторвать, отвлечь от вещей. Известно, что нет ничего труднее, как понять всё понятное, анализировать всё само собою разумеющееся, так как на самом деле всё это «понятное» есть не что иное, как «привычное». Из смешения «понятного» и «привычного» проистекало и проистекает большинство заблуждений человеческой мысли. Речь же наша является настолько привычной деятельностью, что многим кажется, что здесь и понимать решительно нечего. [Щерба. 1974].

Нет другой области знания, где встречалось бы больше самых нелепых идей, предрассудков, миражей, фикций, чем в теоретическом языкознании. И это естественно, язык – в нас и его невозможно оторвать от самих себя, от наших мыслей. Все эти заблуждения, конечно, представляют для языкознания величайший интерес, ибо они в большей степени, чем что-либо иное, заставляют нас задуматься: а почему, как, для чего ? Следовательно, это ведёт к тому, чтобы эти заблуждения опознать и раскрыть их внутреннюю причину появления на свет божий. Их надо выявить и, по возможности, дать им теоретическое обоснование. Претензия на новизну превращается в возвращение к тому, что практиковалось в языкознании на протяжении многих столетий. Главное в науке – не накопление нового материала, а новый взгляд на старое.

* *
*

Итак, место диалектики языка заняли новые течения – семиотика, речевые акты, лингвистическая относительность, языковая картина мира, лингвистика текста, когнитивная лингвистика и другие теории как суррогат диалектической философии. Иногда второстепенные, вспомогательные научные фикции возводятся в достоинство непререкаемых объективных истин, с точки зрения которых всякие другие идеи и верования научного, лингвистического порядка отвергаются. Маркс и Энгельс, по мнению Ленина, « ... презирали ... игру в новые словечки, мудрёные термины, хитрые «измы», а просто и прямо говорили: есть материалистическая и идеалистическая линия в философии, а между ними разные оттенки агностицизма. ... Потуги найти «новую» точку зрения в философии характеризуют ... нищенство духом ...». [Ленин 1979 : 143]. «Лишь когда естествознание и историческая наука впитают в себя диалектику, лишь тогда весь философский скарб – за исключением чистого учения о мышлении – станет излишним, исчезнет в положительной науке». [Энгельс 1982 : 179].

Бодуэн де Куртенэ в 1901 году написал статью «языкознание, или лингвистика, XIX века», в которой дал обзор развития языкознания за прошедшие 100 лет. Он пишет: «наряду с нормальной наукой, руководствующейся трезвым умом, в течение всего XIX века тянулась, как и прежде, целая вереница людей с неукротимой фантазией, людей, грезящих наяву ... „Учёные“ труды таких „исследователей “ относятся прежде всего к психиатрии как объект её изучения, или же – к юмористике» [Бодуэн 1963 : 12-13]. «Отсюда учёное пустословие, учёное фразёрство, которое вводит в заблуждение людей не только поверхностных, но даже и очень основательно думающих» [Бодуэн 1963 : 75]. И. А. Бодуэн де Куртенэ писал с негодованием о «своеобразном „западничестве“, вызванным, конечно, опасением, что ... придётся пошевелить мозгами, а ведь „Denken ist

schwer und gefährlich“. Лучше убаюковать себя повторением чужих мыслей – лишь бы только не тревожить, лишь бы только не тревожить !» [Бодуэн 1963 : 363].

§ 3. Методология языкознания.

1) Уровни научного понимания сущности языка.

Первый, наиболее привычный нам всем уровень – эмпирическое языкознание: это понятийная модель языка на уровне чувственного или эмпирического знания. В теоретическом языкознании операции с языковыми фактами осуществляются на уровне теоретического мышления, которое проявляется в виде идеализации этих фактов. Целью такого анализа является создание идеальных объектов как особого типа предметов. Мир идеальнх объектов и образует базис, основу теоретического языкознания, в отличие от эмпирического. Любая научная теория, в том числе и теоретическое языкознание есть логически организованное множество высказываний о конкретном классе идеальных объектов, их свойств, отношений, гипотезы, моделирование, аксиоматический метод построения научных теорий, формализация.

Некоторые исследователи выделяют также метатеоретический уровень знания, включающий в себя а) общенаучные знания и б) философские основания науки. Это направление и есть предмет нашего исследования: это общенаучная картина естественного языка, его общенаучные методологические, логические и аксиоматические принципы. Это и есть научная картина природы языка, наиболее общие представления о его сущности.

Языкознание, как и все прочие науки, начинается с теоретического знания. Язык таков, каким его все видят, но такая чувственная или эмпирическая точка отсчёта ведёт в никуда. Наука начинается с открытия природы языка, имеющего секреты и не раскрывающего их при чувственном созерцани, непосредственном наблюдении. Все знания о языке зависят от небольшого числа общих фактов. Теоретическое языкознание – это знание отношения подчинения, существующего между большим количесвом конкретных эмпирических фактов и малым числовм господствющих общетеоретических фактов. Все случаи употребления языка обязаны своим существованием и зависимы от небольшого числа общих фактов высшего уровня, которые менее заметны, но являющиеся основными структурными факторами. Но именно эти скрытые факторы остаются дольше всего неизвестными, поскольку они мало очевидны.

Теория, как писали многие исследователи в различных областях знания, – это вышая степень пониимания. Такое понимание завершается построением теории. Но для этого требуются абстрактные рассуждения. Видение высшего уровня исходит часто в виде озарения, неожиданно, из глубокого понимания. Язык существует как система. Но система существует только для того, кто понимает эту систему. Если же лингвист видит в языке только эмпирические факты, непосредственно наблюдаемые, для того системы не существует. Если подходить к языку так, то мы увидим в нём лишь огромный беспорядок, бессистемность, поскольку бессистемность является отсутствием понимания. Так развивается любая наука, в том числе и теоретическое языкознаие. Это единственный путь развития. Опыт ценен лишь тогда, когда он ведёт к новому пониманию данного предмета. Эмпирическое языкознание в основном и занималось преувеличенным интересом к фактам языка, здесь наблюдения преобладают над пониманием. Теоретик должен видеть не столько факты, сколько видеть их понимание, ведущее к высшему

видению. Понять – это дойти в теоретизировании до предела. Максимум понимания – это и есть хорошая теория.

2) Различие между мпирическим и теоретическим языкознанием.

Существуют два уровня научого осмысления языка в языкознании – эмпирическое и теоретическое. 1) Эмпирическое языкознание изучает конкретные факты языка, т.е. то, что обычно называют языком: звук, буква, слова, знаки, их системы, структуры и всё, что они выражают – смысл, значение (семантика, лексикология, словообразование, грамматика, история языка). В этой отрасли языкознания работает подавляющее большинство лингвистов. Это, так сказать, теория языка первого уровня. 2) Но есть языкознание и второго уровня: это в полном смысле слова теория языка, т.е. знаковая система и её связь с мышлением, сознанием, логикой, психологией, философией. Эта отрасль языкознания изучает связь и взаимоотношение материального и идеального в языке, механизм мышления и сознания на базе языка в связи с познаним мира и теорией коммуникации. Это теоретическое языкознание или область философии языка.

Между этими двумя отраслями языкознания нет жёсткой границы и они переходят одна в другую. Но тем не менее, именно в философии языка ведутся споры о том, кто из лингвистов прав в понимании сущности языка. В настоящее время эмпирическое языкознание далеко шагнуло вперёд благодаря усилиям тысяч лингвистов: структуры и взаимодействия элементов многих языков хорошо изучены. Но нет единого теоретического языкознания: мы не знаем истинной сущности взаимоотношения языка с реальным миром, мышлением, сознанием, логикой, речью, текстом, мы не знаем многого об истинной сущности фонемы, морфемы, слова, предложения, соотношения вербального и вневербального мышления; вопроса о том, как язык устроен в мозгу, почему и как мы понимаем друг друга, и многое другое.

Лингвистика имеет два объекта: она является наукой о языке и наукой о языках. Язык как человеческая способность, как универсальная характеристика человека противопоставлена отдельному, постоянно меняющемуся языку. Лингвистика есть прежде всего теория языков. Но эти два направления исследвания в языкознании постонно переплетаются – одни лингвисты больше занимаются языком, другие – языкознанием.

Эмпирическая лингвистика имеет огромные достижения в систематизации конкретных языковых фактов. Но эта лингвистика не до конца познала тайну языка и мучительно нащупывала пути к сущности языка. Тем не менее эмпирическому языкознанию грозила опасность стать каталогом фактов, что не позволяло бы увидеть механизмы и законы построения языка. Господствующие языковые факты до сих пор остаются неизвестными. «Тот, кто смотрит вовне, спит. Тот, кто смотрит внутрь, пробуждается» (К. Г. Юнг). Лингвистической теории до сих пор не повезло. Отчасти и потому, что вопросы теории языка – они самые трудные.

О языке, описанном в лингвистической науке, кажется, уже всё известно. Досконально изучены грамматические и семантические средства и их практическая жизнь в языке. Кажется, не забыта ни одна сторона языка, речи, их взаимодействия с мышлением, логикой. Исчерпывающая статья «Язык» (автор А. Е. Кибрик) дана в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (М., 1990). Но это – эмпирическое языкознание, добытое на эмпирических фактах различных языков. Это «Языки», но ещё не «Язык», как его теоретическое, философское толкование. Объектом теоретического языкознания является «Язык», рассматриваемый под углом зрения его философского осмысления. Это теория, методология или философия языка, в

котором существуют свои теоретические области. Философия языка и есть та наука, которая объединяет все языки мира, это наивысшая теория языка, как бы обобщающая теория теорий всех отдельных языков, глубоко проникающая в философские свойства языков.

Описывать язык как предмет языкознания – значит описывать его на двух уровнях абстракции, на уровне непосредственного наблюдения (эмпирическое языкознание) и на уровне постулирования не данных нам в непосредственном опыте, наблюдении абстрактных объектов (теоретическое языкознание). До сих пор лингвистика была занята изучением, в основном, внешних проявлений языка. Но теоретическая лингвистика изучает язык «внутри нас», невидимый, незримый, как он представлен в голове человека. Это связывает лингвистику с психологией – наукой о психической деятельности человека; с наукой о чистом мышлении, логикой – наукой о формах мышления; с философией – наукой об общих законах функционирования и взаимоотношения материального и идеального, действительности и мышления человека.

В лоне эмпирического языкознания рождается общая теория языка, но эта теория чаще всего опять же сводится к эмпирии, презирающую всякую общую теорию и относящуюся с недоверием ко всякому мышлению. Это, кстати, и является одной из причин отставания теоретического языкознания от эмпирического. В языкознании издревле в своей массе лингвистических эмпириков господствовало узкое разделение труда, благодаря чему каждый исследователь более или менее ограничивался лишь своей узкой отраслью знания и лишь немногие сохраняли способность к обозрению целого.

Методология должна определять общие и основные категории языка, такие как природа и сущность языка, его функции, связь и взаимодействие с мышлением, сознанием, логикой, речью, текстом, действительностью, отношения языка к другим наукам. Но такое понимание методологии языка требует глубокого и широкого обобщения языкового материала, и должно проводиться в тесном сообществе с логикой, психологией, философией.

В процессе работы над частными проблемами прикладного языкознания возникают новые теоретические проблемы, многие из которых имеют прямое отношение к теоретическому языкознанию, позволяя в новом аспекте взглянуть на традиционные представления или открывая новые направления лингвистического исследования, создавая новые теории. Нет непроходимой грани между эмпирическим и теоретическим языкознанием.

Читателю было бы небезынтересно узнать мнение Ф. Энгельса о взаимоотношении «чувственного и абстрактного (т.е. эмпирического и теоретического) языкознания». Энгельс, полемизируя с известным в то время немецким метафизиком Негели (Nägeli), который писал: «Мы точно знаем, что означает один час, один метр, один килограмм, но мы не знаем, что такое время, пространство, сила и материя, движение и покой, причина и действие».

Ф. Энгельс ответил ему следующим образом: «Это старая история. Сперва создают абстракции, отвлекая их от чувственных вещей, а затем желают познавать эти абстракции чувственно, желают видеть время и обонять пространство. Эмпирик до того втягивается в привычное ему эмпирическое познание, что воображает себя всё ещё находящимся в области чувственного познания даже тогда, когда он оперирует абстракциями. Мы знаем, что такое час, метр, но не знаем, что такое время и пространство ! Как будто время есть что-то иное, нежели совокупность часов, а пространство что-то иное, нежели совокупность кубических метров !

Разумеется, обе эти формы существования материи без материи суть ничто, пустые представления, абстракции, существующие только в нашей голове. Но ведь нам говорят, что мы не знаем также и того, что такое материя и движение ! Разумеется, не знаем, ибо материю как таковую и движение как таковое ещё никто не видел и не испытывал каким-нибудь иным чувственным образом; люди имеют дело только с различными реально существующими веществами и формами движения. Вещество, материя есть не что иное, как совокупность вещей, из которой абстрагировано это понятие; движение как таковое есть не что иное, как совокупность всех чувственно воспринимаемых форм движения; такие слова, как «материя» и «движение», суть не более, как *сокращения*, в которых мы охватываем, сообразно их общим свойствам, множество различных чувственно воспринимаемых вещей. Поэтому материю и движение *можно* познать лишь путём изучения отдельных веществ и отдельных форм движения; и поскольку мы познаём последние, постольку мы познаём также и материю и движение как *таковые*. Поэтому, когда Негели говорит, что мы не знаем, что такое время, пространство, материя, движение, причина и действие, то он этим лишь утверждает, что мы при помощи своей головы сперва создаём себе абстракции, отвлекая их от действительного мира, а затем, оказывается, не в состоянии познать эти нами самими созданные абстракции, потому что они умственные, а не чувственные вещи, всякое же познание, по Негели, есть *чувственное измерение* ! Это точь-в-точь как указываемое Гегелем затруднение насчёт того, что мы можем, конечно, есть вишни и сливы, но не можем есть *плод*, потому что никто ещё не ел плод как таковой». [Энгельс 1982 : 203].

При анализе языка нужно с самого начала быть готовым к тому, что сущность его окажется чем-то принципиально отличным от чувственного, эмпирического явления, т.е. непосредственно не наблюдаемым и с эмпирическим явлением не сопоставимым по сложности. Н. Хомский предупреждает, что даже самые привычные языковые явления требуют объяснения и что в основе этих явлений лежат нисколько не менее сложные механизмы, чем в физике или физиологии. «Относительно природы языка, его использования и овладения им могут быть высказаны заранее лишь самые предварительные и приблизительные гипотезы. Как носители языка, мы располагаем огромным количеством данных. Именно по этой причине легко попасть в ловушку и поверить, что, собственно, и нечего объяснять, что, какие бы организующие принципы и лежащие в их основе механизмы ни существовали, они должны быть «даны» точно так же, как даны нам наблюдаемые факты». [Хомский 1972 : 37].

Эмпирическое языкознание работает с конкретными фактами языка, т.е. того, что все называют языком (говорим, слышим, пишем, читаем). В этом отношении эмпирическое языкознание достигло громадных успехов. Здесь выведено множество законов относительно каждого языка в целом, относительно отдельных разделов, частей, проблем. Но всё эмпирическое языкознание работает с фактами, почерпнутыми из того, что все мы называем «практическим языком» – письменные тексты и делаем теоретические выводы по каждому языку, его разделам, проблемам. Но это не общетеоретические факты, эмпирическому языкознанию достаточно того, что все письменные и устные тексты и есть объекты исследования и здесь надо навести порядок и выявить все возможные законы, но только данного, конкретного языка.

Но оказывается, что эмпирическое языкознание, работая с фактами языка, полагает, что это и есть фундамент науки о языке, языкознания. И редко кто задаётся вопросом: а что такое слово, фонема, предложение, мышление по

отношению к языку, к фонеме, к слову, к предложению. Где границы языка и мышления ? Правда, по всем этим вопросам по отдельности можно найти массу суждений различных, но преимущественно частных. Общего фундамента для теоретического языкознания до сих пор не существует. Он, конечно, не поколеблет сегодняшние эмпирические теории по всем языкам, но он даст эмпирическим фактам более широкое и глубокое понимание самих себя. Этому поможет диалектико-материалистическая философия, философия как обобщающая познавательная наука для всех проблем теоретического языкознания. Такой общетеоретической проблемой для эмпирических теорий всех языков может стать более обобщающая наука – «философия языка». Она находит внутренние постоянно действующие механизмы в любом языке и устанавливает общие законы, к которым сводятся все частные законы каждого языка.

Теоретическое языкознание – это исследования, направленные на получение, обоснование и проверку знания, т.е. исследования, целью которых является получение истины. Цель эмпирического языкознания – польза. Но во всех науках есть и та, и другая сторона науки. Современное языкознание во всё большей степени приобретает прикладной характер. Современный лингвист превращается в узкого специалиста. Не любознательность, не стремление к истине, а прикладная ценность – вот чем направляются ныне исследования в области языкознания. Научное открытие замещается изобретением новых лингвистических направлений и новой терминологии.

Современное теоретическое языкознание всё в большей степени приобретает эмпирический спекулятивный характер, вроде модных теорий. Фундаментальные исследования ушли на задний план, эмпирическая полезность научного знания стала определяющим мотивом его получения: не любознательность, не стремление к истине, а прикладная ценность – вот чем направляются ныне исследования в эмпирическом языкознании.

Если мы хотим знать объект языкознания и язык в целом, то мы должны прежде задаться вопросом, что есть «язык», а не как и для каких целей он используется. Фокус теоретической лингвистики – языковая способность мозга. Это и есть теоретическое языкознание, это и есть философия языка. Надо показать, как работает язык, т.е. языковая знаковая система на пересечении лингвистики, мышления, сознания, логики, психологии и философии, показать, как изучение структуры языка может способствовать пониманию человеческого разума.

Теоретическое языкознание должно быть основано на двух главнейших теоретических предпосылках:

1) В основе теоретического языкознания, если оно хочет быть истинной теорией или иначе – диалектической философией языка, должен лежать языковой четырёхуровневый или четырёхфазовый знак, с четырьмя измерениями, обязательными и неизбежными для того, чтобы язык как система четырёхсторонних знаков мог стать инструментом познавательного и коммуникативного мышления. Если хотя бы одной из этих фаз нет, то нет знака, нет языка, нет человека (см. выше, Глава 1 «О природе языкового знака»).

2) Принцип условности и реляционности языковых единиц вытекает из понимания их как членов знаковых отношений, где отношения – главное (см. выше, Глава 2 «Язык»). При этом речь должна идти не только об отношениях между фонемами или графемами в знаках, между более крупными знаками (понятиями), но главным образом как текстовые отношения между логическими суждениями. Ничто в языке не должно противоречить диалектической сущности знака, а это

значит – принципу структурности языковой знаковой системы, как семантической, так и грамматической, т.е. языка. Любой компонент целого (фонема и графема по отношению к понятию, понятие по отношению к суждению) может быть определён только по отношению к другим компонентам более высокого уровня, составляющим это целое, и не может быть определён сам по себе.

3) Какие вопросы теоретического языкознания должны быть решены ?

Каждый лингвист стремится показать читателю важность его исследования, что оно объективно, основано на реальных фактах языка и соответствует объективным явлениям. Это и есть основная задача языкознания. Но фактически многие таким образом рекламируемые аксиомы на практике выливаются в субъективизм, не соответствующим объективным фактам языка. С моей точки зрения, в методологический, философский цикл теоретического языкознания должны входить следующие проблемы:

1) Есть ли язык самостоятельное, объективное явление;
2) Если язык – самостоятельное явление, то каковы формы его существования;
3) Имеет ли язык знаковый характер и какой функциональный смысл имеют материальные языковые знаки;
4) Фиксируются ли в языке результаты познавательной деятельности мышления ;
5) Является ли язык продуктом человеческого мышления или он является врождённым;
6) Является ли языковой знак односторонним (только материя) или двухсторонним (материальное и идеальное, т.е. имеет значение), или он более сложен;
7) Как соотносятся одно с другим – значение слова и понятие;
8) Как соотносится язык с мышлением, сознанием, логикой, речью, текстом, действительностью;
9) Как совместить единство общечеловеческого мышления с наличием множества национальных языков;
10) Как два человека, говорящие на одном и том же языке, понимают друг друга, и как два человека, говорящие на разных языках, понимают друг друга;
11) Если языковой знак двухсторонен, то какова природа материального и идеального свойства двухстороннего знака;
12) Совершается ли мышление только на базе языка ;
13) Существует ли принцип экономии мышления, если существует невербальное мышление;
14) Что первично в языке – субстанция знаков или их отношения;
15) В чём выражаются в языке категории диалектики: материального и идеального, формы и содержания, явления и сущности, отдельного и общего;
16) В чём и как выражается в языке переход от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному.

4) Научный уровень сегодняшнего теоретического языкознания.

В чём прелесть теоретического языкознания ? Например, самолёт, если он неверно сконструирован, не взлетит, а если взлетит, – упадёт. Пароход, если неверно сделаны расчёты, потонет. Будут привлечены к ответственности все виновные. А в теоретическом языкознании ничего подобного не случится. В теоретическом

языкознании и самолёты «разбиваются», и пароходы «тонут». Но должности, звания, учёные степени, зарплаты растут. Болезнь всего теоретического языкознания – копание на поверхности фактов, боязнь некоторых исследователей копнуть поглубже.

Языкознание как наука идёт не прямо, а зигзагами, не всегда сознательно, часто стихийно, не видя ясно своей конечной цели, в смысле относительной на пути к абсолютной, которая, в сущности, тоже станет относительной, а идёт к ней ощупью, шатаясь, иногда даже поворачивая вспять. Но всякий ненаучный, высокопарный хлам умрёт. Часто в теоретическом языкознании авторы не опираются на какие-либо наблюдения, а строят чисто схоластические конструкции суждений, и притом таких суждений, которые даже не имеют характера гипотез, открывающих какие-то перспективы, или просто спекуляции, загораживающие истинные пути к познанию. Полно противоречий по образцу: «Вода на земле, земля на ките, кит на воде ...».

Напомню, например, полемику Энгельса с агностиками (см. выше), но в данном случае перенесённую мною на почву языка. Агностики видят только реальные факты. В языкознании это выражается в «дегуманизации языка», т.е. некоторые лингвисты не идут далее чувственных ощущений, они останавливаются по сию сторону явлений, отказываясь видеть что бы то ни было достоверное, истинное, существующее, общее за пределами ощущений. Материалист утверждает существование и познаваемость вещей в себе. Агностик не допускает самой мысли о том, что кроме физических звуков есть ещё что-то иное, а, может быть, и более важное. И это выдаётся за передний край науки. Увидеть, что в членораздельных звуках живут фонемы, – не простое ребячество, а в данном случае новая номенклатура (фонема, идеальный, логический образ звука), не блажь, а новая философская линия в языкознании, но старая как мир в диалектике. Разница не в терминологии. Для агностика дано только непосредственное ощущение, материя, сама вещь, звук, буква, он не идёт дальше явления и останавливается перед сущностью. Превращение вещи в себе в вещь для нас есть познание этой вещи. Это старый философский вопрос о двух направлениях в науке – эмпиризм и диалектика. Это и есть основной вопрос философии языка – взаимоотношение материального и идеального в языке.

В теоретическом языкознании немало легковесных размышлений, различных сортов эклектики, состряпанных из не всегда верно истолкованных марксистских идей. Сейчас наблюдается разброд и шатание в области теоретического языкознания, действительное отношение языковых фактов перевёрнуто с ног на голову, отражение принимается за отражаемый объект. В теоретическом языкознании сейчас блуждают в потёмках, существуют не связанные друг с другом, противоречащие друг другу теории в рамках одного и того же сочинения. Нет до сих пор чётко выработанного понимания предмета «язык», которое дало бы теоретическому языкознанию прочную основу. Это состояние научного разлада делает пока невозможным установление какой-нибудь всеобъемлющей теории языка. В этой области всё ещё господствует односторонняя эмпирия, которая не выводит в теорию, мыслит однобоко, но и сама не всегда верно следует за фактами.

Библиографические списки большинства сегодняшних книг и статей показывают засилье второстепенной тематики, как будто заграница диктует нам лингвистическую моду. И в то же время во многих работах и научных обзорах мы завышенно оцениваем наши собственные лингвистические достижения. Например, Серебренников пишет: « ...в целом оно (языкознание, – А.К.) развивается по

правильному пути». А познали ли мы до сих пор сущность того, что мы называем «языком», к чему мы всё время идём «по правильному пути» ?

Теоретическая лингвистика как законченное целое есть и остаётся всегда лишь недостижимым идеалом. «Никакая книга не может представить целой системы языкознания. Никакая человеческая голова не в состоянии объять всю массу относящихся сюда фактов. Каждый из исследователей языка держит в своей голове только отрывок, только небольшой обломок целого, который даёт ему возможность дойти до общего взгляда на целое и создать себе менее или более точную картину языковой жизни вообще». [Бодуэн, т. I : 206].

5) Какой путь ведёт к истинному теоретическому языкознанию ?

Путь диалектического понимания языка лежит через разработку новой системы понятий языкознания и последовательное переосмысление в теоретическом плане всех основных абстрактных понятий традиционной лингвистики. Языкознание должно идти в самых разных направлениях и кооперироваться со всеми науками о человеке. В этом сила итстинного теоретического языкознания, а не его слабость, это доказательство зрелости науки. Вот слова Й. В. Гёте из Фауста: „Wer den Feind will verstehen, muß im Feindes Landes gehen“ («Кто желает знать врага, должен жить во вражьем стане»). Кто хочет глубоко копнуть в языкознании, тот должен глубоко копнуть не только в языкознании, но и смежных науках, вооружившись диалектической философией. Никакие эмпирические данные не могут сами по себе привести к пониманию сущности языка, ибо язык не дан в непосредственном наблюдении. Наука о языке – теоретическая дисциплина. В одиночку языкознание не добьётся результатов в понимании сущности самого себя, своего собственного объекта познания, нужен союз языкознания с психологией, логикой, философией. Необходимо объединить эти науки и выдвинуть единую исследовательскую программу. Стремление к бесконечной интеграции языкознания с другими науками – далёкая цель. Но это приводит к пересмотру границ лингвистики и её связей с другими науками, к стиранию границ между языкознанием и смежными науками.

Сейчас же в языкознании нередко используют правило: что вижу, о том и пишу. Свобода – это познание необходимости. Свобода – не в воображаемой независимости мышления от законов природы, а в познании этих законов и, основываясь на этом знании, закономерно действовать в науке. Свобода воли означает не что иное, как способность принимать решения со знанием дела. Чем свободнее суждение лингвиста по отношению к определённому вопросу, тем большей необходимостью определяются его суждения. Свобода заключается в познании необходимой связи в природе и в мышлении. Необходимость природы, т.е. языкового общения, речи, текста есть первичное, а воля и сознание лингвиста – вторичное. Последние приспосабливаются к первым. Есть, разумеется, слепая необходимость, не познанная человеком. Но анализ, синтез, исследование показывает, на каком витке познания находится превращение непознанной «вещи в себе» в «вещь для нас». Незнание сменяется знанием. Пока мы не знаем закона природы, мышления, языка, он, существуя и действуя помимо нас, вне нашего сознания, делает нас рабами слепой необходимости. Раз мы познали закон, действующий независимо от нашей воли и нашего сознания – мы господа природы, мышления, языка.

Глава 10.

Аксиомы теоретического языкознания.

§ 1. Теоретическое языкознание, как науку, можно построить только на аксиоматическом методе научной теории.

Законы, лежащие в основании построения гипотез и аксиом, – одни и те же, различие между ними – лишь в степени достоверности той и другой. Правильно, логически построенная гипотеза должна быть в принципе не опровергаемой. Это исключает ненаучные гипотезы, которые требуют опытную проверку. Если гипотеза выдерживает проверку в течение длительного времени, если она окажется проверяемой лишь за пределами области её применимости, достоверность данной гипотезы возрастает. Научная теория – это системы тщательно проверяемых гипотез, поддерживающих друг друга, по принципу взаимной выручки. Никакая гипотеза не может быть опровергнута одним или несколькими, не согласующимися с ней фактами: опровергается она лишь другой гипотезой, которой подчиняется большее число фактов. Истина есть рабочая гипотеза, способная наилучшим образом проложить путь другим гипотезам, которые сумеют объяснить больше фактов. Предмет понимания, исследования чего-то должен быть понят как нечто большее, чем понятие о нём. Это теоретический парадокс мышления. Например, различие по объёму и количеству между звуками и фонемами, между чувственным и абстрактным мышлением, между семантической и логической формой мысли, между речью и языком, текстом и языком, между конечностью знаковой системы и бесконечностью мышления и др. И виной всему этому является взаимоотношение между человеком и миром – весь мир вмещён в сознание человека, как тот же самый, но только идеальный мир: всё, что видишь ты – видимость только одна

(чувственное созерцание), далеко от поверхности моря до дна (абстрактное, логическое мышление).

Диалектический метод познания сущности языка – главный метод, ведущий к построению гипотез, соответствующих истине. Но диалектика познания природы языка должна применяться не путём внесения диалектических законов в языкознание извне, а путём отыскания этих законов в самом объекте, выведение их из него и объяснение его. Надо найти диалектический механизм в соотношении между мышлением – сознанием – логикой – языком – речью – текстом – действительностью. Поиск этих внутренних взаимоотношений между перечисленными понятиями и есть теория или философия языка

Язык – явление ненаблюдаемое. Мы не можем наблюдать непосредственно устройство языка и механизмы его функционирования. Наблюдать язык можно только в речи. О языке можно судить только по косвенным наблюдениям, связывая его либо с поведением, либо с мозгом. Ни одно лингвистическое направление не может претендовать на то, что оно реально воспроизводит устройство языка. Это возможно лишь на уровне гипотез. Лингвисттическая теория – это описание не реального устройства языка, а того способа его видения, который представляется наиболее удобным для целей построения данной теории.

Ответ на любое явление, его сущность, может быть как достоверным, так и предположительным. Язык бесконгнчно сложен и многообразен, поэтому в своей познавательной деятельности человек не всегда может дать достоверный ответ. Первая ступень – более или менее достоверное предположение, которое проверяется, и либо отбрасывается как ложное, либо обосновывается до степени достоверно истинного знания. К таким достоверным знаниям относятся аксиомы.

Некоторые учёные считают, что в языкознании аксиоматика невыполнима. Например, в математике аксиоматика даётся без труда, потому что она оперирует с точными числами и величинами, раз и навсегда обладающими определённым и бесспорным содержанием. Таблица умножения единообразна везде, всегда, у всех. В гуманитарных науках приходится отказываться от аксиоматики в точном смысле этого слова. В языкознании, где есть более понятное и менее понятное, сомнительное и правдоподобное, в аксиоматике, как считают некоторые, неприменимо, невыполнимо. Или в лучшем случае окончательная аксиоматика в языкознании возникнет ещё очень и очень нескоро. Лосев вообще отвергает аксиоматику в языкознании, и лишь потому, что он, как философ, рассатривает языкознание только как гуманитарную науку. [Лосев 1995 : 69 - 72].

Как убедительно показал Бодуэн де Куртенэ в некоторых своих работах, языкознанию не место только среди гуманитарных наук. Языкознание – не столько гуманитарная наука, сколько естественная наука. Предметом изучения гуманитарной науки языкознания является язык, но он одновременно есть объект изучения и в литературоведении, в истории, антропологии, юриспруденции и в других науках. В этом и только в этом состоит гуманитарная сторона языкознания. Но подход к языку только с гуманитарных позиций не раскрывает сущность языка.

В теоретическом языкознании придумано много аксиом. Вот, например, некоторые из них. К лингвистическим аксиомам Будагов относит: «Глубоко общественная природа языка», «его коммуникативная функция», «связь языка с мышлением», «взаимодействие формы и содержания в языке», «язык как практическое реальное сознание». [Будагов, ВЯ, 1975, № 6]. Эти «аксиомы» равнозначны таким же «аксиомам», как, например, «человек – живое существо», «вода – это то, что мы пьём и чем мы умываемся», «воздух – это то, чем мы

дышим». Это слишком общие, обиходные «аксиомы» и поэтому они не могут иметь статуса научных аксиом. Действительно, «человек живёт», «вода» нужна для питья, «воздух» нужен для дыхания. Ну а какова сущность этих природных продуктов ? Так и язык: если язык имеет коммуникативную функцию, то как, при помощи каких механизмов она реализуется; если язык связан с мышлеием, то – каким образом и где он находится? А ведь в аксиомах теории языка заложена сущность теоретического языкознания, в основе которого должны лежать какие-то структурнообразующие основы фукнкционирования языка.

Вот что пишет по этому поводу Лосев: «Получается, такое впечатление, что аксиомы, лежащие в основе языкознания, каждый исследователь может по собственному произволу отбирать, выбирать, комбинировать и интерпретировать. В предельном отрыве от естественных языков и грамматик это является законченной системой релятивистского и субъективного идеализма... Можно только порадоваться, что ввиду хаотичности внесмысловых языковых построений это не доходит до законченной системы мировоззрения и остаётся только в виде не продуманных до конца тенденций...». [Лосев, ВЯ, 1965, № 5 : 30].

§ 2. Какие требования предъявляются к лингвистическим аксиомам ?

В качестве первой и главнейшей аксиомы теоретического языкознания я назову «языковой знак», как структурный атом языка. Главная аксиома – это знаковая природа языка. От чего же знаковая природа языка предупреждает ? От всех прочих блужданий в определении природы языка (средство коммуникации, и т.д.). Здесь мы находим нить Ариадны, выводящую нас из лабиринта теоретического хаоса. Аксиома потому и прервичная, что она банальная, т.е. всем понятная и не требует доказательства. Сущность аксиоматического метода в том, что он применяется в науках, в которых понятия имеют стабильность, достаточную для применения к ним чётких предписаний формальной логики. Но главная часть решений проблемы падает на долю экспериментов и наблюдений.

Аксиома есть простое и очевидное суждение, не требующее для себя никаких доказательств, и само лежащее в основе всяких доказательств в определённой области знания. Сведение этих аксиом воедино есть аксиоматика. В теоретичском языкознании, как и в математике, такие аксиомы не могут быть лишь предварительными, с дальнейшими испрпавлениями и дополнениями. Аксиомы – не исходный пункт исследования, а его заключительный результат. Эти аксиомы не прикладываются к природе и к человеческому обществу, к языку, а абстрагируются от них. Не язык, его грамматическая структура, сообразуется с аксиомами, не природа, ни человечество сообразуются с ними, а, наоборот, аксиомы верны лишь постолку, поскольку они соответствуют природе языка.

Но возникает вопрос, истинны ли сами эти аксиомы, соответствуют ли они истинному положению вещей в знаковой системе и в мышлении, являются ли они аксиомами материализма или идеализма ? Не взгляды и вкусы исследователя, а сама наука языкознание, как и сам язык повинны в этих аксиомах, которые здесь доказываются. По мере развития науки аксиомы подвергаются время от времени сомнениям, т.е. данная область частично или полностью пересматривается. Но и способ сомневаться тоже подчиняется некоторым правилам, ибо сомнения вне всяких правил обнаруживают дилетантов.

Лосев считает, что в языкознании не может быть аксиом и объясняет это тем, что языкознание не требует точности. Если согласиться с ним, то это означало

бы, что языкознание – это наука, в которой нет никаких фундаментальных и незыблемых законов, понятий, основ, аксиом, всё продиктовано только беллетристическими рассуждениями и языкознание как наука в таком случае превращается в сказку про белого бычка: что вижу, о том и пишу, что, кстати, и делается многими в языкознании (мои критические обзоры многих теорий – яркое тому свидетельство).

Фактически к лингвистическим аксиомам должны относиться лишь аксиомы, выступающие в любом случае как незыблемый закон языкознания. Аксиомы в языкознании должны быть логическими посылками при исследовании любой темы. Многие лингвисты наглухо закапсулировались в своих личных узких проблемах и их не интересуют никакие аксиомы. «Грустно сознавать, что в лингвистике отсутствуют подлинно строгие исходные понятия, сопоставимые с исходными понятиями других наук. Лингвистические работы не в праве начинаться с апелляции к какому-либо известному, принятому всеми, строгому правилу, закону, понятию, аксиоме: ведь таковых просто не существует» [Перцов 1996 : 47 -48].

§ 3. Аксиомы теоретического языкознания – это исходные определения аксиоматики, не требующие доказательств.

Аксиома 1. Знак обращён на внешнюю действительность, на нечто, вне самого знака, он есть представитель нечто другого. Знак имеет «заместительный» принцип.

Аксиома 2. Языковой знак есть чисто материальный объект, материя знака служит необходимым условием создания идеальных образов предметов в мозгу человека. Языковой знак материален, но материален (звуки, чернила) только для органов чувств, для глаз и для слуха, как чувственная форма мышления человека. Для мозга, т.е. как абстрактная форма мысли, он только идеален. В мозг знак входит не своей материей, и остаётся там не как физическая субстанция (в мозгу нет места ни для чернил, ни для звуковых волн), а только в виде абстрактной идеи этой материи, в виде некоего идеального (логического) образа звука (фонема) или в виде некоего идеального образа буквы (графема). И только в этой идеализированной, логической форме он хранится в мозгу, воспринимается мозгом из устной и письменной речи и выходит вовне, продуцируется обратно в физическую среду, через органы речи и пальцы руки, в виде тех же материальных звуков и букв. Процесс же перехода конкретной материи (звуков, букв) в мозг в виде абстрактной идеи об этой материи и обратный выход из мозга абстрактной идеи об этой материи в чисто материальное, в звуки, буквы, – это, во-первых, процесс сугубо таинственный и нам об этом круговороте материального и идеального в мозгу и через мозг пока ничего не известно, во-вторых, это и есть скрытый процесс мышления, понимания, коммуникации, познания, и именно в этом таинственном скрытом процессе и нужно искать природу и сущность языка, т.е. природу и сущность языковых знаков.

Аксиома 3. Знак произволен, условен, немотивирован. Он может быть условно, произвольно наделён любым значением, т.е. психически, идеально ассоциироваться в мозгу с любым предметом, представленным в мозгу идеально в форме логического понятия. Причём данное знаку условное значение должно быть признано обязательным для всех членов данного языкового сообщества. Отсюда – языковой знак не имеет сходства, подобия с предметом, с которым знак

ассоциативно соотносится. Языковой материальный знак может быть только и только у с л о в н ы м, органически ничем н е с в я з а н н ы м с предметом. В этом и состоит сущность знаков: человек может изобретать их по своему желанию и по своему усмотрению, менять их, вводить новые, отменять их, комбинировать их по прихоти мозга. Это означает, следовательно, что языковой материальный знак никак и никакими органическими узами не связан ни с мышлением, ни с внешним миром. И в то же время он ассоциативно узаконен всем обществом и не может менятья или отменяться по произволу отдельных личностей.

Аксиома 4. Материальный языковой знак (слово) может быть только о д н о с т о р о н н и м, это природная материя, она не обладает семантическим и логическим значением как идеальным продуктом живого мозга. Это значение является собственностью мышления. Под семантическим значением одновременно надо понимать также логическое понятие, вынесенное за пределы мозга и ассоциативно закодированное в звуковой (буквенной) цепочке слова.

Аксиома 5. Необходимые элементы речевой ситуации – говорящий, слушающий (пишущий, читающий) и предметы (ситуация, положение, качество, событие и др.), о которых идёт речь. Поэтому знак связан и с внешним предметом (ситуацией), и с говорящим и слушающим. Материальный языковой знак оказывается полифункциональным. Вне субъекта коммуникации языковой знак – не знак, а лишь физическая материя, вроде грома, грохота, рёва, стука. Языковой знак и, следовательно, то, что мы называем «языком», неотъемлемо от понятия «человек» и его мозг, а также знак не могут жить в изолированном от общества человеке, ибо субъект, лишённый условных знаков – это уже не человек: человек должен общаться, выражать и воспринимать идеи, мысли, нечто в высшей степени абстрактное, способное быть продуцированным только его мозгом и только в обществе с себе подобными. Эта аксиома («социальная сущность языка») была главной торговой маркой марксистско языкознания, хотя многого другого, без чего язык не мог бы быть «социальным», да и вообще никаким, ибо не было бы человека, оно не видело.

Аксиома 6. Самостоятельного объекта «языка», т.е. того, что мы под этим термином понимаем уже тысячелетия, нет. Реально он не существует. Как реальный осязаемый объект он существует только в наивном, но не в научном понимании. Понятие «язык» – это у с л о в н о е, пригодное только для эмпирического языкознания понятие, как и условны все знаки языка, наименование того, о чём мы слышим, что видим, пишем, читаем, говорим, т.е. банальный устный и письменный текст. Научное понятие «языка» есть нечто иное – в основе языка лежит система четырёхуровневых материальных знаков, в которой все эти уровни взаимодействуют и изъятие хотя бы одного из них разрушает понятие знака и, следовательно, языка: материя знака **(1)**, её идеальный образ в сознании (фонема, графема) **(2)**, идеальный образ внешнего предмета (понятие) **(3)**, материальный внешний предмет **(4)**. Все эти уровни знака тесно, можно сказать, органически взаимодействуют, и изъятие хотя бы одного из них лишает знак статуса знака: без материии знака **(1)** нет знака; без его идеального отпечатка в виде мельчайшей логической единицы – фонемы или графемы **(2)** в сознании человека нет знака; идеальный образ материи языкового знака служит средством психической ассоциации с идеальным образом (понятием) **(3)** внешнего объекта **(4)**, без которого нет и самого знака.

В языковом знаке заложена вся с у щ н о с т ь, и д е о л о г и я и ф и л о с о ф и я языковой знаковой системы, или того, что мы называем «языком». Отсюда следует: чтобы п о з н а т ь с у щ н о с т ь «языка», надо выйти за пределы традиционно

очерченных вокруг него границ и установить все связи и опосредования со всеми смежными областями науки – психологией, физиологией, нейрофизиологией, логикой, философией.

Аксиома 7. Нет в языке ни звуков, ни букв, ни слов, ни предложений, ни сложных предложений, чтобы они одновременно, необходимо, неизбежно не манифестировали соответствующую логическую форму – фонемы, графемы, понятия, суждения, умозаключения. Без мышления, локализованного в голове человека только в иерархической системе логических форм, как идеального отражения материального мира, в языке ничего не происходит, да и не может происходить, потому что сами звуки и буквы как природная материя в мозгу живут только в их идеальной, логической форме (фонемах и графемах), а любые семантические и грамматические значения в «языке» – не что иное, как те же логические формы, но более высокого порядка (морфонемы, понятия, суждения, умозаключения). Следовательно, всё, что издревле всеми относится к языку как системе материальных знаков, снабжённых неким значением, относится к мышлению, осуществляющемуся в выше указанных логических формах. «Языка» в строго научном смысле, как нечто отдельно, самостоятельно существующего и независимого или полузависимого от мышления, нет.

Аксиома 8. Человеческое мышление осуществляется только в виде двухуровневого процесса – как логическое и как семантическое (или языковое, знаковое, речевое) мышление. Логическое мышление – интернационально (для него безразлична знаковая система, с помощью которой осуществляется процесс мышления), а семантическое мышление – национально, оно осуществляется в формах каждого национального языка, поэтому семантическая форма мышления – национальна. Логическое мышление осуществляется только в логических формах формальной Аристотелевской субъектно-предикатной логики, в логических суждениях, которые всегда лежат в основе любой синтаксической конструкции предложения. Обе формы мысли неразделимы, одна не существует без другой. Противоречий между интернациональными логическими формами мысли и национальными семантическими формами мысли не существует: первые и вторые есть одни и те же абстрактные, понятийные формы. Различие между ними состоит лишь в том, что логическая форма мысли в виде суждения, подчиняющаяся логичеким правилам связи понятий, – сжатая до предела та же знаковая структура лишь с двумя главными логическими центрами – субъектом и предикатом. Тогда как семантическая форма предложения, с двумя главными членами предложения – подлежащим и сказуемым – подчиняется только семантическим и грамматическим правилам национального языка, со всеми мыслительными нюансами, с сохранением логического суждения в произвольной знаковой форме, допускаемой правилами национального языка.

Аксиома 9. Языковой знак обеспечивает саму возможность абстрагирования и обобщения в процессе мышления, в познавательной и коммуникативной деятельности. В этой роли он отличается от всех прочих материальных объектов. Он выполняет эту функцию лишь потому, что, во-первых, он произволен и немотивирован, во - вторых, он служит субъекту, обладающему абстрактным мышлением. Вне субъекта это лишь одно из материальных явлений.

Аксиома 10. Благодаря языковым знакам и грамматическим правилам их связей, которые суть тоже языковые знаки, но более абстрактного порядка, чем семантические правила, создаётся возможность для беспрецедентного творческого потенциала мышления и сознания, обеспечивая человеческому мышлению совершенно особый статус, не сравнимый ни с какими другими типами мышления в животном мире. Благодаря условным, немотивированным языковым знакам, не

связанным органичеки с реальными объектатами мира, создаётся безграничная продуктивность естественного, человеческого языка и бесконечные варианты и особенности его структурной организации.

Аксиома 11. Инвентарь языковых знаков не может быть слишком обширным из-за ограниченности человеческой памяти и бесконечности человеческого мышленияи, отражающего бесконечность мира. Существующие противоречия между конечным числом знаков и бесконечностью человеческого мышления устраняются природой самих знаков, а именно – их условным, произвольным, немотивированным свойством. Условность знака и отсутствие органической связи с внешним предметом позволяет придавать им любое значение, что и создаёт неограниченные знаковые возможности.

Аксиома 12. Становление системы языковых знаков означало одновременное становление человека разумного (homo sapiens).

Этими аксиомами, разумеется, не исчерпано теоретическое языкознание, сущность языка, философия языка, но они могут быть положены в основу поисков истинной природы языка. Это большая, кропотливая, изнурительная работа и, конечно, не одного поколения лингвистов. Но, как сказал К. Маркс: «В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот достигает её сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по её каменистым тропам».

Глава 11

Заключение.

1) Чему посвящена эта работа ?

В основе материального знака (звука, буквы, слова) лежит его идеальный или логический двойник, без которого никакое общение людей и, следовательно, существование человеческого общества невозможно. Животные тоже общаются и в некотором смысле обладают даже абстрактным мышлением. Но их звуки – это лишь реакция на данную, единичную ситуацию, их звуки сугубо однозначны и не являются знаками в смысле языковых знаков человека, т.е. их знаки не условны и не могут образовывать структурные цепочки знаков, т.е. служить средством абстрактного мышления.

В качестве материальной основы языка выступают два вида материи: во-первых, **внутримозговые** материальные системы нейронных связей, во-вторых, **внемозговые** материальные, устные или графические знаки и символы. Первые из них рождают идеальные образы от материальных знаков – *фонемы* и *графемы* (2) и от материальных внешних предметов – *понятия* **(3)** , эти образы – невидимые, неощущаемые, абстрактные, психические, логические, т.е нематериальные. Вторые из них, внемозговые материальные знаки – видимые, ощущаемые, слышимые, воспринимаются нашим зрением и слухом. Но надо отметить принципиальную разницу в функциях между двумя языковыми материальными системами – внутримозговыми (нейронными, т.е. идеальными) и внемозговыми (знаковыми, т.е. материальными) системами знаков: мозг является облад ателем не только внутримозговой, но и внемозговой знаковой системы языка, потому что внешне выраженная, чувственная (в

звуках и буквах) знаковая система живёт и существует только потому, что она представлена в мозгу в её идеальной форме в виде фонем (графем) и понятий. Внемозговая, т.е. внешне выраженная материальная система языка живёт только в материи знаков. Но идеальные или логические образы этой материи находятся не в самой материи знаков, а в том же мозгу, это те же мозговые идеальные образы, но будучи экстраполированными во внемозговую среду, они воспринимаются не как чуственные образы, не на уровне чувственного мышления, а на уровне абстрактного, логичеакого мышления.

Взаимодействие материального и идеального, т.е. того, что составляет основной фопрос диалектической философии или диалектики мышления, и есть природа того, что мы называем языком. Этот язык и лежит в основе всей жизнедеятельности человека, следовательно, связан весьма сложными путями с отражением человеком внешней природы и самого себя, связан с психикой, логикой, действительностью, самим мышлением и сознанием. Все эти вопросы и связанные с ними проблемы можно объединить под одним понятием «философия языка».

При ближайшем рассмотрении природы языкового знака, лежащего в основе понимания философии языка, выявляется, что знак имеет сложную структуру. Языковой знак всегда выступает в виде четырёхуровневой структуры: **(1)** материя знака; **(2)** идеальный, психический или логический образ этой материи в мозгу в виде ф о н е м ы (г р а ф е м ы); **(3)** идеальный, психический или логический образ в мозгу, образованного от реального, отражаемого предмета в виде п о н я т и я; **(4)** сам материальный, внешний предмет. **(1)** и **(4)** уровни знака – это материальные предметы как объекты нашего чувственного созерцания, мышления. **(2)** и **(3)** уровни – логические абстракции от реальных, материальных предметов (от знака – фонемы, от предмета – понятия) как объект нашего абстрактного, логического мышления. Надо подчеркнуть, что уровень **(2)** фонемы и уровень **(3)** понятия есть одно и тоже по названию, но не по сущности, по природе. Например, мы воспринимаем фонемы *дерево* **(2),** которое перешло в одноименное понятие *дерево* **(3)**, благодаря чему тут же в мозгу слушающего всплывает чувственный образ этого реального предмета *дерево* **(4)**.

В процессе устного и письменного общения человека с человеком, в процессе познания мира невозможно обойтись без языковых знаков. Поэтому, чтобы понять сами эти процессы, необходимо расрыть механизм «работы» знака – материального, чувственного внешне и идеального, логического, внутреннего, внутримозгового. Идя по этому пути, мы сможем понять механизм взаимодействия языка с мышением, сознанием, логикой, речью, текстом, материальной действителностью.

Эта книга посвящена одной проблеме – философии языка. Это значит, что в ней поставлены и решаются следующие вопросы:

1) Исходная точка – четыре уровня знака: **(1), (2), (3), (4**), все они взаимосвзаны и нерасторжимы, изъятие одного из них разрушает всю знаковую систему.

2) Человеческий язык – это указанные четыре уровни знака, они функционируют как взаимоспаянное единство. Все уровни знака участвуют в мышлении, они позволяют ассоциативно вынести кусочек мышления и сознания за пределы мозга.

3) Мышление и сознание: это те же четыре уровня в знаке, но в мышлении знаки проявляют себя как процесс мысли, а в сознании – как результат работы этой мысли.

4) Логика различает в языке: а) семантическое и б) логическое мышлеие, но (а) – семантико-синтаксическая структура предложения, смысл этого предложения, а (б) – логическая структура этого смысла. Поэтому связи у них разные: в (а) ведущими

являются и семантика, и структура предложения, а в (б) только логическая форма этого смысла.

5) Речь – это реализация всех уровней знака, здесь участвуют в коопреции семантическая и логическая форма мысли, причём главным для понимания является логическая мысль, без которой предложение остаётся непонятным.

6) Текст: то же, что и речь, но различие между ними заключено в следующем – в отдельных предложениях главные связи заложены между членами предложения, в тексте – между целыми предложениями, как формой выражения логических суждений.

7) Поскольку существует строгая иераржическая взаимосвязь всех четырёх уровней языка и на всех уровнях язык связан с мышлением, сознанием, логикой, речью, текстом, действительностью, то все эти связи основаны на законах диалектики, в частности таких, как взаимоотношение материального и идеального в языке. Каждый этап связей указанных объектов (язык, мышление, сознание, логика, речь, текст, действительность) построен на законах диалектики как переход материального в идеальное и как переход идеального в материальное. Это и есть основная проблема теоретического языкознания, или философии языка.

2) Новая теория языка уже назрела.

Итак, я пытался доказать, что фактически уже нет того «языка», который мною представлен в теоретическом языкознании как объект его изучения. Понятия «язык» как некоего привычного, обычного, традиционно-кухонного и даже научного, т.е. некоего самостоятельного объекта не существует, не существует ни в общении, ни в книгах. Этот термин у с л о в е н, как и все термины и слова, и он н е п е р е д а ё т с у щ н о с т ь того, что обозначает, как и ни одно другое слово не передаёт сущность того, что оно обозначает. «Язык» или, вернее, то, что мы называем «языком», содержится только в головах каждого из нас, а это значит – только в идеальной форме, в двойной идеальной форме – в виде идеальных звуков и букв (фонем и графем, уровень **2**) и в виде идеальных образов названий предметов (понятий, уровень **3**). А вне нас, будучи вынесенным за пределы мозга, язык материализуется в звуках и буквах, и не просто в звуках и буквах, а в системе звуков и букв, и не просто в системе звуков и букв, а в неразрывной связи с живым мозгом, владеющим той же внешней, материальной, знаковой системой, но преобразованной в мозгу в идеальную систему, и только в этом виде хранящуюся в мозгу. Сами звуки и буквы вошли в мозг и хранятся там не как природные, материальные образования, а как идеализированные, абстрактные, обобщённые, логические понятия – фонемы и графемы. Мозг владеет этой вторичной, идеальной системой не в её первозданной материальной форме (она необходима и неизбежна лишь как строительный материал, инструмент для производства мышления), а именно в её идеальной, абстрактной форме. Эти абстрактные образы отложились в нейронных связях мозга на всю жизнь и лишь пополняются новыми идеальными единицами – фонемами, графемами, морфемами, понятиями, входя в уже сложившуюся систему логических форм.

Мы ещё долго будем барахтаться в непонимании ни природы языка, ни его взаимоотношения с мышлением (хотя, в сущности, это одно и то же), пока не выйдем за пределы того феномена, который мы называем «языком». Современная теоретическая мысль всё с большей убедительностью подтверждает, что границы между данными понятиями, между языком и мышлением, размыты и условны, что настала пора их переструктуризации, переосмысления.

Но что же идеального в материи языка, в его знаках, устных и письменных ? Без участия мозга в ней не сыщёшь ничего идеального, это лишь природная материя.

Идеальное в знаках – это «вынесенный» за пределы мозга и ассоциативно соотнесённый с материей данных знаков мыслительный процесс отражения мира в мозгу человека. Усвоение языка, понимание его в устной и письменной форме есть усвоение и понимание системы материальных языковых знаков, которые были, как пишет Маркс, «пересажены в человеческую голову и преобразованные в ней» в идеальное. В языкознании это идеальное обозначается термином смысл, значение, содержание, семантическое, логическое. Знакам ассоциативно «приписывается» именно идеальное, которое, может быть рождено только в мозгу и нигде более. В самой материи знаков нет ничего идеального, никакая материя, кроме живого мозга, не может продуцировать идеального. Но это идеальное прописано в знаке по общественному договору, условно, ассоциативно и, следовательно, неразрывно, но до тех пор, пока само общество не придаст этому знаку или иное, или дополнительное идеальное значение. Реципиент по звукам и буквам узнаёт в слове идеальный образ (понятие) соответствующего предмета, потому что на заре своей жизни он усвоил железное правило: сочетание именно этих звуков и букв ассоциируется с данным понятием, а оно – на уровне чувственного мышления преобразуется в наглядное представление об этом предмете. Материя слова не содержит в себе идеального и не порождает его, она лишь в о з б у ж д а е т в мозгу слушающего (читающего) ту же идею, то же значение, понятие, на основе чего в мозгу принимающего возникает тот же или приблизительно тот же образ предмета и происходит взаимопонимание (хотя каждый человек в своём чувственном мышлении видит все предметы по-иному).

Мозг так создан, что он воспринимает мир через органы чувств (чувственное мышление), но только с одним этим качеством мозга человек влачил бы своё счастливое существование на уровне животных. Человеку надо общаться, думать, работать, решать поблемы, а это значит – отражать вещи внешнего мира не так, как они ему представлены физически, как он их видит реально (они в мозг не могут войти в их естественной материи, а в мешке их не унесёшь и через них не будешь общаться, как описано в одном фантастичском рассказе), а как-то иначе. А иначе – только в форме их идеального представления и обобщения в мозгу, в виде идеальных логических понятий об этих вещах. Только в этом случае человек может манипулировать «реальными вещами», т.е. только понятиями о них, без обращения к самим вещам, и даже в их отсутствие здесь и сейчас, и даже в их нереальности вообще (*черти, ведьмы*).

Не затихает спор: отражено ли в языке мышление, идеальное, содержит ли язык в с е б е с а м о м это идеальное. Но ничто не может мыслить, кроме определённым образом организованной живой материи – мозга (в том числе и животных). В материи слов не содержатся значения, идеальные образы, она только ассоциативно указывает на это идеальное, находящееся в мозгу, и только если к этой материи прикоснётся мозг человека, вооружённый аналогичной знаковой системой. Классики марксизма справедливо считают, что ничто, кроме живого мозга не может мыслить. При этом они имеют в виду только тот процесс мышления, который продуцирует мысль и совершается только в нейронных клетках, не будучи вынесенным за пределы мозга в виде ассоциативных материальных знаков (звуков, букв). Но идеальное может быть «вынесено» из мозга, но не сам процесс работы нейронов, а лишь его п р о д у к ц и я – мысль, идеальное, ассоциативно закодированное в материи знака. Это значит, что мозг через подчинённые ему органы речи связал жёсткой, постоянной, ассоциативной связью определённые идеи с определённой материей звуков и букв. Эти звуки и буквы становятся посредником между двумя мозгами (говорящего и слушающего, пишущего и читающего), и только мозг может дешифровать звуки, буквы точно так же (почти так же), как они замыслены отправителем.

Античное представление о языке в наше время в теоретическом языкознании мало сдвинулось с мёртвой точки. Почему ? Ответ на этот вопрос есть. «Язык» как объект науки (и как в наивном сознании людей) есть то, что видно и слышно физически, материально. А так как за физическим, и неразрывно с ним, скрыто содержание, смысл, идеальное, то оно органически тоже включается в материю «языка», потому что, по общему мнению, пустые звуки ещё не язык. Следовательно, о «мышлении» забыли как о самостоятельном и независимом от «языка» явлении. Это происходит не только при эмпирическом анализе языков и их структур, что не приносит ему никакого вреда, но это вредит теоретическому языкознанию. Фактически очень удобно оперировать в языкознании термином «язык» в его народном (а также сегодняшнем «научном») понимании (точно так же, как *Солнце всходт, Солнце заходит*), не вдумываясь в его сущность. А он, «язык», на самом деле не совсем то, что мы о нём думаем.

Языкознание – это наука, которая воюет со своими определениями и дефинициями. Достаточно взглянуть на определения фонемы, слова, предложения, текста, семантики, значения, языка, и т.д. и т.д., чтобы убедиться, насколько в языкознании всё запутано и нет почти никакой возможности понять, что есть что. Невозможность использования естественного языка в компьютерных системах базируется на том факте, что языкознание «не ориентировано на формализацию знаний о языке и, как предел формализации – на математизацию. ... Языкознание по сравнению с другими областями науки ... имеет значительно меньший объём накопленных положительных знаний, т.е. неполнота информации о языке-объекте (особенно в области синтаксиса) является серьёзным препятствием». И далее: «... философы, как и лингвисты, пока не в состоянии достаточно ясно и конструктивно определить, что такое язык» [Карпов 2003 : 15].

Проблема новой теории языка назрела и никому не удастся отмахнуться от нее или пересидеть острую ситуацию в уголке какого нибудь нового теоретического лингвистического здания. Правда, в этом лингвистическом уголке толпятся уже некоторые скороспелые лингвистические теории и теорийки и ждут своего бесславного конца. Созревшая ситуация в языкознании требует особой смелости мысли. Опасность состоит только в том, чтобы мы заранее сами себе не внушили, что «этого не может быть, потому что этого никогда не может быть». Элементы такого догматического, консервативного подхода особенно вредны при рассмотрении фундаментальной методологической проблемы – проблемы взаимодействия наук в исследовании сущности языка.

В этой книге, как заметил читатель, я не дал полного и исчерпывающего объяснения тому феномену, который мы называем «языком», ибо для этого надо обладать исчерпывающими сведениями о нём. Но я показал, что «язык» – не совсем то, что под ним понимают лингвисты, психологи, логики, философы. Всё, что причисляют к свойствам языка как отдельного, самостоятельного феномена, есть само мышление чистейшей воды, и от того, что в языке считают «языком», не осталось ничего, кроме мышления. Так существует ли вообще такое явление как «язык» ? И да, и нет. Это наша мысль, мысль как конкретная (семантическая форма мысли), которая есть тоже идеальное образование, только более низкого уровня абстракции, чем логическое мышление, и абстрактная, более обобщённая логическая форма мысли. Разумеется, все лингвисты могут называть языком именно то, что они всегда и называли, т.е. физический звук (буква) + значение, скрытое в нём. Разумеется, так понимая «язык», лингвисты могут творить, исследовать, описывать именно свой объект – «язык», разумея под ним связь физической субстанции и значения.

Но это удел только эмпирического языкознания, которая не даёт полного представления о с у щ н о с т и «языка», как я его понимаю.

Где же выход ? А его нигде не надо искать. Ведь в языкознании, как в эмпирическом, так и в теоретическом, всегда исследуют только то, что на поверхности, только явление, только то, что считают «языком» в обычном значении этого слова, т.е. взаимодействие звука и значения, называя свой объект и метод его исследования э м п и р и ч е с к и м я з ы к о з н а н и е м. Идя таким путём, мы исследуем только объект под традиционным названием «язык», и на этом пути языковедов всегда ждут эмпирические и теоретические открытия, обнаруживаемые в конкретных языках. Но от этого мы ни на шаг не продвинулись в поисках с у щ н о с т и того, что всегда считали «языком». Что бы мы ни считали «языком», а) мы всегда исследуем связь, взаимоотношение знака и значения (в лучшем случае), или по отдельности каждую из этих двух ассоциативно взаимосвязанных сторон; б) но чтобы проникнуть в с у щ н о с т ь тех двух составных частей, которые инкриминируют «языку» (материальной субстанции и её идеальному значению), надо проникнуть в сущность взаимоотношения «мир – мышление – сознание – логика – язык – речь – текст».

Как ни странно, эти два подхода к объекту нашей науки – разные и каждый из них не зависит от другого. Первый подход – это эмпирическое языкознание, под знаменем которого оно и состоялось как самостоятельная наука, второй – теоретическое языкознание, философия языка которая до сих пор ещё не до конца понята. Но только второй из них открывает подлинную завесу над пониманием с у щ н о с т и «языка», а первый – открывает его грамматическую и семантическую структуры, чем языкознание всегда и занималось. Даже лингвисты, введя понятия духа (В. Гумбольдт) и понятия языка и речи (Ф. де Соссюр) лишь косвенно поставили вопрос о том, что сущность языка заключена совсем не в том, есть не то, что все о нём думают, что люди воспринимают акустически и визуально (звук, буква + значение), а нечто иное. Но они не дошли до глубины понимания сущности языка.

Главной теперь остаётся проблема: понять, как взаимодействуют эти два уровня мышления – логические и семантические формы мысли. Тот факт, что процесс мышления, осуществляющийся в материальном взаимодействии нейронов мозга и, следовательно, выносимый во внешне выраженные материальные знаки в двух абстрактных формах – семантических и логических формах мысли – это аксиома и мышления, и того, что мы называем «языком». Этот вопрос частично решён уже тем фактом, что эти два уровня и в мышлении и в языке давно являются объектом изучения двух тесно взаимодействующих наук – языка и логики. Но тем не менее во взаимодействии этих двух уровней мысли остаётся больше вопросов, чем на них ответов. Это и есть древний вопрос о соотношении языка и мышления, языка и логики, слова и вещи. Таким образом, оказалось, что выявление двух уровней в мышлении и в языке – это самый древний философский вопрос, который всегда стоял на повестке дня и философов, и психологов, и логиков, и языковедов, и вообще теории познания.

3) Сущность языка заключена в четырёхуровневой природе языкового знака.

Свойства языка невидимы, поэтому они и понимаются не всегда верно, хотя это удобно. Когда Панфилов пишет, что мышления нет без языка, о чём свидетельствует, во - первых, его теория неразрывной связи языка и мышления, во - вторых, что язык относительно самостоятелен, в - третьих, что язык оказывает обратное воздействие на мышление, то сразу же возникает множество вопросов: (а) Что такое язык, если это не только физическая материя звуков (букв) ? (б) Если считать, что в языке есть

содержание, то означает ли это, что материя знаков сама мыслит и мы перешли уже в сферу мышления, и поэтому язык уже не связан с мышлением, а есть само мышление? (в) Если между языком и мышлением существует неразрывная связь, т.е. представляет собою нечто единое, не означает ли это, что язык есть само мышление? Возникают и другие вопросы ко всему теоретическому языкознанию.

Но эти свойства языка (идеальные фонемы и понятия) – н е в и д и м ы е, загораживаемые самой материей знаков, вводящих в заблуждеие лингвистов и философов. Точно так же, как фразы *Солнце встаёт*, *Солнце садится*, *Солнце заходит* вводят науку в заблуждение. Это значит, что язык совпадает с материей, физическим явлением, с одной стороны, и с идеальным, мыслью, с другой стороны. Вот это неопределённое понятие «язык-мышление» или «мышление-язык» и есть представление данного народа о языке, в том числе и лингвистов, психологов, логиков и философов, это и есть традиционное представление о языке учёных всех специальностей. Это единение языка и мышления под одним термином «язык», с одной стороны, удобен для именования этого двойственного понятия, как бы слитого воедино, для преподавания языка, описания его структуры, грамматики и всех разделов эмпирического языкознания. Этот «нераздвоенный» термин удобен и для теоретической науки (языкознания, психологиии, логики, философии), для описания языка, его форм, для практической работы с языком. Но, с другой стороны, такой «язык» – н е н а у ч н о е п р е д с т а в л е н и е о его истинной сущности. Такое понимание языка н е е с т ь о б ъ е к т т е о р е т и ч е с к о г о я з ы к о з н а н и я, н е о б л а с т ь т е о р и и я з ы к а.

Как же быть сегодняшнему теоретическому языкознанию? Где выход? А выход есть. Он намечен, и не более чем намечен в этой книге: о с н о в ы т е о р е т и ч е с к о г о языкознания должны строиться только по теории об истинной структуре знака, представленной этой книгой, или близких к этому теорий. Т р а д и ц и о н н о е п о н и м а н и е я з ы к а пригодно, главным образом, для э м п и р и ч е с к о г о я з ы к о з н а н и я и оно от этого нисколько не пострадало и никогда не пострадает, ибо её цели – совсем иные.

Чтобы понять истинную сущность языка, надо прежде посмотреть, из чего он состоит и дать его элементам диалектическое истолкование. Язык состоит, как принято считать, из слов, но сами слова не есть нечто цельное, они тоже состоят из своих более мелких частиц, из букв и звуков, и в то же время сами слова как структурные элементы входят в более крупные языковые единицы – предложения. Все эти строительные элементы языка, разные по своим функциям, можно назвать общим для всех термином – знак, который уже давно существует в языкознании.

Многие лингвисты спотыкаются даже в простейшем вопросе, который, казалось бы, всем давным давно понятен и известен: что такое язык? Мы слышим звуки, читаем буквы, думаем словами, слышим и понимаем слышимое, пишем прозу и стихи, – и всё это считаем языком. Говорить так обобщённо о языке – мы сразу же теряем границы того, что называем языком. В более узком масштабе языком иногда считают лишь слышимые звуки и видимые и написанные буквы. Но есть ли язык лишь эта физическая субстанция, материя?

Вот тут и встаёт вопрос о сущности языка. Если я произношу слово *берёза*, меня понимают, имеют в виду один из сортов дерева. Но ведь кроме меня и все остальные русские люди тоже произносят это слово и его тоже понимают все. Но ведь это слово разными людьми произносится и пишется по-разному, в сотнях различных фонетичесих и графических вариантах, и инструментальный анализ показывает, что нет и двух одинаковых произношей и написаний. И тем не менее все люди понимают это слово как дерево, называемое *берёзой*. Почему? Значит, в основе понимания смысла

этого слова лежат не только, вернее – не столько сами звуки. А нечто, лежащее в глубине, невидимые звуки, общие для всех людей, говорящих на этом языке – логические абстракции от этих звуков – ф о н е м ы (от букв – г р а ф е м ы).

Рассматривать структуру знака удобнее всего начинать со слова, как общепринятого понятия во всех языках и для всех людей. Но оказалось (см. Главу 1), что знак (слово) состоит из четырёх взаимодействующих, взаимосвязанных и взаимопредполагаемых уровней: **(1)** звук, буква как м а т е р и я этого знака; **(2)** идеальный образ этого знака как ф о н е м а, г р а ф е м а; **(3)** идеальный образ отражаемого внешнего предмета как логическое п о н я т и е; **(4)** м а т е р и я внешнего предмета.

Все эти уровни, как отмечено, взаимопредполагаемы. Это означает, что из слова как знака ни один из указанных уровней не может быть изъят без того, чтобы не развалилось всё слово. В слове есть звуки, буквы, без них нет слов **(1)**. Мы слышим и читаем звуки и буквы в чьём-то, отличном от моего, исполнении, но мы, тем не менее, понимаем эти звуки и буквы. Электронная машина, например, этого никогда не разберёт и зафиксирует один и тот же звук в исполнении разных людей как разные единицы, ничего общего не имеющие одна с другой. Человек же увидел в одном и том же звуке (букве), но в исполнениях разных людей одно и то же, потому что до этого эти звуки у него в сознании отложились как абстрактные представления об этих звуках, как логическое понятие – фонемы **(2)**. Но звучащая или написанная цепочка звуков (букв), отложившаяся в моём сознании в виде её идеального образа, в виде фонемы (графемы), одновременно стала для меня другой идеальной или логической формой в виде названия внешнего предмета – понятием **(3)**.

Знак, как мы видим, есть последовательная четырёхуровневая цепочка составляющих её ингредиентов **(1)** → **(2)** → **(3)** → **(4)**, образованная из двух материальных внешних предметов **(1)** и **(4)**, т.е. цепочки материальных звуков или букв и материального внешнего предмета, и из их двух внутренних, абстрактных, логических образов, т.е. цепочек *фонем* и *понятий*, имеющих одно и то же имя – *берёза*. Значит уже в самом знаке представленны частица и материального мира, и её идеальный образ, они диалектически взаимодействуют и они неразлучны. Это порождает вопросы о характере функционирования самой нейронной системы мозга – как она, сама будучи материей, порождает в себе самой образы внешней материи, превращает материальное в идеальное, а идеальное – в материальное.

Итак, невозможно знаку обойтись хотя бы без одного из четырёх своих структурных составляющих, потому что изъятие хотя бы одного и них, любого, разрушает знак как языковой знак. Это ведёт нас к далеко идущим выводам о том, что, поскольку язык состоит из слов, т.е. языковых знаков, то эти четыре уровня должны преследовать нас посвюду, какие бы теоретические языковые проблемы мы не решали, будь то, например, соотношение языка с мышлением, сознанием, логикой, речью, текстом, действительностью или с более частными проблемами теоретического языкознания.

Выше была раскрыта структура языкового знака как взаимодействие его четырёх аспектов, уровней мышления: материя знака **(1)**, её идеальный, абстрактный, логический образ как низшая логическая форма – фонема, графема **(2)**. Сами по себе эти логические формы – фонемы и графемы – в мозгу существовать не могут, это бессмыслица, они должны иметь свой внемозговой материальный коррелят во внешнем мире. Иначе для чего тогда нужны пустые логические знаки, которые уже и не знаки ? Если я слышу звук (слово) и он для моего мозга ни с чем не связан (китайский язык для меня), ни на что не указывает, то это – не знак: знак присутствует лишь в знаковой

ситуации: говорящий – предмет беседы – слушающий. Если знак заканчивается двумя первыми фазами **(1)**, **(2)**, и за этим знаком не скрывается объект коммуникации и познания, то этот знак, его материя, отрицает самого себя, он уже не знак.

Чтобы абстракция звука (фонема) стала знаком, звук должен иметь выход на реальный, внешний предмет, с которым этот звук связан условно, произвольно. Значит цепочки фонем и графем, как логические абстракции **(2)** , переносятся на образ реального внешнего предмета, т.е. логическое понятие **(3)**. Следовательно, абстракция звука, фонема (*дерево*) **(2)** есть в то же время и логическая абстракция, понятие **(3)** о реальном предмете (*дерево*) **(4)**. Уровни в знаке **(2)** и **(3)** – одно и то же, нет названия знака (*дерево*) **(2)** без названия одноимённого предмета (*дерево*) **(3)**. Даже цепочка фонем в словах типа *ведьма, русалка*, которых в действительности нет, **(2)** вызывает в сознании определённый чувственный образ предмета *ведьма*, *русалка*, причём у каждого человека он видится по-своему. Кстати, и любой реальный, знакомый предмет при его наименовании у каждого человека ассоциируется по-разному, в заивисимости от его знаний, образования, опыта.

Но если у меня в голове возникает фантастически представляемый мною абстрактный, логический образ, понятие *ведьмы* **(3)**, то он, этот образ или понятие не существует в полном одиночестве, сам по себе, он вызывает у меня в мозгу представление о реальной *ведьме*, за моим представлением должен скрываться реальный предмет **(4)**, последняя фаза в модели знака. Здесь происходит переход нашего а б с т р а к т н о г о мышления в ч у в с т в е н н о е, иначе: услышанное или прочитанное слово вызывает в моём сознании образ внешнего предмета. Так же происходит и обратный процесс – при виде реального *дерева* **(4)** у меня в сознании сразу же всплывает его идеальный образ **(3)**. Здесь происходит переход моего ч у в с т в е н н о г о мышления в а бс т р а к т н о е мышление. Иначе этот материально-идеальный процесс не существует – один уровень мышления мгновенно переходит в другой уровень, абстрактное – в чувственное, а чувственное – в абстрактное. Процесс коммуникации мужду людьми всегда протекает на двух его уровнях мышления – в форме абстрактного, т.е. логического **(3)** и в форме чувственого, наглядного мышления **(4)**. Для того и существует мышление, чтобы в мозгу, т.е идеально, логически **(3)** отражать реальный предмет в его чувственной, осязаемой, видимой, слышимой или представляемой форме как наше представление о реальном предмете **(4)**.

Значит, языковой знак, если это языковой знак, а не просто посторонний звук, то мы имеем дело с реальным четырёхфазовым или четырёхуровневым языковым знаком. Этот знак со всеми его свойствами и лежит в основе того, что мы называем языком, и любые языковые знаки, т.е. членораздельные звуки, буквы, цифры, символы химии и логики, чертежи, графики и др. состоят из этих о б я з а т е л ь н ы х признаков. Следовательно, природа языкового знака лежит в основе человеческого мышления, в основе всех аспектов соотношения и взаимодействия языка с мышлением, сознанием, логикой, речью, текстом, действительностью. Какой бы вопрос теоретического языкознания мы ни затронули, мы неизбежно упрёмся в теорию знака, его диалектическую четырёхуровневую сущность, а без одной из этих необходимых сторон языковой знак исчезает и преврвщвется в обычную природную материю (китайский язык для русского).

Взаимоотношение языка и мышления – это соотношение материального и идеального, конкретного и абстрактного, явления и сущности в знаке, в слове, в предложении. Взаимоотношение языка и мышления надо рассматривать как взаимодействие внешней, внемозговой материи (звуки, буквы) и идеального образа от неё в сознании. Невозможно говорить по отдельности о языковых знаках или о языке

как системе материальных знаков, будто это соотношение материального и идеального миров происходит в знаках, и только в знаках, или в языке и только в языке. Нельзя говорить отдельно и о мышлении, будто в нём происходит взаимодействие с материей звука (буквы) и идеальной формой мысли. Это было бы неполным, и по сути – неверным, представлением о взаимодействии языка и мышления. Эту проблему надо решать во взаимодействии четырёх аспектов: 1) Переход от материи знака к идеальному в материи знака, т.е. переход от материального к идеальному **(1 → 2)**; 2) Переход от идеального в знаке к идеальному в предмете, т.е. перенос идеального образа знака на идеальный образ внешнего предмета, что одно и то же по названию, но не по сущности **(2 → 3)**. Это продиктовано тем, что знаки – условны, немотивированы и, следовательно, сами по себе не отражают сущность природы, внешнего мира; 3) Переход от идеального в предмете к материи этого внешнего предмета, т.е. переход от идеального к материальному **(3 → 4)**. Это и есть проблема соотношения или перехода от конкретного к абстрактному, и от абстрактного к конкретному в процессе познания действительности человеком. Язык и мышление, естественно, не являются отдельными, разделёнными, самостоятельными объектами в этой системе, как будто и в языке, и в мышлении имеются свои и материальные и идеальные единицы. Это было бы верно лишь в том случае, а) если бы мы считали языком лишь материю звука, буквы, будто бы способных сами по себе отражать действительность, т.е. заменили бы мозг материальными знаками; б) если бы мы считали мышлением лишь внутримозговую работу мышления, без выхода продукции этого мышления вовне мозга, без живых ассоциативных материальных знаков, как это происходит у животных.

Теория или философия языка, представленная здесь, должна рассматриваться как очередная гипотеза на пути бесконечного блуждания и искания правды о сущности языка. Но эта теория отличается от всех остальных тем, что она не «высосана из пальца», а основана на реальном материале, на чётком и последовательном логическом эксперименте.

Гипотезу о единстве языка и мышления, оригинальную точку зрения, в своё время высказал замечательный отечественный философ Ильенков, считающий, что ни языка, ни мышления как нечто отдельного не существует, что, в принципе, как я здесь доказываю, верно. Но эта половинчатость того и другого, по мнению Ильенкова, даёт в сумме именно то, что и есть истинный объект познания – «речевое или языковое мышлеие» (т.е. семантическое мышление). Но это механическое соединение материального и идеального – в реальном языке не так происходит.

Послушаем Ильенкова: мышление и язык (речь) – это две одинаково односторонние абстракции, и выражаемая в них «конкретность» есть нечто третье, само по себе ни мышлением, ни языком не являющееся. В этом случае логика (наука о формах мышления), как и лингвистика (наука о формах языка) – лишь два абстрактных аспекта этого третьего, реального, конкретного предмета (процесса), не получающего своего конкретного, истинного изображения ни в той, ни в другой науке [Ильенков 1977 : 92]. Поэтому всю предшествующую историю и логики, и лингвистики надо объявить предисторией новой науки, в рамках которой должны найти своё переосмысление все специальные абстракции (и все понятия и термины) как логики, так и лингвистики. В лоне этой новой науки вопрос об отношении между мышлением и языком (речью) был бы снят с самого начала по той причине, что он там даже не мог бы встать. В ней с самого начала ни мышление не рассматривалось бы само по себе, т.е. в отвлечении от языковой формы его выражения, ни язык не рассматривался бы иначе, как естественная, необходимая и, следовательно, единственная форма, без которой мышление вообще не

может осуществляться, представляться и мыслиться. Такой ход мысли не выдуман автором, можно сослаться на сотни работ, где говорится о «речевом мышлении», «словесном мышлении» и понятие чистого мышления без языка считается предрассудком старой логики. По мнению авторов таких работ, нет проблемы суждения, отличной от проблемы высказывания, она сливается в одну проблему, как и проблема понятия слилась с понятием слова [Там же : 92]. Утверждения Ильенкова лишь формально, но не по существу прокладывают путь к пониманию сущности так называемого «взаимоотношения языка и мышления» и в то же время порождают много вопросов.

4) Чего мы достигли в этой книге ?

Эта книга ставит окончательно вопрос о том, что теорий «марксистского языкознания», «языка как семиотической системы», «структурализма как теории языка», «лингвистической относительности», «языковой картины мира», «лингвистики текста», «когнитивной лингвистики», «биологической лингвистики», «экологической лингвистики» нет и они не могут существовать, и только и прежде всего потому, что этому препятствуют два главенствующих закона человеческого мышленния: закон четырёхуровневой структуры языкового знака, и закон двухуровневого процесса мышления как взаимодействия семантических и логических форм мысли. Этих законов не может не быть, иначе не мог бы осуществляться процесс мышления, коммуникации, познания и, следовательно, не было бы человека: только он обладает соответствующим мозгом а, значит, мышлением, а мышление не может существовать без материальных знаков, условно, ассоциативно закреплённых за всеми, известными человеку, понятиями. На основе этих знаков и осуществляется знаковое, языковое мышление, отражающее специфику семантической формы мышления. Но в структуре и системе условных знаков, т.е. в «языке», в семантических формах мысли закодирована также структура логических форм – фонем, графем, морфонем, понятий, суждений, умозаключений, которая лежит в основе всего нашего языкового, семантического мышления. Эта логическая структура мышления и есть инструмент отражения мира, обобщения единичных фактов, переход от простого к сложному, от частного к общему, от явления к сущности. В основе теории познания, а это значит – в основе теории, обеспеченной материальной знаковой системой, лежат законы физиологии мышления как взаимодействие материального и идеального. Это и есть философия языка, так как в ней решаются и доказываются наиболее фундаментальные проблемы взаимоотношения материи и сознания.

Представленные здесь на суд читателя теории «четырёхуровневой структуры языкового знака» и «двухуровневого процесса мышления (семантического и логического)» возникли не в стороне от столбовой дороги развития языкознания: эти вопросы, имплицитно и эксплицитно были поставлены ещё ранее. Частично уже были даны и некоторые ответы на вопросы, затронутые в этой книге. Моя книга – прямое и непосредственное продолжение всего того, что уже давно носилось в воздухе. Я не умаляю роли моих предшественников в этом вопросе, даже если они во многом ошибались, или смотрели совсем не в тот корень.

Надеюсь, читатель поймёт пафос этой книги: вскользь здесь проанализированные мною теории языка, отмеченные выше, жили, но уже не живут и не будут жить. Они жили лишь в воображении некоторых учёных, но они не соответствуют многим реальным фактам в соотношении «мира – мышления – сознания – логики – языка – речи – текста». Мы присутствуем на похоронах этих теорий, так долго привлекавших внимание многих учёных.

Чего мы достигли в этой книге ? Прежде всего того, чему она посвящена: этой книгой, во-первых, мы навсегда похоронили теоретическое «марксистско-ленинское языкознание», теории «лингвистической относительности», «языковой картины мира», «лингвистику текста», «когнитивную лингвистику» основанные на поверхностном понимании философии языка, не отражающие глубинные процессы жизни «языка» и его связей с мышлением и реальным миром.

Во-вторых, в этой книге показано самое главное – то, что выступает в роли могильщика этих теорий: а) это закон о четырёхуровневой структуре языкового знака, каждый из уровней которого диалектически взаимодействует с другими уровнями, б) это реально существующий двухуровневый процесс человеческого мышления, но почти незаметный для самого человека, – логический и семантический, процесс, в котором эти два уровня постоянно взаимодействуют, переходят друг в друга, один переливается в другой, один не существует без другого, один постулирует и подразумевает другой. И всё это происходит незримо, невидимо, почти неосознаваемо для пишущего, читающего, слушающего, говорящего человека.

В-третьих, на сущность языка и его взаимодействие с мышлением, с сознанием, с действительностью, с логикой, с речью, с текстом я попытался взглянуть с новых позиций, обнаружив, что отвергнутые мною теории построены на самой обыкновенной чувственной интуиция её авторов, увидевших в разных языках самые необычные способы представления мира, следовательно, надуманных, научно не обоснованных с самого начала. Все эти теории построены на зыбучем песке, лишь на реально видимых фактах, на я в л е н и я х, которые не открывают своей глубинной, внутренней с у щ н о с т и:

Если все поставленные в этой книге проблемы довести до логического конца, то это будет книга, посвящённая одной проблеме: ч т о т а к о е я з ы к ? Эта книга – о начальном понимании с у щ н о с т и я з ы к а. А так как поднятые здесь вопросы – лишь фрагменты этой большой проблемы, исследованием которой займутся будущие лингвисты, психологи, логики, философы, то естественно ожидать, что одна эта книга не может решить все выявленные здесь проблемы и даже не ставит такой задачи. Моя цель – на примере взаимоотношения действительности – мышления – сознания – логики – языка – речи – текста показать, что современное т е о р е т и ч е с к о е языкознание находится ещё в к о л ы б е л и. Тем самым я пытаюсь раскрыть начинающим лингвистам пути решения этой сложной проблемы.

В этой книге я окончательно развенчал выше указанные теории языка и показал нынешнее наивное понимание того, что мы называем «языком», показал неизбежность двухуровневой сущности нашего мышления (и нашего языка), существующего как неразрывное единство «логических форм мысли» и «семантических форм мысли», поставил много вопросов для размышления о природе языка.

Нет сомнения в том, что языкознание ушло далеко вперёд по сравнению с уровнем развития языкознания времён В. Гумбольдта. Если теперь посмотреть, что внесла лингвистика в свою копилку за прошедшие с тех пор полтора века своего существования, то можно сказать, что эти результаты состоят в попытках разрушить лишь некоторые устойчивые догмы, доставшиеся нам в наследство от 19 – 20 веков. Но теоретическое языкознание мало продвинулось вперёд.

Эмпирическое и теоретическое языкознание тесно связаны, но они не покрывают друг друга. Язык как объект языкознания может быть объектом и эмпирии языка, и теории языка. Первое направление всегда было главным в исследовании языка, на этом, собственно, и построено всё языкознание. Теоретическим языкознанием занимались все лингвисты, но только в масштабах своих эмпирических проблем, а специальное

теоретическое направление в языкознании как философия языка, было уделом лишь отдельных лингвистов. Эта книга – именно о теории языка и вся моя полемика с некоторыми авторами носит именно такой, лингвистически-философский характер.

Я не претендую на истину в последней инстанции, но я этой книгой претендую на то, что я расчистил дорогу к истине через четырёхуровневую структуру языкового знака и через двухуровневую природу мышления и языка. Придёт время, и другие покажут и докажут, в чём она, эта истина состоит. Всё изложенное здесь – моё теперешнее лингвистическое и философское убеждение, может быть со временем оно изменится, если это время будет. Я не предлагаю окончательно сформулированной теории языка, слова, значения, мышления, познания, взаимодействия языка (материальных знаков) с внешним миром и мышлением, теории языкового знака и др., тщась поставить точку на сложной теории взаимодействия многих аспектов того феномена, который мы называем «языком». Но я предлагаю тот задел, который поможет будущим лингвистам более глубоко разобраться в природе языка.

Я думаю, что эта книга вызовет много замечаний, нареканий, споров. Но как часто бывает в научной полемике, сперва будут говорит, что это абсурд, потому что этого никогда не может быть. Затем кое-кто скажет: в этом что-то есть. И не исключено, что этой книге уготована участь поколебать некоторые устоявшиеся ложные представления о языке, и могут даже сказать: «А кто же этого не знает» ?

Литература

Абаев В.И. Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке. – ВЯ, 1965, № 3

Абаев В.И. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка. – «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания». М., 1970

Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М., 1994

Абрамова Н.Т. Несловесное мышление. М. 2002

Авакян В.А. Гносеологический анализ гипотезы Сепира – Уорфа. –

Автореф. – Канд. дисс., Ереван 1972

Александрова О.В. Некоторые вопросы логики, методологии и философии языка. – ВЯ, 1985, № 6

Алпатов В.М. История одного мифа. Марр и марризм. М, 1991

Алпатов В.М. «Грамматика Пор – Рояля» и современная лингвистика (К выходу в свет русских изданий). – ВЯ, 1992, № 2

Алпатов В.М. Книга «Марксизм и философия языка» и история языкознания. – ВЯ, 1995. № 5

Алпатов В.М. История лингвистических учений. Учебное пособие. М., 1998

Алпатов В.М. Сто лет спустя или сбываются ли прогнозы ? – ВЯ, 2003, № 2

Альбрехт Эрхард. Критика современной лингвистической философии. М., 1974 (М., 1977)

Альмухамирова З.М., Киров Е.Ф. Три теории фонемы И.А. Бодуэна де Куртенэ. – «Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика». Казань, 1989

Андреев Н.Д. Квазилингвистика Хомского (О причинах неудачи порождающих грамматик). – ВЯ, 1976, № 5

Андреев Н.Д. Хомский и хомскианство. – «Философские основы зарубежных направлений в языкознании». М., 1977

Андреев Н.Д., Зиндер Л.Р. О понятиях речевого акта, речи, речевой деятельности и языка. – ВЯ, 1963, № 3

Аничков И.Е. Труды по языкознанию. Спб., 1997

Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. Краткий очерк. М., 1966

Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. – «Семантика и информатика», Вып. 28, М., 1986

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания. – ВЯ, 1995, № 1

Апресян Ю.Д. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия. – СЛЯ, 1999, № 4

Ардентов Б.П. Мысль и язык. Кишинёв, 1965

Аристотель. Об истолковании. СПб, 1891
Аристотель. Поэтика. Глава 20. – Античные теории языка и стиля», М., 1936
Аристотель. Аналитики. М., 1952
Арно Антуан и Лансло Клод. Грамматика всеобщая и рациональная. Пор – Рояль, 2003
Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976
Арутюнова Н.Д. Введение. Наивные размышления о наивной картине мира. – «Язык о языке», М., 2000
Асмус В.Ф. Диалектика Канта. М., 1930
Асмус В.Ф. Логика. М., 1947
Асмус В.Ф. Учение Гегеля о правах и пределах формального мышления. – «В.Ф. Асмус. Историко-философские этюды». М., 1984
Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1935, т. IV
Асратян Э. А. Очерки по высшей нервной деятельности. Ереван, 1977
Афанасьев В.Г. Основы философских знаний. М., 1975
Аткинсон Р. Человеческая память и процесс обучения. М. 1980
Ахманов А.С. Формы мысли и законы формальной логики (К вопросу о предмете формальной логики). – «Вопросы логики», М., 1955
Ахманов А.С. Логические формы и их выражение в языке. - Сб. «Мышление и язык». М., 1957
Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957
Ахманова О.С. Язык. – БСЭ, т. 49
Ахманова О.С., Краснова Е.И. О методологии языкознания. – ВЯ, 1974, № 6
Ахутина Т.В. Нейрофизиологический анализ динамической афазии. МГУ, 1975

Б**абайцева В.В.** О выражении в языке взаимодействия между чувственной и абстрактной ступенями познания действительности. – Сб. «Язык и мышлеие». М., 1967
Багдасарян В.Х. Проблема имплицитного (Логико - методологический анализ). Ереван, 1983
Баженов Л.Б., Бирюков Б.В. Семиотика и некоторые аспекты прблемы языка и мышления. – Сб. «Язык и мышление», 1967
Бакрадзе К. Логика. Тбилиси, 1951
Баксанский О.Е. Кучер Е.Н. Нейролингвистическое программирование как практическая область когнитивных наук. – ВФ, 2005, № 1
Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Лео Вайсгербер в когнитивной перспективе. – СЛЯ, 1990
Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики. – СЛЯ, 1997, № 1
Бархударов Л.С. К вопросу о поверхностной и глубинной структуре предложения. – ВЯ, 1973, № 3
Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., 1975
Бархударов Л.С. Проблема предложения в трактовке различных грамматических направлений. – ВЯ, 1976, № 3
Бархударов Л.С. Глубинная структура предложения в семиотическом аспекте. – Сб. «Проблемы синтаксической семантики». М., 1976
Беляев Б.В. О слове и понятии. – Учёные записки МГПИИЯ, т. VIII
Беляев Б.В. Очерки по психологии обучения иностранным

языкам. М., 1965
Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974
Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа. – «Новое в лингвистике», Вып. 4, М., 1965
Берестнев Г.И. Рец. на книгу Е.С. Кубряковой «Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004, СЛЯ, 2005, № 1
Бернштейн С.И. Основные понятия фонологии. – ВЯ, 1962, № 5
Березин Ф.М. Советскому языкознанию – 60 лет. – ВЯ, 1977, № 5
Березин Ф.М., Головин. Б. Общее языкознание. М., 1979
Бехтерева Н.П., Бундзен П.В., Гоголицын Ю.Л. Мозговые коды в психической деятельности. Л., 1977
Библер Б. Мышление как творчество. Введение в логику мысленного диалога, М., 1975
Бирюков Б. Антилогизм. – «Философская энциклопедия», т. 1, М., 1960
Бирюков Б. Форма логическая. – «Философская энциклопедия», т. 5, М., 1970
Бичагджан Б.Х. Эволюция языка: развитие в свете теории Дарвина. ВЯ, 1992, № 2
Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка. – ВЯ, 2000, № 4
Блох М. Я. Теоретические основы грамматики. Изд. четвёртое. «Высшая школа» М., 2005
Блох М. Я. Проблема понятий концепта и картины мира в философии языка. Журнал «Преподаватель: 21 век», № 1, 2007
Блох М. Я. Философия слова: семь воплощений лексемы. Журнал «Преподаватель: 21 век», № 2, 2010
Блум Ф., Лезерсон А., Хофстедтер Л. Мозг, разум и поведение. ***М., 1988***
Богуславский В.М. Слово и понятие. – Сб. «Мышление и язык». М., 1957
Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. т. 1, М., 1963; т. 2, 1963
Болотов В.И. А. А. Потебня и когнитивная лингвистика. – ВЯ, 2008, № 2
Бондарко А. В. Универсальные и неуниверсальные функции в грамматике. – «Универсалии и их место в типологических исследованиях. Мещаниновские чтения. Тезисы докладов. М., 1971
Бондарко А.В. Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике. – «Универсалии и типологические исследования», М., 1974
Борн Макс. Физика в жизни моего поколения. М., 1963
Борщев В.Б. Естественный язык – наивная математика для описания наивной картины мира. – «Московский Лингвистический альманах. Спорное в лингвистике». Вып. 1, М., 1996
Братко А.А. Кочергин А.Н. Информация и психика. Новосибирск, 1977
Бор Нильс. Атомная физика и человеческое познание. М., 1963
Брудный А.А. Коммуникация и семантика. – ВФ, 1972, № 4
Брудный А.А. Проблема языка и мышления – это прежде всего проблема понимания. – ВФ, 1977, № 6
Брунер Дж. С. Заключение. – «Исследование развития познавательной деятельности», М., 1971
Брутян Г.А. О гипотезе Сепира – Уорфа. – ВФ, 1961, № 1

Брутян Г.А. Гипотеза Сепира – Уорфа. Ереван, 1968
Брутян Г.А. Лингвистическое моделирование действительности и его роль в познании. – ВФ, 1972 , № 10
Брутян Г.А. Уровни абстрагирования и язык как критерий определения статуса логических наук. – ВФ, 1975, № 4
Брутян Г.А. Очерки по анализу философского знания. Ереван, 1979
Будагов Р.А. К критике релятивистской теории слова. – Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике», М., 1961
Будагов Р.А. Ф. Энгельс и некоторые вопросы языкознания. – Сб. «Фридрих Энгельс и языкознание». М., 1972
Будагов Р.А. Что такое общественная природа языка ? – ВЯ, 1975, № 3
Будагов Р.А. В какой мере «лингвистика текста» является лингвистикой ? – ФН, 1979, № 2
Будагов Р.А. К вопросу о месте советского языкознания в современной лингвистике. – ВЯ, 1981, №№ 2 - 3
Будагов Р.А. Язык – реальность – язык. М., 1983
Будагов Р.А. Сб. «Сумерки лингвистики». М., 2001
Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Языковая концептуализация мира. М., 1997
Бунге М. Интуиция и наука. М., 1967
Бюлер Карл. Теория языка. М., 1973

Вайнрайх У. О семантической структуре языка. – «Новое в лингвистике», Вып. 5, М., 1970
Васильев С.А. Философский анализ гипотезы лингвистической относительности. Киев, 1974
Васильев С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста. Киев, 1988
Васильева В. Ф. «Языковая картина мира» – миф и реальность. (Полемические заметки). – Вестник Моск. Ун-та, Серия 9, № 3
Вахтомин Н.К. О роли категорий «сущность» и «явление» в познании. М., 1963
Вейхман Г. А. О двусоставных безглагольных предложениях. – ВЯ, 1967, № 3
Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М. 1998
Ветров А.А. Методологические проблемы современной лингвистики. М., 1973
Визгалов П.И. Некоторые вопросы диалектики соотношения языка и мышления. Изд. Казанского ГУ, 1962
Витгенштейн Л. Лингво - философский трактат. М. 1958
Витгенштейн Л. Философские исследования. – «Язык как образ мира». М. – Спб., 2003
Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1986
Войшвилло Е.К. Предмет и значение логики. МГУ, М., 1960
Войшвилло Е.К. Логика. – «Философская энциклопедия», М., 1964, т. 3 : 227 – 228
Войшвилло Е.К. Некоторые вопросы теории значения с точки зрения логики и гносеологии. – Сб. «Проблемы знака и значения». М., 1969

Волков А.Г. Язык как система знаков. МГУ, 1966
Волков А.Г., Хабаров. К вопросу о природе языкового знака. – ВФ, 1959, № 11
Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Л., 1929
Вопросы языкознания в свете трудов И.В. Сталина. Лекции, прочитанные для преподавателей высших учебных заведений в августе 1950 года в МГУ. 1950
Вопросы языкознания в свете трудов И.В. Сталина. Под ред. В.В. Виноградова, Изд. МГУ, 1952. См. рецензию на этот сборник: Р.А. Будагов, В.Н. Ярцева. – ВЯ, 1952, № 4
Востоков Б.И. – Сб. «Проблема знака и значения», М., 1969
Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1934; 2-е изд. 1956.
Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М., 1956
Выготский Л.С. Проблемы сознания. – Сб. «Психология грамматики». М., 1968

Гадамер Х-Г. Истина и метод. М., 1988
Гак В.Г. К проблеме соотношения между структурой высказывания и структурой ситуации. – «Психологические и психолингвистические проблемы владения языком». МГУ, 1969
Гак В.Г. К проблеме соотношения языка и действительности. – ВЯ, 1972, № 5
Галкина-Федорук Е.М. О форме и содержании в языке. – «Мышление и язык», М., 1957
Гальперин И.Р. Грамматические категории текста (опыт обобщения. – СЛЯ, Вып. 6, 1977
Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981
Гальперин П.Я. К психологии формирования речи на иностранном языке. – «Психолингвистика и обучение иностранцев русскому языку». МГУ, 1972
Гальперин П.Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления. – ВФ, 1977, № 4
Гамкрелидзе Т.В. К проблеме «произвольности» языкового знака. – ВЯ, 1972 № 6
Гастев Ю., Финн В. Логическая истинность. – «Философская энциклопедия». Т. 3, М., 1964
Гегель Г.В.Ф. Введение в философию. Философская пропедевтика. М., 1927
Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Том I – VI , М., 1956
Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т. 1, М., 1970
Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т. 1 – 2, М., 1973
Гегель Г.В.Ф. Философия природы. М., 1975
Геляева А.И. Человек в языковой картине мира. Нальчик, 2002
Гельфанд М.С. Коды генетического языка и естественный язык. – ВЯ, 1990, № 6
Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка. – «Новое в зарубежной лингвистике», Вып. 23, М., 1988
Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992
Головин Б.Н. Введение в языкознание. М., 1977
Горелов И.Н. Проблема «глубинных» и «поверхностных» структур в связи с данными психолингвистики и нейрофизиологии. – СЛЯ, 1977, № 2
Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980
Горелов И.Н. Соотношение невербального и вербального в коммуникативной деятельности. – «Исследования речевого мышления». М., 1985

Горелов И., Енгалычев В. Безмолвный мысли знак. М., 1991
Горнфельд А.Г. Муки слова. М.- Л., 1927
Горский Д.П. Роль языка в познании. – Сб. «Мышление и язык». М., 1957
Горский Д.П. Логика. М., 1958
Горский Д.П. Вопросы абстракции и образования понятий. М., 1961
Горский Д.П. Формальная логика и язык. – «Философские вопросы современной формальной логики». М., 1962
Горский Д.П. Ошибки гения самые опасные. Развитие теории Маркса и её изъяны. М., 1995
Горский Д.П., Комлев Г.Н. К вопросу о соотношении логики и грамматики. – ВФ, 1953, № 6
Горький Максим. Непостижимый фокус. О том, как я учился писать. В кн. «Максим Горький о литературе. Литературно-критические статьи». М., 1953
Гумбольдт В. фон. О различении строения человеческих языков и его влияние на духовное развитие человеческого рода. – «Хрестоматия по истории языкознания 19 – 20 вв.». М., 1956
Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984
Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985
Гухман М.М. Лингвистическая теория Вайсгербера. – «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». М., 1961
Гухман М.М. Лингвистические универсалии и типологические исследования. – ВЯ, 1973, № 4

Д**адье Б.** Люди между двумя языками. – «Иностранная литература», 1968, № 4
Данилов А. К читателю. – «Предисловие к книге: Р.Ф. Абдеев. Философия информационной цивилизации». М., 1994
Дейк ван Т.А. Язык, познание, коммуникация. М., 1989
Демьянков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность. – ВЯ, 1983, № 6
Демьянков В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. Изд. МГУ, 1989
Демьянков В.З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория. – «Язык и структуры представления знаний». М., 1992
Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретационного подхода. – ВЯ, 1994, № 4
Демьянков В.З. Семантические роли и образы языка. – «Язык о языке». М., 2000
Димитрова С.П. Аспекты теории Сепира – Уорфа. – «Автореф. канд. дисс.», МГУ, 1967
Дубровский Д.И. Информационный подход к проблеме «сознание и мозг» – ВФ, 1976, № 11
Дюков А. Б. Философия языка. Оренбург, 2005

Елистратов Е.С. О философском подтексте в фонологии. – «Вестник МГУ, Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация». М., 2000, № 1
Ельмслев Л. Метод структурного анализа в лингвистике. – „Acta linguistica“, VI, Copenhagen. 1950 – 1951
Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка. – «Новое в

лингвистике». Вып. 1, М., 1960
Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958

Жакоб Ф. Лингвистическая модель в биологии. – ВЯ, 1992, № 2
Жинкин Н.И. Механизмы речи. М., 1958
Жинкин Н.И. Исследование внутренней речи по методике центральных речевых помех. – «Известия АПН РСФСР», 1960, № 113
Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи. – ВЯ, 1964, № 6
Жинкин Н.И. Консультация по вопросу о развитии мышления на иностранном языке. – ИЯШ, 1966, № 2
Жинкин Н.И. Грамматика смысла. М., 1970
Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982
Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи. Язык. Речь. Творчество. – Н.И. Жинкин. Избранные труды», М., 1998
Жолковский А.К., Мельчук И.А. К построению действующей модели языка «смысл – текст». – «Машинный перевод и прикладная лингвистика», Вып. 2, М., 1969
Журавлёв В.К. Язык – языкознание – языковеды. М., 1990, 1991
Журавлёв В.К. «Книга жизни» Н.С. Трубецкого (К столетию со дня рождения). – ВЯ, 1990. № 5

Заключение по дискуссии о фонеме. – Изв. АН СССР, ИЛЯ, 1953, № 6
Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь, 2001
Залевская А.А. Некоторые проблемы теории понимания текста. – ***ВЯ, 2002, № 3***
Звегинцев В.А. Проблема знаковости языка. М., 1956
Звегинцев В.А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира – Уорфа. – «Новое в лингвистике», Вып. 1, М., 1960
Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. М., 1962
Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968
Звегинцев В.А. Язык и общественный опыт (К методологии генеративной лингвистики). – «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания». М., 1970
Звегинцев В.А. Рецензия. – ВФ, 1972, № 1
Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. МГУ, 1973
Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976
Звегинцев В.А. Проблема взаимоотношения языка и мышления. и НТР. – ВФ, 1977, №
Звегинцев В.А. К вопросу о природе языка. – ВФ, 1979, № 11
Звегинцев В.А. Язык и знание. – ВФ, 1982, № 1
Звегинцев Владимир. Естественный язык с точки зрения логики и лингвистики. – «Язык, наука, философия. Логико-методологический и семиотический анализ». Вильнюс, 1986
Звегинцев В.А. Что происходит в советской науке о языке. – Вестник АН СССР, 1989, № 12
Звегинцев В.А. Мысли о языке, МГУ, 1996
Звонкин А.К. Малыши и математика. – «Знание – сила», 1985, № 8

Звонкин А.К., Фрумкина Р.М. Свободная классификация: модели поведения. – НТИ, 1980, № 6
Зегет В. Элементарная логика. М., 1985
Земская Е.А. Мои учителя: из воспоминаний филолога. – ВЯ, 2008, № 1
Зимняя И.А. Вербальное мышление (психологический аспект). – «Исследования речевого мышления в психолингвистике». М., 1985
Зиновьев А.А. Участие в дискуссии: «Обсуждение книги Т.И. Ойзермана «Марксизм и утопизм». М., 2003. – ВФ, 2004, № 2
Зиновьев А.А. Из беседы А.А. Зиновьева. – ВФ, 2007, № 4
Зиндер Л.Р. Материальная сторона языка и фонема. – Сб. Ленинизм и вопросы теоретического языкознания. М., 1970
Зыцарь Ю.В. О единстве сознания и различиях языков. – ВЯ, 1984, № 4

Ибраев Л.И. Надзнаковость языка (К проблеме отношения семиотики и лингвистики). – ВЯ, 1981, № 1
Иванов В.В. Язык в сопоставлении с другими средствами передачи и хранения информации. – «Прикладная лингвистика и машинный перевод». – Сб. Статей, ответ. ред. Л.А. Калужицкий, Киев, 1962
Ивин А.А. Строгий мир логики. М., 1988
Ившин В.Д. Проблема взаимодействия мышления, языка и речи. – Сб. Язык и речь, Тбилиси, 1977
Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960
Ильенков Э.В. К истории вопроса о предмете логики как науки. – ВФ, 1966, № 1
Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1974
Ильенков Э.В. Соображения по вопросу об отношении мышления и языка (речи). – ВФ, 1977, № 6
Ильенков Э.В. Проблема идеального. – ВФ, 1979, № 6
Философия и культура. Москва – Воронеж, 2010

Кант И. Сочинения. Критика способности суждения. Введение Т. 3, IV.
Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987
Караулов Ю.Н. Активная грамматика. М., 1999
Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса. – «Т.А. ван Дейк. Язык, познание, коммуникация. М., 1989
Карпов В.А. Язык как система. М., 2003
Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. – В кн. «В.А. Звегинцев. «История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях» Часть II, М., 1965
Касаткин П.Л. О природе фонемы. – ВЯ, 2009
Касевич В.Б. О восприятии речи. – ВЯ, 1974, № 4
Касевич В.Б. Проблема предмета языкознания. – «Вестник ЛГУ», 1974, № 14
Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение, М.-Л., 1965
Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972
Кибрик А.Е. Рецензия на книгу: «Теория функциональной грамматики. Введение, Аспектуальность, Таксис». Л., 1987. – СЛЯ, 1988, № 6
Кибрик А.Е. Язык. – «Лингвистический энциклопедический словарь». М., 1990

Кибрик А.Е. О «невыполненных обещаниях» лингвистики 50 – 60 годов. – «Московский Лингвистический альманах. Спорное в лингвистике». Вып 1, М., 1996
Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. Спб., 2003
Клаус Г. Введение в формальную логику. М., 1960
Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. М., 1983
Ковалёва Л. М. Английская грамматика: от предложения к слову. Часть 1. Иркутск, 2006
Кодухов В.И. Мышление и языковые значения и функции. – «Язык и мышление». М., 196
Колмогоров А.Н. Жизнь и мышление как особые формы существования материи. – «О сущности жизни». М., 1964
Колеватов В.А. «Мысль изречённая есть ложь» – «Философские науки», 1990, № 2
Колшанский Г.В. Логика и структура языка. М., 1965
Колшанский Г.В. Семантика слова в логическом аспекте. М., 1967
Колшанский Г.В. О вербальности мышления. СЛЯ, 1977, № 1
Колшанский Г.В. Лингво - гносеологические основы языковой номинации. – «Языковая номинация (Общие вопросы)». М., 1977
Колшанский Г.В. Проблемы коммуникативной лингвистики. – ВЯ, 1979, № 6
Колшанский Г.В. О языковом механизме порождения текста. – ВЯ, 1983, № 3
Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984
Колшанский Г.В. От предложения к тексту. – «Сущность, развитие и функции языка». М., 1987
Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990
Комаров А.П. О лингвистическом статусе каузальной связи (К вопросу о системности средств выражения причинно-следственных отношений в современном немецком языке. Алма-Ата, 1970
Комаров А.П. О внутренних противоречиях языка. Алма-Ата, 1988
Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М., 1980
Комиссаров В.Н. Смысловая стратификация текста как переводческая проблема. – «Текст и перевод». М., 1988
Комлев Н.Г. Слово, денотация и картина мира. – ВФ, 1981, № 11
Комлев Н.Г. Слово в речи: денотативные аспекты. МГУ, 1992
Копнин П.В. Формы мышления и их роль в познании. – «Автореф. доктор. дисс.». М., 1955
Копнин П.В. Формы мышления и их взаимосвязь. – ВФ, 1956, № 3
Копнин П.В. Природа суждения и формы выражения его в языке. – «Мышление и язык». М., 1957
Копнин П.В. Диалектика как логика и теория познания. М., 1973
Копнин П.В. Диалектика. Логика. Наука. М., 1973
Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. М., 1974
Копнин П.В. Проблемы диалектики как логики и теории познания. М., 1982
Коржинек И.М. К вопросу о языке и речи. – «Пражский лингвистический кружок». М., 1967

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М. 1999

Королёв К. Язык мира. – «Языки как образ мира». М. – Спб., 2003

Коршунов А.М., Мантатов В.В. Теория отражения и эвристическая роль знаков. МГУ, 1974

Котелова Н.З. О логико-грамматическом уровне предложения. – «Язык и мышление». М., 1967

Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. Психолингвистический очерк. Пер. С англ. под ред. А.Р.Лурия. М., 1977

Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск, 2001

Красухин К.Г. Слово, речь, язык, смысл: индоевропейские истоки. – «Язык о языке». М., 2000

Крейдлин Г.Е., Падучева Е.В. Значение и синтаксические свойства союза **а**. – НТИ, Серия 2, № 9. М., 1974

Кривоносов А.Т. О некоторых аспектах соотношения языка и действительности. – Сб. «Вопросы романского языкознания». Межвуз. сборн. Изд. КГУ, Калинин, 1977

Кривоносов А.Т. О некоторых аспектах соотношения языка и логики. – ВЯ, 1979, № 6

Кривоносов А.Т. «Текст» и логика. – ВЯ, 1984, № 3

Кривоносов А.Т. Языковые средства выражения логического отрицания. – ФН, 1985, № 1

Кривоносов А.Т. Отрицание в предложении и отрицание в умозаключении. (Опыт семантического анализа отрицаний в тексте). – ВЯ, 1986, № 1

Кривоносов А.Т. «Лингвистика текста» и исследование взаимоотношения языка и мышления. – ВЯ, 1986, № 6

Кривоносов А.Т. К проблеме авербального мышления. – «Философские науки», 1990, № 2

Кривоносов А.Т. К интеграции языкознания и логики. (На материале причинно-следственных конструкций русского языка). – ВЯ, 1990, № 2

Кривоносов А.Т. Мышление – без языка ? Экономия языковой материи – закон процесса мышления. – ВЯ, 1992, № 2

Кривоносов А.Т. Рецензия на книгу: «Васильев С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста». – ВЯ, 1992, № 6

Кривоносов А.Т. Естественный язык и логика. Москва – Нью-Йорк, 1983, 318 с.

Кривоносов А.Т. Язык. Логика. Мышление. Умозаключение в естественном языке. Москва – Нью-Йорк, 1996, 682 с.

Кривоносов А.Т. Система классов слов как отражение структуры языкового сознания. (Философские основы теоретической грамматики). Москва –Нью-Йорк, 2001, 845 с.

Кривоносов А.Т. Мышление, язык и крушение мифов о «лингвистической относительности», «языковой картине мира» и «марксистско-ленинском языкознании». Москва – Нью-Йорк, 2006, 821 с.

Кронгауз М. Двойное пространство слова. – «Знание – сила», 1987, № 3

Кубрякова Е.С. Возвращаясь к определению знака. – ВЯ, 1993, № 4

Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика, психология, когнитивная наука. – ВЯ, 1994, № 4

Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997
Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики. – СЛЯ, 2004, № 3
Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения. – «Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира». М., 2004
Кузнецов П.С. Об основных положениях фонологии. – ВЯ, 1959, № 2
Кульпина В.Г. Лингвистика цвета. М. 2001
Курманбаев Н.М. Заметки о картезианских основаниях генеративной лингвистики. – ВЯ, 1975, № 4

Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978
Лакофф Джордж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004
Лаптева О.А. Нерешённые вопросы теории актуального членения. – ВЯ, 1972, № 2
Лаптева О.А. Самоорганизация движения языка: внутренние источники преобразований (статья первая). – ВЯ, 2003, № 6
Лаптева О.А., Благова Г,Ф., Маковский М.М., Страхова Г.В. Как это было. – ВЯ, 2002, № 1
Лебедев С. А. Уровни научного знания. – ВФ, 2010, № 1
Лекторский В.А. Диалектика – это творчество. – В книге: «П.В. Копнин. Проблемы диалектики как логики и теории познания». М., 1982
Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. М., 1979
Ленин В.И. Философские тетради. ПСС, т. 29
Ленин В.И. Тт. 14 15, 18, 29, 42.
Леонтьев А. Язык и разум человека. М., 1965
Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. М., 1965
Леонтьев А.А. Языкознание и психолингвистика. М., 1966
Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.,1969
Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1997
Леонтьев А.Н. Чувственный образ и модель в свете Ленинской теории отражения. – ВП, 1970, № 2
Леонтьев А.Н. Деятельность и сознание. – ВФ, 1072, № 12
Леонтьев А.Н. Логическое и психологическое в мышлении.. – «Вестник МГУ, Серия 14, Психология, 2003, № 2
Леонтьева Н.Н. О предмете «Прикладная лингвистика» (ответ Н.В. Перцову). – «Московский Лингвистический альманах. Вып. 1, Спорное в лингвистике». М., 1996
Лингвистика текста. – НЗЛ, Вып. VIII, М., 1978, под ред. Т. М. Николаевой
Лисицкий В.А. Философские методы и лингвистические приёмы исследования. Воронеж, 1978
Лифшиц Михаил. Об идеальном и реальном. – ВФ, 1984, № 10
Логика и язык. Сб. научных трудов. М., 1985
Ломтев Т.П. За марксистскую лингвистику. –«Литература и искусство». 1931, № 1
Ломтев Т.П. Принцип отражения и его значение для лингвистической семантики. – ФН, 1970, № 1
Ломтев Т.П. Принципы отражения и его значение для

теоретической грамматики. – «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания». М., 1970

Лосев А.Ф. Символ и художественное творчество. – СЛЯ, 1971, № 1
Лосев А.Ф. Аксиоматика – знаковая теория языка. –«Вопросы грамматики и лексики русского языка». Сб. трудов ПИИ им. Ленина, М., 1973
Лосев А.Ф. Специфика языкового знака в связи с пониманием языка как непосредственной действительности мысли. – СЛЯ, 1976, № 5
Лосев А.Ф. О бесконечной смысловой валентности языкового знака. – СЛЯ, 1977, № 1
Лосев А.Ф. О понятии языковой валентности. – СЛЯ, 1981, № 5
Лосев А.Ф. Логическая теория числа. – ВФ, 1994, № 11
Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. МГУ, 1962
Лурия А.Р. Научные горизонты и философские тупики в современной лингвистике (Размышления психолога о книгах Н. Хомского) – ВФ, 1975, № 4
Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979
Лурия А.Р., Цветкова А.С. Нейропсихологический анализ предикативной структуры высказывания (Проблемы психолингвистики). – «Теория речевой деятельности». М., 1968
Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения. К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986
Ляпон М.В. Прагматика каузальности. – «Русистика сегодня. Язык: система и её функционирование. М., 1988

Макаев Э.А. Рецензия на «Лингвистический энциклопедический словарь», М. 1990, – ВЯ, 1992, № 2
Макаев Э.А. Рецензия на книгу: «Лингвистический энциклопедический журнал». М., 1990. – ВЯ, 1990, № 2
Макаев Э.В. «Вопросам языкознания» – 40 лет. – ВЯ, 1992, № 1
Макаров М.Л. Коммуникативная структура текста. Тверь. ТГУ, 1990
Маковский М.М. Рецензия на книгу: Г.И. Берестнев. Слово, язык и за их пределами. – ВЯ, 2009, № 1
Малинович Ю. М. Прагматика текста и составляющих его единиц. – Проблемы лингвистического анализа текста и лингводидактические задачи. Ч. II. Иркутск, 1983
Малинович Ю. М. Экспрессия и смысл предложения: Проблемы эмоционально-экспрпссивного синтаксиса. Иркутск, 1989
Мальцев В.И. Лексическое значение и понятие. – Сб. «Проблема знака и значение». М., 1963
Мальцев В.И. Материальность языка и проблема лексического значения.. – ВФ, 1965, № 11
Мальцев В.И. Лексическое значение и понятие. – Сб. «Проблема знака и значения», М. 1969
Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления, М., 1968
Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические

рассуждения о сознании, символике и языке. М., 1999
Маркс К., Энгельс Ф. «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, 1935
Маркс Карл. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940
Маркс К., Энгельс Ф. ПСС: тт. 2, 3, 4, 12, 14, 20, 21, 23, 26 ч. 3, 29
Маркс Карл. Капитал. Том 1, 1955
Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960
Марчук Ю. Н. Основы компьютерной лингвистики. Учебное пособие. М., 1999
Марчук Ю. Н. Компьютерная лингвистика. М. – «Восток - Запад», 2007, 375 с.
Марчук Ю. Н. Модели перевода. М. –«Академия», 2010, 175 с.
Мельников Г. П. Язык и речь с позиции системной лингвистики. Тбилиси 1977
Мельников Г. П. Кибернетический аспект различения сознания, мышления, языка, речи. – «Язык и мышление». М., 1967
Мельников Г. П. Язык как система и языковые универсалии. – «Языковые универсалии и лингвистическая типология». М., 1969
Мельникова А. А. Язык и национальный характер. Спб. 2003
Мельничук А. С. О природе лингвистического знака. – «Теоретические проблемы советского языкознания», М., 1964
Мельничук А. С. О роли мышления в формировании структуры языка. – «Язык и мышление». М., 1967
Мельничук А. С. Философские вопросы языкознания. – ВЯ, 1975, № 5
Мельничук А. С. Рецензия на книгу: «В.З. Панфилов. Философские проблемы языкознания. Гносеологические аспекты. М., 1977». – ВЯ, 1978, № 4
Мельничук А. С. Карл Маркс и развитие современного языкознания. – СЛЯ, 1983 , № 3
Мельчук И. А. О некоторых типах языковых значений. – Сб. «О.С. Ахманова, И.А. Мельчук, Е.В. Падучева, Р.М. Фрумкина. О точных методах исследования языка». М., 1961
Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл – текст». М., 1974
Меморандум о лингвистических универсалиях. – «Новое в лингвистике». Вып. 5, М., 1970
Мещанинов И.И. Соотношение логических и грамматических категорий. – «Язык и мышление». М., 1967
Мигирин В.Н. Язык как система категорий отражения. Кишинёв, 1973
Мигирин В. Н. Грамматика, логика, философия. Кишинёв, 2002
Миллер Дж. Психолингвисты. – «Теория речевой деятельности». М., 1968
Миллер Дж. Магическое число семь и плюс и минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию. – «Инженерная психология». М., 1964
Михайлов Ф.Т. Немота мысли. – ВФ, № 2
Моррис Ч. И. Основания теории знаков. – Сб. «Семантика», М., 1983
Москальская О.И. Текст как лингвистическое понятие. – ИЯШ, 1978, № 3
Москальская О.И. Порочный метод лингвистического исследования. – «Труды Военного института иностранных языков». Вып. I, 1952

Москальская О.И. Грамматика текста. М., 1981
Москович В.А. Система цветообозначения в современном английском языке. – ВЯ, 1960, № 6
Мороз О.В. В поисках гармонии. М., 1978
Мосейко А.Н. Способы выражения умозаключений в языке. – «Автореф. канд. дисс.». М., 1954
Мурясов Р. З. Лексико-грамматические разряды в грамматике и словообразовании. – ВЯ, 1999, № 4
Мурясов Р. З. Типология глагола в разноструктурных языках. Саарбрюкен ФРГ, 2011
Мыркин В.Я. К вопросу об объективности существования языка. (Попытка философской интерпретации дихотомии *язык – речь*). – ФН, 1971, № 4
Мыркин В.Я. В какой мере язык (языковаяя система) является отражением действительности. – ВЯ, 1986, № 3

Назикова Е.А. Выражение причинных отношений в современном русском литературном языке. – «Автореф. канд. дисс.». Л., 1952
Налимов В.В. Вероятностная модель языка. М., 1974
Нарский И.С. Проблема значения «значения» в теории познания. – «Проблемы знака и значения». М., 1969
Наседкин А.Д. Язык как средство формирования мысли. – Сб. «Язык и мышление», М., 1967
Науменко Л.К. Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата, 1968
Нестерова Н.М. Текст перевода – текст вторичный ? – «Проблемы прикладной лингвистики ». М., 2002
Нечипоренко В.Ф. Лингвофилософские основы эколингвистики. Калуга, 1998
Нечипоренко В.Ф. Теоретические основы биолингвистики. Калуга, 1999
Нечипоренко В.Ф. Речевое высказывание (с позиций познания и применения в ходе общения). М., 2001
Нечипоренко В.Ф. Опыт теории лингвистических исследований (согласно ряду собственных соображений). – Сб. «Человек в зеркале языка. Вопросы теории и практики». М., 2002
Нечипоренко В.Ф. Философия речи. Лингвофилософское исследование. М., 2002
Нечипоренко В.Ф. Понятие биополя в лингвистике. – «Человек в зеркале языка». М., 2005
Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988
Никитин М.В. Предел семиотики. – ВЯ, 1977, № 1
Никитина Л.Б. Образ homo sapiens в русской языковой картине мира. Омск, 2003
Николаева Т.М. Актуальное членение – категория грамматики текста. – ВЯ, 1972, № 2
Николаева Т.М. О логико-семантических работах современных французских лингвистов. – ВЯ, 1987, № 6
Николаева Т.М. От звука к тексту. М., 2002
Николаева Т.М. Рецензия на сборник под ред. Н.Д.Арутюновой: Язык о языке», М., 2000 – ВЯ, 2001, № 2
Новая философская энциклопедия. М., 2010
Новиков А.И. Семантика текста и информация. М., 1983
Новиков А.И. Смысл текста как результат его понимания. – «XII Международный симпозиум» М., 1997

Новосёлов М.М. Абстракция. – «Философский энциклопедический словарь». М., 1983
Новосёлов М., Рузавин Г. Формальная логика. – «Философская энциклопедия». Т. 5, М., 1970
Нойман Вернер. К вопросу о характеристике языкового знака, социальной детерминированности и языковой обусловленности. – «Актуальные проблемы языкознания в ГДР». М., 1979

Общее собрание Академии Наук СССР. Выступление В.Н. Ярцевой. Известия АН СССР, СЛЯ, 1987, № 4
Огрызько В. Послесловие к статье Жакоб Ф. «Лингвистическая модель в биологии» – ВЯ, 1992, № 2
Ойзерман Т.И. Догматизация марксизма и внутренне присущий марксизму догматизм. – ВФ, № 2
Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм. М., 2003
Ойзерман Т.Н. Основные вопросы философии. – ВФ, 2005, № 11

Павилёнис Р.И. Философия языка: проблема анализа предложений мнения. – ВФ, 1981, № 10
Павилёнис Р.И. Проблема смысла, Современный логико - философский анализ языка. М., 1983
Павлов В.М. Проблема языка и мышления в трудах Вильгельма Гумбольдта и в неогумбольдтианском языкознании. – «Язык и мышление». М., 1967
Павлов В.М. Языковая способность человека как объект лингвистической науки. – «Теория речевой деятельности». М., 1968
Павлов В.М. О противоречиях в языке (Составная лексическая единица в её отношении к синтаксической конструкции). – Сб. «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания» 1970
Павлов И.П. Павловские чтения. М.- Л. 1949.
Павлов И.П. Павловские среды, т. III.
Падучева Е.В. Рецензия на книгу: N.Chomsky „Syntactic structures“ – ВЯ, 1959, № 1
Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985
Падучева Е.В. Идея всеобщности в логике и в естественном языке. – ВЯ, 1989, № 2
Пазухин Р.В. О месте языка в семиотической классификации. – ВЯ, 1968, № 3
Пазухин Р.В. Язык, функция, коммуникация. – ВЯ, 1979, № 6
Панов Е.Н. Знаки, символы, языки. 2-е изд. М., 1983
Панфилов В.З. .К вопросу о соотношении языка и мышления. – Сб. «Язык и Мышление». М., 1957
Панфилов В.З. Грамматика и логика. М.-Л., 1963
Панфилов В.З. О соотношении внутрилингвистических и экстралингвистических факторов в функционировании и развитии языка. – «Теоретические проблемы современного советского языкознания». М., 1964
Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971
Панфилов В.З. Языковые универсалии и типология предложения. – ВЯ, 1974, № 5
Панфилов В.З. Роль естественных языков в отражении действительности и проблема языкового знака. ВЯ, 1975, № 3
Панфилов В.З. О гносеологических аспектах проблемы языкового

знака. – ВЯ, 1977, № 2
Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. М., 1977
Панфилов В.З. Марксизм – ленинизм как философская основа языкознания. – ВЯ, 1979, № 4
Панфилов В.З. О некоторых аспектах социальной природы языка. – ВЯ, 1982, № 6
Панфилов В.З. Карл Маркс и основные проблемы современного языкознания. – ВЯ, 1983, № 5
Панфилов В.З. Язык как предмет языкознания. Общественная природа языка. – Сб. «Онтология языка как общественного явления», М., 1983
Паршин П.Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века. – ВЯ, 1996, № 2
Перцов Н.В. О некоторых проблемах современной семантики. – «Московский Лингвистический альманах. Спорное в лингвистике». Вып. 1, М., 1996
Перцов Н.В. О точности в филологии. – ВЯ, 2009, № 3
Петров В.В. Язык и логическая теория. – «Новое в зарубежной лингвистике». Вып. 18, М., 1986
Петров В.В. От философии языка к философии сознания. – «Философия, логика, язык», М., 1987
Петров Ю.А. Гносеологическая роль формальных языков. – Сб. «Язык и мышление», № 3, М., 1967
Пиотровский Р.Г. Текст, машина, человек. Л., 1975
Плунгян В.А. Почему языки такие разные ? М., 1996
Поливанов Е.Д. По поводу звуковых жестов японского языка. – «Поэтика», Пгрд., 1919
Поливанов Е.Д. О принципах языковой эволюции. – Сб. «Статьи по общему языкознанию». М., 1968
Попов П.С. Различные типы нарушения правильности речи и их значение для выяснения характера взаимоотношения языка и мышления. – Сб. «Язык и мышление», 1967
Попов П. С. История логики нового времени. Изд. МГУ, 1960
Попов П.С., Стяжкин Н.И. Развитие логических идей от античности до эпохи возрождения. МГУ, 1974
Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983
Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974
Поспелов Д.А. О «человеческих» рассуждениях в интеллектуальных системах. – «Вопросы кибернетики. Логика рассуждений и её моделирование». М., 1983
Постовалова В.И. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. М., 1982
Постовалова В.И. Существует ли языковая картина мира. – «Язык как коммуникативная деятельность человека». Сб. Науч. трудов. Вып. 284, МГПИИЯ, 1987
Постовалова В.И. Наука о языке в свете идеала цельного знания. – «Язык и наука конца 20 века». М., 1995
Потапов В. В. Язык, речь, личность. – «Языки славянской культуры». М., 2006, 496 с.
Потапова Р. К. Тайны современного кентавра. Речевое взаимодействие «человек – машина». М., 1992
Потапова Р. К. Речевое взаимодействие «человек – машина». Изд. 2, М., 2003, 248 с.
Потапова Р. К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика. Изд. 4, М., 2010,

600 с.
Потапова Р. К. Новая информационная технология и лингвистика. Изд. 5, М., 2012, 354 с.
Потапова Р. К., Потапов В. В. Речеваяя коммуникация: от звука к высказыванию. – «Языки славянской культуры», М., 2012, 334 с.
Потебня А.А. Психология поэтического и прозаического мышления. – Сб. «Вопросы теории и психологии творчества», Харьков, 1910, т. 2 вып. 2
Потебня. А.А. Мысль и язык. Изд. 3, Харьков, 1913
Потебня А.А. Мысль и язык. Киев, 1993
Правдин М.Н. Логика и грамматика. М., 1973
Правдин М.Н. Словарное толкование, научность и здравый смысл. – ВЯ, 1983, № 6
Правдин М.Н. Проблема абстрактного и конкретного в мышлении и языке. М., 1991
Прибрам К. Языки мозга. М., 1975
Пузырёв А.В. Языковая картина мира в русских анекдотах (Опыт системного подхода). Сб. «Язык и мышление: психологические и логические аспекты». Москва – Пенза, 2004
Пятигорский А.М. «Мысль держится, пока мы .....» – ВФ, 1991, № 5

Р**адченко О.А.** Лингвофилософские опыты В. фон Гумбольдта и постгумбольдтианство. – ВЯ, 2001, № 3
Радченко О.А. Языковая картина мира или языковое миросозидание (К вопросу о постулатах Л. Вайсгербера). – СЛЯ, 1990, № 5
Радченко О.А. Лингвофилософский неоромантизм Й.Л. Вайсгербера. – ВЯ, 1993, № 2
Радченко О.А. Язык как мироздание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. Т. 1 – 2, М., 1997
Рамишвили Г.В. Языкознание в кругу наук о человеке. – «ВФ, 1981, № 6
Рахилина Е.В. «X Международная конференция по когнитивной лингвистике». – ВЯ, 2008, № 2
Резников Л.О. Неопозитивистская гносеология и знаковая теория языка. – ВЯ, 1962, № 2
Резников Л.О. Гносеологические вопросы семиотики. Л. 1964
Реферовская Е.А. Философия лингвистики Гюстава Гийома. Курс лекций по языкознанию. СПб, 1997
Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. Под ред. Б.А. Серебренникова. М., 1988
Романенко А.П. Советская философия языка: Е.Д.Поливанов – Н.Я.Марр. – ВЯ, 2001, № 2
Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание, М., 1957
Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М., 1958
Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959
Рябцева Н.К. Текст как объект содержательного анализа и проблема формализации перевода. – «Текст и перевод». М., 1988
Рябцева Н.К. Аксиологические модели времени. – «Логический анализ языка. Язык и время». М., 1997

Савченко А.Н. Части речи и категории мышления. – «Язык и мышление». М., 1967
Савченко А.Н. Язык и система знаков. – ВЯ, 1972, № 6
Санников В.З. Значение союза **но**: нарушение «нормального» положения вещей. –

СЛЯ, 1986, № 5
Санников В.З. Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис. М., 1989
Санжеев Г.Д. Проявление логики вещей в языке. – «Языковые универсалии и лингвистическая типология». М., 1969
Свинцов В.И. Логика. М., 1987
Селиванов Ю.Р. Текст как капитал. – ВФ, 2004, № 12
Селивёрстова О.Н. Понятие «множество» и «пространство» в семантике синтаксиса. – СЛЯ, 1983, № 2
Семиотика. Сб. под ред. Ю.С. Степанова. М., 1983
Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. М., 1934
Сепир Э. Избранные труды. М., 1993
Серебренников Б.А. О ликвидации последствий культа личности Сталина в языкознании. Сб. «Теоретические проблемы советского языкознания». М., 1964
Серебренников Б.А. Об относительной самостоятельности развития языка М., 1968
Серебренников Б.А. К проблеме сущности языка. – «Общее языкознание.». М., 1970
Серебренников Б.А. Номинация и проблема выбора. – «Языковая номинация (Общие вопросы)». М., 1977
Серебренников Б.А. К проблеме «Язык и мышление». (Всегда ли мышление вербально ?). – СЛЯ, 1977, № 1
Серебренников Б.А. Ещё раз о дихотомии «язык» и «речь». Сб. «Язык и речь». Тбилиси, 1977
Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983
Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М., 1988
Серебрянников О.Ф., Бродский И.Н. Дедуктивные умозаключения. Л., 1969
Серль Дж. Открывая сознание заново. М., «Идея – Пресс», 2002
Сеченов И.М. Избранные философские и психологические произведения. М., 1947
Сгал П. К проблеме лингвистики текста. – НЗЛ, Вып. 8, М., 1978
Сильман Т.И. Подтекст как лингвистическое явление. – ФН, 1969, № 1
Сиротинина О.Б. Рецензия на книгу: «И.Р. Гальперин. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981» – ВЯ, 1983, № 2
Сироткин С.А. Чем лучше мышлению вооружаться – жестом или словом ? – ВФ, 1977, № 6
Слобин Д. Психолингвистика. – «Д. Слобин, Дж.Грин. Психолингвистика». М., 1976
Слюсарева Н.А. О знаковой ситуации. – Сб. «Язык и мышление». М., 1967
Слюсарева Н.А. Категориальная основа тема - рематической организации высказывания-предложения. – ВЯ, 1986, № 4
Смирницкий А.И. Объективность существования языка. МГУ, 1954
Смирнов А.А. Проблема психологии памяти. М., 1966
Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление. М., 1968
Солнцев В.М. Абстракции и проблема абстрактных сущностей в лингвистике. – «Энгельс и языкознание». М., 1972
Солнцев В.М. К вопросу о семантике или языковом значении. – Сб. «Проблемы семантики». М., 1974
Солнцев В.М. Относительно концепции глубинной структуры. – ВЯ, 1976, № 5
Солнцев В.М. Языковой знак и его свойства. – ВЯ, 1977, № 2
Солнцев В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы. – ВЯ, 1984, № 2

Солнцев В.М. О лингвистических мифах. – «Знание языка и языкознание». М., 1991
Соломоник А. Язык как знаковая система. М., 1992
Сонин А.Г. Поколению учёных, выросших на «Кратком словаре когнитивных терминов». – Сб. «Человек в зеркале языка», Кн. 2, М., 2005
Сорокин Ю.А. Исследование внеязыковой обусловленности психолингвистических явлений. – «Основы теории речевой деятельности». М., 1974
Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Национально-культурные аспекты речевого мышления. – «Исследования речевого мышления в психологии. Под ред. Е.Ф. Тарасова. М., 1985
Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В. «Культурный знак» Л.С. Выготского и гипотеза Сепира – Уорфа. – Сб. «Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР». М., 1982
Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1933
Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – Ф. Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977
Сотникян П.А. Основные проблемы языка и мышления. Ереван, 1968
Спиркин А.Г. Происхождение языка и его роль в формировании мышления. – «Мышление и язык». М., 1957
Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М., 1972
Спиркин А.Г. Идеальное – «Философский энциклопедический словарь». М., 1983
Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950
Стеблин-Каменский М.И. Называние и познание в теории грамматики. – ВЯ, 1971, № 5
Степанов Г.В. Испанский язык в странах Латинской Америки. М., 1963
Степанов Г.В. О философии и философах. Предисловие к книге: «Энциклопедический словарь юного филолога (Языкознание)», М., 1984
Степанов Ю.С. Вступительная статья к работе Э. Бенвениста «Общая лингвистика». М., 1974
Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. 1975, 2-е изд. М., 1976
Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975
Степанов Ю.С., Эдельман Д.И. Семиологический принцип описания языка. – «Принципы описания языков мира». М., 1976
Степанов Ю.С. Номинация, семантика, семиотика. – Сб. «Языковая номинация (Общие вопросы)». М., 1977
Степанов Ю.С. В мире семиотики. Вступительная статья к сборнику «Семиотика». М., 1983
Степанов Ю.С. В трёхмерном пространстве языка. М., 1985
Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в конце XX века. – Сб. «Язык и наука конца XX века». М., 1995
Степанов Ю.С. Пор – Рояль в современной культуре.. – «Арно Антуан и Лансло Клод. Грамматика всеобщая и рациональная Пор – рояля. М., 1998
Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М., 2001 (с. 903 – 949 «Язык»).
Степанов Ю.С. Антуан Мейе. Портрет без ретуши. – Сб. «Человек в зеркале языка. Вопросы теории и практики». Сб. к 60 – летию доктора филологических наук Юдакина Анатолия Петровича. М., 2002
Структура философского знания. Сб. статей. Томск, 1986
Субботин А.Л. Смысл и ценность формализации в логике. – «Философские вопросы современной формальной логики». М., 1962
Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. М., 2001

Сусов И.П. К оценке конвенционистской концепции реальности языковых единиц. – ВЯ, 1971, № 4
Сусов И.П. Семантическая структура предложения. Тула. 1973
Сыроваткин С.Н., Гарифулин Л.Б. Введение в современное языкознание. Челябинск, 1973

Таванец П.В. Формальная логика и философия. – «Философские вопросы современной формальной логики». М., 1962
Тарасов Е.Ф. Научное наследие К. Маркса и исследование проблем речевого общения». – ВЯ, 1986, № 6
Тарасов Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики. М., 1987
Татаринов В. А. Общее терминоведение. Энциклопедический словарь. «Московский лицей», 2006, 528 с.
Татаринов В. А. Методология научного перевода. К основаниям теории конвертации. «Московский лицей», М., 2007, 384 с.
Теремова Р.М. Опыт функционального описания причинных конструкций. Л., 1985
Теремова Р.М. Система уступительности и её выражение в современном русском языке. Л., 1986
Тимофеева М. К. Язык с позиции философии, психологии, математики. Новосибирск, 2007
Тинякова Е.Л. Философский аспект рассмотрения языка. Курск, 1999
Торопова Н. А. Семантика и функции логических частиц. – Дисс. док. филол. наук. Калинин 1981.
Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960

Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку. – «Новое в лингвистике». Вып 1, М., 1960
Уорф Б.Л. Наука и языкознание (О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление). – «Новое в лингвистике». Вып. 1, М., 1960
Уорф Б.Л. Лингвистика и логика. – «Новое в лингвистике». Вып. 1, М., 1960
Уфимцева А. А. Знаковая природа языка. – Сб. «Общее языкознание». М., 1970
Уфимцева А.А., Азнаурова Э.С., Кубрякова Е.С., Телия Н.Н. Лингвистическая сущность и аспекты номинации. – «Языковая номинация (Общие вопросы)». М., 1977
Ушакова Т.Н., Павлова Н.Д., Зачёсова И.А. Психологические исследования семантики речи. – «Психологические и психофизиологические исследования речи», М., 1985
Ушакова Т.Н. О психологии словесного творчества. – ПЖ, 2007, № 4
Урысон Е.В. Языковая картина мира и лексические заимствования. – ВЯ, 1999, № 6

Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода. Изд. 4-е, М., 1983
Фёдоров А.В. Искусство перевода и жизнь литературы. Очерки. Л., 1983
Фефилов А.И. Язык – сознание – действительность (лингвофилософская интерпретация). Ульяновск, 2002
Фейербах Л. Избранные философские произведения. М., 1955, том 1
Филин Ф.П. Борьба за марксистско-ленинское языкознание и группа «Языкофронт». – Сб. «Против буржуазной контрабанды в языкознании». Л. 1932
Филин Ф.П. О некоторых философских вопросах языкознания. – Сб «Ленинизм и

теоретические проблемы языкознания». М., 1970
Филин Ф.П. Советское языкознание: теория и практика. – ВЯ, 1977, № 5
Филин Ф.П. О специальных теориях в языкознании. – ВЯ, 1978, № 2
Филин Ф.П. Некоторые вопросы современного языкознания. – ВЯ, 1979, № 4
Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. М., 1982
Философия языка. Сб. статьей под ред. Дж. Р. Сёрля, М., 2004
Философская энциклопедия. М., т. 1, 1960; т. 2, 1962; т. 3, 1964; т. 4, 1967; т. 5, 1970
Философский энциклопедический словарь. М., 1983
Фишер К. Лейбниц. История новой философии. 1905, т. III, Спб.
Формальная логика. ЛГУ, 1977
Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение. Общий курс (1901 – 1902).
Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Сравнительное языковедение. Общий курс. Том 1, М., 1956; т. 2. 1957
Фосслер К. Грамматика и история языка. – Изд. «Логос», М., 1910
Фреге Г. Мысль: логическое исследование. – «Философия. Логика. Язык». М., 1987
Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. М. 1984
Фрумкина Р.М. Лингвистическая гипотеза и эксперимент (о специфике гипотез в психолингвистике). – «Гипотеза в современной лингвистике». М., 1980
Фрумкина Р. Что мы делаем, когда говорим и думаем ? – «Знание – Сила»., 1987, № 1
Фрумкина Р.М. Соотношение точных методов и гуманитарного подхода – лингвистика, психология, психолингвистика. – СЛЯ, 1978, № 4
Фрумкина Р.М. Проблема «язык и мышление» в свете ценностных ориентаций. – «Язык и когнитивная деятельность». М., 1989
Фрумкина Р.М. Идеи и идеологизмы в лингвистике. – «Язык и структура знания». М., 1990
Фрумкина Р.М., Мостовая А.Д. Овладение родным языком как обучение знаковым операциям. – ВЯ, 1990, № 5
Фрумкина Р.М. Самосознание лингвистики – вчера и завтра. – СЛЯ, 1999, т. 58, № 4

Хабургаев Г.А. Схема соотношения элементов мыслительно-речевой системы. – Сб. «Язык и мышление», М., 1967
Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. М. 1989
Харитончик З.А. Рецензия на книгу: «Е.С. Кубрякова. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1977» – ВЯ, 1999, № 5
Хоменко Е.А. Логика. 2-е изд. М., 1976
Хомский Н. Язык и мышление. МГУ, 1972
Хомский Н. Логические основы лингвистической теории. - Сб. Новое в лингвистике», Вып. IV, М., 1965

Цейтин Г.С. Тезисы выступления на круглом столе. – «Московский Лингвистический альманах. Спорное в языкознании». Вып. 1, М., 1996
Цейтлин С.Н. Язык и ребёнок. Лингвистика детской речи. М., 2000
Цветкова Т.К. Проблема сознания в контексте обучения иностранному языку. – «Вопросы психологии», 2001, № 4
Цивьян Т.В. Лингвистические основы Балканской модели мира. М., 1990

Человек в зеркале языка. Вопросы теории и практики. – Сб. к 60 – летию доктора филол. наук Юдакина Анатолия Петровича. Ответ. ред.: Стернин И.А., М., 2002

Человек в зеркале языка. Вопросы теории и практики. Книга 2. Сб. статей, посвящённый памяти академика Ивана Ивановича Мещанинова. Ответ ред. доктор филол. наук, академик РАЕН Юдакин А.П.

Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. Под ред. доктора филол. наук Е.С. Кубряковой

Чемоданов Н.С. К вопросу о философской основе лингвистической теории. – «Лингвистика текста». Сб. Науч. трудов МГПИИЯ, Вып. 103, М., 1976

Чемоданов Н.С. В борьбе за материалистическое языкознание. – «Актуальные проблемы языкознания в ГДР. Язык – идеология – общество». М., 1979

Чемоданов Н.С. Карл Маркс и философия языка.. – ФН, 1983, № 3

Чернышевский Н.Г. Сб. «Русские писатели о языке». М., Л. 1955

Чёрч А. Введение в математическую логику. М., 1959, т. 1

Черняховская Л.А. Смысловая структура текста и её единицы. – ВЯ, 1983, № 6

Чесноков П.В. Понятие о суждении, вопросе, побуждении и логической фразе. – «Уч. зап. Ростовского – на - Дону гос. пед. института». 1954, вып. 4 (14).

Чесноков П.В. Логика и грамматика. – «Уч. зап. Таганрогского пед. института». Таганрог, 1957, вып. 3

Чесноков П.В. Основные единицы языка и мышления. Ростов/Дон, 1966

Чесноков П.В. Слово и соответствующая ему единица мышления. М., «Просвещение», 1967

Чесноков П.В. О взаимодействии формальных типов языковых и логических построений. – «Язык и мышление». М., 1967

Чесноков П.В. Неогумбольдтианство. – Философские основы зарубежных направлений в языкознании». М., 1977

Чесноков П.В. Предикативность и модальность как семантические признаки предложения. – «Единицы морфологии и синтаксиса в семантическом аспекте». Ростов/Дон, 1979

Чесноков П.В. Рецензия на книгу: «В.З. Панфилов. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания». М., 1982». – ВЯ, № 6

Чесноков П.В. Логические и семантические формы мышления как значения грамматических форм. – ВЯ, 1984, № 5

Чесноков П.В. Рецензия на книгу: «А.П. Юдакин. Развитие структуры предложения в связи с развитием структуры мысли. М., 1984» – ВЯ, 1986, № 6

Чесноков П.В. Грамматика русского языка в свете теории семантических форм мышления. Таганрог, 1992

Чесноков П.В. Спорные проблемы курса «Общее языкознание». Таганрог, 1996

Шалютин С.М. Искусственный интеллект. М., 1985

Шаумян С.К. Проблемы теоретической фонологии. М., 1962

Шаумян С.К. Философские вопросы теоретической лингвистики. М., 1971

Шафф А. Введение в семантику. М., 1963

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Изд. 2-е, Л., 1941

Швейцер А.Д. Возможна ли общая теория перевода ? – «Тетради переводчика». Вып. 7, М., 1970

Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М., 1988

Швырёв В.С. Восхождение от абстрактного к конкретному. «Философский

энциклопедический словарь». М., 1983
Шевченко Т. И. Фонетика и фонология английского языка. Дубна: Феникс + , 2011, 256 с.
Шемякин Ф.Н. Язык и чувственное познание. – «Язык и мышление». М., 1967
Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М. 1957
Шингаров Г.Х. Теория отражения и условный рефлекс. М., 1974
Шор Р.О. Краткий очерк истории лингвистических учений с эпохи Возрождения до конца 19 века. – В кн.: «В. Томсен. История языкознания до конца 19 века». М., 1938
Шорина А.И. К вопросу о выражении умозаключений в современном русском литературном языке. – «Уч. зап. Пермского ГУ. Вып. 68, т. XVI, Языкознание, 1960
Шредингер Э. Что такое жизнь с точки зрения физика ? Нью – Йорк, 1956.
Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. – В.А.Звегинцев. История языкознания 19 – 20 вв. В очерках и извлечениях». Часть 1, М., 1960

Щедровицкий Г.П. «Языковое мышление» и его анализ. – ВЯ, 1957, № 7
Щедровицкий Г.П. Методологический смысл проблемы лингвистических универсалий. – «Языковые универсалии и лингвистическая типология». М., 1969
Щедровицкий Г.П., Розин В.М. Концепция лингвистической относительности Б.Л. Уорфа и проблема исследования «языкового мышления». – «Семиотика и восточные языки». М., 1967
Щерба Л.В. Очередные проблемы языковедения. – «Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность». Л., 1974
Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. – «Л.В.Щерба. Языковапя система и речевая деятельность». Л. 1974

Эйнштейн А. Физика и реальность М., 1965
Энгельс Фридрих. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. М., 1955
Энгельс Фридрих. Анти - Дюринг. М., 1957
Энгельс Фридрих. Диалектика природы. М., 1982
Эккерт А.Ф. Способы выражения умозаключения в современном немецком языке. К диалектике взаимодействия эксплицитного и имплицитного логического содержания единиц языка. – «Автореф. канд. дисс.». М., 1991
Эткинд А.М. Ещё о Л.С. Выготском: забытые тексты и ненайденные контексты. – ВП, 1993, № 3

Юдакин А.П. Развитие структуры предложения в связи с развитием структуры мысли. М., 1984
Юрченко В.С. О взаимосвязи языка, мышления и речи на коммуникативном уровне. – Сб. «Язык и мышление», 1967
Юрченко В.С. Космический синтаксис. Саратов, 1992
Юрченко В.С. Философские и лингвистические проблемы семантики. Саратов, 1993
Юрченко В.С. Очерки по философии языка и философии языкознания. Саратов, 2000
Юрченко В.С. Философия языка и философия языкознания. Лингвофилософские очерки. М., 2005

Ягелло Марина. Алиса в стране языка. М., 2003
Язык. Человек. Картина мира. Часть 1, Омск, 2000

Язык и мышление: психолингвистические и лингвистические аспекты. М. – Пенза, 2004
Языки как образ мира. Изд. „Terra fantastica“. М. – С-Птб, 2003
Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977
Якобсон Р. В поисках сущности языка. – «Семиотика». М., 1983
Якобсон Р. Лингвистика и её отношение к другим наукам.. – Сб. «Р. Якобсон. Избранные работы». М.,1985
Якобсон Р. Избранные работы. Под ред. В.А. Звегинцева. М., 1985
Якобсон Р., Халле М. Фонология и её отношение к фонетике. – «Новое в лингвистике». Вып. 2, М., 1962
Якубинский Л.П. О диалогической речи. – «Русская речь». Вып. 1, Сборник статей под ред. Л.В. Щербы. Пгрд. 1923
Якушин Б.В. Происхождение человека и языка в процессе трудовой деятельности. – Сб. «Антология языка как общественного явления», М., 1983
Ярцева В.Н. Выступление В.Н. Ярцевой на Общем собрании Академии наук по поводу статьи А.Т. Кривоносова в журнале «Вопросы языкознания», 1986, № 6. – Известия АН СССР, 1987, № 4

* *
*

Aarsleff H. The history of linguistics and professor Chomsky. – “Language”. Baltimore, 1970, vol. 46, No. 3
Albrecht E. Bestimmt die Sprache unser Weltbild ? Zur Kritik der gegewärtigen bürgerlichen Sprachphilosophie. 2 Aufl. Berlin, 1974
Antal Laslo. Questions of meaning. The Hague, 1963
Antal Laslo. Word order and syntactic position. – “Linguistics”, Mouton, Berlin, 1964, No. 8

Babilas Wolfgang. Zur Darstellung des Syllogismus. – „Die neueren Sprachen“, Heft 5, Bd. 77, 1978
Bruner J.S. The ontogenesis of the Speech-Act. 1974

Carrol J. Linguistic relativity, contrastive linguistics and language learning. – “JRAL”, vol. 1, No. 1, 1963
Carrol J. and Casagrande J. The Function of Language Classifications in Behavior. Readings in Social Psychology, 3 ed., New-York, 1958
Cassierer E. Philosophie der symbolischen Formen. Berlin, 1923
Chomsky N. Cartesian linguistics. A chapter in the history of rationalist thought. New York – London, 1966
Coseriu E. Semantik, innere Sprachform und Tiefenstruktur. – „Folia linguistica“, The Hague, 1970, vol. 4, No. 1 – 2
Coseriu E. Naturbild und Sprache. – „Das Naturbild des Menschen“, München, 1982

Danielsen N. Das generative Abenteuer – „Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschft und Kommunikationsforschung“, 1972, No. 4 – 5
Delacroix H. ***Le langage et la pensée . Paris, 1986***
Dufey A.K. Die Identivität und Differenz von Sprache und Sinn mit Bezug auf die ontologische Struktur von Interpretation und Übersetzen. München, 1968

Dürbeck Helmut. Neuere Untersuchungen zur Sapir-Whorf Hypothese. –„Linguistics“. An international Review. The Hague – Paris, 1975, No. 145

Erben Johannes. Deutsche Grammatik. Ein Abriß. Max Hueber Verlag, München, 1972
Espersen O. The Philosophy of Grammar. London, 1924

Feuer L.S. Sociological aspects of the relation between language and philosophie. – “Philosophie of seines”, 1953

Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Herrmeneutik. Tübingen, 1960
Gipper Helmut. Muttersprachliche Wirkungen, Begrifsbildung und ihre Folgen, - „Archiv für Begriffsgeschichte“, 9, Bonn, 1964
Gipper Helmut. Gibt es ein sprachliches Relativitätsprinzip ? Untersuchungen zur Sapir-Whorf Hypothese. Frankfurt am Main, 1972
Gipper Helmut. Das Sprachapriori. – „Sprache als Voraussetzung menschlichen Denkens und Erkennens“. Stuttgart, 1987
Goldstein K. Bemerkungen zum Problem „Sprechen und Denken auf Grund Hirnpathologischen Erfahrungen“. – „Acta Psychologica“, Vol. X, No. 1 – 2, 1954

Hagège C. La grammair gènèrative: Réflexions critiques. – « Presses univ. de France », Paris, 1976
Hayakawa S.J. Language in Thought and Action. New-York, 1949
Hegel G.W.F. Werke. Bd. XIII, XIV, Berlin, 1833
Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen, Niemyer, 1963
Heisenberg W. Die Abstraktion in der modernen Naturwissenschaft. – „Wissenschaft und Fortschritt“, 1964, No. 3
Hoijer H. Cultural implication of some Navaho linguistic categories. – “Language”, vol. 27, No. 2, 1951
Hoijer H. The relation of language to culture. – “Kroeber A.L. (Ed.), Antropology today.” Chicago, 1953
Hockett Ch. F. The Problem of Universals in Language. – “Universals of Language”, ed. By J.H. Greenberg. Cambridge, Mass., 1963
Hockett Ch. F. The state of the art. The Hague, Mouton, 1968
Hörman Hans. Psychologie der Sprache. Berlin, Heidelberg, New-York, 1967
Hörmann H. Meinungen und Verfahren. Grundzüge einer psychologischen Semantik. Frankfurt am main, 1978
Humboldt W. von. Über den Dualis. – „Werke. Hrsg. von A.Leitzmann, Bd. VI, Berlin, 1907
Humboldt W. von. Über den französischen Nationalcharakter ... Bd. VII, Berlin, 1907
Humboldt W. von. Über das vergleichende Sprachstudium in Beziehung auf die verschiedenen Epochen der Sprachtntwicklung. – „Werke in 5 Bänden“. Bd. III, Darmstadt, 1963

Ingve V. A Model and an Hypothesis for language Structure. – „Proc. Amer. Philos. Sos.“, 1960, vol. 104
Isenberg H. Der Begriff „Text“ in der Sprachththeorie. – Internationals Kolloquium „Partikeln und Deutschunterricht“, Berlin (West), 1979

Jackes L.P. The Theory of Syrvivol in the Light of its Contents. – "Hibleut Journal", 1917, vol. XV, No. 4
Jespersen O. The Philosophy of Grammar. London, 1924

Kainz Friedrich. Vorfahr des Denkens. – „Acta psychologica", vol. X, N 1 – 2, 1954
Kainz Friedrich. Psychologie der Sprache. Bd. 1 – 5, Stuttgart, 1967 – 1969
Keller R. A theory of linguistic sings. Transl. By K. Duenwald. Oxford UP, 1998
Klaus Georg. Semiotik und Erkenntnistheorie. Berlin, 1963
Klaus Georg. Spezielle Erkenntnistheorie. Berlin 1965
Kluckholm Ch. Notes of Some Antropological Aspects of Communication. – „American Antropologist", vol. 63, No. 5, 1961 1961
Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. Heidelberg, 1979, 2. Aufl. 1983
Koschmieder E. Beiträge zur allgemeinen Syntax. Heidelberg, 1965
Kraus K. Die Sprache. Wien, 1954
Krech D., Crutchfield R.S. Elements of psychology. New York, 1968
Krivonosov A.T. Structural-Functional Models in Syntax. – "Linguistics". An International Review, 111, September, 1973, Mouton, The Hague – Paris.
Krivonosov Aleksej. Die Rolle der Partikeln im Aufbau der logischen Formen. Zur Bezieung der Sprache und der Logik. – „Kolloquim Deutsche Sprachpartikeln", Berlin, 6. – 10. September, 1977
Krivonosov Aleksej. Partikeln und die "Einsparung des Sprachmaterials". –"Funktionen der Partikeln in dialogischer Interaktion". Internationales Kolloquium 20 – 25. 09. 1982. Berlin.
Krivonosov Aleksej. Zur logischen Struktur des Textes. – „Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung", Bd. 39, 1986, Heft 4, Akademie – Verlag. Berlin.
Krivonosov Aleksej. Die Rolle der modalen Partikeln in logischen Schlüssen der natürlichen Sprache – In : „Sprechen mit Partikeln". Hrsg. von Harald Weydt. Walter de Grauter Verlag, Berlin – New-York, 1989
Krivonosov Aleksej. Können einfache sätze logische Schlüsse ausdrücken ? – „Linguistisches Kolloquium, 18 – 21 September 1991, Poznan.
Krivinisov Aleksej. Der logische Schluß in der natürlichen Sprache. – „Betriebslinguistik und Linguiostikbetrieb". Akten des 24. Linguistischen Kolloquiums, Universität Bremen, 1989, Bd. 2, Hrsg. von E. Klein, Fr. P. Duteil und K.Z. Wagner. Tübingen, 1991
Krivonosov Aleksej. Zum logischen Wesen der kausalen Konjunktionen. – „Neue Fragen der Linguistik"- Akten des 25. Linguistischen Kolloquiums, Paderborn, Bd. 1, 1991
Krivonosov Aleksej. Zum Verhältnis zwischen syntaktischen und logischen Kategorien. Anhand der deutschen unflektierten Wortklassen. – „Sprache, Sprechen, Handeln"- Akten des 28. Linguistischen Kolloquiums. Graz, 1993, Bd. 1. Niemeyr Verelag. Tübingen, 1994

Lenneberg E.H. and Roberts J.M. The denotata of color terms. Baltimore, 1953
Lenneberg E.H. and Roberts J.M. The language of Experience.. Baltimore, 1956
Lenneberg E.H. Language, evolution and purposive behavior. – "Diamond S. (Ed.): Culture in history. Essays in honor of Paul Radin", New-York, 1960
Lenneberg E.H. Biological fondation of language. New-York, 1967
Lenneberg E.H. Biologische grundlagen der Sprache. Frankfurt am Main, 1972
Lenneberg E.H. The Neurology of Language. – "Daedalus, Symmer", 1973, vol. 102, No. 3
Liebrucks Bruno. Sprache und Bewußtsein. 6 Bände. Frankfurt am Main,

Akademieverlagsgemeinschaft, 1964, Bd. 1
Liebrucks Bruno. Sprache und Bewußtsein. Frankfurt am Main. 1965
Lloyd Peter D. Einige Bemerkungen zur Sapir – Whorf – Hypothese. – Adam Schaff (Hrsg.). Soziolinguistik, Wien, 1976
Lotz J. Linguistics: Symbols Make Man. – "Frontiers of Knowledge", ed. By L.White, New York, 1956
Lotz J. Linguistics: Symbols Make Man. – „Psyholinguistics. A Book of Readings". New-York, 1961
Luther W. Der Beitrag zur Sprachphilosophie zur geistigen Grundlagenbildung. – „Das Problem der Sprache". VIII. Deutscher Kongreß für Philosophie. Bericht, 1967

MacLay H. An experimental study of language and nonlinguistic behavior. – "Southwestern journal of anthropology, 1958, vol. 14, No. 2
Marx K. Engels Fr. Die deutsche Ideologie. – Werke, Bd. 3, Berlin 1988
Meier G. Fr., Albrecht Erhard. Sprache und Logik – „Theoretische Probleme der Sprachwissenschaft". Akademie-Verlag, Berlin, 1976
Meier G. Fr., Albrecht Erhard. Sprache und Erkenntnis. Zeichen und Bedeutung. – „Theoretische Probleme der Sprachwissenschaft." Akademie – Verlag, Berlin, 1976
Meier G. Fr., Albrecht Erhard. Neuhumboldtianismus. – „Theoretische Probleme der Sprachwissenschaft". Bd. 1, Akademie-Verlag, Berlin, 1986
Mill St. Rectorial Address at St. Andows. London, 1867
Mounin G. Les problèmes théorique de la traduction. Paris, 1963

Öhmann S. Theories of the Linguistic field. – "Word", 1953, vol. 9, No. 2
Osgood Ch. Semantic differential technique in the comparative study of cultures. "Readings in the Psychology of language." Engelwood Cliffs (New Tersey), 1967

Pinner Steven. The language instinct. New York, William Morrow, 1994

Rapoport A. Letter to a soviet Philosopher. – "ETC". A Review of General Semantics, 1963, vol. XIX, No. 6
Révérz G. Denken und Sprechen. – „Acta psycholinguistica", vol. 10, No. 1 – 2, 1954
Robins R.H. Ancient mediaeval grammatical theory in Europe with particular reference to modern linguistics doctrine. London, 1951
Robins R.H. A short history of linguistics. Bloomington – London, 1968
Robinson J. The new grammatians' funeral: A critique of Noam Chomsky's linguistics. – Cambridge univer. press, 1975
Rodmonga Potapova, Vsevolod V. Potapov. Kommunikative Sprechtätigkeit. Rußland und Deutscland im Vergleich. 2011, Köln, Weimar, Wien. 312 S.
Rothers S. Sprache als selbst - und Weltverständnis. – „Das Problem der Sprache". VIII. Deutscher Kongreß für Philosophie. Bericht, 1967
Russel B. An inquiry into meaning and truth. London, 1951

Sapir E. The grammarian and his language. – "Selected writings of E.Sapir", 1949
Schaff Adam. Sprache und Erkenntnis. Wien – Ftankfurt am Main, 1964
Schaff Adam. Humanismus, Sprachphilosophie, Erkenntnistheorie des Marxismus. – „Philosofische Abhandlung", Wien, 1975
Schaff Adam. Essays über die Philosophie der Sprache. Europa Verlag, Frankfurt am

Main – Wien, 1968
Schaff Adam. Józyk a poznanie. Warszawa. 1964
Schröder Ernst. Vorlesungen über die Algebra der Logik (Exakte Logik). Leipzig, 1905
Searle J. Chomsky's revolution in linguistics. – "On Noam Chomsky: Critical essays, Garden City, New-York, 1974
Seuren P.A. Western linguistics – An historical introduction. Blackwell, 1998
Steger H. Sprachnorm, Grammatik und technische Welt. – „Sprache im technischen Zeitalter", 1962, Nr. 3
Steinthal H. Grammatik, Logik und Psyhologie. Ihre Beziehungen und ihr Verhältnis zu einander. Berlin, 1855

Tarski Alfred. The concept of truth in formalized Languages. – "Logic, Semantics, Mathematics." – Oxford, 1956
Tesnièr L. Eléments de syntaxe structural. Paris, 1959
Trier J. Das sprachliche Feld. – „Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Bildung", 1934, No. 10
Trnka B. Prinziples of morphological analysis. – "Philologica Pragensia", Vol. IV, No. 3, 1961

Ulmann St. The principles of semantics. Glasgow, 1951

Völzig Paul-Ludwig. Begründungen, Erklären, Argumentieren. Modelle und Materialien zu einer Theorie der Metakommunikation. Berlin, 1979

Weil H. De l'ordre des mots dans les langues anciennes comparées aux langues modernes. Paris, 1844
Weisgerber Leo. Muteraprache und Geistesbildung. Göttingen, 1929
Weisgerber Leo. Sprache. – „Handbuch der Soziologie. Hrsg. von Alfred Vierkant. Stuttgart, Versammelte Werke, 1931
Weisgerber Leo. Vom Weltbild der deutschen Sprache. Lüsseldorf, 1950
Weisgerber Leo. Das Gesetz der Sprache als Grundlage des Sprachstudiums. Heidelberg, 1951
Weisgerber Leo. Grundzüge der inhaltsbezogenen Grammatik. Düsseldorf, 1962
Weisgerber Leo. Von den Kräften der deutschen Sprache. Bd. 1, Düsseldorf, 1962
Whorf B.L. The relation of habitual thought and behavior to language. New-York, 1939
Whorf B.L. Language, thought and reality. New-York, 1956
Whorf B.L. Grammatical Categories. – "Language, Thought and Reality." Ed. by J.Carrol, New-York – London, 1959
Wittgenstein L. Tractatus logiko-philosophicus. „Tagebücher 1914 – 1916 – Philosophische Untersuchungen". – In „Schriften", Frankfurt am Main, § 373, 1960
Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen. Frankfurt am Main, 1971

Оглавление.

Предисловие. .....

Глава 1.

О природе языкового знака. .....

§ 1. Четырёхуровневая структура языкового знака. .....
I. Языковой знак способствовал становлению человека. .....
II. Модель языкового знака. .....
III. Свойства языкового знака. .....
1) Сущность знака – замещение другого предмета. .....
2) Языковые знаки – продукт общественной практики человека. .....
3) Различная реализации материи знака унифицруется его идеальной формой.....
4) Различная протяжённость знака. Текст как расширенный знак. .....
5) Знаковое отношение к объектам в виде идеального образа в сознании (фонема, графема, морфонема, понятие) – тоже знак. .....
6) Языковой знак удобен для хранения и передачи его поколениям благодаря его идеальному образу, отпечатанному в мозгу. .....
7) Асимметрия знака между звуком и его ассоциативным значением – следствие произвольности знака. .....
8) Знак есть не только средство фиксации мысли, но и средство выражения отношений между знаками: грамматическая система – тоже система знаков.....

§ 2. Знаковая теория языка в современном языкознании. .....
1) Языковой знак – двухсторонний: в материи знака отражена сущность внешнего объекта. .....
2) Языковой знак – это внешняя форма мысли, превращённая форма идеального...
3) Языковой знак – односторонний: в материи знака не отражена сущность объекта. .....
4) Знак условен, произволен или, напротив, мотивирован ? .....

§ 3. Фонема. .....
1) Фонема – фундамент строения и функционирования языка. .....
2) Фонема и мышление. .....
3) Сущнсть фонемы – это основной вопрос философии познания: взаимоотношение материального и идеального. .....
1. Фонема и звук, графема и буква. .....
2. Прблема фонемы, как и проблема знака – это вопрос философии языка. .....

Глава 2.
О природе языка.

§ 1. Внутренние механизмы языка. .....
1) Сущность языка определяется природой языкового знака. .....
2) В природе языка лежит основной закон диалектики – взаимодействие материального и идеального. .....
3) Язык – объект изучения многих наук. .....

§ 2. Как понимается язык в современном теоретическом языкознании ? .....
1) Материальность языка – его единственное свойство. .....
2) Язык включает в себя материальную и идеальную стороны. .....
3) Три сферы существования языка: в сознании, в тексте, в словаре и грамматике. .....
4) Язык существует в виде «пространства мысли», «дома бытия».....
5) Функции языка манифестируют его сущность. .....
6) Язык – это универсальный код. .....

7) Языку придают статус самостоятельного организма. .....
§ 3. Что в языке первично – субстанция знаков или их взаимные отношения ? ...
1) Первичное в знаке – отношения между знаками, их структура. .....
2) Первичное в языке – субстанция, значение, подчиняющее структуру языка. .....
3) Знаковая система зависит от действительности, она подобна этой действительности ? .....
4) Идеальная сторона знака не произвольна, она отражает действительность ? .....
5) «Субстанция» и «отношения» - взаимозависимы и взаимообусловлены. .....
6) Итак, «субстанция» или «отношения» ? .....

Глава 3.
Взаимоотношения языка, мышления, сознания, памяти.

§ 1. Мышление, сознание, память. .....
§ 2. Структура мышления. .....
§ 3. Чувственное и абстрактное мышление. .....
1) Процесс взаимоперехода чувственного и абстрактного мышления. .....
2) Для чего нужны языковые знаки (звуки, буквы, морфемы, слова, предложения) ? .....
§ 4. Взаимоотношение языка и мышления. .....
I. Взаимоотношение языка и мышления – главная проблема о человеке вообще. .....
1) Мышление – это «туманность».
2) Проблема «взаимоотношения языка и мышления», ввиду её сложности, вызывает много вопросов. .....
3) Понять взаимоотношение языка и мышления можно только как модель работы «чёрного ящика» ? .....
II. Язык и мышление – это самостоятельные, независимые друг от друга объекты ? .....
1) Язык и мышление имеют разные генетические корни. .....
2) Мышление руководит языковыми знаками. .....
3) Язык и мышление – это два самостоятельных органа отражения и познания ? .....
4) Язык, как относительно самостоятельное явление, влияет на мышление ? ....
5) Язык – это и есть наше мышление ? .....
III. Языковые знаки подчиняются мышлению и в то же время организуют его. ....
1) Мышление управляет языковыми знаками. .....
2) Мысль приобретает чёткость только через языковые знаки. .....
3) Взаимоотношение «познавательного» и «коммуникативного» мышления. .....
IV. Как реально взаимодействуют язык и мышление ? .....
1) Как мысль связана с миром и языковыми знаками . .....
2) Форма знака сливается со значением, и мы её уже не воспринимаем. .....
3) Ограниченное количество языковых знаков обеспечиваает бесконечный процесс мышления. .....
1. Многозначность знаков снимается в речи. Противоречие между множеством способов выразить мысль и способностью понимания. .....
2. Неограниченные возможности языковых знаков порождены их условной, немотивированной природой. .....
3. Опыт человека предусматривет все будущие высказывания (психические апперцепции). .....

4) Процесс работы языковых знаков в ЭВМ. .....
5) Различие между «языками» человека и животных. .....

V. «Разрывны» или «неразрывны» язык и мышление ? .....

1) Марксистская теория «неразрывности» языка и мышления. .....
2) Почему язык, если он неразрывно связан с мышлением, лолговечнее мышления, поскольку в языке продолжает жить то, чего уже нет в мышлении ? .....
3) Как совместить «неразрывное единство» языка и мышления с истиной, что мышление – общечеловеческое, а языки – национальны ? .....
4) Действительно ли язык имеет свои внутренние законы развития и функционирования ? .....

VI. Процесс понимания.

1) Как происходит понимание ?
2) В знаке нет значения: значение – это обобщённые идеальные мозговые ассоциации с предметами, находящимися вне мозга. .....
3) «Передаётся» не мысль, а звуки, буквы, ассоциативно возбуждающие мысль в сознании. .....
4) Понимание – это повторение процесса творчества в обратном порядке. .....
5) Можно ли отграничить деятельность мозга от его продукта – знаков ? .....
6) Всякое понимание основано на знаниях (апперцепциях), оно происходит от понимания самого себя. .....
7) Всякое понимание есть непонимание. .....
8) В процессе понимания каждый творит своё понимание. .....
9) Понимание – это переход от семантических форм мысли к логическим формам. .....
10) Процесс понимания завершается построением умозаключений и теорий. ...

VII. «Муки слова». .....

VIII. Авербальное мышление. .....

1) Что такое авербальное мышление ? .....
2) Мышление шире знаковой системы, отсюда – неизбежность авербального мышления. .....
3) В каких познавательных и коммуникативных процессах возможно авербальное мышление ? .....

1. Авербальное мышление свойственно преимущественно познавательному процессу мышления. .....
2. Авербальным мышлением уравляют «языки мозга». .....
3. Метафоризация оберегает знаковую систему от её непомерного разрастания. .....
4. Авербальное мышление проявляется в молчании. .....
5. Авербальное мышление как следствие иерархического принципа организации знаковой системы. .....
6. Авербальное мышление провляется после прочтения художественных и иных произведений. .....
7. Авербальное мышление проявляется в окращённых силлогизмах – энтимемах. .....
8. Авербальное мышление представлено паралингвистическими средствами....
9. Авербальное мышление – это инструмент сгущения смысла. .....
10. Уровень развития авербального мышления определяется уровнем

развития вербального мышления. .....
11. Авербальное мышление основано на психологической апперцепции и контексте. .....
12. Авербальное мышление возможно и в других материальных знаках, кроме языковых. .....
13. Вербалисты, отрицая возможность авербального мышления, основывают свои доводы лишь на высказываниях классиков марксизма. .....

Глава 4.
Взаимоотношение языка и логики.

§ 1. Все аспекты и уровни языка пронизаны логическими формами......
1) Как зародилась наука «логика» ? .....
2) Внешний мир и язык – фундамент формальной логики. .....
3) Что ищет логика в языкознании ? .....
4) Для чего нам нужно знать механизм взаимодействия языка и логики ?.....
5) В чём проявляется конкретное взаимодействие языка и логики ? .....
6) Математики, физики отвергпают естественный язык, так как он не удовлетворояет целям строгого мышления. .....
§ 2. Логические формы. .....
1) Что такое логическая форма ? .....
2) Фонемы, графемы, морфонемы. .....
3) Понятия. .....
4) Суждения. .....
§ 3. Теория умозаключения. .....
1) Что такое умозаключение (силлогизм). .....
2) Правильные и истинные умозаключения с точки зрения формальной логики....
3) В чём трудность обнаружения и исследования сокращённых силлогизмов (энтимем) в естественном яязыке ? .....
4) Формальные языковые маркеры силлогизмов. .....
5) Структура энтимем в естественном языке и их формализация. .....
6) Фигуры и модусы силлогизма. .....
§ 4. Логические умозаключения в формах естественного языка. .....
1) Простое категорическое умозаключение (силлогизм). .....
1. Признаки простого категорического силлогизма. .....
2. Простое категорическое умозаключение в формах русского языка. .....
3. Эпихейрема как сложная энтимема в естественном языке. .....
4. Полисиллогизмы (логические цепи) в формах языка. .....
2) Условно-категорическое умозаключение в формах языка. .....
3) Разделительно-категорическое умозаключение в формах языка. .....
4) Антилогизмы как особый тип умозаключений в формах языка. .....
5) Анекдоты как эмоциональная форма выражения логических умозаключений в в языке. .....
6) Логический анализ сложных форм естественного языка доказал реальность существования авербального мышления. .....
7) Частотность употребления логических силлогизмов в естественнном языке.

§5. Взаимодействие семантических и логических форм мысли. .....

I. Неизбежность двухуровневой формы выражения мысли – семантической и логической. .....
1) Подступы к пониманию двойственной сущзности языка. .....
2) Логический анализ сложных форм естественного языка доказал реальность взаимодействия смантических и логических форм мышления. .....
3) В чём различие между семантическими и логическими формами мышления ? .....
4) Природа семантических и логических форм мысли. .....
5) Механизм взаимодействия семантических и логических форм мысли. .....
6) Философское обоснование реальности семантических и логических форм мысли. .....
II. Взаимодействие между семантическими и логическими формами мышления. .....
1) Общение между людьми основано на взаимодействии семантических и логических форм мышления. .....
2) Как взаимодействуют скмантические и логические формы мысли ? .....
1. Можно ли семантические и логические формы мысли рассматривать отдельно ? .....
1. Догика ведёт за собой грамматику и семантику. .....
а) Логические формы мысли – главные, ведущие. .....
б) Предложение – это неразрывное единство семантических и логических форм мысли, образующих единый процесс отражения мира и коммуникации. .....
в) Нет двух картин мира – семантической и логической. .....
г) Формы языка богаче форм логики. .....
3. Взаимопереход семантической и логической форм мышления. .....
4. Знаки бесконечно варьируются, как и молекулы в живой материи. .....
5. Для семантической формы мысли нет понятий «истина» и «ложь». .....
6. Конечность знаковой системы и бесконечность мышления. .....
7. Как совместить множество разноструктурных языков с единым общечеловеческим мышлением ? .....
8. Соотношение семантических и логических форм мысли по глубине представления митра. .....
9. Выводы о семантических и логических формах мысли. .....
§ 7. Как взаимоотношение семантических и логических форм мысли представлено в других теориях ? .....
§ 8. Взаимодействие семантических и логических форм мышления с позиций диалектической философии. .....
1) Откуда появились семантические и логические формы мышления ? .....
2) Логики мечтают свести естественный язык к точности математики. .....
3) Взаимоотношение семантических и логических форм мышления есть взаимоотношение философских категорий «явления» и «сущности». .....
§ 6. Как понимается взаимоотношение значения и понятия в языкознаннии ? ....
1) Понятие и знпачение – одно и то же явление. .....
2) Понятие и значение – разные явления. .....
3) Различают знаменательные слова (понятия) и незнаменательные слова (не-понятия): союзы, предлоги, частицы и др. .....
4) Структурные отличия предложения от суждения. .....
§ 7. Как взаимоотошение семантических и логических форм мысли представлено в других теориях.

§ 8. Взаимодействие семантических и логических форм мышления с позиций диалектической философии.

1) Откуда появились семантические и логические формы мысли.
2) Логики мечтают свести язык к точности математики.
3) Взаимоотношение семантических и логических форм мышления есть взаимоотношение философских категорий «явления» и «сущности».

§ 9. Роль языка в процессах познания ? .....

1) Что такое познание ?
2) С чего начинаются первые шаги в познании ? .....
3) Как происходит процесс познания ? .....
4) Процесс перехода чувственных образов в абстракции. .....
5) Мир отражается не языковыми знаками, а логическими суждениями. .....
6) Сущность познания – в раскрытии свойств предметов и установление их связей. .....
7) Понимание и познание мира свойственно только человеку. .....

§ 10. Предикативность. .....

§ 11. Языковые универсалии. .....

1) Универсалии в языке – это не что иное, как логические категории. .....
2) Универсалии свойственны человеческому мышлению, а не создаются самими лингвистами или языковыми знаками (это онтология, а не гносеология). .....

§ 12. Процесс перевода. .....

Глава 5.
Взаимоотношение языка, речи, текста......

§ 1. Что такое язык, речь, текст ? .....

1) Что такое язык ? .....
2) Что такое речь ? .....
3) Что такое текст ? .....

§ 2. Основания разграничения языка и речи. .....

1) Язык и речь – это два разных вида деятельности единого языкового сознания...
2) Язык постоянен, всегда, идеален, а речь – это время от времени, материален и идеален одновременно, момент.
3) Речь – это практическая внемозговая реализация идеального, хранящегося в мозгу. .....
4) Язык и речь не являются двумя системами со своими подсистемами. .....
5) Язык и речь не могут рассматриваться как модель и оригинал. .....
6) Язык предоставляет речи свободу, но только в социальных границах. .....
7) Каково взаимоотношение «внутренней речи» и «внешней речи» ? .....
8) К чему относится текст – к языку или к речи ? .....

§ 3. Взаимоотношение языка и речи. .....

1) В речи нет ничего, чего бы не было в яязыке. .....
2) Взамодействие языка и речи – двухстороннее, взаимозависимое. .....
3) И язык, и речь – это одни и те же языковые знаки для познавательной и коммуникативной функций. Они одновременно и социальны, и индивидуальны. .....
4) Язык и речь – не объекты разных наук, имеющих свои струкруные единицы: знаки языка и знаки речи. .....
5) Язык, речь, речевая деятельность – разные понятия. .....

6) Язык и речь не только не отражают мир по-разному, они вообще ничего не отражают. .....

7) «Язык-память» – это язык в мозгу, «язык-функция» – это речь. .....

8) Три закона взаимодействия мысли – языка – речи – памяти. .....

9) Взаимодействие языка и речи осуществляется через предикативность. .....

10) Язык как орудие мозга для порождения речи и как продукт этой речи. .....

11) Взаимодействие «язык – речь» есть диалектическое единство противоположностей как единичного и общего, явления и сущности. .....

§ 4. Взаимоотношение языка и текста......

1) Первоначального плана построения предложения нет, есть только замысел. ...

2) Природа человека наложила ограничения на структуру языка.

3) Текст имеет другие законы построения, по сравнению с предложением. .....

4) Различие между устным текстом (речью) и письменным текстом. .....

5) Текст и логика. .....

6) Граматические формы, как и слова, также содержат в себе логические формы.

7) На чём основан механизм понимания текста ? .....

1. Пониманием текста управляет логическое мышление. .....
2. Слова, хранящиеся в долговременной памяти, узнаются мгновенно (за исключением ситуации «муки слова»). .....

2. В тексте существует принцип экономии, системности, повторяемости. Каждое слово должно быть тождественно самому себе. .....

4. Текст как двухуровневая система – семантическая и грамматическая. .....
5. Каким образом в тексте появляется смысл, если знаки произвольны ?
6. Понимание текста – это опосредованное восприятие материи знаков и фрагментов мира через прямое восприятие их идеальных образов. .....
7. На чём основана бесконечность текста при конечности языковых знаков ? ...

Глава 6.
Взаимоотношение языка и действительности.

§ 1. Языковые знаки не отражают действительность.

1) Языковые знаки не выполняют функции мышления. .....

2) Языковые знаки есть форма бытия материальной действительности в сознании – через логическое мышление. .....

3) Мысль есть абстрактная копия, а не оригинал. Весь мир покоится в сознании в логичских формах как наш второй мир. .....

4) Языковые знаки – это ключ, открывающий мир человеческому мозгу. .....

5) Предметов, свойств, качеств, отношений в мире больше, чем самих слов. ....

§ 2. Языковые знаки отражают действительность ? .....

1) Слова отражают сущность реальных предметов ?

2) Структура языка воспроизводит структуру окружающего мира ? .....

3) Материя знаков ориентирована на структуру действительности ?

4) Расхождение языков и слов в разных языках вызвано разными признаками самих предметов ? .....

5) Языкознание – это наука о вселенной ? .....

6) Законы языка не противоречат законам объективного мира ? .....

7) Язык – средство аккумуляции духовного мира как надстройки над материальным миром ? .....

8) Язык влияет на действительность, мышление, культуру, общественные

процессы, нашу психику и наше поведение ? .....
9) Социальная природа языка определяет его сущность ? .....

Глава 7.
Философские вопросы языка......

§ 1. Роль философии в познании сущности языка......
1) Что такое философия языка и для чего она нужна ? .....
2) Решение теоретических вопросов языкознания под силу лишь философии. .....
3) Сам язык – и есть философия, ибо за пределами его эмпирии сразу же возникает масса вопросов. .....
4) В чём проявляется диалектика в языке ? .....
1. Наш мир и наше мышление подчинены одним и тем же диалектическим законам философии. .....
2. Диалектика не видит абсолютных границ между явлениями. .....
3. Без диалектики нельзя связать двух фактов. Диалектика – высшая инстанция теоретического мышления. .....
4. В чём конкретно заключается диалектика в языке ?
5. Не «вносить» диалектику в природу языка, а «отыскать» её там: в эмпирических фактах надо найти общую теорию .....
6. Язык соткан из противоположностей как отражения сущности диалектики. ...

§ 2. Что такое материалное и идеальное, конкретное и абстрактное, явление и сущность в языке ? .....
1) Основной вопрос философии языка – взаимоотношение материального и идеального в языке. .....
2) Реальность идеального. Идеальное живёт только в мозгу человека. .....
3) Взаимоотношение материального и идеального, конкретного и абстрактного, явления и сущности. .....
1. Взаимоотношение материального и идеального, конкретного и абстрактного, явления и сущности в языке. .....
2. Идеальное проявляется только через материальные знаки языка. .....

§ 3. Механизм познания реальной действительности. .....
1) Познание закрепляется в логических формах понятий, суждений, умозаключений. .....
2) Познать природу языка можно лишь через взаимодействие действительности, логического мышления и материальных знаков. .....

§ 4. Философское обоснование взаимодействия материального и идеального языке: звука и фонемы, буквы и графемы – как взаимодействие отдельного и общего, явления и сущности. .....
1) «Дегуманизация» языка в связи с открытием фонемы ? .....
2) Фонема и графема как психическая реальность. .....
3) Фонема и графема как логичесая реальность. .....
4) Философское обоснование взаимодействия звука и фонемы, буквы и графемы как взаимодействие отдельного и общего, явления и сущности. .....

Глава 8.
Отжившие парадигмы теоретического языкознания.
(Через какие этапы прошло развитие философии языка).....

§ 1. Марксистско-ленинское языкознание. .....

1) Всеми лучшими достижениями в языкознании мы обязаны марксизму-лннинизму. ? .....
2) Напрасная попытка оградить лингвистиику от проникновения в неё других наук. .....
3) Главные свойства языка – его социальная сущность и его неразрывная связь с мышлением ? .....
4) Сущность языка – в его внутренних противоречиях. .....
5) Для вывода мысли вовне нужен канал связи – материальные знаки. .....
6) Язык и мышление – это одно и то же явление. .....
7) Язык и мышление – это разные явления. .....
8) Взаимоотношение языка и мыышления – это соотношение целого и части. .....
9) Сущность языка – в единстве материального и идеального как диалектическом законе тождества противоположностей. .....
10) Все ошибки и фантазии в марксистском языкознании обусловлены одним – давлением идеологии. .....
11) Состоялось ли «творческое развитие» «марксистского языкознания» ? .....
12) Главные методы теоретиков «марксистского языкознания» – комментарии «классиков» и подгонка языкового материала под их цитаты. .....

§ 2. Семиотика. .....

1) В каких областях знания существуют знаковые системы ? .....
2) Отличие языковых знаков от семиотических знаков других систем. .....
3) Семиотика – не философия языка. .....

§ 3. Структурализм......

§ 4. Теория «лингвистической относительности». .....

1) Как люди понимают друг друга ? .....
2) Язык – не повелитель мышления и сознания, материальные знаки не диктуют свою волю законам познания. .....
3) Существует единый общечеловеческий логический строй мышления при множестве различных зыков. .....
4) Сущность теории лингвистической относительности. .....
5) Мир отражается не языком, а мышлением в его логических формах. .....
6) Причины живучести теории лингвистической относительности. .....
7) Процессы познания и коммуникации осуществлются только логическими формами мысли. .....

§ 5. Теория «языковой картины мира». .....

1) Что понимается под «языковой картиной мира» ? .....
2) Экспериментальные исследования не подтвердили и не могли подтвердить существование различных «языковых картин мира». .....
3) Различная сегментация мира в структурах разных языков есть следствие условий жизни каждой нации в определённой среде. .....
4) Теория языковой картины мира – это постулирование непосредственной связи между условными языковыми знаками и действительностью. .....
5) Теория языковой картины мира – это передача языковой материи знаков функций мышления. .....
6) «Картину мира» творит мышление, языковые знаки – лишь строительный материал для него.
7) Теория «языковой картины мира» – это возврат к теории «лингвистической относительности». .....

§ 6. «Лингвистика текста». .....
1) Как понимается «текст» в «лингвистике текста» ? .....
2) Структура текста регулируетя смысловыми связями между предложнениями.
3) Место «лингвистики текста» в теоретическом яязыкознании. .....
4) Какими воросами должна заниматься истинная «лингвистика текста» ? .....
§ 7. Когнитивная лингвистика. .....
1) Когнитивная лингвистика – это повторение пройденного. .....
1. Истоки когнитивной науки. .....
2. Не существует изоморфизма между когнитивными и языковыми структурами. .....
3. Когнитивная наука находится в поисках «междисциплинарных комбинаций.
2) Какими методами исследования пользуется когнитивная лингвистика .....
1. Когнитивная лингвистика – аморфное направление в языкознании. .....
2. Когнитивная лингвистика как «познавательная лингвистика» подменяет диалектическую теорию познания. .....
3) Когнитивная лингвистика – в тупике. .....
1. Какие задачи выполняет когнитивная лингвистика ? .....
2. Отражена ли в словах природа «вещей, качеств, отношений» ? .....
3. Когнитивная лингвистика – это игра в термины ? .....
4. Открывает ли когнитивная лингвистика новые горизонты в исследовании языка ? .....
5. Когнитивная лингвистика – это не теоретическое языкознание. .....
§ 8. Биологическая лингвистика. .....
§ 9. Экологическая лингвистика. .....

Глава 9.
Как понимается язык в теоретическом языкознании ?.....

§ 1. Понятие знака и языка в теоретическом языкознании. .....
1) Языковой знак не условен, потому что он отражает сущность вещи. .....
2) Мышление и, следовательно, язык не существуют вне двух уровней абстракции – семантической и логической формы мысли. .....
3) Преувеличение роли материи в языке, хотя главное в нём – абстрактные формы мышления человека. .....
4) Теоретическое языкознание не нашло правильного решения вопроса о сущности языка. …….
5) Что в «языке» осталось от «языка» ? .....
§ 2. Куда идёт языкознание сегодня ? .....
§ 3. Методология языкознания. .....
1) Уровни научного понимания сущности языка. .....
2) Различие между эмпирическим и теоретическим языкознанием. .....
3) Какие вопросы теоретического языкознания должны быть решены. .....
4) Научный уровень сегодняшнего теоретического языкознания. .....
5) Какой путь ведёт к истинному теоретическому языкознанию ? .....

Глава 10.
Аксиомы теоретического языкознания. .....

§ 1. Теоретическое языкознание, как науку, можно построить только на

аксиоматическом методе научной теории. .....
§ 2. Какие требования предъявляются к лингвистическим аксиомам ? .....
§ 3. Аксиомы теоретического языкознания – это исходные определения аксиоматики, не трубующие доказательств. .....

Глава 11.

Заключение. .....

1) Чему посвящена эта работа ? .....
2) Новая теория языка уже назрела. .....
3) Сущность языка заключена в четырёхуровневой природе языкового знака. .....
4) Чего мы достигли в этой книге ? .....

Читайте, изучайте, спорьте !

Ниже дана краткая аннотация моих четырёх последних работ, по проблематике, связанной с содержанием данной книги.

1) А. Т. Кривоносов. Естественный язык и логика. Москва – Нью-Йорк, 1993, 318 с. (Перевод заглавий на немецкий язык: (A. T. Krivonosov. Natürliche Sprache und Logik. Moskau – New – York, 1993, 318 S.).

Рассматривается взаимоотношение умозаключений и форм их выражения в русском языке. 1) В книге раскрываются основные и необходимые для данного анализа понятия формальной логики и природа логического анализа естественного языка. 2) Разрабатывается процедура логического анализа естественного языка и показывается возможность применения логического аппарата к анализу естественного языка. 3) Показаны все типы синтаксических построений, служащих языковой формой репрезентации умозаключений в художественном тексте. 4) Вскрыта система взаимоотношений форм естественного языка и формальной логики на уровне умозаключений. Книга предназначена для лингвистов, логиков, философов.

2) А. Т. Кривоносов. Язык. Логика. Мышление. Умозаключение в естественном языке. Москва – Нью-Йорк, 1996, 682 с. (A. T. Krivonosov. Sprache. Logik. Denken. Logische Schlüsse in natürlicher Sprache. Moskau – New York, 1996, 682 S.)

Раскрывается сущность высшей логической формы мышления – умозаключения, способы его выражения в немецком языке. Книга популярно вводит читателя в проблематику формальной логики и демонстрирует логический метод анализа естественного языка. Анализ показывает, что исследование семантических значений в естественном языке есть более низкая ступень семантической абстракции, требующая использования логических методов анализа как более высокой ступени семантической абстракции. Книга содержит широкие логико-лингвистические обобщения на экспериментальном материале, исключающие всякие спекулятивные интерпретации. Книга предназначена для лингвистов, логиков, философов.

3) А. Т. Кривоносов. Система классов слов как отражение структуры языкового сознания. (Философские основы теоретической грамматики). Москва – Нью-Йорк, 2001, 845 с. (A. T. Krivonosov. Das System der Wortklassen als Ausdruck des sprachlichen Bewußtseinsstruktur. (Philosophische Grundlagen der theoretischen Grammatik). Moskau – New - York, 2001, 845 S.).

Систематически изложены основы современной теоретической грамматики немецкого языка, показана несостоятельность существующих классификаций классов слов («частей речи») и некоторых современных грамматических теорий, построенных на сыпучем песке «когнитивной лингвистики», предложена строгая процедура построения внутренне взаимосвязанной, непротиворечивой системы классов слов. Многие теоретические проблемы соотношения «языка – мышления – действительности освещаются с новых теоретических позиций. Книга может служить в качестве лекционного

материала для преподавателей а также в качестве научного пособия для студентов и аспирантов. Книга предназначена для лингвистов, логиков, философов.

4) А. Т. Кривоносов. Мышление, язык и крушеие мифов о «лингвистической относительгности», «языковой картине мира» и «марасистско-ленинском языкознаниии». (Подступы к сущности языка). Москва – Нью-Йорк, 2006, 821 с. (A. T. Krivonosov. Denken, Sprache und Scheitern der Mythen von „linguistischer Relativität“, des „sprachlichen Weltbildes“ und der „marxistisch-leninistischen Sprachwissenschaft“. (Zugangswege zum Wesen der Sprache). Moskau – New-York, 2006, 821 S.).

Книга посвящена критическому разбору современных теорий “лингвистической относительности», «языковой картины мира», «марксистско-ленинского языкознания» и всех, связанных с ними вопросов теоретического языкознания. Здесь намечены те основы, на которых должно строиться истинное теоретическое языкознание. Эта книга – переоценка ценностей в некоторых областях теоретического языкознания. Эти вопросы решаются на основе реально существующего закона двухуровневого процесса мышления – чувственного и абстрактного, которые реализуются в языке в виде семантических и логических форм мысли.

Научное издание
(с) Кривоносов Алексей Тимофеевич

Философия языка.

Уважаемый читатель !

Автор книги намерен вернуться к некоторым философским вопросам языкознания, затронутым в этой книге. Поэтому автор заинтересован в дальнейшем обсуждении поставленных в этой книге проблем и был бы рад, если бы желающие выразить своё отношение к книге и поставить вопросы для их дальнейшего обсуждения смогли бы это сделать в письменной или устной форме.

Мой адрес: **Prof. Dr. Alexey T. Krivonosov**
3727 Amboy Road
Staten Island, New York,
10308 – 2519 USA

Телефон: **1 - 718 - 227 - 1760**
E - mail: bkrivonos@gmail.com

Об авторе.

Кривоносов Алексей Тимофеевич – Российский языковед; специалист по германистике, общему языкознанию, философским проблемам языкознания, логическому анализу естественного языка. Доктор филологических наук (1974) профессор (1975)

Родился 1 сентября 1925 года в Южном Казахстане. После окончания 8 классов в городе Джамбул (1941) переехал в Киргизию. В армию призван в мае 1943 года, учился в командном пехотном училище, но, не окончив его, был отправлен на фронт. Воевал против немцев рядовым автоматчиком, разведчиком на Степном фронте, был трижды ранен. После тяжёлого осколочного ранения в лёгкие (осколок не удалён поныне) в октябре 1943 года отправлен в военный госпиталь (г. Алексеевка , Воронежской области). После выздоровления в декабре 1943 года вновь отправлен на фронт (2-й Украинском фронт). С фронта направлен в январе 1944 года в командное танковое училище, после окончания которого в звании младшего лейтенанта воевал против японцев командиром танкового взвода Т-34 на Забайкальском фронте (август – сентябрь 1945 года).

После окончания войны служил в Монголии (до 1947 г.), затем в г. Улан – Удэ в должности помощника начальника штаба танкового батальона. Здесь же через год окончил экстерном 9 – 10 классы средней школы и поступил на филологический факультет Бурятского педагогического института. В 1948 году сдал вступительные экзамены в Военный институт иностранных языков СА (ВИИЯ, г. Москва), который окончил в 1954 году. В 1952 – 1953 годах служил в немецкой армии ГДР в чине оберлейтенанта. После окончания ВИИЯ в 1954 году и получения специальности «Преподаватель немецкого языка высших военных учебных заведений» был направлен ..... командиром танковой роты Т-34 в звании капитана в Забайкальский военный округ (г. Иркутск). После демобилизации (1956 г.) поступил преподавателем немецкого языка в Иркутский институт иностранных языков. В 1960 – 1963 годах – аспирант Берлинского университета им. Гумбольдта. Диссертация написана и защищена на немецком языке, диплом немецкого «доктора философии» был в СССР нострифицирован на диплом «кандидата филологических наук». С августа 1963 по август 1965 года работал деканом факультета немецкого языка этого института.

Затем работал в различных высших учебных заведениях в Европейской части СССР – доцентом кафедры в Калининском университете (1965 – 1967), заведующим кафедрой иностранных языков Калининского политехнического института (1967 – 1977). Докторскую диссертацию защитил в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР (1974). Затем работал начальником кафедры иностранных языков в Академии МВД СССР, Москва (1977 – 1983), заведующим кафедрой иностранных языков Московского института электронного машиностроения (МИЭМ) (1983 – 1989), заведующим кафедрой перевода в МГПИИЯ им. Тореза, который стал позже Московским лингвистическим университетом (МГЛУ) (1989 – 1998), научным консультантом кафедры общего языкознания (МГЛУ) (1998 – 1999).

Кривоносов А.Т. имеет 17 правительственных наград. Инвалид Отечественной войны II группы. Опубликовал 180 научных работ, из них 42 работы на немецком языке им издано 7 книг, из них одна написана на немецком языке.

Женат, имеет сына и дочь и трёх внуков, проживающих а Нью – Йорке. С 1999 года живёт в Нью – Йорке.

(Фрагмент из книги: **Анатолий Юдакин. Ведущие языковеды мира. Энциклопедия. Москва, 2000).**